Схиархимандрит Иоанн

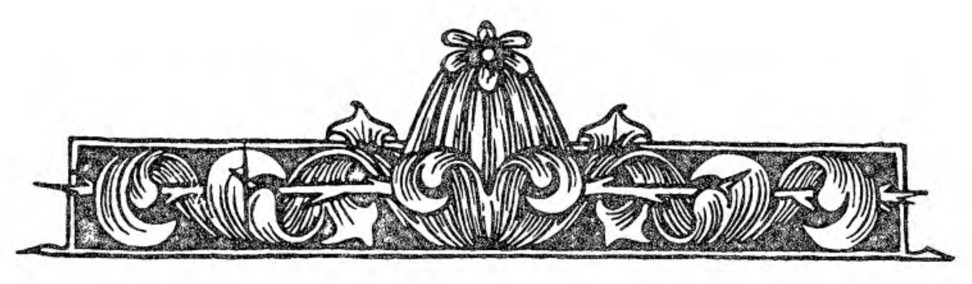
Глинский патерик

СХИАРХИМАНДРИТ
ИОАНН
(Маслов)

ГЛИНСКИЙ ПАТЕРИК

СХИАРХИМАНДРИТ ИОАНН
(Маслов)

ГЛИНСКИЙ
ПАТЕРИК



СХИАРХИМАНДРИТ
ИОАНН
(Маслов)

ГЛИНСКИЙ ПАТЕРИК

Москва, "Самшит"
1997

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Патериками называются сборники жизнеописаний и изречений святых подвижников. Эти книги передают духовный опыт угодников Божиих и представляют собой то духовное наследие, которое мы должны благоговейно изучать и бережно хранить.

Благодаря молитвам и трудам великого Глинского старца схиархимандрита Иоанна (Маслова) русская агиографическая литература обогатилась сборником жизнеописаний подвижников Глинской пустыни — Глинским Патериком.

Глинская обитель в течение столетий была для наших соотечественников олицетворением высшего христианского подвижничества и нравственного мужества. Наряду с Киево-Печерской и Троице-Сергиевой Лаврами Глинская пустынь служила всенародному духовно-просветительному делу и была своеобразным университетом старческого окормления на Руси.

В 1961 г. обитель была закрыта. Вновь она открылась лишь в 1994 г. И интерес к этому очагу духовного совершенствования постоянно возрастает как в нашей стране, так и за рубежом. Впервые всестороннее исследование истории обители, ее духовно-просветительной деятельности за весь период существования монастыря было проведено великим светильником веры и благочестия конца XX века магистром богословия схиархимандритом Иоанном (Масловым).

Среди его работ о Глинской пустыни выделяются следующие:

Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках. (Приложение: "Архив Глинской пустыни"). Без приложения издана в Москве в 1994 г.

Глинский Патерик. Загорск (Ныне Сергиев Посад. — *Примеч. изд.)* (Машинописный текст находится в библиотеке Московской Духовной Академии).

Глинская пустынь. Издана в Москве в 1992 г.

Глинская икона Рождества Пресвятой Богородицы // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 6.

Глинская пустынь // Мегаполис-Континент. 1992. № 30.

Благотворительная деятельность Глинской пустыни // Мегаполис-Континент. 1993. № 30.

Глинская пустынь. Ее история и благодатные исцеления от иконы Рождества Пресвятой Богородицы // Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Статьи разных лет. М., 1993. С. 499—507.

Схиархимандрит Иоанн не только тщательно проанализировал весь опубликованный о монастыре материал, но, главное, восстановил утраченный после революции 1917 г. архив Глинской пустыни, собрав рассеянные по различным хранилищам документы о жизни обители. В собрании о. Иоанна в подлинниках и копиях находится около двух тысяч документов монастыря, причем основная их часть никогда ранее в опубликованных материалах даже не упоминалась.

Исследуя историю Глинской пустыни, о. Иоанн установил ее духовную связь с другими православными обителями. Так, важные документы об истории Глинской пустыни, сведения о ее старцах, собрание их писем он обнаружил в архивах Оптиной пустыни, Московского Донского и Путивльского Молченского монастырей, Софрониевой пустыни и др.

В Патерик вошли жизнеописания всех Глинских подвижников, изданные до наших дней. Но они составляют лишь четвертую часть всего Патерика.

Остальные жизнеописания написаны самим о. Иоанном. Эти жизнеописания вместе с библиографиями и ссылками на архивные документы, которые относятся к каждому из описываемых лиц, складываются в обширную впечатляющую картину, повествующую об истории пустыни со времен ее возникновения до закрытия в 1961 г. Автором была проделана огромная работа по собиранию, систематизации, написанию и сведению в единый труд колоссального количества исторических сведений, архивных документов, материалов личного архива и собственных жизненных наблюдений и переживаний.

Достаточно сказать, что если ранее существовали жизнеописания только двух Глинских настоятелей: игумена Филарета (Данилевского) и архимандрита Иннокентия (Степанова), то о. Иоанн описал в Глинском Патерике жизнь 29 Глинских настоятелей.

Кроме того схиархимандрит Иоанн существенно дополнил сведения о жизни выдающегося Глинского старца игумена Филарета (Данилевского). Он впервые обнаружил в архивах письма старца Филарета (в том числе его письма к императорам Александру I и Николаю I) и написал две статьи, посвященные деятельности этого замечательного подвижника и его эпистолярному наследию.

Важно подчеркнуть, что о. Иоанн существенно дополнил архивными сведениями почти все жизнеописания, составленные до него.

Но, главное, как духоносный пастырь-богослов, схиархимандрит Иоанн в своем труде ясно и доступно раскрывает глубокие истины православия. Он пишет о том, что такое духовная жизнь, в чем состоит очищение сердца, почему христианину необходимо трезвение духовное, как подвижники достигали истинного познания Бога и т. п. На ярких примерах он показывает значение молитвы, смирения, послушания, терпения, чтения Слова Божия и других добродетелей в жизни христианина.

Труды схиархимандрита Иоанна необычайно ценны как для историков, богословов, так и для всех ищущих спасения, поскольку основаны на личном духовном опыте автора, обретенном им в Глинской пустыни: он начинал свой иноческий подвиг и достиг полноты истинного христианского совершенства именно там.

В Глинском Патерике впервые подробно описана жизнь старцев XX в. При этом автор использовал воспоминания Глинских подвижников, живших в монастыре до его первого закрытия в 1922 г., свой личный опыт насельника обители и архивные документы. Архив Глинской пустыни XX в., собранный о. Иоанном, отличается особенной полнотой и содержит не только официальные документы обители (в том числе послужные списки иноков Глинской пустыни), но и письма великих Глинских старцев.

Схиархимандрит Иоанн предоставил читателям редчайшую возможность близко познакомиться с подлинной жизнью обители. Будучи выдающимся подвижником Глинской пустыни, он обладал даром раскрывать духовный мир ее насельников, приподнимать завесу с их сокровенного внутреннего делания, вводить читателя в атмосферу той высокой духовной настроенности, которой была проникнута вся жизнь монастыря. В своем труде автор использовал много эпизодов из собственной жизни. Он был духовным другом и сотаинником славившихся святостью жизни Глинских схиархимандритов Андроника (Лукаша) и Серафима (Романцова), продолжателем иноческих традиций Глинской обители, последним (по времени земной жизни) великим Глинским старцем.

Человек необычайной силы духа, чистоты сердца и пламенной веры, старец достиг такого единения со Христом, что через чтение его трудов душа получает верное духовное направление и приближается к Богу. Работы схиархимандрита Иоанна собирают рассеянные мысли человека, сосредоточивают его на духовном, порождают стремление исправить свою жизнь и указывают путь к этому.

Глубокие по своему содержанию, согретые чувством религиозного воодушевления и пастырской любви, эти труды являются лучшим отображением святой жизни схиархимандрита Иоанна (Маслова), продолжают великое христианское дело, которому он посвятил земную жизнь, — дело спасения людей.

На авантитуле —
герб города Путивля
На с. 2 —
деревянная скульптура старца из собрания Русского Музея. XVII в.

"В память вечную будет праведник"
(Пс. 3, 6)

"Истинные монахи из глубины своего уединения светят
миру простым образом богоугодного жития своего
и живым действенным словом
спасительной истины".

Глинский игумен
Филарет

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская Православная Церковь во все века бережно хранила и умножала письменные источники о жизни святых отцов.

Жизнь святых отцов, их подвиги всегда основывались на святом Евангелии, на исполнении заповедей Христовых. Поэтому жития святых являются верным руководством в духовной жизни. Каждый христианин, изучая их, может найти и примеры для подражания, и спасительное врачевство для своих недугов[1]. Однако это подражание должно быть осторожным и только по благословению опытных в духовной жизни старцев. Так, епископ Игнатий (Брянчанинов), характеризуя богоугодную жизнь аввы Виссариона, подчеркивает: "Подвиг аввы Виссариона принадлежит к исключительным родам подвигов, на поприще которых возводятся Промыслом Божиим редкие, которым самопроизвольное подражание без особенного призвания (и контроля — *А.И.*[2]) Божия воспрещено"[3].

О необходимости правильного восприятия житий святых пишет и святой Григорий Двоеслов: "Внимающий повествованиям о жизни святых отцов получает от сего двоякую пользу: во-первых, примеры их жизни, как людей, предваривших нас на пути ко спасению, возбуждают любовь к будущей жизни; во-вторых, если кто дотоле привык видеть в себе какие-нибудь добродетели, то смирится, когда познает, что подвиги святых были выше"[4].

Особенно процветали подвигами праведников иноческие обители. Так например, издавна славилась святостью жизни своих насельников знаменитая Глинская Рождество-Богородицкая пустынь, основанная еще в XVI веке недалеко от Путивля (в 160 верстах от Курска) на месте явления Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы.

История Глинской пустыни подробно исследуется нами в диссертации на соискание степени доктора богословия "Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках". (Издана в Москве, в 1994 году. — *Примеч. изд.*).

Здесь же кратко приведем лишь некоторые основные сведения об этой обители. Глинская пустынь всегда была "одной из наиболее почитаемых православных обителей, замечательной во многих отношениях"[5]. Однако о жизни пустыни в XVI—XVII веках известно немного, поскольку в 1769 г. во время пожара в обители сгорел весь архив монастыря.

Осталось неизвестным, к сожалению, и имя самого первого Глинского подвижника, о котором из литературных источников узнаем лишь, что при новоявленной Чудотворной иконе Рождества Пресвятой Богородицы

Днесь благоверии людие,
осеняемии святым Богоматери образом,
во умилении глаголем: Владычице,
помози рабом Твоим в напастех,
скорбех и болезнех,
обременены бо грехми многими,
и избави ны от всякаго зла,
молящи Сына Твоего
Христа Бога нашего,
спасти души
наша.

Тропарь Глинской иконе Богородицы. Глас 4-й

в начале XVI века поселился некий пустынник, который построил на этом месте часовню и подвизался здесь в посте, безмолвии и молитве[6].

Чудесные исцеления от святой иконы Богоматери и от источника целебной воды, истекавшего из-под корня сосны, на которой явилась икона, непрерывно возрастали, увеличивались народное благоговение и приток богомольцев. При огромном стечении народа к новоявленной святыне не могла остаться безызвестной богоугодная жизнь первого Глинского подвижника. Вполне очевидно, что народ получал от него не только духовную пользу, но некоторые изъявляли желание подражать ему и оставались жить в этом месте. Так постепенно сформировалась Глинская иноческая обитель, известная высокой духовной жизнью братии.

В середине XVII века (в 1648 году) Глинская пустынь по царскому указу была присоединена к Путивльскому Молченскому монастырю, в зависимости от которого она находилась до начала XVIII столетия.

В 1703 году Петр I пожаловал Крупецкую волость, к которой относилась Глинская пустынь, украинскому гетману И. С. Мазепе.

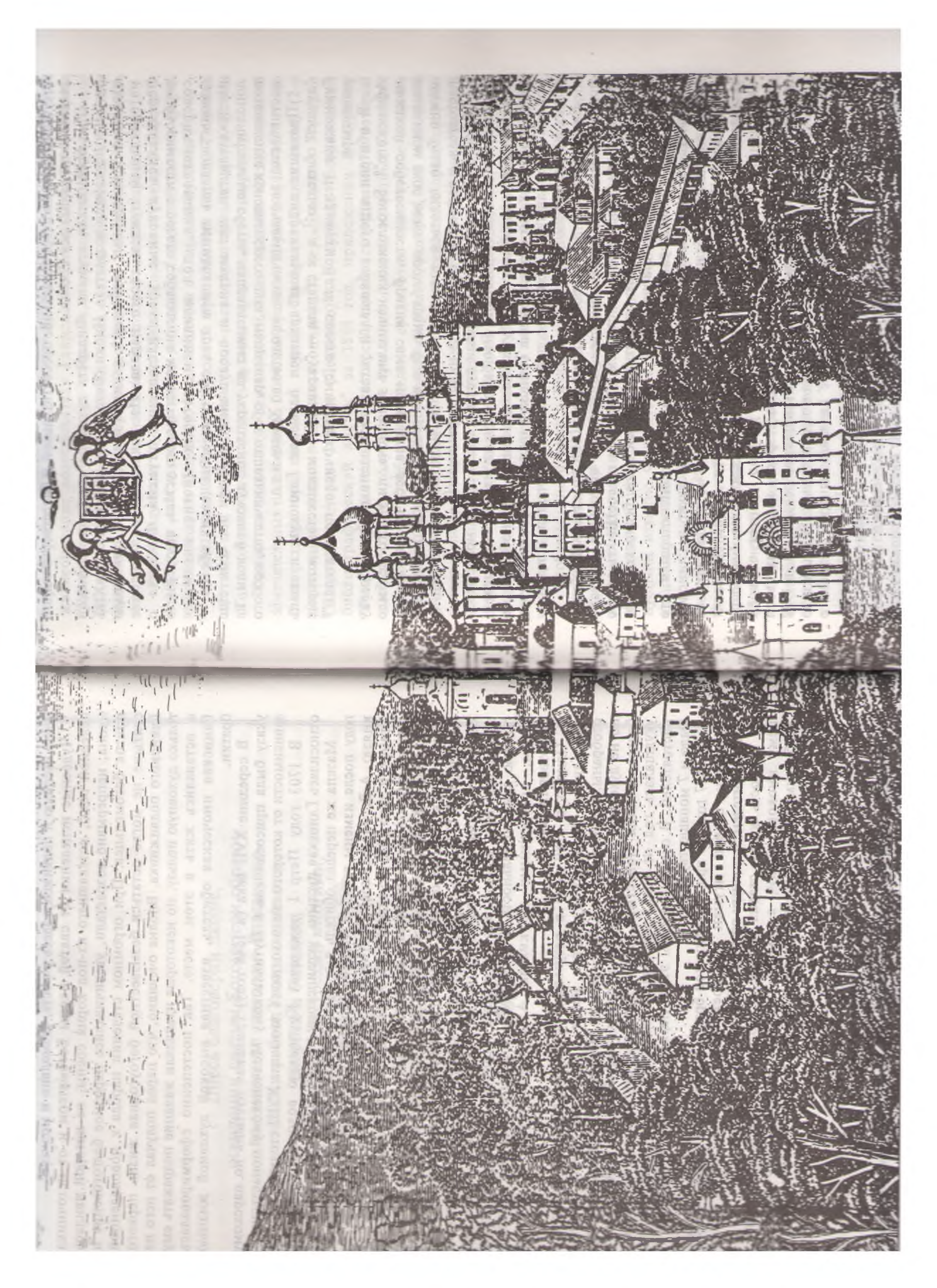
Мазепа же передал обитель в ведение Киевской митрополии. В 1708 году после измены гетмана Мазепы Крупецкая волость была подарена князю А.Д. Меншикову, который, став щедрым благотворителем Глинской пустыни, пожаловал ей обширные земельные угодья. После ссылки князя А.Д. Меншикова и конфискации его имущества в 1728 году его земли в Крупецкой волости (в том числе и Глинская пустынь) были приписаны к комнате царицы Евдокии Федоровны, а после ее кончины ко дворцу. В 1731 году по указу царицы Анны Иоанновны Путивльский монастырь вновь присоединил Глинскую пустынь. И лишь в 1764 году при разделении монастырей по штатам Глинская пустынь получила полную самостоятельность. Обитель обладала тогда многими землями, лесом, подаренными ей князем А.Д. Меншиковым и другими благотворителями.

Однако в 1789 году в результате секуляризационной политики, проводимой Екатериной II, все земли у Глинской пустыни были отобраны. Поэтому конец XVIII — начало XIX века был периодом упадка, но не духовной жизни, которая никогда не ослабевала, а материального благосостояния монастыря. Экономическая сторона жизни обители ухудшалась год от года, что было следствием также частой смены настоятелей. В отдельные годы этого периода в Глинской пустыни не было и 7 монашествующих.

В 1817 году по просьбе Глинской братии настоятелем монастыря был назначен старец игумен Филарет (Данилевский). Он явился возобновителем, духовным возродителем Глинской обители.

Святость жизни старца Филарета, его духовная сила привлекали к нему иноков, мирян, а вместе с тем и материальные средства, необходимые для восстановления обители. Игумен Филарет, имея от

На с. 12—13 —
Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. Фрагмент гравюры XIX в.



Бога высокие духовные дарования, сумел так искусно направить жизнь пустыни, что о ее патриотической, просветительной и благотворительной деятельности узнала вся Россия.

При преемниках игумена Филарета духовная жизнь в Глинской пустыни неуклонно возрастала. Иноки обители, как проводники в жизнь известных нравственных требований, служили и духовным и временным материальным нуждам своего народа. Из поколения в поколение передавались духовные уроки-наставления игумена Филарета о необходимости строгого соблюдения монастырского устава, внутреннего совершенствования, под влиянием которых многие иноки не довольствовались исполнением трех обычных монашеских обетов — нестяжательства, целомудрия и послушания, а брали на себя еще дополнительные обеты, направленные на укрепление духовной воли, на возвышение христианского духа, например, обет отшельничества, особого постничества, молчальничества, юродства во Христе и т.д.

Правящие епархиальные архиереи называли Глинскую пустынь "лучшей обителью"[7], а ее старцев — "украшением монашества", которые "умножают неприметно для своего смирения число почитателей"[8] монастыря.

В обители строго соблюдался устав, составленный "по образцу Афонского"[9]. Богослужения начинались в полночь, ни у кого не было никакой собственности, братия сама исполняла все черные труды, женщинам вход везде, кроме храма, был воспрещен[10], с родственниками можно было видеться только в гостинице, и то по благословению настоятеля, в келлиях не разрешалось никого принимать[11].

Но особенно выделялась Глинская пустынь среди других монастырей процветавшим в ней старчеством. Это была одна из тех редких обителей, где старческое окормление было утверждено уставом. Сущность такого окормления, как это отражает устав Глинской пустыни, состояла в том, что все поступавшие в обитель с первого дня "поручались искусному старцу в повиновение"[12].

Ежедневно они приходили к старцу, очищали совесть подробным исповеданием всех своих помыслов, желаний и поступков, во всем должны были "советоваться со старцем... ни в чем не составлять своего разума"[13], то есть полностью отказаться от своей воли, беспрекословно выполнять все указания старца.

В начале XX века архиереи Курской епархии свидетельствовали, что "старчество, как духовный институт, издавна существует в Глинской пустыни и оказывает благотворное влияние не только на братию, но и на богомольцев. Подавая пример доброй нравственности, старцы руководят неопытных в духовной жизни и вразумляют заблуждающихся. Благодаря их влиянию и строгому надзору братия усердно ревнует о своем спасении"[14]. В обители подвизалось много старцев, известных своей прозорливостью и святостью[15]. Но после Октябрьской революции, в 1922 году Глинскую пустынь закрыли. Она была открыта лишь в 1942 году и до второго закрытия в 1961 году поистине являлась центром духовного просвещения и возрождения старчества.

Об одних Глинских подвижниках написаны книги, о других — статьи, а о поучительной жизни третьих от поколения к поколению из уст в уста передавались рассказы.

Начало создания жизнеописаний Глинских подвижников относится к первой трети XIX века. В 1829 году было составлено рукописное жизнеописание возобновителя Глинской обители игумена Филарета (Данилевского) его учениками[16]. Позднее, в середине и особенно в конце XIX — начале XX века, когда Глинская пустынь находилась в расцвете духовной жизни и материального достатка, появилась возможность издавать жизнеописания наиболее известных Глинских старцев.

В 1856 году было опубликовано "Жизнеописание игумена Филарета"[17], в 1887 году — "Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни"[18].

С 1891 года, заботясь о духовном просвещении народа, Глинская пустынь под руководством старца-настоятеля архимандрита Исаии (Гомолко) сама начала издавать духовно-нравственную литературу.

Одной из задач этой деятельности было издание жизнеописаний замечательных подвижников Глинской пустыни. И уже в 1892—1894 гг. ею были изданы три книги: об игумене Филарете (Данилевском) (2-е дополненное издание его жизнеописания), иеросхимонахе Макарии (Шарове) и старце Феодоте (Левченко)[19]. В журнале "Богословский библиографический листок" за 1894 год, приложении к журналу "Руководство для сельских пастырей", появилась рецензия, в которой высокую оценку получили все три жизнеописания известных Глинских подвижников. Особенно выделено среди этих книг второе издание "Жизнеописания старца игумена Филарета...", которое, как отмечено в рецензии, "и по содержанию интересно, и по изложению прекрасно; тон и слог речи древнеотеческий. Жизнеописание старца Макария в высшей степени назидательно: наставления этого старца отличаются замечательной меткостью и духовной проницательностью. Сказания о старце Феодоте, отличавшемся глубоким смирением, терпением и послушанием, заслуживают полного внимания любителей духовной жизни и может быть прочитано с великой душевной пользой"[20].

Особенно много книг о Глинских подвижниках издала обитель в начале XX века. В 1901 году вышло второе издание книги о старце Макарии (Шарове)[21]; в 1902 году опубликовано жизнеописание старца Архиппа (Шестакова)[22]; в 1905 году появилось третье, значительно дополненное и переработанное издание книги о возобновителе Глинской пустыни игумене Филарете[23]; в 1906 году — очерк жизни настоятеля архимандрита Иннокентия (Степанова)[24]; в 1907 году — жизнеописание старца схимонаха Луки (Швеца)[25]; в 1909 году — очерк жизни монаха Петра (Лешенко)[26]; значительно дополненное жизнеописание старца Феодота (Левченко)[27]; наконец, в 1910 году вышли книги о Глинских подвижниках: монахе Мартирии (Кириченко)[28] и схимонахе Евфимии (Любимченко)[29].

С целью духовного просвещения Глинская пустынь одновременно публиковала жизнеописания подвижников благочестия своей обители на страницах журнала "Курские епархиальные ведомости"[30]. В этот же период в обители были составлены "Глинские записки", содержащие десятки жизнеописаний Глинских подвижников.

Огромный вклад в составление этих жизнеописаний внесли сами Глинские иноки. Среди них особенно известны игумен Иассон и иеросхимонах Максим (Кузьмин), подвизавшиеся в обители в конце XIX

— начале XX века. Они были воспитанниками великих Глинских старцев, и многих из них знали лично. Написанные ими жизнеописания изобилуют душеполезными наставлениями и приносят читателям огромную пользу. Таким образом к тому времени было составлено и опубликовано в различных изданиях более 40 жизнеописаний Глинских подвижников.

Многие жизнеописания из "Глинских записок", а также опубликованные отдельными книгами или на страницах журнала "Курские епархиальные ведомости" были включены в многотомное издание 1906—1912 гг. "Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков"[31]. Тем не менее сведения о подвижнической жизни Глинских иноков оставались рассеянными по многочисленным книгам, журналам, архивным документам.

Первая попытка создания сводного Глинского Патерика принадлежит автору этой работы[32]. Глинский Патерик (1970 г.) включает 38 жизнеописаний, составленных в XIX — начале XX века и опубликованных в различных изданиях.

Однако все составленные до настоящего времени жизнеописания рассказывают лишь о Глинских старцах, подвизавшихся в XIX веке (точнее, в период, начиная с настоятельства игумена Филарета, то есть с 1817 г. и до 1900 г.).

Таким образом до сих пор совсем не была описана жизнь Глинских подвижников XVIII — начала XIX, а также и XX века. Не были составлены жизнеописания и многих Глинских старцев XIX века, сведения о которых сохранились в архивных документах, различных литературных источниках, монастырских преданиях, например, сподвижников игумена Филарета — старцев Пахомия, Варсонофия, Самуила и других. Не было жизнеописаний Глинских настоятелей середины и конца XIX века — игуменов Евстратия, Авксентия, Иоасафа, Ювеналия, схиархимандрита Иоанникия.

Настоящий текст Глинского Патерика значительно дополнен за счет архивных документов, собранных нами при написании докторской диссертации "Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках". Данная редакция Глинского Патерика включает в себя 139 жизнеописаний Глинских подвижников и настоятелей периода XVIII—XX веков. 95 из них издаются впервые. Они написаны автором этой книги на основании архивных документов, монастырских преданий, воспоминаний и писем Глинских старцев, магнитофонных записей бесед с благочинным Глинской пустыни старцем схиархимандритом Андроником (Лукашем), а также на основании личного архива и личного опыта автора, как насельника Глинской пустыни.

Жизнеописания настоятелей Глинской пустыни расположены в хронологической последовательности с указанием в заглавии периода (или периодов) их настоятельства. Годы жизни указаны в жизнеописаниях настоятелей.

Жизнеописания Глинских насельников помещены после жизнеописания того настоятеля, при котором скончался тот или иной насельник, и сгруппированы в хронологическом порядке по годам кончины насельников. В скобках в заглавии указан год кончины

Подобие чудотворно-явленной иконы Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинской

насельника. В тех случаях, когда год кончины инока неизвестен, его жизнеописание помещено после материала о подвижнике, с именем которого наиболее связана жизнь данного инока. В скобках в заглавии жизнеописания подвижника указывается день его памяти по старому и новому стилям, если таковой день известен. Даты событий, свершившихся после 1918 года, указываются по новому стилю. В тех случаях, когда

2 1374

Глинский насельник, исполняя послушание оставлял Глинскую пустынь, то в заглавии его жизнеописания указывается тот чин, который он имел в Глинской пустыни на момент ухода из нее.

После каждого жизнеописания приведены примечания к тексту, перечни литературных и архивных источников, содержащие сведения о данном подвижнике, а также список его трудов, если таковые были. (Указания на список трудов вынесены в содержание книги для удобства их поиска. — *Примеч. изд.*). В тех случаях, когда жизнеописание подвижника заимствовано из опубликованного источника, дается ссылка на этот источник.

Весь текст публикуемого Патерика состоит из трех томов. Первый из них включает сведения о насельниках, начиная с 1715 г. до середины XIX в., второй открывается очерком жизни настоятеля архимандрита Иннокентия (1862—1888 гг.) и заканчивается временем первого закрытия пустыни (1922 г.) при настоятеле архимандрите Нектарии (1912--1922; 1942—1943 гг.), и наконец, третий том посвящен инокам, населявшим пустынь с 1942 по 1961 г. Это деление текста следует иметь в виду при поиске сведений о том или ином монахе.

Подвиги Глинских старцев неизгладимо начертаны в истории русского монашества, и жизнь их остается поучительной для всех. Приступая к рассказу о них, вспомним слова святого Василия Великого: "Когда пересказываем жития прославившихся благочестием, то прежде всего Владыку прославляем в рабах Его".

Примечания

1 Игнатий (Брянчанинов), епископ. Сочинения. Т. I. СПб., 1865. С. 32.

2 См. примечания издателей в конце книги (п. 5).

3 Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). Изд. 4-е. СПб., 1903. С. 285.

4 Св. Григорий Двоеслов. Собеседования о жизни италийских отцов. Казань, 1858. С. 11.

5 А.Т. Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 7. С. 101.

6 Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Изд. 2-е испр. и доп. Глинской пустыни. Одесса, 1907. С. 9—10.

Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни ... СПб., 1836. С. 8—9.

7 Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР),* ф. 796, оп. 442, д. 100, л. 10.

8 Там же.

9 Там же, оп. 102, л. 936.

10 Там же, л. 33.

---

* Ныне Российский Государственный исторический архив (РГИА). См. примечания издателей (п. 2) в конце книги перед оглавлением.

11 Там же, л. 32.

12 Там же.

13 Там же.

14 Там же, ф. 796, оп. 442, д. 2395, л. 14. Там же, д. 2754, л. 10.

15 Там же, ф. 796, оп. 442, д. 57, л. 6.

16 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Изд. 3-е, доп. и перераб. Одесса, 1905. С. Ш.

17 Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. СПб., 1856.

18 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни. Собрал игумен Иассон. М., 1887.

19 Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии. Изд. 2-е, испр. и доп. Курск, 1894.

Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни старца иеросхимонаха Макария. Курск, 1893.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота. Составил иеромонах Иассон. Курск, 1894.

20 Рец. П.П. // Богословский библиографический листок. Приложение к журналу "Руководство для сельских пастырей". 1894. № 12. С. 404—406.

Богословский вестник. 1894. № 11—12. С. 404—406.

21 Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Изд. 2-е, испр. и доп. Одесса, 1901.

22 Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902.

23 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е доп. и вновь перераб. изд. Одесса, 1905.

24 Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906.

25 Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907.

26 Очерк жизни подвижника Глинской пустыни монаха Петра. Одесса, 1909.

27 Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909.

28 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий. Собрал игумен Иассон. Курск, 1910.

29 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий. Собрал игумен Иассон. Курск, 1910.

30 Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. №№ 38—47, 50.

Краткое описание жизни и подвигов Глинской обители старца иеросхимонаха Макария // Курские епархиальные ведомости. 1893. №№ 6, 8, 9, 11, 12, 16.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. №№ 39—41; 1894. №№ 4—6.

Краткое сказание о жизни монаха Досифея. Составил иеромонах Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7. С. 45—54.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни. Собрал игумен Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1909. № 16. С. 1—24.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. №№ 23—29.

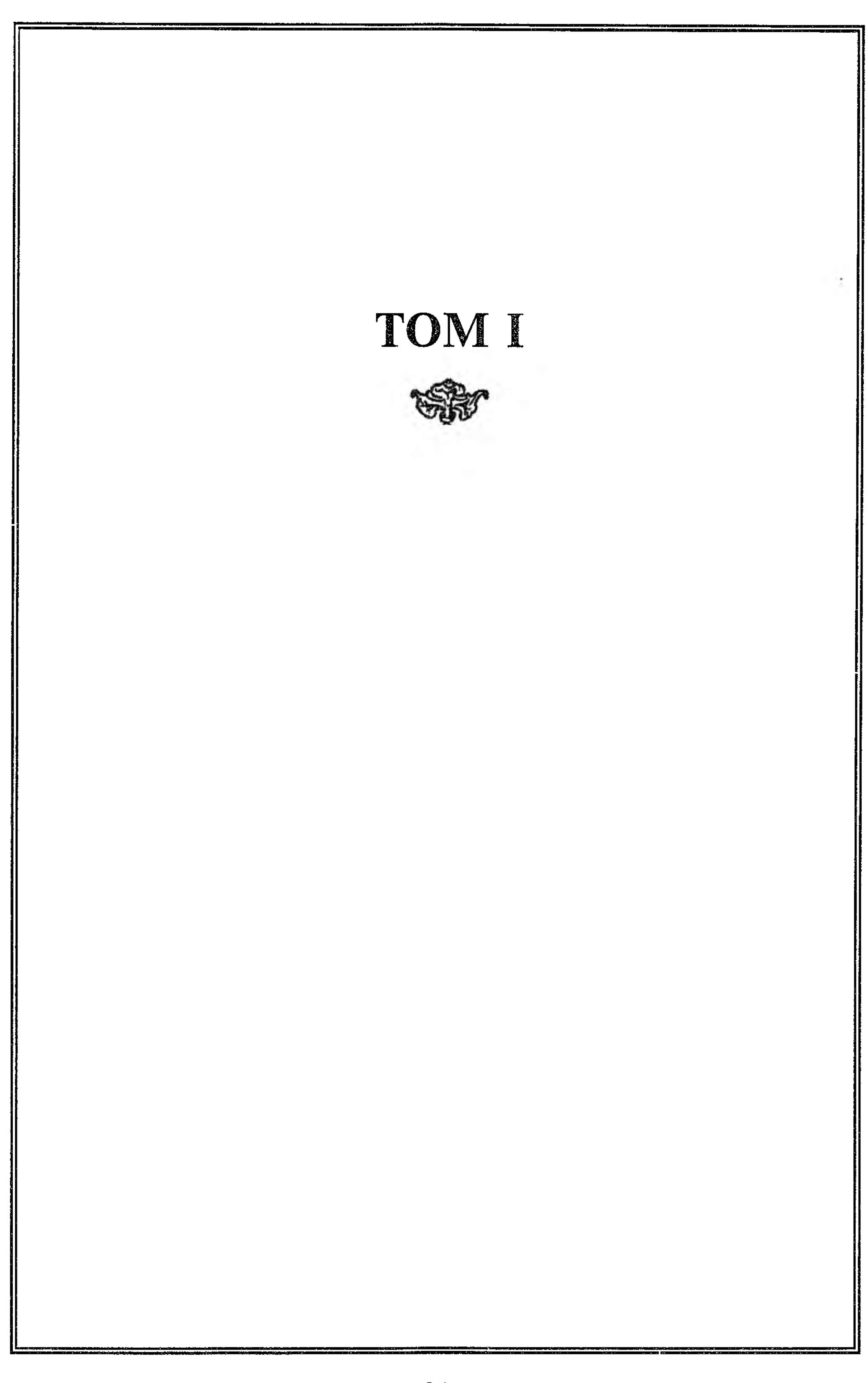
31 Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. 1—12. М., 1906—1910.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. I. Кн. I. Январь — июнь. М., 1912.

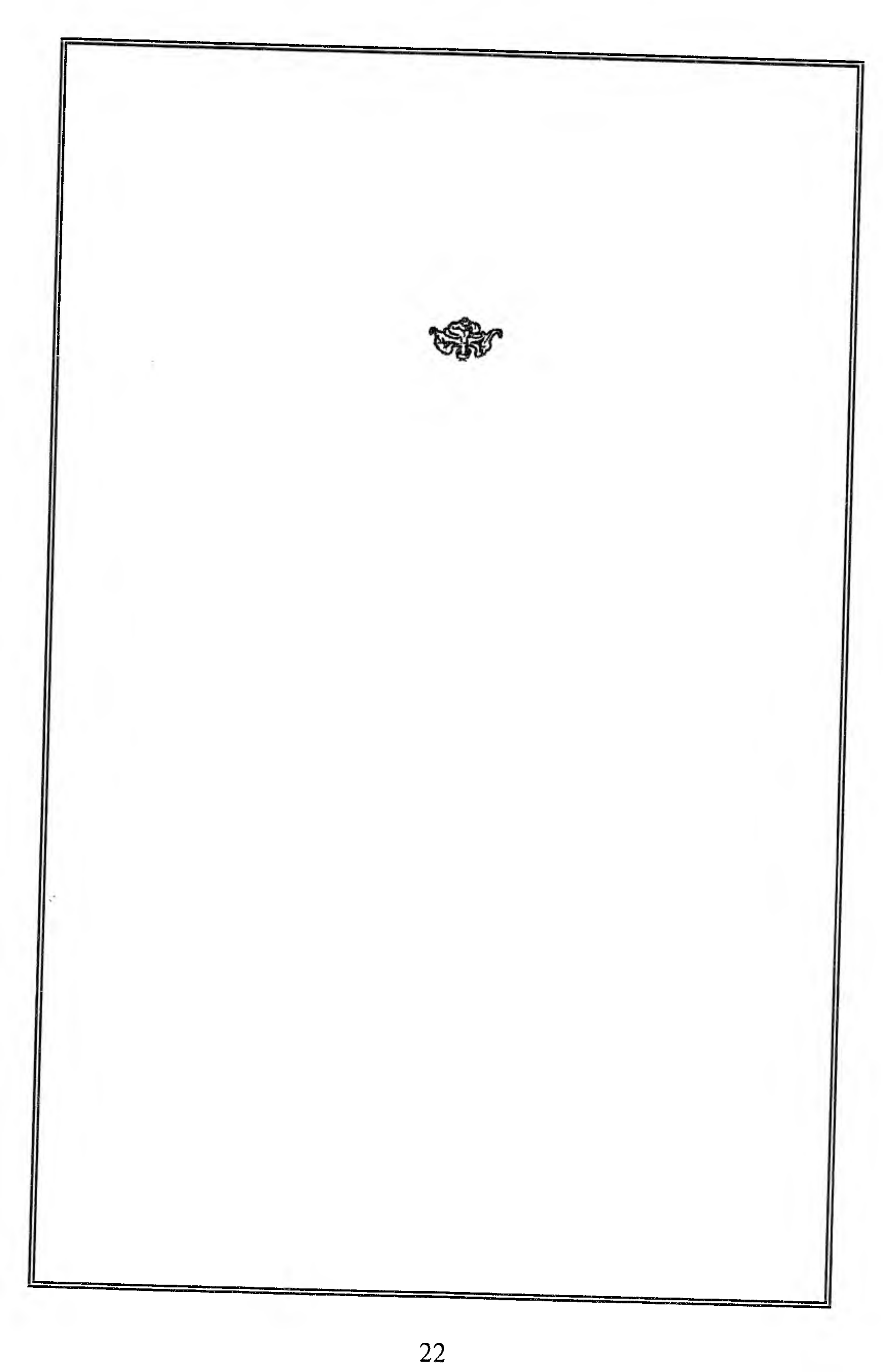
Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Т. доп. Ч. I. Кн. II. Июль — декабрь. М., 1912.

32 Глинский Патерик. Составил архимандрит Иоанн (Маслов). Загорск (ныне Сергиев Посад. — *Примеч. изд.*). МДА. 1970.

Первая редакция Глинского Патерика архимандрита Иоанна (Маслова) широко цитируется в книге профессора Московской Духовной Академии игумена Марка (Лозинского) "Отечник проповедника. Практическое пособие для студентов: 1221 пример из Пролога и Патериков" (Загорск, 1971), в которой приведено около 20 примеров из жизни Глинских подвижников см. №№ 6, 89, 90, 160, 161, 296, 343, 506, 678, 876, 904, 1183. (Книга проф. Лозинского "Отечник проповедника" издана также в Москве, в 1996 г. — *Примеч. издат.*).



TOM I



Явление Глинской Чудотворной иконы.

Пояснения к рисунку.

1. Пчеловоды на сосне увидели святую икону, озаряемую чудесным светом.

2. Из-под корня сосны, на которой явилась икона, истек источник целебной воды.

3. Монахи снимают Чудотворную икону.

4. Первый храм на месте явления иконы.

ИЕРОМОНАХ ДАНИИЛ, НАСТОЯТЕЛЬ (1715)

Иеромонах Даниил — первый настоятель Глинской пустыни, о котором сохранились сведения в документах обители. В 1715 г. митрополит Киевский и Галицкий Иоасаф Кроковский в своем донесении в Святейший Синод писал, что 14 июля 1715 г. иноки Глинской пустыни поднесли ему челобитную, в которой просили принять обитель "под власть Киевского митрополита"[1] и поставить им строителя, которого они сами выберут.

Митрополит Иоасаф "рукоположил во пресвитера единомысленно избранного братией" иеродиакона обители Даниила Хрисанфиевича и поставил "его строителем Глинской пустыни Храма Рождества Пресвятой Богородицы"[2]. Для "подтверждения власти строительской" митрополит Иоасаф дал о. Даниилу "благословительное писание"[3].

Донесение митрополита Иоасафа содержит важные сведения о Глинской пустыни, однако ранее оно не было известно исследователям истории монастыря[4]. Этот документ свидетельствует о том, что в XVIII в. в монастыре уже сложилась духовная традиция, которая в XIX в. была закреплена Синодальным указом — выбирать настоятеля самим инокам Глинской пустыни.

Достоверность сведений о строителе Данииле подтверждает игумен Путивльского Молченского монастыря Моисей, который в своем прошении в Святейший Синод в 1729 г. писал, что митрополит Киевский Иоасаф определил строителем Глинской пустыни иеромонаха Даниила[5]. Другие сведения о строителе Данииле не сохранились.

Примечания

1 ЦГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 3.

2 Там же // Строитель — иеромонах, настоятель (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 342).

3 Там же.

4 Впервые донесение митрополита Иоасафа изложено в работе: Иоанн (Маслов), архимандрит. "Глинская пустынь: История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках". (М., 1994. — *Примеч. изд.*).

5 ЦГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 1.

Архивные документы

Прошение Путивльского Молченского монастыря игумена Моисея с братиею об отдаче по-прежнему ко оному монастырю Глинской пустыни со своими угодьями, которою завладел Киевский архиерей собою // ЦГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 1, 3.

ИЕРОМОНАХ ПАХОМИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1730)

Иеромонах Пахомий, возможно, был преемником строителя Даниила. Краткие сведения о нем содержатся лишь в ответе иноков Глинской пустыни на указ Киевского архиерея Варлаама (Ванатовича), присланный в обитель в феврале 1730 г. Архиепископ Варлаам (Ванатович) приказывал строителю Глинской пустыни иеромонаху Пахомию взять крепости (грамоты) на все угодья обители и с двумя Глинскими старцами приехать немедленно в Киев для объяснения: на основании каких крепостей Глинская пустынь относится к Киевской кафедре[1].

Однако в то время строитель Глинской пустыни иеромонах Пахомий находился в Москве "для прошения у государыни царицы Евдокии Феодоровны о необходимых монастырских нуждах"[2], поэтому вместо него на указ архиерея отвечала Глинская братия во главе с иеромонахом Серафимом[3].

В книге "Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь" (М., 1891) сказано, что иеромонах Пахомий ездил в Киев разведывать: "по яким крепостям оная пустынь до Катедры (кафедры. — *А.И.*) Киевской приписана". Но это лишь было ему велено в указе от Варлаама (Ванатовича)[4], сведений же о том, что он действительно ездил в Киев, не сохранилось.

Примечания

1 ЦГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 25.

2 Там же. С 1728 по 1731 г. Глинская пустынь была приписана к комнате царицы Евдокии Феодоровны. (Памятная книжка Курской губернии на 1860 г. С. 114).

3 ЦГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 25об.

4 Там же, л. 93об.

Литература

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 86—87.

Анатолий (Ключарев), архимандрит. Материалы для истории Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1886. № 13. (Приложения). С. 64.

Архивные документы

Прошение Путивльского Молченского монастыря игумена Моисея с братиею об отдаче по-прежнему ко оному монастырю Глинской пустыни со всеми угодьями, которою завладел Киевский архиерей собою // ЦГИА, ф. 796, оп. 10, д. 448, л. 25—25об., 93об.

ИЕРОМОНАХ АРСЕНИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1764—1767)

Впервые упоминание о настоятеле Глинской пустыни Арсении встречается в описи Глинской пустыни 1764 г. По данным этой описи, в Глинской пустыни в 1764 г. было 23 насельника: строитель монах Арсений, 2 иеромонаха, 5 монахов и 15 послушников[1]. Отец Арсений был одновременно экономом архиерейского дома епископа Севского Тихона. Известно, что в 1766 г. строитель Арсений был уже иеромонахом. Он управлял Глинской пустынью до 1767 г.

Примечания

1 ЦГАДА,* ф. 280, оп. 3, д. 154, л. 3об.

(Подробное описание Глинской пустыни, ее храмов, ризницы, землевладения и хозяйства в 1764 г. приведено в работе: Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках. М., 1994. — *Примеч. изд.*).

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 10.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 87.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649.

Архивные документы

Опись, учиненная имеющейся в Севском уезде Крупецкой волости приписной к Путивльскому Молченскому монастырю Рождества Пресвятой Богородицы Глинской пустыни // ЦГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 154.

* Ныне Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). См. примечания издателей в конце книги перед оглавлением.

Ведомость о доходах Глинской пустыни,
подписанная строителем
монахом Арсением.
1764 г. ЦГАДА, ф. 280,
оп. 3, д. 154,
л. 12

ИЕРОМОНАХ СЕВАСТИАН, НАСТОЯТЕЛЬ (1767—1768)

Иеромонах Севастиан был определен настоятелем Глинской пустыни в 1767 году. Этот подвижник не более одного года сочетал свою духовно-созерцательную жизнь с попечением о жизни обители. В 1768 году он удалился на безмолвие в Площанскую пустынь.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 10.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 87.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649.

ИЕРОМОНАХ ГАИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1768—1773)

Около пяти лет настоятелем Глинской пустыни был иеромонах Гаий. При нем в 1769 г. в обители полностью сгорел зимний деревянный храм Святителя Николая Чудотворца, колокольня и архив монастыря. Удалось спасти лишь церковную утварь и иконостас. В обители тогда оставалась лишь деревянная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, в которой и совершалось богослужение. В 1770 г. была заложена каменная двухэтажная церковь Рождества Пресвятой Богородицы[1].

Все заботы, связанные с началом строительства этого соборного храма, взял на себя строитель Гаий, который нес неусыпное попечение об успехе этого святого дела, его трудами начавшегося. Однако по Промыслу Божию ему не суждено было увидеть окончание этого строительства. В 1773 г. иеромонах Гаий был назначен настоятелем Николаевского Одрина монастыря, но спустя три месяца после этого мирно скончался в Глинской пустыни в том же 1773 г. До последних дней жизни он ревностно заботился о благоустройстве обители, сооружении храма. Об этом свидетельствует и завещание отца Гаия, по которому он оставил все свое небольшое имущество на построение каменной церкви в Глинской пустыни.

Примечания

1 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 2об.

Литература

Указ Севской Духовной консистории строителю Глинской пустыни Гаию // Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 26, 87.

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. СПб., 1836. С. 11—12.

Софрониева и Глинская пустыни. [Б.м., б.г.] С. 19.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649.

ИЕРОМОНАХ СОФРОНИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ
(1774—1777; 1774, 1779—1786)

В 1774 г. настоятелем Глинской пустыни был назначен иеромонах Софроний (Хижняков)[1]. До перевода в Глинскую пустынь он с 1770 г. исполнял должность настоятеля Софрониевой Молченской пустыни, братия которой любила и почитала его[2]. По указу епископа Севского и Брянского 29 октября 1774 г. о. Софроний освящал зимний придел (во имя Святителя Николая) строившегося в Глинской пустыни храма Рождества Пресвятой Богородицы[3].

В 1776 г. и в начале 1777 г., будучи строителем Глинской пустыни, он одновременно продолжал исполнять должность настоятеля Софрониевской пустыни[4], поэтому некоторые авторы считают, что о. Софроний уже с 1776 г. не управлял Глинской обителью[5].

Однако в найденном нами рапорте епископа Севского и Брянского Кирилла в Святейший Синод от 21 сентября 1777 г. сказано, что строитель Глинской пустыни иеромонах Софроний лишь 20 сентября 1777 г. был переведен из Глинской в Софрониевскую пустынь и утвержден ее строителем[6]. В 1779 г. о. Софроний был возвращен в Глинскую пустынь на должность строителя. Он стремился как внешне, так и внутренне благоустроить обитель.

Много сил отец Софроний уделил строительству первого каменного двухэтажного храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Глинской пустыни, которое было завершено во время его настоятельства. С северной и восточной сторон Глинская пустынь была обнесена каменной оградой, на углу которой выстроили каменную башню.

Настоятель мудро распоряжался хозяйством обители. Глинская пустынь имела тогда достаточно обширное землевладение, 2 мельницы, рыболовные угодья и пасеку.

Обитель была обеспечена всем необходимым и оказывала не только духовную, но и материальную помощь жителям ближайших селений и богомольцам.

В 1784 г. во время генерального размежевания земель отец Софроний как настоятель обители принимал участие в межевании земель Глинской пустыни и отстаивал права монастыря на землевладение[7]. На полевой записке о ходе межевания, специальном геометрическом плане и экономических примечаниях к нему сохранилась подпись настоятеля иеромонаха Софрония[8].

Труды строителя отца Софрония не ограничивались заботой о том, чтобы внешне благоустроить обитель, снабдить братство одеждой и трапезой; главное внимание старца было обращено на духовное воспитание монашествующих.

Полевая записка о межевании земель Глинской пустыни, подписанная строителем иеромонахом Софронием (Хижняковым). 1784 г. (Фрагмент) ЦГАДА, ф. 1317, оп. 1, д. 939, л. 2об

Опытный духовный наставник, отец Софроний прежде всего заботился о возрастании духовно-нравственной жизни в обители. Он никому не дозволял уклоняться в своеволие и всеми средствами поддерживал установившийся в обители порядок: ничего не делать без благословения старцев. Отец настоятель вверял их спасительному руководству всех новопостриженных и новопоступивших. Внимательно относился он и к присылаемым в обитель епитимийцам[9], поручал их в повиновение опытным подвижникам и следил за их исправлением.

О возрастании духовной жизни братства Глинской пустыни свидетельствует стремление других подвижников попасть в эту святую обитель.

По сравнению с 1764 г. число монашествующих Глинской пустыни удвоилось, а число послушников возросло до 20. В 1784—1785 гг. в монастыре было уже 35 насельников[10].

Иеромонах Софроний тщательно заботился о благочинии богослужения. При нем в обители в числе братии было 5 иеромонахов и 2 иеродиакона, церковные службы стали отличаться большей торжественностью и стройностью, что увеличивало приток богомольцев в монастырь. Происходившие во время его настоятельства исцеления от Чудотворной иконы также влекли в обитель множество богомольцев. Впоследствии многие из этих чудес были записаны Глинским игуменом Филаретом (Данилевским).

Ревностно потрудившись на благо Глинской пустыни почти 10 лет, иеромонах Софроний мирно скончался в обители в 1786 году[11].

Примечания

1 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 87.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 30.

2 Историко-статистическое описание Молчанской ... пустыни ... С. 118.

3 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 87.

4 ГАБО, ф. 494, оп. I, д. 2, л. 12; ЦГИА, ф. 796, оп. 58, д. 384, л. 1.

5 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 87. Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 30. Историко-статистическое описание Молченской ... пустыни ... С. 118.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649.

6 ЦГИА, ф. 796, оп. 58, д. 384, л. 1—2.

7 ЦГАДА, ф. 1317, оп. 1, д. 939.

8 Там же, ф. 1354, оп. 219. Ч. 1. Б 20; ф.1355, оп. 1, д. 634, л. 294—297.

9 ГАБО, ф. 494, оп. 1, д. 2, л. 12.

10 ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 634, л. 295об.

11 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 87. П.М. Строев (Указ. соч. С. 649) и Н. Самойлов (Указ. соч. С. 12) ошибочно пишут, что кончина отца Софрония

последовала в 1781 г., тогда как в "Камеральном экономическом примечании к Генеральному плану Курского наместничества Путивльского уезда" (ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 634) в 1784—1785 гг. отец Софроний указан настоятелем Глинской пустыни.

Литература

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 87—88.

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 12.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649—650.

Софрониева и Глинская пустыни. С. 19.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 30.

Историко-статистическое описание Молченской ... пустыни. С. 118.

Памятная книжка Курской губернии на 1860 г. Курск, 1860. С. 96.

Архивные документы

Рапорт о действительном исполнении указа в доставлении сведений о колодниках, содержащихся в монастырях // ГАБО, ф. 494, оп. 1, д. 2, л. 12.

Рапорт Севского епископа Кирилла о назначении игуменов в Путивльский Молченский, Рыльский монастыри и Софрониеву пустынь // ЦГИА, ф. 796, оп. 58, д. 384, л. 1—2.

Кальковка слободки Шутовки, Сучкиной тож, владение Богородицкой Глинской пустыни иеромонаха Софрония с братиею // ЦГАДА, ф. 1317, оп. 1, д. 939.

Алфавит хранящимся в чертежном архиве планам с книгами Курской губернии Путивльского уезда; Б-20. Богородицкая Глинская пустынь // ЦГАДА, ф. 1354, оп. 219, ч.1. Б-20.

Экономические примечания на 352 дачи Путивльского уезда // ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 633, л. 36об.

Камеральное экономическое примечание к Генеральному плану Курского наместничества Путивльского уезда // ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 634, л. 295—297.

ИЕРОМОНАХ ПАНТЕЛЕИМОН, НАСТОЯТЕЛЬ (1777)

В 1777 г. после перемещения иеромонаха Софрония в Софрониевскую пустынь несколько месяцев должность настоятеля Глинской пустыни исполнял иеромонах Пантелеимон, других сведений о нем не сохранилось.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 12.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 87.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649.

ИЕРОМОНАХ АРСЕНИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1779)

Иеромонах Арсений, строитель Мценского Петропавловского монастыря, был определен настоятелем Глинской пустыни в 1777 г. Он управлял обителью из Мценского монастыря до 1779 г., когда должность настоятеля Глинской пустыни вновь занял о. Софроний (Хижняков).

Литература

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 87—88.

ИЕРОМОНАХ ВЕНИАМИН, НАСТОЯТЕЛЬ (1786—1789)

Иеромонах Вениамин — эконом архиерейского дома епископа Севского и Брянского Феоктиста (Мочульского), был определен настоятелем Глинской пустыни 4 сентября 1786 г. Во время его настоятельства в Глинскую пустынь поступил известный впоследствии святостью жизни отец Феодот (в миру Феодосий Левченко). Отец Феодот говорил, что в то время в Глинской пустыни жили старцы, проводившие жизнь в духовных подвигах и несомненно благоугодившие Богу[1]. В 40-х годах XIX века были обретены мощи некоторых из них (двух схимников и послушника). Строитель Вениамин управлял обителью не более трех лет.

Примечания

[1] Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 39. С. 4—5.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни... Ч. 1. С. 12.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 88.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649—650.

Жизнь и подвиги старца Феодота / Составил иеромонах Иассон. Курск, 1894. С. 4—5.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 39. С. 4—5.

ИЕРОМОНАХ ПОЛИКАРП, НАСТОЯТЕЛЬ (1789)

Преемником иеромонаха Вениамина был иеромонах Поликарп. О нем известно лишь то, что он управлял Глинской пустынью четыре месяца, а затем был уволен от должности настоятеля.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни... Ч. 1. С. 12.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 88.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649—650.

ИГУМЕН ГАВРИИЛ, НАСТОЯТЕЛЬ (1790—1792)

В 1790 г. преосвященный Феоктист (Мочульский) повелел обратиться к живущим в Старо-Харьковском Преображенском монастыре двум безместным игуменам Исаии и Гавриилу с предложением управлять кому-либо из них Глинской пустынью. Игумен Гавриил, находившийся на покое, изъявил на это желание и 11 февраля 1790 г. был утвержден в должности настоятеля Глинской обители. Но через два с половиной года в ночь с 12 на 13 октября 1792 г. в келлию его ворвались разбойники, "опустошили ее", а сам о. Гавриил едва "успел бегством спастись от их лютости"[1], после чего он отказался от управления пустынью и уволился в Рыльский Николаевский монастырь, а в 1793 г. в Путивльский Молченский монастырь.

Примечания

[1] Историческое описание Глинской ... пустыни... Ч. 1. С. 15—16.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни... Ч. 1. С. 15—16.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 88.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649—650.

Софрониева и Глинская пустыни. С. 19.

Анатолий (Ключарев), архимандрит. Историко-статистическое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 558.

ИЕРОМОНАХ АЛЕКСАНДР, НАСТОЯТЕЛЬ (1793—1794; 1796—1798; 1800—1804)

Иеромонах Александр (Проворов) в течение 11 лет (с 1793 по 1804 г.) неоднократно был определяем настоятелем Глинской пустыни.

В послужном списке иеромонаха Александра сказано, что он родился в 1747 г., по происхождению принадлежал к духовному сословию, обучался российской грамоте[1].

Постриг в монашество он принял 13 ноября 1782 г. в Путивльском Молченском монастыре, где 24 декабря 1782 г. был посвящен во иеродиакона, а 3 августа 1783 г. преосвященным Дамаскиным, епископом Севским, — рукоположен во иеромонаха. Отец Александр 22 февраля 1787 г. был определен строителем Хотмыжского Богородицкого Знаменского монастыря, а 5 сентября 1789 г. — Волновского Троицкого монастыря. В 1793 г. он был назначен настоятелем Глинской пустыни[2]. Однако первый раз он управлял обителью недолго, лишь до октября 1794 г.[3]. Вторично о. Александр был определен строителем Глинской пустыни в феврале 1796 г.[4].

Положение обители в хозяйственном отношении было тогда очень тяжелым: ведь в результате секуляризации пустынь была лишена всех своих земель. В 1798 г. иеромонах Александр направил преосвященному Феоктисту, епископу Белоградскому и Курскому, прошение "об определении Глинской пустыни земли, мельницы и рыбной ловли"[5]. В том же году в соответствии с указом императора Павла I от 18 декабря 1797 г. о наделении монастырей землей, мельницами и рыбными угодьями обители было выделено более 36 десятин земли[6] и дарована водяная мельница[7]. Кроме того, Глинская пустынь стала получать на свои нужды из казны 300 рублей милостынного подаяния в год[8].

22 ноября 1798 г. иеромонах Александр был переведен из Глинской пустыни в Обоянский Знаменский монастырь строителем и назначен присутствующим Обоянского духовного правления, а 25 ноября 1799 г. переведен в Белоградский архиерейский дом экономом и определен присутствующим Духовной консистории. 29 мая 1800 г. отец Александр опять был назначен строителем Глинской пустыни, одновременно он исполнял должность эконома при архиерейском доме[9]. При отце Александре в 1802 г. по указу Курской Духовной консистории была составлена описная церковная книга Глинской пустыни, содержащая подробные сведения о храмах, иконах, церковной утвари, ризнице обители[10]. Эта книга сейчас хранится в ГАКО, она подписана строителем иеромонахом Александром.

Несмотря на бедность монастыря, строитель Александр заботился об украшении икон в храмах святой обители. В 1802 г. были отлиты серебряные венцы на иконы Спасителя, Богоматери и Святителя Николая

Рапорт в Курскую Духовную консисторию строителя Глинской пустыни иеромонаха Александра (Проворова). 1802 г. ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39, л. 16

Чудотворца[11]. Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы была украшена четырьмя серебряными венчиками и 22 жемчужинами[12]. Кроме того была сделана серебряная позолоченная риза под стеклом на икону Воскресения Христова[13].

22 февраля 1804 г. отец Александр был отозван в архиерейский дом, где продолжал исполнять должность эконома. Однако он ревностно стремился подвизаться в Глинской пустыни и спустя несколько месяцев был опять назначен ее настоятелем, но на этот раз не успел вступить в управление обителью, так как 3 сентября 1804 г. его перевели строителем в Обоянский Знаменский монастырь.

Духовная жизнь в Глинской пустыни, несмотря на бедность обители, была на таком высоком уровне, что влекла к себе сердца христолюбивых людей. Подвиги Глинских старцев, сиявших различными добродетелями, побуждали к подражанию и других. Поэтому понятно стремление отца Александра подвизаться в святой обители Глинской, издавна богатой духовными традициями. В 1808 г. он опять подал прошение о переводе его в Глинскую пустынь[14]. Однако более он уже не управлял этой обителью. Архимандрит Анатолий (Ключарев) — известный исследователь истории Курской епархии писал, что "конец строителя Александра неизвестен"[15].

Примечания

1 ЦГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 158.

2 Там же.

3 Там же, л. 153.

4 Николай Самойлов в книге "Историческое описание Глинской... пустыни..." (Ч. 1. С. 16) пишет, что иеромонах Александр был возвращен в Глинскую пустынь в 1795 г., однако в документах архива Канцелярии Святейшего Синода сказано, что до 17 февраля 1796 г. строителем Глинской пустыни оставался игумен Паисий (ЦГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 153).

5 ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 197, л. 22.

6 Там же, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 64.

7 Там же, ф. 383, оп. 30, д. 573, л. 36об., 25.

8 Там же, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 20.

9 Там же, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 158; Историческое описание Глинской ... пустыни... Ч. 1. С. 17.

10 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39.

11 Там же, л. 14об.

12 Там же, л. 14об.—15.

13 Там же, л. 15.

14 Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 18.

15 Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 561.

В 1808 г. о. Александр еще оставался строителем Обоянского Знаменского монастыря и в истории этой обители известен как настоятель, подавший прошение о приведении в исполнение сенатского указа относительно монастырской мельницы, не действовавшей к ущербу Обоянского монастыря (Там же).

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 16—18.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 88.—89.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649—650.

Анатолий (Ключарев), архим. / Историко-статистическое описание Обоянского Богородичного Знаменского монастыря // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 558—559, 561.

Архивные документы

Ведомости о монастырях по епархиям за 1807 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 158.

Об угодьях монастырей в Курской губернии за 1789 г. // ЦГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 197, л. 22.

Прошение казначеи Белоградского Рождество-Богородицкого женского монастыря о высылке шнуровой книги для описи имущества монастыря и описание Глинской Богородицкой пустыни // ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 39.

ИГУМЕН ПАИСИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1794—1796)

Игумен Паисий был серб, родился в купеческой семье. В его послужном списке сказано, что он "обучался российской грамоте", знал русский, греческий, итальянский и турецкий языки. В монашество был пострижен в 1754 г. в Крушедоле, 2 февраля того же года преосвященным епископом Парфением в Карловце был посвящен во иеродиакона. В 1758 г. о. Паисий был протодиаконом при сербском патриархе Василии, который 15 августа 1763 г. рукоположил его во иеромонаха. В 1770 г. отец Паисий был назначен иеромонахом на русский фрегат и участвовал в русско-турецкой войне. После окончания войны, по определению Святейшего Синода, он стал настоятелем Брянского Петропавловского монастыря и 12 сентября 1775 г. возведен в сан игумена епископом Севским и Брянским Кириллом. В 1778 г. он был определен присутствующим Севской Духовной консистории и экономом при Севском архиерейском доме. 30 марта 1784 г. преосвященный Феоктист, епископ Севский, назначил отца Паисия настоятелем Путивльского Молченского монастыря.

Стремление к высшим иноческим подвигам под покровом Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы побудило игумена Паисия в 1794 г. подать прошение о переводе его в Глинскую пустынь. 11 октября того же года он был определен настоятелем Глинской обители. Но недолго он подвизался в пустыни. По указу Святейшего Синода 17 февраля 1796 г. игумен Паисий был снова назначен настоятелем Путивльского Молченского монастыря, а 10 июня 1799 г. преосвященным Феоктистом возведен в сан архимандрита[1]. 27 октября 1804 г. архимандрит Паисий был назначен благочинным Софрониевой и Глинской пустыней[2].

Примечания

1 ЦГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 153.

2 Там же, оп. 80, д. 483.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 16—18.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 88.

Путивльский Молченский монастырь / Сост. П. Преображенский. Киев, 1877. С. 25, 30.

Архивные документы

Ведомости о монастырях по епархиям за 1807 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 153.

По рапорту Белгородского епископа Феоктиста о восстановлении в Печерском Молченском Богородицком монастыре в г. Путивле Курской губернии архимандрии и о произведении в сан архимандрита игумена монастыря Паисия // ЦГИА, ф. 796, оп. 80, д. 483.

ИЕРОМОНАХ ТИХОН, НАСТОЯТЕЛЬ (1798–1800)

В ноябре 1798 г. настоятелем Глинской пустыни был назначен иеромонах Тихон. Во время его настоятельства в обители не было и семи иноков. В 1800 г. он был переведен в Оренбургскую епархию.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 16.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 88.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649–650.

СТРОИТЕЛЬ ЕВПСИХИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1800)

В начале 1800 г. после перевода иеромонаха Тихона в Оренбургскую епархию настоятелем Глинской пустыни был назначен строитель Евпсихий. Ни Николай Самойлов в "Историческом описании Глинской Богородицкой пустыни...", ни Павел Строев в "Списках иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви..." о нем не упоминают. Однако сохранился рапорт о. Евпсихия преосвященному Феоктисту за 1800 г. В начале XIX в. в Курской епархии по императорскому указу собирались сведения о монастырях, церквах и духовенстве. Заботясь о том, чтобы эти статистические сведения были представлены в Святейший Синод своевременно, преосвященный Феоктист повелел строителю Глинской пустыни о. Евпсихию на пути из Глинской пустыни в Белгород заехать в Рыльский монастырь и в случае, если ведомости о монастырях Рыльским правлением еще не будут отправлены, остаться в монастыре до отправки ведомостей и ускорять их составление. В своем рапорте о. Евпсихий сообщал преосвященному Феоктисту о выполнении этого поручения. Он писал: "Прибыв в Рыльск, я узнал, что требуемые ведомости не только не отосланы, но и в порядок не приведены... Я же в монастыре нахожусь и когда от правления будут отправлены ведомости, то отправлюсь и я в Белгород"[1].

Иеромонах Евпсихий был настоятелем Глинской пустыни совсем короткое время, очевидно поэтому о нем не упоминают другие авторы. Уже в конце мая 1800 г. вместо него настоятелем стал иеромонах Александр (Проворов).

Примечания

[1] Танков А. Несколько данных из прошлого Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 159—160.

Литература

Танков А. Несколько данных из прошлого Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 159—160.

ИЕРОМОНАХ ЕВФИМИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1804)

22 февраля 1804 г. преосвященный Феоктист назначил настоятелем Глинской пустыни духовника Софрониевой пустыни иеромонаха Евфимия. Это был муж высокой добродетели, истинный подвижник, которого братия Глинской пустыни глубоко почитала. Но по старости лет он не мог долго управлять обителью и вскоре возвратился в Софрониевскую пустынь.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 17.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 88.

ИЕРОМОНАХ ЕВТИХИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1804—1809)

Иеромонах Евтихий родился в 1761 г. в семье священника. Он принял сан в 1787 г. и в течение семи лет был священником при церкви Преображенского пехотного полка. С 1794 по 1796 г. о. Евтихий служил в Корочанском Рождество-Богородицком соборе Курской епархии. 14 августа 1798 г. в домовой Белоградской архиерейской церкви он был пострижен в монашество. 3 октября 1799 г. о. Евтихий был определен казначеем Белоградского Николаевского монастыря, 10 апреля 1802 г. назначен экономом архиерейского дома и присутствующим Курской Духовной консистории. 3 февраля 1804 г. он был определен строителем Обоянского Знаменского монастыря, а 3 сентября 1804 г. — строителем Глинской пустыни[1].

Преосвященный Феоктист с большим доверием относился к отцу Евтихию. Так, например, узнав о кончине глубокопочитаемого настоятеля Софрониевой пустыни архимандрита Феодосия (Маслова), 12 декабря 1802 г. именно отца Евтихия послал он в эту пустынь для поддержания духа скорбящей братии, написав: "Белоградского архиерейского дома эконом иеромонах Евтихий отправляется с тем, чтобы и после погребения покойного оставаться в вашей пустыни до указа... Притом он все возможное старание приложить должен о скорейшем освидетельствовании церковных, ризничных и монастырских вещей по описям"[2].

С назначением о. Евтихия строителем Глинской пустыни 18 сентября 1804 г. он одновременно был определен экономом в архиерейский дом и присутствующим в Курской Духовной консистории[3]. Кроме того, 16 ноября того же 1804 г. о. Евтихий был определен благочинным в Белоградский Николаевский и Хотмыжский Знаменский монастыри[4].

Иеромонах Евтихий управлял Глинской пустынью почти четыре с половиной года. Однако архимандрит Анатолий (Ключарев) писал, что "иеромонах Евтихий известен более как строгий эконом Белоградского архиерейского дома, чем как настоятель. Он номинально числился строителем Глинской пустыни..."[5] Указом Святейшего Синода от 27 марта 1809 г. он был переведен в Екатеринославскую епархию на должность настоятеля Балаклавского Георгиевского монастыря[6].

Примечания

1 ЦГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 160.
2 Историко-статистическое описание Молченской ... пустыни. С. 51.
3 ЦГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 160.
4 Там же.

5 Анатолий (Ключарев), архимандрит / Историко-статистическое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 561.

6 ЦГИА, ф. 796, оп. 89, д. 576, л. 27.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 17—18.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 89.

Историко-статистическое описание Молченской ... пустыни ... С. 51.

Анатолий (Ключарев), архимандрит / Историко-статистическое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 561.

Материалы для истории Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1883. № 12. С. 698.

Архивные документы

Ведомости о монастырях по епархиям за 1807 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 89, д. 956, л. 160.

О смерти архимандрита Балаклавского Георгиевского монастыря Дионисия и определении туда строителем Глинской пустыни иеромонаха Евтихия // ЦГИА, ф. 796, оп. 89, д. 576.

ИЕРОМОНАХ ПАРФЕНИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1809—1817)

В 1809 г. иноки Глинской пустыни просили архиепископа Феоктиста определить настоятелем их обители духовника Коренной пустыни Курской епархии иеромонаха Парфения, отличавшегося строгостью жизни.

Иеромонах Парфений, русский, из мещан, начало иноческой жизни полагал в Саровской пустыни, в которой и был пострижен. В Сарове он проходил различные послушания с 1786 по 1792 г. Затем вместе с Саровским иеромонахом Иларием был переведен в Коренной монастырь для учреждения там общежития подобного саровскому.

В 1793 г. о. Парфений был рукоположен во иеродиакона и в том же году — во иеромонаха. С 1798 г. в течение 10 лет он проходил в этом монастыре должность казначея и духовника "со всяким усердием" и много помог настоятелю в заведении и поддержании общежития в Коренной обители[1]. 1 мая 1809 г. он был определен строителем в Глинскую пустынь для утверждения общежития в этой обители, при этом преосвященный Феоктист наградил его набедренником со следующим свидетельством: "Курской епархии Глинской Богородицкой пустыни начальнику иеромонаху Парфению, в вознаграждение благопримерного его поведения и соответствования всем правилам общежительного монашеского жития, и в воздаяние ему за его благоговейное к славословию Господню прилежание, и за его достохвальные труды в Коренном общежительном монастыре по должности казначейской и духовнической, к пользе оного монастыря понесенные, для поощрения впредь к вящему трудолюбию в прохождении начальнической в Глинской пустыни должности и к непременному заведению в сей святой обители правил общежития, награжден мною возложением на него набедренника, при священнодействии моем в архиерейской Успенской церкви, сего мая 2-го дня, в чем ему, начальнику иеромонаху Парфению, за моим подписанием и с приложением печати моей сие свидетельство и дано мая 22-го дня 1809 года. *Феоктист, архиепископ Курский и Белгородский*"[2].

Деятельность о. Парфения в Глинской Богородицкой пустыни в должности настоятеля началась с введения общежительных правил. Ранее в этой обители доходы распределялись следующим образом: "третью часть получали строители, а остальные деньги делились по чинам"[3], что не соответствовало требованиям общежительного монастыря, где у братии все должно быть общим. Отец Парфений, желая побудить братию к общежительным правилам, первым отказался обратить в личную собственность ту третью часть доли, которая должна была принадлежать ему как строителю. Вслед за ним и братия не пожелали брать свою часть.

Так было положено первое основание устройству общежития в монастыре, где все доходы и расходы стали общими и употреблялись в зависимости от нужд обители. Иноки пустыни, освободившись от забот о своем материальном обеспечении, с еще большим горением занимались духовным деланием.

Настоятель Парфений заботился о должном благочинии церковного богослужения, чтения и пения. Устраивающееся общежитие в Глинской пустыни, введение лучшего порядка церковного богослужения привлекало как подвижников, искавших духовно опытных наставников, так и богомольцев. Возросло число благотворителей обители, которые украшали ее ризницу, жертвовали деньги на укрепление хозяйства монастыря.

Особое внимание настоятель уделял поддержанию благолепия храмов. Ревностно почитая Чудотворную икону Рождества Пресвятой Богородицы, настоятель Парфений с братией устроили в 1814 г. для этой иконы серебряный вызолоченный круг чеканной работы (весом 3 фунта 55 золотников). В круге было 6 финифтей с иконными изображениями. В середину круга вставлялся медный позолоченный киот для Чудотворной иконы[4].

В 1809 г. тщанием строителя иеромонаха Парфения из двух старых потиров с добавлением серебра был сделан большой величины позлащенный серебряный потир с отлитыми изображениями страданий Спасителя. При том же потире — дискос, звездица, лжица и тарелочка позолоченные резной работы (весом всего 4 фунта 44 золотника)[5]. Кроме того, при о. Парфении, заботившемся о благолепии богослужений в Глинской пустыни, были сшиты несколько парчовых риз[6].

Усердно заботясь о пользе монастыря и точном исполнении братией правил иноческого общежития, о. Парфений управлял обителью почти 8 лет. Но в 1817 г., когда ему было уже около 60 лет, он подал прошение об увольнении от многотрудной должности настоятеля. Исполненный духовных дарований, о. Парфений удалился на безмолвие в Коренную пустынь, где и скончался[7].

Примечания

1 Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 23.

2 Там же. С. 24.

3 Там же. С. 25.

4 ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 10об.

5 Там же, л. 68.

6 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Одесса, 1905. С. 24.

7 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 90.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 18—28, 49.

Софрониева и Глинская пустыни. С. 34.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 30, 31, 55, 89—90.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Одесса, 1905. 3-е изд. С. 20, 24.

Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 363—364.

Леонид (Кавелин), иеромонах // Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. 3-е изд. Курск, 1885.

Лебедев Лев, прот. Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь // ЖМП. 1989. № 8. С. 66—67.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П.М. Строев. СПб., 1877. С. 649—650.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь [Библиографическая заметка] / А.Т. // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 7. С. 104.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 39. С. 15.

Жизнь старца Василия Кишкина и ученика его монаха Арсения Белобережской обители. Одесса, 1904. С. 54.

Архивные документы

По просьбе дворян и других обывателей г. Путивля о введении в Глинской Богородицкой пустыни устава Афонской горы // ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7889, л. 3.

Глинская опись церковного и ризничного имущества Курской епархии Глинской Рождество-Богородицкой мужской общежительной пустыни, составленная в 1854 г. // ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 10об.

По копии с именного высочайшего указа о прибавке в Глинской Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии 13 монашеских вакансий с тем, чтобы поступающие получали содержание от самой пустыни. Устав означенной пустыни, составленный настоятелем // ЦГИА, ф. 786, оп. 102, д. 936, л. 6.

Именные списки настоятелей и настоятельниц монастырей за 1810 год // ЦГИА, ф. 796, оп. 91, д. 1016.

ИЕРОМОНАХ ЛЕОНТИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1817)

В 1817 г. настоятелем Глинской пустыни был назначен строитель Знаменского Обоянского монастыря[1] и эконом архиерейского дома[2] бывший духовник Белоградского Николаевского монастыря[3] иеромонах Леонтий. Но он мало имел опыта в руководстве жизнью иноческого общежития и поэтому пробыл в должности только шесть недель[4].

Примечания

1 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Одесса, 1905. 3-е изд. С. 20.

2 Софрониева и Глинская пустыни. С. 18—20.

3 Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 563.

4 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Одесса, 1905. 3-е изд. С. 20.

Литература

Историческое описание Глинской ... пустыни ... Ч. 1. С. 28.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 90.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Одесса, 1905. 3-е изд. С. 20.

Софрониева и Глинская пустыни. С. 18—20.

Анатолий (Ключарев), архим. Историко-статистическое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 563.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 39. С. 15.

ИГУМЕН ФИЛАРЕТ, НАСТОЯТЕЛЬ (1817–1841)

(Память 31 марта ст. ст. / 13 апреля нов. ст.)

"Как убогие, видя царские сокровища,
еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествования
о великих добродетелях святых отцов, делается
более смиренной в мыслях своих".
Преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской горы,
Лествица. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901.
6-е изд. Сл. 26, гл. 211.

Выдающийся Глинский подвижник XIX в. настоятель игумен Филарет был своеобразным живым звеном, связывающим Глинскую пустынь с Софрониевой и с Киево-Печерской Лаврой, а через них с Афонским иночеством и заветами известного старца Паисия Величковского[1], канонизированного Поместным Собором Русской Православной Церкви в год празднования 1000-летия Крещения Руси в 1988 г.[2].

Игумен Филарет был лично известен императорам Александру Благословенному и Николаю I, в 1821—1825 гг. в Петербурге прославился как поборник православия[3], выступая против еретических лжеучений и защищая устои монашеской жизни.

Перенесемся мыслью и сердцем в отдаленную от нас по времени историю Глинской пустыни, встретимся с ее настоятелем — мудрым старцем Филаретом — возобновителем, духовным возродителем этой обители, широко известной в нашей стране и за ее пределами в XVII—XX вв. Насладимся хотя отчасти созерцанием боголепного старца Филарета, воспитавшего не одно поколение духовных чад личным примером своей высокой подвижнической жизни, мудрым, кротким словом наставления. Подышим благоуханием его горячих молитв, поста, глубокого смирения, которые вознесли этого дивного светильника на высоту добродетелей.

Промысл Божий вел своего избранника по пути иноческой жизни, а позднее — и к должности игумена Глинской пустыни, для которой он сделал так много, как никто из предшествовавших настоятелей, ввел множество духовных, внешних преобразований, вследствие чего по праву именуется духовным возродителем и возобновителем этой обители. Его неустанными трудами и духовными подвигами крепла и утверждалась впоследствии великая Глинская пустынь.

Святость жизни игумена Филарета, его духовная сила особенно укрепили то огромное влияние, которое оказывала в течение почти четырех веков эта обитель на историю нашей страны, духовно-нравственную жизнь народа и в целом на русскую культуру.

Архивные документы и сохранившиеся до наших дней немногие литературные источники помогли нам в определенной степени воссоздать

образ духоносного старца, ревностного попечителя о Глинской обители, развитии монашества и духовном спасении братии.

Из "Ведомости о настоятелях и настоятельницах монастырей за 1839 г.", хранящейся в Центральном государственном историческом архиве СССР узнаем об основных вехах жизненного пути, пройденного игуменом Филаретом, о его возрасте, происхождении, образовании, пострижении, рукоположении, наградах.

Игумен Филарет (в миру Фома Данилевский) родился в 1777 г. на Украине в семье казаков. До пострижения в монашество проходил разные послушания в Софрониевой пустыни. Здесь же был пострижен в монашество 1 декабря 1802 г. Рукоположен во иеродиакона 8 февраля 1803 г., а во иеромонаха 5 февраля 1806 г. Определен в Глинскую Богородицкую пустынь строителем 11 мая 1817 г.[4].

Об избрании иеромонаха Филарета на должность настоятеля Глинской пустыни в рапорте епископа Курского и Белоградского Евгения (Казанцева) в Святейший Правительствующий Синод от 5 сентября 1821 г. сообщалось следующее: "... В 1817 г., когда иеромонах Парфений по прошению его уволен от управления Глинской пустынью, то, согласно прошению братии, определен в сию пустынь строителем из числа Софрониевой пустыни монашествующих, с согласия тамошнего строителя с братиею, иеромонах Филарет, о котором Глинской пустыни братия изъяснялись, что он, иеромонах Филарет, по всем обращениям к начальствованию способен и достоин, и что по отличным его дарованиям к управлению монастырем желают иметь его начальником пустыни..."[5]

Избрание иеромонаха Филарета настоятелем Глинской пустыни совершилось по предуказанию Пресвятой Богородицы, Которая покровительствовала смиренному рабу Божию на протяжении всей его жизни. Поэтому легко объяснить тот успех, с которым он за короткий срок сумел поднять духовно-нравственную жизнь братии и материальное благосостояние Глинской пустыни.

Уже через три года настоятельства о. Филарета епископ Курский и Белоградский Евгений (Казанцев), благоговейно относившийся к этой обители, ее настоятелю, старцам, писал обер-прокурору Святейшего Синода: "...Глинская обитель стоит наряду с лучшими Курской епархии монастырями, а по уединенному своему месту и по стечению в оную богомольцев и желающих в ней водвориться первая по Софрониевой"[6].

Такая высокая оценка обители и ее широкая популярность среди народа стали возможны благодаря составленному игуменом Филаретом и введенному в монастырскую жизнь обители Уставу[7] по чиноположению Святой Афонской Горы.

Позднее этот Устав заимствовали многие другие монастыри[8]. Устав Глинской пустыни[9] отличался от уставов других обителей строгостью и точностью исполнения церковных правил, некоторыми обрядами, совершаемыми при богослужениях, такими, как "ношение по церкви гробниц (дарохранительниц), каждение кациями предстоящих однажды, а каждый лик поющих братий двукратно, ежемесячное (в первую неделю нового месяца. — *А.И.*) освящение воды и ежегодное в страстной четверг совершение общего елеосвящения, после чего все предстоящие помазуются священным елеем"[10].

Игумен Филарет (Даниленский)
(1777–1841),
настоятель и возобновитель
Глинской пустыни

Дело духовного воспитания иноков и приезжавших в обитель мирян богомудрый настоятель упрочил тем, что ввел в своей обители древний порядок иноческой жизни, учредил правильный порядок духовного руководства. Отец Филарет привел обитель в цветущее состояние через утверждение в ней старчества. Глинская пустынь стала одной из тех редких обителей, где старческое окормление было утверждено Уставом.

В деле старческого руководства о. Филарет особенно большое внимание придавал ежедневному откровению помыслов учеников своему старцу, поскольку такое откровение является главным методом или способом искоренения страстей. Кроме того каждый инок имел старческое келейное правило, состоящее из молитв, поклонов — земных и поясных, чтения Евангелия, "Апостола", Псалтири.

В строгом исполнении Устава игумен видел успех духовной жизни обители, поэтому он добивался неукоснительного его соблюдения и говорил: "Я дал обет Божией Матери установить этот Устав в Глинской пустыни для всегдашнего строгого исполнения этого чиноположения моими будущими преемниками. Посему, если кто из них нарушит его, с таковыми буду судиться на суде Божием"[11].

Широко известен игумен Филарет как автор книг и нотных изданий церковного содержания[12]. Так, несколько изданий выдержала в дореволюционный период его книга "До и после пострига"[13], состоящая из двух частей: "Поучение новоначальному перед постригом" и "Поучение новопостриженному монаху", основанных на Священном Писании, а потому не потерявших своей актуальности и в наши дни. Его перу принадлежат "Наставление о должности духовника, служащего инокиням"[14], "Краткое изъяснение о явлении Пустынно-Глинской Чудотворной иконы", "Краткое описание Глинской пустыни"[15], четыре Устава общежительных монастырей: для Глинской обители, Екатеринбургского, Борисовского и Уфимского женских монастырей[16], наставления монашествующим и т.д.

Кроме того, игумену Филарету приходилось вести большую деловую переписку, связанную с управлением монастырем, а также с благодетелями обители, духовными чадами. По свидетельству лично знавших его, из-под пера настоятеля Филарета в год выходило до 750 писем с богодухновенными наставлениями как духовным, так и светским лицам[17]. Многие из писем были обстоятельными, содержали пространные духовные наставления просившим его советов. Деловые письма также часто требовали подробного изложения ходатайств. Часть этих писем сохранилась в Центральном государственном историческом архиве СССР[18].

Произведения, написанные старцем Филаретом, пользовались большой популярностью во всех концах нашей страны и за ее пределами. А составленный им Устав был заимствован полностью или частично не менее чем 14 новыми или возобновляемыми мужскими, женскими монастырями. Среди них Святогорский монастырь, расположенный в Харьковской губернии, Богородицкий — в Курской губернии, Бузулукский — в Самарской губернии, Щегловский — в Тульской губернии, Чуркинская Николаевская пустынь в Астраханской губернии, Борисовская женская пустынь — в Курской губернии, ряд монастырей Уфимской, Оренбургской и других губерний[19].

Помимо устных душеполезных бесед, он, как уже указывалось, ежегодно писал много писем монахам, игуменам, высокопоставленным светским людям и простым почитателям его[20].

Настоятель Филарет ввел в Глинском монастыре, по примеру Софрониевой пустыни, старчество с ежедневным исповеданием помыслов своему старцу[21].

Всего себя отдавал настоятель Филарет служению Богу и ближним. Неисчислимы подвиги молитвы, поста, разного рода воздержания отца Филарета, о чем говорит живший у него десять лет келейником Константин Ю-нков[22]. В своей келлии игумен Филарет удостоился видеть Пресвятую Богородицу[23].

Особое внимание уделял настоятель вопросам духовно-нравственной жизни братии, наставляя их в молитве Иисусовой, иноческих духовных подвигах, различных добродетелях, например, строгом воздержании, уединении и молчании, избежании вражды, скорейшем примирении, усердном послушании и в целом в исполнении заповедей Божиих.

Строгие требования предъявлял игумен Филарет как к себе, так и к братии, не пропуская ни малейшей ошибки. Вместе с тем он советовал инокам держаться царского пути, т.е. середины в подвигах, предостерегая их от самообольщения, например, неумеренным постом[24]. К братии он относился с большой любовью, искренне, просто, свято, поддерживал их в иноческой жизни молитвой, добрым словом и делом. Справедливые вразумления богобоязненного старца Филарета всегда были растворены силой благодатных слов. Его духовная мудрость и прозорливость, сочетавшиеся с исключительной кротостью, любовью к ближнему благотворно влияли на братию. Несомненно, в деле начальствования отец Филарет имел дар Божий, с помощью которого ему удавалось объединять миром и любовью иногда совершенно несовместимых, на первый взгляд, людей различных званий, сословий, характеров, уровня образования, воспитанности. Работая в саду часто до изнеможения, отец Филарет своим личным примером возбуждал к физическому труду и братию. Памятуя о том, что "страдающий плотию перестает грешить"(1 Петр. 4, 1), старец говорил: "Пот, проливаемый монахом на послушании, при усердном труде и внимании к своему сердцу, имеет в очах Божиих такое же спасительное значение для трудящегося, какое имеет кровь, пролитая и проливаемая мучениками"[25].

Духовно слабым, новоначальным инокам настоятель уделял большое внимание, ибо, по слову Священного Писания, "не требуют здравии врача, но болящии" (Мф. 9, 12). Их укреплял игумен добрым словом, советом, мудрым наставлением, одно из которых целесообразно здесь привести: "Страшливый да не исходит на брань, ибо воины царя земного, ратуя против врагов, за стыд себе вменяют не только бегство с поля битвы, но даже и раны, получаемые ими не лицом к лицу. Так и воины Христовы, приемля и терпя раны от супостата лицом к лицу, через искушения, наносимые им, этим доказывают свое мужество"[26].

Кропотливый повседневный труд настоятеля как с сонмом братии, так и с каждым иноком в отдельности принес впоследствии благотворные плоды. Под его руководством сформировалось новое поколение опытных подвижников, многие из которых стяжали глубокое смирение, кротость, милосердие и даже получили от Бога духовные дары прозрения, исцеле-

[illegible]

Октября 20-го дня 1819 года. К сему прошению [illegible] руку приложили:

Строитель Иеромонахъ Филаретъ

Иеромонахъ Вассиянъ. — Иеромонахъ Макарий

Иеромонахъ Іоанникий. — Иеромонахъ Анастасій.

Иеродиаконъ Самуилъ. — Иеродіаконъ Іосифъ —

Схимонахъ Паисій. — Монахъ Феофилъ

Прошение иноков Глинской пустыни князю А.Н.Голицыну от 20 октября 1819 г. (Фрагмент). ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 2

благодарения Господа Бога, и Богоматери, и смиреннымъ чувствомъ и благодарностию, въ благое памятствование высочайшей Монаршей милости, и ходатайства Вашего Сиятельства: Честь имеемъ съ почтениемъ донести.

Вашего Сиятельства
Милостивейшаго Государя
Великаго Божия Матери Обители
благотворителя.
Униженные и нижайшие богомольцы
Строитель Иеромонах Филарет
Духовник Иеромонах Варсонофий
Казначей Иеродиакон Порфирий [illegible] Иеромонах
[illegible] благочинный Иеромонах Израиль
Иеромонах [illegible] Иеромонах Амфилохий
Уставщик Иеродиакон [illegible]
Иеродиакон [illegible] Иеродиакон [illegible]
Иеродиакон Лаврентий.

Февраля 28 дня
1824 Года

Его Сиятельству
Милостивейшему
Государю Князю
Александру Николаевичу Голицыну

Глинские Богородицкие пустыни [illegible]

Прошение иноков Глинской пустыни князю А.Н.Голицыну от 28 февраля 1824 г. (Фрагмент). ЦГИА, ф.797, оп. 2, д. 7829, л. 84об.

ния, назидания ближних. Число таких подвижников возрастало из поколения в поколение. Память о них сохранялась и по смерти, их имена передавались из уст в уста. Такими, например, были, кроме отца Филарета, старцы Илиодор (Голованицкий), Феодот (Левченко), Архипп (Шестаков), Макарий (Шаров), Евфимий (Любимченко), Иннокентий (Степанов) и многие другие. Непрерывно увеличивалось число иноков, посланных из Глинской пустыни на настоятельские должности в другие обители[27].

Раскроем, хотя отчасти, еще и ту огромную внешнюю преобразовательную деятельность, которую Промысл Божий даровал понести игумену Филарету. Все нижеописанные труды старцу Филарету удалось успешно совершить лишь при благодатной помощи свыше, которую он стяжал многочисленными подвигами.

До конца XVIII века жизнь обители протекала в достатке как в духовном, так и в экономическом отношении. Однако в результате секуляризационной политики правительства в 1789 г. у Глинской пустыни была отобрана вся земля, после чего экономическая сторона жизни стала ухудшаться год от года.

Когда иеромонах Филарет принял Глинскую пустынь в 1817 г., в ней было "...несколько деревянных ветхих, почерневших от времени келлий, расположенных в беспорядке на поляне среди векового соснового леса, недалеко от небольшой речки Обесты. Единственное каменное здание было церковное о двух главах под тесовой крышей, весьма простой архитектуры и требовавшее немедленной починки...". В зимнем храме иконостас от сырости испортился, а внизу сгнил. Ризница была ветхая. Монастырских денег было очень мало, запас хлеба истощился, а братия увеличивалась. Таково было положение в Глинской пустыни ко времени настоятельства отца Филарета (см. "Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е доп. и вновь перераб. изд. Одесса, 1905. С. 23, 24).

Ревностно принялся настоятель о. Филарет за восстановление обители. Он занимался не только ремонтом построек, но и осуществил ряд конструктивных планов: определил новую планировку обители, предпринял строительство новых храмов, других зданий монастыря. Постепенно увеличивалось число влиятельных благодетелей, в числе которых были помещик Д.С. Бровцын, А.С. Анненков, ахтырский помещик К.Д. Хрущов, щедрая благотворительность которых позволила осуществить многие строительные работы в обители. Но и этих средств было недостаточно для реализации намеченных планов реконструкции монастыря. Тогда игумен Филарет, помолившись с братией перед Чудотворной иконой Божией Матери и испросив благословение у преосвященного Евгения, в 1821 г. отправился с ходатайством в Петербург. 5 июля 1821 г. состоялась его встреча с императором Александром I, который сам пожелал побеседовать со старцем Филаретом. Встреча состоялась "в тайном кабинете Его Величества. При входе смиренного старца благословенный властитель России встал, по своему замечательному смирению принял благословение от вошедшего и, облобызав десницу его, милостиво расспрашивал о происхождении его, о зданиях Глинской пустыни, качестве ее земли, о числе братий, способах их содержания и об уставе обители[28].

Монарх благоговел перед духовными старцами, лично знал жизнь ряда обителей, и его интересовало, был ли игумен Филарет в Валаамском монастыре, насколько согласуются правила Глинской обители с валаамскими и др.[29]. Император очень внимательно отнесся к нуждам Глинского монастыря, просившего в докладной записке 300 десятин леса из окружавшего лесного массива, об уплате монастырских долгов до 3000 рублей (ассигнациями), утвердить Устав обители, увеличить штатное число монахов обители с семи до двадцати человек и разрешить иметь столько же послушников, предоставить братии право выбирать из своей среды настоятеля[30].

Важно отметить, что все просьбы обители были удовлетворены. С радостью благодарил отец Филарет Господа и Божию Матерь, потому что только Им, а не себе приписывал смиренный настоятель успех дела. А когда было получено разрешение и на использование 300 десятин леса, торжество обители было неописуемым. Братия обители в знак благодарности Господу и Его Помазаннику императору Александру I устроили 4 ноября 1823 г. праздник с целодневным звоном. Торжество было столь велико, что даже службы в тот день совершались пасхальные, а по окончании литургии был отслужен благодарственный молебен с многолетием государю и всему царствующему дому. Такое "торжество бысть многим во удивление" — так писал игумен Филарет в своих записках в 1823 г.[31].

В воспоминание этого радостного события настоятель Филарет, по согласованию с братией, "установил ежегодный праздник в неделю Православия, а в субботу перед оной акафист Богородице "красного пения", что и вошло впоследствии в традицию этой обители"[32].

Благодеяние Царского дома по отношению к Глинской пустыни проявилось и со стороны императрицы Елизаветы Алексеевны, которая по пути в Таганрог 25 сентября 1825 г. проезжала мимо принадлежавшей Глинскому монастырю старой часовни[33], устроенной у д. Заруцкой, недалеко от г. Глухова.

Благочестивая государыня была глубоко тронута торжественной встречей, которую оказали ей братия обители. Она с благоговением приняла окропление святой водой, благословение отца Филарета: просфору, копию явленной Чудотворной иконы Пустынно-Глинской и несколько книг духовного содержания, соответствовавших скорбному состоянию ее души. В знак благодарности она выслала настоятелю Глинской пустыни 500 руб. на украшение названной часовни[34]. На эти средства часовня была "вновь построена и украшена живописными иконами..."[35].

В течение 1821—1825 гг. отцу Филарету пришлось совершить четыре поездки в Петербург, во время которых он неоднократно выступал среди русского образованного общества в защиту "святоотеческого учения о высших степенях богообщения и умно-сердечной молитвы Иисусовой"[36].

В 1825 г., когда в кругу с.-петербургского высшего белого духовенства, к которому примыкала и часть высшего светского общества, возникла крупная полемика против монашества, благочестивый император Николай I, вступивший на престол и всегда благосклонно относившийся к святым обителям и монашеству, повелел решить спорный вопрос немедленно. Для участия в дискуссии был приглашен и отец Филарет, ставший уже к этому

12771
1510

Получена от Государя в С. Петербург
6го Июля 1821 года 32

Курской Епархии, Глинская Богородицкая пустынь, Сверхштатная и Общежительная, по уединенному своему местоположению, имеет величайшую удобность к успеянию подвизающихся в монашеской жизни, а посему и привлекает к себе многих спастися желающих. А как по штату положенное семибратнее монашествующих число в ней очень малое, а также и выгоды очень скудны, ибо земля с лесом более двух тысяч десятин, бывшая монастырская, отобрана в казну, и ныне находится под ведомством лесного правительства, пустыни же малая частична оставлена в разных местах, по большой части болотистая и неудобная, и той только около тридцати десятин. Мельница же хотя и имеется, но и оная мало — пользы приносит, ибо весною и в большие дожди только работает. За всем же сим, церковь и келии

Докладная записка, врученная Глинским игуменом Филаретом (Данилевским)

32об

Пришли въ ветхость и требуютъ починки, которые нынѣ хотя и поправляются, но съ лишкомъ три тысячи пустыни задолжала. — Для того въ выше писанныхъ нуждахъ осмѣливаюсь изъяснить, и испросить какъ прибавленія къ нынѣшней пропорціи лѣсной дачи двухъ сотъ двадцати десятинъ такъ, и прибавленія жъ штатнаго двадцати братняго положенія, оставя пустынь общежительною и сверхштатною, какъ и прежде оная состояла. —
Глинской Богородицкой пустыни, строитель Ієромонахъ Филаретъ

императору Александру I
в С.-Петербурге 5 июля 1821 г.
ЦГИА, ф. 797, оп. 2,
д. 7829, л. 32—32об.

времени широко известным как петербургскому духовенству, так и интеллигенции.

Участвуя в названной дискуссии, отец Филарет, не имея никакого светского образования, обнаружил такие обширные духовные познания, такой Богом дарованный ум, которые позволили ему успешно отстоять православное святоотеческое учение, победить неверие, ложные религиозные воззрения[37] и приобрести огромное внимание и уважение со стороны духовенства, интеллигенции и царственных особ.

Об успехе отца Филарета в дискуссии, состоявшейся в Петербурге, стало известно в разных концах России, поэтому его начали приглашать для духовных бесед. С этой целью он дважды ездил по приглашению в г. Киев для участия в духовных беседах по вопросу о монашестве[38].

Архимандрит Пимен в своих "Воспоминаниях" (М., 1877. С. 62) называет игумена Филарета "одним из самых искусных и лучших настоятелей; его уважали не только (простые) монашествующие, но и самые иерархи". Он был знаком с такими известными святителями, как высокопреосвященные Филарет Дроздов, Антоний Воронежский. Его знал по духу и питал к нему большую любовь во Христе преподобный Серафим Саровский, который нередко просивших благословение на вступление в монастырь направлял к отцу Филарету, "указывая на обитель его как на великую школу иноческой жизни"[39].

В свою очередь и отец Филарет глубоко почитал великого Саровского подвижника и даже сподобился видеть душу почившего преподобного Серафима, возносимую ангелами со славою на небо, о чем он сам рассказывал многим.

"Это было так. Ночью 2 января 1833 г. после утрени, стоя на крыльце своей келлии, отец Филарет увидел сияние на небе и чью-то душу, ангелами с пением возносимую на небо. Долго смотрел он на это чудное видение, подозвал к себе некоторых братий, тут случившихся, указал им на необыкновенный свет и, подумав, сказал: "Вот так отходят души праведных! Ныне в Сарове почил отец Серафим". Видеть сияние сподобились только отчасти двое из братий. После узнали, что точно в ту самую ночь скончался отец Серафим"[40].

Можно было бы привести много других примеров дара прозрения, которого сподобился старец Филарет за свою богоугодную жизнь. Так, однажды проездом из Киева заехали к старцу Филарету в Глинскую пустынь мать с дочерью.

Получив в беседе с настоятелем много мудрых духовных советов, наставлений, они собрались было уже уходить, как вдруг отец Филарет неожиданно слегка ударил своим игуменским посохом Елизавету — дочь матери и сказал: "Привыкай к этому, — когда сама будешь носить, то будешь знать, как им пользоваться"[41]. Пророческие слова настоятеля сбылись. Елизавета впоследствии стала Верхо-Харьковской игуменьей Емилией.

Дар прозорливости способствовал отцу Филарету и в осуществлении внешней преобразовательной деятельности в Глинской пустыни.

В 1826 г., всецело возложив надежду на помощь Матери Божией, игумен Филарет приступил к строительству "Иверской" каменной церкви над святыми вратами "в благодарную память о чудесах Божией Матери с 1817 г.", т. е. со времени вступления его на настоятельство, о чем свиде-

Глинская пустынь.
Святые врата,
построенные
игуменом Филаретом.
ЦГИА, ф. 835, оп. 2, д. 278, л. 242.
Фотография 1892 г.

тельствует одна из надписей на Иверском храме и рапорт самого отца Филарета в Курскую Духовную консисторию от 1831 г. за № 51[42], когда по окончании строительства был освящен этот храм.

Игумен Филарет, как рачительный строитель, заботился о возведении не только храмов, но и других необходимых построек: келлий для братии, трапезного корпуса, братской больницы, экономии, каменной столярной, гостиного двора и т.д.

Строительство было начато во времена настоятельства отца Филарета и за пределами обители. Так, в 1827 г. на земле, подаренной Глинской пустыни в г. Глухове мещанином Моисеем Заводовским, поступившим позднее в Глинскую пустынь, было выстроено монастырское подворье[43].

В 1830 г., вблизи пустыни, на реке Обесте построена монастырская водяная мельница[44]. Возводились монастырские постройки и в других местах[45]. Большую заботу проявил настоятель Филарет об устройстве ближнего скита на месте явления Глинской Чудотворной иконы Божией Матери, находящегося в четверти версты от обители. На этом месте заботами игумена Филарета и на средства одного из любителей благолепия Божиих храмов А.С. Анненкова вместо старой была построена "новая деревянная часовня с келлией"[46]. При ней поселился в 1828 г. братский духовник иеросхимонах Пантелеимон, а вскоре к нему переселились сюда еще несколько братий, стремящихся к безмолвию. Так был основан безмолвный скит или, как его еще называли, Ближний скит Глинской пустыни.

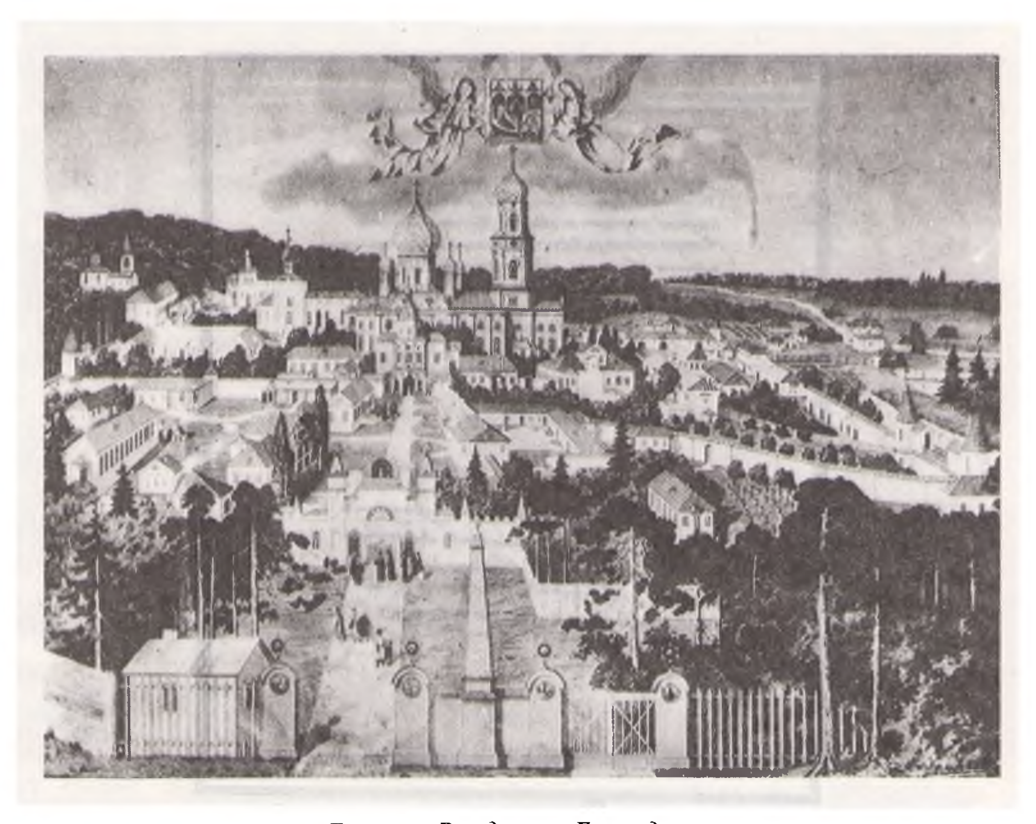
О большой преобразовательной деятельности настоятеля Глинской пустыни свидетельствует такой документ, как составленное им краткое историческое описание Глинской пустыни, представленное в 1837 г. в Курскую духовную консисторию (рапорт № 64), в котором сказано: "За последние десять лет обитель так изменилась, что во внешнем ее виде, кроме соборной церкви и колокольни, никаких следов даже недавно прошедшего времени не остается..."[47]

Отеческое попечение отца Филарета о духовной, хозяйственной, просветительной деятельности обители привело и к значительному росту числа иноков — их было более ста человек вместо двадцати, положенных по штату[48].

Благополезные труды настоятеля Филарета на пользу Глинской пустыни не могли остаться незамеченными. Он был удостоен ряда наград: 11 июня 1817 г. награжден набедренником; 20 января 1829 г. пожалован наперсным крестом из кабинета Его Императорского Величества. 1 марта 1835 г. ему дозволено было употреблять игуменский посох. Имел наперсный крест в память 1812 г.[49]. Произведен во игумены 14 марта 1839 г.

В письме Илиодора (Чистякова), епископа Курского и Белоградского в Святейший Правительствующий Синод по случаю возведения настоятеля Филарета в сан игумена было сказано:

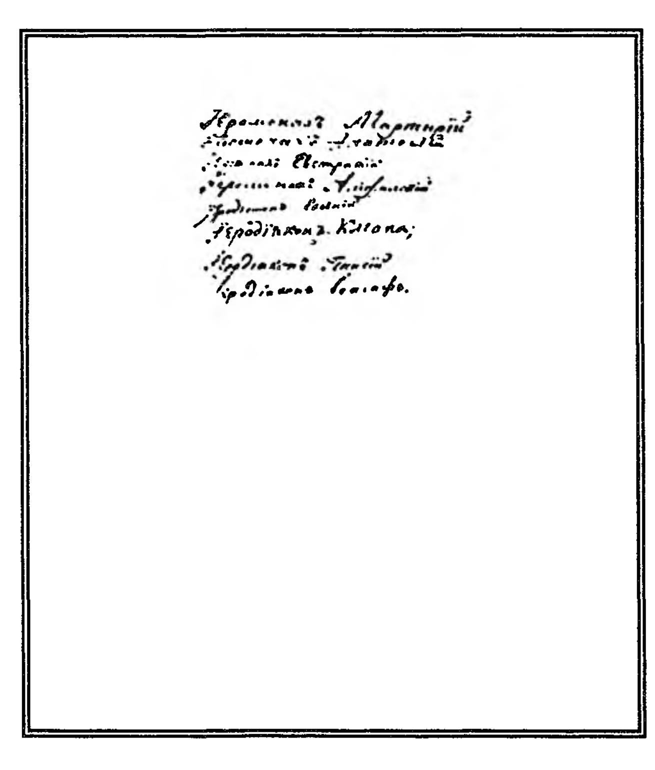
"Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни строитель иеромонах Филарет проходит настоятельское служение с 1817 г., при поведении весьма честном, с отличным усердием и особенною пользою для обители.



Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. С гравюры XIX в.

Публикуется впервые

Прошение иноков Глинской пустыни императору Николаю I о наделении обители землей от 25 марта 1837 г. ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2об.



Подписи Глинских иноков
на прошении
императору Николаю I
о наделении обители землей
от 25 марта 1837 г.
ЦГИА, ф. 796, оп. 118,
д. 1202, л. 3

Вследствие чего означенный строитель Филарет признан мною быть достойным игуменского сана, в каковой и произведен мною 14 марта сего года, с присвоением ему сей степени лично.

О чем Святейшему Правительствующему Синоду благопокорнейше доношу во известие.

Вашего Святейшества нижайший послушник Илиодор, епископ Курский. 15 марта 1839"[50].

Однако не к земным почестям были направлены устремления игумена Филарета. Сознание своего труда ради Бога и Царицы Небесной было его самым большим утешением. Внешняя преобразовательная деятельность никогда не затмевала его заботы о духовном преуспеянии братии вверенной ему Богом обители. Подтверждение этой мысли находим в кратком описании Глинской пустыни, представленном отцом Филаретом в Курскую духовную консисторию в 1837 г.: "Хотя и видны некоторые успехи наружного благоустройства, но внутреннее духовное здание, зиждимое благодатию Господа нашего Иисуса Христа и помощью Владычицы Пресвятой Богородицы, паче и паче занимает умы и сердца братства Глинской пустыни, а все это вкупе принадлежит не нам, но имени Твоему, Господи" (Дело архива № 255)[51].

Перед кончиной игумен Филарет со смирением "просил у всех прощения и молитв о себе, и более его не беспокоить... в молчании и уединении встречал приближающуюся кончину"[52]. Господь благословил ему в духовной радости провести первый день Пасхи, а на второй день Святой Пасхи 31 марта 1841 г. старец Филарет мирно скончался. Знаменательно, что в этот же день праздновалась Иверская икона Божией Матери, которой отец Филарет был благословлен в Софрониевой пустыни на настоятельство в Глинскую обитель. Благоговение перед этой иконой он пронес через всю последующую жизнь и в честь этой иконы устроил храм над святыми вратами в Глинском монастыре.

О богоугодной жизни преподобного подвижника свидетельствует и тот факт, что он предсказал свою кончину. Когда эконом обители монах Иоанникий (впоследствии Святогорский затворник иеросхимонах Иоанн) на страстной неделе спросил отца Филарета: "Ты, отче, верно уж оставляешь нас?" Старец отвечал: "Нет, мы дождемся Пасхи Христовой, разговеемся, а там буди воля Господня"[53].

Последним его предсмертным завещанием было: "Имейте, братие, мир и любовь между собою, а я, если обрету у Господа дерзновение, то верую, яко обитель наша не оскудеет. Вы же сотворите любовь, поминайте меня отцом своим, аще аз и недостойный, и обрящете благодать от Бога"[54].

И поистине игумен Филарет не оставил духовных чад своим предстательством перед Богом. Он являлся неоднократно схиархимандриту Илиодору и другим своим ученикам и почитателям, предсказывая им день кончины, подавая необходимые советы, спасительные наставления.

В свою очередь, ученики, а также многочисленный сонм последователей игумена Филарета до сих пор, где бы они ни жили, бережно хранят его наставления — уроки об очищении сердца, руководствуются ими в своей духовной борьбе. Один из близких учеников отца Филарета, послушник Евстафий, впоследствии схимонах Евфимий, будучи в преклонном возрасте, передавал молодым братиям наставления,

слышанные им от настоятеля Филарета, при этом он часто повторял: "Так нас учил старец Филарет, так и вы исполняйте и передавайте другим для исполнения, если желаете быть его (Филарета) учениками"[55].

Господь, несомненно, сподобил своего праведника — Глинского настоятеля игумена Филарета — небесной славы, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. "Некоторые старцы, достойные духа созерцаний, неоднократно видали о. Филарета поющим на клиросе с братией. Однажды ученик его, схиархимандрит Илиодор, горя любовью к братиям Глинской обители, кои с ним полагали начало, вместе жили или умерли, молился Господу, да откроет ему о числе спасшихся и спасающихся. Господь, вняв молитве Своего угодника, утешил его видением. Старец Илиодор, стоя в храме, видел, что не только храм, но и алтарь установлен большими и малыми светильниками: иные из них горели, другие предназначались к горению. Но этого мало; при видении спасшихся отцу Илиодору, естественно, желалось знать участь своего достойного учителя, батюшки игумена Филарета. И Господу угодно было не оставить его в недоумении. Во сне отец Илиодор видит себя в монастырском соборе, который наполнился крылатыми монахами, блиставшими небесным светом. Между ними, как солнце среди звезд, стоял отец игумен Филарет. Лицо его было так светло, что от блистания небесной славы невозможно было смотреть на него"[56].

Удостоившись этого видения и с благодарностью вспоминая своего учителя, отец Илиодор иногда говаривал: "Я верую, что батюшка отец Филарет почивает нетленным"[57], ибо по слову Священного Писания: "Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними" (Апок. 14, 13); "Блажен, егоже избрал еси и приял, вселится во дворех Твоих" (Пс. 64, 5).

Прозорливость слов старца схиархимандрита Илиодора подтвердилась следующим достоверным фактом. В 1847 г., когда копали рвы для фундамента в целях расширения соборного храма, пришлось вскрыть склеп, где был погребен отец Филарет. Монах Израиль, "видя гроб совершенно целым, решился приподнять крышку и увидел одежды также целыми, а тело аввы нетленным и благоухающим"[58].

Своими молитвами, трудолюбием, духовными книгами, нотными изданиями, "Уставами", неусыпным попечением о возобновлении им Глинской обители отец Филарет оставил последующим поколениям много памятников.

Какой же памятник воздвигнем Глинскому настоятелю отцу Филарету мы, благодарные потомки? Лучшим из них было бы открытие и духовное возрождение горячо любимой им Глинской Рождество-Богородицкой пустыни.

Примечания

1 До и после пострига. Поучение монахам Глинского игумена Филарета. 3-е издание Глинской пустыни в перев. со слав. яз. Курск, 1911. (Далее может встречаться: "До и после пострига... — *Примеч. изд.*) С. III. (Предисл.)

2 Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра. 1988. С. 97—105. (Житие преподобного Паисия Величковского).

[3] До и после пострига... С. III. (Предисл.)

[4] ЦГИА, ф. 796, оп. 445, д. 501, л. 46.

[5] Там же, оп. 102, д. 936, л. 6—6об.

[6] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 55.

[7] Устав был утвержден Святейшим Синодом 26 августа 1821 г. Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 40; ЦГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 41.

[8] Отец Филарет как составитель общежительных иноческих уставов и строитель женских монастырей // Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 92—98.

[9] Устав, или чиноположение относительно церковного Богослужения и правил общежития монашествующих Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 101—148.

[10] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 55. Устав Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. Глава 8.

[11] Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 188.

[12] Отец Филарет как сочинитель книг и нот // Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 98—106.

[13] До и после пострига. Поучения монахам Глинского игумена Филарета. 3-е изд. Глинской пустыни в перев. со слав. яз. Курск, 1911. То же. Почаев, 1910.

[14] Наставление игумена Филарета. о должности духовника, служащего в женских монастырях // Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 155—160.

[15] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 99.

[16] Там же. С. 92.

[17] Там же. С. 108.

[18] См. статью: Иоанн (Маслов), архимандрит. Игумен Глинской пустыни Филарет и его эпистолярное наследие. К 150-летию со дня блаженной кончины. (Личный архив автора).

[19] До и после пострига... С. IV.

[20] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 108.

[21] Там же. С. 39.

[22] Там же. С. 109—110.

[23] Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. 2-е испр. и доп. изд. Одесса, 1907. С. 18—19.

[24] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 110—111.

Настоятель
Глинской пустыни
игумен Филарет
(Данилевский)

25 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игум. Иассоном. С. 26.

26 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 44.

27 Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Ч 1. Одесса, 1904. С. 48.

28 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 71—72.

29 Там же. С. 72—74. Вопросы императора и ответы Глинского настоятеля Филарета приведены в указанном издании впервые.

30 Там же. С. 73—74; Софрониева и Глинская пустыни. С. 29.

31 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 76—77.

32 Там же. С. 77.

33 Там же. С. 77—78

34 Там же. С. 78.

35 Там же.

36 Там же. С. 90.

37 Там же. С. 91; Евгений, архимандрит Николаевской Чуркинской пустыни. Астрахань, 1888. С. 19—21.

38 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 91.

39 Там же. С. 114—117.

40 Там же. С. 116—117. Житие преподобного Серафима Саровского чудотворца, Сост. автор летописи Серафимо-Дивеевского монастыря архимандрит Серафим (Чичагов). Изд. 2-е Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903. С. 92. Марк, игумен, проф. МДА. Отечник проповедника. (Практическое пособие для студентов: 1221 пример из Пролога и Патериков). Загорск, Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 244. № 343; Иоанн (Маслов), архим. Глинский Патерик. Загорск. МДА. 1970. С. 91.

41 Верхо-Харьковская игуменья Емилия. (Память 29 мая) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. М., 1908. Май. С. 299.

42 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 65.

43 Там же. С. 63. Историческое описание Глинской... пустыни... С. 26.

44 Лебедев А.С. Архив Глинской пустыни // Лебедев А.С. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. Харьков, 1902. С. 77.

45 Там же.

46 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 65—66.

47 Там же. С. 67—68.

48 Историческое описание Глинской... пустыни... С. 27.

49 ЦГИА, ф. 796, оп. 445, д. 501, л. 46.

50 Там же, оп. 120, д. 333, л. 1.

51 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 68.

52 Там же. С. 142—143.

53 Там же. С. 143.

54 Там же. С. 146.

55 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий. Изд. Глинской пустыни. Курск, 1910. С. 3.

56 Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни. (Память 31 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. Иоанн (Маслов), архим. Глинский Патерик. Загорск, МДА, 1970. С. 100. Марк (Лозинский) игумен, проф. МДА. Отечник проповедника. Загорск, МДА, 1971. С . 610—611. № 876.

57 Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 47. С. 75—76.

58 Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. 2-е испр. изд. Ч. 1. Одесса, 1904. С. 25; Евгений, архимандрит Николаевской Чуркинской пустыни. С. 19—21.

Литература

Жизнеописание игумена Филарета... СПб., 1856.

Жизнеописание игумена Филарета... 2-е изд. Курск, 1892.

Рец.: П.П. // Богословский библиографический листок: Прилож. к журн. "Руководство для сельских пастырей". 1894. № 12. С. 404—406; Богословский вестник. 1894. № 11—12. С. 404—406. В конце рец. инициалы: П.П.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905.

Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни. (Память 31 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 355—402.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 38. С. 1—8; № 39. С. 9—16; № 40. С. 17—24; № 41. С. 25—28; № 42. С. 29—36; № 43. С. 37—44; № 44. С. 45—52; № 45. С. 53—60; № 46. С. 61—68; № 47. С. 69—76; № 50. С. 77—83.

Историческое описание Глинской... пустыни... Ч. I. С. 28—50; Ч.II. С. 3—27.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 32—37, 43, 55—56, 76—77, 90—91.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Ч. 1. Одесса, 1901. С. 18—26; То же. Одесса, 1904. С. 9—10, 15, 17, 56—57, 66, 70, 78, 81; То же. 3-е изд. Курск, 1912. С. 6, 9, 13—27, 49, 50, 58, 61, 66, 69.

Софрониева и Глинская пустыни. [Б.м., б.г.]

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907.

Спасо-Илиодоровский скит Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, основанный на месте пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора, в память избавления государя императора Николая Александровича от опасности в Японии в 1891 г. Одесса, 1899. С. 8.

Житие и описания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847. С. XVII.

Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 113, 126.

Историческое описание Борисовской пустыни. М., 1872. С. 78—79.

Воспоминания архимандрита Пимена // ЧОИДР. 1876. Кн. 3. Отд. 2. С. 62.

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 19, 25—31, 39, 56.

Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Успенской Николаевской пустыни Астраханской епархии. Астрахань, 1904. С. 3—4.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. М., 1906. С. 25—31, 39—40, 46—47, 53, 98, 187, 188.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собр. игумен Иассон. Курск, 1910. С. 3—5.

Глинская пустынь. [Библиографическая заметка] // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 26. С. 646—647.

Четвериков Сергий, прот. Оптина пустынь: Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 141.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Париж, 1988. С. 279—280, 299. Об игумене Филарете: "...учеником старца архимандрита Феодосия из Молдавии был и знаменитый подвижник Глинской пустыни Филарет, от которого ведет свое начало Глинская линия русского подвижничества..." (С. 299).

Марк (Лозинский), игумен, проф. МДА. Отечник проповедника. (Практическое пособие для студентов: 1221 пример из пролога и Патериков). Загорск (ныне Сергиев Посад — Примеч. изд.). Троице-Сергиева Лавра, 1971.

С. 244 (№ 343): "Игумен Филарет Глинский видел сияние на небе и душу преподобного Серафима, возносимую ангелами на небо".

С. 610—611 (№ 876): "Небесная слава праведника — Глинского настоятеля игумена Филарета".

С. 638—639 (№ 904): "Игумен Филарет разбил чайный прибор, к которому инок Арсений имел пристрастие".

С. 671 (№ 954): "О христианском воспитании, полученном игуменом Филаретом Глинским в детстве".

Жизнь и подвиги старца Феодота / Сост. иеромон. Иассон. Курск, 1894. С. 5, 6, 16, 20, 24.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909. С. 14.

Краткое описание жизни и подвигов старца иеросхимонаха Макария // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 6. С. 1—6; № 12. С. 40.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 4.

Иеросхимонах Макарий прозорливый // Русский инок. 1912. № 7. С. 41.

Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Изд. 6-е. Одесса, 1893. С. 11, 13, 14, 17, 19, 22.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни схимонах Евфимий / Собр. игумен Иассон. Курск, 1910. С. 5, 13, 16.

Подвижники Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 9.

Старцы о. Паисий Величковский и о. Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность // Там же. Сентябрь. С. 598.

Глинский старец о. Феодот // Там же. Июль. С. 206.

Глинский иеросхимонах Пантелеимон отшельник // Там же. Январь—июнь. Том доп. Ч. I. Кн. 1. 1912. С. 365.

Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии // Там же. Май. 1908. С. 138, 139.

Глинский иеросхимонах Серафим любомудрый // Там же. Январь—июнь. Том доп. Ч. I. Кн. 1. 1912. С. 588.

Иеросхимонах Феодосий, первый духовник возобновленной Святогорской пустыни // Там же. Июнь—декабрь.Том доп. Ч. I. Кн. 2. 1912. С. 319.

Иоанн, затворник Святогорский // Там же. Август. 1909. С. 234.

Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Гуркинской пустыни // Там же. Июль. 1908. С. 380—382.

Глинский подвижник Василий Милонов кающийся // Там же. Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. 1912. С. 147—148.

Глинский подвижник схимонах Евфимий // Там же. Январь—июнь. 1912. С. 206—208, 213, 216—217.

Иеросхимонах Макарий Глинской пустыни // Там же. Февраль. 1906. С. 262—266.

Глинский иеросхимонах Анатолий благоговейный // Там же. Ноябрь. 1910. С. 741.

Старец схиархимандрит Илиодор // Там же. Июнь. 1908. С. 375—381, 393, 395.

Верхо-Харьковская игуменья Емилия: (Память 29 мая) // Там же. Май. 1908. С. 299, 308

Игуменья Филарета Уфимская // Там же. Август. 1909. С. 549, 552—553, 562.

Игуменья Севского Троицкого девичьего монастыря Паисия // Там же. Июль. 1908. С. 582.

Архимандрит Макарий, первый Алтайский миссионер. Изд. 2-е. М., 1892.

До и после пострига. Поучение монахам Глинского игумена Филарета. 3-е изд. Курск, 1911. С. III—IV.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П. Строев. СПб., 1877. С. 649—650.

Жизнь старца Василия Кишкина и ученика его монаха Арсения Белобережской обители. Изд. 2-е Брянской Белобережской пустыни. Одесса, 1904. С. 5, 25, 55, 56, 66.

Строитель отец Василий, настоятель Белобрежской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 267, 268, 269.

Памятная книжка Курской губернии на 1892 г. Курск, 1892. С. 35—36.

Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С. 77.

Глинская пустынь [Библиографическая заметка] // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 26. С. 616.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь [Библиографическая заметка] / А.Т. // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 7. С. 104—108.

*Архивные документы и рукописи ОР ГБЛ**

Послужные списки игумена Филарета

Отчет о состоянии Курской епархии с ведомостями о настоятелях, настоятельницах и монашествующих за 1823 г. Послужной список настоятелей // ЦГИА, ф. 796, оп. 105, д. 1339.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей за 1831 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 113, д. 1923.

Список настоятелей монастырей и ведомость о монастырях в 1832 г. Ч. 15. Рапорт епископа Курского и Белоградского Илиодора в Святейший Синод февраля 1 дня 1833 г. с ведомостями о монашествующих и настоятелях // ЦГИА, ф. 796, оп. 114, д. 1231.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей за 1834 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 116, д. 1084/37.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей за 1839 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 445, д. 501, л. 46.

* Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина — ныне Российская государственная библиотека.

О производстве во игумена

По рапорту епископа Курского Илиодора о производстве иеромонаха Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Филарета во игумена. 1839 г. // ЦГИА, ф. 7796, оп. 120, д. 333.

О сочинениях игумена Филарета

О напечатании представленной Филаретом, митрополитом Московским и Коломенским рукописи строителя Глинской Богородицкой пустыни Филарета под заглавием "Поучение к новопостриженному монаху". Циркулярный указ о рассылке указанного сочинения по всем епархиям. 1823 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 104, д. 1000.

Прошения игумена Филарета к императору Александру I

По копии с именного Высочайшего Указа о прибавке в Глинской Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии 13 монашеских вакансий с тем, чтобы поступающие получали содержание от самой пустыни. Устав означенной пустыни, составленный настоятелем. 16 авг. 1821 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936.

По прошению Курской епархии Глинской пустыни строителя иеромонаха Филарета о возвращении во владение оной пустыни лесной дачи и об исходатайствовании денежного пособия на уплату долгов. 1819—1824 гг. // ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829.

Прошения строителя Филарета к императору Николаю I.

По предложению Синодального обер-прокурора о наделении землей Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии с приложением "записки" братии. 1837 // ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202.

Жизнеописание игумена Филарета и отзывы о нем

Жизнеописание игумена Глинской Богородицкой общежительной пустыни Филарета (Рукопись второй половины XIX в., писана скорописью двумя почерками на 89 л.л) // ГБЛ, ф. 214. ОПТ-292.

По просьбе дворян и других обитателей г. Путивля о введении в Глинской Богородицкой пустыни устава Афонской горы. 4 февраля 1821 г. // ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7889.

Письма иеромонаха Макария (Иванова), Леонида (Наголкина) и других к разным лицам // ГБЛ, ф. 214. ОПТ-384, л. 25.

О переписке игумена Филарета и Макария (Глухарева) // ГБЛ, ф. 178, ед. хр. 3003, 1, л. 26, 27.

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским — Софье Ильиничне (Серафиме) и Варваре Ильиничне (Варваре) // ГБЛ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 85 об.

Житие старца Площанской пустыни строителя Белобережской пустыни Василия (Кишкина Владимира Тимофеевича). Рукопись второй половины XIX в. 182 л. // ГБЛ, ф. 214. ОПТ-284. (Автор повести — монахиня Борисоглебского монастыря Ангелина).

Жизнеописание старца Василия (Владимира Тимофеевича Кишкина). Рукопись второй половины XIX в. 132 л. // ГБЛ, ф. 214. ОПТ—285.

Об увеличении штата Глинской пустыни

По донесению Илиодора, епископа Курского о прибавлении к штатному числу монахов Глинской пустыни еще 10 человек // ЦГИА, ф. 796, оп. 115, д. 473.

О введении в пустыни Афонского устава

По запросу департамента духовной канцелярии Святейшего Синода, последовавшему на прошение строителя Глинской пустыни о введении в пустыни порядков и устава Афонского Софрониевой пустыни. 1821 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 102, д. 393.

Письма об отводе земельных угодий для Глинской пустыни

Дело об отказе Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской губернии в отводе ей дополнительных земельных угодий из крестьянских наделов. 1836—1839 гг. // ЦГИА, ф. 383, оп. 30, д. 573.

Об отводе земель Глинской пустыни // ЦГИА, ф. 379, оп. 4, д. 1058.

Об отводе земель Глинской пустыни // ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 330.

Об укреплении за Глинской Богородицкой пустынью 2-х дворовых мест в г. Глухове, пожертвованных мещанином Моисеем Заводовским // ЦГИА, ф. 796, оп. 107, д. 325.

О кончине игумена Филарета

По рапорту Илиодора, епископа Курского: О смерти настоятеля Глинской Богородицкой пустыни игумена Филарета. 1841 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 122, д. 825.

Труды Глинского игумена Филарета (Данилевского)

Устав Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // ЦГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936.

Устав Екатеринбургского Новотихвинского девичьего монастыря.

Устав Борисовской пустыни Курской епархии.

Устав Уфимского Благовещенского девичьего монастыря.

Поучение к новопостриженному монаху. СПб., 1824; ЦГИА, ф. 796, оп. 104, д. 1000; До и после пострига. Поучение монахам Глинского игумена Филарета. Почаев, 1910. С. 5—32; То же. 3-е изд. (переиздание со 2-го изд. — *Примеч. издат.*) Глинской пустыни в перев. со славянского языка. Курск, 1911. С. 7—32.

Поучение новоначальному перед постригом // До и после пострига... Почаев, 1910. С. 3—4.

Наставление о должности духовника, служащего инокиням // ОР ГБЛ, ф. 214, ОПТ-292, л. 81об.—89; Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 155—160.

Общие наставления игумена Филарета // Там же. С. 41—43.

Монашеские наставления игумена Филарета // Там же. С. 43—44.

"Краткое изъяснение о явлении Пустынно-Глинской Чудотворной иконы" и "Краткое описание Глинской пустыни". Записки игумена Филарета 1823 и 1828 гг. // Там же. С. 99; Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 10, 12, 13, 16; Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 6, 9, 11, 26, 32, 47—49.

На с. 80 —
первый лист Устава Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, представленного в Святейший Синод в 1821 г. ЦГИА, ф. 796, оп. 102, д. 936, л. 9

Уставъ общаго житія

Для Богородицкой Глинской Пустыни.

Составленный.

По Чиноположенію Святыя Аѳонскія Горы, и по примѣру имяннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ Утвержденнаго устава Софроніевой Пустыни.

9 Маія Дня

1821 Года

ДО И ПОСЛЕ ПОСТРИГА

ПОУЧЕНИЯ МОНАХАМ
ГЛИНСКОГО ИГУМЕНА ФИЛАРЕТА

Цит. по 3-му изданию
Глинской пустыни
в переводе со славянского языка
Курск. 1911

ПРЕДИСЛОВИЕ

Свято почивший игумен Филарет считался одним из самых лучших современных ему настоятелей. Он, лично известный императорам Александру Благословенному и Николаю I, в 1821—1825 гг. в Петербурге прославился как поборник православия.

В истории русского монашества, между знаменитыми подвижниками девятнадцатого столетия, займет он не последнее место. Отец Филарет был живым звеном, связывающим Глинскую с Софрониевой пустынью и Киево-Печерской лаврой, а через них с Афонским иночеством и заветами известного старца Паисия Величковского. Ибо первую иноческую школу он прошел в двух последних обителях под руководством лучших отцов, из которых архимандрит Феодосий некогда сам был другом и собеседником отца Паисия, имея одного с ним старца схимонаха Василия. Проникнутый страхом Божиим и покорный воле руководящих, отец Филарет укрепил свою волю к постоянным подвигам, воспитал любовь к строгому благочинию и труду, и вместе с живой верою в помощь Божию приобрел богатый опыт в духовном руководстве и управлении другими. По общему желанию братии он был назначен настоятелем Глинской пустыни, где создал целую эпоху и по всей справедливости назван возобновителем и духовным возродителем вверенной ему обители[1].

В должности настоятеля о. Филарет продолжал усиленно трудиться. Личным примером высокой подвижнической жизни, кротким словом наставления, проникнутым мудростью святых отцов, и неусыпным попечением об исполнении написанного им монастырского Устава[2], он в духовных чадах своих сумел воплотить истинно иноческие добродетели и тем положить прочное начало Глинскому общежитию, повлиявшему на развитие других монастырей, которые при своем основании или возобновлении заимствовали Глинский устав, а мужские обители, кроме того, и братию[3]. Та же ревность по Бозе, та же духовная попечительность о спасении братии побудили о. Филарета из строго выбранных выдержек аскетических творений святых отцов составить довольно пространное поучение "Новопостриженному монаху", в котором объясняется важное значение обетов и духовного преуспеяния вообще. Поучение отцом Филаретом было представлено на рассмотрение в Святейший Синод, признано вполне полезным и "по желанию высоких особ духовных"[4] в 1824 г. отпечатано по-славянски в С.-Петербургской синодальной типографии, с рассылкою по 10-ти экземпляров в каждый монастырь. В настоящее время поучение "Новопостриженному" можно считать редкостью, но оно не утратило важного значения для иноков: в нем

-- 1374

всякий монах найдет много полезных святоотеческих наставлений. Это побудило нас в 1897 г. издать поучение "Новопостриженному монаху" в русском переводе, предпослав ему другое краткое поучение того же приснопамятного старца, говоренное им новоначальным перед постригом.

Польза издания подтвердилась требованием книжки обителями и книгопродавцами.

Теперь она (в переводе со славянского языка. — *Примеч. издат.* "Глинского Патерика") издается второй раз с некоторыми исправлениями и дополнениями в подстрочных примечаниях. Она может служить настольной книгой монахов. Ее можно дарить новопостриженным или читать в день пострига[5].

Игумен Филарет читающих его поучение просил постараться сказанное исполнить делом, а его поминать в своих молитвах. Исполняя его желание, мы также просим боголюбивого читателя возносить свои моления о упокоении игумена Филарета.

Примечание

1 Настоятельствовал с 1817 г. по день смерти — 31 марта 1841 г.; погребен в соборном храме Глинской пустыни. Жизнеописание его продается в книжной лавке той же обители.

2 Утвержден Святейшим Синодом в 1821 г.

3 Монастыри эти следующие: Святогорский — Харьковской губ., Белгородский — Курской губ., Бузулукский — Самарской губ., Щегловский — близ г. Тулы, Борисовская женская пустынь — Курской губ. и иные монастыри, преимущественно женские, в Уфимской, Оренбургской и других губерниях.

4 Надо полагать высокопреосвященного Михаила, митрополита С.-Петербургского, и архиепископа Филарета, потом митрополита Московского, которые, лично "познав духовную опытность Игумена Филарета, возлюбили его, как присного о Господе" (Рукописн<ое> описание Гл<инской> пуст<ыни>, соврем<енное> о. Филарету).

5 С требованием обращаться по следующему адресу: в г. Глухов, Чернигов. губ., настоятелю Глинской пустыни. Цена книжки 10 коп. При выписке 50 или более экз. обычная уступка.

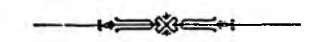
На с. 83 —
титульный лист книги игумена Филарета "До и после пострига...", по которой цитируется приводимый здесь текст

ДО и ПОСЛѢ ПОСТРИГА.

ПОУЧЕНІЯ МОНАХАМЪ

Глинскаго Игумена Филарета.

3-е изданіе
Глинской Пустыни
въ переводѣ съ славянскаго языка.



КУРСКЪ.
Электрическая Типографія Епархіальнаго Вѣдомства.
1911.

ПОУЧЕНИЕ НОВОНАЧАЛЬНОМУ ПЕРЕД ПОСТРИГОМ

Сын и брат о Господе!

Приступая к постригу, мне, при помощи Божией, хотя вкратце следует объяснить тебе значение воспринимаемого тобою святого ангельского образа. Блажен будешь ты перед ангелами и перед человеками, когда "Богу содействующу и молитвами святых потщишься подвижнически"[1] соблюсти все обеты, которые лучше исполняются оставившими "вся еже в мире" и всем сердцем желающими работать Богу не по нужде, но добровольно, с любовью, верой, терпя без роптания все случающееся до последнего своего вздоха, отсекая свою волю, ни в чем не оправдываясь и не противясь изменяющимся обстоятельствам и скорбностям иноческого жития[2] но относя их к Божиему о нас промышлению для очищения грехов, для испытания (искуса) и будущего воздаяния (венца), как говорят это святые отцы, которые ободряли себя надеждою вечных благ, уготованных Господом нашим для возлюбивших Его всем сердцем, истинно последовавших Ему и послуживших в преподобии и правде всю жизнь. Они хотя и были искушаемы от врага душ наших, но верою и терпением побеждали искушение. Так и ты, брат, если хочешь приблизиться к Богу и получить воздаяние, постарайся во имя Божие, сколько можешь, нести крест свой, подражая нас ради преклонившему небеса и сошедшему на землю, воплотившемуся Духом Святым от Пречистой Девы Марии Господу Иисусу Христу, от нечестивых иудеев нашего ради спасения многое претерпевшему, даже до распятия и смерти. Хочешь истинно спастися и быть со Христом в Царствии Небесном — последуй Христу и святым последователям Его; будь готов терпеть все[3], оставь свое, хотя и благое, мудрование, не надейся на себя, со страхом и трепетом совершай путь свой по совету духовных отцов[4], объявляя им свои немощи и прося их молитв. Всегда смиряйся, стараясь от сокрушенного сердца называть себя грешным и непотребным рабом. Понуждай себя к непрестанной молитве Иисусовой: ею прогоняются вражеские помыслы. Остерегайся праздности, стараясь добродетелями "светом миру быти", как сказано будет тебе при постриге. Если так поступишь и этим благоугодишь Господу, то заслужишь похвалу и прославишься перед ангелами и человеками, как верный воин Христов, и наследуешь Царствие Небесное со всеми святыми. Аминь.

Примечания

1 Буквальное выражение о. Филарета в поучении на славянском языке. Это и все последующие примечания — от переводчика.

2 У о. Филарета по-славянски "не противясь приражению" с объяснением, что под этим следует понимать "искушение". Буквальный

смысл сих слов, как их принято понимать, тут не имеет места. Искушению от диавола следует противиться, бороться. Мы перевели: "Не противясь изменяющимся обстоятельствам и скорбностям иноческого жития". Это те же искушения или испытания, только посылаемые от Бога, что и видно из нижеследующего.

3 По учению св. Григория Синаита, всякий подвиг телесный и духовный, не сопровождаемый болезненностью и не требующий труда, не приносит плода. Царствие Божие нудится и нуждницы восхищают е (Мф. 11, 12). "Многие много лет трудились, но ради безболезненности этой были чужды чистоты и не причастны Духа Святого, как отвергшие лютость болезней" (Письмо о духовной жизни епископа Феофана. М., 1897. С. 188).

4 Надобно разуметь старца-руководителя в жизни духовной или духовника и настоятеля.

ПОУЧЕНИЕ НОВОПОСТРИЖЕННОМУ МОНАХУ

Вступление

Возлюбленный брат![1]

Во имя Господа нашего Иисуса Христа, нахожу необходимым объяснить тебе, чего удостоился ты от призвавшего тебя всеблагого Бога нашего, к кому ныне причислен и какими обязал себя обетами, о которых должен будешь дать отчет во второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа, если не понудишь себя терпеливо исполнить их с духовным рассуждением, великим смирением, послушанием и отсечением своей воли. Иноческие обеты кажутся невозможными только неутвержденным в вере, холодным в ревности по Боге и малодушным; но истинным ревнителям и верным рабам Господним, по благодати Божией, и невозможное возможно. "Иго Мое благо и бремя Мое легко есть", — говорит Господь (Мф. 11, 30), хотя в другом месте тот же путь спасения называется Господом тесным (Мф. 7, 14) и прискорбным (Ин. 16, 33). На первый взгляд тут противоречие, а в действительности его нет. Святые богоносные отцы наши объясняют это так. Имеющим доброе произволение иго благо и бремя легко; не имеющим благого произволения, ленивым и нерадивым исполнение иноческих обетов — путь тесный и прискорбный.

О необходимости помощи Божией

Поэтому тебе, восприявшему ангельский образ, с самого начала следует от всего сердца призвать в помощь многомилостивого Подвигоположника нашего Иисуса Христа, дабы *иго Его* тебе *было благо.* Моли Господа влить в сердце твое огнь Его любви, возбуждающий разумно и неослабно проходить душевные и телесные подвиги, укрепляющие тебя в вере; да не придешь в отчаяние, когда приступят к тебе искушения, страсти, немощи и недоумения.

О противлении врагу спасения

Если бы и каждый день пришлось тебе тысячу ран принять, и тогда не слушайся врага твоего, не отступай от подвига и не впадай в отчаяние, но знай, что враг вооружается на тебя, завидуя твоему доброму намерению[2]. Итак, не унывай при вражеских искушениях: Господь вскоре посетит тебя тайным благодатным утешением; ибо Он через пророка говорит: "Аще бы и жена забыла исчадие свое, аз же не забуду тебе"[3]. Веруй слову Господню и со смирением жди милости.

По принятии святого ангельского образа ты причислен к жребию святых, крепко подвизавшихся против плоти, мира и диавола и угодивших Господу в преподобии и истине. Этого ты сам искал, ибо поступление твое во святую обитель не показывает ли, что ты тайно, одному Богу ведающему, дал обещание жить в посте, терпении, смирении, в послушании и скудости, довольствуясь только необходимым? Затем, принимая на себя ангельский образ и свидетельствуясь пред Богом, ты желал постнического жития не ради какой-либо беды или нужды, но ради угождения Господу и по своей непринужденной воле.

По заповеди Божией, ты отрекся от мира и сущих в мире, обещался "Богу содействующу" в сей обители или — где тебе за святое послушание повелено будет жить даже до смерти, при соблюдении поста, девства, целомудрия, послушания к настоятелю и всей о Христе братии, даже до смерти, и до смерти пребыть в нестяжании и добровольной Христа ради нищете общежития, ничего не приобретая, ничего не храня[4], кроме необходимого на общую потребность и то за послушание, а не по своему произволению. Ты исповедал, что с любовью принимаешь иноческие общежительные уставы, правила святых отцов и повеления настоятеля, готовый ради Царствия Небесного претерпеть всякую тесноту и скорбь иноческого жития. Слыша эти обещания, тебе напомнили, что невидимо предстоящие ангелы записали такое исповедание твое и что молитвой и постом должно тебе умолить Бога, дабы, начав путь, ведущий в Царствие Небесное, не возвратиться вспять (обратно), — такие неблагонадежны для Царствия Небесного (Лк. 9, 62).

Также увещевали тебя ничего не предпочитать и не любить более Бога: ни отца, ни мать, ни братию, ни кого-либо из близких, ни самого себя, ни мира сего, ни покоя или чести, да не отвратишься от нищеты, но пребудешь в ней до смерти, имея в уме своем спасительные страдания и животворную смерть Господа нашего Иисуса Христа, "яже волею спасения нашего ради претерпе". Как исповедал, так ради Господа и понеси охотно все скорби и тесноты, во всем "трезвись и злостражди, яко добр воин Христов" (2 Тим. 2, 3); ибо Сам Господь Бог "нас ради обнища, богат сый в милости" (2 Кор. 8, 9), да и мы обогатимся Царствием Его. Подражая Господу, терпи все ради Его и преуспевай в исполнении заповедей Его день и ночь. Сам Господь сказал: "Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет" (Мф. 16, 24). Взять крест значит быть всегда готовым даже до смерти на всякое исполнение заповедей Господних: алкать и томиться жаждою, принимать досады и укоризны, поношения и гонения и всякие скорби, которыми достигается истинная жизнь по Боге. Когда все перенесешь, радуйся, таковых, по слову Господню, "мзда многа на небесех". Все это ты знал и, уповая на споспешествующею благодать Христову, обещался исполнять до конца своей жизни. После положенных в чине пострига молитв перед Святым Евангелием тебе сказано было: "Се Христос невидимо зде предстоит: виждь, яко никто же тя принуждает прийти к сему святому образу; виждь, яко ты от своего си произволения хощеши обручение великаго ангельскаго образа". Подтвердив истину своего произволения, ты трижды от Святого Евангелия подавал ножницы и слышал, что принимаешь их от

руки Христовой. Тогда постригли тебя, но для чего? "В знамение отрицания мира и всех, *яже в мире*, и во отрезание своея воли и всех плотских похотей".

О символическом значении иноческого одеяния

Потом одели тебя в хитон власяной[5]. Для чего? Для напоминания терпения, добровольной нищеты, тесноты и всех бед.

Принял ты параман или нарамницу[6]. Для чего? "Во обучение великаго ангельскаго образа", в воспоминание об одежде нетления и чистоты, взятия на себя благого ига Христова, ношения легкого бремени Его, "в обуздание и связание всех похотей и желаний плоти своея"[7].

Дан тебе святой крест для ношения на груди. Зачем? Во всегдашнее воспоминание злостраданий, уничижения, оплевания, поношения, ран, заушения, распятия и смерти Спасителя нашего. И ты, по силе своей, старайся подражать страданиям Его. После сих скорбных воспоминаний, оделся ты в рясу[8], в отложение и попрание всех печалей и смущения, находящих от бесов, плоти и мира, и во всегдашнее веселие и радость о Христе.

Затем одел ты пояс в знак препоясания чресел (бедер) твоих силою истины (Ефес. 6, 14), во умерщвление тела и обновление духа, в бодрость и постоянное держание себя в осторожности или опасности согрешить (опаства), а также во святое исполнение (снабдение) заповедей Христовых.

Оделся ты в мантию (палий), как в ризу спасения и броню правды. Для чего? В ограждение от всякой неправды со всегдашним отсечением своей воли и своего мудрования, в памятование смерти, имея себя распятым миру и мертвым на всякое злое дело, но готовым во всякое время на добродетель ради Господа.

После мантии принял ты шлем спасения и непостыдного упования, "во еже возмощи тебе стати противу козней диавольских" (Ефес. 6, 11)[9].

Покрыл голову свою покрывалом[10]. В знак чего? В знак смирения, духовного любомудрия, всегдашнего послушания и во отвращение глаз своих, еже не видети суеты мира сего лукавого и прелестного.

Обулся в сандалии. В ознаменование чего? В ознаменование благодушного расположения[11], с которым ты должен быть скор и усерден на всякое послушание и на всякое доброе дело; медленным же к исполнению своей воли и всякого неприличного, непотребного дела.

После сандалий принял ты четки (вервицу). В знак чего? В знак памятования о творении непрестанной молитвы: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. Почему и сказано было тебе: "Приемлеши меч духовный, иже есть глагол Божий". Имя Иисусово должен всегда иметь в уме, в сердце, в мыслях и устах. Бесы более всего боятся и трепещут этого меча духовного (молитвы Иисусовой).

Затем дан тебе в руки крест Христов — щит (символ) веры, да возможешь "вся стрелы лукавого разжженныя угасити" (Ефес. 6, 16). Крест еще дан тебе для всегдашнего памятования слов Господних: "Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе и возьмет крест свой и последует Ми"[12].

Напоследок, принял свечу. В знак чего? В знак того, что отныне должен чистым и добродетельным житием и добрыми нравами быть

светом миру, как говорит Господь: "Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрыя дела и прославят Отца вашего, иже на небесех" (Мф. 5, 16). Приняв обручение ангельского образа, ты "оболкся во вся оружия, во еже мощи тебе крепко победити всю силу и брани начал, и властей, и миродержителей тьмы века сего, и духов злобы поднебесных"[13].

Обряд пострига надобно понимать духовно

Совершившийся над тобою обряд пострига ты должен разуметь духовно, как и в священной песне при постриге сказано. Познаем, братие, тайны силу. Какую силу? Благодать Святого Духа, данную тебе при постриге. Отныне, возлюбленный брат, ты принял усыновление от Господа и причислен к избранному воинству Христову. Поэтому тебе следует усилить подвиги, иметь доброе око ума и при воротах сердца поставить крепкую стражу — память смертную с сокрушением сердца, смирение с мечом духовным, т.е., с молитвою Иисусовою. За это воинствование ты будешь спрошен Царем Небесным: верен ли был в исполнении воли Его, все ли делал ради любви к Нему, со страхом ли Божиим и ради ли прославления имени Его Святого? При этом нам должно более подробно знать, в чем состоит самое отречение, зачем мы пришли в монастырь и что значит одеяние, в которое облеклись и с которым должны сообразоваться, подвизаясь подобно отцам нашим. Начнем с одеяния, по объяснению аввы Дорофея.

Еще о значении мантии

Для чего мы носим мантию, не имеющую рукавов? Рукава — подобие рук, а руки означают действие. Когда нам приходит помысел что-либо сделать руками ветхого (плотского) человека, например: украсть, ударить или вообще сделать руками какой-либо грех, то мы должны обратить внимание на мантию и вспомнить, что она не имеет рукавов и руками не должны делать какое-либо дело ветхого человека. Мантия наша напоминает багряницу[14]. Как воины носят широкие плащи (епанчи, шинели) наподобие царской багряницы, по которым узнают, что они служат царю, так и мы носим мантию в знак того, что стали воинами Христовыми. Иисус Христос одет был в багряную ризу, как Царь, ибо действительно есть Царь Царствующих и Господь Господствующих; одет был в багряницу и как поруганный нечестивыми. И мы, нося мантию, должны подражать Господу и переносить всякие страдания. Как воин, ради торговли или земледелия, не должен оставлять службу, чтобы не лишиться своего звания (см. 2 Тим. 2, 4), так и мы должны подвизаться в прилежном служении единому Богу, не заботясь ни о чем мирском.

О значении пояса

Пояс мы носим, во-первых, в знак того, что готовы на дело; ибо каждый, приступающий к работе, сперва опоясывается и потом начинает работать, как и Господь говорит: "Да будут чресла ваша препоясаны" (Лк. 12, 35). Во-вторых, мы носим пояс в означение умерщвления похоти

нашей, подобно поясу, сделанному из кожи убитых животных. Пояс носится на чреслах (бедрах), где находятся и почки, в которых, как говорят, заключается похотная часть души. Значит, пояс напоминает сказанное апостолом: "Умертвите уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту" и проч. (Колос. 3, 5).

О значении аналава

Аналав (параман)[15], полагаемый на плечи наши крестообразно, означает, что мы на раменах (плечах) наших носим знамение креста во исполнение слов Господних: "Возьми крест свой и последуй Ми" (Мк. 6, 34). Что же означает крест? Не что иное, как совершенное умерщвление (всего мирского), которое достигается нами верою во Христа.

О значении кукуля и камилавки

Надеваем мы и кукуль (у схимников, а у монахов клобук, или камилавка с покрывалом), означающий смирение. Кукули (остроконечные шапочки) носят незлобивые младенцы, мы же носим кукуль для того, чтобы младенствовать злобой, ибо, по слову Господню, кто не будет как дитя, не внидет в Царствие Небесное. "Не дети бывайте умы, — сказал также апостол, — но злобою младенствуйте" (1 Кор. 14, 20)[16]. Что же значит "младенствовать злобой"? Младенец незлобив: если будет обесчещен, не гневается, и если почтен будет, не тщеславится. Кто у него что возьмет, он не печалится: младенствует злобой, не мстит за оскорбление и не ищет славы. Кукуль также подобие благодати Божией. Как кукуль покрывает и греет голову младенца, так и благодать Божия покрывает ум наш, наше о Христе младенчество, простоту и чистоту от демонов и споспешествует нам трезвиться (блюсти ум) и молитвой отражать вражеские прилоги.

Имея на чреслах пояс, означающий умерщвление бессловесной похоти, на плечах аналав или крест и кукуль — символ незлобия и младенчества о Христе, — будем жить сообразно одеянию нашему[17], чтобы, как сказали отцы, не оказалось, что мы носим чужое одеяние[18]; но как оставили великое, так оставим и малое[19].

Об отвержении мира

Теперь считаю нужным напомнить тебе об отвержении мира. Авва Дорофей говорит, что "отвергается человек мира или оставляет мир и приходит в монастырь с желанием приблизиться к Богу и восстановить в себе образ Божий, потемневший страстями после Святого крещения". Отцы наши познали, что, живя в мире, не всегда удобно исполнять добродетели, и установили особый порядок жизни, или жизнь монашескую. Они стали удаляться от мира, жить в пустынях в посте, бдении, спании на голой земле, перенося различные злострадания, в современном отречении от (родины) сродников, имений и приобретений, словом, распяли себя миру. И не только сохранили заповеди, но и принесли Богу дары. Объясню, как это они сделали: заповеди Христовы даны всем христианам, и всякий христианин обязан исполнять их; они,

так сказать, должная дань Царю: но отцы не только сохранили заповеди, а с другими добродетелями принесли дары Богу: девство и нестяжательность. Вместе с тем они распяли себе мир, стараясь распять и себя миру, как говорил апостол: "Мне мир распяся и аз миру" (Гал. 6, 14). Какое же между этим различие? Как мир распинается человеку и человек миру? Когда человек отрекается от мира и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяние (другим) и принятие (от них), тогда им распинается мир, ибо он отверг его. Это и значат слова апостола: "Мне мир распяся"[20]. Потом апостол прибавляет: "И аз миру". Как же человек распинается миру? Когда освободившись от внешних вещей, он подвизается против самых услаждений или против самого вожделения вещей, против своих пожеланий и умертвит свои страсти, тогда и он может с апостолом сказать: "Мне мир распяся и аз миру".

Отцы наши, как сказано, распяв себе мир, подвигами своими распяли и себя миру; а мы думаем, они распяли мир только потому, что оставили его и пришли в монастырь, и себя не хотим распять миру, ибо еще любим наслаждения и славу мира; еще имеем пристрастие к снедям, одеждам и к хорошим предметам, нас окружающим. Оставив мир, великие и малые вещи и придя в монастырь, мы думаем — оставили все мирское: но и в обители, посредством каких-либо ничтожных предметов, удовлетворяем мирские пристрастия наши[21]. Это происходит от многого неразумения нашего, и не так должно быть.

Об отсечении своей воли

Отрекаясь мира и вещей его, надо отрешиться и самого пристрастия к вещам; ибо пристрастие к миру и маловажные обыкновенные вещи, не стоящие никакого внимания (по отношению к важности спасения), опять привязывают нас к себе[22], а мы не знаем и не разумеем этого. Посему если хотим совершенно измениться и освободиться (от мира), то научимся отсекать хотения наши и таким образом, мало-помалу, с помощью Божией, преуспеем и достигнем бесстрастия: ибо ничто не приносит такой пользы человеку, как отсечение своей воли. От отсечения воли человек преуспевает более, чем от всякой другой добродетели. Отсекать свою волю можно десять раз в самое короткое время. Объясню это. Положим, кто-нибудь, проходя небольшое расстояние, увидел что-либо, и помысел говорит ему: "Посмотри туда", а он отвечает помыслу в уме своем: "Не стану смотреть", не смотрит и отсекает свое хотение. Встречает празднословящих, и помысел говорит: "Скажи и ты такое-то слово", а он не говорит. Помысел внушает идти и спросить у повара: "Что варит?" — он не идет и отсекает хотение. Увидел какой-либо предмет, и помысел говорит: "Спроси, кто принес это?" — а он не спрашивает. Таким образом, начиная с малого, человек привыкает в великом спокойно и без труда отсекать свою волю: наконец достигает того, что вовсе не имеет воли. Что ни случится, он бывает спокоен, как будто не имеющий пристрастия, и от этого он приходит в совершенное бесстрастие. Видишь ли, в такое преуспеяние постепенно приводит отсечение своей воли?

Необходимость иметь старца-руководителя

Никто не может сподобиться благодати бесстрастия, достигаемой послушанием и смирением, если не понудит себя отсечь свою волю и не

предаст себя ради Бога своему отцу духовному (старцу-руководителю), делая все, что говорит ему руководитель, не сомневаясь, как бы слушая самого Бога[23]. Святой Василий Великий в своем постническом слове об отсечении мира тщательно велит искать духовного и искусного отца (руководителя) для отдания себя в повиновение. "Если найдешь такого, то предай себя ему, — говорит святитель Христов,— оставь свою волю, да будешь чистым (избранным) сосудом". Так же учат Григорий Синаит и другие отцы. Все они согласно говорят, что ни от чего нет более успеха (в иноческой жизни), как от истинного повиновения, при оставлении своего рассуждения о всякой вещи, хотя бы кто изучил всю мудрость мира сего: ибо по апостолу: "Премудрость мира сего, буйство у Бога есть" (1 Кор. 3, 19); и "аще кто в вас хощет мудр быти в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет" (1 Кор. 3, 18). Поэтому не следует уповать на свою мудрость или свой ум и говорить: я сам без наставления могу себя спасти. Такие не подражают смирению Христа Бога нашего, Который "смирил Себя, послушлив быв даже до смерти" (Фил. 2, 8). Такие, уповающие на себя, подражают гордому противнику Христову, от чего да избавит нас Господь Бог. Не потому ли человек не имеет преуспеяния в добродетелях и не понимает причины своих частых падений, что отвергает послушание?[24] "Имже несть управления, падают аки листвие; спасение же есть во мнозе совете" (Притч. 11, 14). "Видишь ли, — спрашивает св. Дорофей, — чему учит нас Священное Писание?" Оно учит нас не полагаться на самих себя, не считать себя разумными, не верить тому, что можем сами управлять собою, ибо мы имеем нужду в помощи от наставляющего нас по Богу. Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника на путь Божий. Что же значит сказанное: "*имже несть управления, падают аки листвие?"* Лист сначала бывает зеленым, но при начавшихся холодах желтеет, засыхает и падает. Тогда пренебрегают им и попирают его. Так и человек, никем не управляемый, сначала имеет усердие посту, бдению, безмолвию, послушанию и к другим добрым делам; потом усердие это мало-помалу охладевает. Не имея никого, кто бы наставлял его, поддерживал и воспламенял в нем это усердие, он (подобно листу) нечувствительно засыхает, падает и наконец становится подвластным рабом врагу спасения, который делает с ним, что хочет. Об открывающих же свои помышления и поступки и делающих все по совету, Писание говорит: спасение есть во мнозе совете. Не говорит "в совете многих", чтобы с каждым советоваться, потому должно советоваться обо всем с одним (старцем или духовником) и не так, чтобы одно говорить, а о другом молчать, но обо всем советоваться; такому есть верное спасение во мнозе совете[25].

Когда видит диавол, что кто-нибудь не хочет согрешить, то он не настолько неискусен в делании зла, чтобы внушить ему делать явные грехи, но умаляет их. Не говорит: "Иди сотвори блуд или поди укради", знает, что не хотим этого, и не считает нужным внушать нам нежелаемое, но находит в нас одно пожелание или самооправдание и под видом доброго вредит нам. Когда мы держимся своей воли и следуем оправданиям нашим[26], то, делая, по-видимому, доброе дело, сами себе расставляем сети и даже не знаем, как погибаем. Соединение оправдания с волею есть совершенная смерть, великая опасность, великий страх, тогда окончательно падает несчастный (человек).

Враг спасения ненавидит советы со старцем

Лукавый враг не только ненавидит наставление, но даже самый голос наставляющего: ненавидит даже самые вопросы у опытных людей, ибо знает, что при открывании немощей и при исполнении полезных советов обнаруживается его злодейство[27].

Падение и погибель души происходит от самоволия

Об опасности следовать своей воле было сказано и в чине пострига, так как многие древние великие добродетельные подвижники по нерассуждению своему и житию без совета отцов прельстились и погибли.

О таких подробно пишет преподобный Иоанн Кассиан в слове о рассуждении и, между прочим, прибавляет: "Ничем другим диавол не ведет инока к погибели, как внушает ему не слушаться отеческих советов и следовать своему мнению и своей воле". Об этом же преподобный авва Дорофей говорит: "Не знаю другого падения монаху кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят: от того или от другого падает человек, а я, как уже сказал, не знаю другого падения кроме сего, когда человек последует самому себе"[28]. Видел ли ты падшего, — знай, — он последовал самому себе[29]. Нет ничего опаснее, нет ничего губительнее последовать себе[30]. Постараемся же спрашивать преуспевших[31] и хранить свою совесть. Пока мы находимся в этом мире, не допустим, чтобы совесть обличила нас в каком-либо деле, отнюдь не будем попирать ее ни в чем, хотя бы то было и самое малое.

Не пренебрегай малым

Знай, что от пренебрежения малым и в сущности ничтожным переходим к пренебрежению великим. Кто начнет говорить: "Что за важность, если скажу это слово? Что за важность, если съем эту безделицу? Что за важность, если я посмотрю на ту или другую вещь?" — тот впадает в худой навык и мало-помалу, попирая совесть, начинает пренебрегать великим и важным. Таким образом, закосневает во зле и находится в опасности прийти в совершенное нечувствие. Поэтому берегись пренебрегать малым, оно не малое, ибо через него образуется худой навык[32]. Будем же внимать себе и заботиться о легком, пока оно легко, чтобы не стало тяжелым. Добродетели и грехи начинаются от малого и приходят к великому добру и злу[33].

О совести и страхе Божием

Для совершенствования в добре необходимо нам блюсти свою совесть, как повелевает нам Господь во Святом Евангелии: "Буди, — говорит, — увещеваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним" (Мф. 5, 23), т.е. спеши мириться с совестью твоей (спеши каяться, искупать грехи и делать согласное с совестью), пока живешь в сем мире[34]. Но отчего человек, преуспевая в добродетелях, достигает постоянного душевного мира и чистой совести?

"Страхом Господним уклоняется всяк от зла", — говорит приточник (Притч. 15, 27). Так же и пророк Давид пишет: "Бойтеся Господа вси Святии Его" (Пс. 33, 10), и в другом месте: "Работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему с трепетом" (Пс. 2, 11). Это относится и к новоначальным и к совершенным: к первым, да приближаются к Богу страхом; вторые, да не отпадут от благодати и любви Божией, да не лишатся духовного утешения, почему и сказано: "и радуйтеся и трепещите", иначе враг сделает тайную засаду: у невнимательных похитит имеемое, у внимательных произведет смущение и посмеется над многими. Вот почему нам необходимо уклоняться от зла.

О подвигах и искушениях

Что следует ожидать начавшим уклоняться от зла? "Чадо, — говорит премудрый, — аще приступаеши работати Господеви Богу твоему, уготови душу твою во искушение" (Сир. 2,. 1). То же подтверждает и св. Илия Екдик. "Христианину, правоверующему в Бога, — говорит сей святой муж, — не следует беззаботно предаваться беспечности, но (следует) всегда ожидать искушения и быть готовому встретить его, чтоб когда, придет, не изумляться и не смущаться"[35]. "Достоинство[36] монаха познается в искушениях", — говорит преподобный Пимен. "Блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв, приимет венец жизни, его же обеща бог любящим Его" (Иак. 1, 12). Напротив, не искушенный муж не искусен, а кто сам во всем будет искушен, может и искушаемым помочь[37].

В чем состоит испытание Божие и искушение вражеское?

Святой Димитрий Ростовский в летописи об Аврааме говорит, что искушение бывает двоякое: искушает человека Бог, искушает диавол; но иначе искушает Бог, иначе — диавол. Одно есть искушение Божие, другое искушение диавольское. Божие искушение — испытание добродетелей человека: диавольское же искушение есть прельщение человека на грех. Бог искушает человека в терпении, послушании Ему, в чистоте сердца, в боголюбии. Таким искушением Он испытал Иова в терпении, Авраама — в послушании, Иосифа — в чистоте и израильтян — в боголюбии. Это видно из слов Моисея: "Искушает Господь Бог вас, аще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим и всею душою вашею" (Втор. 8, 3). Более всего Господь испытывает у нас боголюбие, так как, любя Бога, легко преуспевать во всех добродетелях; ибо ради любви к Богу мы терпим все, исполняем послушание, соблюдаем чистоту и делаем всякое доброе дело. Испытывает человека Бог не потому, что не знает его; Он *ведает тайные помышления сердца человеческого*, Ему и не содеянное нами известно, но потому испытывает человека, что хочет яснее показать добродетель для большего увенчания славою на небесах и для пользы ближних. Диавол, напротив, искушая человека, предлагает ему временную сладость греха, чтобы уловить его, как рыбу на удочку или как птицу сетью, а уловив его и поработив, влечет его в ад на вечную погибель. "Бог несть искуситель злым", — говорит апостол Иаков. Бог не искушает нас на злое, и потому "никтоже искушаем на злое, да глаголет, яко от Бога искушаем есть не искушает бо Той никогоже: кийждо же искушается от

своея похоти влеком и прельщаем" (Иак. 1, 13—14) диаволом на злое, и нет другого диавольского искушения, как только на грехи, чтобы каким-либо грехом человек прогневал, раздражил Бога и сделался достойным суда и казни вместе с диаволом в гееннских муках. Бог не искушает злых, не испытывает беззаконных, но испытывает добрых и верных рабов своих. Святой Климент, папа Римский, говорит: "Злой муж не искушается от Бога". То же свидетельствует Священное Писание: "Яко же искушается в огни серебро и злато, тако избранных сердца от Господа" (Притч. 17, 1). Слышите: "сердца избранных" праведников, любимых Богом, искушаются или испытываются, а не грешников, ненавидимых Богом, те только вразумляются и наказываются[38]: "Многи раны грешному", — говорит псаломник (Пс. 31, 10). Бог искушает, любя добродетельного мужа; диавол же искушает, ненавидя его (и добра, творимого человеком). Бог искушает любимого раба Своего, попуская ему скорби и печали (заботы), желая очистить его согрешения (от них никто не свободен), и сделать его подобно золоту, очищенному в огне чистым, достойным небесных благ[39]. Так премудрый о праведниках говорит: "Бог искуси их, и обрете их достойны Себе, яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодную жертву преят их" (Премудр. 3, 5—6)[40]. Диавол же искушает человека не для очищения от грехов, а для того, чтобы ввергнуть его в большие греховные скверны, сделать мерзким Богу и недостойным Небесного Царствия. Бог, искушая человека, хочет спасти его, диавол — погубить. Бог искушенному, испытанному от Него приготовляет венец (славы в Царствии Небесном); диавол же принявшему искушение на грех готовит муки. Божие искушение сначала бывает неприятно, прискорбно, но в будущей жизни доставляет наслаждение вечными благами (хотя и здесь, на земле, человек бывает не без благодатного утешения Святого Духа). Диавольское же искушение вначале сладко, а после краткого услаждения неминуемо бывает горькое угрызение совести, которое начинается здесь и продолжается в вечных нескончаемых муках. Итак, одно есть искушение (испытание) Божие, другое искушение диавольское.

О скорбях и терпении

При этих искушениях подвижнику приходится немало скорбеть, чтобы терпеливо снести испытание Божие и не впасть в искушение диавольское[41]. Не ложно, говорит слово Божие: "Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие" (Деян. 14, 22). "Скорби, — говорит авва Дорофей, — привлекают к душе милость Божию". Поэтому нам не должно смущаться и унывать в искушениях, но надобно терпеть и благодарить Бога за скорби, ибо Сам Бог сказал: "В терпении вашем стяжите души ваша" (Лк. 12, 19), и в другом месте: "Скорбни будете в мире, но дерзайте", утешает нас (в лице апостолов). "Аз, — говорит, — победих мир" (Ин. 13, 33). Нам должно учиться терпению скорбей и пребывать в них, помня скорбную земную жизнь Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего, "идеже Аз есмь, ту и слуга Мой будет" (Ин. 12, 26). "Такая жизнь (жизнь в скорбях, в терпении), — пишет св. Петр Дамаскин, — есть путь к будущему веку, ибо и не желая мы не избежим того, что должно совершиться, а если будем напрасно смущаться, то потеряем награду за терпение и окажемся противниками определения Божия, так

как все, что делает Бог, "добро зело" (Быт. 1, 31), хотя мы не разумеем этого. "Наставит бо, — говорит (Священное Писание), — кроткие на суд" (Пс. 24, 9), более же на рассуждение дел. Рассуждение кроткого человека и во время огорчения предохраняет от смущения. Зная, что не без причины пришло к нему искушение от Бога, брата или кого-либо иного, но за прежнее свое оскорбление в ведении или неведении, он радуется, что теперь, ради терпения огорчения ему нашелся случай получить прощение прежде худо содеянного. Кроткий человек рассуждает, что если он не простит брату своему согрешений его, то и Отец Небесный не простит его[42]. Прощением согрешений ближнему скорее всего достигается очищение немоществующей души нашей, ибо искушение попускается нам Богом, как духовное врачевство[43]. Правильный путь человека (особенно инока) узнается по терпению искушений и по постоянству исполнения заповедей. Если же человек не имеет терпения и смирения (будет малодушествовать, смущаться, во всем не нравящемся ему обвинять других, то много повредит себе, ибо многие погибли в безумии своем, веруя своему рассуждению, думая спасаться без руководителя и без опыта, бывающего от терпения и смирения, ибо только испытанные не поддаются скорбям и искушениям[44]; а если им и бывает попущена брань от Бога, то она приносит пользу, совершенствуя неустрашимость подвижников против врагов спасения и научая их большему опыту в брани. Св. Ефрем Сирин пишет: "Если хочешь научиться бояться Бога, иди и прилепись к человеку, боящемуся Бога, и тот научит тебя страху Божию. Научившись бояться Бога, научишься и любить Его и претерпевать все находящее (прискорбное) ради Него. Кто сеет правду, пожинает плоды жизни и не изнемогает в трудах, имея пред собою упование: где подвиг, там и воздаяние; где победы, там и почести; где брань, там и венцы. Зная это, запасись терпением и говори со святыми: "Мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа".

Путь спасения для одних тяжел, для других легок

Путь спасения в одном месте Святого Евангелия (как говорилось вначале) Иисусом Христом назван *тесным и прискорбным*, а в другом — *игом благим и бременем легким* (Мф. 7, 13 и 11, 30). Как же то и другое, кажущееся противоположным, видится в одном и том же? Так, по свойству своему (для плоти) путь сей жесток и труден, а по произволению совершающих его и по надеждам благим он вожделен, возлюбен и сладостен, паче нежели скорбен для душ добролюбивых. Послушай, что говорит блаженный Лука об апостолах: "Они после биения бичами от лица собора (старцев Израилевых) возвратились радуясь" (Деян. 5, 40—41)[45]. Если Господь говорит: "Царствие Небесное нудится" (Мф. 11, 12), то говорит по ветхому человеку (по плоти, а не по духу). Если бы Царствие Небесное по природе нашей приобреталось с великим усилием, то никто бы не вошел в него; но как в нас от природы вложено стремление к добру и истине, то хотящим спастись (при споспешествующей благодати Божией), иго Господа благо и бремя легко в той мере, в какой они бренное тело с его страстями и похотями порабощают духу, стремящемуся любовью, правдой и святостью восстановить в себе потемневший образ Божий. Для таких *Царствие Божие близ и внутрь есть*, — они сами нудят

себя возможно скорее достигнуть бесстрастия. Напротив, для не имеющих доброго произволения (порабощенных страстями) Царствие Небесное достигается с трудом (нудится), путь (спасения) скорбен и врата (в Царствие) тесны. Значит, единственно воля наша или содействует или препятствует нам спастися. Хочешь ли что доброе сделать? Делай. Не можешь? Желай, и это вменится тебе, как дело. Итак, мало-помалу человек сам собою привыкает делать или доброе или злое. Если бы это было не так, то ни один разбойник не спасся бы. Но мы знаем, что не только один, но и многие разбойники просияли святостью. Кажется, великое расстояние между разбойником и святым, но чего как бы невозможно достигнуть по свойству плоти, то достигается произволением. Видим и слышим мы, как многие, без упования получить Царствие Небесное, переносят великий труд и часто не достигают своей цели. Нам ли ради небесных и вечных благ не потерпеть многое? При добром произволении стяжание добродетелей не тяжело, но более радостно, ради даваемого душевного покоя и будущего воздаяния.

Трудящийся с упованием и верою, хотя и нескоро, побеждает страсти, (постепенным навыком) достигает добродетелей и приближается к Богу: когда же очистит ум свой и сердце от страстей, то примет благодать Божию, которая без сокрушения, очищения сердечного и молитвы не дается[46].

"Мы, — говорит преподобный Нил Сорский, — по лености, привязанности к миру и небрежности о жизни по духу говорим: "Жизнь по духу свойственна была только древним святым, а нам и не нужно и невозможно все сие исполнить". Но нет! Не так это, не так! Невозможно исполнить тому, кто самопроизвольно подчиняет себя страстям и не хочет искренне покаяться, истинно прилежать Духу Божию, а любит только заботу о бесполезных житейских делах. Господь принимает всех искренне кающихся, кто с сердечной любовью и страхом ищет Его, к Нему обращается и исполняет заповеди Его. Так свидетельствует нам все Божественное Писание. И древние отцы сами проходили это поприще, и один другого назидали и укрепляли. По оскудению же таковых учителей, кто ныне пожелает потрудиться в деле Божием, тому благодать поможет и вразумит[47]. А тех, кои и сами не желают подвизаться и других приводят только к нерадению и безнадежности, говоря, что ныне не бывает, как древле, дарований и даров от Бога, — Священное Писание называет заблуждающимися и приводящими в заблуждение других (2 Тим. 3, 13).

"Иные и слышать не хотят, что в наше время проявляется благодать Божия. Они омрачены бесчувствием, неразумием и маловерием", — говорит Григорий Синаит.

О трезвении и молитве

"Мы же, зная все из Божественного Писания, если желаем искренно порадеть о деле Божием, прежде всего и насколько возможно удалимся суеты сего мира, постараемся исторгнуть страсти, соблюдая сердце свое от лукавых помыслов и во всем исполняя заповеди Божии. Чтобы блюсти сердце, нужно всегда иметь молитву. Это первая степень иноческого возраста, и иначе нельзя умалить страстей", — сказал Симеон Новый Богослов, как и прочие святые отцы учат. В устранение худых помыслов и

- 1374

страстей для новоначальных, сказали отцы, очень полезны рукоделие с молитвою или какое-либо другое послушание, особенно же во время скорби и уныния. Отцы наши не допускают монаху и на малое время оставаться в праздности, тем более монаху юному[48].

Будь внимателен к тому, что если не смиришь свой разум, — благодать Божия оставит тебя и ты падешь в те грехи, которыми был искушаем[49]. Стоять же твердо в добродетелях зависит не от тебя, но от благодати Божией, предохраняющей от всяких падений, тебе самому необходимо только быть осмотрительным, чтобы по твоей вине не укреплялись в тебе лукавые помыслы[50].

О пребывании с Богом

Мучимые и в плену держимые страстями, мы нередко в недоумении вопрошаем сами себя, отчего претерпеваем это? Ведать надлежит, что такие пленения бывают с нами по причине отступления нашего от созерцания Бога[51]. Если же кто прилепится умом своим к Богу нашему и Владыке[52], то, верен Бог, Сам Спаситель всех избавит такую душу от всякого пленения, как говорит пророк: "Презрех Господа предо мною вину, яко одесную мне есть, да не подвижуся" (Пс. 15, 8). Что же сладостнее, как иметь себя одесную Господа, покрывающего, ограждающего и не дающего подвигнуться? Но сподобиться сего от нас зависит.

Кто что любит, тот с тем непрестанно и быть желает и отвращается от всего, что препятствует соводворяться и сообщаться с любимым предметом. Ясно, что Бога любящий, всегда вожделевает с Ним (Богом) пребывать и беседовать. Достигается же сие нами чистою молитвою. Об ней и следует нам пещись, сколько есть сил, ибо она присвояет нас Владыке нашему[53].

О непрестанной молитве Иисусовой и трезвении ума

О молитве же одни святые отцы говорили, что надо произносить полную молитву: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя", а другие — половину: "Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя"[54]. По неопытности и немощи ума последнее, — говорят (святые отцы), — удобнее, ибо *никтоже в себе* тайно, чисто и совершенно, *может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). В нынешнее время многие, оставив это Божественное речение, хотят приблизиться к Богу одними внешними трудами и подвигами без умного внимания и молитвы. Такие, думаю, не знают (или забывают), что им при постриге, когда дан в руки меч духовный (вервица или четки), заповедано в уме, сердце и в устах непрестанно произносить: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного". Об этом, особенно монахов, учат св. Иоанн Златоуст и многие великие святые, просиявшие от сего умного делания. Они говорят: "Вкушаешь или пьешь, путешествуешь или что-либо другое делаешь — не забывай молитвы, без молитвы нет оружия на брань". "Ты же, — пишет св. Григорий Синаит, — когда приходят помыслы, призывай Господа Иисуса часто и терпеливо и они отбегут, ибо, не теряя сердечной

теплоты, подаваемой молитвою, они, как огнем палимые, отбегают". "Иисусовым именем, — говорит Лествичник, — бичуй супостатов"[55].

Отчего более всего человек приходит в преуспеяние от умного делания? От советов отцов, от истинного повиновения и терпения с верою, но если кто скажет, что от этого делания некоторые в прелесть впадают, то пусть послушает св. Григория Синаита: "Если же, — говорит, — некоторые совратились, повредились в уме, то знай, что они пострадали от самочиния и гордости"[56]. Мало успевают и много вредят себе от того, что хотят заниматься внутренним деланием без наставления, уповая на себя и свой разум и на внешние подвиги, вознерадев о хранении ума от помыслов и об очищении сердца от злобы и страстей. У положившего правильное опытное начало, все будет с пользою (благочинно), а при неправильном (неискусном) начале все будет рассеянно, нетвердо, бесполезно. Так учат богоносные отцы.

Св. Феодор Едесский пишет: "Первый наш подвиг — умалить страсти и по сем победить их. Второй подвиг — стяжать добродетели и не оставлять души своей пустою и недеятельною. Третий подвиг — трезвенно блюсти плоды наших добродетелей и трудов, ибо нам заповедано не только делать трудолюбиво, но и хранить бодренно"[57]. "Начало плодоносия — цвет, — говорит св. Исихий, пресвитер Иерусалимский, — а начало трезвения ума — воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие[58], которое достигается при мирном духе со всеми, а для сего последнего, как и для первого[59], более всего необходимо смиренномудрие с повиновением".

О смиренномудрии

"Прежде всего, — говорит авва Дорофей (во 2-м поучении), — нужно нам смиренномудрие, чтобы быть (всегда) готовым на каждое слово, которое слышим, сказать: "Прости", ибо смиренномудрием сокрушаются все стрелы врага и сопротивника"[60].

Что должно исполнять монаху?

Монаху, как сыну, должно от всего сердца и всем помышлением любить Бога; как рабу — благоговеть пред Ним и повиноваться Ему, со страхом и трепетом исполнять Его заповеди, каждодневно производя над собою суд относительно помыслов и дел (и затем) недостающее восполнять, а соделанным добрым не возноситься, называя себя рабом неключимым[61], должного не исполнившим, как следует; обо всем Бога Всесвятого благодарить и Ему приписывать все (сделанное) исправно в своей жизни; ничего не делать по тщеславию или человекоугодию, но все делать тайно, и от единого Бога ожидать похвалы.

Прежде же всего и более всего (необходимо) быть огражденным православной верой во все догматы Вселенской Церкви, переданные ей от апостолов, богопроповедников и от святых отцов, ибо жительствующим так великое воздаяние (будет): жизнь нескончаемая и обитель несокрушимая у Отца и Сына и Святого Духа — Единосущного Триипостасного Бога.

О хранении заповедей

"Конец слова: все слушай: Бога бойся и заповеди Его храни", — говорит Екклезиаст (12, 20). "Я тебе главный и скорый путь показываю: имей же страх Божий и с ним храни заповеди, и ты будешь совершенным человеком, ни в чем не нуждающимся. Таким человеком, каким тебе быть должно"[62]. Мужественная (бдящая над собой) душа во всей своей жизни имеет два горящих светильника: делательное и боговидное и ими совершает все потребное для спасения; немужественная же душа (слабая), более изнемогает, предаваясь земным наслаждениям. Зная это, будем бояться Бога и заповеди Его хранить, да будем "совершенни и ни в чем же лишени" из добродетелей (Иак. 1, 4), имея смиренное мудрование (помышление) и сокрушенное сердце[63], во всякое время омывая лице свое слезами и непрестанно возносия Господу молитву Арсения Великого: "Боже мой! Не остави мене: ничего не сделал я пред Тобою доброго, но дай мне, по благости Твоей, положить тому начало!" Ибо все спасение наше в благоутробии и человеколюбии Бога[64]. Ему же да будет слава во веки. Аминь!

Примечания

1 Рубрики сделаны переводчиком.

2 Кто не подвизается, тот ослабевает, приходит в нерадение и забвение должного. "Горе сердцам боязливым и рукам ослабленным и грешнику, ходящему по двум стезям", — говорит слово Божие. "Горе сердцу расслабленному, ибо оно не верует (малодушничает, мало надеется на Бога) и за то не будет защищено. Горе потерявшим терпение! Что будете вы делать, когда Господь посетит? Боящиеся Господа не будут недоверчивы к словам Его, и любящие Его сохранят пути Его" (Сирах. 2, 12—15).

3 Чин пострига. Изречение, равнозначащее Исаии (49, 15).

4 Святой апостол Павел истинным христианам желал быть беспечальными (1 Кор. 7, 32).

5 Власяница — рубашка козлиного, верблюжьего волоса или овечьей шерсти (мухояра), одеваемая на голое тело.

6 Малый четырехугольный плат с изображением креста и других орудий страдания Спасителя, носимый монахами на спине. У схимников — великий параман, многокрестник или полиставрион.

7 Чин пострига.

8 Она заменила милоть, или козью кожу, носимую древними иноками (См. Древ. иноч. уст. 1892 г. С. 107).

9 Как шлем или каска — головной убор воина, так камилавка — головной убор духовно-воинствующего монаха.

10 Наметка, или монашество, одеваемое на камилавку и покрывающее шею и плечи. Покрывалу усваивают название клобука. Клобуком также называют камилавку с надетым покрывалом.

11 В чине пострига сказано: "Брат наш обувается в сандалии благовествования мира, во еже скору быти ему и тщательным на всякое

послушание". Под благовествованием мира следует разуметь радость и спокойствие от сознания исполненного долга: когда совесть мирна и монах, совершенно покоривший волю свою воле Божией, во всякое время ради Бога и своего спасения с радостью готов на всякое послушание, на всякое доброе дело. Присутствие такого человека и на других изливает мир. Спокойное расположение духа по Богу принято называть "благодушием", хотя оно и не всегда понимается правильно. Благодушием иногда (неправильно. — *Примеч. издат. книги "До и после пострига..."*) называют благотелие, т.е. такую спокойную жизнь человека, когда он ест, пьет, спит и безразлично относится к исполнению высшего своего призвания.

12 Буквальное выражение в чине пострига, равнозначащее Мф. 16, 24.

13 Чин пострига. Изречение, равнозначащее Ефес. 6, 11 и 12.

14 Порфиру, или мантию темно-красную (багряную, пурпуровую), одеваемую царями в торжественных случаях. Здесь авва Дорофей говорит про багряный знак на мантиях, сравнивая его с таким же знаком на епанчах воинов, как символ принадлежности и служения их Царю. Теперь этих знаков на мантиях не носят. Значение знака мы перенесли на самую мантию.

15 В чине пострига сказано: "Кукуль с аналавом всегда вкупе бывают". Ими настоятель покрывает схимника. Следовательно, аналавом названа схима без кукуля. Аналав от древнегреческого значит нагрудник и вместе с кукулем действительно "полагается на плечах крестообразно", как говорит св. авва Дорофей. Монашеское покрывало, одинаковое по своему значению с кукулем и аналавом (см. "Новую Скрижаль"), крылушками своими также "крестообразно", покрывает или может покрывать плечи. Казалось бы, ему и следовало бы усвоить название аналава, но последнее принято относить к параману, который "крестообразно" только не полагается, а перевязывает одежду монаха, проходя пришитыми к нему тесьмами "через плечи". Кроме того, и по наружному виду покрывало имеет сходство с аналавом — четырехугольные, наподобие широкой ленты, похожей на параман древних монахов. Может быть, потому параману присвоили название аналава. Другая причина присвоения та, что параман, как выше сказано, "крестообразно" перевязывает монаха, а аналав "крестообразно" покрывает.

16 Вид кукуля и значение его также имеет иноческая остроконечная шапка, в которой, по примеру древних "неусыпающих", некоторые спят, посему она носит название спальни.

17 Одеяние указывает инокам на обязательные для них добродетели, чтобы уподобиться житию ангелов. Ибо последние вещественного одеяния не имеют. Черный цвет напоминает иноку плач о грехах, смерть и тоску по горнему отечеству (7-е слово "Лествицы", § 22).

18 Монашеское одеяние — одеяние земных ангелов и небесных человеков, как Святая Церковь называет преподобных. Кто не тщится уподобиться им в исполнение своих обетов, тот носит чужое одеяние.

19 1-е поучение аввы Дорофея.

20 Вступая в монастырь или давая обет, отрекаются родных, с желанием покориться уставам иноческого жития, настоятелю и братии. Чем долее кто живет, тем долее должен преуспеть в отсечении своей воли

и в исполнении святоотеческих установлений. Но кто ради родных легко нарушает монашеские правила, тот вряд ли может сказать, что ему мир распялся.

21 По слову Спасителя: "Никтоже возлож руку на рало и зря вспять управлен есть в Царствии Божии" (Лк. 9, 62). Орущий, держа руку на сохе и смотря назад, рассеян, невнимателен, плохой пахарь. Плохой монах, который отрекся от мира и смотрит назад в мир и делает мирское, монахам не свойственное, не управлен будет в Царствии Божии (не спасется).

22 Например, хорошая книга, четки, одежда или что-либо подобное, чем тщеславятся и дорожат более собственного спасения.

23 1-е поучение аввы Дорофея.

24 Самовольное исполнение нравится плотскому человеку, ибо питает его тщеславие, исполняется легко, возвышает самомнение и обольщает мнимой святостью. Напротив, делаемое по благословению, как должное, иногда бывает до невероятности трудно, смиряет гордыню нашу сознанием своей немощи и ведет ко спасению.

25 Св. Исаак Сирианин в 78-м слове инокам говорит: "Не ищи совета у того, кто не одинакового с тобой образа жизни, если он и очень мудрый. Скажи лучше помысел свой поэтому не ученому, испытавшему жизнь на деле, нежели философу, красноречиво говорящему по науке без опыта". Ибо, по слову св. Макария Египетского, рабы Божии, хотя бы и не знакомы были с науками, совершенствуются знанием Божественным и благодатию Божиею. Св. Иоанн Лествичник, советуя волю Божию узнавать спросом у других (§ 110 двадцать шестого слова) пишет: "Хотя бы вопрошаемые и не имели духовного разума (вполне), но (по вере прибегающего) есть глаголющий через них Невещественный и Невидимый (Бог)".

26 У врага спасения всегда находятся предлоги к нашему самооправданию. То он указывает на других, небрегущих спасением, что не от этого наши грехи умаляются перед Богом; то советует теперь пожить в свое удовольствие, а спасаться после; то ложно толкует, что мы не святые, чтобы ни в чем не сделать себе послабления, и т.д. Этим очень и очень многие уловляются, забывая, что повелевает нам Писание. Не только инокам, ищущим совершенства и святости, но всем верующим апостол Петр говорит: "Бодрствуйте (умом), уповайте на благодать Божию и, как послушные дети, не сообразуйтесь с прежними похотями, но, по примеру призвавшего вас Святого (Бога), сами будьте святы во всех поступках или во всем житии. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят. И, если вы называете Отцом того, Который нелицеприятно судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего: зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, но драгоценною Кровию Христа" (1 Петр. 1, 13—19). Тихий, кроткий и смиренный не оправдывается, а и чужие вины принимает на себя; не имеющий смирения и при важной вине себя оправдывает и обвиняет других.

27 5-е поучение аввы Дорофея.

28 В 4-м слове св. Иоанна Лествичник говорит: "Обманулись все те, которые, предавая себя Богу, подумали, что не имеют они нужды ни в

каком руководстве. Ибо, кто без помощи наставника вступает в борьбу с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен".

29 Итак, самоволие — причина нашего охлаждения и нашей погибели. Душа самовольника мятется, скорбит и не знает куда идет. Скорбит от сознания тщетности своего труда без послушания там, где должно быть полное повиновение и отсечение своей воли. Мятется от укоров совести, ожидая будущей ответственности за всякое слово и дело. И хорошо еще, если сознает, может быть, исправится; несознание при живом теле есть смерть души.

30 5-е поучение аввы Дорофея.

31 Под преуспевшими следует прежде всего понимать старца-руководителя или духовника и настоятеля.

32 Рассеянность, невнимание к себе, пустословие и праздность уничтожают все наши добрые начинания в духовной жизни, а осуждение других еще ввергает нас в осуждаемые или другие пороки. В 10-м слове св. Лествичник говорит: "Если бы человек без покрывала самолюбия увидел свои злые дела, то ни о чем другом не стал бы уже заботиться, помышляя, что на оплакивание самого себя недостанет ему времени".

33 3-е поучение аввы Дорофея.

34 Авва Дорофей говорит: "Совесть называется соперником потому, что всегда сопротивляется злой нашей воле и напоминает нам, что мы должны делать, но не делаем, и опять: чего мы не должны делать и делаем, и за это осуждает нас" (3-е поучение).

35 3-й том Русского Добротолюбия. § 1. "Цветособрание" св. Илии Екдика.

36 В славянском языке сказано: знамение.

37 Кто боится искушений, тот или добра не делает, или, сделав добро, совершает большее зло и разрушает прежде сделанное. Св. Антоний великий говорит, что без искушения и никто не спасется. То же утверждает и св. Лествичник в 26-м слове. Посему преподобный Марк подвижник истинной добродетелью считает то, когда после совершения добра человек победит искушение и не впадет в грех.

38 Пока не начнут каяться, сознавать свои грехи, избегать их и, по возможности, угождать Богу подвигами и делами милосердия. Тогда и те у Господа будут в числе избранных, ибо Он всем хочет спасения, всем подает благодать, всех призывает, и все, ищущие Его, обретают у Него милость по мере своего духовного преуспеяния и любви к Нему.

39 Здесь надо разуметь того человека, который прежде всего сам возлюбил Бога и хочет спастись. "Бог любит любящих Его" (Притч. 8, 17), но не спасет любимых без их желания. Это ясно видно из нижеприведенного текста: "Искуси их, и обрете их достойны".

40 Значит, Бог принял праведников в число избранных не ранее, как по испытании их в добродетелях.

41 Святые отцы различают пять причин, по коим Господь попускает нам искушения, соблазны и беды. 1) Чтобы, бодрясь, боримые навыкали различать истинное добро ото зла, которое умеет прикрываться мнимой добродетелью. 2) Чтобы добродетель, стяженная трудом в борьбе, была тверже и неприкосновеннее. 3) Чтобы, преуспевая в добродетели, мы не

возносились, но укреплялись в смирении. 4) Чтобы за терпение и труд в борьбе сподобиться большей награды. 5) Чтобы, достигши бесстрастия, мы не забывали о своей немощи и о силе Божией, или благодати, помогшей нам (Сборник аскетических писаний обители св. Саввы Освященного. М., 1891. С. 156). Без борьбы, искушений, бед и скорбей человек способен забываться и все доброе приписывать себе, а не благодати Божией. Как только подумает, как только засмотрится на себя, так и падет с высоты; надо, чтобы смирился, а не превозносился.

42 Напротив, гордый, тщеславный, самолюбивый, за всякую малость оскорбляется. Часто он видит оскорбление там, где его нет, и старается воздать ближнему тем же или еще худшим.

43 По Петру Дамаскину, кн. 1-я о второй заповеди.

44 Потому, что принимают все, как от руки Божией, за все благодарят Бога и вражеские прилоги прогоняют в самом начале.

45 Деятельные главы св. Феодора Едесск. 89 глава, т. III Русского Добротолюбия.

46 По Петру Дамаскину, 4-я часть славянского Добротолюбия.

47 Закон вечного Бога должен быть вечен, не изменяем временем или мнением плотского человека; но сам человек, хотящий спастись, обязан подчинить себя закону Господню. Апостолы учились у самого подвигоположника нашего Христа Спасителя. От них, преемственно, учились все святые. И теперь, кто хочет быть святым, должен учиться у святых, иначе как он святым будет! Для этого святые отцы оставили нам свои писания. Кто их держится и, по совету преуспевших в духовной жизни, исполняет, тот на верном пути; а противоположное сему само собою ясно.

48 2-е поучение св. Нила Сорского.

49 Начало всякого греха от гордости. Она порождает самомнение, возношение, осуждение и проч. Почему без смирения, говорят отцы, невозможно спастись. "Смирихся, — говорит царь Давид, — и Господь спасе мя".

50 По 3-му поучению св. Нила Сорского.

51 Самодвижный ум наш не может оставаться праздным: как только отойдет от небесного, святого, начинает омрачаться рассмотрением земного, нечистого и скверного.

52 Созерцание Бога (богомыслие и видение) и применение ума к Богу зарождается и развивается молитвою, чтением или слушанием Священного Писания, святоотеческих книг, памятованием Бога, постоянным сознанием присутствия Его; иначе говоря, в стоянии перед Богом, зрении Бога.

53 §§ 90 и 94. Феодора Едесского. Русское Добротолюбие. Т. III.

54 "Как произносить молитву" св. Григория Синаита. Русское Добротолюбие. Т. V.

55 "Как отгонять помыслы" св. Григория Синаита. Русское Добротолюбие. Т. V.

56 "О прелести" св. Григория Синаита. Там же.

57 § 97 Деят. Главы св. Феодора Едесского. Русское Добротолюбие. Т. III.

58 § 165. Слова о трезвении и молитве. Русское Добротолюбие. Т. III.

59 Т.е. как для мирного духа со всеми, так и для сердечного безмолвия.

60 Трудно ли сказать одно слово "прости", но самолюбивые готовы на многие жертвы, чтобы только не унизиться испрошением прощения.

61 Ничего нестоящим.

62 § 99 и 100 Деят. Главы св. Феодора Едесского. Русское Добротолюбие. Т. III.

63 § 100. Там же.

64 Там же.

ИЕРОСХИМОНАХ ПАХОМИЙ, ДУХОВНИК

Схимонах Пахомий, в миру дворянин[1] Петр Сковородка, был кавалергардским поручиком[2]. В 1800 г. он оставил службу и поступил в Софрониеву пустынь, где архимандрит Феодосий (Маслов) мудро руководил братией. В Софрониевой пустыни в 1802 г. Петр был пострижен в мантию. После кончины архимандрита Феодосия в 1803 г. он отправился на Афонскую Гору, где в 1805 г. в Хилендарском монастыре был пострижен в схиму.

Вернувшись в Россию в 1808 г., о. Пахомий поступил в Белобережскую пустынь Орловской губернии; в 1810 г. был перемещен в Домницкий монастырь Черниговской епархии, в 1812 г. — в Петропавловский монастырь, 6 июня 1819 г. — определен в Глинскую пустынь, в которую его приняли как духовно-опытного подвижника[3] и сразу же включили в число старшей братии обители, о чем свидетельствует его подпись на прошении иноков Глинской пустыни от 20 октября 1819 г. министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну о возвращении во владение пустыни лесной дачи[4].

Вскоре он принял священный сан и был назначен духовником обители[5].

Этот подвижник с особенной строгостью относился к своему телу. Он говорил, что побороть самого себя, смирить греховную плоть есть тяжелый подвиг, и в этой борьбе от человека требуется немало сил. Поскольку все члены тела нашего заражены грехом и все они вместе восстают на дух, то предстоит постоянное сражение, потому что "плоть похотствует на дух, дух же на плоть" (Гал. 5, 17). Старец учил, что борьба с грехом заставляет последователя Христова мобилизовать не только все его духовные силы, но и телесные. Только при таком сочетании и направлении сил души и тела возможна полная победа христианина над его ветхим человеком.

Истинная духовная жизнь старца Пахомия и его молитвенность указывали ему меру воздержания. Ведь всякий излишек моментально отражается на внутреннем состоянии духовного человека, и поэтому духовный опыт — лучший учитель борьбы с телом ради блаженной и святой свободы от страстей.

При строгом общем воздержании старец имел и особенный подвиг: он никогда не садился ни во время церковного богослужения, ни даже во время очень продолжительного келейного правила[6].

Духовную поддержку в своих подвигах старец находил в молитве церковной. Проведя ночь в молитве и подкрепив себя кратковременным сном, о. Пахомий утром снова спешил к началу церковного богослужения, где со страхом Божиим и благоговением вникал в каждое слово, черпая

благодатные силы, возводящие его душу в горние обители Отца Небесного.

Особенно благоговейно относился он к Божественной литургии, во время которой настолько одухотворялся и возносился умом в высшие сферы Божественной жизни, что даже не замечал усталости.

Духовная мудрость никогда его не оставляла. Он ни к кому не имел в своем сердце неприязненного чувства, обо всех имел благую мысль, всегда был мирен со всеми и никогда ни на кого не обижался. Старец Пахомий отличался долготерпением и кротостью. Никто не видел его в состоянии гнева или возмущения, разве только за преступление заповеди Божией. И то это возмущение было внешним, чтобы показать, насколько греховно и вредно для души нарушение заповедей. При этом старец никогда не повышал голоса.

Настоятель о. Филарет поручал о. Пахомию, как строгому подвижнику, окормление новопостриженных иноков. Так, в 1820 г. после пострига в рясофор его руководству был вверен Иоиль — известный впоследствии святостью жизни схиархимандрит Илиодор (Голованицкий). Старец Илиодор с особенной любовью и почтением вспоминал о своем духовнике иеросхимонахе Пахомии[7], в котором видел образец христианских добродетелей.

На основании творений святых отцов, а также личного опыта о. Пахомий учил его, что христианское совершенство состоит в глубине смирения. Все труды и подвиги наши только тогда будут иметь ценность в очах Божиих, когда будут основаны на смирении. Все страсти, которые часто обуревают подвизающихся над очищением своего сердца, не могут быть искоренены до тех пор, пока не смирится человек. Без добродетели смирения человек не может стяжать никаких дарований Божиих.

Иоиль с таким величайшим благоговением относился к своему отцу, что во время болезни последнего обнимал и целовал его распухшие и покрытые струпьями ноги[8].

Однако Иоиль недолго был под руководством своего любимого старца. Иеросхимонах Пахомий вскоре окончил свое земное поприще, мирно почив о Господе[9].

Примечания

1 Старец схиархимандрит Илиодор // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. М., 1908. С. 375.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 30.

Кавалергарды — привилегированная воинская часть в русской гвардейской тяжелой кавалерии; с 1724 г. — почетная стража императора во время торжеств; с 1800 г. — кавалерийский полк (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 525).

2 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 30.

3 Там же. С. 30.

4 ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 2.

5 Старец схиархимандрит Илиодор // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. М., 1908. С. 375.

6 Там же. С. 375.

7 Там же. С. 375—376.

8 Там же.

9 Кончина его последовала, вероятно, до начала 1822 г., поскольку в письме братии Глинской пустыни князю А.Н. Голицыну от 5 января 1822 г. подписи иеросхимонаха Пахомия уже нет (ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 42 об.).

Литература

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 30.

Старец схиархимандрит Илиодор // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. М., 1908. С. 375—377.

Архивные документы

По прошению Курской епархии Глинской пустыни строителя иеромонаха Филарета о возвращении во владение оной пустыни лесной дачи // ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 2.

ИЕРОМОНАХ ВАРСОНОФИЙ, ДУХОВНИК

Духовник Глинской пустыни иеромонах Варсонофий был ревностным хранителем церковных традиций и опытным духовным кормчим. В рукописи Глинской пустыни сказано, что он имел большое влияние на настоятеля Филарета[1]. Иеромонах Варсонофий являлся одним из насадителей истинного духовного руководства, душеводительства в Глинской пустыни.

Раскрывая необходимость борьбы с помыслами и откровения их старцу-духовнику, о. Варсонофий объяснял, что грех может заключаться не только в делах, но и в дурных мыслях и пожеланиях, которые способны осквернить сердце человека, удалить из него все доброе и святое. Человек, допустивший злые помыслы в свое сердце, нарушает тесное единение с Источником жизни — Богом, потому что Бог пребывает только в непорочных сердцах. Если такой человек и избегает телесных грехов, а в сердце соизволяет на грех, то грешит перед Богом, потому что мысленный грех служит импульсом к греховным действиям. Однако старец всегда указывал, что за человеком сохраняется власть согласиться с грехом или отвергнуть его от себя. Поэтому последователю Христову необходимо противиться порочным помыслам и не допускать их в свое сердце. Это несогласие с грехом имеет весьма важное значение в христианском подвиге, и на нем должно быть сосредоточено все внимание воина Христова. Старец Варсонофий особенно подчеркивал, что очень часто помыслы, на первый взгляд, кажутся невинными, не содержащими в себе ничего греховного, однако по своему существу они греховны. Останавливая внимание человека на таких помыслах, злая сила начинает действовать еще сильнее: внушает ему помыслы уже с более конкретными и очевидными признаками греховности и, наконец, ввергает его в бездну порока. Поэтому старец призывал иноков к частому и искреннему откровению помыслов. Отец Варсонофий учил, что борьба с греховными помыслами — дело нелегкое, потому что пресекающие греховные помыслы ведут борьбу непосредственно против самого диавола. Однако постоянная готовность человека решительно пресекать греховные мысли в самом их зародыше, чистосердечное их исповедание могут привести к полной победе над искусителем.

Отец Варсонофий отличался глубоким смирением. Он часто напоминал братии, что истинное внимание заключается в том, чтобы чем-либо не превознестись, но все покрывать самоукорением и смирением.

Старец Варсонофий имел от Бога такую благодать и чистоту сердечную, что провидел все внутренние тайные помышления приходивших к нему за советом. Но особенно действенны были искренняя любовь его и откровенное обращение, вызывавшие такую же искренность и любовь со

стороны иноков. Каждый из братии поверял старцу свою душу. Случалось ли какое искушение, возникало ли какое-либо недоумение или сомнение — со всем этим инок шел к старцу, все рассказывал ему и получал утешение. Если нападало на монаха уныние, отчаяние или он не мог найти места от какой-либо мысли, не зная, что и делать, то шел к старцу и получал душевный мир и покой.

Велика была сила молитв старца. Его молитвы способствовали одухотворению жизни учеников, просвещению их ума, очищению сердца, укреплению сил души в подвиге доброделания.

Точное время его пребывания в обители установить сложно. В самом начале настоятельства о. Филарета духовником Глинской пустыни был иеромонах Аввакум[2], через два года — иеросхимонах Пахомий[3], в 1824 г. — уже иеромонах Порфирий (Мамчич)[4], а в 1826 г. братским духовником стал иеросхимонах Пантелеимон[5]. Подпись иеромонаха Варсонофия впервые встречается на документах обители 5 января 1822 г.[6], а последний раз 28 февраля 1824 г.[7], т.е. он был духовником Глинской пустыни в начале 20-х годов XIX в. Отец Варсонофий был восприемником при постриге в мантию рясофорного послушника Иоиля, впоследствии великого Глинского старца схиархимандрита Илиодора (Голованицкого), совершенном 9 марта 1823 г.[8]. По всей вероятности, об отце Варсонофии идет речь и в жизнеописании Глинского подвижника иеродиакона Авксентия, где рассказано, как братский духовник ревностно вступился перед строителем Филаретом за несущего тяжелую епитимию о. Авксентия[9].

Строитель Филарет этому духовнику, как старцу, во всем повиновался[10].

Примечания

1 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. М., 1906. С. 39.

2 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 60.

3 Старец схиархимандрит Илиодор // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. М., 1908. С. 375.

4 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 29.

5 Глинский иеросхимонах Пантелеимон отшельник // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. М., 1912. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. С. 365.

6 ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 42 об.

7 Там же, л. 83 об.

8 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. М., 1906. С. 39, 243.

9 Жизнеописание Глинского подвижника иеродиакона Авксентия. Одесса, 1902. Вскоре иеродиакон Авксентий скончался в присутствии рясофорного послушника Иоиля. На основании этого можно заключить, что описанный случай мог произойти в период с 1820 г. (когда Иоиль был пострижен в рясофор) и до принятия им мантии в 1823 г., в то время, когда духовником Глинской пустыни был иеромонах Варсонофий.

10 Там же.

Литература

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. М., 1906. С. 39, 245.

Жизнеописание Глинского подвижника иеродиакона Авксентия. Одесса, 1902.

Архивные документы

По прошению Курской епархии Глинской пустыни строителя Филарета о возвращении во владение оной пустыни лесной дачи // ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 42 об, 83 об.

ИЕРОМОНАХ САМУИЛ

Об о. Самуиле сохранились сведения в жизнеописании Оптинского старца Макария (Иванова). В 1819 г. о. Макарий ходил на богомолье в Киев и на обратном пути заходил в Глинскую пустынь, "где вошел в близкое духовно-дружеское общение с одним из учеников отца Филарета... иеродиаконом Самуилом, опытным в молитве Иисусовой, в каковом молитвенном подвиге тот был под руководством своего наставника... С о. Самуилом о. Макарий провел три дня за чтением книги св. Исаака Сирина"[1].

В 1819 г. иеродиакон Самуил состоял в числе старшей братии обители. Его подпись находим на прошении иноков Глинской пустыни о возвращении монастырю лесной дачи от 20 октября 1819 г.[2].

Подписи на более поздних документах свидетельствуют о том, что в 1822 г. он был уже иеромонахом, а в 1824 г. — ризничим[3] Глинской пустыни. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Примечания

1 Старцы: о. Паисий Величковский и о. Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 598.

2 ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 2.

3 Там же, л. 42 об., 83 об.

Литература

Старцы: о. Паисий Величковский и о. Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 598.

Архивные документы

По прошению Курской епархии Глинской пустыни строителя Филарета о возвращении во владение оной пустыни лесной дачи // ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 2, 42 об., 83 об.

ИЕРОДИАКОН АВКСЕНТИЙ

Цит. по кн:
Жизнеописание Глинского подвижника
иеродиакона Авксентия.
Одесса, 1902.

"Предлежащая повесть, переданная нам старцем схиархимандритом Илиодором, полезна как для предохранения нас от осуждения ближнего, если мы видим его увлекающегося какой-либо слабостью, так и для тех, которые имеют какую-нибудь слабость, обратившуюся им в навык, удостоверяя, что таковые не должны отчаиваться в деле своего исправления и своего душевного спасения. Преподобный Исаак Сирийский говорит: "Если каждый день постоянно приемлем тысячи ударов, то да не малодушествуем и да не останавливаемся в течении на поприще; потому что в одном маловажном случае можно нам восхитить победу и получить венец.

Мир этот есть состязание и поприще для состязаний. Время это есть время борьбы. А в стране борьбы и во время состязания закона не полагается, то есть царь не полагает воинам своим предела, пока не будет кончено состязание, и всяк человек приведется к дверям Царя царствующих, и там испытан будет бывший в состязании, кто не допустил одержать победу над собою и кто обратил хребет свой. Ибо много раз случается, что человек, ни к чему не годный по неискусству своему, непрестанно бывает поражаем и низлагаем, и во всякое время, оставаясь в бессилии, вдруг похищает знамя из рук у воинства сынов исполиновых, и тогда превозносится имя его и восхваляется он гораздо более подвизавшихся и соделавших с известными в победах и получает венец и дорогие дары паче товарищей своих. Поэтому ни один человек да не останется в отчаянии. Не будем только не радеть о молитве и не поленимся просить помощи у Господа" (Исаак Сирийский. Слово 47-е).

Старец Илиодор, предохраняя братию от осуждения, говаривал: "Если мы видим какой-либо порок у нашего ближнего, мы не должны осуждать его; первое, потому что нам неизвестно его душевное состояние, второе, потому что нам неизвестно его будущее. Немало было случаев, что некоторые, проводящие жизнь порочную, были возбуждены Божественною благодатью к покаянию, исправились в короткое время и окончили жизнь праведниками". Старец Илиодор при этом рассказывал для назидания такой случай, которому был сам личный свидетель. Передаем его в той простоте, в какой слышали из уст старца.

В 20-х годах прошедшего столетия в Глинской пустыни был иеродиакон Авксентий, в миру Афиноген Андреев, уроженец города Мурома Владимирской губернии. До поступления в монастырь он проходил штатскую службу, имел чин губернского регистратора. Точных сведений о поступлении его в монастырь не имеется. Вероятно, он жил в Глинской пустыни до прибытия отца строителя игумена Филарета, прибывшего 1817 г. июня 6-го, а 1819 г. ноября 18-го по указу Святейшего Синода

Афиноген Андреев был пострижен в монашество строителем Филаретом, назван в постриге Авксентием и того же года 14 декабря рукоположен во иеродиакона, проходил очередное служение. Иеродиакон Авксентий отличался прекрасными душевными качествами: простотою, боголюбием, смирением, кротостью, братолюбием и прочими. Но при всем этом он начал увлекаться спиртными напитками. Строитель Филарет, желая поставить монашество своего братства на высоту иноческой нравственности, видя проявление слабости в иеродиаконе Авксентии, возмущался праведным негодованием и не оставлял сего последнего без должного вразумления, но на него новые вразумления не производили желанного действия, почему строитель Филарет, не видя исправления, решился удалить иеродиакона Авксентия из своей обители.

Получив паспорт, иеродиакон Авксентий направился на север, рассчитывая в каком-либо монастыре найти себе место. Довольное время ходил он, побывал во многих монастырях, а определиться нигде не пришлось. Он уже начал тяготиться своим положением: мысль безнадежия о приискании места начала приступать и втесняться в душу и мало-помалу овладела им совершенно. "Куда деваться?" — спрашивал он себя. А враг и тут со злым своим советом во уме нашептывает: чем шататься и бедствовать без места, ступай в приволжские места к раскольникам, как лицо священное будешь в почете, там таких ищут, а жизнь там будет безбедная. Вначале сей злой совет появился в уме как обыкновенный прилог: иеродиакон Авксентий не придавал ему значения и, будучи в рассеянности, вдавался в собеседование с ним, и пока еще удерживал его страх Божий, он считал его за ничто. Но с течением времени, при угнетении мыслью безнадежия, начал он поддаваться искушению и, наконец, решился осуществить самим делом, почему и направил свой путь в ту сторону.

Продолжая свой путь, он однажды шел один в поле, которое расстилалось на далекое расстояние, и, вероятно, мечтая, как будет привольно жить в раскольничьих скитах, вдруг слышит окликающий его голос: "Авксентий, берегись!" Оглянувшись вокруг себя и никого не заметив, Авксентий ужаснулся. Оградив себя крестным знамением, продолжал путь. Через некоторое время окликающий голос повторился: "Авксентий, берегись!" Страх усилился, но и опять вокруг никого не видать. Пройдя далее, слышит и третий раз окликающий голос: "Авксентий, берегись!" Авксентий сел на землю и начал размышлять. Откуда исходит этот голос? Кто его окликает? И от чего предостерегает беречься? Проникшись страхом, он начал плакать, молитвенно взывая к Богу: "Господи! Неужели мне здесь предстоит смерть! Молю Тя, Боже мой, не дай мне погибнуть грешному". Молясь, Авксентий боялся телесной смерти, а что держал путь туда, где ему предстояла душевная смерть, как одебелевший умом, он уже не беспокоился.

На другой день иеродиакону Авксентию лежал путь через селение, где стояла ветхая церковь и при ней весьма обветшалая каменная колокольня, близ которой пролегала дорога; вероятно, в то время случился порывистый ветер или буря; когда Авксентий поравнялся с колокольней, последняя внезапно рухнула и могла накрыть проходящего, но последний, ощутив опасность, бросился бежать и благополучно отделался тем, что один небольшой обломок ударил его по ноге, причинив небольшой вред.

Оправясь от испуга, иеродиакон Авксентий поблагодарил Бога за избавление и, идя дорогою, рассуждал: "Вот что означал невидимо окликавший меня голос. Теперь, слава Богу, опасность миновала". Видимая опасность произвела на него впечатление страха, но одебелевший его ум под действием врага не мог обратиться в духовные рассуждения, что душевная опасность впереди. Не был ли то, быть может, голос ангела-хранителя, приглашавший его поберечься от искусителя, который занимал его душу обманчивыми мечтами, направляя его к душепагубной цели, так как видно, что Авксентий, уже не колеблясь, стремился к раскольникам, желая привести свое намерение в дело.

На пути следования иеродиакона Авксентия была Саровская пустынь, где в то время преподобный Серафим, подвизаясь, славился высокими благодатными дарованиями; спасительный промысел, руководящий всех ко спасению, внушил иеродиакону Авксентию благую мысль зайти к старцу Серафиму на благословение. Отдохнувши в монастырской гостинице, он направился к старцу; сей последний, отворяя ему дверь, назвал его по имени и убеждал его возвратиться в Глинскую пустынь, но это на него не произвело особенного впечатления. По рассказу самого Авксентия, он, придя от старца в гостиницу, вдался в таковые размышления: "Вот я был у старца, а что он мне сказал? Действительно, он назвал меня по имени, но этому значения нельзя придавать. Старцу мог кто-нибудь сказать обо мне или как меня звать". Отуманенный действием врага ум Авксентия не придавал значения ни дару прозорливости, ни увещаниям того, о котором так много слышал чудесного и, без сомнения, прежде веровал в его благодатные дарования.

Отдохнувши несколько дней в гостинице, иеродиакон Авксентий, не оставляя своего душепагубного предприятия, собирался в намеченный путь, но душеспасительный промысл Божий, видимо, по молитвам угодника Божия Серафима, понуждал его зайти еще к сему последнему принять благословение на путь. Повинуясь влечению, он отправился к подвижнику Божию. Лишь только подошел к его келлии, как сей последний отворил дверь, говоря: "Авксентий! Ты еще не оставляешь своего душепагубного намерения? Или ты думаешь укрыться от Бога в пагубных местах отщепенцев? Нет того места, которое укрыло бы тебя от карающей руки Божией!" Авксентий, слыша таковое обличение его сокровенных душевных тайн, остолбенел от ужаса. Прозорливость старца поразила его. Луч благодати коснулся его души. Мрак, туманящий его ум, рассеялся, и перед его умными очами открылась та пропасть, к которой он стремился так равнодушно и готов был уже в нее низвергнуться. Падая к ногам угодника Божия, Авксентий спросил: "Что мне делать и куда деться?" — "Иди в Глинскую пустынь". — "Отче святой, меня там не примут". — "Иди в Глинскую пустынь, ты там будешь велик", — сказал старец, затем подумал несколько и, уясняя сказанное, сказал ему: "Не внешне велик, а там спасешься, — только вдайся терпению". Благословил Авксентия и затем отпустил с миром.

Иеродиакон Авксентий вышел от старца Серафима совершенно изменившимся: укоряя себя за свое малодушие, он скорбел, что поддался искусителю диаволу, внушившему ему богопротивные намерения, на которые он изъявил свое соизволение. А при этом благодарил Бога, не допустившего его до совершенной пагубы через угодника своего старца

Серафима, и готов был, как истинно кающийся, на все, лишь бы загладить перед Господом свои поползновения. Собравшись в путь, он пошел прямо в Глинскую пустынь, которой достиг благополучно. Явившись к настоятелю с просьбой о принятии его в число братии, он получил отказ, а посему он оставался в гостинице в качестве странника.

Соседний помещик Д. Бровцын, по близости бывший в дружеских отношениях с настоятелем, а по доброте знавший всю братию Глинской пустыни наперечет и любивший иеродиакона Авксентия за его простоту, видел сего последнего в гостинице, расспросил его, зачем он здесь находится. Авксентий чистосердечно объяснил все, как он был выслан из обители и как возвратился из путешествия и желает остаться здесь, но настоятель не принимает. "О нет! — сказал добрый Бровцын. — Этому не бывать; я сам сейчас пойду просить настоятеля и буду просить неотступно". С этой просьбой явился Бровцын к настоятелю Филарету, но сей последний не склонялся ни на какие убеждения. Тогда Бровцын прибегает к последнему своему приему: "Если уж нет мне уважения, — сказал он, — в таком случае, отец настоятель, дружбе нашей конец. Никогда теперь ни вы ко мне, ни я к вам". Настоятель, дорожа расположением своего друга и благодетеля, поспешил успокоить его тем, что готов принять Авксентия, чем Бровцын остался доволен.

После сего Авксентию было объявлено, что настоятель его принимает, но с тем, что ему назначена епитимия, которая состояла в том, чтобы ему одеться в серую одежду и на экономии трудиться в качестве чернорабочего и, не имея келлии, жить вместе с рабочими неопределенное время. Иеродиакон Авксентий, не рассуждая о трудности возлагаемого, готов был на все, принялся ревностно за возлагаемые на него труды: навоз чистил, дрова рубил, волов гонял, исполнял обязанность кучера и прочее. В таких трудах он был всегда кроток, смирен, молчалив и обращался со всеми любезно, как бы с веселою улыбкою. Эконом, человек сурового характера, из военных стариков, не любил церемониться со своими подчиненными, почему и иеродиакону Авксентию не было ослабы. Но сей терпеливец, укрепляемый Божественною благодатью, решился безропотно переносить все до положения жизни. В таких покаянных трудах провел он шесть месяцев, изнуряясь тяжкими трудами и лишением покоя, подвергаясь переменам погоды наравне с чернорабочими; это по непривычке к такой обстановке жизни, как видно, повлияло на его здоровье: он начал болеть.

Нужно было ехать монастырскому духовнику в город Путивль по монастырской надобности. Эконом, делая распоряжение о приготовлении лошадей для духовника, назначил иеродиакона Авксентия кучером. Сей последний, исполняя приказание эконома, готовился в путь, для чего подмазывал тарантас. В это время духовник, придя уведомиться, готовы ли лошади, увидел иеродиакона Авксентия, который хлопотал около экипажа, и спросил его: "Для кого готовят?" — "Для вас, святой отче", — сказал Авксентий. "А кучер кто со мною?" — "Я, святой отче", — повторил Авксентий с доброю улыбкою. Духовник, смотря на него, покачал головою. Изнуренный и болезненный вид Авксентия, видимо, произвел на него удручающее впечатление. Повернувшись, он пошел прямо к настоятелю и начал упрекать сего последнего, говоря: "Пойди посмотри на того страдальца (Авксентия), доколе ты будешь с ним обращаться немилосердно? Побойся Бога! Он едва на ногах держится и, будучи

священнослужитель, назначается мне кучером" и прочее тому подобное[1]. Настоятель, извиняясь тем, что не знал о болезни иеродиакона Авксентия, просил у духовника прощения и сейчас же назначил ему келлию и освободил от всех послушаний и возложенной епитимии.

Поселившись в своей келлии, иеродиакон Авксентий начал служить, но здоровье его уже пошатнулось, он уже не имел прежней бодрости и постепенно стал изнемогать и скоро слег на одр болезни: эта последняя усиливалась и быстро двигала его ко гробу. Братия оказывали любовь болящему, часто приходили посетить и послужить ему, а когда появлялся упадок сил, то по приказанию настоятеля его соборовали святым елеем и приобщали Святых Таин.

Когда приблизилось время его кончины, в келлии его находились некоторые из братий, в том числе рясофорный послушник Иоиль (впоследствии он же схиархимандрит Илиодор). Духовник, принесший Святые Дары, приобщил Авксентия, который принял Святые Таины в твердой памяти, с чувством благоговения. После чего лежал спокойно. Через некоторое время он начал присматриваться внимательно в заднюю часть келлии к дверям. Здесь стоял Иоиль и более никого. Наконец больной спросил: "Кто это там стоит?" — "Это я, Иоиль". — "Вижу! — сказал он, — а вон далее кто черные, в черных свитах — толпа целая? Прогоните их отсюда!" Иоиль, обратясь, начал указанные места осенять крестным знамением, произнося имя Святой Троицы: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь". А больной, смотря на это, громко приказывал: "Гони их! Гони! Гони! Дальше гони!" Затем, осмотревшись и, вероятно, не видя противных, успокоился.

Один из присутствующих братий, желая ободрить больного, обратился к нему со словом утешения, указывая на всемогущество Божие, Которому все возможно, сказал болящему: "Отец Авксентий, быть может, Господь восставит тебя от одра болезни. Ему нет ничего невозможного, то и еще поживем здесь вместе". На это больной ответил утвердительно. "Нет, отче святой, жить с вами мне осталось три часа, вот уже и паспорт получил на путь". Услышав это, присутствующие заметили время. Некоторые, в том числе и Иоиль, остались до истечения трех часов. И действительно, ровно через три часа иеродиакон Авксентий испустил последний вздох, по своему предсказанию, мирно предав свою душу в руки Господа.

Сбылось предсказание преподобного Серафима Саровского, который, прозирая в будущее и утверждая иеродиакона Авксентия, говорил: "Иди в Глинскую пустынь и терпи, там спасешься". В удостоверение пророчества преподобного Серафима Саровского Господу было угодно открыть иеродиакону Авксентию час блаженной его кончины, а это удостоверяет, что он улучил милость Божию — наследовал участь благоугодивших Богу"[2].

Примечания

[1] Этот духовник имел большое влияние на строителя Филарета, которому он как старцу во всем повиновался.

[2] Следует добавить, что именно иеродиакону Авксентию (Андрееву) в Глинскую пустынь по благословению его матери был принесен в 1818 г. из г. Мурома чудотворный образ Нерукотворенного Спаса. Этот образ в XVIII в.

написал дед Авксентия, благословенный инок. Игумен Филарет поставил икону Нерукотворенного Спаса в соборном храме Рождества Пресвятой Богородицы в великолепном резном киоте за правым клиросом. В Глинской пустыни от этого образа неоднократно были благодатные знамения и исцеления. Перед ним игумен Филарет установил совершать по воскресеньям акафист Спасителю. Подробнее об этой Чудотворной иконе и перенесении ее из г. Мурома в Глинскую пустынь рассказано в жизнеописании игумена Филарета... (Одесса, 1905. С. 138—140). — *А.И.*

Литература

Жизнеописание Глинского подвижника иеродиакона Авксентия. Одесса, 1902.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. М., 1906. С. 238—246.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 114—115, 138—140.

Житие Серафима, Саровского чудотворца. М., 1904. С. 115—116.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. 1. С. 15; То же. 1904. С. 14—15; То же. 1912. С. 12—13.

Историческое описание Глинской... пустыни... СПб. 1836. Ч. I. С. 32—33.

ИЕРОСХИМОНАХ ПАНТЕЛЕИМОН ОТШЕЛЬНИК (†1831)

(Память 26 февраля ст. ст. / 11 марта нов. ст.)

Цит. по:
Глинский иеросхимонах Пантелеимон отшельник //
Жизнеописания отечественных подвижников
благочестия 18 и 19 веков.
Январь—июнь. Том. доп. Ч. 1. Кн. 1.
М., 1912. С. 365—366.

"Велие убо и преславное есть дело еже в юности начати работати Богу".
Святитель Димитрий Ростовский.

Отец Пантелеимон исходил из дворян, благое иго исполнения заповедей Христовых взял на себя в юности, приняв монашество в 19 лет в Нямецком Молдавском монастыре[1]. Восемнадцать лет он подвизался на Афоне и там принял схиму. Духовная опытность о. Филарета привлекла его в Глинскую пустынь, где он состоял с 1826 г. братским духовником, отличался ревностью к подвигам и назидательностью для братий. Через два года по прибытии в обитель переселился на безмолвие к часовне на месте явления Глинской Чудотворной иконы Божией Матери[2]. На другой год к нему перешло еще несколько человек, любителей безмолвия. Таким образом положено было начало первому скиту Глинской пустыни (ныне называемому ближним). За благочестие о. Пантелеимона уважали высокопоставленные особы и через него помогали обители. Перед смертью старец особоровался, причастился, простился с настоятелем и братией; в самый день кончины, 26 февраля 1831 г., в Святых Таинах вторично удостоился соединиться со Христом, Которому предал свою душу на 75-м году своей жизни 26 февраля 1831 г.[3].

Примечания

1 В 1776 г. (Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 66). — *А.И.*

2 По инициативе о. Пантелеимона здесь возвели еще два дома, и все сооружения обнесли забором. — *А.И.*

3 О смерти подвижника настоятель о. Филарет писал одному из почитателей старца Пантелеимона генералу Д.: "Отец Пантелеимон умер смертью праведника и погребен в скиту, его стараниями сооруженном у той сосны, у коей в старину явился Чудотворный образ Преславного Рождества Божией Матери" (Дело архива Глинской пустыни № 230). — *А.И.*

Литература

Глинский иеросхимонах Пантелеимон отшельник // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. М., 1912. С. 365—366.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Историческое описание Глинской... пустыни... Ч. 2. С. 25.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 66, 121.

Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. 1907. С. 373—374.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. С. 20.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. 2-е изд. 1904. С. 47; То же. Курск, 1912. С. 41.

ИЕРОМОНАХ ВАСИЛИЙ (†1831)

(Память 27 апреля ст. ст. / 10 мая нов. ст.)

Старец иеромонах Василий (в миру Владимир Тимофеевич Кишкин), широко известный подвижник, родился в 1745 году в деревне Клюшниково Фатежского уезда Курской губернии. В семилетнем возрасте он поступил в Саровскую обитель. Затем подвизался в Киево-Печерской Лавре, из которой перешел в Миропольскую обитель Харьковской губернии Сумского уезда.

Здесь в 15-летнем возрасте был пострижен в ангельский образ. В 1764 г. он переселился в Коренную пустынь. После 1780 года о. Василий со своими учениками несколько лет жил на Святой Афонской Горе, затем в Нямецком монастыре в Молдавии.

Он стал одним из последователей преподобного Паисия Величковского. Вернувшись в Россию около 1800 г., о. Василий как носитель идей старца Паисия оказал помощь многим монастырям в их духовном устроении.

В 1800 г. старец Василий поселился в Белобережской пустыни и был ее настоятелем до 1804 года. Эта обитель стала одним из центров духовного движения, возникшего в России под влиянием идей преподобного Паисия[1]. При о. Василии в Белобережской пустыни подвизался будущий Оптинский старец Лев (Наголкин)[2].

Впоследствии о. Василий совершил "большой подвиг странствования"[3]. Он жил в Свенском, затем Рыхловском монастыре, "оттуда предпринял нечто вроде миссионерского пути и прошел до Дона, был в Ливнах, Задонске, Воронеже"[4], был также начальником Кременецкого монастыря. "Отец Василий оставался в каждом монастыре столько времени, сколько нужно было для водворения там строгого устава"[5]. Наконец, он вернулся в Коренную пустынь, а в 1816 г., стремясь к безмолвию, перешел в Глинскую[6]. Здесь вместе с братией он молился Матери Божией о даровании обители духовно-опытного настоятеля. По молитвам старцев в 1817 году настоятелем Глинской пустыни был назначен известный подвижник о. Филарет (Данилевский). С радостью встретил о. Василий старца Филарета и всячески содействовал ему "в деле духовного руководства и введения строгого Афонского устава"[7]. Подпись о. Василия, входившего в состав старшей братии обители, находим на документах Глинской пустыни двадцатых годов XIX века[8]. В Глинской пустыни многие обращались к старцу за советом. Одним из его учеников был инок Е-ий, благородного происхождения, который при поступлении в Глинскую пустынь внес в пользу обители значительный вклад. После пострига в монашество он вел себя строго, как подобает монаху. Но затем начал много думать о себе, презирать всех, перестал подчиняться монастырскому уставу. О. Василий, видя, что Е-ий погибает от гордости, помолился о нем Богу и, смиренно поклонившись гордецу в ноги, обратил

Иеромонах Василий (Кишкин)
(1745—1831)

к нему свою душеспасительную беседу. Это так сильно подействовало на инока, что он преклонил перед старцем свою голову и усиленно просил принять его под духовное руководство. Отец Василий сказал ему: "Если ты истинно желаешь, чтобы я принял и усыновил тебя, то повелеваю снять с себя монашескую одежду, одеться в простую и поступить на черные работы"[9]. Через некоторое время старец Василий повелел ему стоять у святых врат Глинской пустыни, кланяться всем входящим и выходящим, прося мысленно их молитв. Инок Е-ий во всем повиновался повелениям старца, за короткое время стяжал высокую добродетель смирения. На предложение старца принять прежнюю иноческую одежду и успокоиться от трудов труженик отвечал: "Благодарение воздаю тебе, отче, что ты воскресил мою душу. Я никогда не ощущал в себе такой душевной отрады и умиления, как чувствую в себе ныне, а потому умоляю тебя оставить меня в таком положении и при указанном тобою послушании"[10]. По благословению о. Василия инок пробыл в послушании у святых врат до самой кончины и восприял венец послушания.

"Один из братий без благословения старца возложил на себя пост. Зная хорошо по опыту, что телесные подвиги постничества иногда возбуждают и самообольщение, и в то же время желая испытать его смирение, о. Василий в случившийся праздник приказал повару: "Когда придет к тебе постник за пищею, то откажи ему и укори его хорошенько". Повар так и поступил. Постник, сознавая себя обиженным, разгневался на повара и, проклиная его, ушел в свою келлию. Вот узнал об этом старец и, призвав к себе постника, сказал ему: "Я предупреждал тебя, брат, что нужно страсти убивать, а не тело; прежде подобает заповеди творить, а потом дары Богу принести" и повелел, чтобы без уважительной причины не вкушать пищи до времени, определенного уставом: за трапезу непременно ходить и с благодарностью вкушать предлагаемое, соблюдая умеренность и оставляя место Святому Духу, удерживаться от своеволия, последствия которого гибельны и неисчислимы. Ученик поклонился старцу и просил у него прощения"[11].

"По дару прозорливости о. Василий мог видеть состояние души каждого и предугадывать последствия его жизни. Так, он сказал об одном младенце: "Сей сосуд будет не освящен", а о другом: "А сей будет драгоценный аромат"... и все это в свое время сбылось.

Одна странница рассказала братии Глинской пустыни следующее: "Во время пребывания моего здесь я приходила к о. Василию принять от него благословение и испросить молитв. Старец благословил и дал мне просфору. С верою приняв от него просфору, я помыслила соблюсти сию святыню для исцеления немощей моих; но эта мысль моя не ускользнула от прозорливого старца; он тотчас же приказал мне съесть просфору; я съела, а о. Василий, еще раз благословив меня, пошел к себе".

Один из купцов, посещавших Глинскую пустынь, рассказывал: "Однажды по домашним обстоятельствам, я был у о. Василия в келлии. После продолжительной беседы старец повел меня к своему ученику в пустыньку, где была пасека и несколько колодок меду. Пустынник, пожелав нас угостить, предложил свежего меду. Старец Василий, в свою очередь, просил меня откушать меду. Я сказал ему: "Прости, батюшка, по болезни желудка я не могу есть меду". Старец приподнялся со своего места; помолясь Богу, благословил мед и приказал мне, отложив всякое

сомнение, есть мед и сам со мной вкушал. Что же из этого вышло? Вместо болезни я почувствовал в своем желудке большое облегчение и с того времени, по молитвам старца о. Василия, стал совершенно здоров".

Близ Глинской пустыни жил некто Д.С. Бровцын, любивший посещать обитель. Он питал великую веру к о. Василию. В одно время Бровцын привел к старцу двух своих детей и просил благословить и помолиться Богу о здравии их. Благословляя детей его, старец протяжным голосом сказал: "Бог благословит в небесную страну". Бровцын смутился. "Батюшка, — сказал он, — я желаю и прошу тебя помолиться Богу, чтобы Господь продлил чадам моим жизнь". Отец Василий тем же тоном отвечал: "Немного поживут". Слова старца не замедлили исполниться: в том же году дети Бровцына умерли"[12].

Более десяти лет подвизался старец Василий в Глинской пустыни. В 1827 г. он перешел в Площанскую пустынь, которая также была одним из центров учения преподобного Паисия Величковского на Юге России. У о. Василия и в этой обители было много учеников. Так, будущий Оптинский старец Макарий (Иванов) имел здесь с ним многократные душеспасительные беседы[13].

Старец Василий скончался в Площанской пустыни 27 апреля 1831 года[14].

Примечания

1 Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 254.

2 Великий старец иеросхимонах Лев Оптинский // Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Октябрь. М., 1909. С. 380.

3 Строитель отец Василий, настоятель Белобережской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 262.

4 Там же.

5 Муравьев А.Н. Путешествия по святым местам. Ч. 2. 1900. С. 293.

6 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Одесса, 1905. С. 39—40.

7 Там же.

8 ЦГИА, ф 797, оп. 2, д. 7829, л. 2, 42 об.

9 Строитель отец Василий, настоятель Белобережской пустыни // Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18—19 веков. Апрель. М., 1908. С. 279—280.

10 Там же. С. 280.

11 Жизнь старца Василия Кишкина и ученика его монаха Арсения Белобережской обители. Одесса, 1904. С. 62.

12 Строитель отец Василий, настоятель Белобережской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 286—287.

13 И.Л. Сказания о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптиной пустыни иеромонаха Макария. М.,1861. С. 5.

14 Жизнь старца Василия Кишкина и ученика его монаха Арсения Белобережской обители. Одесса, 1904. С. 75.

Литература

Жизнь старца Василия Кишкина и ученика его монаха Арсения Белобережской обители. Одесса, 1904.

Строитель отец Василий, настоятель Белобережской пустыни // Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. С. 249—259.

Инок Арсений, присный ученик старца Василия // Там же. С. 295.

Схимонах Федор и другие ученики Паисия Величковского // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. М., 1919. С. 414.

Великий старец иеросхимонах Лев Оптинский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Октябрь. М., 1909. С. 380.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Октябрь. М., 1909. С. 105.

Муравьев А.Н. Путешествия по святым местам. Ч. 2. 1900. С. 293.

Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1847. С. 15, 17.

Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 23, 35.

Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. 2-е испр. и доп. СПб., 1862. С. 29.

И.Л. Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария. М., 1861. С. 5.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е доп. и вновь перераб. изд. Одесса, 1905. С. 39—40, 121.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Спасо-Илиодоровский скит Глинской пустыни... Одесса, 1899. С. 8.

Архивные документы

Житие старца Площанской пустыни строителя Белобережской пустыни Василия (Кишкина Владимира Тимофеевича). Рук. 2-й пол. 19 в. (Автор повести — монахиня Борисоглебского монастыря Ангелина) // ОР ГБЛ, ф. 214. ОПТ-284. 182 л.

Жизнеописание старца Василия (Владимира Тимофеевича Кишкина). Рук. 2-й пол. 19 в. // ОР ГБЛ, ф. 214. ОПТ-285. 132 л.

По прошению Курской епархии Глинской пустыни строителя иеромонаха Филарета о возвращении во владение оной пустыни лесной дачи // ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 2, 42 об.

ИЕРОМОНАХ МАРТИРИЙ (†1838)

Ревнитель истинного благочестия и монашеского жития, игумен Филарет воздвиг Глинскую пустынь на степень благоустроеннейшего в духовном отношении в России монастыря[1]. Строгий Афонский устав, продолжительные богослужения, совершавшиеся в Глинской пустыни с особым благоговением, высокодуховные наставления ее старцев влекли в обитель лиц, проводивших благочестивую жизнь. Многие из них, презрев блага мира, поступали в Глинскую пустынь, где духовно главенствовал игумен Филарет, чтобы под его богомудрым руководством шествовать по пути к вечной жизни.

В числе таковых был и мещанин города Глухова Моисей Заводовский[2].

Он поступил в обитель в 1822 г. и пожертвовал ей принадлежавшие ему в городе Глухове дворовые места, площадью одно — 336 кв. сажен, другое — менее одной десятины[3].

Но в то время для укрепления за монастырями недвижимых имений следовало испросить разрешение императора. В ответ на прошение послушника Глинской пустыни Моисея Заводовского пожертвованные им дворовые места в городе Глухове были высочайше утверждены за обителью 5 марта 1827 г.[4].

Отец Филарет на подаренной Заводовским земле построил пять лавок, дом и флигель с постоялым двором, которые обитель сдавала в аренду, получая 800 руб. ассигнациями ежегодно. На этой же земле было поставлено монастырское подворье, состоящее из дома и флигеля. Здесь принимались приезжающие в обитель богомольцы и странники[5]. Моисей Заводовский до конца своих дней подвизался в Глинской пустыни. 13 августа 1826 г. он был пострижен в монашество с именем Мартирий[6]. Скончался отец Мартирий в Глинской пустыни в сане иеромонаха в 1838 г.[7].

Примечания

1 Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 31.

2 В жизнеописании игумена Филарета (Одесса, 1905) фамилия его указана "Завадовский" (С. 63). Однако в документах Глинской пустыни написано "Заводовский" (ЦГИА, ф. 796, оп. 107, д. 325, л. 1—3 об.; ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 204 об.).

3 ЦГИА, ф. 796, оп. 107, д. 325, л. 3, 1.

4 Там же, л. 7.

[5] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 63; ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 204 об.; Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 81.

[6] ЦГИА, ф. 796, оп. 107, д. 325, л. 3.

[7] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 63. На прошении монашествующих Глинской пустыни императору Николаю I о наделении обители землей (1837 г.) среди подписей старшей братии стоит подпись иеромонаха Мартирия. По всей вероятности, это подпись о. Мартирия (Заводовского) (ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 3, 8).

Литература

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 63.

Лебедев А.С. Сведения о некоторых архивах духовного ведомства в губерниях Курской и Харьковской. Харьков, 1902. С. 75—81.

Архивные документы

По доношению преосвященного Курского с испрашиванием высочайшего повеления на совершение крепостного акта на пожертвованные Глинской Богородицкой пустыни мещанином Заводовским в городе Глухове два дворовых места // ЦГИА, ф. 796, оп. 107, д. 325.

Главная опись церковного и ризничего имущества Глинской Рождество-Богородицкой пустыни... составленная в 1854 г. // ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 204 об.

О наделении Глинской пустыни землей и о положении оной // ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 3, 8.

О пожертвовании в г. Глухове Черниговской губ. от послушника из мещан Заводовского дворовые места 1 десятина и до 336 кв. сажен в пользу Глинской Богородицкой пустыни // ЦГИА, ф. 797, оп. 3, д. 11580.

ИЕРОМОНАХ ПОРФИРИЙ, КАЗНАЧЕЙ И ДУХОВНИК

Отец Порфирий (Мамчич) поступил в Глинскую пустынь в 1819 г. Игумен Филарет считал его способным и благонадежным иноком, приблизил к себе и давал ему многие поручения. В год поступления в обитель он был пострижен в монашество, через месяц посвящен во иеродиакона, а на следующий день — во иеромонаха[1].

В начале 1822 г. иеромонах Порфирий состоял уже в числе старшей братии обители. В письме Глинских иноков министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну от 5 января 1822 г. подпись иеромонаха Порфирия стоит четвертой после подписи настоятеля[2].

В "Жизнеописании игумена Филарета..." (С. 29) сказано, что в 1824 г. о. Порфирий был назначен казначеем и духовником Глинской пустыни. Однако в документах обители 1824—1837 гг. встречается подпись только казначея иеромонаха Порфирия[3].В 1826—1828 гг. братским духовником был иеросхимонах Пантелеимон[4]. Сведения о том, что иеромонах Порфирий был духовником Глинской пустыни, сохранились лишь за период последних лет жизни игумена Филарета. Так, в жизнеописании Глинского подвижника монаха Досифея, поступившего в обитель в 1840 г., сказано, что Досифей "келейничал духовнику иеромонаху Порфирию"[5]. В 1841 г., незадолго до кончины, игумен Филарет "на вопрос духовника иеромонаха Порфирия (Мамчича): "Кого ты, отче, назначаешь преемником по себе?" — отвечал: "Тебя бы, но рясы мои тебе длинны, а Евстратию годятся"[6].

Иеромонах Порфирий, как достойный ученик игумена Филарета, подражал иноческим добродетелям своего наставника. Часто с великим благоговением приносил он бескровную жертву и своими непрестанными молитвами достиг духовного просвещения ума и сердца. Трудясь над очищением душ братий, о. Порфирий убеждал их быть ревностными борцами в деле своего спасения, строго хранить иноческие обеты, внимательно следить за собой, за всеми своими мыслями и делами, и исповедовать их духовнику. Одобряя добродетельных, отец Порфирий возбуждал в них большую ревность к богоугодной жизни; обличая грешников в грехах, угрожая судом Божиим за неисправление, он приводил их к покаянию.

Сам он отличался исключительным самоукорением, отрицанием в себе всех достоинств. Старец часто говорил ученикам, что смирение охраняет нас.

Пока человек не смирится, он не успокоится. А кто всегда винит себя в неправильных поступках, тот пребывает в спокойствии. От смирения же рождается и рассудительность.

В "Жизнеописании игумена Филарета..." духовник о. Порфирий назван "достопочтенным и всеми знающими его" уважаемым старцем[7]. При любых жизненных обстоятельствах он был бодр духом, полон жизнерадостности и ясен. Все заботы и печали старец возлагал на Бога, поэтому всегда имел душевный мир, сердечную простоту, кротость и незлобие. И в сердца всех обращавшихся к нему умел он вселить эту бодрость духа и надежду на Бога.

Братия Глинской пустыни любили и уважали своего духовника и после кончины игумена Филарета представили на усмотрение архиерея двух кандидатов на должность настоятеля: иеромонаха Порфирия (Мамчича) и благочинного Феодосия. Однако преосвященный выбрал отца Евстратия. Так исполнилось предсказание игумена Филарета[8].

Примечания

1 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 29.

2 ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 42 об.

3 Там же, л. 83 об.; ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об.

4 Глинский иеросхимонах Пантелеимон отшельник // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. М., 1912. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. С. 365.

5 Монах Досифей Глинский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. 1910. С. 82.

6 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 142. Отец Евстратий (также один из учеников игумена Филарета) в то время был настоятелем Хотмыжского Знаменского монастыря, а впоследствии стал настоятелем Глинской пустыни).

7 Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. СПб 1856. С. 77.

8 Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. 1. 1904. С. 22.

Литература

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 29, 142.

Жизнеописание игумена Филарета, настоятеля Глинской Богородицкой общежительной пустыни. СПб 1856. С. 77.

Монах Досифей Глинский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. 1910. С. 82.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. 1. 1904. С. 3; То же. Курск, 1912. С. 18.

Архивные документы

По прошению Курской епархии Глинской пустыни строителя иеромонаха Филарета о возвращении во владение оной пустыни лесной дачи // ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 42 об. 83 об.

По предложению Синодального обер-прокурора о наделении землей Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии с приложением "записки" братии // ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об, 8.

9 1374

ИГУМЕН ЕВСТРАТИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1841—1855)

О жизни игумена Евстратия в литературных источниках содержатся лишь лаконичные отрывочные сведения, но их существенно дополняют архивные документы обители, которые и позволили нам впервые составить жизнеописание этого Глинского настоятеля.

Игумен Евстратий родился в 1788 г. в семье казанских купцов[1]. Мирское имя игумена Евстратия ни в литературных источниках, ни в архивных документах не указано. Однако известно, что при игумене Филарете усердными благотворителями обители были казанские купцы Яковлевы[2]. Один из них — купец 2-й гильдии Ефим Яковлев пожертвовал Глинской пустыни Казанскую икону Божией Матери в серебряной позолоченной ризе; парчовую ризу с бархатным оплечьем, шитую золотом и серебром, стихарь и парчу[3]. По всей вероятности, это и был о. Евстратий, поскольку в "Историческом описании Глинской... пустыни..." (Ч. 1. С. 33.). Н. Самойлов пишет, что "серебряная позолоченная риза на образ Казанской Божией Матери устроена усердием иеродиакона Глинской пустыни Евстратия"[4]. Во время составления "Исторического описания..." о. Евстратий действительно был иеродиаконом обители[5]. Время его поступления в Глинскую пустынь в документах не указано. Однако в послужном списке о. Евстратия сказано, что в монашество он был пострижен в Глинской пустыни 14 февраля 1825 г.[6] игуменом Филаретом[7], во иеродиакона рукоположен 18 декабря 1832 г., в иеромонаха — 25 февраля 1836 г.[8]. По свидетельству преосвященного Илиодора, епископа Курского и Белоградского, о. Евстратий проходил в обители "разные послушания... и настоятелем игуменом Филаретом был употребляем по делам сей пустыни с пользой"[9]. Например, о. Филарет доверял ему принимать гостей духовного сана. Настоятель Угрешского монастыря архимандрит Пимен, посетивший Глинскую обитель в 1833 г., в своих воспоминаниях пишет: "В Глинской пустыни нас весьма радушно принял иеродиакон Евстратий, впоследствии времени настоятель Глинский"[10].

В 1837 г. о. Евстратий состоял уже в числе старшей братии монастыря, о чем свидетельствует его подпись (наряду с подписями настоятеля, духовника и благочинного) на прошении братии Глинской пустыни к императору Николаю I о наделении обители 160 десятинами земли[11].

Отец Евстратий был в числе первых воспитанников игумена Филарета, благодаря деятельности которых дух истинного подвижничества и старческое руководство, учрежденное в Глинской пустыни, стали распространяться по всей России. 14 августа 1837 г. о. Евстратий был определен настоятелем Хотмыжского Знаменского монастыря[12]. За ревностное попечение об устройстве обители 25 июля 1838 г. он был

Въ Курскую Духовную Консисторiю.

Хотмышскаго Знаменскаго Богородицкаго Монастыря Строителя Iеромонаха Евстратiя съ братiею.

Рапортъ.

Къ № 6642.

Вследствiе Указа оной Курской Духовной Консисторiи писаннаго минувшаго сентября отъ 11го числа за № 6642мъ а полученнаго всемъ монастыре 30го числа того же сентября, Для дополненiя после перваго изданiя Россiйской Iерархiи до сего времени Составленной сего монастыря списокъ в оную Консисторiю при семъ пишащiе препровождается.

Строитель Iеромонахъ Евстратiй съ братiею

Октября 19го Дня
1839го Года.
№ 100.

Рапорт игумена Евстратия в Курскую духовную консисторию. 1839 г. ЦГАДА, ф. 1629, оп. 1, д. 127, л. 42

награжден набедренником[13]. Его деятельность не ограничивалась заботой о внешнем и внутреннем благосостоянии монастыря. 19 октября 1839 г., по указу Курской духовной консистории, собиравшей сведения о монастырях для дополнения "Истории Российской иерархии" (после ее первого издания), строитель Евстратий представил в консисторию описание Хотмыжского Знаменского монастыря[14].

После кончины игумена Филарета иноки Глинской пустыни на усмотрение архипастыря предложили двух кандидатов из своей братии на должность настоятеля. Однако преосвященный Илиодор нашел о. Евстратия "достойнейшим по заслугам"[15] и "как способнейшего для занятия таковой должности по сей пустыни" 15 апреля 1841 г. перевел его настоятелем в Глинскую обитель[16]. При этом о. Евстратию был "вручен игуменский посох за отлично-усердное прохождение настоятельской должности по Хотмыжскому монастырю"[17]. Назначение о. Евстратия на должность настоятеля Глинской пустыни совершилось по предсказанию игумена Филарета[18].

После перевода в Глинскую пустынь о. Евстратий продолжил дело ее благоустройства, в котором так много преуспел его богомудрый наставник — игумен Филарет.

Высота духовной жизни иноков Глинской пустыни, возрожденной игуменом Филаретом, старческое окормление, утвержденное уставом обители, привлекали к ней все большее число подвижников. В начале 1843 г. в Глинской пустыни было уже 98 насельников[19]. Соборный храм Рождества Пресвятой Богородицы в праздничные и воскресные дни, когда многие богомольцы приходили в обитель, не вмещал всех желающих, и само священнодействие в нем было затруднено. В январе 1843 г. о. Евстратий направил прошение о дозволении построить в Глинской пустыни трехпрестольную теплую церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы, во имя Святителя Николая и великомученицы Варвары.

24 июня 1843 г. представленный проект церкви Глинской пустыни был утвержден императором, и 21 июля 1843 г. Святейший Синод разрешил постройку. В том же 1843 г. в Глинской пустыни был заложен теплый каменный храм. 15 января 1848 г. в донесении в Святейший Синод преосвященный Илиодор писал: "По донесению настоятеля Глинской пустыни постройка теплой церкви совершенно окончена и к освящению готова"[20]. По разрешению епархиального начальства средний главный престол во имя Успения Пресвятой Богородицы был освящен о. Евстратием в 1848 г.[21]. Престол правого придела во имя Святителя Николая Чудотворца освящен епископом Курским Илиодором в 1850 г.; престол левого придела во имя великомученицы Варвары освящен архимандритом Обоянского Знаменского монастыря Тихоном также в 1850 г.[22].

Труды о. Евстратия по благоустройству обители не ограничивались строительством Успенского храма. В 1848 г. по его прошению Курская губернская строительная комиссия разрешила постройку каменной часовни на месте явления Чудотворной иконы[23]. В том же году часовня была заложена, а в 1850 г. окончательно построена. Средства на строительство часовни пожертвовал курский помещик, отставной гвардии поручик Александр Семенович Аненков[24]. В 1851 г. в ответ на прошение отца настоятеля было получено разрешение на перестройку каменной

трапезной обители[25]. Отец Евстратий не только расширил трапезную, но и надстроил второй этаж[26].

Благодаря ходатайству настоятеля Глинской пустыни, в 1846 г. епархиальное начальство разрешило перестроить соборный храм Рождества Пресвятой Богородицы[27], который, как писал о. Евстратий, "был устроен наподобие пещеры с весьма низкими сводами" и недостаточно вместителен[28]. План постройки собора был утвержден Курской губернской строительной комиссией лишь 27 февраля 1852 г.[29]. Перестраивая соборный храм, о. Евстратий устроил при нем особую кладовую для хранения церковной утвари и ризницы[30]. Но окончательно закончен и освящен собор был уже при настоятеле Иннокентии в 1864 г.[31]. На соборной колокольне при о. Евстратии были устроены часы с недельным, четвертным и минутным боем. Эти часы были пожертвованы в 1846 г.[32].

Наряду с храмами, о. Евстратий построил в обители и другие необходимые здания: архиерейский двухэтажный корпус, сохранившийся до наших дней (нижний этаж каменный, верхний деревянный), крытый железом (в верхнем этаже покои для архиерея, а в нижнем две келлии для монахов)[33]; каменный одноэтажный корпус, где помещались просфорня и 6 келлий[34], каменный корпус для столярной мастерской[35], маслобойню, 2 больших корпуса на гостинице, верхнюю часть монастырской ограды, въездные дальние ворота[36], а также перестроил деревянный иеромонашеский корпус на 16 келлий[37].

В период настоятельства о. Евстратия обитель ежегодно получала от своего хозяйства и пожертвований богомольцев до 10 тыс. руб. серебром, не считая большого количества хлеба[38]. "Из остатков этих доходов (несмотря на большие расходы, связанные со строительством храмов и зданий в Глинской пустыни. — *А.И.*) образовался значительный капитал", который хранился в Московском Опекунском совете и к концу 1853 г. составлял почти 38 тыс. руб. серебром[39].

Но строительные и хозяйственные работы в обители шли лишь параллельно главному — возвышению духовной жизни братства. Об особой высоте духовной жизни Глинских иноков свидетельствовали увеличивающийся поток богомольцев и их отзывы.

Так, летом 1842 г. Глинскую пустынь посетила графиня Татьяна Борисовна Потемкина. Она говела и прожила в обители несколько дней. Принятая с почетом строителем Евстратием, Татьяна Борисовна "тщательно вникла во все чиноположения Глинской обители, которая произвела на нее самое благоприятное впечатление". Прощаясь с о. Евстратием и его братией, она сказала: "Я была бы счастлива, если бы все, что здесь вижу, было в Святых горах (где Татьяна Борисовна хотела восстановить Успенскую пустынь. — *А.И.*)[40]. Впоследствии Т.Б. Потемкина устроила Святогорскую обитель по примеру Глинской и по уставу игумена Филарета[41] .

Труды строителя Евстратия на благо обители были по достоинству оценены епархиальным начальством.

Еще в 1844 г. преосвященный Илиодор доносил в Святейший Синод, что "Глинская Богородицкая общежительная пустынь отличается благоустройством своим внутренним и внешним и благочестивой жизнью иночествующих, чем обращает на себя особое внимание епархиального

начальства и имеет доброе влияние на окрестные селения... таковому благосостоянию обители сей много способствует добродетельная жизнь строителя иеромонаха Евстратия"[42].

За неусыпное попечение об устройстве обители 17 декабря 1844 г. о. Евстратий был возведен в сан игумена[43]. В 1848 г. он был награжден наперсным крестом, а в 1850 г. — палицей[44].

Во время настоятельства игумена Евстратия в Глинской пустыни были обретены мощи ее святых подвижников.

В 1847 г., когда копали рвы для фундамента расширявшегося соборного храма, пришлось вскрыть склеп, где был погребен игумен Филарет. "Монах Израиль нашел тело аввы нетленным и благоухающим"[45].

Затем, когда строилась теплая Успенская церковь, для устройства духовой печи потребовалась большая выемка земли. Место это оказалось древним кладбищем. Выкапывая землю, отрыли несколько гробов прежних монашествующих, которые были перенесены на новое кладбище с подобающим священным обрядом. В трех гробах тела оказались "совершенно нетленные, лежащие благолепно, на двух из них имелись схимы, а одно одето было в обыкновенную одежду послушника"[46]. Старец Феодот (Левченко) узнал своих прежних сподвижников и сказал, что они действительно были святой жизни, особенно же он признал послушника, свидетельствуя о нем, что он жил свято[47].

В 1848 г. при о. Евстратии произошло чудо, еще более прославившее Чудотворную икону Рождества Пресвятой Богородицы и Глинскую пустынь, — избавление жителей города Глухова от эпидемии холеры. По благословению игумена Евстратия, в ответ на просьбу жителей Глухова, братия принесли Чудотворный образ в город, где множество людей умирало от холеры, и сразу же страшная эпидемия прекратилась[48].

При о. Евстратии в Глинской пустыни подвизались выдающиеся старцы, пользовавшиеся таким уважением, что впоследствии сведения об их жизни были включены в многотомное издание "Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков".

Хотя в духовном назидании братии и прочих лиц главными действующими лицами были старцы, однако заслуги и участие в этом деле о. Евстратия весьма велики, потому что он содействовал этому и выбирал себе помощников в деле управления обителью из старцев. Так, благочинным обители при о. Евстратии был известный святостью жизни далеко за пределами Глинской пустыни иеросхимонах Макарий (Шаров)[49], братским духовником — иеросхимонах Серафим любомудрый (Пацула)[50], казначеем — любимый ученик игумена Филарета иеромонах Арсений (Митрофанов)[51], уставщиком — сначала иеромонах Феодосий[52], под руководством игумена Филарета стяжавший дар непрестанной умно-сердечной молитвы Иисусовой, затем известный подвижник иеромонах Аполлинарий[53]. Письмоводителем пустыни о. Евстратий назначил послушника Григория Клицу и, отличая его, скоро облек в рясофор. Впоследствии Григорий (в монашестве Герман) стал архимандритом, известным настоятелем Святогорской обители[54]. Келейником о. Евстратия был послушник Дмитрий Колченков, впоследствии выдающийся Глинский подвижник монах Досифей[55].

Архиепископ Курский и Белоградский Илиодор докладывал в Святейший Синод, что благодаря высоте духовной жизни иноков

Глинской пустыни, установленному в ней "порядку по духу древнего пустынного жительства"[56] монашествующие этой обители "почти ежегодно избираются начальством на служение в другие монастыри, а всего более для управления обителями"[57].

Назначение многих духовно-опытных Глинских иноков на начальствующие должности в другие монастыри России с целью учреждения в них духа истинного подвижничества побудило игумена Евстратия в конце 1853 г. обратиться в Курскую духовную консисторию с прошением об увеличении штата монашествующих Глинской пустыни до 31 (как и в Софрониевой), а также об учреждении в Глинской пустыни больницы на 15 человек.

Благодаря ходатайству о. Евстратия, 25 августа 1854 г. Святейший Синод на основании высочайше утвержденного императором Николаем I определения издал указ об увеличении числа монашествующих Глинской пустыни на 11 человек и об учреждении в этой обители больницы на 15 человек для больных и престарелых иноков[58].

В период Крымской войны (1853—1856) под руководством игумена Евстратия Глинские иноки принимали самое живое и деятельное участие в религиозно-патриотической деятельности Курской епархии. Так, например, при формировании дружины Курского ополчения в Путивльском уезде они наставляли ратников в Законе Божием, укрепляли их в вере и благочестии, раскрывали значение предстоящего подвига в свете Христова учения[59].

Во время настоятельства игумена Евстратия в 1854 г. по указу Курской духовной консистории была составлена "Главная опись церковного и ризничего имущества Глинской пустыни[60]. Этот документ содержит уникальные сведения о храмах и ризнице обители в середине XIX в. Опись показывает, что игумен Евстратий проявил особую внимательность и благоразумную распорядительность в попечении о благолепии церковном.

В существующих литературных источниках, как правило, не приводится оценка деятельности о. Евстратия, поскольку исследователи, вполне естественно,. основное внимание уделяют изучению подвижнической жизни его великого предшественника — игумена Филарета.

Однако яркой характеристикой деятельности и духовных качеств о. Евстратия может служить внутреннее и внешнее благоустройство Глинской пустыни в период его почти пятнадцатилетнего настоятельства.

Особое уважение, с которым относился народ и епархиальное начальство к Глинской обители, было заслугой не только ее старцев, но и результатом неустанных самоотверженных трудов ее настоятеля.

Великий Глинский старец схиархимандрит Илиодор (Голованицкий), характеризуя свойства души о. Евстратия, говорил: "Этот игумен был сам по себе прост и незлобив"[61].

Он внимательно следил за духовным состоянием новоначальных монахов и послушников. Учил их непрестанно возделывать ниву своего собственного сердца молитвой, постом, чтением Слова Божия и творений святых отцов.

По свидетельству старца иеросхимонаха Макария (Шарова), игумен Евстратий всегда справлялся у послушников: творят ли они Иисусову молитву, особенно когда ничем не заняты, идут дорогой и т.п.[62]

№ 72

Свидетельство.

Курской Епархiи Глинской Богородицкой Общежительной Пустыни отъ Настоятеля къ Братiю: Государственному Крестьянину Тульской Губернiи Ефремовскаго Уезда, Деревни Стрелковой Ананiю Емельянову сыну Гридневу. въ удостоверенiе того, что онъ Гриднев по собственному желанiю своему находился въ сей пустыни на жительстве более двухъ летъ; въ теченiи коего времяни проходилъ разные Монастырскiе послушанiя и при Поведенiи очень Хорошемъ: и усердiю своему къ исполненiю

Свидетельство о прохождении послушания в Глинской пустыни, подписанное игуменом Евстратием и

Монастырскихъ обязанностей, усмотрено нами наклоннымъ къ Монашеской жизни. Въ чемъ и дано ему сие свидетельство за подписомъ нашимъ и приложениемъ Монастырской Казенной Печати. Апреля 7 дня 1855 года.

Настоятель Игуменъ [illegible]

Казначей Иеромонахъ [illegible]

Духовникъ Иеромонахъ Анатолий.

[illegible] Иеромонахъ [illegible]

Благочинный Иеромонахъ Антоний

старшей братией обители.
7 апреля 1855 г.
ГБЛ, ф. 213, к. 109,
ед. хр. 30, л. 3—3 об.

Основываясь на учении святых отцов, игумен Евстратий говорил, что молитва служит надежным оружием в непрестанной духовной борьбе с искушениями и греховными соблазнами. Человеку, находящемуся в мысленной брани, следует непрестанно взывать о помощи к Богу. Путем молитвы, совершаемой от всего сердца и с полной преданностью Богу, из души исчезает (удаляется) все нечистое и водворяется в ней Божественная сила, одухотворяющая и возрождающая все существо человека.

И даже если человек, увлекшись страстными пожеланиями, совершит какое-нибудь нравственное преступление пред Богом, то и тогда чистая и смиренная молитва поможет ему исцелить и уврачевать эту духовную язву.

Кроме того, молитва служит христианину опорой в тех случаях, когда его обуревают непредвиденные искушения. Вот почему о. Евстратий призывал иноков прилежно молиться Богу, вооружив себя духом смирения.

О. Евстратий всегда стремился помочь братии в духовной брани.

При этом он советовал иметь в виду самое важное — не ослаблять усилий в борьбе с искушениями, какими бы они ни казались трудными и непреодолимыми. Эта бдительность, по его словам, с помощью Божией непременно приведет к победоносному концу.

Узнав, например, об угнетенном состоянии одного инока, которого сильно смущали помыслы об оставлении монастыря, игумен Евстратий "увещевал его молитвой и терпением укрощать воздвигнутую против него брань духа злобы и оставаться в монастыре... Игумен с братией возносили горячие молитвы к Господу, чтоб Господь облегчил брань страждущего. И... инок стал преодолевать искушения, спокойствие и мир водворились в его сердце, и он безропотно решил остаться в обители"[63]. Ярким выражением душепопечения о. Евстратия может служить следующий случай. Однажды от лампады загорелись книги в келлии молодого послушника, а затем и стены самой келлии. Узнав об этом, о. Евстратий, как был в мантии в церкви, так и поспешил на пожар и с помощью братий успел залить водой огонь, пока он не охватил еще всей келлии.

Послушнику совестно было, что по его вине такая беда случилась в обители, и он три дня не выходил из келлии от стыда. На третий день игумен Евстратий, не видя его в церкви, позвал к себе и, как мог, обласкал и утешил; дал ему от себя несколько молитвенных книг вместо сгоревших и, что особенно ценно, благословил бывшим келейным деревянным крестом игумена Филарета. Этим послушник был так утешен, что, приняв крест с благоговением и духовной радостью, вернулся в свою келлию и до самой смерти никогда с ним не разлучался. Дар о. Евстратия был не случаен. Впоследствии этому иноку также пришлось нести тяжесть настоятельского креста[64].

До последних дней жизни игумен Евстратий "неусыпно заботился о благоустройстве святой обители"[65]. Перед кончиной, по совету схиархимандрита Иоанникия (Голованицкого), он простился с каждым из братий[66] и в 1855 г. мирно почил о Господе[67].

Примечания

[1] ЦГИА, ф. 796, оп. 127, д. 2090/1, л. 89; Воспоминания архимандрита Пимена // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. 2. 1876. С. 62.

[2] ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 146 об.

[3] Там же, л. 113—113 об., 147, 147 об.

[4] Историческое описание Глинской ... пустыни... Ч. 1. С. 33.

[5] ЦГИА, ф. 796, оп. 127, д. 2090/1, л. 89.

[6] Там же, оп. 130, д. 1638, л. 459.

[7] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 91.

[8] ЦГИА, ф. 796, оп. 127, д. 2090/1, л. 89;
Там же, оп. 131, д. 2009, л. 600.

[9] Там же, оп. 122, д. 825, л. 1.

[10] Воспоминания архимандрита Пимена // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. 2. М., 1876. С. 62.

[11] ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об.

[12] Там же, оп. 130, д. 1638, л. 459.

[13] Там же.

[14] ЦГАДА, ф. 1629, оп. 1, д. 127, л. 42.

[15] Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. 1. Курск, 1912. С. 18.

[16] ЦГИА, ф. 796, оп. 122, д. 875, л. 1.

[17] Там же, л. 1—1 об.

[18] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 142.

[19] ЦГИА, ф. 796, оп. 445, д. 286, л. 78;
Там же, оп. 124, д. 1811-д, л. 1.

[20] Там же, ф. 796, оп. 124, д. 1811-д.

[21] Там же, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 2—2 об.

[22] Там же, л. 3, 4.

[23] Там же, л. 206—206 об.

[24] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 44, 85.

[25] ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 206 об.

[26] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 62.

[27] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 41.

[28] ЦГИА, ф. 796, оп. 124, д. 1811-д, л. 1.

[29] Там же, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 43, 206 об. В 1853 г. было получено также разрешение на перестройку колокольни соборного храма (Там же, л. 206 об.).

[30] ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 43 об.

[31] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 4.

[32] ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 43 об.

[33] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 76.

[34] Там же. С. 76.

[35] Там же. С. 77.

[36] Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 113.

[37] ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 43 об.

38 ЦГИА, ф. 796, оп. 135, д. 115, л. 1 об.

39 Там же.

40 Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. Харьков, 1894. С. 40—41.

41 Там же.

Глинский Устав был введен в Святогорской пустыни по повелению императора Николая I. (Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х частях. Ч. II. Курск, 1912. С. 49)

42 ЦГИА, ф. 796, оп. 125, д. 1762, л. 1.

43 Там же, оп. 131, д. 2009, л. 600.

44 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 91.

45 Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. I. Одесса, 1904. С. 25.

46 Жизнь и подвиги старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 39. С. 5.

47 Там же.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909. С. 10.

48 Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 21—22.

49 Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Февраль. М., 1906. С. 262—287.

50 Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. М., 1912. Т. доп. Ч. 1. Кн. I. С. 588—589.

51 Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 157—163.

52 Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. М., 1912. Т. доп. Ч. 1. Кн. II. С. 319—320.

53 Там же. С. 266.

54 Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 33.

55 Монах Досифей Глинский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. М., 1910. С. 82.

56 ЦГИА, ф. 796, оп. 135, д. 115, л. 2.

57 Там же.

58 Там же, л. 8.

59 Курские епархиальные ведомости. 1892 № 34. С. 534.

60 ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727.

61 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 113.

62 Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 478.

63 Краткое сказание о жизни монаха Досифея / Сост. иеромонах Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7. С. 49.

64 Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. Харьков, 1894. С. 35—36.

65 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 91.

66 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 122—123.

67 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 91.

Из воспоминаний настоятеля Угрешского монастыря архимандрита Пимена известно, что незадолго до своей кончины игумен Евстратий ездил на родину и по дороге дважды заезжал в Угрешский монастырь (Воспоминания архимандрита Пимена // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. 2. М., 1876. С. 62).

Точная дата кончины о. Евстратия в документах не упоминается. На сохранившихся документах последний раз подпись игумена Евстратия встречается 7 апреля 1855 г. (ОР ГБЛ, ф. 213, к. 109, ед. хр. 30, л. 3); новый настоятель был назначен в Глинскую пустынь 19 октября 1855 г. (Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 91).

Литература

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 42, 44, 76, 77, 91.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 62, 66, 142.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. (Без места и года издания). С. 113, 122—123.

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 32—38, 40—41, 43, 56.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Ч. I. Одесса, 1904. С. 22, 29, 33.

То же. 1912. С. 18, 27.

Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 126.

Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 5.

Монах Досифей Глинский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. 1910. С. 82.

Краткое сказание о жизни монаха Досифея / Сост. иеромонах Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7. С. 48—49.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 47. С. 70.

Материалы для истории Курской епархии / Анатолий, архимандрит // Курские епархиальные ведомости. 1883. № 14. С. 795.

Иеросхимонах Макарий Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Февраль. 1906. С. 266.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 7, 10, 20.

Глинский подвижник иеродиакон Серапион // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. М., 1908. С. 327.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 478.

Воспоминания архимандрита Пимена // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. 2. М., 1876. С. 62.

Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Одесса, 1893. С. 29.

Глинский старец отец Феодот // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. М., 1908. С. 208, 211.

Жизнь и подвиги старца Феодота / Сост. иеромонах Иассон. Курск, 1894. С. 23, 27.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909. С. 25—26.

Архимандрит Аполлинарий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. М., 1912. Том доп. Кн. 2. С. 266.

Архимандрит Иннокентий, настоятель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 207—208.

Танков А. Из истории церковного пения // Курские епархиальные ведомости. 1901. № 13. С. 307.

Архивные документы

О смерти настоятеля Глинской Богородицкой пустыни игумена Филарета. 1841 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 122, д. 825, л. 1—1 об.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей за 1843 г. // Там же, оп. 124, д. 1877.

О построении в Глинской Богородицкой общежительной пустыни теплой каменной церкви // Там же, д. 1811-д.

По донесению Илиодора, епископа Курского о возведении в игуменский сан строителя Глинской пустыни иеромонаха Евстратия. 1844 г. // Там же, оп. 125, д. 1762.

Послужные списки настоятелей разных монастырей за 1844 г. // Там же, д. 1863.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей за 1846 г. // Там же, оп. 127, д. 2090/1, л. 89.

Формулярные списки настоятелей и настоятельниц монастырей в 1848 г. // Там же, оп. 130, д. 1638, л. 459.

Ведомости о настоятелях и настоятельницах монастырей за 1849 г. // Там же, оп. 131, д. 2009, л. 600.

Главная опись церковного и ризничего имущества Курской епархии Глинской Рождество-Богородицкой мужской общежительной пустыни, составленная в 1854 г. // Там же, ф. 834, оп. 3, д. 2727.

Об увеличении числа монашествующих и об учреждении больницы для больных иноков Глинской Богородицкой общежительной пустыни // Там же, ф. 796, оп. 135, д. 135, л. 115.

По предложению Синодального обер-прокурора о наделении землей Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии с приложением "записки" братии // Там же, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об., 8.

Свидетельство Курской епархии Глинской Богородицкой общежительной пустыни от настоятеля с братией государственному крестьянину Ананию Емельянову // ОР ГБЛ, ф. 213. к. 109, ед. хр. 30, л. 3—3 об.

Об увольнении в Иерусалим монаха Глинской пустыни Израиля // ЦГИА, ф. 796, оп. 130, д. 1157, л. 1.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Богородицкой пустыни за 1885 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 4 об.

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках указных и неуказных Глинской Богородицкой пустыни и Путивльской Молченской Софрониевой пустыни за 1892 г. // Там же, д. 109, л. 4 об.

Рапорт иеромонаха Евстратия в Курскую духовную консисторию // ЦГАДА, ф. 1629, оп. 1, д. 127, л. 42.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ АРХИМАНДРИТ, НАСТОЯТЕЛЬ ОБОЯНСКОГО ЗНАМЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ И КОРЕННОЙ ПУСТЫНИ (†1841)

(Память 2 мая ст. ст. / 15 мая нов. ст.)

Архимандрит Паисий был одним из самых первых учеников Глинского игумена Филарета, которые несли заветы и наставления своего старца в другие монастыри и были в них примерными настоятелями.

Архимандрит Паисий происходил из купеческой семьи г. Кролевца Черниговской губернии. В 1814 году в Глинской пустыни он принял постриг в монашество, в том же году 12 марта преосвященным Феоктистом (Мочульским) был рукоположен во иеродиакона, а 14 марта — во иеромонаха. При игумене Филарете он исполнял в Глинской пустыни ответственные должности казначея и ризничего.

Однако ему недолго довелось подвизаться под мудрым руководством аввы Филарета. В конце 1817 года за высокодуховную жизнь он был определен настоятелем Обоянского Знаменского монастыря[1].

Отец Паисий принял настоятельство в этом монастыре в 1818 году[2]. Как истинный ученик игумена Филарета, он ревностно принялся за внутреннее и внешнее благоустройство обители.

Уже в первый год его настоятельства монастырь был обнесен каменной оградой. Но особенно отличался о. Паисий от предшествующих настоятелей тем, что он впервые ввел в этой обители полное общежитие по примеру Глинской пустыни. Преосвященный Феоктист любил его и неоднократно отличал наградами. "За особенное старание о пользе и благоустройстве обители, построение училищной бурсы, приобретение значительного количества церковного имущества и введение в монастыре полного общежития, а также за успешное отправление духовных дел"[3] о. Паисий сначала был награжден набедренником, а затем, в том же 1818 году, возведен во игумена и определен присутствующим в Обоянском духовном правлении.

В 1825 году он получил благодарность от Курского епископа Владимира за попечение об устройстве обители; в 1827 году — за возобновление теплой Предтеченской церкви; а в 1829 году — за постройку нового двухэтажного каменного корпуса[4].

Архимандрит Анатолий (Ключарев), характеризуя нравственный облик о. Паисия, писал, что это был духовный старец "неукоризненной жизни и бескорыстного служения"[5].

Однако как игумен Филарет при введении общежития в Глинской пустыни встретил недоверие и даже неприязнь некоторых духовно неопытных братий, так и о. Паисий претерпел клевету и скорби от отдельных насельников Обоянского монастыря.

Например, в 1824 году иеродиакон этой обители Ириней доносил Курскому преосвященному Владимиру о якобы проступках о. Паисия. Однако преосвященный, хорошо зная высокодуховную жизнь старца,

наказал клеветника. Лишенный всего, Ириней был отправлен на епитимию в Рыльский монастырь[6].

22 июля 1831 года о. Паисий был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Коренной Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии. И здесь он все свои силы отдавал делу ревностного служения на благо монастыря.

В 1835 году он получил от преосвященного Илиодора признательность за "отличное попечение и благоустройство вверенной ему обители" и был сопричислен к ордену Святой Анны 2-ой степени[7]. Автор "Исторического описания Коренной Рождество-Богородицкой пустыни" писал: "Архимандрит Паисий... был одним из наиболее потрудившихся в пользу Коренной пустыни ее настоятелей"[8]. В 1832—1835 годах при о. Паисии были построены знаменитые величественные крытые каменные сходы, ведущие от соборного храма к нижней церкви "Живоносного источника" (стоимостью до 800 тыс. руб.)[9]. По свидетельству современников, эти сходы придавали Коренной пустыни необычайно красивый вид, "напоминая галереи Афонских монастырей, и создавали большие удобства для богомольцев"[10]. Отец Леонид (Кавелин) писал, что эти сходы "останутся незабвенным памятником усердия о. Паисия к благоукрашению сей обители"[11]. После многих трудов, подъятых для Церкви Христовой, Глинский воспитанник архимандрит Паисий скончался в Коренной пустыни 2 мая 1841 года и погребен в этой обители со стороны устроенных им сходов[12].

Примечания

1 Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. М., 1898. С. 164.

2 Историко-статистическое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря / Анатолий, архим. // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 563.

3 Там же. С. 564.

4 Там же.

5 Там же. С. 565.

6 Там же.

7 Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. М., 1898. С. 164.

8 Там же.

9 Там же.

10 Лебедев Л. Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь // ЖМП. 1989. № 8. С. 67.

11 Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. М., 1898. С. 164.

12 Историко-статистическое описание Обоянского Богородицкого Знаменского монастыря / Анатолий, архим. // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 565.

Литература

Анатолий (Ключарев), архим. Историко-статистическое описание Обоянского Богородичного Знаменского монастыря // Курские епархиальные ведомости. 1882. № 6. С. 302, 309; № 11. С. 563—565.

Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. М., 1898. С. 164—165.

Лебедев Л. Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь // ЖМП. 1989. № 8. С. 67.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П. Строев. СПб., 1877. С. 640.

ИЕРОСХИМОНАХ АНТОНИЙ (†1842)

Иеросхимонах Антоний был подвижником, служащим примером для братии. Так отзывался о нем игумен Филарет, всегда аттестуя этого старца с самой лучшей стороны[1].

О жизни иеросхимонаха Антония сохранилось мало сведений. В 1831—1833 гг. он безмолвствовал в скиту Глинской пустыни при часовне на месте явления Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы. Об этом свидетельствовал иеросхимонах Амвросий (в миру Александр Распопов), долгое время бывший казначеем обители и знавший о. Антония со дня поступления своего в Глинскую пустынь в 1837 г.[2].

Отец Антоний долго молил Господа открыть ему время кончины, но вместо этого ему был ниспослан дар слез, обильно истекавших во всякое время. Однажды преосвященный Илиодор, вновь прибывший на Курскую кафедру, желая проверить, как подвизаются иноки Глинской обители, неожиданно приехал в скит. Он сильно постучал в дверь келлии о. Антония. Благочестивый отшельник вышел к преосвященному в мантии и епитрахили весь в слезах: в это время он вычитывал у себя вечерню. Архипастырь был поражен. Он увидел тесную, убогую келлию подвижника, в которой, кроме икон, простого стола и скамейки, ничего не было. Владыка убедился в том, что скит Глинской пустыни — место молитвы и плача. Отечески побеседовав с о. Антонием, он поехал в монастырь, где сказал о. Филарету, что в скиту его встретил иеромонах, славящий Бога.

Впоследствии отец Филарет назначил этого благоговейного подвижника помощником братского духовника[3], а затем, вероятно, духовником. В документах Глинской пустыни за 1837 г. неоднократно встречается подпись духовника иеромонаха Антония[4].

За год до смерти он принял схиму, по-видимому, без изменения имени. В очерке жизни настоятеля Святогорской Успенской пустыни архимандрита Германа (до пострига Григория Клицы), поступившего в Глинскую пустынь в 1840 г. и бывшего соседом по келлии о. Антония, сказано, что "иеросхимонах Антоний, простосердечный и кроткий старец-подвижник"[5], проходил свой высокий подвиг в келейном уединении, соблюдая безмолвие.

Однако, оказывая Григорию духовное милосердие, о. Антоний иногда звал его к себе и беседовал "с ним о духовных предметах, что очень было полезно последнему, ибо из рассказов опытного подвижника узнавал он козни врага спасения человеческого и учился с ним бороться молитвою..."[6].

Иеросхимонах Антоний состоял в священном сане более полустолетия. Блаженная кончина его последовала в 1842 г.

1 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 121—122.

2 Там же.

ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 109, л. 4 об.

3 Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

4 ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об., 8.

5 Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 30.

6 Там же. С. 31.

Литература

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 121—122.

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 29—31.

Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. 1907. С. 394.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Архивные документы

По предложению Синодального обер-прокурора о наделении землей Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии, с приложением "записки" братии // ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об., 8.

АРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ, ОСНОВАТЕЛЬ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ (†1847)

(Память 27 июля ст. ст. / 9 августа нов. ст.)

Знаменитый алтайский миссионер, с полным основанием названный апостолом Алтая, архимандрит Макарий (в миру Михаил Яковлевич Глухарев) был воспитанником Глинской пустыни и достойным учеником ее настоятеля игумена Филарета (Данилевского).

Жизни и подвигам архимандрита Макария посвящено немало статей и отдельных трудов. Составлено несколько подробных жизнеописаний этого подвижника. Однако основное внимание в них уделено его деятельности на Алтае, тогда как огромное влияние на жизнь о. Макария оказало его пребывание в Глинской пустыни под руководством настоятеля о. Филарета, благодаря которому он возрос духовно и стал носителем Божественной благодати[1]. Глубоко восприняв духовные традиции Глинской пустыни, о. Макарий воплотил их в своей последующей жизни. До конца своих дней он имел духовное единение с Глинскими иноками как с чадами и подражателями подвигов и жизни общего их наставника — игумена Филарета.

Особенно подробно о духовной связи о. Макария с Глинской пустынью написал Глинский инок Михаил Кузьмин в жизнеописании игумена Филарета (Одесса, 1905. С. 46—54). Выдержки из этой книги, дополненные документами об о. Макарии, приведены ниже после краткой биографии о. Макария.

Архимандрит Макарий родился 8 ноября 1792 г. в городе Вязьма Смоленской губернии. Его отец Иаков Глухарев, священник Введенской соборной церкви, и мать Агапия пользовались большой любовью вязьмитян за свою благочестивую христианскую жизнь. В восьмилетнем возрасте Михаил поступил в Вяземское духовное училище, а затем в Смоленскую духовную семинарию.

Окончив курс учения в Смоленской семинарии, он начал службу преподавателем в той же семинарии. В 1814 г. Михаил поступил в Петербургскую духовную академию. На благочестивого и талантливого Глухарева обратил внимание ректор академии архимандрит Филарет (Дроздов), который сохранил доброе расположение к своему ученику до конца своей жизни. По воспоминаниям и отзывам академических товарищей Михаила, он был один из самых даровитых студентов и, кроме того, — при крайней живости, подвижности и некоторой восторженности в характере — отличался между товарищами изяществом и манерами благовоспитанного светского юноши. После окончания академического курса со степенью магистра в 1817 г. Михаил послан был в Екатеринославскую семинарию на должность профессора и инспектора. Здесь он 24 июня 1818 года принял монашество с именем Макарий[2]. В 1821 г. о. Макарий был переведен в Костромскую семинарию ректором и

в то же время возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Костромского Богоявленского монастыря. Однако в Костроме он был недолго. В 1824 г. о. Макарий совсем оставил духовно-училищную службу и жил на покое сначала в Киевской Лавре, потом в Китаевской пустыни (Киевской губ.) и наконец в Глинской обители.

"Не удивительно (Отсюда и до конца текста жизнеописание архимандрита Макария цитируется с нашими добавлениями по кн.: "Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии". Одесса, 1905. С. 46—54. — *А.И.*) учиться неопытному у опытного, неученому — у ученого, но удивительно, когда опытный и ученый человек идет под начало учиться у неученого и младшего себя саном. Это случилось с отцом Макарием. Он, блистательно окончивший Духовную академию, хорошо изучивший языки: греческий, латинский, еврейский, немецкий и французский, магистр богословия, бывший ректор Костромской духовной семинарии и настоятель Богоявленского монастыря, профессор богословских наук, в сане архимандрита переходит в бедную глухую Глинскую пустынь, под руководство неученого, но опытного отца Филарета. Какая великая редкость не только в настоящее, но и в религиозное время! Не имей отец Макарий ранее наставников на путь спасения, такой подвиг его не выходил бы из ряда обыкновенных. Ученый архимандрит, если бы и прежде не имел духовного руководства, сам мог руководить себя по учению святых отцов, однако он пожелал руководства "благочестивого наставника и опытного в духовной аскетической жизни старца Филарета"[3], пожелал руководства, когда с молодости и до последнего времени постоянно был под руководством: сначала у своего благочестивого родного отца — священника, потом, в С.-Петербургской духовной академии у отца ректора архимандрита Филарета (Дроздова), впоследствии незабвенного митрополита Московского, которому "открывал свои помыслы и без воли его ничего не начинал"[4]. В Екатеринославе, в должности инспектора духовной семинарии, отец Макарий имел старца Ливерия, "человека святой жизни, ученика знаменитого Паисия Величковского"[5]. Перейдя в Кострому на должность ректора семинарии, он должен был сам руководить других, но, привыкший всегда находиться под духовным руководством, о. Макарий хотел быть лучше руководимым, чем руководителем. Истинно хотящий спастись, он вполне понимал значение слов св. Иоанна Лествичника, который говорит: "Обманулись все те, которые, предавая себя Богу, подумали, что не имеют нужды ни в каком руководителе, ибо кто без помощи наставника вступает в борьбу с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен" (4-е слово "Лествицы"). Сознавая свои немощи, о. Макарий сам себя спрашивал: "Не нужно ли основательнее воспитать самого себя, прежде чем приносить духовную пользу другому?" Ибо нет пользы изучать науки, если душа не будет иметь доброй и богоугодной жизни[6].

В свой "Лепте" отец Макарий писал[7]:

"Как плоды худого древа
Худые только могут быть,
Как сладких вод нельзя излить
Источнику, который солон;

Так я, который в корне полон
Греха и во грехе зачат,
Нечист в своем плотском рождении,
Никак сам не могу быть свят,
Чтоб быть со Всесвятым в общении".

Часто благочестивый архимандрит говаривал: "Ах, как бы мне местечко такое, чтобы я знал только самого себя!" Душа его рвалась к внутренне-духовным подвигам, где-либо в тиши мирной обители под руководством опытного наставника[8]. Узнав об опытно-благочестивой жизни настоятеля Глинской пустыни старца Филарета, Макарий с разрешения Святейшего Синода переселился туда в декабре 1825 года[9]. "Я хотел среди Глинских братий знакомиться с искушениями, свойственными монашескому общежитию", — писал Макарий[10]. Насколько Глинская пустынь удовлетворяла аскетическим стремлениям этого великого мужа, можно судить по его восторженному отзыву о ней: "Это школа Христова, это одна из светлых точек на земном мире, в которую, дабы войти, надлежит умалиться до Христова младенчества"[11].

В тишине этой "школы Христовой" о. Макарий, изнуряя тело свое воздержанием и постом, "глубже всматривался в тайники своей души, беспристрастно разузнавал свои недостатки, обозревал еще неумерщвленные гнездящиеся страсти и, "ничтоже сумняшеся", исповедовал их опытному настоятелю[12]. Ему предал себя, дабы сокрушить прежде всего своеволие, — "эту медную стену, отлучающую душу от истинного просвещения", и навыкнуть Христову послушанию, которое он называл "врачебным кровопусканием, в котором душа очищается от черных, нечистых и гнилых кровей своеволия и глупости". С сокрушенным чувством собственного бессилия, с надеждой на милосердие Божие стал сходить он в "слезную юдоль смирения"[13].

Как некогда отец Филарет в безмолвии пустынной келлии Софрониевой пустыни исключительно посвятил себя подвигам и изучению святоотеческих учений, так отец Макарий в Глинской пустыни "готовился из любви к Богу к войне со своими страстями, миром и диаволом". Он разузнавал силы и козни врагов, способы борьбы с ними по святоотеческим писаниям; с увлечением зачитывался "Добротолюбием", содержащим "словеса и главизны священного трезвения", и полными сочинениями святых отцов. Кроме святоотеческих писаний, он читал все, что доставляла лучшего тогдашняя богословская литература, русская и иностранная. Но особенно он зачитывался Священным Писанием, куда, как к своему источнику, отсылали его и святоотеческие и богословские руководства. Прекрасное знание языков способствовало всестороннему пониманию им слова Божия, глубокому уяснению тайн домостроительства нашего спасения[14]. Как отец Филарет всякое свое слово подтверждал Священным или отеческим писаниями и только то считал верным православным, что имело правильное основание на указанных писаниях, так и отец Макарий, неустанно читая и проникаясь глаголами жизни вечной, изобильно вселял в себя слово Христово, старался им мыслить, чувствовать, говорить, Священное Писание считал "хлебом своим насущным"[15]. Его сочинения и особенно письма[16] исполнены знанием Писания и испещрены текстами.

Архимандрит Макарий (Глухарев) (1792—1847), ученик игумена Филарета,

основатель Алтайской духовной миссии. ГБЛ, ф. 178, № 3003.3

Собственные выражения подвижника близко подходят к подлинному слову Божию; не изучавшему писаний выражения его можно принять за самое Священное Писание, так они дышат истиной, глубиной, верой!.. Он "бывал в таком расположении души, что, будучи проникнут, с одной стороны, молитвенным духом, с другой — глубоким чувством непритворного смирения, ничего не хотел больше написать в утешение и назидание своим доброжелателям, как только слова Священного Писания, приличные их состоянию"[17].

Кроме подвигов монашеских, отец Макарий в Глинской пустыни, преимущественно по праздникам, общепонятно и убедительно говорил в храме поучения[18], а в келлии переводил Библию с еврейского языка на русский[19].

(Оптинский старец иеросхимонах Макарий (Иванов) писал святителю Игнатию (Брянчанинову, тогда еще архимандриту), что, находясь "в Глинской пустыни на уединении", архимандрит Макарий (Глухарев) переводил "Лествицу" на русский язык... намерение его было издать оную...". Одновременно от сравнивал уже существующие переводы "Лествицы" Лучшим о. Макарий признал перевод старца Паисия (ОР ГБЛ, ф. 214. ОПТ-384, л. 58 об).

В Глинской пустыни архимандрит Макарий перевел на русский язык также беседы св. Григория Двоеслова и "Исповедь" блаженного Августина.

Кроме того, в 1829 году архимандрит Макарий составил рукописное описание Глинской пустыни, большая часть которого состояла из описания жизни настоятеля обители о. Филарета (Данилевского). Сведения, содержащиеся в этом первом жизнеописании о. Филарета, безусловно, были известны самому отцу настоятелю, поэтому оно представляет особую ценность и было использовано при составлении последующих жизнеописаний игумена Филарета (Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1908. С. 20; Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. III). — *А.И.*).

Чтение Священных и святоотеческих писаний само собою вызывало дух Макария на теплую молитву и призывание имени Спасителя.

На самоотвержении, покаянии, чтении Священных и святоотеческих писаний и на молитве, а более всего на "слезном смирении" отец Макарий при помощи Божией усиленно стремился созидать в себе нового человека в правде и преподобии истины[20]. Молитва подвижника могла тогда выразиться его же стихотворением[21]:

"Освободи меня, мой Бог,
От уз греха, чтоб я возмог
О правде возглаголать вечной,
О вере во Христа сердечной!
Пошли мне в помощь благодать;
Уста мои отверзи, Слово,
О сердце! Сердце! Будь готово
Хвалу Господню возвещать".

И просьба его услышана. В 1828 г. тогдашний архиепископ Тобольский Евгений (Казанцев), получив Синодальный указ об учреждении миссии "в стране Сибирской", искал способных и достойных лиц, могущих занять должность миссионера. Весть об этом достигла о. Макария весьма знаменательным путем. Однажды он сидел в своей холодной келлии между печью и стеной за письменной работой. В это время к нему входит странник Мартин Андреевич Атлас, бывший католик, принявший православие и странствующий по святым местам. Этого человека отец Макарий знал и относился к нему с глубоким уважением.

— Что, отец Макарий, — сказал Атлас, — забился и сидишь тут в темноте? Ты человек просвешенный, тебе надобно других просвещать, а ты засел здесь в темноте. Иди проповедуй Евангелие сибирским язычникам: вот Святейший Синод ищет такого человека.

Небесным призывом отозвались слова странника в душе отца Макария; показать путь спасения темному, угнетенному нищетой и невежеством люду являлось, очевидно, незаменимым и неожиданным средством отдать свои силы полезному и спасительному служению на благо ближнему, на деле обнаружить ту любовь к человеку, которая переполняла сердце отца Макария. Не обращая внимания на очень слабое и недужное свое тело, он "с благословения о. Филарета просил у Святейшего Синода разрешения на подъятие миссионерских трудов. Разрешение не замедлило последовать[22]. 5 июня 1829 г., напутствуемый старцем Филаретом, отец Макарий выехал из Глинской пустыни, в которой у него окончательно выработался аскетически-созерцательный характер, сказавшийся во всех произведениях и во всей жизни его. Особенно ясно отобразился в нем богобоязненный, смиренномудрый, нестяжательный и деятельно-духовный "незабвенный авва" Филарет[23].

По примеру Глинского общежития подвижник-миссионер устроил общежитие для братства вновь учрежденной Алтайской миссии, а духовное влияние этой "школы Христовой" он перенес на инородцев Сибири, которых не только обратил ко Христу около 700 человек, но и научил истинному благочестию[24], посему по всей справедливости может называться апостолом Алтая. Он с полным самопожертвованием провел 14 лет (1830—1844) в великих трудах апостольского служения, как светильник сиял словами истины, примером строгого благочестия, чистоты, многообразными делами милосердия, мудростью духовной, истинной любовью к ближним и к погибающим, даром прозрения и прочими добродетелями. Всем этим он положил твердое основание вере Христовой среди алтайцев. К 1897 г. из 35 тысяч алтайцев 20 тысяч приняли христианство[25].

Пример быв кротости, терпенья,
На путь небесного спасенья
Он их любовию привел.
И цель достигнута святая
В ущельях дикого Алтая!..[26]

После усиленных миссионерских трудов слабое здоровье отца Макария совершенно расстроилось. В 1844 г. он оставил миссию, получив в управление Болховский Троицкий монастырь Орловской губернии, где в 1847 г. блаженно скончался.

Последние слова великого подвижника-миссионера могут служить девизом миссионеров. Уходя с земли к незаходимому свету Христову, он сказал: "Свет Христов просвещает всех!"[23]

Примечания

[1] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 162.

[2] Новое об архимандрите Макарии // Церковные ведомости. 1905. № 25. С. 1035.

[3] Церковные ведомости. 1892. № 46.

[4] Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии. СПб., 1892. (Далее: Архимандрит Макарий...). С. 13.

[5] Там же. С. 17.

[6] Выражение Св. Антония Великого.

[7] "Лепта" архимандрита Макария. С. 74—75.

[8] Архимандрит Макарий... С. 21.

[9] Отец Макарий мог лично познакомиться со старцем Филаретом, когда последний в 1825 г. был в Киеве.

[10] Архимандрит Макарий... С. 21.

[11] Писано было 7 января 1826 г. Письма архимандрита Макария. 1860. Ч. II. С. 153.

[12] Поступив в Глинскую пустынь, архимандрит Макарий написал игумену Филарету подробную исповедь своей жизни, начиная с 10-летнего возраста (ОР ГБЛ, ф. 178, ед. хр. 3003.1, л. 2. 25 об. — *А.И.).*

[13] Архимандрит Макарий... С. 22—23.

(Следуя назиданиям и советам иеромонаха Филарета, о. Макарий, в сане архимандрита, проходил с терпением и смиренномудрием степени послушания (ОР ГБЛ, ф. 178, ед. хр. 3003.1, л. 25—25 об.). — *А. И.*).

[14] Архимандрит Макарий... С. 24.

[15] Там же. С. 25.

[16] Изданы в Москве в 1860 г., в 2-х частях.

[17] Странник. 1861. Июль. Библиография. С. 9.

[18] Это передавал иеромонах Амвросий.

[19] Странник. 1884. Март. Потом Макарий перевел Священное Писание на наречие сибирских инородцев.

[20] Архимандрит Макарий... С. 25—26.

(По словам Дмитрия Дмитриевича Филимонова, известного исследователя жизни о. Макария, "Глинская пустынь была для о. Макария последней пристанью, где он наконец нашел все, что искал, чтобы приготовиться к высокому и трудному подвигу миссионера" (ОР ГБЛ, ф. 178, ед. хр. 3003.1, л. 25 об.). — *А.И.*).

[21] Стихотворение архимандрита Макария "Первая лепта". Томск, 1902. С. 127.

[22] Русский паломник. 1892. Кн. XI, XII.

Архимандрит Макарий... С. 14, 15.

[23] Письма архимандрита Макария. М., 1860. Ч. I. С. 212.

(Отец Филарет вел переписку с о. Макарием и подарил ему на память требник с собственноручной надписью: "1829 г. июня 5 дня. Усердствует в любви о Господе требник сей о. архимандриту Макарию, в память о его любви к обители нашей. — Глинской Богородицкой пустыни строитель о. Филарет" (ОР ГБЛ, ф. 178, ед. хр. 3003.1, л. 27). — *А.И.).*

[24] Странник. 1864. Май. Современная хроника. С. 48—49.

[25] Русский паломник. 1897. Кн. XI. С. 92..

(О неразрывной духовной связи о. Макария с Глинской пустынью свидетельствуют его слова: "Всегда сохраняю утешительную память моего пребывания в его (Филарета. — *А.И.*) обители, опытных наставлений его и отеческих благотворений и собираюсь писать к нему" (ОР ГБЛ, ф. 178, ед. хр. 3003.1, л. 26). — *А.И.*).

[26] Архимандрит Макарий... С. 34.

[27] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 46—54.

Литература

Ландышев С., прот. Некоторые сведения об учреждении Алтайской миссии и об ее основателе о. архимандрите Макарии // Миссионер. 1877.

Молчанов Д.А. Архимандрит Макарий, начальник и основатель Алтайской духовной миссии // Миссионер. 1879.

Филимонов Д.Д. Материалы для биографии основателя Алтайской духовной миссии архимандрита Макария // Православное обозрение. 1887, 1888. Есть и отдельное изд.: М., 1888.

Очерк состояния Алтайской духовной миссии в 1830—1844 гг. / Сост. о. Вербицким по поводу 50-летнего юбилея миссии // Памятная книжка Томской губернии. 1885.

Голубинский Дм. Макарий, основатель Алтайской миссии, по бумагам Ф.А. Голубинского // Душеполезное чтение. 1890. Ч. III; 1891. Ч. I и III; 1892.

[Перевод ветхозаветных книг с еврейского языка на русский архимандрита Макария.] Чистович И. История перевода Библии на русский язык // Христианское чтение. 1872. Ч. III. С. 349, 377—419.

Акимов В. Архимандрит Макарий, подвижник и благовестник слова Христова // Русский паломник. 1888.

Остромысленский Евфимий, прот. Архимандрит Макарий, алтайский миссионер // Странник. 1860. Январь.

Стурдза А.С. Архимандрит Макарий, подвижник и благовестник слова Христова // Странник. 1860. Апрель.

Лавров Алексей, свящ. Архимандрит Макарий, начальник Алтайской церковной миссии.

Остромысленский Евфимий, прот. Еще некоторые сведения об о. архимандрите Макарии, первом Алтайском миссионере // Странник. 1860. Август.

Герболинский Иоанн, прот. Воспоминания о покойном отце архимандрите Макарии Глухареве, миссионере Алтайском // Странник. 1861. Май.

Герасим А., странник. Письмо к редактору "Странника" о некоторых обстоятельствах жизни о. архимандрита Макария, основателя Алтайской миссии, и о переписке его с Е.М.З. // Странник. 1861. Апрель.

Лавров А., свящ. Один случай из жизни о. архимандрита Макария, Алтайского миссионера // Странник. 1862. Февраль.

Сулоцкий, свящ. Случай из жизни архимандрита Макария // Странник. 1862. Апрель.

Карпов В. Воспоминание о Болховском архимандрите Макарии, бывшем учредителе Алтайской миссии. Странник (1875. № 12).

Речь при погребении о. Макария, произнесенная Д.С. Поповым // Орловские епархиальные ведомости. 1868.

Путинцев М., прот. Воспоминания о первом Алтайском миссионере, архимандрите Макарии // Душеполезное чтение. 1889. Ч. III.

Путинцев М., прот. Из алтайских воспоминаний // Душеполезное чтение. 1884. Ч. I.

Комаров Н. Архимандрит Макарий, первый алтайский миссионер // Миссионер. 1874. № 1, 4.

Францева М.Д. Миссионер — архимандрит Макарий. Из "Воспоминаний" // Исторический вестник. 1888. Июнь.

Краткая записка о жизни и деятельности священноархимандрита Макария, основателя Алтайской миссии.

Бакунина П. Воспоминание о священноархимандрите Макарии, основателе Алтайской миссии // Домашняя беседа. 1860.

Сумароков П. Миссионерство в Сибири // Христианское чтение. 1884. Ч. I. С. 124—136.

Письма Филарета, митрополита Московского, к алтайскому миссионеру, архимандриту Макарию.

Сергий (Василевский), архим. Высокопреосвященный Филарет, митрополит Киевский и Галицкий. Т. II // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1872.; Письма Филарета, митрополита Московского / Изд. архиеп. Саввою. Ч. I. С. 105—137.

Архимандрит Макарий... 2-е изд. М., 1892.

Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии. (Память 18 мая) // Май. М., 1908. С. 129—155.

Подвиги в Глинской пустыни ученого архимандрита Макария Глухарева // Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 46—54, 162.

Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии. Краткие сведения о его жизни и деятельности: по случаю столетней годовщины со дня его рождения (8 ноября 1792 г.). СПб., 1892.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. 2-е изд. С. 48, 78; То же. 3-е изд. Курск, 1912. С. 41, 66.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. С. 20.

Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Чуркинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. М., 1908. С. 380.

Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Успенско-Николаевской Чуркинской пустыни Астраханской епархии. Астрахань, 1904. С. 3.

Благовестник. Чувствования москвитянки при свидании с алтайским духовным миссионером, о. архимандритом Макарием, основавшим свое пребывание среди калмыков Томской губернии в Бийском уезде // Странник. 1872. Март. С. 274—276.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 6.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П. Строев. СПб., 1877. С. 855.

К биографии преосвященного Илиодора, епископа Курского и Белоградского // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 4. С. 52—57.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 45. С. 59.

Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1866 г. СПб., 1867. С. 36.

Церковные ведомости: 1888. № 46. С. 1264—1267; № 49. С. 1380—1387; № 50. С. 1411—1416; 1892. № 46; 1893. № 28. С. 1027—1029; № 38. С. 310; 1905. № 25. С. 1035—1039.

Ястребов И. Краткие сведения о жизни и деятельности архимандрита Макария, основателя Алтайской духовной миссии. Бийск, 1843.

Архиепископ Евгений (Казанцев) как архиепископ Тобольский / Сулоцкий Александр, прот. // Странник. 1872. Май. С.123—131.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. 1878. С. 1547.

Архивные документы

Прошения и письма находящегося на пребывании в Глинской пустыни архимандрита Макария о дозволении ему переместиться в Иркутскую епархию для проповедования слова Божия языческим народам // ЦГИА, ф. 796, оп. 110, д. 417.

Макарий (Глухарев), архим. Портрет. Литография Э. Мамонова. На паспарту // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 113, ед. хр. 3.

Письмо начальника Алтайской миссии архимандрита Макария к Николаю I. "Писано в 1837 г." // ОР ГБЛ, ф. 214. ОПТ-445-1.

Филимонов Д.Д. Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария (М.Я. Глухарева). Черновой автограф чернилами и карандашом. 142 л. (не ранее 1886 г.) // ОР ГБЛ, ф. 178, ед. хр. 3003.1.

Письма иеромонаха Макария (Иванова), Леонида (Наголкина) и других к разным лицам // ОР ГБЛ, ф. 214. ОПТ-348, л. 58 об.

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским, Софье Ильиничне (Софии) и Варваре Ильиничне (Варваре) // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 3 об., 61, 127.

Труды архимандрита Макария

Переводы с еврейского языка на русский Священных Ветхозаветных книг — больших и малых пророков, Иова, Песни Песней, Екклезиаста, Притчей Соломоновых, Пятикнижия Моисеева, Судей Израилевых, 4 книг Царств, Книги Руфь, Первой и Второй Паралипоменон, Второй книги Ездры, книги Неемии, Есфири, Первой и Второй книг Маккиавейских // Православное обозрение. 1860—1867. Есть и отдельное издание: М., 1863 и 1868.

Письма покойного миссионера архимандрита Макария, бывшего начальником Алтайской духовной миссии. 1-е изд. Кн. 1. М., 1851; 2-е изд. М., 1860. Ч. I и II.

Письма архимандрита Макария к Ф.А. Голубинскому // Душеполезное чтение. 1890. Ч. III; 1891. Ч. I и II. 1892.

Полные записки архимандрита Макария, первого Алтайского миссионера, с августа 1830 по 1833 г. Рукопись. 68 стр.

Отрывки из этих записок напечатаны: Христианское чтение. 1834. Ч. II и IV; 1836. Ч. I, III и IV; 1837. Ч. II; 1838. Ч. III. Затем отсюда перепечатаны с незначительными пропусками А.О. Стурдзой в "Памятнике трудов православных богословников русских". М., 1857.

Алфавит Библии. Рукопись.

Оглашение алтайцев / Сост. архимандритом Макарием // Миссионер. 1875.

Лепта (собрание духовно-нравственных песнопений) архимандрита Макария. 4-е изд. Бийск, 1890.

Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного Писания. Рукопись.

Письмо архимандрита Макария к митрополиту Филарету от 23 марта 1834 г. о потребности Российской Церкви переложения всей Библии с оригинальных

языков на современный русский язык // Прибавления к творениям святых отцов. 1861. Ч. XX.

Представление начальника церковной Алтайской миссии архимандрита Макария Святейшему Синоду о необходимости перевода Библии на русский язык // ЧОИДР. 1862. Кн. 3.

Два письма архимандрита Макария императору Николаю Павловичу // Иркутские епархиальные ведомости. 1880.

Мысли архимандрита Макария о способах к успешнейшему распространению христианства между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе. Рукопись. Выдержки из этой рукописи помещены Комаровым в "Миссионере" (1874, 1875 и 1878).

Несколько слов архимандрита Макария, бывшего начальником Алтайской духовной миссии. М., 1854.

Жизнеописание Иова, архиепископа Екатеринославского, изданное от имени Дм.Т. Мизько.

Молитва архимандрита Макария // Душеполезное чтение. 1863. Ч. II. С. 327—328.

Архимандрит Макарий. Первая лепта. Томск, 1902.

МОНАХ ИЗРАИЛЬ

Монах Израиль (в миру Иван Новоскольцев) родился в 1804 г. в семье купца города Землянска Воронежской губернии[1]. Еще в молодости он возжелал жить для Бога и Ему одному служить. В Глинскую пустынь он поступил при игумене Филарете, в монашество был пострижен 4 декабря 1833 г.[2]. В ведомости о монашествующих за 1848 г. сказано, что монах Израиль "поведения хорошего, к Церкви Божией усерден..."[3]

Жизнь его была сокровенной в Боге. Стремясь выработать трезвенность душевную, он внимательно контролировал свои мысли, чувства, пожелания и чистосердечным их исповеданием отсекал все неугодное Господу. Работа над умом и сердцем была его непрестанным внутренним деланием.

Отец Израиль имел особое благоговение к игумену Филарету, истинно почитал его угодником Божиим, стремился исполнять и после кончины отца настоятеля все его наставления.

При такой душевной настроенности монах Израиль был утешен от Господа дарованием обрести мощи своего аввы. В 1847 г., при постройке нового собора в Глинской пустыни копали рвы для его фундамента. Пришлось вскрыть склеп, где был погребен отец Филарет. Находившийся при этом монах Израиль увидел гроб его совершенно целым и решился приподнять крышку гроба. Он увидел тело игумена Филарета нетленным и благоухающим, мантия и прочие одежды о. Филарета были совершенно целыми и веяло особым благоуханием от гроба[4]. С трепетом, горячо возблагодарил отец Израиль Бога за столь очевидное удостоверение святости и богоугодности чтимого им старца и усердно просил его святых молитв.

Не только Глинских собратий, но и многих других почитателей игумена Филарета утешал впоследствии отец Израиль рассказом о виденном[5].

Примечания

1 ЦГИА, ф. 796, оп. 130, д. 1157, л. 1 об.

2 Там же.

3 Там же.

4 Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. 1904. С. 25; То же. Курск, 1912. С. 21; Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 56.

5 Там же. С. 56. О дальнейшей жизни о. Израиля известно лишь, что в 1849 г. он подал прошение об увольнении его на полтора года за границу для поклонения

святым местам и по указу Святейшего Синода получил на это разрешение 22 февраля 1850 г. (ЦГИА, ф. 796, оп. 130, д. 1157, л. 1—5.).

Литература

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. 1904. С. 25. То же. Курск, 1912. С. 21.

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 56.

Архивные документы

Об увольнении монаха Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Израиля для поклонения святым местам // ЦГИА, ф. 796, оп. 130, д. 1157.

ИЕРОМОНАХ ЕВГРАФ (†1848)

(Память 12 июня ст.ст. / 25 июня нов. ст.)

Цит. по:
Глинский иеромонах Евграф, подвижник // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. М., 1912. Т. доп. Кн. 1. С. 859—860.

Отец Евграф, в миру дворянин, коллежский секретарь Евфим Феодорович Барташин, иноческие подвиги начал в Глинской пустыни с 1833 г., имея от рождения 30 лет и более всего проходил послушание письмоводителя обители[1]. Отличаясь подвижничеством и молитвенным настроением, он вместе со своим помощником по письмоводству монахом Никандром предпринял особый подвиг. Уходя в болотистый кустарник, они обнажались по пояс и давали себя на съедение кровожадным насекомым. В то же время по четкам, не торопясь, читали Иисусову молитву. Совершив известное число молитв, они пером слегка сгоняли комаров. Кто неосторожно убивал комара, тот клал 50 поклонов. Насколько велико было их терпение, может понять каждый, испытавший докучливость комаров. Но не бесполезно ли такое истязание? В деле подвижничества и спасения — не бесполезно. Ибо всякий грех совершается для наслаждения, и "всякое прощение получается через злострадание и печаль". Все преподобные отцы шли путем злостраданий. Во всем строгое воздержание, постоянный пост, малоспание, жесткое ложе и тому подобное, служили им к умерщвлению в себе греховного человека с его страстьми и похотьми и к постоянному держанию себя на высоте великим подвигом достигнутых добродетелей. Отдание себя на съедение насекомым было известно нам из жития преподобных Макария Александрийского, Феодосия Киево-Печерского и других. Оно предпринималось как одно из средств порабощения в себе страстей. Уязвление тела комарами приучало подвижников к терпению, хладнокровию, отсечению своей воли, освобождению себя от раздражительности и гнева. Оно также было временной мукой за грехи, чтобы избавиться от мук вечных. Ревностное прохождение монашеских подвигов, чреды священнослужения и должности письмоводителя скоро надломили здоровье отца Евграфа. Но и больной он совершал свое келейное правило, а лежа на смертном одре, непрестанно призывал имя Сладчайшего Иисуса, "желание имый разрешиться от уз тела и со Христом быти" (Фил. 1, 23). Предчувствуя близкую кончину, подвижник часто причащался и соборовался. Не желая лишиться награды за труды, о. Евграф и больной отказывался от посторонних услуг. Только при крайней нужде он звал к себе иеромонаха Аполлинария, жившего рядом с ним в другой келлии. В день смерти, 12 июня 1848 г., он постучал Аполлинарию. Когда тот пришел, он сказал: "Ах, отче, если б ты знал, как мне хочется посмотреть на небо: там непрестанно ликуют сонмы святых!" К ним рвалась чистая душа болящего иеромонаха, желающего в последний раз с земли вознести взор на небо. Аполлинарий предложил выйти на крыльцо.

11–1374

Отец Евграф с благодарностью согласился. Почти вынесенный на руках, посмотрел он на ярко освещенное солнцем небо и с восторгом духовным душа его отлетела в горние обители к ангелам и святым, оставив на устах почившего улыбку.

Примечания

[1] Отец Евграф был посвящен во иеродиакона на следующий год по пострижении, а еще через год — во иеромонаха (Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 29. — *А.И.)*.

Литература

Глинский иеромонах Евграф, подвижник // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. М., 1912. Том доп. Кн. 1. С. 859—860.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 29.

ИЕРОМОНАХ ФЕОДОСИЙ (†1850)

(Память 20 октября ст. ст. / 2 ноября нов. ст.)

Цит по:
Иеромонах Феодосий, первый духовник возобновленной Святогорской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. М., 1912. Т. доп. Кн. 2. С. 319—321.

Отец Феодосий был монахом в полном смысле этого слова, подвижник и муж духовноопытный, под руководством игумена Филарета стяжавший редкий дар непрестанной умно-сердечной молитвы Иисусовой. В Глинской пустыни он долго занимал должность уставщика и благочинного[1]. В 1844 г., вместе с отцом Арсением, перешел в Святогорскую пустынь и был братским духовником. На новом месте продолжал совершенствоваться, восходя от силы в силу духовной жизни. Для более безмолвного творения Иисусовой молитвы отец Феодосий уходил в лес. Живший в тесной прихожей келлии послушник Трофим замечал, что по возвращении из леса лицо его старца сияло какой-то необыкновенной светлостью. Отец Феодосий не только сам занимался непрестанным творением молитвы, но и других старался приучить к этому спасительному упражнению. Вечером, после правила, отпустив приходивших к нему исповедоваться братий, он призывал к себе того же Трофима и заставлял его по четкам громко и не спеша произносить молитву Иисусову. Послушнику сперва очень страшно было творить молитву под наблюдением старца, но последний ободрил его. Он сказал, что страх происходит от врага спасения, более всего ненавидящего творение молитвы Иисусовой. Страх прошел, уступив место умильно-покаянному чувству, при котором у Трофима обильно лились слезы. Видя его усердие, преданность и простосердечие, отец Феодосий иногда открывал смиренному Трофиму тайны своей подвижнической жизни. Так, однажды, придя из леса в порванной рясе, он просил Трофима зашить ее. Трофим осмелился спросить: "Как и чем порвана ряса?" Феодосий откровенно ответил: "Боролся в лесу с бесами: напали они на меня стаей, все хотели четки из рук вырвать и кричали, чтобы не молился я молитвой Иисусовой. Но Бог помог, четки удержал, хотя и порвались они местами, зато уж рясе досталось". Сказав это, подвижник строго приказал сего никому не говорить, а сохранить в тайне. В келлии отец Феодосий не имел кровати, а спал на полу. Трофим там заметил клопов и хотел залить их кипятком. Старец не позволил ему. "Клопы, — сказал он, — своими угрызениями напоминают мне неусыпающего червя, который уготован грешникам, и вызывают во мне покаяние. Не лишай меня этих насекомых, чтобы я потом не жалел". Под духовным руководством отца Феодосия просияли добродетелями ученики его: архимандрит Герман, затворник иеросхимонах Иоанн, иеромонах Иоанникий и другие.

Духовная мудрость и дар рассуждения о. Феодосия видны из следующего случая. У эконома о. Германа вышли неприятности с казначеем: отношения их обострились. Недоумевая, как поступить, Герман пришел к духовнику — отцу Феодосию и откровенно все ему рассказал. Старец посоветовал Герману съездить в Киев, побывать и в

других обителях, посмотреть тамошние порядки и, где понравятся, там остаться, если не появится скуки о Святогорье. "Я знаю, что ты скоро соскучишься по Святогорской, родной тебе обители, — улыбаясь, сказал ему старец, — и скоро опять в нее возвратишься, но проехаться тебе будет теперь очень полезно и даже необходимо. Ты уступишь место гневу брата, и гнев этот пройдет, а сам опытно познаешь, что родная обитель тебе дорога и порядки в ней не так дурны, как теперь тебе кажутся. Увидев другие порядки и другое иноческое житье, ты, я знаю, скоро возвратишься назад и тогда будешь более дорожить возродившею тебя духовно обителью". Как говорил отец Феодосий, так и случилось. Герман недолго побывал в некоторых монастырях и возвратился в свою обитель.

Отец Феодосий скончался 20 октября 1850 г. на 58-м году жизни и, по словам архимандрита Арсения, "оставил по себе общее сожаление".

Примечания

1 Отец Феодосий в Глинской пустыни был посвящен во иеродиакона на следующий год по пострижении, а еще через год — во иеромонаха. (Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 29). Он был благочинным и уставщиком обители уже в 1837 г., о чем свидетельствует его подпись на прошении иноков Глинской пустыни императору Николаю I о наделении их обители землей от 25 марта 1837 г. (ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об., 8). — *А.И.*

Литература

Иеромонах Феодосий, первый духовник возобновленной Святогорской пустыни. (Память 20 октября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. М., 1912. Т. доп. Ч. 1. Кн. 2. С. 319—321.

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 29, 37, 43, 44, 46, 58.

Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Одесса, 1893. С. 41—42.

Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 35.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 29, 148, 162.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1904. С. 22. То же. Курск, 1912. С. 18.

Духовник Святогорской Успенской пустыни иеромонах Иоанникий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Февраль. М., 1906. С. 134—137.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 47. С. 75.

Архивные документы

По предложению синодального обер-прокурора о наделении землей Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии, с приложением "записки" братии // ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об., 8.

ИГУМЕН АВКСЕНТИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1855—1857)

Игумен Авксентий был назначен настоятелем Глинской пустыни 19 октября 1855 г.[1]. О его жизни сохранилось совсем мало сведений. По всей вероятности, он был казначеем Глинской пустыни при игумене Евстратии в 1854—1855 гг. (документы обители этого периода подписаны казначеем иеромонахом Авксентием)[2], а затем Глинская братия избрала его своим настоятелем. Возможно о. Авксентий был возведен в сан игумена еще при вступлении в должность настоятеля, однако в сохранившихся документах в сане игумена он упоминается лишь с апреля 1856 г.[3].

За время своего настоятельства о. Авксентий проявил ревностное попечение о внешнем и внутреннем благоустройстве обители. Из архивных документов узнаем, что при игумене Авксентии продолжалась перестройка собора Рождества Пресвятой Богородицы, где проводились работы по внутренней отделке храма: настилали полы, сооружали иконостасы, делали двери и рамы[4]. В скитской церкви в 1856 г. были устроены печи4. Игумен Авксентий построил в Глинской пустыни двухэтажный деревянный корпус, крытый железом на 8 келлий[5], настоятельский корпус перекрыл железом, на экономическом дворе устроил новый флигель с кладовой[6].

Но особенно отличался игумен Авксентий своим милосердием. Христианское милосердие — это особое чувство, которое имеет своим источником Бога и которое выражается в доброте, благожелательности, состраданием к ближним, в долготерпении к согрешающим и прощением обид врагам.

Основываясь на учении святых отцов, игумен Авксентий говорил братии, что если даже язычники, движимые естественным законом, проявляют милосердие к нуждающимся, то христианина тем более должно подвигнуть к этому не только родство естественное, так как все имели одного праотца Адама, но и родство духовное, и более всего имя Христово. Если кто хочет, чтобы его любили, не обижали и помогали в земной жизни, то все это он прежде пусть исполнит сам. Тогда ему непременно воздастся не только на земле во сто крат, но и на небе. В такой настроенности — вся христианская наука, и изучать эту науку христианин должен от младенчества и до конца жизни.

Сам Господь призывает к делам милосердия: "...Будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд" (Лк. 6, 36). Без милосердия, благотворительности невозможно наследовать Царство Небесное, поскольку вера без дел мертва (Иак. 2, 20), и суд без милости ожидает не оказавшего милости (Иак. 2, 13).

Игумен Авксентий так организовал благотворительную деятельность обители, оказывал столь щедрую помощь нуждающимся, что преосвященный Илиодор в епархиальном отчете за 1856 г. писал:

"Христианский долг призрения бедных среди всех обителей Курской епархии особенно исполняется в Глинской пустыни"[7].

Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви, святых обителей имела и имеет глубокие корни: она прежде всего основана на исполнении заповедей о любви к Богу и ближнему, милосердии, сострадании. При этом долготерпение выступает не как самоцель, а как итог жертвенной любви к Богу и людям. Следовательно, благотворение можно рассматривать как один из критериев, определяющий уровень духовной настроенности и глубины православной веры человека.

Эта человеколюбивая, любвеобильная деятельность важна и необходима не только для страждущих, нуждающихся в помощи, но и для самих благотворителей, поскольку привлекает к ним любовь и благоволение Божие. Священное Писание призывает православных христиан к благотворительности искренней, щедрой: "Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает, ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет" (Лк. 12, 33—34). А св. Иоанн Златоуст по этому поводу пишет: "К чему нам, забывшим о самих себе, все свое попечение обращать на то, чего, уходя отсюда, нельзя взять с собой, а часто нельзя удержать и оставаясь в здешней жизни, тогда как представляется возможность обогатиться так, что не только здесь, но и там окажемся всех достаточнее?.."[8]

Многогранной была благотворительная деятельность Глинской пустыни, осуществляемая под руководством о. Авксентия.

Так, во время Крымской войны братия обители усиливали свои горячие молитвы к Богу, оказывая материальную поддержку воинам фронта, семьям погибших, утешали скорбящих своими проповедями, а многие из братии, руководствуясь глубоким чувством патриотизма и голосом гражданской совести, добровольно шли на фронт.

В дни мирной жизни братия обители также были тесно связаны с народом. Если люди страдали от голода, стихийных бедствий, эпидемических заболеваний, то Глинская пустынь всегда оказывала им материальную и духовную поддержку.

Глинская пустынь щедро расходовала огромные средства на содержание странноприимниц (в самой обители, на подворье в деревне Заруцкой и г. Глухове), помня слова Спасителя о том, что "рука дающего не оскудевает".

Сюда прибывали странствующие подвижники, паломники из дальних краев нашей родины и из-за рубежа. В странноприимных домах подолгу жили и бедные, нищенствующие люди из окрестных сел, деревень, городов. Все они получали бесплатное питание, а также пользовались бесплатным медицинским обслуживанием.

Благотворительность была присуща каждому из числа братии монастыря, от настоятеля до послушника. Исполняя слова сказавшего"...Блаженнее давать нежели принимать" (Деян. 20, 35), и увещание святого апостола Петра: "...Будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосердны, дружелюбны, смиренномудры..." (1 Петр. 3, 8), иноки стремились оказать посильную помощь каждому нуждающемуся делом, словом, духовным наставлением. С радушием встречали они богомольцев, представляя им все необходимое, и каждый с большой ревностью служил паломникам, не щадя своих сил и

здоровья. Мудро руководимые о. Авксентием, при совершении благоделания они помышляли о себе, лишь как о раздаятелях Божиих даров, по слову св. Григория Богослова: "Ты никогда не будешь щедрее Бога, хотя бы и пожертвовал всем, что имеешь, хотя бы отдал вместе с имуществом и самого себя; ибо и то самое, чтобы отдавать себя Богу, человек получает от Него же. Сколько ты ни уплатишь Богу, все еще больше того будет оставаться на тебе, и ничего не дашь ты своего, поелику все от Бога"[9].

В период настоятельства о. Авксентия в 1856 г., по прошению граждан города Глухова, император Александр II утвердил совершение ежегодного крестного хода с Чудотворной иконой из Глинской пустыни в Глухов на время с 19 по 26 июля[10].

Игумен Авксентий был настоятелем Глинской пустыни менее двух лет. В январе 1957 г. он совершал еще постриги в монашество[11], но уже 13 февраля того же года архимандрит Иоанникий (Голованицкий) писал о нем своим духовным детям: "Игумен наш на смертном одре лежит, едва ли до поста доживет, болезнь его чахоточная"[12].

В конце февраля 1857 г. игумен Авксентий скончался[13]. Он был погребен под Успенским храмом Глинской пустыни[14].

Примечания

1 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 91.

2 ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727.

ОР ГБЛ, ф. 203, к. 109, ед. хр. 30, л. 3.

Возможно, о. Авксентий подвизался в Глинской пустыни еще при игумене Филарете. Подпись иеродиакона Авксентия, подобную подписи казначея иеромонаха Авксентия находим на прошении братии Глинской пустыни о возвращении во владение пустыни лесной дачи за 1824 г. (ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 83).

3 ГАКО, ф. 20, оп 3л, д. 109, л. 12 об.

4 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 3, л. 8.

5 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 77.

6 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 3, л. 8.

7 Там же, л. 9.

8 Полное собрание творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Т. 9. Кн. 2. СПб., 1903. С. 676.

9 Св. Григорий Богослов. Творения в русском переводе. Ч.2. С. 25.

10 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 58—59.

11 ГАКО, ф. 29, оп. 3л, д. 89, л. 43 об.

12 ОР ГБЛ, ф. 213, к. 109, ед. хр. 93, л. 26 об.

13 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 91.

14 Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Курск, 1912. С. 27.

Литература

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 77, 91.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. С. 33. То же. Курск, 1912. С. 27.

Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 5.

Архимандрит Иннокентий, настоятель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. 1909. С. 207—208.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 47. С. 58.

Архивные документы

Главная опись церковного и ризничего имущества Курской епархии Глинской Рождество-Богородицкой мужской общежительной пустыни, составленная в 1854 г. // ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1856 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 3, л. 8—9.

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским, Софье Ильиничне (Серафиме) и Варваре Ильиничне (Варваре) // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 109, ед. хр. 93, л. 26 об.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Богородицкой пустыни за 1885 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 4 об.

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках указных и неуказных Глинской Богородицкой пустыни и Путивльской Молченской Софрониевой пустыни за 1892 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 109, л. 12 об., 24.

ИЕРОСХИМОНАХ СЕРАФИМ ЛЮБОМУДРЫЙ (†1856)

(Память 16 апреля ст. ст. / 29 апреля нов. ст.)

Цит. по:
Глинский иеросхимонах
Серафим любомудрый //
Жизнеописания отечественных подвижников
благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь.
М., 1912. Т. доп. Ч. 1.
Кн.1. С. 588—589.

Отец Серафим (в миру дворянин Стефан Пацула), в Глинскую пустынь поступил при игумене Филарете в 1818 г., иеродиаконом перешел в Киево-Михайловский монастырь, где возведен в сан иеромонаха и был благочинным[1]. Для исполнения священнических обязанностей в 1840 г. был командирован в форт Лазарева на берегу Черного моря. Там подвергся многим опасностям на суше и на море во время военных действий с кавказскими горцами; часто смерть витала около него, но Господь сохранил. Много и других скорбей за себя и за ближних принял отец Серафим, особенно в первые два года по прибытии в форт Лазарева. Благорасположенный к нему протоиерей в письме 1840 г. не без основания назвал его "преподобным страдальцем и тружеником, подвизающимся подвигом добрым". Кроме того, отец Серафим семь лет страдал лихорадкой, которая по себе оставила глазную и цинготную болезни. Едва живой, он должен был отпевать убитых и умерших от болезни воинов. Кое-как дойдет до места погребения, а обратно его вели под руки солдаты[2].

Пробыв в форте Лазарева более восьми лет, о. Серафим в 1849 г. возвратился в Глинскую пустынь, был братским духовником, отличался строгостью жизни, богослужения совершал прекрасно. Но особенно старец замечателен был великою жаждою к чтению духовных книг и потому назван любомудрым. Он прочитал все библиотечные книги Глинской пустыни и соседних: Софрониевой пустыни и Петропавловского монастыря. "Бывало, — говорят старцы, — пойдет куда-либо и берет с собой книги. Увидит живописное место под деревом или на лужайке, — велит остановиться, сядет на траву и читает. Отдохнет, насладится пищею духовной и опять в путь с молитвой в сердце". Подвижник ничего более не желал, как умереть такой же блаженной кончиной, как незабвенный батюшка Филарет, и Господь исполнил его благое желание. Напутствованный Святыми Таинами Церкви, постриженный в схиму, он скончался 63 лет, так же как и Филарет, в понедельник Пасхальной недели, 16 апреля 1856 г. Если, по слову Священного Писания, *мудрые* (духовно) *наследуют славу* (Притч. 3, 35), то надо думать, что и о. Серафим удостоился ее в загробной жизни.

Примечания

1 Отец Серафим был учеником игумена Филарета и после перехода в Киево-Михайловский монастырь вел с ним переписку (Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 88). — *А.И.*

2 Из собственных записок о. Серафима.

Литература

Глинский иеросхимонах Серафим любомудрый // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. М., 1912. Т. доп.. Ч. 1. Кн. 1. С. 588—589.

Глинский подвижник монах Ананий лекарь // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 110.

Архимандрит Паисий: Настоятель Высокогорной Успенской Николаевской Чуркинской пустыни Астраханской епархии. Астрахань, 1904. С. 7—9.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 88, 104.

Архивные документы

По прошению Курской епархии Глинской пустыни строителя иеромонаха Филарета о возвращении во владение оной пустыни лесной дачи // ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 83 об.

ИГУМЕН ИОАСАФ, НАСТОЯТЕЛЬ (1857—1861)

Отец Иоасаф был определен настоятелем Глинской пустыни 5 марта 1857 г.[1]. О его жизни, так же как и о жизни игумена Авксентия, сохранилось мало сведений. По-видимому, о. Иоасаф поступил в Глинскую пустынь при игумене Филарете. На прошении братии Глинской пустыни 1837 г. о наделении обители землей стоит подпись иеродиакона Иоасафа[2]. Возможно, он-то и стал впоследствии настоятелем обители.

При нем 19 июля 1857 г. был совершен первый крестный ход с Чудотворным образом Рождества Пресвятой Богородицы из Глинской пустыни в г. Глухов при огромном стечении и ликовании народа.

При игумене Иоасафе на средства щедрого благотворителя обители помещика Константина Дмитриевича Хрущова каменная часовня Ближнего скита пристройкой алтаря была превращена в теплый храм, освященный 26 октября 1860 г. во имя Св. Богоотец Иоакима и Анны. При этом храме была устроена колокольня с шестью колоколами[3].

Еще настоятель игумен Филарет предпочел устроить здесь церковь во имя праведных родителей Пресвятой Девы, а в день памяти их совершать из обители крестный ход с Чудотворной иконой. Это желание богомудрого аввы исполнил о. Иоасаф. После освящения скитской церкви ежегодно 9 сентября до литургии стал совершаться крестный ход с Чудотворной иконой в Ближний скит[4].

Кроме устроения храма в скиту о. Иоасаф построил в Глинской пустыни новый корпус для посетителей и помещения для хранения продовольственных припасов[5].

Благочинный монастырей, настоятель Путивльского монастыря архимандрит Сосфен писал, что о. Иоасаф, как и другие настоятели вверенных его надзору монастырей, "по образу и опытности в иноческой жизни, с пользой для пасомой им братии проходит свое служение"[6]. Но наиболее яркой характеристикой деятельности о. Иоасафа можно считать отзывы правящих архиереев о Глинской пустыни. В 1861 г. в отчете о состоянии Курской епархии преосвященный Сергий (Ляпидевский) докладывал в Святейший Синод: "Из мужских обителей — лучшая Глинская, где и чин богослужения благолепнее, и более находится старцев, разумеющих силу и сладость жизни духовной"[7].

И преосвященный Сергий, и его предшественник архиепископ Курский и Белоградский Илиодор (Чистяков) считали, что благотворительностью бедным среди монастырей Курской епархии особенно отличаются Глинская и Софрониева пустыни[8].

За неусыпное попечение об устройстве обители о. Иоасаф был возведен в сан игумена. На основании архивных данных можно утверждать, что о. Иоасаф стал игуменом в 1861 г. В справке Курской духовной

консистории, поступившей в канцелярию Святейшего Синода 13 ноября 1861 г., сказано, что в 1860 г. Глинская Рождество-Богородицкая пустынь была еще под управлением иеромонаха[9]. Но уже 10 октября 1861 г. преосвященный Сергий (Ляпидевский) докладывал в Святейший Синод: "Настоятель Глинской Рождество-Богородицкой пустыни игумен Иоасаф вошел ко мне с прошением об увольнении его от занимаемой должности, по болезни, и о дозволении пребывать ему в сей обители, на покое"[10].

Прошение игумена Иоасафа было удовлетворено. По определению Святейшего Синода от 24 октября 1861 г. он был уволен от должности настоятеля[11] и оставлен в Глинской пустыни на покое.

Скончался игумен Иоасаф в 1862 г.[12].

Примечания

1 Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 91.

2 ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2.

3 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 4; Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 44.

4 Ближний мужской скит... // Православные монастыри Российской империи (мужские и женские). М., 1908. С. 352.

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь в Путивльском уезде // Православные русские обители. СПб., 1909. С. 269.

5 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 30, л. 8 об.

6 Там же, л. 7; Там же, д. 57 л. 8 об.

7 Там же, л. 6.

8 Там же, д. 30, л. 10; Там же, д. 57, л. 8.

9 Там же, оп. 142, д. 1826, л. 21—21 об.

10 Там же, д. 1804, л. 1.

11 Там же, л. 2. Указ преосвященному Курскому был послан 11 ноября 1861 г. (Там же, л. 3 об.).

12 Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 5.

Литература

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 44, 60—62, 91.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 66.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 41.

Глинский подвижник иеродиакон Серапион // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. 1908. С. 330.

Архимандрит Иннокентий, настоятель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. 1909. С. 208.

Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. С. 5.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 26. С. 499.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П. Строев. СПб., 1877. С. 650.

Памятная книжка Курской губернии на 1860 г. Курск, 1860. С. 96.

Архивные документы

Дело со сведениями, кем монастыри были управляемы в 1860 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 142, д. 1826, л. 21—21 об.

По представлению Сергия, епископа Курского об увольнении на покой настоятеля Глинской пустыни игумена Иоасафа и о назначении на его место иеромонаха Ювеналия // ЦГИА, ф. 796, оп. 142, д. 1804.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1859 г. // Там же, оп. 442, д. 30, л. 7, 8 об., 10.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1861 г. // Там же, д. 57, л. 6, 8—8 об.

По предложению синодального обер-прокурора о наделении землей Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии с приложением "записки" братии // Там же, оп. 118, д. 1202, л. 2 об., 8.

ПОСЛУШНИК ВАСИЛИЙ КАЮЩИЙСЯ (†1859)

(Память 30 января ст. ст. / 12 февраля нов. ст.))

Цит. по:
Глинский послушник
Василий Милонов кающийся. //
Жизнеописания отечественных подвижников
благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь.
1912. Т. доп. Ч. 1. Кн. 1. С. 146—148

Жизнь послушника Василия Милонова (в миру отставного гвардейской артиллерии подполковника) замечательна по обращению его из неверующего в верующего и кающегося. По собственному его признанию, в молодости он был вполне неверующий человек и, служа в гвардии в Петербурге, отличался в кругу товарищей разнузданностью нрава; все святое ему было нипочем: он кощунствовал над святыней, смеялся над всяким выражением христианского благочестия, отрицал самую веру в Бога и в вечную будущность человека.

Мать его — старушка, женщина глубоко верующая и благочестивая, просила его остепениться, но напрасно. Сын ее продолжал кутить и развратничать, а она молилась за него усердно Богу, и Господь, хотящий всем спастись, внял ее мольбам. Однажды, после попойки в кругу товарищей, Милонов вернулся к себе на квартиру и прилег отдохнуть. Не успел открыть глаза, как слышит голос из-за печки: "Милонов, возьми пистолет и застрелись". Это его очень изумило; он думал: кто-либо над ним шутит, осмотрел комнату, никого не нашел и решил, что это игра воображения. Но голос опять ясно послышался в прежнем месте и на сей раз весьма настоятельно требовал взять пистолет и застрелиться. Встревоженный, он крикнул денщика и рассказал ему, что слышит другой раз неведомый ему голос из-за печки, призывающий взять пистолет и застрелиться.

Денщик — верующий человек — сказал, что это явное бесовское наваждение. Советовал барину перекреститься и помолиться Богу. Милонов, давно не крестившийся и не молившийся, выбранил денщика за такое предложение, посмеялся над его суеверием и более не хотел его слушать. Но денщик умолял послушать его совета: когда послышится опять голос, осенить себя крестным знамением. "Тогда увидите, что Бог и бес существуют: голос сейчас же прекратится, ибо ясно, он бесовского происхождения и хочет привлечь вас к самоубийству, чтобы навеки погубить вашу душу".

Отпустив денщика и несколько успокоившись, Милонов опять услышал прежний голос из-за печки и решился перекреститься. Голос мгновенно замолк. Это произвело на него разительное впечатление: он стал задумываться, стал вспоминать свою прежнюю жизнь. Невольный ужас напал на него, и он решился навсегда с нею расстаться и остальные дни свои посвятить покаянию во грехах. Нимало не медля, подал в отставку и, надев простой овчинный тулуп, пешком пошел в Киев с намерением поступить для покаяния в Киево-Печерскую Лавру. Лаврское начальство затруднилось его принять и вынудило лично явиться к

митрополиту. Тот очень удивился, видя перед собою полковника в нищенской одежде. Но когда Милонов откровенно рассказал ему всю свою жизнь, он не советовал оставаться в Лавре, как обители городской и шумной, а велел отправиться в пустынную Глинскую обитель к старцу игумену Филарету и под опытным его руководством подвизаться для спасения своей души. Милонов так и сделал: пришел в Глинскую пустынь, открылся игумену Филарету и был принят в число братий.

У него еще была жива мать-старушка, которой он отдавал свою пенсию, поэтому официально не поступал в монашество, но жизнь проводил вполне монашескую.

Находясь на Глуховском подворье Глинской пустыни в качестве доверенного для получения корреспонденции на имя обители, в декабре 1858 г. Милонов заболел и был отправлен в городскую больницу. Чувствуя приближение смерти, он просил похоронить его в послушнической одежде и воинских почестей не делать. Скончался в январе 1859 г., имея от роду 70 лет[1].

Примечания

1 Из Глинских записок.

Литература

Глинский послушник Василий Милонов кающийся. (Память 30 января) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. М., 1912. Т. доп. Ч. 1. Кн. 1. С. 146—148.

Марк (Лозинский), игумен, профессор МДА. Отечник проповедника. (Практическое пособие для студентов: 1221 пример из Пролога и Патериков). Загорск. (Ныне Сергиев Посад. — *Примеч. издат.).* Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 690—691. (№ 979: "Подполковник Милонов В. трижды слышал голос, настоятельно призывавший его к самоубийству; когда офицер перекрестился, голос перестал тревожить его".)

ИЕРОДИАКОН СЕРАПИОН (†1859)

(Память 25 июня ст. ст. / 8 июля нов. ст.)

Цит. по:
Глинский подвижник
иеродиакон Серапион // Жизнеописания
отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Июнь. М., 1908. С. 326—330.

Отец Серапион (в миру Симеон Белопольский) из духовного звания, учился в духовном училище, начал монастырскую жизнь в Софрониевой пустыни[1]. По своему смирению он не принимал пострига в монашество, желая работать Господу в скромном звании послушника. Но добродетельное житие его не могло укрыться под спудом. Настоятель Путивльского монастыря и благочинный обителей Курской епархии архимандрит Макарий в 1817 г. просил архипастыря перевести послушника Белопольского в свой монастырь. Когда перевод состоялся, о. Макарий за послушание постриг его в мантию с именем Серапион и в том же (1817) году возвел в сан иеродиакона, несмотря на сильное нежелание Серапиона, считавшего себя недостойным носить священную степень. Зато до самой смерти он остался в сане иеродиакона, и никто не мог упросить его принять иеромонашество. Необыкновенно кроткий, тихий, как ангел Божий, о. Серапион с принятием иеродиаконства еще более стал ревновать об угождении Богу. Постоянным трезвением ума и молитвой он заграждал вход в сердце всяким нечистым желаниям. Он много потерпел сильных искушений, оберегая свое девство, которое сохранил до смерти, побеждая частые восстания плотских похотений беспощадным утруждением своего тела, воздержанием и постом. Иногда он оцепеневал от изнеможения и лежал как мертвый перед иконами, моля Господа избавить его от нападений вражеских, и получил, наконец, дар бесстрастия. В Путивльском монастыре о. Серапион знал и уважал одну женщину за благочестие. Когда у нее умер муж, она, распаляемая сладострастием, стала искушать о. Серапиона на грех с ней. Обличаемая богобоязненным иеродиаконом за бесстыдство, женщина предложила ему свою дочь. Искушение могло повторяться; обличить женщину перед другими не позволяла кротость подвижника. Он, щадя репутацию женщины, посоветовал выдать дочь замуж, и самой уехать из города. Нашелся жених, живший где-то в уезде. К нему и выехала женщина вместе с дочерью. Наученный этим случаем, богобоязненный подвижник всегда просил молодых братий обители особенно быть всемерно осторожными в обращении с женщинами.

Когда из Глинской обители выделены были братия в возобновленную Святогорскую Успенскую пустынь, игумен Евстратий стал приглашать к себе из других обителей монахов, известных ему подвижничеством. В числе их он просил и о. Серапиона, который, усмотрев в этом волю Божию, в 1849 г. перешел в число заштатных Глинских старцев. Игумен Евстратий желал видеть о. Серапиона иеромонахом и духовником. Только ссылаясь на свою старость, тот отклонил предложение настоятеля; о. Серапиону тогда было 69 лет. На первых порах по переходе в Глинскую

пустынь о. Серапион нес чреду священнослужения, но потом просил уволить его по немощи, "яко недостойного". Настоятель согласился на просьбу старца, зная, что он в уединении будет усерднее работать Господу.

Охладив чувства свои на греховную любовь плотскую и пристрастие к миру, о. Серапион пламенным сердцем возносился к Создателю и питал святую любовь к ближним. Это видно было во всех его действиях. Читая жития угодников Божиих, он возгорался ревностию их богоугождения; видя изображения преподобных, он пленялся их святолепными ликами; сам имея длинную бороду ниже пояса, особенно любовался на изображения святых Онуфрия Великого и Петра Афонского, у которых борода касалась земли. Часто с детской наивностью и горячею верой во исполнение о. Серапион просил Господа показать ему человека, подобного сим святым, если такой человек есть в живых на свете. Однажды о. Серапион вышел из своей келлии и встретился со странником, украшенным сединами. На почтительное приветствие незнакомца старец ответил глубоким поклоном. У них завязалась беседа. Странник говорил, что он несколько лет подряд путешествует для поклонения святыням: был в Палестине и на Афонской Горе. Отец Серапион заинтересовался его рассказами и попросил его в свою келлию. В разговоре между прочим он упомянул о своем давнем желании видеть старца, подобного преподобным Онуфрию и Петру. После этого, желая лучше угостить гостя, он зачем-то вышел, а вернувшись, в изумлении остановился у порога келлии. Перед ним стоял тот же благолепный странник, но борода у него была ниже колен, а волосы с головы спускались до пят. В отсутствие хозяина он снял верхнюю одежду, размотал бороду, которая была обвита вокруг шеи, расчесал ее и преобразился в такого именно человека, какого желал видеть старец. "Ты хотел видеть святого человека с длинной бородой, смотри же теперь на грешного", — сказал странник. Долго с ним беседовал о. Серапион и расстался с ним с великой пользой для своей души.

По времени о. Серапион просил Господа показать ему ангела хранителя. И не презрел Владыка твари моление верного раба Своего. Однажды во время молитвы подвижнику предстал крылатый юноша и, сказав: "Ты молишь Бога показать твоего ангела хранителя, — вот я", стал невидим. Сердце о. Серапиона исполнилось неизъяснимой радости; в благодарном восторге он мог только плакать. С этого времени он получил дар слез: они текли у него очень часто. "Бывало, — говорили близко знавшие подвижника, — сидит он в беседке монастырского сада, и слезы ручьем текут из очей его". О явлении ангела и беседе со странником о. Серапион сам рассказывал своим сподвижникам.

Святая жизнь старца не могла укрыться от внимательных ко спасению. Как пчелы, почуявшие аромат, они устремились к нему. Его уважали и к нему обращались за советами. Он внушал просить у Господа премудрости и разума для различения чистого от грязного, горького от сладкого и белого от черного, чтобы мудрствовать не по плоти и стихиям мира сего, но по слову Писания и святых отцов. Скорбя душою о современном растлении нравов, о. Серапион всегда восхвалял чистоту души и тела, возбуждая в слушателях ревность соблюдать ее на деле. Чистый от плотских грехов, он целомудренным называл того, кто целомудрен был не одним телом, но кто таков в намерениях, желаниях, чувствах и даже в

12-1374

самых мыслях, ибо последние служат началом приражения греха. Побеждаемых страстями подвижник просил не отчаиваться, но с детской искренностью приносить раскаяние, в уверенности, что несть грех, побеждающ милосердие Божие. В пример приводил он Евангельскую притчу о пропавшей овце и оканчивал свое утешение скорбящим о грехах словами Спасителя: радость бывает на небе о едином кающемся грешнике более, нежели о девяноста девяти праведниках, не требующих покаяния. Иногда старец говорил о молитве и о постоянном держании себя в присутствии Божием. Молитва, истекающая из глубины сердца, по словам подвижника, есть пластырь, врачующий язвы греховные, и орудие, которым побеждаются враги плотские и бесплотные, и всегдашнее держание себя в присутствии Божием есть самое верное охранение от врагов. "Веруйте твердо от души, — говорил о. Серапион, — что близ каждого есть Бог и на все зрит постоянно".

Старец болел душою за горделивое самовозношение тех, кои только беззаконий ради смирялся. В этом случае он не осуждал их, а молился за них и в назидание прочим нередко говаривал: "Если б хмелю не мороз, то он дуб бы перерос".

Чем возвышеннее и святее становился дух старца, тем более тело его приближалось к разрушению, физические силы его постепенно слабели. Изнемогая от трудов и старости, о. Серапион давно уже готовился к смерти и стремился туда, где в обителях небесных веселит Господь святых Своих. Через соседа своего по келлии — пономаря отца Иоанна он просил игумена Иоасафа не хоронить его ранее трех дней. По блаженной кончине о. Серапиона просьба его была исполнена[2], и Господь прославил подвижника на удивление братий: почивший старец-молитвенник три часа перебирал в руках четки, тело его не разлагалось и не издавало запаха. Об этом говорили не только сподвижники о. Серапиона, но и Оптинский старец Амвросий.

Примечания

[1] Отец Серапион был сподвижником о. Филарета (Данилевского) по Софрониевой пустыни. (Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 89). — *А.И.*

[2] Отец Серапион скончался 25 июня 1859 г. (Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. С. 47). — *А.И.*

Литература

Глинский подвижник иеродиакон Серапион // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. М., 1908. С. 326—330.

Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 1. С. 120.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Одесса, 1904. С. 47. То же. Курск, 1912. С. 41.

Иоанн (Маслов), архимандрит. Оптинский старец преподобный Амвросий и его эпистолярное наследие // Богословские труды. М., 1990. № 30. С. 124.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 89.

МОНАХ ФЕОДОТ (†1859)
(Память 16 июля ст. ст. / 29 июля нов. ст.)

Цит по:
Жизнь и подвиги
старца Феодота /
Сост. иеромонах Иассон.
Курск, 1894.

В период возобновления Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни, при настоятеле ее игумене Филарете (1817—1841), приснопамятный старец Феодот служил живым, духовным звеном, соединяющим ее древнейшее подвижничество с настоящим. Подвизаясь в Глинской пустыни многие десятки лет, приблизительно около 70, он в течение этого времени был свидетелем разных перемен, бывших в сей обители, видел ее упадок и впоследствии ее процветание, одним словом, был живой летописью, по которой читалось прошедшее означенной обители.

Судя по высоким его добродетелям и богатым благодатным дарованиям, старец Феодот был один из тех ревнителей веры и благочестия, которые, отрешившись от суетного мира и вземши крест Господа на свои духовные рамена, неуклонно шли во след своего Спасителя и не останавливались на пути, пока не взошли на высоту бесстрастия. Все земное для старца Феодота как бы не существовало; к миру и благам его он оставался совершенно равнодушен и искал только благодатного общения и единения с Богом, к которому стремился всем своим существом.

Предания о жизни, подвигах и благодатных действиях старца Феодота передаются из уст в уста между братиею Глинской пустыни и, по всей вероятности, еще долго будут передаваться; но с течением времени они могут затемняться, а некоторые и совершенно утратиться, как утратилось уже, несомненно, многое в течение тридцати трех лет со дня его кончины. Пишущий сии строки поступил в число братства Глинской пустыни в 1863 г., спустя три-четыре года после кончины старца Феодота. В то время еще свежи были в памяти братии Глинской пустыни воспоминания о нем, ежедневно можно было слушать чудные повествования о нем, особенно со стороны тех лиц, которые испытали на себе действие его благодатных дарований. Но с течением времени многое стало забываться!.. Чтобы навсегда сохранить сведения о жизни приснопамятного старца подвижника Феодота, мы решились составить, на основании устных показаний очевидцев, это описание на память и в назидание настоящим и грядущим братиям Глинской пустыни.

Старец Феодот (в миру Феодосий Левченко) был уроженец Черниговской губернии, Глуховского уезда, селения Черторич. Он происходил из простых казаков и не был научен грамоте. Сведений о летах его детства, отрочества и юности сохранилось очень мало. Из рассказов самого старца Феодота можно заключить, что лета детства и юности он провел в доме своего отца и, придя в возраст, был ему сотрудником в земледельческих занятиях. Отец Феодосия, будучи сам

честным и добрым христианином, воспитал и сына своего Феодосия в страхе Божием и внушил ему еще с детства любовь к святой и добродетельной жизни. Многие помнят еще рассказ старца Феодота о бывшем с ним знаменательном случае в юношеском возрасте. Однажды Феодосий был послан отцом на поле боронить вспаханную землю; во время этой работы в стороне от него поднялся большой ураган и понесся прямо на него, лошадь в испуге отскочила в сторону и быстро помчалась по полям; Феодосий подхвачен был ураганом на довольно значительную высоту, по его выражению, — выше колокольни и сброшен на землю; но Господь, видимо, сохранил его от неминуемой смерти. "Когда я поднялся и встал на ноги, — рассказывал старец Феодот, — смотрю и вижу, что передо мною стоит страшный, черный человек, громадного роста и, оскалив зубы, весь трясется. Я оградил себя крестным знамением, и он исчез". На вопрос слушателей, не испугался ли ты того страшилища, он отвечал, улыбаясь: "Если бы я испугался, то я и трясся бы, а то, должно быть, он испугался, когда ему пришлось трястись".

Когда, по воле Божией, пришло время Феодосию удалиться от мира, он вытребовал документ на свободное проживание в различных местах России и навсегда оставил свою родину, так что с сего времени он как бы умер для нее, и последняя для него как бы не существовала. Феодосий шел туда, куда вел его Божественный Промысл, по воле которого он пришел в Глинскую пустынь и поступил в число малолюдного в то время братства; он был определен на братскую кухню, где и положил начало своей многотрудной иноческо-подвижнической жизни. Время поступления Феодосия в Глинскую пустынь точно определить нет возможности за отсутствием письменных доказательств. Приблизительно поступление его в обитель можно отнести к 1789 г., когда настоятелем ее был иеромонах Вениамин[1]; ибо старец Феодот умер в 1859 г., прожив в обители не менее 70 лет. В продолжение своей многолетней жизни он пережил одиннадцать настоятелей. Глинская пустынь в первые годы иноческой жизни Феодосия страдала от внутреннего неустройства, причиною чему была частая перемена ее настоятелей, а также и то, что настоятели большею частью жили при архиерейских домах в качестве экономов. Таким образом, обитель оставалась без надлежащего надзора и мудрого руководства. Но при всем том Глинская пустынь таила в себе крепость духовных сил; этот духовный и прочный фундамент для развития и возрождения обители глубоко коренился в ее духовных подвижниках. Уже в глубокой старости старец Феодот, указывая на могилы некоторых покойников, бывших сподвижников в его молодых летах, говаривал, что таковые проводили жизнь в духовных подвигах и несомненно благоугодили Богу[2]. Поступивший в обитель Феодосий не лишен был совета современных старцев и духовных братий сподвижников, от которых имел полную возможность принимать наставления для подъятых им внешних тяжких трудов и духовных внутренних подвигов. Впоследствии он мог пользоваться уроками приснопамятного возобновителя Глинской пустыни игумена Филарета, имевшего дар воспитывать своих духовных чад так, что, раз переступив порог монастырских ворот, они оставляли позади себя все: для них, кроме обители, матерински принявшей их под свой кров, не существовало никаких земных привязанностей и радостей, кроме радости яже о Господе[3]. Опытный в духовной жизни и в борьбе с

искушениями, он отечески поучал братию, и нужно было видеть, как слушали дети поучения своего отца!.. Часто говорил он, что при телесном труде надо держать свое сердце в чистоте, пребывать в молчании, уклоняться от празднословия, трудиться с усердием и непрестанно в уме держать молитву. Стараясь ободрить братию в телесных трудах, он говорил: "Пот, проливаемый монахами на послушании, при усердном труде имеет в очах Божиих такое же спасительное для трудящегося значение, какое имеет кровь, пролитая и проливаемая мучениками"[4]. И архипастыри, при своих нередких посещениях святой обители, не переставали внушать иночествующим заботиться об украшении себя добродетелями и вообще вести жизнь соответственно своему званию. Так, преосвященный Евгений в слове своем при освящении обновленного придельного храма в честь Святителя Николая, обращаясь к инокам, между прочим, сказал: "Так, любезные братия, благочестие привлекает боголюбцев из мира в пустыню, умножает общество и велелепие бедных обителей. Напротив, оскудение благочестия созывает тунеядцев, отгоняет истинных подвижников, охлаждает благодетелей. Отчего упадают процветавшие прежде обители? Оттого, что упадало в них благочестие. Отчего сия обитель начинает процветать? Братие возлюбленные! Не хочу похвалами затмить добродетель; но умоляю вас, возрастайте в вере и добродетели не для того, чтобы сии стены украшались, чтобы богатство умножалось — и сия приложатся, но не о сем помышляйте, а единственно о том, да сами яко камение живо созидаетеся в храм духовен, святительство святое, возносите жертвы духовные благоприятны Богови Иисусом Христом"[5]. Столь же могущественное влияние на ум, волю и сердце Феодосия оказывали величественные священнодействия, совершаемые во храме, и особенно участие его в Святых Таинствах исповеди и Причастия Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. Все, слышанное им от своих руководителей, все, воспринятое им во время богослужения в церкви, молодой Феодосий старался осуществить в своей жизни. Зная, что от упитания тела рождаются в человеке плотские и духовные страсти и порабощают его, с другой стороны, зная, что злой дух особенно действует на душу человека, когда он находится в праздности и бездействии, Феодосий постоянно пребывал в трудах и молитвенных подвигах, терпеливо переносил обиды и даже побои и отличался глубоким смирением.

Будучи назначен проходить послушание на кухне, он ревностно принялся за труды, исполняя все поручаемое ему: рубил дрова, носил воду, помои, очищал от грязи кухню, мыл посуду и вообще производил самые тяжкие и грязные кухонные работы, с младенческою простотою выслушивая приказания заведующих кухней и беспрекословно выполняя все работы. На эти труды он смотрел как на дело богоугодное, следуя наставлениям святых отцов — всякое дело да творят с благословением и прилежат вниманию и молитве, и аки пред лицем Божиим, со страхом да проводят послушание, еже бы пища была вкусная и уваренная, дабы братия были мирны и покойны, а паче слабые, немощные и труждающиеся истиною, за то и сами от Господа мир и покой вечный душевно получат. И ревнующие о Господе да внимают сему, яко поварское послушание по-церковному есть в монастыре первое и проходящие оное да внимают; да никогда вместо награждения от Бога за

небрежение и нерадение вечно осудятся, ибо сказано в Писании: "Творяй дело Божие с небрежением проклят", и сего страшного гласа убояшеся, проходящие послушание, Бога ради, да внемлют страшному прещению и да приложат тщание имети разум о всем и смирение, и со вниманием, молитвою и послушанием. В продолжение всей своей многолетней монастырской жизни, даже когда он проходил послушание старшего повара, он не имел отдельной келлии, где бы мог успокоить свое изможденное трудом и подвигами болезненное тело. Феодосий всегда жил на кухне, где не было никаких приспособлений к обычному человеческому жилищу; здесь был кирпичный пол, постоянно мокрый и покрытый грязью, такие же грязные подмостки, на которые постоянно становились грязными ногами при поставлении котлов на чугунную плиту. Дым и удушливые испарения от кипящих котлов и переливающегося на раскаленную докрасна чугунную плиту масла наполняли кухню. Изнемогая от трудов, он несколько времени покоился на кирпичном полу или на куче углей, потушенных поварами, а по окончании, когда все работавшие в кухне расходились по келлиям, он не сейчас же давал себе отдых, а сначала совершал свое правило, затем принимался чистить картофель для следующего дня, хотя обязанность чистить картофель возлагалась на всех трудящихся на кухне, которых было человек семь-восемь, и наконец на несколько часов ложился спать. Если обратить внимание на то, что Феодосий в описанной обстановке прожил около семидесяти лет, то перед нами яснее раскроется картина многотрудной жизни этого терпеливца, отвергшегося себя ради приобретения Господа Спасителя своего. Счастлив человек, который занимается только славою Господа своего, он одного Его только ищет, Его также он находит: в трудах, чтобы не уставать, в скорбях и бедствиях, чтобы надеяться и верить, в успехах, чтобы оставаться смиренным и благословлять.

Одними внешними телесными трудами подвижническая жизнь послушника Феодосия не ограничивалась. Руководимый Божественною благодатью, примером и советами современных ему подвижников, он усиленно нудился подвизаться и внутренне, усвояя духовные добродетели, трудясь над очищением своего сердца непрестанною молитвою и богомыслием воспламеняя в себе дух ревности к жизни святой и богоугодной. Молитва для всякого человека, тем более для инока, есть источник жизни, без нее человек не может привлечь к себе благоволение Божие и иметь успех в своих трудах и духовных подвигах. Христиански мудрый простец Феодосий, не обучавшийся грамоте, тем не менее молился усердно и горячо. Некоторые из молодых послушников, увлекаемые любопытством, захотели подслушать, как Феодосий, затворившись в кухне, совершает свое ночное молитвословие. Желание это у них возникло по той причине, что Феодосий, как мы сказали, был безграмотен. Кухня, где молился он, отделяется от трапезы стеной, в которой имеется окошко, затворенное тонкою деревянною дверкою (во время обеда дверка отворяется, и через окошко подается пища из кухни в трапезу); близ этого окошка на стене находилась икона Спасителя, перед которой молился Феодосий. Послушники ночью подошли к этому окошку и сквозь дверку начали вслушиваться; они слышали, как Феодосий полагал множество земных поклонов и, обращаясь то к Заступнице рода

христианского Божией Матери, то к Иисусу Христу, взывал: "Пресвятая Богородице, спаси нас!" "Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!" Долго стояли слушающие и, не дождавшись окончания его молитвенного подвига, удалились[6]. Можно сказать, что никогда от уст его (от ума и сердца) не отступала молитва к Господу Иисусу Христу и Пресвятой Богородице. Блажен ум и благословенно сердце, день и ночь дышащие сладчайшими именами Господа Иисуса и Богородицы Марии, животворящиеся ими, как миром благовонным облагоухаемые от греховной скверны. Многие, имевшие случай молиться с Феодосием, когда он уже находился в глубокой старости в болезненном состоянии, рассказывают, что он так много и быстро полагал земные поклоны, что никто из молодых послушников, полных сил, не мог сравняться с ним в этом отношении. При этом нужно заметить, что старец Феодот страдал от грыжи, полученной им от чрезмерных трудов. Простая деревяшка с колесного обода служила ему вместо бандажа, облегчая страдания.

Дело обычное злобного духа, врага рода человеческого, поставлять препоны на пути доброделания подвизающимся. Без сомнения, ему не нравилось доброе начало незлобивого простеца послушника Феодосия, уничтожившего его коварные замыслы своими трудами, молитвенными подвигами и смирением. Вероятно, желая ослабить в подвижнике ревность духа в предпринятых им подвигах и довести его до уныния, диавол вначале стал действовать против него посредством людей, послушных воле его, нанося ему через них всевозможные обиды и оскорбления. В то время в Глинской пустыни на кухню назначались повара из людей мирских, называемых штатными. Из таковых многие были с испорченной нравственностью и своевольным характером. У этих-то людей Феодосий находился в подчинении; они, видя его простоту и добросердечие, вместо того чтобы отнестись к нему с любовью, обращались с ним очень грубо и презрительно и часто подвергали его побоям, о чем он сам впоследствии рассказывал, и свидетелями чего были некоторые из братий. "Доставалось, — говаривал он, — мне тогда и в зубы и в спину, по щекам и голове — всюду доставалось". Между прочим делом Феодосия заставляли толочь мак в ступе. "Вот я, — говорил он, — столку его, позову повара посмотреть, готов ли. А он, посмотрев с недовольным видом, начнет придираться и кричать: не хорошо истолок, и с этими словами надает толчков, а часто случалось, схватит во гневе толкач да и начнет бить толкачом". Иеродиакон Иоанникий (впоследствии схиархимандрит Илиодор) рассказывал, что однажды он пригласил Феодосия к себе на чай, но тот долго не приходил. "Тогда я, — говорит о. Иоанникий, — вышел из келлии и стал искать его. Прихожу на так называемый экономический двор, и что же я вижу? Эконом, бывший из закоренелых старинных солдат, сложив вдвое веревку, гоняется за Феодосием и беспощадно бьет его. В ужасе я бросился к ним, преградил эконому дорогу, и Феодосий успел уйти. Догнав затем его, я спросил его, за что бил его эконом. "Да вот, я просил привезти на кухню дров, а он рассердился да схватил веревку и начал бить сколько есть силы". — "А больно он бил тебя?" — спрашиваю его. "Нет", — рассказывал Феодосий; рассказывает, а сам, как незлобивый младенец, восторженно заливается смехом, как будто он получил какую-нибудь великую для себя радость"[7]. При тогдашнем состоянии Глинской пустыни беззащитному Феодосию

Монах Феодот
(Левченко)
(†1859)

часто и в продолжение многих лет приходилось переносить оскорбления, презрение, уничижение и побои. Он кротко переносил все это, не гневаясь на своих обидчиков; из уст его не выходило ни укора, ни злословия. Он с совершенным уважением относился к своим оскорбителям, стараясь услужить им, как только мог. Свою добродетель невозмутимого терпения он прикрывал от взоров человеческих подвигом юродства и при всех оскорблениях и побоях всегда казался веселым и всем довольным. Никто не видел его когда-либо скорбящим, гневающимся или когда-либо пререкающимся; он ко всем обращался с радостным лицом и с доверием незлобивого младенца. Так незлобивый послушник Феодосий с самого начала своей иноческой жизни шел крестным путем, претерпевая ради Господа и блаженного общения с Ним поношения, поругания, побои, насмешки и укоризны. Неоспоримо, он мог приложить к себе слова апостола Павла: "Аз язвы Господа моего Иисуса на теле моем ношу" (Гал. 6, 17). Это самоотвержение, это терпеливое перенесение скорбей привлекало к нему благоволение Божие и содействовало его нравственному совершенству, ибо, по словам препод. Исаака Сирианина, "паче всякой молитвы и жертвы драгоценны пред Господом скорби за Него ради Его; и паче всех благоуханий воня пота их"[8]. Перенося без ропота жестокие побои и всякого рода озлобления, ради умерщвления своего ветхого человека, Феодосий освобождался от страстей и пламенел ревностью к Богу. Сердце, утесняемое горестями озлоблений извне и самоукорением изнутри, спешило выбрасывать за себя залоги страстей и очищалось, а перенесением всего прилучающегося скорбного с христианской покорностью воле Божией привлекало Божественную благодать, которая, приосеняя его, возводила к духовному совершенству. "Уста, всегда благодарящие, — говорил Исаак Сирианин, — приемлют благословение от Бога; если сердце пребывает в благодарении, нисходит в него благодать"[9]. Самоотвержение, с каким Феодосий проходил свой тернистый путь, и высота добродетелей его дают основание прилагать к нему вышеприведенное изречение.

Из сведений о борьбе с духами злобы, каковую выдерживал Феодосий, многое утратилось по давности времени; но нет сомнения, что ему приходилось выдерживать жестокие нападения от диавола. Не мог же завистливый враг человеческого спасения оставить в покое того, от которого видел себя попираемого незлобивым терпением и другими подвигами самоотвержения. Будучи не в состоянии поколебать душевной твердыни подвижника наносимыми ему озлоблениями через людей, он (враг) начал прямо приступать к нему и устрашать его, принимая образы различных чудовищ или хищных зверей. Феодосий также встречал сильные искушения от привидений и страхов; много претерпел борьбы в помыслах, когда враг являлся в виде благожелателя, представлял ему неудобства жизни в монастыре и вызывал его в мир. Неустрашимый подвижник прогонял врага и разрушал его наветы молитвою и силою животворящего Креста Господня. Особенно в начале подвижнической жизни враг часто беспокоил его. В одно время, закончив работы на кухне и совершив свое молитвенное правило, Феодосий готовился отдохнуть, как вдруг стало темно, как бы кто закрыл окно: "Взглянул я, — говорил он, — на окно, а он смотрит на меня, головою все окно закрыл — черный человек, как сажа, оскалив зубы, как будто смеется; когда я

перекрестился, он исчез". Кошек Феодосий не любил, всегда прогонял их из кухни, вероятно, не желая иметь перед глазами напоминания о виденных в этом виде пакостниках; он говорил, что враг в образе кошки много делал ему пакостей.

Раз братия спрашивали его, видел ли он наяву бесов? Он отвечал утвердительно. Спрашивают его, каковы они? "Они мерзкие", — сказал он и к этому присовокупил: — "Видели ли вы медведя?" — "Да, видели!..." — "Ну, вот он в таком виде может явиться". Некоторые из братии Глинской пустыни были уверены, что Феодосий ясно прозирает в духовный мир и что, следовательно, для его очей открыты действия и козни врага. Поэтому они просили рассказать им, какие усилия употребляет диавол, когда хочет воздействовать на человека. Удовлетворяя любопытству вопрошавших, он сказал им: "Ох! Если бы вы увидели, с каким усилием враг увивается около искушаемого человека и старается быть как можно ближе к нему, то вы изумились бы. Когда человек идет, ступая по земле ногами, и еще не успеет принять ногу с места, на котором она стояла, а преследующий его диавол уже старается на его след поставить свою гнусную лапу, не сводя глаз с преследуемого им человека. Как хитрые птицы, как лукавые лисицы окружают нас богомерзкие демоны и жадно похищают в душе нашей всякое доброе расположение и ослепляют наши духовные очи".

В последующее время видно было, что подвижник Феодосий за свои неутомимые подвиги и незлобивое терпение, по благодати Божией, достиг высоты бесстрастия и принял от Бога дарования не страшиться духов злобы, без страха взирал прозорливым духовным оком своим на коварные замыслы диавола, о которых он рассказывал окружающим его братиям и которые он старался разрушить.

"Если ты приступаешь служить Господу Богу, — говорит премудрый Иисус, сын Сирахов, — то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд и не смущайся во время посещения: прилепись к Нему и не отступай, дабы возвеличится тебе напоследок" (Сир. 2, 1—3). Эти слова вполне оправдались на Феодосии. Много он, как мы видели, потерпел и от злобы людей, и от нападений от демонов, но остался непоколебим в своем стремлении к добродетельной жизни, и Господь возвеличил его. В нем видимо для всех проявился благодатный дар прозорливости, и он стал пользоваться глубоким уважением и благоговением братии и всех знавших его. В то время он был пострижен игуменом Филаретом в рясофор и в пострижении получил имя Феодот.

Имея постоянное пребывание на кухне, старец Феодот всегда трудился наравне с новоначальными, не уклоняясь от тяжелых работ. Вновь поступающие, которым назначалось проводить послушание на кухне, пробыв там кто полгода, кто год, два, не более трех, переводились на иные, легчайшие послушания, а старец Феодот всегда оставался там; поэтому сотрудников у него по послушанию в течение многолетней жизни было много. Однажды к нему был послан на кухню монах Иоанникий, который был оклеветан некоторыми недоброжелателями перед игуменом Филаретом в том, что он будто бы подстрекал некоторых из братии к нарушению монастырского порядка. Он был изгнан из монастыря и затем, когда опять возвратился в Глинскую пустынь, настоятель принял его под тем условием, чтобы он в качестве новоначального проходил послушание

на кухне. Иоанникий с радостью согласился на это. Старец Феодот для Иоанникия служил истинным утешением во время испытания. Он утешал его, предсказывая ему перемену его горькой участи на лучшую. Так, однажды они носили воду; Феодот, между прочим, обратясь к Иоанникию, как бы шутя сказал: "Вот видишь, Иоанникий, теперь носишь воду ушатом, а будет время, когда будешь золотую шапку носить". Эти слова были произнесены по-малороссийски. В то время Иоанникий не придавал особенного значения этим словам Феодота, но впоследствии он увидел в них предсказание о своей судьбе, когда возведен был в сан архимандрита[10]. Два месяца монах Иоанникий пробыл на кухне, невинно неся епитимию. Наконец, настоятель убедился в его невинности и скоро представил его к рукоположению в сан диакона. Сделавшись служителем алтаря Господня, о. Иоанникий, хотя не участвовал в телесных трудах совместно со старцем Феодотом, тем не менее сохранял крепкие духовные узы братолюбия, соединявшие обоих собратий; этот союз духовного единения иногда выражался в некоторой общности их видений. Вот об этом рассказ самого Иоанникия (впоследствии схиархимандрита Илиодора). Однажды иеродиакон Иоанникий, идя от утрени, увидел старца Феодота и пригласил его пить чай. "Приготовляйся, — сказал старец, — я сейчас приду". Пришедши в келлию, Иоанникий приготовил что нужно и стал поджидать старца Феодота, сидя в ожидании, он погрузился в легкую дремоту и ему представилось следующее. "Представилось мне, — так рассказывал Иоанникий, — будто я вышел из келлии и направился в восточную сторону монастыря. Дойдя до места, где в настоящее время цветник, я вдруг очутился в каком-то прекрасном саду; и начал ходить по саду, рассматривая поистине чудную его красоту. Природа всего, что я там встречал, была мне совсем незнакома и на земную природу не похожа. Там стояли в дивном порядке какие то деревья, украшенные различными, как бы златоблестящими, листвиями и цветами и изобиловали различными прекрасными плодами. На них гнездилось бесчисленное множество разнородных пернатых, которых красота, приятное пение и порхание привлекали взор и услаждали душу. Внизу расстилалась зелень, испещренная различными цветами удивительной красоты. Веяние тонкого ветра, тихо колеблющего различные растения, разносило неземное благоухание, — словом, все там было не от мира сего. Удивляясь невиданным красотам, я ходил и наслаждался созерцанием. Не рай ли это Божий, думал я, о котором повествует нам Слово Божие? Но вот мой взор обратился в восточную сторону, и я вдруг вижу старца Феодота, идущего мне навстречу в своем всегдашнем одеянии, в замасленном коротком подряснике. Подойдя ко мне, он с улыбкою обратился ко мне: "А, ты здесь"? Я спросил его о том, чей это сад. "Мой", — ответил он. Как бы не доверяя ему, я сказал: "Если сад твой, то не можешь ли ты дать мне каких-либо плодов?" Подойдя к ближайшему дереву, он снял с него три яблока и подал мне. "Где же это ты был?" — спрашиваю его. Указывая на юго-восточную сторону сада, он сказал: "Был вот там, видел покойного своего отца; место, где он находится, очень хорошее. Я видел его стоящим в белой одежде; заметив меня, он поклонился мне в пояс. Оттуда я пошел далее, — при этом Феодот указал по направлению к юго-западу, — и видел там свою мать. Ох! Место, где она находится, до того ужасное, что и высказать

невозможно! Увидев меня, она начала с плачем кричать мне: "Помоги мне, помоги". Так вот я, — продолжал он, — хочу идти к настоятелю просить его благословения, чтобы мне затвориться на год и помолиться о матери. Я вот и тебя пригласил сюда для того, чтобы вместе помолиться. Говоря это, он был очень печален. Я слушал его рассказ с участием, вполне понимая и разделяя его скорбь. В таком душевном настроении я почему-то положил данные мне три яблока под дерево и на этом проснулся. Удивленный столь необычным сновидением, я бросился из келлии и стал искать старца... Я скоро нашел его на экономическом дворе, где эконом бил его веревкою, как выше сказано; и мы оба пошли пить чай. Успокоившись несколько, я обратился к нему с вопросом: "Умоляю тебя Богом, не скрывай от меня, где ты был в это время?"... Взглянувши на меня, он сказал: "Что же ты спрашиваешь? Сам ты видел меня в саду, где я давал тебе яблоки". Удивляясь его прозорливости, я хотел было расспросить его подробнее, но он не отвечал мне и, напившись чаю, молча вышел из келлии"[11].

Настоятель Глинской пустыни игумен Филарет, муж высоких добродетелей и благодатный дарований, с глубоким уважением и почтением относился к старцу Феодоту и приписывал великую силу его молитвенным ходатайствам перед Богом о своей обители. Он не раз говорил своей братии: "Вот видите, братие, благоволение Божие к нашей обители, мы уже теперь пребываем без особенной нужды; Господь посылает нам все потребное, но это благоволение Божие к нам смиренным привлекает молитва старца Феодота".

И действительно, пламенная молитва старца Феодота восходила к престолу Божию, по примеру древних подвижников, о которых читаем различные повествования. В сих достопамятных сказаниях повествуется, что один из подвижников был во время молитвы весь объят пламенем[12], у другого огненная вервь выходила из уст и простиралась к небесам, у иного луч солнечный выходил из уст и восходил на небеса[13], и многое другое говорится там. Подобные явления происходили во время молитвы старца Феодота, некоторые из благоговейнейших братий Глинской пустыни удостаивались созерцать их. Известный подвижник старец Макарий, исполнявший в то время должность благочинного, выйдя однажды во время утреннего богослужения из церкви, внезапно увидел над братской кухнею столп света. Будучи сам просвещен духом Божиим и поняв, откуда такое явление, он поспешил тихо пройти в кухонный коридор и приблизился к кухонной двери (в последней была щель, образовавшаяся от трения старинной щеколды). Наклонясь к щели, старец Макарий начал всматриваться: и вот он увидел старца Феодота, стоящего на коленях перед иконою Спасителя, с воздетыми вверх руками, и из уст его выходил пук пламенновидного света, который, протягиваясь к иконе, разливался и освещал все то место стены, где стояла икона. Увидя это, старец Макарий был поражен чудным зрелищем и в страхе отступил назад. С чувством великого благоговения рассказывал он впоследствии виденное единомысленным собратиям[14].

По примеру старца Макария и другие благоговейные из братии Глинской пустыни удостоились видеть старца Феодота на молитве в различных чудесных состояниях. Некоторые видели его на молитве приподнятым от земли, другие видели его во время молитвы освещенного

неземным светом. Часто он молился за кухонной печкой, где на стене висел его большой деревянный крест с изображением распятого Спасителя. Когда старец Феодот молился перед сим крестом, то от креста исходило яркое сияние света[15]. Так текла жизнь старца Феодота в трудах, искушениях, терпении и молитвах. Никто не мог предполагать, что ему в скором времени предстоит пережить хотя и не продолжительное, но неожиданное и тяжкое испытание. В 1845 г. назначена была всенародная перепись (ревизия). Ввиду этого во всех учреждениях, общественных и частных, и в монастырях обнаружилась усиленная деятельность по проверке паспортов лиц, служащих в сих учреждениях. Каждый начальник заботливо старался очистить вверенное его управлению учреждение от пришлых жильцов, проживающих не по законным документам. Понятно, что таковым заблаговременно нужно было отправляться в свое родное селение с заявлением о своем существовании и с просьбой о выдаче паспорта. В то время и настоятель Глинской пустыни Евстратий (1841—1855), заботясь об исправности своей канцелярии, поставлен был в необходимость обратить внимание на старца Феодота, который хотя и с незапамятного времени проживал в Глинской пустыни и считался старожилом между братией, но указом не был причислен к братству и не имел увольнительного свидетельства от своего общества. Он здесь проживал по записке, взятой им от сотского его родного селения еще в то время, когда он в первый раз отправлялся в монастырь, а с того времени протекли уже десятки лет. Но это еще небольшая беда, поправить ее не составило бы большого затруднения, место родины его было очень близко, можно было скоро выправить увольнение из общества, а затем причислить его указом к братии Глинской обители. Но главная опасность вытекала из того обстоятельства, что прежние представители Глинской пустыни до предшествовавшей ревизии не позаботились похлопотать о нем, чтобы причислить его указом к числу братии. По какой-то странной случайности это дело в то время не вызвало никакой тревоги и благополучно прошло. Сам о. Феодот, по своей простоте, не постарался обезопасить себя заявлением в родное общество о своем существовании. Общество, не имея о нем в продолжение многих лет никаких сведений, исключило его из числа живых. Таким образом, старец Феодот во время прежде бывшей ревизии записан был в списки умерших, следовательно, уже не числился в обществе и не имел права требовать себе какой-либо увольнительный документ. Кроме того, так как с того времени протекли многие десятки лет, то его уже никто не мог знать в родном обществе. Положение старца Феодота было крайне опасное: он мог быть признан бродягою и сослан на поселение. Игумен Евстратий, будучи сам малосведущ в административных делах, оказался в данном случае в большом затруднении. Скрывать в то время человека было небезопасно, но и выдать его на явную опасность было поступком, оскорбительным для чувства всей Глинской братии; так как старца Феодота все чтили как истинного раба Божия и великого молитвенника в своей обители, по молитвам которого возрастала и благоденствовала обитель, о чем свидетельствовал возобновитель ее игумен Филарет. И вот теперь страха ради ответственности перед законом приходилось сего молитвенника и благодетеля высылать из обители. Поступок такого рода мог бы тронуть самое жестокое сердце. Это подобно тому, как если бы кто, имея

чувствительное сердце, поставлен был в необходимость наносить оскорбление своему благодетелю. Лучшие из братии, сознавая всю опасность положения старца Феодота, так как он мог подвергнуться наказанию, болезновали за него сердцем, но не находили средств помочь ему. И вот настоятель, не находя другого исхода, хотя и с сердечною скорбью, но решил выслать старца Феодота из обители. Легко понять, какую глубокую скорбь вызвало в душе благочестивого старца это решение. Приходилось порвать связь с тем местом, где протекла большая часть жизни в подвигах служения и послушания. Но как ни вожделенно было для старца Феодота пребывание в обители, он безропотно покорился печальной необходимости, возложил все свое упование на Господа, *иже весть благочестивые от напасти избавляти.* Получив свой документ (записку, выданную ему 50 лет тому назад сотским и каким-то образом уцелевшую), старец Феодот, помолившись в храме Божием и поклонившись настоятелю и братии, оставил обитель и пошел, сам не зная, куда Господь направит стопы его. Со слезами провожавшая его братия посоветовала ему идти в Петропавловский монастырь, где в то время был настоятелем архимандрит Иоанникий, тот самый, который прежде проходил послушание на кухне вместе со старцем Феодотом и, по предсказанию сего последнего, носил золотую шапку (митру); к нему-то он и пришел в тяжкую годину. О. Иоанникий принял его с чувством истинно любящего духовного брата. При первом свидании с прежним своим другом, а теперь настоятелем, старец Феодот обратился к нему с такими словами: "Вот я к тебе пришел..." С доброю улыбкой настоятель изъявил желание принять его в свой монастырь и выразил свое уважение к нему. Но затем спросил его, есть ли у него паспорт. "А вот он здесь", — ответил старец, причем подал настоятелю истертый клочок бумаги, на котором было написано следующее: "Села Черторыч казак Феодосий Левченко увольняется во все места, куда захочет идти и где захочет жить, за ним дел никаких не имеется. Сотский Семен Кревченко". На записке были обозначены год, месяц и число. Прочитав такой оригинальный документ, о. Иоанникий покачал головою и сказал старцу Феодоту: "Что мне, отче, с тобою теперь делать?" — "Что хочешь делай, — ответил старец, — да только смотри, не потеряй моей бумаги, мне ее сотский выдал". Вероятно, сознавая угрожающую ему опасность, старец Феодот и этому клочку придавал значение. Архимандрит Иоанникий на сей раз принял в нем живейшее участие. Оставив старца Феодота в своем монастыре, он усердно принялся искать в прежних манифестах подходящие пункты, по которым можно было бы избавить невинного старца от ответственности. Скоро Господь помог усердствующему настоятелю: в одном из прежних манифестов была найдена статья, по которой старец Феодот имел право после ревизии возвратиться в свое родное общество. О. настоятель просил исправника (в то время городничего) похлопотать по делу старца Феодота. Исправник, уважая архимандрита Иоанникия, согласился принять на себя хлопоты по ведению этого дела. Дело пошло административным порядком. Скоро старец Феодот был приписан в свое общество, и вслед за тем было вытребовано увольнительное свидетельство и засвидетельствовано в Казенной палате. Документ был представлен поспешно самим городничим, пожелавшим лично посмотреть того, за кого он столько

хлопотал. Но когда ему был представлен Феодот, и он увидел перед собой изможденного, дряхлого старика, то, обратясь к настоятелю, с некоторым удивлением сказал: "И вы, отец архимандрит, за этого полумертвого наделали нам столько хлопот!"... На это о. архимандрит сказал: "Поблагодари, отец Феодот, господина городничего и молись за него: он для тебя сделал много доброго". — "Спасибо", — сказал Феодот, низко кланяясь городничему. Так Господь защитил своего раба от грозившей ему опасности. Архимандрит Иоанникий не решился приютить его в своем монастыре по той причине, что скоро и сам намерен был уволиться от должности настоятеля, а отправил его в Глинскую пустынь и потому написал игумену Евстратию, прося его о скорейшем причислении указом старца Феодота к числу своего монастырского братства. Отправляя старца Феодота из Петропавловского монастыря, архимандрит Иоанникий пригласил его к себе и долго беседовал с ним. Он просил старца Феодота открыть ему что-либо знаменательное из своей духовной жизни. Старец, вероятно, тронутый любовью, оказанною ему о. архимандритом, был на сей раз особенно откровенен; дружески он раскрывал перед ним свою просвещенную Божественной благодатью душу и сообщил ему о многих дивных, благодатных видениях, которых сподоблял его Господь. Впоследствии об этой беседе архимандрит Иоанникий выражался так: "Боже мой! Какие великие и страшные тайны Царствия Божия открываемы были сему поистине дивному мужу! И какие чудные видения были видены им! Слушая его рассказ, я был весь в благоговейном страхе". С великой радостью старец Феодот возвратился в Глинскую пустынь и стал проходить прежнее, на время прерванное, послушание. 14 ноября 1845 г. состоялось его причисление в число указанных послушников, в следующем году он по старости лет зачислен был в заштат.

Братия Глинской пустыни относилась к старцу Феодоту с доверием и искренне уважала и любила его. Особенно такие чувства проявились к нему в последние его годы. Многие из братии, желая получить от беседы с ним духовное утешение, приглашали старца к себе. Оказывая братолюбие, старец Феодот охотно хаживал к приглашавшим его. К некоторым он приходил в назначенные часы; причем если ему приходилось прийти раньше, а звавший его еще спал, то он, не беспокоя его, ложился на земле и ожидал, пока пригласивший его не выйдет и не позовет в свою келлию. К другим же он приходил, когда ему заблагорассудится, а большею частью после заутрени, в четыре часа утра (утреня в Глинской пустыни начинается в полночь, а оканчивается в четыре часа) — время самое тяжелое, употребляемое братиею на отдых. Но для старца Феодота, закалившего себя от юности в непрестанном духовном бодрствовании, различие времени как бы не существовало. Отличительной чертой старца в это время была младенческая чистота. Таковая младенчественность высокого духовного совершенства указывается преп. Исааком Сирианином, который говорит о ней следующее: "Чистота есть забвение противоестественных способов ведения, изобретенных естеством в мире. А чтобы освободиться от них и стать вне их, вот сему предел: прийти человеку в первоначальную простоту и первоначальное незлобие естества своего и сделаться как бы младенцем, только без младенческих недостатков". Далее он пишет: "Вот иные приходили в меру сию, как и авва Сысой пришел в сию меру так, что спрашивал ученика: "Ел я или не

ел?" И другой некто из отцов пришел в такую простоту и почти в младенческую невинность, почему совершенно забывал все здешнее, так что стал бы и есть до Приобщения, если бы не препятствовали ему в этом ученики; и как младенца приводили его ученики к Приобщению. Но для мира был он младенец, для Бога же совершен душой[16]. Не может быть сомнения, что и старец Феодот достиг в меру сию, так как во многом уподоблялся незлобивому младенцу. Когда братия спрашивали его, как он говеет, то он отвечал: "Я говею и завтракаю, говею и завтракаю, а тогда раз не позавтракаю; пойду приобщусь; вот и отговелся". Из подобных ответов можно видеть, что старец пришел в младенческое состояние, и для мира, не понимающего духовных степеней восхождения, он и казался малоумным младенцем, но для тех, кто способен понимать величие духовных подвигов, очевидно, что это младенчество старца Феодота и есть та самая высочайшая простота, о которой говорит преп. Исаак Сирианин. Степень совершенства, редкими достигаемая. В некоторых случаях старец Феодот прикрывал свое смирение юродством.

Старец Феодот, когда приходил к кому пить чай, то непременно приносил с собой рукавицу. Эта рукавица была сшита из толстого деревенского сукна и была так длинна, что закрывала руку до локтя. Он надевал ее на руку, когда накладывал дрова в раскаленную печь или когда мешал кипящие котлы с пищею. Вся она была испачкана сажею и золою и пропитана кислотой. Вот эту-то рукавицу он употреблял, когда пил чай. Придя в келлию и положив обычные три поклона, старец Феодот не садился на стул, а снимал с себя засаленный подрясник и, сложив его, бросал на пол или расстилал его по земле и садился на него, оставаясь сам в одной рубашке из толстого холста, которая вся была испачкана. Чай пил не из стакана или блюдечка, а желающие угостить его наливали ему чай в полоскательную чашку и ставили ее на стул. Старец Феодот, сидя на полу на своем подряснике перед стулом и надев рукавицу, чтобы, наклоняя горячую полоскательницу, не обварить руки, начинал пить чай. Так он пил постоянно чай, находясь ли в келлии у кого-либо из братии или же у кого-либо из богомольцев в гостинице, которые, почитая старца как истинного раба Божия, приглашали его в номера для собеседования.

Не может быть сомнения, что в видимых странностях он проявлял образ юродства, которым прикрывал свои высокие добродетели. Возможно и другое объяснение. Старец Феодот, подвизаясь всю свою жизнь в глубоком смирении, подобно древним великим подвижникам, считал себя ниже всякой твари. В житии преподобного Арсения Великого читаем, что когда он (Арсений) пришел в скит и просил, чтобы отцы приняли его в свое общество, то преподобный Иоанн Колов, искушая его, поистине ли Арсений отвергается себя сидя за трапезой, бросил с презрением ему сухарь с такими словами: "Аще хощеши, яждь..." Арсений помыслил в себе, говоря: "Сей старец ангел Божий есть и прозрел, позна же мя горша суща паче пса, яко псу поверже ми хлеб, и подобает ми, да яко пес снем данную ми пищу". Преклонися убо долу, пойде руками и ногами по земле, аки некое четвероногое животное, и взем усты своими посмаг и иде во един угол и тамо лежа на земли снеде"[17]. Зная глубокое смирение старца Феодота, нельзя сомневаться, что и он, подобно Арсению Великому, также при всяком случае смиренномудрствовал. Понятно, что иначе не могло быть, так как многие благоговели перед его добродетелями, готовы

были оказывать ему всякое внимание и предлагали ему первое место в доме; но он всегда уклонялся от почестей и садился на земле ниже всех, не равняя себя даже с людьми и считая себя недостойным. Точно так же во всю жизнь он не имел своей келлии не потому, что ему не хотели дать ее наравне с другими братиями, а потому, что он сам не желал иметь ее, считая себя недостойным иметь жилище человеческое. Всматриваясь внимательно в деяния великих самоотверженников, замечаем, что они в смиренных своих мудрствованиях не разнятся между собою. Преподобный авва Моисей Мурин, когда был выгнан из алтаря, укоряя себя, говорил: "Добре сотворили тебе, черноплотне! Аще неси человек, то почто ходиши между человеками?" Блаженный Андрей юродивый, будучи замерзаем от стужи, хотел согреться между псов, но те, вероятно, почувствовав в нем власть, какая была в Адаме до падения, удалились от него. Святой, смиренномудрствуя, говорил себе: "Грешного Андрея ниже псы приемлют в свое общество!" Наш отечественный подвижник старец Парфений Киевский говорит: "Познах себя горша быти зверей, скотов и всякия гадины". Что может быть выше сего самопознания[18]. Святые отцы говорят, что эта добродетель дается уже совершенным и есть верх совершенства. Не сомневаемся, что и старец Феодот достиг сей степени.

Старец Феодот иногда приходил к некоторым из братий во время глубокой ночи с целью предостеречь их от каких-либо увлечений, бывающих по навету вражьему. В таких случаях он приходил к брату под благовидным предлогом откушать чаю, чтобы, вероятно, своим неожиданным приходом не смутить его. Лишь только он открывал дверь, как прежде всего говорил: "Вот я пришел к тебе чай пить". Здесь за чаем, наедине, иногда приточно, а иногда прямо старец Феодот указывал на его сокровенные замыслы, возникшие в нем от внушения диавола, и объяснял, какие от того могут быть последствия. Обличенный брат, чувствуя, что тайны сердца его открыты перед прозорливостью старца, решался оставить свои намерения.

Так однажды в полночь старец пришел к одному послушнику И. с намерением предостеречь его от задуманного предприятия; он имел тайное намерение переселиться из Глинской пустыни в один весьма знаменитый монастырь. Опасаясь, чтобы не помешали ему осуществить его желание, он тайно вечером приготовился в путь и думал на следующее утро получить паспорт и удалиться из обители. И вот в эту ночь И., размышляя о предстоящем путешествии, неожиданно слышит, как кто-то стучится в дверь. Он поспешил открыть ее и, к удивлению своему, видит старца Феодота, который с улыбкою говорит: "Я пришел к тебе чай пить да рассказать тебе, какая жизнь в том монастыре, куда ты думаешь переселиться", при этом сказал название того монастыря. Затем начал рассказывать о некоторых событиях из жизни того монастыря, видимо, направляя свою речь к тому, чтобы разочаровать слушателя. Окончив рассказы, старец Феодот в заключение сказал: "А ты уже собрался идти туда жить! Не придется! После пожалеешь." И., будучи уверен, что ни один человек не знал о его намерении и удивляясь прозорливости старца, оставил свое предприятие[19].

Старец Феодот нередко многим из братии предсказывал будущее. При жизни его в Глинской пустыни был в числе братства молодой послушник Иаков Нестеренко. Он семи лет поступил в число монастырского братства

13-1374

и прожил до совершенного возраста. Отец этого послушника был человек благочестивый и состоятельный; ему очень хотелось, чтобы сын его, воспитанный в монастыре, постригся в монахи. Иаков был старший из сыновей, а посему имел полное право на льготу от воинской повинности. Но если бы, ввиду каких-либо случайностей, ему и пришлось идти в солдаты, то его отец, обладавший значительным состоянием, мог бы, по тогдашнему обычаю, поставить вместо него наемщика или купить для него квитанцию; следовательно, послушник Иаков имел полную возможность навсегда остаться в монастыре. "Человеку, — говорит Премудрый, — принадлежат предположения сердца, но от Господа ответ языка" (Притч. 16, 1). Старец Феодот, предвидя будущность сего молодого послушника, часто ему говорил: "А что, Иаков? Думаешь ли жить в монастыре и быть монахом?" — "Думаю", — отвечает тот. "Ну, брат, — говорит Феодот, — готовься красную шапку носить". Имея полную возможность, как выше сказано было, избавиться от военной повинности, молодой послушник Иаков не придавал тогда значения словам старца, но они скоро оправдались на деле. Во время Крымской кампании послушник Иаков призван был тянуть жребий. Время было горячее; о каких-либо льготах не могло быть и речи. Отец, вызывая из Глинской пустыни сына-послушника тянуть жребий, в то же время на всякий случай подготовлял наемщика взамен его. Иаков отправился в путь. И вот в Воронеже, где он остановился для отдыха, неожиданно получает от отца письмо, в котором тот уведомляет его, что родная их слобода Буторлиновка очень пострадала от страшного пожара, и что они сами лишились всего состояния, и что отец не обладает теперь никакими средствами, чтобы поставить за него наемщика или купить рекрутскую квитанцию. Так послушник Иаков, сверх всякого чаяния, по предсказанию старца Феодота, попал "под красную шапку", т.е. отдан был в солдаты[20]. Случай, подобный этому, был с другим послушником, который также по своим правам не подлежал рекрутской повинности. Однажды этот послушник пришел по какому-то делу в братскую. Старец Феодот в то время с братиею чистил картофель и, указывая на вошедшего послушника, сказал братии: "Смотрите на сего брата, а то скоро его не увидите. Много здесь было таких, но их в солдаты отдавали, отдадут и этого". И действительно, через несколько дней после сказанного приехали родственники этого послушника и взяли его с собою на родину, где он был отдан на военную службу. Так исполнилось предсказание старца Феодота.

Некоторые из братии, из чувства глубокого уважения к старцу Феодоту, пожелали снять с него портрет; но, зная, что он никогда не дает согласия на то, чтобы написан был его портрет, согласились между собою употребить в этом деле хитрость и без его ведома привести в исполнение задуманное. Для этого избрали время, когда старец Феодот возвращался из церкви от вечерни; попросили его зайти в больницу, мимо которой он проходил, как бы желая с ним побеседовать. Кстати, он был в парадной монашеской одежде. Живописец, находившийся в скрытом месте, приготовился сделать портрет старца. Братия уговорили его сесть и завели с ним разговор, желая дать возможность живописцу в это время сделать свое дело. К удивлению всех, на этот раз старец Феодот, против своего обыкновения, оказался весьма непоседливым и беспокойным: он то снимал камилавку с головы, то опять надевал ее, то переходил с одного

места на другое, то прохаживался, то опять садился; таким образом он решительно не дал возможности живописцу выбрать какую-либо позу, чтобы написать с него портрет. Когда же старец удалился, то братия посмотрев один на другого, сказали: "Должно быть, нельзя обмануть того, кто ясно видит наше внутреннее состояние".

Близ Глинской пустыни протекает небольшая речка Обеста. Речка эта очень скудна рыбой, почему здесь никогда не производилась ловля рыбы на общую монастырскую потребность. Охотники удить рыбу также никогда не могли похвалиться успехами своей ловли; но старец Феодот иногда удивлял братию обилием пойманной рыбы в этой самой речке. Такую успешную ловлю рыбы старцем братия приписывали действию благодатной силы, обитавшей в нем. Для удостоверения в этом приведем один случай, переданный нам очевидцем.

Раз случилось старцу Феодоту вместе с двумя из братий в келлии одного монаха пить чай. Между прочим зашла речь о ловле рыбы. В конце беседы один из присутствовавших, обратясь к старцу Феодоту, сказал: "Вот ты, старец Феодот, ловишь рыбу и братию наделяешь, а мне хотя бы раз когда-либо принести!" Старец ничего не ответил на это. Но, допив чай, он встал, поблагодарил хозяина и присутствовавших, надел свой засаленный подрясник и вышел из келлии, тихо говоря про себя: "Ну, ты хочешь рыбы? Тебе нужна рыба? Ну!.. Я и тебе рыбы... Я и тебе рыбы!.." Забрав свои удочки, он направился к речке. Не успели оставшиеся в келлии окончить чай, как старец Феодот уже возвратился с ловли, принес трех больших животрепещущих линей и положил их на пол перед тем, кто просил его достать рыбы, говоря: "Ну, на и тебе рыбы!.." С этими словами он удалился на свою кухню. Удивленная братия посмотрели один на другого, зная, что вентеря у старца Феодота не было, а поймать удочкою таких больших линей и в такой безрыбной речке действительно только и можно чудесным образом.

Блаженной памяти высокопреосвященный Илиодор, управлявший Курской епархией, во время своих посещений Глинской пустыни всегда приглашал старца Феодота для беседы. Несмотря на его простоту и на то, что он являлся к владыке в своей обычной испачканной и засаленной одежде, к тому же пропитанный борщевой кислотой и смрадным дымом, несмотря на все это, добрый архипастырь чтил старца Феодота как избранника Божия, бывал к нему особенно внимателен и просил его молиться за него. Старец Феодот платил сему святителю взаимной любовью, ловил для него рыбу и приносил ему в подарок. Владыка сам всегда выходил и принимал сей дар в собственные руки. Эта рыба приготовлялась к столу владыки.

Однажды архимандрит Илиодор во время всенощного бдения вышел по случаю из церкви и вдруг заметил в ночной темноте, что кто-то, идя поспешно в церковь, повалился на землю. Подождав немного и видя, что тот не поднимается с земли, он подошел поближе, желая осведомиться, кто бы это был и что с ним случилось. Всматриваясь внимательно, он узнал в лежащем старца Феодота, который уже крепко спал. Разбудив спящего, архимандрит Илиодор стал спрашивать его, не случилось ли с ним какой-либо болезни. Старец Феодот дал отрицательный ответ и наконец объяснил, что, когда он шел в церковь, им овладела сильная дремота; споткнувшись, он повалился на землю и сейчас же уснул.

"Может быть, такая сонливость есть следствие изнеможения или болезненной слабости, в таком случае, — сказал архимандрит, — можно идти в свое место и там уснуть". — "Я было хотел отдохнуть, — отвечал старец Феодот, — но лишь только задремал, как вдруг кто-то толкнул меня. Проснувшись, я увидел, что передо мной стоял светлый, прекрасный юноша, который, смотря на меня, сказал повелительно: "Что ты спишь во время богослужения? Надо быть в церкви и бодрствовать". Поднявшись, я пошел в церковь, но на пути в темноте споткнулся нечаянно, повалился на землю и не заметил, как уснул". Архимандрит Илиодор, рассказывая об этом случае, утверждал, что ангел Божий возбуждал его (Феодота) на молитву.

Изнемогая под бременем лет, трудов и болезней, старец Феодот все еще продолжал трудиться на кухне; однако упадок сил, ясно указывавший на приближения окончания сей временной жизни его, побудил его просить настоятеля сложить с него должность главного повара, так чтобы заботы о разного рода работах на кухне его совершенно не касались. Вероятно, он желал уже более сосредоточиться на созерцании духовного мира. Вследствие его просьбы все дела в поварне и право делать распоряжения предоставлены были его помощнику, а старец Феодот сохранил за собою обязанность получать огонь от неугасимой лампады перед Чудотворным образом Божией Матери, которым поджигаются дрова в печке на братской кухне для варения пищи[21].

В 1859 г., в мае старец Феодот почувствовал крайнее изнеможение, вследствие чего вынужден был расстаться с местом постоянных своих трудов и подвигов — кухней — и был переселен на монастырскую пасеку. Здесь в тесной келлии, лежа на соломе, оканчивал он свое многотрудное и многострадальное поприще. Любящие его из братий часто посещали болящего старца; по влечению сердца всякому желалось еще взглянуть на того, кто был для всех истинным духовным утешением, и услышать от него последнее слово или видеть его христианскую кончину.

7 июля во вторник к болящему старцу пришли несколько человек братий и, видя его весьма ослабевшим, начали переговариваться между собою и делать предположения о времени его кончины. Один из братий, послушник Михаил[22], обратился к старцу с таким вопросом: "Отец Феодот! Ты, кажется, уже скоро оставишь нас, как будто ты собираешься умирать?" — "Нет!" — ответил больной и после некоторого молчания начал что-то по пальцам высчитывать; окончив вычисление, он быстро поднял руки и начал считать дни по пальцам, говоря тихо: "Вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, вот в четверг умру!.." Четверг, на который указывал больной старец, приходился в 16-й день июля. Так за десять дней старец предсказал день своей кончины. В эти последние дни над болящим старцем совершено было Св. Таинство Елеосвящения; несколько раз он удостоился благоговейно приобщиться Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. По истечении же предуказанных дней он был облечен во святой ангельский образ мантией и наименован опять Феодосием.

16 июля, в четверг, в присутствии нескольких человек младшей братии, старец Феодот лежал тихо и спокойно на полу, устремив потухающий взор свой на икону Спасителя. В четыре часа утра, когда наступил час разлучения души с телом, он с усилием поднял руку, оградил себя

крестным знамением и с светлым лицом предал дух свой в руце Господа своего, уснул как невинный младенец.

В час кончины старца Феодота пономарь монах Досифей[23], после утрени затворяя церковь, неожиданно услышал какое-то чудное, приятное пение. Пораженный таким необычайным явлением, он стал прислушиваться. Пение это внезапно и громогласно раздалось в воздухе над пасекой, а затем, подымаясь постепенно на высоту, по его выражению, поверх леса, становилось все тише и тише, пока наконец совсем не затихло. Услаждаясь звуками неземного сладкопения, монах Досифей, по своей простоте, не вдавался в рассуждение о том, что это пение вовсе не похоже на земное; углубившись в те впечатления, какие при этом восприял его дух, он шел в свою келлию и услаждался теми звуками, которые еще раздавались в его ушах. Имея сердце, переполненное чувств удивления и радости, избыток которых рвался наружу, он говорил встречавшимся ему на пути братиям: "Вот пение!.. Ну уж пение! Никогда в жизни не слыхал подобного пения!" — "Да где же ты слышал-то такое пение? — спрашивали Досифея. "Да вот там, на пасеке, должно быть, сам игумен по старце Феодоте отходную отпевал; вот и все певцы там, и пение их аж поверх леса разливается", — говорил он. На самом деле оказалось, что при кончине старца Феодота не происходило никакого пения, он скончался в четыре часа утра, а отходная отпевалась в восемь часов, следовательно, пение, слышанное монахом Досифеем, без сомнения, было пение не земных певцов, а сил небесных.

Монах Досифей, успевший уже многим рассказать о слышанном им необыкновенном пении, когда узнал, что при кончине старца Феодота не было ни пения, ни служения, то, видимо, был поражен этим. Когда кто из братий спрашивал его об этом случае, он хранил молчание и спешил затвориться в своей келлии.

Братия, удрученная глубокой скорбью, что лишилась сожительства такого угодника Божия, благоговейно опрятала его тело и с подобающими обрядами предала его погребению на монастырском кладбище, где и ныне показывается его обыкновенная земляная могила.

Так окончил свое многолетнее и многотрудное поприще сей дивный старец Феодот. Его труды, терпение, страдание, борьба с духами злобы, глубокое смирение вполне ведомо только единому всевидящему Господу, ради Которого он от юности своей отвергся не только мира и яже в мире, но даже отвергся своего тела, которое подвергал жестоким долголетним изнурениям и озлоблениям до самого своего исхода и своей воли. По словам св. Григория Великого, "есть такие, которым не трудно отказаться от земных благ, но отречься от себя и своей воли — дело трудное для всякого. Оставить, что имеешь, не трудно, но оставить то, что ты сам, — это очень трудно, ибо при этом приносится в жертву своя воля, самое любимое и дорогое, что имеется".

Блажен потрудившийся в короткое время сей жизни, ибо он вселится в вышнем Иерусалиме, составит хор с ангелами и упокоится с пророками и апостолами и всеми святыми.

Примечания

1 См. описание Глинской пустыни. С. 88.

2 Когда в Глинской пустыни строилась Успенская церковь, потребовалась большая выемка земли для духовой печки. Место это оказалось древним кладбищем. Выкапывая землю, открыли несколько гробов прежних монашествующих, которые были перенесены на новое кладбище с подобающим священным обрядом. Из многих вынутых гробов в трех оказались тела совершенно нетленные, лежащие благолепно, на двух из них имелись схимы, а одно одето было в обыкновенную одежду послушника. Рассматривая их, отец Феодот признал особенно послушника, свидетельствуя о нем, что он жил свято.

3 Описание жизни старца Макария. С. 3.

4 Жизнеописание игумена старца Филарета. С. 32—33.

5 Там же. С. 32—33.

6 В числе свидетелей молитвы Феодосия был иеромонах Иерофей, в то время еще послушник.

7 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 26.

8 Творения преп. Исаака Сирианина (Сирина. — *А.И.*) Слово 85-е. С. 385.

9 Там же. С. 385.

10 Архимандрит Иоанникий, в схиме Илиодор, подвизался в Глинской пустыни и скончался в 1879 г. См. описание его жизни, изданное особой книгой в 1887 г.

11 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 25—26.

12 Достопамят. сказ. об авве Арсении. С. 25. Отд. 27.

13 Достоп. сказ. об авве Макарии Египетском. С. 216. Отд. 32.

14 Краткое жизнеописание иеросхимонаха Макария; напечатано отдельным прилож. в Курских епархиальных ведомостях. 1893.

15 Упоминаемый крест старца Феодота в настоящее время находится у иеромонаха Домна, живущего в Глинской пустыни. (Примеч. игум. Иассона. — *А.И.*).

16 Творения препод. Исаака Сирина. Слово 21-е. С. 120.

17 Четьи-Минеи. Житие Арсения. Месяц май. 8-е число.

18 Творения Исаака Сирина. Слово 53-е. С. 289.

19 Послушник Иаков, иеромонах Иродион, занимавший место настоятеля при православной церкви в западной части Франции в городе По.

20 Подлинный рассказ о себе Иакова Нестеренко по возвращении его в Глинскую пустынь из военной службы.

21 В Глинской пустыни существовал такой обычай: на утрени по окончании поучения, которое бывает после первой кафизмы, старший повар берет огонь от неугасимой лампады перед Чудотворным образом Божией Матери. Получив благословение от настоятеля или очередного иеромонаха, он идет со своими товарищами на кухню и от полученного огня зажигает дрова.

22 Послушник Михаил Жуков, впоследствии иеромонах Моисей, присутствовал при кончине старца Феодота и передал этот рассказ.

23 Монах Досифей замечателен по своему необыкновенному образу жизни; о нем говорится в конце сей книги.

Литература

Жизнь и подвиги старца Феодота / Сост. иеромонах Иассон. Курск, 1894.

Рец.: П.П. // Богословский библиографический листок. Прилож. к журн. "Руководство для сельских пастырей". 1894. № 12. С. 404—406; Богословский вестник. 1894. № 11—12. С. 404—406.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909. 32 с.

Глинский старец отец Феодот. (Память 16 июля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. М., 1908. С. 200—220.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 39. С. 1—8; № 40. С. 9—16; № 41. С. 17—24; 1894. № 4. С. 25—32; № 5. С. 33—40; № 6. С. 41—43.

Глинский старец Феодот, о нем: Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 9.

Марк (Лозинский), игумен, профессор МДА. Отечник проповедника. (Практическое пособие для студентов: 1221 пример из прологов и Патериков). Загорск. Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 356. (№ 507: "Глинский старец Феодот во время молитвы был окружен небесным светом").

Старец Феодот // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. 1901. С. 42—43; То же. 1904. С. 42, 45; То же. Курск, 1912. С. 36.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 26.

Спасо-Илиодоровский скит Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, основанный на месте пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора, в память избавления государя императора Николая Александровича от опасности в Японии в 1891 г. Одесса, 189. С. 8.

Иеросхимонах Макарий Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Февраль. М., 1906. С. 281.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 45—46.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собр. игумен Иассон. Курск, 1910. С. 3—4.

Глинский послушник Прохор юродивый // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. М., 1912. Т. доп. Ч. 1. С. 824.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 26. С. 502.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 20, 40.

Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни. (Память 31 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 364.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279—280, 299.

Старец схиархимандрит Илиодор // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. М., 1908. С. 376.

Монах Досифей Глинский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. М., 1910. С. 85.

Архивные документы

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским, Софье Ильиничне (Серафиме) и Варваре Ильиничне (Варваре) // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 109, ед. хр. 93, л. 127.

Содержание: "Отец Феодосий наш (перед кончиной о. Феодот был пострижен в мантию с именем Феодосий .— *А.И.*) скончался смертью праведника июля 16 дня".

ИЕРОМОНАХ АРСЕНИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ АРХИМАНДРИТ, НАСТОЯТЕЛЬ СВЯТОГОРСКОЙ УСПЕНСКОЙ ПУСТЫНИ (†1859)

(Память 12 октября ст. ст. / 25 октября нов. ст.)

Архимандрит Арсений (в миру Алексей Яковлевич Митрофанов) был уважаем Глинской братией как один из ближайших учеников игумена Филарета, пользовавшийся его особым доверием, любовью и под его руководством достигший высоких духовных дарований[1]. В поучении, которое раньше читалось в Глинской пустыни в день поминовения игумена Филарета, архимандрит Арсений назван не только достойным учеником приснопамятного аввы, но и великим старцем, носителем Божественной благодати[2]. Он был известен в России как возобновитель и первый настоятель Святогорской Успенской общежительной пустыни Харьковской губернии. Сведения о его жизни приводились в книгах об этой обители[3]. Однако отдельное жизнеописание о. Арсения до сих пор не было составлено.

Архимандрит Арсений родился в 1804 г. в богатой купеческой семье в городе Ливны Орловской губернии. Воспитание его проходило в строго религиозном направлении. В 1832 г. он оставил мир и поступил в Соловецкий монастырь, но в том же году перешел в славившуюся старчеством Глинскую пустынь[4]. В 1833—1834 гг., получив от епархиального начальства увольнение для поклонения Святым местам и благословение настоятеля, от посетил Иерусалим, Синай и Святую Афонскую Гору[5]. Вернувшись в Глинскую пустынь, Алексей всецело отдал себя в послушание отцу Филарету, которого почитал и любил беспредельно. Старец Филарет вел его спасительным путем полного отречения от своей воли. Это подтверждают примеры строгого обращения отца настоятеля с Алексеем, приведенные в жизнеописании игумена Филарета (Одесса, 1905. С. 36—38).

Для молодого послушника годы, проведенные под руководством о. Филарета, были временем постижения основ монашеского делания, благодаря которым впоследствии он сам отличался строгостью жизни, умением и других руководить по пути спасения.

В 1839 г. игумен Филарет постриг его в мантию с именем Арсений, в том же году он был рукоположен во иеродиакона, а в 1841 г. — во иеромонаха[6]. После кончины игумена Филарета иеромонах Арсений, назначенный казначеем Глинской пустыни, выражал свою преданность и любовь к своему почившему старцу тем, что во всем старался сохранить порядки, установленные в обители игуменом Филаретом[7].

Отец Арсений подвизался в Глинской пустыни более 10 лет, затем был назначен настоятелем Святогорской Успенской общежительной пустыни. Об этом своем назначении сам о. Арсений впоследствии рассказывал:

"Отец Евстратий, игумен Глинской пустыни (в 1842 г. — *А.И.*), послал меня в Петербург по делам монастырским, и там встретился я с

владетелями сего места (Татьяной Борисовной и Александром Михайловичем Потемкиными, которые увидели в о. Арсении опытного в духовном отношении человека. — *А.И.*); мы говорили о восстановлении запустевшей пустыни, и они пригласили меня посетить Святые горы; сердце мое наполнилось чувством радостного изумления, когда в первый раз неожиданно представилась мне, в чаще леса из-за Донца, меловая скала, у подножия коей мне суждено было оставаться. Я понял, что это место создано для пустыни и что не по какой-либо прихоти опять водружается тут обитель. Преосвященный Иннокентий (Борисов. — *А.И.*), ревнитель сего обновления, поручил мне созвать братию и с нею предстать в Харьков, для заселения пустыни. Где же мне было искать ее, как не в родной нашей обители Глинской, где провели мы столько лет при блаженном старце нашем Филарете? До двенадцати человек братии согласились последовать за мною, и мы решились перенести сюда наш строгий устав Глинский[8].

Летом 1842 г. графиня Татьяна Борисовна посетила Глинскую пустынь. Строгий устав обители, благоговейно совершаемые богослужения, высокодуховная жизнь Глинских старцев произвели на нее глубокое впечатление. Потемкины начали хлопотать о восстановлении Святогорского монастыря по примеру Глинской пустыни и по уставу игумена Филарета. 15 января 1844 г. император Николай I утвердил доклад Святейшего Синода о восстановлении Святогорского монастыря по чину и уставу Глинской пустыни Курской епархии, настоятелем которого Святейший Синод назначил иеромонаха Глинской пустыни Арсения (Митрофанова). 27 февраля того же года в С.-Петербурге о. Арсений был посвящен преосвященным Илиодором (Чистяковым) во игумена. При этом преосвященный Илиодор благословил о. Арсения иконой Знамения Богоматери (списком с чудотворно явленной иконы Курской Коренной)[9]. Тогда же, по указанию о. Арсения, были переведены в Харьковскую епархию те из Глинских братий, которые изъявили согласие перейти в Святогорье.

21 апреля игумен Арсений с братией прибыл в Святые горы[10]. С этого дня чин и устав богослужения Глинской пустыни стал совершаться в Святогорской пустыни ежедневно и неопустительно. Однако братия оказалась в трудных условиях: все помещения в монастыре были ветхие, полуразрушенные, келлии сырые и тесные. Отец Арсений сразу же начал строительные работы в пустыни. За короткое время в монастыре были построены настоятельский, братский, просфорнический, экономический корпуса, гостиница для приезжающих и трапезная; обновлена древняя Успенская церковь и устроены в ней вместо прежних тесных просторные двери, на Святогорскую скалу устроена прочная деревянная крытая лестница, древние пещеры в скале очищены и сделаны доступными для богомольцев, в них была устроена пещерная церковь во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, обновлена древняя пещерная церковь во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских, весь монастырь окружен прочной каменной оградой[11].

Как и в Глинской пустыни, о. Арсений устроил в Святогорье столярную, бондарную, слесарную, кузнечную, сапожную, портную и живописную мастерские, пасеку и свечной завод; открыл книжную и иконную лавки.

Настоятель Святогорской пустыни архимандрит Арсений (Митрофанов), ученик Глинского игумена Филарета. ГБЛ, ф. 213, к. 111, ед. хр. 11

Неустанно трудился настоятель с утра до вечера, руководя всеми монастырскими работами, но при этом внимательно следил за внутренней жизнью братии. Отец Арсений особенно дорожил глинским порядком. Он призывал братию ежедневно открывать помыслы духовнику, которым он назначил Глинского иеромонаха Феодосия. Строго исполняя сам все правила церковные, о. Арсений требовал этого и от других. На богослужениях в Святогорье были слышны только древние глинские напевы[12].

В обители быстро умножалась братия, возрос поток богомольцев, монастырь начали посещать щедрые благотворители (графиня Толстая, графини Ланские и др.). Митрополит Московский Филарет стал отличать о. Арсения, указывая на него как на доброго настоятеля и деятеля духовного[13].

За неусыпные труды на благо обители в 1850 г. о. Арсений был возведен в сан архимандрита[14].

Один из его почитателей в 1851 г. писал: "Вы не узнали бы обители Святогорской: так она расширилась и процвела в короткое время; я и сам тому подивился на расстоянии семи лет... Честь и слава отцу архимандриту Арсению: это великий строитель, и можно сказать, что ему обязана своим существованием обновленная обитель при скудных ее средствах; он умел привлечь к ней не только всю Украину, но и самый Дон, и ничем более, как приветливым обращением и благолепной службой"[15].

После перехода в Святогорье о. Арсений неоднократно обращался за советом и поддержкой к Оптинским старцам. Сохранились его письма к настоятелю Оптиной пустыни отцу Моисею (Путилову) за 1848, 1854 и 1858 гг. В одном из таких писем он пишет: "В бытность мою в Вашей Святой обители Вы столько меня облагодетельствовали Вашею отеческою любовию и старческими советами, что по гроб мой сие останется незабвенным... Прошу Вас засвидетельствовать мое усердное высокопочитание старцу отцу Макарию, скитскому Вашему начальнику, его любовь в памяти моей незабвенна"[16].

В последние годы жизни архимандрит Арсений начал устраивать в нескольких километрах от Святогорской обители пустынный скит с церковью во имя тезоименитого ему преподобного Арсения Великого для иноков, стремящихся подвизаться в безмолвии[17], и очень желал, чтобы в этом скиту утвердилась строгая подвижническая жизнь, как в скиту Глинской пустыни. Однако окончательное устроение скита, так же как и постройка Успенского собора и Преображенской церкви, начатые о. Арсением, были завершены уже его преемником — архимандритом Германом. 12 октября 1859 г. в 6.30 утра "архимандрит Арсений мирно предал дух свой в руце Божии и погребен 15 октября соборно, всею признательной к нему, им собранной братией"[18].

По своему завещанию отец Арсений был похоронен в пещерах Святогорской скалы. Впоследствии благодарная святогорская братия ископала здесь своими руками новую пещерную церковь во имя святого Алексия человека Божия, в честь которого о. Арсений был назван при святом крещении. По субботам здесь служили раннюю заупокойную литургию и панихиду по обновителю и восстановителю Святогорской обители архимандриту Арсению[19].

Ваше Высокопреподобие

Высокопочтеннейший Авва!

Отец Игумен

[illegible] мне батюшки Вашего [illegible]
с Вами, поздравить Вас с наступившим новым Годом,
и сердечно пожелать Вашему Высокопреподобию много бла-
гополучия, и новых благодатных дарований — каковыми преизо-
бильно обогащена уже Ваша боголюбивая, и смиренномудрая
душа, в бытность мою в Вашей Святой обители, Вы
столько меня облагодетельствовали Вашею Отеческою любовию,
и Старческими советами, что до гроба моего сие останется
незабвенным, за всё вам усерднейше благодарю
Что же Вам батюшки сказать о нашем [illegible],
по милости Божией и [illegible] всё благополучно [illegible]

Письмо
игумена Арсения
(Митрофанова)
настоятелю
Оптиной пустыни

по обычаю управление собираются и братий во имени Христовъ,
входящие въ наше стадо мирянъ-христианъ, и понуждаемые,
и уходящие и приходящие изъ другихъ обителей и паки пере-
селяющиеся, — Желаетъ спастися Батюшка, и званиемъ
собрался древнее, о избранныхъ Единаго Господа Святъ —
Посетилъ прошлое лето дней 10ть и вашъ бывший О: Антоний
любовно провелъ съ нами время, и отправился въ Киевъ, —

И такъ поручая себя молитвамъ

Вашего Высокопреподобия

съ истинною любовию душевною преданностию къ Вамъ
и Отличнымъ уважениемъ имею честь быть

Вашъ всенижайший послушникъ
Святогорский Игуменъ Арсений.

2е Генваря
1846 года
Святыя Горы.

Г: игумен.

P.S.

игумену Моисею
(Путилову).
1846 г. ГБЛ, ф. 213,
оп. 90, ед. хр. 16,
л. 2—2 об.

О блаженной загробной участи о. Арсения свидетельствует рассказ святогорского затворника Иоанна, который в день своей кончины видел бывшего своего старца Филарета с учениками его, святогорскими умершими отцами: архимандритом Арсением и духовником Феодосием, соборно совершавших молебен Святителю Николаю и звавших его с собой[20].

Примечания

1 Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 29; Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Одесса, 1893. С. 22.

2 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 162.

3 Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867; Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894.; Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Одесса, 1893.

4 Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 157.

5 Там же. С. 113, 157.

6 Там же. С. 158.

7 Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 32.

8 Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 126.

9 Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 41—43.

10 Там же. С. 45. Открытие обители совершилось 15 августа 1844 г.

11 Там же. С. 47, 59.

12 Там же. С. 48.

13 Там же. С. 60.

14 Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 158.

15 Там же. С. 152.

16 ОР ГБЛ, ф. 213. к. 90, ед. хр. 16, л. 2—3.

17 Начальник скита Святогорской пустыни иеросхимонах Лонгин // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. 1908. С. 188—190.

18 Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 158.

19 Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 62.

20 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 148.

Литература

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 36—38, 148, 162.

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / Сост. А.Ф. Ковалевский. 2-е изд. Харьков, 1894. С. 29—31, 38, 40—62.

Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. 6-е изд. Одесса, 1893. С. 22—23, 70.

Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 93.

Начальник скита Святогорской пустыни иеросхимонах Лонгин // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. 1908. С. 188—190.

Иеромонах Феодосий, первый духовник возобновленной Святогорской пустыни. (Память 20 октября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. М., 1912. Т. доп. Кн. 2. С. 319.

Верхне-Харьковская игуменья Емилия // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 313, 318.

Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. 1907. С. 148.

Киево-Печерский духовник иеросхимонах Антоний // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Октябрь. М., 1909. С. 298.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 47. С. 75.

Феофил Святогорский, Христа ради юродивый // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь. М., 1906. С. 211—213.

Духовник Святогорской Успенской пустыни иеромонах Иоанникий. (Память 10 февраля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Февраль. М., 1906. С. 134—138, 140.

Архивные документы

Арсений (Митрофанов Алексий), игумен и архимандрит Святогорского Успенского монастыря Изюмского уезда Харьковской губернии. Письма к Моисею (Путилову) (настоятелю Оптиной пустыни.— *А.И.*) // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 90, ед. хр. 16.

Арсений, архимандрит Святогорского монастыря. Портрет. Литография // Там же, к. 111, ед. хр. 11.

РЕЧЬ,
сказанная при погребении настоятеля Успенской пустыни архимандрита Арсения 15 октября 1859 г.

Цит. по кн.:
Святогорская общежительная Успенская пустынь.
М., 1867. С. 159—163.

Благий раб и верный, вниди в радость Господа Твоего
(Мф. 25, 21)

Делатель винограда Христова, пастырь словесного стада Его, отец, собрат и сослужитель наш, предстоявший на молитве у сего алтаря Господня! Ты и ныне обычно облекся в ризу спасения и одеждой веселия оделся, почто же уста твои безмолвствуют и не предначинают возвещать хвалы Господу? Почто не воздеваешь руце твои горе — к Богу? Почто отложил пастырский жезл свой и не предстоятельствуешь среди возлюбленной и многочисленной братии твоей? Ужели отныне навсегда оставляешь звание твое? Так! Чреда временного служения твоего здесь на земле у престола благодати прешла уже, и ты твориши далечейше идти, идти туда, где пред престолом славы вовеки воспевают Богу: "Аллилуия".

Чей же глас? Чей, как не Господа — Раздаятеля талантов, зревшего приумножение оных тобою, воззвал тебя от понесенных трудов и попечений, всегда неразлучных со скорбями и печалями в вечную радость свою. "*Благий раб и верный, вниди в радость Господа Твоего!*"

Велика потеря, тягостна разлука с тобою братии твоей, предвидя ее, они молили Господа да мимо идет чаша сия от них, но судьбы Его остались непреложны, и кто дерзнет пререкать им? Не станем нарушать вечного покоя твоего, усопший отец и брат наш, рыданиями и воплями, якоже и прочии не имущии упования, но из любви и благоговейной памяти к тебе помянем хотя кратко у гроба твоего добрую жизнь и дела звания твоего.

Рожденный и воспитанный в кругу куплю делающих при средствах и возможности проходить поприще земной жизни путем широким и пространным, он скоро уклонился от него как опасного, вводящего многих, идущих по нему в пагубу, и избрал путь узкий и тесный — путь иноческого самоотвержения и безмолвного уединения. Презрел богатство, оставил род и отчизну и водворился в пустынь, чая Бога спасающего от потопления греховного и от бури страстей. Не нам, немощным, проникать в тайну безмолвной жизни и иноческих подвигов. Ее зрит один только Сердцеведец, и могут понимать те, кои сами подвизаются подвигом добрым; для нас поучительны будут те дела усопшего, которые совершил он в глазах наших. И здесь всякому можно видеть, как для возлюбившего Господа "иго Его благо, и бремя Его легко есть".

Всеблагий Промысл Божий призвал почившего собрата нашего к деланию, трудам и подвигам в сей духовной вертоград, в сии Святые горы. Ему суждено было обновить и благоукрасить сию запустевшую и почти уже всеми забытую пустынь. Кому из нас неизвестно, в каком бедном и жалком виде за 15 перед сим лет находилось сие место, издревле освященное благодатью Божиею и трудами подвижников, по словам незабвенного архипастыря, благословлявшего начало обновления сей

пустыни; она, подобно Лазарю, воскрешенному из гроба, была тогда обвита одними бедными полуистлевшими пеленами. Что же видим ныне здесь? Пустынь процвела, яко крин; скудные пелены заменены богатыми, светлыми одеждами. И куда ни обратится теперь взор наш, везде перед нами являются красота и величие, подобающие святому месту; каких же трудов и подвигов, каких забот и попечений, какой неутомимой и неусыпной деятельности требовалось от того, на кого возложена была сия священная обязанность! И кто из нас не знает, с каким усердием, с какой ревностью всегда совершал почивший многотрудное дело высокого звания своего. Он мыслил, он чувствовал, он говорил, он действовал по словам Спасителя: "Мне подобает делати дела Пославшаго Мя (Ин. 9, 4) дондеже день есть, приидет нощь, егда же никто не может делати". Он как бы предчувствовал, что день для делания его недолог, что эта нощь смертного упокоения скоро для него настанет, а потому и часы покоя и минуты отдохновения посвящал делам звания своего. А в последнее время он не щадил и оскудевших от тяжкой болезни слабых сил своих, поспешая положить начало и еще одному последнему великолепному храму Божию. А легко ли еще, не трудно ли руководить многочисленную, собравшуюся под начало его братию так, чтобы по завещанию апостольскому все было благообразно и по чину, и да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготованный. Но в чем и еще заключалась нелегкая тяжесть многотрудных подвигов Его? Дела, совершенные им из любви к Богу и во славу Его пресвятого Имени, не сопровождались ли часто скорбями и печалями? Так! Не ошибемся, если скажем, что и они нередко подвергались нареканию и осуждению и наносили немалый удар его чувствительному сердцу, и тяжелый вздох невольно возносился к Сердцеведцу Богу.

Вам, братия святой обители сей, вам более, нежели нам, известны все труды, заботы и попечения отца начальника и наставника вашего. Запечатлейте же навеки в сердцах ваших благоговейную память о нем, не преставайте возносить молитвы ваши к Богу, да услышит Он, Премилосердный, последний предсмертный молитвенный глас почившего: "Господи, не лиши мене небесных Твоих благ; Господи, избави мя вечных мук", и да призовет его к себе в последний день правосудного мздовоздаяния сим утешительным, сладчайшим словом: "*Благий раб и верный, вниди в радость Господа Твоего*".

14–1374

МОНАХ АНАНИЯ ЛЕКАРЬ (†1860)

(Память 7 апреля ст. ст. / 20 апреля нов. ст.)

Цит. по:
Глинский подвижник монах Анания лекарь //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Апрель. М., 1908. С. 110.

Отец Анания, творитель Иисусовой молитвы, был из военных фельдшеров, поступил в обитель в 1843 г. и более всего находился при монастырской больнице, с любовью и терпением ухаживая за больными. Когда в 1856 г. заболел иеромонах Серафим, о. Анания говорил: "Вот думал умереть в Пасху, а заболел о. Серафим, кто за ним будет ухаживать, придется ждать еще год". С тех пор как только приближалась Пасха, он особенно готовился к смерти. По приходе Светлой недели, говорил: "Пасха прошла, я еще проживу год и умру на следующую Пасху". Так продолжалось несколько лет. Словам его не придавали значения, но они исполнились: отец Анания умер 68-ми лет на третий день Пасхи, 7 апреля 1860 г. Братия хоронила своего сподвижника, воспевая: "Воскресения день", и была уверена, что их почивший собрат перешел "от смерти к жизни, от земли к небеси".

Литература

Глинский подвижник монах Анания лекарь. (Память 7 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 110.

ИЕРОСХИМОНАХ АНАТОЛИЙ БЛАГОГОВЕЙНЫЙ (†1860)

(Память 30 ноября ст. ст. / 13 декабря нов. ст.)

Цит. по:
Глинский иеросхимонах Анатолий благоговейный //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Ноябрь. М., 1910. С. 740—742.

Иеросхимонах Анатолий, старец, богатый иноческими добродетелями, до поступления в Глинскую пустынь был старшим камердинером князя Голицына, с которым долгое время находился за границей. Один русский купец, живущий в Париже, полюбил красивого камердинера за его кроткий, смиренный нрав и предлагал ему руку единственной дочери, давая с ней в приданое 30 тыс. руб. и дом в столице Франции. Благочестивый Андрей Скубырин (так в миру звали о. Анатолия) отказался от этого, а через несколько времени поселился в Глинской пустыни[1]. Хорошо развитой, способный подвижник сразу обратил на себя внимание о. Филарета и скоро был назначен регентом. На третий год по поступлении авва постриг Андрея в мантию с именем Амфилохий[2]. В 1824 г., в сане иеромонаха, Амфилохий был уже благочинным монастыря.

Зная, что сластолюбивых Бог не слушает, о. Амфилохий отверг всякое услаждение пищею и всякое излишество в ней, а затем, желая всегда носить в теле своем мертвость Господа Иисуса, простерся до того, что великим воздержанием совершенно иссушил себя и потому во плоти был подобен бесплотному. Близко знавшие его действительно смотрели на него как на ангела. В келлии своей он постоянно упражнялся в молитве. Монах, живущий с ним рядом, часто и долго слышал земные поклоны своего соседа-сомолитвенника.

С 1839 г. отец Амфилохий помогал братскому духовнику в его духовнических обязанностях и спустя пять лет, как умудренный опытом жизни и подвигами, стал преимущественно исповедовать богомольцев. Для чистого и кроткого подвижника тяжело было нести бремя нравственных болезней своих духовных детей, но полезно для душ последних. Помышляя о великом оскорблении беззакониями человеческими благости Божией, старец много молился за своих исповедников, прося Господа отвратить праведный гнев, движимый на грешников. Насколько благотворна была исповедь у этого благоговейного духовника, можно судить по рассказу дворянки старицы — Е.И. Мовчан. "Когда я еще была маленькой, — говорила она, — одна моя знакомая шла с исповеди от отца Амфилохия и плакала. Я спросила ее о причине плача, она отвечала: "Пойдите на исповедь, и вы заплачете". Силой своего слова о. Амфилохий приводил всякого к сознанию своей вины перед Богом.

В 1858 г. о. Амфилохий повторил свои монашеские обеты и с принятием святой схимы переименован был в Анатолия.

Он имел дар прозрения. Так, Севского монастыря игуменье Клеопатре (Головачевой), когда она была в миру девицею, сказал: "Тебе надо идти в монастырь, благословляю быть монахиней и игуменьей в том же монастыре". Слова подвижника исполнились. Прошло несколько лет, к нему пришла та самая девица уже в сане игуменьи. Кроме матушки

Клеопатры, под духовным руководством о. Анатолия были: схиархимандрит Илиодор (по принятии им схимы), Гамалеевского монастыря схимонахиня Макария[3] и другие лица, отличавшиеся строгостью духовной жизни[4].

Долговременной болезнью и таинствами Святой Церкви совершенно очистившись от всякого греха, о. Анатолий блаженно скончался на 78-м году от рождения 30 ноября 1860 г.[5].

Примечания

1 Он поступил в Глинскую пустынь в 1818 г. (Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 29). — *А.И.*

2 Через год после пострига он был рукоположен во иеродиакона. (Там же. С. 29). — *А.И.*

3 Умерла в Глинской пустыни.

4 На основании архивных данных, можно утверждать, что отец Анатолий был духовником многих сестер Севского девичьего монастыря. Так, например, в письме к послушнице этого монастыря Варваре Тимковской Глинский подвижник схиархимандрит Илиодор (Голованицкий) писал: "Передайте сестре Софии (монахине Севского монастыря. — *А.И.*), что ее духовник о. Амфилохий принял торжественно на себя схиму с именем Анатолий. Он посылает ей свое благословение". В другом письме той же послушнице о. Илиодор писал: "...старец о. Анатолий... поручил мне сказать, что по части духовнической он давно уже разрешил тебе и разрешил неоднократно, а к спокойствию духа твоего и вновь разрешает и прощает во всем, в чем ты сознавалась ему на исповеди когда-либо" (ОР ГБЛ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 95 об., 84). — *А.И.*

5 Глинский игумен Иассон писал о старце Анатолии: "Проживая со своим господином (князем Голицыным. — *А.И.*) долгое время в западных столицах: Берлине и Париже, он усвоил себе французский и немецкий языки и владел ими в совершенстве. Обладая природными способностями и жаждой к познаниям, он занимался чтением западной литературы (это было тогда принято в высших общественных кругах), но таковое чтение, которое не питает нашего бесстрастного духа, не могло удовлетворить душевной жажды Андрея, и он начал искать удовлетворения в Священном Писании. Однажды князь застал его за чтением Псалтири и удивился, что молодой его камердинер занимается таким чтением. Князь рассказывал об этом другим: "Вот странно! Мой Андрей читает Псалтирь!.." Князь Голицын, видя своего любимого камердинера, стремящегося к богоугодной жизни, отпустил его на свободу, после чего он в 1818 г. поступил в Глинскую пустынь, имея от рождения 36 лет (Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. М., 1906. С. 124—125). — *А.И.*

Литература

Глинский иеросхимонах Анатолий, благоговейный. (Память 30 ноября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. М., 1910. С. 740—742.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 29, 46.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. М., 1906. С. 124—125.

Схимонахиня Макария Гамалеевская // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Август. 1909. С. 538.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 280.

Архивные документы

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским, Софье Ильиничне (Серафиме) и Варваре Ильиничне (Варваре) // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 80 об., 83, 84, 95 об., 127.

По предложению синодального обер-прокурора о наделении землей Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии с приложением "записки" братии // ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 2 об., 8.

По прошению Курской епархии Глинской пустыни строителя иеромонаха Филарета о возвращении во владение оной пустыни лесной дачи // ЦГИА, ф. 797, оп. 2, д. 7829, л. 83 об.

ИГУМЕН ЮВЕНАЛИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1861—1862), ВПОСЛЕДСТВИИ АРХИЕПИСКОП ЛИТОВСКИЙ И ВИЛЕНСКИЙ

(Память 12 апреля ст. ст. / 25 апреля нов. ст.)

Игумен Ювеналий (Половцев), впоследствии архиепископ Литовский и Виленский, многим известен благодаря его книгам: "Жизнь и творения св. Петра Дамаскина", "Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея", "Монашеская жизнь по изречениям о ней святых отцов подвижников" и др.

Игумен Ювеналий (в миру Иван Андреевич Половцев) родился 21 октября 1824 г. в семье дворян Псковской губернии[1]. Благодаря своим прекрасным способностям, в 1845 г. он окончил артиллерийское училище первым по выпуску и поступил в Михайловскую артиллерийскую академию, которую также окончил одним из первых[2]. Однако, стремясь к иноческой жизни, в 1847 г. в чине подпоручика он оставил военную службу и поступил в Оптину пустынь[3]. На послушание Иоанн был направлен в скит Оптиной пустыни, в котором начальствовал тогда старец иеросхимонах Макарий (Иванов).

В Оптиной пустыни и в скиту духовная иноческая жизнь была основана на ежедневном откровении помыслов старцу-духовнику. Имея к старцу Макарию сердечную веру и сыновнюю любовь, Иоанн стремился как можно чаще исповедовать перед ним не только все свои дела и поступки, но и тончайшие помыслы и умственные приражения.

Вскоре он стал одним из ближайших учеников и помощников старца. Многие письма от отца Макария его духовным чадам написаны рукой Иоанна Половцева[4], некоторые подписаны как о. Макарием, так и Половцевым[5]. Духовную переписку с Иоанном Половцевым вел святитель Игнатий (Брянчанинов)[6]. В деле духовного возрастания Иоанна весьма важным было его участие под руководством старца Макария в переводе святоотеческих творений, которые начала издавать Оптина пустынь.

Иеросхимонах Макарий сплотил вокруг себя группу помощников, имевших богословское или высшее светское образование, которые самоотверженно помогали ему в издательской деятельности обители. В эту группу входили: о. Амвросий (Гренков), о. Леонид (Кавелин) и Иоанн Половцев[7]. Под руководством о. Макария они трудились над приготовлением к печати славянских переводов старца Паисия Величковского: делали подстрочные пояснительные примечания, объясняли труднопонимаемые слова и выражения. Некоторые из книг они переводили на русский язык. Прекрасную характеристику этой деятельности дает непосредственный ее участник, впоследствии наместник Троице-Сергиевой Лавры о. Леонид (Кавелин):

"Как щедро были награждены мы за малые труды наши! Кто из внимающих себе не отдал бы несколько лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши? Это объяснение старца на такие места писаний

отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто из нас не посмел бы и вопросить его, а если бы и дерзнул на это, то несомненно получил бы смиренный ответ: "Я не знаю сего, это не моей меры, может быть, ты достиг ее; а я знаю лишь, даруй ми, Господи, зрети моя прегрешения! Очисти сердце — тогда и поймешь!"[8] Труд над творениями святых отцов явился для Иоанна как бы школой систематического изучения аскетической литературы под руководством умудренного большим опытом иеросхимонаха Макария.

29 апреля 1855 г. Иоанн был пострижен в монашество с именем Ювеналий[9]. 8 ноября 1856 г. рукоположен во иеродиакона, 11 июля 1857 г. — во иеромонаха. 22 октября 1857 г. о. Ювеналий был назначен членом Российской духовной миссии в Иерусалиме; там же 21 мая 1859 г. награжден набедренником[10]. В архиве Оптиной пустыни, находящемся в ОР ГБЛ, сохранились письма о. Ювеналия к о. Макарию (Иванову) того периода[11] и составленные о. Ювеналием "Заметки о посещении Палестины" с пометками старца иеросхимонаха Макария[12].

Указом Святейшего Синода от 14 апреля 1861 г. по прошению из-за болезни о. Ювеналий был уволен от занимаемой должности и возвратился в Петербург, где 31 мая того же года был награжден золотым наперсным крестом от Святейшего Синода выдаваемым[13].

Митрополит Московский Филарет, рекомендуя о. Ювеналия на должность начальника Иерусалимской миссии вместо архимандрита Леонида, писал графу Д.А. Толстому: "Он был в Иерусалиме иеромонахом в составе миссии преосвященного Кирилла и более Леонида способен употребить в обращении с людьми осмотрительность и осторожность, где они особенно нужны"[14].

Епископ Курский и Белоградский Сергий (Ляпидевский), зная образ жизни иеромонаха Ювеналия в Оптиной пустыни, в октябре 1861 г. просил Святейший Синод о назначении его настоятелем Глинской пустыни. Он писал: "Посетив Глинскую обитель, я нахожу, что для нее потребен настоятель, способный руководствовать в подвигах и искусстве жизни духовной многочисленное братство,.. а вместе, по удобству, давать добрые наставления и посетителям ее, ищущим бесед на пользу души.

К сему почитаю благонадежным возвратившегося из Иерусалимской миссии иеромонаха Ювеналия, который проходил искус иноческой жизни в ските Оптиной пустыни, под руководством известного по своим подвижническим трудам и дару назидания старца... иеросхимонаха Макария"[15].

Вот как сам о. Ювеналий пишет в письме к настоятелю Оптиной пустыни архимандриту Моисею (Путилову) о своем назначении в Глинскую пустынь. "По выезде из Оптиной пустыни поехал я в Курск, куда приехал 20 октября... В самый день Введения во храм Пресвятой Богородицы получен был указ Святейшего Синода о назначении меня, недостойного, игуменом в Глинскую пустынь. 22 ноября был я посвящен в это звание преосвященным Сергием, а 28 прибыл в обитель... Братии у нас довольно, 163 человека и много из них весьма способных, все, по милости Божией, в подвиге духовном, есть очень преуспевшие...

19 декабря 1861. *Многогрешный игумен*
Глинская пустынь. *Ювеналий*"[16].

Отец Ювеналий был тепло встречен в Глинской пустыни, как сам он писал в Оптину: "Глинские собратья весьма полюбили меня недостойного"[17]. Однако игумен Ювеналий пробыл в Глинской пустыни недолго. В феврале 1862 г. по делам Курского епархиального управления он был направлен в Петербург. В Петербурге о. Ювеналий был знаком со многими влиятельными лицами. Стремясь улучшить материальное благосостояние Глинской пустыни, он рассчитывал собрать здесь пожертвования в пользу монастыря. Игумен Ювеналий писал преосвященному Сергию (Ляпидевскому): "...хотя мне и крайне не по сердцу жить теперь в мире, но нахожусь вынужденным просить благословения Вашего, Преосвященный Владыко, пробыть в Петербурге до окончания дела... Вчера... у графа Александра Николаевича Толстого было много разговоров о Глинской пустыни... Граф обещал нам дать немного земли или леса и приглашал меня приехать к нему летом для подробной беседы об этом деле. По милости Божией, многие заинтересованы, по-видимому, бедственным положением нашей обители..."[18]

Отец Ювеналий вернулся в Глинскую пустынь лишь в апреле 1862 г., а 8 мая 1862 г. указом Святейшего Синода по представлению епископа Сергия он был назначен настоятелем Коренной Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии[19].

В Коренной пустыни о. Ювеналий не только закончил начатые его предшественниками постройки (при нем также были полностью построены двухэтажный каменный корпус на правой стороне монастыря, двухэтажная гостиница)[20], но, главное, "обновил обитель в смысле духовном через поддержание общежительных порядков"[21].

Преосвященный Сергий докладывал в Святейший Синод, что "игумен Ювеналий приобрел весьма доброе к себе отношение, как человек духовно-просвещенный, в слове назидательный и как ревнитель иноческих добродетелей, своим примером и братию поучающий не менее, как и словом"[22]. По указу Святейшего Синода 15 августа 1862 г. о. Ювеналий был возведен в сан архимандрита в соборном храме Курского Знаменского монастыря преосвященным Сергием епископом Курским и Белоградским[23].

О трудностях своей настоятельской деятельности в Коренной пустыни и о помощи ему Глинских собратий о. Ювеналий писал настоятелю Оптиной пустыни о. Исаакию (Антимонову): "Знаешь ли ты положение Коренной пустыни и ее жителей, в среду которых я попал?.. Хорошо тебе там при всем готовом хозяйстве распоряжаться людьми способными и честными, а мне каково было? И при всем том я никого, кроме Досифея из Оптиной, не звал, перемогался с помощью Глинских братий... Глинских я точно звал"[24].

Благодаря трудам о. Ювеналия и помогавших ему Глинских иноков в Коренной пустыни насаждались правила истинного духовного подвижничества. В отчете о состоянии Курской епархии за 1862 год преосвященный Сергий писал: ".Лучшей обителью в епархии продолжает быть Глинская пустынь, за ней следует Коренная, в которой архимандрит Ювеналий (Половцев) с примечательным успехом проводит в жизнь братии строгие правила иноческие,.. он трудится для Бога, и других учит тому же"[25].

Письмо
Глинского настоятеля
игумена Ювеналия (Половцева)
настоятелю Оптиной пустыни
отцу Моисею (Путилову)
от 19 декабря 1861 г. ГБЛ,
ф. 213, к. 95, ед. хр. 41,
л. 28 об.

За отлично-усердное исполнение обязанностей по управлению обителью 21 декабря 1867 г. архимандрит Ювеналий был назначен наместником Александро-Невской Лавры. Однако в 1875 г. по слабости здоровья он оставил управление Лаврой и возвратился в Оптину пустынь, где занимался переводом богословских книг с греческого языка. 21 мая 1884 г. о. Ювеналия назначили наместником Киево-Печерской Лавры, а 25 октября 1892 г. — епископом Балахнинским, викарием Нижегородской епархии[26]. При наречении во епископа Ювеналий произнес речь, в которой раскрыл значение монашества и его влияние на религиозно-нравственную жизнь народа[27]. 3 января 1893 г. он был переведен на Курскую кафедру.

Будучи архипастырем Курской епархии, преосвященный Ювеналий неоднократно посещал Глинскую пустынь, почитал ее богомудрых старцев, беседовал с ними. Так, в 1893 г., осматривая Спасо-Илиодоровский скит, он обратил свое особенное внимание на о. Архиппа[28] и посетил его келлию. На вопрос архипастыря: "Как поживаешь, старец?" отец Архипп ответил: "Боюсь мук вечных, боюсь геенны огненной, скрежета зубовного, червя неусыпаемого..." и залился слезами. Потом говорит: "Спокойно живу, враг меня не берет". — "Ты уже поборол врага", — заметил владыка и любезно простился с подвижником. На следующий год архипастырь снова заходил в келлию старца и беседовал с ним наедине.

Впоследствии, при свиданиях с настоятелем Глинской пустыни, владыка Ювеналий неоднократно спрашивал об о. Архиппе. В 1897 г., проходя мимо келлии почившего подвижника, архипастырь с молитвой перекрестился, а при отъезде из скита заходил в приемную старца, где тогда хранился его гроб.

Выйдя из приемной, преосвященный Ювеналий сказал насельникам скита несколько слов о памяти смертной[29]. 7 мая 1898 г. владыка Ювеналий был назначен архиепископом Литовским и Виленским и настоятелем Виленского Свято-Духова монастыря. Он ревностно заботился об охранении целости православия во вверенной ему епархии.

Архиепископ Антоний (Храповицкий) так отзывался о деятельности владыки Ювеналия в Литовской епархии: "Как защитник православия и православных владыка стяжал себе высокое уважение и преданность паствы; даже с высоты царского престола засвидетельствована его благопопечительность об охранении целости православия во вверенной ему епархии, где ведется постоянная борьба православия и латинства...

Строго верный обетам монашества, он по прибытии в Литовскую епархию прежде всего обратил внимание на состояние монастырей и улучшил их; он сам постригал в монашество, причем пострижение сопровождал наставлениями, благотворно действующими на постригаемых.

Будучи одушевленным и самоотверженным подвижником Православной Церкви, он встал в ряды приснославных возродителей русского монашества, которые имели своего вождя в лице великого старца Паисия Величковского"[30].

По отзывам современников, в отношения к своим подчиненным владыка "вносил столько отеческой простоты и такое уважение к человеческой личности, что каждый из них мог совершенно свободно

объяснять ему свои ошибки, а также поведать о своих успехах, а это вызывало у всех желание работать не за страх, а за совесть"[31].

"Подвиг постоянного пребывания в деятельном молитвенном устроении, духовной самособранности, смиренной преданности Божественной воле — вот те сокровища его души, которые были явны всем окружающим"[32].

Владыка Ювеналий был также известен, как ревностный проповедник, возвещавший своей пастве путь, ведущий ко спасению и призывавший всех любить ближних, "покрывая их недостатки и осуждая только самого себя"[33].

Владыка Ювеналий был награжден орденами Св. Анны I степени, Св. Владимира III степени, Св. Александра Невского и сербским орденом Св. Саввы со звездой[34].

Скончался архиепископ Ювеналий 12 апреля 1904 г.

Примечания

1 Послужной список игумена Ювеналия. ЦГИА, ф. 796, оп. 143, д. 1145, л. 3.

2 Церковные ведомости. 1904. № 16. С. 585.

3 ЦГИА, ф. 796, оп. 143, д. 1145, л. 3.

4 ОР ГБЛ, ф. 213, к. 78, ед. хр. 10.

5 Там же, к. 76, ед. хр. 17.

6 Там же, к. 102, ед. хр. 39.

7 Четвериков Сергий, прот. Оптина пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 51.

8 И.Л. Сказания о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария. М., 1861. С. 169.

9 Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. 3-е изд. Курск, 1885. С. 163.

10 ЦГИА, ф. 796, оп. 143, д. 1145, л. 3.

11 ОР ГБЛ, ф. 213, к. 83, ед. хр. 24.

12 Там же, к. 102, ед. хр. 33 (на лл. 178—179 об. запись рукой о. Макария (Иванова).

13 ЦГИА, ф. 796, оп. 143, д. 1145, л. 3.

14 Церковные ведомости. 1904. № 16. С. 585.

15 ЦГИА, ф. 796, оп. 142, д. 1804, л. 1.

16 ОР ГБЛ, ф. 213, к. 95, ед. хр. 41. л. 27 об—28 об.

17 Там же, л. 27 об.

18 ЦГИА, ф. 796, оп. 205, д. 639, л. 11—11 об.

19 ЦГИА, ф. 796, оп. 143, д. 1145, л. 4.

20 Лебедев Лев, прот. Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь // ЖМП. 1989. № 8. С. 68.

21 Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. Курск, 1885. С. 119.

22 ЦГИА, ф. 796, оп. 143, д. 1145, л. 1—1 об.

23 Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. Курск, 1885. 163.

24 ОР ГБЛ, ф. 213, к. 73, ед. хр. 16, л. 22.

25 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 100, л. 10.

26 Мануил, архиепископ. Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957). М., 1986. С. 484.

27 Церковные ведомости. 1892. № 44. С. 1522—1524.

28 Жизнеописание старца см. во II томе Глинского Патерика.

29 Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 45—46.

30 Литовские епархиальные ведомости. 1904. № 17. С. 143; № 16. С. 133.

31 Церковные ведомости. 1904. № 16. С. 586.

32 Литовские епархиальные ведомости. 1904. № 18. С. 152.

33 Церковные ведомости. 1904. № 16. С. 586.

34 Памятная книжка Курской губернии на 1894 г. [Б. м., б. г.]. Отд. IV. С. 62; Литовские епархиальные ведомости. 1904. № 15. С. 125.

Литература

Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. 3-е изд. Курск, 1885. С. 119—120, 163; То же. М., 1898. С. 121.

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 45—47.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891. С. 91.

Четвериков Сергий, прот. Оптина пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 51.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 275.

Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. [Б.м., б. г.]. Т. 2. С. 1502, 2391.

Лебедев Лев, прот. Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь // ЖМП. 1989. № 8. С. 68.

Мануил, архиепископ. Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957). М., 1986. С. 484.

Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. 3-е. изд. Киев, 1913. С. 1403—1404.

Елевферий (Диденко), иеромонах. Духовная жизнь христианина по письмам Оптинского старца иеросхимонаха Макария (Иванова). Загорск, 1972—1973. Машинописный текст. С. 51.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 188—189.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / Сост. П. Строев. СПб., 1877. С. 650.

Оптинский старец иеросхимонах Иосиф // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Том доп. Январь—июнь. М., 1912. С. 715.

Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882. С. 10, 89.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 41.

Церковные ведомости. 1902. № 16.; 1904. № 16. С. 584—586; № 18—19. С. 651—657.

Ведомость мужским и женским монастырям за 1901 г. СПб., 1902. С.49

Волынские епархиальные ведомости. 1898. № 11—12. С. 203.

Церковный вестник. 1904. № 17.

Литовские епархиальные ведомости. 1898. № 12. 1904. № 15—18.

Беседа, произнесенная преосвященным Ювеналием, епископом Курским и Белоградским 22 августа 1897 г. по освящении храма, устроенного в Глине, при братской больнице // Курские епархиальные ведомости. 1897. № 52. С. 1025—1026.

Прибавления к "Церковным ведомостям", издаваемым при Святейшем Синоде. 1897. № 47. С. 1691; То же. 1901. № 39. С. 1405; То же. 1904. № 18—19. С. 651—657.

Историко-статистическое описание Молченской... пустыни... С. 58.

Памятная книжка Курской губернии на 1894 г. [Б. м., б. г.]. Отд. IV. С. 62.

Игумен Агапит, старец Киево-Печерской Лавры // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков.Февраль. М., 1906. С. 226—227.

Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1904. Т. XLI. С. 276.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илио-дора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. С. 188—189.

Архивные документы

По представлению Сергия, епископа Курского, об увольнении на покой настоятеля Глинской пустыни игумена Иоасафа и о назначении на его место иеромонаха Ювеналия. 16 окт. 1861 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 142, д. 1804.

Письма епископу Сергию (Ляпидевскому) Ювеналия, архимандрита по делам Курского епархиального управления. 1862 г. // Там же, оп. 205, д. 639.

По донесению Сергия, епископа Курского, о возведении в сан архимандрита настоятеля Коренной Рождество-Богородицкой пустыни игумена Ювеналия. 1866 г. // Там же, оп. 143, д. 1145.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1862 г. // Там же, оп. 442, д. 100, л. 10.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1863 г. // Там же, д. 143, л. 4 об.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1864 г. // Там же, д. 143, л. 5.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1893 г. // Там же, д. 1453.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1894 г. // Там же, д. 1510.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1895 г. // Там же, д. 1566.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1896 г. // Там же, д. 1624.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1897 г. // Там же, д. 1675.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1898 г. // Там же, д. 1727.

Ювеналий (Половцев). Письма о. Макарию (Иванову). 1853—1855, 1860 гг. // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 83, ед. хр. 24.

Ювеналий (Половцев). Письма к Моисею (Путилову). 1862 г. // Там же, к. 95, ед. хр. 41.

Ювеналий (Половцев). Заметки о посещении Палестины. 1857 г. // Там же, к. 102, ед. хр. 33.

Игнатий (Брянчанинов), архимандрит. Письмо к Ювеналию (Половцеву) // Там же, к. 102. ед. хр. 39.

Макарий (Иванов), Антоний (Путилов), Ювеналий (Половцев). Письма к Глушкову А.И. 1856—1863 гг. // Там же, к. 76, ед. хр. 17.

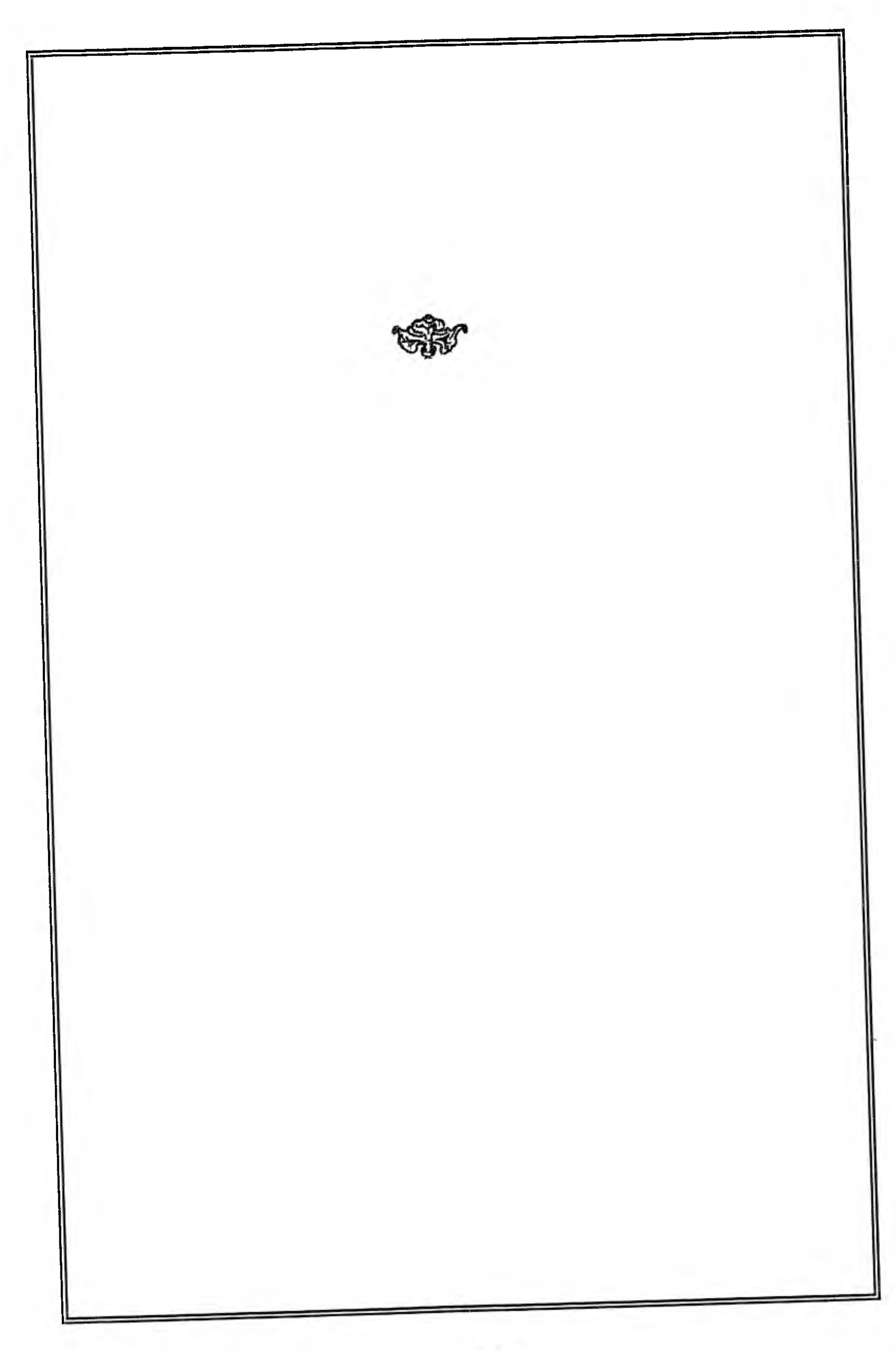
Макарий (Иванов). Письмо Муровцеву А.А. (рукой Ювеналия (Половцева). 1851 год, сент. 19 // Там же, к. 78, ед. хр. 10.

Ювеналий (Половцев), архимандрит. Письма к Илариону (Пономареву) 1865—1870 гг. // Там же, к. 64, ед. хр. 25.

Ювеналий (Половцев). Письма к Исаакию (Антимонову). 1862—1865 гг. // Там же, к. 73, ед. хр. 16.

Ювеналий (Половцев). Письмо к архимандриту Досифею, настоятелю Оптиной пустыни. 1899 г. // Там же, к. 62. ед. хр. 36.

TOM II



АРХИМАНДРИТ ИННОКЕНТИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1862—1888)

(Память 17 сентября ст. ст. / 30 сентября нов. ст.)

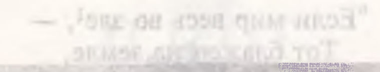
Цит. по кн.:
Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Издание Глинской Рождество-Богородицкой пустыни.
Киев, 1906.

"Если мир весь во зле[1], —
Тот блажен на земле,
Кто оставил все в мире для Бога;
В ком воскресло все вновь,
Все проникла любовь;
Тому здесь только на небо дорога"[2].

Любвеобильный архимандрит Иннокентий (в миру дворянин Старооскольского уезда Курской губернии Яков Фирсович Степанов) поступил в Глинскую пустынь в 1845 году и был под духовным руководством известных Глинских старцев. По своим блестящим способностям, тихому нраву и усердию ко благочестию он обратил на себя внимание монастырского начальства и скоро занял должности письмоводителя и библиотекаря обители. Имея под руками обильный источник святоотеческой мудрости, он сумел почерпнуть оттуда *воду живую* и ею потом во имя любви обильно напоять приходящих к нему. Этому много способствовала отличная память. Стоило о. Иннокентию что-либо раз прочитать внимательно, и он спустя десяток лет мог буквально цитировать целые страницы прочитанного. В должности письмоводителя и поверенного монастыря, отец Иннокентий был правой рукой трех настоятелей Глинской пустыни: Евстратия (†1855), Авксентия (†1857) и Иоасафа (†1862) и прекрасно ознакомился с многотрудными и разнообразными обязанностями аввы большого общежительного монастыря. Потому ему вполне по достоинству в 1862 году вручен был настоятельский посох. В должности настоятеля первой и главной заботой о. Иннокентия был соборный храм, перестройка которого началась еще при игумене Евстратии. Обширный храм, почти весь заново переделанный, требовал внутренней отделки. При неусыпных заботах о. Иннокентия она была закончена в два года и храм освящен в сентябре 1864 года.

В 1870 году по инициативе о. Иннокентия Глинская пустынь с торгов приобрела казенные Сеймские мельницы, которые были в самом жалком состоянии. Только один амбар мог работать.

Отец Иннокентий не устрашился громадных расходов на возобновление. При мельницах устраивалось подворье, приобреталась нужная земля, заводилось хозяйство. Отец Иннокентий сам неутомимо трудился над посадкой деревьев. Ему усердно помогали братия и его почитатели из мирян. Господь благословлял все благие начинания. Это видно было в особом чудесном знамении. На другой год по посадке молодые сосны весной зацвели какими-то необыкновенно красивыми



Архимандрит Иннокентий (Степанов) (1824—1888), настоятель Глинской пустыни

цветами. Отец Андрей, показывая их батюшке, сказал: "Никогда этого не видел". Отец Иннокентий перекрестился и ответил: "Я тоже никогда этого не видал". Чудный цвет на соснах был две недели.

Прежде больные иноки помещались в одноэтажном деревянном здании, совершенно неприспособленном для больницы. Между тем еще при игумене Евстратии разрешено было построить каменную больницу. В 1873 году о. Иннокентий предложил киевскому купцу К.К. Ховалкину сделать доброе дело устройством больницы. Предложение было принято, и вот в 1874—1877 годах явилась давно желаемая двухэтажная каменная братская больница на 25 кроватей, стоившая 22 тысячи. В этой больнице при о. Иннокентии, во время русско-турецкой войны 1877—1878 годах, был устроен временный лазарет для больных и раненых воинов, в котором перебывало на излечении 50 человек. Больные содержались за счет обители. Благодаря хорошему уходу и лечению, все выздоровели.

Время принятия настоятельства о. Иннокентия совпало с последними годами жизни его старца-руководителя иеросхимонаха Макария, слава которого постепенно переходила к достойному ученику его. Братия удивлялась мудрому управлению о. Иннокентия, посторонние славили его за любовь, приветливость, милосердие, прозорливость и исцеления. Монах Г., много лет бывший под мудрым начальством о. Иннокентия, говорил про своего незабвенного авву: "Отец Иннокентий свои подвиги скрывал. Это был великий старец, выше всех других, хотя его считали за обыкновенного". Принесут ему молоко, только попробует, пищу часто брали назад нетронутой. В трапезе тоже вкушал очень мало, только показывал вид, что ел.

Утром отец Иннокентий долго молился. Молитва составляла для него действительную необходимость. Скорее забывал о пище, чем о молитве, ибо насколько душа выше тела, настолько и пища души им ставилась выше телесной пищи. Велика была забота духовного отца и пастыря о великом семействе Глинского братства, которое надобно было не только пропитать, но еще держать в мире, любви, богоугождении, по возможности всех представить Богу достойными Его милосердия на Страшном суде. Приходилось мирить ссорящихся, покорять непокорных, поддерживать слабых и изнемогающих, возбуждать к ревности охладевших, распоряжаться во всех отраслях большого хозяйства... Все желалось совершить по воле Божией. Приходилось от посторонних выслушивать раздирающие душу скорби, несчастия, несправедливости; всем хотелось дать добрый совет, помочь и проч... Почерпнув в теплой молитве силу и крепость к перенесению всего находящего, отец Иннокентий выходил как бы на брань, вооруженный и на все готовый.

Вот входит молодая барыня, хочет что-то сказать — не может: слишком взволнована; целует благословлявшую руку о. Иннокентия и, тронутая его ласкою, с истерическим рыданием падает на диван. От мужа и родных она давно не видала такой ласки!.. Прошла минута, слезы облегчили горе и дали возможность объяснить цель своего прихода. Молодой муж днем на службе, вечер и ночь в клубе за картами, дома сварливая свекровь. Молодая жизнь, полная сил и здоровья, проходит напрасно. Выходя замуж, она ожидала деятельности, жизни, свободы; но, обманутая ожиданием, приходит в отчаяние, не знает, что делать... Отец Иннокентий советует все переносить терпеливо, молиться Матери Божией с упованием,

что все изменится к лучшему. Хорошо зная, что праздное время есть первый пособник скуки и уныния, батюшка, умудренный опытом иноческой жизни, велит употреблять свободные часы на чтение духовно-нравственных книг, на прогулки с целью помочь бедным и т.д. Получив в благословение икону и книгу, барыня уходит вполне успокоенная. На место ее является простая старушка. Как увидала батюшку, сейчас и повалилась ему в ноги. "Встань, бабушка: кланяться в ноги надо Богу, а не мне грешному". Старушка встает, отец Иннокентий ее благословляет. "Садись да скажи, какое у тебя горе". — "Три было сына, одного в солдаты отдали, другой умер, а младший обижать стал: пьет, ругается... Больно мне, батюшка!"... И слезы ручьем покатились из потухших глаз бедной старушки. "Потерпи, матушка, все пройдет. Жени сына, невестку к себе возьми и заживешь припеваючи. Молись Богу, Господь все ко благу нашему делает. Сперва накажет нас, а потом и помилует". Старуха радостная пошла от батюшки и также в благословение от него получила иконочку Царицы Небесной. Входит мужичок, истово крестится на иконы и также кланяется в ноги. У него жена-работница при смерти, дети малые: как он без хозяйки в доме останется или как к детям другую возьмет. Горе невыносимое!..

Старец посоветовал отслужить молебен Матери Божией с припевом целителю Пантелеимону, взять от Глинской чудотворной иконы маслица. "Помажь больные места, и Царица Небесная воздвигнет с одра болезни жену твою. Не отчаивайся, надейся, будет здорова"... Крестьянин вышел от батюшки с надеждой в непреложность исполнения слов прозорливца. Приходили другие с верою и упованием, говорили старцу все наболевшее у них на сердце. При виде этих слез, этой раздирающей душу картины, что чувствовала добрая впечатлительная душа о. Иннокентия?!. Много надо было силы все перенести, все выслушать, не теряя присутствия духа! После таких приемов о. Иннокентий делал перерывы, — ему необходимо было самому успокоиться, чтобы быть готовым опять выслушивать всякое человеческое горе. Во время перерыва батюшка оставался один, молился о всех этих несчастных; он их любил, жалел, готов был им все отдать!.. В эти минуты сам утешающий искал утешения свыше — от Святого Духа Утешителя плачущих, скорбящих, болящих...

Управляя многочисленным и разнохарактерным братством, принимая множество посетителей всех званий, о. Иннокентий не мало имел поводов к огорчению. В первые годы своего управления о. Иннокентию приходилось немало бороться с пылкостью своего характера, ревновавшего о спасении подчиненных. Ревность эта брала перевес над любовью и снисхождением к немощам немощных братий, пока мало-помалу истинный дух Христов совершенно не возобладал им. Всякий порыв раздражительности и гнева о. Иннокентий научился подавлять молитвой. Как только есть повод к гневу, он начинал усиленно перебирать четки, творя усиленно молитву Иисусову и именем Победителя смерти и ада разрушал козни духа злобы. Когда гнев не унимался, отец Иннокентий молчал, иногда удалялся в свою спальню для молитвы, пока Господь не водворял в нем тишины и кротости. Иногда батюшка утомлялся приемом до полного изнеможения, язык его уже не мог говорить; тогда он прекращал прием. Но видя массу народа, жаждущего его благословения и наставления, через несколько минут опять начинал принимать. Однако

удовлетворить всех было невозможно, подвижник об этом не мало скорбел. Поэтому со всеми желавшими видеть или слышать его, принять благословение, он отправлялся в лес на прогулку и дорогой вел душеспасительную беседу. Все назидались, все были довольны. С некоторыми говорил отдельно. Насколько популярен был о. Иннокентий, достаточно сказать, что несколько саженей из храма до своей келлии он шел иногда полчаса и более, задерживаемый просящими благословения. С приездом о. Иннокентия в какой-либо ближайший уездный город, к дому, где он останавливался, съезжались экипажи, собирались многочисленные толпы народа, болящих, скорбящих, нуждающихся. Тут каждый получал требуемое: бедные — помощь, скорбящие — утешение, болящие — совет, а иногда и исцеление. Имя Иннокентия передавалось из уст в уста.

Ежедневно с утра до полуночи о. Иннокентий отдавал себя на служение ближним. Знаменского монастыря монахиня Валерия говорила: "Однажды я была у о. Иннокентия с матушкой Пелагеей. Народ осаждал двери коридорчика, в котором батюшка принимал посетителей. Крючок как-то соскочил, и в коридор втиснулось человек пятнадцать. Трогательная была картина! Все повалились на землю, все плакали, молились, говорили: "Забыл нас, батюшка, сколько мы стояли, стучали!.." При этом каждый говорил про свои скорби и нужды. Отец Иннокентий всех благословил: кому дал крестик, кому просфорку, иконочку; всех успокоил и просил еще немного подождать, пока матушек (т.е. нас) отпустит".

Вечером, отпустив от себя всех посетителей, о. Иннокентий иногда оставлял у себя кого-либо одного из братий, с кем намерен был продолжать беседу о молитве и кто по внутреннему своему устроению и усердию мог заняться непрестанным внутренним трезвением от посторонних помыслов: благодатная речь его лилась непрерывно, неудержимо; время незаметно переходило за полночь. Покойный батюшка говорил: "Надо молиться, без молитвы нельзя ничего начинать. О всяком деле прежде помолись и успех его предай Богу. Если бы я не предавался Богу, то что бы сделал? Если у нас нет в душе мира, истины и правоты, то наша молитва сомнительна и не получаем мы от Бога утешения. Ангел, видя душу достойную, подает ей утешение от Бога, а недостойную — лишает. Когда помолишься, и водворится в тебе душевный мир, то благодать Господня охраняет тебя от нарушения этого мира. Иной, возмущенный вражеским искушением, идет с желанием высказать свои неудовольствия, замечания или что иное не по Боге, но видя тебя с духом мира и кротости, превращается сам из волка в смирную овцу и все, что хотел высказать, выскажет в ином тоне или же совершенно умолчит. Молись до тех пор, пока не почувствуешь в себе особенной небесной отрады, имея которую ты способен все встретить, все вынести, все сделать". Видно было, что сам старец все это пережил, перечувствовал, говорит от опыта, с великим убеждением, которое неотразимо действует на слушателя.

Когда о. Иннокентий не вел вечерней беседы о молитве, то сам молился и бдел за спящих братий. Вратарь, приходящий в полночь просить благословения будить будильщика для пробуждения братий, всегда заставал о. Иннокентия одетым и бодрствующим. Окончив бдение за братий, которые должны были сразу встать на утреннее молитвенное

славословие, архимандрит Иннокентий отправлялся в лес и там в ночной тишине, на лоне природы, бдел за себя, подкрепляясь молитвой на дневной подвиг. Душа подвижника жаждала уединения, но не могла его нигде найти, кроме леса и только в ночное время.

Однажды келейник подумал: "Отец Иннокентий святой человек, а на утреню не ходит". Батюшка сейчас же отвечал ему: "Знаешь, почему не хожу я на утреню? Настоятель отвечает за всех, и вот мне, кроме всего, надо еще хотя умом побывать в келлии каждого, помолиться за каждого, оградить его крестом, иначе враг распудит Христово стадо".

Кроме слова духовной мудрости, о. Иннокентий широко пользовался данным ему от Бога даром прозрения или, как говорит Священное Писание, "проявлением духа на пользу" (1 Кор. 12, 7). Приведем здесь несколько таких случаев. Купчиха В. К-ова говорила нам: "Отец Иннокентий, увидев меня в первый раз, до мельчайшей подробности рассказал мою жизнь, — лучше, чем я сама смогла рассказать, и напоминал давно забытое, мне приходилось только соглашаться и подтверждать слова батюшки".

Пелагея Р-т немало скорбела, что имеет мужа-лютеранина. Однажды в 1873 г. она видит во сне: будто за веревочку тянет своего мужа в Глинскую пустынь. Сон этот ей показался замечательным, она рассказала его о. Иннокентию. Батюшка на это сказал: "Перед смертью ваш муж в Глинской пустыни примет православие. Ровно через двадцать лет предсказание о. Иннокентия исполнилось. Муж Пелагеи Р-т приехал в Глинскую пустынь, ходил в храм на все богослужения и слушал православное учение. Убедившись в истине его, присоединился к православию и через несколько лет скончался смертью праведника.

Дворянка Е. Б-ва хотела заставить своего мужа согласиться на одно предложение. Для этого она воспользовалась авторитетом о. Иннокентия: к одному из писем батюшки она в доказательство исполнения своего желания прибавила выписку из Священного Писания. Показывая ее мужу, она говорила, что записка эта вложена в письмо о. Иннокентия. Вместе с тем просила мужа согласиться на ее просьбу. Этого поступка она никому не открывала, но батюшка про него узнал. Прошло немало времени. Г-жа Б-ва приехала к батюшке. Она сказал ей: "Ты довольствуйся своим умом, а моим не распоряжайся". Виновная раскаялась и просила прощения.

Была осень. Заведующий дальним монастырским хутором монах N. просил у о. Иннокентия благословения смолотить рожь. Батюшка паче чаяния приказал хлеб сложить вместе и закрыть его до весны. N. уверял о. настоятеля, что до весны весь хлеб пропадет, его поедят крысы, и настойчиво доказывал необходимость молотьбы. Отец Иннокентий не спорил: "Хорошо, сказал он, хлеб разделите пополам. Мою часть оставьте, а свою молотите". Начали молотить: погода стояла переменная, сырая. Помолоченный хлеб ссыпали в закрома. Весной он перегорел и загорчил, так что его рады были продать за низкую цену для корма скоту, а часть о. Иннокентия смолотили и довольствовались ею целый год. Без этой части пришлось бы остаться без хлеба и покупать его по дорогой цене, так как на хлеб цены сильно поднялись.

Однажды о. Иннокентий был в г. Сумах. В толпе пришедших просить его благословения была гимназистка. "Подите сюда, — сказал ей батюшка, — пропустите ее". Она подошла. Он, благословляя, спрашивает: "На

экзамен готовитесь?" — "Да, батюшка, прошу помолиться о благополучии". — "Дайте книжечку". Она подает, он открывает и читает ей вслух, а затем говорит: "Это хорошо выучите, это у вас спросят на экзамене, вы получите пять". Цифру "пять" написал на лбу девочки. Все случилось в полнейшей точности. Об этом в то время много говорили в г. Сумах.

По дару прозрения многие обращались к о. Иннокентию. Кажется, ни один молодой человек, желающий жениться, ни одна невеста, имеющая жениха, не решались на брак без благословения Глинского настоятеля. И замечательно, что, кого он благословлял, те жили счастливо, кого не благословлял, те всегда каялись, что не послушали прозорливого старца. Так, одной госпоже о. Иннокентий советовал погодить годик до брака дочери, но мать не послушалась. Дочь ее умерла в страшных муках первой беременности.

Не напрасно отца Иннокентия называли "благоутробным, чадолюбивым, сострадательным, милосердным". Качества сии в нем выражались разнообразно. Милостыню батюшка выдавал не считая, явно и тайно, никто не уходил без помощи.

Однажды после обеда у о. Иннокентия была одна игуменья. В это время батюшка, как и всегда, раздавал бедным свою помощь. Кроме того келейник приходил несколько раз и тоже просил денег для раздачи. Отец Иннокентий давал серебро не считая. Видя такую щедрость, игуменья говорит: "Я думаю, что вы раздали рублей пятнадцать". — "Более, — отвечает ей о. Иннокентий, — роздано восемнадцать рублей". — "Можно ли так?" — "Нам их, матушка, Сам Бог посылает. В этом я убежден и опытом и словом Божиим". В это время подают пришедшую почту. Там было две повестки на 700 рублей. Отец Иннокентий, показывая их матушке, говорит: "Вот вам доказательство". Иногда о. Иннокентий нуждающимся давал большие суммы денег, но чтобы братия не осудила его в излишней щедрости, не велел никому сказывать и только близкие знали, и то не всегда, великую щедрость своего аввы. Когда негде было взять, о. Иннокентий отдавал нуждающимся свой подрясник, сапоги или рубашку.

По тому же состраданию к ближним он помогал больным. Преимущественно исцелял помазанием маслом из лампады от Глинской чудотворной иконы. Это знали почти все иноки Глинского братства, жившие при отце Иннокентии. Келейник батюшки монах Илиодор говорил: "Однажды к отцу Иннокентию пришли две женщины, одна из них была с девочкой на руках и объяснила, что дочь ее один год видела глазами, а два года совсем не открывает глаз, постоянно стонет, кивает головой, точно расслабленная, и потому она пришла просить помолиться о болящей. На это архимандрит сказал: "Я ничего не помогу, а вот только помажу глаза маслом от лампадки Царицы Небесной, а ты иди в скит и молись Богородице, потом приходи ко мне". Сказав это, отец Иннокентий благословил девочку, помазал ей глаза крестообразно маслом. В ту же минуту она перестала кивать головой. Батюшка сказал: "Вот уже и головой кивать перестала". После обеда женщины снова пришли, девочка была совершенно здорова, весело смотрела глазами и улыбалась. На благодарность матери исцелившейся девочки о. Иннокентий сказал: "Это дело милосердия Матери Божией".

Болящий иеродиакон Иоанникий, рассказывая про бывшие с ним исцеления по молитвам отца Иннокентия до и после смерти незабвенного покойного аввы, в заключение сказал нам: "При батюшке мы мало болели. Как только увидит, сейчас же узнает болезнь. "Э, брат, — обыкновенно говорил о. Иннокентий, — на, помажь или выпей, и пройдет". Даст или маслица, или травки. Болезнь действительно проходила". Выдаваемую траву материнку, мяту и другие отец Иннокентий называл "успокоительными травками". По молитве благодатного старца травки действительно оказывали благотворное действие на душу и тело. Головные боли о. Иннокентий исцелял прикосновением, или сжатием руками головы. Вышеупомянутая монахиня Валерия, между прочим, говорила про о. Иннокентия: "Однажды батюшка был на Покровском хуторе. Я с другой матушкой и Марьей Д-овной отправилась к нему. Во время чая батюшке докладывают об ожидающем народе. Отец Иннокентий достал из саквояжа баночку лекарства, дает мне и говорит: "Иди помажь". Я была в недоумении, народ верил батюшке, а не мне, но не желая ослушаться, пошла. Ко мне подходит одна женщина со страшной гнойной раной за ухом. Я не могла смотреть, вернулась и сказала о. Иннокентию: "Не могу исполнить вашего поручения". Батюшка пошел сам. Помазал за ухом, потом стал осматривать других и мазал больные места. У больных ногами о. Иннокентий своими руками разматывал онучи (пришедшие были обуты в лапти), ноги натирал мазью, снова помогал обуться и говорил: "Теперь иди с Богом". Такая любовь, такое внимание батюшки к страждущим беднякам кого не тронут?! Все были ему благодарны и уходили с молитвой на устах".

Но исцеляя других, сам о. Иннокентий не принимал никаких лекарств и при слабом телосложении почти всегда был болен. Но болезни переносил благодушно, с благодарностью Господу. Ибо в болезнях тела видел здравие души. Кроме того, за 8—10 лет до кончины подвижник взял на себя особый подвиг: никогда не отворять ставней своей спальни, и днем находился там с огнем. 21 июля 1888 г., после выноса в Глухов Глинской чудотворной иконы, он заболел предсмертною болезнью, страшно страдал, но никому не подавал вида. За месяц до смерти о. Иннокентий принял к себе одну благодетельницу М.Ф.П. Она вошла, остановилась, всплеснула руками и сказала: "Батюшка! Я к вам!"... Лицо ее как-то особенно изменилось. Потом госпожа П. говорила гостиннику приблизительно следующее: "Как только я вошла, увидела вокруг головы батюшки золотой венец, и лицо его было, как у ангела, я вся изменилась и трепетала от страха. Прощаясь, я хотела сказать о своем видении и только упомянула, что я видела, о. Иннокентий, улыбаясь, перебил меня словами: "Молись, и ты то же получить можешь".

17 сентября вечером в субботу, когда на бдении пели "Ныне отпущаеши раба твоего, Владыка", о. Иннокентий на 64-м году своей жизни тихо, блаженно скончался, напутствованный Таинствами елеосвящения, исповеди и причащения. Тело его в течение четырех дней не изменялось, не предавалось тлению, окоченелости и не издавало никакого запаха. Народ массами стекался к одру почившего, каждый спешил отдать ему последний долг уважения. Рыдания не прекращались и нарушали тихое чтение Святого Евангелия. 20 сентября, во время литургии, плач народа усилился.

В Бозе почивший настоятель Глинской пустыни архимандрит Иннокентий (Степанов) 1888 г. ЦГИА, ф. 835, оп. 4, д. 59, л. 8

При отпевании плакал первоприсутствующий архимандрит Иоасаф, плакал весь многочисленный сонм священнослужащих, никто не мог удержаться от слез. Это была последняя дань любви всех любящему отцу архимандриту. Погребенный телом, он жив бессмертной душой и многим являлся во сне, утешал скорбящих, исцелял болящих и давал наставления. Видевшие его действительно переставали скорбеть, болезни недугующих проходили, и исполнившие его советы имели в делах своих успех[4]. Об этом в обители записано много заявлений. Гроб о. Иннокентия находится в усыпальнице под теплым храмом Глинской пустыни. Почитатели его служат панихиды.

Примечания

[1] I Ин. 5, 19.

[2] Песнопения христианина. Киев, 1901. С. 108.

[3] Некролог о. Иннокентия помещен был в "Курских епархиальных ведомостях". 1888, № 40.

[4] Глинская пустынь. Одесса, 1904. С. 34.

Литература

Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906. 16 с., илл.; портр.

Архимандрит Иннокентий, настоятель Глинской пустыни. (Память 17 сентября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 207—217, портр. С. 206.

Некролог: [...настоятель о. архимандрит Иннокентий...] // Курские епархиальные ведомости. 1888. № 40 (часть неофиц.). С. 654—655.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 91. Из гл. XV "О настоятелях".

Архимандрит Иннокентий // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 33—34; С. 35 портр.; То же. Одесса, 1904. С. 29, 33—34; То же. Курск. 1912. С. 24, 27, 28, 58, 67.

Марк (Лозинский), игумен, проф. МДА. Отечник проповедника. (Практическое пособие для студентов: 1221 пример из Пролога и Патериков). Загорск (ныне Сергиев Посад. — *Примеч. издат.*). Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 611. № 877. "Незадолго до смерти настоятеля Глинской пустыни одна из посетительниц видела на голове его золотой венец, а лицо его было, как у ангела".

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 149—150.

Игумен Филарет, настоятель и возобновитель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 401.

Спасо-Илиодоровский скит... С. 8, 22.

Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни старца иеросхимонаха Макария // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 16. С. 42, 55.

Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 4, 40, 55.

Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 334.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 13, 25.

Монах Евгений Глинский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 78—79, 81.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 26. С. 498; № 29. С. 519.

Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 111.

Схимонах Лука, подвижник Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 6, 10.

Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907. С. 1, 11, 23.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Одесса, 1907. С. 45—46.

Списки иерархов и настоятелей монастырей Русской Церкви / Сост. П. Строев. СПб., 1877. С. 649—650.

Адрес-календарь духовного ведомства. СПб., 1878. С. 54.

Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1884 г. Курск, 1883. С. 96.

Иеросхимонах Макарий прозорливый // Русский инок. 1912. № 7. С. 48.

Глинский подвижник монах Петр // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 191.

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса. 1902. С. 19, 39, 79, 83.

Глинский подвижник схимонах Архипп // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 345, 350.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собрал игумен Иассон М., 1906. С. 234, 235.

Старец схиархимандрит Илиодор // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. М., 1908. С. 409.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Одесса, 1904. С. 29, 33, 34; То же. Курск, 1912. С. 24, 27, 28, 58, 67.

Епархиальная хроника // Курские епархиальные ведомости. 1873. № 11. С. 483.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. [Библиографическая заметка] / А.Т. // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 7. С. 108.

Некролог благотворительницы обители дворянки девицы Веры Михайловны Л-вой // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 12. С. 240.

Архивные документы

По донесениям духовных консисторий сведения, кем были управляемы монастыри в 1863 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 145, д. 238.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3, д. 89.

О назначении иеромонаха Исаии настоятелем Глинской пустыни с возведением в сан игумена. 1888 г. [в связи с кончиной архимандрита Иннокентия. — *А.И.*] // ЦГИА, ф. 796, оп. 169, д. 185.

Портреты начальствующих и других лиц монашествующего духовенства. 1870—1905 гг. // ЦГИА, ф. 735, оп. 2, д. 59, л. 8. В Бозе почивший Глинской пустыни архимандрит Иннокентий. Хромолитография Е.И. Фесенко.

Письма митрополиту Сергию Ляпидевскому Ювеналия архимандрита по делам Курского епархиального управления // ЦГИА, ф. 696, оп. 205, д. 639, л. 16 об.

Глинский монастырь. Об устройстве принятого от него в казну имения. 1866 г. // ЦГИА, ф. 385, оп. 18, д. 207.

По предложению обер-прокурора Святейшего Синода об испрошении высочайшего соизволения на приобретение Глинской Богородицкой пустынью Курской епархии Сеймских казенных мельниц. 1869 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 150, д. 1479.

О разрешении принять от Глинской Богородицкой пустыни 4% непрерывно доходные билеты в уплату за купленные с торгов Сеймские казенные мельницы в Путивльском уезде Курской губернии. 1869 г. // ЦГИА, ф. 583, оп. 4, д. 277.

По вопросу, возбужденному настоятелем Глинской Богородицкой пустыни о том, какие документы следует получить названному монастырю по содержанию водяной мукомольной мельницы // ЦГИА, ф. 796, оп. 157, д. 1657.

Ювеналий (Половцев). Письма к Исаакию (Антимонову). 1862—1865 гг. // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 73, ед. хр. 16, л. 7.

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским Варваре и Серафиме // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 93.

Отчет о состоянии Курской епархии за 1877 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 738, л. 9 об.

Послужной список игумена Иннокентия

Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни настоятель игумен Иннокентий, 62-х лет, обучался в уездном училище, из дворян Старооскольского уезда.

До производства во священнослужители проходил разные общежительные послушания в Глинской пустыни с 1845 г. В монашество пострижен — 1854 г., августа 7-го дня в Глинской пустыни игуменом Евстратием. Рукоположен во иеродиакона — 1855 г., 10 июня. Рукоположен во иеромонаха — 1856 г., сент. 23-го.

За честное поведение и усердное служение обители награжден набедренником — 1861 г., сент. 30-го. По определению епархиального начальства исправлял должность настоятеля сей пустыни с мая по август 1862 г.

По указу Святейшего Синода определен настоятелем сей пустыни и посвящен во игумена преосвященнейшим Сергием, епископом Курским и Белоградским, — 1862 г., августа 2-го.

За попечение и труды по возобновлению соборного храма в Глинской пустыни объявлена признательность епархиального начальства со внесением в послужной его список — 1864 г., октября 3-го.

Высочайше награжден золотым наперсным крестом от Святейшего Синода, выданным — 1869 г., мая 10-го.

По указу Святейшего Синода награжден палицей — 1873 г., апреля 22-го.

Награжден за особенное участие в уходе за ранеными и больными воинами при монастырской больнице от главного управления знаком Красного Креста — 1880 г., января 25-го.

Всемилостивейше сопричислен за усердную службу к ордену Св. Анны III степени — 1882 г., марта 27-го (Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89).

(31 мая 1887 г. по указу Святейшего Синода награжден саном архимандрита (Глинская Рождество-Богородицкая пустынь. — М., 1891. С. 92). — *А.И.*)

НЕКРОЛОГ

Цит по:
Курские епархиальные ведомости.
1888. № 40 (часть неофиц.).
С. 654—655.

17-го числа сентября, в 9 часов пополудни, в субботу, в Глинской пустыни Путивльского уезда после продолжительной и тяжкой болезни скончался ее настоятель о. архимандрит Иннокентий. Он происходил из потомственных дворян Степановых.

Покойный о. архимандрит отличался необыкновенно кротким характером и истинно христианским доброжелательством ко всем и к каждому, и к знатным людям, и к простым бедным поселянам. Каждый обращавшийся к нему за советом и благословением всегда выходил от него утешенным, обласканным, ободренным, подкрепленным, — подавляемый ли душевными страданиями, или удручаемый семейными скорбями, или предпринимавший какие-либо житейские добрые дела. На его погребение прибыло в пустынь множество народа из Глухова, Рыльска, Путивля, Белополья, Сум и других дальних и близких мест, а многие, не знавшие о времени его погребения, ехали уже на другой и третий день после погребения, которое было 20-го сентября. Погребение отправлял Путивльский архимандрит Иоасаф со многими иеромонахами и священниками, приехавшими из разных сел. Пели монахи, — их было много на обоих клиросах, и пели они так хорошо, что многим не придется, быть может, слышать в другой раз такого пения никогда.

Вся обширная соборная церковь и хоры в ней были наполнены молящимися помещиками, купцами и другими знатными лицами, не говоря уже о простом народе, которого было множество. Любовь к нему

народа с особенной силой выразилась во время его погребения. Во все время его погребения все звания, полы и возрасты, находившиеся во храме, не исключая и священнослужителей, до того сильно рыдали, что как будто потеряли что-то самое заветное, дорогое; с такими рыданиями лили слезы непрестанно, с какими только провожают в могилу дети своих любимых родителей, оставаясь после их смерти без всяких средств к жизни и без надежды на лучшее будущее. Как дорог и на земле святой человек для людей! Упокой Господи душу раба Твоего о. архимандрита Иннокентия в горних селениях праведников.

Священник А. Силин

АРХИМАНДРИТ АНТОНИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ НАМЕСТНИК ВИЛЕНСКОГО СВЯТО-ДУХОВА МОНАСТЫРЯ (†1862)

Глинский подвижник архимандрит Антоний был назначен сначала экономом архиерейского дома Литовской епархии. Затем, с 1845 г. по день смерти в 1862 г., он был наместником Виленского Свято-Духова монастыря. В трудное время перехода епархиального управления и семинарии из Жировиц в Вильну отец Антоний являлся ближайшим помощником и "исполнителем хозяйственных распоряжений известного воссоединителя униатов с православием митрополита Иосифа (Семашко)"[1].

Примечания

1 Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Ч. 1. Курск, 1912. С. 42.

Литература

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Ч. 1. Одесса, 1904. С. 48; То же. Курск, 1912. Ч. 1. С. 42.

Виленский Свято-Духов монастырь / Составил Флегонт Смирнов. Вильна, 1888. С. 314, 339.

ПОСЛУШНИК ПРОХОР ЮРОДИВЫЙ (†1863)

(Память 24 мая ст. ст. / 6 июня нов. ст.)

Цит. по:
Глинский послушник Прохор юродивый // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Ч. I. Кн. 1. М., 1912. С. 824—825.

Прохор 19-ти лет поступил в Глинскую пустынь в 1848 году и подвизался на кухне под руководством приснопамятного старца Феодота, которому старался во всем подражать. За особый образ жизни Прохора называли блаженным, юродивым, безумным и прельщенным. Он все благоразумно терпел ради Господа.

Желая сораспяться Христу, этот юный подвижник часто сам на себя вызывал различные скорби и беды. Под видом юродства он говорил горькую правду; помня слова святых апостолов, что повиноваться подобает Богу паче, нежели человеку (Деян. 5, 29), он исполнял только угодное воле Божией, а как многие творят добро и исполняют предписания закона по разным побуждениям, но немногие ищут во всем благой воли Отца Небесного, то Прохору приходилось терпеть немало неприятностей и гонений. Однако и этим он не довольствовался. Распаляемый ревностью взять еще больший крест и следовать по пути Божественного Крестоносца, Прохор искал мучений. Кажется, с этой целью в 1852 году он оставил обитель, ходил без вида по разным городам и на вопрос властей, кто он и откуда, молчал. Не раз его преследовали и подвергали различным пыткам. После многих бедственных странствий подвижник возвратился в Глинскую пустынь. Его назначили опять на кухню, а спустя год перевели на пекарню. Тут он сошелся с послушником Афанасием (впоследствии старец Архипп[1]) и вместе с ним делил трудную мироотреченную подвижническую жизнь.

Потом за юродство Прохора часто переводили с послушания на послушание.

За год до смерти, во внимание к долговременной жизни в обители, Прохору дали ряску.

В 1863 году, имея от роду 34 года, отец Прохор заболел чахоткой, часто исповедовался и причащался. Смерть последовала 24 мая того же года от попавшей в горло кости. Так исполнилось его желание — умереть мученической кончиной[2].

Примечания

[1] Отец Архипп Прохора называл своим учеником и желал, чтобы жизнь Прохора была описана. К сожалению, мы немногое узнали о нем.

[2] Из Глинских записок.

Литература

Глинский послушник Прохор юродивый // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 2. М., 1912. С. 824—825.

ИЕРОСХИМОНАХ МАКАРИЙ (†1864)

(Память 21 февраля ст. ст. / 6 марта нов. ст.)

Цит по кн.:
Краткое описание жизни и подвигов
старца Глинской пустыни
иеросхимонаха Макария.
2-е изд. Одесса,
1901.

Блажен, его же избрал еси, Господи, и
приял, вселится во дворех Твоих (Пс. 64, 5).
В память вечную будет праведник (Пс. 111, 6).
Хвалите Бога во святых Его (Пс. 150, 1).

I

Для людей благочестивых, интересующихся прошлым наших монастырей, представляют большой интерес описания жизни тех подвижников, которые были украшением святых обителей. Это вполне понятно и естественно, ибо чем же и привлекают к себе иноческие обители, как не святынями и подвижниками своими? Ради этого они воздвигаются, ради этого и посещаются благочестивыми христианами. И благодарение Господу, Глинская Богородицкая пустынь не оскудела святыней. Кроме многих частиц святых мощей, части ризы Господней и части ризы Пресвятой Богородицы, она имеет явленно-чудотворную икону Рождества Пресвятой Богородицы и нерукотворенный чудотворный образ Спасителя, от которых и поныне люди, с верой притекающие, получают обильно благодатные дары утешения, врачевания и т.п. Не оскудела Глинская пустынь и подвижниками веры и благочестия, каковыми были приснопамятные игумен Филарет, схиархимандрит Илиодор, архимандрит Иннокентий, монах Феодот и многие другие.

К числу этих светильников Глинской пустыни принадлежит и старец иеросхимонах Макарий, жизнеописание которого предлагается вниманию благочестивых читателей.

Приснопамятный старец скончался в 1864 году, но память о нем живет доныне и, благодаря происходящим от могилы его исцелениям, постепенно распространяется: *в память вечную будет праведник.*

Многие из сподвижников преподобного сошли за ним в могилу и унесли с собою память о многих важных делах и тайнах жизни его. Многие и из живущих ныне в обители иноков знали лично старца, но по своему смирению, и отчасти храня смирение подвижника, хранят свои о нем воспоминания в глубине своего сердца. Некогда Глинский иеромонах Панкратий, пользовавшийся любовью старца, много слышавший из собственных уст его о прошедших днях подвижнической жизни и сам видевший много совершавшихся по молитвам старца действий благодати Божией, тайно вел о том подробную запись. Узнал о. Макарий и под страхом заклятия потребовал уничтожить записки; тот должен был исполнить волю смиренного старца. Поэтому нам, желающим хотя

Иеросхимонах Макарий
(Шаров)
(1801—1864)

отчасти показать тот свет, каким в свое время так ярко горел он на свещнике Глинской обители, пришлось пользоваться только личными воспоминаниями некоторых иноков и несколькими письмами самого старца и о старце[1]. На просьбу, помещенную в 1-м издании описания жизни отца Макария (Курск, 1893), некоторые из лично знавших подвижника прислали свои о нем воспоминания. С великой благодарностью к ним мы воспользовались их сообщениями при издании настоящего жизнеописания, к которому при помощи Божией приступаем.

II

Святопочивший старец иеросхимонах Макарий (в миру Матвей Терентьевич Шаров) происходил из богатой мещанской семьи г. Ефремова Тульской губернии. Матушка его отличалась особенным благочестием, всегда ходила с четками в руках и воспитывала детей своих в страхе Божием[2]. Следуя примеру своих родителей, Матвей Терентьевич был также набожным, смиренным, вел воздержанную жизнь: он не ел скоромного, читал духовные книги, удалялся от мирской суеты, усердно посещал храм Божий и часто молился Богу дома. Все это, хотя и кратко сказанное, довольно ясно обрисовывает жизнь подвижника до поступления его в Глинскую пустынь.

III

При столь ревностном направлении к богоугождению Матвей Терентьевич казался человеком не от мира сего. Нетрудно было видеть его предназначение для иной жизни, жизни уединенной, монашеской. Двадцати шести лет, в 1882 году, он окончательно решился оставить мир и поступить в Глинскую пустынь под руководство незабвенного аввы Филарета — мужа, известного святостью жизни и способного учеников своих благонадежно вести в Царствие Небесное по узкому пути смирения, терпения и послушания. Такое духовное окормление игумена Филарета прекрасно определил один из достойных учеников его, архимандрит Макарий (Глухарев)[3], впоследствии великий миссионер, по всей справедливости названный апостолом Алтая. В одном из своих писем про Глинскую пустынь он говорит так: "Это школа Христова; это одна из светлых точек на земном мире, в которую дабы войти, надлежит умалиться до Христова младенчества"[4]. Вот в этой-то великой школе благочестия и привел Бог Матвею Терентьевичу подвизаться для спасения своей души.

Первоначально его назначили трудиться на монастырской пасеке, куда часто приходил отец настоятель, присматривался ко вновь поступившему и отечески учил его монашеской жизни. Много мудрости и духовного опыта заключалось в наставлениях богомудрого аввы. Окрыленный утешениями и молитвами святого старца, брат Матвей усугублял усердие к прохождению своего послушания и угождения Богу.

В 1830 году послушника Матвея перевели на братскую кухню, но там недолго он пробыл. Встретилась надобность в ключнике[5]. На другой год его, как вполне благонадежного, назначили на эту хлопотливую и ответственную должность, в которой он пробыл более шести лет до возведения в сан иеродиакона.

Заметив в нем большую наклонность к монашеской жизни и способность к выполнению ее, а также видя его усердие в послушании, отец Филарет 16 декабря 1833 года постриг Матвея в монашество с именем Макарий. Будучи еще послушником, он бдительно надзирал за состоянием своей души; сделавшись же монахом, отец Макарий еще более начал упражняться в этом. Усвоив себе матерь дарований — смирение, он поставил его во главе прочих добродетелей. Смирение выражалось в словах и делах его, в одежде и в каждом движении; словом, в короткое время он стал образцом смирения, ради которого, по слову святых, волны благодати в душах поднимаются, чистота сердечная возсиявает; бывает обильное излияние слез, ключом бьет сокрушение; в смирении — мудрость, разум, благоговение, воздержание, безгневие и всякое другое добро и есть, и видится, и славится[6].

Непрестанно стоя на страже своего сердца, о. Макарий оружием духовного делания заграждал вход в него страстям. Старец Филарет, радовавшийся о своем чаде радостью великой, наставлял его как должен истинный воин Христов вести себя в невидимой брани со врагами спасения. Внимательный ученик мудрого наставника быстро совершенствовался в добродетелях и наконец достиг того, что авва признал его достойным степени священства. 23 октября 1837 года монах Макарий посвящен был во иеродиакона. Приняв сей сан не по собственной воле, но по желанию своего настоятеля и руководителя, о. Макарий с особенной ревностью старался очистить свое сердце от всего земного и Богу неугодного, дабы быть достойным носителем благодати, принятой им при рукоположении. Служение иеродиакона Макария всегда отличалось особенным благоговением, заметным даже для других, несмотря на все старание его скрыть это от посторонних взоров, — отличалось чувством страха и трепета пред величием Вседержителя, страшному престолу Коего он предстоял!..

На следующий год отца Макария назначили помощником ризничего. В этой должности он состоял шесть лет, продолжая восходить от силы в силу духовного совершенства.

В 1839 году о. Макарий по достоинству возведен был в сан иеромонаха и еще более стал внимательным к себе. Сознавая всю важность принятых на себя обязанностей, он как бы отрешился от сего земного и мысленно стремился к небу. Хорошо ему было под отеческим кровом мудрого пастыря о. Филарета; в нем он всегда находил разрешение своих недоумений, прозорливый совет и благовременно необходимое указание. Но 31 марта 1841 года обитель Глинская лишилась своего настоятеля, а иеромонах Макарий своего поистине земного ангела-хранителя. Однако посеянное преставившимся старцем семя, орошаемое силой его небесных молитв и подкрепляемое ревностью о спасении самого ученика, не только не заглохло, но и принесло впоследствии сторичный плод.

IV

В Священном Писании и творениях святых подвижников приобретая глубокое познание высоких истин христианского аскетизма, о. Макарий стремился воплотить его в жизни своей и сделаться носителем добродетелей, указанных во Святом Евангелии Подвигоположником

нашим Иисусом Христом. Но без побеждения плоти, воюющей на дух, нам невозможно достигнуть бесстрастия. Посему, зная сказанное: "иже не приимет креста своего и во след Мене грядет, несть Мене достоин" (Мф. 10, 38), "Иже Христовы суть, — плоть роспяша со страстьми и похотьми" (Гал. 5, 24), он по силе возможности желал распять самого себя постом, поклонами и бдением. Неизвестно, в чем состояло его воздержание, однако судить о великости последнего заставлял наружный вид старца. Из себя о. Макарий представлял кости, обтянутые кожей, и более походил на мертвеца, чем на живого.

Св. Симеон Новый Богослов говорит: "Господь и Бог наш не того ублажает, кто только учит, но того, кто прежде творит, а потом учит. Иже, — говорит Он, — сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном (Мф. 5, 19). Потому что те, которые слушают такого учителя, бывают готовы подражать ему, не столько получая пользы от слов его, сколько будучи подвигаемы и понуждаемы делами его, действовать подобно ему"[7]. Зная подвиги о. Макария и его наружный вид, показывающий в нем великого воздержника, нужно ли говорить, что один вид его поучал более всякого слова? Одна встреча с ним сильно трогала и побуждала к благочестию, возводя ум и сердце от земли к небу; от временного к вечному. Монахиня N., вспоминая почившего старца, пишет: "Отец Макарий был очень изнурен, без слез нельзя смотреть на него, я смотрела на него, как на мощи. Желая дать мне чулки, он стал их снимать с ног, и я увидела, что колени у него были потерты (от поклонов) "до крайности". Конечно, нелегко досталось подвижнику это самораспятие, много требовалось с его стороны борьбы и самопонуждения до болезненности[8], но только таким усиленным умерщвлением своего тела и непрестанной молитвой он мог уподобиться ангелам и получить от Бога благодатные дары прозрения, целения и власть над нечистыми духами, ибо сей род, по слову Спасителя, исходит токмо молитвою и постом. Обессиленный болезнью, подвижник, лежа на ковре, не выпускал из рук Псалтири, а когда наступала ночь, вставал на молитву и, поддерживаемый под мышки двумя костылями, читал Святое Евангелие и беседовал с Богом так долго, что нельзя было не удивляться, как это он, при болезненном состоянии своем, мог так долго пребывать в молитвенном бдении. Но сила Божия в немощи совершается, если сам человек любовью к Богу и надеждой будущих благ старается без самосожаления ревновать о богоугождении, покоряя духу свою немощную плоть. Говорят, о. Макарий ежедневно клал несколько сот земных поклонов. Кроме того, вычитывал не менее 2 глав Евангелия, нескольких глав апостольских посланий и 3-х кафизм. Это его келейное правило, которое он обязан был выполнять помимо церковных служб[9]. По прочтении Евангелия каждого Евангелиста о. Макарий читал особую молитву. "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, — взывал старец, — прости меня грешного, нечистыми устами словеса Святого Евангелия Твоего изрекшего: глаголю и не исполняю Твоих повелений. Ты, Владыко, пришел еси оживотворити умерщвленные грехми, просвети Евангелием Твоим ум, сердце и укрепи душевный мой храм, да не вотще учуся и возвещаю словеса Твои. Господи, Господи! Мудрости истинной Наставниче и смысла Подателю, душу мою объемь верою в словеса Тобою реченные и умягчи ю, да излиется пред Тобою, и аз буду в Тебе и Ты во мне, Благодетелю мой, да никогда же удаляюсь от

любви Твоей. Ты мое пристанище, Ты тишина моя и спокойствие сердцу моему. Пробави милость Твою ведующим Тя, Тобою бо живем, движимся и есмы и Тебе славу воссылаем ныне и присно и во веки веков".

После долгого молитвенного подвига о. Макарий на короткое время упокоивал немощную плоть свою в кресле, которое семнадцать лет служило ему одром.

Такие подвиги, совершаемые с чувством благоговения и сокрушения, снискали дерзновение подвижнику ко Господу. Молитве старца Бог внимал.

Госпожа N., принадлежащая к высшему кругу и воспитанная в религиозных началах, ежегодно до и после замужества своего, посещая Глинскую пустынь, с верой приходила к старцу Божию. Однажды, приехав в обитель, она просила у о. Макария молитв о разрешении неплодия. Через год родился у нее сын, и когда она приехала благодарить старца, последний смиренно называл себя величайшим грешником, говоря, что молитвы его в этом случае бессильны, но если она получила желаемое, то это по силе своей веры и упования на Бога.

Священноинок А. говорил: "В Глинскую пустынь пришел я из Малоярославецкого Николаевского монастыря. Покойный настоятель, о. архимандрит Иннокентий, ввиду некоторых особых соображений, не имел обыкновения принимать в свой монастырь братию из других обителей. На мою просьбу о принятии о. архимандрит также ответил отказом, хотя и не стеснял меня сроком пребывания в монастырской гостинице. Три месяца прожил я здесь, не имея сил расстаться с обителью, которую искренне полюбил. Наконец, решился идти за советом к о. Макарию. Приснопамятный старец был уже болен и лежал на одре; пришел я к нему, поклонился в ноги и стал объяснять ему свою скорбь о том, что желание подвизаться здесь не может исполниться потому, что о. настоятель не благоволит принять меня. "Иди и просись, и приимет тебя", — сказал батюшка. Я так и сделал; и что же? Отец Иннокентий, сверх всякого ожидания, на этот раз сделал отступление от своего давно принятого правила: он принял меня, конечно, по молитвам о. Макария. В ближайшем к Глинской пустыни с. Сваркове Глуховского уезда жил честный непьющий труженик Данило, у которого попущением Божиим восемнадцать раз горело имущество; иногда в один год у него было 3—4 пожара: то сарай загорится, то плетень, то солома. Но всякий раз пожар скоро гасили без особенно больших убытков для хозяина. Последние разы односельчане даже не шли и пожар тушить. "У Данилы горит, не сгорит", — говорили они. Однажды Данило одел одну ногу в лапоть и поставил ее на пол, под ногой загорелась солома. Пошел он к отцу Макарию и стал жаловаться на свою беду. Старец прочитал над ним какую-то молитву и сказал: "Теперь гореть не будешь", и слово молитвенника исполнилось: более Данило не горел.

Это не единственные случаи. Все с верой следовавшие советам подвижника получали не только душевную пользу, но и благопоспешение в житейских делах.

Заглянем в келлию старца. Она состояла из одной малой комнаты. Стекла в ней были заклеены бумагой, чтобы не развлекаться взором. Но почитателям и особенно любопытным почитательницам и ученицам подвижника желательно было взглянуть на смиренное жилище уважаемого

наставника. Некоторым из них он сам показывал свою келлию, раскрывая ее двери. Вот как описывает келлию о. Макария почтенная монахиня Ф., ученица о. Макария: "В келлии была одна икона Страстной Божией Матери, распятие, несколько книг, стол, стул, простая деревянная скамейка[10], на ней лежал старый зипун, а на столе одно яблоко". Никаких украшений келлии старец не терпел.

Л.М. П-ов, первый раз войдя в келлию подвижника, поражен был полумраком. Осмотревшись, увидел, что окна заклеены бумагой, и невольно воскликнул: "Какая тут жизнь?!." Отец Макарий сказал ему на это: "Бывают большие страдания, но бывают и такие утешения, каких мир не знает".

Из этого описания смиренного жилища мы видим полную нестяжательность старца. Если бы захотел, он мог бы обогатиться деньгами и разными предметами неги и роскоши. Люди состоятельные, благодарные старцу за его добрые советы и исцеления, готовы были для подвижника сделать многое, но он все отклонял, желая остаться в боголюбезной нищете. Правда, иногда, уступая просьбам посетителей, о. Макарий принимал некоторые приношения, но сейчас же пересылал их настоятелю на обитель или раздавал другим посетителям. Из приносимого старец оставлял у себя только ладан и восковые свечи, которые и употреблял при совершении своих келейных молитвословий. Насколько он был вообще нестяжателен, можно видеть из того, что по смерти его найдена была только одна двадцатикопеечная монета в книге, положенная в виде закладки и так забытая.

Из своей келлии отец Макарий любил совершать прогулки в лес. Возьмет какую-либо духовную книгу, пойдет в лес, в уединенном месте сядет и читает или питает душу свою богомыслием и молитвой. Для молитвы он опускался на колени, и чистая душа его возносилась к Богу.

Однажды, по обыкновению своему, о. Макарий отправился на подобную уединенную прогулку; утомившись, сел около дороги и углубился в богомыслие до такой степени, что не слышал, как приблизился к нему ехавший крестьянин. В это время подвижник неожиданно встает. Испуганная лошадь крестьянина бросается в сторону. "Прости меня, брат", — смиренно кланяясь, говорил о. Макарий. "Если бы это был кто-либо другой... — отвечал с улыбкой мужичок, — но так как это о. Макарий, то следует замолчать". Этот сам по себе маловажный случай достаточно говорит о том, каким глубоким уважением пользовался подвижник не только в среде братства Глинской пустыни, но и за стенами ее.

V

Болезненное состояние и подвиги благочестия при полном самоумерщвлении по благодати спасающего Бога дали подвижнику прийти в бесстрастие и развить в себе сильную святую любовь к ближним. Своей любовью он готов был обнять весь мир и всех привести к Богу. Посему Сердцеведец-Господь и указал ему такое поприще, на котором за святое послушание удобно было применять эту любовь и служить спасению многих. Высокая жизнь старца была известна не только братиям Глинской пустыни и ее богомольцам, но и архипастырю. В 1844 году из Глинской

пустыни в возобновленную Святогорскую обитель выбыл иеромонах Анатолий, исполнявший должность благочинного. По воле преосвященного Илиодора, епископа Курского, на место Анатолия назначен был о. Макарий, несмотря на то что не особенно давно сей ревностный исполнитель заповедей Господних по болезни был зачислен за штат. Приняв на себя трудную должность благочинного монастыря, о. Макарий самоотверженно предался исполнению своего долга. Во дни его благочиния в обители царила примерная тишина: полагаясь на бдительность благочинного, настоятель был спокоен, знал, что ради святого послушания о. Макарий готов пожертвовать своим собственным спокойствием для общего блага, знал, что и братия обители, по уважению к о. Макарию, будет сохранять требуемое благочиние. Как же действовал о. благочинный? Он как бы разделял свою любовь на две равные части: одну часть ее отдавал настоятелю, исполнять приказания которого он считал священным долгом послушания, другую часть любви подвижник отдавал братии, среди которой находились такие, кои или по ложной стыдливости, или по самолюбию, самосожалению, иногда по упорству отказывались исполнить данное послушание или приказание. Как тут поступить? Конечно, когда не действует кроткое слово отеческого увещания, можно бы употребить настойчивость; но это будет не так спасительно для исполняющего, если же он повеленное исполнит с ропотом или осуждением, то и грех. Доложить настоятелю? Но чем все кончится? У настоятеля власть большая, он может уволить непокорного из обители, а там инок совсем расстроится, и погибла душа его!.. Не лучше ли потерпеть? И единственно ради Бога, любви и желания спасения ближних, много терпел о. Макарий, часто подвергая себя неприятностям. Иногда он сам старался исполнить послушание отсутствующих: так например, неоднократно по ночам он месил хлеб и исправлял другие тяжелые работы. Вот тут-то, более чем где-либо, приходилось подвижнику применить наставление апостола: "Должни есмы мы, сильнии, немощи немощных носити и не себе угождати. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к назиданию" (Рим. 15, 1—2). "Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов" (Гал. 6, 2). Тут-то пришлось доказать свою любовь к ближним, которая, по слову того же богоглаголивого учителя языков, долготерпит, милосердствует, не завидит, не превозносится, не гордится, не ищет своих сил, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине; которая вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит, николиже отпадает (1 Кор. 13, 4—7). Про о. Макария не обинуясь можно сказать то же, что было сказано про тезоименитого ему подвижника авву Макария Египетского: "Он всех покрывал любовью".

Но любвеобильное отношение о. Макария к братии состояло не в одном только снисхождении к виновным. Нет. Покрывая любовью недостатки, он глубоко скорбел о них, просил, умолял их исправиться, давая на это свои опытные советы и молился о них. Его учение, исходящее из сердца, пламеневшего любовью к Богу и ближним, по благодати свыше было так действенно, что те, к кому обращено было назидание, невольно преклонялись перед могучей силой слова его и преклоняли свой разум во святое послушание. А исправив таковых, о. Макарий был спокоен; он знал, что исправленные им более уже не

решатся сделать что-либо несоответствующее уставу обители, боясь этим огорчить его[11].

Требованиями послушания поставленный в необходимость соприкосновения с людьми светскими, он и с ними находил о чем беседовать и умел всем быть полезным. Начиная с обыкновенных вещей, о. Макарий незаметно умел направить разговор на тему о спасении души, и тогда-то оживленно и как бы вдохновенно начинал он, как из чистого источника, напоять слушателей словом спасения. Увлеченные обаятельной силой его слова, собеседники внимательно слушали подвижника, и многие через него познали науку истинно христианской жизни.

Заботясь о спасении других, о. Макарий не мог забывать о собственном спасении, умел охранять себя так, что общение с мирскими людьми нисколько не влияло на него. За отличное и благотворное свое служение в должности благочинного о. Макарий 7 июня 1846 года был награжден набедренником; но не внешние награды утешили его, а то бывало для него высшей наградой, когда душа грешная, под влиянием его убеждений и теплых, истинно отеческих поучений, более познавала своего Создателя и старалась угождать Ему.

VI

Много путей благочестия и погибели. Часто бывает, что иной противится одному и искренно согласен с другим; между тем у обоих намерение благоугодно Господу[12]. Жития святых представляют немало таких примеров. По Божию попущению, для усовершенствования искушаемых в братолюбии и самоотвержении, праведные мужи, одушевляемые любовью, смирением, безусловным послушанием воле Божией, бескорыстным служением благу ближних, при стечении обстоятельств и проявлении злобы и страстей людских, *яко плоть носящие*, охладевают один к другому, не выходя из своего незлобия и, как бы в огне очистительном, сгорая в обоюдной скорби и печали. Это один из высших крестных подвигов мужей высокой святости, недоступной плотскому суду и разумению человеческому. Нечто подобное было и с о. Макарием. Своей любовью он старался покрыть перед настоятелем немощи немощных братий и нередко за это сам подвергался неприятностям. Не мало приходилось ему терпеть скорбей от некоторых сподвижников за прием посетителей, особенно женского пола, а обязанности благочинного и старца много отвлекали его от богомыслия. И вот о. Макарий решился отказаться от благочиния и от приема посетителей, желая в келейном уединении работать единому Господу. В 1849 году, во внимание к болезненному состоянию отца Макария, по его просьбе уволили его от благочиния, а спустя два года, по болезни же, освободили от череды священнослужения. С сего времени участвовал только в соборных службах, продолжая "примером жизни своей и словом опытного назидания благотворно действовать на других"[13].

С увольнением от благочиния о. Макарий из своей келлии стал только выходить в храм Божий да для уединенных, и то редких, прогулок, во время которых его чаще обыкновенного видели на кладбище, где многое и о многом говорило его смиренной душе. Уединенное пребывание о. Макария в келлии называли затвором, хотя оно не было таковым в

полном значении этого слова. Впрочем, насколько возможно, сам подвижник старался укрыться от всего развлекающего внимание и свое уединение уподобить затвору. Для этого он ширмами огородил малое место в своей келлии и там стоял в непрестанной молитве и богомыслии. Некоторые такое уединение ставили подвижнику в вину, но праведник не подлежит правилам закона (Гал. 5, 23; 1 Тим. 1, 9)[14]. Господь законополагает согрешающим на пути (Пс. 24, 8; 1 Тим. 1, 10). Конечно, людям, привыкшим к внешней жизни, уединение о. Макария казалось бесполезным. Каждый судит по себе и, осуждая других, обличает неустройство своей души. Не привыкшим к уединению, молитве и трезвению ума, трудно предположить, что другие уединяются ради преуспеяния души своей, желая быть только с Богом и Ему единому угождать. Кто не считает время потерянным, когда оно потрачено на обычные разговоры в келлии, тот, конечно, думает, что и другие в келлии своей предаются пустословию или покою. Но каждого по плодам познать можно. Был такой случай. Сошлись вечером два инока для взаимной беседы. Между прочим разговор перешел на о. Макария. "Что он затворился, — говорил один, — в затворе хорошо спасаться, не видя соблазнов; вот если бы он жил так, как мы, видя соблазны и как будто не видя их, то это был бы великий подвиг". Сказавшему это следовало возвращаться мимо келлии о. Макария. Последний, открыв дверь, позвал его и говорит: "Прости меня, брат, прости грешного и немощного, не могущего подвизаться так, как подвизаетесь вы и от соблазнов мира уединившегося в келлию; прости меня, Бога ради". Пораженный не столько глубиной смирения, сколько словами, произнесенными им несколько минут тому назад и повторенными теперь перед ним старцем, судья чужих дел и намерений упал в ноги смиренному подвижнику и искренне просил у него прощения.

VII

По уединении отца Макария, многочисленные почитатели его лишились назидания; пробовали было приходить к его келлии, но получили отказ в приеме. Тогда некоторые из них просили настоятеля, дабы он за послушание приказал о. Макарию принимать приходящих и назидать их словом спасения. Но он не желал этого без согласия старца, который между тем, как хлебное зерно под прикрытием внешних покровов, незаметно более и более созревал духом, чтобы раскрыться и насытить собой голодных духовно. Когда кончилось это созревание, ему повелено было показать свой плод. Почтенный старец монах Исихий, от которого о. Макарий принимал различные услуги, передавал нам, что подвижник стал принимать посетителей[15], как лично слышал, по следующему случаю. "Лежу я, как теперь, утомленный и немощный, — говорил о. Макарий отцу настоятелю, — явился мне ангел Божий и сказал: "Принимай народ". Теперь я не могу противиться и должен исполнить волю Божию". После этого старец получил благословение от аввы на прием приходящих. Кроме того, было о. Макарию видение, по которому он без смущения стал принимать женский пол. "Я вас не принимал бы, — говорил подвижник монахине, — да мне было видение. Вижу, будто иду в церковь. По монастырю и около меня летает множество ласточек. Они

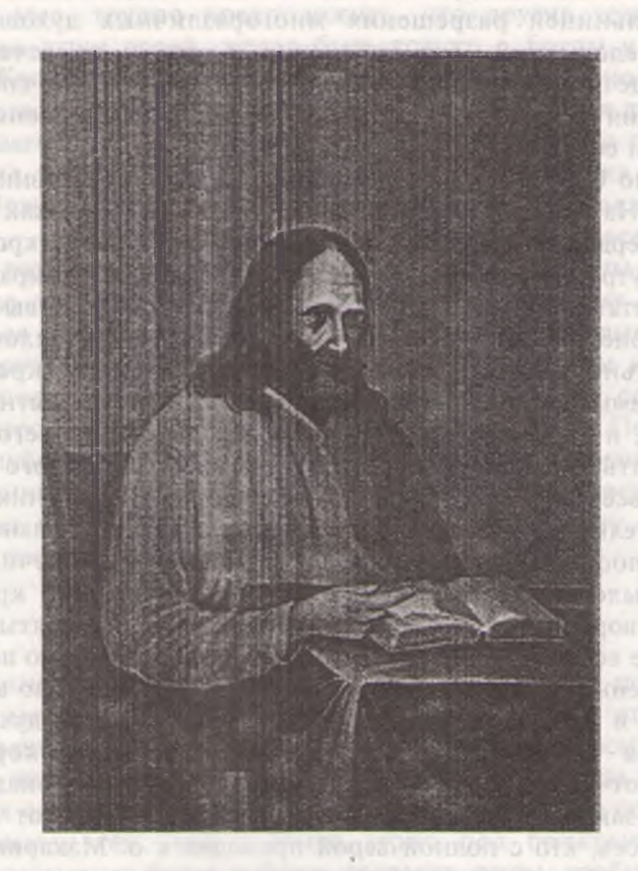
садятся и на руки, и на плечи мне; я их беру в руки и одуваю. После того будто возвращаюсь из церкви и на голове несу крест, а на крышах монашеских келлий грачи каркают на меня". Видение ласточек было понято о. Макарием в том смысле, что он не должен отказывать в приеме женщин, ищущих его совета; несение креста означало, что дело это — не легкий подвиг; а каркающие грачи означали тех братий, который роптали по поводу приема женщин.

Когда отверзлись двери тесной келлии о. Макария, все и всегда, и во всякое время могли идти к нему в твердой уверенности, что найдут здесь и опытный совет и благодатную помощь[16]. Келлия подвижника ежедневно была свидетельницей разрешения многоразличных духовных нужд, вопросов и недоумений. Тут ежедневно с утра и до вечера многие открывали сердечные помышления свои, проливали обильно спасительные слезы умиления и раскаяния, давали обеты к исправлению жизни, разрешали свои сомнения.

Изумительно было спокойствие старца в минуты наставнической его деятельности! На его светлом лице сияла чистая радость, как отражение чистоты его сердца; в его взоре проявлялась ангельская кротость, как выражение внутреннего мира. Он весь был любовь, как выразилась про него одна почитательница. С одинаковым терпением старец выслушивал и нелепое суеверие темного человека, и безверие ученого человека, и его безумное вольнодумство, и бессмысленную жалобу крестьянской женщины, и замысловатую пытливость барыни, и бесхитростный рассказ простолюдина, и хитросплетенную фразу мудрецов мира сего; ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного духовного спокойствия; все было им покорено глубочайшему смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духовного делания.

Не отличалось слово о. Макария блеском красноречия, но оно проникнуто было мудростью, свыше исходящей, согрето кротостью и любовью, растворено духовным рассуждением, которое святыми отцами признано выше всех добродетелей. Его смиренное слово было вместе с тем и слово действенное, заставляло повиноваться и веровать; оно восставляло безнадежного, и плотского человека мало-помалу делало духовным. Из келлии старца печальные выходили радующимися, скорбящие — утешенными, отчаявшиеся — с надеждой покаяния, самонадеянные — смиренными, закоренелые грешники — возбужденными от греховного оцепенения. Всех, кто с полной верой приходил к о. Макарию, истинно желая положить благое начало исправления и начать новую о Господе жизнь, он с искусством мудрого врача, читая прозорливым оком прошедшее, незаметно приводил к сознанию прежних дел, в которых теперь, по вступлении на путь спасения, следовало каяться, учил заглаждать их постом, молитвой и добрыми делами и не превозноситься этими подвигами богоугождения. Если же кто не сознавался, старец напоминал ему и давал должные спасительные наставления.

Люди, привыкшие к исполнению всех своих пожеланий, не обращая внимания, согласны или не согласны они с волей Божией, часто получали совет старца, противный их ожиданию, потому что последнее не было угодно Богу. Не рассуждая об этом, многие говорили: "Отец Макарий всегда скажет против твоего желания". Ибо во главе своих советов старец



Иеросхимонах Макарий Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. ЦГИА, ф. 835, оп. 4, д. 59, л. 15

всегда ставил смирение; из этой добродетели выводил он все прочие добродетели, составляющие характеристику истинного христианина. Поверять свою совесть, быть в постоянной борьбе со своими страстями, очищать душу от грехов, любить Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения, беспрестанно иметь перед собой Его беспредельное милосердие, всеми силами души своей хвалить и благодарить Его; во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Господа прощение своих грехов; стараться водворить в себе любовь к ближнему, хранить мир и спокойствие в своем семейном кругу, чистосердечно участвовать как в радостях, так и в скорбях своих ближних; чаще вспоминать и стараться исполнять заповеди Божии и постановления Святой Церкви, если возможно, несколько раз в году говеть и приобщаться Святых Таин, строго соблюдать посты, чаще бывать в церкви; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов, а ежели время позволяет, то читать Евангелие и послания апостольские; кроме того, утром и вечером молиться о упокоении усопших и о спасении живых, и во главе сей молитвы с благоговением молиться о государе императоре и о всем царствующем доме; если же какую-либо из сих обязанностей по каким-нибудь обстоятельствам не пришлось бы исполнить, то укорять себя в этом, намерением впредь сего не делать; молиться и за тех, к кому питаем какое-либо неудовольствие, так как это есть вернейшее средство к примирению о Христе; правду говорить в глаза; если случатся от этого неприятные последствия, то переносить их терпеливо, а за глаза никого не осуждать. Вот сущность уроков, которые преподавал о. Макарий многим, жаждавшим его назидания и поучения.

VIII

В частности, наставления богомудрого старца были весьма разнообразны. Здесь мы укажем несколько случаев отношения его к приходящим.

Пришла к отцу Макарию одна женщина и в присутствии посторонних громко раскаивалась в своих великих грехах, но о. Макарий, знающий, что кому полезно, как бы не обратил на это внимания, не принял женщину и ни слова не сказал ей. Пришла она в монастырскую гостиницу и, горько рыдая, говорила: "Великая грешница я, недостойна получить и благословения"... Монахиня N. посоветовала ей снова идти к о. Макарию. На этот раз женщина была принята старцем, утешена и возвратилась в гостиницу с великой радостью.

Две сестры жили вместе, и обе были больны. Много раз они приходили к о. Макарию; он не допускал их к себе. Сознавая себя недостойными, они просили батюшку помочь им через свою прислугу — мальчика, которого о. Макарий полюбил и больным госпожам посылал просфоры, святую воду, свой хлеб, угольки из кадила и проч. Сестры все это принимали с верой, в точности исполняли советы старца и не только исцелились телом, но, что самое главное, душой. Мудрый старец это провидел, а пусти их к себе, они могли бы кичиться, что он их принимает, и вряд ли получили бы такую себе пользу.

В конце девяностых годов прошлого столетия мимо одной келлии Глинской пустыни проходит пожилая, скромно, но прилично одетая женщина и набожно крестится. Это заинтересовало монаха Н., он решился спросить ее. "Перекрестилась я потому, что проходила мимо бывшей келлии о. Макария, которого хорошо знала и бывала у него. Он меня отучил от нарядов. Была я молода и в купеческом звании считала необходимым нарядиться получше. Приду в обитель, меня и позовет о. Макарий и велит вынести, да подальше, таз, переполненный грязной водой. Совестно мне было нести таз на народе и боязно помочить свое платье, но ослушаться батюшки я не думала. Принесу таз, а о. Макарий и говорит: "Тебе надобно скромнее одеваться, наряды ни к чему не ведут". Когда оденешься скромнее, батюшка таза носить не заставлял, так я и научилась у него скромности в одежде и теперь всегда помню его". Упоминаемый выше Л.М. П-ов рассказывал нам, что в конце пятидесятых годов прошлого столетия он во время великого поста пришел к о. Макарию просить благословения. Старец в приотворенную дверь высунул свою руку и благословил, не показывая лица. "Теперь в подражание Иисусу Христу, время поста, слез и молитвы, приходи после Пасхи, побеседуем". После Светлой недели я был в Глинской с одним товарищем и собрался с ним идти в скиток. Вдруг слышу: "Что ж ты, раб Божий, когда нельзя было, приходил, а теперь проходишь мимо?" Это говорил о. Макарий. Я подошел к нему. Он благословил и пригласил меня к себе. Отец Макарий заставил меня перекреститься три раза, сам низко мне поклонился, и я ему, потом подошел ко мне и, целуя в плечи, говорит: "Христос посреде нас" и научил меня по-монашески отвечать: "Есть и будет". После этого о. Макарий спросил: "В монахи хочешь?" — "Да, батюшка, благословите!" У тебя мать на попечении, благословит — иди. А в какой монастырь думаешь?" — "В штатный". — "В штатный? — удивленно спросил старец, потом подумал и сказал, — Поживешь там год, может быть, немного более, выйдешь из монастыря и женишься". Почему старец знал, что я желаю быть монахом и имею на попечении мать? Он меня вовсе не знал[17]. Поступил я в штатный монастырь, и слова о. Макария исполнились. Прожив год и 3 месяца, я оставил монастырь и поступил на место псаломщика, где женился, и вот женат уже 36-й год"[18].

Девица N., скорбевшая о смерти своей матери, в Ахтырском монастыре перед чудотворным образом Царицы Небесной дала обет поступить в монастырь; отец не пустил ее, а после прошло и желание быть монашкой. Но совесть не переставала ее мучить за неисполнение обета. Долго и усердно молилась она Богу. Молитва ее была услышана. Усердное моление и скорбное лицо девицы обратили внимание одной благочестивой особы, она подошла к ней в храме и с участием стала расспрашивать. Обрадованная этим, N. откровенно, ничего не скрывая, рассказала о причине своей печали. "Никто не разрешит этого, как только о. Макарий", — отвечала ей вопрошающая и предложила вместе с ней ехать в Глинскую пустынь. Отец Макарий решил так. "Если эта девица поедет в женский монастырь и у ней снова явится желание поступить туда, то, значит, воля Божия быть ей монахиней; если же не будет желания, то, значит, обет дан был необдуманно, в порыве постигшей скорби". Она поехала в монастырь, и у ней возгорелась такая ревность к монашеству, что она ни за что не

хотела вернуться к родителю, который ее насильно взял обратно, но она опять ушла в монастырь и теперь более 20 лет монахиней.

Раз пришли к о. Макарию две девицы: одну благословил выйти замуж, другую не благословил; но последняя не послушала старца, тоже вышла замуж и через два месяца овдовела[19].

На прощании с посетителями старец иногда давал мед, лимоны, кресты; некоторым деньги и каждому что-либо при этом предсказывал. Слова его в свое время исполнялись. Некоторым подвижник давал писанные или печатные от руки полууставом молитвы, чаще всего молитву преподобного Архиппа, и советовал их в известное время читать.

IX

По уважению к великому благочестию подвижника многие письменно просили у о. Макария руководства в духовной жизни, совета в недоразумениях и утешения в скорбях. Любвеобильный старец с готовностью отвечал на такие просьбы.

Вот несколько его ответов. Тот же Л.М. П-ов[20], при обращении на путь богоугодной жизни, сразу хотел стяжать великие добродетели, слезы и проч. Отец Макарий писал ему: "В мире живучи, не ищи великой меры и не печалься о неимении слез, довольно, если помощью и покровительством Божиим соблюдешься грехов падательных[21], а в повседневных — будешь приносить Господу Богу исповедание и молитвы. Пока не вступишь в монастырь, не доискивайся многого, соблюдай себя от возношения, осуждения, дурных, праздных и вредных сообществ, наипаче содружества и пристрастия женского. Целомудрие и смиренный нрав всего нужнее. Когда будут слезы — плачь, но не услаждайся ими и не мни о преуспеянии; теперь тебе не дастся великое, а только милосердный Господь, желая спасения грешника, посылает вдохновение и понуждение с подкреплением, чтобы востекал на путь покаяния и приучился к постоянству[22]. Вступлению в монастырь слабое здоровье не считай препятствием, и слабейшие тебя живут".

Монахине Н., увлеченной первыми подвигами ревности по Боге, старец дает мудрое наставление и предостережение: "Желаю тебе с помощью Царицы Небесной преуспевать во благое, не удаляясь от смиренномудрия. Письмо твое меня и порадовало, но вместе и озаботило напомнить тебе, чтобы ты не быстро смотрела на свои мнимые исправления (подвиги); помни, что Господь сказал Своим ученикам: *аще и вся повеленная вам сотворите, глаголите, яко раби неключимы есмы,* ибо вся наша правда и добродетели, если не растворит Господь Своим милосердием, обрящутся пред Ним аки рубище, в срамоте поверженное; посему нам необходимо всегда смирять себя, а не возноситься и идти по совету премудрого средним путем, не уклоняясь ни на десно, ни на шуие; всегда нужно умерять себя, чтоб не быть ни слишком горящей, ни охладевающей, ибо и то и другое не полезно; притом же старайся быть ко встречающимся оскорблениям сколько возможно снисходительной, дабы не зазорно могла произносить: *и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим.* Господь, убеждая нас к сему, сказал: *отпущайте и отпустится вам.*

На письмо о постигших скорбях в подвиге спасения старец писал: "Господь наш Иисус Христос и Пречистая Его Матерь Приснодевственная Мария да утешит вас печальных и скорбных, и укрепит изнемогающих! Вы уже уверены святым царем Давидом, что *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.* Истинно не уничижит Господь претерпевающих скорби. Он сладко защищает к Нему воздыхающих и сладко питает сирых. Господь знает все наши болезни и оскорбленное ваше сердце; Он смотрит отеческим оком на терпение, благоугодное пред Ним и, когда Ему угодно, предающуюся в волю Его душу освободит от всех болезней и скорбей! И тогда страждущее сердце возрадуется о милости Божией радостью неизреченной". Послушниц П. и Е. напоминанием о цели их поступления в монастырь старец хочет подвигнуть к большему усердию и потому пишет им: "Прошу помнить, зачем мы пришли в монастырь и на какой конец? Для спасения души нужно непременно: терпение, смирение, молчание, незлобие, безмолвие, молитва и пост, а наипаче послушание безропотное; будьте осторожны в словах, никого не осуждайте, а то как ржа железо поедает, так и осуждение все добродетели истребляет. Прошу вас, вооружайтесь обоюдоострым мечом — словом Божиим"[23].

Монахине, писавшей ему, что она худо живет и некому ее научить, о. Макарий отвечал: "Прежде всего и более всего молись усерднее Господу Богу, чтобы Он тебя вразумил и научил всему благому и полезному, имей всегда и ограждай себя страхом Божиим, ибо это начало всей премудрости; прилежи смирению и послушанию, не удаляйся от терпения, оно очень полезно. Сколько возможно убегай смеха и разных кощунств, всему время, *время всякой вещи под небесем.* Было время смеяться, но уже пришло время, в которое надо оплакивать прежде содеянное. В подтверждение сего и святой апостол Павел пишет: *егда бех младенец, тогда яко младенец глаголах, яко сладенец мудрствовах, и яко младенец смышлях; егдаже бех муж, тогда отвергох вся младенческая.* Вот так-то и ты поступай и не держи в памяти своей сего, что некому тебя научить, как жить и спасти душу свою. Если захочешь учиться, то всегда от всего будешь учиться, а если не захочешь внимать себе, то и никто тебя не научит, — *помни* всегда, *последняя твоя и во веки не согрешишь*[24], так некогда сказал премудрый".

Сетующей монахине, что у нее нет слез для оплакивания грехов, мудрый опытом старец пишет: "Жалеешь ты, что у тебя нет слез для оплакивания грехов; но не скорби о сем, ибо Господь отвергнул все добродетели фарисея, а принял мытарево одно воздыхание и две лепты вдовицы предпочел всем приношениям; посему несомненно надо верить, что если мы воздохнем только от чистого сердца ко Господу, то Он и сие приимет от нас паче источников слез, которые, может быть, текли бы у нас с примесью или тщеславия, или осуждения, или еще — всего хуже — гордости; поэтому советую тебе всегда во всем благодарить Господа и не желать излишне того, чего не имеем, потому что мы не знаем, послужит ли то нам в пользу. Нам необходимо внимать себе, стараться сколько возможно уклоняться от пороков и прилежать добродетели, на всяк день стремиться *положить начало благое*".

На вопрос о келейном рукоделии он отвечал: "О рукоделии я тебе ничего не могу сказать определенно, но советую поступать так, чтобы тебя

совесть не упрекала, ибо нам должно лучше любить Бога, нежели свои прихоти, посему и советую тебе поступать по своей совести". Желая предостеречь монахиню от тщеславия, что она с ним имеет переписку, он пишет: "А мне, смиренно тебя прошу, в другой раз не обещать своей усердной благодарности, да не приидет тебе помысел, что на твое письмо отвечает грешный Макарий благодарности ради. Прости, что я тебе о сем напомнил. Желаю тебе убегать злого и творить благо, да спасешься! Чего тебе и всем усердно желаю".

В скорби об участи умерших родителей старец письмом утешает. "Скорбь по земным родителям пользы им не приносит, упокоевайте их поминовением, панихидами и милостыней. Это уже есть надежда крепкая и помощь сильная. Истинный помощник и утешитель наш Всесильный Бог. Вы только к Нему Единому обращайтесь, и воздыхайте, и плачьте, и Господь, видя такое ваше на Него упование и преданность, будет вашим заступником и поможет вам во всем и я, немощный и слабый иеромонах Макарий, по силе своей, не забуду помянуть в своей холодной молитве вас и родителей ваших".

Должностному лицу о. Макарий писал: "Не тяготитесь делать добро бедным вдовам и сиротам, пока время для вас удобное и возможное. Не думайте, что это вам не принесет никакой пользы и награды. Нет, это будет самое прочное богатство для вашего спасения; оно, может быть, оправдает вас перед Богом во время великой нужды".

Вот увещание о. Макария о благоугождении Богу, писанное одной боголюбивой особе: "*Любящим Бога вся поспешествует во благое:* и самый злобный дух, озлобляющий разными способами весь человеческий род, хотя и невольно, но служит к увенчанию благодушно претерпевающих. А временное все, что бы ни было, как сон по пробуждении: только что помнится, но уже прошло, предстоит лишь настоящее. Так и по истечении всех дней нашей жизни, в минуту разлучения души от тела, сердца же от суетных помышлений и желаний, представится как какое пробуждение от сна. Тогда придем в познание самих себя, и дел наших и окончания дней наших, но уже поздно! Тогда ясно откроется глазам нашим и увидим, в какой суете и забвении о вечности провели мы всю жизнь нашу, какая неизъяснимая жалость будет о том, что не усердствовали вниманием слову Божию и не жили так, как научал нас через проповедь Священного Писания Господь наш Иисус Христос. Тогда увидим, что ласкательствующий сон мира сего уже кончился, и мы, усыпленные его прелестными видениями, уже проснулись; тогда увидим, чего никогда не видели столь явно, хотя иногда и слышали, как через сон, доходящее до нас апостольское слово: *что сеяй в плоть свою от плоти пожнет истление.* Тогда-то мы увидим, как все это истинно и как суетны были наши дела и помышления, которые не были о жизни будущей по смерти сей временной, но о том только, что угодно было нашему плотскому вожделению, что услаждало плотскую нашу чувственность, и как мы уже пожинаем невольно плод гибели и смрада, томления и муки, определенные праведным судом Божиим. Увы! Тогда уже поздно раскаяние: потеряли время, данное ко спасению, провели дни свои в празднословии и осуждениях о ближнем; охотно, назирая других пороки и немощи, не внимали нимало своему спасению. Сладки были разговоры

7-1374

даже и в церкви Божией о разных посторонних вещах, а о своем душеспасении не хотели помышлять и не старались предстоять в молитве со страхом Божиим, где святые ангелы невидимо предстоят славе Божией, и тут пустословили и смеялись безумно! О, бесстрашные! И обычно стало уже между многими ходить в Святую Церковь для взаимного свидания, а не для слушания, что поют или что читают, чтобы поучаться слову Божию и вести по оному жизнь свою: нет, не для того сердце идти сюда умышляло, когда оно об украшении тела пышными одеждами более всего заботилось, чтобы показаться перед знакомыми. Так мы стоим в бесстрашии перед Господом, взирающим на мысли каждого! Итак, почтеннейшая сестра о Господе, будем почаще говорить: "Всели в мя, Господи, корень благих и страх Твой в сердце мое!.." К вам пишу, пребывающим в благочестии, к вашему сердцу, всегда благоговеющему к слову Божию; пишу я к душе, любящей Бога, пусть она внимает истине, во всякой вещи славословить Господа. Кротость и смирение, терпение и любовь о Господе ко всем — вот путь к Царствию Небесному. А истина и путь есть Сам Христос Спаситель мира. Простите меня сердечно, если какое-нибудь слово, писанное мной, оскорбило вас; да воздаст вам Господь все благое и да сохранит вас от того, что есть злое. Буди вам мир на сердце и благоволение Божие во спасение, и мое буди вам благословение".

Девица N. искала душеспасительных советов у многих старцев. Отец Макарий через друга своего, Глинского подвижника схиархимандрита Илиодора, передал ей, чтобы она, "если хочет быть спокойной, избрала себе одного старца опытного, внимательного и его советов слушалась, а не многих, ибо там мало пользы, где учат многие и всякий советует по-своему"[25].

X

Отец Макарий, служивший всем к обновлению внутреннего человека, не мог забыть и ближних присных своих — сподвижников обители Глинской. Во всех обстоятельствах жизни, при всяком прилоге вражеском, многие из братий спешили к батюшке. Однажды приходит к нему иеромонах Моисей, надеясь в беседе с богомудрым старцем найти утешение своих скорбей; но о. Макарий, едва дыша от усталости после приема множества посетителей, просил прийти к нему на завтра. Выйдя из келлии подвижника, о. Моисей в великой скорби безмолвно возвел очи свои к небу, и его молитва была услышана. Наутро, только чуть дневной свет забрезжился, старец посылает за о. Моисеем. Когда тот пришел, о. Макарий, кланяясь, сказал ему: "Прости меня, отче и брате, грешного, что отказал тебе вчера; мимошедшую ночь много за сие пострадал". С тех пор подвижник безусловно предал себя на волю братии обители: они могли входить к нему во всякое время без всякого доклада, только по обычаю монастырскому, сотворив молитву Иисусову; они уже не опасались прийти не вовремя или побеспокоить старца. Его покой был душевный покой и добрая совесть его учеников. Как чадолюбивый отец, он обеспокоивался лишь одним — если долго не видел у себя кого-либо из относившихся к нему постоянно. Назидание искавших духовного руководства приснопамятного старца требовало с его стороны, очевидно,

многих трудов, и о. Макарий, покорно неся на раменах своих это нелегкое бремя, был мудрым и опытным вождем подвижников. Велики были его мудрость в назидании братии, его усердие и любовь к ним, его умение применяться к нуждам иноков. Не было инока, которому бы он не служил примером, не было минуты, в которую он не заботился о душевной пользе братии, не было случая, который бы он отпустил без назидания; не было заботы, которую бы он добровольно не принимал на себя ради блага братий. Он имел все качества, необходимые для духовного наставника и руководителя: и высшее призвание, и дары благодати. Иноки Глинской обители питали к нему глубокое уважение и приходили к нему без всякого сомнения, как к опытному врачу не только душевных, но и телесных немощей. Кто небрег о своей душе, того так или иначе отец Макарий старался привлечь ко спасению. Однажды он позвал к себе проходящего мимо послушника Михаила и просил его поставить самовар. Тот при всем нежелании не осмелился ослушаться старца и спешно стал исполнять данное послушание, а как только закипел самовар, хотел уйти. Отец Макарий говорит ему: "Не буду пить, если ты уйдешь. Будем пить вместе". За чаем подвижник стал спрашивать у Михаила, куда он шел, но получил уклончивый ответ. Прозорливец, не обличая его греховного намерения, стал увещевать жить по-монашески, и слово старца имело благотворное влияние на брата. Но прибегая к о. Макарию в частных случаях, немногие желали избрать его в постоянные руководители от Святого Евангелия при постриге, когда требования старца вменяются как заповедь. А эти требования строгого аскета были строги, и не всякий их мог понести, да и из желающих о. Макарий не всякого принимал, а только тех, кого видел по ревности богоугождения способными исполнять его правила. Сам прошедший многотрудный иноческий искус, о. Макарий и в учениках воспитывал терпение, смирение, послушание и страх Божий, стараясь устранить вредное в спасении самосожаление, при котором подвижнику нельзя взять креста своего и следовать за Христом по узкому пути самоотвержения. Зато, раз вверившись старцу, ученики благонадежны были, что о. Макарий поведет их верным путем к Царствию Небесному. Из числа учеников приснопамятного подвижника известны: архимандрит Иннокентий, иеросхимонах Илиодор, монах Петр, иеромонах Иосиф и другие. <...>

Относительно иеромонаха Иосифа и старца известен один случай, еще подтверждающий, что о. Макарий знал чужие помыслы. За множеством народа, приходящего к старцу, иногда трудно было пройти по монастырскому двору ко святым вратам. Однажды мимо народа надобно было идти о. Иосифу. Досадуя на народ, задерживающий движение, о. Иосиф подумал: "Ишь старичишка, какую массу народа собрал к себе, и охота же ему возиться с ними, а тут они тебе прохода не дают". После этого, проходя мимо старцевой келлии, он вдруг слышит стук в окно. Приходит к отцу Макарию и спрашивает: "Вы меня звали? — "Да, звал, — отвечает он, — скажи, Бога ради, что делать мне с народом? Видишь собралось их сколько, а я, окаянный старичишка, возись с ними, прохода не дают". Ученик понял, что старец познал его мысленный ропот и вот теперь призвал к себе, просить совета, что делать с народом. Пораженный этим, иеромонах просит прощения. Прощая, старец говорит: "Я, грешный, не от себя так поступаю, а за послушание Царице Небесной".

Если ученик, иеромонах, подвижник, обладающий опытом и благоразумием, иногда, по немощи человеческой, способен был к ропоту, то что сказать о других, не учениках старца, менее благоразумных и не так опытных? Когда многие восхваляли о. Макария, находились такие, кои по зависти к славе старца или соблазняясь приемом женского пола, в благих намерениях подвижника видели худое и клеветали на него настоятелю, стараясь во что бы то ни стало удалить о. Макария из монастыря. Дошло до того, что и сам он стал со скорбью помышлять: что, если и в самом деле попущено будет ему оставить любимую Глинскую пустынь? Через своего верного раба, известного Глинского старца, монаха Феодота[26], Господу было угодно утешить скорбящего. Пришел к нему отец Феодот и говорит: "Не бойся, старец, не выгонят, ты здесь умрешь". Престарелый Феодот и другой известный Глинский подвижник, схиархимандрит Илиодор, были духовными друзьями отца Макария. Все они взаимно назидали друг друга беседой и примером своей жизни. Под личиной юродства монах Феодот скрывал великую мудрость о Господе. Он обладал даром прозрения и многим иносказательно, но довольно ясно предсказывал грядущее, что в свое время исполнялось. Однажды о. Макарий, по должности благочинного, вышел во время утрени из храма и увидел над братской кухней столб света. Сейчас же он догадался о причине его, ибо знал, что в кухне отец Феодот ночи проводил в молитве и труде святого послушания, чистя за себя и других своих помощников картофель для варки пищи братии. Он поспешил в кухонный коридор и тихо приблизился к двери. Через щель, образовавшуюся от трения старой щеколды, благочинный начал присматриваться, что делает старец Феодот. Он стоял в это время на коленях перед иконой Спасителя с воздетыми вверх руками, и из уст его выходил пламень по направлению к иконе, освещая стены. Отец Макарий поражен был этим видением и тихо удалился, а потом с чувством благоговения рассказывал некоторым из братий[27]. Опасаясь, дабы о. Феодот не вознесся мыслей о своей праведности, о. Макарий умолял старца и даже запретил ему много открывать будущее. В свою очередь смиренный и младенчески незлобивый Феодот, заботящийся о спасении своего духовного собеседника, просил о. Макария, если можно, менее принимать мирских. "Имя твое везде славно, — говорил он, — а ты сам знаешь, как пагубна для монаха всякая слава".

Уступая настойчивой просьбе своих почитателей, о. Макарий позволил снять с себя фотографическую карточку. Старец Илиодор за это сделал ему строгое замечание. Сам он не снимался по глубокому смирению и ученикам своим сниматься не дозволял. По тому же смирению схиархимандрит Илиодор не надевал схимнических одежд; отец Макарий подражал ему в этом.

XI

После блаженной кончины игумена Филарета многие ученицы почившего аввы перешли под руководство о. Макария. Как о. Филарет, так и отец Макарий имели особое духовное общение с инокинями Борисовской женской пустыни (Курской епархии). Последние часто бывали у своих старцев и вели с ними переписку. "При случае, — говорила одна из монахинь, — к о. Макарию сразу присылалось до 70 писем, и на

все он не ленился отвечать". Приведем здесь сообщение престарелой монахини Агнии, которое ясно изображает отношение старца к ученицам. "Я, — пишет матушка Агния, — мирянкой была во многих обителях, многих старцев знала, но ни к кому так духовно я не расположилась, как к о. Макарию, которого сразу полюбила и сделалась его ученицей. Замечательно, что, видя его строгую жизнь, невольно многие, по силе своей, ему подражали. Познакомившись с батюшкой, я перестала есть мясное, потом сбросила цветную одежду и под конец пожелала поступить в монастырь".

"Мое знакомство с батюшкой состояло в скорби и терпении. При личном свидании он все ласкал да утешал, а молитвами своими снова под страшные скорби подводил, надеясь, что его же молитвами я их понесу". "Кого люблю, того и наказую", — нередко говорил батюшка, подражая священным словам апостола: "Его же любит Господь, наказует". Матушка Агния имела деньги, хорошую келлию, была любима игуменьей, от всех сестер имела почет, но это не было для души ее во спасение, ибо *многими скорьбми подобает нам внити в Царствие Божие*, и вот старец помолился и устроил так, чтобы она понесла эти спасительные скорби. Прежде всего старец хотел уменьшить почет ее со стороны сестер обители. Им она выписывала фольгу для украшения киотов к иконам и чай. Старец запретил вести торговлю и самой не велел работать, а чаще открывать Псалтирь.

"Это неважно, — подумала Агния, — родные помогают, я и так проживу". После этого о. Макарий писал ей: "Пошлется тебе злое, потерпи Бога ради". — "Что батюшка пишет? — снова думает Агния. — Игуменья меня любит, деньги у меня есть, одежда есть, келлия хорошая, родные меня любят, что буду терпеть?" Но как она не была способна перенести скорбей благодушно, то они и отлагались до времени. Она еще приехала к своему старцу и несколько раз была у него. Он постоянно твердил: "Поплачь, поплачь; о чем бы не плакать, лишь бы не радоваться". Она все не обращала на это внимания: "Ты деньги побереги, тебе нужно будет крышу покрыть". — "У меня, батюшка, крыша новая". Старец подает параман и говорит: "Надень и до смерти носи — это скорби терпеть до смерти". Прощаясь с о. Макарием, матушка Агния сказала о волнении в сердце. "Там какое-то бремя готовится", — ответил подвижник. И вот в скором времени по приезде в свой монастырь на Агнию действительно легло бремя скорбей. Положение ее изменилось. Предсказание старца исполнилось в точности. Целый год она терпела гонение. Деньги ее пропали за одним купцом, келлию обокрали, родные в недолгом времени один за другим умерли. Надежда на деньги и на родных оказалась тщетной, так же как и на любовь многих. Во время скорби о. Макарий частыми утешительными письмами поддерживал свою ученицу. Наконец, она сама к нему приехала. Он говорит: "Грешному монаху, как мы с тобой, Агния, мало скорби, нужно посрамление потерпеть". И что же? Возвращается в монастырь, и ее из хорошей келлии переводят в худшую. От великих скорбей и посрамления начались болезни, которые продолжались несколько лет. Отец Макарий опять письмами подкреплял упадающий дух страждущей монахини, уверяя, что это все пройдет и она опять будет жить по-прежнему. Это также исполнилось; но уже не было во

вред души, ибо она прошла горнило искушения и знала тщетную надежду на земные блага и на изменчивую любовь человеческую.

Вообще старец Божий одних утешал лучшим будущим, других предупреждал о будущих скорбях, подготовляя заблаговременно, чтобы постигшее легче переносилось, и т.д.

Желая отсечь самоволие, старец входил в положение учениц до мелочей и подробностей. Узнав от той же монахини Агнии, что она имеет довольно одежды и белья, сказал: "Что же ты не раздашь, ведь это грех. Я наг родился и хочу нагим умереть. Сколько у тебя горит лампадок в келлии?" — "Три". — "А сама спишь и потягиваешься. Лучше бы лампады не горели, да сама встала и положила сто поклонов"[28].

Другая ученица о. Макария, почтенная монахиня — старица другого монастыря, про свое поступление в монастырь, по прозорливому указанию старца, рассказала следующее. "Однажды еще молодой, в какой-то праздник, я была в церкви Глинской пустыни, на соборном молебне. Между предстоящими я увидела одного тощего, высокого ростом, со впалыми глазами иеромонаха. Он стоял совершенно неподвижно, закрыв глаза. Мне очень захотелось видеть его лицо, и вот, только что я подумала об этом, как он повернулся ко мне и стал прямо на меня смотреть открытыми глазами. Это был, как я после узнала, отец Макарий. В другой раз я была в Глинской пустыни с одной маленькой девочкой. Много слышала я про отца Макария, но лично идти к нему почему-то как бы опасалась. После обедни я отправилась в номер гостиницы, а девочка незаметно для меня где-то осталась...

Через несколько времени она возвратилась и принесла мне небольшую книжку под заглавием "Краткое наставление монашествующим". "Эту книжку, — говорит, — вам велел передать высокий худой монах". После этого мне захотелось лично видеть о. Макария, и я просила гостинника узнать, примет ли меня о. Макарий, и получила от него ответ: "Пусть идет в монастырь, а когда примут, то придет ко мне за благословением". Приехав домой, я стала очень скучать, ни в чем не находила удовольствия и вынуждена была ехать в Глинскую пустынь, к отцу Макарию. Он меня принял очень ласково, утешил и велел идти в монастырь. На мой вопрос, в какой идти монастырь и когда, он ответил, что Бог Сам все устроит. Возвратившись домой, в семействе я стала считать себя как бы чужой: жизнь в миру для меня потеряла всякое значение. Через знакомых я спрашивала отца Макария, что мне делать. И он велел передать, что когда настанет время поступления моего в монастырь, то я ни одной минуты дома более не пробуду. Желая прогнать гнетущую меня скуку, я поехала в один женский монастырь помолиться, не имея в виду поступить в этот монастырь, а между тем, когда брала благословение у матушки игуменьи, как-то совершенно неожиданно для самой себя попросилась в монастырь и была принята. После этого ездила к отцу Макарию. Он принял меня, как отец любимое дитя. Открыл двери своей келлии, велел хорошенько все высмотреть, несколько раз повторяя: "Смотри хорошенько, все смотри!" Показав келлию, он сел на пороге келлии и стал говорить мне о смирении, терпении, нестяжании и вообще, как следует жить монахине. После всего он сказал: "Желала бы ты, чтобы твоя сестра умерла?" Это он спрашивал про постоянно болящую мою младшую сестру, которую я очень любила, но расстаться с ней мне вовсе не хотелось. Я молчала;

старец снова повторил вопрос и затем, как бы отвечая на мои мысли, говорит: "Не хочешь, а лучше, если бы она умерла, молись об этом". Молиться о смерти сестры я не могла, она поправилась и выросла, но сделалась самой несчастной, так что действительно теперь я сожалею, что она в то время не скончалась. Через год я не захотела жить в монастыре: скорбей было очень много, а переносить их у меня не хватало терпения. Опять я поехала к батюшке Макарию. Он мне велел съездить пожить в другой монастырь. Там я попросилась и была тоже принята. Чтобы узнать, где мне жить, я снова возвратилась к отцу Макарию. Он велел ехать в первый монастырь, сказав, что Сам Бог определит, в каком монастыре мне остаться. Когда я вернулась и рассказала матушке игуменье о своем путешествии, то матушка ни за что меня не отпускала, а за самоволие велела целую неделю класть поклоны. В этой скорби я снова была утешена отцом Макарием. Без нужного дела из келлии старец мне выходить не благословил и к себе принимать велел меньше. "Когда готовишься причащаться, под тот день ничего не кушай, молись", — говорил он. Прошло не мало времени. Отец Макарий сказал мне при личном свидании в Глинской пустыни: "Бери себе дочек (учениц), но чтобы подружек не имели, в церковь ходили, послушание проходили". До конца жизни о. Макария я пользовалась его мудрыми советами".

XII

Исцеляя немощных, о. Макарий вряд ли молил Бога о исцелении своих немощей. Для спасения себя и ближних, а также ради славы Божией старец никогда не жалел себя. Но пришло время, и телесная храмина его стала приходить все в большее и большее изнеможение, хотя внутренний человек и возрастал непрестанно. Получив некое откровение о приближающейся кончине, старец "в напутствие к сожитию на небесех со ангелами", как он потом выразился, пожелал принять на себя великий ангельский образ и удостоился святой схимы 1 июня 1863 года с оставлением прежнего своего имени. С повторением иноческого обета, он еще более усугубил и без того великие свои подвиги. Опираясь на костыль[29], он твердо выстаивал до конца все продолжительные богослужения Глинской пустыни, несмотря на сильную болезнь. *Его же любит Господь, — наказует*, и избранников Своих ведет к царствию вечного блаженства крестным путем. В этом случае о. Макарий не обижен был у Небесного Домовладыки. Он двадцать лет страдал лишайной сыпью по всему телу (кроме лица). Сыпь производила сильный зуд и жжение, особенно в руках и ногах, при худосочии, слабом пищеварении и ломоте. Кроме того, от долгих стояний ноги подвижника сильно опухали. Он ужасно страдал, но страдания сии еще усиливал добровольными подвигами благочестия. Так велика была любовь старца к Подвигоположнику Господу Иисусу Христу, так вожделевал подвижник Царства Небесного!..

С принятием схимы о. Макарий перестал вести переписку с посторонними, но мужчинам, желающим видеть его и получить благословение, не отказывал в приеме и даже для женского пола делал в особых случаях исключения. Так, в скором времени по принятии схимы

пришла Пелагея Антоновна Сусликова, благочестивая землячка о. Макария. "Ну, Пелагея, — сказал ей старец, — теперь мы с тобой в сем веке не увидимся". Услышав это, собеседница заплакала и сказала: "Вы, батюшка, огненную реку перейдете, а я, грешная, останусь здесь и куда денусь?" — "Молись за меня. Если буду иметь дерзновение ко Господу, не забуду тебя и там".

За шесть месяцев до смерти изможденный подвижник затворился в своей келлии и принимал к себе только иноков, но более предпочитал совершенное уединение. Пока он был в силах один или при участии кого-либо из братий, вычитывал все богослужения у себя в келлии; когда же болезнь повергла его на одр, он благоговейно выслушивал молитвословия, не вставая. Теплая непрестанная молитва была единственным утешением подвижника во время болезни и еще более отделяла его от всего земного и смертного. Ибо, по слову святителя Иоанна Златоуста, через беседу с Богом мы становимся выше смерти и тления и переходим к жизни бессмертной[30]. Теперь еще чаще о. Макарий стал приобщаться Святых Таин Христовых, твердо веруя в скорое разрешение души своей от уз плоти.

Особым видением о. Макарий уверен был, что не будет задержан на страшных мытарствах. Монахине Агнии подвижник говорил: "Лежу я больной и скорбный. Господи, не готов я, а конец жизни приближается! И вижу белый столб, как бы бумагой оклеен, до самого неба восходит. На том столбе большая площадь; там хорошо, сказать тебе не умею. Это мне было место показано, и слышал я глас, что мне мытарств проходить не придется". Вот почему он с нетерпением и бестрепетно ожидал своей кончины. Стоя при входе в загробный мир, о. Макарий спокойно мог прощальным взором окинуть пройденный им земной путь и особенно в последние дни своей сказать с апостолом: "Мне жити — Христос и умрети — приобретение".

Незадолго до кончины, по собственному желанию, о. Макария перенесли в братскую больницу. Жизнь подвижника угасала подобно тихому мерцанию потухавшей лампады. Перед кончиной подвижник перестал говорить и только взорами, устремленными горе, давал разуметь, что молитвенный дух его стремится скорее "разрешиться и со Христом быти". Напутствованный в жизнь грядущую христианскими Таинствами, оплакиваемый почитателями, блаженный старец 21 февраля 1864 года, на 63-м году от рождения, тихо и мирно предал душу свою Господу, Которому усердно служил во все дни своей жизни. 23 февраля совершена была заупокойная литургия, после которой о. игумен Иннокентий с собором священноиноков воздал святопочившему своему старцу последний долг отпевания, предав многотрудное тело его общей всех матери — земле.

Примечания

1 А также извлечением сведений из архива Глинской пустыни.

2 Кроме Матвея, у ней было два сына и дочь.

3 Бывший в Глинской пустыни 3 1/2 года в период 1826—1829 гг.

4 Письма архим. Макария. Москва 1860 г. Ч. II. С. 153.

5 Заведующим пищевыми припасами, покупающим их и раздающим в потребность братства.

6 33-е поучение св. Феодора Студита. 4 т. Русского Добротолюбия.

7 Св. Симеона Нов. Богослова, Москва 1800 г. вып. II, поуч. 53.

8 По учению св. Григория Синаита, всякий подвиг телесный и душевный, не сопровождаемый болезненностью и не требующий труда, не приносит плода: *Царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Многие много лет неболезненно трудились, но ради безболезненности этой были чужды чистоты и непричастны Духа Святого, как отвергшие лютость болезней. (Письма о духовной жизни епископа Феофана. М., 1897. С. 188).

9 Такое же правило имел от о. Макария монах Иероним, умерший иеросхимонахом, и говорил, что оно первоначально исходило от игумена Филарета. Его держали и другие Глинские подвижники.

10 Заменявшая кровать.

11 Только ввиду надежды исправления любовь отцов терпит самовольных братий; в противном случае "лучше изгнать послушника из обители, нежели позволить ему исполнять свою волю" (Лест. слово к паст. 14, §4).

12 26-е слово Лествицы.

13 Пометка настоятеля в послужном списке о. Макария.

14 Ибо этот закон воплотился в нем и сам праведник сделался для других законом.

15 Отец Исихий — монах Тульского Щеглова монастыря, подвиги свои начал в Глинской пустыни и сказанное про о. Макария передавал при посещении прежней своей обители.

16 Женщин старец принимал в коридоре потому, что Глинский устав не дозволяет женскому полу входить в помещения иноков.

17 Все сказанное Л.М. о келлии старца относилось к этому посещению.

18 Л.М. П-ов это говорил в Глинской пустыни в 1896 году.

19 Прозорливый старец знал ее несчастное будущее, потому и не благословлял.

20 Упоминаемый на стр. 14 и 30 настоящего жития. (В данном издании на стр. 247 и 255. — *Примеч. издат.*).

21 Падений или смертных плотских грехов.

22 К постоянству богоугождения.

23 В этих кратких словах богомудрого подвижника заключена вся сущность и программа жизни христианина, и тем более инока.

24 Сир. 7, 39.

25 Св. авва Дорофей, объясняя слова "Спасение есть во мнозе совете" (Притч. 11, 14), пишет: "Не говорить (писание): в совете многих, чтобы с каждым советоваться но что должно советоваться обо всем с одним" (старцем). 5-е поучение ав. Дорофея.

26 Жизнеописание о. Феодота продается в книжной лавке Глинской пустыни.

27 Жизнь и подвиги старца Феодота. Курск, 1891. С. 23, 24.

28 Этим старец не отвергал принятого обычая возжигать лампады пред святыми иконами, но желал, чтобы с наружным благочестием было соединено душевное и телесное усердие наше.

29 Хранится в келлиях настоятеля.

30 У Феофана "О молитве и трезвении". М., 1889. С. 56.

Литература

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Курск, 1893; То же. Изд. 2-е, испр. и доп. Одесса, 1901. 56 с., портр.

Рец.: П.П. // Богословский библиографический листок: Прилож. к журн. "Руководство для сельских пастырей". 1894. № 12. С. 404—406; Богословский вестник. 1894. № 11—12. С. 404—406.

Иеросхимонах Макарий Глинской пустыни. (Память 21 февраля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков Февраль. М., 1906. С. 262—287, портр. С. 263—264.

Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни старца иеросхимонаха Макария // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 6. С. 1—8; № 8. С. 9—16; № 9. С. 17—24; № 11. С. 25—32; № 12. С. 33—40; № 16. С. 41—45.

Иеросхимонах Макарий прозорливый. (Память 21 февраля) // Русский инок. 1912. № 7. С. 41—48.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 9.

Марк (Лозинский), игумен, проф. МДА. Отечник проповедника / Практическое пособие для студентов. (1221 пример из Пролога и Патериков). Загорск (ныне Троице-Сергиев Посад. — *Примеч. издат.).* Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 203—204. (№ 296: "Исцеление болящего крестьянина в Глинской пустыни".)

Заявление дворянки Харьковской губернии Парасковьи Гавриловны Цыцерской настоятелю Глинской Богородице-Рождественской пустыни игумену Исаии // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 30. С. 673—675. Об исцелении на могиле старца иеросхимонаха Макария.

Иеросхимонах Макарий // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 38—41; С. 39. Портр.; Там же. Одесса, 1904. С. 41, 45; То же. Курск, 1912. С. 35—36.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1904. С. 31—33.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 24—25.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 476—478.

Глинский подвижник монах Петр // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 181, 196.

Н. С-ский, Глинская пустынь. Библиографическая заметка // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 267. С. 646.

Архимандрит Иннокентий, настоятель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 208.

Жизнь и подвиги старца Феодота / Сост. иеромонах Иассон. Курск, 1894. С. 21.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909. С. 13, 19—20.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. [Б. м., б. г.]. Т. I. С. 347.

Архивные документы

Портреты начальствующих и других лиц монашествующего духовенства. 1879—1905 гг. // ЦГИА, ф. 835, оп. 4, д. 59, л. 15. (Иеросхимонах Макарий Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. Хромолитография Е.И.Фесенко).

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским Варваре и Серафиме // ОР ГБЛ, ф. 213, у. 103, ед. хр. 93, л. 3 об., 111 об., 127.

АРХИМАНДРИТ АПОЛЛИНАРИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ НАСТОЯТЕЛЬ БУЗУЛУКСКОГО МОНАСТЫРЯ (†1864)

(Память 11 октября ст. ст. / 24 октября нов. ст.)

Цит по:
Архимандрит Аполлинарий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. Том доп. Ч. 1. Кн. 2. М., 1912. С. 266.

Про отца Аполлинария от бывшего с ним ученика его стало известно, что он, состоя в должности уставщика Глинской пустыни, старался приучить себя к ночному бдению ради избежания искушений на грех и ради бодрствования на молитве. На ночь о. Аполлинарий привязывал себя длинными волосами к стулу, на котором успокаивался от дневных трудов. Как только задремлет и покачнется, стул дернет его за волосы. Проснется о. Аполлинарий, побудит своего ученика-послушника и начнет с ним класть поясные и земные поклоны с молитвами.

В 1853 году о. Аполлинарий назначен настоятелем вновь открытого Бузулукского монастыря Самарской губернии, отличался любовью к ближним, скончался 11 октября 1864 года в сане архимандрита на 56-м году от рождения.

Литература

Архимандрит Аполлинарий. (Память 11 октября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. Том доп. Ч. 1. Кн. 2. М., 1912. С. 266.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 93. (Об архим. Аполлинарии.)

Глинский иеромонах Евграф, подвижник. (Память 12 июня) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. М. 1912. С. 859—860.

Монах Мартирий
(Кириченко)
(1800—1865)

МОНАХ МАРТИРИЙ († 1865)

(Память 5 апреля ст. ст. / 18 апреля нов. ст.)

Цит. по кн.:
Подвижник Глинской
Рождество-Богородицкой пустыни
старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон.
Курск, 1910.

Монах Мартирий был одним из выдающихся подвижников Глинской пустыни, который отличался высокими подвигами самоотвержения. Крайняя нищета, неподражаемое в наше время в постничестве воздержание, жестокое самоозлобление своего тела, беспрерывное над собой бдение всю жизнь, непрестанное псалмопение и молитвы и прочие делания были неотступными спутниками его жизни от начала поступления в монастырь и до блаженной кончины.

Монах Мартирий (в миру Матфей Кириченко) числился мещанином города Суджи Курской губернии; настоящей же его родиной была слобода Басевка, где жили его родители; это были люди благочестивые и достаточные; впоследствии родной брат его служил управляющим богатого помещичьего имения.

1831 года, на 31-м году от рождения, Матфей Кириченко поступил в число братии Глинской пустыни, при настоятеле Филарете, и первый искус трудов общежительного послушания начал проходить в братской поварне, где в то время был поваром известный подвижник, блаженный старец Феодот; сей последний для пламенеющего ревностью к подвигам послушника Матфея представлял собой живой пример полнейшего самоотвержения, от которого послушник Матфей мог обильно черпать уроки той жизни, которая приходилась ему так по сердцу. Желая быть достойным подражателем жизни того, у которого был под началом, Матфей, умудряемый Божественной благодатью, здесь воспринял сердцем первые задатки своих будущих деланий, для которых как бы предначертал свой жизненный путь, по которому он должен двигаться к цели бесстрастия. В этом уверяет его твердая решимость, так как он с самого начала решился самоотверженно поставить себя на жестокий путь беспощадного самоозлобления, для искоренения страстей и умерщвления в себе всего ветхого человека с деяниями его, и продолжал начатое неуклонно и непрерывно, не угашая в себе пламени ревности до самой своей блаженной кончины; а это не многим удается[1].

1835 года, июня 4-го, состоялось причисление Матфея Кириченко в число указных послушников Глинской пустыни. За протекшие первоначальные годы послушник Матфей проходил различные черные монастырские послушания, со всяким прилежанием, а при всем этом никогда не оставлял церковного правила, выстаивая службы от начала и до конца, со всевозможным усердием. Охраняя свои чувства от развлечения и сосредоточивая в себе внимание в молитвословии, он всегда стоял наклоня голову с закрытыми глазами.

Проходя монастырские послушания, на которых приходилось постоянно обращаться не с одним монастырским братством, а и с многими людьми

мирскими, послушник Матфей, невзирая на таковые соприкосновения, поставил себе правилом, не произносить праздного слова и усиленно нудил себя усвоить молчание, чего и достиг с помощью Божественной благодати. Всегда видели его погруженным во внимание, сосредоточенно пребывающим в молчании, а если требовала необходимость говорить по делу послушания, он отвечал кратко, отрывисто, чтобы не произнести лишнего слова. Таковым молчаливым благонастроением послушник Матфей ограждал себя не без цели; стремление его души понуждало его к постоянному погружению своего ума в словеса Божия, а чтобы удобнее привязать ум к таковому деланию, он, вероятно, в подражание преподобному Спиридону, просфорнику печерскому[2], изучил наизусть всю Псалтирь и при всяком занятии читал изустно псалмы, иногда умно, иногда устно тихо про себя, но когда никого не было вблизи него, он читал гласно вслух. Впоследствии он это чтение Псалтири так усвоил себе, что оно, кажется, проникло все существо его души и было как бы стихией, в которой вращались и двигались все его душевные силы. При всех своих занятиях, что бы он ни делал: т.е. дрова рубил или воду носил, сено сгребал или шел куда-либо, чтение псалмов лилось из его сердца, перед его умными очами всегда раскрыта была сия Богодухновенная книга; таким образом, славословия Богу от сердца возносились непрестанно.

В 1840 году 24 июня, по разрешению духовного начальства, послушник Матфей Кириченко был пострижен в монашество настоятелем Филаретом и был наименован Мартирием.

Еще прежде произнесения монашеских обетов монах Мартирий относился к себе весьма сурово, а по принятии на себя ангельского образа он решился совершенно отрешиться от всего земного, чувственного, а посему лишил себя самого необходимого для жизни. Нестяжание его было таково, что он совершенно не имел у себя никаких вещей или лишней одежды, исключая той, в которую одевался, а о деньгах уже и говорить нечего, он их просто не желал даже видеть.

Родной брат этого подвижника, человек благочестивый, имел хорошее состояние; иногда посещая Глинскую пустынь, он делал пожертвования деньгами и другими вещами. Монах Мартирий, смиренномудро уклоняясь от всякой известности, запрещал своему брату делать пожертвования в ту обитель, в которой он имеет свое жительство. Он говорил своему брату: "Если ты желаешь делать благодеяние, делай этот долг христианина, но это можешь выполнить, делая благотворение помимо нашей обители. Вот здесь недалеко Софрониева пустынь, Петропавловский монастырь и еще есть прочие монастыри, вот туда и направляй свои благотворения, Господь их приимет, а в нашу пустынь, где я живу, не привози ничего, а то ты будешь делать пожертвования, настоятель наш и братия будут благодарны, а из-за этого и мне будут оказывать признательность, а это-то весьма не полезно для монаха, полезнее быть ему в совершенной неизвестности. Господь сказал: "Да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя" (Мф. 6, 3), так делай и ты, если будешь благотворить туда, где меня нет и тебя не знают, тогда будет по-евангельски. А нашу святую обитель и без тебя Божия Матерь не оставит". Для своих потребностей монах Мартирий ничего не принимал и от своего родного брата, исключая восковых свечей, которые он зажигал во время своих келейных молитв. Получая свечи, он говорил брату: "За это подаяние спаси тебя Господи, а кроме этого ничего мне не надо".

Монах Мартирий для приобретения незыблемых устоев духовной жизни, основанных на глубоком смирении, стремился вкоренить в себе эту фундаментальную добродетель; для сего подвергал себя всякому унижению. А как блюститель сердечной чистоты, он ясно видел тончайшие подходы врага, который ко всякому делу старается примешивать свои искусительные суемудрия. Чтобы положить предел пожеланиям ветхого человека, которые нередко влекут страстно к почестям наши сердечные чувства, и строго держаться предначертанного плана проводить жизнь в глубоком смиренномудрии, он решился отклонить от себя всякое предложение к священному сану наотрез, чтобы пресечь самые причины, побуждающие к почестям.

О келейном правиле того времени монаха Мартирия ясно сказать нельзя, потому что келейные его подвиги совершались в тайне, но из рассказов жительствующих с ним братий, которым приходилось быть свидетелями его стремлений, как он, с самого начала, трудился над собой, чтобы закалить себя в различных лишениях и подвигах, а наипаче во всегдашней духовной бодренности, можно заключать, что келейное правило сего подвижника обнимало собой все свободное время от трудов по послушанию.

Однажды старец Мартирий был назначен на послушание на дальнюю монастырскую мельницу, которая находится от монастыря на расстоянии одной версты. Отсюда было неудобно ходить всегда на церковное богослужение, которое старец Мартирий усвоил выполнять без опущения. Посему он к своему продолжительному келейному правилу присовокупил выполнение церковного богослужения, выполняя все в ночное время, так как днем случалось отвлекали дела по мельнице, хотя и при делах ум его бывал всегда занят чтением наизусть псалмов. На дальней[3] мельнице, где пришлось проходить послушание старцу Мартирию, для помещения имелся деревянный домик, довольно ветхий, крытый соломой, а снизу обложенный деревянной завалинкой, подгнившей от времени. Внутри этого домика были отгорожены две маленьких келлии, в одной из них помещался старец Мартирий, а в другой рядом с ним помещался его помощник — новоначальный послушник. Обе келлии отапливались одной печкой. В зимнее время послушник, протапливая печку замечал, что у него в келлии тепло, а в келлии старца Мартирия очень холодно; он думал, что это происходит от неисправности печки, наконец, присмотревшись, заметил, что снаружи около келлии старца Мартирия завалинка раскопана и прокопаны сквозные отверстия для свободного прохода холода. Послушник, думая, что это случилось от ветхости домика, просил позволения у старца заладить эти дыры и осыпать завалинку, как должно быть; на это старец Мартирий сказал: "Не надо заделывать, а то будет жарко". — "Да где тут жарко, — возразил послушник, — когда в твоей, отче, келлии со всех сторон дует морозный ветер, так что решительно невозможно согреться?" Но старец Мартирий уверил своего помощника, что у него в келлии, особенно ночью, бывает не только тепло, а случается даже жарко. "Если хочешь узнать, — сказал он, — приходи ко мне вечером и убедишься, что бывает так". Послушник был новоначальный и очень простодушный; не понимая мысли старца, он, удивляясь, говорил: "Что за чудо! Кругом дует холодный ветер, а тепло, да еще и жарко?" Дождавшись вечера, он пришел в келлию старца, желая убедиться в том, о чем уверял старец, а этот последний готовился читать свое вечернее правило, пригласил и пришедшего помолиться вместе.

Совершив правило, которое состояло из различных молитвенных чтений, старец начал полагать с молитвой земные поклоны. А послушник, соучастник молитв, следовал его примеру. Время тянулось уже довольно долго, а полагаемым поклонам и конца не видно. Послушник, молодой, полный жизни, очень крепкого сложения, желал поравняться с престарелым старцем в полагаемых поклонах, но видя, что старец кладет их быстро, как машина, и притом без всякой усталости, он сбросил с себя подрясник, потому что вспотел, и начал полагать поклоны раздевшись. В таковых поклонах время протянулось довольно долго. Наконец старец Мартирий прочитал отпустительные тропари и надлежащий отпуск и, обратясь к своему помощнику, благодарил его за то, что не отказался с ним совокупно помолиться, и видя, что сей последний вспотел, сказал ему: "А что, брат, теперь не холодно в моей келлии?" Послушник, с простосердечной улыбкой указывая на себя, сказал: "Посмотри, отче, я весь мокрый, как из бани вышел! Благослови, пойду хотя бы немного прохладиться и отдохнуть, а то ноги надламываются!" Старец, напутствуя его доброй улыбкой, сказал: "Если когда случится холодно в келлии, делай так, как ты это сейчас испытал, то всегда согреешься". Рассказывая это, послушник[4] говорил: "Уж в другой раз я боялся идти к нему на правило, чувствовал, что не вынесу".

При таких подвигах старец Мартирий предавался строжайшему воздержанию в пище. Телу своему он давал питания не столько, сколько бы оно требовало, а лишь бы поддержать жизнь. В таком воздержании он закалил себя с самого начала. День и два неядения бывали у него делом обычным, а в установленные посты порядок пощения у него принимал иной характер, о чем будет сказано после.

Однажды старец Мартирий, вероятно подражая древним святым подвижникам, решился усугубить свой пост. Пятнадцать дней провел он без употребления пищи, причем совершал изустное чтение Псалтири и прочее молитвенное правило. Впоследствии говорил своим близким по духу, что более этой меры уже поститься невозможно[5].

Вероятно, в это время ключник, заведующий съестными продуктами, заметил, что старец Мартирий продолжительное время не является за провизией, и когда пришел получать, ключник спросил его, почему он так долго не приходил за получением провизии. На это старец ответил кратко: "Далеко ходить".

При таком воздержании старец Мартирий тщательно скрывал свои в наше время неподражаемые подвиги, хотя в обществе скрыть их было невозможно, но он старался употреблять такие приемы, по которым другие думали бы о нем, как заурядном брате, для чего употреблял такие меры, каковые в глазах других казались послаблением, но вместе с тем и выполнялась заповедь братолюбия, как делалось иногда у древних египетских отцов, строгих подвижников.

Читаем в древних отечниках, что у них существовал обычай устроять утешение братии так: кто-либо из келиотов устроял учреждение и приглашал своих сподвижников на вечерю любви. Старец Мартирий не имел у себя ничего, но на мельнице у него было муки в изобилии. Желая сделать утешение братии, он выпрашивал у ключника бутылку конопляного масла, предполагая напечь блинов, приглашал к себе некоторых из братии, говоря: "Приходите, отцы святые, завтра ко мне на мельницу, я вас горячими блинками угощу, во славу Божию покушаете".

В урочный час старец Мартирий приготовлял тесто при неизменном изустном чтении псалмов, затем исполнял свое молитвенное правило с продолжительными поклонами, полунощницу, утреню, часы, обедницу, урочное келейное правило, с особенными дополнениями и поклонениями, им же не было числа; видя, что время подошло браться за другие дела, оканчивал молитвы, начиналось изустное чтение Псалтири и при нем исполнение работ по послушанию и приготовлению печи надлежащим порядком ко времени прихода званых братий, а так как еще здесь никого не было, то он читал псалмы гласно вслух. Как только начинали братия приходить, старец Мартирий одного из них просил читать Псалтирь; развернув книгу, указывал место, откуда начинать, вероятно, он дочитал уже до этого места. Прочих братий просил садиться кушать блины, во славу Божию, которые он сам пек и подавал на стол, и при этом в молчании слушать со вниманием чтение псалмов. А лишь чтец начинает читать славословие по чину на *Аллилуиа* трижды, все должны подняться и положить благоговейно три поясных поклона, по окончании же славословия опять садиться и кушать.

Таково было у него строгое постановление, из уважения к нему никто его не нарушал. Блины эти приправлялись конопляным маслом, а иногда еще и медом, если таковой случался, и при скудной пустынной пище это было большим утешением братии.

Однажды старец Мартирий пригласил к себе на таковое утешение известного подвижника старца схиархимандрита Илиодора; рассказ последнего передаем здесь. "Пришел я, — говорил старец Илиодор, — на мельницу прежде всех, когда приглашенных еще никого не было. Подойдя тихо к домику, двери которого были отворены, я услышал гласное чтение Псалтири, а когда приблизился к дверям, увидел, что старец Мартирий, склонясь на длинный чапельник, смотрит в пылающую печь и при этом читает громко псалом; не желая прерывать чтения, я остановился и поджидал окончания, на последних словах он вынул сковородку из печи, сбросил блин и продолжал чтения славословия, — *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже*, трижды, он при этом помазывал сковородку и наливал тесто, продолжая славословие, — *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь.* Поставив на огонь сковородку, он склонился на чапельник и, смотря в печь, зачитал следующий псалом. Все сказанное у него выходило как-то простосердечно, а притом же до глубины души трогательно. Стоя перед пылающей печью, он заботился об утешении братии, но, совершая служение ближнему, не переставал возносить славословие Богу, умом предстоя ему неотступно".

Все вышесказанное свидетельствует, что старец Мартирий усвоил себе изустное чтение Псалтири так, что оно ему обратилось не в навык только, а как бы в природу и уже не требовало самопринуждения, а, напротив, чувствовалось всегда в душе его ненасытное требование сей духовной пищи. Не это ли состояние древние подвижники называли даром псалмопения, который дается по благодати Божией нудящим себя к таковому подвигу. Без сомнения, старец Мартирий прочитывал изустно всю Псалтирь в сутки, как бы в промежутках между церковными богослужениями и своего келейного правила, за исключением еще многочисленных поклонов и чтения книг святителя Димитрия Ростовского.

18 - 1374

Мельница, где жил старец Мартирий, отстоит от монастыря на довольно отдаленном расстоянии, по причине чего он не мог всегда участвовать на церковных службах, а это лишало подвижника духовного утешения, вследствие сего он просил настоятеля игумена Иннокентия перевести его в монастырь, где бы он мог всегда присутствовать на общественной молитве в храме Божием, и желая предаться строжайшему внутреннему вниманию, он для уединения выпросил себе келлию в башне, которая в архиерейском саду на юго-восточной стороне, на углу монастырской ограды в скиту. Настоятель, удовлетворяя его желание, перевел его в монастырь и назначил ему желанную келлию в башне и, чтобы не отягощать его внешними заботами, назначил ему послушание читать известное число времени в псалтирне, где совершается неусыпаемое чтение Псалтири о упокоении усопших; это вполне соответствовало душевному настроению старца Мартирия.

Переместившись из мельницы в монастырь в уединенную келлию и освободившись от занятий по послушанию, он усугубил бдительность в охранении своих чувств, ходил всегда наклоня голову и не смотрел по сторонам; взор его всегда был опущен на землю. Если требовалось что ответить вопрошавшему его о чем-либо, таковому он отвечал кротко и внимательно, но весьма в кратких словах, и при этом смотря в землю. Твердое, установившееся по благодати Духа Святого, в его сердце богомыслие и чтение псалмов увлекало его внутрь, от всего видимого.

В храме Божием старец Мартирий становился где-либо более уединенно, иногда в углу около стенки, а иногда на хорах и стоял всегда погруженным внутрь себя в богомыслие. Когда он ограждал себя крестным знамением, касаясь своего чела, он сильно ударял в лоб несколько раз перстами, на которых были огрубевшие ногти, так что производили довольно сильную боль, отчего на его лбу виднелось красное пятно воспаленной кожи. Некоторые из братий спрашивали его, для чего он при ограждении себя крестным знамением ударяет себя несколько раз троеперстием в чело. Старец Мартирий ради их пользы открыл им свою мысль. "Прежде того, — говорил он, — как Спасителя нашего за нас грешных пригвоздили ко кресту воины, ругаясь над ним, возложили на Его голову терновый венец, который своими острыми шипами вонзился в его Божественную голову; шипы эти, вонзаясь, производили ужасную боль. Вот и нам грешным нужно, при ограждении себя святым крестом Господа Иисуса, помнить его болезни, претерпенные за нас. Для памяти болезней Спасителя от вонзающегося в голову Его тернового венца я ударяю ногтями в лоб, чтобы помнить Его эти болезни за нас".

Имея просвещенное Божественной благодатью душевное око, старец Мартирий был бодрый блюститель над своим сердцем, издали он усматривал приражения тонких подходов мысленного прилога, которые своей осторожностью внутреннего зрения различал и определял ясно, свой ли он (прилог) или чуждый, последнего гневным сопротивлением или отсечением причины, служащей поводом к прилогу врага, отражал и изгонял из сердца. Следующий случай показывает, насколько он был внимателен к мысленным приражениям.

Однажды какая-то раба Божия, благоговейная женщина, каковые приезжают в обитель помолиться, облегчить свою душу, утружденную мирской суетой, желая по силе своей благотворить, она некоторым старым

монахам раздавала карманные платочки, прося помолиться за нее, при этом подала платочек и старцу Мартирию. Рассказ этот передал сам старец Мартирий одному из братий, который просил у него наставления, предостерегая брата, чтобы был внимателен к внутреннему движению своих помыслов. "Я взял поданный платочек, — говорил он, — и, придя в келлию, развернул его, а в нем оказалось пятьдесят копеек денег, я подумал, куда их деть? Да пусть полежат, я отдам кому-либо нуждающемуся. Вечером после келейного правила, когда затушил огонь, чтобы успокоиться, замечаю, подходит мысленный прилог и говорит: "А вот что хорошо бы тебе сделать: человек ты уже старый и слаб, надо себя поддерживать, а то, пожалуй, можно и совсем ослабеть, вот теперь деньги есть, хорошо бы купить водочки и перед обедом пить по маленькой чарочке для аппетита, пообедал бы лучше, вот бы и здоровье подкрепилось, а то от воздержания и аппетит прекращается". Вначале я не придавал ему значения, а враг нашептывал, нахально все лезет со своим лукавым советом и мешает псаломским словам, а далее пристал так неотвязно, что мне стало противно его нахальство. "Э! — думаю, — да тебе, нечистый враже, лишь бы было к чему привязаться, то ты сейчас и здесь! Надо с тобой поскорее разделаться!" Я взял платочек с деньгами и, выйдя из келлии, отыскал кирпич и привязал к нему платок с деньгами и пошел к речке, где самое глубокое место (около бани). Стал спиной к речке, чтобы не видеть, где упадет кирпич, и забросил его через голову в воду, не оглядываясь назад, и пошел обратно в своею келлию. Придя в келлию, почувствовал спокойствие — помыслы совсем исчезли". Этот рассказ характерно рисует, насколько старец Мартирий всегда был бдителен к самым тонким мысленным прилогам и как решительно отсекал самые причины, подающие повод к возникновению мысленных приражений.

Старец Мартирий в своей келлии чаю никогда не пил, у него не было и чайной посуды. Не пил чаю не потому, что считал чай пить погрешностью, а потому, что, по его словам, он много отнимает времени. Вероятно, родной его брат подарил ему самоварчик, который он, не желая иметь в своей келлии, отдал послушнику, впоследствии монаху Петру, клиросному, который жил под его келлией там же в столбе-башне. В Глинской пустыни был обычай три раза в год раздавать братии по известной порции чаю и сахару; так раздавалось к праздникам: к Пасхе, к престольному празднику Рождества Богородицы и к празднику Рождества Христова. Старец Мартирий, получив свою порцию чаю и сахару на праздник, приносил все это к вышеуказанному послушнику Петру и просил ставить самовар. Здесь он один раз из своей порции пил чай, а остальной чай и сахар оставлял и более не приходил пить чай, пока к другому празднику опять не получит иную порцию, тогда опять принесет и опять один раз попьет чаю. Таким образом старец пил три раза в год свой чай, и то не в своей келлии, за исключением того, когда бывал общий чай на послушании, когда убирают сено, или еще какое общее послушание.

Воздержание старца Мартирия было поистине неподражаемое. Когда он приходил в трапезу, то, сидя за столом с братией, казалось, ел обыкновенно, как и прочие братия, но кому приходилось наблюдать, тот убеждался, что он ел как малый ребенок, да и в трапезу он приходил не всякий день, и когда он не приходил в трапезу, в тот день он оставался без пищи. Посуды у него в келлии не было никакой за исключением кувшинчика для воды и черепьяной махоточки, с которой он иногда приходил вечером в кухню

отобрать кулешу. Придя в кухню, он спрашивал повара, все ли братия отобрали для себя ужин. Если не все, он будет ожидать, пока все не отберут и если не будет остатка, старец брал кусочки хлеба или пригарок из гречишной каши, которые пригорают в чугуне, и шел домой, а если оставался кулеш, то брал его в махоточку. Всегда старался брать то, что оставалось и по негодности выбрасывалось скоту. Он говаривал, что ту часть, которая выносится скоту, можно есть без упрека совести, а за ту, которая годна и употребляется на братию, надо молиться. Приходится удивляться глубокому смирению сего дивного подвижника, который, проводя жизнь равноангельскую, в непрестанной молитве, достиг той высоты смирения, этой неподательной добродетели, что считал себя недостойным части братской пищи, а употреблял ту часть, которая уже назначалась для скота. Взяв в махоточку кулешу, старец Мартирий, придя в келлию, съедал несколько ложек, остаток же никогда не выбрасывал, а оставлял его на завтрашний день. Простояв сутки, кулеш прокисал и начинал бурлить. На следующий день брал он свою махотку с вчерашним кулешом, от которого несло кислотой, начинал есть, но вкус делает свое, натура не принимает. Тогда старец, обратясь к себе, с укоризной говорил: "Что же ты не ешь? Не вкусно, не нравится! А куда его теперь деть? Это святая милостыня! Значит, еще не голоден, а если вправду захочешь, то будешь есть". Он отлагал махотку в сторону и не давал себе есть. Таким образом он изнурял себя голодом, пока оставшийся прокислый и уже прогорклый кулеш не употребит. Поэтому он говорил братиям: "Кулеш, если останется до другого дня, делается вкусней, а на третий день еще вкуснее, и чем больше стоит, тем делается вкуснее". Понятно, что если не дать себе три дня пищи, то поневоле согласишься, что бы то ни было съесть, и вкус, хотя невольно, подчинится усиленному принуждению. Святые воздержники, изведавшие это опытом, говорят: "Скудость услаждает и самый хлеб"[6].

Старец Мартирий иногда брал на кухне пригарки, которые пригорают в чугуне, когда варят кашу гречневую или пшенную, эти пригарки он размачивал и ими удовлетворялся. <...>

Все сказанное о воздержании старца Мартирия относится к обыкновенному времени, т.е. к дням разрешения. А что касается святых постов, на это у него были особые свои правила: в первую неделю четыредесятницы он ничего не ел и не пил до субботы, пока приобщится Святых Таин. При этом, бывая на всех церковных богослужениях, он выстаивал все и выполнял по уставу многочисленные поклоны. Прочие дни св. четыредесятницы проводил в великом воздержании, но последнюю неделю страстей Христовых решительно не употреблял пищи до святого великого четверга, когда уже приобщался с братией Святых Таин; в тот день употреблял пищу, а затем не ел опять до Светлого Воскресения. В эти дни он доходил до того, что становился похожим на движущийся скелет, обтянутый кожей, с глубоко запавшими глазами, которые ярко блестели, горя внутренней ревностью радостнотворного духовного веселья. Скрывая свое воздержание, он закрывал свое лицо клобуком от взора посторонних. Уже после смерти старца Мартирия духовник его Анастасий рассказывал: "Однажды на последней неделе, говея, старец Мартирий подошел исповедоваться. Духовник, видя его безмерно изможденным, спросил его, давно ли он принимал пищу. "В воскресенье", — ответил он. Духовник заметил ему, что изнурять себя до такой крайности не следует, на это старец

объяснился, что такого правила воздержания в эти дни он держится всю жизнь. Духовник, вероятно, желая испытать через послушание, по Богу ли его такое воздержание, не подстрекаемо ли оно духовной гордостью, сказал ему: "Иди подкрепись пищей, а иначе я не буду тебя исповедовать". Старец, смиренно повинуясь, исполнил приказание духовника.

В башне келейная жизнь старца Мартирия для постороннего наблюдателя была малодоступна. Башня стоит уединенно в саду, а посему он здесь проводил жизнь как бы отшельническую. Его можно было видеть только в церкви, в трапезе и на общих послушаниях, которые бывают вообще редко; приходилось слышать рассказы о порядке его жизни от тех заслуживающих полного доверия братий, которые обращались к нему за наставлением и были ему близки по духу, но и здесь говорится только о порядке подвижнического наружного делания. Так, у старца Мартирия не было в келлии никакой мебели: ни стола, ни стула, ни койки, а одежда состояла из одной рясы, одного подрясника теплого, другого холодного, одной мантии, одной камилавки, все это заношенное, истертое и в заплатах; этот весь гардероб висел на гвоздиках в коридорчике. Был еще у него некрытый тулупчик простой овчины, в котором он иногда согревался; этот последний свернутый лежал в келлии на полу при стенке в углу; когда старец уставал, он садился на него отдохнуть. В келлии были одни голые стены, все украшение этих последних состояло в следующем: в святом углу стояла святая икона, а ниже к стенке была прикреплена досточка — простой неотесанный отрезок шелевки, на ней лежали книги: Евангелие, Апостольские послания, Псалтирь, сочинения святителя Димитрия Ростовского и другие. Старец Мартирий, следуя наставлению святого апостола, чтобы молиться, и молиться непрестанно (1 Сол. 5, 17), все свои силы и все время употреблял на молитвенные подвиги. Придя из церкви, он становился выполнять свои келейные молитвенные правила, эти последние были, вероятно, у него так расположены, чтобы ими заполнить все остающееся свободное время: он читал Святое Евангелие, Апостольские послания и Псалтирь. Если чувствовал приступ сна, тогда оставлял чтение и начинал полагать бесчисленные земные поклоны, которых никогда не считал, и другим при наставлении говаривал: "Когда кладешь поклоны, не считай их, вот и не будешь думать сколько положил; что много положил поклонов, не будут беспокоить тщеславные помыслы. Бог все видит и знает, а нам-то для чего знать". Когда же старец чувствовал от поклонов усталость, тогда садился на лежавший на полу тулупчик и брался за чтение поучительных сочинений святителя Димитрия Ростовского, если же и опять чувствовал приступ сна, то опять становился и клал поклоны. Таким образом проходила его жизнь: в церковных богослужениях, келейном правиле, в поклонах и чтении поучительных книг. Он укреплял себя крепким сном, сидя на своем тулупчике, а на своих боках едва ли он ложился, этого никто не замечал, а приходилось его видеть дремлющего в сидячем положении.

Все здесь сказанное представляет нам подвиги старца Мартирия, наблюдаемые и постигаемые для нас, как внешние делания: труды, злострадания, самоумерщвления — распятия плоти со страстьми, и понятно, что они совершались для совершенного умерщвления ветхого человека, но что касается внутреннего его душевного делания, тех сердечных болезнований, воздыханий, предстояний всегда перед лицом Божиим, в страхе и любви, без чего не может человек решаться на таковые

самоумерщвления, то они ведомы только Единому Сердцеведцу-Богу. А нам достались весьма скудные сведения о его духовной борьбе с духами злобы и о благодатных проявлениях, которых не лишен был этот дивный подвижник; эти последние почти совершенно сокрыты им, по причине его глубокого смирения и его молчаливости, о таковых проявлениях старец Мартирий высказывался только уже в неизбежных случаях и говорил только то, чего невозможно было скрыть.

Однажды старец Мартирий оказался внезапно больным, так что попросил к себе своего духовника иеромонаха Порфирия. Этому последнему он объяснил, отчего произошла его болезнь. Это происшествие, по словам духовника, совершалось таким образом. В ночное время старец Мартирий, стоя на молитве, услышал шум, и треск, и колебание своей башни (в которой он жил), стены дрожали, готовы были разрушиться. Слышался крик, угрозы раздавить башню и задавить старца обломками. Сей последний, вероятно, не первый раз видя нападение бесовского полчища, стоял на молитве непоколебимо. Бесы, рассвирепевши и Божиим попущением приблизившись к старцу, начали наносить ему удары; удары эти были настолько сильны, что от них образовались на теле кровавые подтеки в виде синих полос. А особенно пострадала его правая рука, на ней были следы ударов палкой. От таковых побоев старец не мог свободно владеть рукой и после довольное время носил перевязанную руку на полотенце на шее[7]. Это случилось в 1863 году в летнее время. Пишущий эти строки сам видел старца Мартирия, болящего от таких бесовских побоев; рано утром он, выйдя из своей келлии, лежал под елкой в архиерейском саду; сюда приходил к нему духовник, вероятно, здесь он раскрыл ему случившееся, при этом говорил духовнику в простоте души: "Зачем лукавый враг на меня нападает. Я его ничем не трогаю!"

Надо удивляться глубокому смирению этих святых подвижников, которые в непрестанном славословии предстоят умом Царю Небесному, Господу бесплотных сил и сами, подобно бесплотным блаженным духам, приемлют благодатные утешения, подаваемые от Святого Духа, и уже здесь бывают причастники блаженного состояния, предназначенного любящим Бога, чего за свою безумную гордость лишился диавол, а это разжигает его злобу адским огнем. Но смирение, внедрившееся в их душу, как завеса, закрывает перед ними их высоту духовного совершенства, и они глубоко убеждены, что ничего такого не совершают, за что бы злобился на них диавол. Посему и старец Мартирий высказал духовнику, что он врага ничем не затрагивает, а того и[8] не видит, что он диаволу своими подвигами не дает покоя.

Рассказанный факт бесовских нападений обнаружился через духовника, как уже было прежде о том сказано; а сколько сокровенной борьбы с диаволом перенес старец Мартирий, которая остается для нас неизвестной, а известна только Господу, ведающему сокровенные сердечные тайны! Только некоторые проявления приподнимают завесу, сокрывающую от нас все происходящее. Например: старец Мартирий иногда приходил в псалтирню, где совершается неусыпаемое чтение Псалтири, и, сидя на скамейке, склонясь на стенку, забывшись сном, укреплял себя несколько. На вопрос братии, зачем он здесь находится не в свои часы, он отвечал, что пришел в псалтирню подкрепить себя сном, на это ему говорили, что можно в своей келлии спать, старец говорил: "В келлии враги не дают уснуть, а в псалтирне читается слово Божие, вот здесь уже врагу той свободы нет[9], здесь я немного

и сосну". Как нападали враги? В каких видах и образах? Этого старец не уяснял, а если бы раскрыл, картина получилась бы замечательная.

Случалось видеть старца Мартирия днем, сидящего на крылечке. Перед ним на коленях лежала развернутая книга. Старец от безмерных бденных трудов дремал, склонясь на стенку.

В 1863 году в летнее время известный старец, иеросхимонах Макарий, занимавший в то время келлию в нижнем — клиросном корпусе, для большего уединения пожелал переместиться в башню, в которой жил старец Мартирий. Посему настоятель игумен Иннокентий для старца Мартирия назначил келлию в деревянном корпусе, который стоит выше корпуса настоятельского, при входе из святых ворот в монастырь, в первом коридоре налево первая келлия. Старец Макарий, прежде перемещения желая осмотреть башню, пришел в келлию старца Мартирия и, увидев одни голые стены (замка не существовало у него никогда), подумал, что старец уже успел перебраться в другую назначенную ему келлию, но ему сказано было, что Мартирий не переходил и еще ничего не переносил и у него нечего переносить. Нет у него ни стола, ни стула, ни скамейки, ни койки, только икона да книги, а ряса и мантия, состоящие из заплат, висели в коридорчике на гвоздике. Старец Макарий, удивляясь нищете и самоотвержению сего подвижника, все же пригласил его к себе и убедил его иметь в келлии стол, стул и койку. Старец Макарий говорил ему: "Хотя никогда не садись на стул и не ложись на койку, но в келлии твоей пусть это будет, потому что мы живем в общежитии". Подвижник, как сын послушания, послушал совета своего подвижника, попросил принести ему старья полуразломанного; все это было принесено и поставлено в келлию; на койке лежали три отрезка старой шелевки, простыни никогда не было на ней, а также и скатерти на столе. Ложился ли старец на эту койку? Едва ли! Но она послужила ему смертным ложем. Пишущий эти строки видел на этой ничем не убранной койке по скончании старца Мартирия, его бездыханное тело.

Новая келлия старца Мартирия двумя окошками была обращена к монастырскому собору и была к нему так близко, что в летнее время, отворивши окошко, можно было слушать в келлии старца церковное богослужение.

В том же корпусе в следующем коридоре[10], в первой келлии направо, жил тогда другой дивный подвижник схимонах Евфимий; теперь подвижники находились в таком соседстве, что келлии их разделялись только деревянной стеной. Живя по соседству, они иногда обменивались между собой дружескими приветствиями и духовной радостотворной беседой. Оба достигшие совершенного бесстрастия и сердечной чистоты, они были великие молитвенники, о чем, конечно, они с детской невинностью вели между собой краткие разговоры. Однажды пишущему эти строки пришлось подслушать их духовноутешительный обмен взаимных желаний. Идя из церкви, оба старца беседовали между собой. Евфимий после обычного иноческого приветствия говорил Мартирию: "Вот, отче, теперь, слава Богу, ты переселился близко к храму Божию, а это для нас, немощных стариков, какое великое благодеяние Божие!" Старец Мартирий, озарившись духовным весельем, сказал: "О! Я теперь богат, слава Господу! Даже в келлии слышу святое богослужение". Идя вслед за ними, я утешался духом, слушая их радостотворную беседу о духовном богатстве, и рассуждал в себе: вот о чем святые радуются! Тленное богатство, внешнее благосостояние их ума не

занимают, об одном у них попечение, чтобы приблизиться к Богу, пребывать в храме Божием и непрестанно наслаждаться Богодухновенным псалмопением и изречениями словес Духа Божия. Вот в чем заключается богатство любящих Бога всем сердцем.

Старец Мартирий по причине безмерной строгости своей самоотверженной жизни, каковую усвоил себе от начала, имел вообще строгие воззрения на подвижническую жизнь. Поэтому он преподавал таковым наставление в строгом духе сообразно со своей подвижнической жизнью; для слабосильных наставления его были неприменимы. Если кто из таковых спрашивал его о внутренней брани: как управляться с помыслами, страстями и хотениями, он говорил таковым, не обинуясь, что для усиленной борьбы нужно усилить воздержание. Не ешь день, если не отстают, не ешь другой, а то и третий, а при этом молись Богу, да побольше поклонов клади, вот и отстанут нападения. Действительно, сам старец проходил жестокой стезей безмерного воздержания, самоозлобления и всяких лишений. Это было действительно распятие плоти со страстями и похотями (Гал. 5, 24). Других путей он не знал, да и не хотел знать; через таковые подвиги он достиг бесстрастия. Надо заметить, что старец Мартирий был крепкого телосложения, вследствие чего мог себя закалить в таких подвигах, а при этом приобрел прежде глубокое смирение, ограждающее его на духовном пути против гордого врага. Но для слабосильных такое воздержание и самоозлобление не по силам, а притом же неискусным может угрожать опасность от самомнения. Поэтому рассудительнейшие старцы не советовали молодым братиям обращаться к нему за наставлением. Старцы говаривали, что подвижник Мартирий сам мог пройти этим путем, но другим подражать ему без рассмотрения небезопасно. С первым жаром ревности самоотверженно он перешагнул многие ступени на лестнице духовного восхождения и взошел на высоту совершенства, почему и не был искушаем на низших ступенях так, как приходится тем подвижникам, которые восходят по духовной лестнице умеренным восходом постепенности среднего пути, руководясь даром рассуждения. Посему старец Мартирий не мог быть руководителем для немощнейших братий, которые идут умеренно путем царским, указанным рассудительными отцами, как более доступным и безопасным.

Строгий и самоотверженный подвижник, старец схимонах Евфимий[11] говаривал о суровой жизни старца Мартирия: "Я хотел подражать ему (Мартирию) в подвигах, но не мог выносить потому, что он был физически крепче меня".

Первый раз мне[12] пришлось увидеть старца Мартирия на общем послушании при уборке сена. Это случилось в первый год моего поступления в Глинскую пустынь в 1863 году. Старец Мартирий, отдалившись несколько от братии, сгребал сено молча, не обращая внимания на все постороннее. Один монах, сгребавший сено со мной рядом, обратил мое внимание на старца, говоря: "Видишь этого старца? Это строгий подвижник Мартирий, а ты, должно быть, не знаешь, что он тебе земляк, как уроженец твоей родины". Услышав это, как новоначальный, я рад был, что у меня здесь находится такой замечательный подвижник-земляк. Естественно, появилось желание признаться ему, но видя, что он уклоняется от всех, я выжидал случая, чтобы незаметно к нему приблизиться. Действительно, я скоро оказался близ старца. Подойдя близко, поклонившись почтительно, я

приветствовал старца по монастырскому обычаю, а он на мой привет отвечал тем же и спросил, что мне от него надо.

— Простите, батюшка, я хотел у вас что-то спросить.

— Спрашивай, — сказал старец.

— Скажите, пожалуйста, где ваша родина?

— Юнаковка, — сказал он отрывисто.

— А как ваша фамилия?

Старец, взглянув на меня каким-то пронизывающим взглядом (глаза у него были очень блестящие), спросил меня:

— А разве ты из Юнаковки?

— Да, из Юнаковки.

— Ну, если так, я не юнаковский, — сказал старец и, подняв свои грабли, отошел в сторону подальше, наклоня голову, начал сгребать сено. А я остался на месте озадачен неудачей, раздумывая, не оскорбил ли я старца своим глупым вопросом, по своей новоначальной неопытности, и начал, раскаиваясь, укорять себя внутренне за свой глупый поступок. Теперь я верю, что старец видел мысленные движения моей души; подойдя ко мне, он, смотря в землю, начал говорить.

— Ты знаешь Басовку, которая близ Юнаковки?

— Знаю, — сказал я.

— Вот то моя родина. Если меня кто спрашивает о родине, — сказал он, — я говорю, что я юнаковский, потому что Юнаковку многие знают[13], а она близ Басовки, которую никто не знает. Если я скажу, моя родина Басовка, вот сколько будет празднословия, начинают расспрашивать: где находится эта Басовка, в каком месте, а мне надо рассказывать подробно и уяснять, а это все празднословие. А знаешь, слово Божие говорит, что на всякое праздное слово придется отдавать ответ Богу на страшном суде Божием. Поэтому, если меня спрашивают, — продолжал старец, — где твоя родина, я говорю: Юнаковка. Тем разговор прекращается. Если хочешь, — добавил он, — и ты так поступай, вот и будешь избегать празднословия.

Объяснив мне это, старец Мартирий поклонился, отошел в сторону и начал сгребать сено, шевеля губами, вероятно продолжая свое неизменное и непрекращаемое чтение Псалтири. А я остался утешен вниманием и наставлением святого старца-подвижника.

Этот рассказ свидетельствует, как строг и бдителен над своими чувствами и внутренними движениями своей души был старец Мартирий. К нему действительно приложимо изречение псалмопевца: "Рек: сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим: положих устом моим хранило!" (Пс. 38, 2), "Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело", — говорит апостол Иаков (Иак. 3, 2). Таким поистине совершенным был старец Мартирий, когда положил перед собой страх Божий, чего ради хранил себя от произнесения праздного слова. Но несмотря на всю строгость к себе, он был братолюбив и очень внимателен.

Однажды посетил его родной брат со своим сыном, который управлял имением владельца в вышеупомянутой Басовке. Старец Мартирий, бывши в трапезе, подойдя ко мне, взял за рукав, представил меня своему брату, рекомендуя, что я их земляк. Судя по его строгой самоотверженной жизни, таковой его поступок означал особенное его внимание.

Однажды в 6 час. утра я пришел в теплую церковь, в это время начинался простой акафист, каковой служился в Глинской пустыни всякий день; в

церкви сзади из братий никого не было, кроме старца Мартирия. Этот последний, подойдя ко мне, дал знак, чтобы я шел за ним на хоры; взошедши туда, он поставил меня рядом с собой и сказал: "Давай молиться, класть поклоны" и начал полагать земные поклоны, а я следовал его примеру. В молодых, почти юношеских летах для меня это ничего не значило и было утешительно. По окончании акафиста старец, подойдя ко мне, поклонился и благодарил за то, что не отказался с ним вместе помолиться, говоря: "Это весьма душеполезно".

Незадолго перед своей кончиной старец Мартирий начал изнемогать. Но несмотря на немощь, он не изменял строгого образа своей жизни. Подвижнические его делания, и внутренние и внешние, за многие лета обратившиеся ему в природу, не могли уже быть нарушаемы. Он не давал себе послабления ни в чем. Строгое воздержание в св. четыредесятницу он нудил себя выполнять по заведенному порядку. Но чувствуя ослабление сил, он однажды сказал иеромонаху Иерониму, бывшему тогда ризничим (впоследствии иеросхимонах Илиодор): "Теперь по старости лет поститься всю первую седмицу поста не можно, а надо в среду выпить горячей водицы да ложку меду, тогда можно будет повременить до субботы". Это была последняя четыредесятница в его земной жизни.

Старец Мартирий, приближаясь к скончанию своего земного поприща, чувствовал изнеможение телесных сил, но по усвоенной привычке не давать послабления своему телу он не обращал на него внимания. Продолжительные богослужения, бывающие в пустыни на страстной седмице старался выстаивать по возможности до Великой Субботы, но в первый день Святой Пасхи в церковь уже прийти не мог. Не желая лишиться утешительного для нашей души Пасхального богослужения, он во время утрени, пересиливая немощь и болезненные ощущения, вышел на крылечко, которое против дверей собора, здесь, прислонясь к стенке, выслушивал торжественное Пасхальное песнопение, звуки и слова которого отчетливо неслись к нему через открытую дверь, отстоящую от него на несколько аршин.

На второй день Святой Пасхи старец Мартирий был напутствован Святыми Таинствами и с молитвой на устах блаженно предал дух свой в руки Господа своего, апреля 5-го[14] 1865 года. При разлучении души его от тела лицо его озарилось светлостью просияния. Старец схиархимандрит Илиодор, присутствуя здесь, сказал братии: "Святая сия кончина свидетельствует о богоугодной жизни сего святого старца". При одевании тела братия с удивлением смотрели, что оно издавало необычную светлую белизну. Затем многотрудное тело было предано обычному погребению при пении победных над смертью Пасхальных песнопений, прославляющих смерти Победителя Господа нашего Иисуса Христа, даровавшего победу над плотью, миром и диаволом усопшему рабу Своему, чудному подвижнику старцу Мартирию.

Так окончил свое земное многотрудное поприще этот дивный подвижник, который, как живой орган Духа Святого, движимый благодатной силой Утешителя, непрестанно славословил Господа и устами, и сердцем, и всеми силами своей души, которая обратила себе в природу эти молитвенные славословия и прониклась ими так, что и при разлучении от тела, не прерывая своих славословий, потекла к первовечному свету — Господу Создателю и Искупителю своему, к Которому стремилась всю земную жизнь.

Здесь представлена вниманию читателя только некая малая частица жизни подвижника старца Мартирия, которая могла дойти до нашего сведения, и то более внешняя, доступная зрению и пониманию посторонних. А что касается его сокровенных подвигов и внутренних деланий, при этом жестокой борьбы с врагом рода человеческого — диаволом, а также и благодатных посещений, каковых он, без сомнения, был сподобляем, — все это осталось для нас глубокой тайной, ведомой только одному всеведущему Богу и подвизавшемуся.

Так протекла жизнь подвижника старца Мартирия, полная самого жестокого самоотвержения, борьбы, злострадания и всяких лишений, через которые он достиг высоты блаженного бесстрастия и соединился с Господом еще в земной жизни, а по кончине переселился в небесные обители славословить Его с бесплотными небесными силами и со всеми святыми в бесконечные веки".

Примечания

1 Преподобный Иоанн Лествичник говорит: "Есть мужественные души, которые от сильной любви к Богу и смирения сердца покушаются на делания превосходящие меру их" (слова 26, отд. 121. Изд. Оптиной пустыни).

2 Житие преподобного Спиридона Печер. Окт. 31-го дня.

3 В Глинской пустыни есть еще другая мельница, находящаяся близ монастыря, в отличие от сей последней описуемая мельница называется дальней.

4 Впоследствии иеромонах Иларион; перемещен в Тульский Щеглов монастырь; он был братским духовником.

5 Начало плодоносия — цвет; а начало трезвения ума — воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие; (Исихий Пресв. Иерусалим. о молит. и трезв. Еп. Феоф. осд. 165).

6 У св. Афанасия §56 третьей сотницы.

7 В жизнеописаниях древних подвижников: И. Антония Великого, Марка Фраческого и других многих повествуется о биениях их от бесов, а также во многих жизнеописаниях современных подвижников говорится о том же.

8 Если радеешь о молитве, то приготовься к бесовским наваждениям и терпеливо переноси бичевание их; ибо как дикие звери нападут они на тебя и все твое изъязвят тело (Преподобный Нил Синайский, т. 91. Добротолюб.).

Не отказывайся терпеть этих сукновалов. Пусть колотят и топчут ногами, растягивают и гладят, но через это одеяние твое делается светлым (там же, т. 140).

9 В древнем Патерике находится следующая повесть. Когда первые анахореты поселились в Египетских пустынях, то враг нападал на них с такой силой, что не давал им совершенно спать. Посему эти подвижники, для укрепления себя сном, собирались в одно место несколько человек. Один из них читал псалмы, а прочие покоились сном, чтение псалмов ослабляло силу врага. Говорится там же, что впоследствии, когда сила креста Господня с проповедью Святого Евангелия распространилась по вселенной, тут сила вражья ослабела, диавол уже не мог нападать с таким ожесточением.

10 В Глинской пустыни братские корпуса пересекаются поперечными коридорами, так что во всяком коридоре только четыре келлии.

11 Краткая биография старца схимонаха Евфимия издается отдельно.

12 Автору.

13 Юнаковка — большая торговая слобода Сумского уезда Харьковской губернии, стоит на большой дороге из Курска на Киев. Знаменитые того времени

ярмарки: Коренная Курской губернии, Кролевецкая Черниговской губернии делали этот шлях весьма оживленным вследствие передвижения на извозчиках товаров с одной ярмарки на другую. Путешествующие поклонники из северных губерний в Киев проходили громадными массами этой дорогой. Посему все пункты на этой дороге, и в числе их Юнаковка, были известны многим. Так продолжалось до проведения железных дорог, с проведением которых положение резко изменилось.

14 По справке, кончина старца Мартирия указывается неправильно: на третий день Пасхи 6 апреля. Дневники братии указывают на второй день Пасхи. И автор сам тому личный свидетель, что кончина старца последовала на второй день в полуденное время.

Литература

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910.

Глинский подвижник монах Мартирий постник. (Память 6 апреля) // Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 108—110.

Схимонах Лука, подвижник Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 3.

Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907. С. 2.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Париж, 1988. С. 279.

МОНАХ ВАЛЕРИАН

Монах Валериан был учеником строгого постника и великого Глинского подвижника монаха Мартирия (Кириченко). Он во всем руководствовался советами своего старца и, по свидетельству Глинских братий, во многом был ему подражатель.

Старец Мартирий в отношении пищи заповедовал ему поступать так, как сам он поступал всю свою жизнь. Он говорил о. Валериану: "Бери для себя ту пищу, которую вываливают скоту, тогда за нее не будет укорять совесть".

Как пишет Глинский инок Иассон, монах Валериан "достойно окончил подвижническую жизнь, почив блаженно в Глинской пустыни"[1].

Примечания

1 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 19.

Литература

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 19.

ИЕРОМОНАХ ИОНА (†1865)

Цит по:
Подвижник Глинской Богородицкой пустыни
монах Феодот Изд. Глинской пустыни.
Одесса, 1909. С. 28.

Иеромонах Иона известен тем, что был послан настоятелем причастить умирающего подвижника схимонаха Феодота, но уже не застал его в живых. Отец Иона сильно скорбел об этом. "Хотя с его стороны не было особенного промедления, но все же ему казалось, что при большей поспешности он, может быть, и застал бы о. Феодота живым. Однако все происходит к славе Бога и святых Его. Сожаление и самообвинение о. Ионы вызвали сильное желание поправить естественно непоправимое. Тут скорбящий священноинок, может быть, подумал: "Я, недостойный иерей во Святом Причащении, принес Тело и Кровь Того, по всемогущему слову Которого мертвые воскресали. Если Господу угодно, то и теперь Он не оставит угодника Своего, без напутствования Животворящими Таинами. Он и в пустыню посылал ангелов причащать преподобных. Иисус Христос "вчера и днесь, Той же и во веки". Так или подобно этому подумав, отец Иона громко сказал почившему старцу, как бы живому: "Отец Феодот, я пришел тебя приобщить, прими Святые Таины". Усопший, покорный гласу, открыл глаза и приобщился. После этого он прощально обвел глазами всех братий, перекрестился и с ангельской улыбкой и светлым лицом тихо перешел в иной, лучший мир... Отец Иона был с академическим образованием; скончался в Глинской пустыни в 1865 году"[1].

Примечания

[1] Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909. С. 28.

Литература

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот / Изд. Глинской пустыни. Одесса. 1909. С. 28.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909. С. 28.

СХИМОНАХ ЕВФИМИЙ (†1866)

(Память 7 февраля ст. ст. / 20 февраля нов. ст.)

Цит. по:
Глинский подвижник схимонах Евфимий //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1.
М., 1912. С. 205—220.

Отрадно для нашего бессмертного духа вспоминать деяния святых мужей, которые путь земной жизни ходили в законе Господни, поучаясь в нем день и ночь, *ищущи всем сердцем Господа*, как говорит Псалмопевец. Таковые, через многолетние свои самоотверженные подвиги и различные искушения, по благодати Божией, взойдя на высоту духовного совершенства, сделались светочами посреди братий, между которыми они проводили многотрудную и многополезную свою жизнь. Одним из таковых замечательных подвижников был схимонах Евфимий, подвизавшийся безвыходно в Глинской пустыни сорок восемь лет; он служил образцом для современных ему насельников этой обители, а для младших братий был духовным воспитателем, как истинный ученик старца Филарета. При всяком случае и во всякое время таковым он старался внушать уроки иноческой жизни, передавать правила строгого монастырского чиноположения, каковое он принял от своего наставника приснопамятного настоятеля старца Филарета. Строго соблюдая его во всю жизнь, он всегда твердил всем, говоря: "Так нас учил старец Филарет, так и вы исполняйте и передавайте другим для исполнения, если желаете быть его (Филарета) учениками".

Схимонах Евфимий был призван божественной благодатью на путь иноческой жизни на 23-м году от рождения. В миру было имя его Евстафий Любимченко; он уроженец Полтавской губернии Зеньковского уезда, из вольноотпущенных дворовых людей помещика Суммы. Время поступления его в Глинскую пустынь в точности неизвестно. В послужных списках он в 1818 году значится послушником Глинской пустыни, находящимся на предварительном испытании. Вероятно, это и был год его поступления в монастырь.

Вначале послушник Евстафий проходил различные трудные послушания, какие в пустынных монастырях назначаются новоначальным: кухня, хлебопекарня и прочие черные работы. Трудясь неленостно и внимательно, послушник Евстафий своей кротостью и благонравием скоро обратил на себя внимание настоятеля и братии и был назначен келейником к настоятелю старцу Филарету. Из последующей его жизни видно, что послушник Евстафий, находясь всегда при своем богомудром настоятеле старце Филарете, имел сердце открытое для принятия духовных внушений, которые принимал от него с детской верой и любовью к нему. Преподаваемые уроки для иноческой жизни он старался глубоко внедрять в свое сердце, так что для него всякое слово, исходящее из уст настоятеля Филарета, было непреложным законом, которого ни в каком случае нельзя не выполнить. Уже будучи в старости, когда он передавал молодым братиям слышанные им наставления от настоятеля Филарета, он подтверждал, говоря: "Так учил нас старец Филарет".

Схимонах Евфимий
(Любимченко)
(1795—1866)

В 1827 году Евстафий, уже носивший рясу и камилавку, был определен на пономарское послушание. Таковое назначение, судя по ревности его к храму Божию, было для него истинным духовным утешением. Нужно заметить, что в то время в Глинской пустыни пономарское послушание считалось весьма почетным, а при этом и весьма ответственным, так как пономарю поручались ключи от церкви и все, что находится в церкви, и все доходы церковные, т.е. сбор денег молебных, проскомидных, исповедных, запивных и прочие; все сборы поручались ему бесконтрольно, посему на пономарское послушание назначались братия испытанные и весьма благонадежные.

Пономарь должен был смотреть за чистотой алтаря и церкви; его обязанность — зажигать свечи, лампады и все прочее алтарное и церковное дело, но особой бдительности требовалось от него в том, чтобы всегда быть готовым в известный момент, так как в Глинской пустыни устав требовал строгого исполнения в точности определенного времени для известного богослужения. По уставу Глинской пустыни утреня начинается в двенадцать часов ночи. Пономарю к этому времени нужно быть всегда готовым, чтобы к исходу двенадцатого часа принять от настоятеля благословение и затем следить, чтобы в точности в известную минуту ударить три раза в колокол "на повесть", а затем спешить отворять церковь и зажигать огни. Так как пономарь при всяком богослужении первый входит в церковь и выходит последним, то для исправного исполнения дел требуется особенное воздержание, всегдашняя бдительность; там тщательные пономари если ложились отдохнуть, то не раздеваясь и не распоясываясь, чтобы быть готовыми. Евстафий с самого начала под руководством старца Филарета проводил жизнь строгую: труд, бдительность и воздержание были ему присущи и постепенно входили ему в обычай; поэтому для тщательного Евстафия всегдашнее пребывание в храме Божием было духовным утешением и весьма удовлетворяло потребности его ревностного духа.

В 1832 году 20 декабря Евстафий был пострижен в мантию строителем Филаретом и наименован Евфимием. Еще до принятия ангельского образа монах Евфимий проводил жизнь подвижника. По принятии же на себя благого ига Христова он прилагал внимание ко вниманию. Испытывая на опыте, как действителен бывает для очищения сердца Божественный страх, который, по словам Псалмопевца, "чист пребывает во век века" (Пс. 18, 10), монах Евфимий начал прилагать труды внутреннего духовного делания для приобретения этой чистительной добродетели. Из его наставлений впоследствии молодым братиям ясно видны его прежние сокровенные делания и приемы для внедрения в свое сердце страха Божия, нераздельно пребывающего с непрестанной памятью Божией. Ясно, что монах Евфимий поставил себя в присутствии всевидящего и вездесущего Бога и перед Его зрением совершал свои внешние дела и внутренние подвиги. Он запечатлел в своем сердце, что простертое на него зрение Божие наблюдает все его и внешние подвиги, и внутренние мысленные движения души. О таковом состоянии говорит пророк Давид: "Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся" (Пс. 15, 8). Продолжая свой внутренний труд, он при содействии благодати Божией настолько успел в приобретении этой добродетели, что она проникла все его душевное существо, как бы

сорастворилась с ним и пребывала всегда неотлучно в его сердце. Уже в глубокой старости, бывши изможденным воздержанием и подвигами, когда он проходил по церкви, то держал себя в таковом настроении. Внимание его было сосредоточенное, благоговейно погруженное внутрь себя, руки по швам, ногами переступал на одних пальцах (на цыпочках) так тихо, как бы он проходил в присутствии Самого здесь сидящего Господа и смотрящего на него.

Впоследствии, внушая другим братиям уроки о приобретении добродетели — страха Божия, старец Евфимий говаривал, что подвиг сей требует не одного внутреннего сосредоточения, но и внешнего попечения о благопристойном расположении тела в благоговейном настроении. Это последнее весьма содействует внутреннему душевному благонастроению. "Ты, — говорил он, — старайся себя держать в такой благопристойности, как держат себя в присутствии земного Царя, особенно когда бываешь в храме Божием, где Господь являет Свое особенное присутствие".

Настоятель Глинской пустыни, принимая во внимание строго подвижническую жизнь монаха Евфимия, относился к нему весьма почтительно и, желая назначить его духовником, как искусного старца, для руководства молодых братий, предложил ему принять священный сан. Но монах Евфимий, руководясь свойственным ему подвижническим смиренномудрием, отказался наотрез, он сказал настоятелю: "Отче святый! Тому, кто должен учить других, надо прежде постараться самому все знать, а я еще только начинаю учиться".

Внимательный к движениям своей души, монах Евфимий всегда уклонялся от всяких почестей. Он говорил: "Чтобы успешнее вести брань со страстью честолюбия, для этого лучше отсечь раз навсегда самые причины, возбуждающие в нас поводы к честолюбию, потому что пожеланиям нашего ветхого человека конца нет. Если получишь одно, то хотения наши разгораются к получению еще другого высшего, если получишь другое, пожелания еще более умножаются к получению еще высшей степени, и так далее и так далее. Получив сан диакона, непременно пожелаешь получить сан иеромонаха, а далее также пожелается получить набедренник, а еще далее и какую-либо почетную должность, и так в этой области нашим пожеланиям нет предела. Посему самое лучшее сразу преградить путь этому отсечением причин к получениям почестей. Заменить все одним исканием приближения к Богу; этим путем душа наша скорей достигнет желанного покоя".

Хотя подвижник Евфимий сам, по своему глубокому смирению, уклонился от принятия священного сана, но впоследствии некоторым другим братиям, слабейшим духом, не советовал без причины уклоняться от предлагаемого священства. Вероятно, этот самоотверженный поступок не прошел ему даром: не мог же оставить его в покое враг рода человеческого, борясь с которым преподобный Серафим стоял тысячу суток на камне, когда отказался два раза от предлагаемого настоятельства в сане архимандрита.

Старец Евфимий, следуя изречению своего Спасителя во святом Евангелии: "Иже аще хощет в вас вящий быти, да будет вам слуга" (Мф. 20, 26), отклонив от себя священный сан, решился быть меньшим слугой в святилище алтаря Господня, чтобы прислуживать всем священнослужителям. Уже когда многие из его учеников были диаконами

и иеромонахами, он при богослужении, подавая кадило и другие принадлежности, со смиренным почтением целовал их руки, отдавая должное священному сану, не обращая внимания на то, что эти ученики, почтенные иеромонахи, обращались к нему с глубоким уважением и благоговением и принимали от него уроки жизни.

Проходя пономарское послушание многие годы, старец Евфимий свободные часы посвящал другим занятиям. Он трудился в саду, сажал деревья, окапывал и поливал; то же делал и внутри монастыря, в палисадниках около братских корпусов.

Часто старец Евфимий удалялся в чащу леса; там в уединении от всякой суеты он предавался молитвенному созерцанию, к известному времени возвращаясь из леса в монастырь. Как любитель природы, он отыскивал кусты диких замечательных цветов, выкапывал эти кусты, приносил в монастырь и высаживал их около собора на площадке монастыря, заботясь о них, чтобы они не засохли. Таким образом он засадил дикими цветами всю верхнюю площадку, на всем ее пространстве, от собора вверх до архиерейского сада и от теплой церкви до просфорного корпуса. Эта площадка в летнее время, когда природа одевалась в свою красоту, представляла сплошной разноцветный красивый ковер, издающий тончайшее приятное благоухание. Приходилось видеть, как уже в старости лет старец Евфимий поддерживал эту площадку насаждением новых кустов цветов, а вечерами приходил на площадку любоваться этими дивными созданиями — цветами, воздавая хвалу Создателю всяческих.

Подвиги внутренние и внешние старца Евфимия в летах его мужества и до старости скрыты от нас неизвестностью, за исключением некоторых весьма малых сведений, каковые он высказывал при случае братиям, обращавшимся к нему за наставлениями относительно борьбы со страстьми.

Однажды, укрепляя в борьбе вопрошавшего его брата, он рассказал ему о себе, как он сам в молодости однажды боролся с блудным духом, нападавшим на него с ожесточением. Желая отразить его разженные стрелы, он связал себя по нагому телу узловатой бечевкой и покрепче скрутил чуркой; не давая себе пищи и покоя, он ходил целую неделю по лесу, день и ночь не развязывая бечевки. В таком положении с крепким сердечным воплем обращался он ко Господу, молясь об избавлении от налегавшей брани. И когда приспела помощь Божия, он, ощутив в сердце мир и во всем теле покой, решился снять бечевку со своего тела, но эта последняя оказалась глубоко въевшейся в тело. Кожа под бечевкой, воспалившись, присохла к ней. Когда он отодрал бечевку с кожей, по всему протяжению оказалась сплошная рана. Кровь лилась по всему телу, а подвижник, смотря на это и терпя болезнь, улыбаясь, приговаривал себе: "А что, Евфимий, хорошо? Может быть, еще чего захочешь? Тогда еще не то тебе будет". Этот факт высказал подвижник при случае, желая укрепить брата в борьбе с врагом. Если принять во внимание сокровенность подвижников, которые всячески стараются скрывать свои подвиги и другие делания, то надо верить, что подобных самоистязаний подвижник Евфимий перенес немало, но они ведомы единому Господу.

По послужным спискам значится, что старец Евфимий в 1853 году послушания не проходил по болезни, а в 1854 году был уволен за штат. Затем в 1855 году уже говорится: "временно пономарит". 1856—1857 годы

тоже временно пономарит. Действительно ли была болезнь причиной к увольнению за штат старца Евфимия? Или, быть может, это канцелярский обход того времени? Причины к увольнению за штат в то время бывали следующие. Всякий настоятель имел право с разрешения Святейшего Синода постригать в монашество такое число братии, какое полагалось по штату, это число бывало весьма ограниченное, посему некоторые монастыри терпели весьма чувствительный недостаток в священнослужителях. Чтобы иметь возможность постричь способных братий, нужно было наперед иметь для сего свободные вакансии, следовательно, надо было исключить неспособных за штат. Настоятели того времени вынуждены были прибегать к такому обходу, так что приходилось приписывать некоторым и слабость старческую, и болезнь для исключения за штат. По всей вероятности, и старец Евфимий, как отказавшийся от принятия священного сана, а для такового состоять в штате или за штатом все равно, был по указанной причине уволен за штат. Здесь приходится не особенно полагаться на канцелярские указания, которые в силу необходимости иногда не выполнялись. Голос братии добросовестно свидетельствует, что старец Евфимий проходил пономарское послушание тридцать лет. Это последнее утверждали братия, глубоко почитавшие старца, следовательно, и знавшие это основательно. В общем смысле и списки подтверждают то же самое. В 1827 году показано, что рясофорный послушник Евстафий пономарит; в 1857 году монах Евфимий, ровно через тридцать лет, все еще пономарит. Далее уже говорится, что по болезни послушания не проходит.

Постриг в схиму старца Евфимия был совершен в пятидесятых годах, когда он был уволен за штат, а так как постриг был совершен в тайне, то имя ему не переменялось.

Старец Евфимий строго соблюдал все установления настоятеля Филарета: он носил всегда низенькую камилавку, не более двух вершков в высоту, каковую носил в свое время и настоятель старец Филарет, а также и вся его братия при его управлении; круглых схимнических камилавок в Глинской пустыни тогда не было, и схиму как старец Евфимий, так и прочие схимники снаружи не носили, а надевали только тогда схиму, когда приступали приобщаться Святых Таин и то под мантией. Наружностью же схимники не отличались по одежде от мантийных монахов ни мантией, ни камилавкой. Вообще старцы-схимники в то время смиренно избегали всякой показности для посторонних зрителей, чему подражатель был и старец Евфимий.

Схимонах Евфимий, проходя тридцать лет пономарское послушание, имел почти непрестанное пребывание в храме Божием. Всегда при начале богослужения входил первым и по окончании продолжительного пустынного богослужения и всех треб выходил последним, следовательно, для отдыха и принятия пищи ему оставалось времени немного. Таковое многолетнее пребывание во святилище Божием, где приносится непрестанное славословие и хвала Господу сил, обратилось ему в такую привычку, которая требовала сего пребывания как бы какой жизненной потребности.

Когда старец Евфимий по старости лет не мог исполнять пономарского послушания и был уволен по слабости здоровья, то, несмотря на свою слабость, он на всякое богослужение спешил к началу и выстаивал

внимательно до конца. В Успенской теплой церкви, в правом приделе, на солее около ризницы была сделана отдельная форма, эту форму старец Евфимий выпросил себе у настоятеля и в ней как бы поселился; у него там имелись некоторые принадлежности, требующиеся иногда: книжки, полотенце, гребешок, скамеечка, подушечка из шерсти. Сей подвижник был настолько внимательный, что не пропускал рассеянно мимо слуха чтения в храме Божием; всегда углубляясь в смысл песнопений и чтений, он богато питал ими свою душу, а когда постарел и слух ему стал изменять, а при этом еще и случаются чтецы со слабым голосом, в таких случаях, когда читались кафизмы, старец Евфимий брал низенькую скамеечку и подходил близко к чтецу, садился и слушал внимательно чтение, а иногда брал свою маленькую шерстяную подушечку, подходил к солее и склонялся грудью на железную решетку, предварительно подложив подушечку; таким образом стоя неподвижно, углубляясь в смысл читаемого, здесь уже он не мог уронить ни одного слова. Старец Евфимий от сильных подвигов и постнического воздержания был очень сух, вследствие этого охранял свою изможденную грудь шерстяной подушечкой от жесткости и холода железной решетки, на которую он склонялся.

Подвижник схимонах Евфимий, стремясь к высшему совершенству, давно уже порвал всякие связи с внешним миром; он стремился отрешиться и своими чувствами от всего видимого тварного в мире сем. Его пребыванием были два места: храм Божий — место всегдашнего общественного песнопения и молитвословия, и келлия — место уединенных подвигов и молитвы, но и эту последнюю он обставил так, что она не была похожа на обыкновенное человеческое жилище. Она была уставлена зелеными сосновыми ветками, особыми сосновыми причудливыми наростами, какие бывают иногда на деревьях; по стенам и по окошкам, где только можно пристроить, виднелись сухие наросты грибных пород, губни сухие, которые растут на сухих деревьях, зеленый мох и другие растения, которые прочно могут сохраняться в сухом виде. Старое кресло, на котором он сидел, было все обложено такими наростами и обставлено сосновыми ветками. Все такое украшение на закоптелых стенах представляло вид не келлии, а пещеры в диких каменистых скалах. По стенам довершали украшение картины бумажные и живописные, изображения преподобных древних подвижников: Павла Фивейского, увешанного листьями, Антония Великого, сидящего в пустынной пещере; Илии пророка у потока, получающего пищу, принесенную вранами; далее преподобный Малх, плененный сарацинами, в пустыне коз пасет; и другие сим подобные. Видно было, что он готов был подражать великим столпам иночества, готов переселиться в пустыню к тем, которые были за тысячи лет перед его временем, но за невозможностью переселиться туда переносился к ним мысленно и жил с ними духом.

Как преданный ученик игумена Филарета, схимонах Евфимий весьма радел о соблюдении чиноположения, установленного игуменом Филаретом в Глинской пустыни. В церкви положенное пение, чтение, поклоны, сидение, стояние и все прочее тогда строго соблюдалось в точности по преподанному порядку игумена Филарета. Вновь поступающей братии передавались точные сведения всего церковного

чиноположения. Старец Евфимий много содействовал поддержанию таковогo благонастроения; он знал, что новоначальные, особенно молодые братия, приходят в обитель с открытым сердцем для принятия всего передаваемого и что весьма полезно направлять их в самом начале в правилах монастырского благоговейного настроения, а посему обращал особенное внимание на новоначальных, он указывал, как держать себя, проходя по монастырю, как держать себя, идя по церкви, часто показывал это собственным примером. "Когда идешь по церкви, — говорил он, — будь внимательный, держа себя в таком настроении по внешности, в каком держат себя подданные в присутствии земного царя, по внутреннему же чувству помни, что на тебя зрит Царь Небесный, здесь в храме Божием он являет Свое особенное присутствие. Когда идешь, по сторонам не смотри, руки держи по швам, ступай ногами тихо и благочинно, старайся проходить так, чтобы шествие твое совершенно не было слышно, чтобы не помешать вниманию молящихся".

Старец часто подходил к новоначальным в церкви и указывал самые приемы собственным примером, как в благоговейном чувстве полагать земные поклоны. Он говаривал: "Смотри, брат, я тебе покажу, как нас учил старец Филарет". Он становился рядом с новоначальным братом, приняв позу благоговейного настроения; при этом внушал помнить, что предстоишь и поклоняешься великому Царю Небесному, зрящему на нас; он полагал внимательно на себе крестное знамение, тихо опускал на землю вначале правое колено, затем левое и поклонялся, касаясь челом земли. Затем поднявшись на оба колена, он вставал вначале на правую ногу, потом на левую. У него так выходило, что поклон полагался на самом том месте, где ногами стоит молящийся. Все сказанное старец Евфимий передавал молодым братиям в простоте сердца, с непритворной отеческой любовью, истинным желанием преподать им урок того действительного внешнего и внутреннего монастырского общежительного иноческого благонастроения, которого сам был первый строгий исполнитель, посему слово его, растворенное сердечной любовью, было весьма действующим. Благодаря его вниманию, в церкви при богослужениях братией поддерживался однообразный чин и даже однообразные приемы действий.

Тридцать лет исполняя пономарское послушание, схимонах Евфимий усвоил себе в совершенстве знание церковного устава и многосложного местного чиноположения, установленного в Глинской пустыни, так что к нему обращались при всех недоумениях. Это был живой Типикон Глинской пустыни.

Прожив в Глинской пустыни безвыходно сорок восемь лет, схимонах Евфимий не изменил своей природной национальности. Несмотря на то что среди Глинской братии преобладал русский элемент, он в полной неприкосновенности сохранил свой природный малороссийский язык, всегда говорил на украинском наречии. В простоте души он водрузил в своем сердце страх Божий и пребывал непрестанно во внутренней молитве с любимым Господом Сладчайшим Иисусом, имя Которого молитвенно носил в своем сердце.

Роста старец Евфимий был выше среднего. Тело его от воздержания было весьма сухо; он был очень стройный и подвижный, лицо правильное, несколько продолговатое, совершенно постнического вида.

Нос ровный, умеренный, глаза светлые, блестящие. Борода умеренная, седая, несколько продолговатая, красивая. Черты изможденного лица всегда сосредоточенные, но при этом всегда отражали знаки внутреннего духовного радования. Благодатное отражение на его лице видно было всегда для внимательных зрителей, которое отражалось иногда приятной неестественной белизной и показывало светло-сиятельный тонкий оттенок.

К концу 1865 г. старец Евфимий почувствовал от старости и подвигов ослабление сил, но, несмотря на телесную немощь, всегда бывал в церкви на богослужении. А в 1866 г. к концу января он совершенно заболел. Предсмертная болезнь приковала его к одру. Но обратившаяся в природу привычка к храму Божию, к богослужению, песнопению, слушанию слова Божия, влекла его неудержимо в храм Божий. Он просил братию водить его в церковь на богослужение. Время было зимнее, и случилась оттепель, так что погода стояла ненастная, ходить было очень скользко, но несмотря на все это, его, едва движущегося, одевали в подрясник, мантию, клобук и водили или, лучше сказать, почти носили на руках два монастырских брата в теплую церковь и усаживали на правой стороне, на приступочке близ чтеца, где он, сидя, выслушивал богослужебное пение и чтение. Старец сидел неподвижно, опустив голову, закрыв лицо клобуком. Мне, пишущему эти строки, в то время часто приходилось читать около сидящего старца; смотря на него, я не раз думал, жив ли он или уж святая его душа отлетела в горние селения. По окончании богослужения он давал знать, и его отводили в келлию, а на следующее богослужение он опять просил вести его в церковь. Таким образом продолжали его водить, пока он уже совершенно не изнемог.

Когда старец приблизился к кончине, он просил напутствовать его Святыми Таинствами; просьба была исполнена: над ним совершили Таинство Елеосвящения и Святого Причащения. По принятию Тела и Крови Христовых он сидел на коечке, мирно ожидая своего переселения в иной мир. При светлой улыбке на его лице из его глаз падали слезы. Один из братии по своей простоте спросил отходящего старца: "Батюшка, что вы плачете! Разве и вы боитесь умирать?" Старец посмотрел на него с приятной улыбкой и сказал: "Чего мне бояться? Идти к Отцу Небесному и бояться! Нет, брат, я, по благости Божией не боюсь, а что ты видишь мои слезы, это слезы радости. Столько лет душа моя стремилась ко Господу, а теперь приближается желанное время, я скоро предстану Тому, к которому всю мою жизнь стремилась душа моя и увижу Его: вот слезы и текут".

Таковой любовью и божественным страхом преисполнена была душа старца-подвижника, отходящего от земного бытия, и от радости, что он скоро увидит любимого Господа, у него из глаз лились слезы; таковое утверждение в надежде чуждо всякого смущения, а посему, мирно пребывая в сердце своем с любимым Господом пресладким Иисусом, он скоро испустил тихий последний вздох, с которым блаженная его душа оставила земное многотрудное тело и потекла к любимому Господу со страхом и радостью.

Так окончил свое земное многотрудное подвижническое поприще сей дивный подвижник схимонах Евфимий, на 71-м году своей жизни 7 февраля 1866 года.

Тело же его было опрятано по обычаю иноческого чиноположения, и началось чтение Святого Евангелия.

На второй день 8-го числа утром был совершен вынос в церковь, а после заупокойной литургии — соборне исходное последование монашеского погребения. Когда совершалось последнее целование, от тела его разлилось дивное благоухание, которое многие внимательные из братии ощутительно обоняли, воздавая славу Господу, прославляющему святыя своя. По окончании отпевания гроб был поднят на руках братии и отнесен на братское кладбище в ближний скит Иоакима и Анны; здесь около задних ворот в уготованную могилу был опущен гроб при молитвенных песнопениях по чиноположению церковному. Так сокрыто было в земных недрах тело того, которого душа в пламенной любви всю жизнь стремилась ко Господу и достигла такого сыновнего страха, который уже не мучает, а радует.

Примечания

1 За разрешением пострига в монашество тогда обращались в Святейший Синод.

Литература

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910.

Глинский подвижник схимонах Евфимий. (Память 7 февраля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. М., 1912. С. 205—220.

Марк (Лозинский), игумен, проф. МДА. Отечник проповедника. Практическое пособие для студентов. 1221 пример из Пролога и Патериков. Загорск (ныне Троице-Сергиев Посад. — *Примеч. издат.*). Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 244. (№ 344: "Глинский схимонах Евфимий умирал со слезами радости".)

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. М., 1908. С. 10.

Отец Евфимий // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 46;

То же. Одесса, 1904. С. 46.

То же. Курск, 1912. С. 40.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий. Собр. игумен Иассон. Курск, 1910. С. 26.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Архивные документы

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским, Софье Ильиничне (Серафиме) и Варваре Ильиничне (Варваре). // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 3 об. 42 об., 117 об.

ИЕРОСХИМОНАХ ИОАНН (†1867)

(Память 11 августа ст. ст. / 24 августа нов. ст.)

Иеросхимонах Иоанн (в миру Иван Крюков) родился 20 сентября 1795 года в семье небогатых мещан г. Курска. С детства сердце его горело стремлением к монашеству, которое пробудили слышанные им рассказы о подвигах спасавшегося в Сарове преподобного о. Серафима. Однако не скоро исполнилось желание Ивана. По воле родителей 7 лет он учился у мастера, изготавливавшего печные изразцы, затем поступил приказчиком к торговцу скотом. По настоянию родителей Иван женился. Постепенно благосостояние его улучшилось. Он открыл небольшую фабрику изразцовых печей, кроме того содержал два постоялых двора и гостиницу. Но богатство не изменило его духовной настроенности. Иван отличался строгой благочестивой жизнью, часто ходил в храм и не оставлял мысли о монашестве. Вскоре жена его умерла, он остался бездетным и в 1833 году по совету духовника Киево-Печерской Лавры поступил в Глинскую пустынь, процветавшую тогда под руководством игумена Филарета.

Отец Филарет сначала определил его помогать монастырскому гостиннику. От отца гостинника Иван и получил первые уроки жизни иноческой. Впоследствии он всегда относился к старцу гостиннику с особым почтением и доверием, часто открывал ему свою душу. Через полтора года о. Филарет назначил Ивана монастырским печником. В течение четырех лет он ревностно исполнял возложенное послушание и много печей в пустыни сложил своими руками. Затем игумен определил его в братскую трапезную, где он трудился почти полтора года. После этого послушания о. Филарет назначил Ивана экономом и 22 июня 1840 года постриг в монашество с именем Иоанникий. В должности эконома он пробыл пять лет, исполнял это послушание с немалой пользой для обители. Игумен Филарет, а затем и настоятель о. Евстратий относились к нему с любовью и доверием.

С первых дней поступления в монастырь отличительными чертами о. Иоанникия были простосердечие, усердие к послушаниям, искренность, честность. С простотой нрава соединялась в нем глубокая искренняя вера, чуждая колебаний и сомнений.

В Глинской пустыни под руководством игумена Филарета и других старцев о. Иоанникий прошел строгую школу духовного делания. Неукоснительное исполнение аскетического устава обители выработало в нем самособранность, способность к великим подвигам и трудам. Он непрестанно возделывал ниву своего сердца молитвой, постом, чтением Слова Божия и изучением творений святых отцов (по благословению духовника в Глинской пустыни о. Иоанникий научился читать и писать). Это был ревностный молитвенник. Кроме неопустительного посещения всех продолжительных богослужений Глинской пустыни, о. Иоанникий и

в келлии почти все свободное от работы время посвящал молитве с многочисленными земными поклонами.

Но особенно способствовало его духовному возрастанию полное отсечение своей воли и послушание старцам. Отец Иоанникий впоследствии рассказывал, что в келлию к игумену Филарету он всегда входил с трепетом и благоговением, как бы готовясь предстать перед лицом Божиим[1]. Без благословения старцев о. Иоанникий не принимал ни одного решения. Глинская пустынь воспитала его, как воина Христова. О высоте его духовной жизни свидетельствует тот факт, что в этой обители он исцелил двух бесноватых[2].

Одиннадцать лет подвизался о. Иоанникий в любимой им Глинской пустыни. В 1844 году он был назначен экономом восстанавливаемого Святогорского Успенского монастыря. Здесь он особенного много потрудился для благоустройства обители. Настоятель архимандрит Арсений ценил его труды. В 1849 году о. Иоанникий был рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха и назначен духовником для богомольцев[3]. В 1850 году по благословению епархиального архиерея о. Иоанникий затворился в меловой пещере. 29 августа 1852 года старец-подвижник был пострижен в схиму с именем Иоанн. 17 лет подвизался он в затворе и прославился великими подвигами. Многие иноки и богомольцы обращались к о. Иоанну за советом. Беседа с ним успокаивала и приносила облегчение обремененной грехами душе. Старец имел дар прозорливости. Часто он называл по имени людей, которых видел впервые. Он имел также дар исцеления.

Иеросхимонах Иоанн предсказал день своей кончины, которая последовала 11 августа 1867 года. Впоследствии богомольцы часто служили панихиды на его могиле, где совершилось множество исцелений.

Примечания

[1] Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Изд. 6-е. Одесса, 1893. С. 13.

[2] Там же. С. 16, 19.

[3] Иеросхимонах Иоанн, затворник Святогорский // Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. Изд. 2-е. СПб., 1901. С. 445.

Литература

Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Изд. 6-е. Одесса, 1893. 98 с., илл.

Иеросхимонах Иоанн, затворник Святогорский // Поселянин Е. Русские подвижники 19 века. Изд. 2-е, значит. доп.; с портр. и рис. СПб., 1901. С. I—II., 442—452

Иоанн, затворник Святогорский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Август. М., 1909. С. 230—236.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 46, 148.

Иеромонах Феодосий, первый духовник возобновленной Святогорской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. Том доп. Ч. 1. Кн. 2. М., 1912. С. 320.

Святогорская общежительная Успенская пустынь. М., 1867. С. 152.

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля, архимандрита Германа / А.Ф. Ковалевский. Изд. 2-е. Харьков, 1894. С. 43.

Иеросхимонах Иоанн
(Крюков)
(1795 —1867)

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Одесса, 1904. С. 48. То же. Курск, 1912. С. 41.

Троицкий листок. № 4.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279—280.

Феофил Святогорский, Христа ради юродивый // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь. М., 1906. С. 210, 213.

Духовник Святогорской Успенской пустыни иеромонах Иоанникий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Февраль. М., 1906, С. 137.

Жизнеописание старца Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 47. С. 75.

ИЕРОМОНАХ ПОРФИРИЙ (†1868)

(Память 23 марта ст. ст. / 5 апреля нов. ст.)

Цит. по:
Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий. (Память 29 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 331—336.

Сердобольный отец Порфирий в жизни своей во имя любви к ближним много потерпел горя. В миру он назывался Петром Левашовым, был сын священника, отличался выдающимися способностями. В 1816 году, по окончании курса Оренбургской семинарии, 19-ти лет от роду, он в ту же семинарию был определен учителем. Через два года возведен в сан священника, разновременно был благочинным, присутствующим в духовном правлении и членом консистории. Священствуя в Оренбургском кафедральном соборе, о. Петр был экзаменатором ставленников. В 1810 г. он протоиереем переведен в г. Бузулук (тогда Оренбургской, ныне (т.е. во время написания жития иеромонаха Порфирия. — *Примеч. издат.*) Самарской губернии), где был благочинным и цензором проповедей. Все свои доходы о. Петр раздавал бедным и сам терпел крайнюю нужду: каждый месяц оставался должен 20—50 руб. и, как говорят, не мог свести концы с концами. Но во всем уповал на Бога, Который не оставлял его в нуждах. Однажды ему нужны были деньги, но он не стал ни у кого просить. Однако любящие его граждане сами собрали ему 1000 руб. и просили их принять на расходы.

Любя правду и прямоту, скорбя за все, что нарушает нравственные законы в человеке, в обществе и государстве, отец Петр особенно возмущался откупной продажей спиртных напитков, которая в сороковых годах прошлого (19-го. — *Примеч. издат.*) столетия действовала в полной силе. Откупщики или спаивали народ дешевой водкой, или преследовали желающих купить водку на стороне за более дешевую цену. Оттого немало было столкновений, побоищ и убийств. Протоиерей Левашов, готовый душу свою положить за други своя, ради общего блага, решился действовать против откупной системы. Но кто мог его послушать? Кто мог отменить откуп? Только государь. Печальник о благе народа долго боролся между желанием пресечь отечественное горе и опасностью оскорбить своего монарха. Первое желание превозмогло. В 1848 году, во всеподданнейшем прошении императору Николаю I протоиерей Левашов в ярких красках изобразил все бедствия народа и просил отменить откупную систему. Вместе с тем в органах государственного правления предлагал оставить неправые пути и следовать во всем закону Господню.

Нам неизвестно, до или после подачи этого прошения у о. Петра скончалась любимая супруга. В своем стихотворении "Валаамские думы" он пишет, что не осушились еще на глазах слезы о понесенной утрате супруги, как он внезапно был подхвачен и выброшен на скалу Валаама. Дело в том, что великая ревность о благе народа и желание сильнее убедить в своих доводах, не сдержали о. Петра в своих границах. За резкие выражения в прошении его сослали на Валаам, как человека, который взялся не за свое дело и одержим манией все представлять в самом

мрачном виде. Настоятелю Валаамского монастыря предписали устранять Левашова от общения с посторонними и не дозволять вести переписку без ведома начальства. На Валааме о. Петр был помещен в скиту Всех Святых. Сначала к нему относились очень подозрительно, все сторонились его, о нем пронесся "всяк зол глагол". Тут его не поняли. Одни считали его прельщенным, другие мятежником. В слезах его видели хитрость, в мольбах — притворство. За это время о. Петру пришлось много вытерпеть. Одно утешение он находил в молитве. *Всех скорбящих Радость* Пресвятую Деву Богородицу он молил:

"Дай всю твердость мне терпенья
Принимать позор, глумленья,
Как бы перлы в тех венцах,
Кои ждут нас в небесах".

В 1855 году отец Петр ожидал только отрады в смерти. Он писал:

"Радости в мире
Нет у меня; —
Бедная нива
Не так угобзилась, —
Полынью, крапиву
Мне принесла.
Одна лишь отрада
Ждать мне теперь:
Скоро ль настанет
Последний мой день".

Но всеизглаждающее время смягчило отношения к изгнаннику. С другой стороны, его духовная мудрость и дар прозрения не укрылись от людей беспристрастных. К нему стали приходить и приезжать лица разных званий. Одни хотели его видеть, другие получить совет, третьи утешение и т.д. Отец Петр, по доброте своей, не мог отказывать и всех напоял богомудрыми речами[1]. Начальство обители поставлено было в недоумение. Отказывать богомольцам не желалось так же, как и нарушать распоряжение высшей властей о недопуске посетителей к о. Петру. Поэтому сочли за лучшее просить перевести его куда-либо в другое место. В мае 1857 года его перевели в Спасо-Прилуцкий монастырь близ Вологды. Но северный болотный климат разрушительно действовал на здоровье о. Петра. Он просил перевести его в Глинскую пустынь, которая известна была ему по строгости иноческой жизни. Желание его исполнили: в сентябре 1859 года протоиерей Левашов прибыл в обитель, которую сам избрал. Здесь он вел себя уединенно, прилично, скромно, благочестиво, к церкви был прилежен и с усердием участвовал в соборных богослужениях.

Если не скоро можно предпринять какую-либо перемену в обычной жизни семьи или общества, — тем более это надо сказать в отношении ко всему государству. Но народное бедствие не давало покоя отцу Петру, ревность побуждала его ускорить ход дела, и вот он повторил свою просьбу в прошении императору Александру II. С 1 января 1863 года отменена была откупная продажа спиртных напитков, и о. Петр утешился.

В Глинской пустыни протоиерей Левашов пленился умилительным чином богослужений, полюбил благочестивые уставы и обычаи обители, освоился с братиями, привык к их пустынной жизни и остаток дней своих желал окончить в монашестве, почему и просил епархиальное начальство постричь его в монахи и зачислить в братство Глинской пустыни. Игумен Иннокентий, представляя его прошение, доносил, что "благое настроение духа, образовавшееся у о. Петра вследствие многолетнего безотрадного положения, при преклонных летах, может быть принято за прочное основание для будущей его жизни в звании монашеском", и ходатайствовал о пострижении протоиерея Левашова и о снятии с него надзора. Просьба была уважена. 16 февраля 1863 года отец Петр с именем Порфирий пострижен в монашество, а на другой год по высочайшему повелению освобожден из-под надзора.

В тиши глинского уединения о. Порфирий не укрылся от народа. О нем узнавали, как о своем печальнике и радетеле, к нему шли, писали и просили советов, присылали деньги. Нестяжательный старец просил денег ему не присылать, принимал только чай и сахар для угощения приходящих к нему братий; все присылаемое отдавал бедным и иногда сам терпел великую нужду. Претерпевший много скорбей, иеромонах Порфирий особенно умел утешать скорбящих, заступать обидимых и плакать с плачущими.

Мягкое, любвеобильное его сердце исполнялось чуть ли не большей скорбью, когда ему говорили о скорбях; из глаз его струились слезы. "Родной мой", — скажет он — это его любимое выражение — и начнет утешать своей мудрой речью. Невольно приходилось выходить от него с радостью. Подвижник высоко ценил слезы утешающего и по собственному опыту писал:

"Для несчастного слеза
Выше перлов драгоценных,
Если в дар ему она
Пролилася от чувств нежных".

Не без скорбей пришлось нести подвиг утешителя скорбящих. Когда обидимые утешались, — обидящие не всегда были довольны им.

В часы своего досуга о. Порфирий писал статьи стихами и прозой. Несколько его статей напечатано было в журнале "Странник" за 1866—1868 гг. Последняя его статья называлась "О бессмертии", и сам он 23 марта 1868 г. отошел в бессмертие, имея от роду 71 год. В последнее время о. Порфирий заметно слабел. В день смерти до двух часов пополудни находился в забытьи, а очнувшись, стал говорить: "Бог человеколюбив, Он грешников (кающихся) прощает. В Глинской много монахов спаслось, много спасется".

По причащении о. Порфирий вечером скончался. Лицо его просияло особенным светом. Прозревая будущее, отец Порфирий говорил: "Со временем падет вера в России. Блеск земной славы ослепит разум; слово Истины будет в поношении, но за веру восстанут из народа неизвестные миру и восстановят попранное".

Могила о. Порфирия находится на братском кладбище Глинской пустыни и покрыта каменной гробницей с надлежащей надписью.

Примечания

[1] Немирович-Данченко В.И. Крестьянское царство (Валаам). 2-е изд. СПб., 1889. С. 264—265.

Литература

Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий. (Память 29 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Март. М., 1907. С. 331—336.

Иеромонах Порфирий // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 47.

То же. Одесса, 1904. С. 47; То же. Курск, 1912. С. 41.

Пророчества о будущем России // Земщина. Русская грамота Союза "ХВ". 1991. № 3(20). Январь. С. 1.

Немирович-Данченко В.И. Крестьянское царство (Валаам). 2-е изд. СПб., 1889. С. 264—265.

Труды иеромонаха Порфирия (Левашова)

О воспитании девиц в духе истинно христианском // Странник. 1866. Сентябрь. С. 85—125.

Взгляд на монашество // Странник. 1867. Февраль. С. 39—51.

О причинах раскола // Странник. 1867. Июль. С. 123—129.

Беседа со старообрядцами // Странник. 1867. Июль. С. 10—31.

О бессмертии // Странник. 1868. Март. С. 95—102.

АРХИМАНДРИТ ИЛАРИОН

Воспитанник Глинской пустыни архимандрит Иларион был миссионером в Квихпахской миссии в Америке с 1861 по 1868 г.[1].

Православная миссия располагалась на реке Квихпаке. Здесь в селе Икогмюте была церковь в честь Воздвижения Честного Животворящего Креста. Прихожане этой миссии жили по рекам Кускоквиму и Квихпаку. Последняя имеет протяженность свыше 2000 миль. Православных в миссии было более 4000 душ[2].

Примечания

[1] Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Ч. I. Одесса, 1904. С. 48. То же Ч. I. Курск. 1912. С. 41.

[2] О православной миссии в Америке. Церковные ведомости. 1895. № 45. С. 156.

Литература

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Ч. I. Одесса, 1904. С. 48. То же Ч. I. Курск, 1912. С. 41.

О православной миссии в Америке. Церковные ведомости. 1895. № 45. С. 156.

ИЕРОМОНАХ ПАИСИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ АРХИМАНДРИТ, НАСТОЯТЕЛЬ ЧУРКИНСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ПУСТЫНИ (†1869)

(Память 19 июля ст. ст. / 1 августа нов. ст.)

Цит. по кн.:
Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Успенско-Николаевской Чуркинской пустыни Астраханской епархии.
Астрахань, 1904. С. 2—16 [1].

Отец архимандрит Паисий (в миру Петр Димитриевич Сипченко) родился в 1801 или 1802 годах в местечке Новой Водолаге Валковского уезда Харьковской губернии и происходил, как значится в его формулярном списке, из войсковых обывателей. Простое семейство, в котором он увидел свет Божий, и сравнительная малочисленность школ того времени, лишили его возможности получить правильное школьное образование. Тем не менее в доме родителей он научился грамоте и полюбил книгу. Родители его впоследствии записались в купеческое сословие г. Валкова, и юному Петру, без сомнения, пришлось делить труды своих родителей по торговле. Но не торговля была его призванием. Замечательно умный и способный от природы, Петр, под влиянием, вероятно, прочитанных им житий святых Божиих, при своем глубоко религиозном настроении и увлекающемся темпераменте, решился вступить в монастырь. По всему югу славилась тогда подвижническим направлением своих иноков Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь, находящаяся в Путивльском уезде Курской губернии. Сюда-то в 1828 г. пришел этот искатель монашеских подвигов и, принятый в число братства ее, с усердием и ревностью начал проходить здесь все возлагавшиеся на него послушания.

Основанная на месте чудесного явления Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы, Глинская пустынь представляет собой самое удобное место для подвигов людей, ищущих спасения. Окруженная со всех сторон сосновым лесом, с его бальзамическим воздухом, удаленная от жилищ людских, она была и есть в полном смысле сего слова "пустынь". В описываемое нами время здесь настоятельствовал богомудрый подвижник, строитель и впоследствии игумен, старец о. Филарет, поставивший обитель на высоту нравственного совершенства. <...>

К сему-то мудрому и опытному наставнику, в эту великую школу иноческой жизни, пришел молодой, полный сил и здоровья ревнитель спасения Петр Сипченко. Но духовная жизнь полна терний и камней претыкания на спасительном пути. Случается, что, проживя в монастыре известное время, пришедший сюда охладевает в своем усердии: дух его мятется, в голове вереницей проносятся мысли о том, что и в миру для человека возможно и достижимо спасение, и т.д. В заключение он ставит перед собой вопрос: не оставить ли обитель и не возвратиться ли к прежним своим занятиям? С одной стороны, его устрашает тягота иноческого жития, с другой — жаль бывает и оставить тот род жизни, который им избран добровольно, а отнюдь не по принуждению и необходимости. В эти минуты тяжелой душевной борьбы он уподобляется человеку, стоящему на распутье двух дорог и не могущему решить,

который из этих двух путей избрать ему для следования. Вот в это-то тяжелое время ужасной внутренней борьбы и необходимо для человека особенно благодатное указание, могущее разом разрешить все его сомнения, положить конец всем его колебаниям.

Нечто подобное было и с нашим послушником Петром. Прожив в Глинской пустыни два года, он, вследствие неведомых нам причин и обстоятельств, очутился на только что упомянутом распутье. В это время, как светлое солнце, сиял в Сарове своими чудесами и благодатными дарами преподобный Серафим. Чтобы разрешить все свои сомнения, чтобы получить благодатное указание, смиренный послушник предпринял неблизкий и небеструдный путь из Глинской пустыни в Саров. И вот, в 1830 г. он появляется в Саровской обители, дабы спросить преподобного: "Есть ли ему благословение Божие поступить в монашество?" Молодой человек падает великому подвижнику, оканчивающему свое земное течение, в ноги, просит развязать душу его от вихря сомнений. Он робко предлагает святому старцу вопрос: "Есть ли воля Божия поступить ему и брату его, Николаю, в монашество?" Преподобный отвечал послушнику так: "Сам спасайся и брата своего родного спасай"[2]. Потом, подумав немного, сказал: "Помнишь ли житие Иоанникия великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезла нельзя было достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу — и ангел Господень вручил ему новый жезл".

Сказав это, о. Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и сказал: "Трудно управлять душами человеческими. Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братий ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей"[3]. Такова была воля Божия о молодом Глинском послушнике, изреченная устами великого и святого мужа нашей отечественной Церкви.

Путешествие по России, встреча с разными лицами, опытными в духовной жизни, знакомство с различными порядками внутренней и внешней жизни разных монастырей, им посещенных, для наблюдательного послушника имели большое значение, расширяя круг его воззрений, обогащая ум его многими сведениями. Образы древнего иночества постоянно предносились его духовному взору и увлекали к подражанию подвигами древних подвижников.

Возвратившись в Глинскую пустынь, успокоенный и умиротворенный духом, имея указание преподобного Серафима в благословении Божием — стать ему иноком, молодой послушник, полный крепости и сил телесных, с большей, против прежнего, ревностью проходил назначенное ему послушание. Его строительные и хозяйственные способности, так широко развившиеся впоследствии, дают нам основание предполагать, что послушание его состояло в наблюдении за производившимися в пустыни постройками. Его усердие, его благочестивая настроенность и совершенно безукоризненная жизнь обратили особенное, преимущественное перед другими, внимание мудрого старца Филарета, зорко следившего за духовным преуспеянием того, кому впоследствии суждено было самому стать руководителем монахов и благостроителем иноческой обители. 5 декабря 1833 г. этот усердный послушник, произнеся невозвратные обеты иноческие, от рук своего богомудрого настоятеля принял пострижение в

мантию, с наречением ему имени Паисий, в честь преподобного Паисия Великого.

Менее года пробыв в звании простого рядового монаха, 30 августа 1834 г., преосвященным Илиодором, архиепископом Белоградским и Курским, о. Паисий был рукоположен во иеродиакона. Проходя свое священно-диаконское служение с благоговением и дела своего послушания с рачительностью, иеродиакон Паисий прожил в Глинской пустыни до 28 февраля 1838 г., когда, по определению епархиального начальства, состоялось перемещение его в Троицко-Николаевский монастырь г. Белгорода, бывший тогда резиденцией курских архипастырей. В этой обители нетленно и открыто почивает св. Иоасаф Горленко, епископ Белогородский, чудодействующий со дня блаженной своей кончины и доныне. Под благодатным кровом сего святителя, 28 июня того же 1838 г., иеродиакон Паисий рукоположен был во иеромонаха.

В то время как молодой иеромонах Паисий проходил свое служение в Белоградском монастыре, на отдаленном Кавказе лилась и русская и туземная кровь. Русские воины старались укрепить здесь владычество родной земли и самодержавного государя, а горцы упорно отстаивали свои вековечные права. Борьба кипела ожесточенная. Долго дрались обе стороны. Жизнь двух враждебных друг другу сторон представляла бездну опасностей, и лица белого духовенства, в особенности семейные, крайне неохотно шли на службу полковыми священниками кавказской армии. Вследствие этого решено было заменить их иеромонахами различных монастырей. Один из таких иеромонахов был и о. Паисий, по высочайшему соизволению императора Николая Павловича, указом Святейшего Синода от 18 мая 1840 г. определенный в закубанское Абинское укрепление, в ведомство черноморской кордонной линии.

Прибыв к месту своего служения, о. Паисий тотчас же вступил в отправление обязанностей отрядного священника. К этому времени (1841 г.) относится следующее письмо его к иеромонаху Серафиму, впоследствии духовнику Глинской пустыни, с которым Паисий одновременно ехал по Черному морю в береговые укрепления, так как и Серафим в то же время был назначен отрядным же иеромонахом. Приводим письмо это полностью.

"Приехал я в черноморский город Екатеринодар 11 мая, для заготовления запасных Даров. Воспользовавшись случаем, сим долгом почел сообщить вам, как другу, о своем положении. Я, по отъезде вашем из Новороссийской крепости, отправлен к атаману черноморского войска. Он, по разрешению корпусного командира, командировал меня в Абинское укрепление, которое, к счастью моему, как местоположением, климатом и укреплением, лучше всех береговых укреплений. Сообщение с Россией в два месяца имеешь раз, и каждый год можно быть в Черномории не меньше двух месяцев. Гарнизону у нас 100 человек. Молитвенный дом — наподобие церкви; я требую антиминс и скоро надеюсь получить. Атаман вошел с представлением, чтобы позволили настоящую церковь выстроить, и я надеюсь на будущее лето видеть церковь в крепосте Абин. Прошу я генерала, чтобы походатайствовал исхлопотать мне вместо морской провизии отпуск денег, и уже получил уведомление из штаба корпусного, что Головин испрашивает разрешение

провиантского департамента об отпуске денег всем иеромонахам, вместо морской провизии, и генерал наш говорит, что отпустят. Видите, какое я исхлопотал вам и всем благодеяние"[4].

После уединения и безмолвия Глинской пустыни и тишины своей белгородской келлии, брошенный в жерло военных опасностей, принужденный быть всегда настороже, с томительной неизвестностью — что принесет следующий день и как пройдет наступающая ночь, о. Паисий не потерялся в этом первоначально бывшем для него чуждом обществе и скоро освоился со своим положением. Вместе со своим отрядом в 1841 г. он находился в движении от Ольгинского до Абинского укрепления, за Кубань и обратно; в 1842 г. сделал такой же путь; в 1844 г. также; в 1849 г. два раза ходил за Кубань. Опасности, которым подвергался весь отряд вообще и иеромонах Паисий в частности, были далеко не шуточными. Шальная пуля немирного горца могла уложить его совершенно неожиданно, не говоря уже о болезнях и неудобствах передвижения с места на место. Но еще опаснее была крайне неутешительная перспектива — попасть в плен к горцам. А о. Паисию и суждено было испытать именно это несчастье, и притом даже не во время его походов, а прямо из укрепления Туапсе. В записках духовника Глинской пустыни вышеупомянутого иеромонаха Серафима внесен рассказ, записанный им со слов самого Паисия. В этих записках Серафим пишет: "На рассвете одного дня черкесы напали на укрепление и забрали вместе с другими в плен и о. Паисия. Выведя его за укрепление, обобрали дочиста и заставили нести на гору десять русских ружей. На горе сели отдыхать. Один черкесский князек, потерявший в схватке своего сына, стал рубить пленных русских. Одинаковая участь ожидала и о. Паисия: князек уже поднял над ним шашку; но Промысл Божий бдел над достойным иноком: один из черкесов, проникнувшись состраданием к нему, защитил о. Паисия от нападения разъяренного отца и взял его к себе в плен, как часть военной добычи. У него и был иеромонах Паисий целых полгода, по истечении которых был выкуплен русскими за сравнительно незначительную цену"[5]. Что мог передумать, что мог перечувствовать за это время невольный пленник? И каким бесчисленным опасностям, не только ежедневным, но и ежеминутным, подвергалась его жизнь, всецело зависевшая от каприза или настроения его горячего и свободолюбивого владельца!.. Только мощным осенением его ангела-хранителя и молитвами рабов Божиих, вопиявших о нем ко Господу, можно объяснить соблюдение жизни о. Паисия и его счастливое освобождение из плена.

Возвратился иеромонах Паисий к церкви своего отряда окруженный ореолом страдальца. Это, само по себе печальное событие в его жизни, послужило впоследствии даже к его личной пользе. Его заметили, на него обратили внимание, начали им интересоваться, искать с ним сближения. Он сделался известным самому наместнику Кавказа светлейшему князю Воронцову, не говоря уже о других высокопоставленных лицах, с которыми завязалось знакомство о. Паисия в это именно время и которое так пригодилось ему впоследствии, в период его управления Чуркинскою пустынью. Впрочем, и сам иеромонах Паисий своей ревностью, своим всегдашним усердием в исполнении лежавших на нем обязанностей, соединенными с примерным иноческим благоповедением, заслуживал

всеобщей к нему любви и расположенности, которыми действительно и пользовался. За эти перечисленные качества он 22 мая 1843 г. был награжден золотым наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым. Но душе его, отзывчивой ко всему доброму, сердцу его глубоко верующему, выше всех наград было сознание свято выполненного долга. В самом деле, всегда и везде высоко служение пастыря душ человеческих, несравненно и выше и труднее оно на поле брани, в пороховом дыму, при грохоте орудийных выстрелов. Здесь оно является, так сказать, буквальным исполнением великой заповеди Спасителя нашего, повелевающего душу свою положить за други своя. Напутствовать отходящего воина в вечность, сказать несколько слов веры и христианского утешения человеку, уже перешагнувшему грань всего земного, принять его последний вздох, — что может быть достопочтеннее такого служения, такого поистине подвига?!.

Но принося и свои силы, и свое здоровье святому делу служения ближним, о. Паисий сделался сам жертвой своей ревности и своего пастырского долга. На этом поприще он окончательно расстроил свое здоровье и приобрел неизлечимую ломоту в ногах, от которой уже никогда не мог избавиться и от которой впоследствии сошел и в могилу. Девять лет продолжалось это его самоотверженное служение, но приступы болезни так усилились наконец, что он был вынужден просить Святейший Синод об увольнении его от обязанностей отрядного священника и о перечислении в число братства Глинской пустыни, на место своего пострижения. Желание его было исполнено синодальным указом от 11 июня 1849 г. Тепло и сердечно простившись со своими бывшими духовными детьми и оставив у них самое лучшее о себе воспоминание, как о добром пастыре и прекрасном человеке, он выехал в родную обитель, с которой у него было связано много отрадных и сладостных воспоминаний прежней его первоначальной монастырской и монашеской жизни.

Что же приобрел себе о. Паисий за эти девять лет служения при отрядной церкви? Жизнь, полная опасностей, выработала в нем твердую волю, не страшившуюся никаких опасностей, не отступавшую перед ними и смело начинавшую борьбу с различными препятствиями, которые, в конце концов, он и успевал преодолевать. Твердость и настойчивость воли, приобретенные здесь, сослужили ему, точнее же, обители Чуркинской в свое время громадную службу. Долговременное служение в звании пастыря, всегдашная ровность характера, любвеобильное со всеми обращение, замечательная его общительность, наконец, природный и здравый ум, в соединении с умением всегда и везде, во всяком обществе, быть на своем месте, снискали ему, как мы и выше говорили, всеобщее расположение и любовь, не охладевшие и тогда, когда о. Паисия уже не было и в отряде. Эти добрые отношения о. Паисий старательно поддерживал впоследствии и им в значительной степени обязан был успехом своей последующей плодотворной деятельности. Кроме того, будучи человеком весьма воздержным, привыкшим ограничивать свои требования, он из получаемого 1000-рублевого годового жалованья скопил себе небольшую денежную сумму, так что еще в бытность свою в Абинском укреплении имел возможность положить на имя своего брата иеромонаха Козелецкого Георгиевского монастыря Назария в сохранную

казну 1000 рублей серебром, с условием, что в случае смерти Назария он, Паисий, мог получить их обратно в свое распоряжение[6]. Это благоприобретенное состояние дало ему в непродолжительном, как увидим, времени возможность самостоятельного действования. <...>

Прибыв в Глинскую пустынь, иеромонах Паисий зажил скромной иноческой жизнью. Молитва, уединение и относительное спокойствие были уделом жизни его в ней. После девятилетнего служения в обстановке, полной лишений и опасностей, он отдыхал и душой и телом среди иноческой семьи уединенной обители. За это время даже самое здоровье его окрепло. Из тихой своей келлии он писал оставленным в укреплении и других местах друзьям своим сердечные письма. Сношения его с этими лицами еще более укрепляли их взаимную духовную связь. И тогда, как о. Паисий сообщил своим друзьям о благоприятных последствиях своего глинского пребывания и улучшении в состоянии здоровья, друзья постарались довести об этом до сведения наместника князя Воронцова. Князь, лично знавший и по достоинству оценивший плодотворную деятельность почтенного инока, очень желал его видеть снова на службе в военном ведомстве управляемого им края. Место при церкви Абинского укрепления было уже занято, но представлялась возможность дать Паисию другое назначение. И князь решился действовать в этом направлении. По докладу военного совета, основанному на ходатайстве князя Воронцова, 10 апреля 1851 г. иеромонах Паисий, с высочайшего соизволения, был снова назначен в состав армейского духовенства в Георгиевское афинское укрепление. Получив уведомление об этом, о. Паисий, простившись с братией пустыни, выехал к месту нового своего служения и 22 июня был уже в укреплении, где немедленно и вступил в отправление пастырских своих обязанностей. Однако в этот раз ему суждено было весьма немного послужить в настоящем укреплении. Святейший Синод, еще ранее назначения сюда Паисия, постановлением своим определил в Георгиевское укрепление другое лицо. Таким образом, иеромонаху Паисию ничего не оставалось более, как выехать обратно в Глинскую пустынь, что он и сделал 10 июля.

Пребывание его в Глинской пустыни, по возвращении из Георгиевского укрепления, было таким же мирным, как и прежнее, и продолжалось почти три года. Петербургские друзья в это время позаботились об о. Паисии. В северной столице находился тогда Астраханский архиепископ Евгений, бывший экзарх Грузии (†1869, в Пскове), вызванный для присутствования в Святейшем Синоде; архипастырь добрый и благопопечительный о своей епархии и о лучшем благоустройстве ее. Пребывая так далеко от своего кафедрального града, он мыслью часто переносился в свою епархию. Немало забот доставляла его сердцу Николаевская Чуркинская пустынь, 17 декабря 1850 г. лишившаяся своего приснопамятного старца-настоятеля о. архимандрита Евгения, вызвавшего ее к бытию почти из развалин. Назначенный временно исполняющим должность настоятеля пустыни — Спасо-Преображенского монастыря, иеромонах Аарон не оправдал возлагавшихся на него епархиальным начальством надежд и 30 ноября 1851 г. был уволен от сей должности, временное исполнение должности поручено было казначею Спасо-Преображенского монастыря иеромонаху

Иларию (Указ дух. кон. 21 дек. 1851 г. № 3427). Но иеромонах Иларий также не принадлежал к числу способных начальников монастыря. Из-за его неподготовленности к этому во всех случаях, требующих великих душевных сил, духовной и практической опытности, поста, он не мог принести вверенной ему пустыни никакой осязательной пользы. <...>

Вполне естественно, что в уме преосвященного Евгения родилась мысль — поискать человека, которому он мог бы доверить управление пустынью, вне пределов своей епархии, в среде монашествующих обителей, отличавшихся строгостью жизни своих иноков и неуклонным исполнением общежительного устава. За десять лет перед тем, в 1844 г. состоялось восстановление древней Успенской Святогорской пустыни Харьковской губернии, получившей и настоятеля, и братию, и устав Глинской пустыни. <...>

Событие это не прошло незамеченным в обществе; тем большее внимание обратили на него люди, близко стоявшие и искренно расположенные к монашеству. А таким именно и был Астраханский архиепископ Евгений. Человек весьма добрый и общительный, во время своего пребывания в Петербурге он завязал знакомство со многими лицами столичного общества, среди которых могли быть и лица, знавшие и расположенные к иеромонаху Паисию. Слыша сетования Астраханского архипастыря на недостаток людей в его епархии, принуждавший его терпеть на посту настоятельском человека, не имеющего к тому ни малейших способностей, они могли рекомендовать архипастырю о. Паисия, как лицо, имеющее все данные для того, чтобы вполне удовлетворить всем его требованиям.

Собрав более точные предварительные справки об о. Паисии и убедившись, что в лице его Чуркинская пустынь может рассчитывать видеть продолжателя деятельности приснопамятного возобновителя своего архимандрита Евгения, преосвященный Евгений, согласно изъявленному им желанию, принял о. Паисия в ведомство Астраханской епархии и дал надлежащее движение делу о его перемещении из Глинской пустыни. 7 мая 1845 г. иеромонах Паисий был переведен в Астраханскую епархию и определен настоятелем Чуркинской Николаевской пустыни.

Прежде всего он обратил свое внимание на богослужение. Привыкнув в Глинской пустыни видеть его совершаемым с точным и буквальным соблюдением предписаний устава церковного, без малейших отступлений, и смотря на это, как на дело воистину Божие, о. Паисий и во временной его управлению пустыни восстановил ее церковный чин[7].

Отец Паисий увековечил свое имя и память о своем настоятельстве сооружением обширного трехпрестольного каменного соборного храма в честь Успения Божией Матери, отчего и сама пустынь стала именоваться Успенско-Николаевской. Кроме того, он построил в обители настоятельский трехэтажный каменный корпус, каменную трехэтажную гостиницу для посетителей монастыря; открыл больницу и аптеку, медикаментами которой пользовались не только братия, но и жители окрестных поселков; восстановил кирпичный завод; продолжил и окончил постройку ограды, заложил изящную колокольню и благоустроил подворье в г. Астрахани.

По делам монастыря он неоднократно ездил в Петербург и исходатайствовал для обители возвращение ее древних угодий (земель и

вод). Эти угодья стали со временем единственным источником содержания Чуркинской пустыни.

Сделав Чуркинскую пустынь общежительным монастырем и поддерживая строгий порядок внутренней иноческой жизни, о. Паисий умножил братию обители до 80 человек.

За усердное попечение об устройстве пустыни и подвиг духовного бдения о душах, вверенных его руководству, в 1856 году о. Паисий был награжден набедренником, в 1857 году возведен в сан игумена, в 1862 — в сан архимандрита, в 1867 году сопричислен к ордену Св. Анны 3-й степени.

Благоустроив и обеспечив обитель, напутствованный Святыми Таинами, 19 июля 1869 года о. Паисий скончался на 67-м году от рождения.

Примечания

[1] После примечания 7 следует наше добавление к указанному источнику. — *А.И.*

[2] Скончался в 1854 г. в Козелецком Георгиевском монастыре, в сане иеромонаха, с именем Назарий.

[3] Житие старца Серафима. СПб., 1863. С. 189—190.

[4] Копия письма иером. Паисия к Серафиму сообщена иноком Глинской пустыни Михаилом Кузьминым в письме к о. игумену Македонию от 3 мая 1901 г.

[5] Записки духовника Глинской пустыни иером. Серафима 1842 г., л. 21—24. В архиве названной пустыни.

[6] Дело о принадлежащих иером. Паисию деньгах и переписка по этому предмету 1854 г., в архиве Чуркинской пустыни.

[7] Цит. по кн.: Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Успенско-Николаевской Чуркинской пустыни Астраханской епархии. Астрахань, 1904. С. 2—16.

Литература

Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Успенско-Николаевской Чуркинской пустыни Астраханской епархии. Изд. Чуркинской пустыни. Астрахань, 1904.

Высокогорская Успенско-Николаевская Чуркинская общежительная пустынь Астраханской епархии. Краткий исторический очерк. Изд. Чуркинской пустыни. Астрахань, 1903. С. 21—22, 27—29, 31. То же // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 7. С. 306—307, 309, 311, 314.

Архимандрит Паисий, настоятель Высокогорской Чуркинской пустыни. (Память 19 июля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. М., 1908. С. 379—407.

Адрес-календарь духовного ведомства. СПб., 1878. С. 12.

Чуркинская Николаевская пустынь Астраханской епархии / Д.Д. // Воскресный день. 1899. № 9. С. 108.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 93.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 280.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 115—116.

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским, Софье Ильиничне (Серафиме) и Варваре Ильиничне (Варваре) // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 88—88 об. Содержание: "Об о. архимандрите Паисии Чурковском извещаю тебя сим, что он... впал в чахотку, препятствовавшую ему заниматься делами, и, по совету вречей, отправился для лечения своего на теплые воды... кажется, в Беловодск или другое место, где не доезжая до оного, по воле Творца, все строящего на пользу нашу, прекратил жизнь свою в надежде получения вечных благ, с миром и безмятежием. Да будет ему от вечная память!"

По предложению синодального обер-прокурора о наделении землей Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии с приложением "записки" братии. 1837 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 118, д. 1202, л. 8 об.

МОНАХ АЛЕКСАНДР НЕСТЯЖАТЕЛЬ (†1869)

(Память 20 апреля ст. ст. / 3 мая нов. ст.)

Цит. по:
Глинский монах Александр нестяжатель //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1.
М., 1912. С. 648—651.

Отец Александр (Пайтеров) из купцов, в Глинской обители подвизался 20 лет. За богатство в миру он возлюбил нищету монашеской жизни, за большое стяжание сделался нестяжателем: у себя ничего ни имел, даже чайника. В его время чай и сахар от обители давали три раза в год: на Рождество Христово, на Рождество Богородицы и на Пасху. В остальное время многие не пили чая, иные собирали пахучие травы и пили их вместо чая. Получив обычные 1/8 ф. чая и 1 1/2 ф. сахара, отец Александр то и другое опускал в кувшин с водой и так пил некоторое время прямо из кувшина.

Однажды знакомый купец давал подвижнику три рубля. Он решительно отказался, уверяя, что от монастыря все имеет вдоволь. "На чай и на булки пригодится", — говорил посетитель. "Я все имею", — ответил Александр и не взял денег. Как полный нестяжатель, не занимающийся ничем посторонним, кроме богоугождения, о. Александр был внимателен на молитве. В церковь спешил, как на пожар. Второпях иногда наденет клобук, а ряску забудет, так и стоит, не обращая на себя внимания. Скажут ему, тогда заметит. Случись это на пути в храм, — не вернется. Став на хоры (он там всегда становился, чтоб менее развлекаться), велит принести ряску Алексею, который был моложе Александра, вместе с ним жил в келлии и еще ранее своего сотоварища спешил в храм на общественную молитву. Отец Алексей (Панов) пережил Александра только на 4 месяца, скончался на 41-м году жизни. В келлии отец Александр продолжал быть внимательным к себе: любил читать книги, говорил все божественное, о телесном ни слова, точно ангел во плоти. Так говорил про него один почтенный Глинский старец, лично его знавший.

В начале Великого поста 1869 г. о. Александр пришел в больницу и, утешая инока Ф-ста, болящего ногами, говорил: "Поправишься. У меня тоже болят ноги, но я не поправлюсь, только бы до Пасхи дожить". Инок тот действительно поправился, а Александр заболел, 10 дней спал не просыпаясь, в Великий Четверг проснулся и просил причастить его. По принятии Святых Таин выпил стакан чая и опять уснул.

В первый день Пасхи, 20 апреля (1869 г.), по окончании утрени, когда вынесли святые иконы и стали христосоваться, он на 65-м году жизни душой пошел в открытые райские двери, а тело его предано земле до гласа архангела, когда все воскреснут, чтобы принять воздаяние по делам своим.

Литература

Глинский монах Александр нестяжатель. (Память 20 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. М., 1912. С. 648—651.

МОНАХ НИКОЛАЙ СКОРБЯЩИЙ (†1870)

(Память 14 апреля ст. ст. / 27 апреля нов. ст.)

Цит. по:
Глинский монах Николай скорбящий //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1.
М., 1912. С. 587—588.

Монах Николай был из купцов, вдовым по второй жене поступил в Глинскую пустынь в 1851 году, имея от роду 60 лет. Несмотря на такой возраст, ему пришлось выдержать сильную плотскую брань. Враг, не любящий телесной чистоты, представлял ему различные соблазнительные картины. Для побеждения искушений о. Николай стал ежедневно ходить на кладбище, никакая погода его не задерживала. Там, среди могил и крестов, вместо телесной красоты, он представлял себе бренность естества человеческого и тление во всем его безобразии; вместо минутного услаждения — вечную муку. Но искушение не уменьшалось. Господь попустил его, желая дать подвижнику большую награду.

Однажды схиархимандрит Илиодор с одним из учеников ехал из своей лесной пустыньки в обитель и встретил о. Николая. Он подбежал к старцу, взял благословение и со слезами стал говорить, что никак не может победить соблазнительных представлений, которые рисует ему враг спасения даже явно и на кладбище. Отец Илиодор посоветовал понуждать себя к молитве, непрестанному памятованию смерти, суда Божия, мук вечных и к воздержанию в пище. "Вот видишь, чадо, — сказал после старец ехавшему с ним ученику, — как трудно бороться в старости, когда мы себя к этому не подготовили. В старости пасть может, хорошо, когда устоит". Поспешествующей благодатью Божией отец Николай устоял. Последнее время он плохо видел и от этого немало понес скорбей. Он молил Господа послать ему смерть о Пасхе, когда, по слову св. Златоуста, никтоже должен бояться смерти, ибо избавляется прохождения воздушных мытарств, и получил просимое, — скончался в третий день Пасхи, 14 апреля 1870 г., на 76-м году жизни.

Литература

Глинский монах Николай скорбящий. (Память 14 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. М., 1912. С. 587—588.

ИЕРОМОНАХ АНАСТАСИЙ, ДУХОВНИК (†1873)

Об иеромонахе Анастасии в литературных источниках сохранились лишь краткие разрозненные сведения. Известно, что он 21 год находился под руководством игумена Филарета[1], а значит, поступил в Глинскую пустынь не позднее 1820 года. Возможно, при игумене Филарете о. Анастасий был казначеем, поскольку в "Жизнеописании игумена Филарета..." (Одесса, 1905. С. 120—121) упоминается казначей Глинской пустыни иеромонах Анастасий. Игумен Филарет, стремясь к уединению, просил его принять на себя настоятельскую должность, но "видя явное благоволение Божие к смиренному настоятелю, казначей отклонил сделанное ему предложение".

Впоследствии о. Анастасий стал братским духовником, и многие Глинские подвижники были его учениками, в их числе монахи Мартирий (Кириченко), Петр (Лешенко) и другие.

О высоте нравственной жизни и духовной опытности о. Анастасия свидетельствует и то, что более 20 лет (до самой кончины о. Анастасия) его советами руководствовался известный святостью жизни Глинский старец Архипп (Шестаков).

Скончался иеромонах Анастасий в глубокой старости в 1873 году[2], прожив в Глинской пустыни в иноческих подвигах более 50 лет.

Примечания

1 Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 20.

2 Там же.

Литература

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 20.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Ч. 1. Одесса, 1904. С. 34; То же. Курск, 1912. С. 28.

Глинский подвижник монах Петр // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 182.

Очерк жизни подвижника Глинской пустыни монаха Петра. Одесса, 1909. С. 13.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 19—20.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 120—121.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Прибавления к Курским епархиальным ведомостям. 1892. № 13. С. 37.

МОНАХ ДОСИФЕЙ БЛАГОГОВЕЙНЫЙ (†1874)

(Память 5 ноября ст. ст. / 18 ноября нов. ст.)

Цит. по:
Монах Досифей Глинский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. М., 1910. С. 82—86.

Отец Досифей (в миру Димитрий Колченков) родился в с. Снагости Курской губернии от благочестивых родителей. По послужным спискам обители он первый раз показан в 1840 году. Первоначально занимался переплетом книг и келейничал духовнику иеромонаху Порфирию, а потом игумену Евстратию. В 1843 году Димитрий Колченков указом консистории формально зачислен в число послушников обители. В ходатайстве об этом аттестован: "Поведения благонравного, к церкви усерден, к монашеству имеет большую склонность, в послушании прилежен и беспрекословен". В 1849 году пострижен в мантию с именем Досифей и назначен на должность пономаря. Через два года за скромность, кротость и послушание представлен к посвящению во иеродиаконы, но ради смирения, не желая сана, притворился малограмотным, и потому ему было отказано. За это враг спасения воздвиг на подвижника сильную брань. Сначала он внушал сожаление об отказе от священного сана; потом представлял ему все прелести мира сего и, наконец, возбудил в нем нечистую плотскую похоть. Началась пятилетняя борьба, томление духа, раздражение. Не видя ослабления брани, о. Досифей готов был возвратиться в мир; только слабый голос совести еще удерживал его в стенах обители. Все это не могло не отразиться на его здоровье: он сделался бледным, хилым, угрюмым. Видя его борьбу, братия и сам отец настоятель утешали его, ободряли, советовали терпением победить врага, но не оставлять обители; установили за него церковную молитву. Господь внял молению. Отец Досифей стал преодолевать искушения, мир водворился в его сердце, и он решился бесповоротно остаться в монастыре. С этих пор он сделал крутой поворот в своей жизни: из разговорчивого сделался совершенно молчаливым; если что требовалось объяснить, он безмолвно показывал знаком и лишь в крайней необходимости отверзал уста свои для двух-трех слов. С целью успешнее вести борьбу с врагом спасения и временным злостраданием избавиться от вечных мучений отец Досифей, любя чистоту, опрятность и удобства жизни, теперь показывал полное пренебрежение ко всему этому: келлии никогда не белил, сор не выбрасывал, все, что падало на пол, там и оставалось; стол, стул и кровать были у него поломанные, постелью служили лохмотья. Грязь, копоть, паутина дополняли убожество келлии. В ней роилось бесчисленное множество насекомых, к уменьшению которых подвижник не употреблял никаких средств.

Единственное окно келлии о. Досифея было замазано белилами, и любопытный глаз не мог видеть, что находилось внутри его жилища. С редким постоянством и терпением старец отсекал все поводы к нарушению принятого им подвига безмолвия, не только внутреннего, но и внешнего. В келлию свою он никого не пускал, даже настоятеля. Однажды

о. игумен Иннокентий, обходя келлии, хотел зайти и к нему; о. Досифей, приняв благословение настоятеля, сказал: "Батюшка, я белю келлию, нечего и смотреть ее". Отец Иннокентий прошел мимо. Когда скончался о. Досифей, и братия пришли в его келлию, то на дырявом полу в углу увидели большую кучу, в которой был сор, остатки хлеба, пищи, тряпки, изношенное белье и проч. Все это гнило в течение нескольких лет, и воздух был настолько заражен зловонием, что невозможно было войти в келлию, между тем, когда подвижник был жив, то от него и одежд его не было слышно никакого запаха.

Одежду подвижник носил ветхую; белья не снимал, пока оно не истлевало и само собой не обнажало его. Отец Досифей говорил: "Голый родился, голый и умру". Так и случилось, он умер богатым полным нестяжанием. Не желая нарушать уединения, подвижник не ходил в братскую трапезную, а пищу из нескольких простых блюд брал в одну деревянную чашку, в которой смешивались вместе и кислый борщ, и рыбный суп, и каша. "Я больной, — говорил он удивляющимся братиям, — и потому все снова буду варить в келлии". В последние годы своей жизни отец Досифей вкушал пищу один раз в сутки вечером, часов в 8 и в самом малом количестве. Но и в этом случае он ссылался на болезнь, которая будто бы не дозволяет есть ранее вечернего времени, а в сущности, своими оправданиями прикрывал подвиг воздержания. Остатки пищи старец бросал на пол, и они съедались мышами и крысами. Иногда Досифей на братской кухне брал золу. Подражая кающемуся царю и пророку Давиду, он хлеб ел с пеплом и питие растворял слезами. Так он распинал плоть свою со страстьми и похотьми, желая многими скорбями внити в Царствие Небесное. Послушание пономаря о. Досифей проходил 26 лет до самой смерти; отличался полным усердием, благоговением и страхом Божиим. Ради чистоты и порядка в храме он не жалел своих сил и времени, которое при других обстоятельствах провел бы в своей келлии. За такое долголетнее служение в храмах, посвященных Царице Небесной, подвижник в алтаре удостоился видеть Пресвятую Деву Богородицу. Отец Досифей сподобился слышать ангельское пение при смерти старца Феодота. Все это свидетельствует о богоугодности подвигов монаха Досифея.

Исконный душегубец не может видеть доброго течения земнородных к небу и без упорной борьбы не уступает человеку своей победы. Поэтому и на о. Досифея он воздвиг бурю помыслов, иногда вооружал на него мальчиков ближайших сел, которые преследовали подвижника своими насмешками. Только полное смиренномудрие старца могло без вреда для души сносить все козни врага рода человеческого, который в лице некоторых братий обители также находил себе усердных помощников — досадить подвижнику.

Близкие к о. Досифею замечали в нем дар прозрения и целения. Односельчанин его, почтенный иеромонах З., говорил: "Раз мы шли вдвоем к речке. Досифей говорит мне: "Два послушника боролись: один другого бросил в воду, тот чуть не утонул". Приходим к речке и видим, что послушник С. столкнул в речку другого брата. Он в одежде погрузился в воду, и его едва вытащили". Другой старец говорил: "Однажды, когда я вместе с о. Досифеем проходил пономарскую должность, мне пришлось сильно угореть в своей келлии. От угара не мог подняться. В это время

приходит Досифей и говорит: "Иди в церковь: там ждет тебя послушание". После его слов угар мгновенно прошел, и прежде бывшая у меня лихорадка с той поры ко мне не возвращалась".

Отец Досифей скончался 5 ноября 1874 г. на 64-м году своей жизни и, оставив сию временную юдоль плача, перешел в вечную небесную радость. В сороковой день по кончине он во сне явился братскому повару, который спросил его, получил ли он милость от Бога? "По милости Матери Божией получил", — ответил явившийся и стал невидимым.

Литература

Монах Досифей Глинский. (Память 5 ноября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. М., 1910. С. 82—86.

Краткое сказание о жизни монаха Досифея / Составил Иеромонах Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7 С. 45—54.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 9.

Благоговейный монах Досифей // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 42, 45; То же. Одесса, 1904. С. 42. То же. Курск, 1912. С. 36.

Глинский старец отец Феодот // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. М., 1908. С. 219—220.

Жизнь и подвиги старца Феодота / Сост. иеромон. Иассон. Курск, 1894. С. 41—43.

Схимонах Лука, подвижник Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 3.

Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907. С. 11, 23.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

ИЕРОМОНАХ ГУРИЙ (†1875)

Отец Гурий был ризничим Глинской пустыни во время настоятельства великого Глинского старца архимандрита Иннокентия (Степанова). Отец Гурий отличался глубоким смирением перед Богом и ближними и "имел такое детское незлобие и доброту сердца, что, кажется, не было подобного ему между братиями. "Это был ангел", — говорил про него Глинский старец иеросхимонах Илиодор (Захаров). — Что ему ни скажи, что ни сделай, он все улыбается, все у него "слава Богу". Благодушия его никто не мог нарушить. Ему, например, говорят: "Отец Гурий, о. настоятель благословил тебе надеть свитку и идти на экономию работать", и он безропотно, ничтоже сумняшеся, сейчас же шел на экономию. При виде его и у злобного пройдет злоба.

За свое послушание и смирение о. Гурий имел особенное дерзновение в молитвах. По молитвам его Господь исполнял прошение прибегающих к Нему. Случались на полях саранча или жучок, на огородах — червь, болезнь скота или что-либо другое, всегда просили служить молебен о. Гурия. Сам архимандрит Иннокентий в таких случаях говорил: "Пошлю Гурия, и все пройдет". Известный святостью жизни Глинский старец иеросхимонах Макарий (Шаров) посоветовал своему ученику Никите Захарову (впоследствии иеросхимонаху Илиодору) перед его постригом в мантию избрать себе старцем смиренного иеромонаха о. Гурия. К такому-то кроткому старцу поступил Никита (в мантии о. Иероним) при постриге (в сентябре 1858 года[1] — *А.И.*) и, конечно, немало поучился у него словом и примером[2]. Умер о. Гурий в декабре 1875 года.

Примечания

1 ГАКО, ф. 20, оп. 3 л., д. 89, л. 5 об.

2 Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 26. С. 496—499.

Литература

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 26. С. 498—499.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 33.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 42.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909. С. 19.

Архивные документы

Илиодор, архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским, Софье Ильиничне (Серафиме) и Варваре Ильиничне (Варваре). 1857—1873 гг. // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 93, л. 102 об.

СХИАРХИМАНДРИТ ИЛИОДОР (†1879)

(Память 28 июня ст. ст. / 11 июля нов. ст.)

Цит по кн:
Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти
старца схиархимандрита Илиодора,
подвиравшегося в Глинской пустыни
(Собранное игуменом Иассоном).
М., 1906.

Схиархимандрит Илиодор много лет подвизался в иночестве в Глинской пустыни и достиг высоких духовных дарований, каковыми он сиял далеко за пределами обители[1].

Родиной его было село Староселье Черкасского повета (уезда) Киевской губернии. Отец его Феодор Голованицкий был священником в названном селе, а имя матери его Евдокия. В 1795 году родился у них сын, нареченный во святом крещении Иоанном (впоследствии схиархимандрит Илиодор). Годы младенчества Иоанн прожил в доме родителей, которые воспитывали его в страхе Божием.

Отрок Иоанн Голованицкий проживал в доме своего отца 11 лет от роду и после обычной подготовки[2] был отправлен в Киевскую академию (еще до реформы 1819 года, когда она совмещала в себе и высшие, и низшие училищные классы). Старший брат его Иаков занимал должность учителя.

Иван Голованицкий поступил в Киевскую академию в 1806 году сентября 16-го, а уволен из академии марта 18-го 1813 года, в возрасте 18 лет, как указано в свидетельстве академического аттестата, находящегося в архиве Глинской пустыни. Следовательно, он находился в Киевской духовной академии в дореформенное время, пробыл в ней 6 лет и 6 месяцев.

В 1813 году он принят был на правах вольноопределяющихся в число юнкеров и зачислен в Нижегородское ополчение, которое было командировано за границу по следам бежавших из России французов. Туда же последовал и Иван Голованицкий. В этом походе ему пришлось много испытать, побывать во многих местах, много повидать и о многом подумать. Иван Голованицкий находился при канцелярии, так что от строевой службы был свободен, а посему имел возможность наблюдать многое, окружающее его.

По окончании войны в 1814 году некоторые войска, в том числе и Нижегородское ополчение, возвратились в Россию. Того же года 28 октября было предписано распустить Нижегородское ополчение, а 12 марта 1815 года Иван Голованицкий, как вольноопределяющийся, получил чистую отставку и аттестат, одобряющий[3] его поведение и тщание по службе.

После некоторых размышлений Иван Голованицкий избрал Киево-Печерскую Лавру, желая поселиться в ней. Он явился к Киевскому митрополиту[4] и подал прошение о принятии его в число Лаврской братии.

Иван Голованицкий был зачислен в число братии и на послушание определен в ключню, а через несколько времени был взят в келейники к наместнику Антонию[5]. Однако в Киевской Лавре Иоанн прожил недолго.

Схиархимандрит Илиодор
(Голованицкий)
(1795—1879)

В то время славилась Софрониева пустынь. Незадолго перед тем почивший старец Феодосий, бывший другом и спостником знаменитого старца Паисия Величковского, поставил Софрониеву пустынь на высокую степень совершенства, образовав в ней строгих подвижников. Ученики Феодосия как и ученики Паисия, отличались строгим подвижничеством; особенно упражнялись в трезвении и молитве; слава о них распространялась далеко за пределы обители и Иоанн Голованицкий, еще будучи в Лавре, много слышал об этой славной пустыни. Поэтому, когда он оставил Лавру, то и направился в Софрониеву пустынь. С ним вместе согласился идти его товарищ по имени Владимир.

Оба товарища, наконец, достигли Софрониевой пустыни и были приняты в число братии настоятелем пустыни архимандритом Варлаамом[6]. Иоанну было назначено послушание в трапезе и на клиросе, а товарищ его определен к общим послушаниям. Пребывание Иоанна в этой пустыни сопровождалось благодетельными последствиями.

Послушник Иоанн, во смирении души покоряя свою волю во всем следовал советам опытных старцев.

Пребывание Иоанна в Софрониевой пустыни сопровождалось благодетельными для него последствиями. Внимая наставлениям духовно-рассудительных отцов, он по возможности уразумел, что от монаха требуются не одни телесные подвиги и труды, но и внутреннее делание в вертограде сердца своего, к чему желающий преуспеть в духовной жизни должен прилежно стремиться. Но не в Софрониевой пустыни Промыслом Божиим предназначено было ему развиваться и зреть духовно; всеуправляющая десница Божия указала Иоанну иное место через посредство обстоятельств, в силу которых он вынужден был оставить Софрониеву пустынь.

Причиной послужило назначение несоответственного его характеру и душевным стремлениям послушания. Как новоначального и знакомого с канцелярским делом, его определили жить на хуторе. Там имелось большое количество леса, который братия обязана была ежедневно обходить кругом и оберегать от порубки, так как часто случалось воровство леса. Отсюда можно видеть, что послушание Иоанна на хуторе не могло предоставить желанного мира и спокойствия его душе. Ему нередко приходилось бывать свидетелем неприятных сцен, возмущавших покой его духа, а однажды пришлось даже спасаться бегством, когда воры пустили в хор топоры и колья. Положение Иоанна было тягостным для него, и он решился оставить Софрониеву пустынь и переселиться в Глинскую, в которую в то время на должность настоятеля был вызван из Софрониевой пустыни старец иеромонах, впоследствии игумен Филарет, ученик прежде упомянутого старца архимандрита Феодосия, бывшего настоятеля Софрониевой пустыни.

В Глинской пустыни старец Филарет принял Иоанна с радостью и назначил ему послушание в хлебне и петь на клиросе. С полным усердием послушник Иоанн начал исполнять свое послушание, ревностно совершая все возложенные на него поручения.

Через два года[7] после поступления послушника Иоанна в Глинскую пустынь он был пострижен в рясофор старцем Филаретом и в пострижении получил имя Иоиль. По пострижении он вручен был для руководства строгому подвижнику схимонаху Пахомию[8]. Но недолго

пришлось Иоилю быть под руководством своего любимого старца; скоро Пахомий окончил свое земное поприще, мирно почив о Господе.

После смерти старца Пахомия инок Иоиль стал обращаться за советами непосредственно к игумену Филарету, под мудрым руководством которого он усиленно трудился над своим духовным совершенствованием. Жаждая духовной мудрости, он непрестанно упражнялся в чтении Божественных писаний, святоотеческих творений и других душеполезных книг, которыми и питал жаждущую свою душу.

Когда Иоиль представлен был к постригу в мантию, то в консистории возникло недоразумение относительно столь ранней чистой отставки его от военной службы. Началась по этому делу переписка с военным ведомством, длившаяся продолжительное время и не приведшая ни к какому результату; вследствие этого Иоилю пришлось самому путешествовать в С.-Петербург. На пути он посетил г. Курск, где выхлопотал себе паспорт.

На пути дальнейшего следования Иоиля в С.-Петербург с ним случилось одно таинственное происшествие, о котором он потом рассказывал. Когда он проходил по одной из северных губерний, то ему предстояла переправа через большую реку. Моста через реку вблизи не было, а время подходило к половодью, и путь по льду уже прекратился; не дойдя еще до реки, Иоиль зашел для ночлега на постоялый двор и расположился подкрепить себя сном. Немного времени спустя после того, как он заснул, кто-то толкнул его слегка и сказал: "Странник! Время вставать! Одевайся и пойдем, я дорогу знаю и проведу тебя кратчайшим путем". "Спустя несколько времени, — рассказывал Иоиль, — я стал замечать местами по дороге некоторый неопределенный блеск; по обеим сторонам дороги также расстилались блестящие широкие полосы. "Что это за блеск я вижу?" — спросил я моего спутника. "Это вода", — сказал он. "Значит мы идем по реке?" "Да", — ответил он коротко. Наконец мы вышли на большую дорогу. Тогда проводник мой указал мне дорогу и сказал: "Иди вперед, а я последую за тобой". Я исполнил его желание. Пройдя немного, я оглянулся: проводника моего уже не было".

По окончании дела в С.-Петербурге Иоиль благополучно возвратился в Глинскую пустынь, где с новым усердием предался своим обычным иноческим подвигам. С этого времени начинается для Иоиля ряд искушений, которые попустил Господь, чтобы еще более очистить этот сосуд благодати Своей.

Отец Иоиль любил посещать Площанскую пустынь Севского уезда Орловской губернии, где проживал старец схимонах Афанасий, известный своей духовной опытностью, из числа учеников старца Паисия Величковского[9]. Под руководством у него был тогда иеромонах Макарий, впоследствии старец и начальник скита Оптиной пустыни. Монах Иоиль любил посещать духовных старцев, у которых почерпал нетленное питие для утоления своей духовной жажды.

В одно из таких посещений Площанской пустыни, на обратном пути Иоиль по наваждению врага подвергся нападению злых людей, от рук которых угрожала ему смерть.

Не подозревая в них злых людей, Иоиль преспокойно отправился с ними в путь. Ночь была безлунной, но звезды ярко горели на безоблачном небе. Пройдя довольно большое расстояние пути, спутники по условному

знаку выхватили ножи и бросились к Иоилю, наступая на него с обеих сторон, намереваясь пронзить его ножами; при этом требовали денег. Иоиль в испуге в душе своей воззвал молитвенно о помощи к Святителю Чудотворцу Николаю, а злодеям мог только сказать: "У меня денег нет"; в этот момент послышался впереди человеческий голос, услышав который, злодеи отступили в сторону. Присматриваясь вперед, Иоиль заметил партию солдат с ружьями на плечах, идущих им навстречу, которые, поровнявшись, спросили, не проходил ли впереди обоз. Иоиль ответил, что не проходил. "Знать он остался сзади, — говорили солдаты, — если встретите, скажите ему что, мол, партия прошла!" Иоиль обещал исполнить и, ограждая себя крестным знамением, благодарил Бога и своего покровителя Святителя Николая за скорую помощь. Так он добрался благополучно до постоялого двора, у ворот которого сидел дворник. Монах Иоиль спросил его, не проходил ли военный обоз, и при этом объяснил, что повстречавшаяся партия солдат просила сказать, что они прошли. Но дворник уверял, что он сидит всю ночь, но не видел, чтобы проходил обоз или солдаты. Иоиль осведомился, нет ли где дороги в стороне, но получил ответ, что в этом глухом лесу нет подобных дорог на большое расстояние. Иоиль поблагодарил Бога за избавление и остановился на постоялом дворе отдохнуть. Потребовал чего-либо поесть. Иоиль пробыл на постоялом дворе до рассвета, а утром поздно отправился в путь. Пройдя немалое расстояние, он увидел впереди себя, что на дороге, пролегающей лесом, его поджидают вчерашние спутники-злодеи. Иоиль остановился, опасаясь идти далее. Осмотревшись вокруг себя и не видя ниоткуда помощи, он начал молиться Господу, призывая на помощь своего покровителя Святителя Христова Николая. После некоторого раздумья он хотел уже воротиться назад, но в этот момент заметил двух солдат, сидевших в стороне под деревом, которые поднялись и, ограждая себя крестным знамением, начали молиться на восток, затем подняли на плечи ружья и пошли по той дороге, по которой нужно идти Иоилю. Злодеи, увидев солдат, поспешили удалиться. Возблагодарив от всей души Господа и покровителя своего Святителя Николая, Иоиль с радостью пошел за солдатами, следуя за ними всю дорогу в нескольких шагах, пока дошли до постоялого двора. Дом во дворе состоял из двух связей, крыльцо из сеней выходило на большую дорогу. Солдаты поворотили на крыльцо и пошли в дверь в сени, а Иоиль следовал за ними с той мыслью, чтобы познакомиться с ними и продолжать вместе путь безопасно. Переступив порог, он увидел в сенях хозяина-крестьянина, который, сидя, плел лапти. Иоиль спросил его: "В которую избу пошли солдаты?" — "О каких ты солдатах спрашиваешь?" — спросил хозяин. "Да вот, о тех, которые сейчас пошли в эту дверь", — ответил Иоиль. "Перекрестись", — возразил тот, — это тебе видение было: я вот здесь часа два сижу работаю и никаких солдат здесь не видал; ты что-то бредишь!". Но Иоиль не поверил, а пошел отыскивать сам, осмотрел обе избы и обошел весь двор, спрашивал всех жильцов; оказалось, что, действительно, никто не видал никаких солдат.

1823 года, марта 9-го дня (на память сорока мучеников) Иоиль облечен был в иноческий образ настоятелем Филаретом и наречен Иоанникием[10]. После пострижения Иоанникий, по обычаю, несколько дней пробыл в церкви безвыходно. В это время он был утешен явлением ему ангела.

"Изнемогши от чрезмерного бодрствования, — рассказывал впоследствии сам Иоанникий, — сел среди церкви, склоня голову на амвоне, чтобы несколько укрепить себя сном. Я закрыл глаза, но спал или нет, того верно не знаю; вдруг я вижу, что южная дверь алтаря отворилась, и из алтаря показался прекрасный юноша, в белом стихаре, препоясанный орарем крестообразно. Подойдя ко мне, он сказал: "Иоанникий! Бодрствуй! Ты — монах, и потому непрестанно должен бодрствовать!" Сказав это, он вошел северной дверью в алтарь.

По принятии ангельского образа Иоанникий усугубил бодрствование над собой, следуя призванию явившегося ему небожителя. Удалялся от всякой суеты, избегая даже бесед с мирскими людьми, чтобы не рассеиваться, ничего от них не принимал, а в особенности от женщин, чтобы ничто не напоминало ему о суетной жизни.

По мере усовершенствования Иоанникия в духовный жизни, усиливались искушения. Враг человеческого спасения делал неоднократные нападения на Иоанникия, чтобы смутить подвижника; устрашал его различными видениями, поставлял иногда его действиям преграды, но сильный благодатью Божией он побеждал козни диавола. Наконец диавол воздвиг клевету, — это сильное в руках диавола оружие.

Клеветники при всяком удобном случае начали возводить различные клеветы на Иоанникия перед лицом своего настоятеля. Долго старец Филарет не верил им, но однажды, видно уже сам Господь ради душевной пользы Иоанникия попустил искушение: старец поверил одной клевете. Дело заключалось в следующем.

Один иеромонах[11] из числа недоброжелателей Иоанникия отлучился из монастыря без дозволения настоятеля. Когда он возвратился из отлучки, настоятель привлек его к ответственности за самовольную отлучку. Виновный, чтобы избежать ответственности за свой поступок, вздумал сложить свою вину на Иоанникия; он уверял настоятеля, что именно Иоанникий подстрекал его на тот поступок, и приводил свои лживые доказательства с такой хитростью, что настоятель поколебался и в конце концов поверил клевете. Он позвал к себе Иоанникия и, не принимая от него никаких оправданий, приказал ему немедленно удалиться из обители.

Изгоняемый неповинно монах Иоанникий с болью в сердце расстался с любимой обителью[12]. Получив из духовной консистории паспорт, он направился на север, имея целью достигнуть Соловецкой обители, чтобы поселиться в ней. С ним вместе путешествовал некто иеромонах Израиль, имевший ту же самую цель путешествия. По Божию попущению на пути случилось с Иоанникием одно ужасное приключение, которое угрожало опасностью его жизни. Путешествуя по Новгородской губернии, они шли в поле большой дорогой, в тишине братски занимаясь душеполезной беседой. Вдруг неожиданно беседа их прервалась появлением какой-то женщины, которая втерлась между идущих товарищей и нахально старалась завязать с ними разговор. Внезапное появление женщины произвело неприятное впечатление на монаха Иоанникия. Охраняя свои чувства, он отстал, приглашая и своего спутника остановиться, с намерением, чтобы женщина ушла от них. Когда она уходила, то они видела, что у нее за плечами была какая-то ноша, а на голове имелось что-то высокое причудливое; остальную часть дня они прошли благополучно. На другой день рано утром, оставив свой ночлег,

отправились они в путь. Дорога, по которой они шли, была по чистому полю близ реки Волхова. Видно было на далекое расстояние, что никого из людей не было. Тихо и покойно продолжали они свой путь. Вдруг неожиданно между идущими опять появилась вчерашняя женщина; тем же образом как и вчера, она беззастенчиво со всем нахальством старалась вступить в разговор с идущими. Раздосадованный Иоанникий в негодовании поднял палку и, грозя ей, сказал: "Отойди от нас, ведьма, что ты, негодная, привязалась к нам!" Женщина яростно сверкнула глазами и мгновенно исчезла. При этом монах Иоанникий пришел в бессознательное состояние, что с ним происходило, он не сознавал, а придя в сознание, увидел себя лежащим около ручейка раздетым донага... Оба товарища отправились в путь. Иеромонах Израиль видя, что спутник его оправился, дорогой рассказал ему все по порядку случившееся. "Когда ты, — говорил он, — поднял палку на женщину, она в это время разразилась адским хохотом, а ты бросился бежать в сторону, снимая с себя одежду; сапоги и даже белье снимал ты и бросал в стороны и бежал по направлению к реке; добежав до берега, ты поскользнулся и упал вниз по крутому скату; но вцепившись за мелкий кустарник, выбрался на берег и опять бросился бежать вдоль берега. Добежав до ручейка, пересекающего твой путь, ты упал без чувств. Я же когда услыхал хохот женщины, обратил в ту сторону взор, и мне показалось какое-то мерзкое обнаженное тело; оградив себя крестным знамением, я пошел вслед за тобой, подбирая твои разбросанные вещи, и когда дошел до ручейка, то нашел тебя уже в бессознательном состоянии; я оградил тебя крестным знамением и начал лить воду на твою голову, чтобы привести тебя в сознание".

После этого он не решился продолжать путь один, так как спутник его иеромонах Израиль, не пожелав путешествовать далее, определился в одном из Российских монастырей. После некоторого раздумья и колебаний и сам Иоанникий решился возвратиться снова в Глинскую пустынь. Но здесь в его отсутствие ненавистники его успели еще более оклеветать его перед настоятелем. Посему, когда он возвратился в пустынь, настоятель не принял его и на глаза, причем и братии запретил принимать его в свои келлии, а гостиннику приказал даже выгнать Иоанникия из гостиницы. "Когда выгнали меня из монастыря, — рассказывал впоследствии сам Иоанникий, — была уже ночь. Вышел я за святые ворота и, обратившись, взглянул на то святое место, где не так давно был вчинен в лик иночествующей братии, но откуда теперь я так позорно изгоняюсь, как злодей! Неизобразимая горесть разлилась в душе моей!.. Предо мной был целый мир, а я не имел где главы преклонить! Опустившись на землю, я горько зарыдал... и рыдал долго... Слезы несколько облегчили мое сердце, и я стал рассуждать, что мне теперь делать и где ночевать. Не знал я, на что решиться: до деревни идти по лесу в темноте ночной было страшно; и под оградой, окруженной лесом, ночевать тоже небезопасно, тем более, что лес был густой, и я знал, что в нем часто бродили звери. Долго я боролся с помыслом — удалиться ли от ограды обители и идти до деревни или остаться на ночь под оградой; решился на последнее. Если угодно Господу прекратить дни моей жизни, думаю себе, то пусть звери растерзают меня, но растерзают здесь под оградой святой обители. Между тем некоторые из старшей братии,

сожалея обо мне, решились пойти к настоятелю и просить его о принятии меня в число братии. И так, оставшись на ночь под оградой, я томился от горести и, наконец, почувствовал изнеможение. Сотворив молитву, я, сидя на земле, склонился на сумку и хотел заснуть; долго я лежал, но заснуть не мог: различные помыслы, как черные тучи, надвигались на мою душу и давили меня. Время приближалось к полуночи, и на меня стал нападать какой-то особенный страх; страх этот все усиливался и, наконец, до того овладел всем моим существом, что я едва мог переводить дыхание. Находясь в таком положении, я начал усердно молиться Пресвятой Богородице и просить Ее помощи... Слышу: на колокольне пробило 12 часов; в это время отворилась калитка, ко мне вышел монастырский духовник и начал звать меня: "Иоанникий, где ты?" Я отозвался, и он объявил мне, что настоятель принимает меня снова в обитель, а послушание назначает на братской кухне. Какова же была моя радость! Я не находил слова как благодарить Царицу Небесную"!

Два месяца монах Иоанникий трудился на кухне, неповинно неся епитимию. Наконец, настоятель убедился в его невинности и скоро представил к рукоположению во иеродиакона. 1824 г. ноября 12-го Иоанникий был рукоположен в сан иеродиакона преосвященным Владимиром, епископом Курским и Белгородским. С какой чистотой сердца и с каким благоговением приступал он к Таинству священства, об этом можно судить по действию на него благодати во время хиротонии. Когда архиерей возложил руку на голову его, призывая Духа Божия на проручествуемого, он ощутил, что через голову в сердце его полилась какая-то сладостная теплота и разлилась по всему телу. Сердце его исполнилось несказанной радости, так что он даже изменился в лице. Архиерей заметил в нем перемену и часто посматривал на него в продолжение Божественной литургии. Во время причащения Святых Таин, он, стоя за престолом между прочими диаконами, был в восхищении и сподобился созерцать чудное видение, открывшееся его умственным очам. Впоследствии при одном воспоминании об этом он переносился умом к виденному, прерывал рассказ на некоторое время и как бы погружался в самого себя: тогда лицо его принимало чрезвычайно благоговейное выражение, которое ясно показывало, каких благоговейных чувств была исполнена его душа. Не всем он рассказывал об этом видении, по своему смирению, но близким по духу иногда говорил о нем даже подробно. "Когда я стоял за престолом, — рассказывал так старец, — вдруг все, окружающее меня, как бы стушевалось и сделалось невидимо; внезапно очутился я в каком-то пречудном храме, осияваемом неизреченным светом. Человеческий язык не может изобразить несказанную красоту и величие того пречудного нерукотворенного храма. На горнем месте была какая-то светлая возвышенность, но ее скрывала распростертая, как бы невещественная завеса. Сияние, выходившее из-за завесы, разливало свет по чудному храму. Я стоял в трепетном ожидании чего-то, устремив все мои душевные чувства к горнему месту. Какой-то тайный голос говорил мне: "Там Господь!" Вдруг огненная рука простерлась отнять завесу; при виде этого, душа моя переполнилась благоговейных чувств и я громко воскликнул: "О, Господи!" Протодиакон, стоявший рядом со мной, толкнул меня; как бы очнувшись, я в полусознании начал осматриваться кругом себя, не понимая хорошо, что

со мной происходит. Пришедши в себя, вижу, что архиерей, стоя перед престолом, причащается Святых Таин, а прочие священнослужители, стоя в порядке, смотрят на меня с удивлением".

Упражняясь всегда во внимании, усиленно охраняя себя от приражения мысленных прилогов вражиих, Иоанникий достиг в душевном состоянии той степени чистоты, на которой сподобляются духовных откровений. Не раз впоследствии рассказывал старец своим близким для возбуждения в них духа ревности о тех откровениях, которые были показаны ему в дивных сновидениях.

"Однажды, — говорил он, — по окончании утрени придя в свою келлию, я совершил свое келейное правило и прилег несколько отдохнуть, и только что погрузился в тонкий сон, как представилось мне ясно, будто бы я еду в тарантасе с настоятелем Филаретом во двор какой-то великой госпожи. Тарантас остановился, на дворе было очень грязно. Настоятель Филарет пошел в дом, а я остался на своем месте; в это время вышел из дома молодой человек прекрасной, величественной наружности, в белом стихаре, по-диаконски крестообразно препоясанном; лицо его блистало светлостью; подойдя ко мне, он сказал: "Иоанникий, тебя требует Царь, следуй за мной, я тебя доведу к нему"; а я ему говорю: "Видишь, какая здесь невылазная грязь, здесь пройти невозможно; на это он сказал: "Смотри на мой след: где будет становиться моя нога, туда и ты ставь ногу, но только не оглядывайся назад". Сказав это, он обратился и пошел, а я следовал за ним. Действительно, я увидел, что где становилась его нога, там делалось сухо, на эти места вступал и я; прошедши некоторое расстояние, я заметил, что мы идем не по земле, а по какой-то тропе, которая была по воздуху перекинута через реку. Эта тропа не более трех вершков в ширину, на ней едва вмещалась человеческая стопа. Всматриваясь в след своего вожатого, я увидел под собой реку, но не водную, а огненную, которая стремительно неслась по своему руслу; ее пламенные волны как бы изливались через пороги бурным потоком, а между огненными волнами видны были человеческие члены: где покажется рука, где нога, где голова, или весь корпус человеческого тела. В ужасе я продолжая свое шествие; мы дошли до берега; перед нами оказалась равнина, на которой был сад; ворота в сад были открыты; мы направились через ворота в сад. Вожатый мой оставил меня в саду, а сам пошел в дом, который стоял на левой стороне, а я начал обозревать поистине дивную красоту этого сада; деревья были здесь какие-то прекрасные и стояли в дивном порядке; зелень и цветы неземной красоты; среди сада стоял величественный пятиглавый собор дивной архитектуры; на его среднем куполе был большой крест из чистого бриллианта, а на других меньших куполах такие же, но только меньшей меры. Они светились и горели разительным блеском: невозможно было на них смотреть; все здесь было как бы неземное. Восторгаясь всем виденным, я увидел из глубины сада направляющееся ко мне общество девиц; их было числом 15; одеты они были в белые платья, наподобие хитонов, розовыми лентами препоясанные крестообразно; возраста были все от 14 до 15 лет; ласково приветствуя меня издали, они называли по имени и, подойдя ко мне, хотели целовать в уста[13], но я, уклоняясь от этого, поднял против себя руку, чтобы их не подпустить и говорю им, что я монах; девицы как бы застыдились, но приветливо улыбаясь,

раскланявшись, удалились от меня. В это время вышел из дома водящий меня; я заметил, что он изменился, прежде он был ласков, а теперь казался грозным. Внутренний мой помысел говорил мне, что это потому он сделался ко мне таким, что я отверг приветствие тех девиц, не допустил их облобызать себя: тогда водящий меня, указывая рукой за ворота, говорит: "Иоанникий, пойди вон туда и посмотри еще там, а я доложу о тебе Царю". Я спросил его: "Да где же Царь?" Он указал мне дом, который находился за какими-то растениями, почему издали нельзя было рассмотреть его и только через зелень видна была златоблестящая крыша. Повинуясь приказанию своего вождя, я вышел за ворота; здесь я увидел на пространном берегу огненной пропасти бесчисленное множество разбросанных человеческих костей. Я подумал, что это, должно быть, те несчастные, о которых говорит пророк Давид: "Расточишася кости их при аде" (Пс. 14, 7); подойдя ближе к пропасти, я увидел узкую лестницу, которая спускалась по крутизне берега до огненных волн; к ней было приделано одно перильце полусгнившее; желая поближе рассмотреть эту ужасную пропасть, я начал спускаться по лестнице, взявшись рукой за перильце; это последнее так пошатнулось, что я едва удержался на лестнице, а посему поспешил выбраться оттуда. Стоя на берегу в страхе, обозревая страшное место, вижу идет молодой послушник нашего монастыря, раздетый донага. Я, останавливая его, говорю: "Послушай, брат, не ходи туда, там место ужасное", — но он, не обращая внимания на мои слова, устремился к берегу и только ступил на лестницу, как вдруг оборвался и полетел в огненную пропасть[14]. Я еще не успел излить свою скорбь, как мне казалось, о погибшем, как вижу идет туда же схимник, так же обнаженный; останавливая сего последнего говорю ему: "Отче, не ходи туда! Место такое ужасное, что выразить нет возможности!" Он, остановившись, подумал и говорит: "Нет! Надо идти: я туда послан"; и только вступил на лестницу, как тоже оборвался и полетел в пропасть. Обратившись, я увидел своего водителя около себя; он велел мне следовать за собой; когда вошли мы в сад, он указал мне вдаль, где на прекрасном месте между деревьев сидели три человека, при этом сказал: "Там Господь! Гряди к нему". В трепетном благоговении я пошел к сидящим. В это время два отошли от того места, а один остался. Когда я приблизился к сидящему, он обратил на меня величественный свой взор, полный милосердия, и сказал: "Марие! Что пришла еси"! От Его голоса душа моя переполнилась благоговейного умиления; внутренний голос мне сказал: "Эти слова относятся к твоей душе". В благоговейном страхе воздел я руки и от полноты души произнес: "Господи! Се аз"! Сидящий, милостиво взирая, сказал мне три слова[15]. Водящий меня приказал опять следовать за ним и повел меня опять той же воздушной тропой через огненную реку, в которой я видел те же ужасы, что и прежде. Перейдя реку, мы пошли по равнине между рядов растущих деревьев и вышли на зеленый луг; отсюда видно было все пространство места, а за огненной рекой был виден дивный сад с его прекрасными растениями, дивным собором и постройками неземного зодчества. Водящий меня остановил и, указывая на сад и реку, сказал: "Иоанникий! Вот тебе показал Господь места, которые уготованы для будущей жизни праведных и грешных, если хочешь быть там, — он указал на сад, — подвизайся жить в повелениях закона Божия".

Этим сновидение кончилось. Я проснулся; при этом душа моя исполнена была благоговейного страха и умиления".

В уверение истины старец говорил: "Ей, так".

В 1826 году в Глинской пустыни случилось одно неприятное происшествие, породившее между братией смущение. История его такова.

Некто мирянин поступил в Глинскую пустынь в число братии, человек уже довольно пожилой. Таковые иногда приходят в монастырь в старых летах, может быть, с доброй душеспасительной целью, но к прискорбию часто приносят с собой, долговременной жизнью в миру усвоенные мирские понятия, привычки, с которыми, вступив в монастырь, расстаться не понуждают себя и, будучи подстрекаемы своим самолюбием к честолюбию, ищут поставить себя выше тех братий, которые многолетними трудами и внимательной жизнью от юности приобрели иноческую опытность, и в глазах монастырского братства стоят на степени достодолжного уважения. Чтобы достигнуть своей цели возможно скорее, некоторые из них (вновь поступивших стариков) часто прибегают к проискам, и своими хитрыми обходами случается и успевают в своих предприятиях. Такой случай послужил причиной нестроений между Глинской братией, отчего произошло общее смущение, в которое мог быть замешан иеродиакон Иоанникий, но последний, желая уклониться от неприятностей, счел за лучшее переместиться в Рыхловский Николаевский монастырь, Черниговской губернии[16]. Таковое перемещение состоялось 29 сентября 1896 года.

Рыхловским монастырем в то время управлял настоятель иеромонах Анастасий. Желая иметь его своим помощником, Анастасий просил епархиальное начальство утвердить иеродиакона Иоанникия в должности казначея. Около трех лет протекло для него в этой должности с пользой для обители и благополучно для себя, а затем начался тяжкий период в его жизни, в котором пришлось проходить ему горнило испытаний, какие только проходят избранные последователи Подвигоположника Христа Спасителя нашего.

Настоятель Анастасий не останавливался ни перед какими мерами, чтобы уязвить Иоанникия. Желая выжить его из монастыря, он при всяком случае придирался к казначею без всяких причин.

В это тяжелое время Иоанникию представился случай с опасностью для себя явить ревностное благочестие в охранении святыни в храме Божием. Об этом он рассказывал впоследствии так: "Однажды вхожу я во святый алтарь и вижу, что на святом жертвеннике сидит толстый помещик, которому монастырский ризничий показывает различные священные вещи. Помещик был богат и отличался вольностью, маловерием и особенно страстью к сутяжничеству. Видя такое поругание святого места, я затрепетал от ужаса.

Думаю себе: если сказать ему, что следует, то от него и не отвяжешься. Оставить же его попирать святое место было невыносимо для моего благоговейного чувства. Стал я перед святым престолом и помолился мысленно, говоря: "Господи, помоги! Ревнуя поревновах по Твоей святыне! Аще угодно Тебе попустить, чтобы я пострадал, да будет воля Твоя"! Затем, подойдя к жертвеннику, я заложил локоть правой руки за спину сидящего и сбросил его с жертвенника так, что он пролетел в северную дверь, как сатана.

Тогда Анастасий обратился к коварной хитрости; он начал делать доносы на Иоанникия не от себя, а от лица других иеромонахов, будто бы казначей Иоанникий и некоторые другие не повинуются настоятелю[17]. Вследствие таковых доносов, в следующем 1829 году было предписано из консистории настоятелю игумену Анастасию строго следить за поведением казначея Иоанникия и некоторых других; а затем скоро в том же, 1829 году, 25 января состоялся указ о переводе казначея иеродиакона Иоанникия в Домницкий монастырь, под строжайший надзор, с запрещением впредь до дальнейшего распоряжения. Итак, Иоанникий, по одним голословным доносам, без всякого следствия, неповинно осужден был страдать на месте своего изгнания.

Два года и десять месяцев томился Иоанникий в Домницком монастыре под запрещением. И какая это была жизнь! Всякий час он трепетал за свою будущность, постоянно опасаясь разделить участь несчастных духовных лиц, гонимых неправдой. Всякий день с прибытием почты, ожидал он решения своей участи и был подобен человеку, над которым нависла страшная скала, готовая оборваться и раздавить его. Тяжело положение такого человека! "Я тогда плакал, — рассказывал он после, — и плакал, как изгнанный из рая; от многих слез едва не лишился зрения. Горе мое было сильно главным образом тем, что не было никакой надежды и на будущее; не представлялось никакой возможности избавиться от нависшей опасности. И знал и видел, что клевета вполне восторжествовала: архиерей был против меня, консистория тоже; чего же можно было мне ожидать доброго?"

Занимая письмоводительское послушание в Домницком монастыре, Иоанникий часто ездил в г. Чернигов по делам монастырским к преосвященному Лаврентию, управлявшему тогда Черниговской епархией. Не раз представляясь лично, он просил преосвященного отпустить его на Афонскую гору или на север в Соловецкую обитель, чтобы там окончить жизнь свою в монашеском звании. Но преосвященный, видимо предубежденный против него, не только не хотел уволить его, но даже и обращался с ним очень сурово, иногда высказывая ему угрозы относительно лишения духовного звания. "Будешь, будешь, красную шапку носить!" — говаривал он с оттенком насмешки. С какой горестью выслушивал Иоанникий эти немилостивые слова своего владыки! Уже в старости он рассказывал, что подобные представления его преосвященному были настолько для него тяжелы, что, без помощи свыше, немощный человек не мог бы их перенести своими только силами. Иногда случалось, что владыка давал обещание уволить его и приказывал подать прошение. Прошение подавалось, уплачивался гербовый сбор, тратились последние копейки половинного монастырского жалованья Иоанникия; несколько дней Иоанникий ожидал резолюции без достаточных средств на содержание[18]. И в заключение получал обратно прошение с резолюцией — "в выдаче билета отказать".

Иоанникий пытался с получаемыми назад прошениями являться к архиерею, чтобы напомнить ему об его обещании, но из этого ничего не последовало. А однажды владыка сказал ему: "Да, отпусти тебя, на север, а ты поедешь в Петербург, да вздумаешь оправдываться, тогда, пожалуй, и мне могут выйти неприятности. Нет! Не выпущу тебя, пока не наденут на тебя красной шапки". Таким образом угнетаемый со всех сторон

Иоанникий с тяжелой скорбью в душе ожидал окончания своей печальной участи.

Настоятель Домницкого монастыря архимандрит Иов Куроцкий был человек простой и добрый, как отзывался о нем впоследствии Иоанникий. Зная невинное страдание Иоанникия, он сочувствовал ему, утешал его чем мог, часто приглашал его с собой обедать; но он не в силах был снять с Иоанникия того тяжкого бремени, которое тяготило его душу. Таким образом, безнадежность выйти из столь ужасного положения особенно угнетала неповинного Иоанникия; в таких горестях единственным утешением для него, как он впоследствии говорил, была молитва; с ней он всегда обращался к Божией Матери, перед Ней исповедуя свою неповинность, и к Святителю Христову Николаю, которого он в продолжение всей своей жизни считал своим покровителем.

Злосчастное положение, постигшее Иоанникия, началось в феврале 1828 года, когда Анастасий, сбившись с пути иноческой нравственности, начал делать ложные доносы на невинного Иоанникия, с того времени протекло одиннадцать месяцев преследования Иоанникия, предшествовавших тяжкому испытанию, которое ожидало его впереди. А в январе 1829 года получен был указ о поднадзорном его перемещении в Домницкий монастырь, в котором и продолжались его тяжкие душевные страдания до 20 ноября 1831 года. Такое продолжительное время, Божиим попущением, пришлось Иоанникию проходить горнило горьких испытаний; эти последние глубоко врезались в его сердце и живо представлялись ему в глубокой старости. Всегда при воспоминании того времени, он благодарил Бога, подавшего ему помощь перенести эти тяжести. До самой смерти он был сострадательным и соболезнующим ко всем гонимым и оскорбляемым; в таковых принимал он сердечное участие[19]. В 1831 году последовало перемещение преосвященного Лаврентия Черниговского в другую епархию. Настоятель Домницкого монастыря, желая проститься с отъезжающим архипастырем, но в то же время будучи болен[20], поручил иеродиакону Иоанникию сделать прощальный визит владыке от его (настоятеля имени) и всей братии Домницкого монастыря. После обычных объяснений с владыкой, Иоанникий хотел было удалиться; но владыка, остановив его, сказал: "Я кажется обидел тебя, давай, брат, простимся!"

На место преосвященного Лаврентия в Черниговскую епархию был назначен высокопреосвященный Владимир, архиепископ Курский и Белгородский, присутствовавший тогда в Святейшем Синоде, который скоро и прибыл на место своего назначения[21].

Иеродиакон Иоанникий снова был послан в Чернигов, чтобы от лица настоятеля и братии приветствовать вновь прибывшего архипастыря и спросить его благословения. Прибыв в архиерейский дом, Иоанникий случайно встретился с владыкой среди монастыря; представившись владыке и отрапортовав ему о благосостоянии обители, он принял благословение архипастыря и удалился.

Высокопреосвященный Владимир, увидев Иоанникия, видимо заинтересовался им и, желая иметь о нем точные сведения, потребовал к себе своего эконома — архимандрита Петра, чтобы узнать от него об Иоанникии беспристрастный отзыв. Понятно, что дело о нем владыке было известно еще в Петербурге. Архимандрит Петр был человек простой

и добросердечный; ему были известны подпольные интриги гонителей Иоанникия, и что сей последний страдает напрасно, а посему он имел к нему душевное сострадание, хотя в виду сплотившихся непомерных сил[22] против Иоанникия, не мог ему раньше помочь, а только ограничивался, до возможного времени, сердечным состраданием и утешительным словом. Но когда вновь прибывший архиерей потребовал от него беспристрастного выяснения этого дела, тогда он решился раскрыть перед владыкой подробно о неповинном страдании Иоанникия. При этом высказал, что братия Глинской пустыни, давно знающие о духовном настроении Иоанникия, будучи уверены в его неповинности, просили его (архимандрита Петра) заступиться за него, но, к прискорбию не было возможности. Архиерей, выслушивая справедливый рассказ старца архимандрита, убеленного сединами, качал головой. Отпустив своего эконома, владыка, вероятно, углубился в размышление об участи, постигшей неповинного страдальца; это видно из того, что он сейчас же решился изменить ее на лучшую. Этот рассказ архимандрита произвел на Иоанникия удручающее действие. Да это и естественно.

Как только явился Иоанникий к преосвященному, первый был вопрос владыки.

— Ты давно в Домницком монастыре?

— Около трех лет.

— А где ты постригался в монашество?

— В Глинской пустыни Курской епархии.

— Кто постригал тебя?

— Строитель старец Филарет.

— А рукополагал во иеродиакона кто?

— Вы, Ваше высокопреосвященство, удостоили меня этой степени.

— Я рукополагал тебя? — переспросил владыка.

— Вы.

— Дело о тебе мне хорошо известно; ты желаешь быть иеромонахом?

— Нет, не желаю.

— Почему?

— Лета прошли.

— А сколько тебе лет?

— Тридцать шесть.

— Однако ты старичок, — сказал с улыбкой владыка[23].

— А если я рукоположу тебя без твоего желания, что ты на это скажешь?

— Ничего не могу сказать кроме того, что повинуюсь Вашей воле, как воле Божией. При этом осмеливаюсь доложить вам, что я несчастный нахожусь под запрещением, и дело обо мне в Святейшем Синоде, известно ли это Вашему Высокопреосвященству?

— Вот я для тебя Синод![24] — сказал владыка, — Готовься на завтра к рукоположению во иеромонаха! И так паче чаяния Иоанникий был рукоположен во иеромонаха 20 ноября 1831 года.

Совершившийся по воле Божией неожиданный поворот в судьбе Иоанникия настолько поразил его, что он совершенно растерялся, не будучи в состоянии сообразить всего, что с ним происходило. Вышедши по рукоположении из церкви, он забыл явиться даже к архиерею и без всяких видов, удостоверяющих его рукоположение, удалился из

Чернигова. Когда он прибыл в Домницкий монастырь, то никто не верил тому, что он рукоположен в иеромонаха; только настоятель знал его настолько, чтобы ему поверить и дозволить совершать богослужение.

20 января следующего 1832 года было предписано указом настоятелю Домницкого монастыря иеромонаху Иоанникию выдать 25 руб. денег из неокладной монастырской суммы на расходы и снарядить тройку лошадей для проезда ему в Чернигов.

По приезде в архиерейский дом Иоанникий немедленно представился высокопреосвященному Владимиру. Владыка спросил его, почему он по рукоположении так поспешно и как бы секретно уехал из Чернигова. "Простите, владыка святой!" — сказал Иоанникий. — Неожиданность совершившегося в моей судьбе так меня озадачила, что я растерялся и сделал это в замешательстве и едва опомнился уже по приезде в монастырь. Владыка, улыбаясь, сказал ему: "Однако хорошо же тебя здесь пугали!" Иоанникий был назначен служить в Крестовой церкви. Впоследствии оказалось, что владыка вызвал его к себе, желая лично убедиться в его качествах. В этих видах некоторым лицам было поручено даже следить за его поведением.

Когда Анастасий первый раз представился вновь прибывшему владыке, то сей последний передал ему от мнимой сестры поклон и посылку, а затем после кратких объяснений спросил Анастасия, сколько ему лет. Сей последний сказал: "Пятьдесят лет"[25]. Владыка посмотрел на него недоверчиво и сказал: "Зачем обманывать! Вам есть ли еще тридцать лет! Вам, кажется, было бы приличней быть женихом, нежели настоятелем обители". Затем смотря на Анастасия, владыка покачал головой и, вздохнув, сказал: "В неведении погрешил я за тебя перед Богом, обращая внимание на твои доносы. Я полагал, что настоятель Рыхловского монастыря — благоговейный старец строгой жизни, который, понуждая братию к строгому исполнению монашеских правил, не мог быть приятен для молодых, любящих вольность, а посему и вынужден был доносить о возмутившихся против него, но теперь на деле вижу противное". Затем после малой паузы архиерей сказал: "Вот что скажу вам, отец настоятель, садитесь вот там (указав место) и пишите прошение об увольнении от должности, дело ваше лучше будет". Пораженный неожиданностью такого происшествия, Анастасий взмолился: "Ваше высокопреосвященство! Позвольте мне подать прошение из монастыря". "Нет! — строго повторил архиерей, — "Здесь! Здесь!" Анастасию более ничего не оставалось делать, как повиноваться. Прошение об увольнении было подано. Анастасий был перемещен в Домницкий монастырь в число братства[26]. Так сбылись слова пророка Псалмопевца: "Ров изры ископа и впаде в яму, юже содела" (Пс. 7, 16).

Недолго пришлось жить иеромонаху Иоанникию в Черниговском архиерейском доме. Архиерей, окончательно убедившись в безвинном его страдании и лично удостоверившись в его способностях, признал Иоанникия достойным высшего назначения, и так как в Рыхловском монастыре продолжалось неустройство, то владыка наметил его туда настоятелем. Таковое предположение владыки не было известно Иоанникию; он думал, что его перемещают в число братии Рыхловского монастыря, и потому посланный в сентябре 1832 года в Рыхловский монастырь, он по приезде в обитель поселился в братской келлии, как обычный монастырский житель.

Духовник и казначей были удалены от управления с перемещением их из Рыхловского монастыря, а управление передано иеромонаху Иоанникию, с утверждением его в должности настоятеля, которое состоялось 16 сентября 1832 года.

Приняв в управление обитель, он все свои заботы направил к тому, чтобы водворить в обители спокойствие и восстановить в ней надлежащий порядок. Достижение этой цели стоило Иоанникию немалых трудов и сопряжено было с некоторыми для него неприятностями. Дело в том, что при настоятеле Анастасии лучшие из братии вынуждены были оставить Рыхловский монастырь, так что монастырь имел насущную нужду в способных людях. Поэтому первым делом для Иоанникия было собрать около себя людей достойных и способных и с Божией помощью этого он достиг с большим успехом. Как только разнесся слух о смене Анастасия, настоятеля Рыхловского монастыря, и об определении туда строителем иеромонаха Иоанникия, в Рыхловский монастырь стали возвращаться некоторые из прежней братии, вышедшей из обители при Анастасии, а многие переходили и из Глинской пустыни. Таким образом около Иоанникия скоро составилось благонадежное общество братии, а посему в обители был восстановлен им должный порядок монастырской жизни. Принимая во внимание труды строителя Иоанникия по благоустройству обители, высокопреосвященный Владимир 12 ноября 1833 года наградил его набедренником, а 14 сентября 1835 года произвел его в сан игумена с возложением палицы.

Своей открытой сердечной любвеобильной простотой в обращении игумен Иоанникий привязал к себе братию так, что они обращались к нему с таким доверием, с каким обращаются дети к нежной матери, и от любви к нему готовы были исполнять все его пожелания.

Не об одном духовном благонастроении братства была забота настоятеля Иоанникия — нужды обители требовали немалых забот. Так как в обители требовались постройки и ремонт обветшалых монастырских зданий, а средства обители были слишком ограничены, то для изыскания средств игумен Иоанникий ездил в Москву для испрашивания пожертвований и возвратился в свою обитель через три месяца после отпуска[27]. В эту поездку он был на поклонении святым мощам преподобного Сергия Радонежского. В Троице-Сергиевой Лавре был принят любезно знаменитым наместником Лавры архимандритом Антонием. А на обратном пути посетил Оптину пустынь Калужской губернии, где в то время подвизался старец иеромонах Леонид. О душеполезных беседах с этими старцами он рассказывал уже в глубокой старости.

Игумен Иоанникий, будучи настоятелем, очень редко бывал в монастырской гостинице, куда вместе с посетителями-богомольцами часто приезжали окрестные помещики со всеми членами семейства. Нашлись из них такие, которые делали заявление епархиальному архиерею, что будто бы настоятель Рыхловского монастыря неприветлив к приезжающим посетителям, а это может де отвратить благодетелей от обители. Но владыка уже был уверен в благоразумии Иоанникия, а посему не верил такой нелепости. Однажды Владыка сказал ему: "На вас, отец игумен, есть донос, что вы не приветствуете благодетелей и не посещаете их в гостинице".

— Ваше высокопреосвященство! Я от юности избегал знакомств с женским полом, и что теперь, как монах, уклоняюсь от таковых компаний, это сущая правда, а особенно таких, которые приезжают в монастырь для того, чтобы убить праздное время. Человек я еще не старый, а, как монах, долгом считаю строго охранять свои чувства, вот причина моего удаления от знакомства. Благодетели же, которые приезжают в монастырь по истинному усердию помолиться, таковые не будут на меня заявлять жалоб, потому что я таковых не удаляюсь.

— А если обитель от этого действительно потерпит ущерб?

— Я верую в помощь Святителя Христова Николая, что этого не случится.

— Ну если так, — сказал владыка, — я тебя не принуждаю".

В начале своего настоятельства Иоанникий представил к рукоположению в диакона монаха, который исполнял обязанность рухольного[28]. Ставленник после рукоположения явился к владыке принять благословение на путь. Владыка спросил его: "Хорош ли ваш новый настоятель"? "Да, он хорош, — сказал ставленник, — да уж строг без рассмотрения. Вот например: я занимаю послушание рухольного, ко мне приносят женщины продавать разные предметы: холст, нитки, полусуконку и прочее, а настоятель запретил вход в келлию женщинам, и приходится с ними толковать на открытом воздухе, это не совсем удобно". "А! Вот каков он оказался. Обожди же немного, — сказал владыка, — я передам ему письмо". Оно было следующего содержания. "Отец настоятель! Рассматривай повнимательней, кого представляешь к рукоположению, а таких дураков, как этот, больше не представляй". Когда ставленник, прибыв в монастырь, подал письмо от архиерея настоятелю, сей прочитав, подал прочитать подателю, и при этом спросил: "Что говорил архиерею"? Ставленник сознался во всем; тогда настоятель Иоанникий сказал: "Видишь, как архиерей тебя похвалил, расскажи об этом братии, чтоб кто-либо из них так же, как и ты не уплелся и будь покоен, я тебе это прощаю".

Игумен Иоанникий однажды, бывши на своем хуторе, в летнее время пошел с некоторыми из братий покупаться в реке Десне. Купаясь, чуть было не утонул; только чудо спасло его. "Сознавая опасность и борясь со стихией, я обратился молитвенно к Святителю Чудотворцу Николаю, но силы меня совершенно оставили, и я погрузился на дно. Помню, что лежу на дне реки, но сознание меня не оставляет, и я непрестанно призываю Святителя Николая. Я даже начал рассуждать в себе, неужели, думаю, усопший человек может столько времени сохранить в себе сознание? Затем я почувствовал как бы склонность ко сну; мысль промелькнула: значит наступает смерть! Но при этом дышать сделалось легко и свободно. Как очутился я на берегу, сам не знаю! В чувстве глубокой благодарности припал я к земле, поклонился своему избавителю от смерти Святителю Христову Чудотворцу Николаю. Ей, так"[29], — подтверждал свой рассказ старец Илиодор.

После восьмилетнего управления Рыхловским монастырем, в котором игумен Иоанникий подвизался, не щадя своих сил, он почувствовал, что здоровье его стало ослабевать. Посему он решился оставить должность настоятеля и лично просил об этом высокопреосвященного архиепископа Черниговского Павла, бывшего во время осмотра своей епархии в

Рыхловском монастыре. Высокопреосвященный Павел не пожелал его уволить. "Потрудитесь еще, — говорил владыка, — если почувствуете ухудшение, тогда дело видно будет. Старайтесь поддержать свое здоровье, а дела монастырские можете поручить по возможности своим помощникам. Теперь же уволить вас не могу". Игумен Иоанникий думал склонить владыку на свою просьбу и подал еще прошение, но владыка отказал резолюцией наотрез, затем уговорил его продолжать свое многополезное служение.

Скоро после сего игумен Иоанникий был переведен указом Святейшего Синода от 6 августа 1840 года, на должность настоятеля Петропавловского монастыря той же Черниговской епархии, с возведением в сан архимандрита. С сердечной скорбью расстались братия Рыхловского монастыря со своим любимым настоятелем, к которому и по его отъезде питали особенную любовь до самой его смерти. Многие из них через десятки лет приходили и приезжали к нему для посещения уже в его старости, когда он жил на покое в Глинской пустыни, изъявляя ему свою преданность.

Петропавловский монастырь в историческом отношении имеет важное значение: в нем в сане игумена настоятельствовал угодник Божий святитель Димитрий Ростовский чудотворец; уединяясь в скиту, принадлежащему этому монастырю, святой игумен в безмолвии составлял там Четьи-Минеи — жития святых; этот скит находится в прекрасной местности, и теперь именуется "скит святителя Димитрия Ростовского".

31 марта 1841 года в понедельник Святой Пасхи скончался настоятель Глинской пустыни, приснопамятный старец игумен Филарет. Архимандрит Иоанникий, благоговея к первому своему руководителю на пути иноческой жизни, счел для себя священным долгом участвовать молитвенно при погребении своего духовного наставника и, несмотря на весенний разлив воды, отправился в Глинскую пустынь. В одном месте разбушевавшийся поток угрожал опасностью, но Иоанникий, утвержденный верой в молитвенную помощь своего усопшего отца, игумена Филарета, оградив себя крестным знамением, приказал кучеру ехать небоязненно через опасный поток. Переправа совершилась благополучно, и он прибыл в Глинскую пустынь благовременно.

В четверг на светлой неделе 3 апреля при стечении народа архимандрит Иоанникий в сослужении со священноиноками Глинской пустыни, при молитвенном участии всей осиротелой братии совершил погребение тела в Бозе почившего возобновителя Глинской пустыни, своим опытным духовным окормлением воспитавшего в ней многих дивных подвижников, игумена Филарета. Это тот самый игумен Филарет, который в час кончины преподобного Серафима Саровского видел душу его, возносящуюся в небесные селения, о чем пишется в описании его жизни[30]. Окружающие его гроб, по уставу Святой Церкви, в пасхальных победных над смертью песнопениях торжественно прославляли воскресшего из мертвых Христа Спасителя нашего, своим воскресением отверзшего райские селения, куда возносилась душа почившего старца лицезреть неприступную славу Того, к Которому всю свою земную жизнь она пламенела божественной любовью.

Архимандрит Иоанникий был весьма сострадателен к несчастью всякого человека, но особенно, если таковое несчастье касалось

душевного состояния в загробной жизни; в таких случаях он принимал всякие меры для подаяния помощи страждущему. Однажды в Петропавловский монастырь был прислан священник с запрещением священнодействия; случилось, что он скоро скончался без разрешения.

Канцелярская форма донесения о его смерти была исполнена, как требует того порядок, но архимандрит Иоанникий, заботясь о загробной участи умершего священника, очень скорбел, что он состоит под запрещением, и обдумывал, как бы исходатайствовать ему разрешение. Скоро представился к тому удобный случай. При обозрении своей епархии Черниговскому архиерею пришлось быть и в Петропавловском монастыре. Впоследствии так рассказывал об этом старец Илиодор: "Улучив удобное время, я словесно доложил архиерею об умершем священнике под запрещением. Владыка спросил: "Вы донесли об этом консистории"? — "Да это сделано". — "Вот и хорошо". Через несколько минут я опять повторил то же. Владыка сказал: "Вы, отец архимандрит, мне уже об этом говорили". — "Да, я говорил Вашему преосвященству и опять повторяю". — "Для чего же"? — "Я ожидаю от Вас этому несчастному, связанному Вами, Вашего архипастырского разрешения: если Вы его не разрешите, то кто его разрешит? Этот несчастный будет связанным всю вечность, а это в загробном мире ужасно". Архиерей задумался и после небольшой паузы сказал: "Благодарю вас, отец архимандрит, за столь важное напоминание, а сколько, действительно, бывает таких несчастных случаев нашему невниманию! Ох!" И тут же произнес разрешение умершему священнику".

Архимандрита Иоанникия всю жизнь не оставляло желание проводить жизнь сосредоточенную, чтобы подготовить себя к созерцательной жизни. К этому всецело располагало его и всегдашнее стремление души его. Стремление это не раз порождало в нем намерение оставить настоятельскую должность, чтобы, удалившись от занятий и хлопот, предаться полному и строгому уединению. В этих видах он предполагал поселиться в Брянских лесах, где тогда подвизались некоторые знаменитые подвижники. Но настоятельская должность препятствовала осуществить такое желание. Теперь же он решительно вознамерился удалиться от дел правления монастырем и удалиться на покой, только в избрании места колебался. Глинская пустынь привлекала его, как место первоначальных его воспитательных подвигов. Рыхловский Николаевский монастырь, в котором довольное время он настоятельствовал, привлекал его многими воспоминаниями и особенным расположением к нему всего братства. Но было и третье место, подходящее для таковой жизни; приходило желание остаться на покое в Петропавловском монастыре, где имеется на прекрасном месте недалеко от монастыря скит святителя Димитрия Ростовского[31].

Летом в 1855 году архимандрит Иоанникий приехал в Рыхловский монастырь; прибытие его для любящей его братии того монастыря было истинным духовным утешением. Они просили и уговаривали его переселиться к ним на покой, обещая во всем упокоить его, как любимого отца. Между тем они отправились в лес осмотреть новую келлию, где пришлось остаться ночевать. После вечерней молитвы архимандрит Иоанникий сидел в комнате, где ему была приготовлена спальня; против него была печка голландская, сделанная так, что верх ее не достигал

потолка; погрузившись в размышления, он произнес: "Хорошо ли и полезно ли будет для моей души поселиться здесь?" В этот момент что-то тяжелое вроде громадного чурбана с верху печки с грохотом бросилось к его ногам, произнося грубым голосом и коверкая слова "Хо-ро-шо! Хо-ро-шо!" Архимандрит осенил себя крестным знамением и, зажегши огонь, осмотрел келлию; нигде ничего и никого не оказалось. Утром он рассказал о случившемся пришедшим братиям. Выслушав рассказ, братский духовник сказал ему: "Вот вам, батюшка, уверенность, что вам здесь будет хорошо". Архимандрит ему сказал: "А кто этот уверяющий? Я его не признаю быть от Бога; а диавол, как изобретатель всякой лжи, никогда правды не скажет. Но так как он поспешил и в это дело вмешался с своим советом, то слушать его я не намерен". После сего он возвратился в свой Петропавловский монастырь.

После такового происшествия архимандрит Иоанникий обратился с усердной молитвой ко Господу, да ими же весть судьбами укажет ему место для поселения, согласно святой Его воле. Господь не презрел обратившегося к Нему с верой; ему было показано сновидение, в котором хотя иносказательно, но ясно изображалось различное течение предполагаемой жизни на трех разных преждеупомянутых местах. Здесь как бы предлагалось ему испытание, действительно ли он самоотверженно стремится к духовным подвигам? Сновидение было таково. Он увидел себя стоящим среди поля. Перед ним лежали три дороги: первая на Рыхловский монастырь; она тянулась по зеленой равнине, по сторонам ее цветущая зелень, а местами произрастали хлебные злаки; вся местность была ровная, красивая, очень привлекательная. Вторая дорога на Петропавловский монастырь; эта уже далеко уступала первой. На ней было немало возвышенностей, водопромоин и прочих неудобств. Третья дорога на Глинскую пустынь; эта последняя очень узка, тянулась по оврагам, изрыта рытвинами, водопромоинами и поросла колючим терновым кустарником. Сон был весьма ясный и внушительный. Проснувшись, архимандрит Иоанникий ощутил уверенность, что сон этот показывает событие будущего. Ясно было, что первая дорога показывала отрадную и быть может почетную жизнь. Вторая предвещала состояние между первой и последней; а третья видимо знаменовала скорбный путь, но из всех трех ему предлагался добровольный выбор. Рассуждая об избрании показанных дорог, архимандрит Иоанникий остановился на Евангельском изречении: "Яко узкая врата и тесный путь вводяй в живот" (Мф. 7, 14). "Спаситель мой, — говорил он, — прошел земную жизнь путем крестным. Все избранные Его последователи следовали за Ним тем же путем. Я тоже хочу идти вослед Спасителя моего, а посему не должен уклоняться от пути скорбного". Итак, он решил поселиться в Глинской пустыни.

В начале 1845 года архимандрит Иоанникий подал прошение Черниговскому архиерею об увольнении его от должности настоятеля с перемещением на покой в Глинскую пустынь. Дело это затянулось на продолжительное время, вероятно потому, что Петропавловский монастырь, в котором настоятельствовал архимандрит Иоанникий, был под ведомством Черниговской консистории, а Глинская пустынь, куда он просился на покой, подведомственна Курской консистории. Соблюдение формальной переписки между Святейшим Синодом и двумя

епархиальными начальствами потребовало времени, и дело это окончилось лишь 6 сентября того же, 1845 года. Увольнение последовало согласно во всем его прошению, с определением ему половинной пенсии в 52 руб. 85 коп. в год.

С великой радостью архимандрит Иоанникий получил указ об увольнении от настоятельства, которым он освобождался от всех житейских попечений, связанных неизбежно с настоятельской должностью. Душа его давно жаждала беспрепятственно заняться единым на потребу, и вот пришло это желанное время. Переместившись в Глинскую пустынь и освободившись от хлопот и занятий, сопряженных с должностью настоятеля монастыря, архимандрит Иоанникий всецело стремился посвятить себя добродетелям строгого подвижника, прилагая внимание ко вниманию и постоянно стремясь к тому, что пленяло его душу от юности. Сокровенное его делание было видимо только единому Сердцеведцу. Миролюбие старца сделало его осторожным и внимательным ко всему, что касалось его отношения к другим.

Не раз случалось, что старцу миротворцу приходилось терпеть немало укоризн, упреков и насмешек от тех самых людей, которым он желал душевного мира и спокойствия. Это случалось тогда, когда враждующие бывали старшие из братий, но тем не менее люди маловнимательные и своенравные. "Приду бывало, — рассказывал старец, — начну уговаривать их и просить примириться; вот тут-то мне и достанется. Откуда, говорят мне с насмешкой, явился такой миротворец?! Уходи отсюда! Какое тебе до нас дело?" На это старец Иоанникий с кротостью и приветливой улыбкой, кланяясь, говорил: "Простите меня, отцы святые! Я с желанием добра обращаюсь к вам"; и опять продолжал их просить о том же. Господь, видя труд старца, смягчал ожесточенные сердца, и вражда уступала место миру и любви.

В 1850 г.[32] осенью архимандрит Иоанникий предпринял путешествие в Палестину вместе с другими паломниками, направляющимися туда же.

Обходя Малоазийский берег, корабль их проходил мимо берегов Мирликийских. Капитан корабля (грек) думал миновать Мирликийский берег, чтобы не останавливаться там, так как погода и ветер были благоприятны, а о Мирликии никто не знал из паломников. Только что корабль поравнялся с Мирликией, как вдруг подул сильный ветер с моря и корабль понесло к берегу. Принятые меры к сопротивлению не имели успеха и корабль загнало в залив. С большим трудом удалось корабль направить снова на путь. Но опять повторилось тоже. Капитан, желая поставить на своем, употребил все средства и сделал усиленное сопротивление; но как только выехали в море, то ветер вдруг сделал такой натиск, что едва успели бросить якорь, чтобы не допустить корабль до скалы, грозившей ему совершенной гибелью[33]. Тогда капитан, указывая на берег, в азарте закричал паломникам: "Ступайте к нему (разумея Святителя Николая); это он наделал! Он вас русских любит". Сказав эти слова, капитан скрылся в каюте. Паломники не понимали, в чем дело, пока матросы не объяснили им, что здесь находится гроб Христова Святителя Николая. Высадившись на берег, они поспешили к месту гроба Святителя. Архимандрит Иоанникий, исполненный сугубой радости, изливал благодарные, сердечные чувства к своему покровителю Святителю Николаю за то, что он так чудесно дал ему возможность поклониться

месту погребения святого. Придя в церковь и представ гробу Святителя, архимандрит Иоанникий возложил на себя епитрахиль и начал молебен. Певцы из числа паломников запели: "Царю небесный" и прочее, а он благоговейно положил земной поклон. В это время лампада, висевшая на высоте, недосягаемой рукой человека, вылилась на него сама собой и потом опять стала в обычное свое положение, нисколько не качаясь[34]. Это чудесное обстоятельство привело всех в удивление; все в один голос говорили: "Милость Святитель изливает на архимандрита". После молебна архимандрит Иоанникий пожелал удостовериться, не задел ли он лампады как-нибудь нечаянно. Он измерил рукой расстояние и не дотянулся до лампады.

Во время пребывания в Иерусалиме, архимандрит Иоанникий часто обходил места, освященные жизнью и страданиями нашего Спасителя. Гроб Господень, Голгофа, Страстный путь, Гефсимания, Елеон и прочие святые места были для него любезнейшими местами поклонения. Здесь со всей полнотой благоговейно любящего сердца изливался его молитвенный дух к Тому, Кто совершил великое дело нашего искупления, Кто пролил Пречистую Свою Кровь ради нашего спасения.

Когда были на благословении у патриарха, блаженнейший Кирилл обратил особенное внимание на архимандрита Иоанникия и вступил с ним в беседу. Между прочим он спрашивал его, соблюдают ли русские монахи келейное правило. Архимандрит ответил его блаженству, что в российских монастырях не одинаковы постановления. В некоторых монастырях исполняется келейное правило по назначению старцев, а в других предоставляется совершать келейные молитвы по своей воле каждому по возможности. Блаженнейший Кирилл сказал: "Монахи, не держащие келейного правила, мертвые монахи. Правило келейное есть возбудитель душевных сил, отрезвляющий ум для предстояния перед Богом; оно есть первый руководитель к непрестанной молитве и стена, ограждающая монаха от внутренних искушений. Вы, отец архимандрит, по возвращении в Россию и в свою обитель, постарайтесь повлиять на свою братию, чтобы они прилежнее обратили внимание на келейное правило".

На обратном пути из Палестины, архимандрит Иоанникий заехал на Святую Афонскую Гору, предполагая там остаться навсегда. Вступив на берег Святого Афона, он поклонился, взял земли и посыпал себе на голову, говоря: "Се покой мой: зде вселюся" (Пс. 131, 14). В короткое время между жителями Афона разнеслась о нем слава. А посему многие стали обращаться к нему за душеполезными советами, упрашивали его остаться там навсегда, желая вверить себя его руководству. Была уже назначена ему и келлия, которую монастырь уступал ему безвозмездно. На это он сначала соглашался, но через несколько времени объявил, что Господу не угодно, чтобы он оставался на Афоне, а противиться воле Божией он не намерен[35]. С великой скорбью проводили его многие Афонские отцы и он возвратился в Россию в первых числах июля 1851 года. Так архимандрит Иоанникий, совершив свое путешествие с великой для себя душевной пользой, прибыл в Глинскую пустынь, где волей Божией назначено было ему продолжить свой подвиг служения Богу и людям.

Стремясь ревностно к высшему совершенству, архимандрит Иоанникий пожелал обновить перед Господом иноческие обеты пострижением во

святой великий ангельский образ — святую схиму. Свидетельствуя о своем совершенном самоотвержении, он в 1857 году через посредство настоятеля с братией ходатайствовал перед епархиальным архиереем о разрешении такового пострига. Преосвященнейший Илиодор, бывший тогда на Курской кафедре, вероятно рассуждая о важности такового шага и испытывая его решимость, медлил дать разрешение и даже пытался своими советами отклонить его от такового желания. Поэтому в 1858 году пришлось повторить ходатайство. Владыка, убедившись в непреложной решимости архимандрита Иоанникия, благоволил удовлетворить его ходатайство. В том же 1858 году 24 декабря в навечерие праздника Христова Рождества он был облечен во святую схиму с наречением имени Илиодор. Восприемником при постриге он избрал своего духовника иеросхимонаха Амфилохия[36], который при многих других иноческих добродетелях, отличался богатством духовного ведения аскетической жизни и глубоким рассуждением.

По принятии святой схимы схиархимандрит Илиодор, усугубляя свой подвиг, пробыл в церкви безвыходно семь дней; по его словам, он сидел при иконе Спасителя, наполняя сердце свое Божественными глаголами, подобно Марии, приседящей у ног Иисусовых; избрав "едино на потребу" (Лк. 10, 39, 42), он безмятежно погружался в созерцательную молитву, пребывая один с единым Иисусом, зря Господа своего внутри сердца своего. После обновления обетов схиархимандрит Илиодор, отрешаясь от всего тварного, поставил перед мысленными своими очами час своего душевного отрешения от уз плотских и, как человек, которому уже предстоит "единою умрети" (Еф. 9, 27), написал в 1859 году 9 мая завещание следующего содержания:

"*Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Я нижеподписавшийся архимандрит Иоанникий, в схиме Илиодор, жительствующий в Глинской Богородицкой пустыни на покое, по определению Божию находясь ныне в трудном болезненном состоянии и ожидая скорого окончания жизни своей, считаю долгом объяснить следующее: я с юных лет призванием Божиим вступил в монашество и милосердием Его до сего времени препроводил в оном жизнь мою; но как благоволением милосердного Господа был я настоятелем в других обителях и при увольнении на покой определением Святейшего Правительствующего Синода удостоен ежегодной пенсии, то дабы не было сомнения о моем состоянии, истинно объявляю, что ни капитала, ни вещей каких-либо, ни особой одежды, кроме обыкновенной, которую я изготовил на случай смерти, и в которой ходил, никакой другой у меня нет; книги, у меня бывшие, раздал братии обители сей. Исполняя сим долг мой, смиренно прошу отцов и братий обители этой не забывать меня грешного молитвенным поминовением по моем отшествии, да улучу милость Божию и оправдание души моей. Засим, принося сердечное благодарение за упокоение меня в этой обители, с чувством сокрушения и осуждения себя, прошу у всех прощения и сам с искренностью и благожеланием прощаю всех во всем, кто чем-либо согрешил против меня*".

Завещанием своим старец Илиодор как бы заканчивал свое земное поприще, ожидая своего переселения в загробный мир. Вследствие всегдашнего общения с Богом, он возвышался душевной чистотой до той степени, на которой открываются внутреннему зрению тайные деяния и даже помышления человеческого сердца. Здесь в подвижнике проявлялся

дар прозорливости, по действию которого он прозревал греховные намерения человека, подпавшего внушению диавола искусителя, устрояющего таковому падение, а посему, желая разрушать козни врага, старец Илиодор спешил благовременно подать ближнему руку помощи. Для примера приведем один искренний рассказ монаха, который со скорбью и слезами раскаяния рассказывал о себе следующее: "Однажды я как-то увлекся нечистыми помыслами; по неопытности в борьбе я не смог отразить их. Нечистые, но соблазнительные картины, рисовавшиеся в моем воображении, совсем отуманили мой ум. По вражескому устроению мне пришлось встретиться с лицами, сочувствующими моему нечистому греховному похотению, и я вознамерился осуществить свой греховный помысл. Когда наступил вечер, я пошел за трапезный корпус, чтобы, обойдя его через сад мимо теплой церкви, пройти в гостиницу, где меня, быть может, ожидало падение. Войдя в сад, я стал подыматься вверх по тропинке к теплой церкви. Здесь я заметил, хотя и темно было, человека, идущего мне навстречу. Не желая быть замеченным, я уклонился в сторону направо и спрятался за деревом, осторожно наблюдая на проходящим. Вижу, что он остановился против меня и стал звать к себе: "Чадо, поди ко мне! Поди ко мне, чадо!" Я узнал голос старца Илиодора, но помолчал, полагая, что, быть может, он и не меня зовет. Наконец, он назвал меня по имени. Тогда скрываться было уже нельзя. Я подошел к нему и поклонился, чтобы принять благословение. Но он, взяв крепко меня за руку, стал спрашивать меня: "Куда ты, чадо, идешь, а? Скажи мне, чадо, куда ты идешь?" На мой ответ, что иду по делу, он сказал: "Чадо, скажи мне правду, я не начальник твой, меня нечего бояться. Ты говоришь "по делу", а дело-то ведь недоброе. Посмотри, вон кто понуждает тебя идти по этому делу, чтобы затем взять душу твою!" При этом он указал вниз к трапезному корпусу. Я взглянул туда, и моим глазам представилось странное зрелище: около каменного быка, поддерживающего корпус, я увидел диавола в безобразнейшем виде: черный, очи огненные, зубы выдающиеся изо рта, внутренности снаружи и несколько прикрыты длинной бородой; весь он был в пламени. При виде такого гнусного страшилища, я затрепетал от ужаса; кровь как бы застыла во всех моих жилах, я не мог двинуться с места, не мог проговорить ни одного слова и стоял, как окаменелый. Помню только, что старец, держа меня за руку, повел с собой, говоря: "Пойдем, чадо! Пойдем ко мне!" Приведши в свою келлию, он посадил меня на стул, где я стал уже приходить в себя. Чтобы ободрить меня, он приказал мне ставить самовар и, сидя уже за чаем, убеждал и укреплял меня, чтобы я был на будущее время осторожнее, и продержал в своей келлии до утреннего благовеста".

В своем смиренномудрии старец Илиодор доходил до такой степени самоуничижения, что считал себя ниже всякой твари. Ревниво охраняя свое смиренномудрие, он во всю свою жизнь не позволил снять с себя портрет[37]. Место, где старец схиархимандрит Илиодор начал постройку пустынной келлии, находится в трех верстах на восток от монастыря. Оно тогда было окружено с трех сторон чащей деревьев строевого леса различных местных пород. Здесь же у подошвы небольшой возвышенности протекает река Обеста, которая устремляет свое течение с востока на запад, извиваясь зигзагами между порослей.

Схиархимандрит Илиодор (Голованицкий). ЦГИА, ф. 835, оп. 4, д. 59, л. 6

В конце лета 1863 года была окончена постройка пустынной келлии. Старец Илиодор, помолившись Божией Матери, приняв благословение от настоятеля, отправился в свою пустыньку, взяв с собой одного своего келейника, послушника Викентия[38]. Просился к нему и другой рясофорный послушник М.Ж., но ему старец Илиодор отказал, говоря: "Ты, чадо, там жить не будешь"; тогда послушник этот обратился к посредству известного подвижника старца иеросхимонаха Макария, который упросил старца Илиодора взять его с собой как бы на испытание. Действительно, М.Ж. не прожил и двух месяцев в пустынной келлии со старцем, не вынес пустынного уединения и суровой жизни, и возвратился в монастырь, оправдывая сказанное старцем: "Ты, чадо, жить там не будешь".

С переселением в пустынную келлию, старец Илиодор усугубил свои подвиги, и образ его жизни сделался суровее: молитва, воздержание и удручение своего тела были непрерывными его подвигами. Относительно молитвословий церковных он держался обыкновенно следующего порядка: с вечера вместе с келейником он читал девятый час и вечерню; часов в 8 или в 9 вечера читал повечерие, канон Божией Матери и молитвы на сон грядущим.

Ночью он будил келейника или еще кого из братии, нередко бывавшей у него, на утреню, а иногда вычитывал ее один, не желая утруждать других. Часов в 10 утра читались утренние молитвы, часы третий и шестой и обедница. Между всеми этими молитвословиями он исполнял и свое продолжительное келейное правило. Из каких молитвословий оно состояло, то осталось тайной...

В отношении пищи старец Илиодор держался строго скитского устава. В продолжение всех постов он ел без постного масла. В понедельник, среду и пяток — тоже. В разрешающие же дни он следовал церковному уставу, но не ради услаждения вкуса, а именно только ради того, чтобы последовать разрешению, предписанному Святой Церковью. Никаких отступлений от принятых правил он не допускал даже и во время тяжких болезней. Обычный порядок питания, какого он держался, был следующий: после обедницы часов в 11 или 12 он выпивал чашку чая, размачивая ржаные сухарики. Часам к двум — к трем келейник варил картофель или суп с картофелем, приправленный конопляным маслом, если это были дни разрешающие; рыба случалась очень редко. Часов в 6 или в 7 вечера он подкреплялся одной чашкой чая со ржаными сухарями. При этом старец часто укорял себя как бы за невоздержание; он говаривал: "Вот какие мы бедные пустынники! Едим три раза в день, а святые отцы как воздерживались! Ох, горе тебе, бедный Илиодор!" Случалось однако, по несколько дней ничего не варили, и тогда келейник ходил обедать в монастырь, а старец удовлетворялся одними сухарями. Что касается пищи молочной и яиц, то этого рода пищу старец употреблял в малом количестве лишь по субботам и воскресным дням, если она бывала, и в двунадесятые праздники, а также в дни, разрешающие эту пищу по церковному уставу — неделю пасхальную, неделю Святой Троицы, Рождественские святки, сплошную и мясляную, в остальное время он, со дня пострижения в святую схиму и до самой смерти, т.е. в продолжение более двадцати лет, не позволял себе употреблять молочной пищи и яиц.

По воскресным дням и в великие праздники он приходил в монастырь и присутствовал в церкви во время всенощного бдения и Божественной литургии. По окончании богослужения, он из храма приходил в свою монастырскую келлию, где подкреплял себя чашкой чая, а также пищей от братского трапезного стола и возвращался обыкновенно в свою пустынную келлию; но нередко оставался и в монастыре на день и более. В таких случаях братия спешили к нему, чтобы послушать от него назидательных речей и побеседовать с ним для своей душевной пользы.

Старец Илиодор был сам строгий хранитель сердечной чистоты, он к тому направлял и тех, которые обращались к нему для руководства. Посему некоторым молодым послушникам он не советовал читать до известного времени Библии[39]. По поводу таковою совета некоторые простейшие из братии, не понимая глубоких мыслей старца, делали свои заключения, что Библию читать грех, потому что ее старец не советует читать. Пишущий эти строки, желая рассеять недоумение простейших братий, в присутствии некоторых из них сказали старцу: "Батюшка! Вот вы некоторым не советуете читать Библию, а они из этого заключают, что Библию грех читать." — "А ты как это понимаешь?" — спросил старец. "Я понимаю, что на это у вас имеются другие причины." — "Да, чадо, так и есть", — сказал старец, — они не понимают, — вот и говорят. Можно ли допустить мысль, что эту святую великую книгу грех читать?! Я тебе, чадо, расскажу самую причину, почему я не советую молодым читать Библию, чтобы ты знал, да и другим рассказал. Не советую читать потому, что она им не принесет пользы: они не обучились еще духовной брани и не могут по немощи охранять свое сердце от прилогов, а страсти в них кипят. В Библии же много повествуется о некоторых плотских грехах, которые могут возбуждать воображение к страстным похотным пожеланиям и осквернять сердце, а это для действующего, стремящегося к сердечной чистоте, очень вредно. Вот вместо пользы, которую они могли бы получить от чтения, они получают вред. Видишь, чадо, почему я не советую читать Библию тем, кто не может еще поставить ум свой на страже. Враг наш диавол всяким случаем пользуется, чтобы забросить в наше сердце свои зловредные семена. А посему молодым братиям полезнее читать те книги, которые разоблачают козни врага, разъясняют движение страстей, через которые он действует, и поучают духовной брани. Таковы книги святых отцов подвижников, которые исподволь прошли весь путь подвижничества и передали нам в своих писаниях для нашего назидания".

Монах И. спросил старца Илиодора: "Как поступать при встрече различных обстоятельств, чтобы не погрешить перед Богом"? Старец сказал ему: "Чадо, если ты желаешь, чтобы твои действия были не погрешительны, постарайся, чтобы они всегда были основаны на Священном Писании: на Евангельских истинах, на учении святых апостолов и на изречениях святых отцов подвижников. В этой святой сокровищнице ты найдешь основание на все, что тебе будет нужно, на всякий случай, на всю жизнь. Священное Писание старайся изучать тщательно и понимать правильно, чтобы не толковать его в пользу своих прихотей и от горделивого мнения показывать себя сведущим для применения к другим. Ты старайся все прилагать к себе. Например: если предстоит тебе какое предприятие, в котором иногда встретятся

недоумения, ты тогда обратись к Священному Писанию и постарайся подыскать основание для предстоящего тебе дела, сообразно святому учению. Если так настроишься поступать, то действия твои будут не погрешительны. При всем сказанном нужно руководиться строгим рассуждением, без которого иногда в наши, по-видимому, добрые предприятия, по хитрости врага, вкрадываются тонкие погрешности[40]. Отцы святые говорят, что рассуждение выше всех добродетелей; следовательно, должно стремиться к приобретению этой добродетели. Приобретается же она не иначе, как постоянным обращением с человеком, имеющим этот дар. Так некто спросил великого старца: "Авва! Как могу я приобрести дар рассуждения?" и получил такой ответ: "Иди и прилепись к такому человеку, имеющему рассуждение, от него и научишься рассуждению".

Изведав ощутительно великую пользу, происходящую от смирения, старец Илиодор всем подвизающимся советовал трудиться неустанно над укоренением в себе этой добродетели, неприступной для врага и охранительной для подвизающегося. Часто он говорил: "Отцы святые советуют для охранения себя от самомнения проходящему путь подвижничества, даже при богатстве рассуждения, покорять свою волю другому искусному, чтобы на себя не надеяться, а на молитвы другого и, смиряя себя, иметь сильное оружие против гордого врага. Если же не найдешь искусного и рассудительного руководителя, то покори себя хотя самому простому, незлобивому, но благоговейному, обращайся к нему за благословением на всякое предприятие. Благоговей перед ним и призывай его молитвы в помощь, они для тебя спасительны. Одно то, что ты не будешь на себя надеяться, а на молитвы другого, будет защитой от врага, так как в этом есть смирение. Если же, — говорил он, — не окажется и простого старца благоговейного, тогда поищи благоговейного брата и поступай во всем так, как выше сказано о старце. Такой путь указывает преподобный Нил Сорский; он самый безопасный".

Монах один обратился к старцу с таким вопросом: "Батюшка! Меня страсти беспокоят, а я немощен, не могу противостоять им, что мне делать?" Старец сказал ему: "Чадо, сами собой мы ничего не можем сделать, нужна нам помощь Божия. Древние же подвижники говорят: страсти те же скорби, а о скорбях Господь сказал через пророка Давида: "Призови Мя в день скорби твоея и изму тя и прославиши Мя" (Пс. 49, 15). Видишь, чадо, нужно нам призывать Господа в помощь, а без Него мы не можем ничего сделать. Спаситель нам сказал: "Без Мене не можете творити ничесоже" (Ин. 15, 5). А что Господь не оставляет тех, которые взывают к нему о помощи, то об этом свидетельствует тот же пророк, говоря: "Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его в истине" (Пс. 144, 18).

А что страсти нас борют, от сего унывать не должно, это наша брань, против которой мы должны всегда быть готовы. Нужно только усиленно противиться их требованиям. А чтобы успешнее против них действовать, надо повнимательнее рассматривать, которая сильнее в нас действует страсть, против этой одной следует и вооружиться всей крепостью[41].

Дар прозорливости старец Илиодор скрывал тщательно по своему смирению. Но как свет, если будет сокрыт в темном месте, то и в маленькую скважину показывает свое сияние, так и сей благодатный дар,

обитавший в сокровищах чистой его души, в известных случаях для пользы других, являл свое действие, и явления сии так многочисленны, что их все собрать и предать писанию не удобно. Кому из внимательных приходилось бывать у старца, тому часто приходилось слышать ответы или замечания на его сокровенные помыслы, которые знал только один тот, в чьей душе они скрывались. Но если где требовалась необходимость для вразумления ближнего или спасения погибающего, там старец не скрывал благодати, обитающей в нем.

Однажды пришли в пустынную келлию к старцу Илиодору его почитатели, давно ему известные купцы, из города Белополья. Благословляя их, старец пристально посмотрел на одного Ф.В.Б. и спрашивает его, какого он вероисповедания? Сей последний, озадаченный таким вопросом, сказал: "Батюшка, разве вы меня первый раз видите? Вам даже известен наш весь род". — "Это-то так действительно, но есть ли на вас крест!" Тогда тот поклонился старцу, сознаваясь, что, по своему небрежению, уже года два не носит нательного креста. Старец сделал ему внушение, указав, что святой крест — это знамение спасения нашего, которое всякий верующий христианин должен иметь на себе всегда неотложно.

"Если считаешь себя достойным, то прикажи этому столбу, (он указал на столбик) путь перейдет на другое место. Если перейдет, тогда признавай себя достойным, а если не послушает, тогда признавай себя грешным". "Я ясно понимал, — говорил этот купец, — что старец говорил о том, что совершается в моей душе".

Сновидения и видения старца Илиодора

Старец Илиодор благоговел перед своим духовным наставником, игуменом Филаретом, зная его горячую любовь к Божией Матери, славы ради Которой он трудился неусыпно над благоустроением во имя Ее святой Глинской обители, где он воспитал многих своих учеников в духе истинного подвижничества. Он знал, каких трудов стоило игумену Филарету установить и утвердить устав строгого чиноположения в этой обители. Игумен Филарет сам трудился над писанием нот обиходного пения, которое теперь пленяет своей сладкозвучной мелодией. Сам старец Илиодор слышал от игумена Филарета, что сей последний говаривал: "Я дал обет Божией Матери установить этот устав в Глинской пустыни для всегдашнего строгого исполнения этого чиноположения моими будущими приемниками. Посему, если кто из них нарушит его, с таковым буду судиться на суде Божием". Такая твердая уверенность сего дивного возобновителя Глинской пустыни, по всей вероятности, утверждалась на благодатных откровениях, которые, к прискорбию, скрыты от нас. Но старец Илиодор, как ученик игумена Филарета и личный свидетель его подвигов и скорбных трудов, знал, каких слез и кровавого пота стоило ему выполнять все то, что он сделал. А посему часто задавался мыслью, какие плоды принесли эти труды его и какое имеют значение в загробном мире таковые его подвиги? На таковое размышление он получил извещение в следующем сновидении. Вот подлинный его рассказ: "Увидел я, — говорил он, — какое-то очень приятное место в виде пространной зеленой поляны, на которой я стоял лицом к Востоку. Предо мной по зеленеющей

равнине струился небольшой ручей прозрачной воды, а на противоположной стороне протекающего ручья красовался небольшой, но весьма изящной архитектуры храм. Перешагнув ручей, я направился к этой церкви, и, войдя внутрь, увидел здесь игумена Филарета, стоящего на клиросе с своим любимым учеником[42]. Он, пресладким голосом воспевая какую-то церковную песнь, славил Господа. Людей в этой церкви не было видно, но по всей церкви стояли рядами в чудном порядке большие подсвечники, на сих последних ярко горели большие свечи. Ему (Илиодору) сказал какой-то голос: "Все эти горящие светильники зажигал старец игумен Филарет". Старец Илиодор толковал это сновидение так: малая, но красивая церковь, им виденная, — это немногочисленное тогда общество братства Глинской обители, которое под его личным руководством было прекрасно благонастроено в духовной жизни, а горящие светильники знаменуют учеников игумена Филарета, в душах которых он возжигал ревность духа в любви к Богу.

В 1865 году в Глинской пустыни было освящение вновь устроенного трехпрестольного собора. Вначале средний престол освятил сам преосвященный Сергий, епископ Курский (впоследствии митрополит Московский). На следующий день в правом приделе престол освящал архимандрит Ювеналий, бывший тогда благочинным монастырей. Посему ранняя литургия в этот день служилась на среднем, вновь освященном престоле. Старец Илиодор молился на ранней литургии, а так как в то время я[43] ему прислуживал, то по окончании литургии поспешил в его келлию, чтобы приготовить самовар. Старец, придя из церкви, по обычаю благоговейно поклонился перед святыми иконами, снял мантию и сел на свое место. Смотря на старца, я заметил в лице его какое-то изменение. Прозрачная белизна на лице покрывалась чудным румянцем, а взор его был поразительно благоговейным. Видно было, что душа его была преисполнена неземным утешением. По своей тогда юности, я не понимал этого, а только удивлялся, недоумевая, почему старец казался так хорош? После краткого молчания, старец вздохнул от полноты чувств, затем сказал: "Какое великое благоволение Божией Матери к нам грешным!" Затем говорил мне: "Чадо, поди ближе ко мне, я тебе расскажу вот что: сегодня на Божественной литургии один старец видел дивное видение. Когда клиросные певцы вышли среди церкви петь "Тебе поем, Тебе благословим...", в это время с правого клироса показалась, идущая по солее, величественная благолепная жена, чудной несказанной красоты. Одежда на ней была такая дивная, что невозможно объяснить, поверху одежды мантия, застегнутая на груди; а на голове Ее митра, блестящая чудным отражением; на верху митры видна была маленькая возвышенность. "Вот этакая"! — при этих словах старец показал пальцами меру возвышенности не более как в 3/4 вершка, — "на верху возвышенности был маленький крестик. Она была окружена светом славы". Здесь старец прервал свой рассказ, положил свою руку на стол и склонился на нее челом, в молчании погрузившись в созерцание виденного. Я стоял перед ним в ожидании, желая услышать рассказ еще подробнее. Через малый промежуток времени старец поднял голову. Я осмелился спросить: "Батюшка! Где же видели эту чудную жену?" — "А вот где, чадо, — продолжал он, — Она шла с правого клироса по солее и дойдя до середины перед царскими вратами, обратилась лицом к востоку,

Храм
в Спасо-Илиодоровском скиту
в честь Нерукотворенного Спаса.
Святые врата
Спасо-Илиодоровского скита.
Фотографии начала XX в.

и стала невидима. Это, брат, была сама Царица Небесная. Она, милостивая, явила свое присутствие во вновь освященном храме Святого имени Ее, во свидетельство Своего благоволения к нам, грешным". Сказав это, старец опять склонился на руку челом и предался созерцанию. Видно было, что сердце его было переполнено небесным утешением, а в воображении стояло чудное видение, к созерцанию которого стремилось все душевное существо.

Старец Илиодор таковые события для сокрытия себя передавал как бы слышанные им от другого кого-либо. Но окружающие его хорошо понимали, что этот другой был ни кто иной, а он сам. Я, как сейчас хорошо помню, что в конце литургии я подошел к старцу взять у него ключ от его келлии. Старец стоял один, склонив голову, около него никого не было. Он подал мне ключ машинально и не взглянул на меня, вероятно потому, что ум его был прикован к виденному. Затем, не говоря ни с кем, он вышел из церкви прямо в свою келлию, где сейчас же рассказал мне это видение, и запретил тогда рассказывать другим об этом.

Весьма многое из благодатных откровений, которых удостаивался по милости Божией старец Илиодор, сокрыто от нас, по причине его глубокого смирения. Не всегда он был предрасположен открывать эти тайны, а только тогда, когда требовала сего польза ближнего, но и в таких случаях он часто рассказ свой относил, как уже было сказано, не к себе, а к постороннему лицу. Но бывали нередко случаи, что старец говорил о своих благодатных откровениях явно и открыто, иногда рассказывал пространно, а иногда в кратких отрывочных выражениях, как видно, по действию внутреннего движения духа. А если беседа умножалась, то в таких случаях наблюдающий мог заметить, что ум его восхищался в созерцание, которое переносило его в духовную область к зрению виденного, а быть может, иного чего, для нас непостижимого. Здесь рассказ его пресекался, и речь обрывалась на половине или даже в самом начале повести. Следовало молчание. В такое время черты лица его показывали действие его внутреннего радостотворного ощущения. Это состояние понятно только для тех, которые по милости Божией сами того удостаиваются. В таких случаях никто из присутствующих его ближних учеников не осмеливался каким-либо вопросом нарушить его внутреннее безмолвие, пока он сам не заговорит; но заговорит уже не о том, на чем остановилась его речь, а о другом предмете. Так, однажды в его пустынной келлии поздно вечером в присутствии трех учеников, в числе которых был и я, старец Илиодор вел беседу о Софрониевских и Глинских подвижниках касательно благодатных откровений. При продолжении беседы, речь его начала замедляться; понятно, что ум его как бы переходил или соприкасался к зрению духовных предметов, но он еще владел собой, и когда сказал: "Да, я видел на небесах эти обе пустыни (Софрониеву и Глинскую) в великой славе", то на этих словах речь его пресеклась, он погрузился в созерцание; бестелесный ум восхитился туда, куда по благодати Божией ему было доступно по мере его чистоты. Сидя на своей коечке, он склонился к стенке и наклонил на грудь голову, пребывая как бы в забытьи. Мы сидели и смотрели на него в молчании, опасаясь, чтобы движением своим не нарушить его освященного безмолвия. На лице его было видно изменение, являющееся в таких случаях. Старец через несколько времени, вздохнув от полноты чувств,

23-1374

начал говорить: "Простите меня, добрые мои братия, не полезно мне говорить о таких предметах, но любовь моя к вам вынуждает иногда сказать, для возбуждения вашего духа". Затем начал говорить о других предметах. Но из нас ни один не осмелился спросить его о подробностях, как ему было показано это видение. В это время и на близких его, присутствующих, действует какой-то благоговейный страх, связывающий свободное обращение.

Иеромонах Иосия передавал следующий рассказ. "По пострижении в мантию, я находился положенное время безвыходно в храме. Однажды ночью я вышел из церкви и увидел, что в окне келлии старца схиархимандрита Илиодора светился огонь. Он был в то время болен. Войдя к нему я увидел его лежащим на койке с воздетыми руками, очевидно он молился и, не обращая никуда внимания, он спросил: "Это ты, чадо?", называя меня по имени. Подойдя к нему, я поклонился, а он, благословляя меня, сказал: "Ах, чадо! Сейчас видел я умершего духовника, он задержан на мытарстве за то, что доносил настоятелю грехи братские, открываемые на исповеди"[44].

Вероятно сей духовник по причине малодушия не мог устоять перед вопросами любопытного настоятеля, за то и подвергся таковому несчастью. Святитель Димитрий Ростовский говорит о тайне исповеди: "Та тайна Божия запечатлена есть печатию самого Бога, яже есть Дух Святый, и никто же должен отрешити тоя печати. и во явление людем открыти... Аще бы кий властелин или суд гражданский повелел, и нудма принуждал иерея, да скажет, каковый грех духовного своего сына, и аще бы прещением и муками и смертию претил, и убеждал ко изъявлению греха чьего, то иерей должен есть умрети, паче и мученическим венцем венчатися, неже печать исповеди отрешити, и тайну Божию в явление предати, изъявляя грехи духовного сына своего... (за что) вечною от Бога смертию казнену быти за изъявление." (Святитель Димитрий Ростовский. Часть 1. С. 144).

В 1865 году проездом из Киева в Воронежскую епархию преосвященный Серафим, посетив Глинскую пустынь, пожелал побывать в пустынной келлии старца Илиодора.

Преосвященный Варлаам в шестидесятых годах проездом на Черниговскую епархию тоже был в Глинской пустыни и посетил старца в пустынной келлии, а в 1875 году посетил его преосвященный Нафанаил епископ Черниговский.

Переселение из пустынной келлии в монастырь

Осенью 1874 года монах Геласий, прожив у старца в пустынной келлии несколько дней, собрался идти в монастырь, но старец, удерживая его, сказал: "Побудь, чадо, еще здесь немного со мною, я чувствую, что более здесь не буду жить". После этого, дня через три он сильно заболел, вследствие сего его перевезли в монастырь. Более он не возвращался в свою любимую пустыню[45].

Последнее время старец почти постоянно лежал и поднимался лишь с большим трудом и более с помощью других. Видимо он таял, как воск догорающей свечи, и жизнь его готова была скоро закатиться.

Старец Илиодор последний год жизни почти постоянно лежал от истощения сил. Часто он лежал на спине вверх лицом, в таком виде делал наставления слабеющим голосом и давал ответы вопрошавшим.

25 июня, в понедельник, старец Илиодор еще раз причастился Святых Таин и мирно ожидал своего исхода. Он уже переставал от ослабления организма владеть языком, ему было тяжело говорить, но память у него сохранилась светлая. Если что надо было показать, он указывал это движением руки. По принятии Святых Таин, он дал знак, чтобы ему поднесли крест с распятием, перед которым он молился многие годы. Осенив себя крестным знамением, он приложился ко кресту и велел поставить на место. Все время старец был спокоен, таковое спокойствие видимо происходило от примирения совести, уверяющей в оправдании себя Божественной благодатью. Он ожидал своего исхода не как смертного, а как переселения в иной мир.

26-е старец провел спокойно в молитвенном погружении, а 27-го в среду у старца спросили, не желает ли он принять Таинство Елеосвящения и приобщиться Святых Таин. С усилиями, едва слышно проговорил он: "Желаю очень". Игумен Иннокентий совершил Таинство Елеосвящения, вслед за тем в последний раз приобщили его Святых Таин.

Остальное время дня и вечера старец провел весьма спокойно. Уже в полночь находившийся при нем его келейник, монах Анфим заметил, что дыхание его начинает замедляться; он позвал Коренского игумена Иоанникия, находившегося в соседней келлии, и монаха Геласия. Эти последние придя увидели старца, лежащего благообразно; дыхание его постепенно замедлялось и видимо приближался исход его души... Скоро последний тихий вздох возвестил, что земное поприще старца схиархимандрита Илиодора окончилось... Он мирно почил о Господе ровно в час по полуночи, с двадцать седьмого на двадцать восьмое число июня 1879 года, на восемьдесят четвертом году своей многострадальной жизни. Блаженную кончину старца возвестил братии звук большого колокола, по уставу Глинской пустыни, призывая вознести молитву за новопреставившегося[46]. Тело его было одето как подобает по чину иноческому. 30-го же июня, после поздней литургии, настоятель Глинской пустыни игумен Иоанникий с собором иеромонахов совершил священный обряд погребения. После обычного целования братии подняли гроб и на своих руках понесли его к месту погребения, где был приготовлен склеп; гроб при пении обычных тропарей: "Земле, зинувши, прийми от тебе созданнаго рукой Божиею", и прочее, был опущен в могильный склеп, и тело было предано земле.

Место погребения его находилось на левой стороне входа в теплую Успенскую церковь и было избрано как бы по промыслительному предуказанию так, что при расширении теплой церкви оказалось по плану входящим внутрь стен храма, где представилась возможность с разрешения местного архиерея устроить усыпальницу. В ней ныне (т.е. во время написания жития схиархимандрита Илиодора. — *Прим. изд.*) место погребения блаженно почившего старца, покрытое крышкой наподобие крышки гроба, обтянутой черным бархатом с позументом. Здесь любящие его служат панихиды об упокоении его души в небесных селениях. А верующие в его оправдание и дерзновение перед Богом получают духовную помощь в своих нуждах.

На месте же его пустынных подвигов, где была его пустынная келлейка, ныне существует благоустроенный скит. Здесь иночествующая братия повседневно совершает богослужение, где непрестанно приносится бескровная умилостивительная жертва о мире всего мира, и об упокоении души того, кто некогда в своей земной жизни место это оросил своими слезами, освятил своими подвигами, восходя в созерцательной молитве до Богообщения; и ныне бессмертный дух его, здесь совокупно с поющими, возносит хвалебное славословие Богу, в Троице славимому.

Примечания

1 Глинская пустынь Путивльского уезда Курской губернии.

2 Вероятно, подготовкой к образованию отрока Иоанна занимался его отец Феодор Голованицкий, о школах по деревням тогда еще мало помышляли.

3 Дело архива Глинской пустыни № 240.

4 В то время на Киевской митрополии был высокопреосвященный Серапион.

5 Антоний, впоследствии преосвященный Воронежский, известный святостью своей жизни.

6 Архимандрит Варлаам, один из учеников старца Феодосия, был художественный молитвенник. Настоятельстовал с 1814 по 1840 г. с возведением в сан архимандрита и переведен в Обоянский монастырь (Описание Софрониевой пустыни. М., 1895. С. 118—119).

7 О времени пострига в рясофор сведений письменных нет, вероятно потому, что тогда это делалось по воле настоятеля без разрешения консистории. Из рассказов старца можно заключать, что он пострижен в рясофор в 1820 г.

8 Схимонах Пахомий — из отставных кавалергардских поручиков, в миру Петр Сковородка. Поступил в Софрониеву пустынь в 1800 г. Там, в Софрониевой пустыни в 1802 г. был пострижен в мантию, а в 1803 г. отправился на Афонскую гору, где в 1805 г. в Хилендарском монастыре пострижен в схиму. В 1808 г., возвратившись в Россию, поступил в Белобережскую пустынь Орловской губернии, в 1810 г. перемещен в Черниговскую епархию в Домницкий монастырь, в 1812 г. — в Петропавловский монастырь, в 1819 г., июня 6-го определен в Глинскую пустынь.

9 В предисловии книги Паисия Величковского о нем говорится: "Схимонах Афанасий ротмистр... по фамилии Захаров" (с.10, отд. 5).

10 При постриге в мантию его восприемником был духовник Варсонофий. Вероятно, тот, который имел большое влияние на настоятеля Филарета. (Рукопись Глинской пустыни).

11 По имени Самуил.

12 Это случилось весной 1824 г.

13 По заключению святых отцов, в сновидениях девицы показывались девственникам: так, Софронию Софисту был показан лик девиц, ликовавших перед ним (впоследствии патриарх Иерусалимский) (Четьи-Минеи, марта 11-го). Святитель Григорий Богослов еще в возрасте юношеском видел двух девиц, которые обнимали его и уговаривали хранить чистоту, из них первая называла себя "Чистота", а другая — "Воздержание" (Четьи-Минеи, марта 25-го).

Можно заключить, что вследствие девственной чистоты иеродиакона Иоанникия (Илиодора) в знаменательном сновидении приветствовал его лик девиц.

14 Послушник этот А. проводил в то время жизнь весьма неприличную.

15 Старец Илиодор, когда, рассказывая, доходил до сего места, всегда останавливался, наклоняя голову, и молчал довольное время, погружаясь в созерцание виденного; но трех слов, сказанных ему, не сказал никому до самой своей смерти.

16 Находится в Кролевецком уезде Черниговской губернии среди оврагов, покрытых вековым чернолесьем.

17 Заимствовано из архива Рыхловского монастыря 1828 и 1829 гг. (Рукопись Глинской пустыни).

18 Вследствие этих растрат Иоанникий терпел крайнюю нищету: одежда на нем была изорванная, а из разбитых сапог виднелись ноги.

19 Некто Я.Д.В-овец в декабре 1893 г. прислал настоятелю Глинской пустыни письмо за подписями нескольких лиц, удостоверяющих благотворное влияние примера терпения схиархимандрита Илиодора. Одна молодая монахиня, долго гостившая в Петербурге, стала колебаться, возвращаться ли ей в свой монастырь.

По прочтении же сказания о жизни и подвигах старца Илиодора у нее исчезли всякие колебания, мятущие душу. Она окончательно решилась ехать в свой монастырь и терпеливо переносить всякие скорби. (Вероятно, ее кто-либо из могущественных преследовал в своем монастыре). (Рукопись Глинской пустыни).

20 В том же, 1831 г. он скончался.

21 На Черниговской кафедре он был с 31 марта 1831 г. по 1836 г.

22 Действительно, против Иоанникия были непомерные силы: настоятель Анастасий, секретарь консистории корыстолюбивый Кочерга и ими переубежденный местный владыка.

23 Владыке показалось действительно смешным видеть перед собой человека тридцати шести лет, очень красивого, стройного и приятного взора и утверждающего, что его лета уже прошли. Владыка не забывал этого и после и нередко с доброй улыбкой называл Иоанникия старичком. Когда у самого Иоанникия после спросили, почему он сказал, что "лета его уже прошли", то он объяснял это так: "Находящемуся в тяжком томлении время тянется весьма медленно; так было и со мной, действительно, и мне казалось, что жизнь моя уже протекла, и я приближаюсь к концу".

24 Высокопреосвященный Владимир, присутствуя в Святейшем Синоде, понятно, знал, что дело об Иоанникии и о других соучастниках скорбей оставлено без последствий. Старец Илиодор после рассказывал, каким образом Господь защитил их от грозящей опасности. Одна старушка служила экономкой у графини Кучубей, ее графиня очень любила; этой старушки сын, по имени Андрей, жил послушником в Рыхловском монастыре и подвергся одной участи с Иоанникием. Мать его, жившая в Петербурге при своей графине, узнала через монахов Александро-Невской Лавры о грозившей опасности ее сыну вместе с прочими. В горести своей она обратилась к своей графине, а эта последняя приняла живое участие в этом деле. Она послала племянника к великому князю Константину Павловичу, у которого он служил адъютантом, просить Его Величество ходатайствовать за гонимых. Благодаря вмешательству великого князя дело это было оставлено без последствия. Упомянутый послушник Андрей, впоследствии в постриге Амвросий, был духовником в Рыхловском монастыре. Он посещал старца Илиодора, уже живущего на покое в Глинской пустыни. Пишущий эти строки знал его лично.

25 Анастасий казался очень молод. Лицо имел нежное и бороду очень скудную.

26 Заимствовано из личных рассказов старца Илиодора.

27 26 февраля 1834 г. (Рукопись Глинской пустыни).

28 В общежитии обязанность рухольного — покупать для братии холст для белья и другие материалы для одежды и обуви и готовую одежду раздавать братии.

29 Многократно слышал пишущий это.

30 Жизнеописание игумена Филарета. Издание Глинской пустыни.

31 В этом скиту святитель Димитрий Ростовский составлял Четьи-Минеи (Жития святых), когда был настоятелем в Петропавловском монастыре.

32 Архив Глинской пустыни.

33 Подлинный рассказ старца Илиодора и его спутника монаха Григория.

34 Рассказ архимандрита и его спутника монаха Григория.

35 Некоторые святые подвижники, воспламенившись ревностью, по своему желанию, устремились на совершенное уединение, но промыслительное Божественное устроение, готовящее их на иное служение, указывало таковым предначертанные им Божиим промыслом пути, почему предприятия у таковых оказались без выполнения. Это видим на преподобном Антонии Киево-Печерском, который удалился на Святую Гору Афонскую для жительства. Но Промысел Божий готовил его на службу в ином месте. Он, как видим, был послан в Россию.

Подобное произошло и со старцем архимандритом Илиодором.

36 Схииеромонах Амфилохий (в миру Андрей Скубырин) служил камердинером у князя Голицына. Проживая со своим господином долгое время в западных столицах — Берлине и Париже, он усвоил немецкий и французский языки и владел ими в совершенстве. Обладая природными способностями и жаждой к познаниям, он занимался чтением западной литературы современных писателей; это было тогда принято в высших общественных кругах, но таковое чтение, которое не питает нашего бесстрастного духа, не могло удовлетворить душевной жажды Андрея, и он начал искать удовлетворения в Священном Писании. Однажды князь застал его за чтением Псалтири и удивился, что молодой его камердинер занимается таким чтением.

Князь рассказывал об этом другим: "Вот странно! Мой Андрей читает Псалтирь!". В Париже молодому Андрею представилась заманчивая карьера, когда живший там один русский капиталист предлагал ему вступить в брак с его дочерью, единственной наследницей богатства своего отца. Но он, чувствуя призвание к иноческой жизни, желая работать Богу в девственной чистоте, отверг таковое предложение.

Князь Голицын, видя своего любимого камердинера, стремящегося к богоугодной жизни, отпустил его на свободу, после чего он в 1818 г. поступил в Глинскую пустынь, имея от рождения 36 лет. При постриге в мантию начертано было имя ему Анатолий. Старец же схиархимандрит Илиодор поступил ранее его, следовательно, по поступлении в монастырь они были как сверстники, как сотоварищи, оба они пели вместе на клиросе в Глинской пустыни. Анатолий, как старший по летам, ранее почувствовал старость, принял святую схиму и был наречен Амфилохием, и, будучи духовником старца Илиодора, избран был ему в восприемные старцы при постриге его в схиму. А что касается их практики духовного ведения, то они могли быть между собой спостниками и братскими советниками. Но старец Илиодор, смиряясь, подчинил себя своему духовному отцу и обращался к нему за советами с глубоким уважением до его кончины.

37 Существующий ныне портрет старца Илиодора снят уже с него мертвого и разработан после знавшими его учениками.

38 Ныне иеромонах Иосаф в Белогорской пустыни.

39 Библию, а не библейскую историю, которую он велел изучать.

40 "Суть путие, мнящиеся быти прави мужу, обаче последняя их зрят во дно адово" (Притч. 16, 25).

41 Преподобный Иоанн Лествичник. Слово 15-е, отд. 41.

42 Ученик этот был келейником старца игумена Филарета, много потрудившимся с ним в писании церковного нотного обихода. Имя сего ученика неизвестно.

43 Собиратель.

44 Подлинный рассказ иеромонаха Иосии.

45 Старец Илиодор поселился в пустынной келлии в 1863 г., а оставил ее последний раз в 1874 г. Время переселения из пустыни записано игуменом Геласием.

46 В Глинской пустыни существовал порядок такой. Лишь кто скончался из братий, сейчас дают знать настоятелю, а сей последний приказывает ударить три

раза в большой колокол. Братия, услышав этот звук, кто чем ни был занят, оставляют дело и, став перед иконой, полагают двенадцать поклонов об упокоении души вновь преставившегося.

Литература

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собранное игуменом Иассоном. М., 1887. То же. 2-е изд. М., 1906.

Старец схиархимандрит Илиодор. (Память 28 июня) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июнь. М., 1908. С. 369—410.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собранное игуменом Иассоном // Курские епархиальные ведомости. 1909. № 16. С. 1—8; № 17. С. 9—16; № 18. С. 17—24.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 11.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х частях. Одесса, 1901. С. 33. То же. Одесса, 1904. С. 22, 33, 53. Курск, 1912. С. 21, 27, 28, 45, 46.

Глинский старец о. Феодот // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. М., 1908. С. 204.

Глинский старец Николай скорбящий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Часть I. Кн. 1. М., 1912. С. 587—588.

Схимонах Лаврентий Глинский // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Август. М., 1909. С. 498—500.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 37, 40—42.

Схимонах Лука, подвижник Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. М., 1908. С. 3, 9, 10.

Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907. С. 1, 2, 23.

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 20, 71.

Глинский подвижник схимонах Архипп // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 336.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909. С. 14—18, 25—26.

Спасо-Илиодоровский скит... С. 8—24, 29, 31, 34, 38.

Архимандрит Петр, настоятель первоклассного Тихвинского Большого монастыря // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. М., 1908. С. 554.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 480. № 26. С. 502.

Глинская пустынь. Библиографическая заметка // Курские епархиальные ведомости. 1912. № 26. С. 646.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск. 1910. С. 32.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Одесса, 1905. С. 150, 152.

Глинский монах Артемий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том. доп. Ч. I. Кн. I. М., 1912. С. 154.

Глинский подвижник монах Петр // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 185, 191.

Глинский иеросхимонах Анатолий благоговейный // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. М., 1910. С. 742.

Игумен Филарет — настоятель и возобновитель Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 389, 402.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 47. С. 75.

Краткое историческое описание Рыхловской пустыни / Архимандрита Мельхиседека. М., 1844. С. 41.

Архивные документы

Об увольнении в Иерусалим проживающего в Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии архимандрита Иоанникия. 1849—1850 гг. // ЦГИА, ф. 796, оп. 130, д. 1158.

Об увольнении в Иерусалим проживающего в Глинской Богородицкой пустыни Курской епархии архимандрита Иоанникия. 1849—1850 гг. (Там же, л. 1—1 об.).

"*В Святейший Правительствующий Синод Илиодора, архиепископа Курского и Белоградского Доношение.*

Находящийся на покое в Глинской Рождество-Богородицкой Пустыни архимандрит Иоанникий в поданном прошении изъяснил, что он во время постигшей его продолжительной болезни дал обещание поклониться гробу Господню во Иерусалимской церкви и другим Святым местам в Палестине и Афонской горе находящимся; на путешествие имеет нужные средства, и потому просит уволить его в означенные места...

Вашего Святейшества Нижайший послушник Илиодор, архиепископ Курский 17 сентября 1849 г. Курск".

Портреты начальствующих и других лиц монашествующего духовенства. 1870—1905 гг. // ЦГИА, ф. 835, оп. 4, д. 59, л. 6. Фотогр. Архимандрит Илиодор Глинской Рождество-Богородицкой пустыни.

Главная опись церковного и ризничего имущества Курской епархии Глинской Рождество-Богородицкой мужской общежительной пустыни, составленная в 1854 г. // ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 2727, л. 80, 109—109 об.

ОР ГБЛ, ф. 213, к. 103, ед. хр.93. Илиодор — архимандрит Глинской пустыни. Письма к Тимковским: Софье Ильиничне (Серафиме) и Варваре Ильиничне (Варваре). 185(7)—1873 гг.

Илиодор, схимонах. Письмо к Варваре и Серафиме, монахиням. 1863 г., марта 1-го // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 103 ед. хр.92.

Амвросий (Гренков). Наставления и письма // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 50, ед. хр. 1, л. 16 об.

Амвросий (Гренков). Письма к Варваре и Серафиме, монахиням (Тимковским). 1862—1871 гг. // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 54, ед. хр. 5, л. 112 об., 126—126 об.

СХИМОНАХ ЛАВРЕНТИЙ (†1881)

(Память 24 августа ст. ст. / 6 сентября нов. ст.)

Цит. по:
Схимонах Лаврентий Глинский. //
Жизнеописания отечественных подвижников
благочестия 18 и 19 веков.
Август. М., 1909.
С. 498—503.

Старец схиархимандрит Илиодор в отце Лаврентии указал ученикам своим приемника по старчеству. Более ревностного делателя заповедей Божиих на тесном иноческом пути, кажется, не было. Поэтому о. Илиодор говорил про Лаврентия, что он духом более всех подходит к монашеству. Внешне простой, но умудренный опытом жизни и мудростью, сходящей свыше, о. Лаврентий был истинным нелестным руководителем спасающихся. Святитель Тихон Задонский бабке о. Лаврентия сказал: "За благочестие твое в твоем роде будут монахи". В юности Лаврентий был смирным мальчиком, любил уединение, сверстники его нередко обижали. В возрасте мужества он был у своего помещика садовником, мяса не ел, а полагавшуюся на его долю часть отдавал своему женатому брату. На 38-м году жизни он был отпущен барином своим в монастырь и в 1846 году поступил в Глинскую пустынь, где 25 лет нес послушание садовника; в 1874 году о. Лаврентий принял схиму. По спискам всегда аттестовался настоятелями усердным, трудолюбивым, к монашеской жизни внимательным. Любя уединение, подвижник 32 года жил в маленькой и низкой комнате, внизу уединенной монастырской башни у пруда (саженки). В келлии он всегда занят был или молитвою, или чтением Священного Писания и святоотеческих книг. На послушание не выходил, пока не прочитает акафистов: Спасителю, Божией Матери и Николаю Чудотворцу. Идя в храм на послушание или куда-либо, и возвращаясь в келлию, он всегда читал молитвы или псалмы. Послушание исполнял тоже с молитвой и упованием на Бога. Замечено, что деревья, посаженные Лаврентием с молитвой, менее других подвергались порче, и были более плодовиты.

Безропотный, безответный, благодушный, о. Лаврентий отличался примерной нестяжательностью и безмолвием. Никто не замечал его в пустословии. Только к духовным беседам он был внимателен и в своих словах назидателен. Желая себя и других побудить к ревности о спасении, он нередко говорил: "Жизнь наша коротка, и время скоротечно, а за гробом ждет нас мука бесконечная".

По строгости воздержания о. Лаврентий служил примером для братии. Он дорожил каждой крошкой хлеба и другим внушал, что пренебрегать даром Божиим — грех. Если ему случалось кушать что-либо выходящее из повседневного приготовления пищи, то он считал это великою роскошью и обыкновенно простосердечно говорил: "Такой обед у Царя, да у нас!"

В братской трапезе подвижник старался казаться кушающим, но его крайнее воздержание не могло укрыться от сидевших с ним рядом или против его. Однажды инок Н. видя, что старец весьма мало кушает, подумал: "Вот какой постник наш Лаврентий, поистине святой муж". —

"Какой тебе святой, откуда ты взял его?" — ответил Лаврентий на мысли своего сподвижника.

По принятии схимы о. Лаврентий спрашивал своего старца-руководителя схиархимандрита Илиодора, можно ли ему еженедельно причащаться. Одобрив такое желание, о. Илиодор сказал: "Можно, и если на неделе будет праздник, то и два-три раза, но говеть — благоговеть и воздерживаться. Рыбы и масла нельзя вкушать ту неделю, в которой хочешь причащаться. Попробуй, а если будешь ослабевать, скажи; можно установить так: одну неделю поговеешь, другую — во вторник и четверг бери из кухни рыбное, но молочного не вкушай. В понедельник, среду и пятницу без масла".

После этого старческого благословения о. Лаврентий, ревнующий о достойнейшем принятии Святейших Тела и Крови Христовых, вдался в усиленные подвиги поста и молитвы: о пище и сне почти забыл и дошел до болезненного состояния. Это не укрылось от сподвижников. Один из них отец Д. пошел к старцу Илиодору и подробно рассказал ему про Лаврентия. Старец поблагодарил Д. и, как опытом прошедший узкий путь и знакомый со всеми препинаниями врага, захотел испытать схимонаха Лаврентия, боясь, чтобы он не впал в прелесть. Зная, что обольщенные своею праведностью не слушаются других, он того же отца Д. попросил идти к Лаврентию пригласить его пить чай, несмотря на позднее время. Монах Д. объяснил схимнику повеление старца. "Как же так? — спросил его Лаврентий. — Я никогда не позволял себе после правила чего-либо вкушать!" — "За послушание, отче, исполни повеленное", — сказал строгому постнику монах Д. Подвижник, привыкший в точности исполнять все старческие повеления, и на этот раз не отказался от послушания. На другой день о. Илиодор сам посетил схимника и сказал ему примерно так: "Опасно вдаваться в чрезмерные подвиги, хотя бы и схимнику. Меру трудов духовных должно сообразовать с телесными силами. Неумеренные подвиги делают тело неспособным не только к несению послушания, но и к дальнейшему подвигу, а благоразумные подвиги трудящегося не лишают его награды от Бога и возможности продолжать тесный путь". С тех пор о. Лаврентий был более осторожным и без благословения своего старца не предпринимал никаких подвигов.

Помимо добродетели, один наружный благолепный вид благоговейного инока располагал невольно уважать его. Роста о. Лаврентий был среднего, бледнолицый с легким румянцем, телом очень худой. Волосы головы и длинной окладистой бороды были седые, взор кроткий, походка смиренная, речь тихая. Никогда не случалось видеть подвижника печальным, гневным или недовольным — внутренний благодатный мир спокойной совести невольно отражался в сияющем святой простотой и благолепием лице его.

Истинно и нелицеприятно любя ближних, о. Лаврентий всем желал спастись и потому не опускал случая замечать младшим братиям нарушение какого-либо монастырского правила. Строгий исполнитель иноческих обетов, он опытно знал, что малое упущение ведет к большему и, наконец, совершенно охлаждает в деле богоугождения.

Не только братия Глинской пустыни, но и посторонние немало пользовались советами, а главное доброй жизнью старца. В советах о. Лаврентия иногда высказывалось прозрение будущего. Так, один его

односельчанин, идя в Киев на поклонение святым угодникам, зашел в Глинскую пустынь посетить о. Лаврентия, который, вместо путешествия, советовал приготовиться к скорой смерти. Тот не послушался и, возвратясь домой из Киева, рассказал родным своим предсказание схимника о смерти. В скором времени оно исполнилось. Тогда родные весьма пожалели, что не обратили внимания на слова благочестивого земляка и не позаботились о должном напутствии умершего. Несмотря ни на болезни, ни на старость, ни на искушения, о. Лаврентий бодро выстаивал до конца все продолжительные монастырские церковные службы. Обыкновенно он стоял посередине хора храма, шага на два от перил. Глаза его были закрыты, голова склонена вперед. Старец-молитвенник в храме никогда не садился и не опирался, как свеча, горел перед Богом молитвенник духом и этим немало озлоблял врага спасения. Однажды, стоя в храме, о. Лаврентий почувствовал сильный удар в ноги, потом в бока, в спину, и, наконец, в голову. Видя козни злого духа, старец просил братию поддержать его. При каждом ударе ему приходил помысел идти в келлию или в больницу, получить помощь и отдохнуть, но другой, внутренний голос говорил ему: "Не лучше ли на молитве остаться? Лучше умереть в храме, нежели на койке, а то пойдешь и дорогой кончишься, к чему будет твоя ходьба!.." Прошло четверть часа борьбы. Подвижник решил умереть, а не оставлять храма, и Господь сторицею наградил его небесным утешением за победу. Болезнь прошла, сердце Лаврентия исполнилось неизреченного веселья. "Такого отрадного чувства я никогда не имел, — говорил он, — и если бы служба совершалась 20 часов, я бы согласился стоять, лишь бы меня не покидала та небесная радость". В скором времени о. Лаврентий удостоился особого видения. В виде прекрасных голубей прилетели к нему ангелы и сказали: "Через год мы прилетим за тобой". Усиленными молитвами и частым причащением о. Лаврентий весь год готовился к переходу в вечность. Желая проститься со своей племянницей, он перед кончиною писал ей: "Хотя по учению Церкви не должно верить снам, но есть сны, которые служат к нашей душевной пользе. Я видел недавно умершего брата; он звал меня с собой. Приезжай же, время мое близ есть". Несмотря на крайнее оскудение физических сил, подвижник и в последние дни жизни не хотел оставить подвигов благочестия.

Настало 24 августа 1881 года — тот самый день, когда год тому назад старцу было явление ангелов: он просил вести себя в монастырскую больницу, в тот же день особоровался, причастился и вечером тихо предал дух свой Богу.

По смерти о. Лаврентий являлся братиям: предупреждал о несчастьях или подкреплял слабых в подвиге и говорил, что получил повеление охранять обитель. Однажды он явился во сне старшему Заруцкого монастырского подворья и сказал: "Разве можно так быть беспечным? Враг хочет вас всех поднять на воздух: сейчас свечка догорит, и вы все погорите". Старший проснулся, вышел в сени и в сарайчике, где складывались яблоки, увидел огонь. Войдя туда, он убедился в справедливости слов явившегося старца: на столе, без подсвечника, догорала свечка, оставленная одним из послушников, совершавшим тут свое келейное правило. Свечка была потушена, и опасность миновала. (Из монастырских записок).

Литература

Схимонах Лаврентий Глинский. (Память 24 августа) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Август. М., 1909. С. 498—503.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 10.

Марк (Лозинский), игумен, проф. Московской Духовной Академии. Отечник проповедника. Практическое пособие для студентов. 1221 пример из Пролога и Патериков. Загорск (ныне Сергиев Посад. — *Примеч. издат.*). Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 829—830. № 1183: "Подвижник Глинской обители о. Лаврентий, ощутив во время службы приступ болезни, решил лучше умереть, чем уйти из храма; через 15 минут болезнь прошла, и в сердце появилось неизреченное веселье".

Отец Лаврентий // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 46. То же. Одесса, 1904. С. 46. То же. Курск, 1912. С. 39.

Схимонах Лука, подвижник Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май М., 1908. С. 3.

Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907. С. 2.

Спасо-Илиодоровский скит... С. 8, 17, 18. 19, 21.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

МОНАХ ИГНАТИЙ ТРУДОЛЮБИВЫЙ (†1883)

(Память 24 августа ст. ст. / 6 сентября нов. ст.)

Цит по:
Глинский монах Игнатий трудолюбивый //
Жизнеописания отечественных подвижников
благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь.
Том доп. Ч. 1. Кн. II. М., 1912.
С. 99—101.

Монах Игнатий, в миру дворянин Иван Матвеевич Мамчич, был окружным начальником. По упразднению этой должности в 1857 году, оставлен за штатом. В то время хорошо ему известный юродивый Александр Васильевич спасался в пустынном хуторе близ г. Козлова Тамбовской губернии и пригласил его к себе. Иван Матвеевич на него перевел весь свой капитал более 25-ти тысяч рублей и просил израсходовать на добрые дела. Поэтому Александр Васильевич, оставив двенадцатилетнее свое уединение, стал ездить узнавать: где и кому необходима помощь. Он давал деньги на исправление сельских церквей, покупал облачения и священные сосуды, помогал обедневшим поправиться, справлял приданое бедным девицам и проч.[1].

Прожив в пустынном уединении 6 лет, Иван Матвеевич пошел странствовать по святым местам и присматриваться к монашеской жизни, ибо у него уже созрело желание посвятить себя Богу в иноческом житии. Более всего ему понравилось в Глинской пустыни, куда он и поступил в 1866 году.

Первое его послушание было на экономии. Здесь, ни во что не ставя свое дворянское происхождение, он усердно принялся за исполнение всякой черной и трудной работы. Собирал сено, возил его на волах, корчевал корни, копал канавы наравне с чернорабочими и т.д. Этим он подавал пример молодым послушникам. И не только у людей, но и у волов — как говорят — заслужил особенную любовь.

На третий год по поступлении в обитель, игумен Иннокентий взял его в свои личные письмоводители по частной переписке и назначил читать проскомидийный синодик. В этих послушаниях он пробыл до смерти и заслужил всеобщее уважение. Но, как только случалось общее послушание, он шел на него с радостью.

Особенно любил сенокос: летом вилы всегда висели у Ивана Матвеевича над дверями келлии. Монашество с именем Игнатий он принял в 1874 году, отличался благоговением и благоразумием. В келлии отец Игнатий читал святоотеческие книги, искал познания истины спасения и чтением, и опытом жизни приобрел духовную мудрость, которая дается после многих молитв и скорбей[2].

Один брат, видя о. Игнатия до поту трудящегося на полевых работах, сказал ему: "Поберегите свое здоровье. Вам бы можно и не ходить на эти работы". Он отвечал: "Для души это очень полезно".

Другой раз тот же брат встретился о. Игнатию и на его вопрос, куда идет, ответил: "Иду просить новые сапоги". Зная скудость содержания обители и возможность обойтись без просьбы, Игнатий сказал: "Купи на свои деньги, которые таким образом пойдут на монастырь, как твоя жертва".

Монах Ф. в расстроенном виде встретился о. Игнатию и объяснил ему, что идет жаловаться игумену на своего обидчика. Помня святоотеческие наставления, что врага надо "ухлебить", о. Игнатий сказал: "Ты себя расстроил, расстроишь и того, и отца игумена. Снеси оскорбителю полфунта чая и будешь спокоен". Совет был исполнен, и все обошлось мирно.

24 августа 1883 года, имея от роду 67 лет, отец Игнатий мирно скончался, напутствованный в жизнь вечную святыми Таинствами Елеосвящения, Исповеди и Причащения.

На могильном кресте его надпись говорит, что он 18 лет проходил послушание с кротостью чистого усердия к обители и смиренным братолюбием[3].

Примечания

1 За 10 лет до смерти Александр Васильевич предсказал, что умрет не на хуторе и не в Козлове, а за 12 верст от родного города Корочи Курской губернии. Так и случилось: он блаженно скончался в селе Коломыйцеве в день принятия Святых Таин и погребен вблизи колокольни сельского храма. На могильном кресте надпись говорит: "Здесь погребен Корочанский купеческий сын Александр".

2 Схимонах Архипп говорил: "Наш игумен (отец Иннокентий. — *А.И.*) идет открытым прямым путем; отец Игнатий также.." (Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 19. Сноска 2-я. — *А.И.*).

Глинский монах Игнатий трудолюбивый. (Память 24 августа) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. Том доп. Ч. 1. Кн. II. М., 1912. С. 99—101.

Литература

Глинский монах Игнатий трудолюбивый. (Память 24 августа) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. Том доп. Ч. 1. Кн. II. М., 1912. С. 99—101.

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 19.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 10.

Монах Игнатий // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 45. То же. Одесса, 1904. С. 45. То же. Курск, 1912. С. 39.

ИЕРОМОНАХ ИОСИФ (†1883)

Иеромонах Иосиф был одним из ближайших учеников Глинского старца иеросхимонаха Макария (Шарова). В жизнеописании о. Макария сказано, что это был "добрый инок, с усердием подвизавшийся в Глинской пустыни 38 лет и умерший в 1883 году. Его два раза выбирали в настоятели других общежительных обителей, но он предпочитал лучше дни свои кончать там, где начинал иночество."

Литература

Краткое описание жизни и подвигов Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 44.

СХИМОНАХ АРТЕМИЙ (†1885)

(Память 5 февраля ст. ст. / 18 февраля нов. ст.)

Цит. по кн.:
Спасо-Илиодоровский скит... С. 25—28.

Отец Артемий был любимым учеником старца схиархимандрита Илиодора, искавшим уединения, трезвения и молитвы. Отец Артемий, в миру Андрей Витков, уроженец Курской губернии, поступил в Глинскую пустынь в 1863 году, имея от роду 38 лет, и под духовным водительством схиархимандрита Илиодора начал проходить самые трудные послушания, отсекая свою волю и безропотно повинуясь старшим. Всегдашнее благоговение и страх Божий брата Андрея невольно обратили на него внимание сподвижников; через три года он был приукажен и в скором времени после этого пострижен в рясофор.

Ангельский образ он воспринял в 1872 года и наречен был Артемием.

Отец Артемий после десяти лет трудных послушаний назначен был пономарем. Эту должность он проходил с такой же ревностью, как и прежние послушания, и за эту ревность потерпел немало неприятностей и клеветы, но, как истинный подвижник, никогда не оправдывался в обвинениях, зная, что на пути спасения нет лучшего венца, как благодушно терпеть всякое поношение. Апостол Петр говорит: "*Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца или вор, или злодей, или как посягающий на чужое, а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь*" (1 Петр. 4, 14—16). Терпению о. Артемия радовался старец, радовался и о. настоятель. Последний, видя желание Артемия сораспяться Христу и понести все находящее ради преуспеяния в добродетели, и, зная о клевете, не давал ему понять этого, взыскивал, как с виновного. "Пастырь душ, — говорится в "Лествице", — делает вред себе и подвижнику, если не подает ему случаев к приобретению венцов, какие он, по его примечанию, может на всякий час заслуживать перенесением досад, бесчестий, уничижений и поруганий. От этого (неподаяния случаев к венцам) происходит троякий и весьма важный вред: во-первых, сам настоятель лишается награды, которую получил бы за благонамеренные выговоры и наказания, во-вторых, добродетелью одного мог бы доставить пользу другим, но этого не сделал; третий же и самый тяжкий вред состоит в том, что часто и кажущиеся мужественными, терпеливыми и утвердившимися в добродетели, не получая от настоятеля ни обличений, ни поношений, лишаются снисканных кротости и терпения. Хотя земля (земля добродетелей) добра, тучна и плодоносна, но при недостатке воды бесчестия дичает и производит терние кичения, заблуждения и бесстрашия. Зная сие, великий апостол писал к Тимофею: "*Настой, обличи, запрети, благовременно и безвременно*" (2 Тим. 4, 2). Душа, привязавшаяся ради Христа любовью и верой к пастырю, не отступает от

него (пастыря), особенно же, если она получила через него исцеление своих язв, памятуя сказавшего: "*Ни ангелы, ни начала, ниже силы, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любви Христовой*" (Рим. 8, 38)[1]. Отец Артемий, как истинный послушник, не ложно повинуясь настоятелю и всем старшим, поставленным от аввы, скоро достиг блаженного смирения. Несказанно он был рад, получив благословение своего пастыря на переселение в старцеву пустыньку. Но недолго ему пришлось наслаждаться уединением. С одной стороны подвиги, с другой простуда сильно расстроили и без того слабый его организм, начинавший уже чувствовать старческую немощь[2]. Ходить и ездить в обитель было неудобно, тем более неудобно лечиться в пустынной келлии. Это заставило подвижника перейти в монастырь. В пустыньке он прожил два года. С переселением в обитель о. Артемий с тем же именем принял схиму и стал готовиться к смерти. В последние часы своей жизни он говорил: "Вот мне показывают весь круг моей жизни (он указал рукой в пространство) и кто-то говорит: "Счастливый твой жребий". Когда отца Артемия переспросили, он сказал: "Как не поймете? Счастлив мой жребий". — "Братья, — говорил умирающий, — не осуждайте друг друга, осуждающих ждет горькая доля". <...> Еще отец Артемий говорил: "Если бы знали, что ожидает грешников, постоянно плакали бы".

Особоровавшись и причастившись, он спокойно ожидал той минуты, когда душа его оставит бренное тело и переселится ко Господу. До самой этой минуты он по четкам читал молитву Иисусову и с ней скончался 5 февраля 1885 года на 60-м году своей жизни.

Примечания

1 4-е слово "Лествицы" "Об Экономе".

2 Отцу Артемию было тогда 58 лет.

Литература

Глинский схимонах Артемий. (Память 5 февраля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. М., 1912. С. 154.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель, М., 1908. С. 10.

Отец Артемий // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х частях. Одесса, 1901. С. 46; Там же. Одесса, 1904. С. 46; Там же. Курск, 1912. С. 40.

Спасо-Илиодоровский скит... С. 8, 25—28.

СХИАРХИМАНДРИТ ИОАННИКИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1842—1912)

Настоятель Глинской пустыни архимандрит Исаия (впоследствии схиархимандрит Иоанникий[1], в миру Иоанн Гомолко) родился в 1842 г. в семье обер-офицера[2]. С детства воспитанный в страхе Божием, он отличался сосредоточенностью и самоуглублением. После окончания Гомельского уездного училища в 1865 г. Иоанн поступил в Глинскую пустынь. В то время в обители ярко сияли иноческими добродетелями старцы: схиархимандрит Илиодор, настоятель обители архимандрит Иннокентий, монах Досифей, которому являлась Божия Матерь, схимники Лаврентий, Евфимий и другие. Отсекая во всем свою волю, предав себя в полное послушание старцам, молодой подвижник очищал сердце ежедневным исповеданием всех своих помыслов и поступков, учился смирению, читал творения святых отцов.

Отличительными чертами его духовной жизни были внутренняя собранность, внимание к каждому движению души, хранение ума, без которого истинное подвижничество невозможно.

Нелегко человеческой душе, поврежденной грехом, приобрести внимание и трезвение. Много потрудился молодой подвижник для стяжания этой добродетели. Действуя по учению святых отцов, вечером он испытывал себя: "Как провел день? С чем приду на суд? Что сегодня приобрел я для вечной жизни?", а утром проверял — "Как прошла ночь?" И так каждый день, бдительно наблюдая за собой, отсекая все чуждое духу Христову, он не принимал вражеских помыслов, искоренял душевредные страсти покаянием и противодействием им.

Опасение рассеяться, потерять контроль над своими мыслями, а также постоянно совершаемая молитва удерживали его язык. Кроме молчания трезвение требовало сдерживания и всех остальных чувств, воздержания в пище и питии, что ревностно соблюдал Иоанн. Но при этом воздержание его было разумным. В трапезу он приходил вместе со всеми, но ел весьма мало, стараясь это скрывать. Также не предавался он и совершенному молчанию, хотя говорил редко и лишь тогда, когда в этом действительно была необходимость. И так во всем стремился он ничем не выделяться среди братии, опасаясь тщеславия.

Опытно познав, что ум его сосредотачивается на богомыслии и память смертная помогает ему думать о последнем дне, подвижник еще ревностнее проявлял заботу о своем спасении. Смирение ставил он во главу угла, отыскивая все возможные способы для смирения своего сердца, во всем обвиняя самого себя, старался терпеливо переносить укоризны от других, крайне остерегался осуждения. Такая бдительность над собой, соединенная со смиренной молитвой, стяжала ему непрестанную память о Боге. Каким бы делом он ни занимался, ум его

пребывал в богомыслии, которое, по учению святых отцов, является основанием внутреннего совершенства[3]. Многими трудами, с болезнью сердечной и при помощи Божией стяжал подвижник собранность помыслов и непрерывный сердечный плач о свои грехах. Даже лицо его носило отпечаток постоянной самособранности.

Внутреннее преуспеяние привело и к внешнему. В 1874 году Иоанн был пострижен в монашество игуменом Иннокентием (Степановым) с именем Исаия; в 1880 г. рукоположен во иеродиакона, в 1884 г. — во иеромонаха. Видя его духовную опытность, настоятель назначил отца Исаию письмоводителем и поверенным по делам монастыря. В должности письмоводителя о. Исаия должен был отвечать не только на официальные бумаги относительно дел Глинской пустыни, но и на многочисленные письма богомольцев, обращавшихся за советом, духовным наставлением, просивших помощи и поддержки в своем горе. Ответы его, наполненные благодатью Святого Духа, всегда были душеспасительными.

Как поверенный по делам монастыря, о. Исаия стал "правой рукой" настоятеля и не только хорошо ознакомился со всем монастырским хозяйством и многотрудными обязанностями аввы обители, но и находился под непосредственным духовным руководством архимандрита Иннокентия. После кончины архимандрита Иннокентия Богу угодно было вверить о. Исаии управление обителью почти на четверть века — с 1888 по 1912 г. Большинством голосов монашествующей братии он был избран на должность настоятеля обители и возведен в сан игумена[4].

В должности настоятеля много потрудился о. Исаия для благоустройства и процветания обители, как внешнего, так и внутреннего ее облагораживания. Под его руководством в 1889 г. была перестроена и расширена церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы (в июне 1890 г. был освящен ее придельный храм[5]), возобновлены иконы и вся утварь в храме святых Богоотец Иоакима и Анны. В 1892 г. в Спасо-Илиодоровском скиту построена деревянная церковь во имя Нерукотворенного Спаса (теплая, однопрестольная). В 1894 г. к ней была пристроена деревянная колокольня с четырьмя жилыми келлиями[6], а в 1906 г. выстроена каменная колокольня с двумя келлиями[7].

Его стараниями были устроены четыре домовые церкви: во имя архистратига Михаила в 1893 г. при Сеймских мельницах (теплая, однопрестольная); во имя Св. Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в 1889 г. в Спасо-Илиодоровском скиту (теплая, однопрестольная); во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня при новой деревянной больнице в 1896 г. (теплая, однопрестольная)[8]; во имя Вознесения Господня в 1907 г. в деревянном доме при хуторе Негровском в 3-х верстах от обители (теплая, однопрестольная)[9].

По благословению о. Исаии был выстроен также каменный корпус для братии и два деревянных корпуса для приема богомольцев[10]. Благоустроил о. Исаия и больницу Глинской пустыни, которая в годы его настоятельства стала лучшей в епархии[11]. Здание больницы было "устроено по коридорной системе, со всеми необходимыми приспособлениями для вентиляции, дезинфекции и отопления... в особой комнате находилась аптека с запасом медикаментов, хирургических инструментов, имелись также сушильня трав, ванна...

При больнице для тяжелобольных была устроена домовая церковь... Уход за больными осуществлялся под руководством фельдшера из монашествующих... Для лечения опасно больных... приглашался врач из г. Глухова"[12]. Ежегодно в больнице Глинской пустыни пользовалось медицинской помощью около 8—9 тыс. человек из братий и богомольцев[13].

Отец Исаия ввел в Глинской пустыни много новых послушаний. Для их исполнения монахами в обители были организованы мастерские живописцев, позолотчиков, коверщиков, ложечников, резчиков по дереву, переплетчиков, токарей, корзинщиков и другие. При нем в пустыни процветали садоводство, огородничество, пчеловодство и правильное рыбоводство[14]. Эти послушания, с одной стороны, давали средства на содержание обители, а с другой — предоставляли возможность послушникам закалить себя в труде, научиться терпению. Вместе с тем отец Исаия заботился об облегчении труда иноков. Например, мойка белья была устроена в отдельном корпусе со всеми новейшими для того времени приспособлениями. От самого же настоятеля требовалось много знаний, труда и умения в деле руководства всем этим множеством ремесел. Насколько серьезно настоятель относился ко всем послушаниям можно заключить из того, что при устройстве, например, живописной мастерской он письменно обратился к известному тогда художнику и реставратору Д.М. Струкову с просьбой дать практические советы по обучению живописцев, при этом сам четко и подробно описал процесс обучения, применявшийся в Глинской пустыни[15]. Вообще в письмах о. Исаии по делам обители отразились острота его ума, высокая образованность, интеллигентность. Позднее иконы, написанные в иконописных мастерских Глинской пустыни, украшали храмы обители[16].

Мудрый настоятель значительно увеличил капитал Глинской пустыни. Только в банковых билетах за период с 1892[17] по 1910 г. он возрос почти на 43 тыс. руб.[18]; возросли и средства,, поступающие ежегодно на содержание обители — с 26 тыс. руб. в 1892 г.[19] до 47 тыс. руб. в 1910 г.[20].

Из уважения к строго подвижнической жизни настоятеля Глинской пустыни и ее иноков резко возросло число благотворителей монастыря. За годы настоятельства о. Исаии обители было пожертвовано разными лицами более 220 десятин пахотной и сенокосной земли, 257 десятин леса, 23 десятины полевой земли[21]. При игумене Исаии монастырское землевладение Глинской пустыни стало самым большим в Курской епархии[22].

С ростом благосостояния Глинской пустыни возросла и ее благотворительность. В годы настоятельства о. Исаии Глинская пустынь ежегодно принимала около 50 тысяч богомольцев, которые размещались в монастырской странноприимнице (на содержание которой обитель выделяла около 6000 руб.)[23], бесплатно пользовались жильем, монастырской трапезой, лекарствами, одеждой, обувью, а иногда получали и денежную помощь[24]. В случае нужды жители окрестных деревень пользовались безвозмездно от пустыни хлебом, деньгами, а в случае бедствия (пожара, голода, падежа скота) всегда получали от пустыни пособие. Например, в 1892 г. местные жители "пользовались топливом из поломанных... деревьев в монастырском лесу, пустынь также давала лес на постройку жилищ"[25].

Монахъ Лазарiй Монахъ Арсенiй
Монахъ Антипа Монахъ Северiанъ
Монахъ Гордiй Монахъ Карпъ
Монахъ Феодосiй Монахъ
Гурiй Монахъ Венiаминъ Монахъ Георгiй
Монахъ Севастiанъ Монахъ Илларионъ
Монахъ Савва монахъ Тихонъ Монахъ
Паисiй Монахъ Климентъ Монахъ
Трифонъ Монахъ Гурiй Монахъ
Никандръ Монахъ Кипрiанъ Монахъ Виссарiонъ
Монахъ Мефодiй Монахъ Филиппъ
Монахъ Терентiй Монахъ Несторъ
Монахъ Авдiй Монахъ Македонiй
Монахъ Иродионъ Монахъ Варфоломей
Монахъ Валентинъ Монахъ Маврикiй
Монахъ Малахiя монахъ Руфъ
Монахъ Варсонофiй Монахъ Ювеналiй
Монахъ Парамонъ Монахъ Самсонъ
монахъ Захарiй

Подписи Глинских иноков
на акте об избрании
настоятелем пустыни
игумена Исаии (Гомолко).
2 октября 1888 г.
ЦГИА, ф. 796, оп. 169,
д. 185, л. 6

К особому виду благотворительности обители можно отнести создание в 1890 г. при Глинской пустыни "Дома трудолюбия" для обучения в нем разным ремеслам и грамоте крестьянских детей-сирот. Сначала этот дом был рассчитан на 15—20 мальчиков, но позднее в нем обучалось под руководством монашествующих 125[26], а в 1904 году 187 мальчиков[27]. Цель создания "Дома трудолюбия" по замыслу настоятеля состояла в том, чтобы приютить сирот, дать им образование и возможность самостоятельно зарабатывать на жизнь, если они не останутся в обители. На содержание "Дома трудолюбия" пустынь ежегодно выделяла около 4000 руб.

Но не только благотворительностью славилась при о. Исаии Глинская пустынь. Велика была ее роль и в духовно-просветительной деятельности. Заботясь о просвещении народа, отец Исаия организовал в 1891 г. в Глинской пустыни издание религиозно-нравственных книг и листков[28].

Литература, издаваемая Глинской пустынью под руководством о. Исаии, имела огромное значение в деле спасения человека.

Большой популярностью среди народа пользовались "Глинские листки" и "Глинские Богородицкие книжки". Они содержали выдержки из творений святых отцов, проповеднических трудов учителей Святой Православной Церкви, житий великих подвижников Божиих. Среди них: "Солнце" — из творений святителя Тихона Задонского, "Покайтеся", "Приготовьтесь ко сретению жениха" — из творений святителя Ефрема Сирина, "Поучительные примеры из жития св. Нифонта", "Как спасся блаженный Досифей" — из книги аввы Дорофея, ряд назидательных книг благочестивым людям: о дарах Божественной благодати, об исповеди и причащении Святых Христовых Таин, о необходимости хранения очей и много других.

Понимая, какое огромное значение имеет изучение творений святых отцов в духовной жизни христианина, о. Исаия всеми мерами способствовал издательской деятельности своей обители. Уже в середине 1893 г. пустынь издала 35 "Глинских листков" и 22 книги[29]. Они бесплатно раздавались в благословение богомольцам.

По благословению о. Исаии пустынь одновременно издавала книги и о самой обители, ее истории, уставе, отличительных особенностях богослужений, скитах[30], о явлении Чудотворной Глинской иконы и о чудесах, от нее происшедших[31]. Эти книги пользовались большой популярностью и неоднократно переиздавались.

Обитель поставила также своей задачей издание жизнеописаний замечательных подвижников Глинской пустыни и при о. Исаии было издано 15 таких жизнеописаний[32].

Немалое внимание уделял о. Исаия изданию и церковных проповедей, в которых народу раскрывались истины веры и правила нравственности христианской.

Об издательской деятельности игумена Исаии современники писали: "Настоятель Глинской пустыни о. Исаия выделяется из многих игуменов монастырей. Для него дороги все приходящие помолиться в пустынь (а их из года в год перебывает у него до 50 тысяч). Он заботится о всех православных христианах, ради которых и занялся издательской деятельностью[33]. В широко известном издании "Россия. Полное географическое описание нашего Отечества" о Глинской пустыни сказано: "Монастырь занимается книгоиздательством для народа"[34].

Благодаря трудам о. Исаии Глинская пустынь стала инициатором миссионерской деятельности в Курской епархии. В 1908 г. в целях борьбы с сектантскими лжеучениями (в частности, со штундо-баптизмом), появившимися в епархии, в Глинской пустыни был открыт миссионерский кружок во имя святого апостола Иоанна Богослова[35]. В обязанности членов кружка входило ежедневное чтение поучений в храмах, а также среди народа в гостиницах, столовых, на монастырских дворах. Эта деятельность велась под непосредственным руководством и наблюдением о. Исаии.

Среди этих многогранных трудов основной заботой настоятеля было созидание правильной духовной жизни братии, и здесь большое внимание он уделял бодрствованию каждого инока над своей душой. Сам о. Исаия, несмотря на множество забот, не только не терял своей внутренней собранности, но и преуспел в трезвении.

Преподобный Симеон Новый Богослов называет трезвение основным духовным деланием и говорит, что святые отцы преимущественно упражнялись в нем "и сподобились им получать божественные дарования"[36]. Святые отцы называли трезвение по-разному. "Это делание, — пишет преподобный Симеон Новый Богослов, — некоторые из отцов называли сердечным безмолвием, другие называли его вниманием, иные трезвением и противоречием (помыслам) и хранением ума... Одним словом, — продолжает далее преподобный Симеон, — кто не внимает себе и не хранит ума своего, тот не может сделаться чист сердцем, чтобы сподобиться зреть Бога"[37].

Трезвение было заповедано христианам еще святыми апостолами, как необходимое предохранительное средство против врагов нашего спасения: "Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол яко лев рыкай ходит искай кого поглотити" (1 Петр. 5, 8). Подобно писал солунским христианам и святой апостол Павел: "Да не спим, якоже и прочии, но да бодрствуем и трезвимся... мы же сынове суще дне да трезвимся" (1 Сол. 5, 6, 8).

Трезвение — главное средство борьбы против греховных помыслов, которые являются одним из основных препятствий к достижению духовно-нравственной жизни, жизни во Христе. По словам преподобного Симеона Нового Богослова, греховные помыслы — это стена, отделяющая человека от Бога, а освобождение от них является разрушением этой преграды и открывает возможности общения с Богом[38].

Отец Исаия подробно раскрывал братии святоотеческое учение о греховных помыслах и о средствах борьбы с ними. Его святая жизнь и наставления ярко свидетельствовали о том, что сам он глубоко опытно постиг это учение.

Старец Исаия поучал братию непрестанно работать над своим сердцем и умом, помнить, что человек постоянно ходит среди сетей врага. Часто братия, принимая от него благословение, получали и наставление: "Будь внимателен!", и эти энергичные слова настоятеля сообщали им бодрость духа. Внимание к помыслам уподоблял о. Исаия "мысленной мастерской", в которой страстная жизнь переделывается в бесстрастную. Призывал он всех стяжать внимание к своей душе, как предлагали святые отцы: "Если человек, находясь среди других, отсекает свою волю и не обращает внимания на чужие грехи"[39], то помыслы его собираются.

Игумен Исаия говорил, что с трезвением соединено и составляет как бы единое средство немедленное отвержение приражающихся греховных помыслов. Поставив ум в трезвенное состояние, мы должны бдительно смотреть на нападающие помыслы и отвергать их при самом появлении, не принимая их и не давая им проникнуть в наше сердце.

Старец указывал, что трезвение относится не только к области ума, но вообще ко всему нашему существу. Бодрственное состояние души и тела требует от христианина как хранения ума, так и хранения чувств, которые по нашей невнимательности бывают проводниками греховных помыслов. Отец Исаия говорил: "Если ум не обуздывает чувств, то глаза всюду разбегаются от любопытства, уши любят слушать суетное, уста становятся неудержимыми". Такой человек не в состоянии сохранить Божественные заповеди и исполнять иноческие обеты. Поэтому святые отцы учат: "Усиленно обуздывай органы чувств твоих: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание и преуспеешь благодатью Христовой"[40].

Богомудрый авва учил братию быть особенно внимательными во время бесед. Сдержанность в разговоре и бдительное отношение к высказываемым словам являются необходимым условием для успешной борьбы со смущающими помыслами, т.к. высказанные неуместные и часто худые слова ослабляют собранность ума и расточают духовное сокровище, которое собирается постепенно духовным деланием.

Поэтому для стяжания добродетели внимания о. Исаия особенно призывал братию хранить везде молчание и подвизаться в постничестве. Настоятель побуждал братию к строгому воздержанию в пище. Так, например, он ограничивал братию в белом хлебе и квасе[41].

Кроме чувств отец Исаия указывал братии на необходимость хранить и память, которая по нашей невнимательности через воспоминания способствует возникновению греховных помыслов. Память наша, по словам св. Григория Синаита, расстроившись преслушанием, склонна больше удерживать лукавые и пагубные помыслы, чем помыслы об истинном и должном[42]. Греховные помыслы, возникающие от воспоминаний, приносят большой вред, т.к. расслабляют наше сердце; ум же теряет свою собранность и отвлекается ими от Бога.

Богомудрый настоятель с трезвением соединял и другое средство борьбы с помыслами — молитву. По учению святых отцов, трезвение и молитва должны находиться в теснейшем единении. "Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвой, — пишет преподобный Симеон Новый Богослов, как связаны и неразлучны тело с душой"[43]. Преподобный Филофей Синайский учит: "С трезвением сочетай молитву, и будет трезвение усиливать молитву, а молитва трезвение"[44].

Молитва очищает ум. По словам св. Григория Синаита, она должна совершаться не только устами, но и умом, ибо нет пользы, "если христианин творит молитву, а ум его кружится"[45]; молитва делается слабой, если человек увлекается помыслами. Отец Исаия говорил, что в борьбе с греховными помыслами в первую очередь требуется деятельность ума; если же ум наш не проявляет должной ревности, то от помыслов избавиться мы не можем.

Совершая молитву, святые отцы осеняли себя крестным знамением. Крестное знамение было для них одним из действенных средств борьбы с греховными помыслами. Знамение креста, по словам преподобного

Симеона Нового Богослова, имеет долг совершать всякий христианин со страхом и трепетом, с благоговением и вниманием, ибо через благоговейное изображение крестного знамения мы получаем силу и помощь от Бога[46]. От света благодатных лучей, исходящих от креста, рассеивается тьма греховная. Святые отцы опытно познали, что "крест дает душе крепость, силу, смысл и божественную мудрость"[47], поэтому они и предлагают ограждать себя крестным знамением при волнении страстей и появлении греховных помыслов.

Игумен Исаия призывал иноков внимательно читать и изучать Божественное Писание, ибо Слово Божие помогает бороться с греховными помыслами. Св. Максим Исповедник говорит, что Слово Божие есть свет и огонь, поскольку освещает естественные помыслы и попаляет неестественные, т.е. греховные[48]. Через поучение в Божественном Писании христианин приходит в состояние страха Божия и трезвения[49]. Необходимым средством борьбы с греховными помыслами мудрый настоятель считал также покаяние и исповедание помыслов отцу духовному. Для достижения сердечной чистоты, по слову преподобного Симеона Нового Богослова, кроме добронравия, благих расположений и хранения совести необходимо "всегдашнее исповедание сокровенных помыслов сердца"[50].

Но особенно сильным и спасительным средством искоренения греховных помыслов служит, по учению святых отцов, причащение Святых Христовых Таин. "Ничто столько не содействует и не способствует к очищению души, к просвещению ума и освящению тела, и обоих божественнейшему изменению, еще же и к отражению страстей и бесов, как причащение Святых, пречистых, бессмертных и животворящих Таин — Самого честного Тела и Крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа"[51].

Такими средствами о. Исаия учил всех бороться с греховными помыслами и возрастать в духовной жизни.

Настоятель ревностно следил за всем в монастыре и не оставлял без внимания ни малейшей погрешности братии, так как знал, что без контроля как внутреннего, так и внешнего трудно человеку спастись. Если кто не достоял Божественной службы, или нерадиво что сделал, или разбил, или оскорбил чем-то брата, или сказал лишнее слово, или засмеялся, или не кротко и не смиренно ходил, или не слушал за трапезой душеполезного чтения, или взроптал по поводу пищи, или смотрел с любопытством по сторонам — за все это и за другие еще и меньшие провинности должен был дать ответ настоятелю. Безусловно, исправление малейших погрешностей иноков, возведение их на самую высоту монашеских подвигов потребовали от настоятеля огромных трудов, но за все это он был признан "строгим ревнителем правил церковных и жизни иноческой"[52]. Некоторые из братий даже роптали на него за строгость, но он заботился только о том, чтобы деятельность свою сделать угодной Богу. Впоследствии и недовольные были ему благодарны.

Во время настоятельства этого ревностного подвижника и пламенного молитвенника богослужения в Глинской пустыни совершались с особым благоговением и торжественностью. По отзывам современников, впечатление на богослужениях было "поразительное, возвышающее святые молитвенные чувства"[53].

Ваше Высокопреподобие

Высокочтимейший и Благодетельнейший Батюшка

Отец Архимандрит Исаакий!

Первым долгом считаю обязанностию поздравить Вас с текущею Святою Четыредесятницею и засвидетельствовать Вам нижайший поклон с пожеланием Вам здравия и благоденствия на многие годы. Достопочтеннейший Батюшка усерднейше прошу Вас будьте на столько великодушны не откажите Бога ради выслать в нашу обитель копию с Вашего скитского устава. Нам очень желательно видеть относительно порядка богослужения и порядка внутренней жизни братии в Вашем Скиту, так как у нас в обители тоже устраивается скит во имя Нерукотворенного Образа Спаса на средства Благотворительницы [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Здравия Вашего я и обитель наша [illegible].
Испрашивая Ваших Святых молитв с глубочайшим почтением при пожелании Вам всех нужных и

Письмо
Глинского настоятеля
игумена Исаии
(Гомолко)
настоятелю
Оптиной пустыни
архимандриту Исаакию
(Антимонову)

страждущимъ нашимъ честь имѣю,

Вашего Высокопреподобія,
покорнѣйшій послушникъ
недостойный Игуменъ Исаія.

16. февраля 1893.
Глинская Пустынь

об устроении
скита
Глинской пустыни.
1893 г.
ГБЛ, ф. 213,
к. 68,
ед. хр. 45,
л. 1—1 об.

Отец Исаия установил совершать в Глинской пустыни перед ранней обедней кроме положенных по уставу соборных акафистов (в воскресенье — Спасителю, в субботу — Матери Божией), также и другие соборные акафисты: во вторник — великомученице Варваре, в четверг — Святителю Николаю[54].

Настоятель сам прошел строгую школу полного послушания старцам и знал, что невозможно иноку трезвиться без частого откровения помыслов, поэтому при нем старчество особенно процветало в обители[55]. Важно отметить, что о. Исаия посетил Иерусалим и Афон, где "почерпнул много преданий старчества от уважаемых старцев Востока"[56].

Если до 1888 г. в Глинской пустыни иноки могли ходить на откровение помыслов к любому старцу или братскому духовнику, то о. Исаия ввел более строгий порядок. При поступлении в обитель каждому назначался старец (по своему желанию нельзя было избрать[57]), которому ежедневно следовало открывать свои мысли и поступки, без благословения его ничего нельзя было предпринимать. Именно это делание возводило Глинских подвижников на высоту духовного совершенства, сохраняя преемственность древних иноческих традиций.

Также и богомольцы "получали удовлетворение религозно-нравственных нужд своих, обращаясь за советом к просвещенным духовным опытом старцам"[58].

Под многоопытным руководством о. Исаии сформировался целый сонм духовных подвижников. Это будущий настоятель Глинской пустыни архимандрит Нектарий (в миру Николай Нуждин), схиигумен Антоний (в миру Авксентий Ветер, духовник обители в 1944—1946 гг.), схиархимандрит Серафим (в миру Симеон Амелин, настоятель обители с 1943 по 1958 г.), старец святой жизни иеросхимонах Никодим (в миру Иоанн Калиуш) и многие другие. По свидетельству одного из великих старцев Глинской пустыни, "среди тех иноков не было ни вражды, ни обмана, ни ссоры, они даже не знали, что такое лесть"[59]. Совершенство их монашеского подвига ярко выразил св. Феофан Затворник (Вышенский) в письме к игумену Исаии. Он писал о Глинской пустыни того периода: "Благодарение Господу: иночество живо еще на православной Руси"[60]. Именно поэтому из Глинской пустыни очень часто забирали иеромонахов на начальствующие должности в другие монастыри для утверждения там истинно монашеского жития.

Вот лишь немногие примеры. Из Глинской пустыни были переведены: в 1900 г. иеромонах Македоний (Жиров) в Чуркинскую Николаевскую пустынь Астраханской епархии настоятелем; в 1902 г. иеромонах Иосия (Конев) в Белогорскую пустынь братским духовником[61]; в 1905 г. иеромонах Симон (в миру Стефан Юнг) назначен настоятелем Пустынского Успенского монастыря[62], а игумен Порфирий — настоятелем в Иссык-Кульский Троицкий миссионерский монастырь Туркестанской епархии[63]; в 1906 г. иеромонах Николай (в миру Никита Калиный) в Николо-Тихвинский скит г. Саратова скитоначальником[64]; в 1909 г. иеромонах Тимофей (в миру Тихон Перфильев) сначала казначеем в Обоянский Знаменский монастырь, а затем благочинным в Курский Знаменский монастырь[65]; в 1911 г. иеромонах Товия (в миру Тимофей Ракитин) назначен наместником Тригорского Преображенского монастыря[66].

Слава о строгости и духовной высоте жизни Глинских иноков, о ее богомудром настоятеле привлекала множество желающих поступить в святую обитель. Только за первые 5 лет управления игуменом Исаией обителью численность братии возросла вдвое[67], а к концу его настоятельства — почти втрое[68] (в 1909 г. в обители было 598 человек), хотя принимал в обитель о. Исаия с большой осмотрительностью, предупреждая вновь поступавших: "Живем мы бедно и послушания у нас тяжелые"[69].

Стремились в Глинскую пустынь не только новоначальные, но и опытные в духовной жизни подвижники. В архивных документах периода настоятельства о. Исаии хранится множество прошений о переводе из других монастырей в эту святую обитель. Приведем лишь некоторые. В конце XIX — начале XX веков по прошению в Глинскую пустынь были переведены: — в 1894 г. бывший настоятель Рыльского Николаевского монастыря игумен Симон (в миру Симеон Титов)[70]; в 1895 г. казначей Обоянского Знаменского монастыря Астерий (Василевский); в 1904 г. казначей Тихоновой пустыни иеромонах Досифей (в миру Терентий Кузьмин)[71]; в 1907 г. такие знаменитые впоследствии Глинские подвижники, как иеросхимонах Никодим (в миру Иоанн Калиуш) из Чуркинской Николаевской пустыни; иеромонах Иулиан (в миру Иосиф Гагарин) из Курского Знаменского монастыря[72]; в 1908 г. — духовник Рыльского Николаевского монастыря, иеромонах Серафим (Сочин); в 1911 г. — наместник Рыльского Николаевского монастыря Иринарх (Степанов) и духовник Тульского Богородично-Щеглова монастыря иеромонах Исаия (в миру Иоанн Миронов)[73].

В Глинскую пустынь в затвор стремился уйти в последние годы жизни и маститый старец, ученик преподобного Амвросия Оптинского, настоятель Псково-Печерского монастыря архимандрит Мефодий. "Строгий иноческий устав обители, аскетическая жизнь братии и ее настоятеля о. Исаии — все влекло к себе старца[74]. Однако он скончался, не успев осуществить свое желание. Глубоко почитая старца о. Исаию, перед своей смертью архимандрит Мефодий послал Глинскому настоятелю телеграмму следующего содержания: "Готовый к отшествию в вечность просит Ваших молитв"[75].

Духовное преуспеяние иноков Глинской обители, которые "после обычных подвигов внутренних и внешних дошли до того, что чувствовали сильное влечение внутрь, чтобы быть там с единым Господом"[76], позволило о. Исаии осуществить свое сокровенное желание об устроении при обители скита. Вся глубина его собственного постоянного влечения к внутренней жизни выразилась в этом благом желании. Отец Исаия сам составил устав скита, который святитель Феофан Затворник признал лучше устава скита Софрониевой пустыни[77]. Скит был устроен в 1893 году на месте подвигов схиархимандрита Илиодора, в память избавления императора Николая Александровича от опасности в Японии в 1891 году. Жизнь скитян устраивалась по совету св. Феофана Затворника (с которым о. Исаия вел переписку). Сущность этой жизни выразилась в словах святителя: "Скит есть обиталище живущих исключительно внутренней жизнью... Скитник... как попал в скит, пусть считает себя похороненным, келлия его — окно в небо, туда только пусть и смотрит... На свете только и есть, что он да Бог, да братия по Богу"[78] В первом пункте устава была

указана цель создания скита — "преуспеяние во внутренней жизни". Настоятель старался отклонить все отвлекающее братию от этой цели. Вход в скит женщинам был совершенно воспрещен. Но и мужчины крайне редко посещали скит, только с благословения настоятеля по билету. Даже порядок общения скитян и братии пустыни был определен уставом.

Для приема посетителей, ищущих духовного совета, за скитской оградой (вне скита) была построена особая приемная, по обстановке похожая на часовню. Здесь старцы скита давали наставления приходящим. По благословению о. Исаии в скиту было установлено непрерывное чтение Псалтири (в начале XX века Глинская пустынь была единственной обителью Курской епархии, где поддерживались такие подвижнические труды)[79].

Иноческая жизнь в Глинской пустыни при о. Исаии была на таком высоком уровне духовного совершенства, что многие епитимийцы, присылаемые в обитель, исправлялись. Например, иеромонах Нафанаил (Александров) из Почаевской Лавры был перемещен сначала под надзор в Рыльский Николаевский монастырь, затем в Путивильский Молченский монастырь и наконец в 1889 г. — в Глинскую пустынь с запрещением в священнослужении. Но вскоре "по одобрении его поведения" игуменом Исаией ему было разрешено священнослужение, а в послужных списках за 1892 г. о нем сказано, что он "качеств добропорядочных и к послушаниям способен"[80]. Также и иеромонах Павлин (Попов) в 1905 году поступил из Белгородского Свято-Троицкого монастыря в Глинскую пустынь под строгий надзор настоятеля с запрещением священнослужения. В том же 1905 г. настоятель дал о нем отзыв: "Качеств хороших и усерден"[81], и священнослужение ему было разрешено.

За свою плодотворную и многотрудную деятельность игумен Исаия был удостоен многих наград: в 1892 г. был награжден наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым, в 1896 году — серебряной медалью в память императора Александра III для ношения на груди на Александровской ленте, в 1900 г. высочайше сопричислен к ордену Св. Анны 3-й степени, в 1903 г. возведен в сан архимандрита, а в 1906 г. сопричислен к ордену Св. Анны 2-й степени[82].

Его почитали как высокодуховного, "строгого и умного"[83] старца. Святитель Феофан-Затворник называл о. Исаию "старцем многоопытной мудрости" и просил его молитв[84]. Сам же старец проводил жизнь скромную, смиренную, желая не человеческой славы, а только угождения Господу и единения с Ним. Постоянная бдительность над собой, непрестанная молитва привели его к подлинному безмолвию и бесстрастию, он как высшего подвига ради любви ко Христу желал схимы, которую удостоился принять в 1906 году с именем "Иоанникий"[85]. С этого времени старец усилил свои подвиги, ночи проводил в бодрствовании, ограждая обитель своими святыми молитвами. Жизнь его поистине стала отшельнической, хотя он и оставался настоятелем большого монастыря.

В последние годы своего настоятельства схиархимандрит Иоанникий служил редко, но служение его имело особую благодатную силу. Нельзя было без глубокого умиления присутствовать при совершаемой им литургии. Дух молитвы, почивающий на нем, казалось, переливался в сердца предстоящих и все получали великую духовную пользу и особое

утешение, когда молились вместе с ним. Имея дар плача, старец всегда служил со слезами.

Видя, сколь великую пользу получает обитель от богомудрого старца, враг усилил борьбу против него. О внутренней брани схиархимандрита Иоанникия можно только догадываться, по своему смирению он никому этого не открывал, но враг, потерпев в ней поражение, воздвиг на него гонение внешнее. По внушению вражескому на старца восстал отставной генерал П. Митропольский, который арендовал у Глинской пустыни дом. Генерал настроил против схиархимандрита Иоанникия небольшую кучку братий[86] и 1909—1910 гг. написал в Святейший Синод 6 обвинительных заявлений, порочащих настоятеля[87]. Основные обвинения состояли в том, что схиархимандрит Иоанникий слишком строго относится к братии, трапеза в обители весьма постническая, послушания трудные. На эти обвинения можно было бы ответить, что поступающие в обитель сами должны были видеть, на какую строго-подвижническую жизнь они идут и быть готовыми к лишениям телесным ради духовного совершенства. Но враг внушил ропотникам еще и оклеветать настоятеля в якобы разорительном для монастыря ведении хозяйства[88]. И хотя быстрое умножение числа братии, рост доходов, земель и капиталов обители, ее щедрая благотворительность, возведение новых храмов, учреждение скита и "Дома трудолюбия", иными словами явное процветание обители убеждало в обратном[89], генерал П. Митропольский добился, чтобы в течение 1909 г. в обители было проведено две ревизии административно-хозяйственной части пустыни, а в 1910 году еще одно дополнительное следствие, по результатам которого Курская духовная консистория не только не подтвердила виновность настоятеля, но признала его образ жизни безупречным[90].

Курский архиепископ Питирим (Окнов), который лично знал высокоподвижническую жизнь схиархимандрита Иоанникия и видел ту великую духовную пользу, которую получала Глинская пустынь от его руководства, в течение двух лет защищал старца от гонителей. Отсылая в Святейший Синод заключение Курской духовной консистории, оправдывающее схиархимандрита Иоанникия, архиепископ Питирим письменно просил митрополита Флавиана (Городецкого) "встать в защиту Глинской пустыни и ее достойного настоятеля"[91], так как ожидал со стороны П. Митропольского новых выступлений против старца. Но тогда Павел Митропольский оклеветал в Святейшем Синоде и архиепископа Питирима и добился перевода его на другую кафедру[92]. На Курскую кафедру был назначен архиепископ Стефан (Архангельский)[93], лично не знавший схиархимандрита Иоанникия и поверивший клеветникам. В феврале 1912 г. он направил в Святейший Синод прошение об увольнении схиархимандрита Иоанникия от должности настоятеля, и 12 марта 1912 г. последовало соответствующее определение Святейшего Синода об увольнении старца[94].

Безусловно, Богу было угодно, чтобы старец в довершение всех своих подвигов претерпел еще и неправедное гонение. Когда архимандрит Иоанникий уходил из обители, вокруг Глинской пустыни был сильный весенний разлив рек, вода поднялась высоко, а старец вышел из монастыря, перекрестил воду и на глазах у всех пошел по ней, как посуху[95], повторив чудо, совершенное некогда преподобным Иоанникием

Великим[96]. Так Господь прославил Своего угодника и всем открыл святость его жизни и несправедливость возведенных на него обвинений.

Дальнейшая судьба святого старца неизвестна, но память о нем жива, рассказы о его святой жизни и подвигах, о его наставлениях передаются из поколения в поколение Глинских иноков[97].

Примечания

1 Жизнеописание схиархимандрита Иоанникия впервые составлено автором по документам как государственных архивов, так и личного архива автора.

2 ЦГИА, ф. 796, оп. 191, отд. 1, ст. 2, д. 5, л. 80.

Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 г. СПб., 1902. С. 47; по другим данным он был из отставных старших сортировщиков Могилевской почтовой конторы (ГАКО, ф. 20, оп.3л., д. 174, л. 8—10).

3 Архимандрит Иоанн (Маслов). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Диссертация на соискание ученой степени магистра богословия. Ч. 1. Т. 1. Загорск, 1983. С. 125. (Издана в Москве в 1993 и 1995 гг. — *Примеч. издат.*)

4 Выборы настоятеля Глинской пустыни в соответствии с указом № 3474 от 26 августа 1821 г. осуществлялись из числа братии обители. В 1888 г. провести выборы настоятеля Глинской пустыни было поручено благочинному монастырей и пустыней архимандриту Иоасафу. "По прибытии его в Глинскую пустынь все монашествующие, в числе 94 человек, имеющих право участвовать в выборах, собравшись 2 октября в храме и, отслужив перед Чудотворной иконой Рождества Пресвятой Богородицы молебен, положили в одну чашу свернутые записки, заготовленные каждым из них отдельно в своей келлии с означением имени того лица, которого каждый из них желал бы иметь настоятелем пустыни. При вскрытии записок в присутствии всех монашествующих оказалось: 61 записка с именем иеромонаха Исаии, 26 записок с именем казначея пустыни иеромонаха Амвросия, 4 записки с именем иеромонаха Мартиниана, 2 — иеромонаха Иерофея и 1 — иеромонаха Поликарпа" (ЦГИА, ф. 796, оп. 169, оп. 185).

5 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1338, л. 5 об.

6 ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 4.

7 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 2.

8 Там же.

9 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2279, л. 8 об.

10 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 2.

11 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1901, л. 9 об.

12 Там же, л. 10.

13 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1843, л. 15;

Там же, д. 1958;

Там же, д. 2033, л. 10 об.

14 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В.П. Семенова. СПб., 1899, т. II, с. 612.

15 ЦГИА, ф. 695, оп. 1, д. 155, л. 1—2.

16 Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х частях. 2-е испр. изд. Одесса, 1904, с. 50.

17 К сожалению, аналогичные сведения за 1888 г., когда о. Исаия вступил в должность настоятеля, не сохранились.

18 ГАКО, ф. 20, оп. 3л. д. 109.; ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 3 об.; ГАКО, ф. 20, оп. 2л. д. 408, л. 4.

19 ГАКО, ф. 20, оп. 3л. д. 109.

[20] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 3 об.

[21] Там же.

[22] ЦГИА, ф. 796, оп. 442. д. 2525, л. 9 об.

[23] Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. 2-е изд. Одесса, 1904. С. 76.

[24] При наибольшем стечении богомольцев одного хлеба выдавали около 100 пудов. Там же. С. 75.

[25] ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1396, л. 38.

[26] Там же, д. 1843, л. 11 об.

[27] Там же. д. 2033, л. 9 об.

[28] Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч., 2-е испр. изд. Одесса, 1904. С. 81.

[29] Глинские Богородицкие книжки // Курские епархиальные ведомости. 1893, № 23. С. 514.

[30] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь (Курской губернии Путивльского уезда). М., 1891.

Спасо-Илиодоровский скит... То же. Курск, 1912. Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч., 2-е испр. изд. Одесса, 1904. То же. Курск, 1912.

[31] Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1901. То же. Изд. 2-е испр. и доп. Одесса, 1907.

[32] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. Курск. 1892.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Курск. 1893.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота / Сост. иером. Иассон. Курск, 1894.

Краткое сказание о жизни монаха Досифея / Сост. иером. Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7. С. 45—54.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 23—95.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. 2-е изд., испр. и доп. Одесса, 1901.

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е доп. и перераб. изд. Одесса, 1905.

Краткий очерк жизни архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906.

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собр. игуменом Иассоном. М., 1906.

Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907.

Очерк жизни подвижника Глинской пустыни монаха Петра. Одесса, 1909.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Одесса, 1909.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собр. игум. Иассон. Курск, 1910.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий / Собр. игум. Иассон. Курск, 1910.

[33] Ивачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906, № 19. С. 154.

[34] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1899, С. 612.

35 Курские епархиальные ведомости. 1908. № 40. С. 743—746.

36 Симеон Новый Богослов Слова. Вып. II. С. 186.

37 Там же. С. 186—187.

Преподобный Исихий говорит: "Трезвение есть путь великой добродетели и заповеди Божией; оно также называется сердечным безмолвием, и есть то же, что и хранение ума в совершенной немечтательности держимого" (Добротолюбие. Т. II, изд. 2-е, М., 1895. С. 158).

38 Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. I. С. 148.

39 Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1883. С. 226.

40 Там же. С. 207.

41 ЦГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 1.

42 Добротолюбие. Т. VI. С. 413.

43 Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. II. С. 179.

44 Добротолюбие. Т. VI. С. 413.

45 Там же. Т. V. С. 249.

46 Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. I. С. 27.

47 Там же. С. 26.

48 Добротолюбие. Т. III. С. 266.

49 Там же. С. 143.

Придавая большое значение в деле совершенствования иноков изучению творений святых отцов, о. Исаия собрал прекрасную библиотеку из аскетических и духовно-нравственных книг. Если в 1894 г. в библиотеке пустыни было лишь 345 книг (ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 6 об.), то в 1910 г. — уже около 1350 (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 4).

50 Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. II. С. 27.

51 Добротолюбие. V. С. 442—443.

52 Глинская Рождество-Богородицкая пустынь. М., 1891. С. 92.

53 Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Ч. II, Одесса, 1904. С. 58.

54 Глинская Рождество-Богородицкая пустынь. М., 1891. С. 58.

55 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2395, л. 14; Там же, д. 2461, л. 10.

56 Ивачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906, № 19, С. 154.

57 Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966. Личный архив автора.

58 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2708, л. 18 об.

59 Старец Андроник / Архимандрит Павлин (Мищенко). Машинописный текст. Загорск, 1978. С. 8.

60 Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 152.

61 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 20.

62 Там же, д. 2, л. 15.

63 Церковные ведомости. 1905. № 19. С. 220.

64 ГАКО, ф. 750, оп. 2, д. 3, л. 44; ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 15.

65 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 9.

66 Там же, л. 13.

67 В 1885 г. в Глинской пустыни было 222 насельника (ГАКО, ф. 20, оп. 3, д. 89, л. 69.); в 1894 г. — уже 439 (ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 408, л. 2.).

68 ЦГИА, ф. 796, оп. 440, д. 987, л. 20.

[69] Старец Андроник / Архимандрит Павлин (Мищенко). Машинописный текст. Загорск, 1978. С. 7.

[70] ЦГИА, ф. 796, оп. 439, д. 817, л. 1—2.

[71] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 12.

[72] Там же, лл. 15, 16, 19.

[73] ГАКО, ф. 20, оп. 3, д. 174.

[74] Русский паломник. 1906, № 20, С. 318.

[75] Там же, № 21. С. 330.

[76] Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 152.

[77] Там же. С. 149.

[78] Там же. С. 152.

[79] ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2033, л. 8 об.

[80] ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 109.

[81] Там же.

[82] Там же, л. 8—10.

[83] Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

[84] Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 152.

[85] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 6.

[86] Из 598 насельников пустыни в 1909 г. против настоятеля выступили всего 28 человек (ЦГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 1).

[87] ЦГИА, ф. 797, оп. 78, отд. 3, ст. 5, л, 2.

[88] Там же, л. 1.

[89] В отчетах о Курской епархии за все годы настоятельства схиархимандрита Иоанникия отмечалось, что монастырское имущество Глинской пустыни "находилось в целости, приходорасходная денежная отчетность велась правильно,.. вообще все монастырское хозяйство находилось в должном порядке и исправности" (ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1901, л. 8—8 об.).

[90] ЦГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 1.

[91] Там же, оп. 205, д. 737, л. 10 об.

[92] Там же, оп. 439, д. 734.

[93] Там же, оп. 442, д. 2461, л. 1.

[94] Там же, оп. 194, д. 1164, л. 9.

[95] Личный архив архим. Иоанна (Маслова). Из воспоминаний схиархимандрита Андроника.

[96] Память 4 ноября. Жития святых. Месяц Ноябрь. 2-е изд. М., Синодальная типография. 1905. С. 60.

[97] Гонители старца были наказаны: неожиданно и скоропостижно скончался от болезненной раны на ноге архиепископ Курский и Обоянский Стефан в 1914 г.; самоубийством окончил жизнь Белгородский епископ Иоанникий (ЦГИА, ф. 796, оп. 204, от. 1, ст. 5, д. 136).

О судьбе генерала П. Митропольского сведений не сохранилось.

Литература

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 38, 43, 71, 92, 93.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 62.

Жизнеописания глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 64, 77, 79, 93, 96, 99—102, 104.

Глинский подвижник схимонах Архипп // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 350.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 25.

Письма преосвященного Феофана Затворника к игумену Глинской пустыни Исаии // Курские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 149—155.

Спасо-Илиодоровский скит Глинской Рождество-Богородицкой пустыни.. Одесса, 1899. С. 32, 34—35, 37.

Памятная книжка Курской губернии на 1892. Курск, 1892. отдел V. С. 157.

Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Курск, б.г., С. 57.

Памятная книжка Курской губернии на 1894 г. [Б. г., б. м.], отд. IV. С. 157.

Курский адрес-календарь. Курск, 1909. С. 281; 1910. С. 324; 1911. С. 1912. С. 319.

Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Курск, 1911. С. 28.

Курские епархиальные ведомости. 1900, № 10. С. 152; 1907. № 25. С. 10; 1908. № 10 (Приложение); 1911. № 30. С. 306—307. 1912. № 11. С. 182. № 15. С. 246. № 21 С. 383.

Церковные ведомости. 1892. № 20. С. 20; 1906. № 18. С. 217; 1912. № 15. С. 91

Некролог благотворительницы обители дворянки девицы Веры Михайловны Львой // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 12. С. 241—242.

Ивачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906, № 10. С. 154.

Воронова Е. Свет во тьме // Русский паломник. 1906, № 20. С. 318, № 21. С. 330.

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь. Издание Глинской пустыни. 1891 [Библиографическая заметка] / А.Т. // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 7. С. 106.

Явление помощи и заступления Пресвятой Владычицы Богородицы во время пожарного бедствия в Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 10. С. 156.

Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1891 год. Курск, 1890. С. 81.

Ведомость мужским и женским монастырями и общинам за 1901 г. СПб., 1902. С. 46—47.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3, л., д. 89.

О назначении иеромонаха Исаии настоятелем Глинской пустыни с возведением в сан игумена. 1888 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 169, д. 185, л. 5 об.

Письмо Игумена Глинской пустыни Исаии Дмитрию Михайловичу Струкову об иконописной мастерской в монастыре. 1891 г. // ЦГИА, ф. 695, оп. 1, д. 155.

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках указных и неуказных Глинской пустыни и Путивльской Молченской Софрониевой пустыни. 1892 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3, д. 109.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1.

Списки настоятелей и настоятельниц монастырей с краткими биографическими сведениями за 1900—1903 гг. // ЦГИА, ф. 796, оп. 445, д. 521.

Послужные списки настоятеля с братией за 1910 г. / ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2.

Ведомость о настоятелях и настоятельницах монастырей. 1910 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 191, ч. 1. Канцелярия Синода, 2 ст., 1 отд., д. 5, л. 80.

Послужной список Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни настоятеля с братией. 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3, д. 174, л. 7 об. — 10.

О замещении должности настоятеля Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии. 1912 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 194, л. 1399.

О продаже недвижимого имущества, принадлежащего Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // ЦГИА, ф. 796, оп. 170, д. 1372.

Ведомость описная и перечневая монахов и послушников Глинской Богородицкой пустыни за 1894 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 408.

По представлению преосвященного Курского об испрошении высочайшего соизволения на изменение воли вдовы штабс-ротмистра Евдокии Мовчан, завещавшей постройки, возведенные на арендованной земле в пользу Глинской пустыни и укреплении означенного имущества за поименованной пустынью // ЦГИА, ф. 796, оп. 182, д. 4269.

Краткий отчет из приходно-расходной книги Глинской пустыни за 1903 год // ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 420.

Окладной лист и доклад настоятеля Глинской пустыни об уплате земских повинностей // ГАКО, ф. 20, оп. 2, д. 426.

Ходатайство преосвященного Курского об увольнении схиархимандрита Иоанникия от должности настоятеля Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // ЦГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164.

Письма к митрополиту Флавиану (Городецкому Питирима, епископа Курского о делах Курской епархии // ЦГИА, ф. 796, оп. 205, д. 737, д. 10—10 об.

Исаия, игумен Глинской Богородицкой пустыни Путивльского уезда Курской губернии. Письма к о. Исаакию (Антимонову) // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 68, ед. хр. 45.

Исаия, игумен, настоятель. Письмо от Александра Алексеевича Нахласа об обращении иудеев в христианство. 1893 г. // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 103, ед. хр. 105.

ГЛИНСКИЙ ВОСПИТАННИК ПОСЛУШНИК ГЕРМАН, ВПОСЛЕДСТВИИ АРХИМАНДРИТ, НАСТОЯТЕЛЬ СВЯТОГОРСКОЙ УСПЕНСКОЙ ПУСТЫНИ (†1890)

(Память 13 апреля ст. ст. / 26 апреля нов. ст.)

Архимандрит Герман (в миру Григорий Иванович Клица) родился 3 марта 1816 года в г. Нежине Черниговской губернии. Его отец — Иван Анастасиевич, грек по происхождению[1] был купцом и занимался торговлей мехом. Мать, Анастасия Федоровна, происходила из русской купеческой семьи г. Калуги и была глубоко благочестивой христианкой. В духе христианского благочестия воспитывала она и своих детей. В 1821 году отец Григория скончался, и своим воспитанием он полностью обязан был матери.

Богобоязненная вдова часто вместе с детьми посещала богослужения в Нежинском Введенском монастыре и привила детям особое благоговение к службам церковным.

Благодаря стараниям матери, Григорий получил хорошее образование. Он окончил Нежинское греческое училище, затем поступил в Нежинский лицей, а в 1829 году перешел в Московскую практическую коммерческую академию, где и окончил полный курс. Затем по желанию матери он вместе со старшими братьями стал заниматься торговлей мехом.

Однажды Григорию довелось увидеть в Чудовом Московском монастыре обряд пострижения в иночество. Постригали его сверстника, что особенно тронуло Григория. Он подумал о постригаемом: "Счастливец, он расторг навсегда свою связь с миром, стал весь Божий", — и невольно задал себе вопрос: что мешает и ему то же сделать[2]. И тут же принял решение быть монахом. Вот как впоследствии рассказывал об этом событии сам о. Герман: "Дивны судьбы Божии... Вот и на мне грешном явил Господь милость в Чудове: вошел я туда совсем мирским человеком, не имевшим никакого понятия о монашестве, а вышел... полным монахом и по образу мыслей, и по всем желаниям моего ума и сердца. Как это сделалось, не могу я понять доселе, знаю одно, что тогда умер я совсем для мира, стал к нему хладен, не узнавая сам себя"[3].

Благочестивая мать благословила его намерение. Но сказала, что он еще молод (Григорию было 20 лет) и велела пожить еще в миру, испытать, твердо ли его произволение служить и угождать Богу, не изменится ли оно впоследствии. Послушный во всем воле матери, Григорий повиновался.

Бывая в Киеве по делам торговли, он часто посещал Киево-Печерскую Лавру. Здесь Григорий познакомился с настоятелем Киевского Пустынно-Николаевского монастыря благочестивым архимандритом Авксентием. Отец Авксентий указал Григорию на Глинскую Богородицкую пустынь как на место очень удобное для подвигов спасения, поскольку настоятель пустыни игумен Филарет был известен святостью своей жизни и опытностью в духовном наставлении. "Идите в Глинскую пустынь, к благодатному старцу отцу Филарету, и там он научит вас как спасаться: и

сами спасетесь, и других спасать будете!" — сказал архимандрит Авксентий[4]. Эти его слова оказались прозорливыми. Григорий действительно стал впоследствии верным учеником и последователем игумена Филарета в деле спасения человеческих душ.

Получив благословение на поступление в Глинскую пустынь от Харьковского архиепископа Мелетия (Леонтовича), к которому Григорий часто обращался за духовным советом и окончательное благословение своей матери, 24 июня 1840 года он пришел в Глинскую обитель.

С отеческой любовью принял игумен Филарет Григория Ивановича, когда тот вошел в небольшую приемную келлию, и, прозорливо посмотрев ему в глаза, сразу понял, что за человек пришел к нему проситься в обитель. Этот взгляд старца навсегда запечатлелся в памяти Григория Ивановича и сразу привлек всю его душу к блаженному старцу, перед которым упал он на колени и, как милости, просил его принять в число своей братии.

"Приму, приму, чадо, — кротко сказал ему старец, — отчего не принять? Только обитель у нас убогая, пища в ней суровая, труды телесные и молитвенные велики: смотри, понесешь ли ты их, происходя из богатого купеческого рода?" Григорий обещал ему всякую тяготу и всякие труды Бога ради переносить. "Ну, и добре, — отвечал старец, — помолимся Матери Божией, покровительнице и начальнице сего места, да примет Она тебя в число Своих чад!" И, став перед иконой Богоматери, стал молиться, да с таким жаром и усердием, что Григорий, стоя за ним, невольно почувствовал, как весь он тоже подвигся к молитве, вслед за молившимся старцем. Помолившись, игумен Филарет благословил Григория, поцеловал его в голову и сказал: "Ну, теперь ты — чадо мое, Владычица о сем благоволит. Иди к письмоводителю, сдай ему свои бумаги, а сам иди на пасеку в лес, к тамошнему старцу-монаху: скажи ему, что я прислал тебя к нему в послушники, да слушайся его во всем и почитай его как отца. А вечером я сам побываю у него на пасеке и сам прикажу тебя учить доброму иноческому житию". Так кончился прием Григория Ивановича в монастырь: просто, свято и любвеобильно. В том же духе отнеслась к нему и вся братия Глинская, никто не спросил его о вкладе в пользу монастыря, хотя и знали, что он из богатых купцов, все были там равны, во всем послушны своему настоятелю-отцу.

Письмоводитель-иеромонах приветливо принял от Григория Ивановича его документы и дал ему своего послушника в проводники на монастырскую пасеку, куда прибыли они как раз в полдень и застали старца-пасечника собирающим на дереве пчелиный рой. "Ну, и добре, сынку, — ответил старец-малоросс, на рекомендацию Григория, что прислан к нему от игумена под начало в послушники, — иди да помоги мне рой сгребати в улики". Новичку-купчику пришлось неумелыми руками браться за улей и собирать в него пчел, которых стряхивал с дерева старец сильной рукой. Пчелы жужжали вокруг него, облепили ему лицо и руки и порядком его покусали; но он стерпел все это и усердно старался делать свое дело и помогать старцу. На этом застал их игумен Филарет и, видя искусанное, опухшее лицо Григория, похвалил его терпение.

"Добре, добре, сыну, доброе начало полагаеши послушания и терпения иноческого! Смотри, помни: теперь пчелы тебя кусают, а потом бес станет

Фрагмент письма архимандрита Германа (Клицы) настоятелю Оптиной пустыни архимандриту Исаакию (Антимонову). 1864 г. ГБЛ, ф. 213, к. 67, ед. хр. 55, л. 1 об.

кусать; как теперь терпишь, так и тогда терпи, ибо только претерпевый до конца, той спасен будет".

Затем сказал он несколько духовных слов старцу-пасечнику, чтобы не обижал и не притеснял он новичка послушника, а был ему отцом и наставником во спасение и, благословив обоих, тихо ушел от них домой. Старец-пасечник был из крестьянского сословия, неграмотный, но вел жизнь подвижническую: до вечера не вкушал пищи, полагал множество земных поклонов и все молился по четкам, нашептывая вполголоса молитву Иисусову. Григорий по силе возможности старался ему подражать и понемногу приобучил себя к посту и воздержанию, довольствовался пищей однажды в день под вечер, прочитывал старцу своему келейное правило, Псалтирь, Святое Евангелие и жития святых, что особенно ему нравилось и скоро привлекло к нему любовь пасечника.

Летом, когда пчелы роились, оба монаха не всегда могли ходить в церковь к богослужениям и часто вычитывали себе правило на пасеке и, кроме того, в свободное время от работы Григорий любил читать духовные книги, а старец слушал его чтение и был очень доволен. Послушание Григория было не тяжелое, но довольно хлопотливое, да к тому же пчелы часто его кусали, после чего тело на укушенных местах у него опухало и долго болело. Однажды, осматривая улей, он нечаянно перекинул его себе на голову, которую облепили пчелы и сильно ему искусали лицо и шею: все лицо у него опухло, так что не мог он даже смотреть глазами. В это время зашел на пасеку игумен Филарет и, видя такое его положение, пожурил его старца, что поручает ему осматривать ульи, а не сам это делает. В тот же день игумен прислал проволочную маску на лицо, предохраняющую от ужалений пчелиных, с которой Григорий уже пчел не боялся и исправно помогал своему старцу.

Игумен Филарет довольно часто посещал их пасеку: сядет, бывало, на скамье под деревом и внимательно наблюдает, как пчелки носят свой мед. Иногда подзывал к себе Григория и говорил с ним на пользу его души, учил его смирению, послушанию, отсечению своей воли, побеждению помыслов греховных и бдительности над собою. Простые слова его имели особенное благодатное влияние на душу Григория, и он всегда был рад и счастлив, когда старец-игумен заходил на их пасеку.

Однажды убирали они со старцем пчелиный рой, а потом занялись промывкой ульев и вощин, для чего нужно было носить воду из колодца, бывшего за изгородью пасеки, причем калитку, всегда затворенную, на сей раз отворили, а сами трудились в одних рубахах, так как стоял сильный летний зной. Трудясь, они и не заметили, как подошел к ним игумен Филарет и стал журить старца-пасечника, что калитка у него на пасеку отворена: "Вот вы в одних рубахах тут трудитесь, а калитку растворили, — говорил он, — взойдет кто сюда из богомольцев мирян и соблазнится на вас, монахов, и будете вы в ответе за это перед Богом". Старец стал оправдываться перед игуменом недосугом своего дела и что, нося воду большим водоносом, неудобно бывает всякий раз затворять за собою калитку. Игумен оставил его и с тем же выговором обратился к Григорию. "Прости, отче!" — смиренно ответил ему Григорий и поклонился ему до земли. "Вот это по-монашески", — сказал игумен Филарет и стал журить его старца за самооправдание. "Вот ты сколько времени уже живешь в монастыре, а доселе смирения монашеского не

приобрел, — говорил он ему наставительно, — все оправдываешься, а нет того, чтобы осознать свою вину и сказать по-монашески: "Прости". Вот послушник твой умнее тебя, осознал свою вину, сказал: "Прости", и Бог его простит!". Этот случай обратил на Григория внимание игумена Филарета, и так как у него был сильный голос — бас, то он вскоре потом перевел его с пасеки на клирос.

...Сильный голос его, прекрасное его чтение и пение, а также строгая монашеская его жизнь, чуждая всяких знакомств с товарищами-сверстниками, обратили на него внимание старшей братии обители. Иеромонахи Арсений, Феодосий, иеросхимонах Антоний, сосед его по келлии, познакомились с ним и полюбили его от души. Иеромонах Арсений (Митрофанов), сам уроженец богатой купеческой семьи города Ливень Орловской губернии, любимый ученик игумена Филарета, пользовавшийся его доверием и любовью, сам преисполнен был дарований духовных. Подвижник и молитвенник, горел он ревностью о славе Божией и, имея пылкий характер, силою воли переработал его в себе, пленил его всецело в послушание Христово своему кроткому и любвеобильному старцу — игумену Филарету, которого чтил и любил беспредельно. Иеромонах Арсений и послушник Григорий вскоре прочно подружились, полюбили друг друга, как родные братья, и эта дружба их устроилась не без особого смотрения Промысла Божия, приуготовлявшего в них благопотребные сосуды для служения Богу в другом месте, свыше Им назначенному. Любовь о Христе соединила их неразлучно до самой смерти первого из них, которому второй стал преемником и продолжателем всех благих его начинаний. Иеромонах Феодосий, муж духовноопытный, делатель молитвы Иисусовой, стяжавший редкий дар рассуждения духовного, увидел в Григории добрую ниву для плодоприношений духовных, приблизил его к себе и стал насаждать в его душу высокое учение подвижничества духовного. Ему много был обязан Григорий в отношении своего духовно-подвижнического воспитания и был до самой его смерти преданным сыном его о Христе.

...Так прошла для Григория зима 1840—1841 годов мирно и душеспасительно. Это была последняя зима в жизни игумена Филарета, который видимо слабел силами телесными; наконец в марте 1841 года окончательно слег на одре и 31 марта 1841 года мирно и кротко предал душу свою в руки Божии. Великая скорбь объяла тогда всю Глинскую пустынь, которая в лице игумена Филарета лишилась своего обновителя, воздвигшего ее из ничтожества на степень благоустроеннейшего в духовном отношении в России монастыря. Иеромонахи и послушники, старцы и юноши равно оплакивали неутешно своего великого старца-отца, который, как святой, лежал в гробу, издавая благоухание от тружнического своего тела. Это благоухание Григорий сам ощутил у его гроба, и даже спросил иеромонаха Арсения, не положено ли было в гроб его каких благоуханий земных. Но отец Арсений, который присутствовал при облачении и положении во гроб свято почившего старца, удостоверил его, что никаких благоуханий не было туда положено, а что это благоухание есть воздаяние от Бога за труды игумена.

Сильно скорбел Григорий, что так мало сподобился пожить в Глинской пустыни под настоятельством столь святого старца-игумена Филарета, светлый нравственный облик которого навсегда запечатлелся в его

памяти, и молитвы которого он призывал себе в помощь при всех случаях дальнейшей иноческой жизни.

В Глинскую пустынь был вскоре назначен настоятелем Евстратий, уроженец Казанский. <...> Послушника Григория игумен Евстратий отличал своим доверием: он сделал его своим письмоводителем, причем по-прежнему проходил он и клиросное послушание.

<...> Отличая Григория, игумен Евстратий облек его в рясофор, назначив письмоводителем монастыря, имел в нем нужное и деловое лицо, к которому братия часто относилась со своими нуждами: кому билет выдать, кому документы прописать или выхлопотать, что все старался он для всякого сделать без промедления, и за это братия его любили и ценили"[5].

Однако вскоре он расстался с любимой Глинской пустынью. В январе 1844 года император Николай I утвердил решение Святейшего Синода о восстановлении Святогорской Успенской пустыни в Харьковской губернии. По повелению императора в этой обители был введен устав Глинской пустыни, а настоятелем по указу Святейшего Синода назначен Глинский казначей о. Арсений (Митрофанов). В то же время были переведены в Святогорье 12 Глинских братьев, в том числе и рясофорный послушник Григорий Клица.

В апреле 1844 года новая Святогорская братия простилась с родной Глинской пустынью и, напутствованная благожеланиями игумена Евстратия и Глинских старцев, отправилась в новую обитель. Игумен Евстратий благословил их иконой Рождества Пресвятой Богородицы, точным списком с Чудотворной иконы Пустынно-Глинской и так в сопутствии святой иконы Богоматери отправились они на новые подвиги духовные[6]. Прибыв в Святогорье, они ввели здесь чин и устав богослужения Глинской пустыни, который совершался неопустительно вплоть до закрытия Святогорской пустыни.

Послушник Григорий, от природы имевший способности к строительству, оказался очень полезен игумену Арсению при восстановлении древнего монастыря. "Тебя Сам Бог ко мне послал", — говорил о. Арсений и предоставил ему полную свободу в строительном деле.

7 марта 1845 года о. Арсений постриг Григория в монашество с именем Герман; 17 марта 1845 года рукоположил во иеродиакона; 12 мая 1847 года — во иеромонаха. Сначала о. Герман исполнял послушание уставщика, затем ризничего. После кончины настоятеля о. Арсения братия Святогорской пустыни 25 октября 1859 года единогласно выбрала о. Германа своим настоятелем. 30 октября 1859 года он был возведен в сан игумена. За время своего настоятельства о. Герман как внешне, так и внутренне благоустроил святогорскую обитель. Он перестроил настоятельский корпус, построил трехэтажный иеромонашеский корпус, закончил строительство Преображенской церкви, построил храм Рождества Пресвятой Богородицы, устроил Арсеньевский скит для стремящихся к безмолвной жизни, а для больных и престарелых иноков — больничный хутор, где было 2 корпуса и домовая церковь.

Отец Герман возвел в Святогорской обители трехпрестольный собор Успения Пресвятой Богородицы. Он также приобрел для обители мельницы и лесные участки.

Как ревностный настоятель, все свободное от богослужений время посвящал о. Герман своей должности, ежедневно он обходил братские келлии, наблюдал за монастырским благочинием и хозяйством.

Его духовно-подвижническая жизнь, мудрое управление обителью, ревность о благочестии и неутомимость в службах церковных стяжали ему всеобщее уважение. Это был монах в полном смысле этого слова, чистая жизнь и нестяжание которого были изумительны.

Но главное, он до конца своих дней был преисполнен чувствами благоговейной любви и глубокого уважения к игумену Филарегу и нерушимо хранил в своей обители все установления и порядки, введенные этим великим старцем в Глинской пустыни. Это позволило о. Герману воспитать многих истинных иноков-подвижников в святогорской обители, "под его настоятельством, ставшей духовной красою и утешением всего края и давшей опытных настоятелей и братию в другие монастыри своей епархии"[7].

В августе 1861 года Святогорье посетил император Александр Николаевич с августейшей семьей. Император пожаловал о. Герману золотой наперсный крест. По личному повелению императора 16 декабря 1861 года о. Герман был посвящен в архимандрита.

Некогда опустевшая Святогорская обитель во время настоятельства о. Германа стала известна по всей России и была украшена многими царскими дарами (иконами, церковной утварью).

8 декабря 1880 года о. Герман был награжден орденом св. равноапостольного князя Владимира.

В завершение своей земной подвижнической жизни о. Герман в 1889 году построил на месте чудесного спасения царской семьи 17 октября 1888 г. при крушении поезда около станции Борки (Курско-Азовской железной дороги) Спасов скит Святогорской пустыни. 1 апреля 1890 г. о. Герман был награжден орденом Св. Анны 1-ой степени.

Вот как пишет об архимандрите Германе знавший его в течение 23 лет и глубоко почитавший А.Ф. Ковалевский: "Неусыпный молитвенник... бодро стоял он на страже молитвенной и дома, и на пути, и в келлии, и в вагоне железной дороги, вычитывая все положенные молитвословия, и так без сомнения подвизался до старости маститой, до полного истощения сил телесных, не давал себе отдыха и покоя: молился, служил, пел Богу песни хвалебные неустанно и прямо из храма Божия слег на одр смертный. Необычайная энергия и сила воли действовали в его ослабевшем старческом организме, чудотворно обновляли его юностью неземной. Кто видел его в последние месяцы и дни его жизни, невольно убеждался, что это был человек благодатный"[8].

Скончался архимандрит Герман в Святогорской обители 13 апреля 1890 года.

Примечания

[1] Дед о. Германа переселился в Нежин с острова Кефалонии.

[2] Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / А.Ф. Ковалевский. Изд. 2-е Харьков, 1894. С. 13.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 19.

[5] Там же. С. 25—33.
[6] Там же. С. 44.
[7] Там же. С. 4.
[8] Там же.

Литература

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа / А.Ф. Ковалевский. Изд. 2-е. Харьков, 1894. С. 140.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии: с картинами. 3-е доп. и вновь перераб. изд. Одесса, 1905. С. 32—35. 162.

Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Одесса 1893. С. 22—23.

Начальник скита Святогорской пустыни иеросхимонах Логин // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. М., 1908. с. 190, 194, 195, 198.

Верхо-Харьковская игуменья Емилия // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 320.

Иеромонах Феодосий, первый духовник возобновленной Святогорской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Том доп. Ч. 1. Кн. 2. Июль—декабрь. М., 1912. С. 320.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Одесса, 1904. С. 22,50.

То же. Курск, 1912. С. 21, 45.

Духовник Святогорской Успенской пустыни иеромонах Иоанникий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Февраль. М.. 1906. С. 140, 152, 155, 156.

Адрес-календарь духовного ведомства. СПб., 1878. С. 128.

Архивные документы

Герман, архимандрит Святогорского Успенского монастыря Харьковской губернии. Письмо к Исаакию (Антимонову) от 1864, июня 24-го // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 67, ед. хр. 55.

ИЕРОМОНАХИ КИПРИАН И СЕРАПИОН

Послушники Глинской пустыни Косма и Стефан, впоследствии иеромонахи Святогорской пустыни Киприан и Серапион, среди других сверстников-послушников особенно духовно были близки Григорию Клице, впоследствии архимандриту Святогорской пустыни Герману. Но "дружба их была ограничена и не переходила границ дружбы духовной: друг друга поощряли они к подвигам молитвенным, друг другу передавали скорби свои и искушения, чуждаясь всяких угощений и посещений безвременных"[1]. В Глинской пустыни они были пострижены в рясофор. В 1844 году вместе с послушником Григорием они перешли в Святогорскую пустынь.

Иеромонах Киприан стал впоследствии духовником Святогорской обители[2].

Он воспитал многих подвижников, в том числе иеромонаха Иоанникия, ставшего также Святогорским духовником. В жизнеописании о. Иоанникия сказано, что он "обращался за советом к богатому опытностью и ведением духовным старцу Киприану, бывшему его духовным отцом. "Сначала, — признавался о. Иоанникий, — очень надоедали мне на исповеди разные странницы и чернецы своими рассказами про видения и чудеса, будто с ними бывшие: дела не говорят, а только время проводят, да свою мнимую святость на вид поставляют. Вот и спросил я батюшку о. Киприана, как тут быть с этим народом. Тот и посоветовал: "Назначай за каждое подобное видение или чудо, тебе рассказанное на духу, поклоны творить... и поверь — скоро оставят они тебя в покое". Начал я так делать: не понравилось богомолкам, перестали ко мне идти на дух, стали к другим духовникам обращаться, меня же жестоким прозвали, а я и рад, ибо от них одно затруднение только выходило: иная целый час толкует о своих видениях у аналоя, а другие тем временем ждут"[3].

Духовноопытный о. Киприан был духовником настоятеля Святогорской пустыни архимандрита Германа (Клицы). Скончался о. Киприан в Святогорской Успенской обители.

Примечания

1 Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля, архимандрита Германа / А.Ф. Ковалевский. Харьков, 1894. С. 31, 43.

2 Там же. С. 62.

3 Духовник Святогорской Успенской пустыни иеромонах Иоанникий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Февраль. М., 1906. С. 142.

Литература

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля, архимандрита Германа / Ковалевский А.Ф.. Харьков, 1894. С. 31, 43, 62.

Очерк жизни затворника Святогорской пустыни иеросхимонаха Иоанна. Одесса, 1893. С. 23.

Духовник Святогорской Успенской пустыни иеромонах Иоанникий // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Февраль. М., 1906. С. 142, 147, 152.

ГЛИНСКИЙ ВОСПИТАННИК ПОСЛУШНИК ВАСИЛИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ АРХИМАНДРИТ ВЕНИАМИН, НАСТОЯТЕЛЬ ВОСКРЕСЕНСКОГО НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ (†1890)

(Память 22 августа ст. ст. / 4 сентября нов. ст.)

Будущий архимандрит Вениамин (мирское имя его было Василий) в Глинской пустыни проходил послушание келейника у братского духовника о. Арсения (Митрофанова). Когда о. Арсений собирался переходить в Святогорскую пустынь, послушник Василий много помог ему в выборе и собирании братии, а сам собирался в Старый Иерусалим, куда получил увольнение и билет. Но о. Арсений убедил его ехать с собой в Святогорье, сказав: "Иерусалим от тебя не уйдет". Эти слова оказались пророческими. В Святогорье Василий был пострижен в монашество с именем Вениамин, рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха и много потрудился на пользу обители. Он был казначеем и деятельным помощником игумена Арсения в благоустройстве Святогорской обители, где память о нем незабвенна. Затем воспитанник Глинской пустыни о. Вениамин был назначен настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, где в сане архимандрита 22 августа 1890 года окончил свою жизнь.

Литература

Очерк жизни в Бозе почившего Святогорской Успенской пустыни настоятеля архимандрита Германа. Харьков / А.Ф. Ковалевский. 1894. С. 43—44.

СХИМОНАХ ИОАНН (†1890)

(Память 1 октября ст. ст. / 14 октября нов. ст.)

Цит. по:
Глинский подвижник схимонах Иоанн //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Октябрь. М., 1909. С. 3—5.

Отец Иоанн, в монашестве Иеремия[1], в Глинскую пустынь поступил в 1862 году; пять лет нес хлопотливое послушание при монастырской гостинице, потом был назначен на трудную и ответственную должность эконома, которую ревностно и со страхом Божиим исполнял до назначения в 1889 году лекарем и смотрителем братской больницы.

Еще экономом он прославился, как врач-самоучка, с любовью и успехом подающий помощь не только людям, но и домашнему скоту.

Людей отец Иеремия лечил преимущественно от простуды и застаревшего ревматизма. Для лечения последнего он употреблял глину и соль с примесью какой-то жидкости. Боль в груди устранял накладыванием особо составленного им пластыря, который очень благотворно действовал на больных. Для других болезней у отца Иеремии были разные травы и настойки. Словом, на все человеческие немощи он находил свои, только ему известные лекарства. Но более всего помогали его молитвы и его вера в помощь Божию, а также вера больных в действительность молитв самого отца Иеремии, с любовью относящегося к страждущему человечеству.

В доказательство любви отца Иеремии, иеромонах Н-рий говорил, что, когда он сильно заболел простудой, эконом Иеремия взял его к себе в келлию, лечил и ухаживал две недели до выздоровления.

Глинский лекарь-самоучка был известен далеко за стенами обители. Его вызывали в г. Курск для лечения сильного ревматизма у наместника Знаменского монастыря архимандрита Вонифатия.

Несмотря на многие обязанности смотрителя и лекаря больницы, прием больных братий и посторонних, отец Иеремия еще находил время возделывать огород и ухаживать за садом при больнице. Это был поистине великий труженик ради Царствия Небесного. Кажется, ни одной минуты он не оставался без дела. Всем подавал пример трудолюбия и младших заставлял помогать ему без всякого слова.

По виду будто бы строгий, не опускавший случая заметить упущение или шалость молодых послушников, отец Иеремия, лишь только у него просили прощения, с любовью все прощал, всегда при этом еще обласкает, даст яблок, слив или бубликов.

За пять месяцев до кончины семидесятипятилетний старец принял пострижение в схиму с именем Иоанн и, доселе прямой, бодрый, он сразу сгорбился. Полагают, что он стал носить на себе на железной цепи железный же тяжелый крест, который прежде надевал только при келейном правиле, совершаемом со многими земными поклонами.

Молитва подвижника, конечно, не могла нравиться врагу спасения. Он не преминул устрашать молитвенника, но безуспешно. Однажды же во время совершения Иоанном правила, вошла в келлию кошка и по мантии

26 1374

влезла ему на плечи. Отец Иоанн не испугался и продолжал молитву, кошка исчезла.

Близко знавшие старца замечали в нем дар прозрения. Близость своей кончины он также предузнал. Принятие схимы, частое причащение Святых Таин и постоянная молитва были его приготовлением к смерти, которая последовала 1 октября 1890 года, в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Мы думаем не без значения душа его отозвана в такой день. Под покровом Царицы неба и земли она предстала престолу Нелицеприятного Судии — Бога, как усердно, 28 лет потрудившаяся для братии и обители. На могильном кресте схимонаха Иоанна надпись говорит: "Он заслужил себе особенную память помощью больным. Его молитвами, лечением и неослабным уходом неизлечимо больные, иногда врачами приговоренные к смерти, получали полное выздоровление".

Примечания

1 В миру Иван Болдырев, родился в 1820 г. в семье государственных крестьян Курского уезда Курской губернии. В монашество пострижен 21 ноября 1868 г. в Глинской пустыни игуменом Иннокентием (ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 24 об — 25). — *А.И.*

Литература

Глинский подвижник схимонах Иоанн. (Память 1 октября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Октябрь. М., 1909. С. 3—5.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 10.

Схимонах Иоанн // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 45. То же. Одесса, 1904. С. 45. То же. Курск, 1912. С. 39.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля, монашествующих и послушников Глинской Богородицкой общежительной пустыни за 1885 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л л., д. 89, л. 24 об. —25.

МОНАХ ДИМИТРИЙ (†1891)

(Память 28 марта ст. ст. / 10 апреля нов. ст.)

Цит. по:
Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий. (Память 29 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 336, 339.

Отец Димитрий[1] мог служить примером иноческого нестяжания, терпения и смирения. Еще дома он, по рассказу его родного брата, жил, как монах: не кушал скоромного, каждое воскресенье ходил к литургии в ближайший Путивльский монастырь, а, чтобы не опоздать, вставал и уходил ночью.

В Глинскую пустынь Димитрий поступил в 1883 г. и назначен был в сапожную мастерскую, где исполнял самые грязные работы. По своему смирению он был молчалив и беспрекословен, готов всякому услужить во имя любви. Часто случалось, что уже рясофорным монахом он мазал дегтем сапоги какому-нибудь послушнику. Для неразумных смирение о. Димитрия служило поводом к насмешкам и оскорблениям. Особенно много досаждали подвижнику мальчики, обучающиеся в мастерской шитью сапог. Зная, что поношения и скорби очищают от грехов и дают бесстрастие, о. Димитрий добровольно терпел всякое оскорбление.

В келлии он также во всем утеснял себя, чтобы идти по узкому пути в Царство Небесное. Лишних вещей у него не было: только одна икона, стол, стул, табуретка и кровать. Из одежды одна худая ряска, один подрясник и одна пара белья. Когда он стирал свое белье, то оставался в одном подряснике. При заботах о чистоте души ему некогда было заботиться о чистоте своего помещения, да и ради подвига он о нем не радел. Летом в келлии у него было множество насекомых, но о. Димитрий не выгонял их и не убивал. Пословицу "мухи не обидит" про него можно было сказать в прямом, а не в переносном смысле.

Беспорочная духовная жизнь по Богу — *возраст старости* — на 43-м году приблизила о. Димитрия к оставлению этой юдоли скорбей и плача. От воспаления легких о. Димитрий скончался в три часа утра 28 марта 1891 г., пролежав в монастырской больнице более месяца. Во время болезни подвижник соборовался и несколько раз причащался. Перед самым отходом в иную лучшую жизнь, блаженный старец встал, поправил перед образами лампадку, помолился, лег, три раза ударил рукой о пол, на котором лежал, и тихо предал дух свой Богу.

Примечания

1 В миру Димитрий Сычев, отставной рядовой (ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 64). — *А.И.*

Литература

Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий. (Память 29 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 336, 339.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля, монашествующих и послушников Глинской Богородицкой общежительной пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 64.

МОНАХ КИРИЛЛ ЮРОДИВЫЙ (†1891)

(Память 3 сентября ст. ст. / 16 сентября нов. ст.)

Цит. по:
Глинский монах Кирилл юродивый // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. Том. доп. Ч. 1. Кн. II. М., 1912. С. 102—103.

Отец Кирилл в обитель поступил в 1854 году, семь лет усердно нес разные послушания. В 1861 году за добрую иноческую жизнь назначен пономарем. В этом послушании он пробыл также семь лет и награжден стихарем. По принятии подвига юродства, его переместили на пекарню, где он вместе с новоначальными пробыл 21 год, из них последние 14 лет читал еще Псалтирь по благодетелям обители. За время юродства своего подвижник потерпел много скорбей и оскорблений. Белья не переменял и этот подвиг сохранял в тайне.

Живший в одном коридоре с отцом Кириллом иеромонах Елеазар передавал монаху Товии, что Кирилл в своей келлии ругается. "Раз я отворил его келлию, — у него никого нет. На мой вопрос, Кирилл сказал: "Это я так". Товия сказал отцу Елеазару, что Кирилл ругается со врагами спасения, как об этом пишет св. Антоний Великий.

Тот же Товия говорил: "Когда я был послушником, видел страшный сон: на меня напали какие-то страшные люди. Вдруг является отец Кирилл с крестом в руках: все мои враги разбежались. Утром я встретил Кирилла: он по обыкновению всегда серьезный, на мое приветствие, улыбнулся. Мне показалось — он знает о своей помощи мне".

В 1888 году отца Кирилла, слабого и немощного, перевели в больницу. Оставленный в покое от преследования за юродство, он пребывал в молчании с единым Богом, необходимое говорил в двух-трех словах.

Желая быть более сосредоточенным на молитве, он стоял в храме с закрытыми глазами, но чтобы скрыть это, притворялся спящим. Одни, не ведающие многообразных подвигов спасающихся, соблазнялись им, другие удивлялись, как он — спящий, всегда просыпался, когда при богослужении необходимо было класть положенные поклоны.

Все земное подвижник считал за сор, который останется на земле. Деньги, приходящие ему от брата, бросал куда попало и они валялись где-либо на полу или на окне, пока кто-либо из больничных не прибирал их для его же необходимости или не отдавал на общую потребность монастыря.

За три недели до смерти отец Кирилл почти ничего не ел, только утром и вечером выпивал по полчашке чая. Накануне перехода в лучший мир, он приобщился Святых Таин. Когда в день смерти ухаживающий за ним брат Матвей по обыкновению принес обед, он сказал: "Теперь уже не надо". Последние слова подвижника Матвею были: "Терпи и смиряйся".

Отец Кирилл скончался 57-ми лет 3 сентября 1891 года.

Литература

Глинский монах Кирилл юродивый. (Память 3 сентября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. Том. доп. Ч. 1. Кн. II. М., 1912. С. 102—103.

Послужные списки настоятеля, монашествующих и послушников Глинской Богородицкой общежительной пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л., д. 89, л. 23 об — 24. "Монах Кирилл. Светское имя его было Корнилий Гиц. 52 года. Женат не был. Читать и писать может. Из вольноотпущенных Калужской губернии. По поступлении в Глинскую пустынь проходил общежительные послушания с 1854 года. Посвящен в стихарь 2 сентября 1864 г. В монашество пострижен 8 июня 1865 года в Глинской пустыни игуменом Иннокентием. Ныне проходит послушание при хлебопекарне и читает Псалтирь по усопшим. Качеств добропорядочных, к послушаниям усерден".

МОНАХ ИОАНН ТЕРПЕЛИВЫЙ (†1891)

(Память 12 октября ст. ст. / 25 октября нов. ст.)

Цит. по:
Глинский монах Иоанн терпеливый //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Июль—декабрь. Том доп. Ч. 1. Кн. II.
М., 1912. С. 266—268.

Тихий и скромный рясофорный монах Иоанн трудился в Глинской пустыни мальчиком-рабочим, исполняя самые неприятные обязанности. В 1884 году он поступил в Глинское братство и семь лет до самой смерти был поваром, последнее время при кухне на монастырской гостинице.

За 10 лет до блаженной своей кончины он заболел и постепенно таял, как свеча, но никому не жаловался, терпеливо переносил свои страдания и молча исполнял свое дело за себя и за подручных своих помощников. Поистине это был великий терпеливец. Приготовить обед на большое число гостей-богомольцев, всем угодить, всех удовлетворить, не оскорбляя и не оскорбляясь, — действительно, надо иметь немало терпения, особенно когда помощники часто сменялись и не знали, что и как делать. Если иногда приходилось неприятное сказать своим подчиненным новоначальным послушникам, то отец Иоанн сам же первый у них попросит прощения. Пищу приходилось приготовлять в несколько блюд: кому с рыбой, кому постную, без рыбы, а также в больницу некоторым больным. При таком ее разнообразии, много было хлопот: одно делай, другое приготовляй, третье ставь на плиту, четвертое снимай и т.д. Вдруг, что-либо закипело, льется на плиту и производит чад, надо скорее снять, а помощники или замедлят или не догадаются. Отцу Иоанну самому приходилось бежать к плите и второпях голыми руками брать горячие кастрюли. Поэтому руки его привыкли ко огню и его не боялись. Судя по себе, Иоанн иногда благословлял своим помощникам брать горячую посуду тоже голыми руками, но у них не было такой веры и послушания, как у ученика одного святого старца, который, оставив в печке кочергу, по благословению своего учителя, полез в топившуюся печку и взял кочергу без всякого для себя повреждения.

По наружному виду отец Иоанн более похож был на мертвеца: болезнь, постоянный пост, воздержание и скорби по послушанию иссушили его. Труженику многократно предлагали отдохнуть, полечиться, полежать в больнице, но он не хотел уходить с послушания: лекарств никаких не принимал: во всем полагался на Господа, Который силен живить и мертвить. 11 октября 1891 года отец Иоанн до того ослаб, что его понудили идти в больницу. Немного он прошел и упал. Его повели, но ноги ему не повиновались, — пришлось нести. В больнице отца Иоанна сейчас же особоровали, на другой день приобщили Святых Таин. Вечером того же дня, сказав три раза: "Умираю", больной сложил на груди руки, тяжело вздохнул, и душа его, оставив бренное тело, вознеслась к Богу, Которому старалась угождать в земной жизни. Могила отца Иоанна находится на братском кладбище рядом с другим приснопамятным поваром отцом Феодотом.

Всей земной жизни Иоанна было 45 лет[1].

Примечания

[1] Из Глинских записок.

Литература

Глинский монах Иоанн терпеливый. (Память 12 октября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. Том доп. Ч. 1. Кн. II. М., 1912. С. 266—268.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 9.

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Одесса, 1904. С. 45. То же. Курск, 1912. С. 39.

СХИМОНАХ МАРК (†1893)

(Память 4 марта ст. ст. / 17 марта нов. ст.)

Цит по:
Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий. (Память 29 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 325—331.

В жизни подвижника Марка, в миру Михаила Карлова, был один случай, заставивший его оставить соблазны мира сего и в пустынной обители искать единого на потребу души. Вот что он открыл об этом отцу настоятелю. Ему предстояло идти в солдаты, но не хотелось лишиться свободы. С другой стороны боялся строгостей долговременной военной службы... После долгой борьбы, он решился опалить себя порохом: набил им бумажную трубку и поджег. Взрыв пороха повредил ему глаза: правый глаз совершенно закрылся, а левый стал слезиться. От отбытия воинской повинности Карлов избавился, но потерял душевный покой. Неумолимая совесть постоянно преследовала его упреками за самоуродование и уклонение от священного долга верноподданных. К текущим слезам от повреждения присоединились слезы искреннего раскаяния. Последнее привело его в Глинскую пустынь, где он во святом послушании, посте и молитве желал найти успокоение своему духу.

Михаил Карлов поступил в обитель в 1865 году. На другой год "во внимание ко его доброму поведению и усердию к монастырской жизни", игумен Иннокентий просил Манторовское волостное правление (Тимского уезда Курской губернии), выдать Карлову увольнительное свидетельство для поступления в монашество. Первое послушание Михаила было на монастырской крупорушке. Там Господь, временно наказывающий любимых Своих для избавления их от вечных и страшных наказаний по смерти, видя доброе произволение искупить содеянный грех, послал Михаилу тяжелый крест болезни и скорбей. 4 декабря 1870 г. Михаил попал под колесо крупорушки, приводимое в движение лошадями, и еще более стал уродливым. У него покривилась спина, а видящий глаз выдался вперед. Справедливо говорит Священное Писание: *кто чем согрешает, — тем и мучится* (Прем. 11, 17). Согрешил Михаил уродованием себя, и большим уродованием наказан. Уродливость немало способствовала оплакиванию грехов и смирению подвижника. Она была причиною оскорблений, насмешек и пренебрежения со стороны легкомысленных людей, часто судящих о человеке по наружности его. Но смиренный терпеливец все переносил, как посланное от Бога.

По выздоровлении, Михаила назначили смотрителем на монастырской мельнице и постригли в монашество с именем Мардарий[1]. На новом послушании отец Мардарий пробыл 23 года. Все это время жил в одной келлии, не заботясь об удобствах, украшении или побелке своего убогого помещения. Самые простые иконы, угольник, стол, табуретка и скамейка для спанья составляли все его имущество. Из одежды у о. Мардария ничего не было лишнего и притом все поношенное.

Кроме мельницы, храма, трапезы и своего жилища старец никуда не ходил, праздным никогда не был и между своими подчиненными был как последний, нередко на себе нося тяготы братий, без ропота выполняя недостатки их по послушанию.

Его послушание не было легким. Тягость увеличивалась разными неудовольствиями посторонних, приезжающих на мельницу. Только благодаря незлобию отца Мардария, все обходилось тихо и мирно. Через 15 лет мирного управления мельницей, по зависти врага спасения, строящего козни верным рабам Божиим, о. Мардарий снова подвергся опасности для своей жизни. Однажды он был схвачен за полушубок действующим мельничным колесом. К счастью тут был его помощник. Быстрым опущением заставы, он остановил воду и крикнул о помощи. Подоспевшие рабочие вытащили о. Мардария невредимым, но без полушубка. Последний остался на колесе, и его с трудом достали.

Кроме обязанностей старшего на мельнице, о. Мардария более 20-ти лет ежегодно назначали в г. Глухов, где он должен был безотлучно находиться в храме при Глинской явленно-чудотворной иконе Богородицы, которая пребывает в городе с 19 июля по 3 августа. (Имеются в виду времена написания жития о. Мардария. — *Примеч. издат.*) Такой почти непрерывный двухнедельный подвиг для старого монаха был нелегким, но его подкрепляли глубокая вера к Царице Небесной и вспомоществующая благодать Божия. Многие удивлялись безропотному терпению подвижника особенно потому, что все священноиноки и певчие чередовались между собою, а о. Мардарий оставался на своем послушании всегда один. Мало этого: ему еще приходилось обедать и ужинать урывками, не вместе с другими, а когда о нем вспомнят и пошлют кого-либо сменить только на время подкрепления пищей. Отец Мардарий довольствовался тем, что оставалось от братской трапезы. Иногда еще приходилось терпеть незаслуженные упреки за несвоевременный приход. Безропотный старец сносил все. "Прости Бога ради", — был его обычный ответ. Как виновный, он садился где-либо в стороне, чтобы не быть для других помехой, и торопливо утолял свой голод. Если за поздним приходом его, пищи от братского стола не оставалось, он ел один хлеб и скорее спешил на свой пост в храм к иконе Царицы Небесной. Случалось и так, что в суете о нем вовсе забывали и оставляли на целый день без пищи.

Не только в пище, но и во сне о. Мардарию приходилось себе отказывать. Спал он обыкновенно в то время, когда Чудотворная икона была заперта в храме, что продолжалось 3—4 часа. Изнеможденный летами и подвигами, в 1892 г. о. Мардарий просил заменить его при иконе другим, но подходящего не нашли и его назначили уже в последний раз, ибо до следующего крестного хода в г. Глухов ему не пришлось дожить.

Незадолго до смерти, по старости лет и слабости сил, о. Мардарий был освобожден от послушания на мельнице с назначением старцем-руководителем нескольких новоначальных братий[2]. В сознании своей неопытности, он просил освободить его от нового послушания. Но, зная его безупречную подвижническую жизнь, о. настоятель не согласился, и Мардарий покорно принял старчество. Тогда он стал ходить к другим старцам — учиться руководить учеников по пути иноческой спасительной жизни. Сам смиренный, кроткий, терпеливый, он тем же добродетелям

учил духовных чад своих. В особенности внушал переносить всякие обиды, не оскорблять обидчиков, а во имя любви, заповеданной Богом и ко врагам, молиться за них, а себе ожидать небесной награды. Однажды для доказательства такого снисхождения к обидчикам, чтобы показать, что их надо прощать и еще за них молиться, старец вынужден был сказать одному своему ученику случай из своей сокровенной жизни. Примерно он рассказал следующее: "Несколько лет тому назад я был сильно обижен одним братом. Видя в нем действие врага спасения, стал со слезами молиться Богу, чтобы мне без гнева перенести обиду и не впасть в злопамятование, а обидчика во имя любви простить. Долгое время на проскомидии за него вынимал частицу из просфоры. Ночью 8 ноября в день своего ангела светского моего имени и ангела обидчика, я особенно молился за оскорбителя и на ранней литургии также. Какое-то отрадное чувство разлилось по всему моему телу. По возвращении от обедни, в келлию приходит мой оскорбитель и, подавая теплый пшеничный хлеб, говорит: "Видел, отче. как ты о мне молился и поминал на проскомидии. Прости меня". Поклонился, оставил хлеб и вышел. Я обрадовался, благодарил Бога. Не слыша удаляющихся шагов брата, отворил двери келлии, осмотрел все кругом, но его нигде не было видно. Это меня удивило. Сердце преисполнилось необъяснимой радости. Попробовал хлеба: в нем был необыкновенно приятный вкус. После чаепития пошел я к имениннику благодарить за посещение и за хлеб. Но он уверял, что не приходил ко мне и хлеба не приносил. Значит, посетил меня не земной гость, а, должно быть, ангел хранитель моего обидчика. Когда я все рассказал, благодать Божия коснулась сердца брата, он пришел в умиление и просил прощения. Так, дивным промышлением Божиим, у нас восстановились добрые братские отношения". Боясь человеческой славы, старец заповедал до его смерти никому не говорить о явлении ему ангела. Ради того же смирения в духе истинного монашества, о. Мардарий никому не открывал своих келейных подвигов, но о них можно судить по следующему факту. В одно время за дверями своей убогой келлии подвижник услышал голос настоятеля и, на произнесенную для входа молитву Иисусову, поспешил ответить: "Аминь". При входе аввы, отец Мардарий смиренно повергся ему в ноги и просил благословения. В келлии отец настоятель увидел на угольнике перед иконами раскрытую Псалтирь, которую не успел закрыть Мардарий. И что замечательно: Псалтирь была раскрыта на 41-м псалме. Первые слова, которые бросились в глаза отцу игумену, были: "*Быша слезы моя мне хлеб день и нощь*". Как бы желая убедиться, авва посмотрел в лицо подвижника: левый слезящийся глаз был особенно красен и слезлив. Несомненно, что свое келейное правило о. Мардарий совершал со слезами.

За шесть дней до смерти о. Мардарий ужинал с одним из своих учеников и, предчувствуя близость вечной разлуки, сказал: "Из этих чашек мне более есть не придется". Ученик спросил: "Почему вы так, батюшка, говорите"? Старец, скрывая свое крайнее изнеможение, отвечал: "Я здоров, но думаю завтра сходить в больницу; может, там и останусь". На другой день он был принят в монастырскую больницу по старческой немощи. Накануне смерти, когда послушник принес ему обед, отец Мардарий сказал: "Завтра мне уж ничего не нужно будет". Но и в этом обеде он не нуждался и не прикоснулся к нему. На другой день 4 марта

1893 года ночью он окончил земное бытие на 64-м году от рождения[3] и действительно ни в чем земном не нуждался, кроме заупокойных молитв своих ближних.

В загробную жизнь о. Мардарий напутствован всеми спасительными Таинствами Святой Церкви: особорован, причащен и облечен в великий ангельский образ (схиму) с именем Марка. Поистине, блаженна была его кончина! Если напутствие одним из упомянутых Таинств служит для верующих залогом прощения грехов, то тем более соединение всех их вместе. Такая смерть и самая жизнь старца дают нам уверенность сказать, что Господь, видящий смирение и труд отца Марка, простил ему грехи, душу избавил от смерти, очи его от слез (Пс. 55, 14). Ибо, по слову Священного Писания, плакавшие здесь, утешаются в Царствии Небесном (Мф. 5, 4) и сеющие здесь слезы, там пожинают радость (Пс. 125, 5).

Примечания

[1] В монашество он был пострижен игуменом Иннокентием 7 декабря 1874 года (ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 26 об., 27) — *А.И.*

[2] Кроме того он проходил послушание при неусыпном чтении Псалтири по усопшим (ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 25) — *А.И.*

[3] По данным послужных списков настоятеля монашествующих послушников Глинской Богородицкой пустыни за 1885 г. (ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 26 об. — 27) и 1892 г. (ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 109, л. 24 об. — 25) о. Мардарий (Карлов) родился в 1827 году в семье бывших дворовых людей Тимского уезда Курской Губернии. — *А.И.*

Литература

Глинские иноки: схимонах Марк, иеромонах Порфирий и монах Димитрий. (Память 29 марта) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 325—331.

Марк (Лозинский), игумен, проф. Московской Духовной Академии. Отечник проповедника. Практическое пособие для студентов: 1221 пример из Пролога и Патериков. Загорск (ныне Сергиев Посад) Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 474. № 679: "Усердная молитва Глинского схимонаха Марка за своего обидчика была услышана: к нему явился ангел в образе обидчика и подарил теплый хлеб; когда обидчик узнал об этом, то умилился, просил прощения, и они примирились".

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. 2-е изд. Одесса., 1904. С. 47. То же. Курск, 1912. С. 41.

Архивные документы

1 ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 26 об., 27.

2 ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 109, л. 24 об., 25.

МОНАХ ЕВГЕНИЙ (†1894)

(Память 12 мая ст. ст. / 25 мая нов. ст.)

Цит. по:
Монах Евгений Глинский //
Жизнеописания отечественных подвижников
благочестия 18 и 19 веков.
Май. М., 1908. С. 78—86.

Монах Евгений прибыл в Глинскую пустынь в 1883 году 22-х лет и назначен на послушание при гостинице, где обратил на себя внимание ласковым обращением с гостями. Его перевели — помощником гостинника на подворье при Сеймских мельницах близ г. Путивля. Новое послушание требовало немалых хлопот по принятию всех едущих в обитель и из обители... Ибо до проведения подъездного пути Ворожба-Середина-Буда Киево-Воронежской железной дороги[1] все ехали в Глинскую пустынь на ст. Путивль и останавливались на подворье Сеймских мельниц. При настоятельстве архимандрита Иннокентия (†1888) для советов с мудрым и прозорливым Глинским настоятелем приезжало особенно много посетителей. Сам о. Иннокентий часто ездил на Сеймские мельницы, и братиям гостиного двора много было дела. Отец Евгений часто не мог управиться, но молитвами батюшки о. Иннокентия все тягости послушания нес благодушно.

Видя ревность юного подвижника, враг спасения внушил ему мысль, что от такого послушания он заболеет, что сырой воздух от близости реки Сейма ему вреден. От самомнения Евгений действительно заболел и стал просить перевести его в монастырь. Отец Иннокентий сказал ему: "Я тебя не сам назначал, на это была воля Божия и Царицы Небесной, не могу преступить Их святой воли; покоряйся и ты. Старайся нести послушания без рассуждения и получишь награду, молись Матери Божией и будешь здоров".

Еще полгода Евгений боролся с прежним помыслом о вреде для здоровья, но победил его. Однако искушение не оставляло подвижника. Он стал тяготиться послушанием, а потом восстали в нем нечистые похотения. Снова он просится в монастырь. Отец Иннокентий, как мог, утешил его, советуя нести данное послушание ради вечной награды на небесах. Сила убеждения на этот раз подействовала, и Евгений беспрекословно стал нести все тягости трудного послушания. Молитвой, постом, непрестанными трудами, по благодати Божией, он победил плотские вожделения.

Смиренный молодой монах и там, где являлся по послушанию, как старший и распорядитель работ, с трудом был отличаем посторонним от прочих: он сам во всем показывал пример; любовью и лаской заставлял рабочих трудиться более усердно.

Под надзором отца Иннокентия, из него выработался тихий, ласковый, терпеливый от юности подвижник, вполне подходящий на послушание гостинника, которое потом отец Евгений занял и до самой смерти исполнял с любовью.

Казалось отец Евгений вырос на этом послушании, сроднился с ним и был незаменим.

Евгений всегда ожидал гостей: к приезду лошадей с поезда у него все было приготовлено. Он без требования немедленно подавал закуску и чай, разве спросит, что угодно вперед подать. Отец Евгений знал все требования интеллигентов и делал множество услуг, которые имеют большое значение для приезжего. Иногда между гостями находились любители поговорить и в отце Евгении находили покорного слушателя не потому, что гостинник сам любил поговорить, но потому, что невниманием своим он не хотел оскорбить гостя.

Вообще молодому подвижнику не приходилось много спать, всего 3—4 часа в сутки. Кроме многосложных обязанностей, требующих его присутствия в разных местах, о. Евгений старался, по возможности, сам встретить всякого приезжего из обители, своего ли брата или постороннего, а в полночь отправить его на станцию железной дороги, для чего надобно было распорядиться кучерами, лошадьми и т.д. Конечно, многое можно было поручить другим, но он все сам хотел видеть, чтобы не было где какой неисправности.

Зная, как пагубно придаваться нерадению и уступать требованиям бренного естества, всегда ищущего покоя, неги, удовольствия от сластей и страстей, мудрый монах соблюдал во всем воздержание. Других угощал, а сам вкушал очень мало. Он сам подавал на стол, потом садился кушать, кушал медленно, иногда только показывал вид, что кушал, вскоре снова уходил, и этим утаивал свой подвиг воздержания.

Избегая славы, отец Евгений часто скрывал свое имя. Был такой случай. Приехали две монахини и о. Евгения спрашивали об отце Евгении, к которому им советовали обратиться по приезде на мельницы. Отец Евгений пригласил монахинь в гостиный дом, предложил чай и потом обед. На вопросы об о. Евгении, говорил: он занят, да мы и без него обойдемся. Наконец, монахини уезжают и в присутствии одного послушника просят увидеть о. Евгения. Услышав это, послушник не вытерпел и сказал: "Да вы говорите с о. Евгением и о нем же спрашиваете?" Монахини начали благодарить доброго гостинника за радушный прием.

В подчинении о. Евгения было несколько братий, вольнонаемных кучеров, рабочих, мальчиков, и он имел поводы к неудовольствиям, но гневным его не видали. К подчиненным он относился ласково, иногда вины их брал на себя и старался все покрыть любовью. Если кто провинится, или что не так сделает, он обыкновенно, без всякого гнева, а со скорбью и сожалением говорил: "Ишь ты какой! Разве можно так делать?" За то и ему платили любовью, стараясь чем-либо не оскорбить его. Но скорбей у о. Евгения всегда было много, он их скрывал, и кто близко не знал его, тот мог думать, что у него все тихо, мирно и ничто не возмущает его душевного покоя. Содержание гостиного дома и прием гостей требовали немалых расходов, кои не всегда были желательны тем, которые наживали деньги. Отсюда причина многих неприятностей.

Однажды отца Евгения оклеветали и потребовали в монастырь. Приехав туда вечером, он много скорбел, не зная, чем дело кончится, и спать не мог. Слезная молитва немного успокоила его, и под утро он уснул. Во сне видит покойного архимандрита Иннокентия. Тот советует ему терпеливо переносить скорби, покориться воле Божией, ниспосылающей все к нашему спасению.

— Трудно, батюшка, — говорит ему Евгений, не могу перенести, помогите! Отец Иннокентий тяжело вздохнул и громко сказал: "Что с вами буду делать?" При этих словах о. Евгений проснулся. Утром клевета обнаружилась, оправданный гостинник вернулся к своему послушанию.

Свободное от послушания время молодой подвижник проводил в молитве и чтении душеполезных книг. Особенно последние три года он стал удаляться от всякой суеты, сделался серьезным, сосредоточенным. Такая перемена в нем произошла после того, как он получил хороший урок о духовной жизни от одного проезжего опытного старца. Последний — благодарный гостиннику за его любезный прием, разговорился и между прочим, спросил у о. Евгения, читает ли он Иисусову молитву?

— Читаю, батюшка.

— Как читаешь?

— Обыкновенно по четкам известное число молитв, как благословил мой старец-руководитель.

— Устами только?

— Устами.

— Всегда?

— Нет.

— Надо всегда, только тогда она нам принесет особенную пользу.

— По моему послушанию трудно, — постоянно отвлекаешься.

— Старайся, и навыкнешь, тогда ничто внешнее не будет препятствовать.

После этого разговора, опытный делатель Иисусовой молитвы долго поучал о. Евгения в том, как он должен упражняться в непрестанной молитве и трезвении ума.

Незадолго до смерти одному брату о. Евгений говорил, что по силе своей, он старается исполнять все сказанное тем старцем, а при недоумениях в творении молитвы письменно обращается к нему и имеет несколько ответов.

Для наилучшей характеристики подвижника приведем здесь воспоминания его племянника.

Тот писал: "Прежде я с отцом жил в с. Теткине, а в 1888 г., одиннадцати лет, переехал на жительство в пригородную слободку г. Путивля, близ монастырских Сеймских мельниц и тогда в первый раз увиделся с своим родным дядей по матери, монахом Евгением. Был обласкан его любовью и с тех пор до самой его смерти находился при нем: все внешкольное время летом вместе с другими мальчиками занимался в саду. В течение этих шести лет я пользовался высоким примером жизни о. Евгения и ни разу не заметил в его поступках чего-либо предосудительного. Уважая в нем не столько родного дядю, сколько истинно добродетельного человека, я без всякого преувеличения, по чистой совести, для памяти о нем могу сообщить кое-что из его жизни.

Прежде всего многих поражала неутомимость о. Евгения на послушании: он был гостинником на подворье Сеймских мельниц, поваром для приезжающих гостей и садовником. Кроме того, заведовал кучерами, скотным двором, огородом и полем. Столь многосложные обязанности почти не оставляли ему свободного времени. Утром, управившись с гостями, он шел в сад, огород или в поле. В келлию заходил лишь ненадолго, но и тогда я всегда заставал его или сидящим с

четками в руках и творящим Иисусову молитву, или же за душеполезной книгой. Заботы многотрудного послушания не отвлекали отца Евгения от обязанности инока: он рано утром или поздно вечером исполнял свое монашеское келейное правило. Видя его постоянно бодрствующим даже ночью (ибо отправление лошадей на станцию всегда было в полночь), я спрашивал дядю: "Когда вы спите?" Он, обыкновенно, отвечал: "Мы-то спим, а враг наш бодрствует".

Кроткое слово отца Евгения, его снисходительность ко всем, братская любовь и железное терпение везде приносили благословение Божие и успех в деле.

Первым помощником из братий отцу Евгению назначен был послушник Потапий. Он обязан был варить обед и ужин для приезжающих гостей и, по монастырскому обычаю, каждый день утром приходил к о. Евгению испрашивать благословения — что варить? Не зная, сколько будет обедающих, потому что часто неожиданно приезжали братия и посторонние, отец Евгений отвечал: не знаю. Немного спустя, Потапий снова спрашивал и получал тот же ответ. "Когда же все приготовить? — недоумевал помощник Евгения и сильно возмущался, что не управится с предстоящим делом. Незадолго до обеда отец Евгений сам приходил на кухню и указывал, что приготовить, а смущенному Потапию говорил: "Делай с упованием на Бога и управишься". Так и случалось: пища всегда уваривалась к обеду (для которого не было точно определенного времени и в случае неуправки можно подать позднее).

Все козни врага спасения, возбуждавшего несогласие между подчиненными о. Евгения и иногда посторонними, разрушались смирением и младенческою кротостью "молодого монаха", как называли о. Евгения мирские. Так, однажды, скот крестьян слободки Сеймских мельниц зашел в монастырский огород и причинил вред. Увидав это, рабочие загнали скотину во двор. Через час от общества пришел уполномоченный Иван М-ко, встретил о. Евгения страшной бранью и хотел ударить в лицо. Отец Евгений смиренно поклонился ругателю и сказал: "Прости, брат, — я виноват", и велел выпустить скотину. М-ко поражен был поступком о. Евгения, пал на колени и со слезами просил прощения. Незлобивый монах простил его и сказал несколько слов на душевную пользу. С тех пор несколько лет, до самой смерти о. Евгения, этот крестьянин приходил за советом к "молодому монаху". Такова сила смирения, — она и врагов делает друзьями.

Благотворное влияние о. Евгения особенно выразилось на нравственности мальчиков, смежных с монастырским владением слобод: Сеймской и Пригородной. Мальчиков было 15—25. В летнее время, по указанию о. Евгения, они обрабатывали сад и огород, а зимой приходили к доброму батюшке просить почитать книжек. Отец Евгений удовлетворял их просьбы, а иногда дарил им малые книжки и листки. Ласковое обращение, слово, сказанное на пользу, и высокий пример жизни о. Евгения укореняли в детях страх Божий, устраняли все нехорошее и исправляли непокорных, шаловливых мальчиков. Достаточно было побыть у Евгения хоть один день, чтобы сделаться покорным на всякое дело.

Вот почему некоторые из родителей приходили к о. Евгению и благодарили его за исправление своих малолетних сыновей, да и те, придя в возраст, вспоминали молодого монаха.

Впрочем, не за одно это сохраняется добрая память об о. Евгении. Он, чем мог, служил на пользу ближним: приходящим и просящим помогал добрым советом, больным, кроме того, давал разные простые средства, хотя сам лекарствами никогда не лечился.

С верой принимающие советы и лекарства получали желаемый успех и также приходили с благодарностью.

В числе добродетелей молодого монаха была его нестяжательность. В белье и одежде у него не было ничего лишнего; одежду носил скромную. Если к этому прибавить несколько малых простых икон и несколько книг, то мы составим полное понятие об имуществе отца Евгения. О нем он не заботился, не прилагал сердца. Когда перед смертью его просили распорядиться собственными вещами, он сказал: "У меня ничего нет".

За три года до смерти тяжелая чахотка стала подтачивать и без того слабый организм отца Евгения. Но, сколько было возможности, Евгений продолжал свое послушание, никому не жаловался на болезнь, переносил ее терпеливо, лежать не любил.

В сентябре 1893 года он вынужден был поступить в монастырскую больницу. Там надоело ему быть без дела и, далеко не поправившись, он через месяц выписался. Заботы и скорби послушания усилили болезнь: на Фоминой неделе следующего года он слег в постель, отправлен в монастырь и, по принятии в больницу, особорован. Дни его были сочтены. Он таял, как свеча. Последние три дня каждый день причащался Святых Таин. Когда 12 мая у него началась агония, смотритель больницы громко сказал ему над ухом: "Отец Евгений, как же вы умираете без причастия?!" И что же? Агония прекратилась, умирающий открыл глаза, пришел в чувство и просил причастить. Братский духовник в Таинстве Св. Евхаристии соединил его со Христом Богом и прочитал отходную, в конце которой, в 8 часов утра, праведная душа отца Евгения тихо отлетела в небеса. Многие из братий, видя или слыша о блаженной кончине отца Евгения, не усомнились назвать его святым человеком. Все сожалели о его ранней смерти, подчиненные почившего плакали.

На могильном кресте подвижника надпись говорит: "Под сим крестом погребен монах Евгений, в мире Евмений Бобров, скончавшийся смертью праведника 12 мая 1894 года на 33 году от роду. Он с полным усердием и любовью к ближним послужил обители десять лет".

Отец N. долго не мирствовал на о. Евгения, но никак не ожидал его скорой кончины. Разлука, без должного примирения, терзала его сердце.

Благородный незлобием сердца и благосклонный к скорбям ближних, отец Евгений явился ему во сне. N. обрадовался и сказал: "Я скорблю, что с тобою не простился". Явившийся отвечал: "Вот потому я и пришел к вам". С этими словами Евгений пал в ноги отцу N, а тот ему. "С тех пор, — говорил отец N, — скорбь моя прошла, и я обрел душевный мир".

Примечания

[1] Теперь Ворожба-Зерново (Так в оригинале. — *Примеч. издат.*)

Литература

Монах Евгений Глинский. (Память 12 мая) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 78—86.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. с. 10.

Монах Евгений // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 46. То же. Одесса, 1904. С. 46. То же. Курск, 1912. С. 40.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля, монашествующих и послушников Глинской Богородицкой общежительной пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 64 об.

"*Послушник на временном испытании Евмений Бобров, крестьянин Черниговской губернии, 27 лет, холост. Жительствует в Глинской пустыни по паспорту, выданному из Романовского Волостного Правления от 14 августа 1895 года за № 84. Поступил в Глинскую пустынь в 1884 году. Послушание проходит при гостинице*".

Сводный послужной список настоятеля, монахов и послушников Глинской Богородицкой и Путивльской Молчанской Софрониевой пустыней за 1892 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 109, л. 44 об. — 45.

"*Монах Евгений (светское имя Евмений Бобров), 31 год, женат не был. Читать и писать может. Из временно-обязанных крестьян Мглинского уезда, Черниговской губернии. По поступлении в Глинскую пустынь проходил разные общежительные послушания с 1884 года. В монашество пострижен 15 августа 1892 года в Глинской пустыни. Ныне послушание проходит при Сеймских водяных мельницах. Судим и штрафован не был. Качеств хороших и усерден*".

ИЕРОСХИМОНАХ ИЛИОДОР (†1895)

(Память 9 апреля ст. ст. / 24 апреля нов. ст.)

Цит. по:
Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 475—480; 1895. 24—25. С. 481—497; № 26. С. 498—503; № 27—28. С. 504—517; № 29. С. 518—525.

9 апреля 1895 года, в Фомино воскресенье, в Глинской пустыни после долгой и тяжкой болезни тихо и мирно почил о Господе иеросхимонах Илиодор на 72-м году жизни.

Уроженец Курской губернии, отец Илиодор в мире назывался Никитой Захаровым. В 1854 году он, движимый ревностью о спасении своей души, в двадцатисемилетнем возрасте, поступил в Глинскую обитель под духовное водительство приснопамятного старца отца Макария, который мудро вел ученика своего по скорбному и тесному иноческому пути, воспитывая в нем терпение, смирение и страх Божий. Брату Никите старец постоянно внушал, что без смирения, основания всех добродетелей, никто не может наследовать Царствие Небесное, ибо *Господь взирает токмо на кроткого и смиренного и трепещущего словес Его* (Ис. 66, 2) и что, по слову Апостола Иакова, надо быть скорым на слышание (т.е. быть всегда готовым к исполнению заповеданного нам), но медленным на слова и на гнев, который не творит правды Божией (Иак. 1, 19—20). Внушая ученику своему добродетели смирения и послушания, о. Макарий требовал неуклонного исполнения их на деле, а потому брату Никите пришлось немало потрудиться в борьбе с врагом спасения и соблазнами мира и плоти, хотя по своему тихому и скромному характеру, он, как бы от самого рождения призван был к иночеству; так, по крайней мере, отзывался о нем о. Макарий. Стараясь по силе возможности исполнить все спасительные наставления великого старца, брат Никита усердно нес монастырское послушание, не ожидая ни послаблений, ни поощрений; единым на потребу души его было искать Царствия Божия и правды его. С целью избежать самоволия он во всех делах своих обращался к старцу. Когда по слабости человеческой в чем-либо сознавал себя виновным, то без всякого оправдания, смиренно просил прощения, готовый понести налагаемую эпитимию. Любимому батюшке отцу Макарию брат Никита охотно открывал свою душу и все помыслы свои. Но врагу спасения неприятно было такое общение ученика со старцем, и он внушил брату Никите оставить Глинскую пустынь и скрыть это намерение от старца; но прозорливый старец сам узнал о нем. Однажды о. Макарий позвал брата Никиту к себе и сказал: "Зачем в другую обитель, живи здесь, тебе тут место указано". Пораженный прозорливостью старца, Никита остался в Глинской пустыни. В другой раз брат Никита испытал на себе дар целения о. Макария: "У меня, — рассказывал впоследствии брат Никита, будучи уже иеромонахом, — в течение нескольких дней болела голова, думал пройдет и старался превозмочь боль. Изнемогая от боли, я вышел на двор, думая получить облегчение, слышу зовет меня о. Макарий. Подхожу к нему, беру благословение. Старец сам спросил у

меня: "Болит голова? Что же ты молчишь?" С этими словами он перекрестил голову, и боль прошла. Такими действиями (прозрения и целения) отец Макарий более всего заставлял своих учеников верить в спасительность его духовного руководства.

Кроме смирения и послушания, о. Макарий, сам прошедший многотрудный иноческий искус, воспитывал в брате Никите терпение ради обетованных будущих благ. "Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие", — говорил он ученику словами Священного Писания (Деян. 14, 22) и этим старался устранить вредное в спасении самосожаление. В твердой уверенности, что все совершающееся происходит по всеблагой воле Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего: "*Без Мене не можете творити ничесоже*" (Ин. 15, 5), ревностный послушник Никита благодушно переносил все скорби и огорчения, стараясь скрыть от сотоварищей все трудное и неприятное. "Зачем еще и других печалить своими скорбями, у каждого их довольно". Так учил его поступать о. Макарий. Но выше терпения, выше всех добродетелей, богомудрый старец ставил молитву, через которую можно испросить себе у Бога всякие дары божественной благодати. "*Живущие по плоти плотское мудрствуют и Богу угодити не могут*" (Рим. 8, 8, 9) они и желают противного духу (Гал. 5, 17); "*дух животворит, плоть не пользует нимало*" (Ин. 6, 64), поэтому, кто хочет жить по духу, должен пребывать непрестанно в молитве: *непрестанно молитеся, всегда благодарите*, — говорит апостол. Отец Макарий от брата Никиты настойчиво требовал творения непрестанной молитвы и как только, бывало, увидит его, всегда спрашивает: "А как молитва"? и расспросив его, давал подробное указание на будущее время, при этом старец пояснял, что о. игумен Филарет, а также игумен Евстратий всегда справлялись у послушников, творят ли они Иисусову молитву, особенно когда ничем не заняты, идут дорогой и т.д. Кроме этих кратких наставлений, о. Макарий давал своему ученику и более подробные поучения о непрестанной Иисусовой молитве, поставляя усвоение ее конечной целью иночества. Для доказательства этого старец указывал Никите на слово о трезвении и молитве св. Исихия, пресвитера Иерусалимского из Добротолюбия (3 том). Кто подвизается внутри каждое мгновенье, тому необходимо смирение для брани с гордыми демонами, дабы всегда иметь помощь Христову. Господь ненавидит гордых. Надо иметь внимание, чтобы быть чистым от всяких помыслов, кроме непрестанной молитвы. Кто не имеет чистой молитвы, во внутреннейших сокровенностях души, дабы призыванием Господа Иисуса Христа незримо был бичуем враг, тот не имеет оружия на брань, потому что на себя надеющийся, а не на Бога, падает падением ужасным. Пребывая в общежитии, мы должны самоохотным изволением отсекать всякую свою волю перед настоятелем, дабы быть самопроизвольными безвольниками. Также надлежит ухитряться избегать возмущения раздражительностью, не допускать неразумных движений гнева, бегать безосторожной вольности в обращении с другими и уклоняться от бесед. Кто отрекся от страстных помыслов, тот сделал монахом внутреннего человека. Смирение освобождает от душевных страстей, а злострадания (подвижнические лишения) освобождают от страстей телесных. Телесные подвиги уменьшают похоть тела, но они вполне не охраняют от мысленных грехов. Сердечная чистота отсекает всякое зло, вводит в сердце радость,

благонадеяние, сокрушение, плач, слезы, познание самих себя и грехов, памятование о смерти, истинное смирение, безмерную любовь к Богу и людям и сердечное божественное рачение. Если о Господе не по видимости хочешь быть монахом благим, кротким, соединенным всегда с Богом, то старайся проходить добродетель внимания, которая состоит в охранении ума и в установлении сердечного безмолвия. Наука наук и искусство искусств состоит в умении управляться со зловредными помыслами.

Без призывания Иисуса Христа невозможно прогнать прилога лукавого. Тот истинный монах, кто держит трезвение. Плоть — коварный друг — будучи довольствуема, поднимает сильную брань, поэтому враждуй против тела и воюй против чрева. Когда тело в чем-либо прегрешит, бичами бить его надобно до ран[1]. Внимая сим словам святого Исихия из уст своего великого старца, брат Никита хорошо понял, что для делателя Иисусовой молитвы необходимо иметь: 1) уединение с постоянным безмолвием и охранением ума от всяких посторонних мыслей; 2) отсечение своей воли, с безусловным послушанием настоятелю; 3) истинное смирение, с безгневием, чуждым всякой раздражительности; 4) воздержание в пище и питии и 5) изнурение тела. Все эти добродетели по силе своей он старался стяжать под руководством о. Макария, а потом под руководством иеромонаха Гурия и схиархимандрита Илиодора, в честь которого был наречен в схиме Илиодором.

Восемь лет брат Никита проходил трудные послушания в полном повиновении старцу и старшим и, по достаточном утверждении в благодушном перенесении скорбей, в труде, посте и молитве, признан был достойным принять иноческие обеты. Перед постригом в мантию о. Макарий посоветовал Никите избрать себе старца — смиренного иеромонаха отца Гурия, ризничего, который и принял от Святого Евангелия брата Никиту, получившего при постриге в монаха имя Иероним <...> К кроткому старцу поступил о. Иероним при постриге и конечно немало поучился у него словом и примером, но и о. Макарий не оставлял его своими советами.

Через три года после пострижения о. игумен Иоасаф имел намерение представить о. Иеронима к посвящению в сан иеродиакона. Но о. Иероним, сознавая себя недостойным и малоподготовленным к священному сану, отклонял предложение настоятеля, но этого отказа не одобрил старец: "Не следует противиться воле Божией", — сказал он. Вскоре после этого с о. Иеронимом был такой случай. Однажды он, утомленный дневными трудами, читал в келлии правило и задремал; горевшая церковная свеча упала с подсвечника и зажгла угольник, на котором стояли иконы, вспыхнувшее пламя заставило очнуться подвижника и потушить огонь. После этого случая о. Иероним согласился принять сан иеродиакона и был посвящен в 1861 году. Опасения о. Иеронима относительно малоподготовленности отчасти оправдались; ему очень трудно было освоиться с богослужением. "Кому доставалось легко, а мне трудно", — говорил о себе о. Иероним. Однако, несмотря на это, во уважение к его высокой иноческой жизни, через три года, он возведен был в сан иеромонаха. В этом сане о. Иероним свободнее мог посвятить себя любимому уединению. Непрестанная молитва, особенно молитва Иисусова, была обычным его келейным занятием.

Для достижения любимого уединения, он, следуя примеру Арсения Великого, всех избегал, хотя и всех любил. В своей келлии редко кого принимал и сам ни к кому не ходил, кроме послушания, церкви, братской трапезы, а также настоятеля, старца, духовника, а впоследствии и своего ученика; на опыте познал он, как много пользы приносит иноку безмолвие, уклонение от всяких пустых бесед и развлечения. Безмолвие созидает дух, развлечение — разоряет. По словам Варсонофия Великого, молчание более богословствования достойно удивления и славы (36-й ответ). Впоследствии о. Иероним и других наставлял быть молчаливыми и нередко в своем присутствии прекращал пустословие наставлением памятовать о молитве, помнить свое дело и избегать празднословия и пустословия. Верный обету нестяжания, о. Иероним в своей келлии ничего не имел лишнего. Все у него было самое простое, крайне необходимое, — даже иконы в его келлии были без всяких украшений, в самых простых киотах. Внешний вид келлии его не занимал, и неудобства не беспокоили; для него, казалось, все было удобным.

Келейное правило о. Иеронима постепенно увеличивалось, по мере духовного его преуспеяния. Последнее правило его было такое:[2] 2 главы Евангелия, глава апостольских посланий; 3 кафизмы, покаянный канон, 150 земных поклонов с молитвой Иисусовой, столько же поклонов с молитвой Богородице. Когда в церкви не полагалось земных поклонов, о. Иероним клал поясные поклоны; но кроме того он имел в правиле 33 земных поклона в память 33-летней земной жизни Спасителя и молитву Св. Ефрема Сирина "Господи и Владыка" с земными поклонами. Эти всегдашние земные поклоны он не делал только в неделю св. Пасхи[3]. Иногда старец находил еще время вычитывать какой-либо канон или акафист, не говоря о том, что, как служащий иеромонах, он вычитывал в келлии все положенные каноны и молитвы, если их не приходилось выслушивать в церкви. Иисусова молитва положена была ему во всякое время. Молитва умом в сердце совершалась у него сама собой, хотя бы он занимался чем либо другим. Один из отцов спросил его во время болезни: "Как себя чувствуете, батюшка?" — "Слава Богу, молитва меня утешает, так было бы скучно". Но не к одной уединенной молитве усерден был о. Иероним. Все богослужения он посещал аккуратно и неопустительно, всегда отправлялся в церковь по первому удару колокола. Вкушая пищу в малом количестве, отец Иероним боялся всякого выделения себя из числа прочих и потому не налагал на себя особых постов и сухоядений, но никогда не позволял ни малейшего отступления от правил церковного устава относительно постановлений о пище. Насколько он был строг к себе в этом отношении можно судить по следующему. В великий пост за несколько недель до смерти, ему, изнемогающему от болезни, поста и старости, предлагали для подкрепления сил покушать рыбы. Старец улыбнулся и спросил: "На что мне силы"? — "Да вы, батюшка, очень ослабели, умереть можете". — "И умереть хорошо, — отвечал он, — буди воля Господня, а рыбы не надо, какой же я после того иеросхимонах буду". Так о. Илиодор и не пожелал воспользоваться разрешением для больных рыбной пищи в пост.

За такую высокую жизнь о. Иероним любим был о. Макарием и схиархимандритом Илиодором. Еще в самом начале поступления о. Иеронима знаменитый Глинский подвижник старец Феодот отличил его.

Вид Глинской пустыни
с северной стороны.

Храм в честь
Успения
Пресвятой
Богородицы.
Фотографии начала XX в.

Через год после поступления к Иерониму (в то время Никите)[4] приехала мать, с которой он и встретил Феодота. "Кто это?" — "Мать". — "Дай Бог, чтобы поболее таких сыновей сюда приводили", — сказал о. Феодот.

Как иеромонах, о. Иероним наравне с другими нес череду священнослужения. Всегда исполненный благоговения и любви, он при священнодействии в высшей степени проникался страхом Божиим, что не могло укрыться от внимательного наблюдателя, хотя внешне он ничем не отличался от прочих. Чередная седмица для отца Иеронима была особенно трудна. Будучи уже иеромонахом, он все еще не мог отрешиться от робости и боязни. В напряженном состоянии ему, как и всем, приходилось священнодействовать от 7 до 10 часов в сутки, смотря по тому какой день: простой или праздничный. Кроме того, седмичный иеромонах обязан быть на братском обеде и ужине, вычитывать в келлии положенные молитвы, выполнять старческое правило и проч. Для сна почти не оставалось времени, все было занято послушанием и молитвой, а если оставалось свободное время, благоговейный иеромонах, каким был о. Иероним, от утрени до литургии и по принятии Святых Таин до вечера, вряд ли решался спать. Таким образом у такого иеромонаха вся неделя, можно сказать, состояла в непрерывном бодрствовании. Отец Иероним, как истинный труженик на пути спасения, многократно изнемогал в молитвенном подвиге, но не оставлял положенного правила, от этого здоровье его постепенно слабело, так что лет пятнадцать тому назад (т. е. около 1880 г. — *Примеч. издат.*) он был освобожден от чреды, но почти всегда участвовал в соборных богослужениях и молебнах, а также на общем Елеосвящении в великий четверг. Отец Иннокентий много раз желал избрать о. Иеронима на какую-либо должность, но последний, ежедневно молящийся Господу и Владыке не дать ему духа любоначалия, по своему истинному смирению, долго отказывался от предлагаемой чести и только в 1877 г., уступая настоянию о. игумена Иннокентия, о. Иероним согласился взять на себя должность ризничего и вместе с тем звание соборного старца.

Всегда благодушный и снисходительный, о. Иероним в должности ризничего потерпел немало скорбей. Тут требовалось отвечать и за себя и за других; ему трудно было кому-либо сказать обидное слово, а иногда по необходимости приходилось делать напоминания подчиненным; но эти напоминания его были в самых безобидных словах. Если же упущение было серьезнее, то он старался выговорить без всякого гнева, в голосе его слышалось скорее сожаление любящего отца о проступке сына, чем гнев начальника; казалось о. Иероним не способен был гневаться.

Кроткий, благодушный, молчаливый и ласковый, отец Иероним всех любил, всем желал мира, всех утешал или поддерживал в скорбях, когда кто к нему обращался. Сам он по-видимому всегда благодушествовал. От него никто никогда не слышал ни слова ропота на тягость послушания. Видя такое благорасположение к всем и благодушие, братия питала к нему любовь и уважение. Многие просили о. Иеронима взять их под свое руководство, но кротость и смирение заставляли о. Иеронима отказываться от руководительства другими, и он отказывался[5]. Только одного ученика он взял к себе и то по особому желанию отца игумена Иннокентия (потом архимандрита). "Прими этого ученика, — говорил о.

игумен о. Иерониму, — этот ученик тебе пригодится". И он, действительно пригодился старцу: во время болезни его много успокаивал его, ухаживал за ним и вычитывал ему правило, молитвы, часы, полунощницу. "Вот когда ты мне пригодился", — вспомнил старец слова отца Иннокентия, когда ученик с любовью служил ему во время болезни.

Избегая человеческой славы, о. Иероним тщательно скрывал свои подвиги, но "*ничтоже бо есть покровенно, еже не откроется*" (Мф. 10, 26) говорит Господь, прославляющий Его прославляющих. Тайное делание о. Иеронима не укрылось от хотящих поучиться его добродетелям. Один священноинок рассказал нам, что несколько лет тому назад, когда он был еще монахом, от невыносимых скорбей решился он писать Оптинскому старцу Амвросию о принятии его к себе в скит; сел писать, но не мог. В это время входит к нему о. Иероним. "Что делаешь?" — спросил он монаха. Тот рассказал все подробно. Выслушав его, добрый старец посоветовал, объяснить свои скорби настоятелю, а не уходить из обители. "По уходе старца, сердце мое успокоилось и я не ходил к настоятелю, — говорил священноинок, — но по молитвам батюшки, безвыходное мое положение на послушании изменилось, скорби прошли; в молитвы старца я всегда верил"[6].

Утруждаемый болезнью и годами, о. Иероним в 1893 году вынужден был отказаться от должности ризничего и уволен по принятии схимы, которую он принял с именем Илиодора. После принятия великого ангельского образа иеросхимонах Илиодор несколько поправился, стал снова ходить к литургии, но по всему видно было, что силы его постепенно оставляли: жизнь его таяла, как свеча. Порок сердца у о. Илиодора был давно, лет 20, от него затрудняло дыхание и старец не мог спать лежа, поэтому, а также и ради подвига, он не ложился в постель; сидя одетый в кресле, он ненадолго успокаивался от понесенных подвигов и с первым ударом колокола спешил идти в храм в полночь на утреннее славословие Господа. Только в последнее время, когда болезнь о. Илиодора усилилась, он на малое время ложился на кровать, но за 6 месяцев до смерти снова перешел в кресло и уже не вставал с него. Однажды ему сказали: "Батюшка, вы бы легли, ведь так сидеть трудно". Старец ответил: "Трудно, кто не привык, а мне ничего". За месяц до смерти старца, желая продлить жизнь подвижника и пользоваться его мудрыми советами, отец настоятель благословил братии келейно усилить молитвы несколькими поклонами, и он прожил Светлую седмицу, хотя духом давно стремился скорее разрешиться от бренной плоти и "*со Христом быти*" (Фил. 1, 21). Эти дни страданий больного, конечно, еще более предочистили смиренную душу почившего для славы в лике преподобных. Может быть для той же славы Господу угодно было перед самой кончиной усилить болезнь о. Илиодора. У него образовалась водянка со всеми обычными жестокими страданиями, сопровождающими эту болезнь. Но всегда покорный воле Божией, о. Илиодор все переносил без ропота, без стона и жалобы. Стоя на пороге в жизнь вечную, он благодушно ждал приближения смерти. В нем отрадно было видеть верующего добродетельного инока, у которого все упование было в Боге. В этом случае о. Илиодор вполне мог повторить апостольские слова: "Мы не унываем, если нынешний наш человек (тело) и тлеет, за то внутренний (душа) со дня на день обновляется. Ибо кратковременное (легкое)

страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое, ибо видимое временно, а невидимое вечно" (2 Кор. 4, 16—18). Готовясь к исходу в иной лучший мир, старец все время своей болезни часто приобщался и соборовался, а прошедший великий пост принимал Святые Таины почти ежедневно, на пасхе через день. Строгая жизнь и такое приготовление к смерти о. Илиодора открыли ему духовные очи: день кончины он предчувствовал; в пятницу на святой неделе он сказал: "Через два дня меня не будет", и слова его исполнились. Эти два дня больной был как бы в забытьи. 9 апреля рано утром старец причастился в полном сознании и после этого не открывал уст своих для земного слова; кажется, ничто внешнее не касалось его, только по дыханию видно было о присутствии души в теле, которая в эти часы может быть взирала на лучший мир вечного покоя и блаженства, а мы с некоторыми из братий смотрели на умирающего и молились за него Богу. В 9 часов 25 минут вечера 9 апреля он тихо скончался. Несколько более сильных вздохов прекратили его многотрудную жизнь за земле. Как-то не верилось в смерть старца. Сейчас был живой, и вдруг не стало?! Тут только вполне почувствуешь необходимость веры, она дает упование, что праведник, особенно напутствованный всеми христианскими Таинствами в жизнь вечную, "*жив будет во веки и в Господе мзда его*" (Прем. 5, 15), ибо как Таинство Причащения приемлется во оставление грехов и в жизнь вечную, так таинство Святого Елеосвящения, по учению св. Апостола Иакова, "молитвою веры спасает болящего, грехи отпускаются ему".

Без этого упования веры, жизнь наша не имела бы цели. Грустно становится за тех, кто верой не может проницать далее видимого вещественного. Человек яко трава, яко цвет сельный, дух пройде в нем и не будет на земле, но будет вечно в иной загробной жизни. Что сие таинство? Воистину таинство великое: взятое от земли в землю отходит, а дух вдохнутый Богом в тело, созданное "из персти", возвращается к своему Создателю. Итак, не стало старца, земной путь пройден им в угождении Богу. Благо ему, он с апостолом Павлом может сказать: "*Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдах. Прочее убо (а теперь) соблюдается (готовится) мне венец правды, его же воздаст ми Господь*" (2 Тим. 4, 7—8). Если неправедный судья бедную вдову защитил от соперника, то мы тем более верим, что Господь, Всеправедный Судия, пошлет ангелов своих защитить на мытарствах от духов злобы душу о. Илиодора, ту душу, которая в молитве Иисусовой вопияла Ему о помиловании день и ночь (Лук. 18, 3—7). Об исходе этой души из тела братии возвещено было тремя редкими удара большого колокола, при гробе установлена чреда священноиноков для чтения Святого Евангелия, через три часа отслужена заупокойная утреня. Утром 10 апреля после литургии была соборная панихида, вечером бдение; гроб вынесен в церковь. В день погребения 11 апреля заупокойную литургию совершали соборне, на отпевание вышли: отец настоятель, 6 иеромонахов и 3 иеродиакона. Несмотря на простой день, когда все были по послушаниям, любовь собрала ко гробу старца многих братий. Торжественное отпевание производило сильное впечатление, напоминая каждому о его смертном часе. Перед прощанием, по благословению о. игумена, одним из братий произнесено трогательное слово. Слово это, сказанное перед гробом

подвижника, было поучительно для братий, как по окружающей печально священной обстановке, так и по содержанию; у некоторых оно вызвало слезы и несомненно останется надолго в памяти. Память о смерти, по учению святых отцов, особенно нужна монахам, она предохраняет от греха. "*Помяни последняя твоя и во веки не согрешиши*", говорит премудрый (Сир. 7, 39). И потому не бесполезно для живых присутствовать при погребении умерших; так и умершим бесспорно полезна молитва живых. По прощании, тело покойного при колокольном звоне, пении "Святый Боже" и частых остановках для литии с чтением Евангелия принесли к вечному упокоению близ церкви ближнего скита недалеко от могилы иеросхимонаха Макария. Так желал и убедительно просил отца игумена о. Илиодор, взяв с него слово, хотя по благословению милостивого архипастыря, о. настоятель предлагал о. Илиодору похоронить его в усыпальнице, где погребены архимандриты Илиодор и Иннокентий.

Вот гроб опустили в могилу, возглашена лития и еще пропета "Вечная память!" Хорошо, когда почивший оставляет по себе память добрых дел, но на сем свете что вечно? Добрые дела бессмертны на небе, только там все вечно. Святая Церковь о такой вечной памяти молится за усопших, желая им упокоения со святыми. Эту мысль она ясно выражает в погребальных своих молитвах и песнопениях, которые перед духовным взором верующего как бы открывают двери загробного мира, куда провожаем душу "усопшего" или уснувшего, чтобы за гранью видимого, она, освободившись от тяжести бренного тела, могла насладиться вечным покоем обещанного Царствия Небесного. Там более земного, "*в память вечную будет праведник*" (Пс. 111, 6), ибо "*для вечности Бог создал человека, а не для тления; его Он сделал образом вечного бытия Своего*" (Прем. 2, 23). Туда к своему Создателю и Спасителю стремилась всегда душа почившего иеросхимонаха Илиодора. Да почивает же она со святыми в селениях преподобных. Мир тебе и вечная память, назабвенный подвижник, показавший пример иноческих добродетелей!

Примечания

[1] Слово св. Исихия о трезвении и молитве. Об этом св. отцами написаны многие книги (Добротолюбие), но, к сожалению, немногие знают о них и еще менее, кто их читает.

[2] Правило это, как полагаем, дано было ему старцем с принятием сана иеродиакона и более не увеличивалось.

[3] По словам почившего старца, такое же правило было у иеросхимонаха Макария, Мартирия и др. подвижников; первоначально исходило оно от игумена Филарета.

[4] Это было в 1856 г.

[5] Глинский подвижник схимонах Архипп говорил: "...Наш игумен (Иннокентий — *А.И.*) идет открытым прямым путем; ...о. Иероним идет закрытым путем смирения..." (Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 19). — *А.И.*

[6] "В молитвы о. Иеронима верил сам настоятель архимандрит Иннокентий. Он часто советовался с ризничим, просил его молитв и при поездках на братские послушания вне обители брал его с собой и дорогой беседовал о сокровенном молитвенном богообщении" (Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 111). — *А.И.*

Литература

Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор. (Память 9 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 110—112; 115.

Старец Глинской пустыни иеросхимонах Илиодор // Курские епархиальные ведомости. 1895. № 23. С. 475—480; 1895. 24—25. С. 481—497; № 26. С. 498—503; № 27—28. С. 504—517; № 29. С. 518—525.

Марк (Лозинский), игумен, проф. Московской Духовной Академии. Отечник проповедника. (Практическое пособие для студентов. 1221 пример из Пролога и Патериков). Загорск (ныне — Сергиев Посад). Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 106—107. № 161: "Глинский иеросхимонах Илиодор, будучи болен, отказался покушать рыбы".

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 19.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 36—37.

"Почтенный старец иеросхимонах Илиодор, бывший в должности помощника ризничего более 30 лет видел много чудес, совершавшихся от Чудотворной иконы Рождества Богородицы, и в 1890 г. передал (сведения об этих чудесах. — *А.И.*) о. настоятелю, а он благословил записать 2 исцеления".

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. 132.

Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, отд. V. С. 157.

Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Курск, б. г. С. 57.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий (Собрал игумен Иассон). Курск, 1910. С. 31.

Краткое описание жизни и подвигов старца Глинской пустыни иеросхимонаха Макария. Одесса, 1901. С. 11.

Явление помощи и заступления Пресвятой Владычицы Богородицы во время пожарного бедствия в Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 10. С. 156.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 5 об.—6.

"*Иеромонах Иероним (светское имя его было Никита Захаров), 61 год, женат не был. Учился читать и писать. Из государственных крестьян Курского уезда. Пострижен в монашество 20 сентября 1858 года настоятелем иеромонахом Иоасафом.*

До производства во священнослужителя проходил общежительные послушания в Глинской пустыни с 1850 г. Рукоположен во иеродиакона в 1861 г., февр. 28-го; во иеромонаха — в 1864 г. сент. 4-го. Определен ризничим сей пустыни в 1877 г. апр. 13-го. За усердное прохождение послушания и честное поведение награжден набедренником в 1880 г. мая 29-го.

Ныне проходит должность ризничего и чредное священнослужение.

Качеств очень хороших. К послушаниям усерден".

Сводный послужной список настоятеля, монахов и послушников Глинской Богородицкой и Путивльской Молчанской Софрониевой пустыней за 1892 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 109, л. 5 об.—6.

(Текст этого документа дословно повторяет послужной список о. Иеронима за 1885 год, за исключением того, что возраст его указан 68 лет).

О назначении иеромонаха Исаии настоятелем Глинской пустыни с возведением в сан игумена // ЦГИА, ф. 796. оп. 169, д. 185, л. 5.

СХИМОНАХ ПАНТЕЛЕИМОН (†1895)

(Память 13 декабря ст. ст. / 26 декабря нов. ст.)

Цит. по:
Глинский подвижник схимонах Пантелеимон // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Декабрь. М., 1910. С. 239—243.

Схимонах Пантелеимон, в миру Максим Криущенко, происходил из крепостных крестьян Черниговской губернии. Под руководством родителей и особенно благочестивой бабушки, воспитан был в страхе Божием и рос кротким, тихим мальчиком. Бабушка не раз говорила ему: "Ты, Максим, монахом будешь". Братья так и прозвали его монахом; через несколько десятков лет он, действительно, сделался монахом.

Ребенком Максим упал в речку. Прошло немало времени, пока рабочие вынули его из воды, но мальчик чудесно сохранился невредимым. Другой раз Максим и брат его Феодор ночью, карауля барский овин, уснули. Во время сна овин загорелся. Первым проснулся Максим, разбудил брата и выскочил, но, не видя Феодора, снова вбежал в овин и вытащил перепуганного брата. После этого сейчас же обрушилась горящая крыша овина. "Убежим", — говорил ему Феодор. "Нет, — отвечал Максим, — если убежим, — отец с матерью помрут с горя. Скажем — мы не знаем — как овин загорелся, и нам ничего не будет". С них, действительно, не взыскали. Вспоминая прошлое, старец говаривал: "Меня всюду Господь хранил: в воде не утонул и в огне не сгорел". В школе Максим учился хорошо, и сам впоследствии учил детей грамоте; читал и пел на клиросе; отличался усердием к посещению храма Божия и хорошо знал церковный устав.

Имея сильное желание поклониться мощам Киево-Печерских угодников, Максим ни у кого не спросившись, отправился на богомолье. Дорогой все мысли его были заняты желанием скорее достигнуть цели; о последствиях самовольной отлучки ему в голову не приходило; только в Киеве вспомнил об этом. Желая помешать усердной молитве, враг спасения старался еще сильнее устрашить паломника гневом барина, представляя ему побои, розги и всякие другие неприятности. "Не возвращайся, беги от барина", — внушал ему дух злобы, но богобоязненный крестьянин не послушался злого внушения. Уповая на Бога, Царицу Небесную и святых, он решил молиться за господ, умилостивить их или вытерпеть наказание. Глубоко потрясенный торжественно-умилительным богослужением Лавры, Максим забыл все земное и в молитвах находил великое утешение. Тут более, чем когда-либо, ему пришло желание быть монахом. Вспомнил он и предсказание бабушки. С сожалением он оставил Киев. Мысль, как явиться помещику, не покидала его всю дорогу. Прибыв домой, он немедленно принес повинную. Узнав цель отлучки, добрый барин не наказал его, а благодарил за молитвы и подарки, которые состояли из просфорок и священных изображений на бумаге.

По времени, кроме Киево-Печерской Лавры, Максим посетил и другие святые места. Наконец, без всяких средств, при помощи добрых людей,

он прибыл во святой град Иерусалим и поклонился его святыням. На обратный путь у него тоже не было средств. После усердной молитвы, он от великомученика Пантелеимона получил деньги на дорогу. Когда его спрашивали, во сне или наяву ему явился святой великомученик, он отвечал: "Наяву".

После смерти матери, помимо желания, Максим должен был исполнить волю родителя и жениться. Стали рождаться дети: одни умирали, другие жили. Максим увидел себя связанным на всю жизнь, и уже не чаял быть монахом. Господь же, видя благое изволение Максима, посещал его печалями житейскими, болезнями в семействе и смертью детей. И в Максиме снова загоралась ревность угождения Богу.

В течение всей жизни, когда бывал в дороге, Максим не раз подвергался опасности, но всегда обращался с молитвой к Богу. Упование на помощь свыше не посрамлялось: Господь чудесно избавлял его от разных бед.

После смерти жены Максим выдал дочерей замуж, а сыновей женил, и, разделив имущество между детьми, поступил в Глинскую пустынь. Через несколько лет, в 1878 году, как знающий хозяйство, он был назначен смотрителем Белгородского загородного архиерейского дома, где и пострижен в монашество с именем Парамон.

До него на земле, принадлежащей архиерейскому дому, когда-то рыли колодезь, потратили много денег, а воды не достали и возили ее из слободки по 20 коп. за бочку. При покупной воде трудно вести хозяйство, и оно было запущено. Отец Парамон выбрал подходящее место и, с упованием на Бога, приступил к рытью колодца. На глубине трех аршин показалась в изобилии вода, нужная для скота, сада и огорода. Потом была вырыта сажанка и в ней разведена рыба. Все хозяйство улучшено, и доходность его увеличена.

У отца Парамона были две противоположные черты характера: в отношении себя и своих прямых обязанностей, он был вполне сметлив и благоразумен; в отношении посторонних — прост и наивен, как дитя. За простоту, добродушие и усердие он пользовался благосклонным вниманием высокопреосвященнейшего Сергия, епископа Курского († митрополита Московского). Десять лет о. Парамон пробыл в должности смотрителя архиерейского дома и, может быть, пробыл бы там более, но одно важное событие в его жизни заставило искать большего уединения для духовных подвигов. Событие это — летаргический сон, случившийся с ним в 1888 г. Отца Парамона считали уже умершим, положили в гроб и хотели хоронить. Вдруг он встал. На вопрос, что видел, — молчал, хотя не отрицал своих видений. После летаргии о. Парамон усилил пост, молитву и покаянные подвиги. Для большей наглядности о памяти смертной сделал себе дубовый гроб и перешел обратно в Глинскую пустынь, где назначен на послушание при больнице, потом читал по очереди Псалтирь по благодетелям. С 1891 года он находился при часовне ближнего скита. Это послушание ему было вполне по душе. Двери келлии выходили прямо в часовню, где подвижник совершал свои моления. Тут нередко можно было его застать поющим какую-либо священную песнь или акафист. После ранней обедни отец Парамон ежедневно читал Святое Евангелие, "Апостол" и один из акафистов.

Находясь в часовне, о. Парамон пищу вкушал дважды в сутки. По его словам, к этому он привык еще в Белгороде. "При занятиях забудешь и о

еде", — говорил он. Помня поговорку: "От того порок бежит, кто в гробу живой лежит", о. Парамон часто спал в своем гробу, а в полночь вставал и шел к утрени.

Когда, по послушанию или болезни, он не мог быть на каком-либо богослужении в обители, то келейно пел и вычитывал все положенное. Сосед его по келлии слышал как о. Парамон ночью отправлял у себя утреню.

Во время трехлетнего послушания при часовне, не раз отца Парамона обижали посторонние люди; однажды ночью, когда он шел в монастырь к утрени, на него напали злодеи. Избитый и пораненный о. Парамон пришел в храм Божий.

В 1894 году о. Парамон принял св. схиму с именем Пантелеимона и, как по старости нуждающийся в постороннем уходе, переведен в больничный корпус. С принятием схимы, старец стал исповедоваться и причащаться почти еженедельно.

Несмотря на преклонность своих лет и полное изнеможение, он до самой смерти ходил в церковь. 13 декабря 1895 года, идя от вечерни, и, предчувствуя свою смерть, он громко пел похоронное: "Святый Боже...", а в 11 часов вечера того же дня тихо скончался, имея от роду 80 лет.

Литература

Глинский подвижник схимонах Пантелеимон. (Память 13 декабря) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Декабрь. М., 1910. С. 239—243.

Архивные документы

Сводный послужной список настоятеля, монахов и послушников Глинской Богородицкой и Путивльской Молчанской Софрониевой пустыней за 1892 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 38 об—39.

"*№ 50. Монах Парамон (светское имя его было Максим Криущенко), 77 лет, вдов по 1-м браке, читать и писать может. Из крестьян Глуховского уезда Черниговской губернии. По поступлении в монастырь проходил разные послушания при Белгородском загородном архиерейском доме с 1878 г. В монашество пострижен 20 ноября 1879 года в Курском Знаменском монастыре. Перемещен в Глинскую пустынь в 1888 г. июля 1-го. Ныне послушание проходит при скитской Церкви. Судим и штрафован не был. Качеств хороших и усерден*".

МОНАХ ПИМЕН (†1895)

(Память 1 апреля ст. ст. / 14 апреля нов. ст.)

Цит. по:
Подвижники Глинской пустыни.
(Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Апрель. М., 1908. С. 10.

Монах Пимен ухаживал за больным, сам от него заразился и умер в 1895 г. Надпись на кресте его заканчивается ублажением положившего "душу свою за други своя".

Литература

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 10.

Монах Пимен // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 46; То же. Одесса, 1904. С. 46; То же. Курск, 1912. С. 40.

ПОСЛУШНИК НИКОЛАЙ (†1896)

(Память 17 июня ст. ст. / 30 июня нов. ст.)

Цит по:
Подвижники Глинской пустыни.
(Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Апрель. М., 1908. С. 11.

Блаженное послушание скоро спасет инока. Господь таких отзывает в Свои обители еще в молодых летах. Эта мысль выражена в следующей эпитафии (на его надгробии на кладбище Глинской пустыни. — *А.И.*). "Под сим крестом погребен послушник Николай Донской, на смерть удостоенный ангельского образа с именем Никифора. Он скончался после Св. Причащения 17 июня 1896 года, на 23-м году жизни. В обители подвизался два года и в сей короткий срок усердным послушанием и благочестным житием успел уготовить душу свою к блаженному переходу в вечность".

Литература

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 11.

Послушник Николай Донской // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 47; То же. Одесса, 1904. С. 46; То же. Курск, 1912. С. 40.

СХИМОНАХ АРХИПП (†1896)

(Память 27 сентября ст. ст. / 10 октября нов. ст.)

Цит по:
Жизнеописание Глинского подвижника
схимонаха Архиппа. Одесса, 1902

Великая польза и утешение рассказывающему житие святого мужа.
Епифаний Премудрый

Слава и честь и мир всякому делающему благое.
Рим. 2, 10.

Когда пересказываем жития
прославившихся благочестием,
то прежде всего Владыку прославляем
в рабах Его.
Св. Василий Великий

I

Читая жития угодников Божиих, мы невольно сознаем великую разницу между ними и нами. Но она не должна приводить нас к ложному выводу, будто теперь не те времена, не те люди и нам невозможно угодить Богу. Таким выводом оправдываются неревнующие о своем спасении, а хотящих спастись не устрашит самая великая противоположность их жизни с жизнью святых.

Напротив того, она вызовет у них сокрушение духа и молитву ко Господу и святым Его о даровании боле крепкой веры, большей преданности в волю Божию и недвоящегося упования на Промысл Всемогущего, чтобы и они слабые, при содействующей благодати Божией по силе своей могли ревновать житию святых. Ведь и святые некогда были похожи страстями на нас, также обложены плотью; однако силой воли, любовью к Богу и желанием себе спасения, превозмогли все. Бог силен и невозможное сделать возможным.

Он всем хочет спасения и только ожидает с нашей стороны желания, понуждения себя; благодать Его всегда готова нам в помощь. Все это можно видеть из предлагаемого жизнеописания отца Архиппа, еще так недавно бывшего среди живых и на себе показавшего, что при усердии ко благочестию и в настоящее время возможно достигнуть всех даров божественной благодати.

И в наши дни Бог воздвигает
Добра подвижников среди нас,
Чрез коих нам напоминает,
Что светоч веры не угас.

("Кормчий". 1893 г. № 23)

II

Схимонах Архипп в жизни своей действительно был светочем веры, какая была у древних подвижников. Так о нем говорили сподвижники, близко знавшие почившего старца[1].

Господь, знающий несодеянное, предвидел в нем особые веру и любовь и еще в рождении отличил его некоторой особенностью, которая заставила мать младенца сказать: "В жизни его (новорожденного) должно быть что-либо особенное".

При святом крещении отец Архипп наречен был Афанасием. Родиной его была пригородная слобода Ездоцкая Старооскольского уезда Курской губернии. В родной купеческой семье его называли "Афоней". Восьми лет Афоня велел отцу своему подождать продавать хлеб. Тот послушался и имел хорошую прибыль. С тех пор слова Афони в делах торговли исполнялись; не послушают — прогадают. Но помогая советом, сам он в торговле приносил только убыток: часто, оставшись один в лавке, он отпускал бедным товар без денег; жизнью своей он выделялся и в семье: хорошо не одевался, чай пил без сахара, деньги ненавидел и называл их железом, удовольствий не любил, спал без подушки, любил храм Божий и уединение. За такую жизнь немало нес оскорблений.

За три года до поступления в монастырь Афанасий перестал кушать скоромное, отрастил волосы и вообще показывал склонность к монашеству. Однажды он тайно ушел в Киев. На третий день его догнали, побили и насильно возвратили домой. Мирская жизнь ему была не мила. "Целый год меня били", — говорил сам старец[2], — и наконец сказали, толку из меня не будет".

Чтобы вынудить согласие родных на увольнение в монастырь, Афанасий четыре дня скрывался в погребе своего родственника. Старший брат искал его. "Дашь Афоне бумагу, скажу, где он", — говорил родственник. Согласие было дано, Афанасий вышел из своего заключения. На этот раз его уже не задерживали[3].

III

Так подготовленный скорбной жизнью к иночеству, 27-летний Афанасий Шестаков в 1852 году пришел в гостиницу Глинской пустыни с намерением поступить в монахи. Оттуда его вместе с несколькими другими богомольцами послали помогать на пекарню. Окончив дело, все разошлись, остался один он. "Отчего ты не идешь?" — спрашивают его. "Куда я пойду, — ответил незнакомец, — я пришел в монастырь". — "Иди к игумену", — говорят ему. "Нет, я сюда пришел служить Богу". С тех пор он остался на пекарне и исполнял самые трудные работы. Обязанностью Афанасия обыкновенно было выкладывать из дежи тесто для хлебов. Обладая большой силой, он сразу вынимал сколько требовалось теста в форму[4].

В какое бы время не позвали Афанасия и где бы он ни находился, хотя бы и в храме, он без рассуждения немедленно бежал на пекарню для исполнения послушания. Вне храма и послушания Афанасий оставался на пекарне и читал Псалтирь, которую всегда носил с собой. Случится какое дело, его сейчас же заставляют делать. Однажды старший на пекарне спросил у него про одного брата, ушедшего от дела; Афанасий, лежа на

скамейке, сказал: "Знайка лежит, а незнайка бежит", и его, как знайку, заставили работать. Афанасий рад был делать "за послушание", т.е. не самовольно, а что приказывали. Работая за себя и за других, он исполнял заповедь любви к Богу и ближнему, утруждал плоть свою, укреплялся в подвигах и становился бодрее духом. На послушание и на услугу ближнему во имя любви он смотрел как на заработок вечных благ. Не он делал одолжение своим трудом, а ему делали одолжение, когда заставляли трудиться. Это самый правильный взгляд на святое послушание.

Молча делая свое дело, смиряясь и подвергаясь уничижению, брат Афанасий мало обращал на себя внимания, а если и обращал, то как юродивый. Потому он пострижен был в мантию на 18-м году по поступлении в Глинскую пустынь, причем наречен был Архиппом.

По терпению своему о. Архипп выделялся от многих. Об этом свидетельствует даже одно то, что на послушании в пекарне он пробыл 33 года подряд. Ему несколько раз предлагали быть старшим, но любитель смирения предпочитал лучше подчиняться, чем повелевать. "Я ничего не смыслю, простите меня неразумного, — говорил он, падая в ноги, — назначьте другого". Десятками лет позже его поступившие рясофорные послушники были старшими, а он, мантийный монах, покорно повиновался им, оставаясь младшим. Лишь с принятием схимы в 1885 году он освобожден был от этого послушания и стал читать только Псалтирь по благодетелям. Чтение Псалтири по очереди он нес с 1874 года. Но и после увольнения из пекарни о. Архипп не переставал добровольно трудиться на прежнем послушании; нередко его можно было видеть ночью месящим хлебы вместе с послушниками. Когда некем было заменить отсутствующего брата, просили о. Архиппа; он беспрекословно шел на послушание в пекарню. Отец Иосиф, старший на пекарне, говорил нам: "Однажды некому было выкладывать хлеб из дежи. Пошел я к о. Архиппу и говорю ему: "Батюшка, некому хлеб выкладывать". Старец вскочил и побежал в пекарню, засучил рукава и начал выкладывать тесто с особенным усердием и силой. Все ему удивились. Окончив трудную работу, молча отдохнул и пошел в свою келлию.

В 1890 году о. Архиппа, как высокого подвижника, назначили в ближний скит для принятия посетителей, ищущих духовного совета. Для строгого аскета такое послушание было весьма тягостно, но он, привыкший во всем повиноваться, не прекословил. В скором времени о. Архиппа перевели на дальнюю монастырскую пасеку, место пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора. Там не было храма. Отцу Архиппу, привыкшему к церковным богослужениям, это было великим испытанием. Он искал также уединения, но не нашел: то братия, то посторонние приходили за советом. Отсюда о. Архипп снова переселился в ближний скит, а через два года опять в пустыньку схиархимандрита Илиодора, где был уже выстроен храм, и начал основываться Спасо-Илиодоровский скит[5]. Под руководством о. Архиппа и началась скитская жизнь Глинских иноков, потом был назначен скитоначальник — иеромонах. До января 1896 года о. Архипп оставался в скиту на покое, по болезни и старости, продолжая всегда быть примером послушания, смирения и терпения. Слово "покой" здесь разумеется только в том смысле, что старец не нес обычного монастырского послушания, но не переставал трудиться в подвигах, добродетелях и приеме посетителей. Тогда многим стал известным его дар прозрения и сила молитв.

По благословению отца настоятеля старца просили в монастырскую гостиницу и возили на монастырские хутора; он повиновался как дитя, готовый на всякое послушание. Даже видя явную опасность для своей жизни, о. Архипп не отрекался быть исполнителем воли начальников. За два года до смерти он был очень слаб. Отец настоятель думал, что ему лучше будет, когда провезет его по свежему воздуху. С этой целью он предложил о. Архиппу ехать с ним в г. Путивль. Отец Архипп не противоречил. Прощаясь с келейником, он сказал: "Может не увидимся". Поехали. На поворотах дорог лошади пять раз сами собой сворачивали назад, точно им кто заграждал дорогу. Кучер с большим усилием направлял лошадей на дорогу; проехав немного, лошади снова сворачивали. Усматривая в этом волю Божию, препятствующую поездке, отец игумен приказал вернуться в обитель. Там старец сказал настоятелю: "Ты бы меня не привез обратно живого". После этого отец Архипп в потоке слез излил Богу благодарную молитву. Был и другой случай, когда подвижник с явным вредом для своего здоровья, исполнил послушание, а неизвестных нам таких случаев может было весьма много.

IV

Вообще у блаженного послушника послушание всегда было на первом плане. Ради его, он в начале своих подвигов вкушал пищу наравне со всеми; атлетическое его сложение и постоянный нелегкий труд требовали этого, тем более, что страсти у новоначальных умаляются не усиленным постом (иначе послушники не могли бы нести послушания), а исповеданием греховных помыслов, трудами и удалением от свободного обращения с близкими[6]. Блажен отец Архипп, ибо без сожаления отдал себя на труд послушания и избегал свободного обращения с ближними, которое развращает и благонравных. Будучи в схиме, старец продолжал ходить в братскую трапезу, но воздерживался от насыщения, стараясь, впрочем, не показать этого. Когда все кушали, он весьма медленно, не торопясь, понемногу принимал пищу; хлеб в рот клал крошками. Отец П-ий, бывший некоторое время с о. Архиппом на пекарне, рассказывал нам, что старец не употреблял рыбы и для него никаких разрешений не существовало. До конца поздней обедни он ничего не вкушал и иногда прямо из храма шел в трапезу. Никто не мог его заставить изменить этого правила, не говоря о более важном. Так подвижник тверд был в исполнении принятого воздержания.

Однажды на масляной неделе пеклись блины для братий. Утром все находящиеся на пекарне кушали блины, один о. Архипп не прикоснулся к блинам. Пристали к нему братия, прося и уговаривая именем любви покушать и не пренебрегать даром Божиим и ими, но в подвижнике человеческая любовь не одолела любви к Богу. Для о. Архиппа лучше было огорчить людей, чем Бога, Который радуется, видя, что мы сами идем навстречу бесчестию, чтобы подавить, поразить и истребить в себе суетное самомнение[7]. Если до поступления в обитель, отец Архипп три года не вкушал скоромного, то в обители он тем более строго держал постоянный пост, зная, что *аще внешний наш человек (тело), тлеет, обаче внутренний (душа) обновляется* (2 Кор. 4, 16). Ибо каким видится, тело пространно питаемое, — цветущим и полным, таковой духовно делается душа через воздержание[8].

Схимонах Архипп
(Шестаков)
(1825—1896)

Благообразие души отца Архиппа невольно сказывалось в лице: оно сияло бледностью святого воздержания. В посты старец особенно был воздержан. Однажды в Петров пост в 2 часа пополудни он пришел из скита в "киновию"[9] и признался отцу Михаилу, что еще не кушал, от чая отказался, взял небольшой кусок черного хлеба и половину огурца. С переходом в Спасо-Илиодоровский скит, он усилил свой пост. Начал причащаться еженедельно, а если на неделе был праздник, то и чаще. Поэтому, у него всегда было сухоядение, без масла. Горячую пищу подвижник употреблял по субботам и воскресеньям, в остальное время для него пищею были хлеб, сырая капуста, огурцы, редька, картофель. Раз на первой неделе великого поста, видя о. Архиппа сильно отощавшим, брат Леонид предложил старцу подкрепиться пищей. Строгий воздержник побежал от него. Так боялся он нарушить принятый пост. Сильное воздержание и грубая сухая пища конечно были вредны для изможденного подвигами о. Архиппа, но он желал лучше умереть, чем отступить от боголюбезного воздержания[10], поста и молитвы. В год смерти за послушание о. настоятелю старец стал кушать каждый день горячую простую пищу в два блюда[11]. Чай пил о. Архипп однажды в день после обеда. В чае он как бы не нуждался. Налитый стакан у него стоял долго, выпьет один-два глотка, выплеснет на пол и просит снова налить. Он часто заваривал особую траву или клал ее целой горстью в стакан с чаем. Самый горький травяной настой пил без сахара. Этой травой он угощал братию. За послушание старцу едва-едва выпьешь один стакан. Иногда подвижник заваривал сосновые шишки, иногда сушеную жгучую крапиву и советовал другим пить. "Такого чая ни у кого нет", — говорил он. В последнее время, особенно при болезни, отец Архипп мог бы иметь различные "утешения"[12], но он не только не требовал их, а даже отклонял, желая пребыть на кресте самоумерщвления до самой смерти, ибо *претерпевый до конца, спасен будет.* Подвижники воздерживаются от всего для получения венца нетленного, говорил святой апостол (1 Кор. 9, 25) и о. Архипп старался быть воздержанным не только в пище, во сне, но и во многих других отношениях. Заботясь насколько возможно поддержать здоровье подвижника, отец настоятель в 1895 году благословил о. Архиппу распарить больные ноги в бане. Старец, как поступил в обитель, 43 года не был в бане и неизвестно, бывал ли когда. Другой, пожалуй, стал бы просить не ходить, и для такого старца, как он, достаточно было сказать одно слово, чтобы не нарушить своего правила, но не так сделал беспрекословный послушник, он не осмелился и одним словом прекословить своему пастырю. Келейник невольно высказал удивление: "Столько лет вы, батюшка, в баню не ходили!" — "А послушание? Отец игумен благословил", — сказал отец Архипп. Тут не знаешь чему удивляться: или великому воздержанию, или беспрекословному послушанию. Когда о. Архиппа вели в баню, он несколько раз с сожалением сказал: "Все мое пропало!" — пропало старание о том, чтобы не видеть тела своего и не показать его другому.

При раздевании старца келейник увидел, что о. Архипп туго опоясывался по белью толстой веревкой. Большой узел веревки упирался в живот подвижника.

Отец Архипп также был крайне воздержан в зрении. На женщин он вовсе не смотрел, в их присутствии взор обращал на другие предметы или вниз. Если необходимость заставляла сидеть с женщиной, он садился

далеко, голову опускал и отвечал на вопросы собеседницы, не обращая к ней лица своего. Однажды в монастыре, после литургии, в храме подошла к нему женщина и стала что-то спрашивать. Старец не только, по обыкновению, опустил глаза, но и закрыл их рясой и, ответив коротко, выбежал из храма.

Другой раз на монастырских Сеймских мельницах отец Архипп, указывая на гостиный дом, спросил послушника: "Кто там"? — "Какая-то приезжая барыня". Старец закрыл лицо полой подрясника и побежал на мельницу, споткнулся, упал, поднялся и опять побежал, показывая пример, как инокам надо быть осторожными в обращении с другим полом.

V

Желая положить хранение устам своим и не согрешать языком, сей мудрый у Бога и безумный у людей, в начале подвигов своих, перед тем как на пекарню собираться братии на послушание, клал в рот щепку, пока не навык молчать или говорить только кратко одно полезное. Обычных рассуждений двоедушных слабых натур у него не было. Он не обращал внимания, что скажут другие, а ради принятого подвига терпел все находящее. Часто обращались к нему с желанием втянуть в беседу, но он твердо стоял в своем намерении; иногда уклонялся от пустых бесед под предлогом немощи или болезни, а послушание всегда исполнял с полным усердием. Многие неблагоразумные за это осуждали его и смеялись, не понимая, что разумный молчит (Притч. 11, 12) и соблюдает душу свою от погибели (Притч. 13, 3), ибо, по слову святого апостола Иакова, кто думает, что он благочестив и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие (Иак. 1, 26). Молчание подвижника было вполне разумное. Он не хотел только говорить об обычных делах человеческих. Когда же заговаривали о душеполезном, он сейчас же оживлялся, глаза его начинали искриться какой-то неземной радостью и на устах появлялась улыбка.

Пустословие других старец прекращал громким произнесением молитвы Иисусовой или заставлял кого-либо читать Священное Писание. Когда спрашивали у него не должное, он отвечал: "Прости, Бога ради, я ничего не знаю", — и громко начинал повторять: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного". Вообще надобно сказать, что у него в словах, делах, движениях, а главное, в сердечном чувстве всегда был страх Божий[13].

VI

Отец Архипп еще послушником вполне оправдал священные слова, кои вышиваются на схимнических одеждах: плещи моя вдах на раны и ланиты моя на заушение, лица же моего не отвратих от студа заплеваний[14].Такое добровольное предание себя на злоключения при незлобии на оскорбителей свойственно только совершенным, но отец Архипп, как мы уже говорили, и поступил в обитель испытанным в терпении. Однажды на пекарне он стал просить новоначального брата месить хлебы. Тот в гневе бросился на подвижника и закричал: "Как смеешь меня заставлять?" и бил его до тех пор, пока сам не уморился. И что же? Не бивший, а битый поклонился в ноги и просил прощения. После этого о. Архипп несколько дней был болен. Враг спасения

человеческого сам озлоблялся и окружающих озloблял на истинного подвижника, ибо мерзостью для нечестивого кажется идущий прямым путем (Притч. 29, 27). Другой раз тот же брат в пылу напрасного гнева схватил о. Архиппа за бороду и вырвал у него клок волос. Смиренный и кроткий труженик огладил бороду и, падая в ноги обидчику, сказал: "Прости меня, верно я тебе не понравился". Кто-то в пекарне сильно ударил о. Архиппа в висок: он четверть часа лежал на полу без памяти на грязном мокром каменном полу, а, очнувшись, встал и молча взялся за свое дело, как будто ничего с ним не случилось. Раз его сильно побил один брат за то, что ему не понравилось пение отца Архиппа на клиросе. Но *положивший устам своим хранило внегда восстати пред ним грешнику* (Пс. 38, 2) через некоторое время пригласил к себе обидчика и угостил. Непамятозлобие есть признак истинного покаяния, говорит св. Лествичник[15], ибо Богу угоден тот, кто, делая добро, страдает несправедливо (1 Петр. 2, 19—20), и блажен тот терпеливец, который может в унижении хвалиться высотой своей (Иак. 1, 9). Если не ложно слово премудрого, что *глупый весь свой гнев изливает, а мудрый сдерживает его* (Притч. 29, 11), то мы и тут поймем высоту отца Архиппа перед его оскорбителями, ибо мудрость, по выражению Марка подвижника, состоит не в том только, чтобы знать истину в естественной последовательности, но и в том, чтобы от обижающих нас переносить зло, как свое собственное[16]. Оставшиеся с одним первым знанием возносились гордостью, а достигшие второго стяжали смиренномудрие[17]. Некоторые случаи оскорблений, дававшие о. Архиппу повод к смирению, вспоминал и сам старец. Так, он рассказывал нам, что как-то старший заставил его одного из мучника нести в пекарню ушат с мукой. Муки в ушате помещалось до трех пудов и всегда носили вдвоем. "Я отказался, не мог нести, — старший поколотил меня". Говоря это, о. Архипп крестился, добродушно улыбался и молился за оскорбителя.

Счастлив, кто шел путем тернистым
И молча слезы скорби лил:
Кто духом кротким, сердцем чистым
Терпел и за врагов молил[18].

Зная все это, невольно удивляешься терпению и незлобию отца Архиппа: он в скорбях не скорбел и, обижаемый, не жаловался, все принимая, как посланное от Бога ради очищения грехов наших и ради спасения.

VII

По поступлении в обитель отец Архипп пять лет не имел у себя келлии, приметаясь на пекарне, вменяя себя за ничто перед человеками: спал он или на грязном каменном полу и на угольях лицом в угол, или на полке перед столом, при самом входе в пекарню. Иногда нарочно рассыпал муку, разливал воду или ронял тесто. Начнут его ругать, а он кланяется и у всех просит прощения. Таким образом он заставлял выходить наружу скрывающиеся внутри страсти, уничтожал их собственным смирением и уничижением себя перед другими. Одежду подвижник носил порванную, грязную. От простуды и долгого стояния в храме у него на ногах

образовывались отеки, обыкновенных сапог одеть было невозможно. Он некоторое время носил на одной ноге сапог, на другой валенок, потом ходил в опорках, которые по виду были настолько плохими, что никто не поднял бы их на дороге. Впоследствии отец Архипп ходил или в больших валенках или в особо для него сшитых просторных сапогах. Часто старец тер лицо руками или ерошил волосы на голове. Все это подавало повод называть его юродивым, безумным, прельщенным. Он не отрицал этих названий, умея искусно ими укрыться от тех, кто не искал у него совета и не желал принести ему душевную пользу. Посему о. Архипп говаривал: "Лучше всего дураком быть, да надобно уметь им сделаться". Тем, кто называл его прельщенным, он говорил: "Прости меня, я прельщенный", перед теми, кто считал его юродивым, он показывал себя безумным. Но действительно безумный действует бессознательно, а этого не было заметно у о. Архиппа. Безумный говорит и делает разные глупости, ему только свойственные, но в то же время не признает себя безумным; о. Архипп, напротив, сознавал, что сам по себе он ничто, и без Бога ничего не может сделать, а исполнял очень мудро все требуемое иноческими уставами. Скорее можно назвать глупым знающего доброе, говорящего о добре и его не делающего, чем называющего себя юродивым и делающего все доброе разумно. Отец Архипп был лишь исполнителем слов Священного Писания: *аще кто мнится мудр быти в вас в веке сем, буй да бывает, яко да премудр будет* (1 Кор. 3, 18-19), *зане буее Божие премудрее человеков есть и немощное Божие крепчае человек есть* (1 Кор. 1, 25). Юродство свое старец совершенно оставил, как нам кажется, только по вступлении в меру бесстрастия. Однако для неразумных и в этом состоянии он казался неразумным, особенно тем, кто не знал аскетических требований святых отцов или отречение от греховных и плотских удовольствий считали буйством.

В их глазах старец не переставал казаться очень странным и, может быть, достойным презрения, а Богу, смотрящему на душу и сердце, был любезен. Господь не презрел трудов и подвигов смиренного подвижника и богато ущедрил его своими дарами. И все те, кто видел в отце Архиппе истинного труженика ради Царства Божия, не пренебрегал им; они верой и любовью ублажали его за истинно тесный спасительный путь и признавали мудрым, ибо, по слову Божию, *муж долготерпелив мног в разуме* (Притч. 14, 29).

Не желая вводить братию в грех осуждения и оскорбления, о. Архипп поступающим в пекарню — тем, кто чаще других относился к нему по послушанию, так характеризовал свой образ жизни: "Путей спасения много, каждый идет своим путем. Наш игумен[19] идет открытым прямым путем, отец Игнатий также[20]; Иероним[21] идет закрытым путем смирения, а я сделал себя дураком, и дурак на самом деле. Трудны все пути, но дураком себя не всякий может сделать. Трудно не обижаться, когда оскобляют, а надобно все терпеть[22]. Мальчики (молодые послушники) мне говорят: "Архипп, ты дурак", и я говорю: "Дурак". — "Ты, — говорят, — не так сделал". — "Простите, я дурак, не понимаю".

VIII

Незлобие, прощение обид, добровольное юродство и вся жизнь о. Архиппа свидетельствуют о его глубоком смирении, которое святыми

отцами считается первой добродетелью и основанием для прочих добродетелей. В начале своих подвигов в обители он руководствовался советами братского духовника иеромонаха Анастасия[23], после его смерти обращался к известному старцу схиархимандриту Илиодору[24], с которым некоторое время жил в одном коридоре. Старец Илиодор полюбил Архиппа за его строгую жизнь и смирение и отзывался о нем высоко. Однажды, указывая на него своему ученику отцу И., схиархимандрит Илиодор говорил: "Вот мы видим образец жизни живого святого"[25]. Недоверие к своему рассуждению о. Архипп сохранил до самой смерти. Будучи уже прославленным подвижником и старцем, руководителем в духовной жизни Глинских схимников, а также давая другим наставления, он не переставал проверять себя вопрошением других: "Так ли я сказал?" и при этом прибавлял: "Я ничего не знаю". Священное Писание слушающих советы называет мудрыми (Притч. 12, 15), хотя они и не мудры у людей. Несмотря на все благодатные дары[26], старец Божий не превозносился, знал, что сам по себе он земля и пепел, велик и праведен не он, а Бог, дивный во святых Своих, в них почивающий, и потому в похвалах не тщеславился, считал себя недостойным хвалы; хвалимый более ревновал о совершенстве, а поносимый побуждал себя к покаянию. Таким образом до самых последних дней своей жизни отец Архипп искал случая к смирению и во всякое время готов был у старшего или младшего просить прощения; скажет что-либо хотя бы последнему послушнику, заметит, что слова его не понравились, сейчас говорит: "Прости меня, ради Бога". Когда заходил разговор про кого-либо, особенно с осуждением поступков, отец Архипп обыкновенно говорил: "Он выше (достойнее) меня". Таким образом сей простейший из простых смертных, как называл его один из почитателей, при помощи Божией мог победить всякое возношение и тем сохранил все свои добродетели нерасхищенными, ибо только смирением сохраняется сделанное[27]. *Кто себя почитает чем-либо, будучи ничем, тот обольщает сам себя* (Гал. 6, 3). Мы с собой ничего не приносим, все Божие, а не наше. Что ты имеешь, спрашивает апостол, чего бы не получил? А если все получил от Бога, то нечем хвалиться.

По смирению своему о. Архипп не считал себя достойным уважения, старцем, иногда удивлялся, зачем к нему идет народ. "Огарок догорает, смерть на носу, глаза оловянные, глупый"... Так он называл сам себя. Иногда он скрывался от народа, а раз в ближнем скиту вылез в окно, когда келлию его окружило много народа, и келейник объявил, что старца нет в келлии. Некая почитательница подвижника во что бы то ни стало хотела видеть старца, который в то время никого не принимал. Уступая настойчивой просьбе, о. Архипп надел на себя чугунный тяжелый крест, открыл двери келлии и говорит: "Вот как я живу, вот камень[28], вот как я молюсь: "Раба Божия, раба Божия, раба Божия..." Старец крестился и очевидно хотел показать себя безумным. Почетные посетители иногда сопровождались к отцу Архиппу кем-либо из братий. Это видимо стесняло смиренного подвижника. Тогда он вместо советов говорил разные несообразности и многие оставались в недоумении о хваленом старце, который не умел толком сказать двух-трех слов. Однажды отец Архипп высказался так: "Вы ученые, а я малограмотный, что скажу вам? Помолимся". И начинал молиться с поклонами: "Помяни, Господи, раба Твоего (имя), помяни, Господи...". Так до 10 раз. "Даруй ему, Господи,

здравие и спасение... Даруй ему, Господи, здравие и спасение... Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас; Пресвятая Богородице, спаси нас!" Опять делал несколько поклонов. С ним молились все присутствующие. Молитва старца всегда выручала. В одно время старец Архипп казалось так много наговорил лишнего, что монах М., сопровождавший посетителей, вынужден был просить в будущем ничего подобного не говорить, но не помогло; в другой раз подвижник при том же М., как бы нарочно еще более наговорил посетителям, чего бы говорить не следовало. Отец М. скорбел и не знал, что делать. Ему не желалось, чтобы все это продолжалось дальше. Придя в тот день к вечерне, он боролся с помыслами по поводу слов старца и решился так или иначе доложить отцу настоятелю. В это время отец Архипп быстро соскакивает со своего места, бежит к М. и говорит: "Прости меня, я много говорил, не говори отцу игумену"; братски лобызается в плечи. М. стал доискиваться причины, почему отец Архипп так поступает и, кажется, нашел ее. Желая выйти из неловкого положения, он доложил отцу настоятелю, что старец стесняется принимать посетителей в присутствии посторонних: ни его не могут спросить, ни он не может сказать что-либо откровенно. После этого ищущих духовного совета отец настоятель стал посылать к о. Архиппу без провожатых и даже просил не говорить ему, кем они посланы.

В обитель приехали почетные посетители. NN. расхвалил им прозорливость о. Архиппа и между прочим сказал: "Он имена Ваши угадает". Старец действительно называл некоторых по именам, не зная их и видя в первый раз. Гости к подвижнику приехали с NN. Отец Архипп обращается к одному из них и спрашивает: "Вас зовут Петр?" — "Нет" — "Иван?" — "Нет". Другого также дважды назвал не по его имени и потом с улыбкой повернулся к NN. и спросил его: "А что, угадал?"

Этим он с одной стороны избежал суетной славы, с другой показал, что дар, сходящий свыше, в угодниках Божиих проявляется для других — не на злоупотребление, не ради славы или человекоугодия или денег, а единственно на пользу душевную, и только в то время, когда это будет угодно Богу[29].

Обыкновенно в своей простоте и смирении старец Божий никогда не подозревал, что его слова некоторыми записываются или передаются другим для записи. Как-то брат С. сказал об этом о. Архиппу и даже указал, кто именно более всего о нем пишет. С тех пор старец стал действовать более скрытно, по крайней мере от записывающего его слова и действия[30]. Когда для примера другим настоятель указывал на о. Архиппа и это доходило до него, то старец просил не прославлять его.

Как-то братия говорили о. Архиппу о том почтении, каким он пользуется среди почитателей. Подвижник отвечал: "Это не всякому полезно, а иному и во вред"[31].

"Кто гонится за славой, слава бежит от него и кто бегает от славы, она следует за ним". Это изречение святых исполнилось на отце Архиппе. Бегал он славы, но не избежал ее, она росла по мере его смирения. Старец все приписывал Богу и воздавал ему хвалу, а Господь его прославлял во исполнение слов Своих: *прославляющих Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30). В последнее время (когда старец пришел в состояние бесстрастия) ему не страшны были враги, не страшна была и слава. Врагов он победил смирением, славу же — полным презрением. Вот

почему жизнь его была вполне открыта и назидательна для окружающих. Но смиренный старец, желая и других научить смирению, не только не дозволял прославлять себя, но не любил, когда и других прославляли. Если начинали живых и вполне достойных хвалить, о. Архипп спрашивал: "Святой он?". Потом добавлял: "Умрет, тогда посмотришь". Этим он давал урок: никого не прославлять ранее смерти (Сир. 11, 28).

Блажен, кто, омертвев душой
Ко всем блестящим суетам,
Лишь Богу жертвует собой
И с верой зрит бессмертья храм[32].

IX

Смиренный подвижник, бегающий всякой славы, и келлию имел смиренную. В ней не было никаких украшений: иконы с лампадкой перед ними, подставка со следованной Псалтирью, стол, стул, табуретка и кровать. Все это было старое и самое простое. На кровати побитый войлок и чем-то жестко набитый толстый мешок вместо подушки; на закоптелых стенах в беспорядке прибиты были листы бумаги различной величины с молитвами и изречениями. Видно, вся забота старца была не о внешнем убранстве жилища, а о внутреннем украшении души[33]. В последнее время келлия о. Архиппа имела несколько лучший вид, но только потому, что келейники ее убирали, а старец ни во что не вмешивался. Почитатели заботились о возможном покое немощного подвижника и посылали ему кто мягкое кресло, кто коврик. Он, не желая оскорблять отказом, принимал с благодарностью, но, привыкший к простоте, видимо всем этим тяготился. Все время вне храма и послушания отец Архипп проводил в молитве или чтении Священного Писания. Кто бы ни пришел к старцу из братии, он заставлял прочитать одну-две главы из Апостола, Евангелия или кафизму из Псалтири. Иногда он сам приходил к кому-либо из живущих с ним в одном коридоре и также просил почитать Псалтирь или Евангелие. Кроме того, любил читать или слушать акафисты и Киево-Печерский Патерик. Из последнего — преимущественно жития Марка пещерника, Пимена многоболезного и Прохора лободника[34]. Не без причины сии преподобные пользовались особенным вниманием подвижника. Он сам старался им подражать, видя в их житии некоторое сходство со своими стремлениями. Нередко о. Архипп заставлял кого-либо читать акафист Тихону Задонскому, который "житию бесплотных поревновал, подвигам древних святых отец подражал и самоотвержение всецелое показал (3-й и 7-й ирмосы акафиста), он (святитель Тихон. — *Примеч. издат.*), от юности возлюбивший Христа, восхваляется как образ добродетелей, учивший других благому житию словом, делом, любовью, смирением, незлобием, чистотой, послушанием и воздержанием. В отце Архиппе мы видим те же добродетели и то же желание учить других примером своей жизни. Старец питал особое благоговение к святителю еще за то, что он поклонился в ноги ударившему его юродивому. Смирению святителя подражал отец Архипп и также падал в ноги своим оскорбителям, прося у них прощения. Святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского отец Архипп ставил в пример подражания одному послушнику: "Ученость не спасет, —

говорил он, — а послушание и смирение". Желая всякую минуту употребить на угождение Богу, старец Божий на себя лично, для обеда, ужина, чая старался употребить как можно менее времени, Кажется, с этой целью он наливал чай в стакан не носиком, а через край чайника. Он также весьма мало спал. Когда жил в монастыре, рассказывал нам один из учеников его, то спал большей частью сидя на узком выступе печки, а чтобы не упасть, протянул веревку и во время сна держался за нее. Можно представить себе, каков был сон подвижника в таком неловком положении. Иногда о. Архипп спал, сидя на стуле.

X

Вообще у о. Архиппа мало было заботы о покое и удобствах жизни, он все отверг ради Господа Иисуса, шедшего тесным путем и *не имевшего где главы преклонить* (Мф. 8, 20). Добровольная бедность — богатство монаха; с ней он всегда и всем доволен при скромных потребностях в жизни и потому не имеет столкновений с братиями из-за чего-то временного, вещественного. Он знает, что в случае нужды все необходимое пошлет ему Господь во время благопотребное, не как дар за добродетели, а как милость. Так и жил о. Архипп. Он всегда был всем довольным и благодушным. "Великое приобретение, — говорит апостол, — быть благочестивым и довольным" (1 Тим. 6, 6). Имея упование на Бога, о. Архипп не искал никакого воздаяния за советы[35]. Правда, он не отказывался принимать некоторые приношения своих почитателей, но только потому, что не хотел оскорбить усердие приносящих; подаваемое подвижник отдавал братии. Мы уже говорили, что в юности старец не любил денег, называл их железом и отпускал товар бедным, не требуя платы[36]; тем более монахом о. Архипп остался верным обету нестяжания и, если имел при себе небольшое количество денег, присылаемых братом или подаваемых посетителями, то не прилагал к ним сердца, употребляя их на чай для угощения братий, приходивших к нему за духовным советом, на траву, раздаваемую народу, и на нужды обители. Старец никогда не запирал денег; жившие вблизи него всегда знали, где находятся его деньги. Их он клал в щели стен своей келлии, по углам или на полу и не скрывал этого, а раз положил бумажник в щель и замазал тестом. Может быть, и тут как во всех поступках у него была своя нравоучительная цель. Однажды о. Архипп пришел в просфорню взять булку. Просфорник удивился приходу подвижника, который прежде никогда не брал булок. Видя удивление отца Ф-та, он сказал: "Брат приехал, чай придет пить, надо хотя булку взять. Все не понравилось брату у меня: "Живешь, говорит, небрежно, паутины много"... После отъезда брата о. Архипп угощал братию чаем, сахар клал в стакан горстью и приговаривал: "Пей, у меня теперь много сахару, брат голову привез". А тому же отцу Ф-ту говорил: "Брат спрашивал, не надо ли денег. Я ему отвечал: "На что мне деньги — чая и сахара ты привез; хлеб, пища, одежда монастырские". — "Пригодятся, — говорит, — коли нужда будет". — Я их у него не взял, он на столе оставил".

XI

Зная, что страдающий плотью перестает грешить[37], отец Архипп для сохранения блаженного бесстрастия без всякого сожаления изнурял себя

Храм в честь
Иверской иконы
Божией Матери
над Святыми вратами
Глинской пустыни.
Храм и врата построены
игуменом Филаретом в 1826—1831 гг.
Фотография начала XX в.

разными способами и когда был совершенно больной, лично не принимал никаких мер к излечению, напротив того, как бы искал случая нанести больший вред своему здоровью. Но это происходило у него не от пренебрежения жизнью, а от полного упования на Бога, без воли которого и волос с головы человека не спадет, как уверяет нас Слово Божие. Старец очень туго подтягивался по белью. Отец Н., келейник его, говорил: "Жаль было смотреть на о. Архиппа. Тело у него было очень сухое, точно скелет, обтянутый кожей".

Иногда зимой, в мороз, уже будучи в дальнем скиту прославленным старцем, о. Архипп больными ногами вставал в снег по колено и стоял. "Вот тебе, вот тебе!.. Не хочешь? Стой!.." Так укорял он плоть свою, противящуюся требованиям духа и побуждал ее к несению всяких трудностей, чтобы добровольными трудами избежать трудов невольных, ибо, по слову св. аввы Фаласия, ум благомыслящий обучает душу и приручает тело ко всяким подвигам[38].

Когда по послушанию отцу Архиппу необходимо было ехать из скита в обитель, он просил запрягать лошадей и сам шел пешком или бежал. Запрягут лошадь и нагонят его где-нибудь лежащего в снегу или в грязи, едва переводящего дух. Так до самого исхода своей жизни старец не сбрасывал с себя креста, который должны нести все последователи Божественного крестоносца. Отцу Архиппу, вожделевающему будущих вечных благ и уповающему на споспошествующую благодать, и трудное было не трудно.

Кто с упованьем Бога просит,
Легко тот крест житейский носит.

Нужно ли после этого говорить, что сей добровольный бескровный мученик ради Бога и Царствия Небесного прежде смерти мертв был для страстей? В смиренном старце, распинавшем плоть свою, враг спасения не находил себе места, и подвижник, как храбрый воин, уже не боялся невидимых врагов — открыто подвизался, подавая собой добрый пример братии. Но если Иисуса Христа, *Иже греха не сотворити*, порицали, то удивительно ли, когда порицают верных рабов Его? Отец Архипп не составлял исключения. И его порицали. Монаху, говорили, следует скрывать свои подвиги. Это общее святоотеческое положение, но нет правил без исключения. Рассуждение, к кому, когда и что относится, святыми отцами поставлено выше всех добродетелей. При помощи рассуждения можно знать исключения из общих правил и применять их к кому должно. Василий Великий пишет: "Кто по благодати Божией чист от недуга человекоугодия, тому нет надобности скрывать прекрасное"[39]. Мы постоянно видели о Архиппа говорящим одну правду без различия лиц, званий и положений[40]; в нем не заметно было человекоугодия и потому, думаем, — он открыто мог подвизаться.

Иногда старец давал особые уроки труда и терпения. Раз осенью схимонах Архипп пригласил отца N. помочь ему обмазать келлию. Для обмазывания стен он брал не глину, а грязь, которая была тут же, у келлии; грязь не прилипала и отваливалась. Так немало потрудились. Наконец о. Архипп говорит: "Пойду самовар ставить" и ушел, а инока оставил работать. Тот и подумал: "Руки зябнут, грязь не пристает, только напрасный труд, лучше бы старец пригласил штукатуров, они сделали бы

все, как следует". В это время о. Архипп позвал его на чай и говорит: "Руки зябнут, грязь не пристает" и повторил все то, о чем инок думал. Потом добавил: "Раб Божий, не скорби. Матерь Божия каждый шаг твой видит и запишет, ничто не пропадет". После этого уже не работали, келлия осталась необмазанной. Для старца, как видно, нужна была не обмазка келлии, а урок. В дальнем скиту старец однажды после вечерни лег на пол храма головой в угол и не вставал. Брат Иван говорит ему: "Батюшка, тут жестко". — "За мои грехи и этого мало", — ответил подвижник, который мог не ложно говорить со святыми: *Бога ради умервщляемся весь день* (Пс. 43, 23), *телесные мучения — веселие рабом Твоим, Господи* (Молитва св. Евстратия), ибо в спокойствии чистой совести и в тайных утешениях бессмертного духа любящему Господа как бы нечувствительны бывают трудности бренного естества. Он знает, что страдающий со Христом с Ним и прославится и что нынешние страдания ничего не стоят в сравнении с будущей славой, как уверяет христиан святой апостол (Рим. 8, 17—18).

XII

Еще более было ревности у старца к посещению храма Божия. Все божественное он изучал не словами, а трудами, ибо хорошо понимал, что не слов, а дел потребуют от него во время исхода. До поступления в обитель он спешил в храм по первому звуку церковного колокола, ничто не могло задержать его дома. Тем более так подвижник поступал в монастыре, если был свободен от послушания. С освобождением от обязательного послушания на пекарне о. Архипп всегда находился в церкви, пока храм был открыт. Можно сказать, что он жил более в храме, чем у себя в келлии. С двенадцати с половиной часов ночи и до трех-четырех часов утра он был на утрени, а в праздники на бдении с семи часов вечера четыре—шесть часов подряд; днем старец находился там с раннего утра до обеда, пока отслужат две литургии, акафист и не отбудут все требы, час на вечерне, час на повечерии, а иногда и долее. Кажется не было случая, чтобы отец Архипп проспал утреню или не выстоял ее до конца, если и могли быть исключения, то не по его вине. Последние лета жизни о. Архиппа нам особенно памятны. Бывало посмотришь на него и невольно думаешь: "Не от мира сего сей небесный человек или ангел во плоти". Не видели старца Божия разговаривающим в храме или смеющимся, но всегда внимательным; поистине он достигал спасения со страхом и трепетом[41]. Были случаи, когда о. Архипп заболевал, едва мог идти, но хотя ползком, как говорил о нем один почтенный старец, все же направлялся в церковь. Эту ревность ко храму Божию он сохранил до смерти. В последнее время жизни о. Архипп был совершенно слаб, особенно ногами, вот, кажется, сейчас умрет, но заблаговестили, — и он напрягал последние силы и не шел, а бежал к богослужению, показывая другим пример, как надобно монаху спешить на церковную службу. "Зазвонят в церковь, — как на пожар беги", — говорил он другим. Находясь в дальнем скиту, совершенно больной, он лежит и едва дышит. Но вот зазвонили к богослужению, он говорит келейнику: "Веди, веди меня!" И идет, едва передвигая ноги, поддерживаемый келейником, и еще укоряет себя за нежность. В последний год старца носили или возили в

храм, стоять он там не мог, сидел или лежал, не желая оставаться в келлии во время богослужений. Вообще старец Божий побуждал себя на всякое дело благое; благочестием побеждал разленение, молитвой, терпением и трудом прогонял уныние, обычное на долгом иноческом пути.

XIII

Отец Архипп в отношении богоугождения был строг и к своим приближенным и к ученикам. Их он вел тесным путем труда, терпения и смирения. Когда ему за послушание благословлено было принимать посетителей, то ему назначили келейника. Иногда при нем жил кто-либо из братий. Им он благословил делать все необходимое так, чтобы они не просили на эти необходимые дела каждый раз благословения, кроме некоторых случаев и требовал, чтобы они всегда чем-либо были заняты. Если видел кого праздным, был недоволен и немедленно назначал какое-либо дело.

Отец Архипп был старцем преимущественно Глинских схимников. Приведем здесь примеры отношений его к ученикам. Однажды о. Архипп пришел в больницу к ученику своему схимонаху Варнаве и спрашивает его, почему тот не ходил в церковь. Отец Варнава отговаривался болезнью ног. "Надо принуждать себя", — заметил о. Архипп и показал ему свои ноги. Они, по выражению бывшего тут инока, были толстыми, как бревна, багрового цвета и в ранах — страшно было смотреть на них.

Отец Архипп, находясь на послушании в пекарне, более двадцати лет подчинялся монаху Лонгину, а по принятии последним схимы с именем Луки, сделался его старцем. Они потом одновременно жили в ближнем и дальнем скитах и помогали друг другу идти тесным путем. Для посторонних и не понимающих сокровенного их подвига взаимные отношения сих старцев казались чуть ли не враждебными, но это была своего рода духовная мудрость. Св. Симеон говорил: "Тот, кто кажется недобрым и говорит некие слова, по видимости лукавые, имея в виду узнать дьявольские дела тех, которые кажутся лишь добродетельными и благоговейными, чтобы обратить их на путь покаяния и спасения, поистине есть подражатель Христов, споспешник воли Божией и спаситель человеков. Это, впрочем, могут делать только те, кто не привязан к миру сему и никакого не имеют пристрастия к привлекательным видимостям его и всецело соединились с Богом"[42]. Отец Архипп неопустительно ходил на все богослужения, а схимник Лука, такой же ревнитель посещения храма Божия в обители, с переводом в Спасо-Илиодоровский скит держал себя как бы в затворе и не всегда посещал храм Божий, но вычитывал все службы у себя в келлии. Отец Архипп говорил: "Я хожу в церковь, а Лука не ходит, посмотрим, кто из нас выгадает". Схимонах Лука тоже находил что сказать про своего старца. Под обычными слабостями осуждения и пересуд друг друга (а не посторонних) они скрывали свои добродетели. Неопытные этим соблазнялись, высказывали свое нездравое состояние души, но уврачевывались или совестью или самими старцами. Так, однажды старец увидел идущего к нему отца Луку и сказал: "Глухой идет"[43]. Находящийся у старца один брат стал осуждать идущего. "Я говорю, а ты про него говорить не можешь, он выше меня", — заметил брату отец Архипп и заставил осуждающего класть поклоны. В другой раз отец Лука ночью

29 1374

пришел к своему старцу, пал к нему в ноги и просил прощения, отец Архипп пал в ноги ученику. Так они несколько раз падали друг другу в ноги. Келейнику, умиленному смирением старцев, они запретили об этом кому-либо говорить. Раз идут старцы мимо иконы святых Митрофана и Тихона Воронежских, находящейся с наружной стороны собора Глинской пустыни. Отец Архипп говорит: "Клади поклоны". Лука спрашивает: "Какие?" — "Земные" — "Сколько?" — "Три" — "Батюшка, подержите палку". Архипп берет палку, а Лука при народе кладет земные поклоны за послушание своему старцу.

XIV

Молитва смиренного, говорит слово Божие, проникает через облака (Сир. 35, 17). Молитва смиренного о. Архипа даже за других была действенна перед Богом. Вот несколько примеров. Юный послушник Петр просил старца помолиться, чтобы ему во сне увидеть загробную участь еще живых его родных. О. Архипп ответил: "Увидишь, не спи до 12 часов". Брат Петр, уснув после 12 часов, увидел отца, мать и других родных, веселящихся в каком-то красивом доме, а бабушка в это время ругалась, была мрачная, черная. Сон свой послушник передал старцу Отец Архипп велел 40 дней молиться за бабушку, а бабушке на 40 дней затвориться и поститься, чтобы избежать участи грешных за гробом[44].

Некий брат в знак своей благодарности и уважения к о. Архиппу поведал нам следующее: "Я знал силу молитв старца, — говорил он, — и просил его помолиться. Он видел мою господствующую страсть. В скором времени я почувствовал успех в борьбе с сопротивником. Спустя несколько дней враг сильно вооружился на меня и я, омраченный страстью до забвения, уже решился на падение и тогда еще больше убедился в силе молитв подвижника. Мысленно я вкушал ядовитую прелесть греха, хотел исполнить делом, но что-то мне препятствовало, а затем страстное желание без всякой борьбы с моей стороны моментально пропало. Я снова собирал свои греховные мысли, и они опять были как бы кем-то прогнаны. Так повторялось несколько раз, и греховное мое пожелание не возбуждалось, как это бывает при обычном искушении, когда враг отступает, давая самому человеку в силу привычки повторить известный грех. Это заставило меня задуматься. Внутренний голос сказал мне, что по молитвам о. Архиппа, ангел Господен ополчился окрест меня. Я пришел в себя и познал гибельное омрачение страсти". Некто И.Г. писал о. Архиппу, что он 49 лет от роду, вдов, имеет детей и давно болеет: "Все испытанные лекарства и советы докторов не помогли, чувствую сильную тоску, мысли сладострастные меня мучают, нужно бы жениться, да по слабости нельзя. Прошу помолиться о выздоровлении". Старец отвечал: "Получил я твое письмо и молился о тебе. На твои сетования скажу: грех есть злейшее зло из всех зол. Он удаляет нас от неизреченного благодатного света Божия, который радостью исполняет все наше существо, а может ли радоваться грешник? Нет. Все его удовольствия не по Богу еще более заставляют тосковать. Грешить и оставаться без наказания еще худшее зло. Кто, согрешая, не кается, не терпит наказания, того ожидает немилостивый суд Божий. Поэтому: *его же любит Господь, наказует*. Благодари Господа, что и к тебе Он милостив: наказывая, смерти не предает, а ждет полного твоего обращения. Если господин наказует прислугу, а она продолжает противное делать, то не

помилования, но большего наказания она достойна. Так и ты, будучи болен и неся наказание, продолжаешь грешить и прогневлять Бога. Можно ли ожидать выздоровления? *Скорбь и теснота на всякую душу, творящую злое.* Если хочешь быть здоровым, необходимо и в помысле уцеломудриться, пора, твой возраст приближается к старости, прожил ты большую половину жизни. Необходимо тебе подумать о вечности. Твори милостыню, посты, молитву, кайся, сокрушайся о грехах, читай священные и душеполезные книги, и скорбь твоя заменится радостью о Господе. Тогда болезнь свою будешь нести благодушно. Бог силен послать тебе и полное выздоровление, только не прогневляй Его. Чтение слова Божия, крестное знамение и частое призывание имени Иисуса Христа: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного" прогоняют все злые помыслы. Так всегда надобно восставать против помыслов, чтобы не породили злого желания и греховного дела". Молитвы и письмо старца имели благотворное действие. В благодарность за это И.Г. прислал 5 руб. и писал отцу Архиппу: "Верую, что вы за меня помолились".

Самым главным доказательством силы молитв о. Архиппа и его святости надобно считать чудесное освещение дороги в 1882 или 1883 году. Это было так.

Однажды иеромонах Глинской пустыни отец N. хотел побывать в соседней Софрониевой обители. О своем желании он сказал Архиппу и спросил, не желает ли он с ним ехать? "Скажи отцу игумену", — ответил старец. Отец N. стал проситься и сказал про Архиппа. Настоятель отпустил их на три дня. Собраться в дорогу и проехать 35 верст подряд требовалось немало времени, как и на обратный путь; пробыть в Софрониевой пустыни пришлось немного. На третий день их задержали до вечера и просили остаться на ночь, они не согласились — отец Иннокентий[45] не любил просрочек.

Поехали ночью, желая явиться вовремя. Ночь была темная, дорога проходила по краю глубокого оврага. Кучер предлагал сойти и священноинок соглашался, но отец Архипп не хотел. Веря, что *ангелы — служебные духи — посылаются на служение для тех, кто имеет наследовать спасение* (Евр. 1, 14), он сказал: "Молись Богу, на Него надейся, нас сохраняют ангелы Его". С этими словами старец склонил голову на правую сторону и мысленно стал молиться. Отцу N. страшно было ехать в полном мраке при ежеминутной опасности ринуться в пропасть; он мысленно осуждал о. Архиппа и хотел снова сойти. Прозревая мысли его, старец сказал: "Сиди, я отвечаю, веруй, Господь не попустит", — взял отца N. за руку и держал. "Не придется отвечать, когда ринемся вниз головой, не соберешь и костей наших", — помышлял отец N., но покорился. Вдруг какой-то луч осветил лошадей, повозку и овраг, а все остальное окружающее пространство осталось в прежнем мраке. Отец N. указал кучеру на чудесное освещение, тот молча кивнул головой, чтобы не прерывать молитвы старца, глаза которого были закрыты. Но как только миновала опасность, о. Архипп открыл глаза и громко прославил Бога, а кучер сказал: "Поехали, батюшка!" С окончанием молитвы старца луч света исчез и воцарилась прежняя непроницаемая тьма. Луны вообще не было видно всю дорогу до Глинской пустыни. Это еще более убедило спутников богобоязненного старца в чудесном освещении дороги по святым молитвам отца Архиппа[46].

Для большего удостоверения в возможности чудесного приведем слова святых отцов: Ефрем Сирин говорит, что небо и земля, море и воздух, и все, что в них, повинуется тому, у кого сердце исполнено страха Божия[47]. Св. Иоанн Синайский в своей Лествице пишет "Никто, видя или слыша что-либо сверхъестественное в монашеской жизни, да не впадает в неверие по неведению, ибо где пребывает преестественный Бог, там всегда много уже совершается сверхъестественного[48]. Совершенный Бог не подлежит изменению. Всемогущество Его одинаково было, есть и будет во веки. Следовательно, и теперь истинные монахи по благодати Божией могут сподобляться тех же сверхъестественных явлений, знамений и чудес. *Бог, идеже хощет, — побеждается естества чин,* и Сам вещает нам, что у Него все возможно (Лк. 18, 27).

Занимаясь Иисусовой молитвой, отец Архипп и других научал этому великому и святому деланию. Однажды в великий пост о. Архипп сказал отцу М.: "Чтобы далась Иисусова молитва, надо поститься". Тот обыкновенно постился по монашески: кушал без рыбы и масла. Но у о. Архиппа поститься означало иметь всегдашнее сухоядение и вкушать его очень мало. А такой пост и в Великий пост будет постом... Раз старец пришел к отцу Т., лег на кровать и начал читать лежа: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного"; "Владычице моя Пресвятая Богородице Дево, спаси мя грешного". Повторив несколько раз, он сказал: "Так можно лежа читать молитву", вскочил и побежал из келлии. Этим он дал понять, что лучше лежать с молитвой, чем без молитвы.

Пришли к о. Архиппу о. настоятель и иноки другой обители П. и N. Старец лежал на жестком ложе, покрытый дырявым подрясником и по складам читал Иисусову молитву, как бы не обращая внимания на пришедших. "Старец Божий, встань, прими гостей", — сказал ему отец игумен. — "Ох, болен, не могу встать". Его поднимают. Отец Архипп опять начинает читать Иисусову молитву. "От тебя, старец, желают получить слово на пользу" — "Я ничего не знаю". Берет листок и читает редко по складам: "Свеча жизни догорает, се зрю... зрю... гроб перед собой!.. Господи, Иисусе... Иисусе... Христе... Сыне Божий, помилуй мя!.. Я малограмотный, на — прочитай" Дает читать Иисусову молитву отцу П., прибавляя: "Я повторю за тобой". Молитва прочтена была скоро. "Нет, не так, я не мог повторить". Снова начинает читать по складам, повторяя одно и то же несколько раз, ясно, с умилением. "Я малограмотный, на — прочти". Опять дает читать молитву отцу П. На этот раз молитва была прочитана медленно, с чувством. "Ты лучше меня читаешь. Так читай ее всегда и спасешься". С этими словами о. Архипп всем дал листки с Иисусовой молитвой и по листику Глинского издания, повторяя: "Читай всегда и спасешься". Другой инок N., видя болезненного старца, лежащего на жестком ложе, в полном убожестве, умилился душой, отошел в сторону и несколько раз ударил себя в грудь, может быть, с мытаревой покаянной молитвой.

XV

При постоянном самоумервщлении, посте и молитве, при желании умилостивить Бога о грехах отцу Архиппу свойственно было останавливать мысль свою на смерти, что признается одной из самых лучших мер для достижения бесстрастия и чистоты сердца. Память смерти

он развил в себе слезами, покаянными чувствами, сокрушением духа, полным послушанием воле старших, пением заупокойных священных песнопений, воспоминанием о смерти своих сподвижников и т.д. Изредка громко, ясно, с чувством о. Архипп читал "Апостол" на ранней заупокойной литургии[49] и часто вспоминал усопших братий: "Отец Аввакум умер, отец Аполлоний умер, а я живу". Часто своим старческим голосом пел какую-либо погребальную священную песнь или повторял: "Свеча жизни догорает, се зрю гроб перед собой, смерть стоит за мной, суд Божий надо мной... Что сотворю?.. Господи помилуй!.."

Если все это может относиться к каждому, так как краткая земная жизнь наша подобна догорающей свече и конец ее — неминуемая смерть, за ней гроб и суд, то тем более это относилось к старцу, имевшего всегда перед собой раскрытый гроб, готовый во всякое время принять покойника. В него о. Архипп иногда ложился, иногда перед ним проливал слезы. Богобоязненному старцу лучше был гроб без греха, чем дневной свет в грехах. На гробе о. Архиппа была маленькая надпись: "Все наше тут". Внимательному старцу она говорила о многом: тут все сокроется, ничего не возьмешь с собой, не здесь постоянное житие наше.

Жизнь вечного Отечества
За гробом человечества;
Туда пойдут в свидетели
И зло и добродетели...

Некий господин, побывав в келлии подвижника, говорил знакомому Глинскому иеромонаху: "Мне показалось, что я был где-то не на земле: и гроб и сам старец напомнили мне о смерти. Отец Архипп точно встал из гроба, который должен был сокрыть меня".

XVI

С даром памяти смертной несовместимы смех и пустословие[50]. И мы не видели о. Архиппа когда-либо смеющимся, видели же только серьезным и плачущим. Особенно он часто плакал, когда пел погребальную стихиру: "Приидите последнее целование дадим, братие, умершему". Пел он ее довольно часто, и слезы текли по исхудалому лицу его.

В Спасо-Илиодоровском скиту случаи внешнего проявления слез у о. Архиппа бывали чаще. Раз он плакал и говорил: "Все у меня есть, горе мне, лучше бы своими руками зарабатывать". Но, кажется, более всего подвижник проливал слез, молясь за братий, Пришел он к скорбящему скитянину П-ию, лег на кровать, немного полежал и говорит: "Давай помолимся". Помолились, у отца П-ия скорби прошли; старец ушел. Подушка оказалась смоченной слезами отца Архиппа.

Инок М. был в смущении и подумал: "Пришел бы ко мне отец Архипп и помолился бы обо мне". После обеда его мысленное желание исполнилось: совершенно неожиданно приходит старец[51] и говорит: "Свеча жизни догорает, се зрю гроб перед собой"... С этими словами он заплакал. "Мне, — говорил отец М., — жалко стало старца, тогда как оказалось, отец Архипп сожалел обо мне более меня. Отец Архипп просил прочитать главу Евангелия. Открылась 13 глава Евангелия от Луки, где говорится о нераскаянных грешниках, о посечении бесплодной

смоковницы, об исцелении жены, связанной недугом 18 лет, и о тесном пути в Царство Небесное. Все это касалось меня. Я также связан недугом страстей и исцелить меня может только Христос, если же не покаюсь, не пойду тесным путем, то и меня Господь посечет, как хотел посечь евангельскую смоковницу. Недаром о. Архипп, вспомнив о смерти, заплакал".

Раз один брат насмешливо выразился по поводу приема о. Архиппом женщин. О. Архипп с глубоким сожалением посмотрел на него, заплакал и отошел в сторону, скорбя о дерзости послушника, ставшего орудием врага спасения[52]. Но по молитвам отца Архиппа брат осознал свою вину, просил прощения и немало этим порадовал богобоязненного подвижника.

В 1893 году преосвященный Ювеналий, епископ Курский[53], осматривая Спасо-Илиодоровский скит изволил обратить особенное свое внимание на о. Архиппа и, получив о нем самый лучший отзыв от настоятеля, пожелал быть в келлии подвижника. На вопрос архипастыря: "Как поживаешь, старец?" о. Архипп ответил: "Боюсь мук вечных, боюсь геенны огненной, скрежета зубовного, червя неусыпаемого!.." и залился слезами. Потом говорит: "Спокойно живу, враг меня не берет". — "Ты уже поборол врага", — изволил заметить владыка и любезно простился с подвижником. На другой год архипастырь изволил снова зайти в келлию старца и беседовать с ним наедине. После того при свидании с настоятелем Глинской пустыни преосвященнейший владыка не раз справлялся об о. Архиппе. В 1897 году, обходя братские жилища Спасо-Илиодоровского скита и проходя мимо бывшей келлии почившего подвижника, архипастырь с молитвой об упокоении его перекрестился, а при отъезде из скита благоизволил зайти в приемную старца, где тогда хранился гроб его[54]. Теперь гроба там нет. Выйдя из приемной, владыка в назидание скитянам сказал несколько слов о памяти смертной.

XVII

Не поставляют возженного светильника под спудом, но на свещнике, да светит всем. Так было с отцом Архиппом. Не укрылись его добродетели и дары духовные от посторонних; многие жаждали от него наставлений. Посему с 1890 года о. Архиппу за святое послушание благословлено было принимать посторонних посетителей. Тяжело было ему беседу с Богом менять на беседу с людьми, но, повинуясь воле своего аввы, старец принял возложенное послушание, как назначенное ему свыше. Для большего удобства и чтобы не стеснять братий, о. Архиппа перевели в ближний скит. Приемную составляла галерея, прилегающая к братскому корпусу, в которой по стенам были поставлены иконы, священные картины, различные таблицы и листки духовно-нравственного содержания. Несмотря на болезнь и старческие немощи, о. Архипп часто выходил в приемную к народу, выдавал листки и книжки издания Глинской пустыни и траву. Тут он молился за приходящих и их сродников живых и умерших.

На богослужения подвижник ходил в обитель. Келейник его говорил: "Старец в 11 часов вечера тихо встанет, оденется и пойдет на утреню в монастырь, не беспокоя меня, а когда желал, чтобы я шел, кричал: "Погибла душа моя!" Это он, конечно, относил ко мне. Или же говорил: "Я пойду во ад, и ты за мной". С утрени о. Архипп не возвращался в скит, а до ранней обедни находил себе успокоение где-либо в коридоре или на

пекарне. Там он, *вменяя себе за уметы*, ложился в угол на пол и так проводил время более в бдении, чем во сне.

XVIII

Из ближнего скита старца дважды переводили на место пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора[55], где о. Архипп, как преуспевший в духовной жизни, поставлен был во главе братии. Сначала подвижник занимал ту келлию, которая построена была на месте сгоревшей пустынной келлии старца Илиодора. Во время жития в ней о. Архиппа она служила как бы гостиницей для приходящих. Тут временно помещались послушники, тут пили чай. Отцу Архиппу не было покоя, но не роптал он. Для неразвлеченной молитвы он уходил в лес и укрывался в какой-нибудь яме. Праздным старец никогда не был и не любил видеть, когда другие были без дела. Праздность — мать пороков, ее и старался прогонять о. Архипп. При устройстве здесь Спасо-Илиодоровского скита он сам копал колодец, вырывал корни, кустарники и т.д. То же заставлял делать послушников, свободных от обязательных послушаний. Иногда со своими сподвижниками он ходил в лес собирать травы или хворост. Идет и читает Иисусову молитву, показывая пример другим. Этим он многих приучал к молитве и отвлекал от празднословия. Братия, видя маститого подвижника первого на богослужении и в деле, соревновали старцу и друг другу. Все ходили на утреню, обедницу[56], вечерню и повечерие и не выходили до окончания службы. Даже несущие послушание на кухне не составляли исключения; по малому числу братства они управлялись со своим делом, не оставляя общей молитвы. Все единодушно работали, все разом шли к столу и опять на дело внешнего послушания. Так много значит личный пример святой жизни, труда и молитвы. Дар прозрения старца немало содействовал этому, а также один чудесный факт, сам по себе не особенно важный, но доказывающий богоугодность смиренного подвижника.

"Весной 1894 года, — рассказывал брат Яков[57], — я только что посадил грядку огурцов около келлии старца, прихожу к о. Архиппу, он говорит: "Надо огурцов посадить". Я отвечаю: "Посадил, батюшка". — "А это что?" — спрашивает он, указывая на плавающие в тазу негодные огуречные семена. — "Это негодные". Отец Архипп взял таз и вдоль всей грядки плеснул водой — летом те все огурцы взошли, а мною посаженные — изредка". При управлении братией отец Архипп кроме личного примера не употреблял никакой строгости, ничего не взыскивал, со всеми обходился отечески-ласково, но все братство, уважая его, боялось оскорбить старца чем-либо небогоугодным, и его молитвами охранялось от неуместных поползновений. Впрочем, нет правил без исключения. Такое прискорбное исключение было и среди братий Спасо-Илиодоровского скита. Один из братий в июне обрезывал сухие ветви у плодовых деревьев скитского сада. Многократно братия, даже схимники говорили ему, что время обрезывания прошло. Брат отвечал дерзостью. Наконец, отец Архипп, как старший, сделал ему кроткое замечание. Брат грубо ответил: "Ты, схимник, знай свое дело, в чужое не суйся". После этого все молчали, а непослушный брат продолжал трудиться, может быть, в уверенности, что благодаря его уходу в тот год яблок будет много. Во всяком случае старец прозревал его мысли и сказал: "Напрасно

трудишься, яблоки все осыплются". Яблоки действительно осыпались преждевременно и вместо сотни мерок, обыкновенно собираемых со всего сада, было собрано не более сотни яблок. Так наказано было ослушание и оскорбление начальника.

Вблизи скита есть (имеются в виду времена написания книги. — *Примеч. издат.*) кирпичный завод, где в летнее время по мере надобности братия в то время делали кирпичи. Отец Архипп раз или два раза в неделю навещал тружеников и сам учил их как надобно класть глину в формы с молитвою Иисусовой. "Так будете делать, научитесь терпению, послушанию и молитве, и Господь облегчит труды ваши", — говорил он. В дождливую или пасмурную погоду работа шла труднее, враг спасения успевал всевать плевелы ропота. Тогда о. Архипп чаще навещал братию, ободрял, утешал и наставлял безропотно нести послушание.

XIX

Помимо руководства братий о. Архиппу и здесь, в Спасо-Илиодоровском скиту благословлено было принимать посетителей за скитской оградой в особой пристройке, по обстановке похожей на часовню. Первое, что там бросалось в глаза — это большое живописное распятие. Пока не построили приемной, распятие было в келлии подвижника. При взгляде на него о. Архипп еще более побуждал себя подвизаться до смерти, чтобы вечно жить со Христом. В приемной впереди креста стоял маленький церковный столик. На нем была икона и сосуд со святой водой для окропления приходящих. Направо по стене висели три большие живописные картины: одна из них изображала силу молитв одного святого мужа за своего умершего ученика, которого он увидел в геенском огне по шею[58]. Другая картина представляла видения святого Андрея юродивого о том, как враг спасения удерживает грешника не каяться или скрывать грехи и как венчаются искренние исповедники. Третья картина показывала воздушные мытарства св. Феодоры. Такая обстановка приемной о. Архиппа[59] и сам он в схимнических одеждах, с худым бледным лицом, впалыми щеками, потухшим взором, чуждый всякого пристрастия, с седой клинообразной бородой невольно поражали всякого и заставляли хотя на время отрешиться от земного и тленного, чтобы вспомнить "последняя своя". Взирая на старца, невольно приходилось переноситься мыслью в давно минувшие времена полного расцвета подвижничества, к образу древних великих аскетов, воспитанных безмолвием пустыни, вдали от всякой молвы сего мира. Казалось, в лице о. Архиппа воскрес один из тех ангелов во плоти. Не напрасно даже схимники называли о. Архиппа древним постником или одним из древних подвижников.

Посторонних посетителей обоего пола отец Архипп принимал в приемной или под открытым небом и редких из мужчин в своей келлии.

С посетителями, искренне ищущими совета и спасения, он уединялся. После тайных бесед с ним, все отзывались о подвижнике высоко. Праздно любопытствующих отец Архипп не любил, старался от них уклоняться. Однажды некий господин забросал старца вопросами, о. Архипп отвечал: "Я ничего не знаю" и все молчал, пока не ушел от него праздный вопрошающий. Другой раз двое приехавших в экипаже, заявили старцу желание побеседовать. Отец Архипп, как видно, узнал их праздное

любопытство и ответил: "Что скажу вам? Я ничего не знаю; говорю, что мне келейники скажут". Посетители сейчас же уехали.

У старца был тяжелый чугунный крест, фунтов в 5, с тяжелой железной цепочкой. Иногда он его надевал на себя или на других и приговаривал: "Тяжел крест, но спасителен". И.Г. П-ов, как почитатель старца, пользующийся его советами, в начале устроения скита, когда о. Архипп там был за старшего, по благословению настоятеля жил некоторое время в скиту. Однажды он не пришел на утреню. После обедницы о. Архипп задержал И.Г. в храме, надел ему на шею чугунный крест и заставил читать Евангелие. По прочтении трех глав И.Г. сказал: "Пора батюшка, на чай". — "Читай еще, я послушаю", — ответил старец. Еще прочтено было две главы, снова сделано напоминание о времени чая, но подвижник не отпускал того, кого любил и кого, любя, наказывал. По прочтении 6 или 7-ми глав, о. Архипп снял крест и спросил: "Знаешь за что? Почему не был на утрени?" А при первом знакомстве с тем же И.Г. отец Архипп зажег свечу и, держа свою руку на огне, медленно говорил: "Этот огонь ничто в сравнении с тем огнем, который будет жечь грешников на том свете. Этот огонь временный, а тот вечный, того огня нам надобно бояться". Сказав это, отец Архипп спокойно снял руку с огня и, несмотря на жжение, не показал никаких признаков боли. Нужно ли говорить, что его наставления, исходившие из опыта собственной богоугодной жизни, сопровождаемые подобными действиями, его слова, сказанные с чувством, благоговением, страхом Божиим, иногда со слезами, производили сильное впечатление на слушателей.

Старец вообще учил прежде всего делом не прилепляться к земному, не надеяться на богатство, знатность или славу; помнить смерть, ад, Царство Небесное, уготованное праведным и муки вечные, уготованные грешникам. Словесно отец Архипп наставлял чаще молиться Богу, помнить Его, ходить в храм Божий, соблюдать посты, каяться в грехах, избегать пустословия, праздности, трудом порабощать страсти. В частности, его советы и наставления были кратки, но разнообразны. Боримым страстями и впадавшим в смертные грехи отец Архипп говорил: "Там что? Подумай!" — или: "Тут хорошо, а что будет по смерти? Умрешь, что в гробу будет?" Зная, что пересыщение рождает плотские вожделения и делает язык многоречивым, а при многословии трудно избежать греха, отец Архипп советовал иметь воздержание в пище. Еще говорил: "Милостыня очищает всякий грех" (Тов. 12, 9). Лучше дать, чем взять. При этом с выписки по-славянски читал: "Егда Фома Апостол взя злато у некоего царя для построения палат в Индии и разда нищим, и паки взя и паки разда, тогда царь посла уведати и не обрете построения, всади его в темницу. И бе видение цареву брату, яко таковые палаты Фома устроил царю в Царствии Небесном. Возрадовался зело царь и отпусти Фому с великой честью". После наставления, о. Архипп клал несколько поклонов о здравии посетителей, просил их приложиться к иконе, окроплял святой водой, давал им нравоучительные листики, книжечки, молитвы, крестики, смесь трав, или кусочки хлеба.

XX

В действиях отца Архипп при принятии им посетителей мы не находили ничего предосудительного, но для ищущих вины, вина всегда

найдется. Это зависит не от того, кого касается суждение, а от душевных свойств судящего. "Ум, движимый любовью к ближнему, всегда помышляет о нем (ближнем) доброе, и напротив: движимый противоположным чувством, предполагает в нем худое[60]. Некоторые, ревнуя нечисто, как говорит св. апостол[61], за многое осуждали о. Архиппа и из скудельных своих кладезей напояли других питием мутным, чем, конечно, лишали многих пользы от советов и наставлений богобоязненного подвижника. Осуждали о. Архиппа за принятие женщин. "Схимник, а с женщинами возится". Но кому приличнее принимать было женщин: старому ли схимнику, высокой жизни, пришедшему в бесстрастие, или молодому и страстному иноку? Притом о. Архипп не по своему желанию принимал посетителей, а за послушание. Надо же удовлетворять духовные потребности народа, жаждущего наставлений и советов. Прозорливый, богобоязненный старец, конечно, более всего подходил для такого послушания. Неужели лучше было отцу Архиппу ослушаться и самовольно жить в уединении?..

Самовольно избранное послушание, хотя и благословлено, не имеет той цены, как то, которое исполняется с отсечением своей воли; последнее святыми отцами сравнивается с мученичеством.

Старца порицали даже за выдачу народу кратких молитв. Что же может быть выше молитвы, правой веры и терпения? Ими приобретается всякое благо. Поэтому св. Марк подвижник пишет: "Если хочешь кратким словом воспользовать любознательного, укажи ему молитву, правую веру и терпение всех прискорбных случайностей[62]. Архипп, не любящий многословия, так и поступал: он молился за посетителей, заставлял и их молиться, а давая молитвы Иисусову и Богородичную, указывал на важность молитвы. Утешая скорбящих и унывающих, он учил терпению и правой вере, ибо начальная причина скорбей и уныния происходит от неверия в пекущийся о нас Промысл всемогущего, милосердного и человеколюбивого Бога.

"К чему, еще говорили, выдавать мирским умносердечную молитву Иисусову, когда мирские о ней понятия не имеют?" Но сама по себе молитва Иисусова: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного", не есть еще умно-сердечная; о ней, как о молитве, всякий имеет понятие. Принимающие ее с верой в простоте сердечной во всяком случае не остались без пользы. Призывание имени Сладчайшего Иисуса прогоняет злые мысли, просвещает ум, согревает сердце. Всякий, получивший молитву и краткое наставление о. Архиппа: "Чаще читай", конечно, читал молитву несколько раз. А чего не может сделать благодать Божия? Кто знает: может быть Иисусова молитва, произнесенная с верой, многих избавила от злых помыслов, слов, дел и бед, многих обратила на путь спасения.

Молитва есть души ограда;
В напасти, скорби и слезах, —
Молитва нам за все награда:
С ней чувствуем мы жизнь в сердцах[63]

Еще осуждали подвижника за строгость наставлений. "Слишком строг и суров, все толкует о смерти и муках! Какая тут любовь?!" Отбросив всякое пристрастие, должны будем согласиться, что в наставлениях строгого

подвижника была именно самая чистая, возвышенная любовь. Он, по заповеди Спасителя, того же желал ближнему, чего и себе; чего не желал себе, того не желал другим. Боялся он мук вечных, о них говорил, чтобы другие их боялись и не попали в них. Памятовал он о смерти, которая внушала страх Божий и предохраняла от греха; той же спасительной памяти смертной он желал каждому. Значит, можно ли обвинять его за строгость и напоминание о смерти и муках? Если и при строгом учении многие живут далеко не строго, то что будет, когда умолкнут строгие учители, или когда не будет видно строгих примеров жизни, какую вел о. Архипп?

Враг спасения не любит гласа наставляющих, особенно тех, кто сильно влияет на других; он сейчас же поднимает вопль: "Где вам все так исполнить, вы немощны и слабы; это можно было требовать в прежнее время, а не теперь! Это стеснение!" и т.д. И рада этому воплю грехолюбивая изнеженная плоть, противница духа: она ни о какой строгости знать не хочет, но кто ищет спасения — иначе судит... *Слово крестное погибающим юродство есть, а спасаемым сила Божия есть* (1 Кор. 1, 18).

XXI

Иночествующих о. Архипп принимал у себя в келлии. Наставления его братиям, преимущественно своей обители, были весьма разнообразны и касались всей монашеской жизни. Будучи великим терпеливцем, он и другим советовал терпение. На вопрос брата С., как спастись, он отвечал: "Все терпи: — будут тебя ругать — молчи, будут бить — молчи, молись за обидчиков, смиряй себя постоянно и спасешься". Некоторые из молодых послушников, под предлогом порабощения плотских похотей, вдаются в непомерное воздержание и делаются малоспособными к послушанию. Отец Архипп советовал им без лености трудиться на послушании, избегать всякой праздности, а благословенную пищу вкушать по мере потребности, но без излишества. Так молодому послушнику, самовольно соблюдавшему большое воздержание в пище, на вопрос: "Как спастись?" отец Архипп ответил: "Трудись постоянно, ешь и пей, что дают". — "А поститься и воздерживаться не надо?" — спрашивал его брат[64]. "Ну не ешь, — ответил ему о. Архипп, — не будешь нести послушания, не будешь жить в монастыре". Один брат скорбел, что по послушанию ему приходится обращаться с посторонними и терпеть разные искушения. Отец Архипп ему говорил: "Ты знаешь, послушание не умирает, терпи и получишь награду, как тот послушник, который все переносил за послушание (Акакий в 4-м слове у Иоанна Лествичника). Умер он и похоронили его, пришел к нему старец и спрашивает: "Умер ли ты?" — "Нет, отче, — отвечает он, — как можно умереть послушнику". Терпи и ты ради Господа". Старшему живописной, где было много юных послушников, о. Архипп в 1890 г. говорил: "Береги мальчиков: они более смиряются, когда хуже едят и больше на послушании. Трудность послушания спасет". Совет был принят к исполнению.

Через некоторое время о. Архипп говорил: "В живописной идут тесным путем и спасаются". Должностному лицу в обители советовал не оставлять молитву, когда очень спешного дела нет. "Если могут подождать тебя, — говорил он, — ты не бросай своего правила и избавишься от бед".

Была у о. Архиппа одна игуменья. Отец Архипп говорил ей: "Тебе дан посох, он от земли до неба простирается (так значит велика власть настоятельская); требуется рассуждение. Кто тебе посох дал"? —"Владыка". — "Бог, — поправил старец и добавил, — архиерей его дал от Бога". Простившись с одним иноком, уходящим в другую обитель, о. Архипп сказал: "Какой монах, когда из монастыря в монастырь ходить будет".

Для наставления братий у о. Архиппа было написано полууставом несколько выписок из Священного Писания, церковных песнопений и творений святых отцов. Вот некоторые из этих выписок: "Тело свое держи строго и в пище, и во сне, и в отдыхе, ничего не давай ему потому только, что оно хочет. Апостол заповедал: "Плоти угодия не творити в похоти" (Рим. 13, 14). Всякое древо, не дающее добрых плодов, т.е. умного делания, бывает посекаемо и в огонь ввергаемо (слова аввы Агафона у Нила Сорского в предисловии). Люби келлию, яко рай. Если тебе в келлии скучно, то от того, что еще Господа не любишь. Послушание паче поста и молитвы[65]. Послушание не умирает. Тому человеку рай будет, кто послушание исполняет. Злоба никогдаже ижденет злобу. Аще кто тебе зло творит, твори ему добро". Желая обличить неправильное исполнение подвигов, о. Архипп говорил: "И бык трудится, и бык смиряется: надо на все иметь рассуждение". Вот еще несколько кратких изречений старца[66].

"Придя в монахи, не говори о мирском, а о монастырском. Говори необходимое, а то — новости одному, тот другому, пятому, десятому... для других вред и для тебя. От разговора теряются чувства (умиление, страх Божий и проч.). Когда спрашивают, отвечай коротко: одно-два слова. Будь молчалив; даже глупый, когда молчит, кажется мудрым".

"Великий вред от празднословия: слово — дар Божий. Все ничто, если не научишься, когда сказать и когда молчать. Говори тихо и не смейся. В келлию к себе никого не зови и сам ни к кому не ходи. Мышь, когда сидит в норе, не уловляется кошкой, а как только выйдет, уловляется, так и нас ловит враг спасения. Монаху надо жить в скудости. Когда хвалят, нужно плакать, а когда укоряют и ругают, тогда грехи снимают".

"Помни смертный час: ах, умереть надо, а смерть грешнику люта!"...

XXII

Без всякого лицеприятия старец иногда обличал ближних. Обличение его приносило благотворные плоды. Еще рясофорным послушником о. Архипп показал это нелицеприятие. Архимандрит Т., бывший на покое в Глинской пустыни, просил настоятеля поместить с ним в одном коридоре такого монаха, к которому бы никто не ходил. Назначен был Архипп (тогда еще Афанасий). Архимандрит полюбил простого и смиренного соседа, часто ходил с ним на прогулку и был весьма разговорчив. При многословии, говорит премудрый, не избежишь греха, так случилось и тут. Молчаливому спутнику многое казалось лишним. Раз он не утерпел и в простоте своей сказал: "Не следовало бы тебе говорить этого, ты третье лицо в России: первый — митрополит, второй — архиерей, а третий — архимандрит".

Один благодетель обители, несмотря на свои старческие лета, ходил в сюртуке и носил накрахмаленную рубашку. Отец Архипп говорит ему: "Сюртук замени длинной свиткой и подпояшься поясом, рубашку носи простую. К чему тебе наряжаться, ты старик, тебе надо к смерти готовиться".

Приходят к о. Архиппу два господина, служившие на видных местах в земстве. Подвижник в первый раз их видел. "Вы пришли ко мне получить наставление, — говорил он, — слушайте: занимаете вы хорошие места, для других должны служить примером, чтобы вами не соблазнялись, а вы как живете? Вот ты уже старик, а что делаешь? Не думайте, все так пройдет; Господь взыщет за все. Будьте справедливы, не обижайте никого, избегайте всяких греховных пожеланий. Более ничего, простите меня, я глуп, неученый". Пришел к о. Архиппу некто, слишком неживший свое тело. Старец прямо ему говорит: "Ты гладкий, а вот сегодня-завтра смерть, и тогда все пропадет".

Священноиноку N. старец-руководитель[67] не благословил пить вино. N. ранее пил очень мало и то только по просьбе, при случае, ему нетрудно было исполнить заповедь, но врагу спасения так или иначе хотелось погубить его душу. Через вино он находит возможность вовлечь инока во все другие пороки, заставляя нарушить обеты послушания, нестяжания и целомудрия. Отец N. заболел. Ему под предлогом лекарства предлагается настой из водки. Не подозревая никакой опасности, N. начал принимать горькое лекарство и привыкать к водке. Помня заповедь старца, он употреблял лекарство тайно. Господь, хотящий всем человекам спастись, через о. Архиппа разрушил козни врага. Однажды во время вселенской панихиды, когда певчие были на середине церкви, священноинок N. стоял на правом клиросе в теплом храме рядом с о. Архиппом, вдруг от иконы Святителя Николая[68] слышит повелительный голос: "Послушай, послушай, послушай!" — "Слова эти сильно отозвались в моем сердце, — говорил N., — и как бы разлились по всему телу. Я не верил своим ушам, стал осматриваться. Отец Архипп вышел из формы[69], приблизился ко мне и с угрозой стал обличать: "Ты правила старца не читаешь, в церковь не ходишь!... Что ж ты думаешь?.. Ты стал вино пить, даже водку; смотри, ляжешь спать и заснешь на век[70]. Ты монах, даже более. От вина блудные помыслы, и тянешься к падению. Старайся на утреню ходить, хоть на часть... Твои родные померли многие, ты болеешь... Не ходи по келлиям: странствовать худо, сиди на одном месте, без послушания — никуда. Мне возвестилось это сказать тебе. Смотри!.. Не пей вина, ходи в церковь". Тут о. Архипп предсказал будущее назначение отца N., которое и состоялось в свое время. "Вот за тебя три поклона", — сказал вдохновенный старец и, положив поклоны, спрашивает: "Ты не будешь скорбеть"? Говорить ли, какое благотворное влияние произвели столь сильные обличительные слова подвижника, в которых высказана была вся сокрытая жизнь отца N.?[71].

Однажды приходит к отцу Архиппу приехавший из другой обители священноинок. Отец Архипп сразу же спросил его: "Ты отчего живешь без руководителя? Отчего редко в церковь ходишь? Почему так и сяк живешь?" Всю жизнь посетителя видел старец. Почему не имел руководителя и почему не ходил в церковь, священноинок дал ответ, но относительно своей жизни должен был сознать себя виновным и, видя в старце человека Божия, просил прощения. Отец Архипп дал ему спасительное наставление. После таких обличений, казалось бы упомянутые священноиноки должны быть недовольны подвижником, но по слову Божию: *обличи премудра и возлюбит тя* (Притч. 9, 8), они истинно возлюбили старца и отзывались о нем в самых лестных

выражениях. Так исполняется изречение древней мудрости: обличающий человека найдет после большую приязнь, нежели тот, кто льстит языком.

Однако обличения старца не всегда имели такие результаты. Людям иных взглядов на жизнь и привыкшим к удовлетворению похотений бренного своего естества, не могли нравиться наставления и обличения строгого аскета. Он одним казался странным, другим невыносимым. Вместо того, чтобы о благом по естеству благое мыслить и о всяком человеке помышлять доброе, как научают святые отцы, лукавый разум помышляет злое и добрые дела ближнего перетолковывает к уменьшению их достоинства[72].

"Чем кто благочестивее, на того тем более диавол понуждает нас озлобляться. Кто святее, на того взводит большую хулу. Перед простосердечными побуждает возноситься, простоту их веры, да и самые предметы их веры и благоговейного поклонения, — презирать"[73]. И потому мы не удивляемся, если находились говорящие не в пользу о. Архиппа. Плотолюбец не может истинно похвалить распинающего плоть свою, невоздержный — постника, славолюбивый — бегающего славы и т.д. Вот почему некоторые доброе называют злым и злое добрым (Исаия 5, 20)[74]. Всем угодить трудно; угождая благочестивым, не угодишь злочестивым; неложно говорит Сама Истина: *горе, егда добре рекут о вас вси человецы.* Не всегда слыша похвалы о. Архиппу, мы еще более удостоверялись в истине его благочестия. Конечно, духовноопытному нетрудно узнать человека. "Если хочешь узнать сердечные помышления, — говорит св. Ефрем Сирин, — обрати внимание на уста: от них узнаешь, о чем заботиться и старается сердце: о земном или о небесном, о духовном или о плотском, об удовольствии или воздержании, о многостяжательности или нестяжательности, о смиренномудрии или о высокоумии, о любви или ненависти. Из сокровищ сердца уста предлагают снеди приходящим, и то, чем занят язык, показывает, что любит сердце: Христа или что-либо из настоящего века. И невидимая душа по телесным действиям делается видимой, какова она — добра, или зла"[75]. Но кто смотрел на о. Архиппа с предубеждением, считал его безумным, сам не присматривался к его словам и подвигам, не знал или не хотел знать его, когда он пришел в меру духовного возраста и получил от Бога благодатные дары. Тот оставался в неведении о старце и много погрешал, отрицая то, что говорило про подвижника большинство. Часто мы видим что-либо малое, по нашему погрешительное, а великой добродетели, совершаемой тайно, не видим. При этом надо еще иметь в виду, что "ко всяким добродетелям претыкается зло, и посему лукавые добродетель перетолковывают в порок"[76]. "Святые, — говорит святитель Димитрий Ростовский, — имеют в себе нечто зазорное; они, как человеки, подлежат человеческим немощам, совершен только один Бог"[77]. Но именно за такие немощи и за чудачества осуждали о. Архиппа. Отец настоятель, знавший подвижника 30 лет, вынужден был образумить заблуждающихся. В защиту старца он сказал следующее: "Это великий муж, дай Бог, чтобы у нас таких было более. Его молитва имеет значение. Не смотрите на его немощи и чудачества. Надо понимать его чудачества. Он все в нас видит: умрет, тогда поймут, какой он был светильник[78]. Нам надо не осуждать его, а подражать ему. Чудачества его и немощи не вредны, а подвиги достойны подражания. Несмотря на свои преклонные лета, когда проспал он хоть раз утреню, когда ушел раньше конца

службы? Пусть скажут. Я не знаю, пропустил ли он хотя одно богослужение. Он не ест вовсе с маслом, причащается еженедельно, читает Псалтирь, беспрестанно в труде, другим показывает пример. Что же еще надо?"

XXIII

Зная жизнь старца, его слова и дела, мы не усомнимся сказать, что сей немудрый у людей, но мудрый у Господа, умудренный опытом жизни, не читая святоотеческих книг, учил и действовал святоотечески, ибо "уста смиренномудрого изрекают истину"[79]. "Научившийся от Бога божественному может без учения человеческого разуметь человеческое"[80]. Исполнение этих изречений святых мы видим на отце Архиппе. Он был хотя невежда словом, но не разумом (II Кормч. 11, 6).

Приведем несколько примеров духовной мудрости подвижника.

Иноку N. всякое посещение отца Архиппа приносило великую пользу; у него всегда было желание бывать у старца как можно чаще, но с другой стороны лукавый враг заставлял бояться прозорливца: "Пойдешь к о. Архиппу, он зная грехи твои, обличит тебя". В действительности обличит его (врага), который желает, чтобы мы возненавидели вразумление и тем его самого избавили от позора. "Я, — говорил отец N., — желал идти к о. Архиппу в то время, когда у меня будет лучшее душевное состояние, а между тем, по самонадеянности своей, приходил в худшее. Созидал и разорял, и снова откладывал посещение старца. Только по впадении в грех решился просить молитв о. Архиппа, но все же опасался его обличения при других. Пришел к нему и застал несколько братий. Просил помолиться. Что же делает о. Архипп? — Обличает, но как? Берет списанную полууставом надгробную стихиру великой субботы (поется по великом славословии) и начинает читать внятно по складам, повторяя одно и то же: "Приидите, ублажим Иосифа приснопамятного *в нощи* к Пилату пришедша и Живота всех испросивша — даждь ми сего страннаго, Его же Мати зрящи на кресте висяща, рыдающи вопияше и матерински восклицаше: "*Увы мне*!"... Слова "*в нощи*" и "*увы мне*" о. Архипп сказал ясно, громко, повторил их с особым ударением. Для меня они имели особое значение, для других показывали благочестивое воспоминание страстей Господних. Так мудро *буй мира сего* может обличать мысли и страсти наши.

Однажды к о. Архиппу пришел отец М. и застал у него другого инока. Тот и другой стеснялись спрашивать старца, он сам их выручил. Перебирая листики с выписками, не без цели уронил один листок на пол, при этом сказал отцу М.: "Молись и клади поклоны после утрени; спрашивай себя, проживешь ли этот день". М. действительно иногда ночью совершал свое келейное правило с поклонами, но сомневался, полезно ли это. Отец Архипп разрешил его тайное недоумение. Не менее мудро старец дал наставление другому, бывшему тут иноку. Начинает читать листок и будто не разбирает: "До... до... не разберу, на, прочитай". Тот читает именно то, что соответствовало его душевной потребности.

Один брат пришел к подвижнику для душевной пользы, но стеснялся спрашивать. Познав его помыслы, о. Архипп незаметно для других дал ему нужный ответ. "Приходил ко мне один мужичок и спрашивал, как избежать блудных помыслов, сонных видений и греха? Когда, говорю ему,

ешь сытно в три-четыре блюда, — кровь кипит, засматриваешься днем, а ночью видишь. Ешь хлеб, да воду: кровь кипеть не будет, страсти утихнут, видения прекратятся и согрешать в помысле не будешь". Под видом мужичка брат познал себя и совет старца принял к сведению.

Так не наученный человеческой мудрости, но наученный от Духа Святого (1 Кор. 2, 13), отец Архипп был мудр во благое и прост на злое (Рим. 16, 19). Сам Господь умудрял его, как поступить в том или ином случае ради спасения ближних, не оскорбляя их, не выставляя себя и не обнаруживая другим душевного состояния приходящих.

Инокиня А.А. спрашивала старца, согласиться ли ей жить вместе с одной монахиней. "Она как к тебе расположена?" — "Да ничего". — "Любит?" — "Любит", — отвечала инокиня. "Надо узнать: как любит? Истинно любит — живи с ней". В последнем вопросе нельзя не заметить мудрости старца, ибо редко можно найти чистую бескорыстную христианскую любовь. К ней, так же как и ко всякой добродетели, примешивается зло (сладострастие, или честолюбие).

Некий начальник поставлен был в затруднительное положение и не знал, как из него выйти. О. Архипп посоветовал написать письмо к высокопоставленному лицу. Совет был принят. Но письмо как-то не удавалось. Снова спрашивают у, якобы, немудрого старца, как писать? Отец Архипп посоветовал написать: "Тяжко мне и обоюдно тесно"... Далее он развил мысль, и письмо имело желаемый успех.

Отец N. смущался духом и долго боролся с унынием, но не решался сказать о нем своему старцу-руководителю. Ему казалось: лично у него много напрасных хлопот и забот, мало спасительного; жизнь проходит как будто без всякой пользы[81]. К нему в келлию пришел о. Архипп. N. начал высказывать свои мысли. Старец соглашался, поддерживал. Видя единомыслие подвижника, отец N. высказал все откровенно. Вечером того же дня по молитвам старца он пришел в познание истины, осознал свое положение, убедился в неправоте своих суждений, отрекся от них: всех обвиненных оправдал, а себя, оправданного, признал во всем виновным и немало удивлялся отцу Архиппу, что он подтверждал его заблуждение. В сущности со стороны мудрого старца было желание дать высказаться, облегчить сердце и узнать причину душевной болезни. Утром на другой день о. Архипп встретил отца N. и говорит ему: "Не унывай, слава Богу за все... Господь милостив"... Эти слова ободрили кающегося и поселили уверенность, что и он не даром живет, но приносит хоть малый посильный плод и не забыт будет у Бога... Из слов старца о. N. узнал, что Господь возвестил подвижнику о перемене душевного его устроения, о покаянии и побудил ободрить его, чтобы он снова не впал в уныние.

Старец Божий, зная немощи человеческого естества, открывал только то, что были способны понять, выслушать и кто принимал слова его близко к сердцу, с верой, тем оно по благодати Божией и было на пользу.

Ничто из земных выгод лично не занимало о. Архиппа, но, как сын обители, он радовался ее радостью, печалился ее печалью и душевно желал обеспечить содержание братии. Людям, могущим благотворить от своих избытков, он говорил: "Что дашь, то твое, что не дашь — не твое". По-видимому тут — противоречие; но на самом деле действительно так. Данное на доброе дело, ради Бога, — наше, как совершившееся, могущее по смерти идти вслед за нами (Апок. 14, 13) и предстать ходатаем за нас у Судии Бога, а оставленное у себя неизвестно, пойдет ли нам на душевную

пользу: может быть потратится на различные предметы роскоши и удовольствия, принося душевный вред. Хотя на случай смерти пишут завещания, но не в воле завещателя исполнить их. Притом данное по необходимости, когда в нем нет нужды, не имеет уже той цены. Итак, только данное нами на доброе дело при жизни, может считаться вполне нашим.

Келейник просил у старца благословить ему чугунный крест. Старец не благословил, несмотря на неотступную просьбу. "Тебе не полезно", — сказал о. Архипп. Келейник уверял, что он носить креста не будет, а просит только для памяти. Но не получил просимого. Так мудрый подвижник боялся дать ближнему то, что при ревности не по разуму может послужить не во спасение души, а на о обольщение, превозношение и погибель[82].

Все вышеизложенные случаи вполне свидетельствуют, что подвижник, несмотря на свое видимое неразумие, для знающих его казался далеко не таким. Можно ли, например, назвать его неразумным, когда он весьма разумно учил других, как следует читать по-славянски и исправлял у чтецов ошибки. Своего келейника он долго не мог научить читать именно так, как ему желалось. Он требовал читать по-церковному одинаковым ровным голосом[83].

Послушник N., ученый светским наукам, читал в церкви, держась гражданского выговора, с ударением на букву "а", чего славянский язык не терпит. Отец Архипп захотел его исправить. Берет он славянскую книгу, открывает ее и говорит N.: "Посмотри, так ли я читаю". Начинает складывать: "Бо-го-ро-ди-це". N. говорит: "Богородице". Старец снова складывает и выговаривает протяжно: "Богородице". Так повторил несколько раз; ученый брат наконец понял, в чем дело, и начал читать без изменения "о" в букву: "а".

Самолюбивых, которые не могут терпеть никакого замечания, невозможно направить на истинный путь, хотя бы они и заблуждались. Собственное "я" у них важнее всего. Как таких наставить? Отец Архипп умудрился. Он спрашивал их, как незнающий, именно о том, что для них было на пользу, или просил прочитать ему то, что давало им нужное наставление.

Иеромонах Г-ий, прежде подвизавшийся в Глинской пустыни, после смерти старца, говорил: "Я знал мудрость о. Архиппа, несмотря на то, что сам он себя и некоторые называли его "дураком". Истинный делатель заповедей не требует много наставлений. Отец Архипп, когда у старца схиархимандрита Илиодора заставал других, сейчас же уходил, а обращался наедине, иногда на дороге, коротко что-то спросит, получит такой же ответ и уходит".

Таким образом изречение св. Марка Подвижника: "Видел я простецов, делом смирившихся, и стали они мудрее мудрецов"[84], кажется, можно вполне применить к отцу Архиппу.

XXIV

Когда человек грешит и не сознает себя виновным, Бог для вразумления его посылает скорби. Они еще более умножаются, если принимаются с ропотом, как незаслуженные. Отсюда происходят сетование, печаль, уныние. Но истинные подвижники в самой скорби

30 1374

видят любящего Бога, Который наказует любимых и *бьет всякого сына, его же приемлет* (Евр. 12, 6). Так и отец Архипп, несмотря на свой претрудный образ жизни, не только сам всегда благодушествовал, но, движимый любовью к ближним, то рано утром, то поздно вечером, то в одном, то в другом месте являлся утешать скорбящих и малодушных. "Чудный он у нас, — говорил про него скитянин отец В., — сам едва ходит, а когда надобно утешить другого, прибежит веселый, запоет о смерти, ободрит словом, видя его невольно сам ободришься". *Веселое сердце благотворно как врачевство, а унылый дух сушит кости* (Притч. 17, 22). Однажды того же отца В., обвиняли в самовольной ловле рыбы. Дело это разбирал благочинный. В., по малодушию своему, сильно скорбел. Вдруг к келлии его — вне скита, пришел отец Архипп, сел на скамейку и начал петь погребальную священную песнь: "Приидите последнее целование дадим, братие, умершему, благодаряще Бога"[85]... В. пригласил старца в келлию. Вместо приветствия отец Архипп просит его не скорбеть, и он успокоился. Приехал благочинный. Отец Архипп спрашивает его: "Говорят, меня тут за начальника поставили[86], могу ли я распорядиться одним человеком?" Получив утвердительный ответ, он сказал: "Я благословлял В. рыб ловить, пусть и теперь сходит: я с тобой поем рыбки". В. пошел, скоро поймал большую щуку, для старцев была приготовлена хорошая уха. Другой раз во время богослужения в скитском храме старец подходит к монаху Г. и говорит ему: "Не скорби", а потом спрашивает: "Ты не скорбишь?" — "Нет, батюшка, теперь особенных скорбей не имею". — "Ну так будут скорби, только ты не скорби, на свете все перевертывается и изменяется. Тебе бы лучше отказаться от старшинства". Сказав это, старец пошел на свое место и схиму, которая у него была одета на изнанку, перевернул на правую сторону. По некотором времени отца Г. сменили со старшинства и назначили на другое послушание.

Скорбящий и унывающий брат А-сий решился тайно уйти в другую обитель. "Была суббота, — говорил он, — я думал завтра рано оставить монастырь. В воскресенье в 5 часов утра выхожу в коридор, вижу отца Архиппа (он тогда жил в ближнем скиту). — "Дай мне умыться", — сказал он. Я его пригласил в келлию. Тут он стал уговаривать меня оставить свое желание: "Оно не от Бога, а по искушению", — говорил старец. Более часа пробыл у меня отец Архипп: то говорил, то молился один или вместе со мной. Позвонили на раннюю обедню, а он все увещевал меня. По его молитвам и убеждению я остался в обители.

Монах З. изнемогал от великих испытующих веру и терпение скорбей. Несколько раз он собирался посоветоваться с отцом Архиппом, который служил ему всегда образцом монашеского терпения, но все что-либо ему мешало.

Вдруг сам отец Архипп бежит к нему, чего прежде не случалось: подбежав к отцу З., он говорит: "Не унывай, Матерь Божия тебя утешит". Успокоенный словами и молитвой старца, монах З. получил облегчение, готовый снова все терпеть ради вечного воздаяния. В скором времени положение его изменилось к лучшему.

Монах Т. говорил: "По поступлении в обитель меня послали караулить луг вместе с отцом Ф. Тут на меня напали страшные скорби, готов был уйти из обители. Однажды в праздник отец Ф. пришел из церкви и подает

мне просфорку от отца Архиппа, которого я вовсе не знал; скушал просфорку, и скорби прошли. Потом я стал посещать старца. Пойдешь к нему со скорбями, напьешься чаю и они сами собой пройдут. Отцу Архиппу не надо было говорить о скорбях, сам узнает и утешит. Он даже не позволял говорить о скорбях, знал, что повторение скорбных помыслов приносит еще больший вред. В одно время у меня были скорби, и я пошел к отцу Архиппу с непременным желанием высказать ему все: он встретил меня с словами: "Не скорби", — усадив пить чай, говорит: "Слышал, как я сегодня читал Апостола? — "Нет, на ранней обедне не был". "Ну так я тебе прочту". Он начал громко, как в церкви, читать заупокойный Апостол[87]. Вместо слез, на меня напал неудержимый смех, с которым вышло все мое горе, и я пошел от старца совершенно успокоенный".

У благодетеля обители, помещика М.Ф. Улазовского заболела нога. Доктора успокаивали его, а родным говорили о необходимости ампутации. Услышав это, больной пожелал лучше прибегнуть с молитвой к Богу и с этой целью отправился в Глинскую пустынь. "Приехал я вечером, — говорил он, — на завтра встал рано, еще не было и пяти часов. Выхожу и вижу отца Архиппа, он, как видно, ожидал меня. Пригласил меня сесть на лесенке и говорит: "Не скорби, будешь здоров, еще не умрешь". — Нога моя поправилась".

"Терпи, все пройдет, надейся на Бога, избавит; молись, Матерь Божия поможет; надо терпеть, с чем туда явимся?" — Вот обычные наставления и ободрения отца Архиппа скорбящим и унывающим. Вообще старец словом, а главное примером своей жизни, всех побуждал к терпению, поддерживал слабых, вразумлял неразумно-скорбящих или своими молитвами избавлял их от скорбей, когда последние не могли им, по их же вине, приносить спасительного плода.

XXV

Св. Ефрем Сирин говорит: "Если сподобились духовных дарований по благодати Христовой, будем друг с другом иметь общение всех благ к назиданию и пользе самих себя, ближних и всех человеков. Ибо, исполняя так закон Христов, соделаемся достойными вечной жизни"[88]. Отец Архипп так и поступал. Выше мы уже упомянули о некоторых случаях, где виден дар его прозрения, являвшийся у старца весьма обильно. Приведем здесь еще несколько таких случаев.

Брат Антоний пришел к отцу Архиппу попросить его молитв. "Все тужишь, — говорит ему старец, — о своих не молишься".

— "Я молюсь", — отвечал, Антоний.

— Как?

— За упокой отца и о здравии матери.

— Молись о них за упокой.

— Мать еще живая.

— Молись за упокой, — повторил подвижник.

Придя от отца Архиппа, брат Антоний получил письмо с родины, извещающее о смерти матери. Был уже девятый день по ее смерти. Он опять пошел к старцу и сказал ему о получении письма. Отец Архипп, как бы с упреком за недоверие к словам его, сказал: "Девятый день, а ты за здравие молишься!?"

Соборный храм
Рождества
Пресвятой Богородицы
и его средний иконостас,
в котором находилась
Чудотворная икона
Рождества Пресвятой Богородицы
Пустынно-Глинская.
Фотографии конца XIX —
начала XX века

Монах С. и брат N. шли в скит к отцу Архиппу. Первый знал силу старческих молитв и хотел просить помолиться о здравии сильно болящей матери. Другой, новоначальный, имел еще светские взгляды на монашество, шел по-видимому более посмотреть скит, из любопытства, нежели пользоваться чьим бы то ни было советом. Подходят к скиту. Навстречу им выходит сам старец. По взаимном приветствии, С. просит помолиться о здравии матери. Отец Архипп говорит: "Будет здорова, пойдем, помолимся". В келлии он положил 12 поклонов и снова повторил: "Будет здорова". Больная действительно поправилась. Брата N. старец заставил читать Евангелие. Открыл его, как пришлось, на 18 главе от Иоанна. Когда N. дошел до 10 стиха 20 главы: *Идоста же паки к себе ученика*, подвижник прибавил: "в мир". — "Отец Архипп брату N. предсказывает выход из обители в мир" — подумал про себя монах С. По окончании чтения отец Архипп стал говорить пришедшему брату: "Пришел ты в монастырь, надо на утреню ходить, на акафисты, не все сладко есть; приучай себя ко всему; от чревоугодия спать хочется, от сна страстные помыслы рождаются. Домашние попечения оставь, да и свое рассуждение, а то мы люди ученые — рассуждать любим... Таким трудно спастись, такие скоро уходят, а кто смиряется, ничего не знает, тому легче жить в монастыре... Ты скорбей понес много; если будешь покоряться, то поживешь еще!" Таким образом старец, первый раз видевший этого новоначального, узнал все его прошедшее и настоящее. N. скоро ушел "в мир", и слова отца Архиппа исполнились.

N.N. хотел поступить в Глинскую пустынь, но несколько дней не мог дождаться приема у отца настоятеля. Пошел он к о. Архиппу и спрашивает. "Не знаю, батюшка, поступить ли мне, вот уже несколько дней не могу дождаться..."

— Куй железо, пока горячо.

— Может быть, меня еще не примут?

— Куй железо, пока горячо.

Вдруг в келлию старца приходит о. настоятель. Старец говорит N.N.: "Просись". Отец игумен спрашивает о. Архиппа: "Принять?" — "Прими", — и N.N. был принят в число братства.

Глинский иеромонах просил старца принять четырех девиц с его родины.

Отец Архипп помолился за них и дал каждой листик или книжечку, вынимая их то из середины, то из-под низу, то сверху. Содержание статей вполне соответствовало потребности души каждой. Так получившая книжечку "Гибельные последствия похоти очей" призналась, что действительно слишком много засматривается на красоту мужчин. Получившая листок о почитании родителей, имея мать-старуху и малую сестру или брата, хотела идти в монастырь. Девице, живущей в большом семействе, досталась таблица о мире между домашними. Вообще старец каждому давал то, что более могло служить на душевную пользу.

Студент N.N. с родственником своим был у о. Архиппа в скиту. Оттуда они все трое ехали в обитель. О. Архипп, обращаясь к N.N., говорит: "Оставь в пост есть мясо, грешно, не прогневляй Бога" (это было в Рождественский пост), гирьки в кармане не держи, а то попадешься, плохо будет; да и жениться — тоже не думай. Женишься, учиться перестанешь". На расспросы родственника, оказалось, что N.N. действительно ел по постам мясо, думал жениться и в кармане носил так

называемый кистень (гирьку) для самозащиты, которую сейчас же вынул из кармана и показал. Пораженный тем, что о. Архипп узнал даже самую сокровенную тайну его сердца о женитьбе, N.N. обещался все исполнить по желанию старца.

Монах Г-ий безвинно был обижен и тайно в келлии выплакал свое горе. На утро встречается отец Архипп и говорит: "Чего ты плакал? Надо все терпеть, это спасательно". После слов старца Г-ий успокоился.

XXVI

Отец Архипп предсказывал предстоящие перемены иноков на послушаниях, предупреждал о несчастьях и вообще многим говорил будущее.

Раз на пекарню пришел послушник. О. Архипп сказал: "У этого голос как у отца Иннокентия, он будет игуменом". Тогда словам Архиппа не придавали никакого значения. 17 сентября 1888 года скончался архимандрит Иннокентий и в настоятели избран иеромонах Исаия, тот самый, которому старец предсказал игуменство более, чем за 20 лет[89].

Брат Г., только что поступивший на пекарню, в отце Архиппе сердцем, верующим в правду, познал истинного раба Божия и решился во всем подражать ему. Однажды старец велел ему придти вечером на сеновал кучерского двора, где тогда отец Архипп проводил ночи, может быть для сокрытия от других своих молитвенных подвигов. Когда пришел Г., он говорит: "Ты моего подвига не понесешь: дураком трудно быть, ты должен идти своим путем, будешь монахом и иеромонахом". Последнее предсказание подвижника исполнилось почти через 20 лет.

Инок Тимофей[90] видел во сне, будто отец Архипп его исповедует. Утром, возвращаясь от ранней обедни из ближнего скита, подходит к нему старец и велит читать молитвы перед исповедью, положенные псалмы и повседневное исповедание грехов. В тот же день отец Тимофей по послушанию своему пошел в темную кладовую, через открытый люк упал в погреб и сильно разбился, хотя мог бы убиться до смерти. — "Исповедными молитвами, — говорил он, — старец приготовил меня к смерти и помилован я, может быть, только за его святые молитвы".

Однажды старец встретился с братом N. и говорит ему: "Ударят в щеку, подставь другую". В скором времени N., как запасный нижний чин, был призван в учебный сбор. Он был дежурным, к нему подошел рядовой и ударил в лицо. Виновного ожидало строгое наказание, но оскорбленный унтер-офицер вспомнил слова старца, правильнее же — Самого Господа, повторенные подвижником месяц тому назад и простил оскорбителя ради Бога.

Как-то пришел о. Архипп в живописную мастерскую своей обители, сел на кровать брата Н-а и стал говорить: "Из монастыря не следует уходить до самой смерти". На следующее утро Н., тайно ушел из пустыни, не вняв предупреждению подвижника.

Имелась ли какая скорбь или неприятность, о. Архипп являлся в живописную с словами наставления, утешения и молитвы.

Отец Иван говорил: "Я часто ходил к о. Архиппу. Однажды он говорит мне: "Хорошо бы тебе быть в больнице, в киновии тебе надо бы, там воздух хороший. Да и в Путивле хорошо, там река; в Заруцком тоже хорошо"...

— Батюшка, это не от меня зависит.

"А хорошо бы тебе"... и старец снова стал перечислять, где мне будет почему-либо хорошо. После этого я в скором времени заболел воспалением легких и меня отправили в больницу, потом перевели в "киновию", а когда поправился, назначили в Путивль на Сеймские мельницы. Где только говорил о. Архипп, мне пришлось везде побывать".

Отец И. пришел к о. Архиппу с послушником N. Старец, указывая на последнего, говорит: "Это не наш". — "Он у нас", — сказал И. — "Не наш", — несколько раз подтвердил о. Архипп. Прошло 6—7 лет и N. перешел в другой монастырь.

Когда в Глинскую пустынь перевелся иеромонах Г-дий, о. Архипп говорил ему: "Ненадолго ты пришел к нем, опять уйдешь". Через год с лишком слова старца исполнились.

Послушник Григорий должен был отбывать воинскую повинность. Пришел проститься к о. Архиппу, испросить его молитв и благословения. "Отправляюсь, батюшка, к отбытию воинской повинности, может быть,в солдаты возьмут".

— Садись, пей чай, ни о чем не думай, — сказал пришедшему старец.

Сколько раз Григорий ни начинал говорить о беспокоившем его будущем, отец Архипп не давал ему на нем остановиться, занимал своим разговором, успокаивал и угощал чаем. Григорию выпал большой номер жребия, и он освободился от военной службы. Подобно этому подвижник поступал не один раз. Может быть, его молитвами люди полезные спокойно оставались на прежнем своем поприще, не тревожась переменой образа жизни.

Дворянин П.Б., желая избежать военной службы по жребию, думал поступить вольноопределяющимся и уже готовился держать экзамен. Тогда ему было 18 лет. Бывая в обители, он сказал о. Архиппу: "Хочу поступить в военную службу".

— Зачем тебе в военную службу?

— Все равно, могут взять по жребию.

— Нет, ты не пойдешь.

"В то время, — говорил нам П.Б., — я ни за что не верил старцу, слова его приписал полному неведению правил отбытия воинской повинности. Перед экзаменом я заболел и не мог держать его до отбытия повинности. Болезнь совершенно изменила меня, и я был признан неспособным к службе. Так, вопреки моему ожиданию, исполнились слова о. Архиппа".

К девице N.N. сватался богатый жених. Она спрашивала о. Архиппа, выходить ли ей за богатого. Старец сказал: "Будет пить, да бить. Лучше бедный, да благочестивый". Но N.N. уговорили выйти за того, который сватался. Он стал пить и жену бить. Тогда N.N. вспомнила слова прозорливца и горько раскаялась, что не послушалась совета. Прошло несколько лет, она была в Глинской пустыни и об этом рассказывала отцу настоятелю.

Монах Иосиф по смерти о. Архиппа говорил, что 6 лет тому назад, старец, указывая на каменный больничный корпус Глинской пустыни, говорил: "Повыше больницы, где ограда, будет хорошая кухня".

На том месте в 1897 году (год спустя по смерти старца) построен был новый деревянный больничный корпус. Больничная кухня помещается в конце, ближнем к каменному корпусу. Слова подвижника сбылись в точности.

XXVII

Отец Архипп предсказывал время кончины отцов и братий Глинской пустыни и посторонних. Благодаря этому, многие имели возможность заблаговременно, насколько могли, приготовиться к лучшему переходу в жизнь загробную.

В августе 1888 года старца видели лежащим и плачущим между главным и левым алтарями соборного храма. На вопрос о причине плача старец отвечал: "Скоро все будете плакать". Через месяц все оплакивали смерть любимого архимандрита Иннокентия. Замечательно, что почивший авва первоначально погребен был на том самом месте, где плакал отец Архипп[91].

При легкой начавшейся болезни братского духовника иеромонаха Аполлония[92], отец Архипп за 20 дней предсказал его смертный исход.

Послушник Семен Викторов поступил в Глинскую пустынь в 1891 году и начал работать Господу со страхом и усердием. Это не могло нравиться врагу человеческого спасения, и вот он употребляет обычную свою хитрость: любовью к матери хотел поколебать любовь к Богу: "Похорони мать и тогда беспечально подвизайся в отречении мира[93]. Семен спросил отца Архиппа; тот, несмотря на здоровый вид брата Семена и представительную наружность, прозревал краткость жизни вопрошающего и советовал остаться в монастыре: "Спеши, не медли, — говорил он, — куй железо, пока горячо, после будет поздно". Семен послушался старца, и приложил особенное усердие к прохождению иноческого жития. Прошло 4 года, Семен заболел и на другой год, постриженный в мантию с именем Смарагда, блаженно скончался, вполне подготовленный к переходу в жизнь вечную.

За 1,5 недели до смерти М.П.Л., когда он был еще здоровым, о. Архипп писал ему приблизительно следующее: "Припомните, как я сидел с вами в Спасо-Илиодоровском скиту. Вы признали необходимым расширить скитскую церковь и обещали на это внести свою жертву. Это слышала Матерь Божия, и ангел-хранитель записал слова ваши в памятную книжку. Спешите же исполнить свое благое желание. Я стар, смерть у меня на носу: свеча жизни догорает, се зрю гроб перед собой... а может быть и вы еще ранее меня умрете, спешите, спешите!"

Это было пророчеством. М.П. скоро заболел. По получении известия о тяжкой болезни этого благодетеля о. игумен с иеромонахом М. и отцом Архиппом отправились к больному. Отец Архипп говорил: "Хоронить едем". По приезде Глинские старцы нашли М.П.-ича в предсмертной болезни. Отец игумен просил совершить елеосвящение. Брат больного сильно противился этому в виду того, что может быть М.П. поправится; он, вероятно, полагал, что елеосвящение нужно только для умирающих. Отец Архипп, не входя в доказательство спасительности св. таинства, которое на основании слов святого апостола Иакова совершается с тем, чтобы Господь спас болящего, воздвигнул его с одра и простил ему грехи, сказал: "Надо (пособоровать). Бывает — и на стуле умрешь". М.П-ич умер на другой день. Прошло несколько лет, брат М.П.-ича совершенно здоровый, скоропостижно скончался в 1899 году на стуле. О прозорливом предсказании старца многие стали говорить в городе N., где эти братья жили.

М.П. Я-ская в июле 1895 г. просила старца помолиться за болящую родственницу. "За тебя теперь помолюсь, а за нее после помолится отец игумен", — отвечал о. Архипп. В октябре того же года больная скончалась и М.П. просила настоятеля Глинской пустыни совершить по усопшей поминовение.

Впрочем, не всегда сбывались предсказания прозорливца. Были случаи, что он говорил о скорой смерти кого-либо, а тот жил долго. Следует ли поэтому отвергать прочие случаи его прозрения? Никак. Следует ли думать, что несбывшееся по предсказанию старца было им предсказано ложно? Нет. Вот Сам Бог повелел пророку Ионе проповедовать разрушение Ниневии; жители ее покаялись, и предсказание пророка не исполнилось, слово Божие не сбылось. Можно ли сказать, что Господь и пророк Его не знали будущего? Подобное бывает и с предсказаниями прозорливцев. Предсказывает прозорливец иному смерть, болезнь, несчастье, но долженствующий иметь их стал молиться, каяться, — и Бог изменяет свое определение, и слово прозорливца является как бы ложным[94].

XXVIII

Много было случаев, доказывающих, что о. Архипп познавал чужие помыслы. Однажды к нему в дальний скит шли четыре инокини. Одна из них (N.) говорит: "У меня голос перерывается, хорошо попросить у старца травки пить". Только подошли к скиту, выходит о. Архипп и подает N. траву; "Вот тебе травка, пей". Ее спутницам дал по сухарику и всех оделил книжечками. "Святой батюшка, — сказала N., — сейчас узнал, что я говорила"!

Псаломщика N.N. отец Архипп спросил: "Как идет твоя копеечная торговля"? Под торговлей он разумел мелкие доходы пришедшего. Тот не понял старца, вопрос его отнес к излишнему любопытству, и подумал: "Схимник, а интересуется какой-то мирской торговлей"? Только что я подумал, — рассказывал N.N., — отец Архипп, потирая лицо руками, говорит: "Вот я и схимник, да интересуюсь какой то мирской торговлей". Прозорливость старца удивила посетителя, с тех пор он не осуждал его.

N.N. предложили сходить к отцу Архиппу, "прозорливому старцу". — "Я не особенно расположена к прозорливцам, хожу к ним посмотреть, без всякой веры". Однако поехала. Отец Архипп говорит ей: "Зачем пришла? Ты не особенно расположена к прозорливцам, ходишь посмотреть без всякой веры"? N.N., удивленная прозорливостью старца, пала на колени, стала молиться, и возвратилась в обитель с верой в прозорливцев. "Чудный старец, он меня поразил", — говорила N.N. сопровождавшим ее.

Монахиня N. заведовала в своем монастыре гостиницей. Послушание это нелегкое: требуется всех принять, всех удовлетворить, всем угодить. Еще хорошо, когда требования простираются в мере возможного. Особенно монахине тяжело было от меньшей братии: странников и странниц. "Сколько народу, надоели мне"! — не раз говорила монахиня с ропотом на тяжесть своего послушания. Потом она сознала вину и поехала в Глинскую пустынь посоветоваться со старцами, была и у отца Архиппа. Как только вышел он к ней, так и сказал: "Сколько народу, — надоели мне!" Монахиня познала прозорливость старца и начала свою беседу с признания в своем ропоте.

Отец Николай говорил: "Прибыл я с целью проситься в пустынь; несколько дней не мог видеть о. настоятеля. Гостинник посоветовал сходить к о. Архиппу. Он тогда жил в ближнем скиту. Просил я его похлопотать за меня и помолиться; обещал, но не просил о. игумена. Я четыре дня подряд беспокоил старца. Последний раз иду к нему и думаю: "Чем мне может помочь схимник, он не казначей, не благочинный, не другое какое-либо должностное лицо?" Только отворяю двери келлии, отец Архипп машет мне рукой и говорит: "Зачем идешь? Я не казначей, не благочинный"... Я просил прощения и скоро был принят по просьбе старца".

Брата Л. обуревали мрачные мысли совершенно о посторонних предметах, не входящих в круг его послушания. Враг спасения, отклоняя нас от самопознания, всегда на погибель нашу указывает недостатки ближних и внушает оставить монастырь. "Это не так, это не по правилам, это вопреки здравому смыслу!.. Спасусь ли я здесь?" Так помышлял недавно поступивший Л. и перед его мысленным взором настоящее нарисовалось самыми мрачными красками. "Что делать, на что решиться?"... Тут подходит к нему отец Архипп и говорит: "Неужели бежать? — Сиди и нахлобучь себе шапку". После слов старца у Л. пропали все помыслы. "Я, — рассказывал Л., — стал разгадывать значение слов старца и растолковал их так: мне надо сидеть у себя в келлии, не входить в чужие дела и не смотреть на других, а внутрь себя: так нахлобучивший шапку ничего не видит"[95].

Инок М., не постигая причины и цели внешних действий начальников и братий, также часто беспокоился вопросами: "Это почему, это для чего"... Смущаясь сам, он немало смущал и других. В одно время подобные вражеские помыслы особенно сильно его бороли. Подходит к нему о. Архипп и говорит: "Скажу тебе притчу: по реке плывет доска. Мы вытаскиваем ее на берег и производим следствие: откуда она, почему плывет, кто ее пустил? А ты не тронь ее, пусть плывет и все будет мирно. Ты понимаешь значение этой притчи, так и поступай".

Тот же инок, невразумленный предыдущим советом старца, осуждал некоторые порядки обители и в уме своем проектировал различные меры улучшения, с целью извлечь больше дохода. Прошло более месяца. М. приходит к старцу, тот был болен, принял ласково. По некотором времени говорит: "Не гонись за тысячами, лучше понемногу. Тебе надо более о Царствии Божием думать, еще не ушел от геенны".

Послушник-живописец летом расписывал внутри теплую церковь. Входит туда о. Архипп. Послушник подумал: "Хорошо бы, если бы старец сказал что-либо на пользу". Прозорливец подошел к нему и говорит: "Мы не можем поститься и подвизаться, как древние: будем есть, трудиться и смиряться, и Бог помилует нас".

Благочестивая девица N.N., желая более угождать Богу, отказалась от должности учительницы и хотела спросить, хорошо ли она поступила. Старец как только вышел к ней, не дожидаясь вопроса, говорит: "Дома лучше, себя учи, а потом в монастырь" и дал ей один из Глинских листков. Та читает и говорит: "Хорошо, что я пошла к старцу: этот листок открыл всю мою душу".

Однажды во время богослужения отец Архипп подошел к одному брату и, отвечая на его мысли, говорит: "Да, иди в N-скую пустынь, там тебя ждут, там лучше".

XXIX

Послушник N., не имея никакого общения с отцом Архиппом, не мог лично убедиться в его прозорливости и потому неразумно отрицал этот дар в подвижнике. Он неизвестно по какой причине называл о. Архиппа деревом. В одно время N. сильно поддался искушению и когда другие были заняты молитвой, он строил планы: когда и как совершить свое падение и заранее услаждался им. Близ него находился отец Архипп, многократно с досадой тер себе лоб, ерошил волосы и громко говорил: "Ишь, как тянет. О!.. Вот, вот... сидеть нельзя" и проч. Наконец, старец подошел к брату N. и со словами: "Иди, иди к N." (он назвал женское имя), стал тянуть его за руку, а потом, указывая в угол, прибавил: "А вот и диавол, подучающий тебя".

Наедине подвижник раскрыл все греховные планы N. Последний просил прощения и святых молитв отца Архиппа. "Я дерево, ничего не знаю", — отвечал ему прозорливец. После этого N. не сомневался в прозорливости старца и в чувстве искреннего раскаяния говорил: "Отец Архипп узнал все мои мысли и все, что во мне было".

Нередко старец Божий, узнавал душевное состояние приходящих к нему[96]. Укажем еще несколько таких случаев. Монах И. говорил: "Был я на Семеновском хуторе. Ради святого послушания меня охраняла благодать Божия от различных искушений. Мало-помалу я стал принимать тщеславные помыслы, восхваляющие меня за воздержанную жизнь. Господу угодно было смирить мою гордыню. Однажды сижу один в келлии, входит женщина и просит пить. Напоил ее, она ушла, но во мне сильно восстало греховное похотение, с ним я долго боролся и с ним поехал в обитель. Выхожу из храма, навстречу мне отец Архипп. "А что Семеновка?" — спросил он, пронизывая меня своим испытующим взглядом и как бы видящим всю мою внутренность. Я просил святых молитв у старца. "Иди, твори Иисусову молитву, пока не придешь в келлию" — сказал он мне. Я исполнил его совет и избавился от борющего меня помысла".

Несколько молодых людей пришли к старцу. Он помолился и каждому дал смеси трав, а одному из них дал полыни и сказал: "Сам видишь — и говорить нечего". Тот смутился, а товарищи его удивились, что подвижник через полынь ясно обозначил действительный его характер.

Некая монахиня пришла к старцу, ничего у него не спрашивала, а только просила его святых молитв, должно быть она стеснялась присутствия посторонних. Отец Архипп помолился. Монахиня еще просила помолиться. Так повторялось несколько раз. Наконец отец Архипп сказал ей: "Я грехи твои вижу". Точно этого и ожидала монахиня, поклонилась и вышла.

Некоторым старец говорил: "В тебе я все вижу", а иногда келейнику Н. рассказывал о сокровенной жизни современных ему подвижников Глинских, о которой он не мог знать, если бы не имел дара прозрения.

Отец М. говорил: "Когда я находился в благочестивом настроении, то при встрече со мной о. Архипп ласково кланялся, подходил близко, иногда братски приветствовал в плечи. При уклонении же от богоугодной жизни, когда я обуревался худыми мыслями, старец проходил мимо, точно меня не видел или сурово смотрел и кивал головой. То же я замечал и относительно других".

Кроме духовной мудрости и других благодатных даров, о коих мы уже упомянули, отец Архипп имел еще дар целения. В подтверждение этого укажем некоторые случаи.

Инок Михаил выздоровел по молитвам схимонаха Архиппа 20 марта 1894 г. и тогда же по памяти записал следующее: "Около месяца я постоянно чувствовал слабость во всех членах, ломоту рук, ног, спины и боль в груди[97]. Несколько дней лежал в больнице[98]. Стало легче, поторопился выписаться, чтобы не запускать своих дел по послушанию, но недели через две болезнь возобновилась. Последние четыре дня (с 16 марта) меня стало тошнить: я не мог принимать никакой пищи, кроме булки и киселя, в самом малом количестве. От этого слабость еще более усилилась: при малейшем движении меня бросало в пот. Голова страшно болела, а ноги, одетые в две пары теплых чулков и под теплым одеялом, не согревались, несмотря на высокую температуру в келлии. Вечером в субботу 19 марта я совершенно ослабел и не мог идти на воскресную крестопоклонную утреню. Все воскресенье 20 марта боль не уменьшалась. После обеда мой сподвижник по послушанию брат Димитрий просил благословения пойти в дальний скит к о. Архиппу. Давая позволение, я сказал ему: "Кланяйтесь старцу и попросите его помолиться за меня. Скажите, что я болен". В 4 часа я сразу почувствовал значительное облегчение: озноб в ногах совершенно прекратился. "Верно о. Архипп помолился за меня", — подумалось мне. Это было действительно так. В 7 часов вечера я почувствовал себя настолько здоровым, что вышел подышать чистым воздухом и прошелся вперед и назад сажен 30. По окончании повечерия брат Димитрий пришел из церкви и передал мне: "Перед вечерней отец Архипп надел схиму и стал класть поклоны, мне с братом Иваном также велел молиться. Потом говорит: "Будет здоров". Значит Господь послал мне облегчение во время молитвы старца, желая показать, что исцеляет не ради меня, но ради ходатайства Своего угодника. Теперь 8 часов вечера. Я радуюсь облегчению болезни и, благодаря Бога, описываю свое исцеление. Слава Богу, дивному во святых Своих! Слава Богу, давшему нам на земле великих молитвенников! Слава и благодарение Богу за милость ко мне, грешному!"

Послушник А. в 1894 г. долго находился на излечении в монастырской больнице. У него была "пляска св. Витта". По уменьшении болезни, он стал ходить в церковь, но и тогда на него нельзя было смотреть без сострадания: ноги у А. судорожно сгибались, руки тряслись и корчились, губы кривились и шевелились, глаза бессмысленно блуждали. Такое положение несчастного заставило одного монаха сказать отцу настоятелю: "На брата А. невозможно смотреть без жалости; неужели у нас не найдется старца, который мог бы помолиться о его выздоровлении?" В скором времени А. был послан к о. Архиппу. Далее мы будем говорить словами самого старца: "Три дня тому назад пришел ко мне брат А. "Ты ко мне пришел? — спрашиваю его, — Хочешь помолиться? Помолимся: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас, Господи Иисусе... Положил десять поклонов; потом Богородице: Пресвятая Богородице, спаси нас, Пресвятая Богородице спаси нас... (О. Архипп, говоря это, крестился и клал поклоны). Так положил я три поклона, потом одел схиму, взял книгу и начинаю: "Святый Боже", "Отче наш" и молитву "Да

воскреснет Бог". Тут он меня напугал: как начал прыгать, даже до потолка!... Мне страшно стало, ушел от него в другую комнатку[99], а его велел напоить чаем. Ему после того лучше стало". Узнал об этом о. игумен и послушнику А. благословил жить в скиту. Видя несчастное положение брата А., старцы, особенно о. Архипп, не могли не молиться об исцелении болящего и в скором времени А. совершенно поправился.

У брата Петра развилась в сильной степени чахотка, дни его были сочтены, он сам готовился к смерти. В одно время о. Архипп подозвал его к себе и говорит: "Поправишься и поживешь еще". В скором времени по молитвам старца он поправился.

У отца Василия — скитянина была внутри сильная боль, мучился он два дня. Потом говорит отцу Архиппу: "Батюшка, болен". — "Выпей сосновых шишек два раза и пройдет", — сказал ему старец. Горький настой сосновых шишек пить, как чай, даже без сахара, мог только отец Архипп, но Василий исполнил волю старца. Настой на этот раз показался ему очень вкусным. Боль прошла. "Попробовал пить в третий раз, настой для меня показался горьким, как всегда". Так говорил нам отец Василий.

Подобный случай исцеления был с другим братом. Старец велел выпить стакан настоя данной им травы. Послушник ни за что не хотел этого исполнить: "Лучше болеть, чем пить такую горечь", но благоразумие взяло верх. Настой показался ему сладким, понравился, он захотел всегда его пить, но после болезни настой стал по-прежнему для него горьким. Тогда брат понял, что трава сделалась приятной по молитвам о. Архиппа ради его исцеления[100].

С переходом отца Архиппа в дальний скит в 1894 году в ближнем скиту (где ранее жил старец), перестали выдавать народу траву. По некотором времени отец Архипп говорил отцу N.: "Надо сказать раздающему листки (в ближнем скиту), чтобы он раздавал траву: через нее исцеления бывают, потому что она дается по благословению и с молитвой. Она (трава) для меня как хлеб, напьюсь и есть не хочется. Другие говорят, она горькая, а мне она сладкой кажется. Пусть бы выдавал также сухари или хлеб. В хлебе тоже молитва и благословение. Многие мне говорили, что наш хлеб помогает в болезнях, веру к нему имеют. Теперь хлеб не дорог, что значит раздать по кусочку 2—3 пуда?" О себе отец Архипп не думал, хотя хлеб и трава имели целебное свойство для других по его же молитве. В состав травы, раздаваемой старцем, входила небольшая часть мяты, богородицкой травы, более же всего материнка и смородинный лист. От малой щепотки травы, положенной в чайный стакан, настой делался очень горьким, а отец Архипп для себя клал в стакан целую горсть, или же заваривал траву в чайнике. Настой получался густой и пить его для непривычного было невозможно.

Отец Архипп считал себя великим грешником, а исцеления приписывал благодати Божией; иногда некоторым он простодушно рассказывал, что и как у него случилось. Однажды говорил он нам: "На днях была одна женщина взяла меня за схиму и говорит: "Ах, батюшка, я от вас исцелилась, рукой владеть не могла, а теперь владею. По вере подал ей Господь", кротко прибавил старец[101].

XXXI

Исцеляя других, сам о. Архипп, как видно, не молил Бога о своем исцелении. Напротив, будучи больной, он не жалел своего здоровья, знал,

что если Бог не даст смерти, то и больной не умрет, а если пошлет смерть, то и крепкое здоровье не воспрепятствует ей. От долгих стояний в храме в течение многих лет, ноги старца наконец совершенно отказались служить. Это стало особенно заметно года за два до смерти подвижника. Не желая упасть, он, как дитя, перебегал от одного места к другому, где ему можно было за что-либо задержаться или же шел при помощи посторонних. Часто его беспокоили посетители, для них он жертвовал малым своим отдыхом и, несмотря на полное изнеможение, ради св. послушания выходил к ним. Однажды, с целью узнать, где отец Архипп изберет место своего погребения, келейник водил старца по скиту и вокруг скита, прося указать, где будет скитское кладбище. Много мест было указано и ни одно подвижник не назначил для кладбища. А потому предположили, что отец Архипп не умрет в скиту. Так и случилось. Силы отца Архиппа постепенно слабели. С 10 декабря 1895 года он особенно начал готовиться к смерти, пожелал пособороваться и говорил: "Скоро умру". Перед праздником Рождества Христова старец был очень слаб, желудок его не мог переваривать сухой, грубой пищи. Пришлось искусственно поддерживать его пищеварение. Для большего ухода за старцем и большего его успокоения отец игумен благословил о. Архиппу перейти в монастырь. Перед выездом в обитель старца соборовали. Он едва стоял, но не хотел ложиться; от внутренних страданий у него не раз невольно выходил болезненный стон.

13 января 1896 года подвижник перешел в монастырь и был помещен в угловой келлии иеромонашеского корпуса. Здесь старец несколько оправился. Опять начали водить или правильнее сказать носить его в церковь, где он более сидел, вставая только в важные моменты богослужения. В церкви оставался по-прежнему все время, пока совершалось богослужение с раннего утра до обеда. В дни причащения о. Архипп после утрени оставался в храме до утра, пока не заблаговестят утром к акафисту[102]. В это время старец обыкновенно выполнял свое келейное правило. Сном подкреплялся подвижник два—три часа вечером. В феврале отец Архипп занемог еще сильнее и по несколько дней не вставал с постели.

В конце апреля, по совету доктора, старца поместили "в киновии" среди соснового леса[103]. Тут старцу стало легче, он даже принимал некоторых посетителей. В "киновии" все церковные службы и акафисты вычитывались по скитскому уставу Глинской пустыни. В субботу старца возили в монастырь, где он за литургией приобщался Святых Таин. Кроме служб, в келлии читалось Евангелие, Апостол, Псалтирь и Киево-Печерский Патерик. Старец спал только от 3 до 5—6 часов утра, днем иногда как-будто задремлет, но при малейшем стуке открывал глаза. Ночью подвижник творил Иисусову молитву. Утром, а иногда ночью, старец будил келейника и говорил: "Вставай, а то проспишь Царствие Божие". Встав — начинали читать утренние молитвы, полунощницу и утреню.

В сентябре отцу Архиппу сделалось хуже. Однажды вечером его посетил отец настоятель; утешая старца, он между прочим спросил, в чем еще нуждается и чего молит у Бога. Отец Архипп, показав на звездное небо, ответил: "Хочу звездочки" и потом прибавил: "Бог всем нам приготовил звездочки, а получить их от нас зависит". Под звездочкой о. Архипп разумел райские обители святых.

Чувствуя себя весьма слабым, он часто стал посылать келейника за духовником. Приходилось 1,5 версты идти ночью лесом и в монастыре многих беспокоить не в урочное время. От этого замедлялось приобщение. В виду такого неудобства, о. Архипп пожелал перейти в обитель. Об этом он 18 сентября просил одного инока передать о. игумену, но тот просьбу его передал на другой день, а ночью старец во сне явился к о. игумену и просил перевести его в монастырь. Утром 19 числа старец уже занимал прежнюю свою келлию, где жил до "киновии". Отрадно было смотреть на старца, который на исходе из сего видимого мира, спокойно взирал на неизбежную для всех смерть: она не страшна была ему, а паче радостна. С мыслью о смерти он сроднился; смерть тела прекращала его многоскорбную жизнь в сей юдоли плача, а там за гробом блаженная вечность!... Только тот, кто в юности своей приобрел веру в Бога, сердцем полюбил христианские добродетели, паче же всего усвоил страх Божий, а в возрасте мужества подвигами благочестия воплотил их в своей жизни, только тот мог так благодушно переносить старческую немощь, тяжелую болезнь и безбоязненно ожидать своего перехода в вечность.

Иноку М-илу старец говорил: "Я дома, ты в гостях". — "Когда совершенно придете домой в обители небесные, прошу, батюшка, молиться об мне", — сказал ему М. Старец на это опять повторил прежние слова. М. рассказывал, что при этом он почувствовал громадную разницу между собой и старцем: "Он уже дома, уже достиг спасения и благонадежен на получение вечного блаженства святых, а я далек от этого, беспечен, как в гостях".

21, 23, 24 и 25 сентября старца причащали Святых Таин. 22-го числа о. Архипп сказал келейнику: "Умру в пятницу. В пятницу меня особоруйте". Таким образом он за пять дней точно предсказал день своей кончины.

XXXII

Но вот наступила пятница 27 сентября 1896 года, начали хлопотать о соборовании. Старец в этот день утром ходил и говорил; никто не думал, что сегодня предсказание его исполнится. Накануне этого дня келейник отец А. думал: "Старец умрет; надо у него попросить благословения". Сказать этого не осмелился. Ночью видит во сне: будто о. Архипп благословил его иконой Божией Матери и сказал: "Ну вот я тебя благословил". Утром отец А., не упоминая о сне, сказал: "Батюшка, благословите меня". Старец отвечает: "Вот икона, я благословил". При этом указал на ту икону, которой во сне благословлял просящего[104].

В 11 часов утра подвижника особоровали. Задолго до смерти старца отец настоятель приказал келейнику дать знать, когда будет умирать о. Архипп. Тот просил подвижника сказать о времени смерти. И вот 27 сентября после соборования о. Архипп велел идти и сказать о. игумену, что он умирает, а сам лег и уже не открывал уст своих для какого-либо слова, только на вопрос о причащении тихо ответил: "Причастить". Сейчас же были принесены Святые Дары и его причастили за полчаса до перехода в жизнь вечную. Одр умирающего окружали отец настоятель и многие из братии. Принесена была явленно-чудотворная икона Пресвятой Богородицы; ею авва осенил крестообразно подвижника, потом читали акафист великомученице Варваре и пели отходную. Во время отходной

дыхание старца становилось все тише и реже, наконец он без всякой агонии, тихо, едва заметно испустил дух, точно заснул. Было 3,5 часа пополудни. Трогательно и поучительно было смотреть на блаженную кончину подвижника. Пережитые минуты незабвенны у братии. Со священными песнопениями они проводили душу старца от земли на небо, где (они верят) светлые ангелы с пением небесным приняли ее и ввели в чертоги Царя славы. Так честна перед Господом и людьми смерть преподобных, души их в руце Божии и не прикоснется их мука (Прем. 3, 1), ибо Всеправедный Бог каждому *воздает по делам его: по терпению дела благого, славы* (конечно славы небесной), *чести и нетления ищущим, воздает живот вечный* (Рим. 2, 6—7). Почивший старец в исполнении дела благого имел адамантовое терпение: кто столько вожделевал славы небесной, чести и нетления, как отец Архипп, перенося во всю жизнь свою великие труды и скорби? И неложен Господь, Он даст ему "живот вечный". Блажен почивший, *ибо подвигом добрым подвизался, течение скончал, веру соблюдал, духом горяще. Господеви работающе, упованием радующеся, скорби терпяще, в молитве пребывающе* (2 Тим. 4, 7 и Рим. 12, 11—12).

Святой Кирилл Александрийский говорит: "Блажен, кто в здешней жизни уничижает и смиряет себя ради Бога: он возвеличен будет Всевышним Богом, и прославлен ангелами и не станет на суде ощную! Блажен человек, который пребывает в молитвах, терпелив в постах, с радостью предстоит на бдениях, борется и прогоняет сон, преклоняет колена на Божие славословие, возводит очи на небо к Господу и размышляет о Седящем на престоле славы, Испытующем сердца и утробы (Апок. 2, 23). Такой насладится вечными благами и соделается другом, братом, сыном и наследником Божиим; лице его возсияет, как солнце в день судный в Царствии Небесном"[105]. Поэтому не может быть сомнения, что не забыты у Господа посты и бдения схимонаха Архиппа, его послушание и труды, его слезы и незлобие, его добрый пример и наставления.

Об упокоении блаженного старца все присутствующие положили 40 поклонов.

Отец Архипп просил было похоронить себя в его гробу, а потом сказал: "Лучший будет". Его и хотели положить в тот гроб, но отец настоятель благословил сделать "лучший", а этот оставить на память. Слова старца исполнились. По кончине старца отслужили в келлии соборную панихиду; на следующий день торжественную литургию. Этот день многие не принимались за послушание, ходили читать Псалтирь у гроба старца, служили панихиды, у всех был точно праздник: радость, а не печаль была в сердцах всех братий, — верилось, что душа почившего избавлена от испытания на воздушных мытарствах и прямо перешла в небесные обители. В этом уверяла высокая жизнь старца, блаженная кончина и несколько сновидений братий[106], дающих указания о блаженном упокоении подвижника.

Еще при жизни старца один благочестивый инок видел во сне отца Архиппа, стоящего на молитве в светлой и прекрасной обители без окон и дверей. По смерти о. Архиппа, некоторые из братий видели почившего старца или восставшим из гроба, или живым и радостным, или моментально явившимся в преображенном своем естестве: светящемся и

благообразном. Особенно замечательно следующее сновидение. Монах Маркелл при погребении о. Архиппа усомнился в его угодности Богу, хотя хорошо знал подвижническую жизнь старца. За несколько дней до сороковой памяти почившего он видит сон, будто о. Архипп лежит в гробу среди большой белой залы; многие шли туда, в числе других шел и Маркелл. Отец Архипп сел; подозвал его к себе. Лицо его было белое, благообразное, "как у святого"[107]. Подойдя к ожившему, Маркелл поцеловал гроб и подумал: "Удивительно, нет никакого запаха". На эти мысли старец сказал: "Обо мне ничего не думай, не сомневайся, давай поцелуемся". Несколько раз они поцеловались. На сердце у отца Маркелла стало отрадно. "Потерпи немного, тебе будет хорошо, а обо мне ничего не думай, не думай, что я грешник", — еще подтвердил о. Архипп. Монах Маркелл проснулся с чувством особенной радости и стал верить в святость почившего старца. Отец А., бывший келейник старца, чувствовал боль в груди, ему во сне явился о. Архипп с сияющим лицом и сказал: "Ничего не употребляй, кроме масла от лампадки Царицы Небесной". Когда боль усилилась, отец А. помазал грудь деревянным маслом от явленно-чудотворной иконы Божией Матери, и боль прошла.

XXXIII

29 сентября в воскресенье после литургии отпевание в Бозе почившего схимонаха Архиппа совершал отец настоятель и собор священноиноков. Сей священный обряд походил более на торжество над смертью, нежели на победу смерти над жизнью. Наконец, на могиле пропели еще "Вечную память", и гроб блаженного старца зарыли в могилу, с северной стороны теплого храма Глинской пустыни. Могила находится при дороге в больничный храм[108]. Для погребения было избрано три места: одно в Спасо-Илиодоровском скиту, другое на братском кладбище, а третье у теплого храма. Жребий указал последнее. Когда стали рыть могилу, один из учеников старца припомнил, что еще весной, указывая из окна келлии место у теплого храма, отец Архипп говорил: "Тут у храма думают поставить крест. Как вы думаете: хорошо ли будет?" — "Зачем тут крест? Там близко дорога", — возражали подвижнику. "Ну, может быть в скиту", — сказал старец и потом, как бы про себя, добавил: "Нет, тут лучше... Поставят, братия будет ходить и креститься". Это же место старец указал келейнику. Однажды он вел подвижника из храма. О. Архипп остановился тут и говорит: "Здесь будет стоять крест". Келейник сказал: "Зачем он тут стоять будет?" Старец отвечал: "Придет время, ты спрашивать не будешь". На другой день по погребении о. Архиппа могилу обложили дерном, поставили деревянный крест и прибили живописное распятие. По ночам на этой могиле, как "звездочка", горит лампадка и напоминает о старце, который, живя на земле, подобно звездочке, горел любовью к Богу. Светом своим лампадка возбуждает братию молиться о почившем подвижнике и самим, подобно ему, желать в небесах получить "звездочку". На обороте могильного креста старца надпись: "Под сим крестом погребен схимонах Архипп, в мире Афанасий Шестаков, скончавшийся смертью праведника 27 сентября 1896 года на 71-м году своей жизни. В обители он подвизался 44 года, и истинно-подвижнической жизнью, смирением и незлобием, по благодати Божией, стяжал дары: памяти смертной, слез, прозрения и целения".

31 1374

"Духовные мои братие и спостницы, не забудите мене, егда молитеся; но зряще мой гроб (могилу), поминайте мою любовь и молите Христа, да учинит дух мой с праведными". Внимая сим словам церковной песни от имени почившего и, зная богатство добродетелей схимонаха Архиппа, сподвижники поминают его, взаимно ожидая молитв преподобного старца, ибо не сомневаются, что чистая душа его, свободная от бренной плоти, еще сильнее будет молиться за них, еще действительнее ее молитвы перед престолом Вседержителя. На могиле великого подвижника многие молятся, а иногда служат панихиды.

Молитва об упокоении всегда полезна для живых и умерших. Поминовение грешников показывает к ним любовь, и Господь, пришедший грешников спасти, воздает нам за это Своею любовью. Тем более Богу приятно, когда мы почитаем Его угодников. Наша молитва ходатайствует им большую славу и вызывает их молиться за нас перед Господом. Поэтому поминовение о. Архиппа в 9 и 40 дни бдением и соборными панихидами радовало благоразумных. *Память праведного с похвалами* (Притч. 10, 7). *Похваляемому праведнику возвеселятся людие* (Притч. 29, 2), *бессмертие бо есть память его, яко от Господа познавается и от человек* (Прем. 4, 1) *и угодна Господеви душа его* (Прем. 4, 14). На бдении в 40 день, по благословению настоятеля, сказано было похвальное слово о жизни почившего подвижника. Приводим его здесь, как краткий нравоучительный перечень представленного в жизнеописании старца.

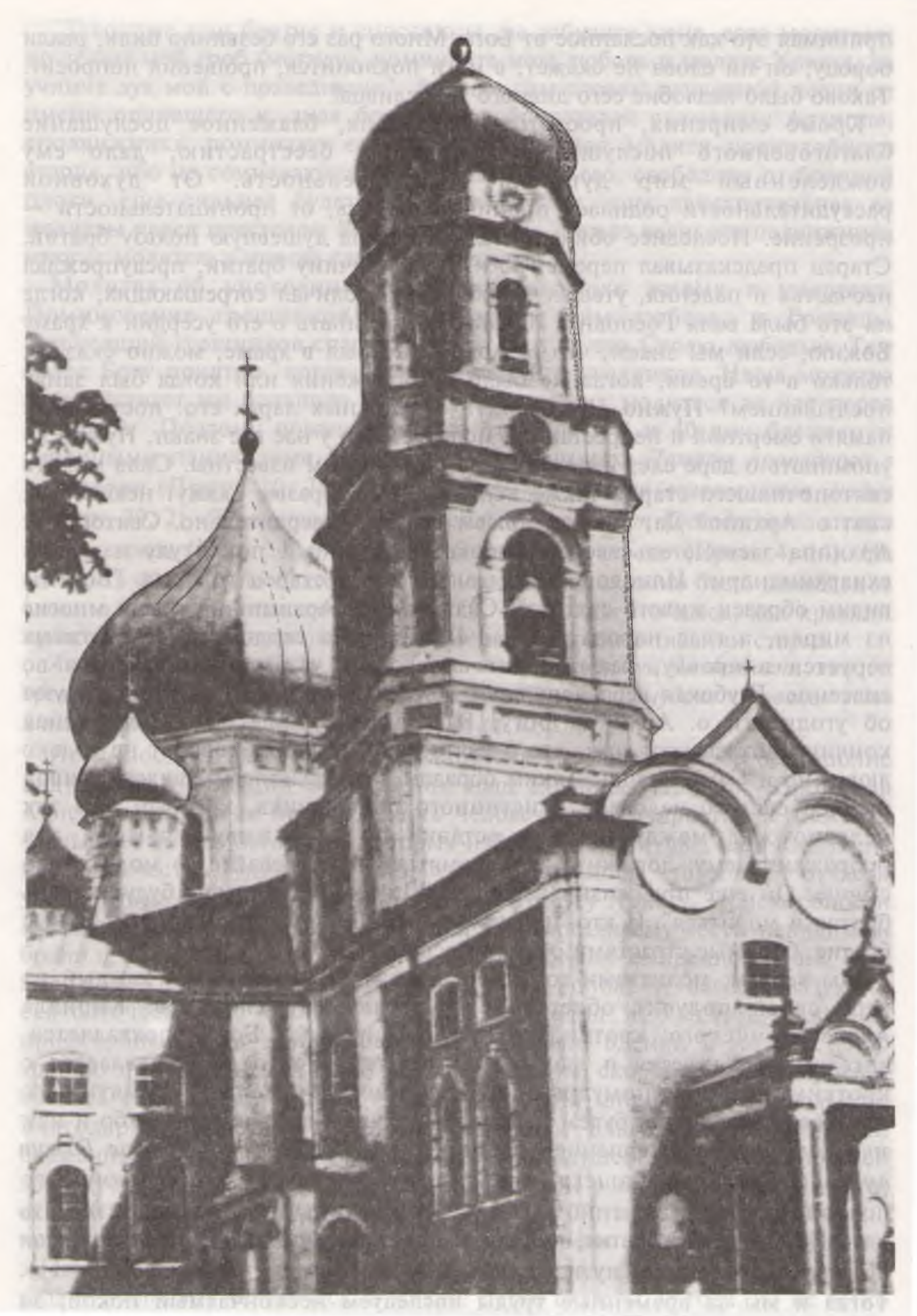
Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет (1 Кор. 3, 18—19), *зане буее Божие премудрие человеков есть и немощное Божие крепчае человек есть* (1 Кор. 1, 25).

Истинность этих слов святого апостола Павла жизнью своей вполне подтвердил почивший сподвижник наш схимонах Архипп. Юрод быв Христа ради, он не пожелал знать человеческую мудрость, не пожелал славы, чести или богатства, которых избегал, но понудил себя взойти на крест бесчестия, унижения, скорбей и озлобления, чтобы хотя отчасти уподобиться Подвигоположнику нашему Иисусу Христу. Прискорбности и злострадания, эти враги плотоугодия, помогали ему вести невидимую брань и одухотворяли его, облекая в боголюбезное смиренномудрие. При видимом юродстве, старец мудр был о Господе и весьма разумно, святоотечески, не словом, а делом проходил иноческий тесный и прискорбный путь в послушании и терпении, бдении и молитве, ибо хорошо знал, что нельзя тесно жить без тесноты, скорбно — без скорбей и считать себя идущим узким путем при жизни широкой, вседовольной. Благодаря ревности и вспомоществующей благодати Божией, сей блаженный бескровный мученик, всегда благодушествовал; иго заповедей для него было благо и бремя легко. Не будем распространяться много, скажем о его послушании и довлеет нам. Он 33 года подряд пробыл на послушании в пекарне, исполняя во всякое время самые трудные работы за себя и за других. Это одно ясно говорит о его смирении и терпении. 33 года — половина человеческой жизни! Легко сказать: 33 года, но не легко прожить их на трудном послушании безропотно. Иной нетерпеливый в три года переменит три послушания и более. При всем том отец Архипп в начале подвигов пять лет не имел келлии, приметаясь на полке в пекарне или на грязном каменном полу, вменяя себя за ничто перед человеками. Его оскорбляли младшие, смеялись над ним, а он все терпел безгневно,

принимая это как посланное от Бога. Много раз его безвинно били, рвали бороду, он ни слова не скажет, в ноги поклонится, прощения попросит. Таково было незлобие сего дивного терпеливца!

Кроме смирения, простоты и незлобия, блаженное послушание благоговейного послушника привело к бесстрастию, дало ему вожделенный мир души и рассудительность. От духовной рассудительности родилась проницательность, от проницательности — прозрение. Последнее обильно изливалось на душевную пользу братий. Старец предсказывал перемену жизни и кончину братий, предупреждал несчастья и падения, утешал скорбящих и обличал согрешающих, когда на это была воля Господня. Нужно ли упоминать о его усердии к храму Божию, если мы знаем, что о. Архипп не был в храме, можно сказать, только в то время, когда не было богослужения или когда был занят послушанием? Нужно ли говорить о духовных дарах его: постоянной памяти смертной и непрестанной молитве? Это у нас все знают. Нужно ли упоминать о даре слез и целения? И они многим известны. Сила молитв святопочившего старца также испытана[109]. Да разве, скажут некоторые, свят о. Архипп? Да, это мы можем сказать утвердительно. Святость о. Архиппа засвидетельствовал высокопреподобный по титулу и жизни схиархимандрит Илиодор. Указывая на него, старец говорил: "Вот мы видим образец живого святого". Святым отца Архиппа называли многие из мирян, а глас народа — глас Божий, ибо сердцем благочестивых веруется в правду, как говорит апостол, а устами исповедуется во спасение. Глубокая вера почившего, его подвиги также свидетельствуют об угодности о. Архиппа Богу. Благодатные дары его и блаженная кончина показывают нам, что о святости о. Архиппа говорят не только люди, но и Сам Господь. Таким образом в о. Архиппе мы видели живой пример святого человека и истинного подвижника, который еще так недавно жил между нами и оставил по себе живую память, для подражания ему; дорожите этой памятью и возгревайте ее молитвой о старце. Он еще при жизни говорил: "Мимо моей могилы будут ходить братия и молиться". И кто, признательный, не помолится за него? Юные братие, боримые страстями, — молитесь о нем.

Мы веруем, молитвами того, чей дух витает между нами, каждый по вере своей получит облегчение и отраду. По слову св. Кирилла Александрийского: кроткий, тихий и смиренный Богом похваляется, ангелами ублажается и людьми почитается. Не то ли же делается с кротким и смиренномудрым о. Архиппом?"[110] Почитая память сего великого терпеливца, будем подражать жизни и подвигам его; ибо и нам *многими скорбями*, терпением и смирением *подобает в Царствие Божие внити*. Ревность нашего подражания порадует душу почившего подвижника и несомненно вызовет на молитву, чтобы поспешествовать нам. Итак, отцы и братие, приимите образ *злострадания и долготерпения* на тесном иноческом пути: *се ныне блажим терпящего* (Иак. 5, 10—11). Тогда и мы за временные труды наследуем нескончаемый покой; за подвиги — венцы, вместо тления — нетление, вместо скорбной жизни — всерадостное блаженство на небесах. Там, как и здесь, восходя от совершенства к совершенству, мы вместе с ангелами будем воспевать величие и милость Царя славы Христа Бога нашего, ибо Ему со Отцом и Святым Духом подобает всякая слава во веки веков. Аминь.



Соборный храм
Рождества Пресвятой Богородицы
Глинской пустыни.
ЦГИА, ф. 836, оп. 2, д. 278, л. 243.
Фотография 1892 г.

Помолимся и мы, боголюбивый читатель, об упокоении со святыми отца Архиппа, да и он взаимно будет нашим молитвенником у Господа. Мир тебе и вечная память, блаженный отче Архиппе, ибо *почил о Господе от трудов своих* (Апок. 14, 13). Молись за нас в обителях небесных. Ты ради любви ко Господу оставил всякое наслаждение земное и, прежде смерти умертвил себя греху; ты подвигами побуждал других к подвигам и ободрял труждающихся; ты радовался о преуспевающих и плакал о нерадивых. Возбуждай нас ко спасению, да и мы сподобимся блаженного вечного упокоения со святыми.

Примечания

1 Составитель этого очерка лично знал старца 8 лет, постоянно видел его в храме, часто посещал в келлии, пользовался его любовью и советами, любил слушать его рассказы, по молитве о. Архиппа получил два раза исцеление от болезни; в отношении себя многократно убедился в даре прозрения подвижника, находился при его кончине, погребении и поминовениях. Он много лет собирал сведения об о. Архиппе от его учеников, сподвижников и посторонних и своевременно все записывал. Жизнеописание сие составлено на основании тех записей и личных его наблюдений и по составлении проверено близко знавшим блаженного старца.

2 Желали, чтобы он оставил свой странный образ жизни.

3 О жизни почившего старца до поступления в монастырь сообщил в письме о. настоятелю Глинской пустыни родной племянник о. Архиппа.

4 В то время хлебы были весом в 1,5 пуда и другие послушники накладывали тесто в форму за несколько раз.

5 Теперь (т. е. в год написания этой книги. — *Примеч. издат.*) называемый дальним.

6 Правила новоначальному монаху епископа Игнатия. 30-е.

7 25-е Слово Лествицы.

8 273-е поучение, 4 т. Русск. Доброт.

9 Так в Глинской пустыни называется домик в лесу, на середине дороги между дальним и ближним скитами. В этом домике первоначально готовили общий стол для рабочих в лесу.

10 Такое воздержание для многих казалось лишним. Не лишнее оно тому, кто хочет уподобиться ангелам. Св. Симеон Столпник говорил: "Хотя пища не оскверняет человека, однако она рождает скверные помыслы, помрачает ум, вкореняет страсть (чревоугодия), претворяет духовного человека в плотского, пригвождая мысли его к плотским вожделениям" (Четьи-Минеи, мая 24-го).

11 Не зная этого, схимонах Лука, ученик и сподвижник о. Архиппа, сам замечательный аскет, говорил про своего старца: "Был великий воздержник, а теперь изменился".

12 В обителях утешением называется угощение, поощрение или отпуск чего-либо сверх положенного, ради доставления отрады в скорбной и однообразной иноческой жизни.

13 В этом и состоит вся сила и образ истинного христианского благочестия и тем более монашеской жизни.

14 Это сказано было пророком Исаиею (50,6) в отношении к лицу Иисуса Христа и относится и ко всем ищущим совершенства в подражании Господу.

15 9-е слово, § 16.

[16] Как бы нами заслуженное, по слову апостола: страдает ли один член, с ним страдают все члены (1 Кор. 12, 26).

[17] 1-й том Русского Добротолюбия. С. 581.

[18] Русский Паломник, 1896. С. 35.

[19] В то время игуменом был отец Иннокентий, умерший в сане архимандрита в 1888 г., известный своей духовной мудростью, даром прозрения и любовью к ближнему.

[20] Бывший письмоводитель о. Иннокентия, из дворян, в миру был чиновником, усердно потрудился в обители 18 лет, скончался в 1863 г.

[21] Ризничий, который подвизался 45 лет и блаженно скончался иеросхимонахом в 1895 г.

[22] Юродство Христа ради считается самым трудным подвигом спасения.

[23] Скончался в глубокой старости в 1873 г.; о. Анастасий был 21 год по руководством игумена Филарета, известного святостью жизни.

[24] Скончался в 1879 г.; он тоже был учеником о. Филарета, имел дары духовной мудрости, прозрения и постоянной умно-сердечной Иисусовой молитвы. На месте пустынных подвигов о. Илиодора в монастырском лесу теперь находится Спасо-Илиодоровский скит Глинской пустыни. (Замечание относится ко времени написания жизнеописания схимонаха Архиппа. — *Примеч. издат.*).

[25] Другим монахам схиархимандрит Илиодор, указывая на о. Архиппа, не раз говорил: "Это один из древних старцев живет в наше время".

[26] О них будет сказано ниже.

[27] 14-е поучение аввы Дорофея.

[28] Камень был давно принесен в келлию по просьбе о. Архиппа.

[29] Что за польза, скажут, если праведник узнает имена. Этим он привлекает внимание к себе и тех, кто сами для себя не ищут пользы душевной; но он, желая им спасения, ищет его для них. Привлеченные им из любопытства, часто уходят с пользой. Его слово при содействующей благодати Божией рано или поздно даст какой-либо плод. Во всяком случае само по себе слово человеческое не умирает. Оно так или иначе воспринимается слушающими, в уме или в сердце перерабатывается и снова является на свет, падает опять на сердца слышащих, рождается у них и т.д.

[30] Есть основание думать, что о. Архипп не велел келейникам рассказывать о нем, и потому многое из жизни его для нас сокрыто.

[31] Св. Марк подвижник говорит: "Невозможно ходить по духу, возлюбив похвалу человеческую и послабление телу. В таких без их хотения прозябают лукавые помыслы (1-й том Русского Добротолюбия. С. 554).

[32] Христианский Паломник. М., 1863.

[33] Ефрем Сирин в ст. "В подражание притчам" говорит, что бесполезное убранство келлии не дает монаху терпения.

[34] Читали о. Архиппу приходящие братия, а в последние годы келейник.

[35] Делающий добро и ищущий воздаяния, утверждает Марк подвижник, не по Богу работает, а по своему хотению (1-й том Русского Добротолюбия. С. 565. § 57). В оный страшный день ему скажут: *восприял еси благая в животе своем* (Лк. 16, 25). Но иное дело принимать самовольно и прилагать к принимаемому свое сердце, иное дело принимать за послушание не лично для себя, а на обитель и братство.

[36] См. II главу.

[37] 1 Петр. 4, 1.

[38] Авва Фаласия § 21 третьей страницы.

[39] У Феофана в книге "О молитве и трезвении". М., 1889. С. 13.

40 См. ниже XXII главу.

41 Кто не начинал еще молиться молитвой неразвлеченной, сердечной, тот может думать о легкости молитвенного подвига. Святые уверяют, что нет ничего труднее молитвы, конечно, молитвы внимательной, горячей, без примеси пространных помыслов, когда дух ум и сердце сливаются воедино и со страхом предстоят Творцу всяческих. Для такой молитвы требуется большая сосредоточенность, долготерпение, сила воли, а главное, любовь ко Господу и ревность о спасении, при которых и длинная молитва кажется короткой.

42 Слова преподобного Симеона Богослова Нового. 2-й выпуск. М. С. 9—10.

43 Из наблюдения и опыта мы убедились, что о. Лука был очень глухой на неполезное. Но слышал и тихо сказанное о полезном или когда у него истинно просили полезного для души совета.

44 Само собой разумеется, что это была показана не окончательная участь родных Петра, а того состояния, в каком они тогда находились. Дальнейшая судьба их легко могла измениться на более лучшее или худшее, смотря по последующей жизни и по тому, в каком состоянии Господь отзовет души их из сей юдоли плача в мир загробный.

45 О. Иннокентий был тогда настоятелем Глинской пустыни.

46 Этот факт о. N. сообщил нам после смерти старца, но очень жаль, что сам о. N. не пожелал быть известным. При известности его чудесное событие имело бы более доверия. Скажем только, что отец N. жив и теперь находится в Глинской пустыни. (Имеется в виду год написания цитируемой книги. — *Примеч. издат.*).

47 Творения св. Ефрема Сирина. Ч. 1. М., 1892. С. 521.

48 26-е слово Лествицы § 4.

49 Некоторые осуждали его за это, предполагая в нем тщеславие. Но, зная смиренномудрие старца, мы не можем согласиться с мнением тех, кто во всем подозревает худое, напротив, мы думаем, что читал он "Апостол" с той же целью памяти о смерти.

50 Св. Иоанн Лествичник (в перечне 26-го слова) говорит: "Душа, которая то смеется, то плачет, то роскошествует ни из чего не сможет извлечь себе пользы".

51 Никогда прежде не бывавший у М.

52 "Начало духовного развращения в монахе — смех и вольность, — говорит св. Ефрем Сирин, — и не только юных, но и старцев ввергает в постыдные страсти" (Ефрем Сирин. Ч. 1. М., 1881. С. 485).

53 Ныне (т.е. в год написания книги. — *Примеч. издат.*) архиепископ Литовский и Виленский.

54 О. Архиппа похоронили в другом гробу, а тот остался на память.

55 См. в конце III главы.

56 В простые дни кроме суббот и воскресений в скиту литургии не бывает, а совершается обедница. (имеется в виду время написания цитируемой книги. — *Примеч. издат.*).

57 Ныне (т.е. при написании книги. — *Примеч. издат.*) монах Иосиф, бывший тогда в скиту и живший в одной келлии с о Архиппом.

58 Из повествований св. Иоанна Дамаскина. "Слово об усопших в вере". Христианское чтение. 1827. С. 26.

59 Там теперь (т.е. во времена написания цитируемой книги. — *Примеч. изд*ат.) хранится живописное распятие отца Архиппа. Келейный живописный крест подвижника (высотой в аршин) стоит за престолом Спасской церкви Спасо-Илиодоровского скита.

60 Аввы Фаласия, М., 1855. С. 81.

61 Галат. 4, 17.

62 1-й т. "Русского Добротолюбия" С. 569.

63 "Христиан. Памятник", М., 1863

64 При обычном течении жизни послушнику пост и мера определены мерой благословенного для употребления всем в трапезе, ибо особое воздержание и особый пост налагаются в известных случаях не иначе, как по благословению старца, духовника или настоятеля.

65 В приведенном выражении под послушанием следует разуметь повиновение, которое в иноческой жизни действительно выше всех подвигов, в том числе поста и молитвы, так как самохвальное духовное делание ведет к самообольщению и всеми учителями монахов осуждается. Поэтому внешнее делание за послушание выше самовольной молитвы и самовольного поста. Но если спросят, что выше, молитва за послушание или внешнее дело за послушание, то ответим словами св. Ефрема Сирина: "Занятие молитвой и словом Божиим есть важнейшее и первое дело. Оно выше всех заповедей и добродетелей, когда совершается надлежащим образом" (3-я часть Ефрема Сирина. М., 1882. С. 555). Установители иноческой жизни молодым и новоначальным до порабощения страстей советуют труд по слову псалмопевца: "Виждь смирение и труд мой и остави вся грехи моя". Старцам отцы советуют держать молитву.

66 Сгруппированных в целое.

67 Но не о. Архипп.

68 Это храмовая икона правого придела теплой церкви Глинской пустыни: она была как раз против отца N.

69 Формами называются особые места, где стоят в церкви монахи.

70 По свойству болезни N. это могло вполне случиться.

71 Он сейчас же записал их. Прошло более 10 лет, старец умер, отец N. дал нам буквально списать слова подвижника, объяснив подробно все обстоятельства этого замечательного в жизни его случая.

72 Авва Фаласий. М., 1855. § 1 третьей сотницы и § 83 второй сотницы. По естеству или по своему началу благ пост, блага молитва, милостыня, добрые наставления, чтение слова Божия и т.д. Не думай, не подозревай, что их делают с другой какой-либо целью, кроме одной цели угодить Богу, оказать любовь ближнему и спасти себя.

73 Из дневника о. Иоанна Кронштадтского "Кормчий". 1895. № 4.

74 Справедливо говорит премудрый: *не обрящешь в злых разума* (Притч. 14, 6). Вопреки общему мнению о богоугодности прославленных старцев нам некоторые про них говорили одно худое. Не желая отравлять слух ядом злоречия, мы спешили удаляться от них.

75 Творение св. Ефрема Сирина. Ч. 1. М., 1895. С. 58.

76 Аввы Фаласия 1-я сотница, § 89.

77 Четьи-Минеи, июня 9-го, житие св. Кирилла Александрийского.

78 Это вполне исполнилось. По смерти старца многие стали говорить о его благодатных дарах и те, кои прежде не видели в о. Архиппе особенного, сами признали в нем великого подвижника.

79 Св. Марк Подвижник в слове о духовном законе, § 9.

80 Св. Димитрий Ростовский, Алфавит духовный. Ч. 1, глава 4.

81 От некоторых подвижников, Господь, ведающий для них лучшее, скрывает меру их духовного возраста, а нерадивым, разленившимся, холодным в деле спасения, мысль о бесполезности жизни в обители внушает враг спасения, с желанием в поисках подвигов выше меры, заставить их оставить и малое. Окончательная цель коварных злоумышлений диавола состоит в том, чтобы совершенно расстроить жизнь инока и привести его в отчаяние (Св. Иоанн Лествичник).

82 Св. Иоанн Кассиан пишет: "Все, что принимается одним или несколькими, а не всем братством, то излишне или гордостно и потому должно быть сочтено

вредным, более обличающим тщеславие, нежели показывающим добродетель". (Древн. иноч. уст. М., 1892. С. 521 и 522).

В житии старца Серафима Саровского (Муром, 1893. С. 67 и 68) читаем: "Вериг и власяницы о. Серафим не носил и другим не советовал надевать их. Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски — вот и вериги наши, вот власяница! Эти духовные вериги и власяница выше железных, которые надевают на себя нынешние люди. Правда, многие из святых отцов носили и власяницу и железные вериги, но они были мужи мудрые и совершенные, и все это делали из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и для покорения их духу. Но мы еще младенцы, и страсти все еще царствуют в нашем теле и противятся воле и законе Божию. Так что же будет в том, что мы наденем и вериги и власяницу, а будем спать, пить и есть столько, сколько душе хочется? Мы не можем и самомалейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслью и с завистью указываем на других из своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника. Можно ли в таком состоянии духа и жизни покушаться носить вериги и власяницу?".

Власяницу св. Василий Великий признает полезным носить монахам (по благословению руководителей) только во время, необходимое для удручения и смирения тела; в другое же время употребление ее не допускает. (Древ. ин. уст. С. 309). Мы знали некоего монаха, который носил власяницу, и в превосходстве своего подвига перед другими, всех оскорблял, а сам не мог понести и малейшего оскорбления. Во сто раз лучше ему было носить мягкие одежды, окаянить себя за нежность, иметь мирный дух и обходиться со всеми мирно.

83 Неровное чтение, с выкрикиваниями и сильными понижениями, режет слух и заглушает тихо произнесенные слова. Такое чтение требует особого внимания слушателей, скоро утомляет их и раздражает нервы. При таком настроении невозможно молиться. Совершенно противоположно действует спокойное ровное чтение. Вот какие правила для чтеца написал епископ Игнатий (Брянчанинов). "Чтец должен читать не спешно и не протяжно, произносить слова отчетливо, внятно. Читать должно просто, с благоговением, в один тон, без изливания своих чувствований переливами и изменениями голоса. Предоставим святым молитвословиям действовать собственным их духовным достоинством на слушателей. Желание преподать предстоящим свои чувствования есть знак самомнения и гордости (§ 19 правил наружного поведения для новоначальных иноков). Так почему же, спросят, отец Архипп выделялся из прочих? Он поступал не самовольно и как приобретший опыт, ибо праведнику закон не лежит. (1 Тим. 1, 9).

84 1 т. Русск. Доброт. С. 548.

85 Неизвестно, какое значение эти слова имели у отца Архиппа, кроме одного воспоминания о смерти, но он их часто пел. Под словом умершего он мог разуметь лично себя, или другого умершего миру или умершего душой, так что во всякое время сии слова могли иметь свое особое значение.

86 Тогда отец Архипп был в скиту за старшего.

87 Ранняя обедня в простые дни в Глинской пустыни всегда совершается заупокойная.

88 Творения Св. Ефрема Сирина, 3-я часть, М. 1882. С. 555.

89 По замечанию схимонаха Луки, по времени это было первое проявление дара прозрения у о. Архиппа, за 30 лет до его блаженной кончины.

90 В постриге Товия.

91 По возбужденному ходатайству, с разрешения Святейшего Синода на другой год 16 июня, почившего архимандрита перенесли и положили рядом со старцем схиархимандритом Илиодором. С расширением теплого храма место покоя этих

подвижников вошло под храм и там устроена усыпальница, где почитатели их служат панихиды.

92 Скончался 9 августа 1894 г.

93 У него было два взрослых брата; они могли упокоить мать.

94 См. руководство свв. Варсонофия и Иоанна, ответы 360-й и 361-й.

95 Так и святые отцы учат нас, чтобы избегать ненужной многопопечительности, которую всегда старается навязать нам враг спасения.

96 Св. Иоанн Лествичник пишет: "Совершенно очистившийся видит душу ближнего, в каком она расположении".

97 По книге больницы болезнь его значилась: инфлюэнца.

98 С 21 по 26 февраля 1894 г.

99 Тогда о. Архипп жил в малом старом домике при скитской ограде.

100 Подобным образом по молитвам старца исцелялись многие.

101 2 августа 1897 года одна женщина ходила по кладбищу и искала могилу отца Архиппа. Потом обратилась указать ее к рясофорному монаху Николаю Алексееву, при этом рассказала, что она была больная и молитвами почившего старца выздоровела.

102 В Глинской пустыни ежедневно совершаются акафисты до ранней обедни — обыкновенные Богородице, а в воскресенье, вторник, четверг и субботу соборные по особому распределению.

103 О. Архипп медицинских пособий не искал и лекарств не принимал.

104 Икона Божией Матери, именуемая "Умягчение злых сердец".

105 Из слова св. Кирилла о исходе души.

106 Хотя в сновидения не следует безусловно верить, тем не менее в некоторых случаях они служат указанием воли Божией; примеры этому мы видим в священной истории и в жизни святых.

107 Собственное выражение о. Маркелла.

108 Построенный после смерти о. Архиппа. Дорога тут находилась и прежде.

109 Тут был приведен случай чудесного освещения дороги, о котором сказано в XIV главе его жизнеописания.

110 Напоминание о торжественных поминовениях старца.

Литература

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. С портр. старца. Одесса, 1902. 111 с.

Глинский подвижник схимонах Архипп. (Память 27 сентября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 326—358, 361.

Марк (Лозинский), игумен, проф. МДА. Отечник проповедника. (Практическое пособие для студентов. 1221 пример из Пролога и Патериков). Загорск (ныне Сергиев Посад). Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 355. № 506: "Мысленно помолившись, подвижник Глинской пустыни схимонах Архипп чудесно осветил ночью опасный участок дороги".

Схимонах Архипп // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 34; с. 51 портр.; То же. Ч. 1. Одесса, 1904 С. 33, 34, 49; То же. Ч. 1. Курск, 1912. С. 27, 28, 45.

Схимонах Лука, подвижник Глинской пустыни // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 3, 5, 8—10.

Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907. С. 2, 16, 18, 19, 22.

Глинский послушник Прохор юродивый. (Память 24 мая) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. М., 1912. С. 825.

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 48.

Спасо-Илиодоровский скит... Одесса, 1899. С. 30—31.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 22 об.—23.

"*Схимонах Архипп (светское имя его было Афанасий Шестаков), 60 лет. Женат не был. Читать знает. Из купеческих детей г. Старого Оскола. В монашество пострижен в 1870 г. 21 ноября игуменом Иннокентием Глинской пустыни. По поступлении в Глинскую пустынь проходит общежительные послушания с 1852 г.*

По прошению его с разрешения епархиального начальства облечен во святую схиму с наречением имени того же (Архипп) 1885 г., 6 января.

Ныне проходит послушание: читает Псалтирь по усопшим. Судим и штрафован не был. Качеств благонравных и усердных к послушанию".

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках — указных и неуказных Глинской пустыни и Путивльской Молченской Софрониевой пустыни. 1892 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л. д. 109, л. 22 об.—23.

"*Схимонах Архипп... Простосердечно кроткий, усерден к Церкви, подвижнической жизни... Ныне по слабости здоровья послушаний не проходит*".

О назначении иеромонаха Исаии настоятелем Глинской пустыни с возведением в сан игумена // ЦГИА, ф. 796, оп. 169, д. 185, л. 5 об.

ПОСЛУШНИК СЕРГИЙ ЮРОДИВЫЙ (†1897)

(Память 14 июня ст. ст. / 27 июня нов. ст.)

Цит. по:
Глинский послушник Сергий юродивый //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. М.,
1912. С. 860—862.

Послушник Сергий Сотников был из крестьян Курской губернии. После смерти своих родителей, жил один в родном доме и, насколько мог, старался благоугождать Богу. Однажды, в день Усекновения главы Святого Иоанна Предтечи, по забывчивости, нарушил пост. Когда напомнили ему об этом, — Сергий, в наказание себе, положил вовсе не есть скоромного и не ел. Не находя в миру полного удовлетворения для своих религиозных чувств, он решился идти в Глинскую пустынь. Перед уходом, все свое имущество раздал родным и соседям: брал у него кто что хотел без денег. В Глинской пустыни Сергий нес тяжелое послушание в гостинице. До изнеможения трудился и отвергал все утехи этого мира[1] Второе послушание его было в больнице, в качестве служителя. Тут он день и ночь беспрекословно исполнял все черные работы "за пятерых", как выразился про него один инок: что бы ни приказывали ему — он говорил: "Благословите"; что заметят, — говорил: "Простите". В остальном — молчал. Блаженный послушник хотел воплотить в себе идеал смирения и послушания, как его описывают святые отцы. Прощения просил он даже у посторонних, если видел или думал, что они его осудили, или им соблазнились. Готовый во всем руководствоваться советом и мнением старца, он ходил к нему очень часто.

Видение адских мучений еще более заставило Сергия ревновать о спасении. Желая скорее уподобиться Подвигоположнику Иисусу Христу, вызвать на себя большие скорби и злострадания, Сергий начал юродствовать и обличать неправые поступки некоторых братий. За это потерпел много скорбей, без всякого озлобления кланялся обидчикам и просил у них прощения.

За странности жизни, а более за нелицеприятное обличение, Сергия два раза высылали из обители. Последний раз он возвратился в обитель весьма слабым. Заведующий гостиницей отправил его в больницу. По выписке, ревностный послушник опять принялся за усиленные труды и снова был отправлен в больницу, где через три дня отошел в вечный покой. Причащался он почти каждый день, а исповедовался в день два и три раза: чуть что вспомнит, или что худое помыслит, — бежит к духовнику во время чтения канона или поучения на утрени. Так поступал он относительно исповеди и когда был здоровым. Перед кончиной Сергий разбудил бывших с ним в одной палате больных и сказал: "Вставайте, вставайте, я умираю".

В час ночи 14 июня 1897 года он от слабости сил двадцати семи лет от роду блаженно скончался[2]".

Примечания

[1] В этом смысле, как безумный пред миром и его плотскою мудростью, Сергий и назван юродивым.

[2] Из Глинских записок.

Литература

Глинский послушник Сергий юродивый. (Память 14 июня) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь—июнь. Том доп. Ч. 1. Кн. 1. М., 1912. С. 860—862.

МОНАХ ПЕТР (†1898)

(Память 14 апреля ст. ст. / 27 апреля нов. ст.)

Цит по:
Глинский подвижник монах Петр //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Апрель. М., 1908. С. 175—199.

Отец Петр родился 21 декабря 1820 года от бедных благочестивых поселян с. Дунайца Глуховского уезда Черниговской губернии. Отца его звали Игнатием, мать Параскевой. До восьми лет отец Петр о себе ничего не помнит. "С этого возраста, — писал он сам, — я жил больше в праздности, был шалуном и глупцом: не знал, кому что сказать, кому и как почтение отдать. Но по благодати Божией отличался кротостью и смирением". Эти прекрасные качества делали его несмелым стыдливым мальчиком, любящим полное уединение, в котором он с полной охотой предавался молитве и чтению божественных книг. За это более других братьев он был любим родителями. Читать Петр выучился у отца в короткие зимние дни, но многое забывал летом. Часослов, Псалтирь и краткий катехизис он выучил в три года. Тихо и мирно жилось ему под любящим надзором кроткой богобоязненной матери. В 1833 году смерть восхитила ее и оставила сироток в великом горе. Отец не мог заменить им матери, некому было испечь, сварить и обшить, не на что было и нанять кого-либо для ухода за малолетними. Сознавая необходимость иметь в доме хозяйку, Игнатий Лешенко хотел жениться. За него бедного и старого, на большую семью, никто не соглашался идти, решили по совершеннолетии женить старшего брата Димитрия. Пришлось ждать более двух лет. Несмотря на бедность, Игнатий Лешенко отдал Петра учиться к дьячку. Дьячок показал ученику четыре простых правила арифметики и письмо. Дальнейшее учение прекращено было по следующему случаю. Предстояла народная перепись. Дунайское общество заставило казака Игнатия Лешенко переселиться из д. Лухтовки, где жил, в с. Дунаец, из которого он был родом. На новом месте пришлось жить в чужом доме и терпеть еще большую нужду. Петр стал приучаться к работам и вынужден был наняться работником к приходскому дьячку, человеку доброму и благочестивому. У него по праздникам юный работник брал читать духовные книги и вполне оставался доволен своей скромной жизнью. Но на земле ничего нет постоянного, жизнь Петра скоро изменилась.

Семейство Лешенковых состояло на первой рекрутской очереди, имело семь ревизских душ, на службу должны были взять единственного достигшего совершеннолетия старшего брата Димитрия. За него так же, как и за отца, никто не хотел выходить замуж. Только когда младшие братья, каждый от себя, дали подписки идти в службу, нашлась добродетельная девица, пожелавшая быть женой Дмитрия, в семействе Лешенковых сироткам заменить мать. Второй и последние братья умерли, третий имел кривую руку, способными для военной службы остались: старший брат и шестнадцатилетний Петр. Настала очередь брать кого-

либо в солдаты, общество вынуждено было взять Димитрия. Димитрий, убитый горем, пришел в дом дьячка, с горькими слезами и причитаньями бросился Петру на шею, вспоминал, как он и другие братья дали подписки идти за него на службу. Видя это, не только Петр, а и посторонние плакали. И Петр пошел в солдаты за брата!

По прибытии в полк, полковой командир назначил его в третий эскадрон.

"Я был тих, — писал он впоследствии, — смирен, всем послушен, меня скоро полюбили солдаты. Не прошло и двух недель, приезжает командир полка. После смотра он подходит ко мне и говорит: "Молодец, Лешенко, лучше всех!" При всех дает мне 30 копеек в награду и, обращаясь к эскадронному, говорит: "Прошу вас, г. ротмистр, сим солдатиком заняться как можно лучше". И вот, взялись меня учить прилежно, я едва мог вынести: товарищей учат раз, меня два; их два — меня непременно три раза в день. Конное учение мне не давалось: на выезженной лошади я все делаю, как следует, но если сяду на дурно выезженную лошадь или на молодую, то езжу хуже всех".

Через год его сделали старшим солдатом карабинером.

В 1839 году в числе лучших солдат его выбрали в образцовый полк.

По недостатку унтер-офицеров осенью 1841 года на смотру их эскадрона, полковой командир приказал представить четырех человек самых лучших по службе и поведению для производства их в унтер-офицеры.

20 сентября 1841 года Петр Лешенко был произведен в унтер-офицеры.

В 1845 году в Киевском и Подольском военных поселениях формировались кантонистами дивизионы; в числе самых лучших грамотных унтер-офицеров инструкторов туда был назначен и Петр Лешенко взводным.

Взводные обязаны были обучать кантонистов грамоте и фронту, смотреть за их нравственностью, опрятностью и прочее. И это дело он выполнял прекрасно, и был горячо любим и уважаем юными питомцами.

Старший вахмистр кантонистского дивизиона, выдержав экзамен на офицера, просил уволить его от исполнения прежней должности. Просьбу уважили и на место его назначили Лешенко, как одного из лучших унтер-офицеров в эскадроне и самого старшего по службе. Другой радовался бы занять высшую должность, а он не желал и лишь временно согласился занять ее, уступая настойчивому требованию начальства. Не уклонялся он от службы, насколько мог с усердием исполнял свои обязанности. В трудных обстоятельствах всегда обращался к бывшему старшему вахмистру. При добром совете последнего, у него все было исправно и благополучно.

В 1853 году, как выслуживший пятнадцатилетний срок службы, Лешенко хотел идти в бессрочный отпуск, но его не уволили. По существовавшему тогда закону, служба считалась с двадцатилетнего возраста. Три года службы ему не считалось. Но любящим Бога вся поспешествуют во благое, говорит апостол (Рим. 8, 28). Так и Лешенко неувольнение в отпуск послужило на великую пользу. В сентябре кончилось двенадцать лет его унтер-офицерской службы. Он имел право держать экзамен на офицера или на пенсию. Сам он не осмелился ни о чем просить, но начальство распорядилось ему предоставить все права,

приобретенные беспорочной службою. Оправляя его на экзамен, дивизионный и эскадронный командиры говорили ему: "Лешенко, держи прямо в подпоручики и не являйся, если захочешь быть офицером". — "Где мне быть офицером, — отвечал старший вахмистр, — я молю Бога, чтобы помог мне сдать экзамен на пенсию". И помог ему Господь. Сдав экзамен, кандидат Лешенко отказался от офицерства и пожелал только пользоваться двумя третями корнетского жалованья. "Не думал и не ожидал, — писал он, — получить те награды, какие получил". Справедливо говорится — за Богом молитва, а за Царем служба не пропадают. По сдаче экзамена, Петр Игнатьевич продолжал нести свою должность еще четыре года, до упразднения кантонистских дивизионов. Желая побывать в Киеве, он просил назначить его туда для отвода кантонистов. Просьбу его исполнили. В январе 1858 года он исправно сдал кантонистов в Киевский константиновский батальон.

Отставку кандидат Лешенко получил 23 мая 1859 года.

Из Варшавы, где стоял полк, Петр Игнатьевич направился в Киев, причем в пути перегонял или же отставал от идущих. Как прежде, так и теперь Петр Игнатьевич имел при себе маленькие книги: Канонник и Псалтирь. Идя или отдыхая, он каждый день для пользы душевной прочитывал одну или несколько кафизм, какой-либо канон или акафист, и этим отгонял от себя всякую скуку и страх.

Таким образом благополучно достиг он Киева. Там отговел, с усердием помолился Богу, благоговейно внимал чтению и пению. Ходил он в пещеры и по другим святыням и местам, везде присматривался к иноческому житию, все ему очень нравилось. У него уже созрело желание проситься в Лавру, но любовь к братьям побуждала идти на родину.

Недолго Петр был там и опять пошел в Киев, где снова посетил все монастыри, ко всему полезному присматривался, искал себе места и не нашел, а хорошо известная по прежней военной службе Маньковка манила сюда его к себе. И вот он в прежней своей уединенной комнатке. "Сам себе хозяин, слуга и господин". За квартиру с отоплением и столом платил 2 руб. в месяц, житьем своим не мог нарадоваться.

Сначала Петр Игнатьевич рад был посещению прежних своих маньковских друзей. Но посещения участились, и не давали ему спокойно молиться Богу, со вниманием читать Священное Писание и другие душеспасительные книги. Поэтому, прожив в старой квартире три месяца, он перешел на другую сторону речки, куда друзьям ходить было неудобно и не по дороге. Новая квартира состояла также из отдельной комнаты.

"Каждый праздник хожу, — писал он, — в храме на все богослужения, пою на клиросе, читаю каноны или что-либо другое. Дома у себя положил прочитывать утренние молитвы, полуночницу, утреню с тремя кафизмами, тремя канонами и первым часом, потом читаю 3-й и 6-й часы с последованием изобразительных, перед вечером 9-й час и вечерню, вечером великое повечерие с каноном и вечерние молитвы". Об этом он писал так: "Но от лености, и в особенности от растления человеческой природы, большой немощи или, может быть, от дьявольского искушения, я не мог сего долго исполнять. Когда читал все это со вниманием, не спеша, то язык мой так бывало притупится и окостенеет, что потом не мог и одного слова выговорить правильно, ум мой до того омрачался, что я переставал понимать читаемое, сердце охладевало, ожесточалось, а в

голове делалось кружение". Ревность по Боге не похвальна, когда совершается не по разуму (Рим. 10, 2). В деле спасения, как преуспеяния духовного, особенно необходимы постепенность и руководство. Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника на путь Божий, говорит св. авва Дорофей. А такого наставника Петр Игнатьевич не имел, — он сам себе положил и сам начал сразу большое правило. Но скоро образумился. "Тогда, — продолжал он, — я, окаянный, познал свою немощь и вынужден был оставить сие святое занятие и положил каждый день прочитывать по три кафизмы, с тропарями и молитвами, чтобы за седмицу кончить весь Псалтирь. Остальное время употребляю по желанию: прочитываю какой-либо канон или акафист, Евангелие, Апостол, житие, поучение или другие духовные книги, иногда пишу, больше же в праздности сижу, все думаю, помышляю и в разные страны мыслями летаю: куда пойти, где главу преклонить, к кому прибегнуть и свое желание открыть? Кто бы жизнь мою своим попечением исправил и на путь меня истинного покаяния наставил, чтобы мне богоугодно до смерти пожить и в будущей жизни милость от Христа Бога получить". Господь не попустил обольститься самовольными подвигами, но внушил ему желание искать наставника.

С этими покаянными чувствами 5 июля 1860 года Петр Игнатьевич оставил Маньковку и направился в Киев; оттуда он пришел в Глинскую пустынь, где и пробыл немалое время, присматриваясь к жизни иноков.

В лице великого Глинского старца иеросхимонаха Макария он нашел себе искомого наставника, который советовал ему до поступления в обитель полгода странствовать. В начале июля 1861 года Петр Игнатьевич был снова в Киеве и оттуда опять пришел уже в любимую им Глинскую пустынь. Затем он был в Сергиевой Лавре, Москве, Ярославле, Ростове, Воронеже и в Задонске, в последнем удостоился молиться при открытии мощей святителя Тихона.

В декабре того же 1861 года Петр Игнатьевич снова прибыл в Глинскую пустынь и поступил в число братства. Сначала его назначили в пекарню, а через неделю перевели на братскую кухню, в которой он был 4,5 месяца. Желая испытать ревность и терпение новичка, прежде поступившие послушники смеялись и обижали почтенного служку. Трудно ему было привыкать к незнакомому делу — варке пищи; трудно было жить без всякого утешения, у него тогда не было и самовара, так же как и у сподвижника его по келлии; но вскоре Петра Лешенко перевели в другое помещение рядом с отцом Макарием, под надзором которого брат Петр хотел жить постоянно. Когда, утомленный трудами послушания, Петр приходил в келлию, старец Макарий принимал его к себе на чай. Так прошло несколько времени, но Петру стало совестно часто ходить на чай к старцу. Однажды он не пошел и на зов отказался. Узнав о причине отказа, любвеобильный старец приносит к Петру самовар и говорит ему: "Когда ты не стал ходить ко мне, то я буду ходить к тебе. Дарю тебе сей самовар и чай, но не зови меня. Я сам скажу". Скажет старец: "Брат Петр, я к тебе чай приду пить", ученик поставит самовар, и тогда чай пили вместе. После кухни Петр был месяц при больном иноке, а с 20 мая 1861 г. считался на клиросном послушании. Пел он басом и благоговейно относился к делу Божию.

32 1374

1 октября 1864 года по личному благословению преосвященного Сергия, епископа Курского и Белгородского, за ревность к послушанию в поощрение к иноческим трудам, он был пострижен в рясу с поручением старцу иеросхимонаху Анастасию, ученику знаменитого Глинского игумена Филарета, так как о. Макария в живых уже не было. Тогда же или в скором времени отца Петра назначили уставщиком левого клироса. В этой должности он пробыл 30 лет и сумел себя поставить в такое отношение к клиросным, что большинство любило его и слушалось. Тут много значил пример. Он назидает и молча.

Церковный устав о. Петр знал на память, он сам был живым ходячим уставом: на всякий вопрос, касающийся богослужения, мог ответить сразу. Прямой своей обязанностью уставщик считал не допускать опущений и нарушений уставов церковного и Глинского, в исполнении которых был строг. Требуя положенного и правильного чтения и пения, он нередко говаривал: "Церковь украшается чтением и пением". Так же о. Петр строго наблюдал за временем снимания и надевания камилавок, за церковным монашеским благочинием, которое показывает выдержанность иноков и повиновение их установлению святых отцов. Все это о. Петр требовал сознательно, а не как косный приверженец одной внешности. Не послушаться его было совестно.

Кто неправильно крестился или кланялся, о. Петр непременно покажет и расскажет: как по уставу и требованию св. отцов следует полагать на себя крестное знамение и делать поклоны. При этом нередко говорил: "За все придется отвечать. Стыдящийся правильно креститься в день судный не будет причислен к Христову стаду". Всякому чтецу и канонарху старец толково объявлял, что и когда они должны исполнять и потому во время богослужения они твердо знали свою обязанность. В чистый понедельник о. Петр всегда сам читал в церкви поучение из церковного устава о поклонах и молитве св. Ефрема Сирина "Господи и Владыко". Поучение других выслушивал с особенным вниманием. Словом, он был добрый монах и в полном смысле уставщик, учитель других уставщиков. Во избежание ошибок, отец Петр никогда и ничего не читал на память и другим не дозволял этого делать. Однажды ему сказали: "Отец Петр, вы знаете наизусть, читайте на память". Он ответил: "На память только слепые ходят и спотыкаются". Постоянно во всем аккуратный, внимательный и бережливый, он терпеть не мог небрежного обращения с церковными книгами.

Кроме необходимого о. Петр не любил разговаривать в храме, других также учил стоять молча, благоговейно и со страхом Божиим. Впрочем, иногда желая знать что-либо полезное из устава, братия обращались к о. Петру. Он по необходимости должен был отвечать на предложенные вопросы. Дневного Апостола о. Петр несколько раз прочитывал в келлии, углубляясь в смысл священных глаголов. Слушая чтение в храме, обращал внимание клиросных на наиболее трогательные или особенно полезные места. Весьма много скорбел о. Петр, когда в своих собратиях по послушанию видел небрежение. Он хорошо понимал важность пророческого речения: *проклят всяк творяй дело Божие с небрежением* (Иерем. 48, 10).

Спасая себя, о. Петр желал спасать юных братий, неопытных. Это составляло его особую заботу. Когда юные послушники хотели оставить

монастырь, он долго увещевал их не уходить из спасительной ограды общежития, если же они уходили, просил их возвратиться. Некоторые сами обращались к отцу Петру, прося его ходатайствовать о принятии их снова в обитель. Любовь и доброта, которыми было исполнено сердце старца к младшим его собратиям в дни их скорби и печали, особенно ярко выражены в его письмах, из коих несколько приведем здесь.

Вот какие наставления давал старец в своих письмах. (Письма цитируются без изменения старой орфографии и без редактирования. — *Примеч. издат.*).

1. Христос посреди нас, всегда был, есть и будет! Возмогай брат о Господе и в державе крепости Его. Облекись во вся оружия Божия, как святой апостол Павел повелевает. Мужайся и крепися, подвизайся и борися и о мне грешном молися. Господь скоро да поможет тебе, помилует тебя и исполнит желание сердца твоего. Получив от тебя письмо, узнал твою печаль и весьма горько о тебе заплакал. От истинной моей к тебе любви я весьма усердно желал и старался исполнить прошение сердца твоего и утешить тебя в горести. Ходил к отцу игумену и усердно просил о тебе, давал ему твое письмо, но никак не мог упросить его, а только узнал, что он еще любит и жалеет тебя.

Дал книгу "Духовное врачевство" и сказал: "Пошли ему сию от меня в знак памяти и истинной моей любви к нему, в мое благословение и наставление, во утешение его печали и в руководство для побеждения страстей". Недоумеваю, каким бы еще образом твоему горю помочь. Предлагаю три совета. Первый совет. Если брат твой имеет свой собственный дом, живут в доме его все так хорошо, что для тебя молодого нет и не предвидится соблазна, и если ты сам более охоты и ревности имеешь к телесным трудам, то ты живи с братом в доме его, трудись ради Бога и работай всякую работу, угождай брату во всем добром, почитай его, как отца.

Второй совет. Если ты более охоты имеешь к подвигам духовным, об монашеской жизни так скорбишь и печалишься, что никак не можешь ничем утешить себя и истинно желаешь быть сыном обители, то нимало не медли, но теперь же вместе с братом приходи и сие письмо и книги с собою принеси. Здесь святые отцы с Божиею помощью, может быть, упросят отца игумена принять тебя в монастырь.

Третий совет. Если никогда не желаешь быть сыном Глинской обители, то со вниманием прочти в книжице наставления святителя Тихона Задонского, писанные для монашествующих, ответ просившему у него совета, где ему удобнее для спасения души жить, и прочитай наставление пошедшему в монастырь, что наблюдать ему должно. Отец архимандрит Илиодор благословляет тебе: где бы ты ни был и в каком бы монастыре ни жил, посылаемую книжицу св. Тихона как можно почаще читать и стараться везде жить и поступать так, как св. Тихон учит. Ибо я после того, как был у отца игумена, ходил еще и к отцу архимандриту Илиодору, просил и его ходатайствовать о тебе. Он сказал: "Теперь не могу без него" (т.е. без тебя не может). Я давал ему это мое и твое письма читать и с ними книгу "Духовное врачевство". Он письма прочитал, книгу же и советы похвалил, сказав: "Второй совет лучше избрать паче первого и третьего, ибо первый опаснейший, а третий относится ко второму". Итак брат, избирай один из сих советов, который для тебя кажется лучший и

меня уведоми. А в печали пой стих: *Реку Богу моему, заступник мой еси почто мя забыл еси?* И к душе взывай: *Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя. Уповай на Бога, яко исповемся Ему, спасение лица моего и Бог мой.*

Ты весьма юн. Святые отцы говорят и Священное Писание свидетельствует, что юность, не под наказанием живущая, удобь есть поползновенна и если в совершенных мужах добрый от злого развращается, со строптивым, рече, развратишися, то кольми паче в юных, которые естественно ко злым делам паче нежели к добрым преклонены суть, по писанному: прилежит помышление человеку прилежно на злое от *юности его.* Часто о сем тексте рассуждая, я весьма сожалею о тебе.

При сем посылаю тебе св. книги в наставление, во утешение, руководство и для побеждения злых страстей и привычек[1]. Ты же, брат, с молитвою и помощью Божией начни оные, не спеша со вниманием и благоговением читать и, уразумев прочитанное, будешь твердо в памяти содержать, при случае оным на деле себя пользовать. Советую тебе некоторые вопросы и ответы выучить наизусть. Святые книги всему доброму научают. От усердной молитвы и чтения святых книг ты скоро вкусишь небесной сладости и увидишь сам, сколь благ Господь и сколь блажен муж, который всегда уповает на Бога. Веди себя всегда честно и боголюбезно, пред всеми смиряйся, ибо Господь наш Иисус Христос говорит: *Всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется*, то есть кто сам себя смиряет, того Бог вознесет и прославит. Да утешит тя Господь в день печали, да заступит тя имя Бога Иаковля, да послет ти помощь от святого и от Сиона заступит тя, помянет всяку жертву твою и весь совет твой да исполнит. Тогда возрадуемся и мы о спасении твоем и во имя Господа нашего возвеличимся! Но мое искреннее желание без твоего собственного хотения и старания исполниться не может.

2. Спасайся, возлюбленный мой о Христе брат! Молися о мне грешном. Мне весьма жалко тебя, каждый день вспоминаю, письма от тебя ожидаю. Какую избрал жизнь, имеешь ли твердое намерение опять в Глинскую обитель возвратиться? Прошу тебя, когда ты приидешь, Бога ради укрепи себя смирением и терпением, чтобы с Божией помощью возмог перенести все то, что ни случилось бы тебе неприятного. Древние св. отцы новоначальных послушников также испытывали, а потом принимали, в монашество постригали. Так Антоний Великий испытывал Павла Препростого. Прочитай житие его и прочих преподобных, и сам узнаешь, что если мы не будем иметь сих главных добродетелей: смирения и терпения, то все российские монастыри обойдем и ни в одном из них долгое время спокойно и богоугодно не поживем, а, следовательно, и в Царствие Небесное не войдем.

Брат, Бога ради прошу тебя не трать всего времени жизни твоей на попечение только о теле своем, но когда тело алчет и требует пищи, то рассуждай, что и душа имеет нужду в свойственной ей пище и она (душа) так же от голода изнемогает и делается мертвою, как и тело. Удаляйся чревоугодия, чтобы не утратить тебе всего того, что было тобою приобретено. Пророк Давид говорит: да будет слезы мне хлеб день и нощь. О, как блажен Давид! Он днем и ночью проливал слезы, а мы,

виновные в тысячах худых дел, не хотим и на один час прийти в сокрушение и покаяться?.. О, если бы мы истинно знали и твердо веровали, какая радость бывает на небе о кающихся? Тогда проливали бы слезы, отвергли бы худой навык, возненавидели бы всякий грех, каялись и жалели о том, что столь много преблагого Бога оскорбляли.

3. Ты долгое время находился в болезни. Чем далее откладываешь лечение, тем более у тебя ослабевают душевные и телесные силы. Без больницы и доктора вылечиться не можешь. Я, многогрешный, от истинной моей любви к тебе и сострадания предлагаю душеполезный совет. Попекись прежде всего о исцелении своей души. Когда душа будет здорова, и тело твое скорее исцелеет и примет прежний вид. Остановись в городе N. на целую неделю, поговей, исповедайся и причастися. Потом сходи в городскую больницу и попроси доктора освидетельствовать болезнь твою и принять тебя в больницу. Скажи ему, что деньги за лечение будут уплачены родителями. Если же не примет в больницу, проси дать рецепт и наставление: как принимать лекарство, пищу, питие и чего воздерживаться. Смотри, брат, исполни, что тебе говорю. Если не исполнишь, то будешь несчастным человеком, погибнешь телом и душою навеки. Только не дай, Господи, сим словам моим исполниться.

4. Ты всегда находишься в опасности. Водки отнюдь не пей, ибо все твое счастие временное и вечное зависит от водки. Счастие, если не будешь пить, то будешь здоровым, хорошим и честным человеком и скорее сыщешь себе место в какой-либо обители. За сие и Бог и люди тебя любить будут. Несчастие твое будет, если одну рюмку водки выпьешь, потому что выпивши не утерпишь выпьешь и более и сделаешься пьяным. Пьяный на все дерзает. Берегись малого греха, то никогда великого греха не будет. Читай ежедневно Псалтирь, Канонник и молитву: Господи, не лиши мене небесных Твоих благ[2]. Прочитывай ее несколько раз в день: она весьма утешительна.

5. Сколько я ни старался уговаривать тебя, просить и умолять многократно: "Ей, брат, горе тебе будет, покайся, береги голос свой, береги здоровье, отстань от злой дружбы, ходи ежедневно в церковь на клиросное послушание и ты будешь жить спокойно. За сие тебя Бог, начальство, отцы и братия будут любить и награждать". Ты меня не слушал. Много раз предостерегал тебя. За ослушание всегда следует наказание, как поживешь, так и прослывешь.

Но умоляю тебя: Бога ради прости и не скорби на меня, не унывай, а на Бога уповай. Еще легко можно покаяться, если захочешь. Ты только от сего дня, от сего часа положи во уме своем твердое намерение непременно исправиться. Не откладывай до завтра, ибо не знаешь, дождешься ли завтрашнего дня; смерть нечаянно нападает не только на больных, но и на самых здоровых, а ты весьма болен не только душою, но и телом; сильный кашель предвещает чахотку, от чахотки смерть. Смерть в чем застанет, в том и всю вечность будешь. Если она застанет тебя покаявшегося, то и Бог простит твои согрешения, и ты будешь в Царствии Небесном, если же застанет без покаяния, то увы и горе будет! погибнешь телом и душою навеки! Ах, брат, как мне жаль тебя! Бога ради, хотя теперь послушай меня; покайся и пожалей себя.

Ежедневно читай молитву, исповедания к Богу от человека, полагающего спасения начало. Премилосердный Бог весьма скоро

поможет тебе исправиться, возвратить тебе здравие, и ты будешь всегда спокоен, благополучен. Если будешь отдыхать в поле или на квартире, также во время ночлега, прочитывай из Псалтири хотя по одной кафизме в сутки, из канонника акафист Спасителю или Божией Матери, или же что-нибудь во славу Божию и на пользу души своей. Поверь мне, ты все сие легко можешь исполнить, если сам захочешь.

Спаситель сказал: кто хочет идти за Мною, тот первое: отвергнись себя, второе: возми крест свой и третие: иди за Мною. Он не хочет иметь Своими учениками невольников, но желает, чтобы всякий человек охотно, без всякого принуждения предал себя Ему. Следовательно, в Царствие Небесное входят только те, которые сами желают и стараются войти. Господь по Своей премудрости и любви даровал тебе волю и свободу делать, что хочешь. Он не хочет отнять у тебя сего драгоценного дара. Итак, брат, хочешь ли ты идти за Иисусом Христом в Царствие Небесное? Он указывает путь; Сам будет помогать тебе на сем пути. Не хочешь идти за Ним, твоя воля на то. Но только смотри, берегись пренебрегать призывом Иисуса Христа. По Своему милосердию Он долго, долго толкает в двери сердца твоего, чтобы пробудить твою душу и возбудить в тебе желание спасения. Горе тебе будет, если Он, наконец, отступит и отринет тебя, как сына погибели. Премилосердный Бог спасти тебя хочет, но без твоего хотения и старания не может.

6. Письмо твое получил с великою радостию. Всегда Господа Бога молю, да вознаградит Он тебя и спасет Своею благодатию. Весьма сожалел, что ты оставил ангелоподобный образ жизни. Еще более сожалел и соболезновал, что пошел слабым, боялся смерти твоей без покаяния. Но когда получил твое письмо и узнал, что слава Богу, здоров и с помощью Божиею совершил путь свой, что отец игумен тебя с любовию в свою святую обитель принял, в которой, как слыхал, весь церковный устав, правила и обряды Глинской пустыни, возблагодарил Бога. С тех пор я немного успокоился и уже не имею такой скорби и печали о тебе. Каково твое здоровье: поправился ли твой голос, на каком находишься послушании, хорошо ли тебе жить, любят ли тебя отцы и братия, не скучаешь ли о Глинской обители? ибо схиархимандрит Илиодор говорит и прочие старцы утверждают, что всякий хороший монах или послушник, как бы ему хорошо ни было, во всю свою жизнь непременно будет скорбеть и скучать о том месте или обители, где полагал своего спасения начало. Пиши ко мне подробно, я по совету старцев буду тебе отвечать! Непременно старайся всегда и везде вести себя так точно, как от имени твоего написано в письме к нашему отцу игумену, и будешь жить всегда и везде спокойно и благополучно, как в раю, ибо в том письме ничего нет невозможного. Обещание свое напиши на сердце и на бумаге и носи с собою, чтоб удобнее помнить, ибо сказанное и прочитанное долго сохраняется. Не для тщеславия все сие пишу, но во славу Божию и для пользы души твоей. Мы оба хорошо знаем того человека, который писал письмо от тебя отцу игумену, и что там написано, он сам все с Божией помощью весьма легко исполняет.

Упоминаемое письмо от имени послушника к отцу игумену Иннокентию писал сам о. Петр, и говорит он о себе в третьем лице. Содержание письма было такое: "Святой апостол Павел говорит: *все испытывайте, хорошего держитесь, удерживайтесь от всякого рода зла*

(1 Сол. 5, 21—22). Я, окаянный, по сие время испытывал, ныне же познал, что есть добро и что есть зло. Познал я добро, когда боялся Бога, слушал своих начальников и старцев, когда жил воздержно, и меня все любили. Познал я зло, когда не стал бояться Бога, слушать своих начальников и старцев; стал жить беспечно, и меня из святой обители уволили. Теперь я претерпеваю величайшее зло. Ах, горе мне, величайшему грешнику! Кто поможет моему горю, когда я сам оному виновен? И так, я, окаянный, подумал: восстану, пойду к отцу игумену и скажу ему: Отче святый, согреших на небо и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим. Приими меня хотя в число наемников твоих. Восстал, написал сие письмо и послал вам, положив твердое намерение исправиться. Воззрите на меня оком благоутробным и помилуйте несчастного, не дайте погибнуть души моей в печали, да не возрадуется враг мой о мне. Примите меня опять, как блудного сына, во святую обитель, умилосердитесь надо мной и простите меня премногогрешного за прежнюю жизнь. В вашей святой обители желаю умереть. Хотя я в ней согрешил, но надеюсь на Бога, Пресвятую Богородицу и святые молитвы ваши, что исправлюсь: где согрешил, там и покаюсь. Тогда вы можете сказать про меня: сей сын мертв был, но ожил, пропадал и нашелся, согрешил, но покаялся. А я даю вам свое обещание: 1) Водки и вина никогда не пить. 2) В проходку[3] не ходить. 3) В церковь на клиросное послушание, на все службы и правила ходить. 4) В келлии в свободное время от послушания заниматься чтением божественных книг и рукоделием. 5) Всем начальникам и старшим беспрекословно повиноваться, любить и почитать их. 6) С равными себе и младшими обходиться вежливо, снисходительно. 7) Вести себя, как можно тише, скромнее, так, чтобы братия любила и начальники жаловали. Еще прошу вас: поручить меня какому-либо благонадежному старцу, чтобы жить в его келлии, и он мог бы наблюдать за мною в исполнении данного обещания. Верую, отче, и надеюсь, что услышите просьбу мою и исполните прошение сердца моего".

7. Получил от тебя два письма. Первым письмом меня и прочих отцов весьма возрадовал, обещаясь прибыть к нам на праздник Пасхи. С великою радостию ожидали. Вторым весьма опечалил; ибо не намерен скоро возвратиться к нам. Там тебе "жить лучше". Этим самым и меня из монастыря враг гонит. "Иди, иди скорее, там тебе лучше будет". Но я, грешный, так рассуждаю, что во всяком монастыре есть свои выгоды и превосходства, свои недостатки и неудобства.

Во всяком монастыре всеми силами мы должны стараться соблюдать все то, что от нас самих зависит и без чего мы жить и спасаться не можем, именно: иметь глубочайшее смирение, то есть думать о себе и считать себя всегда наигрешнейшими и худшими всех живущих в монастыре. Ибо Господь гордым противится, смиренным же дает благодать, и всяк возносяйся смирится (умилится), смиряяй же себе вознесется. Стараться со тщанием приходить всякое послушание. Всю братию нелицемерно любить, ибо любовь покрывает множество грехов. А потом уже мы можем, по силе нашей, с благословения настоятеля или духовного отца, принимать на себя и носить монашеские и келейные подвиги, как то: умеренный пост, нощные бдения, молитвы, поклоны и прочее.

Прилежно будем молить человеколюбивого Бога; да имиже весть судьбами спасет нас. А для сего должны всякий день и час каяться и полагать своего спасения начало. Ради покаяния и спасения мы оставили мир и пришли жить в монастырь, и в монастыре должны жить уже не по мирски, а по монашески. Для сего должно со вниманием, как можно почаще, читать святых отцов книги, в коих подробно описаны правила и наставления монашествующим. Если будем их знать и познанное исполнять на деле, то избавимся от вечных мучений и получим Царствие Небесное. Чего я, грешный, как себе, так и тебе и всем прочим о Христе братиям от всей души моей желаю.

Отец Петр писал не только убывшим, но и живущим с ним в обители. Движимый братскою любовию к своим сподвижникам, как членам единого о Христе братства, он иногда делал должные напоминания некоторым из них. Это не могло нравиться врагу спасения, и вот он под разными предлогами старается похищать доброе семя, павшее на сердца слушающих. Некоторые не одобряли о. Петра за его исправление братии и, конечно, сами считали себя в праве не слушать его. Другие исправления духом кротости и любви из желания спасения ближнему называли осуждением и в доказательство делали неправильные ссылки на Священное Писание и святых отцов. Для разъяснения недоразумений о. Петр писал следующее.

8. Любезный мой о Христе брат N. Бога ради простите меня окаянного великодушно, что я своими словами и обличениями многократно оскорблял и ныне оскорбляю. Но поверьте, все сие делаю от истинной любви моей к вам. Ибо чего желаю себе, того и вам: желаю себе здоровья, благополучия, а в будущем веке Царствия Небесного, того желаю и вам. Но еще умоляю вас: выслушайте нижеписанное слово, которое я много раз намеревался лично сказать, но были препятствия, посему вынужден писать, вы же с любовию или, по крайней мере, с долготерпением прочтите.

Осуждать всякого человека, кто и каков бы он ни был, есть тяжкий грех. Сам Спаситель сказал: "*Не судите, да несудимы будете*", обличать же, кто сие делает с добрым намерением, от любви к Богу и человеку, для славы Божией и в пользу души ближнего, без поношения его имени и чести, но для исправления, — нет греха. В Священном Писании есть два слова: "Обличай" и "не обличай". Первое повелевает, второе запрещает: *не обличай человека злого, да не возненавидит тебя* (Притч. 9, 8); ему неприятно слышать обличение, потому что обличение нечестивому раны ему есть. Слово Божие говорит: обличай. Кого? Обличай премудра, да премудрейший будешь. Какая же от сего польза? Такая, что он сам исправится и истинно возлюбит тя. Случается и доброму человеку впасть в какой-либо порок. По своему самолюбию он или не замечает или думает: "Это небольшой грех, другие о нем не знают". Найдется благоразумный и, сожалея обличить порочного, укажет ему на стыд и срам пред людьми и грех пред Богом; что творя грех, он многих соблазняет и доводит до того же греха осуждения, и потому виновен не только за свои грехи, но и за грехи ближних своих. Выслушавши обличение, добрый человек со смирением благодарит обличителя, возлюбит его, попросит прощения и будет исправляться, от того времени он уже бережется. Но обратимся к себе: слушаем ли мы с терпением

обличения? Исправляемся ли?.. Отныне положим начало покаянию. Не будем откладывать покаяния на завтра, не знаем, дождемся ли завтрашнего дня; или же дождемся, то труднее будет покаяться, откладывание исправления может привести к отчаянию. Отчаяние конечная погибель души, ибо порок обращается в привычку, привычка в природу, а природу без всесильной помощи Божией никто сам собою не может победить!

Нося в себе покаянное чувство, подвижник всегда был серьезен, попрежнему любил уединение. Кроме храма и братской трапезы его редко где можно было видеть. Увещевал прочих жить по Божиему, благоговейной жизнью.

Вся жизнь отца Петра была непрерывным служением Богу. Поистине, можно сказать, что он прежде всего другого искал Царствия Божия и правды его. До утрени он не спал; с первым полночным ударом колокола спешил, даже бежал, в храм на утреню, боясь пропустить начало богослужения, которое выстаивал всегда до конца и слушал его с полным вниманием, иногда умилялся до слез. Если сон смыкал отяжелевшие бдением глаза, и подвижник просыпал начало утрени, то, встав немедленно, шел в церковь, окаявал себя и пропущенное вычитывал в келлии.

Келейные свои подвиги он совершал втайне: "О себе не могу объявить, чтобы враг не мог похитить". *Но ничтоже есть покровенно, еже не откроется* (Мф. 10, 26). Так стало известно многое из его сокровенной жизни.

Как любитель уединения, отец Петр келлию имел вдали от других жилищ. Это была одна малая низкая комната, с одним окном в юго-восточном столбе (башне) монастырской ограды. Сюда подвижник перешел со своим старцем, отцом Макарием. Последний помещался вверху, ученик его внизу. По ночам Петр громко читал и мешал ночному молитвенному бдению старца.

Тот, скрывая свой подвиг, однажды сказал ему: "Ты не даешь мне спать". — "Простите, батюшка, — отвечал ему Петр, — иначе не могу читать, как громко, а то засыпаю". И отец Макарий более не препятствовал ему читать громко, с целью привыкать к ночному бдению.

По смерти отца Макария (†21 февраля 1864 года) отец Петр занял его келлию и жил в ней подряд 33 года, перенося тяжелый для головы и разрушительный для тела сырой и холодный воздух отдельного каменного жилища — отец Петр зимою печку топил раз в одну или в две недели. Бывало, в морозы придет на утреню и трясется; иногда от холода у него опухали руки. Терпя холод, ради понуждения себя бдеть и молиться, другим отец Петр говорил, что он не любит тепла. Для той же цели бодрствования и молитвы, чтобы не внити в напасть, отец Петр, вместо кровати, имел у себя простую скамейку из двух досок, внутренние края которых были неравны и спать на такой скамейке было невозможно. Тюфяка подвижник вовсе не имел, подушка у него была весьма жесткая. Случайно пришедшим в его келлию пришлось подметить, что изнеможенному телу своему старец давал кратковременный отдых на полу, подостлав под себя одну из своих одежд. Зимой отец Петр занимался в келлии, одевшись, и так, кажется, ложился спать, даже не разуваясь. Однажды приближенному иноку он высказался, что ноги

переобувал раз в месяц. Добродетельными покаянными трудами он избегал будущих трудов невольных и страшных, и таким образом приобретал себе благоволение Божие.

Монахи, жившие внизу того же столба, где жил отец Петр, слыхали ночные покаянные рыдания подвижника. На признание одного брата о слезах на молитве, монах А-ъ сказал: "Что твои слезы? Отец Петр каждую ночь рыдал".

Строгий в исполнении аскетических правил, отец Петр всегда довольствовался монастырскою пищей. До обеда старец не вкушал; обедать ходил в трапезу, на ужин из братской кухни приносил одной кашицы (кулешу), съестных припасов у себя не имел и в келлии ничего не приготовлял, чем избавился от многих попечений, неприятностей и скорбей.

Жизнь подвижника была укором для небрегущих о спасении. Такие нередко очень грубо оскорбляли отца Петра; но ради будущих воздаяний и, считая себя, как грешника, достойным и большого оскорбления, старец все терпел молча.

Привыкший к военной службе, к постоянству в порядках жизни, отец Петр и в монастыре строго держался раз навсегда заведенного правила, по которому в известное время исполнял положенное.

Но сколько требовалось внутренней борьбы для этого? Сколько было поводов к обольщению испытать различные удовольствия и утешения, которыми другие пользуются свободно, как заслуженным правом.

Для лучшего уразумения и применения знания к жизни, подвижник читал одну и ту же книгу по два и более раза. Оттого он многое изучил, отлично помнил и не зарывал своего знания в землю, но делился с братьями, которые истинно искали себе пользы.

В декабре 1898 года отцу Петру должно было исполниться 78 лет от роду. Это такой возраст, когда и живущие при благоприятных условиях для здоровья ослабевают силами. Ослабел и отец Петр. Он иногда падал на клиросе, но по-прежнему понуждал себя на подвиги. За две недели до кончины скитянину отцу Андрею он говорил: "Скоро отец Петр, как яблоко..." При этом указал на землю, разумея скорое опущение тела своего в могилу. Прошла страстная седмица — время говения и усиленных подвигов иноков. Отец Петр сильно изнемог. В четверг светлой недели он в последний раз был на повечерии в храме. На другой день его особоровали, в субботу после утрени причастили — больному сделалось легче, он принял постриг в мантию без перемены имени. Во время обетов от умиления плакал. В тот же день ему в келлию принесли Чудотворную икону Рождества Богородицы, на следующий день — чудотворную икону Спасителя. Болящий с особым благоговением приложился к святыням. Последние три дня старца причащали каждый день. За все время болезни подвижник почти не принимал пищи; и почти накануне смерти у него явился было аппетит.

Тогда многое ему предлагали, он отказывался. "Все роскошное предлагаете", — говорил он. "Батюшка, скушайте яйцо", — предлагали ему. "И это роскошь, и за это отвечать придется", — отвечал старец. Попробовал, оставил и сказал: "Человеческий рот — юрод".

— Чем кормить вас, батюшка?

— Кулеш есть? — спросил отец Петр.

— Есть.
— Из котла?
— Да.
— Это я люблю, за это отвечать не буду.

Покушал немного. Прошло несколько часов, ему еще предлагают.

— Надо иметь воздержание, — сказал больной.

В чай ему положили варенья. Подвижник посмотрел на стакан и сказал: "Чадо, помяни, яко восприял еси благая в животе твоем". Стакан остался невыпитым. Все церковные службы старцу вычитывали в келлии. Остальное время отец Петр на память читал псалмы. Это, говорят, было его постоянным упражнением. В церкви, когда не беспокоили расспросами, он постоянно шевелил устами, — очевидно тайно читал псалмы или молитвы. При вздохе умирающего часто вырывались слова псалмов: "Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя!.. Вскую прискорбна еси душа моя? Уповай на Бога!.." За десять минут до кончины старец еще отвечал ухаживающему за ним иноку и встречал смерть вполне спокойно. В 8 часов утра 14 апреля 1898 года во вторник Фоминой недели, сидя в кресле, со священными словами псалмов на устах, без всякой муки, тихо, незаметно, отец Петр перешел в вечность, как бы уснул, чтобы встать в пределах невидимого для нас духовного мира[4].

Примечания

1 Кроме упомянутого "Духовного врачевства" отец Петр послал: "Наставления для монашествующих святителя Тихона Задонского", "Алфавит духовный" Димитрия Ростовского, "Взаимные должности монашеского жития" и "Полезные напоминания иноку в начале его подвигов".

2 В вечерних молитвах Следовательной Псалтири, молитва св. Иоанна Златоуста.

3 Т.е. на прогулку в непозволенные места.

4 Из Глинских записок.

Литература

Очерк жизни подвижника Глинской пустыни монаха Петра / Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909. 32 с., илл.

Глинский подвижник монах Петр. (Память 14 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 175—199.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. М., 1908. С. 11.

Марк (Лозинский), игумен, проф. Московской Духовной Академии. Отечник проповедника: (Практическое пособие для студентов: 1221 пример из Пролога и Патериков). Загорск (ныне: Сергиев Посад). Троице-Сергиева Лавра, 1971. С. 106. № 160: "Накануне смерти Глинский монах Петр соблюдал строгое воздержание в пище и даже отказался от чая с вареньем".

Монах Петр // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители: В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 47; То же. Одесса, 1904. То же. Курск, 1912. С. 41.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 г. // ГАКО, ф. 20, оп. Зл, д. 89, л. 61 об.

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках указных и неуказных — Глинской и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней. 1892 г. // ГАКО. ф. 20, оп. Зл, д. 109, л. 61.

СХИМОНАХ ЛУКА (†1898)
(Память 1 мая ст. ст. /14 нов. ст.)

Цит. по:
Схимонах Лука, подвижник Глинской пустыни //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Май. М., 1908. С. 3—17.

Схимонах Лука, в миру Леонтий Швец, происходил из крестьян Сумского уезда Харьковской губернии. В Глинское братство поступил при настоятельстве игумена Иннокентия в 1864 году, 26-ти лет. В то время в обители ярко сияли иноческими добродетелями старцы: схиархимандрит Илиодор (†1879), монах Мартирий (†1865), схимонах Лаврентий (†1881), схимонах Архипп (†1896), монах Досифей (†1874). В виду такого сонма великих подвижников, Леонтию было у кого поучиться высокой иноческой жизни, но главным образом он брал пример с первого из перечисленных подвижников, его советами руководствовался и при постриге в мантию отца Илиодора имел своим старцем.

Первое послушание Леонтия было на братской кухне, через два года при хлебопекарне. В последней он пробыл подряд 22 года. В 1896 году его постригли в рясу и, по усердию к послушанию, назначили старшим (или смотрителем) хлебопекарни. В 1875 году постригли в мантию с именем Лонгин.

Находясь на пекарне, отец Лука в полночь вставал на утреню, утром был на ранней и поздней литургиях, вечером выстаивал в храме вечерню, повечерие и правило. В храме он всегда становился на хорах позади всех. Оттуда ему не было видно богомольцев, стоящих внизу. На молитве подвижник был особенно внимателен. Братиям пекарни он советовал ходить на обед в трапезу, куда и сам ходил в тех случаях, когда по послушанию ему можно было отлучиться, но кушал весьма мало.

В свободное время от послушания и церковной молитвы, он исполнял келейное старческое правило и занимался чтением святоотеческих книг.

Келлия отца Луки состояла из одной небольшой комнаты. Несколько икон, столик, шкафчик, книги — вот и вся обстановка, притом довольно убогая. Из одежды — ничего лишнего. Настольной книгой для всегдашнего руководства у отца Луки были творения преподобного Симеона Нового Богослова, высокого по жизни и строгого по учению, изложенному простой речью. Для некоторого разнообразия в жизни о. Лука небольшое время употреблял на делание деревянных ложек, а потом и это совершенно оставил, боясь отвлечься от послушания и молитвы.

В 1888 году отца Луку назначили смотрителем Псалтири. Он должен был вести череду старцев, читающих день и ночь Псалтирь за благодетелей и следить за исправным исполнением возложенного на них послушания. С этого времени подвижник ходил на все богослужения неопустительно и, несмотря на их продолжительность, выстаивал всегда до конца.

В 1891 году он принял св. схиму и начал вести скитскую безмолвную жизнь.

На пекарне отец Лука трудился более других. Вместе с одним братом, он с вечера растворял закваску для хлеба, перед утреней подбивал ее; сам поджигал дрова в печке. После шестопсалмия, братия выходили с утрени и собирались на пекарне. По прочтении молитвы, в знак единения и братской любви, все крестообразно лобызали друг друга в плечи и, благословясь, начинали месить тесто. Отец Лука месил наравне со всеми.

Замесив хлебы, все расходились на отдых, а старший оставался наблюдать за печью и за тестом, — когда оно поднимется и настанет время катать хлебы. Младшим одна забота: исполнить приказанное, а на старшем лежала полная ответственность за исправность братий и хлебопечения.

Кухня и пекарня — первая школа для испытания новоначальных. Зная, как важно начало иночества, отец Лука требовал от подчиненных строго относиться к послушанию, испытывал их в отсечении своей воли и своего мудрования.

Пример терпения и беспрекословного послушания отцу Луке братия могли брать с монаха Архиппа, который в то время вел образ жизни юродивого, и на пекарне состоял с 1852 года. Он, по своему смирению, многократно отказывался от старшинства, Луке подчинялся 16 лет, из них пять лет, когда тот был еще рясофорным, иногда нарочно рассыпал муку, разливал воду или ронял тесто. Его за это упрекали и ставили на поклоны. Борьба подчиненных в порабощении плоти духу иногда тяжело отзывалась на отце Луке. Среди подчиненных попадались люди с тяжелым характером. За 18 лет старшинства своего на пекарне отцу Луке пришлось понести немало скорбей. Требуя дела, отец Лука всегда старался поощрить братию. В то время им не всегда отпускали чай и сахар, только на какой-либо праздник, — лично для него, как старшего, или для всех отец настоятель отпускал чай и сахар. Отец Лука всегда делился своим с братией. Иногда ему земляки присылали деньги, на которые он без стеснения поил чаем не только своих подчиненных, но и других бедных послушников. По отслужении литургии священнослужащим некогда было у себя заниматься самоваром, но они всегда находили готовый чай у отца Луки. Странникам и нищим отец Лука безотказно давал по ломтю хлеба, а иногда и более.

Отец Лука мог бы требовать дела, а о спасении братий, о их духовном преуспеянии вовсе не заботиться, но он, хотя и нес много скорбей, однако не оставлял при случае врачевать немощи ближних. Во время поступления его в обитель до 1889 года послушники не имели определенного руководителя. В духовной нужде каждый мог советоваться у духовника или других старцев. А так как новоначальные всегда были заняты делами обители под надзором старшего на послушании, то для большинства братий пекарни отец Лука являлся и непосредственным начальником и наставником в монашеской жизни. Желая всем достигнуть бесстрастия, он старался вызвать гнев и другие страсти, скрывающиеся внутри. Поэтому он ругал подчиненных и учеников своих. Но самому же ему приходилось выносить на себе вызванные наружу страсти, ибо не все могли не уязвляться его словами, не все могли познавать его благую цель духовного врачевания страстей. Трудно было, но отец Лука своих подчиненных и учеников вел в Царство Небесное путем труда, скорбей и злостраданий.

Любовь подвижника простиралась на всех вообще братий обители: так например, брата Алексия, бывшего в просфорне, хотели совсем уволить из монастыря; сжалился над ним отец Лука, пошел к настоятелю и сказал: "Батюшка, у меня братий на пекарне недостает, благословите с просфорни брата Алексия". Игумен Иннокентий благословил. Таким образом Алексий остался в обители и всегда был благодарен отцу Луке.

Любя ближних, отец Лука утешал скорбящих и болящих, вразумлял согрешающих, исправлял злонравных; хотящих оставить обитель уговаривал остаться, и слово его имело силу. Только в этих случаях он посещал келлии других братий. Когда отец Лука замечал кого смущенным каким-либо помыслом или какой страстью, он приходил в келлию брата. Поклонится ему до земли и начнет уговаривать исповедаться духовнику, чтобы враг отбежал. Иной боится большой эпитимии и не хочет идти, — отец Лука говорит: "Пойдем со мной, я за тебя упрошу духовника".

С принятием схимы старец не перестал заботиться о братиях и оказывать им вещественную и духовную помощь. Живя в дальнем скиту, он узнавал, кто нуждается, и помогал, то чаем и сахаром, то чем-либо другим.

Неопытных из своих учеников отец Лука предупреждал от разных искушений и козней врага спасения. Одна особа женского пола, приезжая в обитель, иноку N. несколько раз привозила гостинцы. Не подозревая худого, он никому не говорил об этом. Однажды пришел к отцу Луке в скит. Старец говорит: "К тебе галка летает, она тебе повредить хочет, чтобы ты монастырь оставил". Тогда инок понял козни врага и стал осторожнее.

Во имя той же любви старец некоторых успешно лечил простыми средствами.

Певчий Николай, придя к старцу, сказал о боли в горле. Отец Лука дал ему чайную ложку какой-то неприятной настойки. Выпил Николай и подумал: "Теперь еще хуже будет". Но на другой день болезнь горла совершенно прошла.

Монах Лаврентий рассказывал, что у него было много скорбей, лихорадочное состояние и страшная головная боль. "Я пошел в скит к старцу и сел у него грустный. Он размочил часть бублика, подал мне и говорит: "Больной? — на, ешь!" Я съел и пошел от старца совершенно здоровым".

В келейной жизни отец Лука был весьма радушным, веселым. Видно было, что в сердце его царил благодатный мир. От старца печальные уходили веселыми, скорбящие утешенными.

За своих учеников отец Лука молился и терпел искушения. В одно время брату Л. он сказал: "Через вас всю сию ночь на полу прокатался". Очевидно, враг спасения мстил ему за спасительное руководство учеников.

С принятием схимы, отец Лука имел своим старцем схимонаха Архиппа, того самого, который ему прежде подчинялся на пекарне. Для более безмолвной жизни они перешли в ближний скит, основанный на месте явления Глинской Чудотворной иконы Рождества Богородицы. На все богослужения отец Лука ходил в монастырь, несмотря ни на какую погоду. Придя с утрени, он в келлии читал помянник и, немного

отдохнув, в 5 1/2 часов шел снова в храм, выслушивал акафист, раннюю и позднюю литургии и молебен, что продолжалось до 11—12 часов дня.

После обеда отец Лука молился за государя, настоятеля, братию, благодетелей, всех христиан и совершал старческое правило. Вечером подвижник был на вечерни и повечерии, на котором каноны Спасителю, Богородице, ангелу-хранителю и вечерние молитвы слушал, закрыв глаза, "не видя". Свободное время заполнял чтением святоотеческих книг и богомыслием.

На первых порах, когда отец Лука получил заповедь старца в келейном правиле совершать 500 Иисусовых молитв, у него, должно быть, не всегда было полное внимание. И вот однажды явился ему на воздухе монастырский чудотворный образ Нерукотворенного Спаса, и от него был голос, чтобы он Иисусову молитву произносил медленно, внимательно. Кроме Иисусовых молитв в старческое правило отца Луки входило чтение кафизм, Евангелия, Апостола и поклоны.

С утверждением устава для дальнего Спасо-Илиодоровского скита Глинской пустыни, основанного на месте пустынных подвигов старца схиархимандрита Илиодора, отец Лука вместе со схимником Архиппом в 1893 году перешел в дальний скит. Для посторонних, не понимающих их подвига, взаимные отношения старцев казались чуть ли не враждебными, но это была своего рода духовная мудрость. Архипп неопустительно ходил на все богослужения и говорил: "Я хожу в церковь, а Лука не ходит, посмотрим, кто из нас выгадает". Когда что спрашивали у отца Архиппа, он, как бы недовольный, посылал к "глухому", под которым разумел Луку. А сей последний спрашивающих его отсылал к "пророку", т.е. к отцу Архиппу, который известен был даром прозрения.

Под обычными слабостями осуждения и пересуд друг друга (а не посторонних), мудрые подвижники скрывали свои добродетели. Неопытные этим соблазнялись, высказывали свое нездравое состояние души и уврачевывались или совестью, или самими старцами. Так, однажды отец Архипп увидел идущего к нему Луку и говорит: "Глухой идет". Находящийся у него брат стал осуждать идущего. "Я говорю, а ты про него говорить не можешь, он выше меня", — заметил отец Архипп и заставил осуждающего класть поклоны.

Раз идут старцы мимо иконы святых Митрофана и Тихона Воронежских, находящейся с наружной стороны собора Глинской пустыни. Архипп говорит: "Клади поклоны". Лука спрашивает: "Какие"? — "Земные". — "Сколько?" — "Три". — "Батюшка, подержите палку". Архипп берет палку, а Лука при народе кладет земные поклоны за послушание своему старцу.

К отцу Архиппу Лука всегда ходил вечером. Когда братия успокоятся от дневных трудов, он выйдет из келлии и тихонько, стороной пробирается между деревьями под колокольню, где жил отец Архипп. Отец Лука занимал одну небольшую комнату с прихожей, держался более келейной жизни по болезни, в храм ходил не всегда. Пропущенные службы вычитывал в келлии. Часы, обедницу и акафист иногда читали усердствующие послушники. Причащался отец Лука еженедельно по субботам и еще раз или два, если случался на неделе праздник. В храме отец Лука стоял за левым клиросом. Впереди он ничего не видел, кроме большой иконы святого великомученика Пантелеимона, а чтобы избежать

и невольного взгляда по сторонам, приближался к этой иконе так, чтобы ее верхнее начертание было выше его роста. Таким образом ничто не могло отвлечь его от внимательной молитвы.

Какое келейное правило отец Лука исполнил в дальнем скиту, навсегда осталось тайной. Но что оно у него было большое, и старец должен был почти постоянно бодрствовать на молитве, не было тайной.

В дальнем скиту свободное время от богослужения и правила отец Лука употреблял на Иисусову молитву. По словам старца Архиппа, Лука вычитывал двенадцать тысяч Иисусовых молитв в сутки и, кроме того, находил время на чтение святоотеческих творений о молитве и трезвении ума от всяких посторонних помыслов.

Врагу не могло нравиться смиренное молитвенное богообщение отца Луки. Он восстал на подвижника страхованиями. Своему ученику Леонтию старец говорил: "Однажды выхожу я из келлии, налетела на меня большая белая лошадь и начала грызть". Кроме страхований, отец Лука в дальнем скиту перетерпел разные телесные и душевные болезни. Брату Тихону он говорил: "Враг гнал меня из скита, но я поборол его". Кажется в это время отец Лука видел покойного старца схиархимандрита Илиодора в дивных небесных обителях и просился к нему. Старец велел еще подождать. Также отец Лука видел архимандрита Иннокентия (†1888), который его утешил, но как утешил, отец Лука не говорил.

Кротость и терпение старца испытал один брат. Он начал очень дерзко говорить с отцом Лукой. Тот молчал и не сердился. В последнее время перед некоторыми из братий отец Лука особенно смирялся, считал себя хуже всех, низко кланялся и просил прощения. Впрочем, смирение отца Луки не препятствовало ему делать необходимые внушения. Однажды новоначальный брат Леонид, еще не усвоивший скромности внешнего монашеского благоповедения, нарвал в скитском саду целую чашку смородины. Отец Лука вышел из келлии и позвал его. Тот сунул чашку в кусты и подошел к старцу. Отец Лука сказал: "Принеси сюда, что нарвал". Брат исполнил приказание. Тогда старец спросил: "Кто благословил? Два-три зерна — и за них надо отвечать пред Богом, а ты нарвал чашку?" Леонид, не понимая, что отец Лука дает ему урок избегать самоволия, вредного в монашеской жизни, и может быть, думая, что старцу жалко смородины, стал ее отдавать отцу Луке. Он, конечно, не взял, а виновному еще дал чая, сахара и отпустил с миром. Благодаря таким урокам, при старцах Архиппе и Луке, братия боялись самостоятельно рвать плоды даже после праздника Преображения. Плоды подавались на обед для всех.

В дальнем скиту так же, как и в ближнем, старцу был голос от иконы. Инок Иоанн говорил: "Моя келлия была против отца Луки; иногда вечером я ходил к старцу побеседовать. Кое-что он мне говорил из своей жизни, но потом, на мои расспросы, укорял себя, говоря: "Глухой, что тебе нужно? молчи; а мне говорил: "На что тебе любопытство?" Однажды отец Лука передал мне, что ему являлась Божия Матерь, другой раз рассказал, что во время побелки его келлии, он вошел в прихожую и увидел икону Божией Матери "Всех скорбящих Радость", поставленную на кровати, чего он никак не дозволял и строго требовал не оскорблять святыни. Немедленно поставив икону в большом углу, отец Лука стал молиться перед иконой, потом пошел в свою келлию, там также помолил-

Глинский
чудотворный образ
Нерукотворенного Спаса

ся, вероятно просил прощения у Божией Матери, и снова вернулся в прихожую. В это время от иконы услышал глас: "Раб, всегда храни благую веру, сим оправдан будеши". Тогда отец Лука пал на колени и долго со слезами молился Царице Небесной."

С целью сохранить себя от рассеянности, он, особенно в последние годы своей жизни, был строг в охранении внешних чувств. В числе бумаг, оставшихся после смерти старца, была такая заметка: "Скорый путь к добродетели есть молчание, смежение очей и глухота". Не раз приходилось наблюдать его глухоту. Она была неодинакова. Отец Лука крепко не слышал, когда спрашивали его, или говорили ему неполезное; полезное же слышал и тогда, когда ему говорили тихо. Иеромонах Анастасий говорил: "Отец Лука слышал все, но если что говорилось не на пользу, то говорил, что глухой, не слышит. А после говорящий сам убеждался, что хотел спросить, или говорить неполезное". Глухотой подвижник прикрывал подвиг своего молчания.

Кроме глухоты и молчания, мудрый старец строго оберегал свое зрение. Идя дорогой или стоя на молитве в храме, он закрывал глаза, внимал только себе. Закрытие глаз не всегда обходилось благополучно. За два с половиной года до смерти он, идя в келлию, упал в коридоре в открытый погреб и поранил ногу. Рана причинила ему немалую боль, но и тут, как всегда, выразилось незлобие и великое терпение подвижника: ни стона, ни страдания не показал он. Сняли с ноги сапог и из него наполнили целый таз кровью. Все ужаснулись, а отец Лука сказал: "Царапинка, — больно?.. А как же мученики терпели до смерти?" От сильного кровотечения постоянная боль в ногах от отеков уменьшилась. Поэтому отца Петра, виновного в незакрытии погреба, отец Лука в шутку называл своим доктором. Учеников своих старец приучал к воздержанию и посту. Одного брата на масленой неделе заставлял есть капусту без масла и говорил: "Приучайся есть постней", то есть более постное, грубое, не возбуждающее сластолюбия и похоти плоти.

По смирению своему отец Лука, как бы боялся взять на себя руководство братиями. Даже своим ученикам он не давал прямо от себя наставлений, а старался учить их по святоотеческим книгам. Замечательно, что в деле руководства, отец Лука ответами своими предупреждал вопросы учеников.

Инок Тихон говорил: "Несколько раз отец Лука давал мне читать именно то, о чем хочешь узнать, но стесняешься спросить. Как только прочтешь, что надо, отец Лука сейчас же выйдет в прихожую и отберет книгу". Подобное говорили и другие.

Видя прозрение старца, ученики еще более понуждались следовать его советам или примеру. Отец Лука выражался очень странно, загадочно, примерами, — скажет что-либо ясно и замнет непонятными словами. Сколько у него ни спрашивают, более ничего не добьются.

При необходимости наставления, старец был краток. Для возбуждения ревности о спасении, старец заставлял учеников читать висевшую у него таблицу из сочинений святителя Тихона Задонского: "Христос грешную душу к Себе призывает". Многие, читая таблицу, умилялись до слез.

Монах Лаврентий говорил: "Отец Лука требовал от учеников строго исполнять послушание без ропота. Для испытания нас, старец начинал роптать, но не любил, если кто из учеников отзывался нехорошо,

особенно, когда это касалось отца настоятеля". Отцу Игнатию старец однажды сказал: "Уважай настоятеля: у него мученических венцов много. Нас 500 человек, и всех надо направлять на путь спасения".

Новоначальные послушники по неопытности часто имеют ревность не по разуму. Ревнуя о делах обители и желая их исполнить, как можно лучше, они иногда забывают о пище и питии, но, ослабевая от чрезмерного воздержания, становятся вовсе неспособными нести какой-либо, даже легкий труд на пользу обители. Отец Лука вникал в положение таких братий и давал им нужные наставления. Он говорил: "Надо держать меру и подкрепляться пищей, чтобы быть годным на послушание, которое должно нести твердо".

За несколько лет старец предсказывал перемены братий на послушаниях. Иеромонах Анастасий говорил: "Когда я был новоначальным на кухне и сидел в келлии у отца Луки, приходит к нему монах Симон. Лука говорит мне: "Встань, он будет твоим старшим". Прошло несколько лет, отец Симон сделался старшим на мельницах, куда и меня послали. Так, по предсказанию отца Луки, я 10 лет имел своим старшим отца Симона".

Про иеромонаха Г. отец Лука говорил: "Он будет игуменом". Прошло 9 лет, и слова его исполнились. Также про одну послушницу отец Лука говорил: "Она будет игуменьей". Через 10 лет предсказание прозорливца исполнилось.

Отец Алексий говорил: "Я был новоначальным, не одетым в послушническое одеяние, много пустословил. На замечание братий сказал: "Я еще не монах". Прошло некоторое время. Отец Лука, как бы зная мои слова, спрашивает меня: "Ты не монах, зачем пришел?"..

Старец ведал помыслы братий. Один инок соблазнился словами и действиями отца Луки и в уме своем подумал, что старец в прельщении. Прошло несколько дней, он приходит к отцу Луке, и тот говорит ему: "Я в прельщении".

Однажды отец Лука сказал: "Истинная любовь, что может, дает для всех, а не избранным". Прошло после того более полугода. Перед Великим постом благодетели прислали старцу грибов и маслин. Инок Михаил подумал: "Вот, отцу Луке прислали грибов и маслин. Он говорил, что всем надо давать, а сам так не делает. Пойду к отцу Петру, если отец Лука прозорливый, то узнает мой помысл и поступит так, чтобы мне не осуждать его". Петр помещался в мезонине того дома, в котором внизу была келлия отца Луки. Лестница на мезонин шла из общего коридора. Идя к Петру, надо было проходить мимо келлии старца. При входе Михаила на лестницу, вышел в коридор отец Лука, подозвал его к себе, дал большую банку маслин и велел у ключника взять грибов, сколько надобно. При этом добавил: "Грибы и маслины я отдал ключнику для раздачи скитянам".

"В прихожей старца я пил чай, — говорил монах Лаврентий, — отец Лука находился в другой комнате. Мне пришло желание на священную книгу, лежащую на столе, поставить сахарницу. Только я подумал, старец выходит и говорит: "Книга — та же икона, — ставить на нее нельзя".

Перед бдением я как-то искусился выпить церковного вина; пришел на клирос и думаю: как бы братия не услышали запаха. Во время чтения кафизм, я вышел из храма и сел на лавочке. Выходит мой старец, срывает

цветочек и, смотря на меня, говорит: "Да, пахнет!" Так он мудро обличил меня, мне стало стыдно".

Дар прозрения сказался и в самой кончине подвижника. Отец Лука не отличался здоровьем, телосложения был слабого, но целомудренная и воздержанная жизнь сохранила его: в 60 лет он казался сравнительно молодым, в волосах его не было седины, на ланитах всегда играл легкий румянец. Лицом отец Лука был похож на известного киевского иеросхимонаха Парфения (†1855).

От долгих молитвенных стояний у отца Луки на ногах образовались отеки. Кроме того, подвижник страдал желудочными болями. За год до смерти у него из горла стала кусками выходить запекшаяся кровь, но старец не жаловался на болезни, терпеливо сносил их, был всегда весел: надежда будущих благ ободряла его, нетленное богатство добродетелей утешало, он уже не боялся смерти, к которой, видимо для всех он стал готовиться с весны 1898 года. Весной старец обыкновенно благословлял отцу Стефану что-либо посадить на огороде при своей келлии, иногда сам выходил копать гряды. В год смерти Стефан спросил у отца Луки, что посадить в огороде, и получил ответ: "Я вашего ничего не буду ни пить, ни есть". За месяц до кончины Лука пришел к старцу Ф-ту, поговорил с ним о протекшей своей жизни и о приближающемся переходе в вечность. Спустя десять дней, он стал прощаться со скитской братией и своими учениками, раздавал им некоторые свои вещи и книги.

29 апреля отец Лука отстоял в храме последнюю литургию и причастился Святых Христовых Таин. В четверг — день болезни и приготовления к смерти — старец был необыкновенно весел. Видно нестрашна смерть праведнику. 1 мая 1898 года отца Луки не стало. Утром в этот день он говорил ученикам: "Сегодня умру". Брат Иоанн начал читать ему часы. Отец Лука, стоя, указывал порядок чтения. Перед чтением обедницы старец замолчал, лег и стал тяжело дышать. Инок Стефан побежал просить скитоначальника особоровать подвижника. Спустя два часа после елеосвящения, отец Лука тихо испустил дух. Было 11 1/2 часов утра. При обряжении тело почившего было белое, прозрачное, как восковое.

Могила отца Луки — первая на скитском кладбище. Для нее требовалось выбрать место между восточной оградой скита и огородом, как было назначено отцом настоятелем. Пошел туда скитоначальник и на возвышенном берегу речки Обесты выбрал самое лучшее место под всегда зеленеющими соснами. Когда рабочим стали указывать место для копания могилы, один из иноков припомнил, что он три дня тому назад, при воспоминании о смерти, спросил отца Луку: "Батюшка, где вас похоронить?" Он ответил: "В скиту, в соснах, за оградой", — и рукой указал именно то самое место, которое избрано было для его погребения. Некоторые ученики старца сожалели, что их наставника похоронили не вблизи храма, но храм сам приблизился к могиле подвижника, что и было им предсказано. Он говорил: "Вверху неожиданно будет храм". Через год и три месяца после его смерти, в мезонине дома, где он жил, действительно устроили храм во имя Иоанна Предтечи. Могила старца от храма находится всего в 25 саженях. Она увенчана крестом с распятием, на обороте креста надпись указывает, что "Здесь погребен схимонах Лука, в мире Леонтий Швец, добре потрудившийся в обители 34 года, из них

последние 5 лет в скиту, подавал собою пример молчания и оберегал очи свои *еже не видети суеты.* Скончался 1 мая 1898 года на 61-м году своей жизни". Надпись кончается просьбой от имени почившего: "Духовнии мои братие и спостницы, не забудите мене, егда молитеся; но зряще мой гроб (могилу), поминайте мою любовь и молите Христа: да учинит дух мой с праведными".

Литература

Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907.

Схимонах Лука, подвижник Глинской пустыни. (Память 1 мая) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 3—17.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 12.

Схимонах Лука // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 53; То же. Одесса, 1904. С. 53; То же. Ч. 1. Курск, 1912. С. 46.

Спасо-Илиодоровский скит... Одесса, 1899. С. 29.

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа. Одесса, 1902. С. 12, 34—36.

Глинский подвижник схимонах Архипп // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия. Сентябрь. М.1909. С. 343, 344.

Четвериков Сергий, прот. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. 2-е изд. Париж, 1988. С. 279.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89, л. 27 об.—28.

"*Монах Лонгин (впоследствии схимонах Лука — А.И.) (В миру Леонтий Швец), 48 лет. Женат не был. Читать и писать может. Из временно-обязанных крестьян Сумского уезда. По поступлении в Глинскую пустынь проходил различные общежительные послушания с 1864 г.*

Пострижен в монашество игуменом Иннокентием в 1875 г. 15 марта. Ныне проходит послушание смотрителем при хлебопекарне. Качеств хороших и усерден".

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках указных и неуказных — Глинской и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней. 1892 г. // ГАКО. ф. 20. оп. 3 л., д. 109, л. 23 об.—24.

"*Облечен в святую схиму с именем Лука в 1891 г. 1 января. Послушание проходит при неусыпном чтении Псалтири по усопшим. Качеств очень хороших и усерден к Церкви*".

О назначении иеромонаха Исаии настоятелем Глинской пустыни с возведением в сан игумена // ЦГИА, ф. 796, оп. 169, д. 185, л. 5 об.

КЕЛЕЙНЫЕ БУМАГИ, НАЙДЕННЫЕ ПО СМЕРТИ СХИМОНАХА ЛУКИ

I. О вере и Священном Писании

"Вера и доказательство суть два предмета, один от другого различные. Вера не делает принуждения уму нашему и насилия нашей воле. Когда ты слышишь слово веры, в твоей воле остается верить и через то получить

спасение, или не верить и за то быть осужденным. Доказательство уверяет ум принужденным образом, а следовательно, восхищает и власть у воли нашей. Против воли своей уверенный силою доказательств не получает никакой награды. Для предметов, постигаемых верой, как сверхъестественным и пресущественным не могут быть вещественные доказательства. Блажен, кто не видит и верует, потому что не принужденно, но по своей воле верует.

Как могу, скажешь ты, верить я тому, что противно суждению ума моего: три и вместе едино (о Троице). Сего не постигает ум мой. Верю, что невместимо уму твоему, ибо и малый сосуд не вмещает в себя целого моря вод. Ум твой весьма мал, а Божество бесконечно велико и потому непостижимо. Но что из сего следует? Следует ли, что Бог не есть Триипостасен, потому что невместимо уму твоему; так нет и моря, ибо оно не вмещается в малом сосуде? Скажи мне ты, который желаешь разуметь то, что бесконечно и невидимо, понимаешь ли ты вещи малые, подлежащие чувствам твоим? Ум наш не постигает бесчисленного множества вещей, подлежащих чувствам, и что из того? Ужели они совсем не существуют потому, что мы их не постигаем? Мы не понимаем даже, не говоря о другом чем, и того, как видим, как слышим, как обоняем, как чувствуем вкус, как осязаем, хотя и много говорят о сем физики. Понимаешь ли ты, например, почему то кажется тебе черным, а сие белым, то красным, а сие разноцветным? Понимаешь ли, как тот звук услаждает тебя, а сей скуку наводит? Отчего чувствуешь различие тонов и голосов и разбираешь их качества? Понимаешь ли, почему та вещь издает из себя благовоние, а сия зловоние? Или как всякий запах один от другого различаешь? Понимаешь ли, как различаешь сладкое от горького, соленое от кислого и пресного? Или, как чувствуешь жестокое, шероховатое, мягкое, гладкое, твердое и ломкое? Не разумея всего этого, желаешь однакож уразуметь предметы сверхъестественные и чувствам не подлежащие. И жалуешься, что ум твой не постигает того, каким образом Бог есть един в трех ипостасях"[1].

Кто смотрит на лучи солнечные, тот просвещается, но кто пристально смотрит на самое солнце, у того зрение помрачается. Лучи трисолнечного Божества суть Священное Писание: чем более мы поучаемся в божественных словесах оного, тем более ум наш просвещается в совместном ему познании дел Божиих, сердце наше исполняется любовью к благочестивой вере. Когда же мы силимся проникнуть в сокровенности Божии, тогда ум наш помрачается, сердце хладеет и мысли преклоняются к неверию. Кто вникнет в смысл словес, реченных Богом к Моисею на горе Синайской, тот усмотрит справедливость сего рассуждения: "*И рече Бог Моисею, глаголя: сошед, засвидетельствуй людям, да не когда приступят к Богу уразумети, и впадут от них мнози*" (Исход. 19, 21).

Бог не требует от нас, чтобы мы знали, каким образом Он есть един и вместе троичен, как воплотился Сын, как сошел Дух Святой, или как совершились прочие таинства веры; но хочет, дабы мы верили, что все то есть истинно и верою бы спаслися. В делах Божиих вера потребна, а не знание художное Божественных сокровенностей; свет же, показующий путь к сей вере, есть Священное Писание. Оно есть луч Божественного света, оно просвещает ум и дает разуметь предметы веры, сколько естество человеческое вместить себе может; оно, не только руководит к

вере, но и научает, какая вера есть спасительная; оно объясняет, какая есть та вера, о которой рек Господь наш: *веруяй и крестивыйся спасен будет* (Мк. 16, 16). Оно научает нас, что спасительная вера, есть вера любовью поспешествуема. Когда вникните в Священное Писание, то узнаете, что ко спасению нашему нужна таковая вера, а не знание сокрытого от нас. В Священном Писании усмотрите сии Господни слова: "Иже не имет веры", а не тот, кто не разумеет, "осужден будет" (Мк. 16, 16). Посему мы имеем нужду не в рассуждении Таинств, но в вере, в принятии и соблюдении учения Господня. Уразумения Таинств Бог от нас не требует, ибо Он знает, что они превышают наши понятия; по сей-то причине один из святых мужей советует нам удаляться того. "Вышних себя, — говорит он, — не ищи и крепльших себя не испытуй, яже ти повеленна, сия разумей" (Сир. 3, 21—22). Верить повелено тебе, а не исследовать Таинства, ибо в сем не имеешь ты нужды, нет тебе нужды знать тайны от тебя сокровенные"[2].

II. О терпении скорбей

"Аще бывают многи скорби праведным, то неправедным кольми паче не должно отказываться от горького напоения, которое истребляет в нас гнев и ярость. Преподобный Ефрем Сирин говорит, что души, преданные скорбям для испытания, если будут мужественно терпеть с покорностью Отцу Небесному, без Него же ничтоже с нами бысть, еже бысть, то в день суда приобретут одинаковое с мучениками дерзновение перед Богом.

III. Об умном житии

"Житие умное есть дело сердца, неослабно продолжаемое с заботливой мыслью о суде или правде Божией и о делах Божиих. Оно также есть непрестанная молитва сердца, мысль о промысле и попечении Божием, как частном, так и общем.

IV. О внимании

"Что есть внимание? Внимание есть тщательное и неопустительное наблюдение вещей. Тот внимает самому себе, кто с неусыпным бодрствованием примечает за своими делами и за внутренними своими движениями; и тот, кто внимает себе, познает зависть и наветы началозлобного врага, примечает, сколь обманчива и вредоносна суета мира сего. Видит, с каким вредом и гибелью соединены чувственные удовольствия плоти; посему вооружается против диавола, отвращает очи свои от мирской суетности и берет верх над ухищрениями плоти. Кто внимает самому себе, тот видит, что мы "*не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем*"; что настоящее все тленно и временно, а будущее негиблемо и вечно, что в небесном отечестве находятся свет невечерний, слава непреложная, радость неизреченная и такие блага, "*ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша*". Посему он, оставив землю, возносится на небеса и, рассматривая там сущие блага, обращает к оным все желания души и сердца своего и все труды телесные; посему-то

дела его боголюбезны, слова божественны, мысли святы; он весь становится светом, весь добродетелью, весь святостью. Таков бывает благочестивый человек, таков бывает пастырь, когда внимает самому себе. Внимание отверзает душевные очи пастыря. Он познает, что на себя принял, от кого и на какой конец. Усматривает, что принял на руки свои то, что есть славнейшее всякого создания, что не словом Божиим токмо сотворено, как прочие твари, но стяжено кровью единородного Его Сына. Принял же не от человека, не от ангела, но от Самого Вседержителя Бога. Бог поставил его пастырем, вручил ему сокровище небесное и преславное, то есть Церковь свою, да вводит в оную вне сущих, да наставляет истинные мудрости и благочестия в ней находящихся и руководствует как тех, так и других ко спасению. Познает пастырь, когда обращает на себя внимание, что тот, кто рачительно проходит пастырскую свою должность, получает, как исполнивший заповедь любви, неувядаемый венец правды. Познав же сие, обращает внимание и на все стадо, в котором Дух Святой поставил его, и выводит оное, яко другой Моисей, не из Египта, но из бездны греховной и избавляет не от власти фараоновой, но от рабства диавольского. Управляя, яко второй Самуил, праведно и свято народом Господним, приносит Богу о спасении людей, ему вверенных, не жертвы животных, но бескровные священнодействия; и, яко другой Павел, обращает неверных, вразумляет сомневающихся в вере, возбуждает впадших в грех, утверждает пребывающих в добродетели и бывает всем вся, да множайших, то есть достойных спасения, приобщает и приведет ко Христу. Внимание — дар небесный, сокровище бесценное! Оно есть гонитель суетности, бич плоти, оружие против врага человеческого, страж души и тела, лествица, возводящая человека от земли на небо, источник освящения, света, благодати и спасения; оно усовещает и пастыря народа, освящает и народ пасомый и спасает всякого человека! Премудро поистине завещание богоглаголивого Павла: "Внимай себе и стаду" (Деян. 20, 28). Сие учение о внимании божественный апостол положил не от себя, ниже от человек заимствовал, но слыша в самом законе Бога, тако рекшего: "*Вонми себе и снабди душу твою зело*" (Второзак. 9, 9)[3].

V. О долге духовных пастырей

"Учение, какое апостол Павел преподал пресвитерам Ефесской Церкви, есть также изящнейшее правило для всех, как тогдашних, так и после бывших, нынешних и до скончания века быть имеющих архиереев, иереев и пастырей словесных овец Христовых. "*Внимайте убо,* — сказал он между прочим, — *себе и всему стаду, в нем же вас Дух Святой постави епископы, пасти Церковь Божию, юже стяжа кровию Своею*". Слова краткие, но исполненные мыслей небесных, слова краткие, но объясняющие весь долг пастырский, слова краткие, но содержащие в себе и дела, и учение, и все обязанности истинных и святых пастырей.

"Внимайте убо себе". Сими словами научает он, коликая святость должна быть во всех делах пастыря. "И всему стаду", а сими — объясняет, коликое бодрствование должен иметь пастырь о своем стаде. Простолюдину довольно для спасения своего посредством внимания избегать греха, и творить добродетель, но пастырь, хотя бы внимая, по

словам Писания, себе, был чист от всякого греха, и хотя бы взошел на самую высоту добродетели, не может спастися, ежели не обратит такового же внимания и на паству свою, какое употребляет для собственного своего спасения. Для сего-то апостол Божий не сказал токмо: внимайте убо себе, но еще прибавил: и всему стаду. "Внимайте убо себе и всему стаду".

И так требуется от пастырей, чтобы они имели внимание сперва к собственному своему поведению: *внимайте убо себе*; потом ко спасению паствы своей: *и всему стаду*. Так, поистине нужно пастырю употребить прежде внимание на соделание себя самого святым, а потом уже освящать и других. Ежели он не очистит прежде себя самого от грехов, то как может очищать других? Прокаженный или покрытый струпом не очищает того, к кому прикоснется, но оскверняет. Посему Исаия прежде, нежели принял на себя пастырское звание, очищался углем, который принес к нему в клещах один из серафимов. Иеремия освящается прежде рождения своего, еще в утробе матерней, — пасти достодолжно народ Господень; а Иезекииль прежде, нежели посылается в дом Израилев, отворяет уста свои и съедает свиток знания и истины.

Если пастырь не приправит прежде солью благоразумия и житие и учение свое, то как может он исправить других и соделать их разумеющими законы Божии? Ежели он не будет прежде озарен сиянием добродетелей, и сам не соделается весь светом, то как может освещать всех в доме находящихся? Мрак греховный не освещает, но помрачает ум людей, к нему приближающихся. Тот напрасно будет стараться осветить во тьме сидящих, у кого нет в руках зажженной свечи, для сего-то Сам Господь назвал пастырей народа Своего солью земли и светом мира. "*Вы есте соль земли, вы есте свет мира*"[4].

VI. Келейное правило схимонаху

Молитв Иисусовых 600.
Матери Божией 400.
Ангелу Хранителю 100[5].
Своим Ангелам 100[6].
За новопреставленного брата до 40 дней 100.
Итого 1300[7].

Вместо четок (т.е. 1300 молитв) шесть кафизм Псалтири. Кроме того две главы "Апостола", главу Евангелия. Все это исполнять кроме церковных служб. А если почему-либо желательно заменить церковные службы, то нужно вместо них творить 6000 молитв четочных[8] или же какими хотите молитвами молиться 6 часов, да 1 1/2 или 2 часа за келейное правило, что и составит в сутки 7 1/2, или 8 часов пребывания в молитве Божией[9].

Примечания

1 Толкование воскресных "Апостолов" с нравоучительными беседами архиепископа Астраханского Никифора. Т. 1, Киев, 1826, листы 103 и 104.

2 Там же, листы 106 и 107.

3 Там же, листы 93, 94.

4 Там же, листы 91—93.

[5] На старом Афоне Ангелу Хранителю 50, и другую половину тому святому, имени коего посвящена обитель.

[6] Святым, имя которого носил в миру и носит в монашестве.

[7] Такое правило положено на Афоне с добавлением двухсот молитв четочных за утренние и вечерние молитвы.

[8] Т.е. по четкам.

[9] Поклоны при совершении молитв кладутся различно по ревности совершающего правило и по усмотрению старца-руководителя в духовной жизни.

ПОСЛУШНИК АНДРЕЙ СМИРЕННЫЙ (†1898)

(Память 22 октября ст. ст. / 4 ноября нов. ст.)

Цит. по:
Глинский послушник Андрей смиренный //
Жизнеописания отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков.
Июль—декабрь. Том доп. Ч. 1. Кн. II.
М., 1912. С. 321—323.

Кротость и смирение сделали юношу Андрея любезным Тому, Кто призывает к Себе всех труждающихся, повелевая им научиться от Него кротости и смирению. Внимая сему призыву Господа, брат Андрей, с малолетства возлюбивший иноческий чин, поступил в Глинскую пустынь на 16 году жизни и стал подражать преподобным отцам, просиявшим в посте, труде, молитве, чистоте, повиновении и терпении. Прекрасный лицом, слабый телом и нежно воспитанный, он со страхом Божиим и усердием беспрекословно проходил трудные послушания сперва в монастыре, а потом в скиту. В храме юный подвижник благоговейно пел, канонаршил и часто за послушание читал. Братия любили его хорошее, отчетливое чтение. В свободное время Андрей не оставался праздным, а читал духовные книги или с кем-либо вел душеспасительную беседу.

Богоугодная жизнь этого старца в юном возрасте не могла нравиться врагу спасения: он представлял Андрею полное довольство в родительском доме и внушал мысль оставить пустынную обитель. Сильное желание спастись победило это искушение.

В последнее время юноша Андрей имел желание перейти в монастырскую живописную, но сказать не посмел. Сам Господь, ведающий тайные помышления человеческие, исполнил благое желание и взял его не в земную, но в небесную живописную, где души праведных созерцают такие чудные картины, которых слово земнородных вполне не передало, и перо точно не описало. Летом 1898 года брат Андрей заболел, но, сколько мог, старался превозмогать болезнь, которая стала усиливаться и заставила поступить в больницу, где около двух месяцев Андрей молчаливо переносил страдания и даже тогда ради Бога и своего спасения не раз отсекал свои пожелания. Так, однажды ему захотелось фруктовой воды, старец-руководитель в его духовной жизни принес желаемое, при этом заметил, что фруктовую воду здоровые пьют для удовольствия. "И в самом деле", — сказал больной и не стал пить принесенного ему напитка. В болезни юноша утешался благодатными Таинствами Святой Церкви: часто причащался, соборовался и без страха встречал неизбежную для всех смерть, как переход от жизни скорбей, болезней и воздыханий в жизнь духовной радости, вечного счастья и непрестающих хвалебных пений триединому Божеству. Вечером 22 октября 1898 года брат Андрей у своего одра слышал неземное пение, до самой смерти был в полном сознании, простился с ухаживающим за ним монахом и в ту же минуту тихо, с одним легким вздохом перешел в вечность. Перед самой кончиной юноши больничная палата наполнилась благоуханием, тело почившего не предавалось тлению и окоченелости. На

другой день вечером к одру почившего пришел отец настоятель. Подняли покров и увидели, что лицо покойника, сохранив свои прекрасные черты, сделалось как восковое, с легким румянцем. Казалось, сквозь оболочку телесного вещества просвечивалась чистая душа юноши. Смотря на него, отец игумен сказал: "Он теперь еще прекраснее прежнего". При погребении юного собрата братия чувствовали не страх и трепет, а какую-то радость. Несли покойника к могиле как живого, призванного к Царю для получения великой награды, которая по неложному слову Священного Писания, обещана всем любящим Господа. Могила юноши находится на скитском кладбище, рядом с могилой схимонаха Луки, который любил, жалел и ободрял Андрея в иноческой жизни. На могильном кресте надпись говорит, что "послушник Андрей Гарковенко, после трехлетних подвигов, на 19-м году своей жизни, блаженно скончался в монастырской больнице 22 октября 1898 года". Скитская братия любила его о Господе за особую кротость, послушливость и смирение. Свою любовь к нему она выразила тем, что гроб его из обители к могиле на расстоянии 3-х верст несла на своих раменах [1].

Примечания

1 Из Глинских записок.

Литература

Глинский послушник Андрей смиренный. (Память 22 октября) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль—декабрь. Том доп. Ч. 1. Кн. II. М., 1912. С. 321—323.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 12.

Скитянин Андрей // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 54. То же. Одесса, 1904. С. 53—54; То же. Курск, 1912. С. 46.

АРХИМАНДРИТ САМУИЛ, ВПОСЛЕДСТВИИ НАСТОЯТЕЛЬ ЧУРКИНСКОЙ УСПЕНСКО-НИКОЛАЕВСКОЙ ПУСТЫНИ

Глинская пустынь дала из числа своей братии настоятелей во многие русские монастыри, в том числе в Чуркинскую Успенско-Николаевскую обитель Астраханской епархии: о. Паисия, о. Самуила и о. Македония[1].

Сведения о жизни о. Самуила в Глинской пустыни не сохранились. Но, как ее воспитанник, он принес в Чуркинский монастырь строгие духовно-нравственные традиции Глинской обители.

Архимандрит Самуил был настоятелем Чуркинской пустыни с 1883 по 1900 г.[2]. Благодаря его трудам и усердию в Чуркинской пустыни были устроены святые врата в нижнем ярусе колокольни; в 1888 году окончено строительство двухэтажного каменного корпуса, начатое еще прежними настоятелями, где находились живописная мастерская, аптека и больница на 10 кроватей, проведен водопровод[3].

Архимандрит Самуил построил в Астрахани подворье Чуркинской пустыни, на котором останавливались монашествующие, приезжавшие в Астрахань по делам обители. Он устроил также в Чуркинской пустыни братское кладбище[4]. По отзывам современников архимандрит Самуил поддерживал благосостояние Чуркинской обители в том состоянии, в которое она была приведена усердием и энергией двух благочестивых старцев — настоятелей о. Евгения и архимандрита Паисия[5].

В декабре 1899 года по прошению из-за болезни он был уволен от занимаемой должности[6].

Примечания

1 Жизнеописания о. Паисия и о. Македония помещены на с. 306 и с. 530 данного Патерика.

2 Высокогорская Чуркинская Успенско-Николаевская общежительная пустынь Астраханской епархии. Краткий исторический очерк. Астрахань, 1903. С. 23; То же // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 7. С. 307.

3 Там же. С. 25, 30, 31.

4 Там же. С. 23.

5 Чуркинская Николаевская пустынь Астраханской епархии. / Д.Д. // Воскресный день. 1899. № 9. С. 108.

6 Церковные ведомости. 1899. № 51—52. С. 396.

Литература

Высокогорская Чуркинская Успенско-Николаевская общежительная пустынь Астраханской епархии. Краткий исторический очерк. Астрахань, 1903. С. 23, 25, 30—31; То же // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 7. С. 307, 316.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891. С. 93.
Чуркинская Николаевская пустынь Астраханской епархии / Д.Д. // Воскресный день. 1899. № 9. С. 108.
Определение Священного Синода от 1—10 декабря 1899 года // Церковные ведомости. 1899. № 51—52. С. 396.

СХИМОНАХ КИРИЛЛ (†1900)

(Память 1 апреля ст. ст. / 14 апреля нов. ст.)

Схимонах Кирилл (в миру Климент Хохлов) родился в 1818 году в семье крестьянина в Путивльском уезде Курской губернии. После кончины жены, в 1875 году он поступил в Глинскую пустынь[1]. Климент безропотно исполнял все порученные ему послушания, сначала общие, затем при монастырской гостинице, и никогда не был в праздности. После десятилетних трудов в Глинской обители 6 августа 1885 года игумен Иннокентий постриг его в монашество с именем Киприан[2]. По принятии на себя иноческого образа, о. Киприан жил чисто и богобоязненно, стремясь подражать добродетелям известных Глинских подвижников. По прошению он был облечен в святую схиму с наречением имени Кирилл 25 марта 1894 года[3] и до смерти усердно подвизался о своем спасении, украшая душу смирением и кротостью.

В последние годы жизни "по слабости здоровья и старости" послушания он уже не проходил, но в то же время, по отзыву настоятеля игумена Исаии, был усерден к подвижнической жизни[4].

Скончался схимонах Кирилл в 1900 году, ревностно потрудившись в обители 25 лет. Могила его находилась у Спасского храма Спасо-Илиодоровского скита рядом с большим крестом, перед которым молился старец схиархимандрит Илиодор. По завещанию о. Кирилла, в крест над его могилой была вставлена небольшая икона святых Ксенофонта и Марии со чадами, которую он нашел по особому откровению и дважды получил от нее исцеление.

Примечания

1 ГАКО, ф. 20, оп. 3л., д. 89, л. 40 об.—41.
2 Там же, д. 109, л. 32 об.—33.
3 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 35 об.—36.
4 Там же.

Литература

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. Ч. 1. Одесса, 1904. С. 53; То же. Ч. 1. Курск, 1912. С. 46.

Подвижники Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 11—12.

Послужные списки настоятеля, монашествующих и послушников Глинской Богородицкой общежительной пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л., д. 89, л. 40—41 об.

Сводный послужной список настоятеля, монахов и послушников Глинской Богородицкой и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней за 1892 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л., д. 109, л. 32 об.—33.

Послужные списки настоятеля, монашествующих и послушников Глинской Богородицкой общежительной пустыни за 1899 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, л. 35 об.—36.

ПОСЛУШНИК МАКСИМ (†1900)

(Память 7 февраля ст. ст. / 20 февраля нов. ст.)

Цит. по:
Глинская пустынь.
Очерк современного состояния
обители. Ч. 1. Курск, 1912. С. 47.

Послушник Максим, переходя из келлии в келлию, 5 февраля 1900 года говорил: "Через три дня перейду в другую келлийку". Слова смиренного, усердного и благодушного юноши исполнились. Он скончался от угара 7 февраля и погребен на другой день. Могила ему сделалась "келлийкой". Восемнадцатилетний брат Максим, не познавший гибельной сласти плотского греха, был рано отозван в лучший мир по слову Священного Писания: "*Да злоба людей не изменит добрый нрав его и лесть да не прельстит души его*".

Литература

Подвижник Глинской пустыни. (Память 1 апреля) // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 12.

Послушник Максим // Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Одесса, 1901. С. 54, То же. Ч.1. Одесса, 1904. С. 54; То же. Ч. 1. Курск. 1912. С. 47.

АРХИМАНДРИТ НЕКТАРИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ (1912—1922; 1942—1943)

Жизнеописание
архимандрита Нектария
см. ниже

ИЕРОМОНАХ МАКЕДОНИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ АРХИМАНДРИТ, НАСТОЯТЕЛЬ ЧУРКИНСКОЙ УСПЕНСКО-НИКОЛАЕВСКОЙ ПУСТЫНИ (†1914)

Архимандрит Македоний (в миру Максим Жиров) родился в 1850 году в Курском уезде Курской губернии в семье бывших дворовых людей. В Глинскую пустынь он поступил двадцати семи лет[1] и учился здесь у старцев жизни иноческой: нестяжанию, послушанию, смирению и прочим добродетелям. После общих послушаний Максим был назначен на послушание при портной. 10 декабря 1879 года его постригли в рясофор[2], а через 10 лет после поступления в обитель, 27 июня 1887 года, — в мантию[3]. Вручив себя Христу, он всей душой стремился угодить Ему подвигами своей монашеской жизни. Спустя четыре года о. Македоний был рукоположен во иеродиакона и определен помощником благочинного, в 1894 году рукоположен во иеромонаха[4]. За усердное служение обители 23 августа 1897 года он был награжден набедренником и определен исполняющим должность ризничего, 26 октября 1899 года утвержден в этой должности. Аттестуя его, настоятель игумен Исаия писал, что о. Македоний "качеств очень хороших"[5].

Имя старца, воспитавшего этого подвижника, осталось неизвестным. Возможно, сначала им был настоятель архимандрит Иннокентий. Отец Македоний рассказывал, что однажды он ужасно страдал зубной болью. "Утомленный долгими страданиями, он погрузился в тонкую дремоту и видит покойного отца Иннокентия. Последний говорит больному: "Какой ты малодушный, зачем роптать? Возьми из лампады Царицы Небесной масла и положи на больное место". Тот сейчас же очнулся от дремоты и поспешил исполнить совет любимого батюшки. Болезнь прошла, и после того он никогда не страдал зубами"[6].

В 1900 году о. Македония как способного быть руководителем и пастырем иночествующих назначили настоятелем Чуркинской Успенско-Николаевской пустыни Астраханской епархии. По приезде в Астрахань, в том же 1900 году он был возведен в сан игумена Астраханским епископом Сергием.

Отец Македоний особенное внимание обратил на внутреннюю жизнь вверенной ему обители и с первых же дней своего пребывания в ней "постарался ввести здесь чин родной для него Глинской пустыни, в чем ему немало содействовал и его ученик Глинский инок иеромонах Кесарий, ставший казначеем Чуркинской пустыни[7]. "Вскоре по прибытии игумена Македония, в Чуркинскую пустынь переселилось из Глинской пустыни несколько десятков иноков и послушников, при деятельном участии которых о. игумен имел возможность придать совершающимся здесь весьма продолжительным богослужениям особенные торжественность и благолепие, образовать приличный певческий хор из

живущих в монастыре и упорядочить монастырское хозяйство во всех его частях"[8].

Игумен Македоний построил в Чуркинской пустыни теплый зимний храм[9], обогатил ризницу, значительно улучшил больницу, открыл в монастыре мастерские: иконописную, портную, сапожную, переплетную; возобновил кирпичный завод и даже приобрел в собственность обители пароход.

Благодаря его трудам монастырская библиотека пополнилась различными периодическими изданиями и другими произведениями богословско-исторического характера, а в 1903 году был опубликован краткий исторический очерк о Чуркинской пустыни.

Введение строгих глинских традиций и порядков ускорило и упорядочило духовное возрастание братии, что позволило о. Македонию открыть для преуспевших в духовной жизни иноков скит в трех верстах от обители[10].

В результате всей этой деятельности о. Македония умножилась братия Чуркинской обители. Уже через два года его настоятельства в монастыре числилось 130 насельников[11].

Благоустроив Чуркинскую пустынь и много потрудившись на ее пользу, отец Македоний скончался в сане архимандрита в 1914 году[12].

Примечания

1 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 46 об.—47.

2 Там же.

3 ГАКО, ф. 20, оп. 109, л. 19 об.—20.

4 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л 11 об.—12.

5 Там же.

6 Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 46—47.

7 Иеромонах Кесарий (в миру Косьма Чернявый) родился в 1873 г. в семье крестьян Черниговской губернии. Уже в шестнадцатилетнем возрасте он поступил в Глинскую пустынь, где подвизался 11 лет. В апреле 1900 г. вместе с о. Македонием его перевели в Чуркинскую пустынь, где 2 февраля 1901 г. он был пострижен в рясофор, а 7 мая 1902 г. — в монашество. Через 2 дня его рукоположили во иеродиакона, а еще через 2 месяца — во иеромонаха. В 1903 г. он был назначен казначеем Чуркинской пустыни и награжден набедренником. В 1906 г. о. Кесария перевели в Иоанно-Предтеченский монастырь Астраханской епархии, а 9 ноября того же года он был возвращен в Глинскую пустынь. Настоятель схиархимандрит Иоанникий писал, что он "качеств хороших и усерден" (Послужные списки братии Глинской пустыни за 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174).

8 Высокогорская Чуркинская Успенско-Николаевская общежительная пустынь Астраханской епархии. Краткий исторический очерк / Изд. Чуркинской пустыни. Астрахань, 1903. С. 23—24.

9 Освящение храма в Николаевской Чуркинской пустыни // Астраханские епархиальные ведомости. 1914. № 30. С. 503—505.

10 12 августа 1911 г. император присвоил скиту, учрежденному при Иоанно-Предтеченском храме Чуркинской Николаевской пустыни, название "Романовский" (Церковные ведомости. 1911. № 35. С. 287).

11 Высокогорская Чуркинская Успенско-Николаевская общежительная пустынь Астраханской епархии. 1903, С. 24, 30. В 1901 г. было 99 насельников (Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 г. СПб., 1902. С. 5).

12 Определение Святейшего Синода от 19—23 сентября 1914 г. // Церковные ведомости. 1914. № 40. С. 461.

Литература

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес, от нее происшедших. 2-е изд. Одесса. 1907. С. 46—47.

Определение Святейшего Синода от 19—23 сентября 1914 года // Церковные ведомости. 1914. № 40. С. 461.

Высокогорская Чуркинская Успенско-Николаевская общежительная пустынь Астраханской епархии. Краткий исторический очерк. Изд. Чуркинской пустыни. Астрахань, 1903. С. 22—24, 30.

Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 г. СПб., 1902. С. 5.

Освящение храма в Николаевской Чуркинской пустыни // Астраханские епархиальные ведомости. 1914. № 30. С. 503—505.

Определение Святейшего Синода от 19—23 сентября 1914 г. // Церковные ведомости. 1914. № 40. С. 461.

Высокогорская Чуркинская Успенско-Николаевская общежительная пустынь Астраханской епархии // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 7. С. 307—309, 315.

Варфоломей, иеромонах Чуркинской пустыни // Астраханские епархиальные ведомости. 1903. № 76 С. 283.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля, монашествующих и послушников Глинской Богородицкой общежительной пустыни за 1885 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 46—47.

Сводный послужной список настоятеля, монахов и послушников Глинской Богородицкой и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней за 1892 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 19 об.—20.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 год // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 11 об.—12.

О назначении иеромонаха Исаии настоятелем Глинской пустыни с возведением в сан игумена. 1888 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 169, д. 185, л. 6.

ИЕРОСХИМОНАХ МАКСИМ, СОСТАВИТЕЛЬ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ИГУМЕНА ФИЛАРЕТА

Иеросхимонах Максим (в миру Михаил Кузьмин) родился в 1852 году. Он окончил юнкерское училище, проходил службу, но в 1887 году вышел в отставку в чине капитана и на 38-м году жизни поступил в Глинскую пустынь. Игумен Исаия назначил его на послушание "при письмоводстве"[1], а затем, видя усердие и ревность к жизни иноческой, перевел в библиотеку Спасо-Илиодоровского скита[2]. Здесь Михаил занимался изучением документов архива Глинской пустыни, связанных с жизнью ее выдающихся подвижников. Например, он разыскал в рукописях архива письмо иеромонаха Паисия (впоследствии настоятеля Чуркинской Успенско-Николаевской пустыни) к Глинскому о. Серафиму любомудрому. Это письмо, копию которого Михаил переслал в 1901 году бывшему Глинскому насельнику — игумену Чуркинской пустыни Македонию (Жирову), впоследствии было использовано при составлении жизнеописания о. Паисия и опубликовано в книге "Архимандрит Паисий — настоятель Высокогорской Чуркинской Успенско-Николаевской пустыни Астраханской епархии (Астрахань, 1904. С. 8). Ив. Ивачев, посетивший Глинскую пустынь в начале XX века, писал об отце Максиме: "Этот офицер-монах занимался составлением небольших назидательных статей, которые Глинская пустынь издает в виде маленьких брошюр"[3]. Но главное, по благословению Глинских старцев Михаил заново переработал существовавшие жизнеописания игумена Филарета и подготовил к переизданию 3-е издание жизнеописания игумена Филарета, которое было опубликовано в 1905 году[4]. По сравнению с прежними оно значительно дополнено сведениями из дел архива Глинской пустыни, первого рукописного описания Глинской пустыни 1829 года; других печатных и рукописных источников, а также устными рассказами Глинских старцев. Кроме подробного жизнеописания отца Филарета эта книга содержит ценные сведения о многих подвижниках Глинской пустыни. При издании этого жизнеописания имя автора не было указано и до сих пор оно не было известно. Но нам удалось обнаружить в ОР ГБЛ письмо инока Глинской пустыни Михаила Кузьмина[5] к настоятелю Оптиной пустыни архимандриту Ксенофонту, в котором о. Михаил сам называет себя автором указанного жизнеописания.

Отец Михаил писал: "Ваше Высокопреподобие, Всечестнейший и Боголюбивейший Батюшка Отец Архимандрит! Благословите!

В житии молдавского старца Паисия Величковского, издания Оптиной пустыни, Глинский игумен Филарет несправедливо показан учеником иеромонаха Василия Кишкина, что подтверждает посылаемое бандеролью "Жизнеописание Глинского возобновителя..." (стр. 10). При следующем

Письмо Глинского инока
Михаила Кузьмина — автора
"Жизнеописания игумена Филарета"
настоятелю Оптиной пустыни
архимандриту Ксенофонту
от 14 июля 1905 г.
ГБЛ, ф. 213, к. 74,
ед. хр. 12

издании книги о старце Паисии, благоволите приказать сделать соответствующее исправление.

С почтением и благожеланием, просящий святых молитв Вашего Высокопреподобия, автор посылаемой книги инок Глинской пустыни Михаил Кузьмин.

14 июля 1905 г."[6].

Будучи свидетелем многих чудес, происходивших от Пустынно-Глинской иконы Рождества Пресвятой Богородицы, о. Михаил записал многие из них. Его записи были использованы при составлении очерка явления иконы и описания чудес, от нее происшедших[7].

24 августа 1906 года он был рукоположен во диакона, а 25 августа — во иерея; 3 июля 1907 года награжден набедренником. В монашество с именем Мартиниан о. Михаил был пострижен 11 февраля 1908 года. Через год по прошению из-за болезни он был пострижен в святую схиму с именем Максим; чредного священнослужения по слабости сил он уже не проходил[8]. Точная дата его кончины неизвестна. Последний раз иеросхимонах Максим упоминается в послужных списках братии Глинской пустыни за 1911 год[9].

Примечание

1 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 65.

2 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 93.

3 Ивачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906. № 10. С. 154.

4 Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е доп. и вновь перераб. изд. Одесса, 1905. 164 с., ил.; с.1—IV оглавл.

5 В 1904 году он был пострижен в рясофор (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 19 об.—20).

6 ОР ГБЛ, ф. 213, к. 74, ед. хр. 12, л. 1.

7 Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 27, 46—47.

8 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 19 об.—20.

9 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 17 об.—18.

Литература

Чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинская. Очерк явления иконы и описание чудес от нее происшедших. Одесса, 1907. С. 27, 46—48.

Архимандрит Паисий — настоятель Высокогорской Успенско-Николаевской Чуркинской пустыни Астраханской епархии. Астрахань, 1904. С. 8.

Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской общежительной пустыни Курской епархии. 3-е изд. Одесса, 1905. С. III.

Жизнеописание Глинского подвижника схимонаха Архиппа, Одесса, 1902. С. 91—92.

Ивачев Ив. Глинская пустынь // Русский паломник. 1906. № 10. С. 154.

Архивные документы

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках указных и неуказных Глинской и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней. 1892 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 65.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1., л. 93.

Послужные списки настоятеля с братией за 1910 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 19 об.—20.

Послужные списки Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни настоятеля с братией. 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л.17 об.—18.

Кузьмин Михаил, инок Глинской пустыни, автор книги "Жизнеописание Глинского возобновителя..." Письмо к Ксенофонту архимандриту (настоятелю Оптиной пустыни — *А.И.*) 1905 г. июля 14-го. 1 лист. // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 74, ед. хр. 12.

ИГУМЕН ИАССОН

Игумен Иассон известен как составитель жизнеописаний многих Глинских старцев: схиархимандрита Илиодора (Голованицкого), монаха Феодота (Левченко), монаха Мартирия (Кириченко), схимонаха Евфимия (Левченко), монаха Досифея (Колченкова). Однако о жизни самого отца Иассона сохранились лишь те краткие сведения, которые он сам о себе сообщает в связи с описанием жизни других подвижников.

Отец Иассон родился в торговой слободе Юнаковке Сумского уезда Харьковской губернии. В Глинскую пустынь поступил в 1863 году[1] в юном возрасте[2]. Вначале он проходил общие послушания, например, трудился на уборке сена, где впервые получил духовное наставление от старца Мартирия (Кириченко) о том, как надо избегать празднословия[3]. Был он также и чтецом в храме[4]. Однако вскоре его назначили прислуживать старцу Илиодору, как сам отец Иассон пишет: "Я ему (отцу Илиодору — *А.И.*) прислуживал и пользовался его любовью, посему я имел возможность видеть текущие достохвальные его подвиги и дела и слышать из уст его о прошедших"[5]. 16 лет (с 1863 и до кончины старца в 1879 году) прожил отец Иассон "при отце Илиодоре в самых близких к нему духовных отношениях и пользовался его доверием"[6].

Старец рассказывал отцу Иассону не только о внешних событиях своей жизни, но приоткрывал и свои духовные состояния. Отец Илиодор по своему глубокому смирению говорил лишь о некоторых благодатных откровениях, которых он удостаивался, но при этом запрещал передавать слышанное другим[7].

По свидетельству отца Иассона старец Илиодор был его духовным отцом и восприемником при постриге в монашество[8]. Значит, отец Иассон был пострижен еще при жизни отца Илиодора, то есть до 1879 года.

В предисловии к первому изданию книги об отце Илиодоре отец Иассон пишет: "Имея к нему полное доверие и любовь, я старался напечатлеть в своей памяти все его деяния и все то, что мне довелось не раз слышать от него.

Опасаясь, что с течением времени многое может изгладиться из моей памяти, я еще при жизни старца, не мудрствуя лукаво, начал записывать для себя то, что мне казалось в каком-нибудь отношении замечательным. Таким образом у меня составилось довольно материала, неподлежащего для меня никакому сомнению"[9]. Однако в первое издание вошла только часть материала, собранного отцом Иассоном[10]. Поэтому через 17 лет[11] отец Иассон дополнил книгу как личными сведениями, так и письменными материалами других почитателей старца, и в 1906 году было опубликовано второе более полное издание книги о старце Илиодоре.

В то время о. Иассон находился уже не в Глинской пустыни, а в Курском Знаменском монастыре, куда его как ревностного подвижника перевели для поддержания там духовной жизни. Известно, что в 1892 г. о. Иассон был уже в сане иеромонаха[12]. В 1903 г. он был назначен наместником Курского Знаменского монастыря, а 17 декабря 1904 г. "за отлично-усердную службу Церкви Божией" возведен в сан игумена[13]. В 1906 г. отца Иассона наградили орденом св. Анны 3-ей степени[14]. Но и находясь вне Глинской пустыни, о. Иассон продолжал служить своей любимой обители, в которой начинал иноческие подвиги. Он продолжал собирать материалы о Глинских старцах и составлял их жизнеописания.

Большой материал был собран отцом Иассоном о великом Глинском старце монахе Феодоте (Левченко). Прежде всего он записал рассказы отца Илиодора о старце Феодоте, а также других учеников и почитателей старца, лично его знавших. В 1893 году жизнеописание отца Феодота, составленное отцом Иассоном, было опубликовано в Курских епархиальных ведомостях[15], а в 1894 году издано отдельной книгой[16]. В том же 1894 году было опубликовано составленное отцом Иассоном жизнеописание монаха Глинской пустыни Досифея[17].

В 1906 году отец Иассон написал книгу о монахе Мартирии, который в самом начале иноческого пути отца Иассона учил его молитвенному подвигу[18]. Эта книга была издана лишь в 1910 году. В том же году была издана и написанная игуменом Иассоном книга о схимонахе Евфимии[19]. Отец Иассон знал отца Евфимия последние 3 года его земной жизни, и неоднократно внимал наставлениям этого старца о правилах монастырского благоговейного поведения.

В жизнеописаниях Глинских подвижников отец Иассон неоднократно цитирует Священное Писание и святоотеческие творения. Становится очевидным, что он деятельно изучил Священное Писание и труды святых отцов. Стремясь раскрыть и пояснить читателям всю высоту духовной жизни и подвигов Глинских старцев, он приводит соответствующие изречения преподобных Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Иоанна Кассиана, Антония Великого, Макария Великого, св. Григория Великого, египетского подвижника Херомона, цитирует "Добротолюбие", сравнивает жизнь Глинских подвижников с жизнью древних святых отцов: Иоанна Колова, Арсения Великого, аввы Сисоя, Марка, преподобного Моисея Мурина, блаженного Андрея юродивого, киево-печерских преподобных и многих других. Часто цитирует отец Иассон и святителя Феофана (Говорова), завторника Вышенского.

Книги отца Иассона написаны духовным, назидательным, строгим слогом и свидетельствуют о его ревности в деле спасения.

В какой-то мере характеристикой духовной жизни отца Иассона может служить также отзыв о нем Глинской братии, помещенный во вновь составленном и изданном обителью в 1909 году жизнеописании монаха Феодота. Игумен Иассон назван здесь "почтенным составителем первоначального очерка про отца Феодота[20]. И.М. Концевич пишет, что впоследствии отец Иассон принял схиму с именем Иоанн[21].

Примечания

[1] Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий // Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 28—29.

2 В 1865 г. старец Илиодор (Голованицкий) рассказывал прислуживавшему ему отцу Иассону (тогда еще послушнику) о явлении Божией Матери при освящении храма Глинской пустыни. Отец Иассон пишет: "По своей тогда юности я не понимал,.. что душа старца была преисполнена неземным утешением". (Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни. [М.,1906]. С. 189). В жизнеописании другого Глинского подвижника отец Иассон говорит: "Находясь почти в юношеском возрасте я много слышал от братии о необычайной обстановке келлии монаха Досифея" (Краткое сказание о жизни монаха Досифея // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7. С. 51).

3 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 29—30.

4 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни схимонах Евфимий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 19.

5 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собранное игуменом Иассоном. М.,1906. С. 3.

6 Там же. С .4.

7 Там же. С. 191.

8 Там же. С. 3.

9 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора. подвизавшегося в Глинской пустыни / Собранное игуменом Иассоном. М., 1887.

10 Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собранное игуменом Иассоном. М.,1906. С. 3.

11 Отец Иассон пишет, что "в этот долгий промежуток времени некоторые неблагоприятные причины препятствовали довершать наш труд". Там же. С. 4).

12 Курские епархиальные ведомости. 1892. № 17. С. 73.

13 Церковные ведомости. 1905. № 1. С. 15.

14 Там же. 1906. № 18. С. 217.

15 Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота // Курские епархиальные ведомости. 1893. № 39. С. 1—8; № 40. С. 9—16; № 41. С. 17—24; 1894. № 4. С. 25 32; № 5. С. 33—40; № 6. С. 41—43.

16 Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца Феодота. (С портретом). Сост. иеромонахом Иассоном. Курск, 1894.

17 Краткое сказание о жизни монаха Досифея / Сост. иеромонах Иассон // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7 С. 45—54.

18 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 31.

19 Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец схимонах Евфимий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910.

20 Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Издание Глинской пустыни. Одесса, 1909. С. VI.

21 Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Почаев. Лавра, 1970. С. 52.

Литература

Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца схиархимандрита Илиодора, подвизавшегося в Глинской пустыни / Собранное игуменом Иассоном [М.,1906] С. 3—5; 189—191.

Жизнеописание старца игумена Филарета, возобновителя Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1892. № 47. С. 73.

Церковные ведомости. 1905. № 1. С. 15.

Церковные ведомости. 1906. № 18. С. 217.

Краткое сказание о жизни монаха Досифея // Курские епархиальные ведомости. 1894. № 7. С. 51.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни старец монах Мартирий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 28—31, 33.

Подвижник Глинской Рождество-Богородицкой пустыни схимонах Евфимий / Собрал игумен Иассон. Курск, 1910. С. 19.

Подвижник Глинской Богородицкой пустыни монах Феодот. Изд. Глинской пустыни. Одесса, 1909. с. VI.

Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Почаев. Лавра, 1970. С. 52.

ИЕРОМОНАХ СОФРОНИЙ

Старец иеромонах Софроний (в миру Семен Юденков) родился в 1843 году в семье крестьян Путивльского уезда Курской губернии. В Глинскую пустынь Семен поступил, когда ему было 25 лет[1]. Сначала он проходил общежительные послушания, затем послушание при клиросе. Чистосердечный, послушный и ревностный подвижник, он быстро возрастал в духовной жизни под мудрым руководством Глинских старцев. Настоятель отец Иннокентий (Степанов) уже через 6 лет после поступления Семена в монастырь постриг его в мантию с именем Софроний[2].

В 1884 году он был рукоположен во иеродиакона, в 1895 — во иеромонаха[3]. Служение отца Софрония у престола всегда сопровождалось чувством глубокого благоговения. Поразительны были самоуглубление и сосредоточенность, с которыми он совершал Таинство Святой Евхаристии.

В своей духовной жизни он достиг высоких степеней нравственного совершенства. По свидетельству подвизавшихся вместе с ним иноков отец Софроний был великим старцем[4]. Его руководству поручали многих как вновь поступивших в обитель, так и новопостриженных.

Система воспитания новоначальных у отца Софрония (как и у других Глинских старцев) заключалась в том, что он приучал их быть откровенными с ним не только в делах, но и в помыслах. Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников до грубых погрешностей. Не легко бывало новоначальному иноку открывать помыслы своему наставнику. Отец Софроний объяснял, что враг часто возбуждает у новоначальных чувство ложного стыда и тем самым препятствует чистосердечному исповеданию своих помыслов старцу. При таком состоянии иноку необходимо приложить усилие к откровенности, после чего она постепенно станет его добрым навыком и раз от раза он будет открывать свои помыслы непринужденно. Старец убеждал, что без частого откровения помыслов иноку очень трудно устроять свою духовную жизнь. Он опытно знал, что иноки, приучившие себя к откровению, со временем бывают способны помогать ближним в их смущениях.

Отец Софроний учил и воспитывал каждого ученика по его силам и способностям, не щадя своих сил, не жалея времени, и если его ученикам бывало нелегко принимать его учение и усваивать себе его правила, то и ему немалых трудов стоило каждого отдельно воспитывать, внушать любовь к урокам и возводить в духовное состояние.

Отец Софроний душу свою полагал за учеников своих: он прощал всякую немощь, лишь бы человек сознавал ее с покаянием. Старец часто

напоминал, что пока христианин жив, он постоянно должен пользоваться врачеством покаяния и никогда не отчаиваться в грехопадениях. Через покаяние христианин возрастает духовно и удостаивается великих милостей Божиих. Только при посредстве покаяния можно перейти из состояния душевного в состояние духовное. Этой истине богомудрый пастырь научал как в своих проповедях, так и в личном общении с учениками. Он объяснял, что каждый христианин, тем более инок, должен вести в земной жизни непрерывную борьбу с врагами своего спасения. Средствами борьбы, заменяющими человеку меч и другие орудия являются слово Божие и молитва, а средством восстания — покаяние. Погибает только тот, кто не пользуется этими богодарованными средствами.

Отец Софроний от юности всей душой стремился стяжать любовь к Богу и людям, и Господь сподобил его этого величайшего дара. Старец поистине был преисполнен любви и изливал ее обильно на ближних.

В своей пастырской деятельности отец Софроний раскрывал сущность любви и необходимость растворять ею всю добродетельную жизнь человека. "Бог есть любовь" (Ин. 4, 16), — часто повторял старец. Уподобляться Ему есть цель всей жизни и деятельности каждого христианина. Но, чтобы стяжать любовь, необходимо очиститься от греховной порчи, перестать руководствоваться своим ограниченным умом, но во всем руководствоваться только светом слова Божия, отказаться от своей греховной воли и жить и действовать по воле Божией, всецело пленить себя в послушание Христово (2 Кор. 10, 5). Кто стремится к развитию в себе чувства любви к Богу, предварительно не очистив себя, тот близок к самообольщению.

Пастырям, обращавшимся к нему, отец Софроний говорил, что из любви к Богу вытекает и любовь пастыря к пастве. Пастырь поставляется Самим Богом на особенное служение, которое в то же время является и ближайшим средством собственного его спасения. Это происходит потому, что своей деятельностью пастырь способствует примирению своих пасомых с Богом и тем самым имеет возможность особенно угождать Ему. Поэтому чувства благодарной любви к Богу обнаруживаются в его чувствах к пастве.

Любовь к своей пастве, доходящая до готовности пожертвовать собой, является наиболее необходимым качеством пастыря. Где жива эта любовь, там пастырь является продолжателем дела Христова, где нет любви, там извращается все направление пастырской деятельности.

В своих поучениях отец Софроний советовал принимающим пастырство испытать самих себя, готовы ли они будут понести всю его тяжесть, потому что на это важное дело — спасение человека — должны идти люди, сильные духом и чистые по жизни, готовые к жертвенному служению Богу и людям.

В 1898 году отец Софроний был награжден набедренником. Затем, как преуспевший в духовной жизни, он был переведен в Спасо-Илиодоровский скит. Но и сюда братия стремились к нему для откровения своих сердечных помыслов, поскольку он имел дар духовного рассуждения. Обращались к старцу и многие паломники-миряне. Старец никому не отказывал. Он принимал богомольцев в приемной, устроенной за оградой скита.

С особой отеческой любовью принимал отец Софроний тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто стоял на распутье и не знал, каким путем идти по жизни. Старец с открытым сердцем выслушивал их скорби и тотчас накладывал пластырь на душевные раны, давал нужные советы и наставления. Он часто говорил, что скорби попускаются людям для того, чтобы они через них находились в постоянном бодрствовании и искании Бога. Духовные беседы с отцом Софронием, проникнутые силой и светом благодати, его глубокая молитвенная собранность, проницательный разум, его любовь навсегда оставались в памяти обращавшихся к нему. Посетители говорили, что сам вид старца, его дивное смирение, весь его одухотворенный облик невольно внушали чувство глубокого благоговения. Многие из светских лиц имели его своим духовным отцом.

Старец Софроний постоянно ободрял, поддерживал пасомых духовно, водворял в их сердца стремление к небесной жизни, побуждал их к высшим подвигам и мужеству.

Сам будучи строгим исполнителем церковных установлений, отец Софроний старался внедрить церковность в сердца всех, кто к нему обращался. И это старцем делалось с той целью, чтобы привить вопрошавшим любовь к церковным установлениям и приучить их быть послушными сынами Церкви.

Кроме духовного окормления братий и богомольцев, старец Софроний совершал чредное священнослужение в Спасо-Илиодоровском скиту. Последний раз сведения о нем встречаются в послужных списках братии Глинской пустыни за 1911 год[5]. Время кончины его неизвестно.

Примечания

1 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 19 об.—20.

2 Там же.

3 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 18 об.—19.

4 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись 1966.

5 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 21 об.—22.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 19 об.—20.

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках, указных и неуказных Глинской и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней за 1892 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 17 об.—18.

Послужные списки настоятеля с братиею Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 год // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 18 об.—19.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 год // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 14 об.—15.

Послужной список Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни настоятеля с братией за 1911 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 21 об.—22.

Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись, 1966.

ИЕРОМОНАХ ФЕОКТИСТ, СКИТОНАЧАЛЬНИК

Иеромонах Феоктист (в миру Филипп Бородин) родился в 1831 году в семье мещан г. Козлова Тамбовской губернии. В Глинскую пустынь он поступил при игумене Иннокентии в 1866 году. С первых дней жизни Филиппа в монастыре проявились такие его качества, как беспрекословное послушание, молчаливость, скромность и самоукорение. В обители, благодаря правильному духовному руководству, эти добродетели получили дальнейшее развитие. Через 8 лет после поступления в монастырь настоятель отец Иннокентий (Степанов) постриг его в мантию с именем Феоктист и поручил послушание пономаря, которое считалось в Глинской пустыни весьма ответственным.

Проходя пономарское послушание, отец Феоктист почти постоянно пребывал в храме, где он воочию ощущал славу и величие Божие. Здесь каждое священное изображение напоминало ему о небесном.

Кадильница с фимиамом, лампады, горящие свечи — все в храме отрывало его от земных попечений и устремляло к горнему. Он считал храм самым родным и близким для себя местом, куда постоянно стремился душой.

Немногие остававшиеся у него свободными от послушания часы отец Феоктист посвящал келейной молитве, чтению Священного Писания, творений святых отцов, для отдыха времени оставлял совсем мало.

Постоянное общение с Богом через молитву способствовало духовному совершенствованию отца Феоктиста, помогало ему познать самого себя, свою греховность, научало в ближних видеть только одно хорошее.

26 декабря 1889 г. отец Феоктист был рукоположен во иеродиакона, 22 мая 1894 г. — во иеромонаха. Еще в марте 1893 года отца Феоктиста назначили помощником ризничего Глинской пустыни. Это послушание он исполнял с великой любовью, усердием и тщательностью. Настоятель игумен Исаия писал, что он "качеств очень хороших, к послушаниям способен"[1]. Отец Феоктист достиг высокого преуспеяния в духовной жизни и 29 мая 1895 г. он был утвержден братским духовником Спасо-Илиодоровского скита Глинской пустыни[2], а спустя несколько месяцев, 2 ноября 1895 года, назначен также и начальником этого скита[3].

Так начался новый период его деятельности — наставнический, который продолжался почти до самой кончины о. Феоктиста. В этой деятельности проявилось все богатство его духовной мудрости и рассудительности.

Отец Феоктист принял начальство над скитом в третий год его существования. Он стал третьим скитоначальником после старца схимонаха Архиппа (Шестакова) и отца Мартиниана (Захарова). Отец Феоктист управлял скитом почти 11 лет. Он много потрудился для

благоустройства скита, как внутреннего, так и внешнего его облагораживания.

При нем территория скита была расширена и обнесена деревянным забором[4]. В скиту были построены несколько деревянных домиков, а в 1899 году устроена теплая домовая церковь во имя святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна[5].

При отце Феоктисте в 1896 году был подновлен большой крест с распятием, стоявший близ Спасского храма[6]. Перед этим крестом молился старец схиархимандрит Илиодор (Голованицкий). Во время пожара в пустынной келлии этого старца лишь этот крест остался невредим. Глинские иноки благоговейно почитали его.

В 1906 году к Спасскому храму была пристроена каменная колокольня с двумя келлиями. В том же году на средства благотворителей скит был обнесен каменной оградой[7].

Но, несомненно, не строительные или хозяйственные работы были основной деятельностью о. Феоктиста. Спасение вверенных его попечению душ — вот основная цель заботливого скитоначальника и духовника.

В Спасо-Илиодоровском скиту, как и в самой обители, духовная иноческая жизнь была основана на откровении помыслов старцу-духовнику. Такой порядок в скиту был введен настоятелем Глинской пустыни отцом Исаией (Гомолко), и отец Феоктист всемерно старался поддерживать его, считая, что это делание является основанием внутреннего благоустройства и порядка как всего братства, так и души каждого в отдельности. Он неоднократно напоминал инокам, что уклоняющиеся от пути откровения помыслов поступают так по действию вражеского внушения.

По отзывам современников, отец Феоктист сам был великим старцем[8]. Он весь был предан великому подвигу водительства душ ко спасению и полагал на это дело все свои силы.

Глубокое знание человеческой души, тонкое понимание истин православного нравоучения давали отцу Феоктисту возможность безошибочно видеть нравственное состояние обращавшихся к нему и давать им правильные и полезные советы. Имея к отцу Феоктисту сердечную веру и сыновнюю любовь, не только скитяне, но и многие из братий обители стремились чаще исповедовать ему свои дела, поступки и тончайшие помыслы. Отец Феоктист никогда никому не отказывал в совете и помощи.

В подтверждение и пояснение своих духовных советов он указывал братиям на соответствующие изречения святых отцов. Отец Феоктист советовал скитянам в свободное время заниматься чтением святоотеческой литературы, при этом каждому назначал книги, соответствующие уровню его духовной жизни. В зимнее время, более свободное от общих послушаний, после двух часов дня скитяне собирались для духовного собеседования или назидательного чтения. Начальник скита определял, что читать и кому читать. После чтения старцы разрешали вопросы и недоумения, если они возникали.

Отец Феоктист удивительно соединял в себе качества, необходимые как начальнику скита, так и старцу-духовнику.

35 1374

Будучи скитоначальником, отец Феоктист наблюдал, чтобы иноки в точности соблюдали все правила скита, определенные уставом. Он сам всегда присутствовал в церкви и трапезе, сам распределял послушания и назначал келейные занятия. Особое внимание отец Феоктист обращал на порядок церковной службы. Он прекрасно знал весь церковный устав и напевы. Это позволило ему ввести в скитское богослужение точность и строгий порядок. В хозяйственных делах он поступал всегда практично и осторожно. Не любил часто перемещать монахов с одного послушания на другое, считая, что на одном послушании скорее учатся терпению. Старец был строг, взыскателен и тверд, но в то же время все его слова были согреты проникновенной душепопечительностью и истинно отеческой любовью.

Скитяне на все спрашивали его благословения. Он же как монах, привыкший освящать благословением каждый шаг своей жизни, не тяготился никакими вопросами. Сам скитоначальник во всем руководствовался указаниями настоятеля Глинской пустыни.

Мудрый и внимательный руководитель, отец Феоктист входил во все обстоятельства жизни скита, разрешал все возникавшие затруднения и недоумения, оказывал всем своевременную духовную помощь. Под его руководством скитяне, соединившись в одном, общем всем стремлении к высшей духовной жизни, представляли собой братство, в котором при большом разнообразии характеров царствовало удивительное единодушие и согласие.

Жизнь в скиту в то время была очень строгая, пища скудная, трудиться же приходилось много. Отец Феоктист служил для всех примером трудолюбия и сам исполнял многие братские послушания. В келлии он также все делал сам, освобождая своего келейника для других послушаний. Кроме того, он исполнял свою очередь при непрерывном чтении Псалтири в скитской церкви в самые трудные часы, когда все скитяне отдыхали.

Во всем этом проявлялось его любвеобильное и отеческое отношение к скитской братии. Если кто-то заболевал или приближался к смерти, то он всегда спешил к постели больного. При нем в скиту скончался старец Лука (Швец). После его кончины отец скитоначальник сам пошел и выбрал под зеленеющими соснами самое лучшее место для его погребения[9].

В 1897 году отец Феоктист был награжден набедренником, а в 1901 году — за труды по поддержанию в скиту строгой отшельнической жизни — наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым[10]. Однако он стремился к жизни созерцательной, уединенной и в 1906 году по прошению был уволен от должности начальника скита. Но отец Феоктист не оставил своего старческого служения. Двери келлии и сердце старца Феоктиста всегда были открыты для братии, каждый мог входить к нему в любое время без всякого доклада.

Все более и более возвышаясь духовно, старец с каждым днем слабел телесно. С 1911 года по старости он уже не священнодействовал[11]. Чувствуя приближение смерти, отец Феоктист стал еще более внимательно относиться к самому себе, готовясь к той минуте, когда должен будет предстать перед Судией и Господом. И в конце своей жизни он предался совершенному уединению, безмолвию и самоуглублению.

Настоятель схиархимандрит Иоанн (Гомолко) писал, что отец Феоктист "усерден к безмолвной жизни"[12]. В это время в его душе пребывал покой и духовный благодатный мир, который даруется подвижнику после многолетней борьбы.

Точная дата кончины отца Феоктиста неизвестна. В послужных списках братии Глинской пустыни за 1918 год он уже не упоминается[13].

Примечания

1 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 14.

2 Там же, л. 13 об.—14.

3 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 13 об.—14.

4 Спасо-Илиодоровский скит... С. 39.

5 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л.4.

6 Спасо-Илиодоровский скит... С. 29.

7 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 6.

8 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

9 Очерк жизни схимонаха Луки, подвижника Глинской пустыни. Одесса, 1907. С. 44.

10 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 12 об.—13.

11 ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 174, л. 18—19об.

12 Там же.

13 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 27 об.—28.

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках, указных и неуказных Глинской и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней за 1892 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 18 об.—19.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 год // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 13 об.—14.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 год // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 12 об.—13.

Послужной список Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни настоятеля с братией за 1911 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 18 об.—19.

Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

МОНАХ ГЕРАСИМ

Старец монах Герасим (в миру Гавриил Рунский) родился в 1844 году в семье мещан г. Конотопа Черниговской губернии. С ранних лет он был проникнут любовью к Богу и горел желанием всего себя посвятить Ему.

Посетив Глинскую пустынь, он сразу почувствовал здесь особую близость Божию, благодатность духовной атмосферы обители и бесповоротно решился остаться в монастыре. Так шестнадцатилетним юношей поступил Гавриил в Глинскую обитель.

В монастыре подвизались тогда такие светочи старческого окормления, как схиархимандрит Илиодор (Голованицкий), иеросхимонах Макарий (Шаров), о. Иннокентий (Степанов), впоследствии Глинский настоятель. Молодой послушник был очевидцем дивных подвигов и таких известных Глинских старцев, как схимонах Евфимий (Любимченко), монах Мартирий (Кириченко), схимонах Архипп (Шестаков), схимонах Лаврентий, схимонах Артемий, монах Досифей благоговейный и других.

Воодушевленный их подвигами, Гавриил внимательно заботился о своем спасении, ревностно исполнял послушания и под руководством старцев постигал науку из наук — монашескую жизнь. Невидимая брань со страстями, келейная молитва, чтение слова Божия и творений святых отцов, ежедневное внимательное самоиспытание и откровение помыслов — вот те духовные делания, в которых возрастала и крепла его душа.

В 1878 году после 17 лет подвижнических трудов в обители он был пострижен в мантию с именем Герасим и назначен на послушание трапезного[1].

Впоследствии, видя его стремление к строгой духовной жизни, настоятель о. Исаия (Гомолко) назначил его пономарем при церкви Ближнего скита[2]. Более 20 лет благоговейно исполнял это послушание о. Герасим, входя всегда в храм первым и выходя из него последним. Для отдыха у него почти не оставалось времени. Такая подвижническая жизнь вошла у него в привычку, стала его жизненной потребностью.

Храм — дом Божий, в нем все Божие, все святое, все имеет глубокий духовный смысл. Отец Герасим с ревностной ненасытностью жил и дышал постоянно атмосферой церковных песнопений, молитвенных воззваний, сделавшихся стихией его души. Подвиг непрерывного внимания себе и самоукорение много способствовали старцу в приобретении умной молитвы и созерцании Бога.

По отзывам современников о. Герасим занимался Иисусовой молитвой и достиг в ней высокого совершенства[3]. Настоятель схиархимандрит Иоанникий (Гомолко) ценил его и писал, что о. Герасим "качеств очень хороших и внимательной жизни"[4].

Молитвенный дар старца, молитвенное созерцание им мира духовного влекли к нему сердца многих братий и богомольцев, которые хотели быть его учениками. Опытный делатель молитвы, о. Герасим давал подробные указания, как проходить этот подвиг людям самых разных положений и в разных обстоятельствах.

Старец говорил, что стяжание истинной молитвы в своем сердце требует от христианина большого труда и настойчивости. Он не должен ждать расположения к молитве, но всегда понуждать себя к ней. Перед тем как приступить к молитвенному правилу, христианину нужно подготовить себя к нему: удалить все посторонние мысли, успокоить чувства и вспомнить о Том, к Кому он обращается с молитвой. Старец говорил, что мы должны дорожить временем молитвы и помнить: погибает тот день и час, в которые человек не призывает Господа.

Сама духовная сущность молитвы — возношение ума и сердца человека к Богу — представляет возможность для постоянного упражнения в ней, так как молиться можно всегда и везде: в пути, в часы работы и отдыха, во время бесед и принятия пищи, в уединении и при многолюдстве, стоя, сидя, лежа. Чтобы приобрести постоянную молитвенную настроенность, о. Герасим советовал как можно чаще повторять в уме краткие молитвы: "Господи помилуй", "Господи помоги", "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного". Но при этом не надеяться на свои усилия, а у Господа просить ниспослать дар молитвы. Старец и сам просил Господа о правильном молитвенном устроении своих духовных чад.

Старец Герасим прозревал помыслы приходящих к нему. Он вел строго подвижническую жизнь и, как Глинский подвижник Досифей благоговейный, никогда не убирал своей келлии.

Около 60 лет подвизался о. Герасим в Глинской пустыни и достиг высокого бесстрастия и чистоты. Время его кончины неизвестно. В послужном списке о. Герасима за 1918 год сказано, что он по старости лет послушания уже не проходил[5].

Примечания

[1] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 29 об.—30.

[2] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 41.

[3] Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

[4] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 41.

[5] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 35.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 89. л. 29 об.—30.

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках, указанных и неуказанных Глинской и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней за 1892 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 109, л. 26 об.—27.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 год // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 40 об.—41.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 год // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 32 об.—33.

Послужной список Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни настоятеля с братией за 1911 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 174, л. 40 об.—41.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 год // ГАСО, ф. 454, оп. 1, л. 3 л, л. 34 об.—35.

Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

ИЕРОМОНАХ ИУЛИАН

Иеромонах Иулиан (в миру Иосиф Гагарин) родился в 1853 году в семье мещан г. Мещовска Калужской губернии. Утвердившись в намерении посвятить свою жизнь иноческим подвигам, в 1882 году он поступил в Глинскую пустынь[1]. После общих послушаний он был назначен на послушание при больнице, которое проходил с большим усердием[2]. В монашество Иосиф был пострижен в 1889 году с именем Иулиан. В 1893 году его перевели в Курский Знаменский монастырь, где в 1896 году он был рукоположен во иеродиакона, а в 1897 — во иеромонаха. В 1902 году отец Иулиан был награжден набедренником, а в 1907 году по прошению переведен на покой в Глинскую пустынь[3].

По отзывам современников отец Иулиан был ревностным хранителем истинно монашеских заветов и вел строго подвижнический образ жизни.

Настоятель обители вверял его попечению многих новоначальных и новопостриженных. Отец Иулиан убеждал их в том, что чрезвычайно трудно правильно проходить монашеский путь. Чтобы безбедно шествовать по этому пути, иноку необходимо вручить себя руководству опытного наставника. Старец советовал живущим в монастыре отсекать свою волю и навыкать послушанию. Сам опытно постигший этот трудный, но безопасный путь монашеского делания, отец Иулиан много заботился об искоренении своеволия и самолюбия в своих духовных чадах. Указывая на вредные последствия всякого начинания без благословения, он искоренял самочиние. Старец требовал от учеников полнейшего отречения от своей воли, чем успешно достигал исцеления их душ.

Отец Иулиан поучал, что сам труд спасения совершается в деятельной борьбе с грехом, при исполнении заповедей, когда человек невольно видит свои немощи и смиряется.

Речь отца Иулиана была сдержанна, наполнена святоотеческим учением. Он всегда был сосредоточен и молитвенно собран; на исповеди — особенно серьезен и строг. Подвижник стяжал разум духовный и имел доступ к сердцу каждого. Замечания его как-то особенно глубоко проникали в душу, пробуждали сознание своей греховности перед Богом и стремление исправить свою жизнь.

Отец Иулиан сам опытно прошел скорбный путь послушания и уничижения под руководством опытных Глинских старцев прежде чем приобрел истинное смирение. Таким же путем он вел и начинающих монашеский путь, стараясь по выражению святого Иоанна Лествичника "изыскивать случаи для приобретения подвизающимися в деле спасения братиями венцов терпения". Воспитывая в новоначальных безгневие, смирение и терпение, он умышленно делал им несправедливые выговоры.

Так он научал своих чад твердо вставать на монашеский путь и во всем отсекать свою волю и раздражение. Отец Иулиан был ревностным душепопечителем и строгим духовником, однако он никогда не налагал неблагоразумно тяжелых наказаний.

Своим ученикам отец Иулиан особенно часто напоминал, что необходимым условием внутренней духовной жизни является постоянное внимание ко всем своим действиям, и, особенно словам. Старец учил беречь свой ум от рассеянности, ибо она вносит нестроения в духовную жизнь. Он говорил, что этот единственно правильный путь смиренной, постоянно устремленной к Богу внутренней духовной жизни является обязательным для каждого христианина, какой бы образ жизни он ни проводил: монашеский или мирской.

Призывая учеников стяжать внимание к своим душам, отец Иулиан указывал им на святоотеческое изречение о хранении чувств: "Дар бодрствования (трезвения) не попускает помыслам входить, а если они и войдут, то не допускает им вредить"[4]. Охраняя других и воспитывая их для жизни вечной, отец Иулиан в то же время непрестанно бодрствовал над самим собой.

Это был духовник опытнейший. Одним он преподавал начальные истины, другим — более глубокие и таинственные. Так, например, он объяснял, что жизнь вечная, по словам Божественного Учителя, состоит в познании истинного Бога. "Сия же есть жизнь вечная, — сказал Иисус Христос в Своей первосвященнической молитве, — да знают Тебя единого, истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа" (Ин. 17, 3), разумея здесь под *знанием* не теоретическое, умственное познание Бога, а теоретико-практическое, когда, кроме ума, в познании Бога участвует и сердце через его постоянную любовь к Богу, участвует и воля через преданность Воле высочайшей, через исполнение заповедей Господних.

Отец Иулиан, как пастырь духовный, отдавал старчеству все силы ума и сердца. Он воспитал многих высокодуховных подвижников, которые впоследствии также стали известными старцами, в их числе — великий Глинский старец, благочинный Глинской пустыни в 1949—1958 гг., схиархимандрит Андроник (Лукаш).

В конце своей жизни отец Иулиан по болезни уже не священнодействовал. Последнее упоминание о нем в документах обители встречается в послужных списках братии Глинской пустыни за 1911 год[5].

Примечания

1 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 16.

2 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 56.

3 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 16.

4 Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1883. С. 219.

5 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 22.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1885 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89, л. 55 об.—56.

Послужные списки о настоятеле, монашествующих и послушниках, указных и неуказных Глинской и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней за 1892 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 40 об.—41.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 год // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 15 об.—16.

Послужной список Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни настоятеля с братией за 1911 год // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 21 об.—22.

Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966.

ИЕРОМОНАХ ФЕОДОСИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ АРХИМАНДРИТ, НАСТОЯТЕЛЬ ОДРИНА НИКОЛАЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Отец Феодосий родился в 1843 г. в глубоко верующей и благочестивой крестьянской семье[1]. Условия семейной жизни способствовали формированию у него таких черт характера, как сосредоточенность, постоянная серьезная настроенность, трудолюбие. Здесь же в семье он впервые узнал и христианские добродетели: кротость, смирение, терпение, преданность воле Божией и, наконец, любовь, которая постоянно проявлялась во взаимоотношениях членов семьи. Отец Феодосий унаследовал от родителей все их добрые качества.

От юности возлюбив Христа, двадцатилетним юношей он поступил в Глинскую пустынь.

Высокие примеры истинно христианского подвижничества Глинских старцев, их пламенная вера в Бога зажгли в душе о. Феодосия огонь ревности Божественной. Он всецело занялся духовным деланием, всемерно понуждал себя к самособранности чувств; как правило каждый вечер с сокрушением сердца исповедовал старцу свои помыслы. Отец Феодосий неустанно трудился над усовершенствованием своей души, и вся дальнейшая жизнь его, полная сурового самоотвержения, определилась именно в Глинской пустыни. Годы, проведенные им в этой святой обители, обогатили его духовно и явились подготовительным периодом к его церковно-общественному служению. Здесь он принял монашество и под руководством великих Глинских старцев прошел строгую школу духовного делания. Физический труд, пост, непрестанная молитва, изучение творений святых отцов — все это возвело его "в мужа совершенного" (Еф. 4, 13). Поэтому в 1865 г. он был назначен настоятелем известного Карачевского Одрина Николаевского монастыря Орловской епархии, и 33 года подряд неустанно состоял на "божественной страже" вверенной ему паствы.

Носитель духа и традиций Глинской пустыни, архимандрит Феодосий за годы своего настоятельства в полном смысле преобразил Одрин монастырь и внешне и духовно. Епископ Орловский и Ливенский Серафим отмечал, что о. Феодосий "благоукрасил своими трудами Одринскую обитель"[2]. При этом, безусловно, основное внимание настоятель обращал на духовное воспитание иноков.

Умелым и мудрым обращением с подчиненными о. Феодосий врачевал души вверенных ему насельников обители. Как ученик Глинских старцев, он очень осторожно располагал души обращавшихся к нему к покаянию и исправлению. Ласковый, отеческий подход о. Феодосия к душе человека несомненно всегда оказывал на нее благое воздействие. Очень скоро этот воспитанник Глинской пустыни стал старцем — руководителем совести всей братии Одрина монастыря.

Глубокая и самоотверженная любовь старца к духовным детям обнаруживалась в живом сострадании, в самом реальном переживании того, что в духовном возрастании случалось с его чадами. Они чувствовали, что старец готов на все ради их спасения. Его поступки, благодатные слова и сам вид его вдохновляли учеников на еще более суровые подвиги благочестия. Епископ Орловский и Ливенский Серафим писал: "Отец Феодосий — прекрасно настроенный, монашески воспитанный духовный старец, которого я всегда глубоко уважал и уважаю"[3].

По отзывам современников, "Одрин монастырь под мудрым управлением... о. Феодосия достиг благолепия. Он совершенно сохраняет тип древних монастырей православной Руси. Службы отправляются здесь с таким благолепием и в то же время с такой трогательной простотой, что невольно располагают к молитве. Это действительно служение Богу "сердца смиренного и духа сокрушенного". И каждого посетителя встречают здесь такой мир и тишина, что, переступив порог обители, забываешь все треволнения и бури житейские. Кажется, даже от самих стен обители веет миром и спокойствием"[4].

Отец Феодосий развил активную благотворительную деятельность монастыря. Монастырь имел только 30 десятин земли, и удивительно было, как о. Феодосий находил средства не только содержать около 100 человек братий, поддерживать в порядке все постройки, но еще и питать от монастырской трапезы всех приходящих богомольцев и предоставлять им всякие удобства.

За высокоподвижническую жизнь архимандрит Феодосий в 1898 г. был назначен благочинным монастырей Орловской епархии и 20 лет исполнял это послушание.

В 1918 г. в возрасте 75-ти лет о. Феодосий по своему прошению "из-за преклонных лет и по слабости здоровья" был уволен на покой и переехал в горячо любимую им Глинскую пустынь. Здесь, как писал сам о. Феодосий, он "пользовался радушным гостеприимством и вниманием настоятеля, а также родственной любовью Глинской братии"[5].

10 февраля 1921 г. он подал прошение настоятелю архимандриту Нектарию, в котором писал: "С юных лет я имею к сей святой обители Глинской особенное влечение и душевное расположение, и еще в 1863 г. я полагал здесь начало монастырской жизни, почему и желал бы дожить в оной последние дни моей жизни. А поэтому обращаюсь к Вашему Высокопреподобию и к старшей братии с мой покорнейшей просьбой принять меня на всегдашнее жительство в сию Глинскую пустынь..."[6].

22 марта 1921 г. архимандрит Феодосий был зачислен в состав братии Глинской пустыни[7] Более поздние сведения о нем не сохранились.

Примечания

1 Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 г. СПб., 1902. С. 71. ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 1974, л.1.

2 ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 1974, л. 2.

3 Там же.

4 Церковные ведомости. 1895. № 9. С. 341.

5 ГАКО, ф. 750. оп. 2л, д. 1974, л. 1.
6 Там же, л. 1 об.
7 Там же, л. 2.

Литература

Ведомость мужским и женским монастырям и общинам за 1901 г. СПб., 1902. С. 71.

Архивные документы

Прошение архимандрита Феодосия настоятеля Николаевского Одрина монастыря о переводе его в Глинскую пустынь. 1921 г. // ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 1974.

НАСЕЛЬНИК АМВРОСИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ АРХИМАНДРИТ, НАМЕСТНИК ПОЧАЕВСКОЙ УСПЕНСКОЙ ЛАВРЫ И КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ УСПЕНСКОЙ ЛАВРЫ

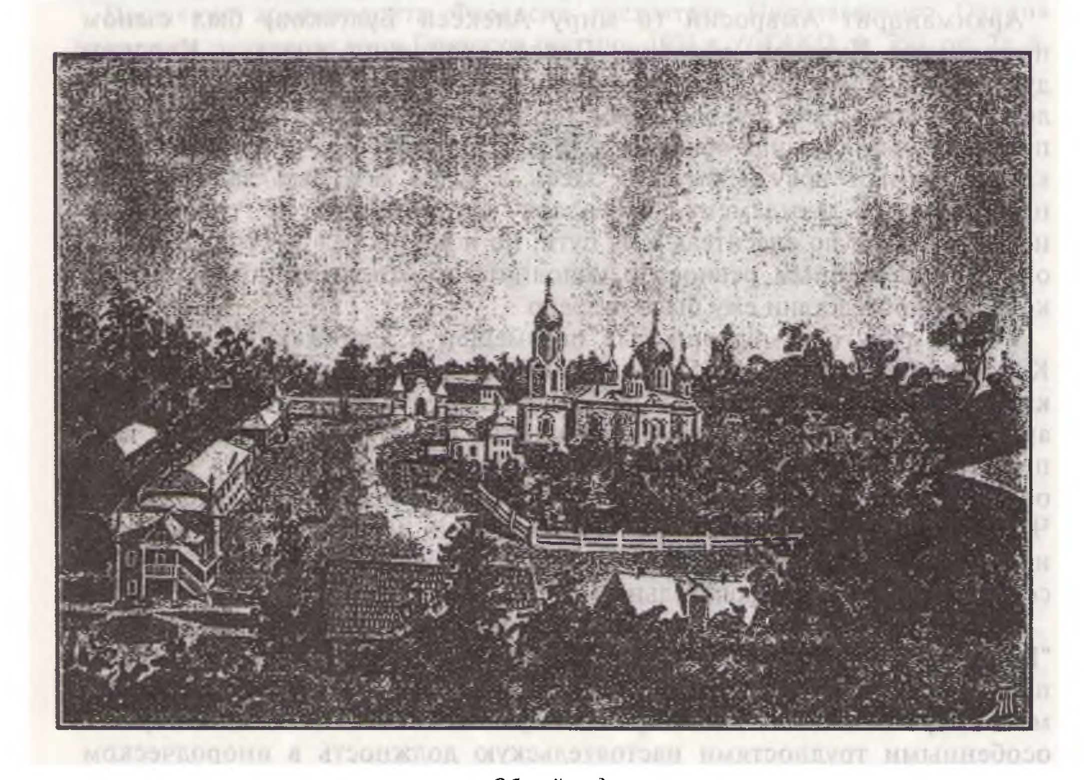
Архимандрит Амвросий (в миру Алексей Булгаков) был сыном причетника Курской епархии. После окончания курса в Курском духовном училище, в 1864 году он поступил в Глинскую пустынь. Шесть лет подвизался здесь молодой инок (по всей вероятности, послушание он проходил при больнице обители, т. к. впоследствии стал широко известен как искусный врач). Именно здесь в душе его был заложен тот нравственный фундамент, благодаря которому он не только сам неуклонно шел по спасительному пути, но и других вел за собой, а также оказался способным ревностно исполнять то ответственное служение, которое впоследствии ему было вверено.

В 1870 году о. Амвросий был перемещен в Свияжский монастырь Казанской епархии. В 1875 году рукоположен во иеромонаха и назначен казначеем этого монастыря, в 1879 году определен экономом Казанского архиерейского дома. В новой должности о. Амвросий был для всех примером. Архиепископ Казанский Палладий высоко ценил его. Это особенно проявилось при выборе настоятеля Михаило-Архангельского Черемисского монастыря[1]. Черемисский монастырь по своему исключительному положению, как монастырь инородческий, требовал себе и настоятеля исключительного.

В сентябре 1883 года архиепископ Палладий писал в Святейший Синод: "Рассмотрев иноческие достоинства, способность к прохождению высших послушаний и заслуженность старших монашествующих лиц вверенной мне епархии занять имеющую особую важность и соединенную с особенными трудностями настоятельскую должность в инородческом Михаило-Архангельском Черемисском монастыре, признаю наиболее достойным по примерно честному иноческому житию, нравственным и умственным качествам, по твердости характера и разумной распорядительности эконома Казанского архиерейского дома иеромонаха Амвросия".

Так, 8 сентября 1883 года о. Амвросий был назначен настоятелем Михаило-Архангельского монастыря.

Прибыв в монастырь, иеромонах Амвросий сразу же почувствовал тяжесть той ноши, которая была на него возложена. Обитель не была устроена ни внутренне, ни внешне. Большим искушением для братии была вражда между насельниками: братья-черемисы относились с каким-то тайным недоброжелательством ко всем инокам-нечеремисам. Ревностно принялся о. Амвросий за устроение монастыря. Он желал, чтобы обитель, им управляемая, по своему благоустройству постепенно приблизилась к состоянию Глинской пустыни, на которую он всегда смотрел, как на идеал монастырского благоустройства.



Общий вид Черемисского Михаило-Архангельского монастыря Казанской губернии, настоятелем которого в 1883—1897 гг. был Глинский воспитанник архимандрит Амвросий

За годы своего настоятельства о. Амвросий "привел Черемисский монастырь в такое цветущее состояние как во внешней, так тем более во внутренней его жизни что, несмотря на инородческий состав его братии, он стал служить примером и для тех монастырей, которые искони были населены русскими иноками"[2].

Прежде всего настоятель ввел в монастыре общежительный устав со всей строгостью. Богослужение при нем всегда было продолжительное, чтение неспешное, пение благоговейное. Причем, пение было настолько гармоничное, что слушатели забывали, что они в черемисском, а не в старинном русском монастыре.

Сам о. Амвросий с первых же дней вступления в настоятельство служил примером для братии и в посещении богослужений, и в пользовании общей трапезой, и во всех других монастырских делах. Своей разумной распорядительностью и твердостью характера он сумел сгладить рознь между иноками. Теперь вся братия одной дружной семьей под руководством своего настоятеля стала трудиться на общую пользу обители. Инок монастыря, черемис, чуваш или русский, вступая в обитель, как бы забывал свое прошлое и все помыслы устремлял только к тому, чтобы найти путь к духовному возрождению.

Отец Амвросий ввел порядок по образцу Глинской пустыни: принятые в монастырь целыми годами жили в качестве "временных послушников", и только когда настоятель полностью уверялся в достоинстве этих лиц, их переводили в число постоянных послушников. Настоятель также наводил тщательные справки о поступающих во "временные послушники" и принимал только тех, кто не вызывал сомнений. Так о. Амвросий заботился о нравственности насельников монастыря.

При о. Амвросии число братий с каждым годом все возрастало (за время его настоятельства оно возросло более, чем вдвое). Это побудило отца настоятеля обратить особое внимание на монастырское хозяйство: при нем в обители стали процветать огородничество, садоводство, пчеловодство, цветоводство и мятосеяние. С каждым годом увеличивалась и площадь посева хлебов. Монастырь крайне редко закупал хлеб и почти всегда содержал братию и богомольцев за счет своего хлеба. Отец Амвросий так умело развил все отрасли монастырского хозяйства, что оно практически не зависело от внешних поступлений и почти полностью удовлетворяло нужды обители. По образцу Глинской пустыни о. Амвросий устроил в обители собственные кирпичные заводы, развил кузнечное ремесло, устроил бондарную, шорную, швейную, сапожную и столярную мастерские.

Такое разумное ведение хозяйства вскоре привело к улучшению благосостояния монастыря. С каждым годом возрастал и приток богомольцев, что также увеличивало доходы монастыря. В пользу обители стали поступать значительные денежные пожертвования. Все это позволило о. Амвросию и внешне благоустроить обитель.

Он продолжил строительство первого каменного храма в монастыре, начатое еще его предшественником. Храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы был завершен и освящен в 1891 году. На торжество собралось более 8 тысяч инородцев — черемис и чувашей. Освящение храма произвело на них неизгладимое впечатление.

Отец Амвросий построил также в обители два гостиных корпуса для богомольцев, просфорню, корпус для мастерских (столярной, швейной и сапожной), двухэтажный братский корпус. В 1895 году он начал строительство каменной Михаило-Архангельской церкви.

Отец Амвросий значительно увеличил имение монастыря. В 1892 году Черемисский монастырь приобрел 403 десятины земли в Нижегородской губернии, а в 1894 году купил двухэтажный дом с усадебной землей в г. Василь-Сурожске. Здесь о. Амвросий устроил монастырское подворье, столь необходимое обители.

Во всем стараясь подражать примеру любимой им Глинской пустыни, о. Амвросий развил плодотворную благотворительную деятельность Михаило-Архангельского монастыря. Он построил несколько домов для приема богомольцев. Под кровом своих гостиниц монастырь бесплатно питал и согревал народ. По указу отца настоятеля расчет необходимого монастырю хлеба всегда производился с учетом бесплатного довольства богомольцев. В монастыре находили приют нищие, неимущие, которые устремлялись сюда во множестве. Большую помощь оказывала обитель вдовам и сиротам. Многие вдовы долгие годы поддерживали свое собственное хозяйство только за счет средств монастыря, до тех пор, пока их дети не вырастали и не становились способными вести хозяйство.

Ярко проявилась благотворительная деятельность монастыря в время голода 1891—1892 гг., когда "каждый кусок насущного хлеба ценился на вес серебра"[3].

Тысячные толпы голодных полунагих инородцев устремились тогда в Черемисский монастырь, и всем обитель выдавала хлеб. Она питала их духовно и телесно под своим гостеприимным кровом. Множество инородцев спасалось здесь от голодной смерти.

Милосердие и благотворительность о. Амвросия проявились и в том, что он, помня слова Спасителя: "Грядущего ко Мне не ижену вон", принимал в обитель людей неспособных ни к какому физическому труду, больных и старых, если только они приходили из мира с истинным желанием спастись. Поэтому в монастыре в качестве монахов и послушников жили слепцы, калеки, карлики.

Исключительно важным видом благотворительности о. Амвросия было оказание бесплатной медицинской помощи всем нуждающимся. Он сам, за свой счет покупал медикаменты и, основываясь на опыте, приобретенном им в Глинской пустыни, а также с помощью различных лечебников с большим успехом лечил больных и молился за них. Лечение было столь успешным, что к батюшке обращались не только иноки и богомольцы обители, но и жители всей губернии. Они шли к любвеобильному отцу настоятелю за исцелением много верст, минуя свои врачебные участки. И вера их не посрамлялась. А имя о. Амвросия стало широко известно в епархии.

В 1896 году о. Амвросий устроил при Михаило-Архангельском монастыре по образцу Глинского дома трудолюбия приют для малолетних сирот (на 60 человек). Дети пользовались полным содержанием. Для детей инородческого происхождения, которых особенно много было в монастырском приюте, жизнь в монастыре имела особое значение, поскольку на деле знакомила их с порядками русской бытовой жизни.

Отец Амвросий кроме того жертвовал значительные суммы бедным детям из семей духовного звания, церковно-приходским школам, бедному духовенству, епархиальному попечительскому совету и т.д.

Большое внимание о. Амвросий уделял просветительной деятельности монастыря. При нем монастырь чрезвычайно много делал в утверждении христианства среди крещеных черемисов и чувашей, в распространении православия среди некрещеных и повышения грамотности этих народов. По отзывам современников, Михаило-Архангельский монастырь стал "главным просветительным центром черемисского края, опорой православия, образования и объединения инородцев с русским народом"[4].

Настоятель старался каждому инородцу — посетителю монастыря оказать особую духовную помощь. Всем им уделялось внимание, для всех находились духовные руководители, которые на их же родном языке указывали им путь к спасению и разрешали от содеянных грехов.

Монастырь содержал школу, где обучались дети окрестных жителей черемис. Сотни детей, наученных грамоте в Михаило-Архангельском монастыре, возвращаясь к свои родным, приносили с собой не только знание грамоты, но твердые убеждения православной веры, которые передавали своим ближним. Так монастырская школа стала центром распространения истинной веры, христианского благочестия и русской грамотности среди инородцев.

Просветительное влияние Черемисского монастыря на инородцев проявилось и в тех путешествиях на богомолье, которые часто совершались учениками иноверческих школ в эту обитель. В нее же стремились их учителя и наставники. Так, в 1896 году в монастыре были организованы педагогические курсы для учителей чувашских и черемисских школ. Отец Амвросий радушно предложил бесплатное помещение и трапезу для всех руководителей и слушателей курсов. Епархиальное начальство, учитывая его духовную опытность, возложило на него общее наблюдение и руководство занятиями на курсах.

Прекрасной характеристикой деятельности о. Амвросия могут служить отзывы современников о Черемисском монастыре, данные после его тринадцатилетнего управления обителью: "Черемисская обитель является теперь для инородцев таким же светозарным маяком на пути к совершенству, каким являются для исконных русских богомольцев древние обители святой Руси. Трудно найти теперь в инородческих уездах Казанской губернии, сплошь населенной черемисами и чувашами, хотя одну, отдаленную от монастыря, захолустную деревеньку, жители которой не бывали бы в Черемисском монастыре. Несмотря ни на дальность расстояния, ни на ненастную погоду, целые десятки чуваш и черемис, лишь только улучат свободное время среди многотрудной крестьянской неволи, спешат в уединенную лесную обитель. Днями и даже целыми неделями живут они под кровом гостеприимного монастыря, с детской простотой воспринимают в себя обычаи иноков-земляков, ежедневно посещают богослужения, каются в своих прегрешениях, и, соединившись со Христом в Таинстве Евхаристии, с миром в душе и с отрадой на сердце возвращаются в свои веси"[5].

Заслуги настоятеля о. Амвросия высоко оценило епархиальное начальство. В 1884 году он был возведен в сан игумена, а в 1892 году — в сан архимандрита. В 1888 году его наградили орденом св. Анны 3-й

36 1374

степени, в 1895 году — 2-й степени. С 1884 года он состоял благочинным монастырей. Хорошо была известна его исключительно многогранная пастырская деятельность в Святейшем Синоде. Вот почему в 1897 году при избрании кандидата на ответственную должность наместника Почаевской Лавры выбор пал на воспитанника Глинской пустыни архимандрита Михаило-Архангельского монастыря о. Амвросия. Указом Святейшего Синода от 9 сентября 1897 года он был определен наместником Почаевской Успенской Лавры. Деятельность его там было еще более плодотворной и оказала большое влияние на жизнь этой обители.

Отец Амвросий был направлен в Почаевскую Лавру в сложное для этой обители время. В адресе наместнику о. Амвросию от братии Почаевской Лавры при переводе его в Киево-Печерскую Лавру сказано: "Господь привел Вас к нам, когда обители нашей грозил разброд: мирской дух врывался в ее стены и затоплял ее. Лаской, терпением, а где нужно и грозой начали Вы исправлять порядки монастырские и через 12 лет напряженного труда Вашего обитель наша смело может стать в ряду лучших обителей Российских... Вы старались оградить нас от приражений вражеских и сосредоточить силы каждого на внутреннем самоусовершенствовании, искусным распределением дарований вливая новые силы к деланию иноческому. Вы с терпением и настойчивостью сводили все к одному центру, показав образ стройного иноческого ополчения, движимого одной мыслью и одной волей. Но, как мудрый строитель духовный, Вы не колебали основных устоев обители нашей, выработанных историей. Мы глубоко благодарны Вам за такую рассудительность и осторожность. Так строили обители древние благопопечительные отцы... Вглядевшись внимательно во все сделанное, невольно поражаешься тому, сколько воли, терпения и сил вложено Вами в это дело"[6].

Современники отмечали также, что о. Амвросий исподволь, незаметно сделал великое дело — создал целое образцовое монастырское хозяйство. Благодаря его заботам и трудам "угодья лаврские раскинулись, как бывало в старое время на Руси: Лавре был возвращен "Скитик" с угодьями", в монастыре произведены многочисленные постройки, храмы были расписаны и украшены, ризница обогащена и в служении введена великоуставность по чину восточному"[7]. Велось строительство величественного теплого собора, монастырь был огражден каменной стеной.

Большое внимание уделял о. наместник Лаврской второклассной школе, председателем и попечителем которой он состоял.

И в этой обители о. Амвросий широко развил благотворительную деятельность. При прощании с ним братия отмечали: "Православный люд привык встречать в нашей обители отеческое участие начальства и доброе радушие всей братии. Великодушие, мудрость Ваша и нас научила у самого порога наших келлий делить с бедным простым людом наш покой и наши удобства, и он видел в этом верх отеческого попечения Вашего о нем и молился о Вас. Только мудрость Ваша, твердая надежда на помощь Царицы Небесной... и железная воля Ваша могли сделать это"[8].

12 лет неустанно трудился о. Амвросий на пользу обители. Имя его стало широко известно.

В сентябре 1909 года он был назначен Святейшим Синодом наместником Киевской Успенской Лавры. Трогательным было прощание братии со своим любимым отцом и руководителем. "У многих на глазах стояли слезы, слышались рыдания бедняков, которые пользовались значительной материальной поддержкой со стороны старца"[9]. Толпа народа, заполнившая двор обители, провожала его.

Из-за многолюдства он не мог сесть в экипаж и шел пешком до св. врат, окруженный братией, учениками и учителями Лаврской школы, богомольцами.

Отец Амвросий стал наместником Киево-Печерской Лавры, будучи уже маститым, духовноопытным старцем. Братия Лавры тепло его встретили и глубоко уважали. Неутомимый и многосведующий в трудах хозяйственных, он еще более неутомим был в подвигах внутренней жизни. В среду лаврского иночества он внес еще более строгое подвижническое направление. С замечательной прозорливостью проникал он во внутренний строй жизни обители. Каждого насельника старался поставить в такое положение, чтобы он мог возрастать и преуспевать духовно. Удивительно было его умение давать послушания, соответствующие способностям каждого, которые он предузнавал всегда с редкой проницательностью.

Для всех братий он был чадолюбивым отцом, внимательно вникал в положение каждого так, что знал даже и келейные нужды насельников. Отец Амвросий обладал даром всех делать откровенными с собой, так что люди поверяли ему всю свою душу. В беседах он часто приводил слова, мысли и наставления Глинских старцев, основываясь на них, как ни истине несомненной. Для духовной беседы приглашали старца киевские митрополиты: высокопреосвященный Флавиан (которого о. Амвросий исповедовал и соборовал), а затем и высокопреосвященный Владимир. Отец Амвросий неоднократно сопровождал митрополита Владимира, когда того приглашали на прием члены императорского дома.

О последних годах жизни о. Амвросия в Киево-Печерской Лавре сведений почти не сохранилось. Известно лишь, что 20 января 1918 года по его прошению он был "уволен от должности наместника Лавры в виду преклонности лет и болезненного состояния с оставлением его в числе братии Лавры"[10]. Дальнейшая судьба его неизвестна[11].

Примечания

1 Монастырь находился в Козмодемьянском уезде Казанской губернии, недалеко от устья реки Суры при впадении ее в Волгу, среди дремучего дубового леса. Основан в 1868 году. Имел миссионерское значение в среде чувашей и черемисов. *Черемисы* — до 1918 года название марийцев.

2 Черемисский Михаило-Архангельский мужской общежительный монастырь. Казань, 1897. С. 92.

3 Там же. С. 154.

4 Там же. С. 138.

5 Там же. С. 150—151.

6 Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 46. С. 945—946.

7 Там же.

8 Там же. С. 947.

9 Там же. С. 945.

10 Церковные ведомости. 1918. № 7—8. С. 36.

11 В ночь на 26 января 1918 года в Киево-Печерскую Лавру ворвались большевистские отряды (Там же. № 5. С. 179).

Литература

Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. 2-е изд. Одесса, 1904. Ч.1. С. 48. То же. Курск. 1912. Ч. 1. С. 42.

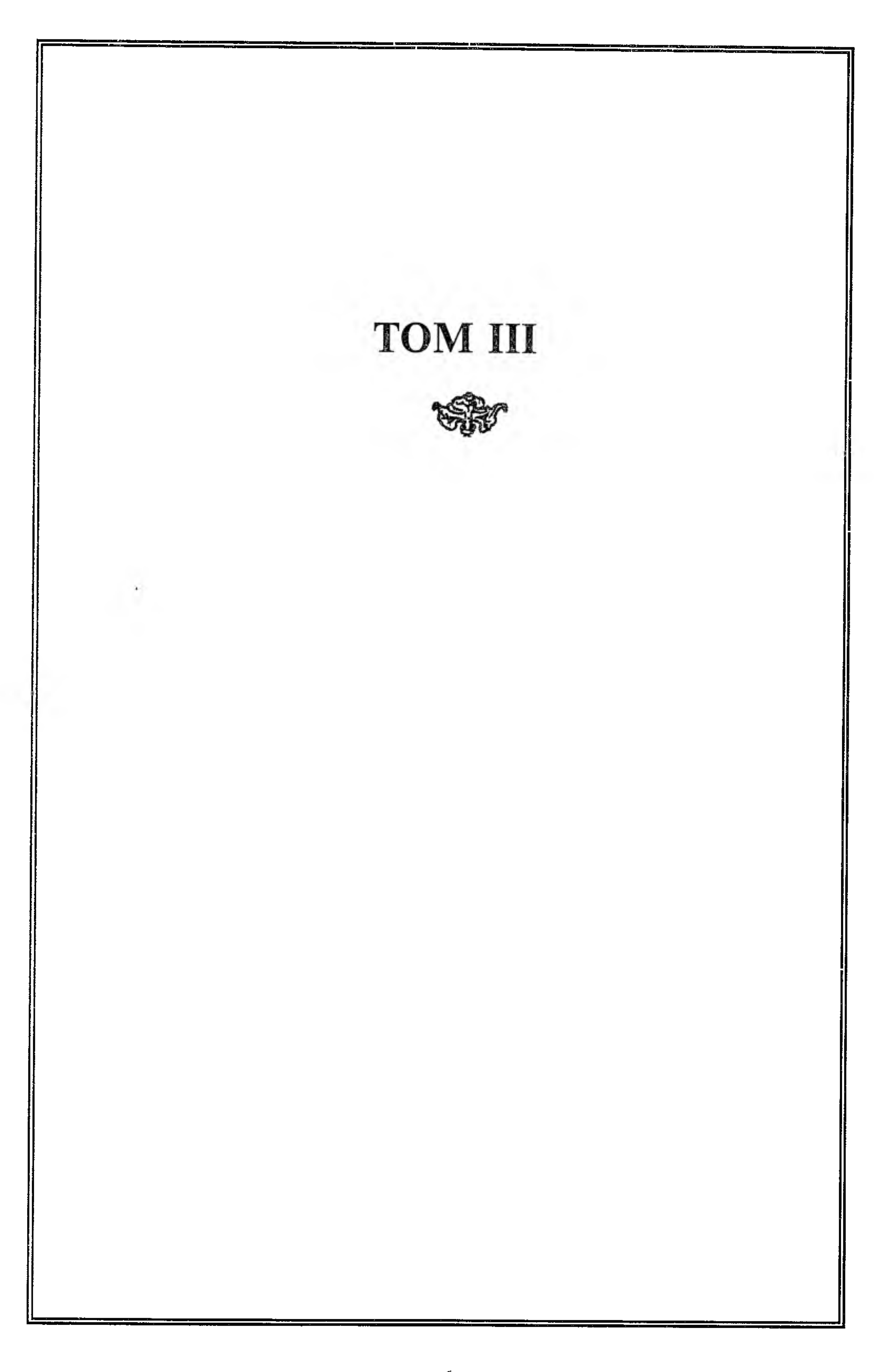
Черемисский Михаило-Архангельский мужской общежительный монастырь Казанской губернии Козмодемьянского уезда (Историческое описание и современное его состояние) / Свящ. Порфирий Руфимский. Казань, 1987.

Известия по Казанской епархии, издаваемые при Казанской духовной академии. 1883. № 22. С. 700; 1884. № 11. С. 373; № 18. С. 575; 1885. № 4. С. 62; 1886. № 14. С. 375; 1887. № 12. С. 297; 1888. №6. С. 134; 1889. № 10. С. 223; 1890. № 5. С. 88; 1891. № 9. С. 262; 1892. № 12. С. 306; 1895. № 9. С. 172, № 10. С.338; 1896. № 8. С. 206, № 23. С. 574; 1897. № 16. С. 449, № 17. С. 473, № 18. С. 488.

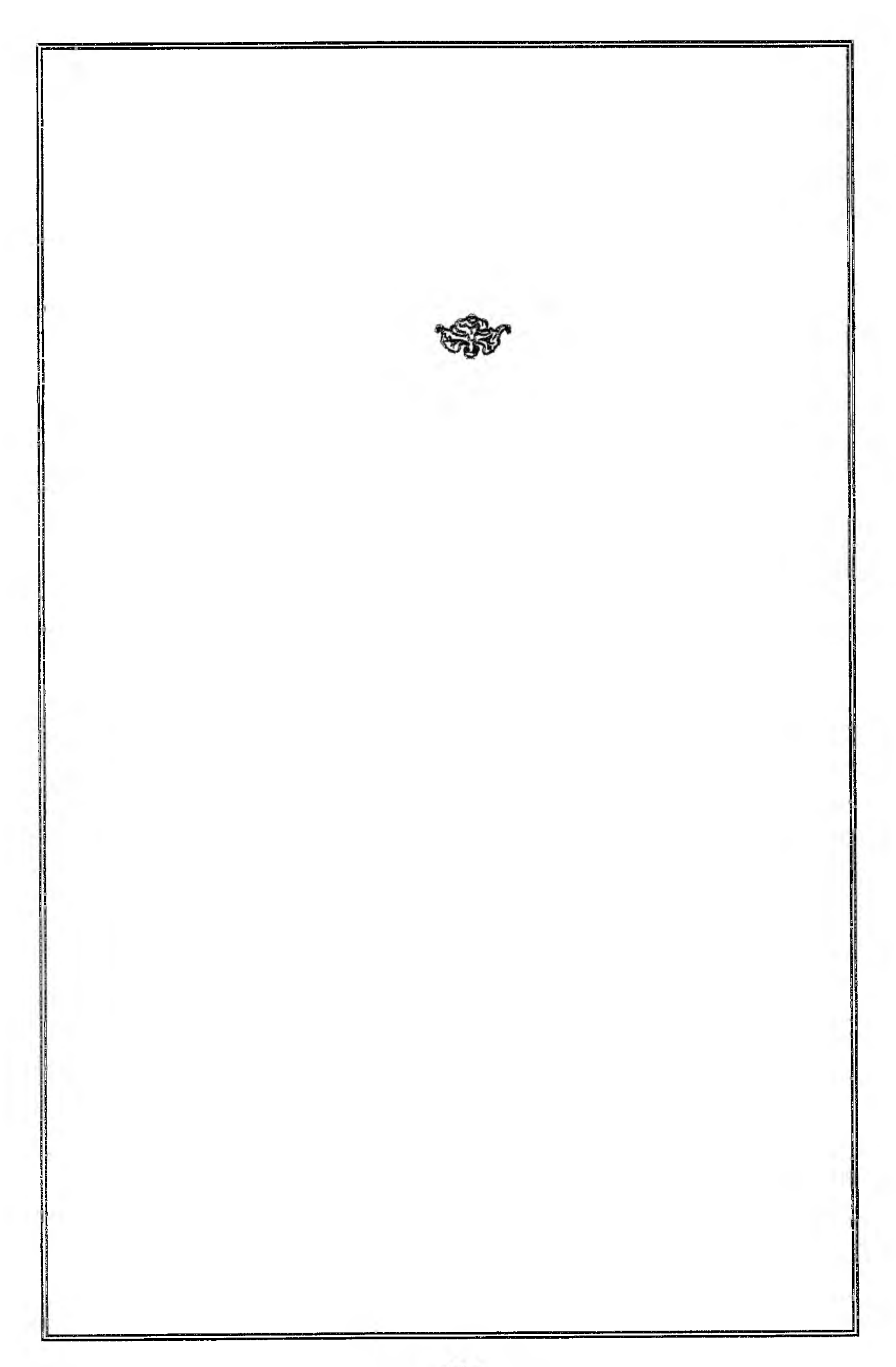
Церковные ведомости. 1895. № 18. С. 155; 1909. С. 365; 1915. № 51. С. 250; 1916. № 41. С. 875, № 45. С. 951, 973; 1917. № 1. С. 9, № 2. С. 22, № 3. С. 31; 1918. № 7—8. С. 36.

Волынские епархиальные ведомости. 1897. № 31. С. 854; 1909. № 1. С. 9, № 28. С. 585, № 46. С. 944—946.

Киевские епархиальные ведомости. 1916. № 1. С. 13, № 19. С.439, № 36. С. 779, № 37. С. 866.



ТОМ III



АРХИМАНДРИТ НЕКТАРИЙ, НАСТОЯТЕЛЬ ГЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ (1912—1922; 1942—1943)

Архимандрит Нектарий (в миру Николай Нуждин) родился в 1863 г. в городе Рыбинске Ярославской губернии в семье мещан[1]. Шестнадцатилетним юношей он поступил в Глинскую пустынь.

Сначала молодой послушник проходил различные общие послушания, которые назначаются новоначальным: на мойке, в кухне, в хлебопекарне, затем был записчиком в храме[2]. Благодаря хорошему голосу и примерной жизни впоследствии его назначили канонархом на клирос и одновременно на послушание в живописной мастерской[3]. В 1887 г. Николай был пострижен в рясофор[4]. Трудясь неленостно и внимательно, он своей кротостью и благонравием скоро привлек к себе внимание настоятеля и был назначен келейником игумена Исаии (Гомолко), впоследствии схиархимандрита Иоанникия[5] — "строгого ревнителя правил церковных и жизни иноческой"[6].

Под руководством такого опытного наставника Николай прошел строгую школу духовного делания. В 1894 г., после того как он потрудился в обители почти пятнадцать лет, он был пострижен игуменом Исаией в монашество с именем Нектарий[7], в 1898 г. — рукоположен во иеродиакона, а в 1901 г. — во иеромонаха. Затем проходил чредное священнослужение и трудился в живописной мастерской. В мае 1904 г. о. Нектарий был командирован для исполнения священнических обязанностей в 271-й Льговский полк, где в 1906 г. был награжден набедренником. В августе того же года возвратился в обитель[8].

В декабре 1912 г. о. Нектарий указом Святейшего Синода был утвержден настоятелем Глинской пустыни с возведением в сан игумена[9]. Он стал достойным преемником богомудрых Глинских настоятелей. Отец Нектарий продолжил строительство новых зданий в монастыре. При нем в обители было построено четыре братских корпуса, начато строительство прачечной и гостиницы. Монастырское хозяйство, как и прежде, было образцовым. Землевладение пустыни, оставаясь самым большим в епархии, приносило наибольший доход. Но главное, чем, как и в прежние годы, славилась обитель, — это высокодуховная жизнь ее иноков. Строгий Афонский устав соблюдался при игумене Нектарии столь же ревностно, как и при его предшественниках. В духовной жизни пустыни главное место занимало старчество. По свидетельству схиархимандрита Андроника (Лукаша), при игумене Нектарии были великие старцы: иеромонахи Феоктист (Бородин), Софроний (Юденков), Иулиан (Гагарин), монах Герасим (Рунский). Старчествовал и сам отец Нектарий.

Он управлял обителью в один из самых сложных периодов истории России. Это и первая мировая война, и революция, и гражданская война. В те годы Глинская пустынь принимала самое деятельное участие в помощи бедствующему народу и в этом велика заслуга ее настоятеля.

Копия
Чудотворной иконы
Рождества
Пресвятой Богородицы
Пустынно-Глинской

При о. Нектарии благотворительная деятельность Глинской пустыни была самой разнообразной. Обитель по-прежнему содержала странноприимницы для приходящих богомольцев и странников. Ежегодно в пустыни бывало не менее 60 тыс. богомольцев. Пустынь помогала вдовам, сиротам и погорельцам дровами, лесом, мукой и прочим.

Богомольцы пользовались в Глинской пустыни бесплатным лечением, больница и аптека пустыни считались лучшими в епархии. По-видимому, до самого закрытия обители существовал и Дом трудолюбия, где обучалось от 30 до 50 мальчиков (в основном бедных сирот).

Большую помощь оказывала Глинская пустынь армии и народу во время войны с Германией в 1914—1918 гг. Для окормления воинов о. Нектарий отправлял в действующую армию иеромонахов с ризницами, богослужебными книгами, облачениями и денежными средствами. В 1915—1916 гг. на защиту Отечества из Глинской пустыни было отправлено 75 послушников.

Под руководством о. Нектария в обители устроили лазарет для увечных и раненых воинов. При пустыни был санаторий для воинов, а также приют для детей погибших.

В 1915 г. в Глинской пустыни побывало около 60 тыс. беженцев. Они жили в монастырской гостинице и получали бесплатно еду, одежду, обувь, лекарства.

Глинская братия посылала на фронт воинам продукты, одежду, обувь, белье[10].

В обители до самого закрытия неопустительно совершались все положенные богослужения, не прекращалось "непрерывное чтение Псалтири", совершались постриги в монашество и в великую схиму.

Отец Нектарий руководил всей многотрудной и многогранной деятельностью Глинской пустыни вплоть до ее закрытия в 1922 г. и проявил себя рассудительным, рачительным и благочестивым настоятелем. В 1914 г. он был награжден наперсным крестом, а в 1918 г. — представлен к награде "по обстоятельствам военного времени": возведен в сан архимандрита и награжден палицей[11]. После закрытия обители ему удалось сохранить незначительную часть имущества монастыря. По Промыслу Божию он не был ни арестован, ни сослан, а жил в Путивле, в затворе, в подвигах строгого поста, богомыслия и молитвы. Тайно принимал духовных детей на исповедь, каждую ночь неопустительно служил литургию. Все находили особое духовное утешение в том, чтобы молиться вместе с ним.

Проводя жизнь сокровенную, о. Нектарий приобрел особенную духовную мудрость и прозорливость. Так, например, когда в 1941 г. Сумская область была занята немцами и раскулаченные в годы коллективизации люди стали занимать свои прежние дома, о. Нектарий сказал: "Напрасно они это делают, опять их выгонят". — "Да кто же их выгонит?" — спрашивали его. "А кто тогда выгонял, те и теперь выгонят". Позднее слова его исполнились[12].

Когда о. Нектарий еще только собирался открыть Глинскую пустынь, один его духовный сын сказал: "Если откроете обитель, батюшка, то и я туда пойду". Отец Нектарий долго внимательно смотрел на него, а потом ответил: "Да, ты пойдешь, только не сейчас, потом будешь монах".

Действительно, сначала молодого человека забрали на фронт, а в 1947 г. он вернулся в монастырь и впоследствии стал монахом[13].

При первой же возможности архимандрит Нектарий приехал в обитель с целью ее восстановления[14] и уже тогда предсказывал, что впоследствии Глинская пустынь опять будет закрыта. К этому времени монастырь был разорен, в нем царило полное запустение. Если при закрытии обители в 1922 г. на ее территории, кроме 5 храмов, 4 домовых церквей и колокольни, было более 30 зданий, то к 1942 г. сохранилось лишь 6 полуразрушенных строений: больница с домовой церковью во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, двухэтажный бывший архиерейский корпус и 4 братских корпуса, требовавших капитального ремонта. При архимандрите Нектарии в ведении монастыря находились только 2 здания: больница с храмом и архиерейский корпус[15].

Имущества никакого в пустыни не было кроме того, что удалось сохранить архимандриту Нектарию[16]. Монастырь содержался тогда на добровольные пожертвования прихожан. Братия при поступлении в монастырь также приносили все, что у них было. В монастыре не хватало одежды, обуви (литургии совершали в лаптях). По нескольку дней братия на трапезе вместо хлеба получали лишь вареную свеклу, а то и совсем голодали. Не было муки для просфор, вина для совершения литургии. Но иноки того времени, как истинные подвижники, все безропотно терпели, благодарили Бога и Матерь Божию только за возможность жить в святой обители.

Так, почти без средств, надеясь только на Бога и на помощь благотворителей, от Него посылаемую, принялся архимандрит Нектарий за восстановление пустыни.

Первой заботой архимандрита Нектария стало восстановление единственного сохранившегося больничного храма, в котором до войны молотили зерно. Стенная роспись в нем осыпалась, живопись была изуродована, иконостасы разграблены, окна выбиты. В бывшем больничном корпусе, кроме храма, были восстановлены братская трапезная, кухня (на нижнем этаже) и келлии монахов. В архиерейском корпусе располагались просфорня и келлии. Работы по возобновлению храма и необходимых монастырских строений проводились исключительно силами братии под руководством 79-летнего отца настоятеля. Не щадя сил и здоровья, первым был он на работах и самым усердным молитвенником в церкви при совершении богослужений. Никогда не оставлял он и келейного правила и издавна принятого им делания умной молитвы.

Среди трудностей и забот по внешнему восстановлению обители главное внимание уделял архимандрит Нектарий возрождению духовных традиций Глинской пустыни. Будучи сам ревностным хранителем обетов монашества, прежде всего архимандрит Нектарий восстановил истинно подвижнический, составленный по образцу Афонского устав Глинской пустыни. Внимательно следя за духовной жизнью монахов, настоятель не допускал никаких отклонений от него. При о. Нектарии соблюдались все особенности чина богослужения, установленного в обители еще в начале XIX в. игуменом Филаретом (Данилевским). Для поддержания и развития духа древнего подвижничества архимандрит Нектарий старался распространить в обители знание святоотеческого наследия. С этой целью в монастыре была устроена библиотека из сохраненных им духовных книг.

Но главная заслуга архимандрита Нектария состояла в том, что он восстановил старчество, процветавшее ранее в обители.

Из учения святых отцов и опыта всей своей жизни архимандрит Нектарий знал, что только полное отсечение своей воли, всецелое послушание старцу рождают истинную борьбу со страстями душевными и телесными, исполнение Евангельских заповедей, самоуглубление, внимание к себе, смирение и неосуждение других, а как результат всего этого — бесстрастие и чистоту чувств и мыслей. Привычка отказываться от своего мнения и следовать слову старца порождала силу воли для точного исполнения монашеских обетов. Поэтому с первых дней возобновления Глинской обители иноки должны были открывать духовнику всякую свою мысль и без его совета и благословения настоятеля ничего не делать.

Заботами настоятеля о внутреннем и внешнем устроении обители быстро умножалось число братии. В 1943 г. в пустыни было уже не менее 25 человек.

Восстановив обитель, собрав братию и учредив старчество, о. Нектарий почувствовал свой близкий исход. Передав управление монастырем иеросхимонаху Серафиму (Амелину), он всецело посвятил себя приготовлению к переходу в вечную жизнь. Тихо угасал много потрудившийся старец, но не переставал поучать братию, особенно заповедуя полное послушание настоятелю и ежедневное откровение помыслов старцу. Точная дата кончины архимандрита Нектария неизвестна[17], но в списке монахов Глинской пустыни на 6 апреля 1944 г. он уже не значится[18]. Старец был похоронен у южной стены Крестовоздвиженской церкви[19].

Примечания

1 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 32.

2 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 109, л. 52.

3 Там же, д. 89.

4 Там же, д. 109, л. 52.

5 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись (1966).

6 Глинская... общежительная пустынь. С 92.

7 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 32.

8 Там же, д. 3, л. 2.

9 ЦГИА, ф. 796, оп. 194, л. 1399.

10 Подробнее о патриотической, благотворительной и просветительной деятельности Глинской пустыни в 1912—1922 гг. см. в докторской диссертации: Иоанн (Маслов), архимандрит. "Глинская пустынь: История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках". (Издана в Москве, в 1994 г. — *Примеч. издат.)*.

11 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 499; ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 2.

12 Личный архив автора. Воспоминания игумена Глинской пустыни Афанасия (Александра Степановича Кошелева).

13 Там же.

14 Точное время открытия обители по архивным данным восстановить сложно. По одним источникам это было в мае—августе 1942 г. (АСЕУ. Прошение епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию послушника Глинской пустыни Александра

(Харина) от 12 ноября 1956 г.). По другим — в сентябре 1942 г. (АУПЦ. Сведения о Глинской пустыни, переданные уполномоченному при Сумском облисполкоме по делам Русской Православной Церкви 6 мая 1944 г.). По воспоминаниям игумена Глинской пустыни Афанасия (Кошелева), первую литургию архимандрит Нектарий служил в обители в неделю святых жен-мироносиц. В списке регистрации церквей Сумской епархии за 1945 г. указан лишь год открытия пустыни — 1942 (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 4).

15 АУПЦ. Сведения о Глинской пустыни, переданные уполномоченному при Сумском облисполкоме по делам Русской Православной Церкви 6 мая 1944 г.

16 В мае—августе 1942 г. из Путивля от отца Нектария в Глинскую пустынь было перевезено "6 возов имущества пустыни , в том числе целый воз духовных книг" (АСЕУ. Прошение епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию послушника Глинской пустыни Александра (Харина) от 12 ноября 1956 г.)

17 Благочинный Глуховского района протоиерей Константин Лысенко писал, что архимандрит Нектарий умер в 1944 г. (Рапорт о перезахоронении почивших настоятелей Глинской пустыни с территории монастыря на братское кладбище от 11 октября 1951 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 105). Однако, по воспоминаниям богомольцев, помогавших восстанавливать обитель, в том числе монахини Золотоношского Красногорского монастыря Мартирии (Гудимовой), кончина его последовала в день памяти преп. Антония Великого 17 января 1943 г. (Личный архив автора).

18 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 6.

19 Там же, Д.55, л. 105.

Литература

Церковные ведомости. 1912. № 50. С. 465.

Курский адрес-календарь. Курск, 1915. С. 339.

Там же, 1916. С. 249.

Курские епархиальные ведомости. 1913. № 22—23. С. 327; 1914. № 17. С. 258; 1916. № 13—14. С. 151.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля, монашествующих и послушников Глинской Богородицкой общежительной пустыни за 1885 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 89.

Сводный послужной список настоятеля, монахов и послушников Глинской Богородицкой и Путивльской Молченской Софрониевой пустыней за 1892 г. // Там же, д. 109, л. 52.

Послужные списки монашествующих Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 32.

По ходатайству Курского преосвященного об увольнении схиархимандрита Иоанникия от должности настоятеля Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // ЦГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 7 об.

О замещении должности настоятеля Глинской Рождество-Богородицкой пустыни Курской епархии // Там же, д. 1399, л. 1—2.

Сведения о монастырях по епархиям за 1913 г. // Там же, ф. 797, оп. 83, отд. II, ст. 3, д. 315.

Сведения о монастырях по епархиям за 1915 г. // Там же, оп. 85, отд. II, ст. 3, д. 389, л. 85.

О перемещении архимандрита Адриана из Таврической епархии в Глинскую пустынь // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 191.

Дело о назначении архимандрита Глинской пустыни Адриана в действующую армию // Там же, д. 192.

Ведомости о настоятелях и настоятельницах монастырей. 1916 г. // ЦГИА, ф. 796, оп. 202, отд.1, ст. 5, д. 5/1889.

О рукоположении во иеродиаконы монахов Глинской пустыни // ГАКО, ф. 20, оп. 3, д. 256.

Рапорт игумена Нектария о пострижении в схиму иеромонаха Глинской пустыни Климента и монаха Аркадия // Там же, оп. 2, д. 601.

Список церковнослужителей, представленных к наградам за 1917—1918 гг. // Там же, оп. 3, д. 499.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 2.

Послужные и формулярные списки монахов Курской епархии за 1919—1920 гг. // ГАКО, ф. 750, оп. 2л, д. 6, л. 40—44.

Рапорт архимандрита Нектария об умерших в Глинской пустыни. 1921 г. // Там же, д. 34.

Рапорт настоятеля Глинской пустыни о переводе временных послушников в число постоянных. 1919 г. // Там же, оп. 1, д. 143.

Дело о посвящении послушников Глинской пустыни в монашеский сан // Там же, д. 144.

Дело о проведении обряда посвящения в монашеский сан послушников Глинской пустыни // Там же, д. 266.

Дело по рассмотрению прошения настоятеля Глинской пустыни о посвящении иеромонаха Анатолия и иеродиакона Гавриила в схимнический сан // Там же, д. 267.

Рапорт настоятеля Глинской пустыни о совершении иеромонахами религиозных обрядов в приходах // Там же, д. 283.

Дело о пострижении в схиму иеромонаха Глинской пустыни Акакия и диакона Петра Дюмина // Там же, оп. 2л, д. 615.

Протоколы сельских сходов (Шалыгинский волисполком). 1919 г. // ГАСО, ф. Р3041, оп. 1, д. 3.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 105.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1944 г. // Там же, д. 6.

Документы необработанных (в необработанных архивах документы не систематизированы по фондам, описям и делам — *А.И.*) архивов: АСЕУ, АУПЦ.

Документы личного архива автора.

СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ, НАСТОЯТЕЛЬ (1943–1958)

(Память 5 октября ст. ст. / 18 октября нов. ст.)

Великий старец схиархимандрит Серафим был истинным последователем богомудрых настоятелей Глинской пустыни. Именно ему во многом обязана обитель своим духовным расцветом и внешним благоустройством. При нем прославилась Глинская пустынь святыми старцами — духовными руководителями иноков и мирян к вечному спасению.

Отец Серафим (в миру Симеон Дмитриевич Амелин) родился 21 июля 1874 г. в деревне Соломино Фатежского уезда Курской губернии[1]. Родители его, простые крестьяне, воспитывали детей в страхе Божием и послушании старшим. У Симеона был брат Тихон, впоследствии также послушник Глинской пустыни[2]. Семья жила строго и благочестиво. Родной дядя Симеона (о. Нил) подвизался в Глинской пустыни.

После смерти матери отец Симеона стал настаивать, чтобы тот женился, но душа благочестивого юноши стремилась к духовному подвигу. В 1893 г. он ушел из дома и поступил в Глинскую пустынь[3]. Отец его вначале был этим недоволен, но, приехав в обитель, смягчился и сказал ему: "Раз ушел в монахи, так уж и живи, не уходи отсюда"[4].

В монастыре Симеон трудился сначала на общих послушаниях, ежедневно ходил на откровение помыслов к старцам, обучался подвигам поста и молитвы, читал творения святых отцов. Уже в эти годы его отличала особая тихость нрава и кроткая сдержанность в обращении. Глубоко почитая настоятеля обители схиархимандрита Иоанникия (Гомолко), Симеон очень внимательно относился ко всем его наставлениям. Поучения настоятеля о том, что без хранения ума все духовные подвиги ни во что не вменяются, побудили молодого подвижника постоянно наблюдать за собой, обдумывать каждое слово и дело, контролировать свои помыслы и чувства. Все греховные движения души открывал он старцу. Откровенность, простота и искренность были качествами, которые Симеон воспитал в себе еще в родительском доме. Такая бдительность постепенно позволила ему стяжать трезвение, которое "есть необходимая принадлежность истинного духовного делания"[5]. Конечно, не обходилось без скорбей и искушений, но он все переносил со смирением, старался подавлять нетерпение и раздражительность, обретая внутренний мир и успокоение в самоиспытании и самоукорении.

Все более и более убеждался Симеон в спасительности монашества, возлюбил его всем сердцем и стремился к нему. Великой радостью для него было пострижение в 1899 г. в рясофор, а 28 ноября 1904 г. в мантию с именем Серафим[6]. С этого времени он особенно ревностно подвизался о своем спасении, следил, чтобы ум не развлекался, но был погружен в молитву или благочестивые размышления. С детства он не любил много

Схиархимандрит
Серафим
(Амелин)
(1874—1958).
Фотография 1950-х гг.

говорить, но теперь молчание стало для него путем к постоянному богомыслию, средством к тому, чтобы ум был устремлен к небесному, а язык ни в чем не согрешал. Путем такого делания стяжал о. Серафим сокрушение сердца и истинное покаяние.

Трудясь на послушании в живописной мастерской, куда он был определен в 1899 г.[7] о. Серафим стремился не только изображать видимыми красками духовный мир, но запечатлеть образ Христа у себя в сердце. Занятия иконописью подготовили и утончили его ум и чувства к восприятию всего духовного. В короткий срок он овладел искусством живописи и был поставлен начальником живописной мастерской.

Много потрудился подвижник для приобретения смирения: старался не сравнивать себя с другими, а всегда считать хуже всех, "вменять себя ни во что". В этом многотрудном для души делании ему помогали советы старца, имя которого осталось для нас неизвестным из-за смирения о. Серафима, не рассказывавшего ничего о себе. Его духовное преуспеяние выразилось в том, что он приобрел спокойствие души, духовное просвещение ума и сердца, ясное познание пути добродетелей. Совесть его, очищенная трезвением, давала теперь истинную оценку всему, что встречалось в жизни, внушала то, что действительно спасительно для души. И это не укрылось от его собратьев.

Внимательные иноки стали замечать, что там, где появлялся о. Серафим, водворялся мир. Недоразумения как-то незаметно и скоро разрешались, ссорящиеся легко и просто примирялись, всякое недоброжелательство исчезало. Многие удивлялись тому, что молодой еще о. Серафим, казалось бы ничем не выделявшийся, не имевший каких-то особых подвигов, даже ничего не говоривший, приносил с собой душам окружающих тот мир Христов, которого так ищут подвижники. Невольно многие старались быть ближе к о. Серафиму, но он, любя всех равно, как братьев во Христе, удалялся от бесед, от особенных привязанностей, всегда искал уединения и молитвы, не отказывая, однако, в совете и духовной поддержке тем, кто этого просил.

В 1913 г. о. Серафим был рукоположен во иеродиакона, а в 1917 г. — во иеромонаха[8], в этом же году его назначили исполнять должность ризничего[9] в обители. Настоятель архимандрит Нектарий, видя его духовную зрелость, возложил на о. Серафима в ноябре 1919 г. ответственную и особенно тяжелую в те тревожные годы должность казначея обители[10], в которой он подвизался до закрытия монастыря, будучи во всех делах "правой рукой" настоятеля. За усердное исполнение своего послушания в 1920 г. он был награжден наперсным крестом[11]. После закрытия Глинской пустыни о. Серафим жил в селе Ковенки Шалыгинского района Курской (после 1938 г. Сумской) области, занимался столярно-слесарными работами[12].

Еще во время революции он тайно принял схиму с тем же именем Серафим. Став схимником, о. Серафим как бы совсем ушел от внешнего мира в свой внутренний, сердечный, обретая там Бога. Поразительно было его дарование жить в миру внутренне по-отшельнически.

С 1941 г. о. Серафим стал служить в Ильинской церкви села Ковенки[13], открытой после прихода немцев. Многие богомольцы обращались к нему за советом и получали духовную поддержку. Он вернулся в Глинскую пустынь в 1942 г.[14] и много потрудился в деле восстановления обители и

Слева направо:
отец Серафим (Амелин),
отец Нил (дядя о. Серафима)
и Тихон Дмитриевич Амелин
(брат о. Серафима)
в Глинской пустыни.
Личный архив автора.
Фотография начала XX в

Настоятель Глинской пустыни
схиархимандрит Серафим
(Амелин)
у креста на месте явления
иконы Божией Матери
Пустынно-Глинской.
1958 г.
Личный архив
автора

возрождения ее духовных традиций. Святой своей жизнью, кротостью и любовью он всех привлекал к себе. Многие избирали его своим старцем и ходили к нему на откровение помыслов. Братия обители так любили и уважали его, что единогласно избрали своим настоятелем.

Иеросхимонах Серафим был утвержден в должности настоятеля Глинской пустыни и возведен в сан игумена епископом Белгородским Панкратием (Гладковым) 29 мая 1943 г.[15].

В этой должности о. Серафим усилил свои подвиги, предался великому воздержанию и слезно молился о возрождении духовной жизни обители во всей ее былой славе. Он принял настоятельство в возрасте 69 лет и был уже преисполнен благодатных дарований. Всю свою подвижническую жизнь о. Серафим любил молчание, так как занимался Иисусовой молитвой, а она несовместима с многословием. Путем этого внутреннего делания он достиг духовного безмолвия и ангельского бесстрастия. До самоотвержения преданный заботам о благе обители, о спасении вверенных его руководству душ, он оставался спокойным и самособранным, несмотря на многотрудные и разнообразные обязанности настоятеля монастыря. Никогда не было в нем суетливости или раздражения. Благоразумный и рассудительный, он и среди многих попечений умел жить, как затворник, пребывая в умно-сердечной молитве. Эта его непрестанная, вдохновенная молитва незримо ограждала братию от всех козней вражеских.

Путем непрерывной внутренней борьбы, самоуничижения, скорбей и всякого рода испытаний о. Серафим получил и великое дарование — любовь к Богу и ближним, горящую в его душе, подобно сильнейшему огненному пламени. С братиями обращался он, как с родными детьми. Из любви к ним только и вступал в беседу, и то очень редко, при этом говорил лишь о работе над умом и сердцем. Он учил братий быть внимательными, жить в благочестии, волю свою не творить, а иметь полное послушание. Наставлял всегда коротко, четко, ясно. Слово его содержало высокое назидание и отличалось особенной меткостью, так как ум о. Серафима, просветленный благодатью, ясно постигал истины Божии. Он всей душой любил эти истины и когда говорил о них, то слово его шло от сердца к сердцу и было всегда действенно и плодоносно.

Старец во всей полноте имел дар прозрения в тайники человеческих душ. Приходившие к отцу настоятелю ясно видели, что все их мысли и чувства открыты ему и без слов ощущали тесный духовный контакт со старцем. В обращении с о. Серафимом приоткрывалась тайна молчания. Когда старец в последние годы болел и ему трудно было говорить, то ради его святых молитв многие, лишь побыв в его келлии и даже не сказав ни слова, получали благодатные дарования, уходили утешенные, исцеленные душой. Просившиеся к нему во время болезни уверяли келейника, что не будут беспокоить отца настоятеля своими вопросами. Они стремились хоть недолго побыть возле благодатного старца. (Во время болезни старец у врачей не лечился. Врачи, приезжавшие из Москвы, сами у него лечились с большой духовной пользой.)

Рядом с ним отлетало все ненужное, суетное, наносное. Человек становился самим собой и получал редкую возможность видеть себя как бы со стороны, таким, каков он есть. Каждый сам ощущал свои грехи и невольно приходил к искреннему раскаянию. Тогда старец с кротостью

говорил два-три слова на пользу душе, и эти слова, как драгоценное сокровище, человек хранил незабвенно всю свою жизнь, благодаря за них Бога.

Пребывая в своей келлии в молитве, о. Серафим знал все, что происходит в монастыре. Его опытному взору были открыты все духовные нужды братии. Например, однажды он вызвал к себе в келлию молодого ревностного монаха, который так сильно постился, что даже заболел. Был Петров пост, а отец настоятель налил ему полный стакан кефира и велел пить. Из послушания монах выпил, хотя никогда в жизни не нарушал поста. Тогда о. Серафим сказал ему: "Вот так, и не перегибай палку!" Мудро удерживал он молодых подвижников от непомерных подвигов.

Смирение было господствующим качеством его души. Оно проявлялось во всем: и во внешнем виде, и в поступках. Даже схиму старец носил тайно: не только в документах, которые он подписывал по делам обители, но и в своем послужном списке никогда не указывал, что он схимник. Смирением он всех покорял, даже тех, кто был недоволен. Замечания делал с кротостью, но в случае необходимости своим словом мог смирить людей, много о себе думающих, этим он оказывал ближнему духовное милосердие. В келлии его на письменном столе всегда лежала записка с изречением одного из Киево-Печерских подвижников:

"Аще ты постник еси и без сна пребываеши, но обои укоризны не перенес, то не узришь спасения"[16].

"Укоризну пейте как воду"[17].

Но особой отличительной чертой духовности о. Серафима было его миротворчество. Этот дар начал проявляться еще в молодые годы отца настоятеля, но теперь он раскрылся во всей полноте. Внутренний мир, мир Христов, который царил в его смиренномудрой душе, нес о. Серафим всем окружающим и объединял миром и любовью самых разных людей. Мир — это духовное сокровище, которое Христос принес на землю, примирив Своей крестной жертвой человека с Богом. Посланный с неба мир является благодатной силой, которая приводит к гармонии человеческие души. Именно этот дар через о. Серафима распространял свое спасительное действие на всю братию и богомольцев. Недаром во время настоятельства о. Серафима жизнь обители была наполнена миром духовным и тишиной. Это отмечали не только братия, но и многочисленные паломники, посещавшие Глинскую пустынь.

Примером всей своей жизни о. Серафим учил, что мир Христов находится очень близко, его можно обрести через веру, добродетельную жизнь и Православную Церковь. Когда на богослужении, выходя из Царских врат, о. Серафим произносил краткие, но благодатные слова "Мир всем", то, проникая в души молящихся, эти слова способствовали не только их духовному возрождению, но изливались на всех их близких и родных. Людям открывалось, что Православная Церковь не только хранит божественное наследие мира Христова, но и непрестанно раздает его всем в нее входящим.

Отец Серафим поистине был миротворец, молитвы которого низводили в сердца братии небесную благодать, укреплявшую их в духовной жизни.

По болезни в последние годы жизни он редко возглавлял богослужения, но если служил, то всегда со слезами, особенно во время Божественной литургии, когда углублялся в размышления о любви Божией к роду чело-

Настоятель Глинской пустыни схиархимандрит Серафим (Амелин). 1957 г. Личный архив автора

веческому. Богослужение, совершаемое им, имело особую благодатную силу: своей благоговейностью, красотой, духовностью и величием потрясало человеческую душу, влекло ее к небу.

По молитвам о. Серафима и у всех иереев обители было духовное, благоговейное, святое отношение к священнодействиям. Когда они сослужили отцу настоятелю, то опытно познавали, что всякое священнодействие есть великая духовная реальность, воплощение Духа истины. Открывалось это и благоговейно молящимся в храме, поэтому дней, когда служил отец настоятель, особенно ждали.

Мудрым душепопечительством была проникнута вся деятельность о. Серафима. Он умело налагал послушания, так как всегда безошибочно видел, к чему более способен человек и какое послушание полезнее для спасения его души. За жизнью в монастыре, за всеми мелочами он следил тщательно. Отец Серафим не любил повелевать и показывать свою власть, но всегда и во всем был сам начальником и руководителем. Ходил он и по келлиям. Увидев однажды, как молодой послушник лег на кровать в валенках, сказал: "Ты зачем на чистую постель в валенцах улегся?" Так он поучал, чтобы во всем совесть монахи блюли, даже и в отношении к вещам.

Отец Серафим пользовался огромным авторитетом и уважением. Кроме духовного возрождения, обитель обязана ему и внешним благоустройством. Братия считали себя блаженными, что находятся в послушании у такого старца; одно только его присутствие вселяло в них бодрость духа и воодушевляло на подвиг.

Господь еще при жизни прославил Своего угодника явными чудесами. Например, редкий был день, когда о. Серафим не обходил всех послушаний. Он шел по монастырю, но не каждому было дано его видеть. Это открывалось только духовным старцам. Старцы низко кланялись, а молодые монахи спрашивали, кому они кланяются. Те с благоговением отвечали: "Отец настоятель прошел!" Сами великие Глинские старцы учились у него, а известный святостью жизни схиархимандрит Андроник (Лукаш) особо благоговел пред ним и был у о. Серафима келейником.

Глубоко почитали о. Серафима и все правящие архиереи. Так, епископ Белгородский Панкратий (Гладков) в первый же год настоятельства о. Серафима наградил его палицей и крестом с украшениями[18]. Архиепископ Сумской и Ахтырский Корнилий (Попов) в 1946 г. отзывался о нем как о старце "высокой религиозной настроенности, любимом братией и верующими за обходительность и добродетельную жизнь,.. достойном преемнике прежних славных в подвижнической жизни настоятелей прославленной Глинской пустыни"[19]. Иларион (Прохоров), епископ Сумской и Ахтырский, в 1948 г. возвел о. Серафима в сан архимандрита и назвал "благоговейным и усердным молитвенником, уважаемым братией за добрую жизнь"[20].

Но особенно почитал архимандрита Серафима преосвященный Евстратий (Подольский), управлявший Сумской епархией в 1951—1958 гг. Он писал Святейшему Патриарху Алексию (Алексию I — *Примеч. издат.*): "Строгий к себе, благочестивый отец настоятель архимандрит Серафим зорко следит за поведением всех послушников и не допускает ни для кого никаких отступлений от правил монашеской жизни"[21], "архимандрит Серафим — человек прекрасной души"[22]. А для бывшего насельника Глин-

Настоятель схиархимандрит (Амелин) в храме Глинской пустыни. 1957 г. Личный архив автора

ской пустыни епископа Степанаванского, впоследствии митрополита Тетрицкаройского, Зиновия (Мажуги, в схиме Серафима) архимандрит Серафим был истинным духовным наставником. Преосвященный Зиновий неоднократно посещал Глинскую пустынь и пользовался душеспасительными советами отца настоятеля.

Время настоятельства о. Серафима условно можно разделить на два периода: 1943—1952 и 1953—1958 гг. Первый период был очень трудным. В эти военные и первые послевоенные годы в обители не хватало самого необходимого, земли почти не было. Скота тоже было мало.

После освобождения Сумской области от немцев органы Советской власти обязали пустынь платить большие налоги[23].

Иноки Глинской пустыни жили в крайней бедности (в 1946—1947 гг. голодали), но всем, что было в обители, делились с богомольцами, помогали им, как только было возможно, особенно заботясь о сиротах и вдовах.

Но, несмотря на все трудности, духовная мудрость и молитвы настоятеля быстро умножали братию монастыря.

В 1944 г. в обители было уже 37 насельников, в 1952 — 60[24].

О бедности обители в тот период свидетельствует донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Алексию от 3 мая 1952 г., в котором сказано, что здания монастыря "пришли в ветхость, нужны денежные средства для приобретения материалов и оплаты труда по ремонту строений", келлии монахов переполнены, необходимо "приобрести постельное белье, так как постели насельников... и верхнее одеяние монашествующих изношены; для упорядочения монастырских условий, ввиду престарелого возраста и инвалидности монашествующих, нужно пополнить монастырь трудоспособными насельниками"[25].

В этих тяжелых материальных условиях главной целью отца настоятеля был подъем духовной жизни братии и богомольцев, их нравственное перерождение, стяжание ими Духа Святого. "Ревностный по проведению в обители строгого Афонского устава"[26], отец настоятель восстановил строго подвижнический уклад жизни Глинских иноков, весь день которых был заполнен молитвой и трудами послушания.

Основой духовного воспитания иноков Глинской пустыни, как и в прежние времена, было старчество. Если архимандрит Нектарий (Нуждин) только начал дело его возрождения, то при о. Серафиме (Амелине) старчество процвело в обители и принесло обильные духовные плоды. Ежедневное откровение помыслов, полное отсечение своей воли и безусловное послушание стало нормой жизни для Глинских иноков. Их высокая целенаправленность была результатом старческого окормления.

В конце 40-х годов в Глинскую пустынь вернулись такие великие старцы и духовные светочи, как схиархимандрит Андроник (Лукаш) и схиархимандрит Серафим (Романцов). Благодаря их молитвам и трудам, духовное окормление иноков и мирян процвело в обители во всей полноте.

Периоды расцвета и упадка духовной жизни всегда были связаны с возрастанием или уменьшением роли духовного руководства. Возрождение старчества в Глинской пустыни обусловили такой подъем духовной жизни в обители, что слава "о святости жизни насельников Глинской пустыни, строгости ее устава и аскезы"[27] распространилась по всей стране.

После десятилетнего управления обителью о. Серафимом (Амелиным) наступил второй период его настоятельства (1953—1958) — период расцвета и благоустройства Глинской пустыни.

В духовной жизни Глинская пустынь занимала самое высокое место. Как и прежде, обитель была центром духовного просвещения, старческого окормления и нравственного возрождения. Не только многие архиереи, но и сам Святейший Патриарх Алексий отзывался о Глинской пустыни как о знаменитом, строгом монастыре, глубоко почитал ее опытных старцев и считал их руководство душеспасительным[28]. Строго подвижническая жизнь Глинских старцев, высокий духовный авторитет ее настоятеля собирали в монастырь ревнителей настоящего иноческого жития.

Средоточием духовной жизни обители были старцы: архимандрит Серафим (Амелин), схиигумен Андроник (Лукаш) и иеросхимонах Серафим (Романцов). Как писал епископ Сумской и Ахтырский Евстратий, "трудами о. Андроника, о. Серафима — духовника и настоятеля архимандрита Серафима крепла и процветала Глинская пустынь"[29]. Под их руководством возрос целый сонм подвижников, многие из которых впоследствии пронесли старческие традиции Глинской пустыни по всей стране.

Обитель, мудро управляемая о. Серафимом, стала поистине духовной лечебницей для душ, истерзанных грехом, потерявших или не нашедших смысл жизни, скорбящих и страждущих, ищущих вразумления, утешения, духовной поддержки, а также разрешения своих сомнений и недоумений.

Число паломников, приезжающих в Глинскую пустынь со всех концов страны, с каждым годом возрастало[30]. Особенно много богомольцев приезжало в этот период из Москвы. Бывали и опытные врачи, знаменитые хирурги, которые лечили братию и даже делали операции. В 1955 г. в Глинской пустыни была оборудована аптека. Богомольцам тоже оказывалась медицинская помощь и выдавались лекарства. В библиотеке монастыря было много духовной литературы. Не только иноки, но и богомольцы могли взять здесь те книги, которые духовник благословил им прочесть.

В монастырь приходило много писем. Отец настоятель избирал из среды братий духовно опытного инока на должность письмописца. Отец Серафим сам читал подготовленные ответы и, найдя их духовно полезными, подписывал. Нередко, получив письмо из Глинской пустыни, человек изменял всю свою жизнь и устремлялся к духовному совершенствованию, поскольку к наставлениям и советам иноки присоединяли свою горячую молитву о том, кто просил у них помощи.

Расцвет духовной жизни в обители обусловил и ее материальное благополучие. После тяжелых лет лишений, перенесенных иноками с истинным смирением и терпением, Матерь Божия послала монастырю благотворителей. Со всех концов страны стали поступать в Глинскую пустынь денежные переводы и посылки. Получая в обители все самое драгоценное для души, люди стремились помочь монастырю чем только было возможно. Доходы Глинской пустыни быстро возрастали — в основном за счет пожертвований богомольцев.

Увеличение доходов монастыря позволило отцу настоятелю и внешне благоустроить обитель. По молитвам Глинских старцев органы Советской власти хоть и не в полном объеме, но все же разрешили строительство но-

Наставники Глинской пустыни:
иеросхимонах Серафим (Романцов),
схиархимандрит Серафим (Амелин),
схиигумен Андроник (Лукаш)
(слева направо).
Личный архив автора.
Фотография 1950-х гг.

В Бозе почивший
настоятель Глинской пустыни
схиархимандрит Серафим
(Амелин). 1958 г.
Личный архив
автора

вых зданий. Прежде всего архимандрит Серафим начал строительство общежития для монашествующих, так как помещений в обители крайне не хватало. К 1955 г. была закончена постройка нового жилого дома с подвалом для овощей. В этом здании разместились келлии для монахов, а с западной стороны дома — аптека. В 1955—1958 гг. под руководством о. Серафима в обители были также построены: трапезная с кухней, пекарней и подвалом для хранения продуктов и овощей; кузница, новая каменная прачечная, большой кирпичный сарай со столярной мастерской, сапожная мастерская, гараж, склад для хранения продуктов и одежды с бетонным овощехранилищем под ним. В 1955 г. обитель приобрела грузовую машину и мотоцикл.

Отец Серафим украсил и храм пустыни. В нем был устроен новый иконостас, поставлены еще два заклиросных иконостаса. Значительно обновлена и пополнена была ризница монастыря.

В феврале 1957 г. архимандрит Серафим обратился к епископу Евстратию с просьбой освободить его по болезненному состоянию и старости (ему было уже восемьдесят четыре года) от обязанностей настоятеля[31]. Наряду с этими причинами едва ли не основной было стремление старца в конце жизненного пути совершенно предаться богомыслию и безмолвию. Пребывая телом на земле, он давно уже духом был в Горнем Иерусалиме, но заботы о многообразной жизни обители не позволяли ему полностью отрешиться от дел земных, несмотря на затвор, в котором он провел последние годы,

Братия, хотя и скорбели о решении о. Серафима уйти на покой, но по его благословению выбрали настоятелем архимандрита Тавриона, который находился в обители с 1913 по 1922 г., обучаясь в живописной мастерской под руководством о. Серафима[32], затем о. Таврион посетил Глинскую пустынь лишь в начале 1957 г.

По распоряжению Святейшего Патриарха Алексия архимандрит Таврион (в миру Тихон Данилович Батозский) был назначен настоятелем Глинской пустыни 14 марта 1957 г.[33], а 25 апреля принял все дела от архимандрита Серафима[34]. Но в должности настоятеля о. Таврион пробыл менее года, так как не оправдал доверия братии. В Глинской пустыни, обители, истинно православной, он стал вводить западные, католические обычаи церковной жизни.

Кроме того, всем прихожанам он разрешал причащаться без исповеди ежедневно, а это является нарушением канонических правил.

Особенно недовольна была братия тем, что о. Таврион ни о чем не советовался с глубоко почитаемым в монастыре, старшим его по возрасту и по духу, бывшим настоятелем архимандритом Серафимом. Это было нарушением монашеских правил. Наконец, о. Таврион ни в чем не считался с мнением старцев Глинской пустыни, а поступал самовластно[35].

Стремясь защитить православие в обители, насельники монастыря неоднократно обращались к епископу Евстратию и, как в личной беседе, так и письменно, выражали свое недовольство нововведениями настоятеля[36].

13 января 1958 г. о. Серафим, по желанию братии, опять был назначен настоятелем Глинской пустыни[37].

К этому времени многотрудный старец архимандрит Серафим уже угасал. Пятнадцать лет был он во главе духовного вертограда и не только

собрал, но и приумножил братию Глинской пустыни, во всей полноте возродил старчество и древний устав обители, внутренне и внешне украсил монастырь, создал все условия для духовной и материальной помощи богомольцам.

Безмерная любовь к братии и попечение о благе пустыни заставили его опять взять на себя бремя настоятельства, но лишь на несколько месяцев, поскольку боголюбивая душа его уже была готова к переходу в вечность. Всего два дня поболел о. Серафим перед кончиной. В день памяти великих Московских святителей, в субботу 18 октября 1958 г., он стал как бы отмахиваться руками (как говорили старцы "бесы лезли за братию"), но потом лицо о. Серафима просветлело, сделалось сияющим, и он с великой радостью отошел ко Господу[38].

В воскресенье вечером игумен Феоген (Таран) совершил заупокойное всенощное бдение. В понедельник 20 октября на погребение великого старца прибыл епископ Степанаванский Зиновий (Мажуга). В сослужении двадцати священников и четырех диаконов он совершил заупокойную литургию, затем отпевание и произнес прощальное сердечное слово, посвященное высокодуховной жизни отца настоятеля, и так утешил братию, что они со слезами благодарили его. После отпевания гроб с телом схиархимандрита Серафима был обнесен вокруг храма. Погребение совершили при огромном стечении священнослужителей, иноков и богомольцев, глубоко почитавших о. Серафима. У южной стены храма, возле алтаря, гроб был опущен в могилу.

Братия пребывала в сердечной горести о разлуке со смиренномудрым и любвеобильным отцом, молитвенником, преданным Богу и Церкви, который жил не для себя, а для Бога и для других, и явил пример истинно монашеских подвигов, высоких духовных дарований. Великим утешением для братии было то, что и после смерти глубокочтимый старец не оставил своих чад. Так, он неоднократно в облачении являлся во сне одному ревностному молодому Глинскому монаху, поучал его, как надо жить в монашестве, учил умеренности в подвиге.

После закрытия обители в 1961 г., при перезахоронении усопших старцев от храма на общее братское кладбище, были обретены нетленные мощи схиархимандрита Серафима. Даже облачение и гроб святого старца не были повреждены тлением[39]. Придут времена, может быть, Господь и прославит Своего угодника.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

2 Тихон Дмитриевич Амелин поступил в Глинскую пустынь в 1950 г. (АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1957 г.)

3 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 49.

4 Личный архив автора. Воспоминания Тихона Дмитриевича Амелина.

5 Брянчанинов Игнатий, епископ. Соч. Приношение современному монашеству. 3-е изд. СПб., 1905. Т. 5. С. 265.

6 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 90; Там же, д. 2, л. 49.

7 Там же.

8 Там же, д. 3, л. 20.

[9] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 256, л. 1.

[10] Там же, ф. 750, оп. 2л, д. 6, л. 40.

[11] АСЕУ. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

[12] Там же.

В начале 30-х годов о. Серафима, как и других Глинских подвижников, хотели арестовать и сослать, но почитавшие его крестьяне в корзине вывезли отца Серафима в лес и тем спасли его. (Личный архив автора).

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Послание еп. Владимирского, преп. Симона к Поликарпу, печерскому черноризцу (Киево-Печерский Патерик по древним рукописям). Киев, 1911. С. 22.

[17] Записка о. Серафима хранится в личном архиве автора.

[18] АСЕУ. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

[19] Там же. Наградные списки монахов Глинской пустыни за 1946 г.

[20] Там же. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

[21] Там же. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Его Святейшеству Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.

[22] Там же. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 9 февраля 1957 г.

[23] Налог за земельный участок, например, составил более 1200 руб. (АУПЦ. Справка о монастыре Глинская пустынь от 22 февраля 1945 г.).

[24] АУПЦ. Список монахов Глинской пустыни на 6 мая 1944 г.; АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни на 5 мая 1952 г.

[25] АСЕУ. Донесение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию от 3 мая 1952 г.

[26] Там же. Послужной список архимандрита Серафима (Амелина).

[27] АСЕУ. Письмо епископа Астраханского и Сталинградского Сергия епископу Сумскому и Ахтырскому Иоасафу от 12 марта 1959 г.

[28] Там же. Письмо архиепископа Днепропетровского Гурия епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию от 25 ноября 1955 г.; письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия настоятелю Глинской пустыни архимандриту Тавриону от 15 октября 1957 г.

[29] Там же. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия архимандриту Тавриону (Батозскому) от 21 августа 1957 г.

[30] За первое полугодие 1954 г. только "по гостинице Глинской пустыни прошло 720 человек". (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 9 об.)

[31] АСЕУ. Прошение настоятеля Глинской пустыни архимандрита Серафима (Амелина) от 5 февраля 1957 г.

[32] Там же. Автобиография архимандрита Тавриона (Батозского), написанная им 27 мая 1956 г.

[33] Там же. Распоряжение Святейшего Патриарха Алексия от 14 марта 1957 г.

[34] Там же. Инвентарная опись имущества, находящегося в ведении монастыря Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 25 апреля 1957 г.

[35] Там же. Протокол объединенного собрания Сумского епархиального совета и собора старцев Глинской пустыни от 18 ноября 1957 г.

[36] Там же. Письмо Евстратия, епископа Сумского и Ахтырского, архимандриту Тавриону (Батозскому) от 16 октября 1957 г.

[37] Там же. Указ Святейшего Патриарха Алексия от 13 января 1958 г.

[38] Там же. Рапорт игумена Феогена (Тарана) епископу Сумскому и Ахтырскому от 20 октября 1958 г.

[39] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 105.

Литература

Памяти митрополита Зиновия. ЖМП. 1985. № 6. С. 60.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 90.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. // Там же, д. 2, л. 49.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // Там же, д. 3, л. 20.

Сводный послужной список и ведомость о настоятеле, монашествующих и послушниках Путивльской Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни за 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174.

Дело о посвящении монахов Глинской пустыни во иеродиаконы 14—18 июля 1917 г. // Там же, д. 256, л. 1.

Послужные и формулярные списки монахов Курской епархии за 1919—1920 гг. // Там же, ф. 750, оп. 2л, д. 6, л. 40.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1944 г. // ГАСО, ф. Р 2196, оп. 12, д. 6.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // Там же, д. 34, л. 10—10 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 9—11,16.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1956 г. // Там же, д. 43, л. 3—4, 8—9,12.

Материалы о закрытии монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 105.

Документы необработанных архивов: АСЕУ, АУПЦ, АШР, АГР.

Документы личного архива автора.

СХИИГУМЕН АНТОНИЙ (†1946)

Схиигумен Антоний (в миру Авксентий Ветер) родился в 1870 г.[1] в семье крестьян Городнянского уезда Черниговской губернии. Окончив двухклассное училище[2] в 1893 г., он поступил в Глинскую пустынь[3]. Проходя общие послушания, обычные для всех новоначальных, он обратил на себя внимание настоятеля игумена Исаии (Гомолко) особенно тщательным отношением ко всем послушаниям. Авксентий совершенно не имел своей воли, всегда исполнял в точности то, что ему говорили, причем запоминал указания дословно, чтоб потом не ошибиться и не делать по своему разумению.

Провидя в нем строгого подвижника, настоятель взял Авксентия в келейники. Под руководством отца Исаии послушник прошел строгую школу иноческого делания и многому научился у своего наставника. Он искренне полюбил своего старца и питал к нему глубокое благоговение. Ему были открыты многие благодатные дарования старца, которые отец настоятель от других тщательно скрывал. Авксентий сподобился быть свидетелем и прозорливости о. Исаии, и благодатных исцелений по его молитвам, и необыкновенной духовной рассудительности старца.

Но при этом мудрый отец настоятель старался, по выражению святого Иоанна Лествичника, "изыскивать случаи для приобретения подвизающимся в деле спасения братиями венцов терпения". Не раз он грозно ругал и укорял Авксентия (без всякой вины последнего) в присутствии других, чем очищалась душа молодого подвижника. Послушник терпеливо переносил искушения, приобретал смирение, послушание, навык молитвы, нестяжательности и других добродетелей. Ежедневное внимательное испытание своей совести и чистосердечное откровение помыслов старцу ограждали его от всяких неожиданностей в жизни духовной, от подвигов "не по разуму". Все это вместе взятое способствовало его быстрому духовному возрастанию.

Убедившись в его истинно подвижнической жизни, о. Исаия уже на четвертый год по поступлении Авксентия в обитель постриг его в рясофор, а 8 октября 1900 г. — в мантию с именем Аристоклий[4] (тогда как другие ждали пострига более десяти лет). В мае 1902 г. о. Аристоклий был рукоположен во иеродиакона, в июне 1904 г. — во иеромонаха. Через два года он был награжден набедренником[5]. С августа 1907 г. о. Аристоклий исполнял должность ризничего Глинской пустыни, а в феврале 1911 г. указом Курской духовной консистории был утвержден в этой должности[6]. В его послужных списках сказано, что он был "качеств очень хороших"[7].

За благочестивую и строгую жизнь иеромонаха Аристоклия как опытного в духовной брани, часто назначали восприемником новопостриженных монахов. В числе его учеников были известные

впоследствии святостью жизни великие Глинские старцы, например схиархимандрит Андроник (Лукаш).

Хотя о. Аристоклий уже не был келейником у отца настоятеля, но его духовная связь с о. Исаией (в схиме Иоанникием) стала еще тесней. Вопросы, возникавшие теперь у о. Аристоклия, свидетельствовали о его духовно-благодатном возрастании. Они были связаны с его пастырским служением, со стремлением стяжать непрестанную молитву Иисусову, с духовным окормлением, душеводительством новопостриженных.

Во время гонений, которым по зависти вражеской подвергся схиархимандрит Иоанникий, о. Аристоклий безбоязненно выступил в поддержку своего старца и проявил себя его преданным учеником и верным в духовном делании последователем. Такая самоотверженность еще более способствовала нравственному возрастанию о. Аристоклия.

Имея святое послушание, о. Аристоклий стяжал и плоды его, ибо послушание искореняет все страсти[8]. Еще в молодости приобрел он мирное устроение души, поскольку никогда не желал настойчиво, чтобы исполнялась его воля, но, напротив, с совершенной покорностью и в малом, и в великом предавался воле Божией. Даже настоятель о. Иоанникий, всегда остерегавшийся кого-либо хвалить, отступая от этого своего правила, в письме к Глинскому иеромонаху Савватию (Луговому) назвал отца Аристоклия "истинным монахом, которому должно подражать"[9].

13 сентября 1913 г. указом Святейшего Синода отец Аристоклий как духовноопытный подвижник был назначен на должность настоятеля Покровского монастыря близ г. Омска[10]. Как ни тяжело было отцу Аристоклию расставаться с любимой Глинской пустынью, где он безвыходно провел более 20 лет, послушание было превыше всего. Он ревностно принялся благоустраивать вверенную ему обитель как внутренне, так и внешне. В отчете о состоянии Омской епархии сказано, что в то время "при своих скудных средствах Покровский монастырь не имел ни приютов, ни школ, ни богаделен. Содержался трудом братии (преимущественно сельскохозяйственным) и помощью благотворителей"[11]. Вся жизнь монахов наставлениями о. Аристоклия, его трудами и молитвами была основана на тех строго подвижнических началах, которые отец Аристоклий усвоил в Глинской пустыни.

Он учил братию тому, что жизнь инока должна протекать в молитве церковной и келейной, безусловном послушании и посте, нестяжании и девстве. Сам он во всем подавал пример своей подлинно аскетической жизнью. Однако, будучи строг к самому себе, к братии он относился как того требовало духовное устроение каждого, так что бывал иногда и весьма снисходителен.

Духовная опытность настоятеля приумножала братию обители. Если в 1914 г. в монастыре было 8 иеромонахов, 1 иеродиакон и 12 послушников[12], то в 1915 г. — уже 35 насельников, в том числе 12 иеромонахов и 3 иеродиакона[13]. Отец Аристоклий внимательно следил за тем, чтобы богослужения совершались в обители торжественно, благоговейно и в то же время иеромонахи имели бы возможность неспешно исповедовать богомольцев. За усердие и труды на благо обители о. Аристоклий был утвержден в должности настоятеля и возведен в сан игумена 15 апреля 1915 г.[14].

38 1374

Однако в суровом климате здоровье его, как он сам писал, "совершенно расстроилось"[15] и в мае 1917 г. он подал прошение о переводе его в Глинскую пустынь[16]. Указом Святейшего Синода от 2 августа 1917 г. он был перемещен в родную обитель[17].

Здесь, совершая чредное священнослужение, он подвизался до 1922 г., после закрытия монастыря жил в Глуховском районе и совершал требы на дому. В книге учета служителей культа Глуховского окружного административного отдела за 1926—1928 гг. он числится как "бесприходный монах"[18].

В эти годы о. Аристоклий был тесно духовно связан с о. Нектарием (Нуждиным). Вместе с ним ночью совершал литургии, помогал исповедовать и сам у него исповедовался. В 1942 г. он вернулся в обитель, приняв незадолго перед этим постриг в великую схиму с именем Антоний.

Схиигумен Антоний был муж высокой добродетели. Лицо его казалось суровым, но сердце было преисполнено христианской любовью. Он назидал братию, малодушных утешал, гордых смирял, враждующих примирял своим незлобием. Главнейшим предметом его забот было водворение среди братий духа послушания, миролюбия и благочестия. Он следил, чтобы иноки не имели никаких пристрастий, даже пристрастия к строгим подвигам.

Мудрость наставлений о. Антония привлекала не только монашествующих, но и мирян, которые из самых отдаленных мест во множестве устремлялись к нему. Старец и мирян учил чистосердечному исповеданию помыслов. Он был одним из насадителей духовного руководства в возрожденной Глинской пустыни.

Отец Антоний как сам шел, так и духовных детей своих вел безопасным путем, указанным святыми отцами, которые учат, что христианину прежде всего следует заботиться о познании себя и об укрощении своих страстей. Он учил, что страсти нельзя считать легким помышлением, они глубоко входят в душу, оттуда нелегко их изгонять. Если на земле страсть удовлетворяется, то она временно молчит, а по смерти без удовлетворения будет терзать душу. Поэтому так важно познать свои страсти и еще в земной жизни отсекать их, к благим начинаниям не примешивать тщеславия или человекоугодия, а искренне, с нелукавой простотой служить Господу.

Неоднократно проявлял старец и дар прозорливости, провидя греховные намерения человека и вовремя останавливая его.

Главными чертами этого духовного пастыря были сострадание греховным немощам людей, скорбь о согрешающих и пламенное желание приблизить их к Богу. Его поистине можно назвать путеводителем и стражем на пути ко спасению. Одного не любил старец, как вождь духовный, — желания поступать по своей воле и соединенного с ним прекословия. Он оставлял таковых ходить по воле сердца своего, да накажет их самое отступление их.

В 1946 г., испрашивая о. Антонию сан архимандрита, настоятель обители писал: "Схиигумен Антоний — строгий по жизни, скромный и примерный, любимый всеми как наставник и молитвенник"[19]. Но старец не дожил до этой награды, он скончался осенью того же года[20], к глубокой скорби братии обители и множества богомольцев. Похоронен он был в Глинской пустыни у южной стены Крестовоздвиженского храма.

Примечания

1 Точная дата рождения схиигумена Антония неизвестна. В послужных списках монахов Глинской пустыни за 1899 г. и 1910 г. указан 1868 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 82; Там же, д. 2, л. 11); в списках за 1918 г. (Там же, д. 3, л. 5) и 1944 г., а также в наградных списках за 1946 г. указан 1870 г. в списках за 1945 г. (АУПЦ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 22 февраля 1945 г.) — 1861 г.

2 АСЕУ. Наградные списки монашествующих Глинской пустыни за 1946 г.

3 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 82.

4 Там же, д. 2, л. 11.

5 Там же.

6 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 13об.—14.

7 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 82; Там же, д. 2, л. 11; Там же, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 14.

8 Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна. Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. М., 1883. С. 180.

9 ЦГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 3.

10 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 5.

11 ЦГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2716.

12 Там же, д. 2654.

13 Там же, д. 2716.

14 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 6.

15 ЦГИА, ф. 796, оп. 204, д. 271, л. 1.

16 Там же.

17 Там же, л. 2

18 ГАСО, ф. Р3131, оп. 3, д. 132, л. 6.

19 АСЕУ. Наградные списки монашествующих Глинской пустыни за 1946 г.

20 АШР. Докладная записка секретаря исполкома Шалыгинского райсовета депутатов трудящихся о проверке проживающей в монастыре Глинская пустынь молодежи от 20 февраля 1951 г.

Литература

Церковные ведомости. 1913. №38. С. 471; 1915. № 17. С. 145.

Курские епархиальные ведомости. 1911. № 6. С. 60.

Курский адрес-календарь. Курск, 1909. С. 281.

То же. Курск, 1910. С. 324.

То же. Курск, 1911. С. 330.

То же. Курск, 1912. С. 319.

То же. Курск, 1913. С. 315.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 82.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. // Там же, д. 2, л. 11.

Сводный послужной список настоятеля, монахов и послушников Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни за 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 13 об.—14.

По ходатайству Курского преосвященного об увольнении схиархимандрита Иоанникия от должности настоятеля Глинской Рождество-Богородицкой пустыни // ЦГИА, ф. 796, оп. 194, д. 1164, л. 2—3, 7об.

Отчет о состоянии Омской епархии за 1914 г. // Там же, оп. 442, д. 2654.

Отчет о состоянии Омской епархии за 1915 г. Там же, д. 2716.

По представлению Омского преосвященного с ходатайством об освобождении игумена Аристоклия от должности настоятеля Покровского монастыря // Там же, оп. 204, отд. 1, ст. 5, д. 271, л. 1—2.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 5.

Книга учета служителей культа Глуховского окружного административного отдела // Там же, ф. Р3131, оп. 3, д. 132, л. 6.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1944 г. // Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 6.

Документы необработанных архивов: АСЕУ, АУПЦ, АШР.

ИЕРОСХИМОНАХ ИОВ (†1946)

Иеросхимонах Иов (в миру Иов Никитич Полхов) родился в семье крестьян Курской губернии в 1877 г.[1], образование получил в сельской начальной школе. В Глинскую пустынь Иов поступил в 1913 г. и проходил послушание при бакалейной лавке[2]. Отличаясь сердечной простотой и искренним смирением, он скоро приобрел любовь всей братии. Под руководством Глинских старцев он противоборствовал страстям и стремился к нравственной чистоте. Архимандрит Нектарий (Нуждин) писал, что Иов "качеств хороших и к послушаниям усерден"[3].

В июне 1918 г. он был пострижен в рясофор[4], а перед закрытием обители в 1922 г. — в мантию с оставлением имени Иов, затем рукоположен во иеродиакона. В 1926 г. о. Иов принял великую схиму также с оставлением прежнего имени[5]. Во время Великой Отечественной войны о. Иов жил в городе Белополье Глуховского района Сумской области. В 1943 г. он вернулся в Глинскую пустынь, где был рукоположен во иеромонаха, и в 1944 г. назначен благочинным обители. Отличительной чертой о. Иова была постоянная сосредоточенность в себе самом. Он искренне до самой кончины считал себя хуже всех и ниже всех, еще не положившим начала духовной жизни, и всегда просил у Господа даровать ему покаяние. Молитвенная собранность и внимательное самоиспытание настолько очистили его сердце, что он стяжал внутренний плач, сетование о своих грехах, а в храме почти все время проливал теплые слезы умиления.

Как истинный подвижник, старец всегда чувствовал потребность молитвы. Отец Иов "бегал людей", всей душой стремился к уединению, кроме исповеди ни в какие беседы старался не вступать, но братия и очень многие богомольцы искали у него духовного совета и утешения. Он пользовался большим духовным авторитетом. Сама внешность подвижника влекла к нему людей. В его строгом монашеском облике чувствовалась какая-то необычная простота и святость. В келлии у о. Иова не было ничего лишнего: только несколько икон, четки и самые необходимые книги. Старец имел дар прозрения. Его простые речи были полны духовной силы и священной веры в помощь Божию. Покаяние считал он основой всех видов христианского подвига, и его краткие поучения были горячим призывом к истинному покаянию. В 1945 г. он был награжден набедренником, а в 1946 г. — золотым наперсным крестом[6]. В этом же году после напутствия Святыми Таинами иеросхимонах Иов тихо и мирно почил о Господе.

Примечания

1 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 65.

2 Там же.
3 Там же.
4 Там же.
5 АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни, представленных к наградам в 1946 г.
6 Там же.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни за 1918 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 65.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1944 г. // Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 6.

Документы необработанных архивов: АСЕУ, АУПЦ.

АРХИМАНДРИТ АНТОНИЙ, ДУХОВНИК (†1951)

Архимандрит Антоний (в миру Андрей Петрович Прохода) родился 1 декабря 1875 г. в селе Суходол Улановской волости Глуховского уезда Черниговской губернии в крестьянской семье, образование получил в сельской школе[1]. Рано проявилось в нем звание Божие к иночеству, но, как писал сам подвижник "обстоятельствами принужденный оставаться при родителях"[2], лишь в 1898 г. он смог поступить в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Святой Афонской Горе. Здесь обрел он то, к чему стремилась его душа: строгий иноческий устав, продолжительные богослужения и руководство опытных старцев. Все внимание иноков обращалось на внутреннее делание, сокровенную жизнь во Христе.

С чувством глубокого самоукорения и постоянной памятью смерти, под руководством опытного духовника, занимаясь молитвой Иисусовой, возрастал подвижник в духовной жизни.

Прожив на Афоне семь лет, Андрей был назначен послушником на книжный склад Афонского подворья в Москве[3]. В мае 1906 г., по прошению, он был переведен в Донской монастырь[4], где проходил послушание пономаря в соборном храме[5]. 12 декабря 1908 г. Андрей был пострижен в рясофор, а 29 ноября 1909 г. — в мантию с именем Антоний[6]. Настоятель Донского монастыря архимандрит Иаков в докладе в Московскую Синодальную контору писал, что Антоний "ведет себя благонравно и трезво, к начальству относится с должным уважением и послушание, на него возложенное, исполняет с особым усердием и честностью"[7]. В 1910 г. о. Антоний был рукоположен во иеродиакона[8], а в 1920 — во иеромонаха[9]. С этого времени он особенно усилил молитву, которая указывала ему путь духовного восхождения. Отец Антоний постоянно ощущал суетность и кратковременность земной жизни; многими подвигами он стяжал особую духовную цельность, собранность, спасительную устремленность к вечной жизни. В 1923 г. он был награжден Святейшим Патриархом Тихоном наперсным крестом, а в 1928 г. митрополитом Сергием — саном архимандрита. В 1932 г. во время гонений на Церковь Христову, о. Антоний был выслан из Москвы и уехал на родину.

В 1943 г. он поступил в Глинскую пустынь, где своим подвижничеством и благочестием, духовной мудростью приобрел всеобщую любовь и почитание. В 1946 г., в возрасте более семидесяти лет, архимандрит Антоний был назначен духовником братии. Воспитанный строгими Афонскими старцами, он не только с чувством подлинного смирения познал самого себя, но и провидел душевное состояние тех, кто к нему обращался. На исповедь к нему приходили не только братия монастыря, но и многие миряне.

Отца Антония отличала исключительная трезвенность душевная, то есть непрестанное бодрствование над самим собой и неусыпная заботливость о своей пастве.

В своих наставлениях о. Антоний особенно поучал о необходимости молитвы в деле спасения. Он говорил, что при постоянном молитвенном подвиге человек входит в духовное общение с небесным миром, переносится туда своим умом и сердцем, так что небесная отчизна становится для него близкой и родной уже здесь, на земле. Душа искренне молящегося всегда чутко реагирует на малейшее отклонение от норм нравственной жизни, побуждает его зорко следить за чистотой собственной совести перед Богом и всеми людьми. Архимандрит Антоний не только других учил молиться, но и сам неустанно просил Бога о своих духовных чадах, искусно врачевал всякие язвы душевные и успешно руководил вверившиеся ему души к духовному преуспеянию.

В 1948 г. по старости он был освобожден от должности братского духовника, но продолжал принимать на исповедь богомольцев и тем более не отказывал братии в духовной поддержке.

В 1951 г. в Великий пост архимандрит Антоний принял постриг в великий ангельский образ с именем Афанасий. На второй день Пасхи, когда он совершал литургию, ему стало плохо. Старца отвели в келлию, где он в тот же день мирно скончался. Похоронен схиархимандрит Афанасий на братском кладбище Глинской пустыни.

Примечания

1 ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 172, л. 3.
2 Там же, л. 2.
3 Там же.
4 Там же, д. 88, л. 2 об.
5 Там же, д. 172, л. 1.
6 Там же, л. 4.
7 Там же, л. 1.
8 Там же, д. 88, л. 6.
9 АСЕУ. Послужной список архимандрита Антония (Проходы). Далее сведения о жизни архимандрита Антония приводятся в соответствии с этим документом.

Архивные документы

О пострижении в монашество указного послушника Донского монастыря Андрея Проходы // ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, д. 172.

О возведении монаха Донского монастыря Антония в сан иеродиакона // Там же, д. 88.

Послужные списки монашествующих Донского монастыря за 1910 г. // Там же, ф. 1629, оп. 1, д. 56, л. 52.

Дело с послужными списками монашествующих лиц по ведомству Конторы Святейшего Синода // Там же, ф. 1183, оп. 1, д. 6, л. 125 об.—126 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1944 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 6.

Документы необработанных архивов: АСЕУ, АУПЦ.

ИЕРОСХИМОНАХ НИКОДИМ (†1953)

Отец Никодим (в миру Иван Митрофанович Калиуш) родился в январе 1873 г. в городе Конотопе Черниговской губернии в семье мещан. Образование он получил в местном городском училище, которое окончил в 1887 г.[1].

От юности ум его был обращен к Богу, и в 1892 г. он поступил в Глинскую пустынь[2], где после общих послушаний был определен на клирос[3]. Внимательно следя за богослужением, он стал знатоком древних церковных песнопений, которые только и допускались в Глинской пустыни и в совершенстве изучил устав.

Внутренняя жизнь его всецело была сосредоточена в Боге. В Нем заключались все радости и утешения, смысл и цель жизни Ивана. Глубоко восприняв святоотеческое учение о страхе Божием, он постоянно просил Бога ниспослать ему этот дар, ибо только присутствие страха Божия в человеке свидетельствует о его духовности; имеющий в душе страх Божий силою Божией отвращается от всякого зла и направляет свою волю к деланию добра.

В июле 1900 г. его перевели из любимой им Глинской пустыни в Чуркинскую Николаевскую пустынь Астраханской епархии[4]. Безропотно принял это назначение молодой подвижник. Теперь, когда он лишился окормления опытных Глинских старцев, страх Божий стал главной движущей силой, направляющей всю его жизнь к достижению единственно необходимой для него цели и смысла земного бытия — стяжания благодати Божией и единения с Богом здесь, на земле, и на небе, в Царстве Божием. Страх Божий стал для Ивана "душевным светом", освещающим его жизненный путь, сокровищем его души, великим дарованием Божиим.

Видя его духовное преуспеяние, настоятель обители в мае 1901 г. постриг подвижника в рясофор, а в январе 1903 г. — в монашество с именем Николай[5]. В том же 1903 г. Георгием (Орловым), епископом Астраханским, Николай был рукоположен во иеродиакона, а в апреле 1906 г. — во иеромонаха[6]. Чистота жизни, строгость в сохранении монашеских обетов стяжали ему уважение всей братии, он поистине служил в Чуркинской обители примером в исполнении всех иноческих добродетелей. Но сердце о. Николая всегда стремилось в Глинскую пустынь, где он полагал начало своих подвигов и надеялся достичь высшего совершенства. 15 декабря 1907 г. по прошению он был возвращен в обитель[7].

Стремясь стяжать непрестанную умно-сердечную молитву, о. Николай не ограничивался общими иноческими обетами, но пожелал угождать Богу высшими подвигами благочестия и подал прошение о пострижении его в

схиму. Архиепископ Курский и Обоянский Питирим (Окнов), несмотря на молодость о. Николая, дал благословение, и 11 января 1908 г. настоятель обители схиархимандрит Иоанникий (Гомолко)[8] постриг его в схиму с именем Никодим.

Приняв великий ангельский образ, о. Никодим совершенно оставил внешние попечения и углубился в молитву. Богослужения он совершал с таким благоговением и страхом Божиим, что братия говорила: "Это ангел, а не человек". Сам настоятель схиархимандрит Иоанникий отмечал, что о. Никодим очень усерден к священнодействию[9]. Полученную при хиротонии благодать совершения Таинств и ношения священной одежды он хранил тщательно, помня, что эта благодатная способность относит священство к ряду небесных учреждений. Пастырь совершает Божественную литургию, бескровную жертву, во время которой снисходит та самая божественная благодать, которая сходила и на святых апостолов и которая может не только очистить проказы на теле, но и попалить все прегрешения человека, сделать грешника праведником, вознести человека в обители небесные. Молитвенно, серьезно и сосредоточенно готовился он всякий раз к очередному богослужению. Это пробуждало в нем сокровенные духовные силы, создавало навык "возогревания страха Божия" (1 Тим. 1, 6). Священнодействуя, о. Никодим поистине предстоял пред Богом. Ему открыт был мир духовный, и в храме он воочию ощущал славу и величие Божие. Его благоговейное отношение к богослужению выразилось в прекрасном, детальном знании и тончайшем исполнении устава.

В мае 1913 г. о. Никодим, как строгий ревнитель жизни иноческой, был переведен в Белгородский Троицкий монастырь для насаждения там духа истинного подвижничества[10]. В апреле 1914 г. архиепископом Курским и Обоянским Стефаном (Архангельским) он был награжден набедренником[11], через два года (по прошению) был возвращен в любимую им Глинскую пустынь[12], где до самого закрытия обители "проходил чредное священнослужение"[13]. В 1923 г. Святейший Патриарх Тихон наградил его золотым наперсным крестом[14].

После закрытия обители о. Никодим жил в Глухове, где совершал богослужения и требы на дому. В эти годы, по Промыслу Божию, он потерял зрение и вернулся в Глинскую пустынь в 1943 г. совершенно слепым, но, благодаря духовной силе и рассудительности, не скорбел, а без ропота и с покорностью благодарил Творца, считая слепоту средством к своему спасению. Строгий аскет, потрудившийся в монашеских подвигах более сорока лет, он был назначен уставщиком обители и, хотя был слепым, ревностно исполнял возложенное послушание. Вновь поступающей братии он передавал навыки совершения всего церковного чинопоследования. Усердие и благоговение его к богослужению были примером для всех в обители. Страх Божий и живое чувство Божия вездесущия были его отличительными чертами. Сама внешность о. Никодима ясно свидетельствовала о высоком благодатном устроении его души. Лицо его всегда было озарено светлой христианской радостью. Он жил в совершенном внутреннем спокойствии и тишине. Нельзя было не удивляться его постоянной духовной бодрости и даже веселости.

Всю свою жизнь старец усердно подвизался стяжать умно-сердечную молитву, и к этому времени она уже непрестанно действовала в его

сердце. Господь удостоил о. Никодима и дара прозорливости. Он чувствовал присутствие человека, всегда первый отдавал почтение низким поклоном. Послушников, которые жили с ним в одной келлии, поучал не принимать никого в келлии и без благословения ни от кого ничего не брать. За нарушение его слов всегда обличал, хотя и не мог этого видеть. Не принимая на себя ответственность духовного руководителя, он умел оказать другим духовную помощь молитвой, дружеским советом или просто намеком.

Опытно познав, как страх Божий очищает сердце от страстей, старец и молодых братий призывал стяжать эту чистительную добродетель. Он говорил, что страх Божий есть начало духовной мудрости, источник и основание спасения человека. Монах в течение всей своей жизни должен неотступно пребывать в страхе Божием. Только тогда душа сможет служить Богу с благоговением, ощущать в себе присутствие освящающего ее Духа Святого, так как страх Божий утверждает человека во всех христианских добродетелях, просвещает разум, ведет к благочестию, праведности, святости.

В 1953 г. о. Никодим мирно почил о Господе, до последней минуты сохраняя ясное сознание. Старческое лицо его после смерти было так благообразно, чисто и светло, что братия Глинской пустыни почитала о. Никодима святым.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Никодима (Калиуша).

2 Там же.

В послужных списках братии Глинской пустыни за 1899 г. сказано, что Иван Калиуш поступил в обитель в 1893 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 97). Благочестивое стремление к иночеству Ивана было столь пламенным, что оказало сильное влияние на его 17-летнего брата Михаила, который в 1894 г. также поступил в Глинскую пустынь (Там же, л. 100).

3 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 97.

4 Там же, д. 2, л. 19.

5 Там же.

6 Там же, д. 3, л. 8.

7 Там же.

8 Там же, д. 2, л. 19.

9 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 18.

10 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Никодима (Калиуша).

11 Там же.

12 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 8.

13 Там же.

14 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Никодима (Калиуша).

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 97.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. // Там же, д. 2, л. 19.

Сводный послужной список и ведомость о настоятеле, монашествующих и послушниках Путивльской Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни за 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 18.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 8.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1944 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 6.

Документы необработанных архивов: АСЕУ, АУПЦ.

Документы личного архива автора.

ИЕРОСХИМОНАХ ГАВРИИЛ (†1956)

(Память 18 сентября ст. ст. / 1 октября нов. ст.)

Святостью жизни был известен великий Глинский старец иеросхимонах Гавриил (в монашестве Гордий, в миру Григорий Андреевич Тюшин)[1]. Родился он 30 сентября 1873 г. в деревне Ново-Николаевка Путивльского уезда Курской губернии в крестьянской семье[2].

Рано проявилось его стремление к жизни уединенной и созерцательной. Еще в детстве умел он дома, в большой крестьянской семье сохранять внутреннее безмолвие. Его глубокая религиозная настроенность выразилась в твердом решении посвятить свою жизнь служению Богу в иноческом чине.

В 1913 г. Григорий поступил в Глинскую пустынь. По его словам, жизнь в обители напоминала тогда древние времена монашества. Здесь он получил первые уроки иноческого делания: терпения, строгости к себе и безусловного послушания. Именно эти черты, которые он сам называл азбукой монашеской жизни, отличали его впоследствии. С первых дней поступления в обитель Григорий был особенно ревностен к иноческим подвигам и внимателен к своим помыслам. Его благочестивая настроенность со временем переросла в состояние строгого духовного подвижничества: он искренне отвращался от всякого греха, неправедного слова и дела, вел постоянную борьбу с самыми тонкими движениями самолюбия и самоугодия.

В 1919 г. он был пострижен в монашество с именем Гордий[3]. В монашеском чине о. Гордий еще усерднее старался служить Господу, все усилия направлял к тому, чтобы с помощью Божией стяжать в своем сердце огнь божественной благодати, попаляющей всю греховную скверну. Во время богослужения он следил за собой, чтобы никогда не отвлекаться. Когда молился, старался мыслить только о Боге и о том, что устами произносил перед Ним. После закрытия Глинской пустыни о. Гордий жил на родине, но в 1942 г. одним из первых пришел помогать о. Нектарию в деле восстановления обители[4]. Исполняя должность эконома, он был очень осмотрителен в ведении хозяйства, как обязанный дать Богу отчет за монастырское имущество. Бережному отношению ко всему в монастыре учил он и молодых послушников.

В первые годы, когда у монахов не было обуви, он сам плел всем лапти, кроме того, из воска делал свечи для богослужений. Днем без отдыха трудился, а ночи проводил в молитве. Среди самых разнообразных трудов послушания он жил в обители, как в глубокой пустыне, стяжав полную сосредоточенность духа и непрестанно занимаясь Иисусовой молитвой. Еще в молодости получил он от Глинских старцев наставление: "Будь глухой, немой и слепой в духовном виде, и спасешься" и всегда старался его исполнять. Иногда он настолько углублялся в молитву и богомыслие, что не замечал ни времени, ни окружающих.

Своим преуспеянием в стяжании умно-сердечной молитвы и внутреннего безмолвия во многом он был обязан о. Серафиму (Амелину), келейником которого был в течение нескольких лет после открытия обители. Не только наставления, но и сам пример святой жизни о. Серафима, которую близко видел келейник, да и одно лишь пребывание в его намоленной, полной сердечных воздыханий келлии приводили душу в то "тихое безмолвное устроение, в котором почивает Бог"[5].

В мае 1946 г. о. Гордий был рукоположен во иеродиакона и в том же году — во иеромонаха[6]. Отец Гордий был предельно исполнителен и тщателен в обычных монастырских послушаниях, но, зная, что священство есть великая сила освящения ("водоем благодати", по выражению св. Иоанна Кронштадтского), к иерейскому служению он приступал с особой ревностью и страхом Божиим. Пламенное состояние его души передавалось окружающим. Велика была сила совершаемых им благоговейных священнодействий. Даже когда он читал полунощницу в храме, братия говорили, что их души охватывало неизъяснимое чувство умиления, и они возгорались ревностью к духовному деланию.

В 1951 г. о. Гордий был пострижен в святую схиму с именем Гавриил. Приняв схиму, он жил, как затворник; в келлии пребывал в непрестанной молитве, богомыслии, чтении Священного Писания, кроме храма, никуда не ходил. Храня глубокое смирение и детскую чистоту целомудрия, подвижник всемерно скрывал свой внутренний мир от других. Но лицо его всегда так было озарено отсветом молитвенного пламени, что братия не дерзали даже свободно смотреть на него. Делатель умной молитвы Иисусовой, он достиг в ней высокого преуспеяния.

Старец стремился ни с кем не беседовать, но если просили у него назидания, он всегда готов был поделиться богатством своего чистого, любвеобильного сердца и духовной опытности.

Обращавшихся к нему о. Гавриил учил Иисусовой молитве и учеников своих верно вел по пути этого спасительного иноческого делания. Поучения его были четкими и ясными, сразу западали в душу. Он говорил: "Как шурупчик, поставь его в дерево, крути-крути, он и ввернется; так и молитва — повторяй со смирением и страхом Божиим, она и будет прививаться. Бог будет помогать!" За этими бесхитростными, простыми словами стоит опыт многолетнего подвига и самоотверженного, напряженного труда.

Священноинокам, которых отправляли из Глинской пустыни служить на приход, о. Гавриил говорил, что только молитва делает пастыря способным к истинному общению с Богом, оживотворяет его душу и дает все новые и новые благодатные силы для нравственного преуспеяния. Всякий истинный пастырь, возносящийся в молитве душой в мир небесный, постоянно сознает себя окруженным обществом святых и бывает менее одинок в своем уединении.

Старец стяжал и великое дерзновение к Богу, и духовное просвещение ума, и дар прозрения. Благодать Божия преисполняла его сердце, все его существо, а от него изобильно изливалась на других и так умягчала души, что следовавшие его советам забывали всякое земное помышление. Все Глинские подвижники, сами славившиеся высокими добродетелями, глубоко почитали святого старца и были привязаны к нему искренним духом любви по Богу.

Ущедренный от Бога многоразличными дарованиями, созрел подвижник "в мужа совершенна" (Еф. 4, 13) и на восемьдесят четвертом году жизни, 1 октября 1956 г., Бог призвал его в вечность. Лицо старца, и при жизни благообразное, после кончины так видимо сияло благодатью Божией, что даже знавшая его святую жизнь братия обители не могла не удивляться.

Во время его кончины в монастыре было много бесноватых, и ни один из них не смог оставаться в храме при отпевании иеросхимонаха Гавриила. Все они убежали за монастырь, в лес, и кричали там разными голосами: "О, Гавриил! Как ты далеко ушел от нас!"

Братия Глинской пустыни почитала иеросхимонаха Гавриила великим угодником Божиим и по кончине его обращалась к нему, прося его святых молитв и помощи на пути ко спасению.

Примечания

1 АСЕУ. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия архимандриту Тавриону (Батозскому) от 21 августа 1957 г.

2 Там же. Послужной список иеромонаха Гордия (Тюшина).

3 АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 6 мая 1944 г.

4 Там же. Послужной список иеромонаха Гордия (Тюшина).

5 Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1883. С. 105.

6 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Гордия (Тюшина).

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1944 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12. д. 6.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // Там же, д. 34, л. 10.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

ИГУМЕН СЕРАФИМ (†1956)

(Память 6 октября ст. ст. / 19 октября нов. ст.)

Игумен Серафим (в миру Стефан Евтихиевич Кондратенко) родился 24 декабря 1872 г. в селе Верхняя Сыроватка Краснопольского уезда Сумской губернии в крестьянской семье[1]. В 1891 г. он поступил в Глинскую пустынь, где проходил общие послушания до 1894 г., затем был переведен в Куражский Преображенский монастырь Харьковской губернии. Здесь в 1903 г. он был пострижен в монашество, в 1905 г. рукоположен во иеродиакона и затем во иеромонаха. В 1912 г. о. Серафим был перемещен в Курский Знаменский монастырь, а в 1914 г. его назначили в действующую армию священником при 442-м Кашинском полку. За добросовестное исполнение священнических обязанностей в 1916 г. он был награжден наперсным крестом. В 1917 г. о. Серафим вернулся из армии и подвизался в Софрониевой пустыни Курской губернии до самого ее закрытия. С 1921 по 1929 г. он был священником в Пантелеимоновской церкви города Сумы, затем с 1929 по 1943 г. служил в разных храмах Сумской и Курской епархий, был псаломщиком при Николаевской церкви в Алупке, работал сторожем в разных организациях Сум. С 1943 по 1949 г. о. Серафим служил священником в селе Новая Слобода Сумской области.

Исполняя повеление Господа Своим преемникам: "*Шедше научите все народы*..." (Мф. 28, 19), то есть дайте духовным интересам человека преобладающее значение, он раскрывал перед людьми: кто они, зачем призваны в мир и каков смысл человеческого бытия. Отец Серафим воздействовал на паству истиной слова Божия и искренней молитвой. Он всегда помнил, что пастырское служение есть продолжение служения Самого Спасителя; что служитель алтаря, принимая от Пастыреначальника в Таинстве Священства священный сан, никогда не должен забывать Господа, давшего этот сан. Никогда и нигде его жизнь не должна стать, хотя бы в малейшей мере, поруганием святейшего Имени Иисусова! Она не только не может быть зазорной, но должна быть святой, чистой, ибо от пастыря Господь не порядочности только требует, а святости и совершенства. И о. Серафим всемерно старался устроять свою жизнь так, как устрояли ее его великие предшественники: по заповеди любви к Богу, к людям, к Церкви, ко всякому Божию созданию.

Помощь о. Серафима пасомым выражалась в примере его собственной жизни и в разъяснении самого духа учения Христа, при принятии которого всякое иго Христово будет благо, и бремя легко. В своих проповедях о. Серафим говорил, что Христос пришел к нам на землю с целью привести людей в Церковь Свою на земле, а через нее и в Царство Небесное. В Своей Личности, в Своей жизни и деятельности Христос воплотил тот высочайший идеал чистоты и святости, стремиться к которому есть главнейшая и единственная цель жизни каждого

христианина. Выступая со Своей проповедью, Иисус Христос требовал от людей пламенной веры, жертвенной любви, полного переворота во всем строе внутренней личной жизни. Все личное в жизни человека должно перестраиваться на общественное, греховное — на чистое, святое; земное — на небесное, старое — на новое.

С особым благоговением совершал о. Серафим богослужения. Он всегда сознавал, что деятельность пастыря в качестве совершителя богослужения является наиболее специальной, таинственной и ответственной частью его служения. Поучать и руководить другими может и мирянин, но священнодействовать может только пастырь, который получил для этого благодать при хиротонии. Совершение общественного богослужения — служебный долг пастыря, дающий ему возможность вводить своих пасомых в атмосферу религиозной жизни, низводить на них благодать Божию, как бы реально соединять их с небом.

В священнодействии пастырь предстоит перед Богом. Он призван постоянно предстоять, ходить перед Богом и жить в Боге. Наиболее полное выражение это предстояние находит в молитве пастыря за богослужением. Отец Серафим говорил, что молиться "о всех и за вся" пастырь может силой укрепляющего его Иисуса Христа (Флп. 4, 13). И лишь при условии этой молитвы за всех возможна духовная связь его со всеми молящимися и объединение всего храма в единое духовное тело. Отец Серафим как истинный пастырь стремился постоянно подражать Христу в молитве за пасомых, в нелицемерной любви к пастве, в научении истинам веры своих пасомых. Это подражание следует понимать как внутреннее приобщение к жизни Пастыреначальника для благодатного питания, духовного возрастания и возрождения. "*Аз есмь Лоза, вы же рождие и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит и плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже*" (Ин. 15, 5).

В 1946 г. Святейшим Патриархом Алексием о. Серафим был награжден саном игумена, в 1949 г. ушел за штат и в 1951 г. поступил в Глинскую пустынь[2], где пользовался уважением братии как опытный в духовной жизни, "тихий, кроткий и уступчивый"[3] старец.

У него всегда было много исповедующихся. За долгие годы монашеской жизни и пастырского служения он изучил малейшие движения души, познал все оттенки борьбы, которую враг ведет с человеком, и приобрел духовную рассудительность, руководствуясь которой никогда не поступал опрометчиво. Он не спешил с наставлениями, которые время и терпение могут сделать более плодотворными, а выбирал для них благоприятные минуты, сам подготавливал эти минуты, но никогда не предварял их. Слово свое он направлял по обстоятельствам, приспосабливая к различным характерам, соизмеряя с последствиями, которых желал. Такая рассудительность увеличивала силу его пастырской деятельности.

До последних дней своей жизни о. Серафим трудился в святой обители. Скончался он 19 октября 1956 г.[4].

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список игумена Серафима (Кондратенко). Данные биографии о. Серафима изложены в соответствии с этим списком.

2 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области на 1 мая 1953 г.

[3] Там же. Послужной список игумена Серафима (Кондратенко).

[4] Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района на 1 января 1956 г.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2.

Документы АУПЦ, АСЕУ, личного архива автора.

ИНОК САМУИЛ (†1957)
(Память 28 мая ст. ст. / 10 июня нов. ст.)

Рясофорный монах Глинской пустыни Самуил Иванович Конобаев родился 20 августа 1884 г. в семье мещан города Глухова[1]. Окончив три класса начальной школы, с 16 лет он начал работать в Глуховской типографии сначала переплетчиком, затем наборщиком. В те годы Самуил часто ездил в Глинскую пустынь на поклонение Чудотворной иконе Рождества Пресвятой Богородицы. Под руководством мудрых Глинских старцев он знакомился с наукой о духовном делании. Самуил часто стал уединяться для молитвы и просил Господа управить его жизненный путь. Пламенная молитва укрепляла в душе молодого человека чувство глубокой любви к Богу. Реальное ощущение близости Бога все более овладевало его сердцем.

Видя стремление Самуила к строгой духовной жизни, в 1909 г. старцы благословили его поступить в Глинскую пустынь[2].

Почти сразу он был определен на послушание при живописной мастерской, одновременно как хорошему мастеру ему давали послушание и при переплетной[3]. Но главный его труд был внутренний — над очищением сердца от страстей. Это были годы духовного возрастания, постижения основ монашеского делания.

Старцы учили его, что путь к вечной жизни состоит в чистоте как телесной, так и душевной. И самым важным условием этой чистоты должно быть господство духа над плотью, который бы стоял на страже сердца, подобно воину на своем посту, и все возникающие в душе скверные пожелания уничтожал бы призыванием всесильной помощи Божией. Чтобы достигнуть свободы от страстей, каждому христианину необходимо воздержание, борьба с телом, так как всякий излишек моментально отражается на внутреннем состоянии духовного человека, стремящегося всегда быть молитвенным, легким, удобоподвижным к добру, свободным от темных двоящихся и давящих мыслей.

Исполняя наставления старцев, Самуил до конца своих дней непрестанно боролся с самим собой, со своей греховностью и невидимым бесплотным врагом, пользующимся малейшей оплошностью или невнимательностью человека, тем более инока.

"Без труда и самопринуждения, — писал святитель Феофан (Говоров), — ни в чем не успеем..."[4]. "Есть ревность — все дела идут стройно, всякий труд не в труд: не станет ее — не станет ни сил, ни труда, ни порядка; все приходит в расстройство"[5]. Выработав в себе столь необходимую в деле христианского спасения ревность к богоугодной жизни, Самуил стал строгим подвижником, аскетом, ибо, по мысли св. Феофана, "истинная ревность безжалостна к себе"[6].

В сентябре 1915 г. Самуил был пострижен в рясофор. В 1918 г. он проходил послушание при Могилевском Братском монастыре, затем был возвращен в Глинскую пустынь[7].

После закрытия обители он жил в Глухове, работал сторожем. В начале 1943 г. вернулся в Глинскую пустынь. В период восстановления обители он проходил самые разные послушания, а с 1952 г. — послушание переплетчика[8].Самуил отличался как очень строгой жизнью, так и необыкновенным простосердечием и смиренномудрием. Побранят его старцы, которые, проверяя терпение монахов, часто их укоряли, а он улыбается и кротостью своей обезоруживает всех. Никогда не вступал в споры. Непрерывная умно-сердечная молитва и ревностное исполнение заповедей Божиих переродили его душу и уподобили ее незлобивым и смиренным младенцам, младенцам о Христе. Он ежедневно посещал храм и во время богослужений, когда по уставу можно было сидеть, подобно младенцу, садился на пол, поджав под себя ноги. Считая себя недостойным, Самуил не принял даже пострига в мантию. Но братия искренне уважала и любила его за чудную простоту и девственную чистоту, которую он сохранил с детских лет. Целомудрие есть здравость ума, непотемненного страстями, всеми вообще, но в особенности страстью плотской, которая сильнее всех помрачает ум, больше всех увлекая сердце. Самуил, всем сердцем преданный Богу, считал, что на нас лежит непременная обязанность очистить самую душу от скверных помыслов, мечтаний и ощущений. И его жизнь была подтверждением того, что целомудрие означает чистоту сердца от нечистых помыслов, пожеланий и привязанностей. Спокойствие, Евангельское младенчество и христианская радость никогда не оставляли старца. Чувствуя приближение смерти, подвижник стал еще более внимательно относиться к самому себе, готовясь к той минуте, когда должен будет предстать перед Судией и Господом. В конце своей жизни он предался совершенному безмолвию и самоуглублению. Блаженная кончина его последовала 10 июня 1957 г.[9].

Примечания

1 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 107 об.

2 Там же.

3 Там же.

4 Феофан, епископ. Письма о христианской жизни. М.,1891. С. 3.

5 Феофан, епископ. Напоминание всечестным инокам о том, что требует от них иночество. М.,1892 С. 5.

6 Феофан, епископ. Письма о христианской жизни. С. 3

7 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 62.

8 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни на 12 марта 1952 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10об.; Там же, д. 37, л. 2об.)

9 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни на 1 января 1957 г.

Архивные документы

Сводный послужной список и ведомость о настоятеле, монашествующих и послушниках Путивльской Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни за 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 107 об.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 62.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 100 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2 об.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

ИЕРОСХИМОНАХ ИОАНН (†1957)

(Память 29 сентября ст. ст. / 11 октября нов. ст.)

Иеросхимонах Иоанн (в миру Захарий Максимович Примаков, в монашестве Зосима) принадлежал к тем редким людям, которые с детства и до конца дней хранят незлобивую простоту, искренность нрава и бесхитростность. Родился он 5 сентября 1878 г. в селе Форостовичи Черниговской губернии в простой крестьянской семье[1].

В 1910 г., стремясь к богоугодной жизни, он поступил в Рыхловский Николаевский монастырь, где уже через два года был пострижен в монашество с именем Зосима, в 1915 г. рукоположен во иеродиакона, а в 1918 г. — во иеромонаха. После закрытия обители с 1923 г. он служил на приходах Курской епархии. В 1937 г. о. Зосиму арестовали и, как священнослужителя, осудили на пять лет тюремного заключения. После окончания срока он жил в деревне Починка Черниговской области, работал в колхозе сторожем и пас телят. С 1944 г. о. Зосима служил священником в Черниговской области, а в 1947 г. был принят в Глинскую пустынь. Для него было большой радостью после стольких лет жизни вне ограды монастыря опять поступить в обитель, тем более, что строгий устав Глинской пустыни как нельзя более соответствовал самоуглубленному настрою его души. В обители он смиренно проходил послушание коровника на скотном дворе, получая от этого послушания большую пользу, поскольку вдали от общих монастырских послушаний в молчании занимался Иисусовой молитвой.

В 1949 г. он был награжден набедренником, а в январе 1953 г. назначен священником в деревню Новая Слобода Путивльского района. Это был пастырь духовный. Спасение душ пасомых, укрепление их в вере, споспешествование их нравственному совершенствованию согласно требованиям Евангельского закона и приготовление их к будущей блаженной жизни в единении с Богом — вот цель, к которой была направлена его пастырская деятельность. Как строгий подвижник, духовно он был выше своей паствы и все силы своей души устремлял на то, чтобы и пасомых возводить к небу. При этом он употреблял только духовное влияние на паству, которого достиг посредством молитвы и внутреннего подвига. Имея перед своим духовным взором высочайший образец Христа Спасителя, о. Зосима, будучи истинным пастырем, стремился подражать Его жизни и исполнять те Божественные законы, которые Он и предписывал как необходимые нормы для достижения жизни вечной. О. Зосима учил людей словом, делом и даже своим молчанием. Его искренняя забота о прихожанах, молитвенное предстательство о них перед Господом, сама чистота его боголюбивой души привлекали к нему сердца людей. В 1954 г. Святейший Патриарх Алексий наградил его наперсным крестом.

В сентябре 1954 г. о. Зосима был возвращен в Глинскую пустынь, однако уже через полгода был назначен на другой приход, в село Гремячин Ямпольского района. Вот как пишет об этом периоде его пастырства благочинный Глуховского района: "Иеромонах Зосима — монах по призванию, но не замкнутый, а общительный. В обращении с людьми ласковый и простой... Влияние его на верующих очень благотворно. За богослужением он говорит проповеди краткие, но внушительные. Пользуется любовью и уважением не только прихожан, но и верующих из дальних мест, посещающих его ради духовного назидания и совета"[2].

В своих проповедях о. Зосима часто напоминал учение святых отцов о том, что Святое Евангелие есть основа духовной жизни христианина. Им необходимо проверять правильность своей духовной жизни, своего шествия по лестнице духовного совершенства. Деятельное изучение Евангелия откроет человеку постепенно его греховность и то, каким должен быть обновленный человек. Воспринимая из Евангелия образ мыслей и действий, каждый христианин перерождается из человека плотского в духовного, "созданного по Богу" (Еф. 4, 24), ибо святое Евангелие — учение любви, правды и свободы.

Отец Зосима воспитал в себе глубокое и живое чувство божественной правды и основывающейся на ней высшей человеческой справедливости. Путем целожизненного подвига в нравственном совершенствовании он освободил свою душу от всех несовместимых с этим чувством взглядов.

Когда старец стал чувствовать, что силы его угасают, он неоднократно обращался к епархиальному начальству с прошением о возвращении его в обитель. Наконец, в декабре 1956 г. он переехал в Глинскую пустынь, где вел высокодуховный образ жизни и постоянно готовился к смерти. Много лет в келлии его для напоминания о смерти был только гроб, в котором он и спал. В келлии о. Зосима жил один. По ночам он занимался Иисусовой молитвой, не вмешивался ни в какие монастырские дела, но обращался со всеми с искренней любовью, особенно поддерживал молодых иноков, старался привить им любовь к молитве.

Он говорил, что молитва — это путь к Богу. Молитва носит в себе духовную силу, которая разрушает все козни врага. Особенно она необходима пастырям. Обращаясь умом и сердцем к Богу, истинный пастырь всегда питает в себе дух молитвы: каждое благоговейное слово обращения к Богу есть молитва или прошение, или благодарение, или славословие. Имея всегда в мыслях Бога, он не может не молиться.

По великой ревности к богоугодной жизни, о. Зосима особенно жаждал схимы и долго просил ее, но сподобился принять ее лишь во время предсмертной болезни. Схиигумен Андроник (Лукаш) постриг его в схиму келейно накануне празднования преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова и нарек ему имя Иоанн. Уведомление об этом было послано епархиальному архиерею уже после пострига. Через два дня после принятия схимы, 11 октября 1957 г. старец почил о Господе[3].

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Зосимы (Примакова). Далее сведения о жизни о. Зосимы приводятся в соответствии с этим списком.

[2] АСЕУ. Послужной список иеромонаха Зосимы (Примакова).

[3] АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района на 1 января 1957 г.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 2, 3 об.

Документы: АСЕУ, АУПЦ.

ИЕРОСХИМОНАХ ИЛАРИОН (†1957)
(Память 1 декабря ст. ст. / 14 декабря нов. ст.)

Иеросхимонах Иларион (в монашестве Игнатий, в миру Ипатий Филиппович Щастный) родился 25 марта 1867 г. в селе Полошки Глуховского уезда Черниговской губернии в семье украинского казака[1].

В 1888 г. Ипатий поступил в Глинскую пустынь, где возрастал в духовной жизни под руководством строгих старцев обители. В 1893 г. он был переведен в Троице-Сергиеву Лавру, а в 1897 г. — в Высоцкий Серпуховской монастырь[2]. Здесь в 1907 г. он был пострижен в монашество с именем Игнатий и рукоположен во иеродиакона[3]. После закрытия Высоцкого монастыря в 1923 г. иеродиакон Игнатий перешел в Батуринский монастырь Черниговской губернии, а в 1928 г. вернулся на родину, жил у родных и "работал по найму"[4].

В 1943 г. о. Игнатий вернулся в Глинскую пустынь. В 1944 г. епископом Сумским и Ахтырским Корнилием он был рукоположен во иеромонаха[5] и стал совершать чредное богослужение в обители. Поскольку это было его основное послушание, то служил он часто. Обуви тогда в монастыре не было, служить ему приходилось в лаптях, и зимой о. Игнатий сильно простудил ноги. Но он безропотно продолжал нести возложенное послушание, несмотря на болезнь. Самоотверженно преодолевая свои немощи, подвижник возрастал в терпении и полной преданности воле Божией. Христианское терпение давало ему силу сохранить внутренний мир в самых тяжелых обстоятельствах жизни. Он не скорбел в болезнях, но считал их необходимым средством воспитания души. Отец Игнатий сознавал, что скорби и искушения определяют внутреннее достоинство благочестивой настроенности христианина и меру его духовного совершенства. Добрые дела, сделанные в часы благополучия и безмятежной жизни, равно как и хорошее расположение и благие чувства, не составляют еще истинной добродетели. Истинная добродетель обнаруживается в чистом и свободном возвышении духа над плотью, в твердой решимости воли, направленной к одному доброму и святому, и, наконец, в постоянном согласии мыслей и действий с законами нравственными, законами Божественными. Но такой чистоты, такого достоинства и постоянства добродетели невозможно достигнуть без борьбы с искушениями, то есть добрые дела и добрая расположенность только тогда могут стать неотъемлемой стороной души христианина, когда они пройдут через горнило испытаний. Добрые дела только тогда богоугодны и становятся неотъемлемой принадлежностью души, когда они совершаются в трудные минуты испытаний.

Если болезнь особенно усиливалась, о. Игнатий понуждал себя вспоминать праведников, много претерпевших; понуждал себя думать, что он терпит мало, ничтожно по сравнению с другими и по сравнению со

своими грехами. Так он удерживал душу от расслабления, от падения в ропот и отчаяние и направлял ее на истинный путь добродетелей.

Отец Игнатий находил утешение, подкрепление и умиротворение духа в молитвенном обращении к Богу. Господь так утешительно воздействует на дух молящегося, что последний часто вместо скорби испытывает чувство благодарности, преданности Ему и радости.

В 1951 г. он принял постриг в великий ангельский образ с именем Иларион[6]. После принятия схимы он проводил жизнь, чуждую всякой рассеянности, в непрестанной молитве и богомыслии.

В 1955 г. по старости и немощи о. Иларион был освобожден от послушаний. Он так был болен, что и лежать было ему тяжело, но ежедневно о. Илларион понуждал себя, с трудом переступая, ходить в храм ко всем богослужениям и выстаивал все службы с начала до конца, несмотря на то, что ноги его были покрыты ранами и язвами. Автор этих строк, исполняя в течение нескольких лет послушание заведующего аптекой, врачевал и перевязывал его раны и видел, как из них даже черви выпрыгивали, но старец, крепкий терпением, так весь был устремлен в мир духовный, что не обращал на это внимания, болезнь телесная не ощущалась им. Терпеливое, смиренное, спокойное перенесение испытаний приводит к тому, что они в кратчайшее время теряют свою остроту и перестают беспокоить душу, в то время как ропот не только отодвигает время успокоения, но и вызывает еще большее возмущение в душе, и через то испытания еще более увеличиваются. До конца дней иеросхимонах Иларион за все благодарил Бога и безропотно нес свой крест. 14 декабря 1957 г. на девяносто первом году жизни[7] с молитвой на устах он предал дух свой Богу.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Игнатия (Щастного).

2 Там же.

3 Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района на 1 января 1956 г. В списке монахов Глинской пустыни на 6 мая 1944 г. указано, что Игнатий (Щастный) пострижен в монашество в 1904 г. (АУПЦ).

4 Там же. Послужной список иеромонаха Игнатия (Щастного).

5 В послужном списке иеромонаха Игнатия (Щастного) сказано, что он рукоположен во иеромонаха в 1943 г. (АСЕУ), но в списках монахов Глинской пустыни на 6 мая 1944 г. (АУПЦ) и 6 апреля 1944 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 6) он значится еще иеродиаконом и лишь в списке на 22 февраля 1945 г. иеромонахом (АУПЦ).

6 АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 12 марта 1952 г.

7 Там же. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района на 1 января 1957 г.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1944 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 6.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // Там же, д. 34.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

СХИМОНАХ СИМОН (†1958)

(Память 26 декабря ст. ст. / 8 января нов. ст.)

Схимонах Симон (в миру Сергей Григорьевич Хондошко) родился 2 сентября 1877 г. в селе Ляличи Суражского уезда Черниговской губернии[1]. В 1899 г. он поступил в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. В этой обители, основанной на Кавказе монахами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря Святой Афонской Горы, в то время подвизались и мудрые в духовной жизни Афонские старцы — последователи учения старца Паисия Величковского, советами которых руководствовался молодой подвижник. Особенно он почитал настоятелей обители старца архимандрита Иерона, управлявшего монастырем до 1912 г. и его преемника — игумена Илариона. В 1913 г. Сергий был пострижен в монашество с именем Симон. Стремясь обновить и очистить свои помышления, он постоянно во всем осуждал самого себя. Память смертная и страх будущего суда, как огонь, поядали нечистоту его сердца и подготавливали к принятию благодатных даров.

В 1925 г. обитель была закрыта, но к этому времени, проведя более четверти века в монастыре, о. Симон был уже опытным подвижником, имевшим духовную целеустремленность и собранность.

Покаяние стало его постоянной душевной настроенностью, так что все скорби он воспринимал как средство для очищения сердца от всего греховного. Такое расположение души помогло ему не только мужественно перенести все уготованные испытания, но и получить от них духовную пользу.

После закрытия монастыря о. Симон вместе с другими ново-афонскими иноками перешел в пустынь в горах недалеко от села Цебельда Сухумского района, где подвизался пять лет[2] и был пострижен в схиму с именем Симон.

В 1930 г. пустынь была разорена, а сами пустынники арестованы. Отца Симона осудили на "принудительные работы в лагерь на Урале"[3]. В 1935 г. он вернулся из заключения и поселился в селе Енисели[4]. Почти двадцать лет провел о. Симон в этом грузинском селе. Душа его, очищенная искренним покаянием и скорбями, все более и более просвещалась благодатью Божией. С плачем о грехах вымолил он у Господа дар истинного ведения: он ясно видел, что есть добро и что есть зло, как надо поступать в том или ином случае. Ему было дано провидеть последствия человеческих действий и поступков.

Отец Симон хотел окончить жизнь в монастыре. Летом 1954 г. он поехал в Глинскую пустынь, где с любовью был принят о. Серафимом (Амелиным) в число братства[5].

Здесь он пользовался уважением старцев, духовно прозревших высоту его монашеского подвига и богомольцев, посещавших обитель.

В Глинской пустыни дар духовного рассуждения о. Симона — плод понесенных им искушений и духовной борьбы — раскрылся во всей полноте в служении ближним. У тех, кто следовал его советам, жизнь устраивалась, а сами они достигали духовного совершенства. Случаев его благодатной прозорливости было множество. Говорили, например, в обители богомольцы о своем горе: "Кто бы нам посоветовал, растолковал, как быть?" А о. Симон сразу подходил и спрашивал: "Вы меня звали?" Они в недоумении отвечали: "Нет, батюшка, никто не звал". А он опять спрашивал: "Вы меня звали?" И тут же давал ответы на мучившие их вопросы и советовал, как поступить. Только потом они вспоминали, что перед этим говорили: "Кто бы нам растолковал?" Впоследствии богомольцы, уже по опыту зная силу его наставлений и молитв, сами подходили к нему за советом, так что он все время был окружен людьми. Отец Симон много предсказывал, и предсказания его всегда сбывались.

Иногда молодые иноки спрашивали его, как может человек прозревать помыслы ближних, предсказывать будущее. Он отвечал, что, как стекло по мере очищения становится прозрачным и более способным пропускать через себя поток света, так и душа, обратившаяся от грехов к Богу, чем более очищается от грехов, тем более просвещается благодатью, и тогда как бы завеса некая спадает с ее душевного ока, и она получает способность ясно видеть то, что прежде от нее было скрыто и чего не видит занятый суетой земной жизни мир.

На основании святых отцов и подвижников, а также и своего личного опыта, он говорил, что смирение — основное религиозное чувство, без которого нельзя познать истины, ибо смирение — это способность видеть истину. Смирение открывает нам глаза, и мы можем видеть даже и малые наши прегрешения. Путь к достижению смирения — почаще открывать свои немощи на исповеди, а также приучать себя к самоукорению.

Когда старцу исполнилось 80 лет, он почувствовал приближение кончины и в последние месяцы своей жизни, несмотря на слабость телесных сил, всемерно старался утешить, поддержать, наставить и даже обласкать приходивших к нему за советом. Он не только не уединялся, а наоборот, стремился всего себя отдать на служение людям. На второй день Рождества, 8 января 1958 г. о. Симон с молитвой на устах предал свой дух в руки Божии[6].

Примечания

1 АУПЦ. Анкета служителя культа Хондошко С.Г.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же.

6 АСЕУ. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) в Сумское епархиальное управление от 8 января 1958 г.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 2, 3 об.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

АРХИМАНДРИТ ФЕОГЕН, НАСТОЯТЕЛЬ (1958—1960)

Архимандрит Феоген (в миру Фома Семенович Таран) родился 21 марта 1883 г. в селе Головщина Гайвороновского уезда Курской губернии, в семье крестьянина[1]. В 1895 г. Фома окончил трехклассную сельскую школу[2], а в 1902 г. поступил в Глинскую пустынь[3]. После общих послушаний он был назначен на послушание при живописной мастерской[4], где почти двадцать лет трудился под непосредственным руководством о. Серафима (Амелина), постигая не только искусство живописи, но, главное, искусство монашеской жизни.

В рясофор Фома был пострижен 24 сентября 1908 г.[5], а 29 июня 1918 г. — в монашество[6] с именем Феоген.

Смиряя себя во всем, постепенно приобрел инок сокрушение сердца. Настоятель архимандрит Иоанникий (Гомолко) писал, что он "качеств хороших и усерден"[7]. В 1919 г.[8] епископ Тамбовский Павел (Поспелов) рукоположил его в сан иеродиакона.

После закрытия Глинской пустыни иеродиакон Феоген служил в Покровской церкви села Белокопытово Глуховского района, с 1932 по 1936 г. — в Рождество-Богородичной церкви Глухова, а затем до 1938 г. — в Воздвиженской церкви Севска.

После закрытия этого храма до 1941 г. он "работал по найму в Глухове у частных лиц"[9].

Когда в 1941 г. открылась Ильинская церковь села Ковенки Шалыгинского района, отец Серафим (Амелин) начал служить там священником, а о. Феоген был иеродиаконом. В 1942 г. о. Феоген одним из первых вернулся в Глинскую пустынь[10] и трудился над восстановлением обители. В 1944 г. епископом Сумским и Ахтырским Корнилием о. Феоген был рукоположен во иеромонаха и в том же году награжден набедренником[11]. С 1944 по 1950 г. о. Феоген исполнял должность казначея[12] и был надежным помощником настоятеля в деле управления монастырем.

В те годы в епархии не хватало священников на приходах, и 27 марта 1950 г. иеромонах Феоген был назначен настоятелем Ильинской церкви села Ковенки[13], в 1952 г. он был награжден наперсным крестом, а затем возвращен в Глинскую пустынь для исполнения той же должности казначея. Однако уже в марте 1953 г. о. Феогена опять направили на приход. Теперь уже настоятелем церкви села Хмелово Смелковского района Сумской области. Здесь он ревностно подвизался в пастырском служении и в 1955 г. — "за усердие и примерные труды на пользу Церкви Божией"[14] был возведен Святейшим Патриархом Алексием в сан игумена.

Настоятель Глинской пустыни архимандрит Феоген (Таран). 1959 г. Личный архив автора

Однако обитель нуждалась в нем, и сам о. Феоген всем сердцем стремился в Глинскую пустынь, где прошла большая часть его подвижнической жизни. Благочинный Глуховского района писал о нем: "О. Феоген любит свой монастырь и много в нем потрудился, умереть желает в монастыре"[15]. Еще летом 1957 г. архимандрит Таврион и старцы обители просили епископа Евстратия вернуть о. Феогена в обитель. Поводом к этому послужило прошение схиигумена Андроника (Лукаша) об освобождении его по болезни от обязанностей благочинного монастыря. Своим преемником он хотел бы видеть о. Феогена, и все старцы обители поддерживали его в этом[16]. Но епископ Евстратий ответил, что не может оставить благоустроенный трудами о. Феогена приход без священника. В июне 1958 г. уже архимандрит Серафим (Амелин) возобновил прошение[17], и 27 июля игумен Феоген вернулся в Глинскую пустынь, где стал благочинным обители[18].

Почти с первых дней иноческой жизни о. Феоген делал все только по совету о. Серафима, чтил его как мудрого старца, ни на йоту не отступал от его воли и питал к отцу настоятелю самую преданную, искреннюю и самоотверженную любовь. Каждое слово отца архимандрита воспринималось им как повеление свыше. Все силы прикладывал он, чтобы исполнить слово старца, от которого получил и первые уроки монашеской жизни, и глубокие наставления о пастырском служении. Вместе с о. Серафимом претерпел он тяжелые годы после закрытия Глинской пустыни и был его ближайшим помощником при восстановлении обители[19].

Когда о. Феогена из Глинской пустыни посылали служить на приход, он не обращал внимания ни на похвалы, ни на осуждение, но строго держался установленных старцем правил внутренней и внешней жизни. Он всегда помнил и старался исполнять наставление о пастырском самоусовершенствовании, данное ему при переводе на приход. Пастырское самоусовершенствование — неотложное, необходимое дело служения у Престола Божия. Идущий этим путем пастырь никогда не окажется в положении "наемника" (Ин. 10, 12), нерадящего о своих овцах; не станет он и бескачественной солью, потерявшей свою силу (Мф. 5, 13). Но он будет благодатным светом для мира, любящим отцом для своей паствы, будет добрым пастырем, способным всюду сеять радость, мир и семена доброй жизни; он найдет в себе силы показать и высший подвиг самоотвержения — положить душу свою за других и тем до конца выполнит свой долг перед Богом, людьми и своей совестью.

Крайне смиренный, о. Феоген всем сердцем внимал не только наставлениям, но самому образу жизни отца настоятеля, стремился впитать в себя и воспринять добродетели, которыми так богат был о. Серафим.

Особенно старался о. Феоген настраивать душу, чтобы она была кроткая, смиренная, простая и незлобивая, ибо только в таких душах обитает благодать Святого Духа. По молитвам своего старца, о. Феоген отличался всегда "примерной монашеской жизнью"[20] и стал поистине духовной личностью.

3 ноября 1958 г., по желанию братии, он был назначен временно исполняющим обязанности настоятеля Глинской пустыни, а 21 февраля 1959 г. утвержден в этой должности[21].

Отец Феоген оправдал доверие иноков, настоятельствовал усердно, всегда был на высоте положения. Новый настоятель старался во всем сохранить порядок, установленный схиархимандритом Серафимом и, следуя его заветам, объединял братию в духовный союз. В послужном списке о. Феогена сказано, что он "старается сохранить и поддерживать мирный и спокойный общежительный порядок среди монашеской братии, показывая собою пример исполнителя своего долга перед Христовой Церковью и перед святой обителью"[22].

Отец Феоген очень заботился об иноках, плакал, когда сам совершал постриг в монашество. Молитвенность его и духовную поддержку братия всегда чувствовала. Благочинный писал о нем: "Архимандрит Феоген к своим обязанностям относится похвально. В обращении с братией весьма тактичен, всеми насельниками обители уважаем и пользуется высоким авторитетом среди них"[23]. Всех покрывал он любовью, всех упрашивал, чтоб не было ропота, недовольства, чтоб послушания несли с ревностью. Сам крайне смиренный, он и иноков особенно приучал к смирению.

Автор этих строк получил от него наставление, которое запомнил на всю жизнь. Перед вечерним богослужением братия пошли на спевку. Автор, как певчий правого хора, тоже должен был идти, но не пошел. Настоятель мягко его спросил, почему он остался.

— Да там лишние разговоры.

— Это не твое дело, ты отвечать за это не будешь. Знай свое дело — следи за собой и исполняй послушание.

Эта кротость настоятеля перерождала человека и побуждала его обращать внимание на себя, а не на недостатки других.

Обитель при о. Феогене духовно возрастала. Во время его настоятельства Глинская пустынь по-прежнему оставалась великим духовным центром, откуда истинное православие распространялось по всей стране. В монастырь, как и раньше, со всех концов страны приезжало множество богомольцев, иногда более 700 человек в день[24]. Всех их братия не только кормила, но и предоставляла им ночлег. При о. Феогене возрастали и доходы монастыря[25].

Стараниями о. настоятеля обогатилась ризница обители. Теперь в ней имелось уже 89 риз (среди них 5 бархатных, 2 парчевых) и 54 стихаря[26]. В храме было более 90 больших и 60 малых икон[27]. В монастырской библиотеке насчитывалось около 600 экземпляров книг.

В 1959 г. за труды на благо обители, которая и после кончины схиархимандрита Серафима (Амелина) как внутренне, так и внешне процветала, игумен Феоген по благословению Святейшего Патриарха Алексия был возведен архиепископом Черниговским и Нежинским Андреем (Сухенко) в сан архимандрита[28].

Однако органы советской власти всеми силами мешали духовно-просветительной деятельности Глинской пустыни. В конце 1958 г. о. Феоген получил распоряжение епископа Сумского и Ахтырского Иоасафа "немедленно уволить всех рабочих, которые не являются зарегистрированными насельниками"[29], то есть всех временных послушников, еще не принятых в обитель по указу. В следующем году вообще запретили принимать новых насельников.

Следили и за тем, чтобы в обители не возрастало число священнослужителей.

Настоятель Глинской пустыни архимандрит Модест (Гамов). 1959 г. Личный архив автора

С начала лета 1959 г. в монастырь стали приезжать различные комиссии по проверке санитарного состояния и паспортного режима обители[30], цель которых заключалась в том, чтобы опорочить монастырь и подготовить документы к его закрытию. По результатам проверок в вышестоящие партийные и советские органы направлялись требования о закрытии обители, содержащие самую нелепую клевету[31]. В актах, составленных этими комиссиями, подчеркивалось: "В монастырь Глинская пустынь систематически прибывают посетители из самых отдаленных мест Советского Союза"[32]. Это особенно раздражало местные власти.

Указом Сумского епархиального управления в Глинской пустыни было запрещено предоставлять паломникам гостиницу и кормить их, но, безусловно, этот указ не выполнялся. Наоборот, накануне закрытия обители братия во главе с настоятелем стремились как можно больше духовно и материально помочь людям, поддержать и укрепить их на будущее.

В архиве уполномоченного по делам Православной Церкви по Сумской области за этот период сохранилась "Справка нарушений по монастырю Глинская пустынь".

Вот что вменялось в вину обители:

"1. В монастыре предоставляют паломникам гостиницу и питание... 2. На автомашине и гужтранспортом привозят и увозят паломников со станции Локоть и из Глухова... На станции Локоть организовали гостиницу, где останавливаются приезжие паломники..."[33].

Так, несмотря на запреты епархиального начальства и угрозы советской власти, Глинские иноки, исполняя заветы прежних настоятелей и сохраняя вековые традиции пустыни, продолжали оказывать самый теплый и заботливый прием богомольцам.

Архимандрит Феоген укреплял и поддерживал духовную и хозяйственную жизнь обители, поэтому, не считаясь с мнением братии, его отстранили от управления монастырем. 29 июля 1960 г. указом управляющего Сумской епархией архиепископа Андрея "в силу сложившихся обстоятельств"[34] о. Феоген был освобожден от должности настоятеля Глинской пустыни. Уполномоченный так опасался его духовно-благотворного влияния на иноков, что о. Феоген был даже лишен права оставаться в обители и вынужден был покинуть пустынь.

Но вскоре и сама пустынь была закрыта. После о. Феогена временно исполняющим обязанности настоятеля был назначен казначей обители игумен Модест (в миру Михаил Иванович Гамов).

Это был "неплохой монах, скромный, аккуратный, способный хозяйственник, усердный труженик по благоустройству обители"[35], послушание казначея нес добросовестно, но не пользовался авторитетом у братии, поскольку не имел молитвенного духа и не отличался подвижнической жизнью. 10 марта 1961 года игумен Модест был утвержден в должности настоятеля Глинской пустыни и возведен в сан архимандрита[36].

Уполномоченный по Сумской области и другие представители местной советской власти рассчитывали, что новый настоятель будет исполнять их волю. Но о. Модест за обитель стоял ревностно, делал что только мог для сохранения монастыря, и увещевал братию молиться усерднее, чтобы не закрыли Глинскую пустынь.

Неуклонное возрастание духовной жизни в обители продолжалось, несмотря на все усилия советской власти подорвать ее. Старцы Глинской пустыни принимали, исповедовали, наставляли множество паломников, совершали постриги в монашество и в великую схиму. Во время настоятельства о. Модеста в схиму был пострижен игумен Корнилий (Оробцов), иеромонах Иннокентий (Шиховцов), иеромонах Исмаил (Невдачин), монахи Никандр (Шапошник) и Виталий (Середа). Однако архимандрит Модест недолго был настоятелем, так как уже шла активная подготовка к закрытию Глинской пустыни.

11 апреля 1961 года управляющий Сумской епархии освободил архимандрита Модеста от обязанностей настоятеля[37], а 12 апреля без согласования с братией назначил исполняющим обязанности настоятеля Глинской пустыни иеромонаха Даниила (в миру Димитрий Васильевич Новиков), который не отличался духовной жизнью, и братия не считала его своим настоятелем.

13 июля 1961 года архиепископ Черниговский и Нежинский Андрей подписал распоряжение о закрытии обители, и на следующий день 14 июля пустынь была закрыта[38].

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана). В АСЕУ сохранилось 3 послужных списка о. Феогена за разные периоды его жизни: иеромонаха, игумена и архимандрита Феогена. Поскольку ни один из них не объединяет всех сведений, содержащихся в других списках, использованы все эти документы.

2 Там же. Послужной список архимандрита Феогена (Тарана).

3 В послужном списке настоятеля и братии Глинской Рождество-Богородицко пустыни за 1910 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 81) и за 1918 г. (Там же, д. 3, л. 55.) указано, что о. Феоген поступил в Глинскую пустынь в 1902 г., а в послужном списке архимандрита Феогена от 20 октября 1959 г. (АСЕУ) — в 1903 г.

4 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 81.

5 Там же.

6 Там же, д. 3, л. 55.

7 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 89 об.

8 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Феогена (Тарана).

9 Там же.

10 Там же.

11 Там же.

12 Там же.

13 Там же.

14 АСЕУ. Свидетельство о награждении иеромонаха Феогена (Тарана) саном игумена.

15 Рапорт благочинного Глуховского района Александра Дворецкого от 23 марта 1953 г.

16 АСЕУ. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) от 24 августа 1957 г.

17 Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) от 18 июня 1958 г.

18 Там же. Послужной список игумена Феогена (Тарана).

19 Там же.

20 Там же.

[21] АСЕУ. Указы епископа Сумского и Ахтырского от 3 ноября 1958 г.; от 21 февраля 1959 г.

[22] Там же. Послужной список игумена Феогена (Тарана).

[23] Там же.

[24] ГАСО, ф. Р1815, оп. 3, д. 235, л. 16.

[25] АСЕУ. Письмо члена Хозяйственного управления Московской Патриархии П. Корнилова игумену Феогену (Тарану) от 7 февраля 1959 г.

[26] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 86—87.

[27] Там же, л. 88—91.

[28] АСЕУ. Послужной список архимандрита Феогена (Тарана).

[29] Там же. Распоряжение Иоасафа, епископа Сумского и Ахтырского от 20 декабря 1958 г.

[30] ГАСО, ф. Р1815, оп. 3, д. 235, л. 12, 18.

[31] Там же.

[32] Там же, л. 17.

[33] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 10—10об.

[34] АСЕУ. Указ управляющего Сумской епархией от 29 июля 1960 г.

[35] Там же. Послужной список игумена Модеста (Гамова).

[36] Там же. Указ управляющего Сумской епархией от 10 марта 1961 года.

[37] АСЕУ. Распоряжение архиепископа Черниговского и Нежинского Андрея от 11 апреля 1961 года.

[38] ГАСО. ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л, 67-68.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 81.

Сводный послужной список и ведомость о настоятеле, монашествующих и послушниках Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни за 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 89 об.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 55.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1944 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 1, д. 6.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, оп. 12, д. 53, л. 2, 12.

Материалы по религиозным культам за 1959 г. // Там же, ф. Р 1815, оп. 3, д. 235, л. 13, 15—17, 22, 24.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

ИЕРОСХИМОНАХ ВАСИЛИЙ (†1960)

(Память 6 августа ст. ст. / 19 августа нов. ст.)

Иеросхимонах Василий (в миру Иван Андреевич Морин) родился 10 сентября 1878 г. в селе Лошаковка Суражского уезда Курской губернии в крестьянской семье[1]. Рано проявилось в нем стремление к иноческой жизни, и уже в 17-летнем возрасте он поступил в Белогорскую Николаевскую пустынь[2]. В 1909 г. Иван был пострижен в монашество с именем Вонифатий, а через четыре года — рукоположен епископом Белгородским Никодимом (Кононовым) в сан иеродиакона[3]. В 1915 г. по указу Курской духовной консистории о. Вонифатий был перемещен в Глинскую пустынь[4]. Перевод в прославленную обитель способствовал его быстрому духовному возрастанию. Он получал великую пользу от ежедневного откровения помыслов старцам, от их советов и наставлений. Простой и бесхитростный, о. Вонифатий, исполняя все повеления Глинских наставников, преуспевал в духовной жизни. Архимандрит Нектарий (Нуждин) писал, что "иеродиакон Вонифатий качеств очень хороших"[5]. В 1919 г. он был рукоположен в иеромонаха и в 1922 г. епископом Рыльским Павлином (Крошечкиным) награжден набедренником[6]. После закрытия Глинской пустыни о. Вонифатий жил на родине. С 1930 по 1938 г. он служил священником в церкви села Воробша Сужданского района Курской области[7].

Твердая вера сообщила всей его деятельности характер глубокой убежденности. Постоянное созерцание Бога внутренним оком веры, как Всеблагого Помощника, Всемогущего Защитителя и Премудрого Указателя пути в Его Царствие, давало о. Вонифатию силы к победе над искушениями, к мужественному перенесению напастей и бедствий и к выполнению им своего назначения на земле. И своих прихожан о. Вонифатий учил веровать в Бога, то есть иметь живую уверенность в Его бытии и свойствах, признавать умом и сердцем все то, что Сам Бог сообщил нам о Себе и Своем Откровении. Отец Вонифатий говорил, что человек все может потерять в этой жизни, но пока остается в нем вера, жизнь еще впереди. Однако к вере реальной способна только та душа, которая решительным произволением отверглась греха, направилась всей своей волей и силой к Божественному добру. Это возможно путем подвига очищения души от всякой скверны, путем покаяния, к чему он и призывал паству. Жизнь о. Вонифатия была для прихожан ярким примером проповедуемой им веры. Быть спокойным — вот первое действие твердой веры перед лицом испытания, а о. Вонифатий при всех обидах, неприятностях и скорбях хранил неизменное спокойствие духа и был ко всем приветливым и радушным. Истинное богопознание служило основой его глубокой личной убежденности, и эту убежденность он передавал своей пастве. Истинное богопознание пастырь приобретает не

только изучением слова Божия, творений святых отцов, богословских наук. Основным средством богопознания является постоянная и усердная молитва и чистота сердечная, приобретаемая добродетельной жизнью, какую и проводил о. Вонифатий. После закрытия храма в селе Ворошба в 1938 г. о. Вонифатий жил в том же селе и "работал на частных работах"[8], в 1945 г. он вернулся в Глинскую пустынь[9]. Затем в 1954 г. служил настоятелем Успенской церкви

Иеросхимонах Василий (Морин) (1878—1960). 1959 г. Личный архив автора

села Стариково Глуховского района Сумской области. В 1957 г. о. Вонифатия перевели в Глинскую пустынь на покой. В том же году он был награжден Святейшим Патриархом Алексием наперсным крестом.

Живя в обители, о. Вонифатий был удивительно ровен в общении со всеми. Всегда "скромный, послушный и смиренный"[10], он ни перед кем не заискивал и никого не отличал. Это был старец простой и ревностный в исполнении заповедей Божиих. Его краткие слова содержали мудрые мысли, которые рождаются опытом духовной жизни. Душа о. Вонифатия была проникнута живейшей любовью к Богу и ближним. Часто, опираясь на палочку, он с трудом ходил по обители и всех благословлял.

Проведя в монашеских подвигах более 50 лет, в 1959 г. он принял святую схиму с именем Василий[11], после чего полностью отрешился от внешней жизни и всецело углубился в молитву. Мирно и бодренно готовился он к своему исходу, который последовал на восемьдесят втором году его жизни 19 августа 1960 г.[12]. Похоронен о. Василий на братском кладбище Глинской пустыни.

Примечания

[1] АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Василия (Морина).

[2] Там же.

[3] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 27.

[4] АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Василия (Морина). В послужных списках настоятели с братией Глинской пустыни за 1918 г. указано, что иеродиакон Вонифатий был перемещен в Глинскую пустынь 19 января 1916 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 27.).

[5] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 27.

[6] АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Василия (Морина).

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же. В списках насельников Глинской пустыни по состоянию на 12 марта 1952 г. сказано, что о. Вонифатий поступил в обитель в 1952 г.

[10] Там же.

[11] АСЕУ. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 20 октября 1959 г.

[12] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 27.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. Там же, д. 37, л. 2.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. Там же, д. 53, л. 21.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

МОНАХ ИОАСАФ (†1960)

(Память 11 сентября ст. ст. / 24 сентября нов. ст.)

Монах Иоасаф (Дегтяренко) (1915—1960). 1959 г. Личный архив автора

Жизнь монаха Иоасафа (в миру Ивана Максимовича Дегтяренко), замечательна как пример обращения убежденного атеиста, противника Церкви, в истинного ревностного христианина.

Иван родился 3 февраля 1915 года в селе Ново-Ропск Брянской области в крестьянской семье. Он отличался прекрасной памятью, быстрым, восприимчивым умом и, окончив среднюю школу, в 1933 г. без труда поступил в Ленинградское педагогическое училище. Иван был верен духу времени и целиком разделял атеистическое мировоззрение, насаждаемое советской властью, отрицая веру в Бога и вечную будущую жизнь, насмехался над самими Таинствами Церкви Христовой. После окончания училища в 1937 г. он был направлен на Дальний Восток, где преподавал в трех школах, проповедуя своим ученикам атеистические идеи. Но в 1946 г. в душе его произошел полный духовно-нравственный переворот, он вернулся на родину, работал там сторожем, а в 1952 г. поступил в Глинскую пустынь[1]. Иван не открывал тайны своего обращения к Богу, но по тому искреннему сердечному покаянию, которое он приносил Ему, живя в обители, можно было видеть, что он всецело откликнулся на призыв Божий и в корне изменил не только свою внешнюю, но, главное, внутреннюю жизнь. Покаяние действительно стало основой его духовной

жизни. Он контролировал каждый свой поступок, слова и мысли, так что при малейшем нарушении заповедей Божиих спешил возвратиться на праведный путь к Богу. Это был большой труженик, отличавшийся постоянной готовностью к любым монастырским трудам. В обители он исполнял послушание пекаря, выпекал хлеб вдвоем с помощником на всю братию и на богомольцев. Безропотно до самой смерти нес он это тяжелое ответственное послушание и не только безукоризненно исполнял его, но и старался успевать ко всем церковным службам, так как был назначен еще и клиросным в храме.

В начале 1954 г. Иван был пострижен в рясофор[2] и в том же году в мантию с именем Иоасаф[3].

Сочетая труд с непрестанной молитвой, о. Иоасаф столь ревностно соблюдал все иноческие обеты, что даже среди сонма подвижников Глинской пустыни выделялся строгой жизнью[4].

Смиренный, кроткий и рассудительный, он все время обвинял себя и часто говорил братии: "Я хуже всех, я Бога хулил". Глубокое, сердечное сокрушение под руководством опытных наставников переродило и очистило его душу, уподобило ее Христу. Оно же давало о. Иоасафу силы терпеливо переносить все скорби и труды ради Господа. Отец Иоасаф, как величайший дар Божий, хранил православную веру. Именно поэтому он особенно ревностно выступил против католического уклона, проявившегося в действиях архимандрита Тавриона (Батозского), который был настоятелем Глинской пустыни в 1957 — начале 1958 гг., и даже писал епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию о нововведениях этого настоятеля.

Высота духовной жизни о. Иоасафа открылась в самой его кончине. Предвидя закрытие монастыря, он очень боялся идти в мир и горячо молился Матери Божией, чтобы забрала его до закрытия. 23 сентября 1960 г. ему неожиданно стало плохо, ночью в обители не оказалось шофера, и в больницу о. Иоасафа привезли только утром, но там уже не смогли ему помочь. 24 сентября, угодив Богу своей самоотверженной иноческой жизнью, монах Иоасаф скончался в возрасте сорока пяти лет[5].

Так Господь слышит праведных людей и исполняет их желания.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список монаха Иоасафа (Дегтяренко).

2 Там же. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 1 июля 1954 г.

3 "Монах Иоасаф Дегтяренко строгой жизни, справедливый, трудолюбивый, смиренный и терпеливый; несет послушание хлебопека" (АСЕУ. Послужной список монаха Иоасафа (Дегтяренко)).

4 Там же.

5 ГАСО, ф. Р2196, оп.12, д. 53, л. 21.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10 об.

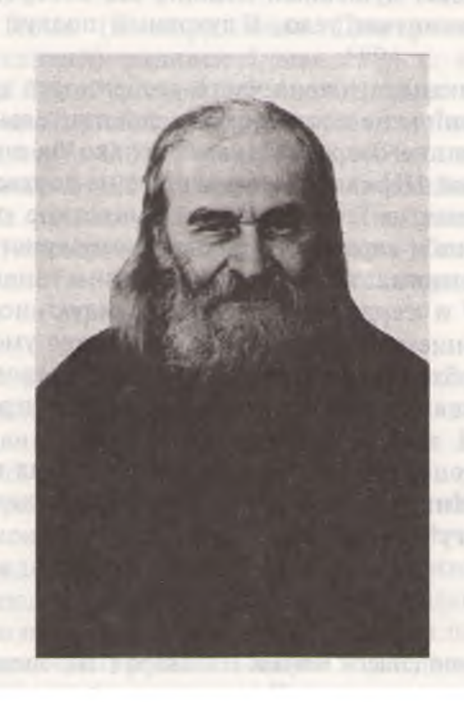
Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 21.

Документы АУПЦ, АСЕУ.

СХИМОНАХ НИКИТА (†1960)

(Память 11 октября ст. ст. / 24 октября нов. ст.)



Схимонах Никита (Федор Моисеевич Шапошник, в монашестве Никандр) родился 11 августа 1884 г. в селе Ясенево Сумского уезда Харьковской губернии в украинской крестьянской семье[1].

До двадцати трех лет он жил с родителями, затем поступил в Покровский монастырь города Орша. Отличаясь трудолюбием, Федор с ревностью и усердием исполнял внешние послушания, умом же упражнялся в послушании внутреннем.

В 1914 г. он был пострижен в мантию с именем Никандр. Приняв монашество, о. Никандр предался особенному воздержанию, стремился всегда сохранять мужество в борьбе против бесплотного врага, непрестанно искушающего подвижников. Отец Никандр провел в монастыре 15 лет и за эти годы воспитал в себе постоянную ревность ко спасению, невозмутимость духа, кротость и незлобие.

В 1922 г. после закрытия монастыря он вернулся на родину и до 1956 г. жил у родных, "занимаясь сельским хозяйством"[2].

В 1956 г. о. Никандр поступил в Глинскую пустынь. Скромный и тихий, он много трудился на общих послушаниях, несмотря на свой преклонный возраст.

Всю свою жизнь провел он в подвигах труда, молитвы и непрестанного внутреннего самоочищения. Просветленный, благообразный облик подвижника свидетельствовал о молитвенно-собранном устроении его души.

Отец Никандр говорил, что каждому христианину для воспитания себя по заповедям Евангелия необходим телесный и душевный подвиг. Посильные труды приучают христианина отсекать свою греховную волю, приучают к послушанию и способствуют укрощению страстей, гнездящихся в сердце каждого человека. Но первостепенную важность в духовной жизни имеет душевный подвиг, без которого телесный подвиг бесплоден. Душа оживляет тело, а духовный подвиг оживляет телесные труды.

По словам о. Никандра, очень часто уверенность христианина, что он идет по пути спасения, не соответствует действительности. Так бывает с тем, кто свое внимание сосредоточивает только на внешнем исполнении установлений Святой Церкви, и это внешнее не соответствует внутренним настроениям сердца, в то время как шествие по пути спасения совершается в сердце и сердцем. Православному христианину совершенно недопустимо ограничиваться лишь внешним знанием истин веры. Непременно надо и сердцем полюбить каждую истину веры. Нельзя ограничиваться чтением молитвословий, не вникая умом в слова молитвы. Все церковное необходимо усовершенствовать в своем сердце. Сердцем любить, смиряться, приближаться к Богу, прощать, молиться, благословлять и т.д.

16 октября 1960 г., по прошению, о. Никандр был пострижен в святую схиму с именем Никита[3], а 24 октября 1960 г. схимонах Никита тихо предал свой дух Богу[4].

Примечания

[1] АСЕУ. Послужной список монаха Никандра (Шапошника).

[2] Там же.

[3] АСЕУ. Рапорт игумена Модеста (Гамова) в Сумское епархиальное управление от 16 октября 1960 г.

[4] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

На с. 633 —

Схимонах
Никита (Шапошник)
(1884—1960).
Личный архив автора

ИЕРОСХИМОНАХ ИОНА (†1960)

(Память 9 ноября ст. ст. / 22 ноября нов. ст.)

Иеросхимонах Иона (в миру Иван Дмитриевич Шиховцов, в монашестве Иннокентий) родился 1 мая 1894 г. в с. Преображенка Шарлыкского уезда Оренбургской губернии в семье крестьян[1]. В 1905 г. он окончил церковно-приходскую школу, затем "занимался сельским хозяйством на родине"[2]. С 1915 по 1920 г. он был на военной службе, затем вернулся домой. В 1930 г. переехал в г. Чкалов. Здесь он жил до 1945 г., работал на разных работах. Иван Дмитриевич с детства был глубоко верующим человеком и не скрывал своих убеждений. В 1945 г. он был осужден и почти 8 лет пробыл в лагерях. В 1953 г. его реабилитировали, и он вернулся к родственникам в г. Чкалов[3], но прожил у них недолго.

В тяжелые годы заключения в его душе созрело твердое решение посвятить оставшееся время своей земной жизни служению Богу. Он не раз слышал о славившейся тогда по всей стране Глинской пустыни. Стремясь достигнуть в этой святой обители духовного совершенства, в 1954 г. Иван Дмитриевич приехал в Глинскую пустынь и был принят в число ее насельников[4]. Архимандрит Серафим назначил его пономарем[5]. Перед началом каждого богослужения первым приходил он в церковь, зажигал свечи, лампады, следил за чистотой и благолепием алтаря и всего храма, уходил же по окончании богослужения всегда последним.

В этом послушании он проявил особую тщательность, трудолюбие и ревность к церковному благолепию. Почти постоянное пребывание в храме возвысило его душу, а внимательное отношение ко всем богослужениям способствовало изучению устава. Видя его духовное преуспеяние, настоятель обители уже в 1955 г. постриг Ивана в рясофор, а в начале 1956 г. — в мантию с именем Иннокентий[6]. В том же году епископом Сумским и Ахтырским Евстратием он был рукоположен во иеродиакона, а затем — во иеромонаха[7]. В октябре 1956 г. о. Иннокентий был назначен настоятелем Рождество-Богородицкой церкви села Каменка Тростянецкого района Сумской области[8].

Готовясь к принятию священного сана, о. Иннокентий получил много наставлений от Глинских старцев о сущности пастырского подвига и высоте этого Богом учрежденного служения.

Старцы учили, что от деятельности пастыря зависит временное и вечное счастье человечества, поскольку пастырь служит делу спасения людей. Пастыри должны быть для пасомых проводниками в жизнь вечную и учителями Божественного закона. Но для этого необходимо, чтобы пастырско-религиозные истины проникли в глубину духа пастыря, а не оставались на поверхности рассудочного знания. Богословие, особенно пастырское, познается опытным путем, путем внутреннего духовного

подвига. Пастырю самому необходимо духовно приобщиться благодатному действию Откровения и только после этого является способность отражать свет этого Откровения для просвещения других. Доброго пастыря создают собственный духовный опыт и личный нравственный подвиг. Истинное пастырство как самый трудный вид служения Богу и человеку всегда сопряжено со многими великими трудностями. Благодатные силы для своей деятельности пастырь получает от Христа и через Христа. В лице Иисуса Христа дается пастырю не просто пример, но и живая, вечно действующая Божественная Личность, с Которой пастырь теснейшим образом в своем пастырстве связывается, от Которой он может постоянно черпать живую благодать.

Православная церковность со всеми священнодействиями и правилами ее есть великое поле духа и возрастающая сила жизни для тех, кто имеет волю и призвание к истинному пастырству.

Глубоко восприняв старческие наставления о пастырстве, о. Иннокентий, ежедневно предстоя престолу, сознавал, что он является посредником между людьми, ищущими святости, и Богом, Источником Святости. Поэтому он всеми силами стремился возогревать в себе самом все священное, духовное, небесное и непрестанно очищал свое сердце от страстей.

Он всегда помнил, что пастырство есть нелегкий путь, путь креста и мученичества, и его деятельность на ниве Христовой была плодотворной. Дух его постоянно возвышался над плотью, а это свидетельствовало о том, что он живет в Боге. Цель его жизни состояла в спасении душ человеческих, искоренении из них всякого зла и приближении их к Богу. Делая все возможное, чтобы устранить препятствия для них на пути к Царству Небесному, он воздействовал на души пасомых не внешними впечатлениями, но согревал их молитвой и словом Божиим.

Как пастырь христианский, он знал, что всей жизни человеческой недостаточно для достижения высокого идеала совершенства, и поэтому дело нравственного усовершенствования своих пасомых вел постепенно, сообразуясь с их силами и положением, последовательно возводя их от низшего к высшему. Его пастырское служение было истинно духовным. Благочинный Тростянецкого района, где он служил, оценивая деятельность о. Иннокентия, писал: "Иеромонах Шиховцов убежденный, истинный монах по духу, деятельный приходской пастырь. Он привел храм в прекрасный, благолепный вид как снаружи, так и внутри, обогатил его отличной утварью. Молитвенно-уставно совершает богослужения и часто проповедует. Своими проповедями, христианским поведением, добрыми делами и неустанными трудами на ниве Христовой, снискал себе глубокое уважение, почтение и любовь прихожан и заслуживает всестороннего одобрения, похвал и наград. Среди сельских пастырей — примерный"[9]. В 1957 г. епископом Евстратием он был награжден набедренником, а на Пасху 1960 г. — наперсным крестом[10].

Пользуясь заслуженной любовью и особым почитанием прихожан, многие из которых приезжали к нему издалека, он никогда не видел в себе самом никаких духовных достоинств, а все приписывал Богу. Особенно во время священнодействий о. Иннокентий понуждал себя помнить, что всякое священнодействие, совершаемое священником, есть дерзновенное прошение у Бога чуда.

И при каждом священнодействии это чудо происходит (вода освящается, евхаристические Дары прелагаются в Тело и Кровь Христовы, грехи прощаются, освящаются иконы, кресты, дома и вообще "всякая вещь") независимо от личных достоинств иерея, его ума, внешности, способностей, поскольку Освящающая сила принадлежит Святому Духу. Священник молится, ходатайствует, призывает, а благодать Духа Святого все восполняет, врачует, прелагает и освящает. Так о. Иннокентий отражал внушение лукавого, будто он сам по себе, в силу своих дарований уже достиг особой силы и степени святости и может стать чудотворцем. Он всегда умел смирить себя и в своих собственных глазах, и в глазах своей паствы.

В августе 1960 г. о. Иннокентий был уволен за штат по болезни и возвратился в Глинскую пустынь. По прошению 16 октября 1960 г. он был пострижен в схиму с именем Иона[11]. 22 ноября 1960 г. после продолжительной болезни иеросхимонах Иона скончался и был похоронен при большом стечении почитавших его богомольцев на братском кладбище Глинской пустыни.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Иннокентия.

2 Там же. Далее сведения о жизни о. Ионы (Шиховцова) приведены в соответствии с его послужным списком.

3 Иван Дмитриевич был женат, но в его послужном списке не указано, когда он женился и когда овдовел.

4 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 3 об.

5 Там же, л.2 об.

6 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 1.1.1956 г.

7 Там же. Послужной список иеромонаха Иннокентия (Шиховцова).

8 Там же.

9 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Иннокентия (Шиховцова).

10 Там же.

11 Там же.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 3 об.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

МОНАХ МЕЛЕТИЙ (†1960)

Монах Мелетий (в миру Митрофан Петрович Кириченко) родился 23 ноября 1883 г. в селе Спасском Кролевецкого уезда Черниговской губернии. Родители его были украинские казаки. В 1895 г. Митрофан закончил 4 класса сельской школы, затем трудился в крестьянском хозяйстве отца[1]. С 1905 по 1908 г. он служил в армии, после демобилизации жил в Баку, работал мастером по обслуживанию телефонной сети. В 1914 г. Митрофан был призван на военную службу. После окончания войны в 1918 г. он вернулся на родину, женился и прожил в родном селе почти 30 лет, работая плотником и столяром (лишь в 1928—1930 гг. он уезжал в Донбасс, где работал крепильщиком в шахте).

В начале 1948 г. его жена умерла, а 1 октября 1948 г. Митрофан поступил в Глинскую пустынь[2]. Это решение не было вынужденным или поспешным, оно было результатом всей его духовной жизни. Решимость жить, не поддаваясь увлечениям страстей, привела Митрофана в монастырь.

В обители он проявил себя как смиренный, кроткий, "способный, скромный и послушный" труженик[3]. Хороший плотник и столяр, Митрофан очень много работал в монастыре. В начале 1952 г. он был пострижен в рясофор[4], а 28 декабря 1953 г. — в мантию с именем Мелетий[5].

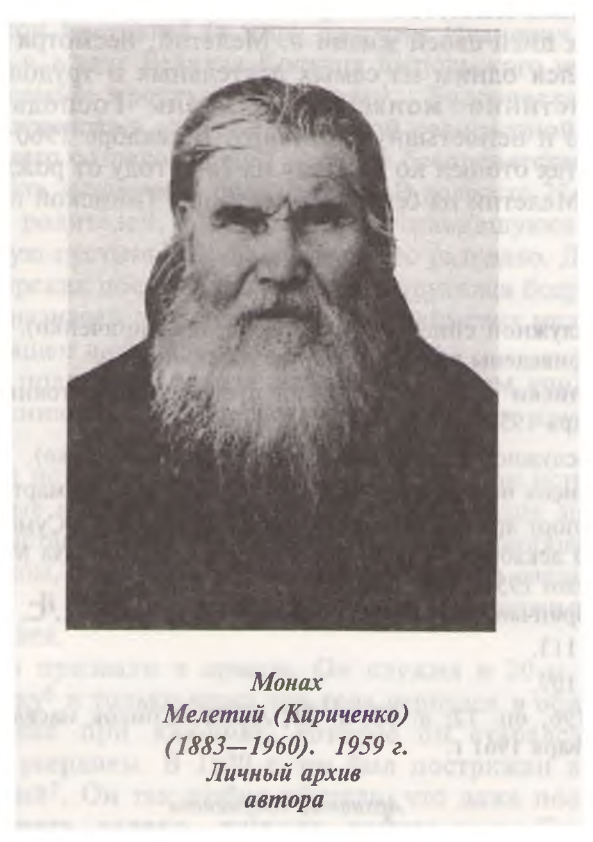
Глинские старцы учили, что христианин, тем более инок, должен не только изучать Слово Божие, но и всегда хранить его в своем уме и сердце, чтобы оно, как светильник, освещало его путь, исполненный трудов и искушений. Отец Мелетий с таким благоговением и вниманием читал Священное Писание, что знал наизусть всю Библию. Никакое внешнее послушание не могло отвлечь его от размышления о Слове Божием, которое он действительно носил в своем уме и сердце. Так, кроме труда телесного он непрестанно приносил Богу подвиг и труд духовный.

Постоянная богомысленная настроенность делала сразу заметным для него любое греховное движение души, потому что оно было чуждым и противоположным всем его мыслям и расположениям.

Инокам, спрашивавшим его о смысле Евангельских изречений, о. Мелетий отвечал, что Евангелие — книга духа, она понимается только духовным разумом; ум плотский не может воспринять ее. Только для того, кто оставил греховную жизнь, все плотские привязанности и наслаждения, Евангелие становится доступным и понятным. Человек, привязанный к земле, "читает букву, но слово жизни, как Дух, остается для него под непроницаемой завесой"[6]. Чтение Евангелия должно быть неразрывно связано с осуществлением в жизни всего того, что Оно

заповедует. По мере исполнения Евангельских заповедей будет открываться и бесконечная глубина Евангелия.

Отец Мелетий говорил, что, приступая к чтению Книги Жизни, нужно предварительно вознести молитву ко Господу, чтобы Он Сам открыл наш ум к пониманию Его Закона; при этом нужно смирить свой гордый ум и успокоить все свои мятущиеся чувства, ибо Евангелие, по словам свят. Игнатия, "допускает к себе одних смиренных"[7]. Читать Евангелие нужно вдумчиво, с благоговением и вниманием, потому что "каждая иота его испускает луч жизни, а пренебрежение жизнью ведет к смерти"[8].



Монах Мелетий (Кириченко) (1883—1960). 1959 г. Личный архив автора

При чтении Евангелия нельзя искать наслаждений, восторгов или блестящих мыслей, это может привести к ложному пути.

Подвижник добавлял, что многие читают Святое Евангелие, но воспринять его слова каждый может в соответствии со своим внутренним миром; поэтому для правильного понимания Евангелия христианину непременно нужно читать и творения святых отцов. Святые отцы опытно изучили Слово Божие, поэтому они и могли правильно и непогрешимо изъяснять его. Постоянное упражнение в чтении трудов святых отцов будет для каждого христианина надлежащим компасом, указующим правильный путь ко спасению.

Неопытным в духовной жизни о. Мелетий советовал при чтении Священного Писания и книг святоотеческих не останавливаться умом на изречениях, которых смысл бывает непонятен; прочитав, оставлять так, не вникая в глубину разумения. Это все придет тогда, когда ум придет в "мужа совершенна".

Изучение Слова Божия, творений святых отцов открыло о. Мелетию путь к истинному богопознанию. Но основным средством богопознания для него, как и для всех подвижников, были непрестанная усердная молитва и чистота сердечная, приобретенные добродетельной жизнью.

Молитва была для о. Мелетия первым и сильнодействующим средством, оружием против страстей и врагов спасения, а также носительницей особых благодатных даров и состояний. Отец Мелетий говорил, что молитва необходима для сокрушения греха, который делает человека духовно мертвым. Старцы считали о. Мелетия преуспевшим в занятии Иисусовой молитвой.

До последних дней своей жизни о. Мелетий, несмотря на преклонный возраст, оставался одним из самых деятельных и трудолюбивых членов братии. За истинно монашескую жизнь Господь даровал ему безболезненную и непостыдную кончину. В декабре 1960 г. о. Мелетий с молитвой на устах отошел ко Господу на 78-м году от рождения[9].

Погребен о. Мелетий на братском кладбище Глинской пустыни.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список монаха Мелетия (Кириченко). Далее сведения о его биографии приведены в соответствии с этим списком.

2 Там же. Списки монахов Глинской пустыни по состоянию на 15 декабря 1948 г., на 1 января 1952 г.

3 Там же. Послужной список монаха Мелетия (Кириченко).

4 Там же. Список насельников Глинской пустыни на 12 марта 1952 г.

5 Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление от 28 декабря 1953 г. В послужном списке монаха Мелетия ошибочно год пострига указан 1954.

6 Игнатий (Брянчанинов), епископ Соч. СПб., 1915. Т. 1. С. 109.

7 Там же. С. 113.

8 Там же. С. 109.

9 ГАСО. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 21; АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни на 1 января 1961 г.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 21.

Документы АУПЦ, АСЕУ.

СХИИЕРОДИАКОН ЕВСТРАТИЙ (†1961)

(Память 23 апреля ст. ст. / 6 мая нов. ст.)

Схииеродиакон Евстратий (в миру Евдоким Иванович Урети) родился 31 августа 1885 г. в селе Великая Костица Ямпольского уезда Подольской губернии в семье крестьян-молдован[1]. Благочестивые родители воспитывали Евдокима в атмосфере строгой религиозной настроенности. Постепенно у него созрело горячее желание беспрепятственно поработать Богу и достигнуть духовного совершенства. В возрасте 22-х лет, испросив благословение родителей, он поступил в славившуюся тогда по всей России Глинскую пустынь[2]. Все в обители его радовало. Даже на тяжелых общих монастырских послушаниях Евдоким трудился бодро и радостно. В 1910 г. он был назначен на послушание при Сеймских мельницах[3], но уже через год возвращен в обитель[4].

Предав себя полностью в волю старцев, Евдоким учился в Глинской пустыни смирению, страху Божию, послушанию и другим иноческим добродетелям.

Как и всякий истинный последователь Господа, он испытывал в своей жизни различные искушения, которые имели большое значение для его духовного возрастания. Старцы говорили ему, что свобода духа человека ограничена грехом, и поэтому борьба с искушениями связана с борьбой за свободу духа. В этой борьбе Евдоким постоянно нравственно совершенствовался.

В 1915 г. его призвали в армию. Он служил в 20-м Туркестанском стрелковом полку[5] и только через три года вернулся в обитель. Евдокиму дали послушание при ключне[6], которое он старался выполнять с присущим ему усердием. В 1920 г. он был пострижен в монашество с именем Евфимий[7]. Он так любил обитель, что даже после ее закрытия решил не уезжать далеко, жил до войны в г. Глухове, работая чернорабочим[8], и часто бывал в Глинской пустыни. В 1941 г. о. Евфимий переехал на родину и жил у родных, но уже в 1944 г. вернулся в Глинскую пустынь[9]. В обители он проходил послушание клиросного и различные общие послушания. В церковь ходил неопустительно ко всем службам, стоял неподвижно на одном месте, опустив голову и углубившись в себя. С трогательным детским благоговением молился он Царице Небесной и особенно почитал Чудотворную икону Ее Рождества.

В январе 1950 г. епископом Сумским и Ахтырским Иларионом он был рукоположен во иеродиакона[10].

Духовность о. Евфимия проявлялась в его отношении к основному месту священнодействия — святому Храму. Храм — дом Божий, в нем все Божие, все святое: и Престол, и жертвенник, и Евангелие, и крест, и иконы. С благоговением относясь к святому храму, о. Евфимий с особым страхом и трепетом приступал к диаконскому служению. В храме с икон

41-1374

смотрели на него строгие и выразительные лики святых угодников, они будто спрашивали, как он приготовился к богослужению, сможет ли достойно предстать перед Престолом Божиим? Благолепная, молитвенная обстановка алтаря приводила его в чувство благоговения перед Святая Святых храма. Поклонившись св. престолу и духовно сосредоточившись, он приступал к совершению своего служения.

"Тихий по характеру, скромный и послушный"[11], о. Евфимий, усердно исполняя свое послушание, всем старался услужить и угодить. Ничто внешнее его не огорчало, ни на кого он не гневался и тем более сам ни-

Схиеродиакон Евстратий (Урети) (1885—1961). 1959 г. Личный архив автора

когда никого не огорчал. Келейную жизнь проводил строгую и воздержную, чуждую малейшего саможаления. Отец Евфимий жил в одной келлии со старцем о. Полиевктом (Гришкиным), к которому относился с большим почтением, получая от него много духовных наставлений. Пищу о. Евфимий вкушал вместе со всей братией, но очень умеренно. Чтение трапезное слушал всегда очень внимательно, а иногда, заслушавшись, и совсем забывал о пище.

В возрасте 73-х лет о. Евфимий был освобожден от послушаний, но усердно посещал храм Божий. В 1959 г. он принял постриг в святую схиму с именем Евстратий[12]. Отец Евстратий от юности посвятил себя Богу и до конца земной жизни был истинным монахом, глубоко верующим, кротким, смиренным, чистым сердцем, монахом-подвижником, монахом-молитвенником. В последние годы жизни в у него проявлялся дар прозрения в духовный мир, который он стяжал от Господа. Предсказывая

закрытие Глинской пустыни, о. Евстратий особенно молил Царицу Небесную даровать ему кончину в святой обители. В начале 1961 г. он тяжело заболел, но терпеливо и благодушно переносил страдания. Несмотря на болезнь, в душе его была великая тишина и тот благодатный мир, который даруется подвижнику после борьбы.

6 мая 1961 г. старец со слезами простился с братией и тихо отошел ко Господу[13]. Похоронен схииеродиакон Евстратий на братском кладбище Глинской пустыни.

Примечания

[1] АСЕУ. Послужной список схииеродиакона Евстратия (Урети). В документах Глинской пустыни за 1947—1961 гг. фамилия о. Евстратия указана "Урети", однако сам он подписывался "Уретий", фамилия "Уретий" указана и в послужных списках монашествующих Глинской пустыни за 1910 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2) 1911 г. (ГАКО. ф. 20, оп. 3л, д. 174) и 1918 г. (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3).

[2] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 100 об.

[3] Там же.

[4] ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 101.

[5] АСЕУ. Анкета служителя культа Урети Евдокима Ивановича.

[6] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 79.

[7] АСЕУ. Анкета служителя культа Урети Евдокима Ивановича.

[8] Там же.

[9] Там же. Послужной список схииеродиакона Евстратия (Урети). Однако в анкете служителя культа Урети Е.И. и в списках насельников Глинской пустыни на 1 января 1956 г., 1 января 1958 г., 1 декабря 1959 г. указано, что о. Евфимий вернулся в Глинскую пустынь в 1945 г.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 1 декабря 1959 г.

[13] Там же. Рапорт временно исполняющего обязанности настоятеля Глинской пустыни иеромонаха Даниила (Новикова) в Сумское епархиальное управление от 8 мая 1961 г.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 100 об.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // Там же, д. 3, л. 79.

Сводный послужной список и ведомость о настоятеле, монашествующих и послушниках Путивльской Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни за 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 174, л. 101.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

СХИИГУМЕН КИРИАК (†1961)

(Память 9 мая ст. ст. / 22 мая нов. ст.)

Схиигумен Кириак (в миру Кирилл Андреевич Оробцов) родился 18 марта 1874 г. в селе Васильевка Харьковской губернии. В 1897 г. он поступил в Святогорский Успенский монастырь той же губернии[1]. Эта обитель была возобновлена Глинскими старцами, в ней они ввели устав Глинской пустыни, и вся жизнь монастыря была основана на традициях Глинского иночества, которые передавались старшей братией вновь поступавшим. Здесь под руководством опытных старцев и возрастал Кирилл в духовной жизни. В 1910 г. он был пострижен в монашество с именем Корнилий[2], а 17 июля 1916 г. епископом Иркутским Зосимой (Сидоровским) рукоположен во иеродиакона, в том же году перемещен в Дерманский монастырь Кременецкой епархии, где прожил тридцать три года. В августе 1921 г. архиепископом Кременецким Дионисием он был рукоположен во иеромонаха[3].

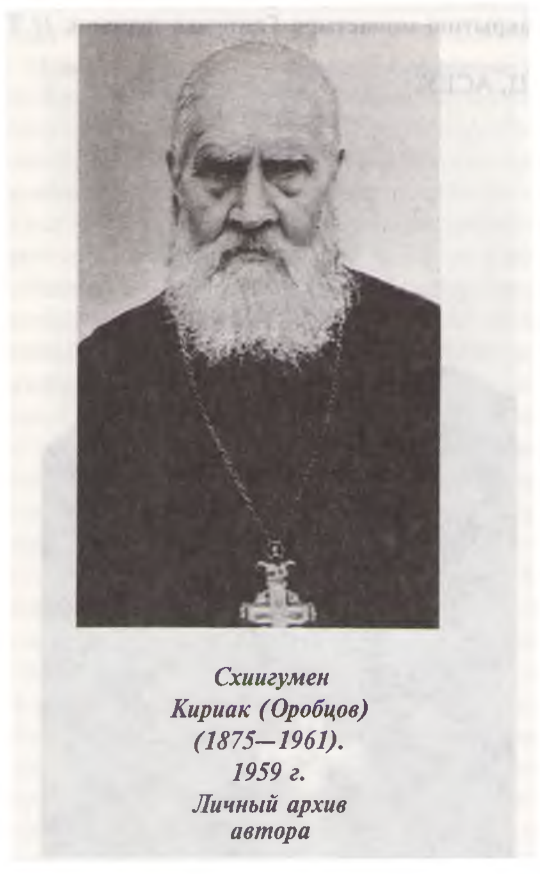
Постоянством в монашеском подвиге, соблюдением заповедей Христовых о. Корнилий достиг высокой степени духовного совершенства, и Господь просветил его ум к ведению Божественных тайн.

В 1941 г. о. Корнилий был возведен епископом Кременецким Симоном в сан игумена и награжден крестом с украшениями, а в 1944 г. как отличающийся истинно подвижнической жизнью, был назначен духовником обители и в течение пяти лет окормлял братию монастыря[4]. Великое смирение и благодатный свет внутренней молитвы озаряли его и привлекали к нему сердца братии. После исповеди у о. Корнилия человек обновлялся духом, каялся и устремлялся ввысь. Никогда ничем не выделяясь среди других, о. Корнилий был очень скромен, но иноки невольно благоговели перед ним и уважали за подвижническую жизнь, которая, хотя и была сокровенной, однако не могла не проявляться в его строгом благообразном облике, поступках, словах и той благодатной помощи, которую получала братия по его молитвам. В созидании спасения о. Корнилий главной добродетелью считал смирение. Он любил повторять слова святителя Игнатия (Брянчанинова): "Смирение состоит в том, чтобы признать себя достойным того положения, в котором мы находимся, и недостойным положения лучшего и высшего, даже в духовном отношении, и покорно предавать себя воле Божией".

В 1949 г. о. Корнилий перешел в монастырь Загайцы Тернопольской епархии, а в 1950 г. по прошению был переведен в Глинскую пустынь на покой[5]. Здесь он вел жизнь отшельническую, соблюдая внутреннее безмолвие, трезвился умом и не принимал посторонних помыслов, говорил мало, никогда ни с кем не ссорился. По болезни служил редко, но, пересиливая себя, ходил ко всем службам церковным, а также и в трапезную, чтобы не иметь в келлии никакой пищи.

Терпение великое было у него. Однажды в келлии о. Корнилия от лампады загорелись шторы, и он сильно обжег руки, когда гасил огонь. Несмотря на боль, он все равно пошел на службу, но в храме упал, от удара открылась рана на ноге, которая у него болела, и кровь хлынула из сапога.

Он очень мучился в болезнях, но безропотно их терпел. Это был подвижник, во всем служащий примером для братии. Как сказано в его послужном списке, игумен Корнилий — "примерный старец, во всем исполнительный, отличающийся смирением"[6]. В пустыни он один имел



Схиигумен Кириак (Оробцов) (1875—1961). 1959 г. Личный архив автора

крест с украшениями, но никак не возвышал себя, а, наоборот, во всем смирял: ходил, например, на кухню и помогал чистить картофель, при этом всегда молчал.

В возрасте восьмидесяти семи лет игумен Корнилий принял схиму с именем Кириак в честь мученика Кириака (память его 15 мая нов. ст.), а через неделю, 22 мая 1961 г[7] почил о Господе.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список игумена Корнилия (Оробцова).
2 Там же
3 Там же.
4 Там же

[5] Там же.
[6] Там же.
[7] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 36.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10.
Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. Там же, д. 37, л. 2.
Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22.
Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 25, 28, 36, 51.
Документы АУПЦ, АСЕУ.

Схиигумен Николай (Хондарев). 1959 г. Личный архив автора

Схиигумен Николай (в монашестве Никон, в миру Никита Васильевич Хондарев) родился 30 марта 1874 г. в селе Уланово Глуховского уезда Черниговской губернии[1]. Родители его были государственными крестьянами. В богобоязненной семье он с малых лет проникся духом благочестия и любовью к святому храму. В 1887 г. Никита окончил земское училище, но ничто земное его не привлекало. Душа его искала живого, опытного познания Бога, жажда спасения влекла юношу к монашеской жизни. Это богоугодное стремление разделял и его близкий друг Григорий Маслов (впоследствии глубоко уважаемый о. Николаем Глинский подвижник иеромонах Гавриил)[2], вместе с которым в 1893 г. он поступил в Глинскую пустынь[3]. Отличавшегося телесной крепостью и силой Никиту часто назначали на самые тяжелые монастырские послушания, но он так горел любовью ко Господу, что все казалось ему

легко и утешительно. Об отдыхе он почти и не помышлял. Старец любил вспоминать, как в те годы его с Григорием направляли охранять монастырский сенокос. Здесь все ночи проводили они в молитве и славословии Бога, затем подкрепляли друг друга духовной беседой, приходилось им и прогонять с сенокоса людей, приводивших туда своих лошадей[4].

В обители Никита проходил также послушание при живописной мастерской[5]. Вместе с о. Никодимом (Калиушем) в 1900 г. он был переведен в Чуркинскую Николаевскую пустынь[6]. Здесь он отличался благоговейно-подвижнической жизнью и усердием к службам церковным. В 1905 г. Никиту перевели в Астраханский Иоанновский монастырь, где он принял постриг в монашество с именем Никон, а 11 декабря того же года архиепископом Астраханским Георгием (Орловым) был рукоположен во иеродиакона[7]. Служить о. Никон любил и часто сверх своей чреды совершал богослужение за собратий. В обители все знали, что Никон всегда готов к служению по своей трезвенной и молитвенной жизни.

13 сентября 1909 г. архиепископ Георгий рукоположил его во иеромонаха, а в 1912 г., как строгий исполнитель иноческих обетов, о. Никон был назначен благочинным Чуркинской обители[8].

По указу Священного Синода в 1914 г. о. Никона назначили священником при военном госпитале. Жизнь, полная опасностей, научила не страшиться никаких препятствий. Старец рассказывал, как в то военное время напали на него бандиты, но благодаря своей богатырской силе и стойкости духа он один всех их разогнал[9].

За ревностное выполнение священнических обязанностей и понесенные труды в 496-м военном госпитале о. Никон в 1916 г. был награжден наперсным крестом[10], а в 1917 г. — орденом Св. Анны 3-й степени[11]. После заключения мира в 1918 г. он вернулся в Глинскую пустынь. В строгих иноческих подвигах, часто совершая богослужения, жил о. Никон в обители до ее закрытия, а затем — на родине у братьев.

С 1929 по 1932 г. он служил в селе Благодатном Курской епархии. В 1932 г. о. Никон был арестован и сослан в Архангельск. В тяжелые годы ссылки он отличался особой крепостью духа, которая проявлялась в миролюбии, терпеливом и радостном принятии страданий и испытаний. Вернувшись в 1936 г. из ссылки, о. Никон жил на родине и работал печным мастером. В 1941 г. начал служить в церкви села Береза Глуховского района, а в 1944 г. вернулся в Глинскую пустынь[12].

Постоянная ровность характера, любвеобильное обращение с людьми, наконец, природный здравый ум снискали ему всеобщее расположение. Но его пребывание в пустыни было недолгим. В том же 1944 г. епископ Сумской и Ахтырский Корнилий назначил его служить на приход: сначала в село Ковенки Шалыгинского района, потом на прежнее место, в Березовскую церковь, и, наконец, в село Ярославца Глуховского района[13].

Отец Никон пользовался огромным авторитетом у паствы. Сама жизнь его была примером для всех. Скорби и искушения способствовали его духовному совершенствованию. Они выявляли все греховное, что оставалось в сердце старца, и побуждали мобилизовать внимание и духовную ревность на искоренение того, что удаляет человека от Бога. С Божией помощью преуспел он в подвижнической жизни, созрели в нем духовная мудрость и опытность. Отец Никон всем сердцем и душой был

привязан к храму, жил с ним одной благодатной жизнью, заботился о его благолепии и украшении. Здесь в него проливались дары Божественной благодати, любви и умиления, духовной радости и близости к горнему миру.

Пастырство его было истинно духовное. С верой в силу помощи Божией о. Никон возрождал паству к новой благодатной жизни. Своей любовью он побеждал в одних страх, в других холодность и пренебрежение; одних вызывал к доверчивости, других подвигал на покаяние.

Более всего о. Никон заботился о том, чтобы заложить в глубине сердца человека сознание неотразимой правды и абсолютной чистоты проповедуемого учения Православной Церкви. Будучи истинным пастырем, он органически усвоил преподаваемое высокое учение, оно стало его собственным цельным, ясным мировоззрением. Поэтому проповеди о. Никона оказывали неотразимое воздействие на слушателей. Они чувствовали, как самый дух проповедника входит в их души. Отец Никон не стремился отвлеченными катехизическими и богословскими поучениями привести людей к Богу, но сам был проводником Божественной благодати, изменяющей человеческие сердца.

Отец Никон всегда был ревностным поборником Православия. Он рассказывал, как еще до революции на Пасху в Глинской пустыни он спорил со штундистами, которые говорили: "Наша вера лучше". Для разрешения спора о. Никон предложил взять два яйца, на одном написали "Христос воскресе", на другом — "Штунда". Эти яйца долго лежали, когда их вскрыли, то от штундистского яйца пошло зловоние, а первое было свежайшее. Старец рассказывал об этом с детской радостью и даже смеялся.

Часто он говорил в своих поучениях о том, что спасение человека совершается только в Святой Православной Церкви. Но тесного единения со Христом в живом организме Церкви сподобляются только те лица, которые содержат Православную веру в чистоте и святости, подвизаются в благочестии и стремятся постоянно пребывать в доброделании. Не все члены Церкви настолько совершенны, но Церковь подает своим последователям духовное врачевство. Они могут остаться в Церкви, если оставят свои грехи, оплачут их и принесут искреннее покаяние перед священником.

Господь именно для того и основал на земле Свою Святую Церковь, чтобы всегда очищать, врачевать желающих душевного и телесного здравия, просвещать ищущих освобождения от греховной тьмы, вести человека ко спасению. Раскаявшегося грешника Святая Церковь воспринимает в свои объятия и подает ему надежду на получение вечной жизни. Отсюда следует важность и необходимость для спасения пребывать в союзе с Православной Церковью, и опасность для живущих вне этого священного союза.

Ко всем людям о. Никон относился беспристрастно. Сердце его было открыто человеку любых убеждений, поэтому к нему тянулись самые разные люди. В каждом человеке видел он только его бессмертную душу и старался привести ее к Богу. После разговора со старцем в душе человека пробуждалась скорбь о своем недостоинстве, о потере чистоты духа, искреннее стремление к небу.

Отец Никон впоследствии говорил, что отречение пастыря от своего "я" со всеми его особенностями (национальными, сословными, индивидуальными) ведет за собой беспристрастие, нелицеприятие, бескорыстие и предохраняет деятельность пастыря от нежелательных в ней качеств.

В 1948 г. о. Никон по благословению Святейшего Патриарха Алексия был возведен в сан игумена, а в 1953 г. возвращен в Глинскую пустынь. В обитель стали ездить его бывшие прихожане, обращались к нему и многие другие богомольцы.

Часто можно было видеть, как старец, окруженный людьми, давал советы, отвечал на вопросы, благословлял своих духовных чад, а иногда водил их на братское кладбище Глинской пустыни, где покоится много святых.

Видя духовную мудрость и опытность старца, обращались к нему и многие иноки. Отец Никон говорил, что жить духовно — значит непременно иметь в своем сердце благодать Святого Духа, а духовный подвиг инока прежде всего заключается в очищении сердца от страстей.

Именно в переоценке духовных ценностей, в перенесении центра своих стремлений, желаний и помышлений с внешних предметов на внутренний мир, в освобождении от всего греховного, что отделяет человека от Бога, и состоит очищение сердца. Это приводит последователя Христова к истинной христианской жизни, что делает его целенаправленным, более сосредоточенным, способным на всякое доброе дело. Духовность свидетельствует о способности христианина жить добродетельно.

Советов и наставлений старца просили многие священники, среди них и те, кто лишь начинал свое служение. Отец Никон считал, что сила евангельской необмирщенности (в миру, но не от мира) должна быть присуща всякому пастырю. Лишь необмирщенность, несвязанность пастыря ни с какими ценностями земными может сделать пастыря свободным во Христе. "*Если Сын освободит вас* (от всех призрачных и временных ценностей земли. — *А.И.*), *то истинно свободны будете*" (Ин. 8, 36). Пастырь, как призванный освобождать души для Царствия Божия, должен быть, прежде всего, свободен сам от власти мира, плоти и диавола. Пастырю нужно с первых дней своего служения избегать всякого пристрастия к материальному благополучию, которое делает его нерадивым. У пастыря на первом плане должно быть ревностное усердие к исполнению своего долга. Когда пасомые увидят в пастыре это усердие, то начнут любить его, и этим он приобретет доверие прихожан. К такому пастырю и материальные средства придут быстрее, чем к тому, кто их ищет.

Старец повторял, что в основе христианского мировоззрения лежит любовь к Богу и человеку. Чувство живой веры в Бога и горячей любви к Нему и людям сделаются в пастыре Церкви основанием того истинного и прочного чувства долга, которое внесет в его деятельность святое воодушевление, внесет в нее дух и жизнь; станут для пастыря источником таких высоких духовных радостей и наслаждений, во имя которых он твердо и мужественно преодолеет и перенесет все злое, что может встретиться на его тернистом пути, — эти благодатные радости и наслаждения сделаются для него такой наградой, которую он не променяет ни на какие блага мира.

В возрасте восьмидесяти пяти лет о. Никон, по прошению, был пострижен в схиму с именем Николай[14]. Усилив подвиги поста, бдения и молитвы, он по-прежнему принимал иноков и богомольцев, с трогательной заботой и любовью относился к младшей братии. Подвижник Божий отличался необыкновенной добротой, часто бодрым словом стремился поднять дух молодых иноков, а если они заболевали, то сам делал лекарство и ухаживал за ними. Настоятель отзывался о нем, как о "старце примерной жизни"[15].

После закрытия обители схиигумен Николай жил у родственников в Глухове, где и окончил свою земную жизнь.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

2 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 108. Иеромонах Гавриил, известный своей прозорливостью, был близким родственником схиархимандрита Иоанна (Маслова). Предсказывая будущее о. Иоанна, он говорил родным: "Поверьте, я умру, а в нашем роду будет еще монах". — *Примеч. издат.*

3 АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

4 Личный архив автора. Воспоминания схиигумена Николая (Хондарева).

5 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 107.

6 АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

7 Там же.

8 Там же.

9 Личный архив автора. Воспоминания схиигумена Николая (Хондарева).

10 АСЕУ. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

11 Там же. Список священнослужителей с указанием наград, декабрь 1917 г.

12 Там же. Послужной список игумена Никона (Хондарева).

13 Там же.

14 АСЕУ. Рапорт настоятеля Глинской пустыни игумена Феогена (Тарана) епископу Сумскому и Ахтырскому Иоасафу от 13 апреля 1959 г.

15 Там же. Послужной список схиигумена Николая (Хондарева).

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1899 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 1, л. 107—108.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 25, 28, 51.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

ИЕРОСХИМОНАХ ПАИСИЙ

Иеросхимонах Паисий (в монашестве Полиевкт, в миру Павел Дмитриевич Гришкин) родился 8 декабря 1879 г. в селе Гусевка Людиновского уезда Калужской губернии в крестьянской семье[1]. Благочестивая семья Гришкиных была достаточно обеспечена[2] и часто приезжала на богомолье в Оптину пустынь. С малых лет сердце Павла горело любовью к Богу и к жизни иноческой. Господь еще в детстве даровал ему многоопытного духовного наставника. Им стал бывший келейник преподобного Амвросия, известный впоследствии Оптинский старец Анатолий (в миру Александр Потапов). После кончины скитоначальника Оптиной пустыни о. Иосифа (Литовкина) именно он выделился среди всех учеников старца Амвросия и пользовался всеобщим уважением. По отзывам современников, "на нем ясно чувствовались дух и сила первых великих Оптинских старцев", а по своему "стремительному, радостно-любвеобильному и смиренномудрому обращению с людьми он напоминал преподобного Серафима Саровского[3]. По благословению о. Анатолия Павел в 1898 г. после окончания сельской школы, поступил в Оптину пустынь[4]. Послушание он проходил при рухлядной[5], к старцу своему ходил ежедневно сначала в скит Оптиной пустыни, затем в храм Владимирской иконы Божией матери, при котором была келлия о. Анатолия. Старец очень почитал святителя Тихона Задонского и часто давал своим духовным детям читать его творения. Поучения же самого о. Анатолия всегда указывали Павлу верный путь к достижению духовного совершенства, а весь строго подвижнический уклад жизни обители не давал ослабеть его ревности.

В 1918 г. Павла постригли в рясофор[6], а в 1920 г. в монашество с именем Полиевкт[7]. Вместе со своим старцем он пережил в обители все трудности военного времени, революции и гражданской войны[8]. Советы старца и его наставления о. Полиевкт не только с благоговением хранил в своем сердце, но и делом исполнял их до самых последних дней своей жизни. Особенно запомнились ему слова о пользе откровения помыслов, которое постепенно приводит человека к истинному смирению, рождая в душе сознание своей греховности и болезнование о ней.

За долгие годы жизни в монастыре при полном отсечении своей воли и своего "я" о. Полиевкт достиг высокой степени чистоты сердца и мудрости духовной. Строгость к себе, недоверие к своему мнению и полное послушание были его отличительными чертами.

После закрытия Оптиной пустыни монах Полиевкт работал чернорабочим в Днепропетровске, затем в Козельске, с 1940 по 1943 г. жил на родине. В 1943 г. он переехал в Новочеркасск Ростовской области, где в 1945 г. епископом Смоленским Стефаном был рукоположен во

иеродиакона, а в 1949 г. епископом Ростовским Вениамином — во иеромонаха[9]. До 1954 г. он служил в Новочеркасске, затем в селе Петровское Ростовской области[10].

В 1955 г. о. Полиевкт направил прошение архимандриту Серафиму (Амелину) о принятии его в Глинскую пустынь. Об этом же просил епископа Евстратия митрополит Ростовский и Каменский Вениамин, который писал: "Отец Полиевкт — бывший монах Оптиной пустыни, хорошо знающий монастырскую жизнь; он скромен, любит церковные службы и доброго поведения"[11].

Иеросхимонах Паисий (Гришкин) 1957 г. АСЕУ

В мае 1955 г. иеромонах Полиевкт был переведен в Глинскую пустынь на покой[12]. Здесь он жил на первом этаже бывшего больничного корпуса в одной келлии сначала с иеросхимонахом Иларионом (Щастным), затем со схимонахом Варсонофием (Середой). Превозмогая болезни, о. Полиевкт много трудился в обители, не позволяя себе никаких послаблений. Настоятель архимандрит Серафим писал о нем епископу Евстратию: "Иеромонах Полиевкт, несмотря на престарелые годы и сердечную болезнь, зарекомендовал себя послушным и трудолюбивым старцем, участвуя в физическом труде и отправлении церковных треб"[13]. В 1957 г. епископом Евстратием он был награжден набедренником[14].

Это был строгий и ревностный исполнитель иноческих обетов. По отношению к глубоко уважавшей его братии обители он также был строг, требователен и взыскателен. Часто напоминал он инокам об их обещании служить Христу верой и правдой, о том, что совесть есть внутренний мздовоздаятель всех дел и поступков христианина, и желающий достигнуть вечного спасения не только должен бороться с грехом, но

обязан не соглашаться с порочными мыслями и пожеланиями, которые нарушают спокойствие его совести.

Имея глубочайшее смирение и самоукорение, он в то же время мог обличить любого, кто не исполнял монашеских обязанностей, — и старшего, и младшего.

За советом к о. Полиевкту обращались многие священнослужители. Старец говорил, что добрая жизнь пастыря должна заключаться в полном отречении от самого себя, от своих личных интересов и стремлений, в самоотверженной любви к Богу и исполнении Его благой воли. Господь Иисус Христос, проходя общественное служение, единственной целью для Себя поставил: "*Да сотворю волю Пославшего Мя*" (Ин. 4, 34). Это было "брашно" Спасителя, т.е. духовная настроенность всей Его земной жизни. Послушание воле Небесного Отца — самая главная черта характера Пастыреначальника: "*Не Моя воля, но Твоя да будет*" (Лк. 22, 42). Послушание Божественной воле должно быть также целью пастыря Церкви Христовой. Он обязан жить согласно с учением Христовым.

У о. Полиевкта было очень много почитателей среди богомольцев. Он обладал молитвенным даром так воздействовать на человека, что тот, чувствуя невидимое присутствие всемогущего Господа, со всей откровенностью исповедовал старцу самые потаенные движения своего сердца. Людей, живущих в миру, о. Полиевкт учил созидать свое спасение в мелочах будничной жизни так, чтобы все дела были сделаны Господа ради и во славу Его.

Он наставлял всех во время пребывания в храме не развлекаться и не разговаривать, внимать чтению и пению, так как Слово Божие, как Слово самой Божественной Истины, благодатной своей силой просвещает разум, очищает совесть и сердце, делает их способными к восприятию благодатных внушений. Сила благодати, сокровенная в Слове Божием, возбуждает и укрепляет волю к исполнению закона Божия, к борьбе с искушающим злом и демонами. Слово Божие, по словам святителя Тихона Задонского, насаждает и укрепляет в нас веру, утверждает надежду, насаждает и укрепляет в нас любовь к Создателю. Словом Божиим вся Святая Церковь в вере пребывает, утверждается и спасается.

Несмотря на строгость, о. Полиевкт всегда принимал самое теплое участие в скорбях ближних, а поэтому он особенно мог утешить приходящих к нему. Он не отчаивался ни в чьем исправлении, умел ободрить и поднять дух у людей нерадивых и малодушных, вселить надежду в унывающих. Старец старался довести до сознания своих духовных детей, что исполнение воли Божией и надежда на Него доставляют не только облегчение в телесных и душевных скорбях, но и утешение, исключающее возможность всякого уныния.

В возрасте 80-ти лет, по прошению, он был пострижен в схиму с именем Паисий и с присущей ему ревностью подвизался в схимнических трудах. После закрытия Глинской пустыни о. Паисий перешел в Троице-Сергиеву Лавру, где также пользовался большим уважением братии. Но в скором времени он почил там о Господе.

Примечания

[1] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16.

[2] Там же.

[3] Четвериков Сергий, прот. Оптина пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. 1926. С. 100.

[4] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16 (Анкета служителя культа Гришкина П.Д.). Данные этой анкеты не совпадают с данными послужного списка о. Паисия, где сказано, что он поступил в Оптину пустынь в 1890 г. (АСЕУ).

[5] ГБЛ, ф. 213, к. 2, ед. хр. 3, л. 5.

[6] Там же, к. 4, ед. хр. 4, л. 105.

[7] АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

[8] В декабре 1918 г. Уездной Продовольственный Комитет приказал казначею Оптиной пустыни выдавать братиям монастыря, занимающимся физическим трудом, по одному фунту хлеба в сутки, а остальным только полфунта. (ГБЛ, ф. 213, к. 4, ед. хр. 4, л. 14). В Оптиной пустыни числилось тогда 350 человек, не считая беженцев и богомольцев, всего же — 500 человек (Там же, л. 12, 13).

[9] АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Паисия (Гришкина).

[10] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16 об.

[11] АСЕУ. Письмо митрополита Ростовского и Каменского Вениамина епископу Сумскому и Ахтырскому Евстратию от 5 мая 1955 г.

[12] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16 об — 17.

[13] АСЕУ. Рапорт настоятеля Глинской пустыни архимандрита Серафима (Амелина) от 30 июня 1955 г.

[14] Там же. Список священнослужителей с указанием наград. Декабрь 1957 г.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 16—17.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22—23.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 23, 28, 51.

Списки послушников Оптиной пустыни за 1892, 1904, 1914 гг. // ОР ГБЛ, ф. 213, к. 2, ед. хр. 3, л. 5.

Материалы о послушниках Козельской Введенской Оптиной пустыни // Там же, к. 3, ед. хр. 15, л. 5.

Документы, связанные с жизнью и деятельностью Козельской Введенской Оптиной пустыни в 1917—1919 гг. // Там же, к. 4, ед. хр. 4, л. 105.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

СХИМОНАХ ВАРСОНОФИЙ

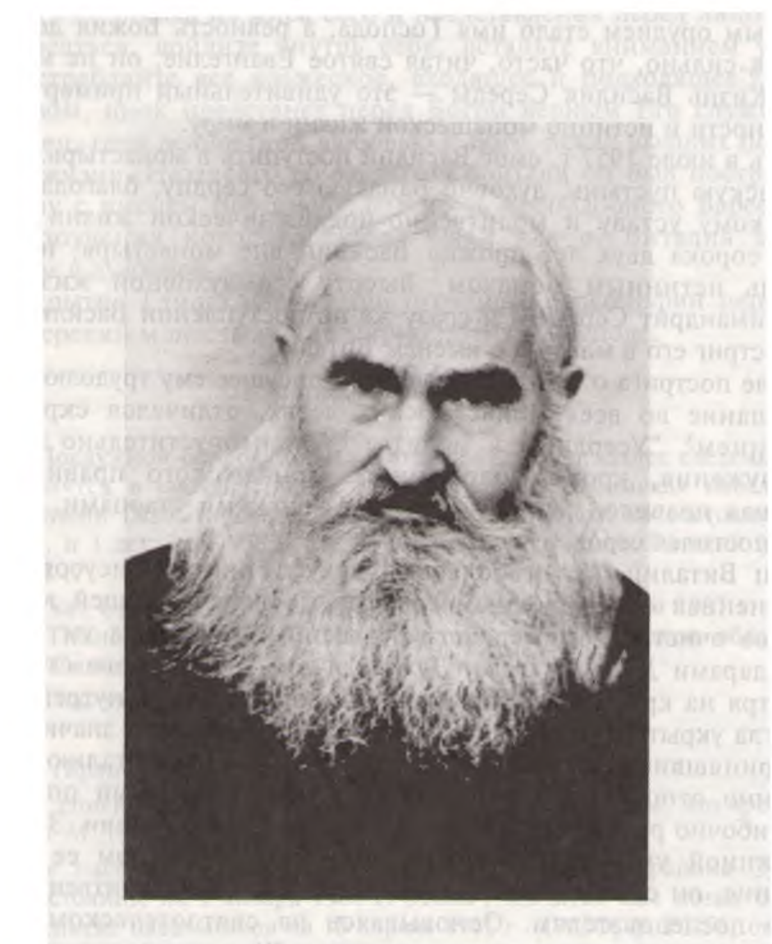
Схимонах Варсонофий (в монашестве Виталий, в миру Василий Филиппович Середа) родился 28 апреля 1878 г. в городе Ромны в семье украинского казака[1]. В 1890 г. он окончил три класса народной школы, с 1900 по 1904 г. был на военной службе, с 1905 по 1906 г. участвовал в русско-японской войне.

Страдания людей, с которыми он столкнулся в это военное время, недолговечность и суетность человеческой жизни, гибель сослуживцев, очевидцем которой он был, глубоко потрясли его. Размышления о смерти, о ее неизбежности возвысили его душу и породили в ней желание послужить Господу в монашеском звании. Стремясь к жизни подлинно аскетической и совершенно отрешенной от мирской суеты, испросив благословение родителей, Василий в 1910 г. отправился на Афон. Святая Гора покорила душу Василия необыкновенной, как бы специально созданной для иноческой жизни природой, древними обителями, продолжительными торжественными богослужениями. И он со слезами припал к ногам богомудрых Афонских старцев, умоляя принять его в число братства Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Видя искренность и чистоту его намерений, старцы приняли его в обитель. Прежде всего по афонскому обычаю он исповедал духовнику грехи за всю свою жизнь и, обновленный в Таинстве покаяния, приступил к первым монастырским трудам.

Вначале для испытания твердости его воли Василия назначили на самые тяжелые послушания, но, видя его самоотверженность и добросовестность, перевели в канцелярию, где он проявил себя способным, смиренным и трудолюбивым послушником.

Многовековой уклад жизни Свято-Пантелеимонова монастыря был средством к стяжанию иноками благодатных даров Святого Духа. Продолжительные богослужения в храме (когда вся ночь посвящалась исключительно молитве), молитвенное келейное правило, ежедневное исповедание помыслов, строгие посты (в понедельник, среду и пятницу ели один раз в день и без постного масла), труды послушания, чтение святоотеческих творений из богатейшей монастырской библиотеки — все это очищало душу молодого послушника и возогревало его ревность в деле спасения.

Это были годы расцвета русского монашества на Афоне. В обители воздвигали новые храмы, умножалась братия. В 1912 г. в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре было 25 храмов и параклисов, подвизалось более 1800 иноков, среди них много опытных в духовной жизни старцев, деятельно проходивших молитву Иисусову, в их числе и старец схимонах Силуан (в миру Семен Иванович Антонов).



Схимонах
Варсонофий (Середа).
1959 г.
Личный архив
автора

Под их руководством упражнялся в непрестанной Иисусовой молитве и Василий. Это духовное делание стало основным в его жизни. В 1915 г. он был призван в русскую армию и воевал до заключения мира с Германией. Вернуться на Святой Афон, куда так стремилась его душа, он не смог из-за начавшейся гражданской войны. Василий жил на родине, работая по найму столяром.

В эти тяжелые годы жизнь на Афоне казалась ему раем. Но он, молясь непрестанно, не терял духовной целенаправленности. Его постоянным духовным орудием стало имя Господа, а ревность Божия действовала в нем так сильно, что часто, читая святое Евангелие, он не мог сдержать слез. Жизнь Василия Середы — это удивительный пример внутренней собранности и истинно монашеской жизни в миру.

Лишь в июле 1957 г. смог Василий поступить в монастырь. Он приехал в Глинскую пустынь, духовно близкую его сердцу, благодаря строгому Афонскому уставу и молитвенно-подвижнической жизни ее старцев. Более сорока двух лет прожил Василий вне монастыря, но пришел в обитель истинным монахом. Высоту его духовной жизни прозрел схиархимандрит Серафим и сразу же по поступлении Василия в пустынь сам постриг его в мантию с именем Виталий[2].

После пострига о. Виталий проявил присущее ему трудолюбие и редкое послушание во всех монастырских делах, отличался скромностью и смирением[3]. "Усердный к молитве"[4], он неопустительно посещал все богослужения, кроме положенного монашеского правила, келейно совершал правило, данное ему еще Афонскими старцами, спал крайне мало, постился строго.

Отец Виталий достиг большого преуспеяния в Иисусовой молитве. Соединенная со смиренным сознанием своих немощей непрестанная молитва очистила его сердце от страстей, просветила ум и наполнила душу дарами Духа Святого. Духовная опытность этого старца Божия, несмотря на крайнее немногословие и сокровенную внутреннюю жизнь, не могла укрыться от внимательной братии. И монахи, значительно ранее его принявшие постриг, часто обращались к о. Виталию за советом, особенно относительно молитвы Иисусовой. Богатый опытом старец безошибочно руководил ими в этом сокровенном делании. Занимаясь сам постоянной умной молитвой и получая посредством ее благодатное утешение, он считал своим долгом передать опыт молитвенного делания своим последователям. Основываясь на святоотеческом учении, он говорил, что молитва есть дыхание души. "Что воздух для жизни тела, то Дух Святой для жизни души. Душа посредством молитвы дышит святым, таинственным воздухом"[5]. Но для стяжания такой молитвы необходимо внутреннее внимание, необходимо смирение, сокрушение сердца и покаяние. Отсутствие этих элементов истинной молитвы есть признак уклонения в ложное направление, признак самообольщения, прелести или бесплодия.

Пользуясь в монастыре большим авторитетом, он передавал подвижникам многовековые традиции афонского старчества. Старчество очень полезно и спасительно, но в основе его должно быть не просто повиновение, а доверие и откровенность между пастырем и пасомым, а также видимая духовная польза, какую получает спрашивающий о всех, даже самых мелких вопросах в духовной и практической жизни.

Предвидя закрытие монастыря и зная, что о. Виталий долгое время и вне обители жил истинно по-монашески, многие иноки обращались к нему за поддержкой и советом. Его краткие, ясные наставления содержали в себе духовную силу, возгревали в братии ревность ко спасению и укрепляли в уповании на великую милость Божию и Его спасительное руководство. Отец Виталий говорил, что вступление в иноческий чин знаменует собой твердую решимость жить, не поддаваясь увлечениям страстей. Подвиг этот непрерывен в течение всей земной жизни вплоть до отхода из мира сего и представления перед лицом Бога. "Хотите спасаться, войдите внутрь себя, встаньте вниманием у входа сердца и истребляйте все вражеское, входящее и подходящее"[6]. Живя таким образом, инок предстанет перед Богом верным Его служителем. Сам же старец, горя ревностной любовью к Богу, искал высших подвигов в духовной жизни. Незадолго до закрытия обители он был пострижен в святую схиму с именем Варсонофий[7] в честь преподобного Варсонофия Великого, поучения которого всегда были для о. Виталия верным руководством в духовной жизни.

После закрытия Глинской пустыни схимонах Варсонофий перешел в Псково-Печерский монастырь, где мирно почил о Господе.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список монаха Виталия (Середы). Далее сведения о его жизни приводятся в соответствии с этим списком. В списках насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1948 г. и 1 декабря 1958 г. (АСЕУ) указано, что монах Виталий (Середа) родился в 1868 г.

2 АСЕУ. Указ Сумского епархиального управления от 9 июля 1957 г. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1958 г.

3 Там же. Послужной список монаха Виталия (Середы).

4 Там же.

5 Игнатий (Брянчанинов), епископ. Соч. СПб., 1915. Т. 1. С. 141.

6 Феофан, епископ. Напоминание всечестным инокам о том, что требует от них иночество. М.,1892. С. 31.

7 В списке насельников Глинской пустыни Глуховского района Сумской области по состоянию на 1 января 1961 г. (АСЕУ) значится еще монах Виталий (Середа), а в списке насельников на 15 апреля 1961 г. (ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 51) — уже схимонах Варсонофий (Середа).

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 22—23.

Материалы о закрытии монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 24, 30, 51.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

Документы личного архива автора.

ИЕРОМОНАХ МИХАИЛ

Иеромонах Михаил (в миру Макарий Артемьевич Петренко) родился 25 июня 1883 г. в селе Ястребщина Глуховского уезда Черниговской губернии. Родители его были крестьяне. В 1901 г. он окончил церковно-приходскую школу, с 1905 по 1907 г. был на военной службе, затем жил на родине и занимался сельским хозяйством[1].

29 мая 1943 г. Макарий поступил в Глинскую пустынь. Кроме общих послушаний, исполнял в обители послушание пономаря. В 1945 г. он был пострижен в монашество с именем Михаил и рукоположен во иеродиакона, а в 1948 г. — во иеромонаха, с 1947 г. исполнял должность ризничего[2]. В 1948 г. в Глинскую пустынь поступил младший брат о. Михаила — Александр. Оба они жили на первом этаже бывшей часовни — "углового столпа", под келлией духовника обители иеросхимонаха Серафима (Романцова). Александр был очень болезненным и в 1953 г. умер.

23 марта 1953 г. о. Михаил был назначен экономом обители[3]. В этой должности он много потрудился, ревностно заботясь о строительстве новых зданий в монастыре.

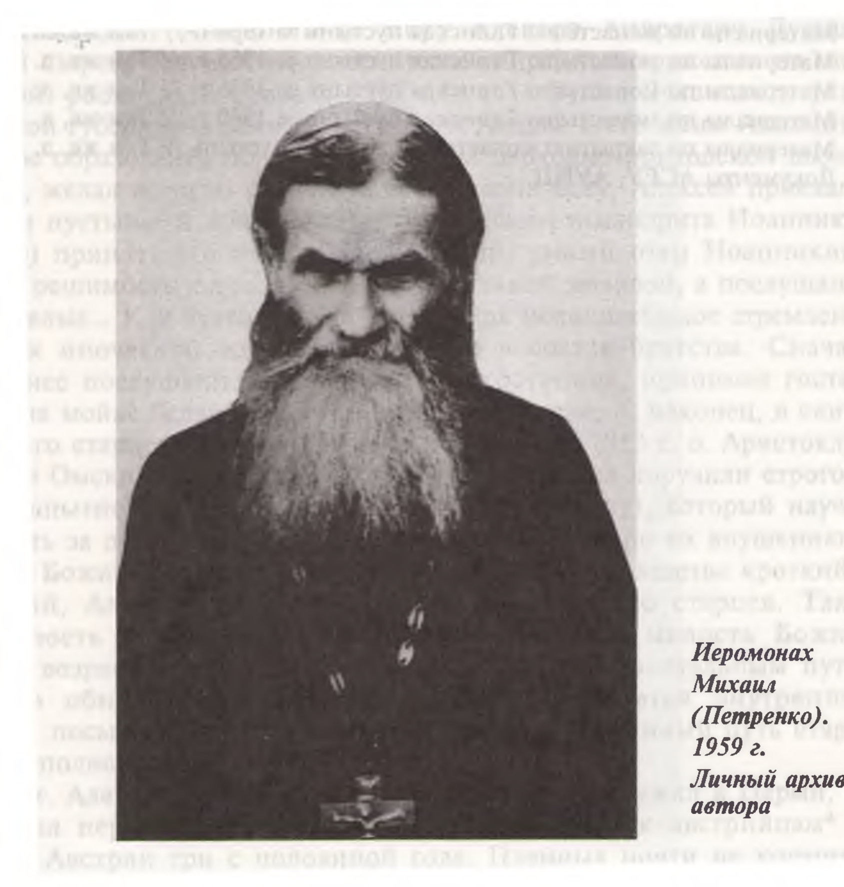
Кроткий, смиренный, молчаливый, он был любим всей братией. В 1954 г. о. Михаил был награжден набедренником[4]. В его послужном списке сказано, что он отличался "особым смирением, терпением и послушанием". Отец Михаил совершал чредное священнослужение и исповедовал богомольцев[5].

Это был духовник ревностный, он стремился возрождать души тех, кто к нему обращался, приводить их к единению со Христом, требовал от них глубокого молитвенного подвига и постоянной борьбы с грехом. Как духовник, он имел необходимую мудрость и духовный опыт, которые позволяли ему умело врачевать души и налагать наказание не просто по мере прегрешений, но исследовав намерение согрешающих. Его сердечная чуткость и наблюдательность помогали ему в труднейшем деле руководства людьми различного характера и воспитания. Он всегда ясно видел, кого нужно строго наказать, а кого, наоборот, утешить и поддержать даже после падения.

Отец Михаил умело ободрял своих чад, водворял в их сердца желание стремиться к небесной жизни, а все их недостатки и падения считал следствием своей собственной недостаточной ревности и мудрости и поэтому всегда и во всем внутренне укорял себя. Он пользовался большим авторитетом у богомольцев.

Духовная опытность о. Михаила привлекала к нему и братию монастыря, многие иноки приходили к нему за советом. Возбуждая в них ревность к истинно монашеской жизни и раскрывая ее смысл, о. Михаил

говорил, что Царствие Божие есть внутреннее состояние, которое является следствием духоносного и богоносного настроения души. Человек с таким настроением уже на земле становится членом Царствия Божия и способен переживать радость райского состояния. К стяжанию этого Царствия в своей душе еще здесь, на земле, должен стремиться каждый человек, тем более монах. О духовной опытности о. Михаила, о высоком доверии, которое оказывали ему воспитавшие его Глинские старцы, свидетельствует то, что ему поручали совершать постриги в монашество и руководство новоначальными.



Иеромонах Михаил (Петренко). 1959 г.

Личный архив автора

В 1958 г. Святейшим Патриархом Алексием I о. Михаил был награжден наперсным крестом[6].

В последние годы жизни в обители у о. Михаила от больших нагрузок ноги были покрыты язвами, но он все терпел и продолжал ходить в храм, совершал богослужения и исповедовал. После закрытия обители сначала из-за болезни ног он был переведен в Глуховскую районную больницу[7], затем переехал в село Шалыгино, где в скором времени скончался.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Михаила (Петренко).

2 АУПЦ. Список братии Глинской Рождество-Богородицкой пустыни по состоянию на 1 января 1947 г.

3 АСЕУ. Распоряжение епископа Сумского и Ахтырского Евстратия от 27 марта 1953 г.

[4] Там же. Список священнослужителей с указанием наград. Декабрь 1957 г.

[5] Там же. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

[6] Там же. Послужной список иеромонаха Михаила (Петренко).

[7] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 59.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1953 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 31.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // Там же, д. 34.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1956 г. // Там же, д. 43.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

СХИАРХИМАНДРИТ АНДРОНИК (†1974)
(8 марта ст. ст. / 21 марта нов. ст.)

Схиархимандрит Андроник (в миру Алексей Андреевич Лукаш), маститый старец, великий молитвенник и смиренный труженик на ниве Христовой, родился 12 февраля 1889 г. в селе Луппа Лохвицкого уезда Полтавской губернии в семье крестьянина Андрея и его жены Акилины[1]. Начальное образование получил в сельской церковно-приходской школе. В 1905 г., желая всецело посвятить свою жизнь Богу, Алексей приехал в Глинскую пустынь[2] и попросил настоятеля схиархимандрита Иоанникия (Гомолко) принять его в обитель. "Строгий, умный отец Иоанникий", проверяя решимость юноши, спросил: "Ты такой молодой, а послушания у нас тяжелые... Как будешь жить?"[3]. Но, видя непоколебимое стремление Алексея к иноческой жизни, принял его в состав братства. Сначала Алексей нес послушание в монастырской гостинице, принимая гостей, затем — на мойке белья, на кухне, в саду, на пасеке, и, наконец, в скиту. Первым его старцем был о. Аристоклий (Ветер). В 1913 г. о. Аристоклий перешел в Омский Покровский монастырь, а Алексея поручили строгому аскету и опытному подвижнику о. Иулиану (Гагарину), который научил его следить за душевными страстями, не действовать по их внушению, а призывая Божию помощь, противоборствовать им. С детства кроткий и смиренный, Алексей полностью предал себя в волю старцев. Такая настроенность привлекала к нему благоволение и милость Божию, помогала возрастать в богоугодной жизни и идти спасительным путем духовного обновления. Тем, кто усердно занимается внутренним подвигом, посылаются и сугубые скорби. Так и жизненный путь старца был преисполнен различных скорбей.

В 1915 г. Алексея призвали в армию. Сначала он служил в Перми, но вскоре был переведен на фронт, где попал в плен к австрийцам[4] и пробыл в Австрии три с половиной года. Пленных почти не кормили, работу давали самую трудную. Многие пленные умерли. Но Алексей усиленно молился и принимал все скорби как от руки Божией. От такого внутреннего устроения в душе его постоянно сохранялся мир. Он стяжал живую веру и получал благодатные утешения. О страданиях тех лет старец с присущей ему кротостью говорил: "Мы землю копали, все равно ведь нужно трудиться. И чудеса Божии сопутствовали нам"[5]. Конвоиры, видя, как старательно он работает, предлагали ему табак (нередко пленные меняли хлеб на табак), но Алексей не брал. Они удивлялись и говорили: "И не курит, и трудится"[6]. После окончания войны в 1918 г. он вернулся в обитель, где сначала проходил послушание на монастырской мельнице, а затем был определен на должность эконома[7]. 11 июня 1920 г. был пострижен в рясофор, а в 1921 г. — принял монашеский постриг с именем Андроник[8]. День пострига навсегда остался в его памяти. Позднее

Отец Андроник (Лукаш) на послушании в Глинской пустыни

Схиархимандрит Андроник (Лукаш). Личный архив автора

он писал и говорил своим духовным детям: "Помните великий день вашего пострига, помните обеты при постриге, данные вами... быть истинными монахами — вовеки не согрешите"[9]. Годы, проведенные в обители, оставили в молодом иноке неизгладимый след и способствовали его духовному совершенствованию. И впоследствии, где бы он ни был, он всегда был тверд в исполнении своих монашеских обетов.

Отец Андроник глубоко переживал закрытие Глинской пустыни и говорил, что это было "событие страшное"[10]. Своей строгой иноческой жизнью и беспрекословным послушанием монах Андроник обратил на себя внимание епископа Павлина (Крошечкина), Курского викария, который взял его к себе в келейники и в 1922 г. рукоположил во иеродиакона. Старец рассказывал: "Однажды в храме подошла ко мне какая-то женщина и со слезами говорила, что все церкви закрыты, колокола перестали звонить, а я сказал: "Бог даст и зазвонят", за эти слова сослали меня на Колыму в 1923 г. на 5 лет[11]. В ссылке о. Андроник служил санитаром в тюремной больнице. Он ухаживал за больными с искренними состраданием и любовью, сам мыл их. Все его любили, а сосланные узбеки даже звали "мамой". Однажды в больницу привезли умершего епископа Иринарха (Синькова). Отец Андроник обмыл его и упросил врача, чтобы тот отдал для погребения епископа большой гроб, который несколько лет стоял в больнице, потом "застелил гроб белой простыней, из полотенца сделал омофор, надел на епископа свою шапку и в руки дал четки[12]. Отец Андроник написал епископу Павлину, что Господь сподобил его похоронить епископа Иринарха. В 1936 г. он был награжден за это золотым наперсным крестом Патриаршим местоблюстителем блаженнейшим митрополитом Сергием. По амнистии о. Андроник вернулся из ссылки раньше срока и по-прежнему был келейником у епископа Павлина, который в 1926 г. в Московском храме Воскресения в Сокольниках (к этому времени преосвященный Павлин был назначен епископом Можайским, викарием Московской епархии) рукоположил его в сан иеромонаха. Через год, когда о. Андроник сильно заболел, он был пострижен в схиму с оставлением имени Андроник (в честь преподобного Андроника, память 26 (13) июня[13].

В 1939 году о. Андроник во второй раз был осужден и сослан на Колыму. Сначала его одиннадцать месяцев держали в тюрьме, где каждую ночь вызывали на допросы и принуждали оклеветать епископа Павлина, но старец молчал. Ему угрожали, мучили: "Поставят к стене и начинают стрелять, но мимо, запугивают..."[14]. Следователь кричал на о. Андроника: "Я тебя убью", а однажды сорвал со старца крест и бросил в печь. Отец Андроник сказал: "Что ты делаешь? Меня крестили, мне дала мать крестик, а ты срываешь". Но на допросах его не били и бранными словами в его присутствии не ругались. Только один раз во время допроса вошел в комнату "какой-то верзила и сказал следователю: "Сколько ты будешь возиться с этим стариком?"[15] и ударил о. Андроника так, что тот потерял сознание. "Очнулся уже в тюремной больнице и на вопросы, что с ним случилось, отвечал, что шел на допрос, упал, да о камень ударился"[16]. Как-то привели старца в большую комнату, в которой была раскаленная печь, и сказали: "Ну, Лукаш, садись на печку". Отец Андроник спросил: "Как, разуваться? Босым лезть?" Тогда его удержали: "Пока подожди". Во время другого допроса раздели до нижнего белья,

Схиигумен Андроник
(Лукаш) (справа)
и иеросхимонах
Серафим (Романцов).
Личный архив автора.
Фотография конца 1950-х гг.

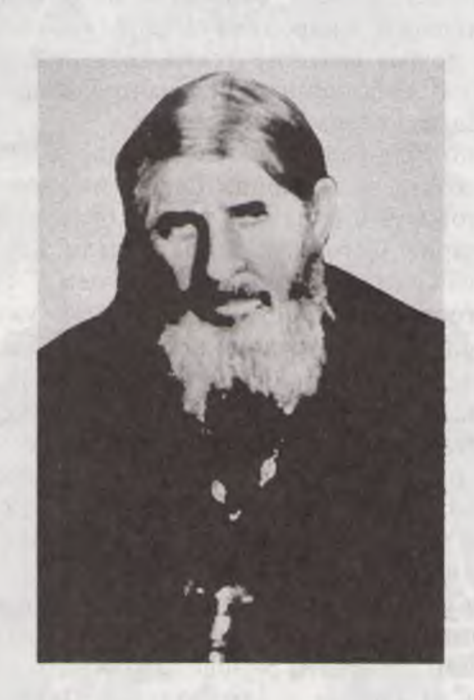
вывели в коридор, где стояли огромные ящики в рост человека, в таком ящике его и заперли, а мороз был пятьдесят градусов. Старец подумал, что замерзнет и умрет там, но в последний момент ящик открыли, под руки вывели его, так как сам он идти уже не мог[17]. Много раз предлагали подписать какие-то бумаги, но о. Андроник отвечал: "Я неграмотный, не знаю, что там написано", — и не подписывал. Затем о. Андроника перевели в лагерь, там было легче, допросов не было, "только шпана очень беспокоила, если к ней попадешь"[18].

В лагере много работали, о. Андроник был там дневальным. Трудолюбие, послушание и внутреннее благородство старца вызывали уважение не только у осужденных, но и у охранников. Сам начальник лагеря очень его уважал, дорожил им и в конце срока взял к себе в дом, где о. Андроник вел все домашнее хозяйство. "Я повесил картиночку "Воскресение", молился, а когда начальник стал за это упрекать, то сказал: "Не нравится — уйду в лагерь", — рассказывал старец. По-видимому, он сильно болел в то время, так как просил начальника в случае его смерти сообщить в Патриархию, что скончался такой-то схимник. Все в той семье очень полюбили о. Андроника, жена начальника расспрашивала его о духовной жизни, а когда закончился срок о. Андроника и он уезжал в Глинскую пустынь, она дала ему денег на дорогу. Сам же начальник всеми силами пытался удержать о. Андроника, жалко ему было расставаться со старцем[19].

28 сентября 1948 г. о. Андроник вернулся в Глинскую пустынь[20]. С самыми теплыми чувствами братской любви встретили его настоятель и старцы обители. Видя высокоподвижническую жизнь о. Андроника, епископ Сумской и Ахтырский Иларион в апреле 1949 г. назначил его благочинным и ризничным монастыря[21]. Как благочинный, он должен был следить за всем в обители, собирать братию на общие послушания (сенокос, заготовку дров, работы на огороде и др.), на которых всегда сам был первым. Во всех делах о. Андроник был энергичен и бодр, так что слово его, живое, задушевное, ясное, подбадривало и всех окружающих. Работать с ним было легко и радостно.

Душа о. Андроника, очищенная многими скорбями, была преисполнена благодатных даров Святого Духа. Эта духоносность и привлекала людей к старцу. Великодушно претерпев все страдания, он делом исполнил заповедь: "Любите врагов ваших" и стяжал в своем сердце величайший дар благодати Божией — христианскую любовь к ближнему. Смирение и кротость безраздельно царили в его душе, даже ходил старец всегда смиренно согнувшись.

В его послужном списке было сказано: "Отец Андроник отличается особым смирением, кротостью и трудолюбием; послушлив, любвеобилен"[22]. Вначале братия обращались к нему лишь по делам послушаний, но, чувствуя его горячую, искреннюю, снисходительную ко всем человеческим немощам любовь и духовную опытность, стали поверять ему свою душу. После беседы со старцем, его молитв тихое и благодатное утешение наполняло их сердце. В короткое время он снискал такое доверие, что стал братским духовником[23]. Епископ Сумской и Ахтырский Евстратий писал: "Отец Андроник... пользуется заслуженным уважением всех насельников обители. Все свободное время проводит в молитве"[24].



Схиигумен Андроник (Лукаш) (1889—1974). 1959 г. Личный архив автора

Действительно, ни одного решения не принимал старец без усердной молитвы. За своих духовных детей молился он непрестанно, как сам писал: "Сколько есть моих сил, всегда днем и ночью я вас поминаю в своих прежних молитвах"[25]. Мудрый духовный наставник, о. Андроник имел дар от Бога безошибочно видеть внутреннее состояние человека. Вся сила духовного руководства старца сводилась к тому, чтобы указать каждой душе путь спасения через веру во Христа Спасителя. Спасая других, он и сам восходил на вершину богообщения, и слушающих его возводил за собой.

Советы старца всегда были основаны на учении святых отцов. В сохранившихся записях о. Андроника собраны наставления из "Отечника", "Луга духовного", других святоотеческих творений, а также глубокие по своему содержанию собственные изречения старца, которые он сам переписывал и раздавал своим ученикам[26].

5 мая 1955 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия I о. Андроник был возведен епископом Евстратием в сан схиигумена. Велик был духовный авторитет старца. Не только братия, но и сам настоятель обители архимандрит Серафим исповедовались у него. С глубоким почтением и уважением относился к нему епископ Евстратий (Подольский), который писал о. Андронику: "Вот уже шестой год я знаю Вас в ответственной и многотрудной должности (благочинного. — *А.И.*), которую Вы исполняете с большой ревностью и такой же большой пользой для монастыря... Вы пользуетесь заслуженной любовью как насельников обители, так и многочисленных богомольцев ее... и моим архипастырским расположением"[27]. В прошениях обители к архиерею самыми убедительными для него были слова: "Сам схиигумен Андроник лично просит Вас"[28]. В 1960 г. Святейший Патриарх Алексий I наградил о. Андроника палицей.

После закрытия обители в 1961 г. о. Андроник переселился в Тбилиси под непосредственное попечение бывшего начальника Глинской пустыни митрополита Тетрицкаройского Зиновия (Мажуги), который очень любил и почитал старца. В Грузии о. Андроник продолжил свое старческое служение. Он совершал богослужения и исповедовал в храме святого Александра Невского — кафедральном храме владыки Зиновия. Сюда, как раньше в Глинскую пустынь, со всех концов страны устремились к нему ищущие спасения. Поистине, старец был вождь духовный. Вся его жизнь была направлена к одной цели — спасению своей души и душ ближних. Своим благодатным словом он врачевал язвы страждущих, утешал любовью и участием, разделял скорбь и горе, давал отраду и духовную поддержку. По его молитвам врачевались не только духовные раны, но и болезни телесные. Его пастырство побуждало иерархов Грузинской Православной Церкви ревностнее относиться к своему служению, поскольку у них в храмах было немного богомольцев, а церковь, где исповедовал о. Андроник, всегда была переполнена, благодаря молитвенному подвигу старца. В 1963 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия I митрополит Зиновий возвел о. Андроника в сан архимандрита.

Тесна была духовная связь о. Андроника со всеми Глинскими иноками, которые часто писали ему, приезжали. "Сердце горело, когда ехали к старцу", — вспоминали они. Письма о. Андроника к его духовным детям

Схиархимандрит Андроник (Лукаш). Личный архив автора

— инокам Глинской пустыни, составляющие часть его духовного наследия, проникнуты необыкновенно искренней, трогательной любовью, истинно отцовской заботой и даже лаской. В то же время они содержат и строгие, мудрые, высокодуховные наставления. Приведем лишь несколько отрывков из его писем: "Духовный и возлюбленный мой родной сыночек отец И. (имя снято автором. — *Примеч. издат.*). Не скорби... Господь — сердцеведец, призови Его крепкой сердечной верой, и Он, Всеблагий, всегда тебе поможет. А больше всего всегда старайся и дела, и жизнь свою предавать всецело святой воле Божией. Буду молиться за тебя, родной, но ты и сам приложи свой посильный труд к этому делу". "Мужайтесь, и да крепится сердце ваше среди докучливых и иногда устрашающих искушений. Добро всегда иметь Господа пред собою и в Его присутствии находиться в непрестанной молитве... Господи, посылаешь ми скорби, прошу: пошли и терпение. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи прости помоги мне Господи Крест Твой понести".

"Радуйся во искушениях, которые будут допущены тебе, при посредстве их приобретается духовный плод". "Молися почаще и говори: "Не яко аз хощу, а яко Ты, Отче". Матерь Божию нужно просить, Она никогда не оставит". Только нужно крепко веровать"[29]. К Матери Божией имел о. Андроник величайшее благоговение и любовь: "Поручитесь Матери Божией — Она вас всегда и везде спасет!"

Очень часто старец повторял: "У человека невозможно, у Бога все возможно...", — "Нужно думать и помнить каждую минуту о смерти. Как ложишься спать, думай: "Легли многие и не встали; заснул — и на вечность".

К старцу обращались многие священнослужители для разрешения вопросов, которые у них возникали в их пастырской деятельности. Вот дословные ответы старца на некоторые из таких вопросов:

"Те, кто причащаются каждый день, — эти люди в прелести. Это не нужно, это от лукавого. Причащаться надо только один раз в месяц. Нужно приготовиться к Причастию, отсекать своеволие, чтобы Причастие было во спасение, а не во осуждение. Каждый день причащаться может схимник, монах больной, седмичный священник... Священникам надо почаще каяться. Людей исповедуем часто, а сами не каемся. Хорошо каждый день исповедоваться, что есть на совести...

Если в храме есть ковры, на которых изображены кресты, то такие ковры надо убрать... на кресте был Господь распят, а мы ходим, топчем. Однажды в Глинскую пустынь прислали дорогой ковер, а на нем большой крест, но сразу заметили и убрали...

Некоторые священники, когда нет вина, совершают литургию на соках. Это грех. Это недопустимо.

Во время литургии на жертвеннике и на престоле нужно, чтобы обязательно горели свечи, если не горят, то смертно согрешает иерей"[30].

Достигнув преклонного возраста, схиархимандрит Андроник почувствовал, что приближается переход его в иной мир, к чему он готовился всю свою жизнь бдением, пощением и молитвой. В ноябре 1973 г. во время чтения утренней молитвы "Боже, очисти мя, грешного..." он стал говорить невнятно и сбивчиво, вскоре у него пропала речь, и отнялась левая сторона тела. Многие полагали, что ему осталось жить несколько часов, но Божиим Промышлением он еще должен был пожить

Отпевание схиархимандрита Андроника (Лукаша) совершает митрополит Зиновий (Мажуга) с собором духовенства. 1974 г. Личный архив автора

на пользу своих духовных чад. Через двадцать пять дней речь его восстановилась, но паралич левой стороны продолжался до самой кончины.

Не имея возможности по болезни посещать богослужения, он переносил болезнь без ропота и непрестанно молился дома, ежедневно причащаясь Святых Христовых Таин. На первой седмице Великого поста о. Андроник почувствовал облегчение и даже мог петь ирмос "Помощник и Покровитель..." И никто теперь уже не думал, что это была последняя его песнь. На третьей седмице его здоровье ухудшилось, и он перестал принимать пищу. 17 марта, в воскресенье, в половине шестого утра, он был в забытьи. Это состояние продолжалось до 10 часов вечера, когда он внятно произнес слова: "Милость Божия все покроет", а затем начал кого-то благословлять. По-видимому, за строгую подвижническую жизнь Господь сподобил его узреть отшедших своих собратий по духу. После этого он пришел в сознание, тихо сказал: "Я буду умирать", закрыл глаза и уже ни с кем не говорил, хотя все понимал и оставался в полном сознании. Силы старца слабели, и 21 марта, в четверг, в начале шестого часа утра он в мирной и безболезненной кончине предал дух свой Богу.

21 марта гроб с телом почившего схиархимандрита Андроника был поставлен в соборе во имя святого благоверного князя Александра Невского в Тбилиси, где митрополитом Зиновием была совершена великая панихида. Тело старца находилось в соборе до 26 марта. У гроба совершались панихиды и читалось местными и приезжими священниками Святое Евангелие. 26 марта архимандрит Иоанн (Маслов) с собором клириков совершил литургию Преждеосвященных Даров. Отпевание и погребение схиархимандрита Андроника были совершены митрополитом Зиновием с собором духовенства в присутствии иерарха Грузинской Церкви епископа Цилканского Гайоза, ректора Мцхетской духовной семинарии. Бывший насельник Глинской пустыни игумен Иларион (Приходько) сказал сердечное прощальное слово, в котором подчеркнул, что о. Андроник был человеком широкой души, глубокой веры и большим тружеником, его сердце было исполнено сострадательной любви к каждому человеку, он жил не для себя, но для народа, поэтому к нему вполне приложимо наименование печальника душ человеческих. Затем гроб с телом о. Андроника был обнесен священнослужителями вокруг престола. Прощальная процессия направилась к месту погребения — Грмагельскому городскому кладбищу. По совершении на могиле краткой литии гроб с останками верного служителя Церкви Христовой при пении "Вечной памяти" был опущен в могилу. Прах о. Андроника предал земле митрополит Зиновий, который заботился о нем, как любящий отец о своем сыне. Он же в сороковой день по преставлении к Богу схиархимандрита Андроника в соборе святого князя Александра Невского совершил заупокойную литургию и панихиду в сослужении всего духовенства, съехавшегося почтить память старца. Могилу старца посетил Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Давид V, который, обращаясь к о. Андронику, положил на его могилу красное яйцо и сказал: "Отец Андроник! Христос воскрес! Мы знаем, что ты теперь в Царстве Небесном. Что отличало тебя в этой жизни? Ты не имел врагов, и потому все любили тебя. Ко всем открыто было твое любящее сердце. Молись за нас, чтобы и нам разделить радость твоего блаженства".

Память об о. Андронике будет всегда жить в сердцах многих людей. Он поистине "подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь ему готовится венец правды, который даст Господь, Праведный Судия в день оный" (2 Тим. 4, 7—8).

Примечания

1 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 75; ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144, л. 3 об.

2 АСЕУ. Послужной список схиархимандрита Андроника (Лукаша)

3 Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966 г.

4 Вместе с о. Андроником в плен попали еще пять монахов, служивших с ним в одном взводе. (Там же).

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

8 ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144, л. 3 об.

9 Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).

10 Там же. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись, 1966.

11 Там же.

12 Там же.

13 Там же.

14 Там же.

15 Там же.

16 Там же.

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же.

20 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Андроника (Лукаша).

21 Там же.

22 Там же.

23 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 3.

24 АСЕУ. Список монахов, представленных к наградам в 1954 г.

25 Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).

26 Там же. Наставления схиархимандрита Андроника (Лукаша).

27 АСЕУ. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия схиигумену Андронику (Лукашу) от 21 сентября 1957 г.

28 Там же. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) Преосвященнейшему Евстратию, епископу Сумскому и Ахтырскому от 24 августа 1957 г.

29 Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).

30 Там же. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись, 1966.

Литература

Иоанн (Маслов), архимандрит. Схиархимандрит Андроник // ЖМП. 1974. № 8. С. 45—46.

Высокопреосвященный Зиновий, митрополит Тетрицкаройский // Там же. 1985. № 6. С. 59.

Памяти митрополита Зиновия // Там же. С. 60.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 75.

Рапорт настоятеля Глинской пустыни о переводе временных послушников в число постоянных // ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144, л. 3 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2—6.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 3.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 24, 51.

Документы АСЕУ. АУПЦ.

Документы личного архива автора.

СХИАРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (†1976)

(Память 19 декабря ст. ст. / 1 января нов. ст.)

Великий Глинский старец схиархимандрит Серафим (в миру Иван Романович Романцов) родился 28 июня 1885 г. в деревне Воронок Крупецкой волости Курской губернии в семье крестьянина[1]. О жизни его сохранилось совсем немного сведений, так как "старец о себе ничего не говорил по своей скромности"[2]. Окончил церковно-приходскую школу. В августе 1910 г. после смерти родителей, Иван поступил в Глинскую пустынь[3]. Сначала он был определен на послушание при хлебне[4], а через год — при бондарне[5]. В 1914 г. он был взят в армию и участвовал в первой мировой войне, в 1916 г. был ранен и после выздоровления возвратился в обитель. В 1919 г. Иван Романцов принял монашеский постриг с именем Ювеналий. Постригал его настоятель архимандрит Нектарий. Для молодого инока начались годы высшей школы, годы постижения духовной науки из наук — монашеской жизни. Старцем его, как и у о. Андроника (Лукаша), стал иеромонах Аристоклий (Ветер)[6], научивший его чистосердечному ежедневному исповеданию помыслов и внимательности ко всем движениям сердца. Впоследствии о. Серафим считал это внутреннее делание очень важным для духовного возрастания и спасения души.

Благодать Божия дала ему полнее вкусить сладость духовной жизни и тем пресекла вкус ко всему земному. Под руководством мудрых Глинских старцев он терпеливо переносил искушения, приобрел навык полного послушания и смирения. Кроме стяжания этих добродетелей, юный подвижник с усердием предался подвигу молитвы; любовь к молитве настолько пленила его сердце, что он не расставался с ней всю свою жизнь. "Горячая молитва, — говорил он не раз впоследствии, — ограждала меня во всех трудных обстоятельствах моей жизни". В 1920 г. монах Ювеналий был рукоположен во иеродиакона епископом Рыльским Павлином[7].

После закрытия Глинской пустыни о. Ювеналий поселился в Драндском Успенском монастыре (Сухумская епархия), где в 1926 г. епископом Никоном был рукоположен во иеромонаха и пострижен в схиму с именем Серафим[8].

В 1928 г. был закрыт и Драндский монастырь. До 1930 г. о. Серафим жил в окрестностях Алма-Аты и работал сторожем на пасеке[9]. В 1930 г. он был арестован и выслан на строительство Беломорканала.

С 1934 по 1946 г. о. Серафим жил в Киргизии[10] — сначала в Токтогуле, затем в Таш-Кумыре. Летом он уходил высоко в горы, где к большому камню была пристроена плетеная хижина, внутри нее было лишь плетеное сиденье из лозы и каменный выступ вместо стола. Внизу из-под камня бил родник, а еду ему приносили из ближайшего селения. Жизнь о.

Иеромонах Серафим (Романцов) (1885—1976), духовник Глинской пустыни. 1959 г. АСЕУ

Серафима была поистине аскетической, отшельнической. Он весь предался уединению, чтению Божественного Писания, молитве и богомыслию, спал мало, прямо на полу. Под воскресение и праздники совершал всенощное бдение, стоя на молитве с вечера до утра, и весь день потом не давал себе отдыха. Так приносил он искреннее покаяние Богу. Зимой о. Серафим жил в одной благочестивой семье, много ему помогавшей (живы еще родственники этой семьи, которых знает автор). [Замечание относится к годам написания жития схиархимандрита Серафима (Романцова). — *Примеч. издат.*]. За курятником, скрытно от всех, была сделана келлия, в которой были лишь печка, кровать и стол. Возрастая духовно, о. Серафим не оставлял и других без духовного окормления. По ночам совершал он богослужения, исповедовал и причащал, проповедовал, давал душеспасительные наставления и всех приходивших к нему обращал на путь спасения.

В 1946—1947 гг. о. Серафим жил в Ташкенте, где был духовником при кафедральном соборе[11].

30 декабря 1947 г. он вернулся в Глинскую пустынь[12], а в 1948 г., видя духовную опытность и совершенство его монашеского подвига, архимандрит Серафим (Амелин) назначил иеросхимонаха Серафима на должность духовника.

С самых первых дней пребывания своего в обители о. Серафим всецело посвятил свою жизнь делу духовного окормления братии и богомольцев, все обращавшиеся к нему видели к нем духовного руководителя и наставника на пути ко спасению.

Это был духовник опытнейший, знаток сокровенных движений человеческого сердца, обладатель духовных сокровищ, которые он приобрел долгим многотрудным подвигом. Особым духовным даром старца было умение принимать исповедь, вызывать людей на полную откровенность. Наделенный духовным рассуждением, о. Серафим всякому приходящему к нему давал наставления. С особой отеческой любовью принимал он тех, кого терзали горести, печали, уныние, кто не знал, каким путем идти в жизни. Принимал и тех, кто был обуреваем сомнениями и жил вне спасительной ограды Православной Церкви. В то тяжелое послевоенное время столько горя было в каждой душе! Многие потеряли родных, близких, лишились домашнего очага; надо было поддержать и укрепить их веру. Отец Серафим выслушивал все скорби и тотчас залечивал раны душевные, давал нужные советы. Утешение, успокоение и отраду вливали в души скорбящих наставления и молитвы любвеобильного старца. Его беседы, преисполненные истинного смирения, согревали охладевшие сердца людей, открывали им душевные очи, просвещали разум, приводили к раскаянию, душевному миру и духовному возрождению.

Отец Серафим умел дать почувствовать, что земная жизнь — это лишь подвиг временного странствования на пути к вечной жизни; он призывал людей к жизни христианской, совершенной, возвышенной. Все его наставления имели своей целью святость в смысле отрешенности от всего мирского, земного, льстящего греховному человеческому разуму. Каждого призывал он стяжать в душе дары Духа Святого. К нему могут быть приложимы слова Христа Спасителя: "*Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном*" (Мф. 5, 19).

Пастырство о. Серафима было многогранно. К нему обращались люди с самыми разными судьбами и характерами, устремлявшиеся в Глинскую пустынь со всех концов страны. Он вникал во все тайники их сердец, своими мудрыми советами умел вовремя и правильно дать каждой душе единственно верное направление, ведущее ко спасению. Советы о. Серафима имели огромный вес, так как он соблюдал сам в своей жизни то, чему учил других. Все, что говорил старец, было основано на Священном Писании и святоотеческих творениях. Особенно пристальное внимание обращал старец на душевные страсти, учил всех следить за ними, не действовать по их внушению, а, призывая помощь Божию, противоборствовать им. Он учил не оправдывать себя, а осознавать грехи и полагать твердое намерение исправиться.

Более всего стремился он привести своих духовных чад ко смирению, о котором писал: "Всего необходимее для спасения смирение истинное, внутреннее убеждение, что вы хуже и грешнее всех и всего, но это величайший дар Божий, и приобретается он многими трудами и потами. Тогда человек в душе своей ощущает такое спокойствие, которое никакими человеческими словами неизъяснимо. Ищите денно и нощно этот драгоценный бриллиант. Истинно смиренный всех, как себя, любит, никого даже и мысленно не осудит, всех сожалеет, всем желает спастись, видит свою греховную нечистоту и со страхом помышляет, как будет отвечать на суде Божием, но не предается отчаянию или унынию, а твердо уповает на Создателя и Спасителя своего. Истинно смиренный, если имеет какие от Бога дарования — молитву или слезы, или пост, или иное что, то все тщательно скрывает, ибо похвала людская, как моль или ржа, все изъедает"[13].

Смирение же самого старца было изумительно. Он никогда ничего не приписывал своим личным дарованиям, не считал себя никаким особым молитвенником, а, наоборот, смирял себя в своих собственных глазах и глазах тех, кто к нему обращался. Сознание необходимости помощи свыше, того, что он только исполнитель воли Божией, проводник благодати — это сознание все в его душе покорило глубочайшему смирению и наполнило ее христианским спокойствием. Старец иногда посещал келлии своих учеников и приходил всегда благовременно, имея цель духовную: ободрить и вразумить инока. По уходе его и сама келлия наполнялась благоуханием смирения, запечатленного на всех делах и словах этого поистине дивного старца. Но смирение сочеталось в нем с ревностью о спасении душ пасомых. Поэтому на исповеди он мог быть и строгим, когда требовалось, обличал прямо и смело, так что духовные дети подчас трепетали лишь от одного вида батюшки Серафима, сознавая свою греховность.

Отец Серафим получал много писем от своих духовных детей: всем он старался ответить, всех утешить и поддержать. Так, монахиням, изнемогающим в скорбях и трудах, он пишет: "Радуйтесь о Господе, а не унывайте. Вы сами знаете, что в унынии нет спасения, уныние помрачает душу и расслабляет чувства. Зачем унывать? Прочь уныние. Да возрадуется душа моя о Господе и уповает на Него. Молитесь, трудитесь, пойте, читайте, — все во славу Божию творите, утешайте себя и говорите все, что душу назидает и к Царствию Божию ведет. Тогда сами делом уверитесь, как вся ваша душа покроется мирными помыслами и сердце

*Схиархимандрит
Серафим
(Романцов)*

Возлюбленные мои отцы, братья и сестры я обращаюсь к вашей любви за молитвенною вашею помощію мне самому, так как приблизился конец моего жития с вами; теперь имею великую нужду в молитвенной вашей помощи мне, отходящему от вас в путь далекий, предлежащий мне Прошу молитесь об оставлении многих моих грехов, да по милости Божией благословение Его святое будет мне на новое жительство, да получу от Бога милость. Помяните любовь мою к вам, ради которой я пренебрегал собственною моею пользою, но всегда искал только вашу пользу. Всем вам сострадал и во всякой скорби вашей сочувствовал вам, но вместе с тем, иногда, по ревности ко спасению вашему, грешил я гневом, укорял вас, хотя и от чистой любви, желая спасения душам вашим Но так как ко всякому доброму делу незаметно примешиваются страсти, то могло быть, что иногда кого-либо и неправильно оскорбил, или через меру кого укорил, или как человек кого чем-либо неправильно соблазнил. Потому прошу у всех вас прощения и усердных мо-

Духовное завещание схиархимандрита Серафима (Романцова). Личный архив автора

литв ваших за меня грешнаго, чтобы безбедно переехать на новое место жительства, по Божьему соизволению. И я прощаю всех вас во всем, кто чем-либо оскорбил меня.

Ах! Отцы, братья и сестры мои возлюбленные, воздайте мне вашими слезными молитвами к Богу, за мою любовь к вам, ибо вы все были в моем сердце, я обо всех вас болезновал: со скорбящими скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими плакал.

Вот приблизился ко мне тот день, в который я должен с вами разлучиться отцы, сестры мои дорогие Христу, смиренно и усердно прошу вас, пролейте усердные моления ваши пред Богом, о любившем вас, о грешном вашем дух отце, нед. Серафиме.

Духовное завещание схиархимандрита Серафима (Романцова) (окончание). Личный архив автора

ваше возвеселится, будучи объято неизреченною радостью о Христе Иисусе"[14].

Дает он в письмах и подробное наставление о том, как спасаться: "Прошу вас и молю: мир имейте между собой и святыню во всем — и в мыслях, и в делах; без сего никто не узрит Господа. Христианской душе, жаждущей спасения, благое дело удержать мысли добрые, а злые, когда они находятся, от себя отгонять. Полезно для этого непрестанно содержать в памяти молитву Иисусову. Берегитесь почасту оставлять свою келлию и ходить без крайней надобности к другим сестрам, дабы не согрешать празднословием, а если и приходит к вам кто бы то ни был, то ради Бога старайтесь беседовать только об одном, что избрали себе на потребу, — яже суть Божия, а не человеческая, в противном случае, то есть, когда будут говорить что-нибудь непотребное душе, то тотчас же отдайте поклон с прощанием, просите святых его молитв и садитесь за чтение или рукоделие. Что себе желаю, то и вам передаю и советую. Не от искры ли одной, иногда весьма малой и едва заметной, бывают великие пожары, и от малого зерна вырастает с течением времени великое дерево. Так и у нас: не из сердца ли исходят все помышления злые, за помышлением слова и беседы, а так уже дела и деяния. Поэтому всемерно нужно остерегаться греховных мыслей и мечтаний, свободных слов и разговоров.

Всего больше искушаются наши мысли и слово; но вот тут-то и подвиг, нужно бороться с такими искушениями: лучше перенести скорбь и скуку, нежели впасть в сию прелесть и обман. Памятуйте, что за всякое слово праздное воздадим ответ в день судный. Если бы даже случалось кому-либо вас скорбные и поносные слышать слова, не смущайтесь, а благодарите — это по большей части служит на пользу нам: ласкательные слова душу расслабляют и лишают ее твердости и мужества. По-мирскому жить, как по течению воды плыть, но духовно жить — нужно противиться миру, уклоняться от суетного ласкания, презирая всякое плотское успокоение, умерщвлять духом всякие страсти и любить всякую нищету духовную, со всяким смирением ради Господа, как научает нас святое Евангелие. Хотя же вначале кажется трудным и горьким, но последствия бывают благие и добрые. Положи, Господи, хранение устам нашим и не уклони сердца наша в словеса лукавствия. Молитесь обо мне, молюсь и о вас"[15].

В своих письмах и наставлениях о. Серафим постоянно предостерегал от осуждения ближних, показывал всю тяжесть этого страшного греха. Убеждал в необходимости терпения на пути ко спасению. "Невозможно без креста спастись... Давайте терпеть и спасемся!"[16]. Призывал более всего хранить мир душевный и смиряться, за все благодарить Бога и с детской покорностью все переносить.

Отец Серафим неоднократно подчеркивал, что в деле спасения необходимо иметь руководителя, так как мало кто имеет дар духовного рассуждения и может различать плохое от хорошего. Монашествующих призывал хранить святое послушание, "ибо и Христос, когда пришел на землю, избрал не пустынное или столпническое житие, но образ и правило повиновения Отцу Небесному... Пребывая в повиновении, радуйтесь, что и вы жительствуете по подобию Господа нашего Иисуса Христа... есть ли что блаженнее сего"[17].

Схиархимандрит Серафим (Романцов) на смертном одре. Личный архив автора

День старца начинался с двух часов ночи, когда он исполнял свое келейное правило, затем неопустительно бывал на богослужении, после которого всего себя отдавал на служение ближним: принимал богомольцев, распределял их на жительство в пустыни, исповедовал, решал все возникавшие вопросы, и так до позднего вечера. Ночью отвечал на письма. Переписывал сам, и духовных детей благословлял переписывать отрывки из творений святых отцов, которые потом рассылал. Времени на отдых у о. Серафима оставалось совсем мало, но даже и это время он использовал для молитвы о своих пасомых. Любовь побуждала его самоотверженно заботиться о каждой душе. Сколько людей привел он к Богу своими благодатными советами, своей сострадательной любовью! Как сам о. Серафим писал в своем духовном завещании, прося молитв о самом себе: "Все вы были в моем сердце, ибо всех вас болезновал, со скорбящими скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими плакал... Помяните мою любовь к вам, ради которой я пренебрегал моею собственной пользой, но всегда искал только вашу пользу. Всем вам сострадал и во всякой скорби вашей сочувствовал вам"[18].

Это был великий угодник Божий и истинный пастырь, в жизни которого действие Божественной благодати сочеталось с большим личным трудом, непрестанным контролем над собой, духовным бодрствованием и молитвенным подвигом. Поистине это был спутник, который сопровождал людей в Царство Небесное. За советами к нему обращались не только миряне и монахи, но и архиереи, видя в нем не плотского человека, а мужа духовного. Святейший Патриарх Алексий I лично знал о. Серафима, неоднократно принимал его и беседовал с ним как о духовных предметах, так и о нуждах обители[19].

За усердие и примерные труды на пользу Церкви Божией Святейшим Патриархом Алексием I в 1954 и 1957 гг. о. Серафим был награжден наперсным крестом, в 1960 г. — возведен в сан игумена[20].

После закрытия Глинской пустыни схиигумен Серафим переехал в Сухуми, где продолжал свои старческие труды, будучи духовником кафедрального собора. И сюда к нему стекалось множество богомольцев. Никогда до этого Сухумский храм не был переполнен так, как при о. Серафиме. В последние годы своей жизни, удрученный многими подвигами, старец безропотно нес свой тяжелый крест пастырства. Он не только по-прежнему принимал людей, но и рассылал множество писем, отвечая на вопросы своих духовных детей. И никогда никто не слышал от него гласа нетерпения, или ропота, никто не видел его в унынии. Как пастырь, он жил во Христе, утвердился в истинной святости, был истинным мучеником, распинался со Христом ради паствы, был достойным носителем благодати Христовой. За ревностное служение Святой Церкви митрополитом Сухумским и Абхазским Илией II (ныне Католикос-Патриарх всея Грузии) в 1975 г. о. Серафим был возведен в сан архимандрита.

До конца жизни о. Серафим сохранил бодрость духа и ясность ума, крепкую веру в Бога и глубокую молитвенность. Он имел дар непрестанно умной молитвы Иисусовой.

18 декабря 1975 г., во время всенощного бдения в канун праздника Святителя Николая, о. Серафим почувствовал себя плохо. Он слег в постель. Все время старец читал вслух молитву Иисусову, а когда уставал,

Отпевание схиархимандрита Серафима (Романцова). 1976 г. Личный архив автора

то просил других продолжать ее чтение. В течение двух недель он ежедневно причащался Святых Христовых Таин. Будучи в полном сознании, старец сподобился увидеть многих своих братий по духу, которые, по его словам, пели стихиру Божией Матери "Совет Превечный". И затем слабым голосом старец сам запел: "Вкусите и видите, яко благ Господь. Аллилуия". После видения он сказал: "О чем я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моем сердце; моя душа исполнилась благодати настолько, что не могу ее даже вместить". И далее сказал: "Теперь я буду умирать". 31 декабря старец закрыл глаза и уже ни с кем не говорил.

1 января 1976 г. благодатный старец мирно предал дух свой Богу.

Канон на исход души старца Серафима читал игумен Исаия. Все присутствующие в благоговейном молчании стояли вокруг одра своего духовного отца, не смея нарушить тишину во время свершения таинства разлучения души от тела.

Весть о кончине схиархимандрита Серафима облетела многие места нашей родины, она наполнила глубокой грустью сердца его духовных чад. 2 января гроб с телом схиархимандрита Серафима был поставлен в кафедральном соборе в Сухуми. Три дня не прекращались чтение Евангелия и служение панихид. И все это время собор был заполнен духовными детьми о. Серафима, которые пришли проститься со своим наставником и молитвенником.

4 января, в Неделю 28-ю по Пятидесятнице, перед Рождеством Христовым, святых отец, митрополит Илия в сослужении многих клириков совершил Божественную литургию и отпевание почившего инока. Митрополит сказал сердечное надгробное слово, в котором охарактеризовал старца как человека подлинно христианской души, смиренного труженика и благодатного молитвенника.

После продолжительного прощания гроб с телом почившего при погребальном звоне был обнесен священниками вокруг престола и всего храма и доставлен на Михайловское кладбище в городе Сухуми. У ворот кладбища процессию встретил притч кладбищенской церкви во главе с настоятелем протоиереем Иоанном Андрющенко, который после литии сказал надгробное слово, назвав благодатного старца светильником, горящим на подсвечнике Христовом. При пении "Вечной памяти" тело о. Серафима было предано земле.

9 февраля 1976 г., на сороковой день по кончине схиархимандрита Серафима (это был день празднования перенесения мощей святителя Иоанна Златоуста), в кафедральном соборе Сухуми митрополит Илия с прибывшими из разных мест священниками — духовными чадами о. Серафима совершил панихиду и произнес слово. Обращаясь к почившему, как к живому, Владыка Илия сказал: "Молись за нас, отче, Богу, потому что ты приобрел пред Ним дерзновение". После панихиды в кладбищенском храме была совершена заупокойная литургия. До поздней ночи совершались панихиды на могиле старца. Верующий народ долго не расходился. Для многих православных была очень ощутима потеря о. Серафима. Но они утешались мыслью, что он не умер, а лишь отошел в тот мир, о котором тайнозритель говорил: "*Блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними*" (Откр. 14, 13).

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Серафима (Романцова).
2 Личный архив автора. Письма митрополита Зиновия (Мажуги).
3 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 116.
4 Там же.
5 ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174, л. 109.
6 Личный архив автора. Письма игумена Исаии (Коровая).
7 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Серафима (Романцова).
8 Там же.
9 Там же. По воспоминаниям духовных чад о. Серафима, после закрытия Драндского монастыря он некоторое время жил в пустыни на Сухой речке, недалеко от Сухуми, под руководством иеромонаха Савватия (Личный архив автора. Письма игумена Исаии (Коровая).
10 АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Серафима (Романцова).
11 Там же.
12 Там же.
13 Личный архив автора. Письма схиархимандрита Серафима (Романцова).
14 Там же.
15 Там же.
16 Там же.
17 Там же.
18 Личный архив автора. Духовное завещание схиархимандрита Серафима (Романцова).
19 АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) преосвященнейшему Евстратию, епископу Сумскому и Ахтырскому.
20 Личный архив автора. Свидетельство духовника о. Серафима (Романцова) о возведении его в сан игумена. Сумы, 1960.

Литература

Иоанн (Маслов), архимандрит. Схиархимандрит Серафим // ЖМП. 1976. № 10. С. 29—30.

Памяти митрополита Зиновия // Там же. 1985. № 6. С. 60.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 116.

Сводный послужной список и ведомость о настоятеле, монашествующих и послушниках Путивльской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни за 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3 л, д. 174, л. 109.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 3.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 25, 51.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

Документы личного архива автора.

МОНАХ ИАКИНФ

Монах Иакинф (Резник). 1959 г. Личный архив автора

В Глинской пустыни все сведения о богослужебном уставе передавал поступавшим в обитель опытнейший уставщик монах Иакинф-слепец. Лишенный возможности видеть этот временный мир, очами ума он созерцал Царство Божие

Отец Иакинф (в миру Иаков Антонович Резник) родился 23 октября 1888 г. в городе Кролевец Черниговской губернии в семье украинского казака[1]. От юности он был избран Богом на служение Ему и призван к иноческой жизни. В 1907 г. Иаков поступил в Глинскую пустынь, где проходил послушание при корзинной мастерской[2]. 12 декабря 1914 г. был пострижен в рясофор[3], а в 1920 г. архимандритом Нектарием — в монашество[4]. Монах Иакинф отличался особенным усердием к молитве и трудолюбием. После закрытия обители он жил на родине. Там он потерял зрение и вынужден был питаться подаянием.

В 1944 г. Иакинф вернулся в Глинскую пустынь и проходил послушание на клиросе[5] Обладая прекрасной памятью, он наизусть читал

Апостол, паремии, детально изучил церковный устав и после кончины о. Никодима (Калиуша) стал уставщиком обители. Отец Иакинф был, как огнь. Отличаясь горячей ревностью ко спасению и высокой духовной настроенностью, он скрывал свои подвиги.

Когда о. Иакинф выходил читать Апостол на середину храма, то брал с собой зажженную свечу. Иногда, пока он шел, свеча у него гасла, но он этого не мог видеть, читал Апостол, потом начинал гасить свечу.

Несмотря на слепоту, о. Иакинф все время был в трудах послушания и не только не роптал на свою участь, но благодарил Бога. Постоянным самопринуждением, молитвой и подвигами воздержания он прогнал тьму страстей из своей души и сподобился озарения вечным светом Божиим. Видя его духовную опытность, многие ходили к нему за советом. Отец Иакинф наставлял молодых иноков пребывать все время с мыслью о всевидящем и вездесущем Боге, перед Ним совершать все свои подвиги и дела, выработать ревность к богоугодной жизни и не угашать ее невниманием к своим помыслам. Никогда не было в нем уныния или недовольства, наоборот, его бодрость, живая вера в жизнь будущую и стремление к этой жизни передавались окружающим. В общении с ним так чувствовалась эта вечная жизнь, мир иной, что самые тяжелые скорби казались незначительными, страсти умирялись, и человек невольно начинал смотреть на земную жизнь лишь как на приготовление к вечности.

Отец Иакинф жил в обители до самого ее закрытия. Затем он переехал в село Новая Слобода Путивльского района к почитавшим его богомольцам, где и скончался.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список монаха Иакинфа (Резника).
2 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 111.
3 АСЕУ. Послужной список монаха Иакинфа (Резника).
4 Там же.
5 ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 61.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 111.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // Там же, д. 3, л. 61.

Сводный послужной список и ведомость о настоятеле, монашествующих и послушниках Путивльской Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни за 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22—23.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 25, 29, 51.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

ИЕРОДИАКОН ГЕОРГИЙ

Иеродиакон Георгий (Григорий Тихонович Ефименко) родился 23 ноября 1888 г. в г. Загребелье Черниговской губернии[1]. Вырос в простой украинской семье, много помогал родителям в крестьянском хозяйстве, в 1898 г. окончил трехклассную начальную школу.

Еще в отрочестве он имел сильное желание благоугодить Господу, хранить непорочной свою душу и решился оставить мир, чтобы служить Богу в иноческом чине.

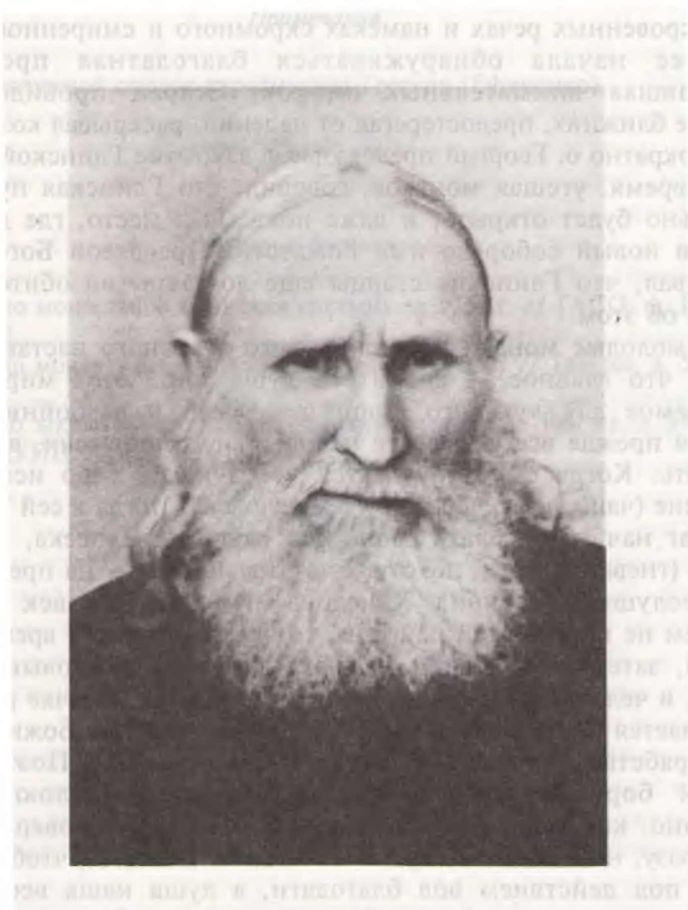
В семнадцатилетнем возрасте он поступил в Глинскую пустынь[2], где с самых первых дней безропотно и со смирением исполнял волю отца настоятеля и старцев, неленостно трудясь на монастырских послушаниях, нередко весьма тяжелых. Отличаясь совершенным послушанием, он стремился укрепить свой дух опытами строгого подвижничества. Благодушно переносил укоризны, избегал праздных бесед, чтобы не отвлекаться от молитвы Иисусовой, которой благословили ему заниматься старцы.

В нелегких трудах послушания он все более возгорался любовью ко Господу и преисполнился чувством необходимости еще здесь, на земле стяжать внутрь себя Царствие Божие, соединиться с источником жизни — Богом. Целью его жизни стало теснейшее единение души с горним миром.

В 1911 г. молодого послушника забрали на военную службу, а с 1914 по 1918 г. он был в действующей армии. Вернувшись на родину, до 1921 г. он работал охранником в лесхозе, затем в ремонтной бригаде на железной дороге, наконец, в колхозе с. Загребелье[3].

В миру Григорий не расточил внутреннего богатства своей души, которое стяжал в обители. Наоборот, он приучил себя думать, что для него в целом мире есть только он сам и Бог. Его любил он всем сердцем, желал и искал; кроме Бога и своих слабостей ничего не видел, не знал, и никакая укоризненная мысль в отношении ближних не касалась его ума. Природная скромность о. Георгия помогала ему избегать разговоров, хранить непрестанную молитву. Его внутренние подвиги полного самоотречения Христа ради, умного делания и борьбы со страстями не были заметны окружающим. Они видели перед собой лишь тихого, трудолюбивого, молчаливого человека, тогда как это был воин духовный, занятый непрестанным внутренним трудом ради стяжания Царствия Божия.

В 1954 г. Григорий вернулся в Глинскую пустынь. Более 40 лет пробыл он вне обители, но все эти годы самым верным духовным ориентиром для него были уроки и наставления Глинских старцев, полученные им еще в молодости. И он не только усвоил эти старческие заветы, но и осуществил их в своей жизни, и душа его стяжала благодатные дары Духа Святого.



Иеродиакон Георгий (Ефименко). 1959 г. Личный архив автора

В обители Григорий по своему обыкновению смиренно трудился: выпекал хлеб, плотничал и тайно, так как это было запрещено уполномоченным (по делам Русской Православной Церкви. — *Примеч. издат.*), делал свечи. Автор этих строк, еще будучи послушником, помогал ему в этом. В день из чистого пчелиного воска делали по несколько пудов свечей (в монастыре тогда уже был свой пчельник), они использовались потом при богослужениях. В 1956 г. Григорий был пострижен архимандритом Серафимом в монашество с именем Георгий, а 9 сентября 1956 г. епископом Евстратием рукоположен во иеродиакона.

В прикровенных речах и намеках скромного и смиренного труженика все более начала обнаруживаться благодатная прозорливость, привлекавшая внимательных иноков. Старец провидел духовное состояние ближних, предостерегал от падений, раскрывал козни врага.

Неоднократно о. Георгий предсказывал закрытие Глинской пустыни, но в то же время, утешая монахов, говорил, что Глинская пустынь опять обязательно будет открыта, и даже показывал место, где должен будет строиться новый собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Он рассказывал, что Глинские старцы еще до закрытия обители в 1922 г. говорили об этом.

Когда молодые монахи просили у него духовного наставления, то он говорил, что главное — хранить в душе мир. Этот мир есть место, недосягаемое для лукавого. Злой дух, лжец и разбойник духовный, стремится прежде всего вывести человека из равновесия, возмутить его, расстроить. Когда ему это удается через какое-либо искушение или наваждение (чаще всего через другого человека), тогда в сей "мутной воде" души враг начинает делать свой улов, толкать человека, ослабленного страстью (гнева, зависти, похоти, стяжательности) — на преступление, то есть преслушание закона Христова. И если человек молитвой и покаянием не порвет этой паутины, то через некоторое время она станет бечевкой, затем — веревкой, и, наконец, цепью, сковывающей всего человека, и человек пригвождается, как каторжник, к тачке развоза зла по миру, делается орудием лукавого. Рабство и сыновство Божие заменяются сначала рабством, а потом и сыновством лукавому. Поэтому правило духовной борьбы: всякую страсть побеждать силою Христовой, немедленно, как только она зародилась. Изгнать ее совершенно мы не можем сразу, но можем все время загонять ее "на дно", чтобы там страсть умирала под действием вод благодати, а душа наша всегда была бы мирная, кристальная, любящая, благожелательная, бодрственная, духовно трезвая. Если на какой-либо стороне души намечается или происходит "прорыв", сейчас же все внимание сердца надо обратить туда, и усилием, то есть молитвенной борьбой, надо восстановить мир сердца, души. Это и есть трезвение духовное.

Для духовно трезвого человека враг не страшен. Он страшен и опасен лишь для сонливого, ленивого, расслабленного душой. Такого человека никакая праведность не может спасти. Можно сделать множество подвигов на войне, но если все они закончатся изменой — ничего они не будут значить. "*Претерпевший до конца, тот спасен будет*". Но если человек будет столько же уделять заботы к охранению своей души, сколько враг употребляет для ее погубления, то, конечно, он может быть спасен. В глубине мирного и свободного своего сердца, он, даже посреди

больших испытаний, всегда услышит ободряющий голос: "*Это Я — не бойтесь*" (Мф. 14, 27).

Отец Георгий неоднократно повторял, что земные пристрастия ослабляют остроту зрения духа.

В послужном списке о. Георгия было сказано, что он "примерный монах, способный, весьма скромный, труженик, отличается смирением"[4].

После закрытия Глинской пустыни о. Георгий переехал на родину к родственникам, где и окончил свой земной путь.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иеродиакона Георгия (Ефименко).

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 3 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22—23.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 29,51.

Документы АУПЦ, АСЕУ.

ИЕРОМОНАХ ИОСИФ

Иеромонах Иосиф (в миру Иван Васильевич Ходыревский) родился 20 августа 1896 г. в деревне Лукино Курской губернии в крестьянской семье. После окончания сельской школы он жил на родине и "занимался сельским хозяйством"[1]. С 1915 по 1917 г. был на фронте, где стал инвалидом. Вернувшись из армии, женился, но в 1934 г. овдовел[2]. Затем жил и работал в Курске.

В 1953 г. Иван поступил в Глинскую пустынь. Он проявил себя "старательным, скромным и трудолюбивым"[3] послушником, "энергичным работником"[4]. Сначала он помогал на кухне, затем был назначен поваром и гостинником обители[5], кроме того участвовал в чтении и пении на клиросе[6]. В 1954 г. он принял монашеский постриг с именем Иосиф.

19 июня 1957 г. епископом Сумским и Ахтырским Евстратием Иосиф был рукоположен во иеродиакона, 1 августа 1957 г. — во иеромонаха[7]. С этого времени он начал исповедовать богомольцев. Отличаясь сам послушанием и ревностью ко спасению, он учил этому и своих духовных детей. Отец Иосиф умел наставлять и мудро вел пасомых по спасительному пути, учитывая все особенности характера тех, кто к нему обращался. Так, одна женщина много раз жаловалась ему на исповеди, что ей очень трудно жить вместе со старушкой. "А ты возьми козу", — велел ей о. Иосиф. Она исполнила послушание, но так измучилась с козой, что взмолилась: "Батюшка, пусть старушка всю жизнь живет со мной, только козу благословите вывести".

В Глинской пустыни многие духовники отчитывали бесноватых. Испросив благословение старцев, взял на себя этот подвиг и о. Иосиф.

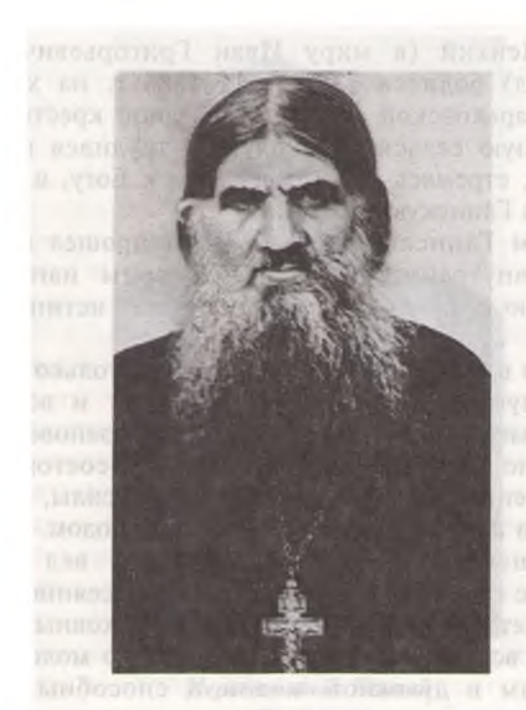
Он говорил, что наиболее ценным средством в борьбе с диавольскими искушениями является исповедь и призывал всех как можно чаще исповедоваться, учил, что за утаенные грехи еще здесь на земле человек во время предсмертной болезни мучим бывает злой силой, а по смерти подлежит мучению во аде. От Бога не уйдешь. Нужно жить с Ним; но чтобы жить с Ним, нужно оставить грех, потому что грех есть самое ужасное зло в мире. От него человек терпит всякие бедствия здесь, на земле и лишается вечного блаженства. Христианская исповедь — это лекарство, и Господу угодно даже одно наше понуждение себя к частому покаянию, так как для нас это как бы "ломка самих себя", ломка в жертву Богу, этим мы выражаем свое нерасположение жить в греховной нечистоте. Исповедь — действеннейшее средство в деле духовного совершенствования, ибо Таинство исповеди решительно очищает все согрешения, соделанные словом, делом, помышлением. Покаяние и старание исполнить заповеди Божии — вот верный и вернейший путь к милосердному Господу для каждого.

Отец Иосиф пользовался большим авторитетом у богомольцев. Он пламенно любил Бога и, как пастырь, делал все, чтобы Имя Божие прославлялось среди людей их истинно христианской жизнью.

При закрытии обители о. Иосиф, как инвалид, был переведен в Глуховскую больницу[8], но затем переехал к сестрам в Курскую область, где и скончался[9].

Примечания

[1] АСЕУ. Послужной список иеромонаха Иосифа (Ходыревского).



Иеромонах Иосиф (Ходыревский). 1959 г. Личный архив автора

[2] Там же. Анкета служителя культа Ходыревского И.В.

[3] Там же. Послужной список иеромонаха Иосифа Ходыревского).

[4] Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление от 31 августа 1953 г.

[5] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37. л. 2 об.; АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

[6] Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление от 31 августа 1953 г.

[7] Там же. Послужной список иеромонаха Иосифа (Ходыревского).

[8] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 59.

[9] Там же, л. 63, 76 об.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 21.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 59.

Материалы по религиозным культам за 1959 г. // Там же, ф. Р1815, оп. 3, д. 235, л. 22, 24.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

ИЕРОСХИМОНАХ ИСИХИЙ

Иеросхимонах Исихий (в миру Иван Григорьевич Невдачин, в монашестве Исмаил) родился 22 августа 1884 г. на хуторе Раскопы Ахтырского уезда Харьковской губернии в бедной крестьянской семье[1]. Окончив трехклассную сельскую школу, он трудился в крестьянском хозяйстве отца[2], но, стремясь умом и сердцем к Богу, в 1909 г. оставил родных и поступил в Глинскую пустынь[3].

Под руководством Глинских старцев Иван прошел суровую школу сосредоточенного внутреннего подвига. Старцы направляли его к истинному познанию о Боге, которое составляет истинную жизнь для нашего духа.

Они говорили, что в познании Бога участвует не только ум, но и сердце через его постоянную любовь к Богу, участвует и воля через свою преданность Воле высочайшей, через исполнение заповедей Господних. Исполнение же заповедей, по учению старцев, состоит не только в выполнении нравственных норм, но и в получении силы, избавляющей от страстей, соединении в жизни вечной с Самим Господом.

Проходя послушание при ключне[4], Иван вел непрестанную внутреннюю борьбу с грехом. Он хранил себя от рассеянности, потому что рассеянность ума дает повод к возникновению греховных помыслов, а с них уже начинается всякое искушение. Постепенно молодой послушник становился опытным в духовной жизни и способным преодолевать искушения.

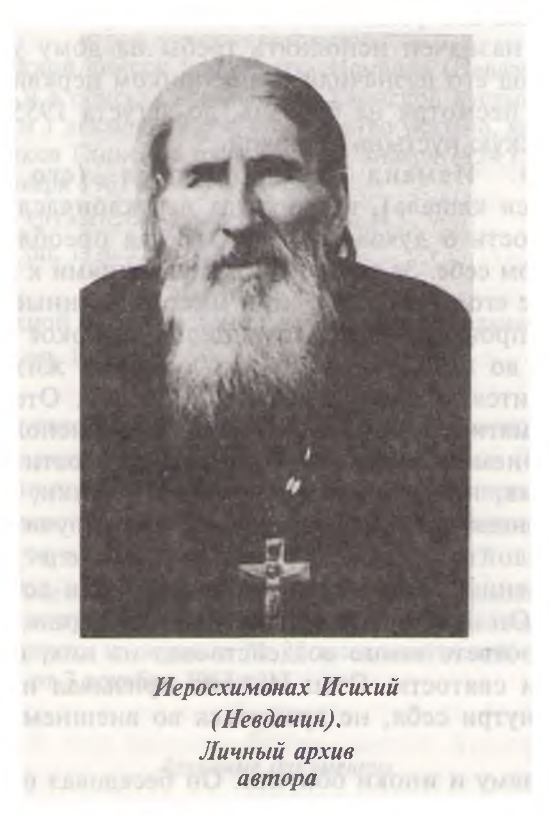
В 1915 г. Ивана призвали в армию[5], вернувшись в обитель через три года, он стал проходить послушание при ближней мельнице[6]. В июне 1918 г. архимандрит Нектарий (Нуждин) постриг его в рясофор[7], а в 1919 г. — в мантию с именем Исмаил[8].

После закрытия Глинской пустыни о. Исмаил вместе с некоторыми другими иноками обители перешел в Рыльский Николаевский монастырь, где епископом Павлином (Крошечкиным) в конце 1922 г. был рукоположен во иеродиакона[9]. После закрытия Рыльского монастыря он служил на приходах в Рыльском уезде, затем в 1925 г. переехал в Крым и служил в церкви во имя Казанской иконы Божией Матери в Феодосии. Здесь в 1926 г. епископом Феодосийским Кириллом он был рукоположен во иеромонаха. В 1929 г. о. Исмаил вернулся в Рыльский район, в село Студенка. В то время он очень болел (у него был хронический бронхит) и не мог совершать богослужений. Немного поправившись, с 1930 г. о. Исмаил начал служить в храме села Гамалевка Шосткинского района, в 1933 г. был награжден набедренником. После закрытия храма с 1938 по 1941 г. он работал сторожем, затем до 1947 г. служил в церкви города Шостка.

Деятельность его, как пастыря, нравственного руководителя и воспитателя, была очень трудна. Но своим смирением, личным нравственным подвигом он стяжал благодать Божию, необходимую пастырю, и, несмотря на болезнь, служил Богу с полным самоотвержением и твердой верностью Евангельской истине.

Он от всего сердца, искренне соболезновал людям, по-отечески любил свою паству и наставлял на правильный, спасительный путь.

Высокая молитвенность была основой его внутренней жизни. Много скорбей, телесных болезней и огорчений перенес о. Исмаил, но он всегда



Иеросхимонах Исихий (Невдачин). Личный архив автора

находил утешение в горячей молитве. Молитва возводила его в атмосферу небесной жизни, давала силу его духу. Она соединяла его с членами торжествующей Небесной Церкви и тем спасала от одиночества и уныния. В молитвенности заключалась духовная сила его пастырского воздействия на прихожан. Благодаря ей у о. Исмаила установилась незримая, но реальная связь с народом. В благодатной атмосфере храма, выходя на амвон со словами поучения о. Исмаил всегда находил души и сердца людей открытыми к восприятию слова Божия. Как пастырь-молитвенник, проводящий жизнь в Боге он был всегда благоразумен, ибо знал трудности духовной брани и всегда осторожно воздействовал на своих слушателей. В простых, но красноречивых и мудрых поучениях о. Исмаил знакомил народ с жизнью и страданиями Господа, разъяснял заповеди и обличал пороки.

Преисполненный великого смирения и глубокого чувства покаяния, он был примером для пасомых не словом, а самой жизнью. Из этого смиренного и покаянного источника — своего сердца о. Исмаил и давал

наставления, заботясь о спасении душ, вверенных ему Богом. Он духовно возрождал и преображал жизнь людей.

В 1943 г. архиепископ Сумской и Ахтырский Корнилий наградил о. Исмаила наперсным крестом. В мае 1947 г. он вернулся в Глинскую пустынь. Но недолгим было его пребывание в обители. Через два с половиной года о. Исмаил был назначен настоятелем Николаевской церкви села Яцино Путивльского района Сумской области. По болезни в марте 1953 г. архиерей разрешил ему вернуться в Глинскую пустынь, но уже в июне опять направил служить в село Усок Ямпольского района. Болезнь о. Исмаила все усиливалась, и в октябре он опять вернулся в обитель, где был назначен исполнять требы на дому у верующих села Сосновка. Через год его назначили священником церкви села Гамалевка. Здесь он служил, несмотря на болезнь, до августа 1955 г., а затем был возвращен в Глинскую пустынь на покой.

В обители о. Исмаил тяжело болел (его мучил почти непрекращающийся кашель), но никогда не уклонялся от посетителей. Душепопечительность о духовных чадах всегда преобладала в нем над попечением о самом себе. За советом и наставлениями к нему обращались не только прежние его прихожане, но и многочисленные паломники. Его сердечная беседа производила на слушателей глубокое впечатление. Он легко разбирался во всем многообразии духовной жизни, так как сам внимательно трудится над устроением своей души. Отец Исмаил искал спасения не в догматических размышлениях или в использовании каких-либо внешних приемов созерцания, не в обрядности или необычных подвигах аскетизма, но в богомыслии, размышлении, молитве, любви, милосердии и Евангелии. Этому же он стремился научить и других. Отец Исмаил умел подойти к душе грешника тем, что располагал ее к духовному обновлению, умел найти в ней зародыши добра и побудить к произрастанию. Он видел эти спасительные зерна в каждой душе человеческой и соответственно воздействовал на них, пробуждая жажду истины, правды и святости. Отец Исмаил призывал искать и созидать Царство Божие внутри себя, не вращаться во внешнем, разбирая чужие недостатки и дела.

Обращались к нему и иноки обители. Он беседовал с ними о том, как направить душу к общению с Богом и приобрести чистоту совести и сердца. Особенно часто он повторял, что для сокрушения греха, который делает человека духовно мертвым, необходима молитва. Она не позволяет коснеть во грехах, приносит истинное утешение, наполняет сердце радостью и миром. От упражнения в непрестанной молитве человек приобретает молитвенный опыт, опыт борьбы с врагом и его искушениями. Но молитва бессильна, если она не основана на посте. Молитва борется с душевными страстями, а пост отрешает человека от плотских страстей. При этом нужно так определить размеры поста, чтобы тело получало свое, и дух возрастал, находясь в равновесии, в мире.

Всем приходящим к нему о. Исмаил говорил, что спасение есть постепенный и длительный процесс прохождения через горнило испытаний и искушений. Чтобы достичь спасения, нужно, главным образом, очиститься от страстей. Причиной и поводом к совершению грехов являются скрытые в человеке страсти, с которыми нужно вести борьбу, избегать и не допускать их.

Все в обители уважали о. Исмаила. Настоятель архимандрит Феоген писал, что он "примерный, скромный, исполнительный и смиренный" иеромонах[10].

26 февраля 1961 г. о. Исмаил по прошению был пострижен в схиму с именем Исихий. Перед закрытием Глинской пустыни 4 июля 1961 г. вместе с о. Макарием (Петренко) и о. Иосифом (Ходыревским) он был помещен в Глуховскую районную больницу[11].

Время и место его кончины неизвестны[12].

Примечания

[1] АСЕУ. Послужной список иеромонаха Исмаила (Невдачина). В послужном списке о. Исмаила и в списках насельников Глинской пустыни на 1 января 1956 г., 1 января 1957 г. и 1 декабря 1959 г. его отчество указано, как "Григорьевич", но в списках насельников Глинской пустыни на 1 января 1954 г., 1 января 1955 г., 1 января 1960 г., 1 января 1961 г. — "Георгиевич".

[2] АСЕУ. Анкета служителя культа Невдачина И.Г.

[3] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 112.

[4] Там же.

[5] АСЕУ. Послужной список иеромонаха Исмаила (Невдачина).

[6] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 64.

[7] Там же.

[8] АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни на 1 января 1956 г.

[9] Там же. Послужной список иеромонаха Исмаила (Невдачина). Далее сведения о его жизни приводятся в соответствии с этим списком.

[10] АСЕУ. Послужной список иеромонаха Исмаила (Невдачина).

[11] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 58.

[12] Документы Сумского епархиального управления позволяют утверждать, что в 1962 г. о. Исихий жил в Сумской епархии. Ему была назначена пенсия 20 рублей в месяц. (АСЕУ. Выписка из журнала № 20 заседания пенсионного Комитета при Священном Синоде от 3 декабря 1962 г.).

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1910 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 2, л. 112.

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // Там же, д. 3, л. 64.

Сводный послужной список и ведомость о настоятеле, монашествующих и послушниках Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни за 1911 г. // ГАКО, ф. 20, оп. 3л, д. 174.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 3.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22—23.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 25, 58.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

ИЕРОМОНАХ ПАВЕЛ

Иеромонах Павел (в миру Петр Антипович Васильев) родился 29 июня 1884 г. в с. Большая Грибановка Воронежской губернии[1] в простой крестьянской семье. До 21 года он жил в семье родителей и занимался сельским хозяйством, затем три года был на военной службе. В 1908 г. он переехал в г. Тбилиси, где в течение почти 27 лет работал в Управлении железной дороги. Здесь Петр поступил в гимназию, после окончания которой в 1915 г. был назначен инструктором по тарифам в том же Управлении. С 1935 по 1952 г. он работал на авторемонтном заводе г. Тбилиси. Затем ушел на пенсию. Петр был женат, у него было два сына и дочь.

За этой внешне обычной для многих людей того времени жизнью была скрыта особая напряженная внутренняя жизнь. Воспитанный в религиозной семье, Петр всегда хранил веру Христову. Его семейная жизнь была строго благочестивой, заполненной трудом и молитвой. В его доме всегда неопустительно соблюдались посты, установленные Православной Церковью.

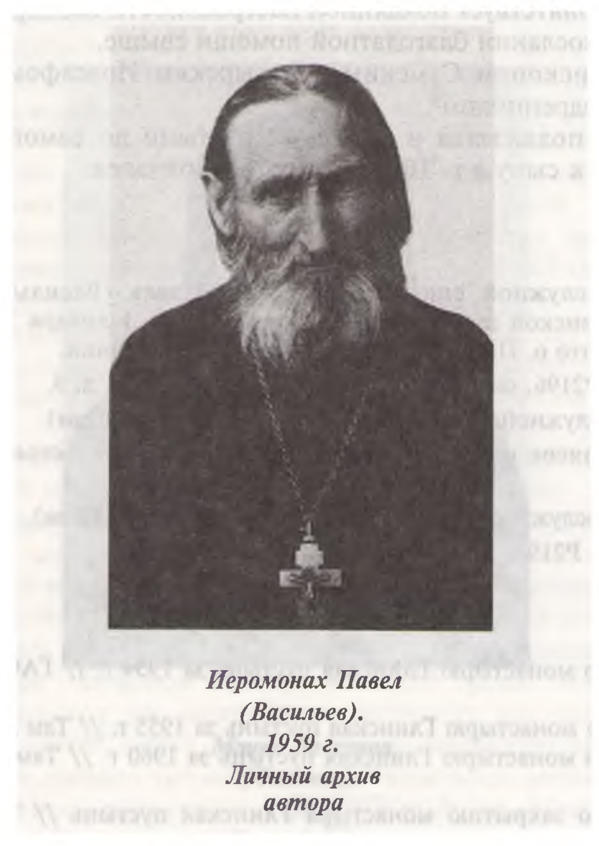
Чтобы научиться познавать Бога и Его святую волю, он с благоговением и вниманием читал Священное Писание; детям же разъяснял, что Слово Божие своей благодатной силой проникает во все тайники души человека и показывает ей ту греховную нечистоту, которой она помрачилась и осквернилась.

Во время гонений на Церковь он вынужден был скрывать от других уклад своей домашней жизни, но не изменял его. В 1938 г. жена его умерла, и после ее смерти Петр особенно часто размышлял о том, что именно вечность является уделом человеческой души и цель жизни на земле состоит в том, чтобы человек, постепенно развивая свои духовные способности, заложенные Творцом, смог соединиться с Ним в вечности и наслаждаться Его лицезрением.

Но он понимал, что для достижения этого от христианина требуется сохранять свою душу и тело от греховных влечений. Руководство к благочестивой и добродетельной жизни Петр нашел в святоотеческих творениях, небольшую библиотеку которых он собрал еще в молодости. Святые отцы и подвижники опытом познали человеческую природу, все ее немощи, страсти, пороки, причины грехов, все хитрости и наветы духов злобы и средства побеждать их, глубоко постигли путь благочестия и спасения и этот свой богатый опыт духовной благодатной жизни оставили в своих писаниях.

В их книгах глубоко запечатлелся дух истинного христианства. К этим спасительным истинам тяготела душа Петра и в них обретала соответствующую его состоянию духовную пищу.

Проводя жизнь внимательную, Петр знал, что сердце человека никогда праздным не бывает, и он всегда стремился заполнить свое сердце молитвой и чтением Слова Божия, чтобы диавол не заполнил его своими скверными мыслями и пожеланиями. Так со временем он стяжал сокрушение сердца, которое в том и состоит, чтобы всегда хранить ум и сердце и не увлекаться неполезными помышлениями. Остро ощущая свою греховность и виновность перед Богом, он приобрел духовную собранность и ту печаль по Богу, которая рождает истинное покаяние. Стремясь самоотверженно послужить Господу и принести Ему глубокое



Иеромонах Павел (Васильев). 1959 г. Личный архив автора

раскаяние, в конце 1954 г. он поступил в Глинскую пустынь[2]. В обители он отличался аккуратностью, исполнительностью, послушанием, смирением[3], но главное, — сокрушением и плачем о своих грехах.

Уже в 1955 г. он был пострижен в рясофор, а в 1957 г. — в мантию с именем Павел[4]. В том же 1957 г. епископом Сумским и Ахтырским Евстратием он был рукоположен в иеродиакона, а затем — во иеромонаха и назначен секретарем канцелярии монастыря. Послушанием его также было чтение акафистов.

Приняв священный сан о. Павел все более и более укоренялся в атмосфере молитвенности и священнодействия, при этом он постоянно укорял, порицал и обвинял себя во всем. Никаких своих добрых дел не видел, а только слабости сознавал. Молодым инокам, которые спрашивали, как достичь глубокой покаянной настроенности, о. Павел отвечал, что, по учению святых отцов, плач приобретается большим трудом, через поучение в Писании, терпение, размышления о Страшном

Суде и стыде вечном и через самоотвержение, которое состоит в том, чтобы отсекать во всем свою волю и почитать себя за ничто.

Чтобы восстать от сна греховного, т.е. нерадения и беспечности, говорил о. Павел священнослужителям, пастырю прежде всего нужно принести истинное раскаяние во всех своих грехах и стараться с помощью Божией больше не оскорблять Создателя, который ищет служителей Церкви чистых сердцем и ревностных в доброделании. Чувство своего недостоинства, сознание того, что он не имеет права учить тому, чего сам не исполняет, но по долгу пастырскому обязан это делать, именно это чувство благоприятствует покаянной настроенности пастыря и его горячей молитве о ниспослании благодатной помощи свыше.

В 1959 г. епископом Сумским и Ахтырским Иоасафом о. Павел был награжден набедренником[5].

Отец Павел подвизался в Глинской пустыни до самого ее закрытия. Затем он уехал к сыну в г. Тбилиси[6], где и скончался.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Павла (Васильева). В списках насельников Глинской пустыни на 1 января 1956 г., 1 января 1957 г., 1 января 1958 г. указано, что о. Павел родился в Тамбовской губернии.

2 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 2 об.; Там же, д. 34, л. 9.

3 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Павла (Васильева).

4 Там же. Список насельников Глинской пустыни по состоянию на 1 января 1958 г.

5 Там же. Послужной список иеромонаха Павла (Васильева).

6 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 69.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 9.

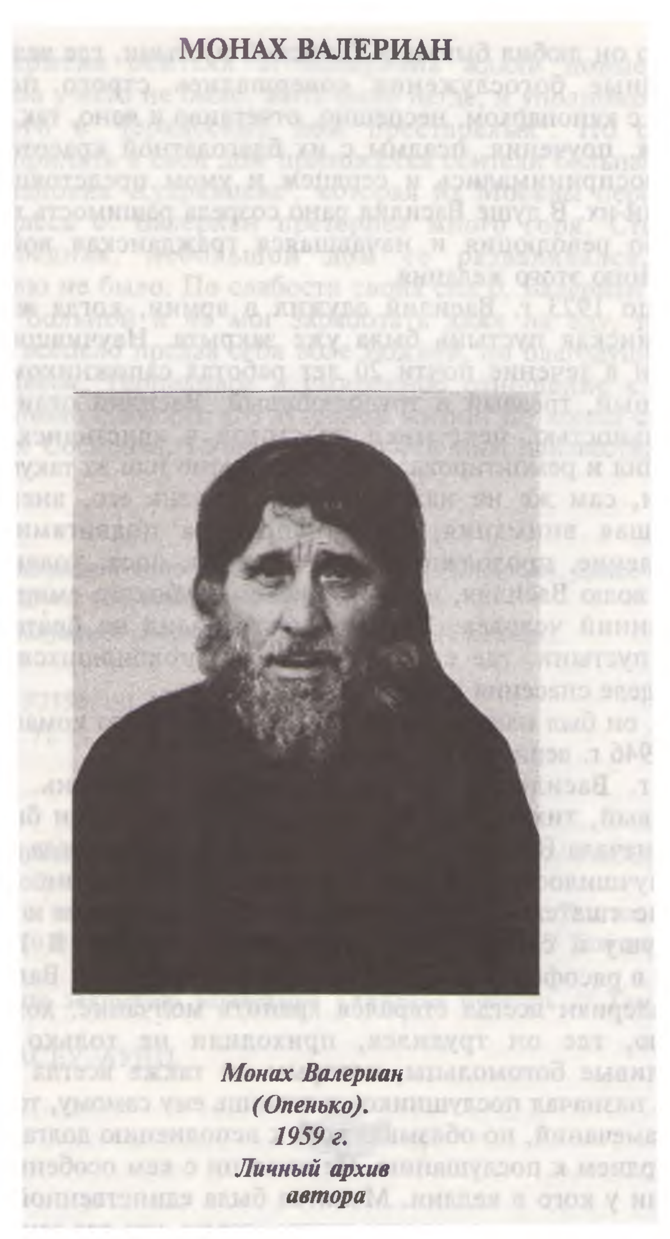
Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 3 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22—23.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 24,29,69.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

МОНАХ ВАЛЕРИАН



Монах Валериан (Опенько). 1959 г. Личный архив автора

Монах Валериан (в миру Василий Игнатьевич Опенько) родился 27 декабря 1898 г. в г. Глухове Черниговской губернии[1]. Родители его были простые украинские крестьяне. В 1910 г. он окончил начальную школу. С детских лет Василий часто ходил в церковь, вставал у клироса и внимательно слушал, что поют и читают в храме. Если человек увлечен мирской суетой до забвения о духовных предметах, то, хотя он и слышит или читает слово Божие, но не может вместить его (в таком случае сердце бывает подобно наполненному сосуду, который, пока не освободится от того, что содержит в себе, не может вместить ничего нового), а поэтому и остается без плода. Наоборот, ищущий спасения всегда стремится внимать слову Божию и сделать его неотъемлемым достоянием своей души. Так и Василий стремился не пропустить ни одного слова во время богослужения.

Особенно он любил бывать в Глинской пустыни, где величественные и благоговейные богослужения совершались строго по уставу, без пропусков, с канонархом, неспешно, отчетливо и ясно, так что церковные песнопения, поучения, псалмы с их благодатной красотой и глубоким смыслом воспринимались и сердцем и умом предстоящих и духовно воспитывали их. В душе Василия рано созрела решимость поступить в эту обитель, но революция и начавшаяся гражданская война помешали осуществлению этого желания.

С 1919 по 1923 г. Василий служил в армии, когда же он вернулся домой, Глинская пустынь была уже закрыта. Научившись сапожному ремеслу, он в течение почти 20 лет работал сапожником в г. Глухове. Воздержанный, трезвый и трудолюбивый, Василий отличался крайней нестяжательностью, искренней простотой и христианской кротостью. Часто он шил и ремонтировал обувь бесплатно или за такую плату, какую ему давали, сам же не назначал цену. Жизнь его, внешне ничем не привлекавшая внимания, была наполнена подвигами благочестия. Самоуглубление, продолжительные молитвы, пост, коленопреклонения укрепляли волю Василия, и под покровом глубокого смирения возрастал его внутренний человек. Василий часто ходил на братское кладбище Глинской пустыни, где со слезами молил покоившихся там святых о помощи в деле спасения души.

В 1943 г. он был направлен на службу в пожарную команду г. Харькова и лишь в 1946 г. вернулся на родину.

В 1948 г. Василий поступил в Глинскую пустынь. "Молчаливый, трудолюбивый, тихий, смиренный и послушный"[2], он был любим всей братией. Сначала Василий плел всем лапти, а затем, когда благосостояние обители улучшилось, шил и ремонтировал обувь братии. Исполняя свое послушание тщательно, со страхом Божиим, усердием и терпением, он очистил душу и сделал свою жизнь угодной Богу. В 1951 г. он был пострижен в рясофор, а в 1956 г. — в мантию с именем Валериан[3].

Отец Валериан всегда старался хранить молчание, хотя в сапожную мастерскую, где он трудился, приходили не только иноки, но и словоохотливые богомольцы, которым он также всегда помогал. Если настоятель назначал послушников в помощь ему самому, то он никогда не делал им замечаний, но обязывал всех к исполнению долга своим постоянным усердием к послушанию. Не имея ни с кем особенной дружбы, он не бывал ни у кого в келлии. Молитва была единственной потребностью его души и наполняла его сердце таким миром, что все земное, житейское было ему чуждо.

Отец Валериан, трудясь на послушании, не мог бывать в простые дни на литургии, но он никогда не пропускал утрени и вечером, при первом ударе колокола, оставив свои инструменты, спешил к вечерне. В храме за богослужением он всем сердцем ощущал Божие присутствие, а для христианина нет большего утешения, как ощущать близость Небесного Отца и беседовать с Ним в своей молитве. Отец Валериан раскрывал всю свою душу перед Богом, благодарил Его за все, что Он дает ему, прославлял Его благословенное Имя и воздыхал к Нему, прося Его помощи в своих нуждах и печалях. Отец Валериан непоколебимо верил, что истинный христианин не только в земной жизни не разлучается с Богом, но и не лишится общения с Ним в вечности.

После закрытия обители о. Валериана ждали новые испытания. Родственников у него не было, жить было негде, и уполномоченный хотел отправить его в Черкасский дом престарелых[4]. Но о. Валериана согласилась принять в свой дом прихожанка обители больная старушка — Мария Степановна Кудрявцева[5], которая из Москвы переехала в село Сосновку. Здесь о. Валериан претерпел много горя. Старушка была одинокая, бедная, небольшой дом ее разваливался, средств к существованию не было. По слабости своих сил о. Валериан уже с трудом ухаживал за больной и не мог заработать даже на еду, так что часто голодал. Но, всецело предав себя воле Божией, он благодушно переносил все случающееся. Терпеливое и смиренное отношение к испытаниям свидетельствовало о высоте его духовной жизни. До конца своих дней он прожил в селе Сосновка. Точная дата его кончины неизвестна.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список монаха Валериана (Опенько). Далее сведения о его жизни приводятся в соответствии с этим списком.

2 АСЕУ. Послужной список монаха Валериана (Опенько).

3 Там же.

4 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 63.

5 Там же, л. 71

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 2 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22—23.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 29,51,63.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

МОНАХ ИОВ

Монах Иов (в миру Илья Григорьевич Такшин) родился 20 июля 1886 г. на хуторе Зачатеевка Белгородского уезда Курской губернии в крестьянской семье[1]. В своей повседневной жизни его родители стремились к исполнению всех заповедей Божиих, почитали церковные праздники, а главное, — имели ту живую веру, которая приближала их к Богу и делала явным для них Его вездесущие. Илья с детства любил церковные службы, отличался тихостью нрава, безропотностью, был очень трудолюбив. К родителям он относился с искренним почтением, без их благословения даже не выходил со двора. Еще в молодости Илья хотел уйти в монастырь, но, исполняя волю родителей, женился. Однако мирская жизнь не заглушила в его душе жизни религиозной. В простоте своего сердца он все более возрастал в смирении, кротости, других христианских добродетелях и верил, что хотя бы в конце его жизни Господь исполнит его сердечное желание о поступлении в монастырь. На родине в доме родителей Илья жил с семьей (у него было 2 сына) до 1935 г. В 1934 г. его жена умерла, и вскоре после этого он переехал в Иркутск, где работал до 1940 г., затем вернулся на родной хутор и трудился в колхозе[2].

Никакие события внешней жизни не могли изменить тихого, глубоко религиозного устроения его души. Он хранил веру православную и через всю жизнь пронес любовь к Богу и верность Его Святой Церкви.

В 1954 г. Илья приехал в Глинскую пустынь и в конце того же года был зачислен в братство обители[3].

В монастыре он всегда трудился. Сначала его назначили кухонным рабочим, затем поваром[4]. Это трудное послушание было принято им с радостным чувством, что он потрудится на благо обители. Три года готовил Илья пищу на монастырской кухне, носил воду, рубил дрова, чистил и мыл посуду, работая всегда самоотверженно.

В 1955 г. он был пострижен в рясофор, а в 1957 г. — в мантию с именем Иов[5]. Еще через год ему дали послушание на скотном дворе. С любовью и тщательностью ухаживал он за скотом и даже называл животных ласково: "волики, скотинка", следил, чтобы их не перегружали работой, старался всегда хорошо накормить, на ночь постилал солому. Во всех его словах и действиях чувствовалось смиренное, кроткое, любвеобильное ко всему Божьему созданию отношение.

Отец Иов очень любил монастырь. О чем бы ни заговорили с ним, всегда в его ответах звучало чувство беспредельной благодарности Богу и Царице Небесной за то, что его приняли в Глинскую пустынь, благодатную атмосферу которой он постоянно ощущал. На богослужениях в храме, стоя позади всех, он часто тихо плакал, благодаря Бога за

Монах Иов (Такшин). 1959 г. Личный архив автора

неизреченную милость к нему, недостойному, каким искренно считал себя.

Все в монастыре было для него свято, и чувство величайшего благоговения к этому богоизбранному месту переполняло его душу.

Именно поэтому известие о закрытии Глинской пустыни было воспринято им с особой душевной болью. Отец Иов сильно сокрушался, что лишается милости окончить свои дни в Глинской пустыни, не мог представить себе жизни вне святой обители, где душа его получала столько сокровенных благодатных утешений. Он даже кротко, со слезами умолял братию не расходиться, но оставаться в обители по-прежнему. За такие слова в июне 1961 г. управляющий Сумской епархией архиепископ Черниговский и Нежинский Андрей исключил его из монастыря[6], но он оставался в обители до самого закрытия, затем переехал к сыновьям на родину[7], где вскоре скончался так же тихо, как и жил.

Примечания

[1] АСЕУ. Послужной список монаха Иова (Такшина).

[2] Там же.

[3] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 3 об.

[4] АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление. 1954 г.

[5] Там же. Список монахов Глинской пустыни по состоянию на 1 января 1958 г.

[6] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 71.

[7] Там же, л. 76.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 2 об.— 3 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22 — 23.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 30,51,71,76.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

МОНАХ КЛИМЕНТ

Монах Климент (Григораш). 1959 г. Личный архив автора

Монах Климент (в миру Карп Романович Григораш) родился 26 мая 1886 г. в селе Вершицы Черкасского уезда Киевской губернии в крестьянской семье[1]. В 1896 г. он окончил трехклассную начальную школу и до сорока двух лет жил на родине, занимаясь сельским хозяйством. Карп был женат, но в 1926 г. жена его умерла, оставив на его попечении сына. В 1929 г. он переехал в Донбасс, где работал в кооперативной артели, с 1933 по 1937 г. — бондарем в колхозе города Майкоп, а с 1937 по 1950 г — весовым мастером в городе Вольске. Затем он переехал к сыну в Саратов. Здесь произошел полный переворот во всем строе его внутренней жизни. Карп начал усердно посещать храм Божий, все чаще думал о смерти и неизбежном суде Божием, стал бояться умереть без покаяния. Он глубоко осознал, что приготовление к вечности в единении с Богом — вот цель земной жизни человека. Наконец, он решился совершенно оставить мир и провести оставшуюся жизнь в покаянии в монастыре. Карп много слышал о высокой духовной жизни

Глинских иноков и в 1954 г. приехал в Глинскую пустынь, где начал трудиться на благо монастыря. В том же году он был принят в число насельников пустыни "как проверенный и нужный обители работник"[2].

В монастыре он проходил послушание бондаря. В высшей степени трудолюбивый и степенный, он неспешно, но споро исполнял порученное ему послушание. Старцы учили его при исполнении внешнего послушания умом упражняться во внутреннем делании: творить молитву, хранить молчание, стяжать смирение.

В 1955 г. он уже был пострижен в рясофор[3] и с этого времени особенно ревностно начал подвизаться против страстей и невидимых врагов. Более всего Карп заботился об очищении сердца вниманием ко всем его движениям и удалением от земных пристрастий. Высоконравственная жизнь требовала напряжения всех его духовных сил, укреплению этих сил на пути нравственного совершенствования способствовала усиленная молитва. В храме Карп стоял с таким благоговением, вниманием и углублением в молитву, что, казалось, никого не видел.

В 1958 г. он был пострижен в мантию с именем Климент[4].

Отец Климент был строгий постник. Укрощенное постом тело доставляло его духу свободу, силу, трезвенность, чистоту, тонкость. Отличался о. Климент и редким воздержанием языка. Автор этих строк вместе с ним делал бочки, но крайне редко слышал его речь, смеха же он не допускал никогда. Как строгий блюститель всех иноческих обетов, постепенно он достиг высокого нравственного преуспеяния. В душе его не только укоренились благочестивые чувства и стремления, но и родилась духовная мудрость.

В 1959 г. по старости и слабости он был переведен на более легкое послушание переплетчика[5], которое исполнял до закрытия обители. После закрытия Глинской пустыни в возрасте 75-ти лет он переехал к сыну в Саратов[6]. Дальнейшая судьба о. Климента неизвестна.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список монаха Климента (Григораша).

2 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 3 об.;

АСЕУ. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление (без даты).

3 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни на 1 января 1956 г.

4 Там же. Список насельников Глинской пустыни на 1 декабря 1958 г.

5 Там же. Список насельников Глинской пустыни на 1 января 1959 г.

6 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 70, 76.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 37, л. 2 об. — 3 об.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 22—23.

Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 30, 70, 76.

Документы АСЕУ, АУПЦ.

ИЕРОМОНАХ ВЛАСИЙ (†1989)

Иеромонах Власий (Сумин).
(1897—1989). 1959 г.
Личный архив автора

Отец Власий (в миру Василий Михайлович Сумин) родился 1 января 1897 г. в селе Городьково Канышевского уезда Курской губернии. Он вырос в простой крестьянской семье. В 1908 г. окончил четыре класса начальной школы и жил с родителями, занимаясь сельским хозяйством[1]. В 1933 г. он был арестован и сослан в Челябинские лагеря. Вернувшись в 1953 г., жил в селе Вабля Канышевского района и работал плотником[2]. Долгим был его путь к монашеству. Лишь в возрасте 56-ти лет сердце его исполнилось непреклонной решимости всецело служить Богу в иноческом чине, и в апреле 1953 г. он поступил в Глинскую пустынь[3]. С первых же дней Василий проявил такое самоотвержение, послушание и терпение, что старцы убедились в его готовности вести строгую монашескую жизнь[4]. 27 декабря 1953 г. он был пострижен в монашество, 6 февраля 1954 г. — рукоположен во иеродиакона и 9 февраля того же года — во иеромонаха[5].

Отец Власий был большим тружеником. Он совершал чредное богослужение, исполнял клиросное послушание, исповедовал богомольцев и, как хороший плотник, строил многие здания в обители.

Имя иеромонаха Власия хорошо было известно многим верующим. Он не только исповедовал богомольцев, но и отчитывал бесноватых. Столь тяжелый подвиг о. Власий взял на себя по глубокому чувству сострадания и любви к страждущим людям и только после того, как получил разрешение старцев. Любовь к людям есть неодолимая сила, неотразимое

оружие в руках пастыря Церкви при отправлении им святого служения, она является в нем источником тех самых сил и свойств, которые необходимы ему для того, чтобы деятельность его возможно более уподоблялась пастырской деятельности Христа Спасителя и Его святых апостолов. Способность к любви как особый дар дается пастырю в хиротонии, однако усвоение и поддержание его в себе зависит от стремлений человеческого духа. Эта благодатная любовь, данная пастырю в хиротонии, в процессе истинно пастырской деятельности все более и более развивается. К о. Власию приезжало много больных и бесноватых, даже в документах уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Сумской области было отмечено: "Власий ... принимает и исцеляет психбольных"[6].

В заботах о спасении душ ближних, он, как ревностный монах, не оставлял попечения и о своей душе, однако его внутреннее делание было глубоко сокровенным. В 1957 г. епископом Евстратием, Сумским и Ахтырским, он был награжден набедренником, а в 1960 г. — наперсным крестом[7]. По распоряжению уполномоченного по делам Русской Православной Церкви и соответствующему распоряжению управляющего Сумской епархией архиепископа Андрея (Сухенко), о. Власий был уволен из Глинской пустыни еще до ее закрытия в начале апреля 1961 г.[8], но он продолжал свое служение ближним в Грузии в Тбилиси, где служил в Варваринской церкви. В 1974 г. он был возведен в сан архимандрита. На некоторое время о. Власий уезжал в Одессу, в монастырь, но затем опять вернулся в Тбилиси, где и скончался в 1989 г.

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иеромонаха Власия (Сумина).
2 Там же.
3 Там же.
4 Там же. Рапорт архимандрита Серафима (Амелина) в Сумское епархиальное управление от 28 декабря 1953 г.
5 Там же. Послужной список иеромонаха Власия (Сумина).
6 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 10; Там же, д. 55, л. 21.
7 Там же. Послужной список иеромонаха Власия (Сумина).
8 Там же, ф. Р2196, оп. 12, д. 55, л. 13.

Литература

Иоанн (Маслов), архимандрит. Схиархимандрит Андроник // ЖМП. 1974. № 8. С. 46.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 10.
Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // Там же, д. 53, л. 10.
Материалы по закрытию монастыря Глинская пустынь // Там же, д. 55, л. 13,21.
Материалы по религиозным культам за 1959 г. // Там же, ф. Р1815, оп.. 3, д. 235, л. 22.
Документы АСЕУ, АУПЦ.

ИЕРОМОНАХ СИМЕОН

Большим уважением как духовник пользовался у богомольцев иеромонах Симеон (в миру Семен Матвеевич Нестеренко). Родился он 1 сентября 1920 г. в селе Береза Глуховского района Сумской области, в бедной крестьянской семье[1]. Окончил начальную школу. Он очень рано начал трудиться, уже с семи лет пас скот, чтобы помочь семье. В шестнадцатилетнем возрасте Семен тяжело заболел. Но в этом испытании он всем сердцем обратился к Богу и, немного поправившись, в начале 1943 г. поступил в Глинскую пустынь. Здесь он сподобился подвизаться под руководством великих Глинских старцев, жил в одной келлии с иеросхимонахом Никодимом (Калиушем) и получал назидание от самого образа жизни этого святого старца.

Семен имел не только беспрекословное послушание, но и стремился узнать мнение старцев по различным вопросам, чтобы, помня их спасительные наставления, знать, как следует поступить в той или иной жизненной ситуации. Ответами старцев он руководствовался потом всю жизнь.

Несмотря на болезненное состояние, Семен много трудился в обители. Сначала он исполнял послушание помощника повара. Затем, когда в 1946 г. епископ Сумской и Ахтырский Иларион посвятил его в иподиакона[2], одновременно начал проходить клиросное послушание. Благодаря хорошему голосу, он стал канонархом обители и подробно изучил устав. В 1951 г. Семен был пострижен в монашество с именем Симеон, 21 мая 1951 г. рукоположен во иеродиакона, а 7 февраля 1954 г. — во иеромонаха[3]. С этого времени[4] и до конца 1955 г.[5] о. Симеон служил на приходе. Вернувшись в обитель, о. Симеон совершал богослужения и был назначен духовником богомольцев.

В этом своем служении он всемерно старался передать всем, кто к нему обращался, то верное духовное направление, которое сам получил от Глинских старцев. Очистив душу покаянием, отсечением своей воли и терпением болезней, он так ясно видел внутреннее состояние людей, что многие его считали прозорливым.

В 1957 г. епископ Евстратий наградил о. Симеона набедренником[6].

Стараясь пробудить души пасомых от греховного сна, о. Симеон не только проповедовал устно, но и перепечатывал на пишущей машинке, а затем рассылал душеполезные поучения из листков, изданных Русским Свято-Пантелеимоновым монастырем на Афоне. Духовные книги в те годы достать было трудно, и такая деятельность о. Симеона была делом духовного милосердия по отношению к ближним.

Письма о. Симеона часто содержали наставления о неизбежности и необходимости несчастий в жизни человека.

Когда человек помрачится умом и начинает проводить свою жизнь в лености и беспечности, тогда попущением Божиим, но промыслительно он подвергается скорбям, как внутренним, так и внешним, которые напоминают ему о исправлении и необходимости заботиться о своем спасении.

Скорби посылаются и тем, кто усердно занимается внутренним подвигом, но опять же единственно для духовной пользы последних. Только в этом случае нужна усиленная надежда на Бога, и тогда подвиг увенчивается большими духовными успехами. Считая посылаемые Господом земные скорби залогом вечного спасения, о. Симеон отечески призывал переносить скорби с терпением. Терпение же должно быть с благодарением и славословием Спасителя. От благодарения во время постигшей скорби воспитываются не только смирение, необходимое для спасения, но рождается и живая вера и подается благодатное утешение.

Одно из писем о. Симеона полностью приведено ниже. В конце марта 1958 г. во время проверки милицией паспортного режима в Глинской пустыни пишущая машинка у о. Симеона была обнаружена, и сотрудники милиции конфисковали ее[7].

На запрос архиепископа Черниговского и Нежинского Андрея епископ Сумской и Ахтырский Евстратий отвечал, что "иеромонах Симеон Нестеренко опытный уставщик, хороший чтец и певец, усердный посетитель храма Божия, несет неленостно положенную ему седмицу, совершая богослужения. Скромный, исполняет все возлагаемые на него послушания. Старцы отзываются о нем хорошо"[8].

После закрытия Глинской пустыни о. Симеон переехал в Абхазию. В настоящее время он служит в городе Гудаута в сане архимандрита. (Сведения приведены автором на год написания жития о. Симеона — *Примеч. издат.*).

Примечания

1 АСЕУ. Послужной список иподиакона Симеона (Нестеренко).

2 Там же.

3 Там же. Список монахов Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1954 г.

4 ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 9.

5 АСЕУ. Список насельников Глинской пустыни Шалыгинского района Сумской области по состоянию на 1 января 1956 г.

6 Там же. Список священнослужителей с указанием наград. Декабрь 1957 г.

7 АСЕУ. Дело иеромонаха Симеона (Нестеренко).

8 Там же. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия архиепископу Черниговскому и Нежинскому Андрею от 23 апреля 1958 г.

Архивные документы

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1954 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 34, л. 9.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1955 г. // Там же, д. 37, л. 3.

Документы АУПЦ, АСЕУ, личного архива автора.

МОНАХ ЗИНОВИЙ, ВПОСЛЕДСТВИИ МИТРОПОЛИТ ГРУЗИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (В СХИМЕ СЕРАФИМ) (†1985)

(Память 23 февраля ст. ст. / 8 марта нов. ст.)

После закрытия Глинской пустыни в 1961 г. как старцам, так и молодым Глинским инокам много помогал митрополит Тетрицкаройский Зиновий (в миру Захарий Иоакимович Мажуга, в схиме Серафим). Он сам начинал свой иноческий подвиг в Глинской пустыни и всю жизнь был верным последователем ее духовных традиций.

Митрополит Зиновий родился 14 сентября 1896 г. в городе Глухове[1]. В 1914 г. он поступил в Глинскую пустынь[2], где проходил послушание сначала при кучерской[3], затем при портной[4]. В июне 1920 г. был пострижен в рясофор, а в марте 1921 г. — в монашество[5]. После закрытия Глинской пустыни в 1922 г. о. Зиновий поступил в Драндский Успенский монастырь Сухумской епархии, где в 1924 г. епископом Пятигорским Никоном был рукоположен во иеродиакона, а в 1926 г. — во иеромонаха[6].

С 1925 по 1930 г. о. Зиновий служил в г. Сухуми, затем в Ростове-на-Дону, где был арестован. В заключении он встретился с о. Серафимом (Романцовым), о чем писал: "... Я батюшку Серафима больше... знал по ссылке, когда вместе коротали этот курорт"[7].

С 1942 по 1945 г. о. Зиновий служил с Тбилисском Сионском Успенском соборе и был духовником скита святой Ольги в Мцхета. В 1943 г. он был награжден наперсным крестом, в 1945 г. — возведен в сан игумена. С 1945 по 1947 г. служил в селе Кирово (в Армении), в 1947—1950 гг. в Батуми. В 1950 г. о. Зиновий был назначен настоятелем храма во имя святого князя Александра Невского в Тбилиси и возведен в сан архимандрита, а в 1952 г. назначен членом Святейшего Синода Грузинской Православной Церкви.

Этот подвижник духа был столь уважаем иерархами Грузинской Православной Церкви, что в 1956 г. он, русский, был рукоположен во епископа[8], а в 1972 г. возведен в сан митрополита Грузинской Православной Церкви. Владыка Зиновий духовно окормлял русские православные приходы в Грузии[9] и Армении.

Своей богоугодной жизнью он показал высокий пример ревностного служения Церкви и самоотверженной любви к ближним. Владыка Зиновий получил все высшие награды Грузинской Православной Церкви, в том числе и право ношения креста на скуфии. Это был старец высокой духовности, его душа была озарена божественной благодатью, обильно изливающейся на всех, притекающих к его духовному окормлению. Имея во всей полноте дар прозрения, митрополит Зиновий вопрошавшим его открывал волю Божию. Богослужения он совершал с таким благоговением, что схиархимандрит Андроник (Лукаш) писал: "Сколько мне радости, что Господь сподобляет меня помолиться в церкви со святителем нашим"[10].

Неразрывно духовно связанный с братией Глинской пустыни, владыка Зиновий писал, что "всегда молится и призывает благословение на всех Глинских"[11], и сам просил их молитв.

В последние годы жизни митрополит Зиновий много болел и, завершая свой земной путь, принял схиму с именем Серафим (в честь преподобного Серафима Саровского).

Скончался схимитрополит Серафим 8 марта 1985 г. на восемьдесят девятом году жизни. Перед отпеванием Святейший и Блаженнейший Илия II, Католикос-Патриарх всея Грузии произнес прочувственное слово. Он сказал: "Жизнь митрополита Тетрицкаройского Зиновия была полностью посвящена служению Святой Православной Церкви и ближнему. Бывают люди, имена которых надолго остаются в сердцах и молитвах верующих людей. Таким облагодатствованным человеком, человеком, который стяжал благодать Святого Духа, был высокопреосвященнейший митрополит Зиновий... Мы все его знаем как великого старца, как человека высокой духовной жизни, который явил пример высокого христианского служения, аскетического подвига. Все те, кто знали высокопреосвященного митрополита Зиновия, когда-либо имели счастье приходить к нему за благословением, всегда уходили от него внутренне умиротворенными, всегда получали от него духовное утешение. Я — один из тех, кто имел многое духовное утешение от митрополита Зиновия. В 1957 году... владыка Зиновий постриг меня в монашество. Митрополит Зиновий принимал участие и в моей хиротонии во епископа и в моей интронизации на престол Патриарший...

Он всегда с особой любовью принимал каждого приходящего к нему верующего, независимо от того, был ли он русский, грузин или грек. Для него было главным то, что человек нуждался в поддержке и что этот человек был верующий.

И вот сегодня, братия и сестры, мы провожаем владыку Зиновия в Жизнь Вечную, но я верю, что он не оставит всех нас в своих молитвах.

Мы приняли решение, чтобы погребение высокопреосвященного митрополита Зиновия состоялось здесь же, в храме, чтобы он не только молитвенно был вместе с нами, но и телесно не покидал нас.

Высокопреосвященного митрополита Зиновия знали очень многие, и о том, как его почитали, свидетельствует то множество духовенства, которое прибыло на его погребение... Мы надеемся, что духовное общение, которое было между нами и митрополитом Зиновием, еще более возрастет, потому что его душа предстала пред Престолом Всевышнего и он, мы верим, имеет высокое, великое дерзновение молиться о всех нас"[12].

Митрополит Зиновий погребен в храме во имя святого благоверного князя Александра Невского в Тбилиси, в котором в течение тридцати пяти лет старец духовно окормлял свою паству.

Примечания

[1] Высокопреосвященный Зиновий, митрополит Терицкаройский // ЖМП. 1985. № 6. С. 58.

По данным послужных списков Глинской пустыни за 1918 г. митрополит Зиновий родился в 1895 г. в семье мещанина (ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 76).

[2] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 76; ГАКО, ф. 750, оп. 1. д.266, л. 3 об.

Митрополит Тетрицкаройский Зиновий (Мажуга) (1896—1985), в схиме Серафим, ученик схиархимандрита Серафима (Амелина)

[3] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 75 об. — 76.

[4] ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 266, л. 4. (Дело о проведении обряда посвящения в монашеский сан послушников Глинской пустыни 16—17 марта 1921 г.).

[5] Там же, л. 6. В книге архиепископа Мануила "Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957)". Чебоксары, 1959. Ч.III на с. 68 ошибочно указано, что митрополит Зиновий принял постриг в монашество в 1917 г.

[6] Личный архив автора. Письмо игумена Исаии (Коровая).

[7] Там же. Письма митрополита Зиновия архимандриту Иоанну (Маслову).

[8] До 1960 г. Владыка Зиновий был епископом Степанаванским, затем Тетрицкаройским.

[9] Православный церковный календарь, 1980. Издание Московской Патриархии, 1979. С. 150.

[10] Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша) архимандриту Иоанну (Маслову).

[11] Там же. Письма митрополита Зиновия (Мажуги) архимандриту Иоанну (Маслову).

[12] Высокопреосвященный Зиновий, митрополит Тетрицкаройский // ЖМП, 1985, № 6. С. 59.

Литература

У святынь Грузии // ЖМП. 1957. № 10. С. 73—74.

Торжества в Богоявленском патриаршем соборе // Там же. 1960. № 8. С. 8.

Визит Святейшего Патриарха Пимена Предстоятелям Грузинской и Армянской Церквей // Там же. 1973. № 2 С. 21.

Схиархимандрит Андроник // Там же. 1974. № 8. С. 45—46.

Братский визит Предстоятеля Грузинской Церкви... // Там же. 1978. № 1. С. 12.

На погребение Предстоятеля Грузинской Православной Церкви // ЖМП, 1978, № 3, С. 43—45.

Избрание и интронизация Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II // Там же. 1978. № 3. С. 47—50.

Православный церковный календарь. 1980. 1979. С. 150.

Мануил, архиепископ . Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957). Чебоксары, 1959. Ч. III. С. 68.

Высокопреосвященный Зиновий, митрополит Тетрицкаройский // ЖМП. 1985. № 6. С. 58—59.

Памяти митрополита Зиновия // Там же. 1985. № 6. С. 60—62.

Годовщина преставления высокопреосвященного митрополита Зиновия // Там же. 1986. № 6. С. 54.

Архивные документы

Послужные списки настоятеля с братией Глинской Рождество-Богородицкой пустыни за 1918 г. // ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3, л. 75 об. — 76.

Дело о проведении обряда посвящения в монашеский сан послушников Глинской пустыни 16—17 марта 1921 г. // ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 266, л. 4.

Материалы по монастырю Глинская пустынь за 1960 г. // ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 24.

Документы АСЕУ, АУПЦ и личного архива автора.

Н.В.Маслов

ОБ АВТОРЕ "ГЛИНСКОГО ПАТЕРИКА"

Схиархимандрит Иоанн (в миру Иван Сергеевич Маслов, в монашестве Иоанн) принадлежал к тем редким исключительным людям, которые соединяли в себе широкие познания, огромное трудолюбие и ясновидящую мудрость, основанную на глубокой вере. Магистр богословия, автор множества богословских работ, он являет собой образ духовника, к которому люди обращались и обращаются, как к источнику спасения. Это был пастырь с адамантовой душой, он брал каждого из своих духовных чад за руку и вел узким спасительным путем ко Христу.

Родился Иван Сергеевич Маслов 6 января 1932 года в деревне Потаповка Сумской области в крестьянской семье — в одной из тех державшихся строгих христианских обычаев и нравов семей, в которых вырастали на Русской земле великие праведники — столпы православной веры и благочестия.

Промыслительно было само рождение будущего старца в великий день навечерия Рождества Христова. Крещен младенец был 9 января в селе Сопич в храме во имя св. Николая Мирликийского[1] и наречен Иоанном.

Его родители Сергей Феодотович и Ольга Савельевна были людьми глубоко религиозными и благочестивыми, что отражалось на укладе семейной жизни (о матери своей старец впоследствии говорил, что она свято прожила жизнь). Работали они в колхозе. Отец был бригадиром.

Детей у них было 9 человек, но 4 умерли в младенчестве. Сергей Феодотович очень любил Ивана и выделял его среди других своих детей (у Ивана было 2 старших сестры и 2 младших брата).

Уже в детские годы Иван обладал высокой духовной зрелостью. Друзей у него было много, однако он избегал детских игр. Часто ходил в храм Божий, куда детей приучала ходить мать. Старшая сестра его рассказывала: "Иван рос добрым, тихим, спокойным. Родители никогда его не наказывали. От матери попадало всем, а ему никогда. Всегда он был смиренный, никого не обижал".

Все, кто знали его в эти годы, говорили, что Иван отличался от других детей: "Его сразу было видно". Он обладал редкой рассудительностью, отзывчивостью и стремлением помочь ближним. В его душе смирение сочеталось с той силой духа и воли, которой подчинялись все его друзья. Ивана все слушались, даже те, кто был старше по возрасту. В драки он никогда не вступал, а, наоборот, останавливал драчунов, говоря: "Зачем ты бьешь его? Ему же больно".

В роду Масловых было четыре родных брата, один из которых — Григорий Александрович — известный своей прозорливостью иеромонах Гавриил, подвизавшийся в Глинской пустыни с 1893 года. Другой брат — Феодот Александрович — был родным дедом Ивана.

46-1374

После закрытия Глинской пустыни в 1922 году о. Гавриил вернулся в деревню Потаповка. Он предсказывал родственникам: "Поверьте, я умру, а в нашем роду будет еще монах", и они невольно размышляли о том, кто же из родных станет монахом. Одна из родственниц Ивана, наблюдая за детьми, говорила: "Уже если не Сергиев Иван будет монахом, тогда не знаю, кто и будет".

В 1941 году Иван остался в семье за старшего, т.к. отца забрали на фронт, откуда он не вернулся. Его мать говорила, что еще мальчиком он стал настоящей опорой семьи, руководителем и воспитателем братьев и сестер. Все дети называли его "батькой" и слушались. Уже тогда проявилось одно из основных свойств его души — все самое трудное брать на себя, полагать душу свою за ближнего. Ольга Савельевна (впоследствии монахиня Нина) говорила: "Он один умел так хорошо утешить мать, а ведь это дорогого стоит".

Во время Великой Отечественной войны в Потаповке стоял немецкий отряд. Немцы все отбирали, в том числе и продукты. Отец Ивана загодя закопал большие бочки с зерном и бочонок с медом. Немцы везде искали продукты, протыкали землю штыками, но бочонки не нашли, потому что сметливый отец Ивана закопал их под порогом сарая.

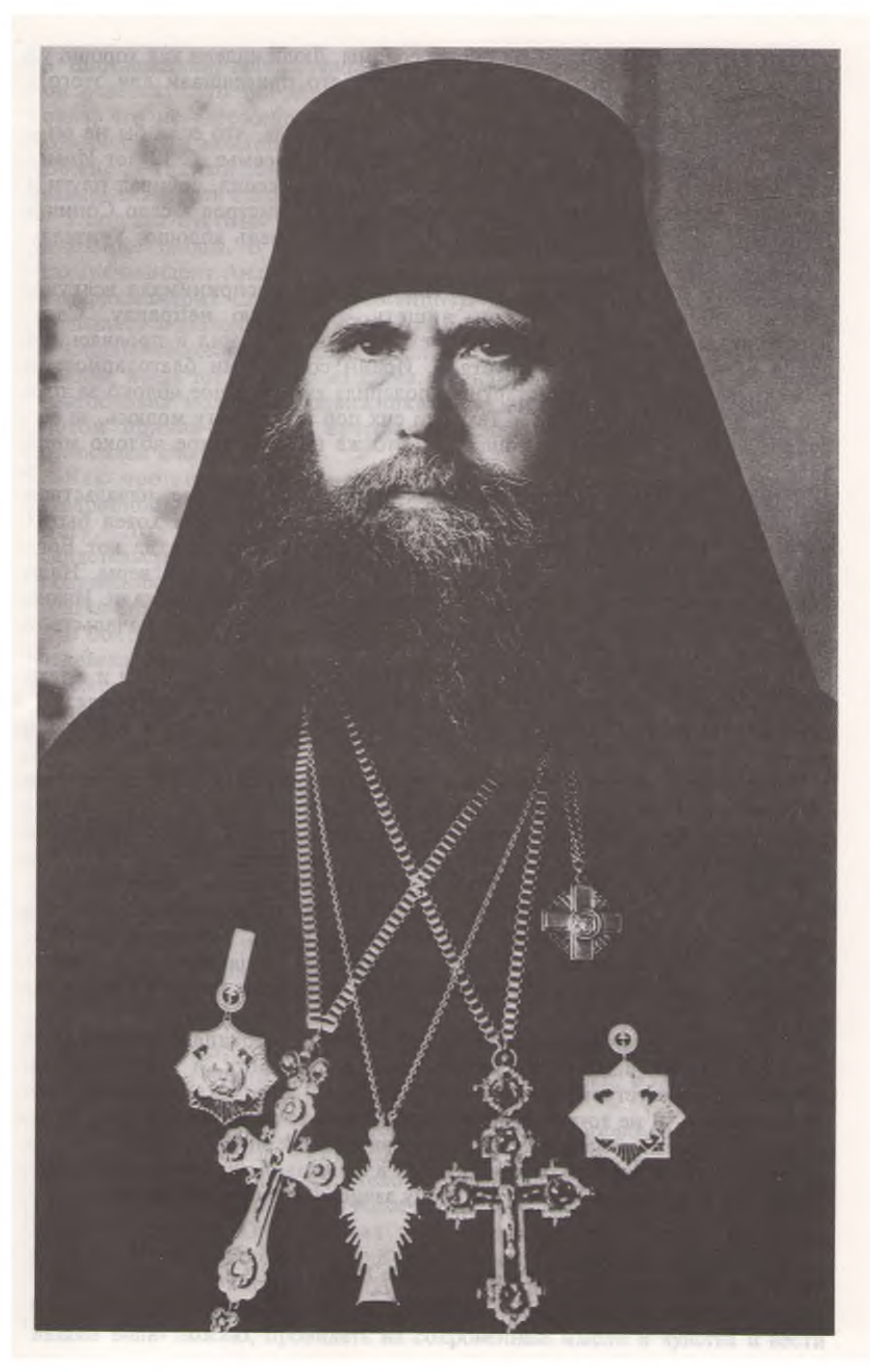
Сам старец впоследствии рассказывал: "Один раз зашел к нам немец со штыком. Мы, все дети сидели у стенки. Он к каждому штык подносил, думали заколет, но он заглянул под кровать и ушел, нас не тронул".

Немцы давали лошадей пахать землю, но к определенному часу лошадей надо было вернуть. Батюшка рассказывал: "Я пахал (ему было тогда 10 лет. — *Примеч. издат.*), а коня чуть дернешь, он вскачь, еле удерживал, и конь взмок. За это меня и маму немец гонял".

Так, с самого детства Иван очень много трудился. Он сам говорил, что все умел делать: и шить, и прясть, и ткать, и вязать, и готовить, и исполнять все сельскохозяйственные работы. Любил работу. За что ни брался, все очень хорошо получалось. Много работал по ночам. Гулять никуда не ходил, но сестру отпускал, а сам вместо нее ночами вышивал. Сам сшил себе и братьям брюки и учил их быть аккуратными. Если дети небрежно бросали свою одежду, то Иван крепко-накрепко скручивал ее и бросал под кровать в дальний угол. Такой урок запоминался надолго, и дети приучались к порядку.

Жили бедно, обуви и ткани почти не было. Сами пряли, сами ткали полотно, летом отбеливали его. Ходили в лаптях. Батюшка рассказывал, как сам плел на всю семью лапти и чуни — лапти из лыка, а чуни из тонких веревочек.

После войны был сильный голод. Утомленная войной и отсутствием рабочих рук земля рождала тогда только крапиву, которую ждали с нетерпением. Иван придумал делать рамочки для фотографий и украшал их соломкой. Он как-то по-особому разрезал соломку, красил ее разными красками и делал на рамке розочки, колоски очень аккуратно, красиво и изящно. Многие тогда заказывали ему такие рамочки. Ведь почти в каждой семье были погибшие на войне, и людям хотелось, чтобы дорогие для них фотографии были в красивой рамке. За работу Ивану платили продуктами. Вскоре он научился крыть крыши соломой (это считалось самым трудным в хозяйстве делом) и стал крыть лучше всех в деревне. У него это получалось быстро и аккуратно. Крышу крыл за 3—5 дней.



Мать ему помогала: подавала снопы соломы. Люди видели как хорошо у Ивана получается крыть крыши, и многие его приглашали для этого, платили ему или давали продукты, одежду.

Так Иван кормил всю семью. Сестра его говорила, что если бы не он, то не выжили бы. Он был настоящим хозяином в семье. С 12 лет Иван начал работать в колхозе. Пас коров, пахал, сеял, косил, собирал плуги, научился делать повозки. В школу ходил за 6 километров в село Сопич. Благодаря природной одаренности Иван учился очень хорошо. Учителя всегда его хвалили.

С детских лет отзывчивая душа Ивана горячо воспринимала всякую людскую беду: и болезни, и нищету, и всякую неправду. Сам необыкновенно добрый, умевший всем помочь, он ценил и проявления добра к нему. Много лет спустя о. Иоанн со слезами благодарности рассказывал, как в детстве старушка подарила ему большое яблоко за то, что он "коровку ей пригнал". "Так я то сих пор за нее Богу молюсь, за ее доброе дело. — говорил батюшка, — Это же надо — такое яблоко мне дала".

В 1951 году Ивана призвали в армию. Служил он отлично, начальство его любило. Впоследствии батюшка говорил, что сначала хотел быть военным: "Я не думал быть монахом, хотел быть военным, да вот Бог привел". Он рассказывал, что и в армии не скрывал своей веры. Над койкой повесил икону, и никто его не ругал, наоборот, все уважали. Иван очень метко стрелял. Если были соревнования по стрельбе, то начальство назначало его, и он всегда побеждал.

Но при исполнении воинского долга Иван жестоко простудился и с тех пор до самой кончины нес бремя неисцелимой и опасной болезни сердца[2]. По болезни Иван в 1952 году был уволен из армии и вернулся домой.

Чистейшая душа его стремилась к духовному совершенству, к единению со Христом. Ничто земное не могло его удовлетворить. В то время он сподобился Божественного откровения, приоткрывая тайну которого впоследствии говорил: "Такой свет увидишь — все забудешь".

И вот вместе с еще с одним молодым человеком Иван поехал помолиться в Глинскую пустынь, которая располагалась недалеко от их деревни. Когда они только вошли в монастырь, матушка Марфа (Марфуша, как звали ее в народе), прозорливая монахиня, дала Ивану бублик, а его спутнику ничего не дала, тот и не остался потом в Глинской пустыни.

После этого Иван еще несколько раз ездил на велосипеде в Глинскую пустынь. Желая всецело посвятить свою жизнь Богу, в 1954 году он оставил дом и устремился в святую обитель. Его мать впоследствии рассказывала: "Я не хотела его отпускать. Опора-то он какая мне был. Я за ним несколько километров бежала, все кричала: "Вернись!".

Сначала Иван несколько месяцев нес в монастыре общие послушания. Затем ему дали подрясник и в 1955 году зачислили в обитель по указу.

На с. 723 —

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) (1932—1991)

Впоследствии, когда старца спрашивали, почему он ушел в монастырь, он отвечал: "Это Бог призывает. Не от человека зависит, влечет такая сила, что не удержишься — она и влекла меня. Великая сила". И еще говорил: "Я в монастырь пошел не просто. Мне было особое призвание Божие". Такими были уход от мира и начало иноческого пути схиархимандрита Иоанна.

Глинская пустынь пребывала в ту пору в расцвете и давала обильные духовные плоды. В обители подвизались такие великие старцы, как схиархимандрит Андроник (Лукаш), схиархимандрит Серафим (Амелин), схиархимандрит Серафим (Романцов). Именно с ними сразу духовно сблизился молодой подвижник.

Старца-настоятеля схиархимандрита Серафима (Амелина) Иван впервые увидел, когда тот выходил из храма. Ивана подвели к нему. Отец Серафим благословил молодого подвижника и сказал: "Пусть, пусть поживет", а потом принял Ивана в братство и всегда с любовью и вниманием относился к нему.

Как протекала жизнь молодого послушника в Глинской обители? Подробности всех его испытаний и духовной брани известны одному Богу. До нас дошли лишь отдельные эпизоды этой жизни, свидетельствующие о тяжести испытаний и жесточайшей духовной брани подвижника с силами ада, — испытаний, которые попускаются Богом только сильным духом. Вот некоторые из них.

В обители Ивана поселили в маленькой комнате, где уже жили четыре человека. Место дали на лежанке, на печке, а там в сосновых чурках было множество клопов. Иван обсыпал себя дустом, тогда они на голову нападали. Впоследствии о. Иоанна спрашивали:

— Батюшка, как же Вы дустом не отравились?

— Господь сохранил.

— Да как же Вы этих клопов терпели?

— Я как на смерть шел. Ни клопы не страшны, ничто!

Однажды настоятель вызвал Ивана к себе. Был Петров пост. Иван очень похудел, так как строго постился. Отец Серафим дал ему полный стакан кефира и велел выпить. Иван ради послушания выпил, хотя никогда не нарушал пост. Тогда настоятель сказал: "Вот так, и не перегибай палку!"

Основным послушанием для иноков Глинской пустыни был разнообразный физический труд. Ивану выпала работа в столярной мастерской, где приходилось колоть дубовые колоды, делать бочки. Работа была настолько тяжелой, что от непомерного труда опухали мышцы. Безропотно нес это послушание молодой подвижник, несмотря на то, что тяжелый физический труд был ему противопоказан: из армии он был уволен инвалидом.

Следующий эпизод — из области духовной борьбы. Нередко, как впоследствии рассказывал старец, ночному отдыху мешали бесы, которые являлись ему. Они истязали тело подвижника: по утрам он видел свои руки в синяках. Испытаниям Иван противопоставил терпение и мужество, ревность о Боге. Он усиливал пост, с его уст не сходила Иисусова молитва, и явные бесовские приражения постепенно оставили его.

Это был избранник Божий, от рождения наделенный многими благодатными дарованиями. Старчество, как способность открывать людям волю Божию, провидеть их сокровенные мысли и чувства и вести

истинным, единственно верным спасительным путем ко Христу было даровано о. Иоанну еще в молодости. Именно поэтому духовноопытные Глинские подвижники с первых дней поступления его в обитель стали посылать к двадцатидвухлетнему послушнику богомольцев за советом, а настоятель обители схиархимандрит Серафим (Амелин), пользовавшийся огромным духовным авторитетом, против обыкновения (обычно новоначальные проходили длительный искус) сразу благословил его отвечать на многочисленные письма, поступавшие в обитель от тех, кто просил совета, духовного наставления и помощи. Сколько же человеческого горя, скорбей и недоумений принял уже тогда в свое горящее любовью к Богу и людям сердце молодой послушник! Ответы его, наполненные благодатью Святого Духа, всегда были душеспасительны. Подписывая их, настоятель дивился его духовной мудрости, читал тем, кто был в его келлии, и восклицал: "Так и надо наставлять!" Впоследствии, когда о. Иоанна спрашивали, кто говорил ему, что писать богомольцам, он отвечал: "Бог". Иван не только отвечал на письма, но полностью исполнял послушание письмоводителя. Отвечал тем, от кого обитель получала посылки, денежные переводы, записки на поминовение и т.п.

Так Иван начал свое самоотверженное служение Богу и ближним, ведя жизнь самую скромную, строгую и смиренную. Нес послушание письмописца, трудился в столярной мастерской, делал свечи, затем был заведующим аптекой и одновременно клиросным. Впоследствии батюшка говорил: "Я на лошади в аптеку ездил в Шалыгино. Лошадь такая хорошая была". Все в монастыре его любили, никто не ругал.

Особенно близок был Иван схиархимандриту Андронику, который, впервые встретившись с ним, сказал: "Вот никогда раньше его не видел, а стал мне он самым родным мне человеком". Однажды в Глинской пустыни Иван тяжело заболел. Старец Андроник 2 ночи не отходил от его постели — так Ивану было плохо.

8 октября 1957 г. в день празднования преставления преп. Сергия Радонежского (как батюшка говорил, "под Иоанна Богослова") он был пострижен в монашество с именем Иоанн в честь св. апостола Иоанна Богослова. Случай для Глинской пустыни, где постригали только после многих лет искуса, необыкновенный. Батюшка впоследствии рассказывал, что его и будущего иеромонаха Зосиму келейно постригал старец Андроник (уведомление епископу было послано уже после пострига).

Узы дружбы тесно связывали о. Иоанна и о. Андроника до самой кончины о. Андроника, а духовно-молитвенное общение их никогда не прекращалось. Письма схиархимандрита Андроника к о. Иоанну переполнены такой горячей любовью, заботой, задушевностью и уважением, что никого не могут оставить равнодушным. Вот как он обращается к о. Иоанну: "Дорогой мой, родненький духовный сыночек", "Дорогое и родное мое чадо о Господе" и пишет: "Я часто спрашиваю своих окружающих о Вас, ибо мне хочется лицом к лицу поговорить с Вами и насладиться нашей родственной встречей".

Старец схиархимандрит Андроник, характеризуя начальный период иноческой жизни своего духовного сына, говорил: "Он всех прошел", то есть был первым среди Глинских иноков.

В послужном списке тех лет сказано: "Монах Иоанн Маслов отличается исключительным смирением и кротостью; несмотря на свою

болезненность, он исполнителен в послушаниях". Так всю жизнь старец ставил во главу угла смирение, всегда во всем обвинял и укорял себя.

Впоследствии, когда о. Иоанна спрашивали: "Батюшка, кто был самый великий в Глинской пустыни?" Он отвечал: "Великого знает Бог".

Уже в те годы проявилась тесная связь о. Иоанна с духовным миром. Настоятель схиархимандрит Серафим (Амелин) после своей блаженной кончины не раз являлся ему во сне в полном облачении и наставлял его.

В 1961 году Глинская пустынь была закрыта. Батюшка рассказывал: "Когда мы уходили из монастыря, старцы нам сказали: "На фундаменте стойте, который вам дан, иначе собьетесь!"

В том же году о. Иоанн по благословению старца Андроника поступил в Московскую Духовную Семинарию. В 1962 году, в Великий Четверг он был рукоположен в Патриаршем Богоявленском соборе в сан иеродиакона, а в 1963 году — в сан иеромонаха.

Учился батюшка очень хорошо. Его любил и уважал ректор Московской Духовной Академии и Семинарии профессор-протоиерей Константин Иванович Ружицкий. Узнав о. Иоанна ближе, он стал относиться к нему, как к самому родному и близкому человеку. Кончину о. Константина в 1964 году о. Иоанн перенес очень тяжело.

После окончания семинарии он продолжил обучение в Духовной Академии. И в семинарии, и в академии о. Иоанн был душой курса. Сам всегда бодрый, он умел поднять настроение и у тех, кто его окружал. Все любили и уважали его. Необыкновенно добрый, он привлекал сердца всех, кто с ним общался, высотой своей духовной жизни, глубиной религиозного чувства.

Сокурсники часто просили, чтобы о. Иоанн поисповедовал их. Они рассказывали, что будучи простым, смиренным и общительным (часто мог пошутить) в повседневной жизни, о. Иоанн как бы преображался, когда исповедовал. Становился строг, проникал в самые потаенные глубины души исповедуемого, так что студенты поверяли ему всю свою душу. Они чувствовали, что не могут относиться к своему сокурснику иначе как к старцу, духовному отцу, многоопытному наставнику.

Полностью отдал себя в послушание о. Иоанну его соученик из Болгарии Иоанникий, впоследствии епископ Болгарской Православной Церкви. Он очень любил батюшку и трепетал перед ним. Однажды, совершив какой-то проступок, от страха перед о. Иоанном он залез под кровать и спрятался там (они жили в одной келлии).

Батюшка очень строго его вел: так в наказание за что-то на Пасху батюшка разрешил ему съесть при разговении только кусок ржаного хлеба и выпить стакан воды. Иоанникий очень долго упрашивал батюшку отменить этот "приговор", т.к. он был приглашен на прием в посольство, и ему стыдно было за праздничным столом только есть хлеб и пить воду, но батюшка остался непреклонен. Вернувшись с приема, Иоанникий рассказывал, что все хорошо обошлось, никто и не заметил, что он ел. Этот случай еще больше укрепил его любовь к батюшке. Впоследствии о. Иоанн получил письмо от духовного наставника о. Иоанникия, который в самых теплых словах выражал свою благодарность батюшке за мудрое духовное окормление своего чада и писал: "Спасибо тебе за сынку".

Но самым близким Батюшке из окормляемых им студентов и преподавателей был о. Марк (Лозинский). Профессор Московской

Духовной Академии, магистр богословия, заместитель заведующего Церковно-археологическим кабинетом игумен Марк был, по отзывам многих видных иерархов, человеком редким и исключительным, который весь принадлежал Церкви Божией. "Христианская жизнь его являлась примером подражания для многих"[3]. Отец Марк посвятил свою магистерскую диссертацию творениям святителя Игнатия Брянчанинова, впоследствии собрал огромный архив из наследия святителя, а также составил учебное пособие по гомилетике.

Игумен Марк был беззаветно предан о. Иоанну. Во всем спрашивал его советов и следовал им неуклонно. Отец Иоанн говорил о нем: "Это ангел был послан мне от Бога". А о духовной дружбе, связывавшей их, отзывался так: "Два тела — одна душа". Они оба трудились над составлением Патериков. В то время о. Иоанн составил "Глинский Патерик" (в первой редакции), а игумен Марк — "Отечник проповедника", в который вошли около 20 примеров из Глинского Патерика.

Вместе с отцом Марком отец Иоанн ездил в Тбилиси к старцу Андронику, который также очень полюбил о. Марка. Но последний был уже тяжело болен и скончался в 1973 г. на 34-м году жизни. Отец Иоанн очень тяжело пережил его кончину.

Во время учебы в академии о. Иоанн, как отличающийся высотой своей духовной жизни, был назначен ризничим академического храма. Ему было вверено духовное окормление преподавателей, студентов и исповедь богомольцев[4].

Именно здесь в полной мере раскрылись способности и пастырские дарования о. Иоанна, который с первых дней проявил себя опытнейшим духовником. К нему стал стекаться народ — все, кто хотел узнать волю Божию в том или ином случае жизни, кому необходимы были добрый совет и наставление, кто жаждал утешения в скорби и печали. Помещение перед ризницей, где он трудился, никогда не бывало пустым: утром, днем и вечером здесь можно было видеть преподавателей и учащихся духовных школ, прихожан храма, москвичей, жителей других городов, приезжавших к о. Иоанну на исповедь или для душеспасительной беседы. Его отличало живое, опытное познание Бога. Рядом со старцем каждый чувствовал, что мир иной, "жизнь будущего века" реально существуют. И вот это чувство, что о. Иоанну открыт мир духовный, что сам он соотносится с этим миром, и было самым сильным в общении со старцем.

Этот мир для нас, грешных, сокровенен; в нем действуют свои законы, которые не укладываются в обычные мерки нашего ограниченного разумения. Мы можем лишь изредка наблюдать внешние проявления этого небесного мира, которые выражаются в поступках и словах святых Божиих избранников. Проникая в наше отягощенное страстями сердце тихой благодатью, эти слова и поступки поражают и смиряют наш ум необычным для него сиянием иного высшего порядка вещей и влекут наши души к таким дивным избранникам, как отец Иоанн.

Он был не только великим проповедником Царства Христова, но и живым носителем этого Царства. Благодатная красота и величие о. Иоанна, сила его духа, ощутимая связь с вечной жизнью вызывали у приходивших к нему трепет и благоговение, искреннее стремление ко спасению. Под влиянием только одного его слова или взгляда в людях совершались глубокое нравственное обновление и возрождение. Здесь на

земле в нем светился отблеск небесной славы, светился в тех благодатных дарованиях, которыми старец особо был наделен от Господа.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал, что духовные люди "по действию в них Божественной благодати получают такие свойства и способности, которых чужд человек в своем естественном состоянии". Так и о. Иоанн имел дары Святого Духа, среди которых были непрестанная молитва Иисусова, духовное рассуждение, прозорливость, проникновение в тайны человеческих душ, исцеление болезней душевных и телесных. Но, главное, старец стяжал величайший дар благодати Божией — безграничную, самоотверженную, деятельную христианскую любовь.

Эта любовь в старце достигла высоты евангельского совершенства. Всего себя, все свои силы, разум, сердце и волю принес о. Иоанн Богу и людям. И как часто он освобождал других от болезней, скорбей, душевных печалей, принимая их на себя! Так он душу свою полагал за ближних. Самоотверженная любовь, горевшая желанием всем помочь, всех утешить, всем спастись — характерная черта о. Иоанна. Подвиг его любви к ближнему изумляет знавших старца и волнует души людей, узнавших о нем уже после его преставления.

Он имел доступ к сердцу каждого и говорил: "Только любовью можно постигнуть внутреннюю жизнь других людей и войти с ними в тесное духовное общение". — "Реальная любовь — носить немощи друг друга". — "Любовь сильнее смерти". — "В любви сокрыт ключ и истинного боговедения, и истинной христианской жизни". Он возвращал падшим людям образ Божий, умел заставлять их плакать слезами покаяния, слезами возрождения к новой духовной жизни.

Отец Иоанн был настоящим отцом для всех обращавшихся к нему с верой. Старец "брал на себя" всего человека со всеми его немощами и скорбями. Для него не было мелочей, он все принимал близко к своему любвеобильному сердцу. Иногда люди только по прошествии нескольких лет, когда жизнь их по молитвам батюшки устраивалась, осознавали, какой великий дар и какую великую помощь они получали.

По отзывам знавших старца, он не только твердо нес свой крест, но и имел огромную нравственную силу поддерживать тысячи других людей и помогать им нести жизненный крест. Умел утирать любые слезы, утешать во всяких невзгодах; от него передавалась благодать мира и глубокого успокоения. Он обладал редким даром духовно воскрешать людей после нравственного омерщвления. Сам вид, одно только присутствие этого духовно великого человека спасительно действовали на других, врачуя страсти и болезни, побуждая к добру, вызывая молитвенное состояние и слезы. Старец был настолько красив, что при нем даже вслух говорили с благоговением: "Какой красивый!" Высокий, статный, широкоплечий, с правильными, мужественными одухотворенными чертами лица, с длинными густыми волосами и бородой. Величественность удивительно сочеталась в нем с быстротой действий и внутренней энергией. В замечательных глазах старца всегда отражалось сияние неба, которое проникало в самую глубь души собеседника и озаряло беспросветный мрак многих и многих жизней. Недаром говорили, что у старца глаза как у ангела.

У старца была высшая черта христианского подвижничества: живя вне мира, он умел служить миру.

Множество людей тянулось к отцу Иоанну благодаря особому дару Святого Духа, который он имел, — старчеству. Этот талант апостол Павел называет "даром рассуждения" (1 Кор. 12, 10). По словам самого о. Иоанна, "старчество выражается в особенном водительстве пасомых на пути спасения и требует от носителя этого дара мудрого и любвеобильного попечения о вверившихся ему душах". Ни одного своего решения старец не принимал без ясного указания Божия. Прежде чем дать ответ на тот или иной вопрос, о. Иоанн молился, углублялся в себя (часто он поднимал при этом глаза и смотрел ввысь) и только потом отвечал (иногда ответ давался сразу). Батюшка говорил своему духовному сыну: "Прежде чем ответить, обращаешься к Богу, как же надо поступить". Господь открывал старцу Свою волю, и вопрошавшие батюшку могли узнать эту Божественную волю из его ответов.

Батюшка отвечал на тысячи всевозможных вопросов: "Куда мне благословите: замуж или в монастырь?"; "Как мне жить, муж меня оставил?"; "Что делать с работой — очень маленькая зарплата, не могу прокормить семью?"; "Мне негде жить, как быть с жильем?"; "Я потеряла все, что мне было дорого в жизни. Мне незачем жить"; "Неизлечимая болезнь меня терзает. Я не могу не роптать"; "Мои дети, в которых я вложил жизнь и душу, стали мне врагами"; "Я потерял веру" и т.п.

Все эти и подобные вопросы обрушивались на старца ежедневно. И он имел великую силу, духовную мощь не только все внимательно выслушать, но делом и советом реально помочь людям. Сколько раз самые сложные, отчаянные и запутанные житейские вопросы он решал двумя-тремя полными сердечного участия советами. И всегда по благословению благодатного старца выходило хорошо, и решение оказывалось мудрым и правильным.

У тех, кто слушался батюшку, вся жизнь вскоре выравнивалась и устраивалась. Монахиня Серафима (Русанова) говорила: "От батюшки никто не уходит тощим". Все получали помощь. Но каких сил, какого труда все это требовало от самого старца! Он выдерживал столь тяжелые нравственные труды, что казалось, и одна десятая их часть была бы невыносима для обыкновенного человека.

Однажды батюшка сказал одной монахине, которой по его молитвам удалось из архиерейского дома, где она проходила послушание, вернуться в монастырь, и вся жизнь ее устроилась: "Это многого стоило".

Другая духовная дочь по его благословению поступила в очную аспирантуру, а потом ей предложили высокооплачиваемую и интересную работу. Когда она спросила батюшку, стоит ли переходить на работу он ответил, что жалко оставлять аспирантуру, ведь с таким большим трудом она туда поступила.

Девушка очень удивилась, она с такой легкостью отлично сдала экзамены (все экзамены кандидатского минимума сдала за один год, тогда как другие сдавали за несколько лет), без трудностей подготовила все необходимые документы и только после батюшкиных слов вполне осознала, сколько молитвенного труда принял на себя за нее старец. Еще одной духовной дочери батюшка говорил: "Если бы ты знала, сколько в тебя вложено". Батюшка обладал необыкновенным чувством сопереживания: он чувствовал чужую боль и переживал скорбь другого более остро, чем сам человек. Даже заболевал, переживая за своих чад.

Однажды одна молоденькая девушка познакомилась с верующими молодыми людьми. Ей понравилась их общительность, начитанность, то, как они все вместе собираются, читают и обсуждают Евангелие. Она поехала к батюшке и подробно все рассказала. Батюшка отнесся к этому очень серьезно, сказал, что все это у них от баптизма, что "спасение их призрачно" и строго-настрого запретил видеться с ними. Ей же было интересно с этими людьми (враг затягивал), она написала батюшке письмо, а потом и сама еще раз поехала сказать, что колеблется. Батюшка принял ее и с грустью сказал, что так переживал из-за того, что она не отошла от тех людей, что даже заболел. Девушку это потрясло, она заплакала. Никогда больше к этим людям не подходила. Они впоследствии стали сектантами, и эта девушка со слезами благодарила батюшку: "Если бы не Вы, где бы я была! Я бы погибла".

Многие родители спрашивали батюшку, куда отдать детей учиться после окончания школы. У тех, кто слушался батюшку, всегда все хорошо складывалось и с учебой, и с работой. Главное же, человек оказывался на своем месте. Батюшка всегда точно видел, в чем призвание человека, к чему он больше способен, что ему полезно — туда и направлял его.

Одна девушка не послушалась батюшку и поступила не в тот институт, в который он благословил. И что же? Через 8 лет она стала работать именно по той специальности, которую ей предлагал батюшка, но у нее не было высшего образования по этой специальности, и поэтому возникали трудности.

Очень многие люди бесконечно благодарны батюшке за решение такого жизненно важного вопроса как вопрос дома, жилья. Если человек становился батюшкиным духовным чадом, то этот вопрос со временем всегда решался положительно. Батюшка одному советовал, к кому на работе обратиться с тем, чтобы поставили на очередь, другому неожиданно по молитвам старца давали квартиру, третьему подсказывал, как сделать родственный обмен. И по молитвам батюшки все имели свое жилье, хотя многие получали его с трудом, после долгого ожидания.

При этом старец говорил, что надо думать: "Как батюшка скажет, так и сделаю", а не жить по своей воле, по своим мыслям. Он рассказывал: "Вот бывает приходит человек, просит благословение на что-либо. Начинаешь о нем молиться. Молишься-молишься, а небо молчит. Уже просто не знаешь, в чем дело. А потом недели через две видишь, что человек-то этот был как в железе: уже принял решение в сердце, а благословение так, для прикрытия пришел просить. Поэтому небо и молчит".

От духовных детей о. Иоанн требовал полного и безусловного послушания. Все вокруг старца совершалось только по его благословению. Он говорил: "Все дает послушание". Батюшка писал, что послушание должно лежать в основе всех добродетелей, ибо послушание было первой заповедью, данной человеку по его сотворении. Если батюшка давал ответ на какой-либо вопрос, а его потом переспрашивали, он говорил: "Сказал раз — и на всю жизнь. Что было запрещено — то грех, через сколько бы лет ни случилось". Старец советовал отсекать свою волю. Он говорил, что многие сейчас хотят спастись, желание имеют, а дел не делают и ходят, как овцы без пастыря, а враг легко берет сначала одну, потом другую без всякого труда, потому что волю свою творят. "Трудно дело спасения!" — заканчивал старец.

Девушке, просившей взять ее на работу уборщицей академического храма, батюшка сказал, что это трудно [в храме трудиться]. "Надо всю жизнь переменить. Это как лестница. Каждый день, хоть понемножку надо исправляться, подниматься на ступеньку, а если думаем стоять на месте, то это враг обманывает нас — обязательно вниз стащит, а надо вверх. Здесь трудно не столько физически, сколько духовно. Нужно свою волю отсекать каждую минуту, а это очень тяжело человеку. То заставят пол мыть, то стирать, то еще куда-нибудь пошлют. Делай все, что не хочется. Когда человек в миру живет, там враг не мучает — он и так его волю творит, а как сюда приходит, то не разрешают человеку жить по своей воле, вот против человека и борются плоть и враг. И очень это тяжело бывает вынести. Так надо все взвесить, не подумав — не соглашаться, потому что обратной дороги нет".

В то же время батюшка говорил, что Господь очень милостив. Он рассказывал: "Вспоминается такой удивительный случай милосердия Божия, мне его схимник Глинской пустыни Никодим рассказывал. Когда пустынь разогнали, он жил у моих родственников, а голод был, и как-то он сказал: "Господи! Как же пирожка хочется", и тут же стук в дверь: "Батюшка, откройте, я пирожков Вам принесла". Вот так любит и слышит Господь тех, кто Его волю творит".

Что бы ни случалось в жизни духовных детей о. Иоанна, они стремились связать с батюшкой каждое движение своего сердца. У них была только одна забота — сообщить обо всем батюшке, и вера их не посрамлялась: молитвами батюшки всегда все устраивалось во спасение. А если не было возможности увидеть о. Иоанна или написать ему, то обращались к батюшке внутренне, просили его помощи и молитв, так как тем, кто жил далеко и не мог часто приезжать, о. Иоанн говорил: "И мысли доходят". И добавлял: "Все передается — и скорбь и радость. Все чувствуется".

Иногда казалось, что он составлял со своими духовными детьми как бы одно существо. Такой духовный союз укреплялся между ними главным образом через молитву и через любовь к Богу и к людям. Старец жил свято, Дух Господень обитал в его сердце, и поэтому из его души так щедро изливалась на людей благодатная чудодейственная сила.

Вот лишь некоторые отзывы самых разных по характеру людей о беседе со старцем: "Когда старец слушает вас, то вы чувствуете, что в эту минуту он весь вами живет, и что вы ему ближе, чем сами себе"; "Сто пудов свалилось — вот жизнь!"; "Батюшка все понимает без слов и гораздо глубже и лучше, чем я сам мог бы рассказать"; "Вся душа моя в его руках"; "Так радостно, уютно, тепло, как будто под крылышком сидишь, со всех сторон огражден".

Одна из жительниц Сергиева Посада рассказывала священнослужителю в храме академии: "Я несколько раз исповедовалась у о. Иоанна, исповедовались и мои знакомые. Идешь к нему на исповедь разбитой духовно, подавленной, а уходишь окрыленной, радостной. Я заметила, что после исповеди у о. Иоанна люди преображались даже внешне. От него все уходили святыми. Таких духовников, как о. Иоанн, я еще не встречала. К каждому у него был свой подход, каждому он давал свою, именно ему необходимую духовную пищу. Такой старец — это чудо нашего времени"[5].

Все знавшие батюшку единогласно говорят о свойственном ему даре прозорливости. Силой любви он прозревал душу человека, открывал потаенные помыслы, забытые грехи, предсказывал будущее. Для него не существовало тайн.

Часто старец отвечал не на тот вопрос, который задавал человек, а на ту мысль, которая была главной в душе вопрошавшего (при этом говорил: "У тебя все как на чистом листе видно"); точно определял внутреннее состояние даже тех людей, которых никогда не видел, знал загробную участь усопших. Видя человека впервые, старец рассказывал всю его жизнь или называл самые сокровенные грехи. Дар проникновения в тайники человеческих сердец удивлял многих и побуждал всецело отдаваться его руководству. У людей появлялась уверенность, что старец лучше их знает, в чем они нуждаются и что им полезно.

Схиархимандрит Иоанн обладал даром предвидения, он прозревал будущее, как настоящее. Предсказания его продолжают сбываться.

Отец Иоанн имел дар чудотворений, мог изгонять демонов, исцелять тело от неизлечимых болезней, а душу от гнездившихся в ней страстей. С полной уверенностью можно сказать, что нет ни одного духовного чада о. Иоанна, кто бы по опыту не знал, что батюшка может исцелить от телесных и душевных болезней.

Примеров прозорливости старца было множество. Приведем лишь некоторые из них, засвидетельствованные его духовными чадами.

*

Одна женщина очень хотела попасть к старцу. Когда ей сказали, что батюшка примет ее, она, чтобы ничего не забыть, записала все свои вопросы. Однако, когда она вошла к о. Иоанну, то совершенно забыла про свою записку. Получив наставления, она вышла и тогда вспомнила про свой листочек. Когда же стала читать, то была потрясена, так как увидела, что старец по очереди ответил на все ее вопросы, хотя она их ему не задавала.

Однажды батюшка сидел в ризнице за столом, разбирал бумаги и вслух повторял Иисусову молитву. Рядом находился некий человек N. Он мысленно обратился к о. Иоанну: "И за меня тоже помолитесь". В следующий раз батюшка произнес: "Господи Иисусе во Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и N. (имя рек) тоже".

Одна женщина во время разговора со старцем вдруг подумала: "Сколько детей болеет, сколько умирает, выживет ли мой ребенок?" А вслух сказала: "Батюшка, помолитесь, я волнуюсь, как дома няня справится с моим сыном". Батюшка ответил сразу на ее мысли: "Да не умрет твой (имя рек), вырастет".

Один человек попросил: "Батюшка, благословите мне читать какую-нибудь молитву, когда помыслы одолевают" (ему очень хотелось читать одну из утренних молитв). Батюшка сразу же сказал молиться именно этой молитвой.

"Однажды на пасхальной заутрене, — рассказывала одна женщина, — напали на меня унылые мысли: "Никому я не нужна, зачем живу и т.д." Я понимала, что эти мысли от врага, но сама не могла эти мысли прогнать и проплакала из-за них весь день. После вечерней пасхальной службы хотела подойти сказать батюшке, а он всех от ризницы гонит: "Что вы здесь стоите — уходите". Время было тяжелое, батюшку преследовали за

то, что к нему приезжало много народа. Потом он подошел ко мне и строго спросил: "Ну, что ты хотела? Быстро говори!" Я ничего не могу сказать. Все слова вылетели из головы. Тогда, внимательно глядя на меня, батюшка начал говорить: "Не слушай ты его, это враг все. Ему сейчас такое время тяжелое, он всех бы рад смутить. Не слушай этого". Батюшкины огромные сияющие глаза всю меня, как рентгеном, просветили. Чувствую, что он полностью видит и понимает, что во мне происходит, хотя я ни слова не сказала ему об этом. Начала что-то бормотать, но батюшка, не слушая меня, серьезно продолжает свое: "Не обращай на него внимания". Благословил меня, крепко стукнув по голове, и ушел. У меня вдруг полились слезы, но это уже были слезы облегчения. Я быстро успокоилась, на душе стало так тихо, мирно, светло — и только благодарность Господу и святым Его. За одну минуту батюшка очистил мою душу, и я тогда только встретила в душе великий праздник Пасхи".

Один человек пережил сильнейшую скорбь, которая потрясла его, и он заболел. Батюшка в то время находился в Жировицком Успенском монастыре, а он не мог поехать туда и обратиться к старцу. Однажды вечером этот человек находился в сильном унынии, даже отчаянии. Вдруг зазвонил телефон, он поднял трубку и услышал батюшкин голос: "Ну, что ты там?" Рассказав все батюшке, он понял, что уныние исчезло, боль прошла, душа успокоилась. Так батюшка чувствовал и знал душу каждого из своих чад и всегда приходил на помощь.

"*Перед тем как батюшка* уехал в Жировицкий монастырь, — рассказывала его духовная дочь, — многим в благословение он дал иконы. В то время я почему-то особенно часто в храме молилась перед Тихвинской иконой Божией Матери, испытывая именно к этой иконе особое благоговение. Какова же была моя радость, что старец видит и чувствует мою душу, когда батюшка благословил мне именно Тихвинскую икону Божией Матери".

"*Однажды*, — рассказывала его духовная дочь, — я ехала к старцу и хотела спросить, можно ли мне читать "Лествицу". Подруга предложила мне ее почитать, мне очень хотелось, но я не могла без разрешения (до этого батюшка запретил мне читать эту книгу). Но приехав к батюшке, я боялась его спросить, тогда он сам сказал: "Тебе надо Иоанна Лествичника почитать".

Одной своей духовной дочери о. Иоанн почти за 10 лет предсказал, что ее сестра будет замужем за священнослужителем, что и произошло.

Другой духовной дочери, спрашивающей, можно ли помочь знакомому устроиться на работу, ответил: "Смотри, ведь он заграницу уедет". Той это показалось невероятным. Но слова старца исполнились спустя 8 лет, уже после его праведной кончины.

"*Однажды*, — рассказывал один человек, — мы попросили у батюшки благословения поехать отдыхать в Новый Афон. Батюшка ответил: "Поезжайте, Вы еще успеете". Отдыхали хорошо, и только когда благополучно вернулись в Москву, стал понятен смысл слов слов батюшки: на следующий день после возвращения объявили карантин из-за холеры, поезда в Москву не пропускали, а останавливали на несколько суток вдали от населенных мест, и люди жили в вагонах в очень трудных условиях".

"*Батюшка,* — вспоминает духовная дочь старца, — разрешил мне поехать на юг. Перед отъездом я приехала взять благословение в дорогу и сказала, что еду в Хосту (там уже, как мне сообщили, сняли квартиру). Батюшка ответил: "Хорошо, поезжай в Адлер". Я поправила: "В Хосту". — "В Адлер", — ответил батюшка. Когда мы приехали в Сочи, встречающий меня там брат сказал, что в Хосте с квартирой не получилось, и он снял ее в Адлере".

Одна духовная дочь о. Иоанна уезжала отдыхать. По возвращении она должна была выйти на новую работу, которую нашла рядом с домом. Место ей было оставлено, была полная договоренность обо всем. Во время ее отдыха батюшка велел ей передать: "Пусть на день раньше приедет и утрясет вопрос с работой, а то займут место и возьмут другого человека. Где такую работу найдешь, чтоб возле дома, — трудно". Ей передали, но она возвращаться раньше отказалась, так как была уверена, что ее будут ждать. Но в результате место ее заняли, и она целый год ездила на работу через весь город.

Как-то раз батюшка передал одной монахине много маленьких икон преподобного Сергия. Сначала было непонятно, зачем ей так много икон. Но через 3 недели матушка умерла, к ней пришло прощаться очень много людей, и каждому на благословение давали образ, переданный батюшкой. А иначе и нечего было дать. Тогда стало ясно, что батюшка провидел ее близкую кончину.

"*Моя мама,* — вспоминает духовная дочь о. Иоанна, — умерла ночью. С первой электричкой я поехала в Загорск, чтобы сообщить батюшке о случившемся и попросить его святых молитв за маму и за себя. Я успела до начала службы, но батюшка был уже в алтаре, так как он в этот день служил. Я рассказала в ризнице о своем горе, но мне ответили: "Зачем ты приехала? От вас уже были. Батюшка пришел утром и сказал, что (имя моей мамы) умерла". Я поняла, что батюшке это открыл Бог, так как, кроме меня, никто из нас к нему не приезжал и сообщить о кончине мамы не мог".

Однажды в храме батюшка вдруг сказал одной девушке: "А у тебя отец умер". Позже на ее имя пришла телеграмма с извещением о смерти отца.

"*Одно время,* — вспоминает другая духовная дочь о. Иоанна, — я исполняла послушание в Загорске и жила там, а на работу ездила в Москву. Однажды батюшка сказал мне: "Сегодня ты не приезжай". (То есть после работы оставайся в Москве). Я так и сделала. И только поздно вечером мне стали понятны батюшкины слова. Во второй половине дня был очень сильный дождь, размыло пути, поезда не ходили. В метро поезда, платформы и переходы были переполнены народом, в переходах стояли люди, так как из метро выйти было невозможно — мешали потоки воды с улицы. Мысленно я благодарила батюшку, что в это время не была в дороге. На следующий день, когда я увидела батюшку, он сказал: "Да кто же тебя пустит", имея в виду наводнение.

Батюшка не благословил одного молодого монаха ехать к старцам в горы. Он не послушался и на обратном пути, когда переправлялся через горную речку, сорвался и разбился насмерть. Его нашли охотники через несколько дней.

Одна девушка очень скорбела, что ее уволили с работы, которая ей очень нравилась. Но батюшка сказал ей: "Ничего, ты будешь там

работать". — "Это Вы просто утешаете меня, батюшка ", — сказала она. Но старец повторил: "Ты будешь, будешь там работать". Слова его сбылись через 10 лет, спустя 4 года после его праведной кончины.

"*В детстве*, еще до того, как Господь привел меня в батюшке, — вспоминает духовная дочь старца, — я ходила к матушке строгой жизни монахине А. Потом я рассказала батюшке о ней. Однажды батюшка дал мне красивую икону "Вознесение" и сказал, чтобы я отвезла ее матушке. Я тотчас же поехала. Оказалось, что в тот день ей исполнилось 100 лет (о чем я не знала), и ее многие приходили поздравлять. Когда я отдала ей батюшкину икону, она очень обрадовалась, все прикладывалась к образу и говорила: "Это самый дорогой подарок, самый дорогой подарок". Так батюшка поздравил старицу с ее столетием, хотя он никогда ее не видел и тем более ему никто не говорил о дне ее рождения".

"*Однажды*, уже вечером (около 17 часов), — рассказывает одна женщина, — я решилась ехать к батюшке. Еду и думаю: "Меня, наверное, батюшка будет ругать, что я так поздно без разрешения приеду". Но в Сергиевом Посаде меня встретила духовная дочь старца и строго сказала, что она уже полчаса меня ждет. Я удивилась и спросила, почему она ждет меня. Оказалось, что батюшка послал ее встречать меня, хотя никто не мог знать, что я приеду".

Один человек совершил греховный поступок и поехал каяться к батюшке. Батюшка, как только ему сказали о приехавшем, стал говорить: "Ай-ай-ай, ай-ай-ай". И повторял так до тех пор, пока тот человек не вошел к батюшке.

"*Однажды*, — вспоминает другая духовная дочь старца, — одна монахиня подошла ко мне и подавая раскрытую духовную книгу сказала: "Почитайте, очень хорошая книга". Я прочла раскрытую страницу и нашла прямое обличение своего греха. Вскоре меня позвал батюшка. Когда я вошла, он с улыбкой мне сказал: "Вот книгу тебе дали!" Мне было стыдно. Я сказала: "Батюшка, это Вы ей сказали дать? Зачем Вы ей мой грех сказали?" Батюшка ответил: "Нет. Я не говорил". Так старец видел через стены.

Таких случаев было множество в жизни каждого из духовных чад батюшки. И они удивительным образом укрепляли внутреннюю духовную связь со старцем. Здесь вспоминаются слова св. Игнатия Брянчанинова: "Только перед духоносцем может явлена душа ученика; только он может усмотреть, откуда и куда направляются душевные движения наставляемого им".

А вот примеры исцеления старцем многих болезней.

*

Умирала молодая женщина. Состояние ее было безнадежное. С ней уже попрощались близкие. Об этом рассказали батюшке. Он тогда сказал своей духовной дочери (монахине Серафиме): "Что будем делать? N. умирает". Та ответила: "Жалко, ведь сироты останутся". Батюшка сказал, что если брать это на себя, то будет очень трудно. Он стал молиться о больной, и сам, и матушка Серафима очень тяжело и надолго заболели, а умирающая начала поправляться, выздоровела и жила после этого многие десятилетия.

Одна духовная дочь о. Иоанна рассказывала: "У меня умирал в больнице дедушка, врачи сказали, что у него рак желудка и предлагали делать операцию. Я очень переживала еще и из-за того, что дедушка, хотя и был человеком верующим, но в храм не ходил, не исповедовался, не причащался. Со своим горем поехала к батюшке. Старец сказал, что в эти годы операция бессмысленна. После операции быстро умрет, если только не "под ножом". А надо домой его взять, да поговорить с ним: "Вот смерть, душа от тела уйдет — что будешь говорить, как от бесов спасешься?" А когда страдание начнется, тогда он реально и почувствует приближение смерти, скорее раскается, тогда и причастить можно. И душа спасется, хотя и из мук. Но батюшка подчеркнул, что причащать можно только, если раскается, без понимания нельзя причащать. Я просила батюшку молиться. Но очень боялась, как сказать дедушке о причастии. Согласится ли он? Пришла к нему в больницу, а он как только увидел меня, сразу сказал: "Миленькая, возьми меня отсюда, возьми домой. Ведь я с шести лет не исповедовался и не причащался". Так душа его сразу откликнулась на великую силу батюшкиной молитвы. Мы взяли дедушку домой, он искренне раскаялся, причастился дома, так как был очень слаб. Но потом стал ходить в храм. Когда через 4 месяца ему сделали рентген, то врачи не обнаружили никакого заболевания и не могли в это поверить. Он прожил еще более 5 лет и скончался совсем от другой болезни".

Батюшка очень точно ставил диагноз больным, так что и опытные врачи удивлялись. Одна его духовная дочь — врач рассказывала: "У меня заболела маленькая дочка, поднялась высокая температура, врачи сказали, что у нее воспаление легких и ложный круп. Ночью ее отвезли в больницу, а утром я поехала в Загорск к батюшке, чтобы попросить его молитв. Когда я рассказала ему о болезни дочки, он вдруг сказал, что у нее аппендицит, но ничего, это бывает. Я повторяла, что воспаление легких. Вернувшись домой, я узнала, что девочку перевели в хирургическое отделение, так как у нее аппендицит. По молитвам батюшки она скоро поправилась". У другой духовной дочери сильно опухали и болели руки. Врачи никак не могли поставить ей диагноз. Батюшка сразу сказал, что у нее ревматизм, хотя ревматические пробы были отрицательные Впоследствии этот диагноз оправдался. Еще одному больному человеку, которого врачи не знали как лечить, батюшка сказал, что у него больна печень. Впоследствии врачи поставили диагноз — цирроз печени и почти не оставили больному надежды. Но о. Иоанн исцелил этого человека и врачи с удивлением не находили потом этого заболевания.

Один человек упал и сильно ушиб ногу. Постепенно боль усилилась так, что не помогали даже сильные обезболивающие средства. На ногу нельзя было наступить. Когда об этом узнал батюшка, он помолился, и боль сразу начала утихать, а через 2—3 минуты не было уже никакой боли. Оставалось только благодарить Бога и батюшку за исцеление.

Одна духовная дочь батюшки рассказывала: "Когда говоришь с батюшкой, то всегда чувствуешь, что он не только духовное состояние, но и физическую боль твою видит, чувствует, знает. Это было ясно из того, с каким состраданием он говорил о твоей болезни, расспрашивал о боли именно так, как и болело. В другой раз я стояла после богослужения

47-1374

около ризницы, а рядом со мной еще одна девушка, только что приехавшая из Москвы. Батюшка проходил из алтаря в ризницу и строго сказал мне, чтобы я срочно и получше покормила эту девушку. Я удивилась, что батюшка не принял ее сначала на беседу, и тут выяснилось, что она чуть не падала от голода и у нее сильно болел желудок. Батюшка, лишь мельком взглянув на нее, почувствовал ее боль. Таких случаев было множество".

Как то раз одна духовная дочь сказала батюшке, что у нее сильно болит горло. Батюшка с улыбкой ответил: "Нет, это у меня болит", и у нее тут же все прошло.

У одного старика очень долго болела нога — на стопе была твердая опухоль. Врач хотел дать ему лекарство, попросил у батюшки благословения на это и святых молитв о выздоровлении старика. Батюшка помолился о больном, лекарство передали. Старик поправился — опухоль нагноилась и прорвалась. Нога зажила, не осталось следа от болезни. Но самое удивительное, что он выздоровел до того, как ему передали лекарство.

По своему смирению о. Иоанн скрывал отпущенный ему дар исцелений и, чтобы люди о нем не догадывались, советовал больным принимать, например, какие-нибудь лекарственные травы, которые часто сам же и давал. Исцелившись от болезней, люди понимали, что не трава помогла, а сила молитв старца. Одной часто болевшей духовной дочери он дал бутылочку с каплями, на этикетке которой написал: "От болезней (далее следовало имя рек)". В действительности же не капли, а молитвы старца помогали ей от самых разных болезней: от головной боли, от тошноты, от простуды, болезней желудка и печени, отеков ног.

Чудодейственной была сила прикосновения старца.

Близкий духовный сын батюшки показал ему уплотнение на кисти своей руки. Старец, как бы желая понять, что там, потрогал больное место. Увлекшись беседой с батюшкой, духовный сын забыл о своей болячке. Проснувшись на следующее утро, он с удивлением обнаружил, что рука его совершенно здорова.

Интересно, что после преставления старца об этом случае исцеления прочитала в жизнеописании старца одна духовная дочь о. Иоанна. Глядя на фотографию старца, она внутренне с грустью помолилась батюшке: "Батюшка, вот Вы его исцелили, а у меня такой же "костный нарост" на руке, и Вы сказали к врачу идти. А врачи не знают, что делать, как лечить. Что же, так теперь я и останусь? Если можно, помогите мне" и приложила больную руку к фотографии. Потом она совсем забыла об этом. Но через несколько дней, когда вспомнила и посмотрела на руку, обнаружила, что нароста не было. Рука была совершенно здорова.

Ректор академии должен был служить в академическом храме, но не мог из-за сильной головной боли. Батюшка зашел его навестить, расспросил о болезни, и сказал: "Владыка, нет ли температуры у Вас?" И как бы проверяя, положил свою руку на лоб больного. Ректор говорил потом: "Что за человек? Как положил руку на голову, так сразу боль прошла. Я встал и служил".

Помогая людям в болезнях, о. Иоанн всегда напоминал о том, что они нужны христианину. Он писал своей духовной дочери: "Безусловно,

трудно переносить болезнь, но, по-видимому, таков удел человека, то есть в болезнях, в скорбях проходить свое земное поприще. Болезней нет только в вечности для тех, кто своими делами угодит Богу, а здесь они необходимы. Надо их нести с терпением и без ропота, тогда они приносят большую пользу для души. Лечить их у врачей тоже можно, это не грешно". И еще: "От болезней все стараются избавиться, потому что они иногда очень жестоко терзают наше греховное тело. Однако нам нужно помнить, что без них мы, пожалуй, спастись не можем. Скорби и болезни являются для нас наилучшими духовными врачами. Посредством скорбей и болезней мы очищаемся от грехов и делаемся благодарны Богу".

По учению отцов Церкви, у святых, получивших благодать от Бога, освящается не только ум и душа, но и тело и вещи, близкие к ним[6].

Многие, получая от о. Иоанна частицу от хлеба, который он перед этим вкушал, чувствовали исцеление. Одну больную девочку на ночь укрыли платком батюшки. Утром она была здорова. Это произошло уже после кончины старца.

В доме старца и продукты обладали необычными свойствами — они долго не портились. Вот один из примеров. Однажды летом к батюшке привезли три свежие рыбы. Батюшка положил их на стол на веранде, где было очень жарко. В течение нескольких дней батюшка от них понемногу отрезал и жарил, когда к нему кто-нибудь приезжал. Рыбы лежали в жарком душном помещении на солнцепеке и, несмотря на это, даже через несколько дней были свежими, будто их только что поймали. В другой раз летом батюшке привезли несколько небольших коробочек со свежемороженной рыбой. Батюшка положил их на кухонный стол на террасе и уехал недели на три. Когда он вернулся, к нему опять приехал тот человек, который привозил рыбу. Батюшка сказал: "Вот вещь у меня есть. Замечательная рыба. Я тебе дам с собой". И дал ту самую рыбу, которая пролежала так долго в кастрюле на столе. Батюшке сказали, что она наверное давно пропала. Батюшка ответил: "Бери, она свежая". Человек взял рыбу и уже у себя дома увидел, что рыба действительно очень свежая.

Отец Иоанн был великим молитвенником. Он имел дар непрестанной умно-сердечной молитвы Иисусовой. Близкие люди знали, что он не перестает молиться и во сне. Схиархимандрит Андроник говорил, что "Иоанн день и ночь вопиет". Велика была сила его молитв, ограждавших его чад от козней диавольских. Сокурсник о. Иоанна протоиерей Владимир Кучерявый писал, что молитва была дыханием его сердца[7].

Многие и многие люди благодарны батюшке за молитвенную помощь. Одна его духовная дочь рассказывала: "Когда я училась на втором курсе института (на вечернем отделении), батюшка вдруг сказал мне, что надо переходить на дневное отделение. Я ответила, что у нас в институте это невозможно даже для "круглых" отличников, многие уже пытались, да ректор не разрешает. Но батюшка повторил свое благословение. Я даже не знала, как к этому делу подступиться, но через несколько дней ко мне вдруг сам подошел наш преподаватель математики (я училась у него хорошо) и предложил перейти на дневное отделение, причем не на мой факультет, а на гораздо более престижный, куда очень трудно было поступить. Он сам похлопотал у ректора, и через неделю меня привели на дневное отделение. Так велика сила молитв батюшки".

Одному человеку по роду работы приходилось составлять много документов, которые имели юридическую силу. Но ему было это очень трудно, и писал он с ошибками. Тогда он сказал батюшке: "Пишу с ошибками", — и попросил молитв. После этого стал писать всегда грамотно и хорошим слогом.

Однажды осенью в конце сентября к батюшке попала молодая девушка, которая нигде не работала и не училась. Батюшка сказал своей духовной дочери — врачу, чтобы она узнала, нельзя ли в этом же году устроить эту девушку в медицинское училище. Однако все, у кого она спрашивала, отвечали, что занятия уже начались и в этом году зачисление невозможно. Батюшка, несмотря на это, опять повторил свою просьбу. "Я уже не знала, к кому мне обратиться. — рассказывала врач, — Думала, думала, наконец, открыла телефонный справочник и позвонила в первое по списку медицинское училище, попросила подсказать, можно ли в этом году начать учиться. Мне ответили: "Вы попали на того, кто Вам и нужен. Я директор училища, приезжайте с девочкой в понедельник утром. Вы должны иметь заверенную медицинскую справку о состоянии ее здоровья". Разговор происходил в пятницу, ближе к вечеру. Но нам удалось оформить медицинскую справку за 2 часа, и в понедельник утром девочку приняли в медицинское училище. Батюшка сказал: "Как я рад, что удалось ее устроить". Девушка окончила училище с отличием и по благословению старца поступила в медицинский институт, стала врачом и помогает многим людям. Приведенные случаи, в которых проявлялись дары благодати старца, составляют лишь малую часть, потому что в продолжение почти сорокалетнего его старчествования подобные случаи повторялись каждый день.

Имея сам необыкновенное смирение, ради которого старец скрыл, что им была принята схима (сущность этого высшего духовного подвига, воспринятого старцем ради любви ко Христу, недоступна нашему пониманию, мы можем лишь упомянуть об этом подвиге, не дерзая проникнуть в его духовное содержание), батюшка и духовных чад прежде всего приводил к смирению. Их жизнь под его руководством была всегда направлена на борьбу человека со своими страстями и, главное, с гордостью.

Старец писал: "Злой дух со своими полчищами предлагает нам свои злочестивые планы, мы же, в свою очередь принявшие их, уходим на "страну далече". Единственными средствами освобождения от тиранства диавола и распознания его злого умысла являются смирение, то есть осознание своего ничтожества, и молитва. Это — два крыла, могущие вознести на небо каждого христианина. Кто упражняется в этих двух добродетелях, тому нетрудно бывает возлететь, возвыситься и соединиться с Богом в любую минуту своей жизни. И даже тогда, когда нам кажется, что мы оставлены и людьми, и Богом и что ад вот-вот готов поглотить нас, — то и тогда эти две добродетели, подобно обоюдоострому мечу, невидимо для нашего взора поразят и удалят от нашей души все супротивные силы. Дай Бог, чтобы Христово смирение и молитва постоянно пребывали в нашем сердце; только в таком состоянии мы будем распознавать внушения злого духа и подвизаться против него". Когда в жизни человека что-нибудь не ладилось, батюшка говорил ему: "Смиряйся побольше, и все устроится".

Одного семинариста, которому трудно было жить в комнате с другими студентами, батюшка спросил после летних каникул:

— Что это ты, два дня как приехал, а ходишь как мертвый? С кем хоть живешь-то?

— Нас четверо в комнате.

— Помни: "Все как ангелы, я хуже всех". Будешь так думать, все мило сердцу будет. Когда пришли твои соседи, что делают — не твое дело. Иначе и в доме Божием будешь жить, а Бога не увидишь. И еще помни: тело в землю пойдет, главное — дух бодрым держать!

Всеми способами стремился старец привести души пасомых к искреннему покаянию и самоукорению. Радовался, когда в ответ на обличение слышал искренние слова: "Виноват, батюшка, простите". "Вот вот, это — начало", — говорил тогда старец. "Всегда себя надо обвинять". Приучал в общении с людьми постоянно думать так: "Все как ангелы, я хуже всех". Еще говорил: "Самое верное — считай себя хуже всех". Часто батюшка напоминал: "Главное — осознать грех". Тех же, кто раскаивался, он направлял на путь добродетели, призывая: "Начинай с сегодняшнего дня исправляться" или просто: "Начинай!" Однажды старца спросили: "Батюшка, вот в "Отечнике" сказано: "...если нет в душе смирения, смиряйся телесно", как это?" — "Когда ругают — не противоречь. Надо сеять каждый день". — "Да что же я могу посеять?" — "Терпи, когда ругают".

Речь старца изобиловала духовной силой Священного Писания и отличалась яркой выразительностью народного языка. Благодатное слово о. Иоанна было так внушительно и назидательно, что вместе со словами его проникала в душу и сама истина. Всем он говорил лишь о духовном. Если иногда казалось, что им сказано что-либо житейское, то впоследствии всегда выявлялся духовный смысл старческих слов.

Из наставлений святых отцов о. Иоанн особенно часто любил повторять слова глубоко чтимого им преподобного Амвросия Оптинского: "Никого не осуждать, никому не досаждать, и всем — мое почтеньице!" Эти слова он повторял своим духовным детям в свой последний в земной жизни день ангела, когда был тяжело болен, лежал, почти не мог говорить и добавил: "Так и живите. Нет сил сейчас говорить".

Поучая о взаимоотношениях в семье, батюшка говорил: "Дома со своими родными живи в мире и любви. Будь им не в тягость, а в радость. Это угодно Богу и спасительно для души".

Отношение старца к детям всегда было отечески-ласковое. Но он не баловал их, а избавлял от пагубных и дурных привычек, давал им серьезные наставления. Одной благочестивой семье, где было пятеро детей, он сказал: "Между вами любовь должна быть, уступать должны друг другу. Старшие о младших заботиться. А в первую очередь послушание матери должно быть безукоризненное. Слово матери для вас — святыня, как икона. Права мать или нет, ваше дело: "Прости, мама" и слушаться. Благословение у нее брать обязательно на все дела: в школу ли идете, просто на улицу — обязательно брать благословение. Тогда все вам Господь подаст и все у вас будет хорошо".

Когда дети жаловались батюшке, что их дразнят в школе, старец отвечал: "Это враг искушает специально, а если смиришься, не рассердишься — отступит".

Говоря о духовном омрачении человека, старец подчеркивал, что человек слаб, слушает внушения врага, принимает их за свои мысли. Поэтому часто повторял: "Не слушай врага, не соглашайся с ним!".

Батюшка каждого приучал открывать свои мысли духовнику. "Надо все помыслы говорить, даже если сном смутился". "Все надо обязательно говорить, нет никаких пустяков". "Мысли все равно, что дела". "Мысли, как пыль; скажешь — сотрешь ее". "Пустота в душе, когда плохую мысль принимаешь". Часто повторял: "Будь внимателен!" или "Исправляйся! Смотри за собой!"

Батюшка учил внутренней собранности, часто напоминал, что нужно ограждать глаза, уши, язык. Однажды одна девушка спрашивала у батюшки разрешения поехать на Рождество в деревню.

— Зачем тебе?

— Батюшка, там тихо.

Старец внимательно посмотрел на нее и сказал, что надо внутрь себя углубляться, там великая тишина. И как бы передал ей это внутреннее состояние. Девушка не смогла его надолго сохранить, но поняла, о чем говорил старец и к чему надо прислушиваться.

Батюшка учил простоте. "Будешь жить просто — будет ангелов со сто". "Будь простой, а это значит постоянно думать: "Я хуже всех, всем должна добро делать". "Всегда помни: "Я хуже всех", и простота придет". Сам он отличался простотой во всем.

Вот некоторые его наставления.

"Тело, деточка, это только одежда души. Живет-то душа, вот и необходимо ее питать".

Если батюшке говорили об унынии, тоске, он отвечал, что "это бывает, когда дверь [души] открыта, т.е. впускаешь лукавые помыслы, они понемногу расхищают все, что накопилось в душе, все дары молитвы. Нужно дверь закрыть, помыслы гнать, богатства копить. Тогда в душе будет теплота, сокровища и благодать".

"Унижение — это хорошо".

Батюшка говорил, что всегда надо помнить цель — спасение. "Это дело всей жизни. Здесь скоро ничего не добудешь. Надо по шажкам, как слепой. Потерял дорогу — стучит палкой вокруг, никак не найдет, вдруг нашел — и снова с радостью вперед. Палка для нас — молитва. А потом как молния сверкнет — озарит все, и видно, куда и как идти. Но это редко, а обычно — молись. Ничто скоро не дается. И при жизни может, и в конце не дастся, а после смерти добродетели оживут и вознесут".

На слова духовного чада, что душа болит, батюшка отвечал: "Надо каяться и устремляться ввысь. Как на небе набегают тучки — так и жизнь христианина. Без этого нельзя. Молись".

"Борись с грехом — знай свое дело".

"Надо всех любить и всех убегать, а то все разоришь".

"Всегда себя нужно обвинять".

"Ни к кому и ни к чему не должно быть привязанности, только к Богу".

"Надо к Богу стремиться, Божественного искать, что к человеку привязывается".

"Здоровая душа борется с мыслями, желаниями".

Часто батюшка говорил: "Мы на земле гости. Наш дом не здесь". "Мы здесь как в ссылке, истинная наша жизнь там. Но здесь надо и

потрудиться. Наша жизнь здесь — сеять, только сеять, собирать потом будем. Плод Господь потом даст".

Батюшка особенно наставлял никого не осуждать. Он говорил, что за это больше всего страдают на мытарствах. Старец учил как надо поступать: "Стали плохо о ком-то говорить, а ты скажи: "Я сама так делаю, я хуже". — вот уже и отсекла".

Одна духовная дочь спрашивала его: "Если люди, с которыми я нахожусь начинают осуждать, а я не могу удержаться и тоже осуждаю?" — "Уходи, тогда лучше уходи", — отвечал батюшка.

О тех, кто был очень пристрастен к музыке, часто ее слушал, батюшка говорил, что такой человек хуже алкоголика, не может уже без того, чтобы музыку не слушать. А, слушая, весь в нее уходит, Бога забывает, живет своим чувством и вместо Бога вселяется в него — с рогами. И даже во сне не оставляет это человека. Человек спит, а в его сердце это все продолжается, вместо того, чтобы и во сне молиться, чтобы и во сне сердце трезвенно было и очищалось.

Старцу была присуща необыкновенная бодрость духа, которую он не терял даже в самых тяжелых страданиях. Душа его была преисполнена мира Христова. Неоценим дар батюшки передавать это духовное сокровище ближним, умирять и умиротворять их души.

Отец Иоанн обладал исключительной памятью, а когда духовные дети жаловались ему на забывчивость, он говорил: "Память засоряется от грехов".

Удивительна была связь старца с миром иным. О загробной участи своей духовной дочери он говорил, что она все мытарства прошла без остановки, на одном только была задержана. О любимом духовном сыне сказал: "Я знаю... — отец Н. в раю".

Еще батюшка рассказывал: "Вот мне являлся один наш преподаватель. Все просил меня: "Да ведь ты же можешь, ну ты же можешь!" Хороший был человек, да вот не покаялся перед смертью. Я за него в монастырь подавал, сам молился. Потом перестал приходить. А другой являлся, так тот темный весь. Верующий, простой был человек, но грубый. Я говорил митрополиту: "Давайте, владыка, епитрахиль, поисповедуем его — и все", а владыка сказал: "Нет, время вышло. Уже все. Надо было при жизни исповедаться". Продолжая, батюшка сказал, что "очень трудно спастись, очень сложно. Потому, что злой дух развязан здесь и мучает человека, а человек слабый — поддается. Но есть покаяние, если бы не было покаяния, — никто бы не мог спастись. Если искренно кается человек, то Господь заглаживает грехи. Великое дело, если сознает человек".

Среди многочисленных духовных чад о. Иоанна были люди самых разных профессий. Поразительно при этом было искусство батюшки давать исчерпывающие квалифицированные ответы во всех областях человеческой деятельности, будь то медицины, экономика, живопись, математика, строительство, искусствоведение или просто домашнее хозяйство. Под руководством батюшки многие защищали кандидатские и докторские диссертации, причем старец часто сам выбирал им тему, писал план, объяснял, как провести исследование, а, главное, определял основное направление работы и то, зачем она нужна людям.

Воплощая в своей жизни святое старческое слово, духовные дети о. Иоанна несли в мирскую жизнь то истинное духовное начало, которое

преображает мир. Батюшка сам, каждым своим поступком нес добро и мир и учил этому духовных детей. Он говорил: "Людям надо помогать, очень они сейчас нуждаются в теплоте, в помощи. Быть свечой горящей, чтобы хоть кто-нибудь мог погреться у нее, а свеча сгорает до тла".

Многоплодной деятельность батюшки была не только на ниве духовничества. Почти 25 лет провел о. Иоанн в Московских духовных школах, и труды его, направленные на их процветание, неоценимы.

В 1969 году он окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, присвоенной ему за сочинение "Оптинский старец иеросхимонах Амвросий (Гренков) и его эпистолярное наследие". Этот труд опубликован дважды[8] и является выдающимся исследованием о преподобном Амвросии. Отец Иоанн был оставлен профессорским стипендиатом в Московских духовных школах, преподавал пастырское богословие и практическое руководство для пастырей, а с 1974 года — литургику. Лекции о. Иоанна по пастырскому богословию — плод трудов не только выдающегося ученого-богослова, но и духоносного пастыря. Раскрывая сущность пастырства и излагая его историю, о. Иоанн созидал в душах учащихся благодатную настроенность и любовь к Богу, Церкви, пасомым, которые должен иметь пастырь при совершении своего служения. Заключительная глава его лекций названа "Духовное и душевное пастырство". В ней ярко показано, что "истинное пастырство есть сочетание Божественной благодати, особого призвания, большого личного труда, непрестанного контроля над собой, духовного бодрствования и молитвенного подвига". Здесь же раскрыта губительная опасность подмены благодатного духовного пастырства естественным и душевным.

Лекции архимандрита Иоанна, обладая неотразимой внутренней благодатной силой, содержат и много конкретных практических советов, касающихся всех сторон жизни пастыря. Они служат и будут служить для студентов духовных школ и для всех будущих пастырей верным руководством на избранном пути. Святейший Патриарх Пимен, посетив 30 ноября 1977 года лекции и занятия доцента архимандрита Иоанна (Маслова) сказал: "Если так много знают его ученики, то сколько же знает он сам!" В деле воспитания будущих клириков в Московских духовных школах особенно ценным был пример их наставника — о. Иоанна, жизнь которого представляла непрерывную цепь высоких и назидательных проявлений пастырского мужества, самоотречения и евангельской любви к ближнему; под их влиянием и воспитывались его ученики, а затем распространяли по всей стране свет Евангельского учения, дух христианской бодрости и мужества.

В Московских духовных школах вспоминают о полном любви отношении о. Иоанна к ученикам и отеческой заботе об их духовном и материальном благополучии. По отзыву инспектора семинарии, "отец Иоанн — образец для пастырей. Заповедь апостола "Образ буди верным" он исполнил, и все, кто знал его, были свидетелями тому. Это очень важно для духовных школ — видеть образец христианской жизни". Многие и многие пастыри со всех концов страны обращались к о. Иоанну за советами, рекомендациями в их пастырском служении. Некоторые из них приезжали с толстыми тетрадями, в которых были записаны вопросы к батюшке. Старец часами отвечал на эти вопросы.

Особо следует подчеркнуть необыкновенно глубокое чувство любви к Родине, присущее о. Иоанну. Через своих учеников, духовных детей, он занимался общественной деятельностью, и не было такого положительного общественного явления, которое бы его одухотворенный и просвещенный ум упустил из виду и не поддержал бы своей отзывчивостью.

Отец Иоанн был истинным патриотом. Он называл чувство любви к Родине священным и писал, что патриотизм — это христианский долг[9]. "Христово учение требует от каждого последователя беззаветной любви к своим братьям. И эта любовь верующих русских людей находит яркое проявление в защите родного Отечества... Если в сердце христианина горит огонь истинной любви, завещанной Христом, то сердце не требует указаний, в чем проявить свою любовь: оно само и голодного накормит, и плачущего утешит. То же можно сказать и о священном чувстве любви к Родине. Если в душе и сердце христианина ярко горит пламя патриотизма, он сам найдет пути для проявления своей любви к Отечеству"[10].

Особенно же напоминает старец об этом клирикам. "Священнослужитель должен быть искренним патриотом своей Родины... и в этом же духе воспитывать своих прихожан"[11].

Богослужения, совершаемые о. Иоанном, своей благоговейностью, красотой, духовностью и величием потрясали человеческую душу, влекли ее к небу. Отношение к священнодействию было у него духовное, благоговейное, святое. По отзывам сослуживших старцу, в священнодействии он являлся в ореоле всеобщего ходатая и предстоятеля перед Богом. Сам о. Иоанн учил, что "душевность и духовность пастыря паства узнает по дару молитвенности. Когда говорят о священнике, то первый отзыв о нем касается того, хорошо или плохо он служит. Под хорошим служением разумеется не музыкальность голоса или его громкость, а то, что в нем слышится, дух искренней молитвы". "Деятельность пастыря, — писал старец, — является наиболее... таинственной и ответственной частью его служения".

Живой пример молитвенного церковного духа о. Иоанна заставлял людей ценить богослужение, прививал усердие к посещению его, внушительнее слов увлекал пасомых на добрый, спасительный путь. Дней, когда служил о. Иоанн, всегда особенно ждали.

Отец Иоанн пользовался огромным авторитетом у священнослужителей, монахов, мирян и вообще у всех, кто когда-либо к нему обращался. Многие иерархи Русской Православной Церкви (и не только Русской) понимали, какое большое духовное влияние оказывал о. Иоанн на воспитанников Московских духовных школ. Митрополит Тетрицкаройский Зиновий (Мажуга) (в схиме Серафим), например, писал батюшке: "Берегите себя, берегите для будущих пастырей". Святейшие Патриархи Алексий I и Пимен высоко ценили его заслуги. В 1967 году о. Иоанн был возведен в сан игумена, а в 1972 году — в сан архимандрита. Он был награжден двумя орденами преподобного Сергия, удостоился права служения литургии с открытыми Царскими вратами до молитвы "Отче наш"[12], имел два креста с украшениями и высшую церковную награду — Патриарший крест[13]. Святейший Патриарх Алексий II назвал о. Иоанна выдающимся подвижником XX века[14].

Всем было известно огромное трудолюбие старца, но то, сколько он успевал сделать, было поистине удивительно. Он совершал богослужения, преподавал, обновлял ризницу, заботился о благолепии храма, окормлял многочисленную паству, отвечал на множество писем. Непостижимо, когда он успевал обдумывать и писать духовные сочинения, которые теперь питают Церковь Божию.

Его статьи и проповеди публиковались в ЖМП, в журналах "Голос православия" (Среднеевропейский Экзархат), "Православный вестник (Украинская Православная Церковь), "Церковный вестник", "Единая церковь", "Тугодник Полаский" (Польша), в сборнике "Богословские труды"[15]. С 1974 года в различных изданиях опубликовано более ста работ о. Иоанна. Венцом его научно-богословской деятельности в Московских духовных школах является магистерская диссертация "Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении". По отзывам оппонентов, это богословское сочинение "представляет собой труд опытного исследователя, отображающий глубины православного церковного сознания. Это результат работы не только зрелого богослова, но и человека-христианина, глубоко воспринявшего и внутренне пережившего творческое наследие святого отца"[16]. Этот труд, опубликованный дважды (М., 1993 и 1996), получил высочайшую оценку и признание. Отца Иоанна стали называть светильником праведности, русским Златоустом[17], крупнейшим богословом XX века.

Кроме жизнеописания и исследования трудов святителя Тихона, о. Иоанном в те годы впервые была составлена "Симфония по творениям святителя Тихона Задонского" (издана в Москве в 1996 году). Огромное значение этого труда в том, что он сочетает библиографический предметный указатель с цитатами из творений святого отца и представляет большой интерес не только для богословов, пастырей, но и для каждого христианина. Этот труд можно назвать энциклопедией христианской жизни, так как он содержит четкое ясное толкование всех основных понятий, связанных с духовной жизнью православного человека.

В 1991 г. старец закончил уникальный труд — докторскую диссертацию "Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVI—XX веках" (издана в Москве в 1994 г.). Это книга о старчестве. Однако произведение выходит далеко за рамки какого-то одного частного вопроса и представляет читателям широкую панораму событий отечественной истории и многих явлений русской духовной жизни XVI—XX вв., которым дана точная богословская оценка.

Без преувеличения можно сказать, что в русской церковно-исторической литературе до сих пор не было описания ни одного монастыря, где бы со столь всеобъемлющей полнотой и духовной целенаправленностью раскрывались вся многогранная жизнь обители, влияние ее на историю нашей страны, на духовно-нравственное воспитание народа и в целом на русскую культуру. Собранный о. Иоанном архив Глинской пустыни (приложение к диссертации) — труд, не имеющий аналогов в российской исторической науке[18]. В 1991 г. о. Иоанном был закончен и публикуемый "Глинский Патерик".

После перехода старца в вечную жизнь его труды приобрели особое значение. Ныне многие христиане, пастыри черпают душеполезные наставления из произведений о. Иоанна, поучаются ими и с

благоговением преклоняются перед величием пастырского духа старца. Вечны его мысли, и действенны его слова, отображающие высоту его богомудрого разума и богопросвещенной души. И по преставлении старца его труды продолжают великое дело, которому он посвятил земную жизнь, — дело спасения людей.

Богомудрые отцы Русской Православной Церкви оставили нам труды, изучая которые человек может понять смысл своего существования, понять, что ему нужно делать в земной жизни, чтобы не быть осужденным на Страшном суде Христовом "каждому в своем чине". Таковы и сочинения схиархимандрита Иоанна (Маслова)[19], которые называют "учебниками жизни, духовного роста и прозрения"[20].

Однако "*все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы*" (2 Тим. 3, 12). Не избежал этой участи и о. Иоанн. В 1985 году магистр богословия, один из лучших наставников духовных школ был направлен из Троице-Сергиевой Лавры духовником в Жировицкий Свято-Успенский монастырь. Сырой климат Белоруссии был ему категорически противопоказан и представлял большую опасность для здоровья. Однако чашу скорбей праведнику пришлось испить до конца.

Для насельников Жировицкого монастыря старец явился подлинным духовным сокровищем. Об этом еще до приезда батюшки писал инокиням обители митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников, †1986). Владыка советовал им плодотворнее использовать духоносные наставления о. Иоанна, т.к. он пробудет у них недолго.

Сразу же после появления о. Иоанна в монастыре к нему стали стекаться все ищущие спасения и жизни во Христе. Началось устроение внутренней духовной жизни обители, за которым последовало преображение и внешнего уклада жизни монастыря. Во всем стала наблюдаться чинность, благопристойность. Широта деятельной натуры старца проявилась в благоустройстве хозяйственной жизни обители: наладилось садовое хозяйство, огородничество, появилась пасека.

Когда батюшка только приехал в Жировицкий монастырь, там жили очень бедно. Выращивали лишь небольшое количество овощей (в Жировицах тогда временно находились два монастыря — мужской и женский).

Один из жировицких иноков о. Петр вспоминает: "С приездом к нам о. Иоанна в жизни обители началась новая, можно сказать, эпоха. Он возродил духовно-нравственную жизнь, наладил хозяйство монастыря... В нашем монастыре был обычай на Пасху не готовить общую трапезу, а выдавать каждому сухим пайком, после чего все расходились по своим келлиям. Отец Иоанн предложил совершать общую трапезу в этот торжественный день. Помню, приготовили обед: сварили суп с крапивой и яйцом, все были довольны, а отец Иоанн неоднократно похваливал: "Вот хорош суп..."

В первую же весну после приезда о. Иоанна дополнительно вскопали много земли. Из Москвы духовные чада о. Иоанна привезли много саженцев черной смородины, кусты клубники (очень хороших урожайных сортов). Сажали все вместе: и монашествующие и приехавшие московские духовные чада батюшки. Сколько же было радости, когда летом на столах появились первые вкусные ягоды, выращенные в своем саду.

Старец стал учить инокинь шить церковные облачения, вышивать и делать митры. И вскоре в обители появились свои искусные мастерицы.

Одна монахиня рассказывала как батюшка научил ее шить облачения. Однажды он достал очень красивую зеленую греческую парчу. Ткани было мало, и кроил ее сам батюшка, а шить велел этой монахине. Она отказывалась, говорила, что не сможет, все испортит, т.к. только начинала еще учиться в швейной мастерской, ей поручали лишь сметать что-нибудь или распороть. Она боялась появиться в мастерской с такой красивой парчой, которую не держали в руках и лучшие мастерицы.

Но батюшка сказал, чтоб она шила: "Сошьешь, потом все будешь шить", и подробно рассказал как надо шить. Когда она пришла в мастерскую, все очень удивились тому, что она впервые будет шить облачения из такой дорогой парчи. Но она сшила и теперь умеет все шить. Закончила она свой рассказ словами: "Для батюшки нет невозможного".

Но, конечно, главное внимание уделял старец духовной жизни обители. Часто проводил общие исповеди отдельно для иноков и инокинь. Его вдохновенное слово перед исповедью подвигало к покаянию, сокрушению о грехах. Он учил монашествующих чистосердечному откровению помыслов, послушанию, смирению. Отец Петр вспоминает: "На всю жизнь запомнилось общение с о. Иоанном на исповеди, его теплое отеческое обращение: "Друг мой...", — говорил он".

Один диакон считал, что это формальность — часто ходить на исповедь ("что одно и то же повторять"), но, поисповедовавшись у батюшки, он изменил свое мнение, и спускаясь из его келлии по лестнице вслух говорил: "Ух, как полегчало". Многие быстро почувствовали великую пользу откровения помыслов и жизни, в которой каждый шаг освящен благословением старца. Они часто приходили к нему за наставлением, а когда батюшка выходил на улицу, шел в храм или в сад, всегда к нему по очереди подходило много человек: разрешить какие-либо вопросы, получить благословение, поисповедовать грех.

Богомольцы, узнав о благодатном старце, съезжались в монастырь. И прежние духовные чада о. Иоанна ехали сюда со всех концов страны. Часто в один день приезжали люди из самых разных городов Союза. Но время было трудное, старались все-таки ездить по одному, чтобы не так был заметен приток богомольцев в монастырь. Когда у батюшки спрашивали разрешение приехать к нему, он иногда отвечал: "Меня на казнь поведут, а вам все дай", т.к. местные власти знали, что в монастырь стало ездить столько людей именно к батюшке. Еще говорил: "Это тебе не семнадцатый век".

Заботясь о высоте нравственно-подвижнической жизни братии, батюшка решил другую, не менее важную задачу, связанную с улучшением чина богослужения, церковного чтения и пения.

Конечно, пение в Жировицах сильно отличалось от стройного строгого пения в храме Московской Духовной Академии. Но старец поправил и это. Через некоторое время он подготовил новых регентов, снабдил их нужными нотами, и на богослужениях в Жировицах петь стали как в академии.

Постепенно все в монастыре стали делать по благословению старца. Настоятель несколько раз в день приходил в келлию старца, долго беседовал с ним и ничего не предпринимал без его совета. Игуменья

женского монастыря особо благоговела перед старцем, очень его почитала и по всем вопросам, даже мельчайшим, советовалась. Батюшка очень много помог ей в руководстве сестрами. Фактически он управлял монастырем, его духовной и хозяйственной жизнью. Игуменья радовалась как дитя, когда батюшка давал ей какой-нибудь гостинчик. Например, говорила близким: "Вот батюшка дал мне какую бочечку", — и показывала огромный грейпфрут, который батюшке прислали из Москвы. Батюшка же часто просил ее молитв.

Однако не все в монастыре с такой любовью и преданностью относились к старцу. Были люди, вставшие против правильного духовного руководства, вводимого им по примеру Глинской пустыни.

Батюшка сам говорил: "Не все тут меня любят". Были люди, восстанавливающие против него сестер, огорчавшие его своим непослушанием, не понимавшие, что такое истинное духовное окормление и старческое руководство. Обиды от таких людей батюшка терпел до конца своего пребывания в Жировицах.

Очень тяжело было батюшке в Жировицах и из-за сырого болотистого климата, что отрицательно сказывалось на состоянии его больного сердца. Служить батюшка часто там не мог, так как в каменном большом соборе было тоже сыро и холодно. После службы он почти всегда простужался и заболевал, у него часто была повышенная температура.

Но, несмотря на все это, он ревностно продолжал свое самоотверженное служение Богу и ближним. Какие бы волны искушений житейское море не воздвигало на него, он никогда не колебался, так как всегда умом и сердцем предстоял Богу.

Жировицкая инокиня рассказывала как на Пасху в 1990 году батюшка служил ночью утреню и литургию. Когда он кадил на амвоне перед Царскими вратами и иконостасом, то ходил так быстро и легко, что, казалось, не касался пола ногами и все время бодро говорил: "Христос воскресе!" и тихо добавлял: "А мы Христовы". И опять: "Христос воскресе!" — "А мы Христовы". Она слышала, т.к. стояла на клиросе.

Это была его последняя Пасха в храме. На следующий год тяжело больной батюшка служил пасхальную утреню в келлии.

Недолго пришлось ему трудиться на новой ниве пастырского делания. В июне 1990 года он приехал в отпуск в Сергиев Посад, а в августе, перед очередным отъездом в Белоруссию, недуг окончательно приковал его к постели. Страдания то усиливались, доходя до критических состояний, то ослабевали. Постоянные сердечные приступы не оставляли его уже до самого исхода из этой жизни. Таким было завершение жизненного крестоношения о. Иоанна, его восхождение на свою Голгофу. Истаивало, иссыхало в страданиях тело верного служителя Христова, но дух его по-прежнему был бодр и деятелен. При малейшем облегчении он сразу принимался за труд: работал над докторской диссертацией о Глинской пустыни, над Глинским Патериком и статьями.

В это трудное время особенно проявилась жертвенная любовь батюшки к людям. До последнего дня он жил не для себя, а для людей. Батюшка не переставал принимать духовных чад даже тогда, когда после очередной беседы терял сознание (так было не раз). Те, кто служили ему в эти дни, сетовали на посетителей, пытались оградить от них старца. Но однажды он сказал: "Не препятствуйте людям приходить ко мне. Я для того

родился". Так до последнего вздоха этот адамантовой души пастырь нес на себе наши грехи и скорби, наши немощи и недостатки. Величие и красоту духа батюшки можно передать только его же словами: "Любить добро, плакать с плачущими, радоваться с радующимися, стремиться к жизни вечной — вот наша цель и духовная красота"[21].

Лучшей наградой для батюшки была братская любовь среди окружавших его чад, и, напротив, ничем так не огорчался старец, ни о чем так не скорбел, как о несогласии или ссорах людей между собой.

В последние дни жизни батюшка часто повторял: "Вы дети одного отца, Вы должны жить, как дети одного отца, я ваш отец. Любите друг друга". В одном из писем он писал: "Хочется, чтобы все вы жили одной духовной семьей. Ведь это очень похвально от Бога и спасительно для души".

Батюшка неоднократно предсказывал свою кончину. Примерно за месяц он попросил, чтобы его отвезли на могилу матери и монахини Серафимы, его духовной дочери (они похоронены вместе). Здесь батюшка показал сопровождавшим его, как перенести ограду и приготовить место для третьей могилы. Чувствовал он себя плохо, но оставался на кладбище (сидел около могилы в раскладном кресле), пока все не было выполнено по его указанию. Потом сказал: "Вот место, где скоро меня положат". За несколько дней до кончины сказал духовному сыну: "Мне осталось жить совсем немного". За два дня велел все убрать во дворе дома, разобрать вещи на террасе, чтобы был свободный проход, укрепить крыльцо, перила. Одна духовная дочь батюшки очень просила принять ее, несмотря на тяжелое состояние старца. Он по телефону ответил ей за несколько дней до кончины: "Ты приедешь в понедельник или во вторник". Слова его как всегда сбылись. В понедельник она узнала о преставлении старца и тут же приехала.

27 и 28 июля 1991 года о. Иоанн чувствовал себя особенно плохо. 29 июля в понедельник в 9 часов утра старец причастился, а в 9.30 мирно отошел ко Господу в полном сознании. Сразу же священноиноки начали непрерывное чтение Евангелия, служили панихиды. На следующий день после преставления о. Иоанна две его духовные дочери, подойдя к дому, где была келлия старца, ясно услышали прекрасное стройное пение. Одна из них со слезами сказала: "Ну вот, и на отпевание мы опоздали". Но когда они вошли в дом, то выяснилось, что в тот момент никто не пел, лишь священник читал Евангелие. 30 июля гроб с телом почившего схиархимандрита Иоанна был поставлен в Духовской церкви Свято-Троицкой Лавры, где вечером собором священнослужителей был отслужен парастас, а ночью продолжалось чтение Евангелия и совершались панихиды. Тела избранников Божиих противятся тлению, будучи проникнутыми особой благодатью Божией. Так и тело схиархимандрита Иоанна после кончины не подверглось тлению. До самого погребения лик его оставался просветленным и одухотворенным, руки гибкими, мягкими и теплыми.

Утром 31 июля собором клириков была совершена заупокойная литургия, которую возглавил наместник Киево-Печерской Лавры, духовный сын батюшки архимандрит Елевфтерий (Диденко)[22].

В 12 часов дня гроб был вынесен на площадь перед Троицким собором, где при стечении богомольцев была отслужена лития, после чего прощальная процессия направилась к месту погребения на Старое

кладбище в Сергиевом посаде. По совершении на могиле литии гроб с телом верного служителя Церкви Христовой при пении "Вечной памяти" был опущен в могилу[23].

В своей жизни о. Иоанн совершил множество чудес. Но, может быть, наибольшее чудо проявлялось в его самоотверженной, преодолевающей все преграды христианской любви к людям. И эта любовь старца преодолела даже такую преграду, как смерть. Духовная связь старца с его чадами не разрывается.

Жив в Боге отец Иоанн и по-прежнему близок к земной Церкви Христовой, к своей пастве, к своему Отечеству, к своему родному народу.

Его духоносность, так же как и раньше, привлекает к старцу многих людей, которые всегда будут тянуться к этой величайшей личности. Каждый из обращающихся сейчас к старцу за помощью чувствует его великое молитвенное предстательство за них перед Богом. Одно лишь имя о. Иоанна, мысленно призываемое, действует и подает помощь призывающим.

Вот лишь несколько примеров помощи старца, оказанной им людям уже после его перехода в жизнь вечную.

*

Один молодой человек получил тяжелую травму. Его отвезли в больницу и сделали переливание крови. Однако по ошибке перелили кровь не той группы. Состояние больного было критическое. Его близкие молитвенно просили о. Иоанна о помощи, отслужили панихиду об его упокоении. Через несколько дней, ко всеобщему удивлению и радости, больной поправился. Из больницы он поехал прямо на могилу старца, чтобы поблагодарить за исцеление.

В конце 1995 года одна медсестра, узнавшая о старце уже после его кончины, поехала в Сергиев Посад, чтобы помолиться на его могиле. В электричке она встретила двух старушек. Одна из них — монахиня, изможденная тяжелой болезнью, была очень худа и как-то скрючившись сидела на носилках. С ней была старушка, которая за ней ухаживала. Медсестра помогла донести больную. Дома выяснилось, что у нее много пролежней, некоторые участки тела гноятся. Медсестра промыла раны, пообещала приехать через несколько дней, привезти лекарства. Она рассказала старушкам, что едет к старцу схиархимандриту Иоанну (Маслову), который неоднократно помогал ей в трудные периоды жизни, обещала помолиться на его могиле и им посоветовала поусерднее попросить батюшку о помощи, что они и сделали. Когда через 3 дня медсестра приехала с лекарствами к старушкам, то узнала, что пролежни у больной прошли, гноя нигде нет, и полностью прекратились боли.

31 июля 1991 года перед отпеванием о. Иоанна одна его духовная дочь хотела подойти к находящемуся в храме врачу и попросить лекарства от мучившей ее болезни, но поняла, что в такой момент врач не сможет ей помочь. Тогда она стала просить о помощи самого батюшку. Велика была ее благодарность, когда она почувствовала, что боль прошла. По приезде домой она осознала, что совершенно исцелена.

Одна монахиня, исполняя послушание, собирала в Москве в метро пожертвования на монастырь в г. Ташкенте. В сентябре 1995 года она узнала об о. Иоанне по его книгам. Однажды к ней подошла женщина и попросила помолиться за умирающего больного, который находился в

реанимации. Монахиня ответила, что сама не имеет такой силы, чтобы помочь больному, и посоветовала молитвенно обратиться за помощью к о. Иоанну (Маслову) и подать в храме записку о его упокоении. Женщина все исполнила. На следующий день она подошла к монахине и сказала: "Куда теперь ехать благодарить? Больной исцелился".

Женщина одна растила сына, заработная плата у нее была очень низкая, и жить им было крайне трудно. Однако ее духовник не разрешал переходить ей на другую работу. Узнав о том, как отец Иоанн помогает людям, она поехала к нему на могилу и молитвенно высказала старцу свое горе. В тот же день вечером, когда она вернулась домой, ей позвонили и предложили высокооплачиваемую работу. А самое удивительное, что утром, как только она подошла к духовнику, он сам первый сказал: "Тебе надо найти другую работу".

Одна духовная дочь батюшки сильно болела и отчаивалась, что болезнь ее неизлечима. Однажды в тонком сне она увидела старца. Он подошел к ней и так сильно надавил на больное место, что она вскрикнула. Когда очнулась, то боль совершенно прошла и больше уже не возвращалась.

Одна тяжело больная женщина на Крещение была в храме. После окончания богослужения собралось очень много людей, стоящих в очереди за водой, и у нее не хватало сил пробраться к выходу. Тогда эта женщина мысленно стала просить батюшку о помощи, т.к. совсем уже не могла стоять. Тут же из алтаря вышел священник и, глядя прямо на нее, хотя она со всех сторон была окружена людьми, спросил: "Какие трудности?" Эта женщина сказала, что очень плохо себя чувствует и не может выйти из храма. Священник попросил людей расступиться и выпустил ее через служебный вход.

Девушка из старообрядческой семьи после поездки на могилу батюшки перешла в православие.

В 1993 году в Сергиевом Посаде умерла девушка, которая знала старца. Оказалось, что у ее родных нет денег на похороны, и даже не у кого их занять. В таком безысходном положении ее родные пошли на могилу к о. Иоанну и стали служить панихиду (один из них был священником). Во время панихиды на кладбище приехал духовный сын батюшки, который и не собирался в этот вечер ехать на кладбище, но неожиданно для себя оставил свои дела и поспешил туда. Когда он узнал причину скорби и слез молящихся, то тут же дал нужную сумму денег, которые "случайно" были у него с собой. После похорон эти люди поехали благодарить батюшку.

Одна женщина 40 дней подряд ходила на могилу о. Иоанна и просила послать ей сына — через год у нее родился мальчик.

У одной женщины поднялось высокое давление, начался сердечный приступ. Состояние было тяжелое, и лекарства не помогали. У нее дома было немного земли с могилы о. Иоанна (не больше чайной ложки). Она взяла землю в ладони и стала просить батюшку о помощи. Через несколько минут все прошло, и она почувствовала себя здоровой.

Отец Иоанн писал, что святые как во время земной жизни, так и после своей блаженной кончины не прерывают своего духовного общения с верующими, но всегда своими молитвами помогают им и утешают их.

Земная жизнь о. Иоанна освещала мир светом праведности, молитвы и любви, а небесная сейчас возрождает человеческие души, приводит их к Богу, к познанию благодати и истины.

Схиархимандрит Иоанн (Маслов) навсегда вошел в историю Церкви. Его светлую память благоговейно чтут и в России, и далеко за ее пределами — в Америке, во Франции, в Австрии, в Германии; знает его и Афон, и Святой Иерусалим — весь православный Восток.

Вот уже 6 лет на месте погребения схиархимандрита Иоанна, всегда украшенном живыми цветами, не только в праздничные и воскресные дни, но и в будние совершаются панихиды и литии. За помощью к старцу едут не только со всех концов России, но и из-за рубежа. Люди высказывают старцу все свои беды и радости, помыслы, сомнения и, укрепляясь его молитвами, получают исцеление, вразумление, разрешение своих недоумений, а затем приходят к старцу с благодарностью. Часто здесь слышится обращение: "Батюшка, родненький!"

Однажды в своей проповеди в день памяти св. Серафима Саровского батюшка привел слова преподобного, которые тот говорил своим почитателям: "Когда меня не станет, вы ко мне на могилку ходите... Все, что есть у Вас на душе, чтобы ни случилось с Вами, придите ко мне, да все горе с собой принесите... Как Вы с живым всегда говорили, так и тут для вас я живой есть и буду во веки. И услышу я Вас, грешных, и скорбь Ваша пройдет". Сейчас эти слова особенно утешительны для всех знавших о. Иоанна.

Многим с течением времени все больше открывается святость старца и его великое дерзновение перед Господом, которые он по своему исключительному смирению скрывал, как скрыл, что принял схиму.

На могилу о. Иоанна часто приходят студенты и школьники с просьбой о помощи в учебе и на экзаменах. Учащиеся духовных школ иногда приходят целыми классами молитвенно испросить у батюшки благословение. Люди берут землю и цветы с могилы старца, пишут записки с просьбой о помощи, оставляют их с верой на могиле и получают просимое. Врачи, перед тем как дать лекарства больным, прикладывают их к могиле старца. Монахини, которые не могут приехать, присылают свои четки, чтобы их во время панихиды положили на могилу, а потом привезли им.

Народная тропа к могиле старца ширится. Искренняя вера в него, как небесного покровителя и помощника, не только не ослабевает в народе, но крепнет. По словам одного священнослужителя, к тому, кто помнит, свято хранит и исполняет советы старца, живет по его заветам, он так же близок, как при своей земной жизни. Будем бережно хранить в целости и чистоте духовной образ старца, надеясь, что это ему угодно, а нам полезно.

Со временем будет составлено полное жизнеописание старца, будут изданы его письма, содержащие обилие духовной мудрости. Мы попытались хотя бы отчасти передать величие его нравственного подвига, его близость к Богу.

Все, кто искренне обратится к о. Иоанну, прося его предстательства и молитв, смогут сами убедиться в непреложной справедливости сказанного о благодатном старце...

48 1374

Верим, что эта книга укрепит духовную связь чад старца с их наставником и приведет к нему сердца тех, кто не имел утешения знать его лично.

Земное служение старца Богу и людям, молитвенно продолжается в ином, невидимом для нас мире, в тех селениях, где за русскую землю предстательствуют святые и своей благодатной помощью не оставляют нуждающихся в ней.

Примечания

1 В архиве Сумского епархиального управления сохранилась справка о крещении Ивана Сергеевича Маслова. Его крестным отцом был Симеон Котляров, а крестной матерью — Евфросиния Никифорова.

2 Отец Иоанн с детства был очень болезненным, а в армии болезненность сильно обострилась. Он девять месяцев лежал в больнице с диагнозом ревматизм.

3 Махно Лев, прот. Светлой памяти моего друга игумена Марка (Лозинского). Машинописный текст.

Книга игумена Марка (Лозинского) "Отечник проповедника" издана в Москве в 1996 г.

4 В то время схиархимандрит Андроник писал своему духовному сыну: "Дорогой мой о. Иоанн! Прошу, Вы себе давайте хоть маленький отдых. Вы очень устаете в своей учебе и в послушании, но Вам Господь поможет понести свой крест".

5 Подвижники благочестия — наши современники // Русский вестник. № 8. 1992. С. 13.

6 Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М., 1883. С. XIII.

7 Феодосий (Бильченко), игумен, Кучерявый Владимир, прот. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) // ЖМП. 1992. № 11/12. С. 76.

8 "Богословские труды". М., № 30. С. 117—151.

См. также: "Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие". М., 1993.

9 Иоанн (Маслов), архимандрит. Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом // ЖМП. 1975, № 5. С. 40.

10 Там же.

11 Иоанн (Маслов), архимандрит. Миротворческие служение пастыря // ЖМП, 1984, № 9. С. 47.

12 Феодосий (Бильченко), игумен, Кучерявый Владимир, прот. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) // ЖМП. 1992. № 11/12. С. 76.

13 Визжилин Н.Н. Великий пример служения Отечеству // "Мегаполис Континент". 1995. № 29. С.12.

14 Православный церковный Глинский календарь. М., 1997. С. 1.

15 Феодосий (Бильченко), игумен, Кучерявый Владимир, прот. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) // ЖМП. 1992. № 11/12. С. 76.

16 Магистерский диспут в Московской Духовной Академии // ЖМП. 1983. № 6. С. 20—21.

17 Крупин В.Н. Русские Златоусты // "Москва". 1994. № 11. С. 140—141.

18 Визжилин Н.Н. Благодатные способности // "Благовест". 1995. № 9 (21). С. 6.

19 Визжилин Н.Н., академик. Путь во спасение // "Мегаполис Континент". 1996. № 30. С. 11.

[20] Крупин В.Н. Русские златоусты // "Москва". 1994. № 11. С. 140—141.

[21] Феодосий (Бильченко), игумен, Кучерявый Владимир, прот. Схиархимандрит Иоанн (Маслов) // ЖМП. 1992. № 11/12. С. 77.

[22] Там же.

[23] Там же.

До сорокового дня со времени преставления старца его почитатели ежечасно (и днем, и ночью) читали Евангелие об упокоении его души. У каждого был 1 час в сутки, когда он читал определенные главы. Но т.к. желающих читать было очень много, то каждый час Евангелие об упокоении батюшки читали несколько человек. Те, кому доставались дневные часы, как-то договаривались на работе, освобождались от всех дел, только бы читать. Этот час для них был свят.

На с. 757 —
Братия
Глинской пустыни.
Фотография 1950-х гг.

ГЛИНСКИЙ ПОМЯННИК

(Составлен издателями*)

30 января ст. ст. / 12 февраля нов. ст.
Послушник Василий кающийся (1859).
5 февраля ст. ст. / 18 февраля нов. ст.
Схимонах Артемий (1885).
7 февраля ст. ст. / 20 февраля нов. ст.
Схимонах Евфимий (1866) и ***послушник Максим*** (1900).
21 февраля ст. ст. / 6 марта нов ст.
Иеросхимонах Макарий (1864).
23 февраля ст. ст. / 8 марта нов. ст.
Глинский воспитанник, схимитрополит Тетрицкаройский Серафим (1985).
26 февраля ст. ст. / 11 марта нов. ст.
Иеросхимонах Пантелеимон отшельник (1831).
4 марта ст. ст. / 17 марта нов. ст.
Схимонах Марк (1893).
8 марта ст. ст. / 21 марта нов. ст.
Схиархимандрит Андроник (1974).
23 марта ст. ст. / 5 апреля нов. ст.
Иеромонах Порфирий (1868).
28 марта ст. ст. / 10 апреля нов. ст.
Монах Димитрий (1891).
31 марта ст. ст. / 13 апреля нов. ст.
Игумен ФИЛАРЕТ,
настоятель Глинской пустыни в 1817—1841 гг. (1841)
1 апреля ст. ст. / 14 апреля нов. ст.
ПАМЯТЬ ГЛИНСКИХ ПОДВИЖНИКОВ:
игумена Филарета (1841), ***иеросхимонаха Макария*** (1864), ***монаха Досифея благоговейного*** (1874), ***монаха Феодота*** (1859), ***монаха Иоанна терпеливого*** (1891), ***монаха Игнатия трудолюбивого*** (1883), ***схимонаха Иоанна*** (1890), ***схимонаха Лаврентия*** (1881), ***схимонаха Артемия*** (1885), ***монаха Евфимия*** (1866), ***монаха Евгения*** (1894), ***схиархимандрита Илиодора*** (1879), ***монаха Пимена*** (1895), ***послушника Николая*** (1896), ***монаха Петра*** (1898), ***схимонаха Кирилла*** (1900), ***схимонаха Луки*** (1898), ***послушников Андрея смиренного*** (1898) и ***Максима*** (1900).
Преставление ***монаха Пимена*** (1895) и ***схимонаха Кирилла*** (1900).
5 апреля ст. ст. / 18 апреля нов. ст.
Монах Мартирий (1865).
7 апреля ст. ст. / 20 апреля нов. ст.
Монах Анания, лекарь (1860).
9 апреля ст. ст. / 22 апреля нов. ст.
Иеросхимонах Илиодор (1895).
12 апреля ст. ст. / 25 апреля нов. ст.
Игумен ЮВЕНАЛИЙ, настоятель Глинской пустыни в 1861—1862 гг. (1904)
13 апреля ст. ст. / 26 апреля нов. ст.
Архимандрит Герман (1890).

14 апреля ст. ст. / 27 апреля нов. ст.
Монах Николай скорбящий (1870) и ***монах Петр*** (1898).
16 апреля ст. ст. / 29 апреля нов. ст.
Иеросхимонах Серафим любомудрый (1856).
20 апреля ст. ст. / 3 мая нов. ст.
Монах Александр нестяжатель (1869).
23 апреля ст. ст. / 6 мая нов. ст.
Схииеродиакон Евстратий (1961).
27 апреля ст. ст. / 10 мая нов. ст.
Иеромонах Василий (1831).

1 мая ст. ст. / 14 мая нов. ст.
Схимонах Лука (1898).
2 мая ст. ст. / 15 мая нов. ст.
Иеромонах Паисий (1841).
9 мая ст. ст. / 22 мая нов. ст.
Схиигумен Кириак (1961).
12 мая ст. ст. / 25 мая нов. ст.
Монах Евгений (1894).
24 мая ст. ст. / 6 июня нов. ст.
Послушник Прохор юродивый (1863).
28 мая ст. ст. / 10 июня нов. ст.
Инок Самуил (1957).
12 июня ст. ст. / 25 июня нов. ст.
Иеромонах Евграф (1848).
14 июня ст. ст. / 27 июня нов. ст.
Послушник Сергий юродивый (1897).
17 июня ст. ст. / 30 июня нов. ст.
Послушник Николай (1896).
25 июня ст. ст. / 8 июля нов. ст.
Иеродиакон Серапион (1859).

28 июня ст. ст. / 11 июля нов. ст.
Схиархимандрит Илиодор (1879).
16 июля ст. ст. / 29 июля нов. ст.
Монах Феодот (1859); ***Глинский подвижник, схиархимандрит Иоанн (Маслов)*** (1991).
19 июля ст. ст. / 1 августа нов. ст.
Иеромонах Паисий (1869).
27 июля ст. ст. / 9 августа нов. ст.
Архимандрит Макарий, Глинский воспитанник, основатель Алтайской духовной миссии (1847).
6 августа ст. ст. / 19 августа нов. ст.
Иеросхимонах Василий (1960).
11 августа ст. ст. / 24 августа нов. ст.
Иеросхимонах Иоанн (1867).
22 августа ст. ст. / 4 сентября нов. ст.
Архимандрит Вениамин (1890).
24 августа ст. ст. / 6 сентября нов. ст.
Схимонах Лаврентий (1881), ***монах Игнатий трудолюбивый*** (1883).
3 сентября ст. ст. / 16 сентября нов. ст.
Монах Кирилл юродивый (1891).
11 сентября ст. ст. / 24 сентября нов. ст.
Монах Иосаф (1960).
17 сентября ст. ст. / 30 сентября нов. ст.
Архимандрит ИННОКЕНТИЙ, настоятель Глинской пустыни в 1862—1888 гг. (1888)
18 сентября ст. ст. / 1 октября нов. ст.
Иеросхимонах Гавриил (1956).
27 сентября ст. ст. / 10 октября нов. ст.
Схимонах Архипп (1896).
28 сентября ст. ст. / 11 октября нов. ст.
Иеросхимонах Иоанн (1957).
1 октября ст. ст. / 14 октября нов. ст.
Схимонах Иоанн (1890).
5 октября ст. ст. / 18 октября нов. ст.
Схиархимандрит СЕРАФИМ, настоятель Глинской пустыни в 1943—1958 гг. (1958).
6 октября ст. ст. / 19 октября нов. ст.
Игумен Серафим (1956).
11 октября ст. ст. / 24 октября нов. ст.
Архимандрит Аполлинарий (1864) и ***схимонах Никита*** (1960).
12 октября ст. ст. / 25 октября нов. ст.
Иеромонах Арсений (1859) и ***монах Иоанн терпеливый*** (1891).
20 октября ст. ст. / 2 ноября нов. ст.
Иеромонах Феодосий (1850).
22 октября ст. ст. / 4 ноября нов. ст.
Послушник Андрей смиренный (1898).
5 ноября ст. ст. / 18 ноября нов. ст.
Монах Досифей благоговейный (1874).
9 ноября ст. ст. / 22 ноября нов. ст.
Иеросхимонах Иона (1960).
30 ноября ст. ст. / 13 декабря нов. ст.
Иеросхимонах Анатолий благоговейный (1860).
1 декабря ст. ст. / 14 декабря нов. ст.
Иеросхимонах Иларион (1957).
13 декабря ст. ст. / 26 декабря нов. ст.
Схимонах Пантелеимон (1895).

19 декабря ст. ст. / 1 января нов. ст.
Схиархимандрит Серафим (1976).
26 декабря ст. ст. / 8 января нов. ст.
Схимонах Симон (1958).
*В Помянник включены имена лишь тех подвижников, даты кончины которых известны.
В скобках указан год их преставления.
Имена настоятелей Глинской пустыни выделены прописью.
Ни один из Глинских подвижников не канонизирован.
Ни по одному из них службы нет.

ПРИМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

1. Принятые сокращения.

АГР — архив Глуховского райисполкома.

АУПЦ — архив уполномоченного по делам Православной церкви.

АСЕУ — архив Сумского епархиального управления.

АШР — архив Шалыгинского райисполкома.

ГАБО — Государственный архив Брянской области.

ГАКО — Государственный архив Костромской области.

ГАСО — Государственный архив Сумской области.

ЖМП — Журнал Московской Патриархии.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МОЛЧЕНСКОЙ... ПУСТЫНИ... — Историко-статистическое описание Молченской Рождество-Богородицкой Печерской мужской общежительной Софрониевой пустыни и состоящего при ней скита во имя пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, находящихся в Курской епархии, составленное игуменом Палладием по благословению преосвященного Ювеналия, епископа Курского и Белоградского. М., 1895.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГЛИНСКОЙ... ПУСТЫНИ... — Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни, состоящей Курской епархии и губернии в Путивльском уезде, составленное Николаем Самойловым, состоящего под Высочайшим покровительством общества истории и древностей российских соревнователем. СПб., 1836.

МДА — Московская Духовная Академия.

ОР ГБЛ — отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Ныне Российская Государственная библиотека (РГБ).

СПАСО-ИЛИОДОРОВСКИЙ СКИТ... — Спасо-Илиодоровский скит Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, основанный на месте пустынных подвигов схиархимандрита Илиодора. В память избавления государя императора Николая Александровича от опасности в Японии в 1891 году. С кратким очерком жизни старца Илиодора и одного из учеников его схимонаха Артемия. Одесса, 1899.

ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов СССР. Ныне Российский Государственный архив древних актов (РГАДА).

ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив СССР. Ныне Российский Государственный исторический архив (РГИА).

ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских.

2. В соответствии с авторским текстом названия архивов и древлехранилищ употребляются по состоянию до 1991 года.

Новые названия архивов указывались нами в авторском тексте тлишь при первом упоминании соответствующего архива.

3. Тексты из дореволюционных изданий и названия этих изданий приведены в современной орфографии. В старой орфографии приведен Тропарь Глинской Богоматери перед авторским предисловием данной книги и имя Иассон (в современной орфографии — Иасон). Не менялись орфография и стилистика писем и высказываний Глинских старцев, приводимых в жизнеописаниях.

4. "Глинский Патерик" был сброшюрован автором в трех томах машинописного текста, поэтому публикуемый текст также поделен на три тома в соответствии с авторским замыслом.

5. В соответствии с авторским текстом сокращение имени автора дано в виде букв "*А.И.*" — архимандрит Иоанн. О том, что автор был схимником, стало известно после его кончины.

СОДЕРЖАНИЕ

СХИАРХИМАНДРИТ ИОАНН
(Маслов)

ГЛИНСКИЙ ПАТЕРИК

Эта книга
издана по инициативе
и при финансовой поддержке
партии народного согласия.

ЛИДЕР ПАРТИИ
Н.В.МАСЛОВ

Собственность академика Н.В.Маслова
Художественное оформление академика Н.Н.Визжилина.
Компьютерная верстка исполнена С.О.Николаевым.

ISBN 5 — 900937 — 06 —2

Лицензия ЛР № 063945 от 20 марта 1995 г. АОЗТ “Самшит”. Москва, 125-057, Ленинградский проспект, д. 77/2, корп. 4. Подписано в печать 5 июня 1997 г. Гарнитура Ньютон. Формат 70 × 108/16. Печать офсетная. Печ. л. 48. Тираж 20000 экз. Заказ № 1374. Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат». Можайск, 143-200, ул. Мира, 93.